

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

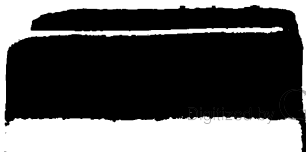
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

~~MS
A3a~~

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

Θ. Моммсена.

ПЕРЕВОДЪ

В. Н. Невѣдомскаго

СЪ ПОСЛѢДНЯГО (СЕДЬМАГО) ИЗДАНІЯ.

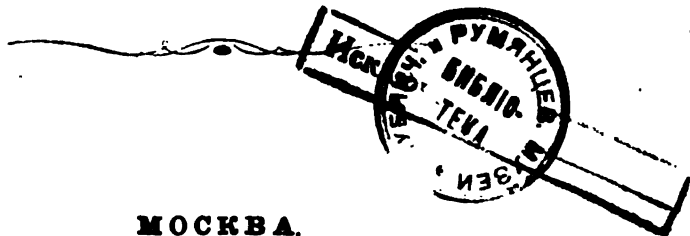
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

До битвы при Пинднѣ.

СЪ ВОЕННОЙ КАРТОЙ ИТАЛІИ.

Издание К. М. Солдатенкова.

МОСКВА.

Типографія В. Θ. Рихтеръ, на Тверской улицѣ, домъ Мартынова.

1887.

DG 209
M735
1887
v. 1

Предисловіе въ второму изданію.

Новое изданіе Римской Исторіи значительно отличается отъ прежняго, — въ особенности въ томъ, что касается содержанія двухъ первыхъ книгъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о первыхъ пяти столѣтіяхъ римскаго государства. Какъ только начинается прагматическая исторія, она сама собою распредѣляетъ содержаніе и устанавливаетъ форму изложенія; но при описаніи болѣе древней эпохи историкъ встрѣчаетъ такіа затрудненія въ безпредѣльномъ наученіи источниковъ, въ неопредѣленности времени событій и въ безсвязности матеріала, что онъ едва-ли въ состояніи удовлетворить другихъ и, конечно, не удовлетворяетъ самого себя. Хотя авторъ усердно старался преодолѣть эти трудности изслѣдованія и изложенія, прежде чѣмъ выпустить въ свѣтъ свой трудъ, ему все таки пришлось многое дополнить и многое исправить. Въ настоящее изданіе вошли результаты вновь предпринятыхъ изслѣдованій, — какъ на примѣръ о политическихъ правахъ римскихъ подданныхъ и о развитіи искусствъ поэтическаго и пластическаго. Здѣсь пополнено множество болѣе мелкихъ пробѣловъ, изложенію придано болѣе ясности и полноты, и все содержаніе распредѣлено такъ, что оно стало болѣе доступнымъ для обзора въ цѣломъ. Сверхъ того, внутреннее положеніе римской общины во время кареагенской войны описано въ третьей книгѣ не такъ, какъ въ первомъ изданіи, — не въ видѣ легкаго очерка, а съ такой обстоятельностью, какой требуютъ и важность и трудность предмета. — Добросовѣстный критикъ и главнымъ образомъ такой, которому приходилось браться за подобныя задачи, конечно, пойметъ, что такіа дополненія неизбежны и извинить ихъ. Во всякомъ случаѣ авторъ долженъ съ признательностью сознаться, что общественное мнѣніе не придавало большой важности этимъ легко замѣтнымъ пробѣламъ и несовершенствамъ его книги, а направило и свое одобреніе и свои возраженія на то, что въ ней есть законченнаго и зрѣлаго.

Въ остальномъ, авторъ старался сдѣлать свое сочиненіе и съ его внѣшней стороны болѣе удобнымъ для читателя. Варроновское

лѣтосчисленіе со времени основанія города удержано въ текстѣ, а числами на поляхъ означены соотвѣтствующіе годы до Рождества Христова.—При сопоставленіи годовъ, 1-ый годъ отъ основанія города соотвѣтствуетъ 753 году до Р. Х. и 4-му году 6-той Олимпиады, однако въ виду того, что римскій солнечный годъ начинался 1-го марта, а греческій—1-го іюля, болѣе правильно относить къ 1-му году отъ основанія города десять послѣднихъ мѣсяцевъ 753 года и два первыхъ мѣсяца 752 года до Р. Х., и съ другой стороны—четыре послѣднихъ мѣсяца 3-го года 6-ой Олимпиады.

Римскія и греческія деньги приведены къ одному знаменателю такъ, что фунтовой ассъ и сестерцій, денарій и аттическая драхма приняты за равноцѣнныя, и для всѣхъ суммъ, превышающихъ 100 динаріевъ принята въ основаніе теперешняя цѣна соотвѣтствующаго вѣса золота, а для всѣхъ суммъ ниже 100 динаріевъ принята въ основаніе теперешняя цѣна соотвѣтствующаго вѣса серебра. Поэтому,--въ виду сравнительной стоимости золота и серебра 1: 15,5—на римскій фунтъ (= 327.45 граммъ) золота, равняющійся 4000 сестерціямъ, приходится 304 $\frac{1}{2}$ прусскихъ талера, а на денарій, по стоимости серебра,—7 прусскихъ грошей.

Приложенная къ первому тому Кипертова карта объяснить читателю военное могущество Италіи такъ наглядно, какъ его не могъ-бы объяснить разсказъ. Выставленные на поляхъ книги заголовки облегчатъ ему обзоръ ея содержанія. Алфавитный указатель будетъ приложенъ къ третьему тому, такъ какъ иныя обязательныя занятія не дозволили автору исполнить эту работу такъ скоро, какъ онъ того желалъ.

Бреславль, въ ноябрь 1856 года.

Предисловіе

къ третьему (четвертому, пятому, шестому и седьмому) изданію.

Въ третьемъ (четвертомъ, пятомъ, шестомъ и седьмомъ) изданіи вообще нѣтъ значительныхъ отступленій отъ предъидущихъ. Ни одинъ добросовѣтный и свѣдущій критикъ не поставитъ автору этого сочиненія въ обязанность пользоваться, при каждомъ новомъ изданіи, появившимися въ томъ промежуткѣ времени специальными изслѣдованіями, то-есть повторять ихъ. Авторъ, конечно, исправилъ всѣ недосмотры и промахи, на которые ему указывали, со времени выпуска втораго изданія, чужія изысканія или его собственныя, но для новой обработки болѣе важныхъ главъ этого сочиненія не представлялось никакого повода. Основы римской хронологіи, о которыхъ идетъ рѣчь въ четырнадцатой главѣ третьей книги, были впоследствии изложены въ особомъ сочиненіи (Римская хронологія до времени Цезаря. Второе изданіе. Берлинъ, 1859) и болѣе пространно и болѣе соотвѣтственно важности предмета; поэтому здѣсь лишь вкратцѣ указаны тѣ выводы, которые имѣютъ общее историческое значеніе. — Въ содержаніи нѣтъ никакихъ другихъ измѣненій.

*Берлинъ, 1 февраля 1861; 29 декабря 1864; 11 апреля 1868; 6 августа 1874;
21 июля 1881.*

СОДЕРЖАНИЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

До упраздненія царской власти.

	Стр.
Г Л А В А I.	
Введеніе	3
Г Л А В А II.	
Древнѣйшія переселенія въ Италію	8
Г Л А В А III.	
Поселенія Латинцовъ	30
Г Л А В А IV.	
Зачатки Рима	41
Г Л А В А V.	
Первоначальное государственное устройство Рима	55
Г Л А В А VI.	
Неграждане и реформа государственнаго устройства	82
Г Л А В А VII.	
Римская гегемонія въ Лаціумѣ	97
Г Л А В А VIII.	
Умбро-сабелльскія племена. Зачатки Самнитовъ	112
Г Л А В А IX.	
Этруски	117
Г Л А В А X.	
Эллины въ Италіи. Морское могущество Этрусковъ и Карфагенянъ	126
Г Л А В А XI.	
Законы и судъ	145
Г Л А В А XII.	
Религія	159
Г Л А В А XIII.	
Земледѣліе, промыслы и торговля	181

ГЛАВА XIV.

Мѣра и письмо	Стр. 202
-------------------------	-------------

ГЛАВА XV.

Искусство	219
---------------------	-----

КНИГА ВТОРАЯ.

Отъ упраздненія въ Римѣ царской власти до объединенія Итали.

Стр.

ГЛАВА I.

Измѣненіе государственныхъ учреждений. Ограниченіе административной власти	243
--	-----

ГЛАВА II.

Народный трибунатъ и децемвиры	264
--	-----

ГЛАВА III.

Уравненіе сословій и новая аристократія	286
---	-----

ГЛАВА IV.

Паденіе этрусскаго могущества. Кельты	318
---	-----

ГЛАВА V.

Покореніе Латиновъ и Кампанцевъ Римлянами	336
---	-----

ГЛАВА VI.

Италийцы въ борьбѣ съ Римомъ	358
--	-----

ГЛАВА VII.

Царь Пирръ въ борьбѣ съ Римомъ и объединеніе Итали	380
--	-----

ГЛАВА VIII.

Законы. Религія. Военное устройство. Народное хозяйство. Национальность	427
---	-----

ГЛАВА IX.

Искусство и наука	453
-----------------------------	-----

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Отъ объединенія Итали до покоренія Карфагена и греческихъ государствъ.

Стр.

ГЛАВА I.

Карфагенъ	481
---------------------	-----

	Г Л А В А II.	
Война между Римомъ и Кароагеномъ изъ-за обладанія Сициліей . . .		504
	Г Л А В А III.	
Расширеніе Италіи до ея естественныхъ границъ		536
	Г Л А В А IV.	
Амилькарь и Аннибалъ		556
	Г Л А В А V.	
Война съ Аннибаломъ до битвы при Каннахъ		583
	Г Л А В А VI.	
Война съ Аннибаломъ отъ битвы при Каннахъ до битвы при Замѣ . . .		609
	Г Л А В А VII.	
Западъ отъ заключенія мира съ Аннибаломъ до конца третьяго періода .		661
	Г Л А В А VIII.	
Восточныя государства и вторая македонская война		680
	Г Л А В А IX.	
Война съ Антиокомъ азіатскимъ		717
	Г Л А В А X.	
Третья македонская война		748
	Г Л А В А XI.	
Управленіе и управляемые		777
	Г Л А В А XII.	
Сельское хозяйство и финансы		825
	Г Л А В А XIII.	
Религія и нравы		856
	Г Л А В А XIV.	
Литература и искусство		875

Г Л А В А I.

В в е д е н і е.

На извилистыхъ берегахъ того внутренняго моря, — которое глубоко врѣзывается въ материкъ, образуя самый большой изъ заливовъ океана, и то суживается отъ острововъ и отъ длинныхъ выступовъ твердой земли, то снова разливается въ ширь, раздѣляя и соединяя три части стараго свѣта, — надрекле жили народы, принадлежавшіе къ разнымъ породамъ въ этнографическомъ отношеніи и по происхожденію ихъ языка, но въ историческомъ отношеніи составлявшіе одно цѣлое. Это историческое цѣлое и составляетъ именно то, что принято несовсѣмъ правильно называть исторіей древняго міра; въ сущности это ничто иное, какъ исторія культуры тѣхъ народовъ, которые жили вокругъ Средиземнаго моря. Въ четырехъ главныхъ стадіяхъ своего развитія эта исторія проводитъ передъ нами: исторію коптскаго или египетскаго племени, жившаго на южномъ побережьи, исторію арамейской или сирійской націи, занимавшей восточные берега и проникнувшей глубоко внутрь Азии до береговъ Евфрата и Тигра, и исторію народовъ-близнецовъ — Эллиновъ и Италийцевъ, которымъ достались въ удѣлъ европейскіе берега Средиземнаго моря. Хотя каждая изъ этихъ исторій представляется въ своемъ началѣ связанною съ иными сферами историческаго кругозора и съ иными сферами исторической жизни, тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ скоро принимаетъ свое особое направленіе. Однако, хотя жившія вокругъ этой обширной сферы, разнородныя или даже родственныя по происхожденію племена — африканскіе Берберы и Негры, азіатскіе Арабы, Персы и Индійцы, европейскіе Мальты и Германцы, — и приходили въ частыя соприкосновенія съ тѣми обитателями береговъ Средиземнаго моря, они не имѣли значительнаго вліянія на культуру этихъ обитателей и сами мало подчинились постороннему вліянію; а тѣ изъ нихъ, для которыхъ служили вершинами ихъ величія Фивы, Карфагенъ, Аены и Римъ, могутъ считаться за отдѣльныя единицы въ той мѣрѣ, въ какой возможно разграниченіе

Древняя
исторія.

культурныхъ сферъ. Послѣ того, какъ каждая изъ этихъ четырехъ націй достигла самостоятельнымъ путемъ самобытвой и величественной цивилизаціи, онѣ вступили въ самыя разнообразныя взаимныя отношенія и успѣли придать яркую и обширную обработку всѣмъ элементамъ человѣческой природы прежде, чѣмъ была замкнута эта сфера и прежде чѣмъ новыя народности, до тѣхъ поръ лишь, подобно волнамъ, обтекавшія окраину средиземныхъ государствъ, разлились по обимъ берегамъ и, отдѣливъ въ историческомъ отношеніи южный берегъ отъ сѣвернаго, перенесли центръ цивилизаціи съ береговъ Средиземнаго моря на берега Атлантическаго океана. Такимъ образомъ, древняя исторія отдѣляется отъ новой не случайно и не по одной хронологіи; то, что мы называемъ новой исторіей, въ сущности есть описаніе новой культурной сферы, которая хотя и соприкасается, во многихъ эпохахъ своего развитія, съ отживающей или съ отжившей цивилизаціей средиземныхъ государствъ подобно тому, какъ эта послѣдняя соприкасается съ болѣе древней индо-германской, но которой также суждено итти ея собственнымъ путемъ и до дна испить чашу и народнаго счастья и народныхъ страданій; ей также суждено пережить эпохи возмужанія, зрѣлости и старости, благодатныя услія творчества въ сферѣ религіи, государственныхъ учрежденій и искусствъ, безмятежное пользованіе приобретеннымъ матеріальнымъ и духовнымъ богатствомъ и, быть можетъ, со временемъ истощеніе творческихъ силъ въ полномъ наслажденіи достигнутою цѣлю. Но и эта цѣль будетъ только временной; самая величественная система цивилизаціи имѣетъ свои предѣлы, внутри которыхъ способна выполнить свое назначеніе, но человѣскій родъ не выполнитъ его никогда: какъ только онъ, по видимому, уже достигаетъ цѣли, ему снова приходится разрѣшать старую задачу на болѣе широкомъ поприщѣ и въ болѣе высокомъ смыслѣ.

Италія.

Наша задача заключается въ описаніи послѣдняго акта именно такой великой всемірно-исторической драмы, то-есть древней исторіи средняго изъ трехъ полуострововъ, которые тянутся отъ сѣвернаго материка вглубь Средиземнаго моря. Его образуетъ та вѣтвь западныхъ Альповъ, которая направляется къ югу. Апеннины тянутся сначала въ юго-восточномъ направленіи между болѣе широкимъ западнымъ заливомъ Средиземнаго моря и узкимъ восточнымъ заливомъ и, приближаясь къ этому послѣднему, достигаютъ въ Аbruццахъ своей наибольшей высоты, которая, впрочемъ, едва доходитъ до уровня вѣчныхъ снѣговъ. Отъ Аbruццовъ горная цѣпь принимаетъ южное направленіе сначала безъ развѣтвленій и не утрачивая значительной высоты; но за котловиной, образующей гористый округъ, она раздѣляется на болѣе пологій юго-восточный врягъ и на болѣе крутой южный и кончается въ обимъ направленіяхъ тѣмъ, что образуетъ два небольшихъ полуострова. Изменность, которая

КНИГА ПЕРВАЯ.

ДО УПРАЗДНЕНІЯ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ.

τὰ παλαιότερα σαφέως μὲν εὐρεῖν διὰ χρόνου
πλήθος ἀδύνατα ἦν· ἐκ δὲ τεκμηρίων ὧν ἐπὶ
μακρότατον σκοποῦντι μοι πιστεῦσαι συμβαίνει
οὐ μὲν ἄλλα νομίζω γενέσθαι, οὔτε κατὰ τοὺς
πολέμους οὔτε ἐς τὰ ἄλλα.

Θουκιδ.

[Болѣ древнія событія было невозможно
достоверно изслѣдовать по давности вре-
мени, но по долгому размышленіи надъ
тѣми памятниками, которымъ можно до-
вѣряться, я полагаю, что не было со-
вершенно никакихъ великихъ дѣлъ, ни
военныхъ ни какихъ-либо другихъ].

иѣстами порабощено народами иного происхожденія и болѣе древней цивилизаціи; отпоръ, данный Италійцами иноземцамъ, и истребленіе или покореніе этихъ послѣднихъ; наконецъ борьбу двухъ главныхъ италійскихъ племенъ—Латиновъ и Самниновъ изъ-за преобладанія на полуостровѣ и побѣду Латиновъ въ концѣ четвертаго столѣтія до Р. Х. или пятаго столѣтія отъ основанія Рима. Это будетъ служить содержаніемъ для двухъ первыхъ книгъ. Второй отдѣлъ начинается Пуническими войнами; онъ обнимаетъ стремительно быстрое расширеніе римскаго государства до естественныхъ границъ Италіи и далѣе этия границы, продолжительное *status quo* римской имперіи и распаденіе громаднаго государства. Это будетъ описано въ третьей книгѣ и въ тѣхъ, которыя за нею слѣдуютъ.

Г Л А В А II.

Древнѣйшія переселенія въ Италію.

Коренныя италійскія племена. О первомъ переселеніи человѣческаго рода въ Италію нѣтъ не только никакихъ свѣдѣній, но и никакихъ баснословныхъ сказаній; въ древности даже существовало общее убѣжденіе, что тамъ, какъ и повсюду, первые жители были продуктомъ мѣстной почвы. Впрочемъ разрѣшеніе вопросовъ касательно происхожденія различныхъ породъ и ихъ генетическихъ отношеній къ различнымъ климатамъ принадлежитъ по праву натуралистамъ, а для историка и невозможно и не имѣетъ важнаго значенія разрѣшеніе вопроса, были-ли древнѣйшіе изъ извѣстныхъ ему обитателей какой-либо страны исконными или пришлыми. Но историкъ, конечно, обязанъ выяснить постепенное наслоеніе народностей въ данной странѣ для того, чтобъ можно было прослѣдить, какъ совершался переходъ отъ низшей культуры къ высшей и какъ менѣе способныя къ культурѣ или даже только менѣе развитыя племена были подавлены тѣми, которыя стояли выше ихъ. Впрочемъ Италія чрезвычайно бѣдна памятниками первобытной эпохи и представляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательную противоположность съ другими культурными сферами. Изъ добытыхъ германской археологіей результатовъ оказывается, что прежде, чѣмъ индо-германскія племена поселились въ Италію, Францію, сѣверной Германіи и Скандинавіи, тамъ жилъ или только бродилъ народъ, быть можетъ, Чудскаго племени, который снискивалъ средства существованія охотой и рыбной ловлей, дѣлалъ свою утварь изъ камня, изъ глины или изъ костей, и украшалъ себя звѣринными зубами и янтаремъ, но не былъ знакомъ ни съ земледѣліемъ ни съ употребленіемъ металловъ. Точно такъ и въ Индіи менѣе способное къ культурѣ и темнокожее населеніе предшествовало индогерманскому. Но въ Италіи мы не находимъ такихъ слѣдовъ вытѣсненнаго народа, какими являются въ кельто-германской сферѣ Финны и Лаппы и въ индійскихъ горахъ чернокожія племена, и тамъ до сихъ поръ еще не найдено такого наслѣдія отъ безвѣстно-исчезнувшаго исконнаго населенія, какимъ, по видимому, можно считать своеобразные скелеты, обѣденныя мѣста и могилы, принадлежавшіе къ такъ называемой каменной эпохѣ германской древности. Тамъ до сихъ поръ не найдено ни-

тянется на сѣверѣ промежъ Альповъ и Апенниновъ, расширяясь въ направленіи къ Аbruццамъ, не принадлежитъ ни въ географическомъ отношеніи ни—до позднѣйшаго времени—въ историческомъ отношеніи къ той гористой и холмистой южной Италіи, исторію которой мы намѣреваемся изложить. Прибрежная страна отъ Суннигаліи до Римини была включена въ составъ Италіи только въ седьмомъ столѣтіи отъ основанія Рима, а долина рѣки По только въ восьмомъ; стало-быть древней сѣверной границей служили для Италіи не Альпы, а Апеннины. Эти послѣдніе не тянутся ни въ одномъ направленіи крутую горною цѣпью, а расплываются по всей странѣ и, вмѣщая въ себя много долинъ и плоскихъ возвышенностей, соединенныхъ между собою довольно удобными горными проходами, представляютъ и для людей годную для заселеній почву, въ особенности на тѣхъ склонахъ и побережьяхъ, которые примыкаютъ къ нимъ съ востока, юга и запада. Впрочемъ, вдоль восточнаго побережья тянется замыкаемая съ сѣвера краемъ Аbruццовъ и прерываемая только утесистыми выступами Гарганскихъ горъ, апулійская равнина, которая представляетъ однообразную плоскость съ невыгодными очертаніями береговой линіи и съ плохимъ орошеніемъ. Но на южномъ берегу, промежъ тѣхъ двухъ полуострововъ, которыми оканчиваются Апеннины, примыкаетъ къ внутренней гористой мѣстности обширная низменность, которая хотя и бѣдна гаванями, но имѣетъ воду въ изобиліи и плодородна. Наконецъ, западный берегъ представляетъ обширную страну, по которой протекаютъ значительныя рѣки, между прочимъ Тибръ, и въ которой дѣйствіе водъ и когда-то многочисленныхъ вулкановъ образовало самыя разнообразныя формы долинъ и горныхъ возвышенностей, гаваней и острововъ, а находящіеся тамъ округи—Этрурія, Лациумъ и Кампанія были сердцевиной италійской земли. Къ югу отъ Кампаніи предгорье мало-по-малу исчезаетъ и горная цѣпь почти непосредственно омывается у своей подошвы Тирренскимъ моремъ. Сверхъ того къ Италіи примыкаетъ, —точно такъ-же какъ къ Греціи Пелопоннесъ,—самый красивый и самый большой изъ острововъ Средиземнаго моря—Сицилія, въ которой гористая и частію пустынная середина опоясана, въ особенности съ восточной и съ южной стороны, широкой полосой роскошнаго, болѣею частію вулканическаго, побережья, и подобно тому, какъ въ географическомъ отношеніи Сицилійскіе горы составляютъ продолженіе Апенниновъ, прерванное лишь небольшою «скважиной» (Ρήγισον) морскаго пролива, и въ историческомъ отношеніи Сицилія составляла въ древнія времена такъ-же неоспоримо часть Италіи, какъ неоспоримо Пелопоннесъ составлялъ часть Греціи; она была театромъ столкновенія тѣхъ-же племенъ, которыя сталкивались въ Италіи, и была центромъ такого-же высокаго умственнаго развитія, какового достигла Италія. Италійскій полуостровъ пользуется наравнѣ съ греческимъ умѣренною темпера-

турой и здоровымъ воздухомъ на склонахъ своихъ не слишкомъ высокоихъ горъ и вообще въ своихъ долинахъ и равнинахъ. Въ томъ, что касается развитія береговой линіи, онъ уступаетъ греческому; ему въ особенности не достасть усѣяннаго островами моря, благодаря которому Эллины сдѣлались націей мореплавателей. За то Италия превосходитъ свою сосѣдку богатствомъ своихъ орошаемыхъ рѣками равнинъ и плодородіемъ покрытыхъ кормовыми травами горныхъ склоновъ,—то-есть тѣмъ, что нужно для земледѣлія и скотоводства. Она такая-же, какъ Греція, прелестная страна, въ которой человѣческая дѣятельность находитъ для себя и поощреніе и награду, и въ которой для безпокойныхъ стремленій открываются пути въ даль, а для сповойныхъ—возможность мирныхъ приобрѣтеній на родинѣ. Но греческій полуостровъ обращенъ лицомъ въ востокъ, а италійскій—къ западу. Какъ для Эллады эпиротское и акарнанское побережья, такъ и для Италии побережья апулійское и мессалійское имѣютъ второстепенное значеніе, и между тѣмъ, какъ въ Эладѣ смотрятъ на востокъ Атика и Македонія, то-есть тѣ области, которыя служили фундаментомъ для ея историческаго развитія,—въ Италиі смотрятъ на западъ и Этрурія и Лациумъ и Кампанія. Такимъ образомъ, не смотря на то, что эти два полуострова находятся въ такомъ близкомъ между собою сосѣдствѣ и что они связаны между собою почти братскими узами, они какъ бы отворачиваются одинъ отъ другаго; хотя изъ Отранто можно видѣть невооруженнымъ глазомъ Акрокераунскія горы, однако Италиіцы и Эллины сходились на всѣхъ другихъ путяхъ и ранѣе и ближе, чѣмъ на томъ самомъ короткомъ пути, который идетъ черезъ Адриатическое море. Въ этомъ случаѣ,—какъ это нерѣдко бываетъ и при другихъ мѣстныхъ условіяхъ,—заранѣе было намѣчено историческое призваніе народовъ: изъ двухъ великихъ племенъ, выросившихъ цивилизацію древняго міра, одно бросило свою тѣнь и свое сѣмя на востокъ, а другое на западъ.

Исторія Италіи.

Здѣсь будетъ изложена исторія Италиі, а не исторія города Рима. Хотя по формальному государственному праву римская городская община завладѣла сначала Италией, а потомъ цѣлымъ міромъ, но этого никакъ нельзя утверждать въ высшемъ историческомъ смыслѣ, и то, что обыкновенно называютъ завоеваніемъ Италиі Римлянами, было скорѣе соединеніемъ въ одно государство всего италійскаго племени, въ которомъ Римляне были лишь вѣтвью, хотя и самою могущею.—Исторія Италиі распадается на два главныхъ отдѣла: на внутреннюю исторію Италиі до ея объединенія подъ верховенствомъ латинскаго племени и на исторію италійскаго всемірнаго владычества. Поэтому намъ предстоитъ описать: поселеніе италійскаго племени на полуостровѣ; опасности, угрожавшія его національному и политическому существованію, и то, что оно было

чувствителенъ, такъ какъ племя Япиговъ уже приходило въ упадокъ въ началѣ нашей исторіи и оно представляется намъ не иначе какъ постепенно убывающимъ и исчезающимъ. Неустойчивый характеръ япигскаго племени и легкость, съ которою онъ подчинялся влиянію другихъ народовъ, подтверждаетъ предположеніе, что это были древнѣйшіе переселенцы или коренные жители Италіи, а ихъ географическое положеніе дѣлаетъ это предположеніе правдоподобнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ древнѣйшія переселенія народовъ совершались сухимъ путемъ, а въ особенности тѣ, которыя направлялись въ Италію, такъ какъ ея берега доступны съ моря только для опытныхъ мореплавателей и потому были вовсе незнакомы Эллинамъ даже во времена Гомера. Если же первые переселенцы пришли изъ-за Апеннинъ, то какъ геологъ дѣлаетъ заключеніе о времени возникновенія горъ по ихъ наслоеніямъ, такъ и историкъ можетъ отважиться на догадку, что племена, дальше всѣхъ другихъ передвинувшіяся на югъ, были древнѣйшими жителями Италіи, — а япигскую націю мы находимъ именно на самой дальней юго-восточной окраинѣ Италіи.

Въ тѣ времена, о которыхъ до насъ дошли достовѣрныя преданія, въ средней части полуострова жили два народа или, скорѣе, два племени одного и того-же народа, положеніе котораго въ средѣ племенъ индо-германскаго происхожденія мы въ состояніи опредѣлить съ большою точностью, чѣмъ положеніе япигской націи. Мы по справедливости должны назвать этотъ народъ италійскимъ, такъ какъ ему былъ обязанъ полуостровъ своимъ историческимъ значеніемъ; онъ дѣлится на два племени — на Латинцевъ и Умбровъ съ ихъ южными отпрысками — Марсами и Самнитамъ и съ тѣми народностями, которыя отдѣлились отъ Самнитовъ уже въ историческую эпоху. Сличеніе нарѣчій, на которыхъ говорили эти племена, привело къ убѣжденію, что всѣ они вмѣстѣ ваятые составляли одно звено въ цѣли индо-германскихъ языковъ и что эпоха ихъ объединенія сравнительно недалека. Въ звуковой системѣ этихъ племенъ ноявляется своеобразная дующая *f*, — въ чѣмъ они сходятся съ Этрусками, но рѣзко отличаются отъ всѣхъ эллинскихъ и эллино-варварскихъ племенъ, равно какъ и отъ Санскрита. Напротивъ того придыхательныя, которыя были всѣ безъ исключенія удержаны Греками и изъ которыхъ самыя жесткія сохранились у Этрусковъ, были первоначально незнакомы Италійцамъ и замѣнялись у нихъ которымъ нибудь изъ своихъ элементовъ — или промежуточными буквами или однимъ ду-

---

ками той эллино-варварской національности, слѣды которой встрѣчаются во всей Греціи и въ особенности въ ея сѣверныхъ частяхъ, то эта до-эллинская народность оказалась-бы и до-италійской; однако изъ этого нельзя бы было заключать, что Япиги переселились въ Италію черезъ Адриатическое море.

новеніемъ f или h. Болѣе тонкіе придыхательные звуки s, w, j, которыхъ Греки избѣгаютъ насколько это возможно, удержались въ италійскихъ языкахъ съ незначительными измѣненіями и даже иногда получали дальнѣйшее развитіе. Отступающее удареніе и происходящее отсюда разрушеніе окончаній встрѣчаются какъ у Италійцевъ, такъ и у нѣкоторыхъ греческихъ племенъ, равно какъ у Этрусковъ, но у Италійцевъ это замѣтно въ болѣе сильной степени, чѣмъ у греческихъ племенъ и въ болѣе слабой степени, чѣмъ у Этрусковъ; неумѣренное разрушеніе окончаній въ языкѣ Умбровъ, конечно, не истекало изъ кореннаго духа этого языка, а было позднѣйшимъ извращеніемъ, которое также обнаружилось въ Римѣ въ томъ же направленіи, хотя и въ болѣе слабой степени. Поэтому въ италійскихъ языкахъ короткія гласныя въ концѣ словъ отпадаютъ постоянно, а длинныя — часто; напротивъ того, заключительныя согласныя упорно удерживаются въ латинскомъ языкѣ и еще болѣе упорно въ самнитскомъ, между тѣмъ какъ въ умбрійскомъ языкѣ и онѣ отпадаютъ. Съ этимъ находится въ связи тотъ фактъ, что развитіе посредствующихъ звуковъ оставило въ италійскихъ языкахъ лишь мало слѣдовъ и что въ замѣнъ того появляется своеобразный пассивъ, образуемый прибавленіемъ буквы g; далѣе мы находимъ, что для обозначенія времени болѣею частію прибавляются къ корнямъ es и fu, между тѣмъ какъ приращенія словъ и еще болѣе частыя измѣненія гласныхъ буквъ болѣею частію избавляли Грековъ отъ необходимости употреблять вспомогательные глаголы. Между тѣмъ, какъ италійскіе языки, точно такъ же, какъ и эолійскій диалектъ, отказались отъ двойственной числовой формы, они вполне удержали творительный падежъ, исчезнувшій у Грековъ, и болѣею частію также удержали падежъ предложный. Строгая логика Италійцевъ, по видимому, немогла допустить, чтобъ понятіе о многократности дѣлилось на понятія о двойственности и о множествѣ, а между тѣмъ сохранила съ большою опредѣленностью склоненія, которыми выражаются взаимныя отношенія между словами. Образование существительныхъ именъ изъ глаголовъ, — которое совершается при помощи герундій и супиновъ, гораздо полнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ языкѣ, — составляетъ отличительную особенность италійскаго языка, которой нѣтъ даже въ санскритскомъ.

Отношеніе Италійцевъ къ Грекамъ. Этихъ примѣровъ, выбранныхъ изъ множества другихъ подобнаго рода фактовъ, достаточно для того, чтобъ доказать самостоятельность италійскаго языка въ средѣ всѣхъ другихъ индо-германскихъ нарѣчій и близкое племенное родство Италійцевъ съ Греками какъ въ географическомъ отношеніи, такъ и по языку; Грекъ и Италіецъ — родные братья, а Кельты, Германцы и Славяны — ихъ двоюродные братья. Обѣ великія націи, какъ кажется, рано пришли къ ясному сознанію единства какъ всѣхъ греческихъ, такъ и всѣхъ италійскихъ

чего. такого, что давало-бы право допустить существованіе чешовѣческаго рода, предшествовавшее обработкѣ полей и плавкѣ металловъ и если, дѣйствительно, когда-то жили въ предѣлахъ Италіи люди, стоявшіе на той первоначальной ступени развитія, которую мы обыкновенно называемъ дикимъ состояніемъ, то отъ нихъ неосталось никакихъ слѣдовъ.

Элементами для древнѣйшей исторіи служатъ отдѣльныя народныя личности — племена. Въ числѣ тѣхъ, которыхъ мы находимъ въ болѣе позднюю пору въ Италіи, есть такія, о которыхъ мы имѣемъ достовѣрныя историческія свѣдѣнія. Такъ напримѣръ мы знаемъ, что Эллины принадлежали къ числу переселенцевъ, а Бреттии и обитатели сабинской земли утратили свою національность. Кромѣ этихъ двухъ категорій есть еще много другихъ племенъ, переселеніе которыхъ можетъ быть доказано не историческими свидѣтельствами, а путемъ апіористическихъ выводовъ, и національность которыхъ, по видимому, неподвергалась рѣзкимъ перемѣнамъ подъ гнетомъ внѣшняго вліянія. Ихъ-то національная индивидуальность и должна быть прежде всего установлена путемъ историческаго разслѣдованія. Но намъ пришлось-бы отклонить отъ себя эту задачу, какъ невыполнимую, еслибы мы должны были довольствоваться хламомъ народныхъ сказаній и выдаваемыми за историческія, безсвязными преданіями, которыя обыкновенно складывались изъ немногихъ дѣльных свѣдѣній, добытыхъ просвѣщенными путешественниками, и изъ множества болѣею частию малоцѣнныхъ легендъ, — складывались безъ всякаго пониманія настоящаго смысла легендъ и исторіи и получали опредѣленную форму лишь при нѣкоторыхъ оговоркахъ. Однако и для насъ существуетъ одинъ источникъ свѣдѣній, изъ котораго мы можемъ черпать хотя и отрывочныя, но достовѣрныя указанія; это — туземныя нарѣчія, на которыхъ говорили племена, жившія въ Италіи съ незапамятныхъ временъ. Они возникли вмѣстѣ съ самимъ народомъ и отпечатокъ ихъ происхожденія вѣзался въ нихъ такъ глубоко, что его не могла совершенно изгладить возникшая впоследствіи культура. Хотя только одинъ изъ италійскихъ діалектовъ знакомъ намъ вполне, за то отъ многихъ другихъ до насъ дошли остатки, по которымъ историкъ въ состояніи опредѣлять степени родоваго различія или сходства между отдѣльными діалектами и народностями. Такимъ образомъ языковѣдніе научаетъ насъ различать три основныхъ италійскихъ корня — япигскій, этрусскій и (какъ мы позволимъ себѣ его назвать) италійскій, изъ которыхъ послѣдній раздѣляется на двѣ главныя вѣтви — на латинское нарѣчіе, и на то, къ которому принадлежатъ діалекты Умбровъ, Марсовъ, Вольсковъ и Самнитовъ.

О япигскомъ племени мы имѣемъ лишь поверхностныя свѣдѣнія. На крайнемъ юго-востокѣ Италіи, на Мессапійскомъ или Калабрійскомъ полуостровѣ, найдены въ значительномъ числѣ надписи на

Япиги.

своеобразномъ и безсаѣдно исчезнушемъ языкѣ *); это, безъ всякаго сомнѣнія, остатокъ языка Япиговъ, которыхъ и преданіе очень опредѣленно отличаетъ отъ латинскихъ и самнитскихъ племенъ; правдоподобныя догадки и многочисленныя указанія приводятъ насъ къ заключенію, что и въ Апуліи когда-то говорили на такомъ-же языкѣ и когда-то жило такое-же племя. То, что мы теперь знаемъ объ этомъ народѣ, хотя и достаточно для того, чтобъ мы явственно отличали его отъ остальныхъ Италійцевъ, но недостаточно для того, чтобъ мы отвели этому языку и этому народу какое-нибудь опредѣленное мѣсто въ исторіи человѣческаго рода. Смыслъ надписей еще неразгаданъ и едвали можно надѣяться, чтобъ попытки такого рода когда-либо увѣнчались успѣхомъ. На то, что диалектъ Япиговъ долженъ быть отнесенъ въ числу индо-германскихъ, какъ будто указываютъ формы родительнаго падежа *aīhi* и *ihi*, соответствующія санскритскому *a yu a* и греческому *οσο*. Другіе признаки, — какъ напримѣръ употребленіе придыхательныхъ согласныхъ и стараніе избѣгать буквъ *m* и *t* въ концѣ словъ, указываютъ на существенное отличіе этого языка отъ италійскаго и на то, что онъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ греческими диалектами. Догадка объ очень близкомъ родствѣ япигской націи съ Эллинами находитъ дальнѣйшее подтвержденіе въ томъ, что въ надписяхъ часто встрѣчаются имена греческихъ боговъ и что Япиги эллинизировались съ поразительной легкостью, которая рѣзко отличалась отъ неподатливости остальныхъ италійскихъ племенъ: Апулія, о которой даже во времена Тимея (въ 400 г. отъ основанія Рима) говорили, какъ о варварской странѣ, сдѣлалась въ шестомъ столѣтіи отъ основанія Рима совершенно греческой страной, не смотря на то, что Греки не предпринимали тамъ никакой непосредственной колонизаціи; даже у болѣе грубаго племени Мессапіевъ замѣтны многократныя попытки въ томъ-же направленіи. Однако это родство Япиговъ съ Эллинами, основанное на происхожденіи или на сочувствіи, вовсе не заходитъ такъ далеко, чтобъ дать намъ право считать языкъ Япиговъ за грубый диалектъ эллинскаго и на немъ должны остановиться наслѣдованія историка по меньшей мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ добыты болѣе ясныя и болѣе достовѣрныя указанія **). Впрочемъ этотъ пробѣлъ не очень

350 до Р. Х. итійскихъ племенъ: Апулія, о которой даже во времена Тимея (въ 400 г. отъ основанія Рима) говорили, какъ о варварской странѣ, сдѣлалась въ шестомъ столѣтіи отъ основанія Рима совершенно греческой страной, не смотря на то, что Греки не предпринимали тамъ никакой непосредственной колонизаціи; даже у болѣе грубаго племени Мессапіевъ замѣтны многократныя попытки въ томъ-же направленіи. Однако это родство Япиговъ съ Эллинами, основанное на происхожденіи или на сочувствіи, вовсе не заходитъ такъ далеко, чтобъ дать намъ право считать языкъ Япиговъ за грубый диалектъ эллинскаго и на немъ должны остановиться наслѣдованія историка по меньшей мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ добыты болѣе ясныя и болѣе достовѣрныя указанія **). Впрочемъ этотъ пробѣлъ не очень

*) О его звукахъ могутъ дать намъ понятіе надгробныя надписи, какъ напримѣръ слѣдующія: *θεοτορας artahiahi bennarrihino* и *dazihonas platorrihi bollihi*.

**) Между языкомъ Япиговъ и теперешнимъ албанскимъ отыскано родство, для котораго служатъ опорой недостаточные пункты сходства, — недостаточные по меньшей мѣрѣ для удостовѣренія столь важнаго факта. Еслибы это родство подтвердилось и еслибы съ другой стороны Алабанды [также индо-германское племя, стоящее на ряду съ эллинскимъ и италійскимъ] действительно оказались остат-

степени культуры и создали соответствовавшей этой культуре запасъ словъ, а народы, впоследствии выдѣлившіеся изъ этого племени, получили этотъ запасъ, какъ общее достояніе, въ его условно установленномъ употребленіи, и стали самостоятельно строить на этомъ фундаментъ. Мы находимъ въ этомъ запасѣ словъ не только самыя простыя обозначенія бытія, различныхъ видовъ дѣятельности и ощущеній, какъ напримѣръ *sum, do, pater*. — то есть отавуки тѣхъ впечатлѣній, которыя производитъ на челоуѣка внѣшній міръ, но также такія слова, которыя принадлежать къ числу культурныхъ не только по своимъ корнямъ, но и по своей ясно-опредѣленной обиходной формѣ; они составляютъ общее достояніе индо-германскаго племени и ихъ нельзя объяснить ни одно-временнымъ образованіемъ, ни позднѣйшимъ позаимствованіемъ. Такъ напримѣръ о развитіи въ тѣ отдаленныя времена пастушеской жизни свидѣтельствуютъ неизмѣнно-установившіеся названія домашнихъ животныхъ: санскритское *gā ū s* по латыни *bo s*, по гречески *β ο ū s*; санскритское *avis* по-латыни *ovis*, по-гречески *β ι s*; санскритское *aç va s* по-латыни *equus*, по-гречески *ἵ π π ο s*; санскритское *hā n̄ s a s* по-латыни *aper*, по-гречески *χ ῆ ν*; санскритское *ātis* по-гречески *ν ῆ σ σ α*, по-латыни *apas*; точно такъ и *pecus, sus, roscus, taugus, canis* — санскритскія слова. Стало быть-то племя, которое со временъ Гомера до нашего времени было представителемъ духовнаго развитія челоуѣчества, уже пережило въ тѣ отдаленныя времена самую нисшую степень цивилизаціи — эпоху промысловъ охотничьяго и рыболовнаго, и уже достигло по меньшей мѣрѣ какой-нибудь осѣдлости. Напротивъ того, мы до сихъ поръ не имѣемъ положительныхъ доказательствъ того, что уже въ ту перу оно обработывало поля. Языкъ свидѣтельствуетъ скорѣе противъ, чѣмъ въ пользу этого. Между латинско-греческими названіями хлѣбныхъ растений ни одно не встрѣчается на санскритскомъ языкѣ только за исключеніемъ слова *ζ α ῶ*, которое соответствуетъ санскритскому *ya va s* и вообще означаетъ по-индійски ячмень, а по-гречески полбу. Впрочемъ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что это различіе въ названіяхъ хозяйственныхъ растений, такъ рѣзко отличающееся отъ однообразія въ названіяхъ домашнихъ животныхъ, еще не можетъ считаться за доказательство того, что вовсе не существовало общаго для всѣхъ племенъ земледѣлія. При первобытныхъ условіяхъ жизни, труднѣе переселять и акклиматизировать растенія, чѣмъ животныхъ, и воздѣлываніе риса у Индійцевъ, пшеницы и полбы у Грековъ и Римлянъ, ржи и овса у Германцевъ и Кельтовъ, можетъ само по себѣ быть приписано существованію какого-нибудь первоначальнаго общаго вида земледѣлія. Но съ другой стороны, одинакое у Грековъ и у Индійцевъ названіе одного колосоваго растенія служитъ доказательствомъ только того, что до раздѣленія племень собирались и

употреблялись въ пищу растущіе въ Месопотаміи въ дикомъ видѣ ячмень и полба *), но вовсе не того, что уже въ ту пору люди разводили эти растенія. Если мы здѣсь не приходимъ ни къ какому рѣшительному выводу ни въ ту ни въ другую сторону, за то настъ подвигаетъ немного впередъ то наблюденіе, что нѣкоторыя изъ относящихся къ этому предмету самыхъ важныхъ словъ хотя также встрѣчаются въ санскритскомъ языкѣ, но всегда въ ихъ общемъ значеніи: *agras* означаетъ у Индійцевъ поле вообще; *kûru*—то, что растерто; *arigam*—весло и корабль, *venas*—вообще все, что приятно и въ особенности приятный напитокъ. Стало быть эти слова очень древни; но ихъ опредѣленные отношенія къ пахатному полю (*ager*), къ зерновому хлѣбу, который долженъ быть смолоть (*granum*, зерно), къ орудію, которое бороздитъ землю, какъ корабль бороздитъ поверхность моря (*aratum*), къ соку виноградныхъ лозъ (*vinum*) еще не были выработаны во время древнѣйшаго раздѣленія племенъ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эти отношенія установились частію очень различно; такъ напримѣръ отъ санскритскаго *kûru* получили свое названіе какъ зерно, которое должно быть смолото, такъ и мельница, которая его молотитъ, — по-готски *quairnus*, по-литовски *grindas*. Отсюда мы можемъ сдѣлать тотъ правдоподобный выводъ, что коренной индо-германскій народъ еще не былъ знакомъ съ земледѣльемъ, и тотъ неоспоримый выводъ, что если онъ и былъ знакомъ съ земледѣльемъ, то стоялъ въ этомъ отношеніи на низкой ступени развитія; вѣдь еслибы земледѣліе уже находилось въ ту пору въ такомъ положеніи, въ какомъ мы впоследствии находимъ его у Грековъ и Римлянъ, то оно отпечатлѣлось бы глубже на языкѣ. — Напротивъ того, о постройкѣ домовъ и хижинъ у Индо-Германцевъ свидѣтельствуютъ санскритское *damas*, латинское *domus*, греческое *δομος*; санскритское *vasas*, латинское *vasis*, греческое *οἶκος*; санскритское *dvagas*, латинское *fores*, греческое *θύρα*; далѣе, касательно постройки гребныхъ судовъ, названія ладьи—санскритское *paus*, греческое *παῦς*, латинское *pavis*, и названія веселъ—санскритское *arigam*, греческое *ἑρετμός*, латинское *remus*, *tri-gemius*; касательно употребленія колесницъ и приученія животныхъ къ упряжи и къ ѣздѣ—санскритское *akshas* (ось и кузовъ), латинское *axis*, греческія *ἄξων*, *ἄμ-αξία*, санскритское *iugam*, латинское *iugum*, греческое *ζυγόν*. И названія одежды—санскритское *vastra*, ла-

*) На правомъ берегу Евфрата, къ сѣверо-западу отъ Анаха, росли въ дикомъ видѣ и ячмень и пшеница и полба [Alph. de Candolle, *Geographie botanique raisonnée*, 2, стр. 934]. О томъ, что ячмень и пшеница росли въ дикомъ видѣ въ Месопотаміи, упоминалъ еще вавилонскій историкъ Берозъ [у Георгія Снхелла, стр. 50. *Вопн*].

нартій и племень; это видно изъ того, что въ римскомъ языкѣ есть очень древнее загадочнаго происхожденія слово *Graius* или *Graicus*, которымъ называли всякаго Эллина, а у Грековъ также есть соотвѣтственное этому слову названіе *Ἰπιδός*, подъ которымъ разумѣлись всѣ латинскія и самнитскія племена, знакомыя Грекамъ въ самыя древнія времена, но подъ которою неподходили ни Яниги ни Этруски.

Но и въ сферѣ италійскихъ языковъ латинскій находится въ рѣз- Отношенія
комъ противорѣчій съ умбро-самнитскими диалектами. Впрочемъ, изъ Латиновъ и
этихъ послѣднихъ намъ извѣстны только два диалекта—умбрійскій Умбро-Сам-
и самнитскій или оскскій, и то лишь въ крайне неполномъ видѣ и нитамъ.
очень неточно; изъ остальныхъ диалектовъ нѣкоторые, какъ напри-
мѣръ вольскскій и маресскій, дошли до насъ въ такихъ ничтожныхъ
остаткахъ, что мы не можемъ составить себѣ понятія объ ихъ ин-
дивидуальныхъ особенностяхъ и даже не въ состояніи съ достовѣр-
ностью и съ точностью распредѣлить ихъ по разрядамъ; другіе же,
какъ напримѣръ сабинскій, совершенно исчезли, оставивъ послѣ
себя лишь небольшіе слѣды, сохранившіеся въ видѣ диалектическихъ
особенностей провинціального латинскаго языка. Однако, сопостав-
леніе выводовъ, добытыхъ изученіемъ древнихъ языковъ и древней
исторіи, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти диалекты
принадлежали къ умбро-самнитской вѣтви великаго италійскаго корня
и что хотя этотъ послѣдній находится въ гораздо болѣе близкомъ
родствѣ съ латинскимъ корнемъ, чѣмъ съ греческимъ, онъ все таки
отличается отъ латинскаго самымъ опредѣленнымъ образомъ. Въ
мѣстоименіяхъ и въ иныхъ случаяхъ Самниты и Умбры часто упо-
требляли *p* тамъ, гдѣ Римляне употребляли *q*, — такъ напримѣръ
они говорили *pis* вмѣсто *quis*; точно такія же различія встрѣча-
ются и между другими языками, находящимися въ близкомъ между
собою родствѣ, — такъ напримѣръ въ Бретани и въ Валисѣ кельт-
скому языку свойственно *p* тамъ, гдѣ на галльскомъ и на ирланд-
скомъ употребляется *k*. Въ латинскомъ языкѣ и вообще въ сѣвер-
ныхъ диалектахъ двугласныя буквы сильно пострадали, а въ юж-
ныхъ италійскихъ диалектахъ онѣ пострадали немного; съ этимъ
находится въ связи и тотъ фактъ, что Римляне ослабляютъ корен-
ную гласную въ ея сочетаніяхъ, между тѣмъ какъ крѣпко держатся
за нее во всѣхъ другихъ случаяхъ,—чего незамѣтно въ родствен-
ной группѣ языковъ. Въ этой группѣ, точно такъ же какъ и у
Грековъ, слова, кончающіяся на *a*, оканчиваются въ родительномъ
падежѣ на *as*, а въ выработанномъ языкѣ Римлянъ на *ae*; слова,
кончающіяся на *is*, получаютъ въ родительномъ падежѣ на сам-
нитскомъ языкѣ окончаніе на *eis*, въ умбрійскомъ на *es*, а у
Римлянъ на *ei*; въ языкѣ этихъ послѣднихъ предложный падежъ
постепенно исчезаетъ, между тѣмъ какъ въ другихъ италійскихъ

діалектахъ онъ оставался въ полномъ употребленіи; множественное число дательнаго падежа на *bus* встрѣчается только въ латинскомъ языкѣ. Умбро-самнитское неопредѣленное наклоненіе съ окончаніемъ *na* или *nos* вовсе не было въ употребленіи у Римлянъ. между тѣмъ какъ оско-умбрійское будущее, образовавшееся по примѣру Грековъ (*heget*, какъ $\lambda\epsilon\gamma\text{-}\sigma\omega$) изъ корня *es*, почти совершенно исчезло у Римлянъ и замѣнено желательнымъ наклоненіемъ простаго глагола или другими подобными формаціями, производными отъ *fu* (*ama-bo*). Впрочемъ, во многихъ изъ этихъ случаевъ, какъ напримѣръ въ формахъ склоненій, различія замѣтны только въ выработавшихся языкахъ, между тѣмъ какъ первобытныя формы совпадаютъ однѣ съ другими. Поэтому, хотя италійскій языкъ и занимаетъ наряду съ греческимъ самостоятельное положеніе, но въ его собственной сферѣ латинская рѣчь относится къ умбро-самнитской почти такъ же, какъ іонійская къ дорійской, а различія между діалектами осскимъ, умбрійскимъ и другими съ ними родственными, можно сравнить съ тѣми различіями, которыя существуютъ между дорійскимъ языкомъ въ Сициліи и дорійскимъ языкомъ въ Спартѣ.

Каждое изъ этихъ явленій въ сферѣ языка есть продуктъ и доказательство историческаго событія. Изъ нихъ можно съ полной увѣренностью заключить, что изъ нѣдръ общей матери всѣхъ народовъ и всѣхъ языковъ нѣкогда выдѣлилось племя, къ которому принадлежали общіе предки и Грековъ и Италійцевъ, что потомъ изъ этого племени выдѣлились Италійцы, которые снова раздѣлились на племена западное и восточное, а это восточное племя впоследствии раздѣлилось на Умбровъ и Осковъ. Языковѣдніе, конечно, не въ состояніи объяснить намъ, гдѣ и когда совершались эти раздѣленія и самый отважный умъ едва ли попытается ошупью слѣдить за этими переворотами, изъ которыхъ самый ранній совершился безъ сомнѣнія, за долго до того времени, когда предки Италійцевъ перешли черезъ Апеннины. Напротивъ того, если мы будемъ пользоваться правильно и осммотрительно сравненіемъ языковъ, оно можетъ дать намъ приблизительное понятіе о степени культурнаго развитія, на которой находился народъ въ то время, когда происходили раздѣленія племенъ, и этимъ путемъ можетъ познакомить насъ съ зачатками исторіи, которая есть ничто иное, какъ развитіе цивилизаціи. Въдѣ именно въ эпоху своей формаціи языкъ служитъ вѣрнымъ изображеніемъ и органомъ той культурной ступени, до которой достигъ народъ; великіе техническіе и нравственные перевороты сохраняются въ немъ какъ въ архивѣ документы, изъ которыхъ будущія поколѣнія непремѣнно будутъ черпать свѣдѣнія о тѣхъ временахъ, о которыхъ заглохли всѣ непосредственныя преданія.

Индо-германская культура.

Когда индогерманскія народности еще составляли одно нераздѣльное племя, говорившее на одномъ языкѣ, онъ достигли нѣкоторой

тинское *vestis*, греческое *ἄσθησις*, равно какъ названія шитья и пряжи—санскритское *śiv*, латинское *si o*, самскритское *pa h*, латинское *pe o*, греческое *υήθω*—одинаковы во всѣхъ индо-германскихъ нарѣчιάхъ. Нельзя того же сказать о болѣе высокомъ искусствѣ тканья *). Напротивъ того, умѣнье пользоваться огнемъ для приготовления пищи и солью для ея приправы было древнѣйшимъ наслѣдственнымъ достоянiемъ индо-германскихъ народовъ и тоже можно сказать объ ихъ знакомствѣ съ тѣми металлами, изъ которыхъ издревле изготовлялись орудія и упряженія. По крайней мѣрѣ въ санскритскомъ языкѣ встрѣчаются названія жѣди (*a e s*), серебра (*argenti na*) и, быть можетъ, также золота, а они едва ли могли возникнуть прежде, чѣмъ люди научились отличать одну руду отъ другой и пользоваться ихъ содержанiемъ; дѣйствительно, санскритское *a s i s*, соответствующее латинскому *e p s i s*, свидѣтельствуетъ объ очень древнемъ употребленiи металлическаго оружія.—Въ тому же времени восходятъ тѣ основныя понятія, которыя въ концѣ концовъ послужили опорой для развитія всѣхъ индо-германскихъ государствъ: взаимныя отношенія мужа и жены, родовой строй, священство въ лицѣ отца семейства и его отсутствіе въ видѣ особаго священническаго сословія, равно какъ отсутствіе вообще всякаго раздѣленія на касты, рабство, какъ признаваемое закономъ учрежденіе, и обыкновение общинъ праздновать дни новолунія и полнолунія. Напротивъ того повсюду должны быть отнесены къ болѣе позднимъ временамъ: опредѣленное устройство общиннаго быта, разрѣшеніе столкновеній между царскою властью и верховенствомъ общины, между наслѣдственными преимуществами царскихъ и знатныхъ родовъ и безусловною равноправностью гражданъ.—Даже зачатки науки и религiи носятъ на себѣ признаки первоначальнаго единства. Числа одни и тѣже до ста (по-санскритски *śa t a m*, *ē k a śa t a m*, по-латыни *se p t u m*, по-гречески *ἑ—хатъ*, по-готски *h u n d*); названіе мѣсяца происходитъ во всѣхъ языкахъ отъ того, что по немъ измѣряютъ время (*me n s i s*). Какъ понятіе о самомъ божествѣ (по-санскритски *d ē v a s*, по-латыни *de u s*, по-гречески *θεός*), такъ и многія изъ

*) Если латинскія *vis o*, *vis en* происходятъ отъ того же корня, отъ котораго происходятъ нѣмецкое *web en* [ткать] и родственныя съ нимъ слова, то слѣдуетъ полагать, что еще въ ту пору, когда Греки и Италийцы разъединились, эти слова значили вообще плетъ, и лишь позднѣе получили значеніе тканья независимо одно отъ другаго и въ различныхъ сферахъ. И воздѣлываніе льна, какъ оно нынѣ, не доходило до того времени, такъ какъ Индійцы хотя и знакомы съ этимъ растеніемъ, но до настоящаго времени пользуются имъ только для приготовленія льнянаго масла. Съ коноплей Италийцы познакомились еще позднѣе, чѣмъ съ льномъ; по крайней мѣрѣ слово *sa p a b i s* совершенно имѣетъ видъ такого, которое было позаимствовано изъ другаго языка въ болѣе позднюю пору.

древнѣйшихъ религіозныхъ представленій и картинъ природы составляютъ общее достояніе народовъ. Напримеръ, понятія о небѣ какъ объ отцѣ, а о землѣ, какъ о матери бытія, торжественныя шествія боговъ, переѣзжающихъ съ одного мѣста на другое въ собственныхъ колесницахъ по тщательно выровненнымъ колеямъ, и не прекращающееся послѣ смерти существованіе душъ въ видѣ тѣной—все это основныя идеи какъ индійской мифологіи, такъ и греческой и римской. Нѣкоторые изъ боговъ, которымъ поклонялись на берегахъ Ганга, похожи на тѣхъ, которымъ поклонялись на берегахъ Иллісса и Тибра, даже своими именами; такъ напримеръ, чтимый Греками Уранъ тоже, что упоминаемый въ Ведахъ Варуна, а Зевсъ, Iovis pater, Dies pater—тоже, что упоминаемый въ Ведахъ Dyaus pitā. Многие изъ загадочныхъ образовъ эллинской мифологіи освѣтились неожиданнымъ свѣтомъ благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ о самомъ древнемъ индійскомъ богоученіи. Старинныя таинственные образы Эринній не принадлежали къ числу греческихъ вымысловъ, а были перенесены съ востока самими древними переселенцами. Божественная борзая собака Сагамъ, которая стережетъ у владыки небесъ золотое стадо звѣздъ и солнечныхъ лучей, и загоняетъ для доенія небесныхъ коровъ—дождевыя облака, но вмѣстѣ съ тѣмъ заботливо провожаетъ благочестивыхъ жертвоцвѣтвъ въ міръ блаженныхъ, превратилась у Грековъ въ сына Сарамы Сагамъ у насъ или Негмеіа (Гермеса); такимъ образомъ оказывается, что загадочный греческій рассказъ о похищеніи быковъ у Гелія, безъ сомнѣнія находящійся въ связи съ римскимъ сказаніемъ о Какѣ*), былъ ничѣмъ инымъ, какъ послѣднимъ непонятнымъ отголоскомъ той древней и полной смысла фантастической картины природы.

Греко-италійская культура.

Если опредѣленіе той степени культуры, которой достигли Индо-Германцы до разбѣденія племенъ, составляетъ скорѣе задачу всеобщей исторіи древняго міра, то разрѣшеніе, по мѣрѣ возможности, вопроса, въ какомъ положеніи находилась греко-италійская нація во время отдѣленія Эллиновъ отъ Италійцевъ, составляетъ прямую задачу того, кто пишетъ исторію Италіи. И этотъ трудъ nebudeтъ излишнимъ, такъ какъ этимъ путемъ мы отыщемъ исходную точку италійской цивилизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ исходную точку народной исторіи.

Земледѣліе.

Индо-Германцы, по всему вѣроятію, вели пастушескій образъ жизни и были знакомы развѣ только съ одними дикими ко-

*) Это сказаніе заключается въ томъ, что когда Геркулесъ предался покою въ странѣ Аборигеновъ, близъ Эвандрова города Паллантія, страшный великанъ Какъ украсть у него часть его стада и перетащилъ животныхъ, задомъ напередъ, въ свою пещеру для того, чтобъ нельзя было отыскать ихъ мѣстопребываніе по ихъ слѣдамъ. Геркулесъ отыскалъ похитителя по мычанію животныхъ и убилъ его. [Прям. переводчика].

лосовыми растеніями, между тѣмъ какъ Греко-Италійцы, по всѣмъ признакамъ, были хлѣбопашцами и, быть можетъ, даже винодѣлами. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вовсе не общій характеръ земледѣлія у этихъ двухъ націй, такъ какъ онъ вообще не даетъ права дѣлать заключеніе о древнемъ единствѣ народовъ. Едва ли можно оспоривать историческую связь индо-германскаго земледѣлія съ земледѣліемъ китайскихъ, арамейскихъ и египетскихъ племенъ, однако эти племена или не находятся ни въ какой родственной связи съ Индо-Германцами или отдѣлились отъ этихъ послѣднимъ къ такое время, когда, безспорно, еще не было никакого земледѣлія. Скорѣе можно предполагать, что стоявшія на болѣе высокой ступени развитія племена въ старину постоянно обмѣнивались орудіями культуры и культурными растеніями точно такъ же, какъ это дѣлается въ наше время, а когда китайскія лѣтописи ведутъ начало китайскаго земледѣлія отъ состоявшагося при такомъ-то царѣ и въ такомъ-то году введенія обработки пяти родовъ хлѣба, то этотъ рассказъ, по меньшей мѣрѣ въ своихъ общихъ чертахъ, рисуетъ съ несомнѣнной вѣрностью положеніе культуры въ самую древнюю ея эпоху. Общность земледѣлія точно такъ же, какъ и общее употребленіе азбуки, боевыхъ колесницъ, пурпура и другихъ орудій и украшеній дозволяютъ дѣлать заключенія гораздо чаще о древнихъ сношеніяхъ между народами, чѣмъ о коренномъ единствѣ народовъ. Но въ томъ, что касается Грековъ и Италійцевъ, довольно хорошо извѣстныя намъ ихъ взаимныя отношенія заставляютъ насъ считать совершенно неосновательнымъ предположеніе, будто земледѣліе было занесено въ Италію—точно такъ же какъ письменность и монета — Эллинами. Съ другой стороны, о самой тѣсной связи ихъ обоюднаго земледѣлія свидѣтельствуетъ сходство всѣхъ самыхъ древнихъ, относящихся къ этому предмету, выраженій: *ager ἀγρός*; *ago agrum ἄρβω* *ἄροτρον*; *ligo* съ *λαχάινω*; *hortus ἄρτος*; *hordeum χριθή*; *milium μελίνη*; *gара βαφανίς*; *malva μαλάχη*; *vinum οἶνος*; о томъ-же свидѣтельствуютъ: сходство греческаго полеваго хозяйства съ италійскимъ, выражающееся въ формѣ плуга, который изображался совершенно одинаково и на древнихъ аттическихъ памятникахъ и на римскихъ; выборъ древнѣйшихъ родовъ зерноваго хлѣба—пшени, ячменя и полбы; обыкновеніе срѣзывать колосья серпомъ и заставлять рогатый скотъ растаптывать ихъ ногами на гладко-выровненномъ помостѣ; наконецъ, способъ приготовленія зерна въ пищу: *puls πῦλον*, *pinso πτίσσω*, *mola μύλη*; печеніе ввелось въ болѣе позднюю пору и потому въ римскихъ религиозныхъ обрядахъ постоянно употребляли вмѣсто хлѣба тѣсто или жидкую кашу. О томъ, что и винодѣліе существовало въ Италіи до прибытія самыхъ раннихъ греческихъ переселенцевъ, свидѣтельствуетъ названіе «виноградная страна» (*Οἰνωτρία*), которое давали Италіи, какъ кажется, и самые древніе изъ греческихъ пришельцевъ.

Поэтому слѣдуетъ полагать, что переходъ отъ пастушескаго образа жизни къ земледѣлю или, выражаясь точнѣе, прибавка земледѣлства къ болѣе древнему луговому хозяйству совершилась послѣ того, какъ Индійцы выдѣлились изъ общаго лона народовъ, но прежде чѣмъ было уничтожено старое единство Эллиновъ и Италийцевъ. Впрочемъ, въ то время, когда возникло земледѣліе, Эллины и Италийцы, какъ кажется, составляли одно народное цѣлое не только между собою, но и съ другими членами великой народной семьи; по меньшей мѣрѣ достоверно извѣстно, что хотя самыя важныя изъ вышеприведенныхъ культурныхъ словъ не были знакомы азіатскимъ членамъ индо-германской народной семьи, но уже употреблялись какъ у Римлянъ и у Грековъ, такъ и у племенъ кельтскихъ, германскихъ, славянскихъ и латтскихъ *). Отдѣленіе общаго наследственнаго достоинства отъ благопріобрѣтенной собственности каждаго отдѣльнаго народа въ сферѣ нравовъ и языка до сихъ поръ еще не произведено вполне и съ такою многосторонностью, которая соответствовала бы всѣмъ развитіямъ народовъ и всѣмъ степенямъ ихъ развитія; изученіе языковъ съ этой точки зрѣнія едва начато, а исторіографія до сихъ поръ еще черпаетъ свои свѣдѣнія о самыхъ древнихъ временахъ преимущественно изъ неясныхъ окаменѣлыхъ преданій, а не изъ богатаго рудника языковъ. Поэтому намъ приходится покуда довольствоваться указаніемъ различія между культурой индо-германской народной семьи въ самыя древнія времена ея единства, и культурой той эпохи, когда Греко-Италийцы еще жили нераздѣльною жизнію; а что касается различія культурныхъ результатовъ, невстрѣчаемыхъ у азіатскихъ членовъ этой народной семьи, но уже достигнутыхъ всѣми ея европейскими членами, отъ тѣхъ, которыхъ самостоятельно достигли отдѣльныя европейскія группы, какъ напримѣръ греко-италийская и германо-славянская, — оно, если и будетъ когда-либо возможно, то не

*) Такъ напримѣръ аго агаггнш повторяются въ древне-германскомъ словѣ агап [пахать, въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ еген], erida, въ славянскихъ orati, oradio, въ литовскихъ arti, агішпав, въ кельтскихъ аг, агадаг. Такъ на ряду съ ligo стоитъ нѣмецкое Besen [грабли], на ряду съ hortus — нѣмецкое Garten [садъ], на ряду съ mola — нѣмецкое Mühle [мельница], по-славянски mlun, по-литовски malupa, по-кельтски malin. — Въ виду этихъ данныхъ нельзя допустить, что было такое время, когда Греки жили во всѣхъ азіатскихъ волостяхъ однимъ скотоводствомъ. Если не земля, а рогатый скотъ былъ какъ въ Элладѣ такъ и въ Итачии исходнымъ пунктомъ и основой всякой частной собственности, то это происходило не отъ того, что земледѣліе возникло въ болѣе позднюю пору, а отъ того, что оно было первоначально основано на системѣ общиннаго воздѣлыванія полей. Сверхъ того, само собою разумеется, что до раздѣленія племенъ еще нигдѣ не моло быть чисто-полевого хозяйства, а скотоводство присоединялось къ нему, смотря по мѣстнымъ условіямъ, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ это случалось въ болѣе позднюю пору.

иначе, какъ вслѣдъ за дальнѣйшими изслѣдованіями языковъ и историческихъ явленій. Но уже не подлежитъ сомнѣнію, что земледѣліе сдѣлалось для греко-италійской народности точно такъ же, какъ и для всѣхъ другихъ народовъ, зародышемъ и сердцевинной народной и частной жизни и что оно осталось таковымъ въ народномъ сознаніи. Домъ и осѣдлый очагъ, которые заводятся земледѣльцемъ въ замѣнъ легкой хижины и подвижнаго очага пастуховъ, олицетворяются и идеализируются въ богинѣ Вестѣ или *Estia*, — почти единственной, которая не была индо-германскаго происхожденія, а между тѣмъ искони признавалась обѣими націями. Одно изъ древнѣйшихъ сказаній италійскаго племени приписываетъ царю Италу, или — какъ должны были выговаривать это имя Италійцы, — Виталу или Витулу переходъ народа отъ пастушеской жизни къ земледѣлію и очень разумно связываетъ съ этимъ переходомъ зачатки италійскаго законодательства; то же сказаніе повторялось въ иной формѣ, когда легенда самнитскаго племени называла пахатнаго быка вождемъ первыхъ поселенцевъ или когда древнѣйшими латинскими названіями народа были слова жноцы (*Siculi* или даже *Sicani*) и хлѣбопашцы (*Orsci*). Въ такъ называемой легендѣ о происхожденіи Рима есть та несогласная съ общимъ характеромъ народныхъ сказаній черта, что народъ, который ведетъ пастушескій образъ жизни и занимается звѣроловствомъ, является вѣвѣтъ съ тѣмъ основателемъ города: у Италійцевъ точно такъ же, какъ у Эллиновъ, сказанія и религія, законы и нравы были всецѣло связаны съ земледѣліемъ *).

Измѣреніе плоскостей и способъ ихъ разграниченія, — точно такъ же, какъ и земледѣліе — были основаны у обоихъ народовъ на одинакихъ началахъ; вѣдь обработка земли не мыслима безъ какого либо, хотя бы и грубаго, способа измѣренія. Осевскій и умбрійскій ворсъ (*Vorsus*), измѣняющій 100 футовъ въ квадратъ, въ точности соответствуетъ греческому плетрону. И принципъ межеванія одинаковъ. Землеизмѣръ становится лицомъ къ которой-нибудь сторонѣ свѣта и прежде всего проводитъ двѣ линіи — съ сѣвера на югъ и съ во-

*) Въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего болѣе знаменательнаго, чѣмъ та тѣсная связь, въ которую самая древняя эпоха культуры ставила земледѣліе съ бракомъ и съ основаніемъ городовъ. Такъ напримѣръ, въ Италіи принимали главное участіе въ совершеніи браковъ богини Церера и [или?] Теллусъ [Плутархъ, *Ромул*, 22; Сервій, *Коммент. къ Энеидѣ*, 4, 166; Рособахъ, *Римск. бракъ*, стр. 257, 301], а въ Греціи Деметра [Плутархъ *Сопіи* g. P g a e s. Предисл.]; подобно тому даже происхожденіе дѣтей называлось въ старинныхъ греческихъ формулахъ „жатвой“ [стр. 24 прим.]; даже древнѣйшая форма римскихъ бракосочетаній — *confaetio* заимствовала отъ хлѣбопашества и свое названіе и свои образы. Какую роль игралъ плугъ при основаніи городовъ, всѣмъ извѣстно.

стока на западъ, — въ точкѣ пересѣченія которыхъ (*templum*, *τέμενος* отъ *τέμνω*) онъ самъ находится; за тѣмъ, на неизмѣнно установленномъ разстояніи отъ главныхъ пересѣкающихся линій, онъ проводитъ параллельныя съ ними линіи, вслѣдствіе чего образуется рядъ квадратныхъ участковъ, на углахъ которыхъ ставятся межевыя столбы (*tegmini*, въ сицилійскихъ надписяхъ *τέρμονες*, чаще *ἄροι*). Хотя этотъ способъ межеванія и былъ въ употребленіи у Этрусковъ, но едва-ли былъ этрусскаго происхожденія; мы находимъ его у Римлянъ, у Умбровъ, у Самнитовъ и также въ очень древнихъ документахъ тарентинскихъ Гераклеотовъ, которые, по всему вѣроятію, не заимствовали его у Италийцевъ точно такъ же, какъ и эти послѣдніе не заимствовали его у Тарентинцевъ, такъ какъ онъ издревле составлялъ ихъ общее достояніе. Чисто-римскою и характеристическою особенностью было лишь своеобразное развитіе квадратнаго принципа, доходившее до того, что даже тамъ, гдѣ рѣка и море составляли натуральную границу, на нихъ не обращали вниманія, а заканчивали отведенный въ собственность участокъ послѣднимъ цѣльнымъ квадратомъ.

Другіе виды хозяйства. Но чрезвычайно тѣсная родственная связь Грековъ съ Италийцами несомнѣнно обнаруживается не въ одномъ земледѣліи, а также во всѣхъ остальныхъ сферахъ древнѣйшей человѣческой дѣятельности. Греческій домъ, — въ томъ видѣ, какъ его описалъ Гомеръ, — немногимъ отличается отъ тѣхъ построекъ, которыя постоянно возводились въ Италиі; главной комнатою, а первоначально и всѣмъ внутреннимъ жилымъ пространствомъ латинскаго дома былъ атриумъ, то есть черный покой съ домашнимъ алтаремъ, съ брачною постелью, съ обѣдннымъ столомъ и съ очагомъ; ничѣмъ инымъ былъ и гермеровскій Мегаронъ съ его домашнимъ алтаремъ, очагомъ и почернѣвшимъ отъ копоти потолкомъ. Нельзя того-же сказать о судостроеніи. Гребная ладья была издревле общимъ достояніемъ Индо-Германцевъ; но переходъ къ паруснымъ судамъ едва-ли можетъ быть отнесенъ къ греко-италийскому періоду, такъ какъ мы не находимъ морскихъ названій, которыя не были-бы общими для Индо-Германцевъ, а появились-бы впервые у Грековъ и у Италийцевъ. Напротивъ того, Аристотель сравниваетъ съ критскими сисситіями *) очень древнее обыкновеніе италийскихъ крестьянъ обѣдать за общимъ столомъ, а мнѣшескія сказанія связываютъ происхожденіе такихъ общихъ трапезъ съ введеніемъ земледѣлія; древніе Римляне сходились съ Критянами и Лаконцами также въ томъ, что ѣли сидя, а не лёжа на скамьѣ, какъ это впоследствии вошло въ обыкновеніе у обоихъ народовъ. Добываніе огня посредствомъ тренія двухъ кусковъ равнороднаго дерева было общимъ у всѣхъ народовъ, но, конечно, неслучайно

*) Такъ назывался у древнихъ Спартанцевъ общественный столъ. [*Прим. перес.*].

сходятся Греки и Италийцы въ названіи двухъ кусковъ—трушга (τρῦζανον, terebra) и подложеннаго (σῶβραυς ἐσχάρα, tabula, конечно отъ tendere, τέταρα). Точно такъ и одежда была въ сущности одинакая у обоихъ народовъ, такъ какъ туника вполне соответствуетъ хитону, а тога ничто иное, какъ болѣе широкій гинатионъ; даже относительно столь намѣчивой формы оружія, оба народа сходятся въ томъ, что метательное копьё и лукъ служатъ для нихъ главными орудіями нападенія; у Римлянъ это ясно обнаруживается въ самыхъ древнихъ названіяхъ воиновъ (quiritēs, samnites, pilumni—armites*) и въ томъ, что ихъ оружіе было приспособлено къ самымъ древнимъ боевымъ приёмамъ, не рассчитаннымъ на рукопашныя схватки. Такимъ образомъ все, что касается матеріальныхъ основъ человеческого существованія, восходитъ въ языкъ и въ правахъ Грековъ и Италийцевъ къ однимъ и тѣмъ-же началамъ, и тѣ самыя древнія задачи, которыя земля задала челоуѣку, были сообща разрѣшены двумя народами въ то время, какъ они еще составляли одно цѣлое.

Не то было въ духовной сферѣ. Великая задача челоуѣка жить **Внутренняя** въ сознательной гармоніи съ самимъ собою, съ своими равными **противопо-** и со всѣмъ челоуѣчествомъ допускаетъ столько-же рѣшениі, сколько **ложность** провинцій въ царствѣ нашего Отца, и именно въ этой сферѣ, а не **Италийцевъ** въ матеріальной, обнаруживается различіе въ характерахъ какъ **от-** **и Грековъ.** дѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ народовъ. Въ греко-италийскомъ періодѣ, какъ слѣдуетъ полагать, еще не было поводовъ, по которымъ могла-бы обнаружиться эта внутренняя противоположность; только между Эллинами и Италийцами впервые выступило наружу то глубокое духовное различіе, влияние котораго не прекращается до настоящаго времени. Семейство и государство, религія и искусство были какъ въ Италиі, такъ и въ Греціи до такой степени своеобразны и развились въ такомъ чисто-національномъ духѣ, что общая основа, на которую опирались въ этомъ отношеніи оба народа, расширилась и у того и у другаго до крайности и почти совершенно исчезла изъ нашихъ глазъ. Сущность эллинскаго духа заключалась въ томъ, что цѣлое приносилось въ жертву отдѣльнымъ единицамъ, нація—общинѣ, община—гражданину; его идеаломъ была прекрасная и нравственная жизнь и слишкомъ часто пріятная праздность; его политическое развитіе заключалось въ усилеиці первоначальной самостоятельности отдѣльныхъ волостей и поздиѣ даже во внутреннемъ раз-

*) Между самыми древними греческими и италиійскими названіями оружія едва ли можно найти схожія: названіе *la psea* хотя и находится, безъ всякаго сомнѣнія, въ родствѣ съ *λῶχυη*, но какъ римское слово появилось поздно и, быть можетъ, было заимствовано отъ Германцевъ или отъ Испанцевъ; то-же можно сказать о греческомъ *σαυλον*.

моженіи общинной власти; его религиозное воззрѣніе сначала сдѣлало изъ боговъ людей, потомъ отвергло боговъ, разнудало члены тѣла въ публичныхъ играхъ обнаженныхъ строговъ и дало новую волю мысли во всемъ ея величіи и во всей ея плодотворности; а сущность римскаго духа выражалась въ томъ, что онъ держалъ сына въ страхѣ передъ отцомъ, гражданина въ страхѣ передъ его повелителемъ, а всѣхъ ихъ въ страхѣ передъ богами; онъ ничего не требовалъ и ничего не уважалъ, кромѣ полезной дѣятельности и заставлялъ каждого гражданина наполнять каждое мгновеніе короткой жизни неуспыннымъ трудомъ; даже мальчикамъ онъ ставилъ въ обязанность стыдливо прикрывать ихъ тѣло, а тѣхъ, кто не хотѣлъ слѣдовать примѣру своихъ товарищей, относилъ въ разрядъ дурныхъ гражданъ; для него, государство было всё, а расширение государства было единственнымъ незапрещеннымъ высокимъ стремленіемъ. Кто-же могъ-бы мысленно подвести эти рѣзкія противоположности подъ то первоначальное единство, которое когда то заключало ихъ въ себѣ и которое подготовило ихъ и развило? Пытаться прикидывать эту завѣсу было-бы и безразсудно и слишкомъ смѣло; поэтому мы попытаемся обозначить вѣчатки италійской національности и ихъ связь съ богами древней эпохой только легкими штрихами; наша цѣль заключается не въ томъ, чтобы выражать словами догадки проникательнаго читателя, а въ томъ, чтобы наводить его на настоящій путь.

Семейство и государство.

Все, что можетъ быть названо въ государствѣ патриархальнымъ элементомъ, было основано и въ Греціи и въ Италиіи на одномъ и томъ-же фундаментѣ. Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести нравственный и благопристойный характеръ супружеской жизни *), который ставилъ въ обязанность мужчинѣ одноженство, а женщину строго наказывалъ за прелюбодѣяніе, и который утверждаетъ равенство лицъ обоюго пола и святость брака, отводя матери высокое положеніе въ домашнемъ кругу. Напротивъ того, сильное и не обращающее никакого вниманія на человѣческую личность развитіе власти мужа и въ особенности отца было незнакомо Грекамъ, но было свойственно Италиійцамъ, а нравственная зависимость впервые превратилась въ Италиіи въ установленное закономъ рабство. Точно такъ и составляющее самую сущность рабства, полное безправіе раба поддерживалось Римлянами съ немилосердной строгостью и было развито во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ, между тѣмъ какъ у Грековъ рано появились фактическія и легальныя смягченія, — какъ напримѣръ бракъ между рабами былъ признанъ законною связью. — На семьѣ зиждется родъ.

*) Это сходство обнаруживается даже въ частности, какъ напримѣръ въ опредѣленіи настоящаго брака, какъ такого, который „заключенъ для произведенія на свѣтъ законныхъ дѣтей“ [*γάμος ἐπὶ παίδων γυναικῶν ἀρότος* — *matrimonium liberorum quaerendorum causa*].

то есть союзъ потомковъ одного и того-же родоначальника, а изъ родовъ возникло и у Грековъ и у Италийцевъ ихъ государственное устройство. Но при болѣе слабomъ политическомъ развитіи Греціи, родовой союзъ долго сохранялъ насупротивъ государства свою корпоративную силу даже въ историческую эпоху, между тѣмъ какъ италийское государство скоро до такой степени оврѣпло, что роды совершенно стертись передъ нимъ и оно представляло не соединеніе родовъ, а соединеніе гражданъ. А тотъ противоположный фактъ, что въ Греціи отдѣльная личность достигла насупротивъ рода внутренней свободы и своеобразнаго развитія ранѣе и полнѣе, чѣмъ въ Римѣ, ясно отразился въ совершенно различномъ у обоихъ народовъ развитіи собственныхъ именъ, которыя однако были первоначально однородными. Въ самыхъ древнихъ греческихъ собственныхъ именахъ родовое имя часто присоединяется къ индивидуальному имени въ видѣ прилагательнаго; напротивъ того, еще римскимъ ученымъ было извѣстно, что ихъ предки первоначально носили только одно имя, — то, которое въслѣдствіи сдѣлалось собственнымъ. Но между тѣмъ, какъ въ Греціи прилагательное родовое имя рано исчезаетъ, у Италийцевъ, а не у однихъ только Римлянъ, оно дѣлается главнымъ, такъ что настоящее индивидуальное имя, — то, которое дается при рожденіи, — занимаетъ подлѣ него второстепенное мѣсто. Даже можно сказать, что небольшое и постоянно уменьшающееся число, равно какъ значительность италийскихъ и въ особенности римскихъ индивидуальныхъ именъ въ сравненіи съ роскошнымъ и поэтическимъ изобиліемъ греческихъ наглядно объясняютъ намъ, въ каждой мѣрѣ въ духѣ Римлянъ было нивелированіе человѣческой личности, а въ духѣ Грековъ — ея свободное развитіе.

Совѣстная жизнь въ семейныхъ общинахъ подлѣ властію начальниковъ племени, — какою она, вѣроятно, была въ греко-италийскую эпоху, — могла казаться несоответствующей позднѣйшему государственному устройству Грековъ и Италийцевъ; тѣмъ не менѣе въ ней уже должны были существовать зачатки юридическаго развитія. «Законы царя Итали», дѣйствовавшіе еще во времена Аристотеля, быть можетъ, были представителями именно такихъ общихъ обѣимъ націямъ постановленій. Въ томъ, что касалось внутреннихъ дѣлъ общины — спокойствіе и соблюденіе законовъ, въ томъ, что касалось ея вѣшнихъ дѣлъ — военныя силы и воинскій уставъ, затѣмъ главенство начальника племени, совѣтъ старшинъ, сходки способныхъ носить оружіе вольныхъ людей, однимъ словомъ, какая-нибудь определенная система управленія — вотъ что должно было служить содержаніемъ для этихъ законовъ. Судъ (*сгίμα εν, χρίνατι*), иена (*ροεпа, πο(νη)*), возмездіе (*talio, ταλάνω τλῆνα*) греко-италийскія понятія. Строгіе законы, по которымъ должникъ отвѣчалъ за неплату долга прежде всего своею личностью, существовали у всѣхъ

Италийцевъ, какъ напримѣръ даже у тарентинскихъ Гераклеотевъ. Основы римскаго государственнаго устройства—царская власть, сенатъ и народное собраніе, имѣвшее право лишь утверждать или отвергать предложенія, внесенныя царемъ и сенатомъ, едва-ли гдѣ-нибудь описаны такъ ясно, какъ въ Аристотелевомъ разсказѣ о древнемъ государственномъ устройствѣ Крита. Точно также у обѣихъ націй мы находимъ зачатки болѣе обширныхъ государственныхъ союзовъ, возникшихъ вслѣдствіе братскихъ соглашеній между отдѣльными государствами или даже вслѣдствіе слиянія нѣсколькихъ племенъ, жившихъ до того времени самостоятельно (*Synthasie*, *Synpolitikos*). Сходству этихъ основъ эллинскаго и италийскаго государственнаго устройства слѣдуетъ придавать тѣмъ болѣе важную важность, что оно не распространяется на остальные индогерманскія племена; такъ напримѣръ германское общинное устройство отличалось отъ общиннаго устройства Гревовъ и Италийцевъ тѣмъ, что не имѣло своимъ исходомъ власть избирательнаго царя. Впрочемъ изъ дальнѣйшаго разсказа будетъ видно, въ какой мѣрѣ были несходны государственныя учрежденія, построенныя въ Италиі и въ Греціи на одинакомъ фундаментѣ, и какъ политическое развитіе каждой изъ этихъ двухъ націй совершалось вполне самостоятельно *).

Религія.

Не иначе было и въ сферѣ религіи. Конечно, и въ Италиі, точно такъ-же, какъ въ Элладѣ, въ основѣ народныхъ вѣрованій лежалъ одинакій запасъ символическихъ и аллегорическихъ изображеній природы, который и былъ причиной той аналогіи между римскимъ міромъ боговъ и духовъ и греческимъ, которая получила столь важное значеніе въ позднѣйшихъ стадіяхъ своего развитія. И во многихъ отдѣльныхъ представленіяхъ, какъ напримѣръ въ выше упомянутыхъ образахъ Зевса-Діониса и Гестіи-Весты, въ понятіи о священномъ пространствѣ (*temenos*, *templum*), во многихъ жертвоприношеніяхъ и религіозныхъ обрядахъ обѣ культуры имѣютъ не одно только случайное сходство. Но тѣмъ не менѣе и въ Элладѣ и въ Италиі эти представленія получили такое вполне національное и своеобразное развитіе, что лишь небольшая часть ихъ стараго наследственнаго достоинства сохранилась въ нихъ замѣтнымъ образомъ, да и та была болѣею частью или вовсе не понята или понята въ ложномъ смыслѣ. Иначе и быть не могло; подобно тому, какъ у самихъ народовъ выдѣлились тѣ рѣзкія противоположности, которыя сближались въ греко-

---

*) При этомъ, конечно, не слѣдуетъ забывать, что схожіе зачатки повсюду приводять и въ схожімъ учрежденіямъ. Такъ напримѣръ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что римское плебейство впервые возникло внутри римскаго общиннаго устройства; однако, нѣчто съ нимъ сходное встрѣчается повсюду, гдѣ рядомъ съ гражданскою общиною поселился пришлый людъ. Само собой разумѣется, что и причудливая случайность играетъ тутъ нѣкоторую роль.

италійскою періодѣ въ своемъ неразвитомъ видѣ, такъ и въ ихъ религіи разошлись понятія и образы, до тѣхъ поръ составлявшіе въ ихъ душѣ одно цѣлое. Видя, какъ мчатся по небу облака, старинный земледѣлецъ могъ выражать свои впечатлѣнія въ такой формѣ, что состоящая на слубѣ у боговъ собака вагоняетъ разбѣжавшихся отъ страха коровъ въ одно стадо; а Грекъ позабылъ, что подъ коровами разувѣлись облака и изъ придуманнаго съ специальною цѣлію сына божественной суки сдѣлать готоваго на всякія услуги, ловкаго разсильнаго боговъ. Когда раздавались въ горахъ раскаты грома, онъ видѣлъ, какъ Зевсъ металъ съ Олимпа громовыя стрѣлы; когда ему снова улыбалось синее небо, онъ смотрѣлъ въ блестящія очи Зевсовой дочери Лейны, и ему казались такими полными жизни тѣ образы, которые онъ самъ для себя создавалъ, что онъ скоро сталъ видѣть въ нихъ ничто иное, какъ озаренныхъ блескомъ могучей природы и влелѣбанныхъ ею людей, которыхъ сталъ, ничѣмъ не стѣсняясь, создавать и передѣлывать сообразно съ законами красоты. Совершенно иначе, но не менѣе сильно выразилась задумчивая религіозность италійскаго племени, которое крѣпко держалось за отвлеченныя идеи и не допускало, чтобъ ихъ затемняли внѣшними формами. Во время принесенія жертвы Грекъ подымалъ глаза къ небу, а Римлянинъ покрывалъ свою голову, потому что та молитва была созерцаемъ, а эта — мышлениемъ. Въ природѣ Римлянинъ чтитъ все, что духовно и всеобщее; всякому бытію, — какъ человѣку, такъ и дереву, какъ государству, такъ и владовой, — онъ придавалъ вмѣстѣ съ нимъ возникающую и вмѣстѣ съ нимъ исчезающую душу, которая была отблескомъ физическаго міра въ духовной сферѣ; мушнѣ соответствовалъ мужескій геній, женщинѣ — женственная Юнона, межѣ — Терминъ, дѣсу — Сильванъ, годовому обороту — Вертумнъ, и такъ далѣе — всякому по его свойствамъ. Въ человѣческой дѣятельности одухотворяются даже ея отдѣльные моменты. Такъ напримѣръ въ молитвѣ хлѣбопашца дѣлаются воззванія къ геніямъ оставленной подъ парь пашни, вспаханнаго поля, борозды, посѣва, прикрышки, борозды и такъ далѣе со включеніемъ даже свозки и укладки въ амбаръ и открытія дверей въ житницу; точно такимъ-же образомъ были надѣлены духовною живнью бракъ, рожденію и всѣ другія явленія матеріальной жизни. Но чѣмъ шире сфера, въ которой вращаются отвлеченныя идеи, тѣмъ выше значеніе божества и тѣмъ сильнѣе благоговѣніе, внушаемое этимъ божествомъ человѣку; такъ напримѣръ, Юпитеръ и Юнона олицетворяютъ отвлеченныя понятія о мужествѣ и о женственности, Деа Діа или Церера — творческую силу, Минерва — напоминающую силу, Деа Вопа или, какъ она называлась у Самнитовъ, Деа сирга — доброе божество. Между тѣмъ, какъ Грекамъ все представлялось въ конкретной и осязательной формѣ, Римлянѣ могли удовлетворять только отвлечен-

ныя, совершенно прозрачныя формулы; и если Грекъ болѣею частію отвергалъ старинный запасъ самыхъ древнихъ легендъ, потому что въ созданныхъ этими легендами образахъ слишкомъ ясно просвѣчивала основная идея, то Римлянинъ былъ еще менѣе расположенъ сохранять ихъ, такъ какъ въ его главахъ даже самый легкій аллегорическій покровъ затенялъ смыслъ священныхъ идей. У Римлянъ даже не сохранялось никакихъ слѣдовъ отъ самыхъ древнихъ и всѣми усвоенныхъ мифовъ, какъ напримѣръ отъ того удивительнаго у Индійцевъ, у Грековъ и даже у Семитовъ разсказа, что послѣ большого потопа остался живъ одинъ человѣкъ, сдѣлавшійся прототипомъ всего теперешняго человѣческаго рода. Ихъ боги, — не такъ какъ греческіе, — не могли жениться и производить на свѣтъ дѣтей; они не блуждали незримиыми между людьми и не нуждались въ нестарѣ. Но о томъ, что ихъ духовность, кажущаяся неполной только при неполномъ на нее взглядѣ, овладѣвала сердцами сильно и, быть можетъ, болѣе си въно, чѣмъ созданные по образу и подобию человѣка боги Эллады, можетъ служить свидѣтельствомъ, даже въ случаѣ молчанія исторіи, тотъ фактъ, что названіе вѣры *Religio*, то-есть обязательство, было и по своей формѣ и по своему смыслу римскимъ словомъ, а не эллискимъ. Какъ въ Индіи и Иранѣ развились изъ одного и того-же наследственнаго достоинства — въ первой роскошныя формы ея священныхъ поэмъ, во второй отвлеченныя идеи Зендавесты, такъ и въ греческой мифологіи господствуетъ личность, а въ римской — идея, въ первой — свобода, во второй — необходимость.

Искусство.

Наконецъ, всё, что нами замѣчено о серьезной сторонѣ жизни, можетъ быть отнесено и къ ея воспроизведенію въ формѣ шутокъ и забавъ, которыя повсюду, — и въ особенности въ тѣ древнія времена, когда жизнь была цѣльной и несложной, — не исключаютъ эту серьезную сторону, а только прикрываютъ ее. Самые простые элементы искусства были вообще одинаковы и въ Лациумѣ и въ Эладѣ, какъ то: почетный танецъ съ оружіемъ, «скаканіе» (*trichiprus*, *θραμβος*, *διδυραμβος*), маскарады «сытыхъ людей» (*saturoi*, *satira*), которые, закутавшись въ бараныи и въ козлиныя шкуры, заканчиваютъ праздникъ своими проказами; наконецъ, флейта, жѣрные звуки которой служатъ руководствомъ и аккомпанементомъ для плясокъ какъ торжественныхъ, такъ и веселыхъ. Едва-ли сказывается въ чемъ-либо другомъ такъ-же ясно близкое родство Эллиновъ съ Италиейцами, а между тѣмъ ни въ чемъ другомъ эти двѣ націи не расходятся между собою такъ-же далеко. Образование юношества оставалось въ Лациумѣ замкнутымъ въ узкихъ рамкахъ семейнаго воспитанія, а въ Греціи стремленіе къ многостороннему, во вибѣстѣ съ тѣмъ гармоническому развитію человѣческой души и тѣла создало науки гимнастику и Педею, развитіемъ которыхъ и вся нація и частные люди дорожили, какъ своимъ луч-

нимъ достояніемъ. По бѣдности своего художественнаго развитія Лаціумъ стоитъ почти на одномъ уровнѣ съ тѣми народами, у которыхъ не было никакой культуры, а въ Элладѣ съ неимовѣрной быстротой развились изъ религіозныхъ представленій мифъ и внѣшнія формы культа и изъ этихъ послѣднихъ тотъ дивный міръ поэзіи и ваянія, которому уже не встрѣчается въ исторіи ничего подобнаго. Въ Лаціумѣ, и въ общественной жизни и въ частной, не было никакого могущества, кромѣ того, которое приобрѣталось мудростью, богатствомъ и силой, а въ удѣлѣ Эллинамъ досталась способность сознать вдохновляющее могущество красоты, быть въ чувственно-идеальной мечтательности слугою прекраснаго друга-отрока и снова находить въ таинственныхъ пѣсноуѣніяхъ божественнаго пѣвца свое утраченное мужество. — Такимъ образомъ обѣ націи, въ лицѣ которыхъ древность достигла своей высшей ступени, были столько-же различны одна отъ другой, сколько схожи по своему происхожденію. Преимущества Эллиновъ надъ Италиѣцами болѣе ясно бросаются въ глаза и оставили послѣ себя болѣе яркій отблескъ; но въ богатой сокровищницѣ италійской націи хранилось: глубокое сознаніе всеобщаго въ частномъ, способность отдѣльныхъ личностей къ самоотреченію и искренняя вѣра въ своихъ собственныхъ боговъ. Оба народа развились односторонне и потому оба развились вполне. Только мелкодушное тупоуміе способно поносить Аѳинянина за неумѣнье организовать его общину такъ, какъ она была организована Фабіями и Валеріями, или Римлянина за неумѣнье ваять, какъ Фидій и писать, какъ Аристофанъ. Самой лучшей и самой своеобразной чертой въ характерѣ греческаго народа и было именно то, что онъ не былъ въ состояніи перейти отъ національнаго единства къ политическому, не замѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое государственное устройство деспотической формой правленія. Идеальный міръ прекраснаго былъ для Эллиновъ все и даже до нѣкоторой степени восполнялъ для нихъ то, чего имъ въ дѣйствительности не доставало; если въ Элладѣ иногда и проявлялось стремленіе къ національному объединенію, то оно всегда исходило не отъ непосредственныхъ политическихъ факторовъ, а отъ мифъ и искусствъ: только состязанія на олимпійскихъ играхъ, только пѣсни Гомера и трагедіи Еврипида соединяли Элладу въ одноцѣлое. Напротивъ того, Италиецъ рѣшительно отказывался отъ правды ради свободы и научался повиноваться отцу для того, чтобы уметь повиноваться государству. Если при такой покорности могли пострадать отдѣльныя личности и могли заглухнуть въ людяхъ ихъ лучшіе природные задатки, за то эти люди приобрѣтали такое отечество и проникались такою къ нему любовью, какихъ никогда не знали Греки, — за то между всѣми культурными народами древности, они достигли, — при основанномъ на самоуправленіи государственномъ устройствѣ, — такого національнаго единства, которое въ концѣ-концевъ подчинило имъ и раздробившееся эллинское племя и весь міръ.

Г Л А В А Ш.

Поселенія Латиновъ.

Переселеніе Родной индо-германскаго племени была западная часть средней Индо-Германцевъ. Оттуда оно распространилось частію въ юго-восточномъ направленіи по Индіи, частію въ сѣверо-западномъ по Европѣ. Трудно точнѣе опредѣлить первоначальное мѣсто жительства Индо-Германцевъ; во всякомъ случаѣ слѣдуетъ полагать, что оно находилось внутри материка и вдалекѣ отъ моря, такъ какъ мы не находимъ ни одного слова, которымъ называлось-бы море, ни у азіатской ни у европейской отрасли этого племени. Есть не мало признаковъ, по которымъ можно нѣсколько точнѣе указать на страны, лежащія вдоль береговъ Евфрата,—изъ чего истекаетъ тотъ замѣчательный фактъ, что первоначальныя мѣста жительства двухъ самыхъ важныхъ культурныхъ племенъ индо-германскаго и арамейскаго почти совпадаютъ въ географическомъ отношеніи, а это служитъ подтвержденіемъ для догадки о родствѣ и между этими народами—для той догадки, которая впрочемъ находится почти совершенно внѣ всякихъ культурныхъ и филологическихъ изслѣдованій. Болѣе точное указаніе мѣстности такъ-же невозможно, какъ невозможно прослѣдить дальнѣйшія переселенія отдѣльныхъ племенъ. Европейская вѣтвь, вѣроятно, и послѣ выдѣленія индійской еще долго жила въ Персіи и въ Арменіи, такъ какъ эти страны были, по всѣмъ признакамъ, колыбелью земледѣлія и винодѣлія. Ячмень, полба и пшеница искони произрастали въ Месопотаміи, а виноградная лоза—къ югу отъ Кавказа и отъ Каспійскаго моря; тамъ также находилось мѣсто рожденія сливнаго, орѣховаго и другихъ легко пересаживаемыхъ фруктовыхъ деревьевъ. Достойнъ вниманія и тотъ фактъ, что у большинства европейскихъ племенъ, у Латиновъ, у Кельтовъ, у Германцевъ и у Славянъ, море имѣло одинакое названіе; отсюда слѣдуетъ заключить, что эти племена еще до своего раздѣленія достигли береговъ Чернаго моря или также Каспійскаго. Вопросъ, какимъ путемъ Италійцы добрались оттуда до цѣли Альповъ и гдѣ именно

жили они до своего отдѣленія отъ Эллиновъ, можетъ быть рѣшено только тогда, когда будетъ выяснено, казкимъ путемъ Эллины достигли Греціи—черезъ Малую Азію или черезъ придунайскія страны. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что Италійцы, точно такъ-же, какъ и Индійцы, попали на свой полуостровъ съ сѣвера (стр. 11). До сихъ поръ еще можно ясно прослѣдить движеніе умбро-сабельскаго племени по среднему горному хребту Италіи въ направленіи отъ сѣвера къ югу, а послѣднія фазы этого движенія даже относятся къ вполне-историческимъ временамъ. Не такъ легко различить путь, которымъ совершилось переселеніе Латинцевъ. Оно, вѣроятно, происходило въ томъ-же направленіи, вдоль западнаго берега, конечно задолго до того времени, когда двинулись съ своего мѣста первыя сабельскія племена; воды достигаютъ во время разлива высшихъ мѣстъ только послѣ того, какъ покрыли низменныя мѣста и потому только болѣе раннимъ поселеніемъ латинскихъ племенъ на берегу моря объясняется тотъ фактъ, что Сабеллы удовольствовались болѣе суровой нагорной мѣстностью и лишь оттуда при случаѣ втирались въ среду латинскихъ племенъ.

Что отъ лѣваго берега Тибра вплоть до Вольскихъ горъ жило Латинское племя, давно уже хорошо извѣстно; но въ этихъ горахъ, по видимому оставленныхъ въ пренебреженіи во время перваго переселенія, когда еще были свободны равнины Лаціума и Кампаніи, поселилось, — какъ это доказываютъ вольскія надписи, — такое племя, которое было въ болѣе близкомъ родствѣ съ сабельскимъ, чѣмъ съ латинскимъ. Напротивъ того, въ Кампаніи, до прибытія греческихъ и самнитскихъ поселенцевъ, вѣроятно, жили Латинцы, такъ какъ италійскія названія *Novla* или *Nola* (новый городъ) *Сашрані Сарна*, *Volturnus* (отъ *volvere*, какъ *Inturna* отъ *inverge*), *Orsci* (работники), какъ доказано, древнѣе самнитскаго нашествія и свидѣлствуютъ о томъ, что во время основанія Рима Греками, Авзонской Кампаніей владѣло италійское и, по всему вѣроятію, латинское племя. И коренные жители той мѣстности, которая была впоследствии заселена Луканцами и Бреттіями, то есть собственно такъ-называемые *Itali* (обитатели страны рогатаго скота) причисляются лучшими наслѣдователями не къ япигскому, а къ италійскому племени; ничто не мѣшаетъ причислять ихъ къ латинскому племени, хотя совершившееся еще до начала государственнаго развитія Италіи эллинизированіе этихъ странъ и ихъ позднѣйшее наводненіе массами Самнитовъ совершенно изгладил тамъ слѣды болѣе древней національности. И точно такъ-же исчезнувшее племя Сикуловъ ставится древними сказаніями въ связь съ Римомъ; такъ напримѣръ самый древній изъ италійскихъ историковъ, Антіохъ Сиракузскій рассказываетъ, что къ царю Италіи (т. е. Бреттійскаго полуострова) Моргесу явился бѣглець изъ Рима по имени Сикель,

а эти рассказы, по всему вѣроятію, основаны на предположеніи историка, что племя Сикуловъ, жившее въ Италіи еще во времена Фукидида, стояло наравнѣ съ латинскимъ. Хотя поразительное сходство нѣкоторыхъ словъ сицилійско-греческаго диалекта съ латинскими и объясняется скорѣе старинными торговыми сношеніями Рима съ сицилійскими Греками, тѣмъ стариннымъ сходствомъ языковъ, на которыхъ говорили Сикулы и Римляне, тѣмъ не менѣе всѣ признаки указываютъ на то, что не только латинская, но, по всему вѣроятію, также кампанская и луканская земля, то-есть собственно такъ-называемая Италія между заливами Тарентскимъ и Лаосскимъ, равно какъ восточная половина Сициліи, были въ глубокой древности заселены различными племенами латинской національности.

Участь этихъ племенъ была далеко не одинакова. Тѣ изъ нихъ, которыя поселились въ Сициліи, въ Великой Греціи и въ Кампаніи, пришли въ соприкосновеніе съ Греками въ такую пору, когда еще не могли устоять противъ вліянія греческой цивилизаціи и потому или совершенно эллинизировались, какъ напримѣръ въ Сициліи, или такъ ослабѣли, что безъ большаго сопротивленія были подавлены свѣжими силами сабинскихъ племенъ. Такимъ образомъ, ни Сикуламъ, ни Италійцамъ съ Моргетами, ни Аввонамъ не пришлось играть дѣятельной роли въ исторіи полуострова. Иначе было въ Лаціумѣ, гдѣ Греки не заводили колоній и гдѣ мѣстному населенію удалось, послѣ упорной борьбы, устоять и противъ Сабиновъ и противъ сѣверныхъ сосѣдей: Взглянемъ-же на ту мѣстность, которой было суждено пріобрѣсть въ исторіи древняго міра такое значеніе, какового не имѣла никакая другая страна.

Лаціумъ.

Еще въ самой глубокой древности равнина Лаціума была театромъ громаднхъ переворотовъ въ нѣдрахъ природы; медленно-дѣйствующая, творческая сила водъ и взрывы грозныхъ вулкановъ наваливали новые слои на ту почву, на которой долженъ былъ разрѣшиться вопросъ, какому народу будетъ принадлежать всемірное владычество. Эта равнина замыкается: съ востока горами Сабиновъ и Эввовъ, составляющими часть Апеннинъ; съ юга вздымающимся до высоты 4000 футовъ высокимъ горнымъ хребтомъ, который отдѣляется отъ главной цѣли Апеннинъ стариннымъ владѣніемъ Герниковъ — нагорною площадью Сакко (Треруса, одного изъ притѣковъ Лириса) и, направляясь отъ этой площади къ западу, заканчивается Террачинскимъ мысомъ; съ запада — моремъ, которое образуетъ на этихъ берегахъ лишь немногочисленные и незначительныя гавани; съ сѣвера — великолѣпной равниной, которая стелется на большомъ протяженіи вплоть до холмистой страны Этрусковъ и которую орошаютъ «горный потокъ» Тибръ, вытекающій изъ умбрійскихъ горъ, и рѣка Аніо, вытекающая изъ сабинскихъ горъ. На ея поверхности разбросаны, подобно островамъ, частію крутыя Сорактскіе известковыя

утесы съ сѣверо-востока, утесы Цирцейскаго мыса съ юго-запада, равно какъ походяй на нихъ, хотя и менѣе высекій Яникуль подлѣ Рима, частію вулканическія возвышенности съ потухшими кратерами, которые превратились въ озера, мѣстами оставшіяся въ своемъ прежнемъ видѣ и по сіе время; самая значительная изъ этихъ возвышенностей—альбанскій горный хряжь, который одиноко возвышается надъ равниной между вольскими горами и теченіемъ Тибра.

Тамъ поселилось то племя, которое извѣстно въ исторіи подъ именемъ Латиновъ, или.—какъ оно было впоследствии названо въ отличіе отъ латинскихъ общинъ, основанныхъ внѣ этой области, — «древнихъ Латиновъ» (*prisci Latini*). Но занятой имъ округъ Лаціума составлялъ лишь небольшую часть той средне-италійской равнины. Вся страна къ сѣверу отъ Тибра была для Латиновъ чужой и даже враждебной страной, съ жителями которой былъ невозможенъ вѣчный союзъ или прочный миръ, а перемирія, какъ кажется, всегда заключались лишь на короткій срокъ. Тибръ съ самой глубокой древности былъ сѣвѣрной границей и ни въ исторіи ни въ самыхъ достовѣрныхъ народныхъ сказаніяхъ не сохранилось воспоминаній о томъ, какъ и когда установилось это богатое послѣдствіями разграниченіе владѣній. Въ то время, съ котораго начинается наша исторія, плоская и болотистая мѣстность на югѣ отъ Альбанскихъ горъ находилась въ рукахъ умбро-сабельскихъ племенъ Рутуловъ и Вольсковъ; даже Ардеа и Велигры не были коренными латинскими городами. Только средняя часть этой равнины, лежащая между Тибромъ, предгорьями Апеннинъ, Альбанскими высотами и моремъ, и образуемая площадь почти въ 34 нѣмецкихъ квадратныхъ миляхъ, то-есть немного болѣе обширную, чѣмъ теперешній Цюрихскій кантонъ, составляла собственно такъ-называемый Лаціумъ или ту «равнину»*), которая представляется нашимъ взорамъ съ высотъ Монте-Каво. Тамъ мѣстность довольно ровная, но не совершенно плоская; за исключеніемъ песчанаго морскаго берега, покрытаго наносной землей частію изъ Тибра, она повсюду пересѣкается небольшими высотами и даже нерѣдко довольно крутыми известковыми холмами и глубокими разсѣдинами, а эти безпрестанныя повышенія и пониженія почвы образуютъ въ промежуточныхъ пространствахъ накопленія тѣхъ стоячихъ водъ, которыя испаряются во время лѣтнихъ жаровъ вмѣстѣ съ гніющими въ нихъ органическими остатками и распространяютъ злокачественную лихорадеу, которая и въ древности, какъ

*) Какъ на это указываютъ слова *latus* [сторона] и *πλατὺς* [плоское]; стало-быть это была плоская мѣстность въ противоположность съ сабинскою горною мѣстностью, подобно тому, какъ Кампанія—„равнина“ представляетъ противоположность съ Самніумомъ. Сюда не относится слово *lātus*, иррежне *stlātus*.

теперь, была въ лѣтнюю пору настоящей яввой того края. Объясняются тѣ, которые полагають, что причиною этихъ мизановъ былъ упадокъ, въ который пришло земледѣліе отъ дурнаго управленія въ послѣдніе вѣка республики и при палахъ; эту причину слѣдуетъ искать въ недостаточномъ стоѣ водъ, который и въ настоящее время нѣтъ такихъ-же послѣдствій, какія нѣтъ тысячи лѣтъ тому назадъ. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что при непрерывномъ воздѣлываніи почвы, вредный воздухъ до нѣкоторой степени утрачиваетъ свою заразительность, а причина этого еще не вполне выяснена, но частію должна заключаться въ томъ, что обработка верхнихъ слоевъ земли ускоряетъ высыханіе стоячихъ водъ. Все-таки для насъ остается необъяснимымъ, какъ могло появиться густое земледѣльческое населеніе въ такихъ мѣстностяхъ, какъ латинская равнина и низменности Сибариса и Метапонта, гдѣ въ настоящее время нельзя найти здоровыхъ жителей и гдѣ путешественникъ неохотно остается на ночь. Но не слѣдуетъ забывать, что народъ, стоящій на низкой степени цивилизаціи, вообще болѣе чутокъ къ требованіямъ природы, болѣе способенъ привыкаться къ этимъ требованіямъ и, быть можетъ, также одаренъ болѣе эластичной физиологической организаціей, которая даетъ ему возможность уживаться съ нѣстными условіями. Въ Сардиніи до сихъ поръ занимаютъ земледѣліемъ при точно такихъ-же климатическихъ условіяхъ; тамъ воздухъ также заразителенъ, но земледѣлецъ спасается отъ его аліянія благодаря предусмотрительной заботливости о своей одеждѣ, о своей пищѣ и о выборѣ самыхъ удобныхъ часовъ дня для своихъ работъ. Ничто такъ не предохраняетъ отъ *agria cattiva*, какъ ношеніе шерсти на тѣлѣ и пылающій огонь; этотъ и объясняется, почему римскій поселенникъ постоянно носилъ толстыя шерстяныя одежды и никогда не гасилъ огня на своемъ очагѣ. Что касается всего остальнаго, то эта мѣстность должна была казаться привлекательною земледѣльческому народу, искавшему мѣстъ для поселенія; почву не трудно воздѣлывать при помощи самыхъ простыхъ земледѣльческихъ орудій и она даетъ даже безъ всякаго удобренія урожаи, который, впрочемъ, не особенно велики по италійскому мѣрѣ: пшевица вообще родится самъ-пять *). Въ хорошей водѣ нѣтъ избытка,

---

*) Французскій статистикъ Dureau de la Malle [Econ. pol. des Romains 2, 226] сравниваетъ съ римскою Кампаніею оверньскую Лиманъ, которая также представляетъ обширную, очень изрытую и негладкую равнину; тамъ верхній слой земли состоитъ изъ остатковъ выгорѣвшихъ вулкановъ—изъ разломившихся лавы и пепла. Мѣстное населеніе, состоящее по меньшей мѣрѣ изъ 2500 человекъ на каждую квадратную лѣ, одно изъ самыхъ здоровыхъ, какія встрѣчаются въ чисто-земледѣльческихъ странахъ; земельная собственность чрезвычайно раздроблена. Земля обрабатывается почти исключительно человѣческими

оттого-то каждый источник свежей воды и имѣлъ въ глазахъ населенія особенную цѣнность и святость.

До насъ не дошло никакихъ разсказовъ о томъ, какъ Латини Латинскія заселили ту мѣстность, которая съ тѣхъ поръ носила ихъ имя, и поселенія. Все наши заключенія объ этомъ предметѣ могутъ быть только догадками. Впрочемъ нѣкоторыхъ указаній можно доискаться, или по крайней мѣрѣ дойти до нѣкоторыхъ правдоподобныхъ догадокъ. — Римская территория раздѣлялась въ самыя древнія времена на нѣсколько родовыхъ участковъ, изъ которыхъ впоследствии образовались самыя древнія «деревенскія трибы» (*tribus rusticae*). О Клавдіевской трибѣ намъ извѣстно изъ преданій, что она возникла вслѣдствіе поселенія членовъ Клавдіева рода на берегахъ Аніо; то же съ достовѣрностію можно заключить относительно названій другихъ участковъ болѣе поздняго раздѣла. Эти названія давались, — не такъ какъ названія присоединенныхъ въ болѣе позднюю пору участковъ, — не по мѣстности, а исключительно по родовымъ именамъ; роды давали свои имена участкамъ древней римской территоріи до тѣхъ поръ, пока не заглокли совершенно (какъ напримѣръ *Camilii, Galerii, Lemonii, Pollii, Pupinii, Voltinii*), — и въ особенности самыя древнія патриціанскія семьи: *Aemilii, Cornelii, Fabii, Horatii, Menenii, Papirii, Romilii, Sergii, Volturnii*. Достойнъ вниманія тотъ фактъ, что между всеми этими родами нѣтъ ни одного, о которомъ можно бы было съ достовѣрностію утверждать, что онъ переселился въ Римъ лишь въ болѣе позднюю пору. Подобно римской волости, каждая изъ италійскихъ волостей и, безъ сомнѣнія, также каждая изъ адіанскихъ настари раздѣлялась на нѣсколько общинъ, связанныхъ между собою и со-сѣдствомъ и родствомъ; этотъ родовой поселокъ и назывался у Грековъ «домомъ» (*οἶκος*), изъ котораго и тамъ очень часто возникали подобныя римскимъ трибамъ *комы* или *демы*. Соответствующія италійскія названія «домъ» (*vicus*) или «строеніе» (*pagus* отъ *palagus*) также указываютъ на сожительство членовъ одного рода и, понятнымъ образомъ, получаютъ въ обыденномъ упо-

Родовые поселки.

руками — заступами и мотыгой; только въ рѣдкихъ случаяхъ употребляется легкій плугъ, въ который впрягаются двѣ коровы, и нерѣдко случается, что въ замятъ одной изъ этихъ коровъ впрягается жена земледѣльца. Коровъ держатъ съ двойною цѣлю, — чтобъ онѣ досливали молоко и пахали. Жнутъ хлѣбъ и косить траву два раза въ годъ; земля не оставляется подъ паромъ. Средняя арендная цѣна за одну десятину пахатной земли 100 франковъ въ годъ. Если бы та же земля была раздѣлена между шестью или семью крупными земледѣльцами, и еслибы ее обрабатывали не сами хозяева, а наемные управители и поденщики, то Лиманъ навѣрно превратилась бы лѣтъ черезъ сто въ такую-же пустынную, всеми покинутую и бѣдную страну, какою представляется намъ въ настоящее время такъ-называемая *Camagna di Roma*.

требленіи значеніе поселенія или деревни. Какъ «дому» принадлежало навѣстное поле, такъ родовому поселку или деревнѣ принадлежалъ родовой земельный участокъ, который, — какъ будетъ впоследствии доказано, — довольно долго обрабатывался такъ-же, какъ и домовый участокъ, то-есть по системѣ общиннаго полеваго хозяйства. Развились-ли въ Лаціумѣ родовые поселки въ родовыя селенія сами собою, или-же Латины переселились въ Лаціумъ уже готовыми родовыми общинами, — это такой вопросъ, на который мы не въ состояніи дать отвѣта, точно такъ-же, какъ мы не въ состояніи рѣшить, въ какой мѣрѣ родъ состоялъ не только изъ людей, связанныхъ единствомъ происхожденія, но и изъ примыкавшихъ въ роду, не связанныхъ съ нимъ кровнымъ родствомъ людей.

Волость.

Но эти родовыя общины изстари считались не самостоятельными единицами, а составными частями политической общины (*civitas populus*), которая первоначально представляется совокупностію родовыхъ деревень, связанныхъ между собою единствомъ происхожденія, языка и нравовъ, обязанныхъ подчиняться однимъ и тѣмъ-же законамъ и одинакой расправѣ и дѣйствующихъ за-одно и въ случаѣ оборонительной войны и въ случаѣ наступательной. И у такой волости, какъ и у родовой общины, конечно, былъ какой-нибудь постоянный центральный пунктъ; но такъ какъ члены одного рода, то-есть члены волости, жили въ своихъ деревняхъ, то центръ волости не могъ находиться въ центрѣ совмѣстной осѣдлости, или въ городѣ, а былъ лишь общимъ сборнымъ пунктомъ, гдѣ творилась расправа и хранилась общественная святыня, гдѣ члены волости собирались въ каждый восьмой день для дѣловыхъ сношеній и для удовольствій и, гдѣ они, въ случаѣ неприятельской нашествія, находили и для самихъ себя и для своего скота болѣе безопасное убѣжище, чѣмъ въ деревняхъ; на этомъ сборномъ пунктѣ или вовсе не было постоянныхъ жителей или было очень мало. Точно-такія-же старинныя убѣжища можно найти и въ настоящее время въ холмистыхъ мѣстахъ восточной Швейцаріи на вершинахъ нѣкоторыхъ возвышенностей. Такія мѣста назывались въ Италіи «вершинами» (*capitulum*, — то-же, что у Грековъ *ἄκρα*, верхушка) или «замками» (*agx* отъ *agsege*, замыкать); это еще не городъ, но зачатки будущаго города, такъ какъ къ замку примыкають дома, которые впоследствии обносятся «оградой» (*саво иrbъ* въ родствѣ съ *иrvus*, *сирvus* и, быть можетъ, также съ *orbis*). Внѣшнее различіе между замкомъ и городомъ заключается въ числѣ воротъ; замку ихъ нужно какъ можно меньше, а городу какъ можно больше; поэтому въ первомъ обыкновенно бывають только одни ворота, а во второмъ по меньшей мѣрѣ трое. Эти укрѣпленія служили опорой для того до-городскаго волостнаго устройства Италіи, слѣды котораго можно довольно явственно раз-

личить тамъ, гдѣ городской бытъ развился поздно и частію до сего времени еще не развился вполнѣ, какъ напримѣръ въ странѣ Марсовъ и въ мелкихъ волостяхъ среди Аbruццiovъ. Въ землѣ Эквикуловъ, еще во времена имперіи жившихъ не въ городахъ, а въ безчисленныхъ, ничѣмъ незащищенныхъ деревняхъ, часто встрѣчаются ограды съ однимъ храмомъ внутри; эти огороженные мѣста, считавшіяся за «опустѣлые города», возбуждали удивленіе какъ въ римскихъ, такъ и въ новѣйшихъ археологахъ, изъ которыхъ первые принимали ихъ за жилища «первобытныхъ обитателей» (*aborigines*), а вторые за жилища Пеласговъ. Конечно болѣе правильно принимать эти развалины не за остатки обнесенныхъ стѣнами городовъ, а за остатки тѣхъ убѣжищъ, въ которыхъ укрывались члены одной родовой общины, и которыхъ въ древности, безъ сомнѣнія, было много во всей Италіи, хотя они и строились не особенно искусно. Понятно, что въ ту-же эпоху, когда перешедшія къ городской осѣдлости племена стали обносить свои города каменными стѣнами, а тѣ изъ нихъ, которые не покидали своихъ деревень, стали замѣнять каменными постройками земляные оковы и частоволы своихъ укрѣпленій; а когда вполнѣ обезпеченное внутреннее спокойствіе сдѣлало такія укрѣпленія излишними, тѣ убѣжища были заброшены и сдѣлались загадкой для позднѣйшихъ поколѣній.

И такъ тѣ волости, для которыхъ служилъ центромъ замокъ и Мѣста древ- которыхъ состояли изъ нѣсколькихъ родовыхъ общинъ, были, въ ка- нѣйшихъ чествѣ первоначальныхъ государственныхъ единицъ, исходными пунк- поселеній. томъ исторіи Италіи. Но вопросъ о томъ, гдѣ именно и въ какомъ объемѣ образовались такія волости внутри Лаціума, не можетъ быть разрѣшенъ съ точностью, да и не представляетъ особаго историческаго интереса. Пришельцами были, безъ сомнѣнія, прежде всего заняты возвышающіяся особнякомъ Альбанскія горы, внутри которыхъ переселенцы нашли самый здоровый воздухъ, самые свѣжіе источники и самое безопасное убѣжище, и которыя были природной цитаделью Лаціума. Тамъ, на небольшой нагорной плоскости, возвышающейся надъ Палаццуолой, въ промежуткѣ между альбанскимъ озеромъ (*Lago di Castello*) и альбанской горой (*Monte Cavo*) лежала Альба, считавшаяся древнѣйшимъ мѣстомъ жительства латинскаго племени и матерью какъ Рима, такъ и всѣхъ остальныхъ древне-латинскихъ общинъ; на склонахъ тѣхъ-же горъ находились самыя древнія латинскія поселенія Ланувій, Ариція и Тускулъ. Тамъ же встрѣчаются тѣ очень древнія сооруженія, по которымъ обыкновенно распознаются зачатки цивилизаціи и которыя какъ-бы свидѣтельствуютъ потомству о томъ, что когда Паллада Аенна появляется на свѣтъ, она, дѣйствительно, рождается взрослой; таковъ срѣзь отъѣсной скалы ниже Альбы въ направленіи къ Палаццуолѣ, который дѣлаетъ неприступною и съ сѣверной стороны мѣстность,

отъ природы защищенную съ южной стороны крутыми уступами горы Монте-Каво и который оставляетъ открытыми для сообщенія только два удобныхъ для защиты прохода съ востока и съ запада: въ особенности таково отверстіе вышиною въ человѣчскій ростъ, которое пробито въ крѣпкой стѣнѣ, образовавшейся изъ лавы и имѣющей шесть тысячъ футовъ въ толщину, и черезъ которое было спущено до его теперешней глубины озеро, образовавшееся въ старомъ потухшемъ кратерѣ Альбанскихъ горъ; этимъ способомъ было очищено на самой горѣ значительное пространство, годное для земледѣлія. — Природными твердынями для латинской равнины служили также вершины послѣднихъ выступовъ Сабинскихъ горъ, гдѣ впоследствии образовались изъ волостныхъ замковъ значительные города Тибуръ и Пренестъ. Лабикъ, Габинъ и Номентъ, стоявшіе на равнинѣ между Альбанскими и Сабинскими горами и Тибромъ, Римъ на Тибрѣ, Лаврентъ и Лавинія на берегу моря также были болѣе или менѣе старинными центрами латинской колонизаціи, не говоря уже о множествѣ другихъ менѣе известныхъ и частью безслѣдно-исчезнувшихъ. Всѣ эти волости были въ самой глубокой древности въ политическомъ отношеніи самодержавными: каждая изъ нихъ управлялась своимъ княземъ при содѣйствіи совѣта старшинъ и собранія способныхъ носить оружіе людей. Тѣмъ не менѣе единство по языку и по происхожденію не только сознавалось во всей этой сферѣ, но и выражалось въ важномъ религиозномъ и государственномъ учрежденіи—въ вѣчномъ союзѣ всѣхъ латинскихъ волостей. Первенство первоначально принадлежало, — какъ по италійскому, такъ и по эллинскому обыкновенію, — той волости, внутри которой находилось мѣсто союзныхъ сборищъ; такова была Альбанская волость, вообще считавшаяся, — какъ выше замѣчено, — самой древней и самой важной изъ латинскихъ волостей. Полноправныхъ общинъ первоначально было тридцать, и этой цифрой чрезвычайно часто обозначалось и въ Италіи и въ Греціи число составныхъ частей общественной организаціи. Какія мѣстности первоначально принадлежали къ числу тридцати древне-латинскихъ общинъ, которыя также могутъ быть названы тридцатью альбанскими колоніями по ихъ отношенію къ правамъ Альбы, какъ метрополи, — намъ неизвѣстно изъ преданій и уже не можетъ быть выяснено новыми изслѣдованіями. Какъ для подобныхъ союзовъ Беотійцевъ и Іонійцевъ служили средоточіемъ Памбоотія и Паніонія, такъ и для латинскаго союза служилъ средоточіемъ «латинскій праздникъ» (*Feeria Latinae*), во время котораго на «Альбанской горѣ» (*mons Albanus, Monte Cavo*), въ ежегодно назначавшійся властями день, приносились въ жертву «латинскому богу» (*Jupiter Latiaris*) быкъ отъ всего племени. Каждая изъ участвовавшихъ въ пиршествѣ общинъ должна была доставлять неизмѣнно установленное количество

скота, молока и сыру и въ замѣнъ того получала право на кусокъ жертвеннаго жарнаго. Эти обычаи сохранялись очень долго и весьма хорошо известны, но въ томъ, что касается самыхъ важныхъ правовыхъ послѣдствій такого союза, намъ приходится довольствоваться почти одними догадками. Въ религиозному празднеству на Альбанской горѣ съ древнѣйшихъ временъ кримикали сходки представителей отдельныхъ общинъ, собиравшіяся на сосѣднемъ латинскомъ сборномъ пунктѣ у источника Феректины (подлѣ Маринно), и вообще такой союзъ мыслимъ безъ высшаго управленія и безъ общинъ для всего края законовъ. Что союза вѣдалъ всѣ нарушенія священнхъ постановленій и могъ наказывать за нихъ даже смертію, известно намъ изъ преданій и вполне правдоподобно. Слѣдуетъ полагать, что неотъемлемую составную часть древнѣйшаго союзнаго законодательства составляли и болѣе позднія, одинакія для всѣхъ латинскихъ общинъ, постановленія касательно гражданскихъ правъ и браковъ, — такъ что каждый Латинянинъ могъ проживать съ каждою Латинянкою законныхъ дѣтей, могъ пріобрѣтать во всемъ Лациумѣ земельную собственность, могъ заниматься торговлей и свободно переходить съ одного мѣста на другое. Далѣе, отъ союза вѣроятно, зависѣло учрежденіе общаго третейскаго суда для разрѣшенія споровъ, возникавшихъ между общинами; но нѣтъ возможности доказать, въ какой мѣрѣ союзная власть ограничивала верховныя права каждой общины въ вопросахъ о войнѣ и мирѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что союзныя учрежденія давали возможность вести союзными силами не только оборонительныя, но и наступательныя войны, при чемъ, конечно, были необходимъ и союзный главнокомандующій. Но мы не имѣемъ никакого основанія допустить, что въ этихъ случаяхъ законъ обязывалъ каждую общину принимать дѣятельное участіе въ войнѣ или, наоборотъ, что онъ не позволялъ ей предпринимать на собственный счетъ войны даже съ которымъ нибудь изъ членовъ союза. Напротивъ того есть указанія на то, что во время латинскаго праздника точно такъ-же, какъ и во время эллинскихъ союзныхъ празднествъ, во всемъ Лациумѣ *) былъ обязателенъ миръ Божій, а враждовавшія между собою племена, по всему вѣроятію, доставляли въ это время одно другому надежный конвой. Еще труднѣе опредѣлить объемъ привилегій, предоставлявшихся первенствующей волости; можно только утверждать, что нѣтъ никакого основанія считать первенство Альбы за дѣйствительную политическую гегемонію въ Лациумѣ и что это первенство, по всему вѣроятію, не имѣло въ Лациумѣ болѣе важ-

---

*) Латинскій праздникъ въ сущности и назывался „перемиріемъ“ (*indutiae*, Макроб. Sat. 1, 16; *ἐκχεῖρα* (αἱ), Діонис. 4, 49); во время его празднованія не дозволялось начинать никакихъ войнъ (Макроб., тамъ-же).

наго значенія, чѣмъ почетное первенство Элиды въ Греціи *). Вообще какъ объемъ такъ и права этого латинскаго союза, вѣроятно, были неопредѣленны и измѣнчивы; тѣмъ не менѣе онъ былъ и оставался не случайнымъ соединеніемъ различныхъ болѣе или менѣе равноплеменныхъ общинъ, а законнымъ и необходимымъ выраженіемъ единства латинскаго племени. Если латинскій союзъ и не всегда вмѣщалъ въ себѣ всѣ латинскія общины, за то онъ никогда не принималъ въ свою среду не-латинскихъ членовъ; стало быть его подобіемъ въ Греціи былъ союзъ беотійскій или этолійскій, а не дельфійская амфиктіонія.

Этимъ общимъ очеркомъ слѣдуетъ ограничиться, такъ какъ всякая попытка провести болѣе рѣзкія черты набросала-бы на разсказъ отпечатокъ неточности. То смутное время, когда самые древніе политическіе атомы — волости то примыкали одна къ другой, то взаимно одна другой избѣгали, протекло безъ такихъ очевидцевъ, которые были-бы способны его описать, и мы должны остановиться тольکو на томъ, что въ немъ есть цѣльнаго и прочнаго, — на томъ, что тѣ волости, будучи соединены въ одно цѣлое, не утратили своей самобытности, а вмѣстѣ съ тѣмъ сберегли въ себѣ и усилили сознание національнаго единства и тѣмъ подготовили переходъ отъ областнаго партикуляризма, съ котораго начинается и должна начинаться исторія каждаго народа, къ тому національному объединенію, которымъ заканчивается или должна заканчиваться исторія каждаго народа.

---

*) Часто высказывавшееся и въ древнія и въ новыя времена мнѣніе, что Альба когда-то господствовала надъ Лаціумомъ подъ формами симмахій, нигдѣ не находитъ, — послѣ болѣе точныхъ изслѣдованій, — удовлетворительнаго подтвержденія. Всякая исторія начинается не съ объединенія націй, а съ ея раздробленія и едва ли можно повѣрить тому, что задача объединенія Лаціума, наконецъ разрѣшенная Римомъ послѣ нѣсколькихъ вѣковъ борьбы, уже была ранѣе того разрѣшена Альбой. Достойно вниманія и тотъ фактъ, что Римъ никогда не предъявлялъ претензій къ нему по наслѣдству отъ Альбы правъ на господство надъ латинскими общинами, а довольствовался почетнымъ первенствомъ, которое, конечно, служило опорой для его притязаній на гегемонію, потому что соединялось съ матеріальной силой. При разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ едва-ли можетъ идти рѣчь о какихъ либо свидѣтельствахъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; по меньшей мѣрѣ такіа указанія, какъ слово *praetor* у Феста, стр. 241, и слова Діонисія, 3, 10, еще не даютъ права называть Альбу латинскими Афинами.

Г Л А В А IV.

З а ч а т и Р и м а .

На разстояніи почти трех нѣмецкихъ миль отъ устья Тибра **Рамны.** тянутся по обоимъ берегамъ рѣки вверхъ противъ ея теченія небольшіе холмы, болѣе высокіе на правомъ берегу, чѣмъ на лѣвомъ; съ этими послѣдними возвышенностями связано имя Римлянъ въ теченіе, по меньшей мѣрѣ, двухъ съ половиной тысячелѣтій. Конечно, нѣтъ никакой возможности опредѣлить, когда и откуда оно взялось; достоверно только то, что при извѣстной намъ, самой древней формѣ этого имени, члены общины назывались Рамнами (Rampnes), но не Римлянами, а это измѣненіе главной буквы, часто встрѣчающееся въ первомъ періодѣ развитія языковъ, но рано прекратившееся въ латинскомъ языкѣ *) служитъ яснымъ доказательствомъ незапамятной древности самаго имени. О происхожденіи названія нельзя сказать ничего достовернаго, но весьма возможно, что Рамны то-же, что прибрежные жители.

Но не одни они жили на холмахъ по берегамъ Тибра. Въ своемъ **Тицимъ, Лу-** раздѣленіи на части самое древнее римское гражданство сохранило **церы.** слѣды своего происхожденія изъ слиянія трехъ первоначально, по всему вѣроятію, самостоятельныхъ волостей—Рамновъ, Тициевъ и Лудеровъ, стало-быть изъ такого-же синекизма, изъ какого возникли въ Атикѣ Аены **). О глубокой древности такого тройнаго

*) Примерами такого измѣненія гласной буквы могутъ служить слѣдующія слова, которыя всѣ измѣнились соотвѣтственно самому древнему типу: *paqs portio*, *Maqs moqs*, *farreus* вмѣсто *horreus*, *Fabii Fovii*, *Valerius Volesus*, *vacuus*, *vosivus*.

**) Не слѣдуетъ думать, что съ понятіемъ о синекизмѣ необходимо соединяется понятіе о совѣстной собственности; всѣ по прежнему живутъ на своихъ мѣстахъ, но уже для всѣхъ существуютъ только одна дума и одинъ центръ управленія. Фукид. 2, 15; Геродотъ, I, 170.

состава общины *) всего яснѣе свидѣтельствуеъ тотъ фактъ, что Римляне, — въ особенности въ томъ, что касалось государственнаго права, — постоянно употребляли вмѣсто словъ «дѣлить» и «часть» слова «троить» (*tribuere*) и «треть» (*tribus*), а эти выраженія, подобно нашему слову «квартиль», рано утратили свое первоначальное числовое значеніе. Еще послѣ своего соединенія въ одно цѣлое, каждая изъ этихъ трехъ когда-то самостоятельныхъ общинъ владѣла одной третью общей земельной собственности и въ томъ-же разнѣрѣ участвовала какъ въ ополченіи гражданъ, такъ и въ совѣтѣ старшинъ; точно такъ и въ сферѣ богослужебной, вѣроятно, отъ такого же разстроенія происходитъ дѣлимое на три число членовъ почти всѣхъ древнѣйшихъ коллегій, какъ-то коллегій Святыхъ Дѣвственницъ, Плясуновъ, Земледѣльческаго Братства, Волчьей Гильдіи и Птицегадателей. Эти три составныя части, на которыя распадалось древнее римское гражданство, послужили поводомъ для самыхъ нечлѣпыхъ догадокъ; неосновательное предположеніе, будто римская нація была смѣсью различныхъ народовъ, находится въ связи съ такими догадками; оно старается придти различными путями къ заключенію, что три великія италійскія расы были составными частями древняго Рима, и превращаетъ въ мусоръ отъ этрусскихъ, сабинскихъ, эллинскихъ и даже целагійскихъ развалинъ такой народъ, у котораго языкъ, государственныя учрежденія и религія развились съ рѣдко встрѣчающемся у другихъ народовъ самостоятельностью. Откладывая въ сторону частію нечлѣпныя, частію неосновательныя гипотезы, мы скажемъ въ немногихъ словахъ все, что можетъ быть сказано о національности составныхъ элементовъ самаго древняго римскаго общиннаго устройства. Что Рамны были однимъ изъ латинскихъ племенъ, не подлежитъ сомнѣнію, такъ такъ, давая новому римскому объединенію свое имя, они вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляли и національность объединившихся отдѣльныхъ общинъ. О происхожденіи Луцеровъ можно сказать только то, что ничто не мѣшаетъ и ихъ отнести, подобно Рамнамъ, къ латинскому племени. Напротивъ того, второй изъ этихъ общинъ единогласно приписы-

---

*) Если принять въ соображеніе аттическое слово *τριτῦς* и умбрійское *trifo*, то можно даже задать такимъ вопросомъ: не была-ли трехчленность общины основною греко-италійскою формою; если бы этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ утвердительно, то уже нельзя-бы было объяснять трехчленность римской общины сліяніемъ нѣсколькихъ, когда-то самостоятельныхъ племенъ. Но для того, чтобы отстоять столь несогласное съ преданіемъ предположеніе, нужно-бы было доказать, что раздѣленіе на три составныя части встрѣчалось въ греко-италійской сферѣ чаще, чѣмъ это оказывается въ действительности, и что оно повсюду является основною формою. Умбры могли усвоить слово *tribus* подъ вліяніемъ римскаго преобладанія; нельзя съ увѣренностью утверждать, что оно было употребительнымъ на языкѣ Осковъ.

вають сабинское происхожденіе, а для этого мнѣнія можетъ служить подтвержденіемъ, по меньшей мѣрѣ, сохранявшееся въ братствѣ Тиціевъ преданіе, что при вступленіи Тиціевъ въ объединившуюся общину эта священническая коллегія была учреждена для охраненія особуихъ обрядовъ сабинскаго богослуженія. Возможно и то, что въ очень отдаленныя времена, когда племена латинское и сабельское еще не отличались одно отъ другаго по языку и правамъ такъ рѣзко, какъ впоследствии отличались Римляне отъ Самнитовъ, кака-нибудь сабельская община вступила въ латинскій общинный союзъ; это правдоподобно потому, что, по самымъ древнимъ и достовернымъ преданіямъ, Тиціи постоянно удерживали первенство надъ Рамнами и, стало-быть, вступившіе въ общину Тиціи могли заставить древнихъ Рамновъ подчиниться требованіямъ синеклизма. Во всякомъ случаѣ, тутъ также происходило смѣшеніе различныхъ національностей, но оно едва-ли имѣло болѣе глубокое вліяніе чѣмъ, напримѣръ, происшедшее нѣсколькими столѣтіями позже переселеніе въ Римъ сабинскаго уроженца Атта Клауза или Аппія Клавдія вмѣстѣ съ его одноплеменниками и кліентами. Какъ это принятіе рода Клавдіевъ въ среду Римлянъ, такъ и болѣе древнее принятіе Тиціевъ въ среду Рамновъ не даетъ права относить общину Рамновъ къ числу такихъ, которыя состояли изъ смѣси различныхъ народностей. За исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ національныхъ установленій, перешедшихъ въ богослужебные обряды, въ Римѣ незамѣтно и никакихъ сабельскихъ элементовъ; а для догадокъ этого рода нельзя найти рѣшительно никакихъ подтвержденій въ латинскомъ языкѣ *).

Дѣйствительно, было-бы болѣе, чѣмъ удивительно, если бы отъ включенія только одной общины изъ племени, находившагося въ самомъ близкомъ племенномъ родствѣ съ латинскимъ, сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ нарушилось единство латинской національности; при этомъ главнымъ образомъ не слѣдуетъ забывать того факта, что въ то время, когда Тиціи получили постоянную осѣдлость рядомъ съ Рамнами, не Римъ, а Лаціумъ служилъ основой для латинской національности. Если новая трехчленная римская община и заключала въ себѣ первоначально нѣкоторую примѣсь сабельскихъ

---

*) Хотя въ настоящее время совершенно отложено въ сторону старинное мнѣніе, что латинскій языкъ долженъ считаться смѣсью греческихъ элементовъ съ негреческими, даже серьезные исследователи [какъ напр. Schwegler, R. G. I, 184, 193] все-таки находятъ въ латинскомъ языкѣ смѣшеніе двухъ родственныхъ италійскихъ нарѣчій. Но было-бы напрасно требовать филологическихъ или историческихъ доказательствъ такого мнѣнія. Когда какой-нибудь языкъ является промежуточнымъ между двумя другими, то каждый филологъ понимаетъ, что это происходитъ всего чаще отъ органическаго развитія, чѣмъ отъ внѣшнихъ вліяній.

элементовъ, она все-таки была тѣмъ-же, чѣмъ была община Рамновъ—частію латинской націи.

**Римъ во гла-
вѣ Лаціума.** Задолго до того времени, когда возникла на берегахъ Тибра гор-
родская есѣдлость, выше упомянутые Рамны, Тиціи и Луцеры, вѣ-
роятно, имѣли—сначала порознь, а потомъ совокупно—укрѣпленные
убѣжища на римскихъ холмахъ, а свои поля обрабатывали, живя
въ окрестныхъ деревняхъ. Дошедшимъ отъ этихъ древнѣйшихъ вре-
менъ преданіемъ можетъ считаться тотъ «волчій праздникъ», ко-
торый справлялся на Палатинскомъ холму родомъ Евниктievъ; это
былъ праздникъ крестьянъ и пастуховъ, отличавшійся патриархаль-
нымъ простодушіемъ своихъ незатѣйливыхъ забавъ и—что замѣча-
тельно—сохранившійся даже въ христіанскомъ Римѣ долѣе всѣхъ
другихъ языческихъ празднествъ.—Изъ этихъ поселеній впослед-
ствіи возникъ Римъ. Объ основаніи города въ томъ собственномъ
смыслѣ этого слова, который усвоенъ народными сказаніями, ко-
нечно, не можетъ быть и рѣчи: Римъ былъ построенъ не въ одинъ
день. Но стоить внимательнаго разсмотрѣнія вопросъ, какимъ пу-
темъ Римъ такъ рано достигъ въ Лаціумѣ политическаго преоблада-
нія, между тѣмъ какъ, суда по его географическому положенію, слѣдова-
ло-бы скорѣе ожидать противнаго. Мѣстность, въ которой находится
Римъ, была и менѣе здоровой и менѣе плодородной, чѣмъ мѣстность
большинства древнихъ латинскихъ городовъ. Въ ближайшихъ окрест-
ностяхъ Рима плохо растутъ виноградъ и смоковница и въ нихъ
мало обильныхъ источниковъ, такъ какъ ни превосходный въ дру-
гихъ отношеніяхъ Каменскій родникъ, находившійся передъ Капен-
скими воротами, ни тотъ Капитолійскій родникъ, который былъ впо-
слѣдствіи открытъ въ Тулліанской тюрьмѣ, не отличались изоби-
ліемъ воды. Къ этому слѣдуетъ присовокупить частые разливы рѣки,
у которой русло недостаточно покато, такъ что она не успѣваетъ из-
ливать въ море массы воды, стремительно ниспадающія съ горъ въ дож-
дливую пору, и потому затопляетъ и обращаетъ въ болота лежація
промежъ холмовъ долины и низменности. Для поселенцевъ такая мѣст-
ность не имѣетъ ничего привлекательнаго, и еще въ древнія времена
высказывалось мнѣніе, что первые переселенцы не могли выбрать въ столь
благоприятномъ краѣ такую нездоровую и неплодородную мѣстность и что
только необходимость или какая-нибудь другая особая причина могла по-
будить ихъ къ основанію такъ города. Даже легенда совнала стран-
ность такого предпріятія: рассказъ объ основаніи Рима альбанскими
выходцами подъ предводительствомъ альбанскихъ княжескихъ сыно-
вей Ромула и Рема ничто иное, какъ наивная попытка со стороны
древней такъ-называемой исторіи объяснить странное возникновеніе
города въ столь неудобномъ мѣстѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ связать осно-
ваніе Рима съ всеобщей метрополіей Лаціума. Исторія должна пре-
жде всего отбросить такіе вымышленные рассказы, выдаваемые

за настоящую исторію, а въ дѣйствительности принадлежащія къ разряду не очень остроумныхъ выдумокъ; но ей, быть можетъ, удастся сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ и, взвѣсивъ особыя мѣстныя условія, высказать опредѣленную догадку не объ основаніи города, а о причинахъ его быстрого развитія и его исключительнаго положенія въ Лаціумѣ.—Прежде всего посмотримъ, какія были самыя древнія границы римской области. Въ востокъ отъ нея находились города Антены, Фидены, Цѣнина, Коллаціи, Габіи, частію отдѣлявшіеся отъ воротъ Сервіевскаго Рима разстояніемъ менѣе, чѣмъ въ одну нѣмецкую милю; стало-быть границы волостей должны были находиться подлѣ самыхъ городскихъ воротъ. Съ южной стороны мы находимъ на разстояніи трехъ нѣмецкихъ миль отъ Рима могущественныя общины Тускула и Альбы, поэтому римская городская область, какъ кажется, не могла заходить въ этомъ направленіи далѣе Клуиліевскаго рва, находившагося въ одной нѣмецкой милѣ отъ Рима. Точно такъ-же и въ юго-западномъ направленіи граница между Римомъ и Лавиніемъ находилась у шестаго милеваго камня. Между тѣмъ какъ римская территорія была заключена въ самыя тѣсныя границы со стороны континента, она напротивъ того изстари свободно тянулась по обѣимъ берегамъ Тибра въ направленіи къ морю, не встрѣчая на всемъ протяженіи отъ Рима до морскаго берега ни какого-либо стариннаго центра другой волости, ни какихъ-либо слѣдовъ старыхъ волостныхъ границъ. Правда, народныя сказанія, которымъ извѣстно происхожденіе чего-бы то ни было, объясняютъ намъ, что принадлежавшіе Римлянамъ на правомъ берегу Тибра «семь деревень» (*septem pagi*) и значительныя соляныя копи, находившіяся близъ устьевъ рѣки, были отняты царемъ Ромуломъ у Вейнтовъ и что царь Амкъ возвелъ мостовое укрѣпленіе на правомъ берегу Тибра, на такъ-называемомъ Янусовомъ холмѣ (*Janiculum*), а на лѣвомъ берегу построилъ римскій Пирей—портовой городъ при «устьѣ» (*Ostia*). Но о томъ, что владѣнія на этрусскомъ берегу уже изстари входили въ составъ римской области, служитъ болѣе вѣскимъ доказательствомъ находившаяся у четвертаго милеваго камня впоследствии продолженной къ гавани дороги, роща богини плодородія (*dea dia*), гдѣ изстари справлялся праздникъ римскихъ земледѣльцевъ и гдѣ изстари находился центръ римскаго земледѣльческаго братства; дѣйствительно, именно тамъ съ незапамятныхъ временъ жилъ родъ Ромуліевъ, безспорно одинъ изъ самыхъ знатныхъ римскихъ родовъ; въ то время Яникульъ былъ частію самого города, а Остія была колоніей гражданъ, то есть городскимъ предмѣстіемъ. И это не могло быть простой случайностью. Тибръ былъ природнымъ торговымъ путемъ Лаціума, а его устье у бѣднаго удобными гаванями прибрежья неизбѣжно должно было служить якорной стоянкой для мореплавателей. Сверхъ

того Тибръ съ древнѣйшихъ временъ служилъ для латинскаго племени оборонительной линіей для защиты отъ нападений сѣверныхъ сосѣдей. Въ качествѣ складочнаго мѣста для занимавшихся рѣчною и морскою торговлею Латиновъ и въ качествѣ приморской пограничной крѣпости Лациума, Римъ представлялъ такія выгоды, какихъ нельзя было найти ни въ какомъ другомъ мѣстѣ: онъ соединялъ въ себѣ выгоды крѣпкой позиціи и непосредственной близости къ рѣкѣ, господствовалъ надъ обоими берегами этой рѣки вплоть до ея устья, занималъ положеніе одинаково удобное и для лодочниковъ, спускавшихся внизъ по Тибру или по Аніо, и для мореплавателей (такъ какъ морскія суда были въ ту пору небольшихъ размѣровъ), а отъ морскихъ разбойниковъ доставлялъ болѣе надежное убѣжище, чѣмъ города, находившіеся подлѣ самаго морскаго берега. Что Римъ былъ обязанъ если не своимъ возникновеніемъ, то своимъ значеніемъ этимъ преимуществамъ въ отношеніяхъ торговомъ и стратегическомъ, ясно видно по многимъ другимъ указаніямъ, гораздо болѣе вѣскимъ, чѣмъ выдумки такъ-называемыхъ историческихъ повѣствованій. Отсюда происходятъ очень древнія сношенія съ Цере, который былъ для Этруріи тѣмъ-же, чѣмъ былъ Римъ для Лациума, а впоследствии сдѣлался ближайшимъ сосѣдомъ Рима и его собратомъ по торговлѣ; отсюда объясняется и необыкновенное значеніе моста черезъ Тибръ и вообще та важность, которую придавали въ римской общинѣ постройкѣ мостовъ; отсюда-же понятно, почему галера была городскимъ гербомъ. Отсюда вела свое начало старинная римская портовая пошлина, которая изстари вималась въ Остійской гавани только съ того, что привозилось для продажи (*pro thesaure*), а не съ того, что привозилось собственникомъ груза для его личнаго потребленія (*usurarium*), и которая, стало-быть, въ сущности была налогомъ на торговлю. Отсюда, — если мы заглянемъ впередъ, — объясняется сравнительно раннее появленіе въ Римѣ чеканной монеты и торговыхъ трактатовъ съ заморскими государствами. Въ этомъ смыслѣ Римъ, дѣйствительно, могъ быть тѣмъ, за что его выдають народныя сказанія, — скорѣе искусственно созданнымъ, чѣмъ возникшимъ самъ собою городомъ, и скорѣе самымъ юнымъ, чѣмъ самымъ старымъ изъ латинскихъ городовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что мѣстность уже была отчасти обработана и какъ на альбанскихъ горахъ, такъ и на многихъ другихъ возвышенностяхъ Кампаніи, уже стояли укрѣпленные зѣмки въ то время, когда на берегахъ Тибра возникъ пограничный рынокъ Латиновъ. О томъ, чѣмъ было вызвано основаніе Рима, — рѣшеніемъ-ли латинской федераціи, геніальной-ли прозорливостью всѣми забытаго градостроителя или естественнымъ развитіемъ торговыхъ сношеній, — мы не въ состояніи высказать даже простой догадки. Но въ этому взгляду на Римъ, какъ на рынокъ Лациума, примыкаетъ другое соображеніе. Съ той минуты, какъ въ

исторіи начинается эпоха разсвѣта, Римъ стоитъ совершенно особнякомъ въ латинскомъ общинномъ союзѣ. Латинское обыкновеніе жить въ независимыхъ селеніяхъ и пользоваться общимъ укрѣпленнымъ замкомъ только для празднествъ и для сходокъ или въ случаѣ опасности, стало исчезать въ римской волости, по всему вѣроятію, гораздо ранѣе, чѣмъ въ какой-либо другой изъ латинскихъ волостей. Причиной этого было не то, что Римлянинъ пересталъ самъ заниматься своимъ хозяйствомъ, или пересталъ считать свою усадьбу за свой родимый кровъ, а то, что нездоровый воздухъ Кампаніи заставлялъ его переселяться на городскіе холмы, гдѣ онъ находилъ болѣе прохлады и болѣе здоровый воздухъ; рядомъ съ этими крестьянами тамъ, должно быть, вѣстари часто селились также неземледѣльцы и изъ иновомцовъ и изъ туземцевъ. Этимъ объясняется, почему было такъ густо населеніе древней римской территоріи, которая заключала въ себѣ по болѣеи мѣрѣ 5½ квадратныхъ миль частью болотистой и песчаной почвы, а между тѣмъ еще по древнѣйшимъ городскимъ уставамъ выставляла гражданское ополченіе изъ 3300 свободныхъ людей и стало быть насчитывала по менѣе мѣрѣ 10,000 свободныхъ жителей. Но этого еще мало. Кто знаетъ, чѣмъ были Римляне, и знакомъ съ ихъ исторіей, тому известно, что своеобразный характеръ ихъ общественной и частной дѣятельности истекалъ изъ ихъ городского и торгового быта и что ихъ отличие отъ остальныхъ Латинцевъ и вообще отъ Италійцевъ было преимущественно отличіемъ горожанъ отъ поселянъ. Впрочемъ Римъ не былъ такимъ-же торговымъ городомъ, какъ Коринѣ или Карфагенъ, потому что Лациумъ въ сущности земледѣльческая страна, а Римъ и былъ и оставался прежде всего латинскимъ городомъ. Но то, чѣмъ отличается Римъ отъ множества другихъ латинскихъ городовъ, должно быть, безъ сомнѣнія, приписано его торговому положенію и обусловленному этимъ положеніемъ духу его гражданскихъ учреждений. Такъ какъ Римъ служилъ для латинскихъ общинъ торговымъ складочнымъ мѣстомъ, то понятно, что рядомъ съ латинской сельско-хозяйственной организаціей и даже преимущественно передъ нею тамъ сильно и быстро развился городской бытъ, чѣмъ и былъ заложенъ фундаментъ для будущаго величія города. Гораздо интереснѣе и гораздо легче прослѣдить это торговое и стратегическое развитіе города Рима, чѣмъ браться за безплодный химическій анализъ древнихъ общинъ, которыя и сами по себѣ незначительны и мало отличаются одна отъ другой. Въ этомъ случаѣ намъ могутъ служить въ нѣкоторой мѣрѣ указаніями преданія о мало-по-малу возникавшихъ вокругъ Рима оградахъ и укрѣпленіяхъ, сооруженіе которыхъ, очевидно, шло рука объ руку съ превращеніемъ римскаго общиннаго быта въ городской.

Первоначальная городская основа, изъ которой въ теченіе нѣ-

Палатинскій
городъ и
семь хол-
мовъ.

скольких столбѣтъ выростагъ Римъ, обнимала, — по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, — только Палатинъ, который въ болѣе позднюю пору назывался также четырехугольнымъ Римомъ (*Roma quadrata*), потому что Палатинскій холмъ имѣеть форму неправильнаго четырехугольника. Остатки воротъ и стѣны этой первоначальной городской окружности были видны еще во времена имперіи; даже намъ хорошо извѣстно, гдѣ находились двое изъ этихъ воротъ — *Porta Romana* подлѣ *S. Giorgio in Velabro* и *Porta Mugionis* подлѣ арки Тита, а палатинскую стѣну описалъ по личному осмотру Тацитъ по крайней мѣрѣ съ тѣхъ ея сторонъ, которыя обращены къ Авентину и къ Целію. Многочисленные признаки указываютъ на то, что именно здѣсь находились центръ и первоначальная основа городской осѣдности. На Палатинѣ находился священный символъ этой основы — такъ-называемое «подземелье» (*mundus*), куда каждый изъ первыхъ поселенцевъ клалъ запасы всего, что нужно въ домашней жизни, и сверхъ того комокъ дорогой ему родной земли. Кромѣ того, тамъ находилось зданіе, въ которомъ собирались всѣ курии, — каждая у своего собственнаго очага, — для богослуженія и для другихъ цѣлей (*curiae veteres*). Тамъ-же находились: зданіе, въ которомъ собирались «скакуны» (*curia saliorum*) и въ которомъ хранились священные щиты Марса, святилище «волковъ» (*lupercal*) и жилище Юпитерова жреца. На этомъ холмѣ и подлѣ него сосредоточивались всѣ народныя сказанія объ основаніи города; тамъ представлялись взорамъ вѣрующихъ въ эти сказанія: покрытое сохой жилище Ромула, наступья хижина его пріемнаго отца Фавстула, священная смоковница, къ которой былъ прибитъ волнами коробъ съ двумя близнецами, вишенное дерево, которое выросло изъ древка копья, брошеннаго въ городскую стѣну основателемъ города съ Авентинскаго холма черезъ лощину цирка, и другія такого-же рода святины. О храмахъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова еще не имѣли понятія въ ту пору, а потому и на Палатинѣ не могло быть остатковъ отъ такихъ памятниковъ древности. Но центры общинныхъ сборищъ не оставили послѣ себя никакихъ слѣдовъ по той причинѣ, что были рано перенесены отсюда въ другія мѣста; можно только догадываться, что открытое мѣсто вокругъ подземелья (*mundus*), впоследствии названное площадью Аполлона, было самымъ древнимъ сборнымъ пунктомъ гражданъ и сената, а на поставленныхъ надъ самымъ подземельемъ подмосткахъ устраивались древнѣйшія пиршества римской общины. — Напротивъ того, въ «семихолмномъ празднествѣ» (*septimontium*) сохранилось воспоминаніе о болѣе широкой осѣдности, мало-по-малу образовавшейся вокругъ Палатина; тамъ появлялись одни въ слѣдъ за другими новыя предмѣстія, изъ которыхъ каждое было обнесено особой, хотя и не очень крѣпкой оградой,

первоначально къ первоначальной городской стѣнѣ Палатина тянется, какъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ въ главной плотнѣ примыкають другія второстепенныя. Въ числѣ «самыя носовъ» входили: самъ Палатинъ; Цермала — оковы Палатина къ той вышности (vela b. g. m.), которая тянется по направленію въ рѣкѣ между Палатиномъ и Канитолійскъ; Велія, — хребтъ ханжа, соединяющій Палатинъ съ Эсквилиномъ и въслѣдствіи почти совершенно заостренный императорами; Фагутагъ, Оппій и Циспій — три возвышенности Эсквилина; наконецъ Сулуза или Субура — крѣпость, заложившая ниже S. Pietro in Vincoli, въ долину между Эсквилиномъ и Квиричалою и въ земляного вала, защищавшаго новый городъ на Каринахъ. По этимъ очевидно, мало-не-малу возникавшимъ пристройкамъ, можно до нѣкоторой степени ясно прослѣдить самую древнюю исторію Палатинскаго Рима, въ особенности, если имѣть при этомъ въ виду Сервіевское раздѣленіе Рима на округа, основанное на этомъ болѣе древнемъ раздѣленіи города на части. — Палатинъ былъ первоначально центромъ римской общины, — самой древней и первоначально единственной ея оградой; не городская ограда возникла въ Римѣ, какъ и повсюду, не внутри замка, а подъ его стѣнами; оттого-то самыя древнія изъ известныхъ намъ поселеній, въслѣдствіи составляющія, въ Сервіевскомъ раздѣленіи города, кварталы первый и второй, были расположены вокругъ Палатина. Примѣромъ этого могутъ служить: поселеніе, образовавшееся на склонѣ Цермала къ Тускской улицѣ (въ названіи которой, вѣроятно, сохранилось воспоминаніе объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ между Церитами и Римлянами, существовавшихъ еще въ ту пору, когда городъ занималъ одинъ Палатинскій холмъ), и поселеніе на Веліи; эти два пригорода въслѣдствіи образовали въ Сервіевскомъ городѣ вѣсть съ крѣпостнымъ холмомъ одинъ кварталъ. Въ составъ подвижнаго втораго квартала входилъ предмѣстіе на Целійскомъ холму, вѣроятно, занимавшее лишь самый внѣшній выступъ этого холма надъ будущимъ Колизеемъ; предмѣстіе на Каринахъ, то-есть на томъ возвышеніи, которое обрауетъ склонъ Эсквилина къ Палатину; наконецъ долина и передовое укрѣпленіе Субуры, отъ которой и весь кварталъ получалъ свое названіе. Эти два квартала и составляли первоначальный городъ, а его Субуранскій округъ, тянувшійся подъ крѣпостнымъ холмомъ примѣрно отъ арки Константина до S. Pietro in Vincoli и по лежащей внизу долины, былъ, какъ кажется, болѣе значительнымъ и, быть можетъ, болѣе древнимъ, чѣмъ поселенія, включенныя Сервіемъ въ Палатинскій округъ, такъ какъ первый предшествуетъ второму въ спискѣ кварталовъ. Замѣчательнымъ памятникомъ происхожденія этихъ двухъ частей города служитъ одинъ изъ самыхъ древнихъ свидѣтельныхъ обычаевъ подвижнаго Рима, заключающійся въ томъ, что на Марсовомъ полѣ ежегодно приносили въ жертву октябрьскаго коня;

жители Субуры до очень поздней поры составлялись на этомъ праздничѣ съ жителями священной улицы изъ-за лошадиной головы и, смотря потому, на какой сторонѣ оставалась побѣда, эту голову прибивали гвоздями или къ Мамиліевской башнѣ (мѣсто нахождения которой неизвѣстно) въ Субурѣ или къ царскому дому у подножія Палатина. Въ этомъ случаѣ двѣ части древняго города составлялись между собою на равныхъ правахъ. Стало-быть Эсквиліи, — названіе которыхъ въ сущности дѣлало излишнимъ употребленіе слова Карины — были на самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ назывались, то-есть внѣшними постройками (ex-*quiliae* — подобно *inquilinus* отъ *colere*) или городскимъ предмѣстьемъ; при позднѣйшемъ раздѣленіи города онѣ вошли въ составъ третьяго квартала, который всегда считался мѣнѣе значительнымъ, чѣмъ Субуранскій и Палатинскій. Быть можетъ и другія сосѣднія высоты, какъ напримѣръ Капитолій и Авентинъ, были также заняты общинной семи холмовъ; это видно главнымъ образомъ изъ того, что уже въ ту пору существовалъ (для чего служить вполне достаточнымъ доказательствомъ одно существованіе понтификальной коллегии) тотъ «мостъ на сваяхъ» (*pons sublicius*), для котораго служилъ натуральнымъ мостовымъ устоемъ островъ Тибра; не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія и того факта, что мостовое укрѣпленіе находилось на этрусскомъ берегу, на возвышеніи Яникула; но община не включала этихъ мѣстъ въ сферу своихъ укрѣпленій. Сохранившееся до поздней поры въ богослужебномъ уставѣ правило, что мостъ долженъ быть сложенъ безъ желѣза, изъ одного дерева, очевидно имѣло ту практическую цѣль, что требовался летучій мостъ, который можно было во всякое время легко изломать или сжечь; отсюда видно, какъ долго римская община не могла разсчитывать на вполне обезпеченное и непрерывное обладаніе рѣчной переправой. — Мы не имѣемъ никакихъ указаній на какую-либо связь между этими постепенно выросшими городскими поселеніями и тѣми тремя общинами, на которыя римская община распадалась съ незапамятныхъ временъ: Такъ какъ Рамны, Тиции и Луцеры, повидимому, первоначально были самостоятельными общинами, то слѣдуетъ полагать, что каждая изъ нихъ первоначально имѣла свою собственную осѣдность; но на семи холмахъ онѣ, конечно, не отдѣлялись одна отъ другой особыми оградами, а все, что было на этотъ счетъ выдуманно въ старину или въ новое время, должно быть поставлено осмотрительнымъ изслѣдователемъ на ряду съ забавными сказками о Тарпейской скалѣ и о битвѣ на Палатинскомъ холму. Скорѣе можно предположить, что оба квартала древняго города — Субура и Палатинъ, равно какъ тотъ кварталъ, который состоялъ изъ его предмѣстій, были раздѣлены на три части между Рамнами, Тициями и Луцерами; съ этимъ можно-бы было поставить въ связь и тотъ фактъ, что въ субуранской и въ палатинской частяхъ города, равно какъ во всѣхъ

позже образовавшихся его кварталахъ, находилось по три пары Аргейскихъ капищъ. Палатинскій семихолмный городъ, быть можетъ, имѣлъ свою исторію, но до насъ не дошло о немъ никакихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ только того, что онъ дѣйствительно существовалъ. Но подобно тому, какъ падающіе съ лѣсныхъ деревьевъ листья подготавливаютъ почву къ новой веснѣ, хотя за нихъ паденіемъ и не слѣдуетъ человѣческой глазъ,—и этотъ исчезнувшій семихолмный городъ подготовилъ почву для историческаго Рима.

Но не одинъ Палатинскій городъ кадраве занималъ то пространство, которое было впоследствии обнесено Сервиевскою стѣною; въ непосредственномъ съ нимъ сосѣдствѣ стоялъ другой городъ на Квириналѣ. «Древній замокъ» (*Capitolium vetus*) съ святилищами Юпитера, Юноны и Минервы и съ тѣмъ храмомъ богини «честнаго слова», въ которомъ публично выставлялись государственные договоры, былъ яснымъ прототиномъ позднѣйшаго Капитолія съ его храмами въ честь Юпитера, Юноны и Минервы и съ его храмомъ римской «Вѣрности», также игравшимъ роль дипломатическаго архива; этотъ замокъ служилъ безспорнымъ доказательствомъ того, что и Квириналъ когда-то былъ центромъ самостоятельнаго общиннаго быта. То же видно изъ поклоненія Марсу и на Палатинѣ и на Квириналѣ, такъ какъ Марсъ былъ первообразомъ война и самымъ древнимъ высшимъ божествомъ италійскихъ гражданскихъ общинъ. Съ этимъ находится въ связи и то, что завѣдывавшія поклоненіемъ Марсу, два очень древнихъ братства—«скакуновъ» (*Salii*) и «волковъ» (*Luperci*) существовали въ позднѣйшемъ Римѣ въ двойномъ комплектѣ такъ, что рядомъ съ палатинскими скакунами существовали скакуны квиринальскіе, а рядомъ съ квинктійскими волками Палатина—Фабіевская волчья гильдія, святилище которой находилось, по всему вѣроятію, на Квириналѣ *). Всѣ эти указанія вѣски сами по

Холмовые
Римляне на
Квириналѣ.

*) Что квинктійскіе Луперки стояли по своему рангу выше фабіевскихъ, видно изъ того, что баснописцы называли Квинктіевъ приверженцами Ромула, а Фабіевъ—приверженцами Рема [Овид. *Fasti*, 2,378 и слѣд.; *Vict.*, *De Orig.* 22]. Что Фабіи принадлежали къ числу жившихъ на холмахъ Римлявъ, доказываетъ тѣмъ, что ихъ родъ совершалъ свои жертвоприношенія на Квириналѣ [Ливій, 5,46,52], а въ этомъ случаѣ безразлично, находились-ли эти жертвоприношенія въ связи съ Луперкаліями, или нѣтъ.—Луперкъ этой коллегіи называется въ надписяхъ [Orelli 2253] *Lupercus Quinctialis vetus*, а название Каево [см. *Римск. изслѣд.* Моимсена, 1,17], по всему вѣроятію, находящееся въ связи съ культомъ Луперкалій, встрѣчается исключительно только у Квинктіевъ и у Фабіевъ; поэтому часто употребляемая писателями форма *Lupercus Quinctilius* и *Quinctilianus* должна считаться за искаженіе, а эта коллегія существовала не у Квинктіевъ, которые были сравнительно менѣе древняго происхожденія, а у Квинктіевъ, происхожденіе которыхъ было гораздо болѣе древне. Когда-же, наоборотъ, Квинктии [Ливій, 1,80] или Квинктиліи [Діонисій, 3,29]

себѣ, но приобрѣтутъ еще болѣе важное значеніе, если мы припомнимъ, что въ точности известная намъ окружающая Палатинскаго семикольнаго города не вмѣщалась въ себѣ Квиринала и что въ Сервіевскомъ Римѣ, который состоялъ изъ трехъ первыхъ округовъ, существовавшихъ прежнему объему палатинскаго города, былъ впоследствии сформированъ четвертый кварталъ изъ Квиринала и изъ сосѣдней съ нимъ Виминала. Отсюда объясняется и цѣль, для которой было возведено внѣшнее укрѣпленіе Субуры за городской стѣной, въ долину между Эсвилиномъ и Квириналомъ: тутъ соприкасались границы двухъ территорій, и поселившіеся на этой низменности Палатинцы нашли нужнымъ построить тутъ крѣпость для защиты отъ обитателей Квиринала. — Наконецъ, несовершенно исчезло даже то названіе, которымъ жители Квиринала отличались отъ своихъ палатинскихъ сосѣдей. Палатинскій городъ назывался городомъ «семи горъ» и названіе его жителей происходило отъ слова гора (*montani*), подъ которымъ разумѣли преимущественно Палатинъ, но также и другія принадлежавшія къ нему высоты; напротивъ того, вершина Квиринала (которая была не только не ниже вершины Палатина, но даже немного выше) вмѣстѣ съ принадлежавшимъ къ ней Виминаломъ никогда не называлась иначе, какъ холмомъ (*collis*); даже въ актахъ, относящихся къ религіозной сферѣ, Квириналъ нередко называется просто «холмомъ», безъ прибавленія какого-либо объяснительнаго слова. Точно такъ и ворота при спускѣ съ этой возвышенности обыкновенно называются холмовыми воротами (*porta collina*), живущіе тамъ священнослужители Марса — холмовыми священнослужителями (*salii collini*) въ отличіе отъ палатинскихъ (*salii Palatini*), а образовавшійся изъ этого округа четвертый Сервіевскій кварталъ — холмовымъ кварталомъ (*tribus collina*) *). Названіе Римлянъ, подъ которымъ первоначально разумѣли

упоминаются въ числѣ альбанскихъ родовъ, то здѣсь слѣдуетъ предпочитать послѣднюю ореографію и считать квинкційскій родъ за древне-римскій.

*) Хотя та возвышенность, на которой жили холмовые Римляне, и послѣдствіемъ общеупотребительное названіе квиринальскаго холма, изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что названіе Квириновъ первоначально было названіемъ жившихъ на Квириналѣ гражданъ. Съ одной стороны, — какъ объяснено выше, — всѣ древнѣйшіе слѣды свидѣлствуютъ о томъ, что эти жители назывались *Collini*; съ другой стороны безспорно доказано, что и встарину и въ болѣе позднюю пору названіе Квириновъ обозначало полноправныхъ гражданъ и не имѣло ничего общаго съ отличіемъ обитателей холма отъ обитателей горы, *montani* отъ *collini* [сравн. ниже главу 5]. Позднѣйшее названіе *Quirinalis* возникло отъ того, что хотя *Mars Quirinus*, мечущій копьей богъ смерти, и былъ предметомъ поклоненія какъ на Палатинѣ, такъ и на Квириналѣ [такъ какъ въ древнѣйшихъ надписяхъ, найденныхъ въ такъ-называемомъ храмѣ Квирина, это божество называется *Марсомъ*], но послѣдствіемъ, во избѣжаніе смѣшенія, стали

всѣхъ жителей той мѣстности, могло быть усвоено какъ холмовыми жителями, такъ и обитателями горы и первое изъ нихъ могли называться холмовыми Римлянами (*Romani collini*). Нетъ ничего невозможнаго въ томъ, что между жителями двухъ сосѣднихъ городовъ существовало и племенное различіе; но мы не имѣемъ достаточныхъ основаній для того, чтобы признать основанную на Квириналѣ общину за иноплеменную, точно такъ же, какъ не имѣемъ основанія признать иноплеменной которую-либо изъ общинъ, основанныхъ на латинской территоріи *).

И такъ, жившіе на Малаціи горные Римляне и жившіе на Квириналѣ холмовые Римляне стояли въ ту пору во главѣ римскаго общиннаго устройства, составляя двѣ отдѣльныя общины, которыя, безъ сомнѣнія, часто враждовали между собою и въ этомъ отношеніи имѣли нѣкоторое сходство съ теперешними римскими Монтигьянами и Трастеверкианами. Что семигорная община на старѣ была погумешественнѣе квиринальскаго, безспорно доказывается и болѣе ши-

Взаимныя отношенія общинъ латинской и квиринальскаго.

называть бога жившихъ на горѣ Римлянъ преимущественно Марсомъ, а бога жившихъ на холмѣ Римлянъ — преимущественно Квириномъ. — Хотя Квириналь и называется также жертвеннымъ холмомъ, *collis agonalis*, но этимъ указывается только на то, что онъ былъ для холмовыхъ Римлянъ богослужебнымъ центромъ.

*) То, что выдаютъ за такія основанія [сравн. наприм. Швейгера, Римск. Ист. 1,480], въ сущности сводится на высказанную Варрономъ и, по обыкновению, повторявшуюся вслѣдъ за нимъ позднѣйшими писателями, этимологическую гипотезу, что латинскія слова *quiritis*, *quiritius* были одного происхожденія съ названіемъ сабинскаго города *Сигес* и что, стало-быть, квиринальскій холмъ былъ заселенъ переселенцами изъ Куръ. Однакоже происхожденіе этихъ словъ правдоподобно, но сдѣланный изъ него исторической выводъ, безспорно, не имѣетъ достаточнаго основанія. Иные утверждали, но не могли доказать, что древнія святилища, находившіяся на этой горѣ [гдѣ также былъ и такой холмъ, который назывался Лаціарійскимъ], были сабинскія. *Mars quiritius*, *Sol*, *Salus*, *Flores*, *Semo Sancus* или *Deus fidius*, конечно, были сабинскими божествами, но они вмѣстѣ съ тѣмъ были латинскими божествами, которымъ стали поклоняться, очевидно, еще въ ту пору, когда Латинцы и Сабинцы жили нераздѣльно. Если же съ святилищами Квиринала, впоследствии отодвинушагося на второй планъ, преимущественно связано названіе такого божества, какъ *Semo Sancus* [сравн. происшедшее отъ его имени названіе *porta sanqualis*], — впрочемъ встрѣчающееся и на островѣ Тибра, — то всякій безпристрастный изслѣдователь усмотритъ въ этомъ фактѣ лишь доказательство глубокой древности этого культа, а не его заимствованіе изъ сосѣдней страны. При этомъ не слѣдуетъ отвергать возможности вліянія племеннаго различія; но если бы это различіе и дѣйствительно существовало, оно исчезло для насъ безслѣдно, а ходячія между нашими современниками разсужденія объ участіи сабинскаго элемента въ устройствѣ римскаго быта лишь могутъ служить предостереженіемъ отъ такого переливанія изъ пустаго въ порожнее

рокими размѣрами ея пристроекъ и предмѣстій и тѣмъ второстепеннымъ положеніемъ, которымъ прежніе холмовые Римляне принуждены были довольствоваться въ повднѣйшемъ Сервіевскомъ городскомъ устройствѣ. Но и внутри палатинскаго города едва-ли успѣли вполне объединиться его различныя составныя части. О томъ, какъ Субура и Палатинъ ежегодно состязались между собою изъ-за лошадиной головы, уже было упомянуто ранѣе; но и обитатели каждой возвышенности, даже члены каждой курии (въ ту пору еще не было общаго городского очага, а очаги у каждой курии были особыя, хотя и стояли одинъ подлѣ другаго), вѣроятно, сильнѣе сознавали свою самостоятельность, чѣмъ свое единство, такъ что Римъ былъ скорѣе совокупностью городскихъ поселеній, чѣмъ цѣльнымъ городомъ. По многимъ признакамъ слѣдуетъ полагать, что даже жилища древнихъ могущественныхъ фамилій были укрѣплены такъ, что были способны защищаться отъ нападений и, стало-быть, нуждались въ защитѣ. Величественная стѣна, постройка которой приписывается царю Сервію Туллию, впервые окружила одной оградой не только два города, стоявшіе на Палатинѣ и на Квириналѣ, но и не входившія въ черту этихъ городовъ возвышенности Капитолія и Авентина, и такимъ образомъ создала новый Римъ, — тотъ Римъ, съ которымъ знакома всемірная исторія. Но прежде, чѣмъ было приступлено къ возведенію этого громаднаго сооруженія, положеніе Рима среди окружавшей его мѣстности, должно было, безъ сомнѣнія, совершенно измѣниться. Та пора — когда земледѣлецъ вспахивалъ своимъ плугомъ землю на семи римскихъ холмахъ точно такъ же, какъ и на другихъ латинскихъ, а зародыши болѣе прочной осѣдлости появлялись только на нѣкоторыхъ вершинахъ, въ тѣхъ укрѣпленныхъ убѣжищахъ, которыя оставались пустыни въ мирное время, — соответствовала той древнѣйшей эпохѣ, когда латинское племя еще не вело никакой торговли и не совершало никакихъ замѣчательныхъ подвиговъ. Та болѣе поздняя пора, — когда стали разцвѣтать поселенія на Палатинѣ и внутри «семи оградъ», — совпадаетъ съ завладѣніемъ римскою общиною устьями Тибра и вообще съ болѣе оживленными и болѣе свободными сношеніями Латинцевъ между собою, съ развитіемъ городскихъ нравовъ, въ особенности въ Римѣ, и также съ болѣе прочнымъ политическимъ объединеніемъ какъ отдѣльныхъ общинъ, такъ и всего латинскаго міра. Точно такъ и появленіе созданнаго Сервіевскою стѣной цѣльнаго большаго города совпадаетъ съ той эпохой, когда городъ Римъ былъ въ состояніи начать борьбу изъ-за преобладанія въ латинскомъ союзѣ и когда онъ былъ въ состояніи достигнуть этой цѣли.

Г Л А В А V.

Первоначальное государственное устройства Рима.

Отец и мать, сыновья и дочери, дворъ и жилище, слуги и утварь — вотъ тѣ естественные элементы, изъ которыхъ слагается домашній бытъ повсюду, гдѣ многоженство не уничтожило настоящаго значенія матери семейства. Способные къ болѣе высокой культурѣ народы расходятся между собою въ томъ, что сознаютъ и регулируютъ эти естественныя различія или поверхностно или болѣе подробно, или преимущественно съ ихъ нравственной стороны или преимущественно съ ихъ стороны юридической, — но ни одинъ изъ нихъ не можетъ равняться съ Римлянами въ ясномъ и неумолимо-строгомъ проведеніи тѣхъ юридическихъ основъ, которыя намѣчены самою природой.

Римскій
домъ.

Семейство, — то есть достигшій за смертію отца полноправности, Отецъ свободный человѣкъ вмѣстѣ съ женою, которую торжественно сочелъ своимъ и тали съ нимъ священнослужителя путемъ принесенія въ жертву хлѣбаго близнѣе. съ союзу (*confagreatio*), также ихъ сыновья и сыновья ихъ сыновей вмѣстѣ съ своими законными женами, ихъ незамужнія дочери и дочери ихъ сыновей, равно какъ все, принадлежащее кому-либо изъ нихъ имущество, — было однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ, въ которое не входили только дѣти дочерей, такъ какъ, если эти дѣти были прижиты въ бракъ, то принадлежали къ семейству мужа, если же были прижиты внѣ брака, то не принадлежали ни къ какому семейству. Имѣть собственный домъ и дѣтей считалось у римскихъ гражданъ за цѣль и за главную суть жизни. Смерть не считалась несчастіемъ, потому что она неизбежна, но вымирание семейства или, тѣмъ болѣе, вымирание цѣлаго рода считалось бѣдствіемъ даже для общины, которая неэтому нестари доставляла бѣдѣтнмъ людямъ возможность набѣгать такого горя посредствомъ законнаго усыновленія чужихъ дѣтей. Римская совѣя нестари носила въ себѣ зачатки высшей культуры, благодаря тому, что взаимное положеніе ея членовъ было основано на нравственныхъ началахъ. Главой семьи могъ быть

только мужчина; хотя женщина и не отставала от мужчины в томъ, что касалось приобретѣнія собственности и денегъ (дочь получала одинаковую долю наслѣдства съ братьями, мать—одинаковую долю наслѣдства съ дѣтьми), но она всегда и неизбѣжно принадлежала семейству, а не общинѣ, и въ этомъ семействѣ неизбѣжно находилась въ подчиненности: дочь подчинялась отцу, жена—мужу *), лишившаяся отца, незамужняя женщина—своимъ ближайшимъ родственникамъ мужескаго пола, и этимъ родственникамъ, а не царю была подсудна. Но внутри дома мать семейства была не служанкой, а госпожей. Она не занималась ни молотбой зерноваго хлѣба ни кухонной стряпней, которыя, по римскимъ понятіямъ, были дѣломъ челяди, а посвящала себя только надзору за служанками и своему веретену, которое было для женщины тѣмъ же, чѣмъ былъ плугъ для мужчины **). Римскій народъ такъ же ибѣнно и глубоко сознавалъ нравственныя обязанности родителей къ дѣтямъ,

*) Это правило имѣло силу не въ одномъ только старинномъ религіозномъ бракѣ [matrimonium confarreatio]: хотя гражданскій бракъ [matrimonium consensu] и не предоставлялъ мужу власти собственности надъ женою, но юридическія понятія о формальной передачѣ женщины мужу [coemptio] и о давности владѣнія [usus] притѣялись въ этомъ случаѣ и давали мужу возможность современно приобрести право собственности надъ женою. Дока онъ не приобрѣлъ этого права, то-есть пока не истекъ срокъ давности, женщина,—такъ же какъ и при позднѣйшихъ бракосочетаніяхъ съ саизае probatio,—была не uxor, а про uxore; до болѣе полнаго развитія законодательства у Римлянъ сохранялось въ силѣ правило, что жена, не найдившаяся во власти мужа, была настоящей женою, а лишь считалась за такую [uxor tantum modo habetur. Цицеронъ, Топ. 3, 14].

**) Не лишнимъ будетъ привести содержаніе слѣдующей надписи, хотя она и принадлежитъ къ гораздо позднѣйшей эпохѣ. Намень говорить: „Страшнѣе, мнѣ рѣчь будетъ не длинна: остановись и прочти ее. Здѣсь подъ некрасивой гробницей покоится красивая женщина. Родители называли ее Клавдіей; она всей душой любила своего мужа; родила ему двухъ сыновей; одного изъ нихъ оставила послѣ себя на землѣ, другаго схоронила въ нѣдрахъ земли. Она была прѣстѣлива въ рѣчахъ, имѣла благородную поступь, была заботливой хозяйкой и пряха. Я кончилъ, иди“.

Едва-ли не болѣе знаменателенъ тотъ фактъ, что въ римскихъ надгробныхъ надписяхъ умѣне пряхъ шерсть нерѣдко упоминается въ числѣ частно-нравственныхъ достоинствъ. Orelli, 4639: optima et pulcherrima, lanifica pia pudica frugi casta domitica. — Orelli 4661: modestia probitate pudicitia obsequia lanificio diligentia fide parsimilisque ceteris probeis feminis fuit. Надгробная надпись Турин 1, 80: domestica bona pudicitiae, obsequi, comitatis, facilitatis, lanificiis [tuis assiduitatis, religionis] sine superstitione, ornatus non conspiciendi, cultus modici.

и считалъ преступнымъ того отца, который не заботился о смышлѣ дѣтяхъ, или развращалъ ихъ, или даже только растрачивалъ ихъ во вредъ своею состоянію. Но съ точки зрѣнія закона, семействомъ безусловно руководила и управляла всемогущая воля отца семейства (*pater familias*). Передъ нимъ было безправно все, что входило въ сферу домашняго быта—воль и невольникъ и несколько не менше жона и дѣти. Какъ дѣвушка становится законною женою мужчины по его свободному выбору, такъ точно отъ его свободной воли зависѣтъ воспитывать или невоспитывать дѣтей, которыхъ родить ему эта жона. Это воззрѣніе не истекало изъ равнодушія къ семейству: напротивъ того, римскій народъ былъ проникнутъ глубокимъ и искреннимъ убѣжденіемъ, что обезводить своимъ домомъ и производить на свѣтъ дѣтей—правственная обязанность и гражданскій долгъ. Едва-ли не единственнымъ прищаромъ пособія выдававшарося въ Римѣ на общинный счетъ, было то постановленіе, что отецъ, у котораго родилась тройня, имѣлъ право на вспомошествованіе; а какъ смотрѣли Римляне на тѣхъ, кто бросалъ омыхъ дѣтей немедленно послѣ ихъ рожденія, видно изъ того, что было запрещено бросать омывой, за исключеніемъ родившихся уродами, и по меньшей мѣрѣ первую дочь. Но какъ-бы ни казалось вреднымъ для общества бросаніе только что родившихся дѣтей, это запрещеніе скоро превратилось изъ угрозы наказанія въ угрозу религіознаго проклятія, такъ какъ прежде всего существовало правило, что отецъ неограниченный властелинъ въ своемъ домѣ. Отецъ семейства не только держалъ всѣхъ домашнихъ въ самомъ строгомъ повиновеніи, но также имѣлъ право и былъ обязанъ чинить надъ ними судъ и расправу и по своему усмотрѣнію подвергать ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ и смертной казни. Взрослый сынъ могъ завести свое особое хозяйство или, какъ выражались Римляне, получить отъ отца въ собственность «особое стадо» (*præsulium*), но по закону все, что прибрѣталось членами семьи собственнымъ трудомъ или въ видѣ подарка отъ восторженнаго лица, въ отцовскомъ домѣ или въ своемъ собственномъ, составляло собственность отца, и пока отецъ былъ живъ, подчиненное ему лице не могло прибрѣтать собственности и потому не могло ничего отчуждать иначе, какъ по порученію отъ отца и никогда не могло получить никакого наслѣдства. Въ этомъ отношеніи жона и дѣти стояли совершенно на одномъ ряду съ рабами, которымъ также порядко дозволялось обезводиться собственнымъ хозяйствомъ и которые также могли отчуждать по порученію властелина. Отецъ даже могъ передавать постороннему лицу въ собственность какъ своего раба, такъ и своего сына; если покупатель былъ чужеземецъ, то преданный ему сынъ становился его рабомъ, если же онъ былъ Римлянинъ, то этотъ сынъ по меньшей мѣрѣ замѣнялъ ему раба,—такъ какъ Римлянинъ не могъ быть рабомъ другаго Римлянина. Власть

отца и мужа была ограничена только тѣмъ, что нѣкоторыя изъ самыхъ возмутительныхъ ея злоупотребленій подвергались какъ установленному закономъ наказанію, такъ и религиозному проклятію; такъ на примѣръ, — кромѣ упомянутаго ранѣе ограниченія отцовскаго права бросать новорожденныхъ дѣтей, — наказаніе угрожало тому, кто продавалъ свою законную жену или своего женатаго сына, а семейнымъ обычаемъ было установлено, что при отправленіи домашнего правосудія отецъ и въ особенности мужъ не могъ постановлять обвинительнаго приговора надъ своими дѣтьми и надъ своею женою, не посовѣтовавшись предварительно какъ съ своими ближайшими кровными родственниками, такъ и съ родственниками своей жены. Но этотъ обычай не былъ легальнымъ ограниченіемъ отцовской власти, такъ какъ призванные къ участию въ домашнемъ судѣ кровные родственники не раздѣляли судейскихъ правъ отца семейства, а только служили ему совѣтниками. Власть главы семейства не только была по своей сущности неограниченной и неотвѣтственной ни передъ кѣмъ, но пока этотъ домашній властелинъ былъ живъ, она также была неизмѣнной и несокрушимой. По греческимъ законамъ точно такъ же, какъ и по германскимъ, взрослый и фактически самостоятельный сынъ считался и по праву независимымъ отъ своего отца; но власть римскаго отца семейства не могла быть упразднена въ теченіе его жизни ни его превлонными дѣтьми, ни его сумасшествіемъ, ни даже его собственной свободной волей; только могла произойти замѣна одного властелина другимъ, такъ какъ ребенокъ могъ перейти путемъ усыновленія подъ власть другого отца, а вступавшая въ законный бракъ дочь переходила изъ-подъ власти отца подъ власть мужа, — переходила изъ отцовскаго рода и изъ-подъ охраны отцовскихъ боговъ въ родъ мужа и подъ охрану мужниныхъ боговъ, ноступая въ такую же зависимость отъ мужа, въ какой прежде находилась отъ отца. По римскому праву, рабу было легче освободиться изъ-подъ власти его господина, чѣмъ сыну изъ-подъ власти его отца; освобожденіе перваго было дозволено еще въ раннюю пору и сопровождалось исполненіемъ несложныхъ формальностей, а освобожденіе втораго сдѣлалось возможнымъ лишь гораздо позднѣе и далекимъ окольнымъ путемъ. Даже въ случаѣ, если господинъ продалъ своего раба, или отецъ своего сына, а покупатель отпустилъ того или другаго на волю, рабъ получалъ свободу, а сынъ снова поступалъ подъ отцовскую власть. Такимъ образомъ, — вслѣдствіе неумолимой послѣдовательности, съ которою Римляне обставили власть отца и мужа — эта власть превратилась въ настоящее право собственности. Однако, не смотря на то, что власть отца семейства надъ его женою и дѣтьми имѣла большое сходство съ его властію надъ рабами и надъ домашнимъ скотомъ, члены семьи все таки рѣзко отличались отъ семейной собственности и фактически и по праву. Кромѣ того, что

власть главы семейства была дѣйствительною только внутри дома, она была сама по себѣ преходящей и имѣла въ нѣкоторой мѣрѣ представительный характеръ. Жена и дѣти существовали не исключительно для отца семейства, какъ собственность существуетъ только для собственника и какъ въ управляемомъ абсолютною властію государствѣ подданные существуютъ только для монарха; они, правда, также были предметами права, но они вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли и свои собственные права, — были лицами, а не вещами. Только ихъ права оставались безъ практическаго примѣненія, потому что для единства семьи необходимо, чтобъ она управлялась только однимъ представителемъ; но когда глава семейства умираетъ, сыновья становились сами собой во главѣ своихъ семействъ и въ свою очередь получали надъ женщинами, дѣтьми и имуществомъ такія-же права, какія имѣли надъ ними самими ихъ отецъ; напротивъ того, юридическое положеніе раба нисколько не измѣнялось вслѣдствіе смерти его господина.

Единство семьи было такъ крѣпко, что даже смерть главы не Семейство и
родъ. вполнѣ его уничтожала. Потомки, сдѣлавшіеся самостоятельными вслѣдствіе этой смерти, все-таки считали себя во многихъ отношеніяхъ за одно цѣлое; это обнаруживалось въ порядкѣ наследованія и во многихъ другихъ случаяхъ, въ особенности при установленіи положенія вдовы и незамужнихъ дочерей. Такъ какъ по самымъ древнимъ римскимъ понятіямъ женщина была неспособна пользоваться властію ни надъ другими, ни надъ самой собою, то власть надъ нею или — по болѣе мягкому выраженію — опека (*tutela*) надъ нею по прежнему принадлежала ей семьѣ и переходила отъ умершаго главы семейства къ ближайшимъ членамъ семьи мужскаго пола, то есть, власть надъ матерью переходила къ ея сыновьямъ, власть надъ сестрами — къ ихъ братьямъ. Такимъ образомъ, однажды основанная семья непереставала существовать до тѣхъ поръ, пока не вымирало мужское потомство ея основателя; но связь одного поколѣнія съ другимъ, конечно, мало по малу ослабѣвала и въ концѣ даже становилось невозможнымъ доказать первоначальное единство ихъ происхожденія. На этомъ и только на этомъ основано различіе семьи отъ рода или, по римскому выраженію, агнатовъ отъ родичей. Подъ этими обоими выраженіями разумѣется мужская линія; но семья заключаетъ въ себѣ только тѣхъ индивидуумовъ, которые въ состояніи доказать свое происхожденіе отъ одного общаго родоначальника, входя отъ одного поколѣнія къ другому, а родъ заключаетъ въ себѣ и тѣхъ, кто въ состояніи доказать только свое происхожденіе отъ одного общаго предка, но не въ состояніи въ точности указать всѣхъ промежуточныхъ членовъ рода и, стало быть, степени родства. Это очень ясно выражается въ римскихъ именахъ, какъ напримѣръ, когда говорится: «Квинтъ, сынъ Квинта, внукъ Квинта и такъ далѣе... Квинтіевъ»; здѣсь семейная связь сохраняется, пока каждый изъ

восходящихъ членовъ семейства обозначается отдѣльно, а съ той минуты, какъ она прерывается, ее дополняетъ родъ, то есть происхожденіе отъ одного общаго предка, оставившаго всѣмъ своимъ потомкамъ въ наследство названіе дѣтей Квинта.

Домочадцы. Въ этимъ вѣрно замкнутомъ и соединенномъ подъ властію одного повелителя семьямъ, или же къ происшедшимъ отъ ихъ разложенія фамильнымъ и родовымъ единицамъ, также принадлежали и другіе люди—не гости, то есть не члены другихъ однородныхъ обществъ, временно пребывавшіе въ чужомъ домѣ, и не рабы, считавшіеся по закону не членами семейства, а его собственностью, но люди не менѣе зависимые (*clientes* отъ *cluege*), то есть такіе, которые не будучи свободными гражданами какой либо общины, тѣмъ не менѣе живутъ въ общинѣ и пользуются свободой благодаря чьему-либо покровительству. Сюда принадлежали частію люди, покинувшіе свою родину и нашедшіе убѣжище у каждаго нибудь иностраннаго покровителя, частію тѣ рабы, по отношенію къ которымъ ихъ господинъ временно отказался отъ пользованія своими правами и которымъ онъ даровалъ фактическую свободу. Эти отношенія въ сущности не были такъ же строго-закоными, какъ отношенія въ гостію; кліентъ оставался несвободнымъ человѣкомъ, для котораго неволя смягчалась даннымъ ему честнымъ словомъ и обычаями. Оттого-то домашніе кліенты и составляли вмѣстѣ съ настоящими рабами домашнюю челядь (*familia*), завѣшную отъ провозглашенія гражданина (*patronus* или *patricius*); оттого-то самыя древнія постановленія предоставляли гражданину право отбирать имущество кліента частію или сплозна, въ случаѣ надобности снова обращать кліента въ рабство и даже навязывать его смертію; а то было лишь фактическое различіе между рабомъ и кліентомъ, что этими правами домашняго властелина не такъ легко было пользоваться во всемъ ихъ объемѣ надъ кліентами, какъ надъ настоящими рабами, и что, съ другой стороны, нравственная обязанность господина щепица о его собственныхъ людяхъ и быть ихъ заступникомъ, получила болѣе важное значеніе по отношенію къ кліентамъ (фактически поставленнымъ въ положеніе болѣе свободныхъ людей), нежели по отношенію къ рабамъ. Фактическая свобода кліента должна была близка подходить къ легальной, въ особенности въ томъ случаѣ, когда отношенія между кліентомъ и его патрономъ не прерывались при нѣсколькихъ поколѣніяхъ; когда и тотъ, кто отпущенъ на волю, и тотъ, кто отпущенъ на волю, умерли, было бы вопіющею несправедливостью, еслибы потомки перваго потребовали права собственности надъ потомками втораго. Такимъ образомъ даже въ домѣ римскаго отца семейства образовалась особая сфера подначальникъ вольныхъ людей, отличавшихся отъ рабовъ столько же, сколько и отъ равноправныхъ родичей.

Этотъ римскій домъ послужилъ основой для римскаго государства римская община. и въ его элементахъ и въ его внѣшней формѣ. Народная община образовалась изъ замѣтнаго и во всѣхъ другихъ случаяхъ соединенія древнихъ родовъ Ромулювъ, Волтуцивъ, Фабіевъ и такъ далѣе, а римская территорія образовалась изъ соединенія принадлежавшихъ этимъ родамъ земельныхъ участковъ (стр. 36); римскимъ гражданиномъ былъ тотъ, кто принадлежалъ къ восторому-либо изъ тѣхъ родовъ. Всякій бракъ, заключенный въ этой сферѣ съ соблюденіемъ обычныхъ формальностей, считался законнымъ римскимъ бракомъ и сообщалъ дѣтямъ право гражданства; а дѣти, рожденныя отъ незаконныхъ браковъ или внѣ брака, исключались изъ общиннаго союза. Римскіе граждане называли себя «отцовскими дѣтьми» (*patricii*) именно потому, что они одни легально имѣли отца. Роды вошли въ составъ государства такими, какими прежде были, — со всѣми принадлежавшими къ нимъ семьями. Сферы семейныя и родовыя не утратили своего существованія и внутри государства, но положеніе, которое занимали въ нихъ отдѣльныя лица, не имѣло значенія передъ государствомъ, такъ что сынъ стоялъ въ семействѣ ниже отца, а по своимъ политическимъ обязанностямъ и правамъ стоялъ наравнѣ съ нимъ. Положеніе домоладцевъ естественно измѣнилось въ томъ отношеніи, что вольноотпущенники и кліенты каждаго патрона были терпимы ради его въ цѣлой общинѣ; хотя они и считались состоявшими подъ покровительствомъ того семейства, къ которому принадлежали, но на самомъ дѣлѣ оказывалось, что домоладцы членовъ общины не могли быть вполне устранены отъ богослуженія и отъ общественныхъ празднествъ, не смотря на то, что они, конечно, не имѣли, настоящихъ гражданскихъ правъ и не несли настоящихъ гражданскихъ обязанностей. Это было еще болѣе замѣтно на тѣхъ, кто состоялъ подъ покровительствомъ всей общины. Такимъ образомъ государство состояло, какъ и домъ частнаго человека, изъ своихъ и изъ постороннихъ людей, изъ гражданъ и изъ пришлыхъ людей.

Какъ элементами служили для государства роды, состоявшіе изъ семействъ, такъ и форма государственнаго устройства была какъ въ частностяхъ такъ и въ цѣломъ подражаніемъ семейной. Сама природа даетъ семейству отца, съ которымъ и начинается и кончается его существованіе. Но въ народной общинѣ, существованію которой непредвидится конца, нѣтъ такого естественнаго главы, по меньшей мѣрѣ его не было въ римской общинѣ, которая состояла изъ свободныхъ и равныхъ между собою земледѣльцевъ и которая не могла похвалиться никакою знатію по милости Божіей. Поэтому кто-нибудь изъ ея среды становился ея вождемъ (*rex*) и главою въ домѣ римской общины, а въ болѣе позднюю пору находились въ жилищѣ этого вождя или рядомъ съ этимъ жилищемъ вѣчно пылавшій очагъ и плотно запертая кладовая общины, римская Веста и римскіе Пе-

Царь.

чаты; такимъ образомъ во всемъ, что принадлежало къ этому высшему дому, наглядно выражалось единство всего Рима. Вступленіе царя въ должность совершалось по закону немедленно вслѣдъ за открытіемъ ваканціи и вслѣдъ за избраніемъ преемника умершему царю; но обязанность быть вѣрной царю и повиноваться ему лежала на общинѣ только съ той минуты, какъ царь созвалъ способныхъ носить оружіе вольныхъ людей и формально принялъ ихъ въ свое подданство. Послѣ того, онъ имѣлъ въ общинѣ совершенно такую же власть, какая принадлежала въ домѣ отцу семейства, и подобно этому послѣднему властвовалъ до конца своей жизни. Онъ имѣлъ дѣло съ богами общины, которыхъ вопрошалъ и умиротворялъ (*auspicia publica*); онъ же назначалъ всѣхъ жрецовъ и жриць. Договоры, которые онъ заключалъ отъ имени общины съ иноземцами, были обязательны для всего народа, хотя въ другихъ случаяхъ ни для какого члена общины не считался обязательнымъ договоръ, заключенный съ лицомъ, непринадлежавшимъ къ этой общинѣ. Его воля (*in regione*) была всемогущей и въ мирныхъ дѣлахъ и въ военныхъ; оттого - то повсюду, гдѣ онъ появлялся въ своемъ официальномъ званіи, впереди его шли вѣстовые (*lictore* отъ *licere*, приглашать, требовать) съ топорами и прутьями. Онъ одинъ имѣлъ право обращаться къ гражданамъ съ публичною рѣчью и въ его рукахъ находились ключи отъ общиннаго казнохранилища. Ему, точно такъ-же, какъ и отцу семейства, принадлежало право наказывать и отправлять правосудіе. Онъ налагалъ исправительныя наказанія, а именно палочные удары, за нарушеніе обязанностей военной службы. Онъ былъ судьей по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ и могъ безусловно отнимать и жизнь и свободу, такъ что по его приказанію гражданинъ могъ быть отданъ своему согражданину въ замѣнъ раба и даже могъ быть проданъ въ дѣйствительное рабство—стало-быть въ чужіе края; послѣ того, какъ онъ постановлялъ смертный приговоръ, онъ могъ позволять воззваніе къ народу о помилованіи, но не былъ къ тому обязанъ. Онъ призывалъ народъ къ войнѣ и начальствовалъ арміей, но онъ также былъ обязанъ являться на мѣсто пожара, когда били въ набатъ. Какъ отецъ семейства былъ не только высшимъ, но также единственнымъ властелиномъ въ домѣ, такъ и царь былъ не только высшимъ, но также единственнымъ властелиномъ въ государствѣ; онъ могъ составлять коллегіи изъ лицъ, специально изучившихъ священныя или общественныя узаконенія, и обращаться къ нимъ за совѣтами; чтобъ облегчить бремя верховной власти, онъ могъ возлагать на другихъ нѣкоторые изъ своихъ обязанностей, какъ наприимѣръ сношенія правительства съ гражданствомъ, командованіе арміей во время войны, разрѣшеніе не особенно важныхъ тяжбныхъ дѣлъ, раз-

слѣдованіе преступленій, а когда онъ былъ вынужденъ отлучиться изъ городскаго округа, могъ оставлять тамъ градоначальника (*praefectus urbi*) съ неограниченными правами замѣстника; но всякая должностная власть при царской власти истекала изъ этой послѣдней, и каждое должностное лицо находилось при должности только по волѣ царя и пока это было ему угодно. Вообще, должностныя лица древнѣйшей эпохи, какъ временный градоначальникъ, такъ и начальники отрядовъ (*tribuni* отъ *tribus*, часть) пѣхоты (*milites*) и конницы (*selegetes*), были ничѣмъ инымъ, какъ уполномоченными царя, а вовсе не должностными лицами въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Царская власть не имѣла никакихъ легальныхъ предѣловъ и не могла ихъ имѣть: надъ главою общины не могло быть судьи внутри общины, точно такъ-же, какъ надъ главою семейства не могло быть судьи внутри семейства. Его власть прекращалась только съ его смертію. Избраніе новаго царя зависѣло отъ совѣта старшинъ, къ которому переходила власть на время междуцарствія (*interregnum*). Гражданство принимало формальное участіе въ избраніи царя только послѣ того, какъ онъ былъ назначенъ; по закону, царская власть исходила изъ никогда не умиравшей коллегіи отцовъ (*patres*), которая возводила новаго царя въ его пожизненное званіе чрезъ посредство временнаго носителя царской власти. Такимъ образомъ, «высокое божеское благословленіе, подъ которымъ былъ основанъ славный Римъ», переходило въ непрерывной послѣдовательности отъ перваго носителя царскаго званія въ его преемникамъ и единство государства сохранилось неизмѣннымъ несмотря на перемѣну повелителей. Это единство римскаго народа, наглядно изображавшееся въ религіозной сферѣ римскимъ Діовисомъ, легально олицетворялось въ царѣ, которому поэтому и дали внѣшнюю обстановку высшаго божества: колесница внутри такого города, гдѣ всѣ обыкновенно ходили пѣшкомъ, жезлъ изъ слоновой кости съ орломъ, румяны на щекахъ, сдѣланный изъ золота дубовый вѣнокъ — все это были внѣшнія отличія какъ римскаго бога, такъ и римскаго царя. Но было-бы большою ошибкой считать римское государственное устройство за теократію; понятія о богѣ и о царѣ никогда не сливались у Италійцевъ такъ, какъ они сливались у Египтянъ и у восточныхъ народовъ. Царь не былъ для народа богомъ, а скорѣе былъ собственникомъ государства. Поэтому мы и не находимъ у Римлянъ понятія объ особой божіей благодати, ниспосланной на одинъ родъ, или о какой-либо таинственной волшебной силѣ, благодаря которой царь считался-бы иначе созданнымъ, чѣмъ другіе люди; знатное происхожденіе и родство съ прежними правителями государства считались рекомендаціей, но не были необходимымъ условіемъ; напротивъ того, каждый здоровый душою и тѣломъ, совершеннолѣтній

Римлянинъ могъ достигнуть царскаго званія *). Стало-быть царь былъ не болѣе, какъ простой гражданинъ, поставленный во главѣ себя равныхъ земледѣльцовъ или воиновъ или за свои заслуги или благодаря удачѣ, но главнымъ образомъ потому, что въ каждомъ домѣ долженъ быть только одинъ властелинъ. Какъ сынъ безпрекословно повиновався отцу, хотя и не считалъ себя ниже своего отца, такъ и гражданинъ подчинялся властелину, не считая его за болѣе совершенное существо. Въ этомъ и заключалось нравственное и фактическое ограниченіе царской власти. Конечно, царь могъ совершать много несправедливостей безъ прямого нарушенія законовъ страны: онъ могъ уменьшать ту долю добычи, на которую имѣлъ право его соратники, могъ налагать слишкомъ тяжелыя барщинныя работы или посягать на собственность гражданъ путемъ разныя поборовъ; но когда онъ это дѣлалъ, онъ забывалъ, что его могущество исходитъ не отъ Бога, а съ божьяго соизволенія отъ народа, которому онъ служилъ представителемъ, — а кто-же защитилъ бы его въ томъ случаѣ, еслибы этотъ народъ позабылъ о принесенной ему присягѣ? Легальное ограниченіе царской власти заключалось въ томъ, что царь былъ уполномоченъ только примѣнять законы, а не измѣнять ихъ, и что всякое уклоненіе отъ закона, — если оно не было предварительно одобрено народнымъ собраніемъ и совѣтомъ старшинъ — считалось такимъ ничтожнымъ и тираническимъ съ его стороны дѣяніемъ, которое не могло имѣть никакихъ законныхъ послѣдствій. Стало-быть и въ нравственномъ отношеніи и въ легальномъ царская власть была въ самомъ своемъ основаніи отлична отъ тевершняго самодержавія, и въ нашемъ быту нѣтъ ничего похожаго ни на римскій домъ ни на римское государство.

Народная община.

Что касается внутренняго раздѣленія гражданства, то оно было основано на исконномъ правилѣ, что десять домовъ составляютъ родъ (*gens*), десять родовъ или сто домовъ — попечительство (*civitas*; конечно одного происхожденія съ *civitate* = *soevitate*, *κοινοπολις*), десять попечительствъ или сто родовъ или тысяча домовъ — общину; при этомъ каждый домъ долженъ былъ доставлять одного пѣхотинца (отсюда *miles*, какъ *equus*, тысячный), а каждый родъ — одного всадника и одного совѣтника. Въ соединенныхъ общинахъ каждая изъ нихъ, естественно, являлась частію (*tribus*) цѣлой общины (на умбрійскомъ и оскскомъ языкахъ *totia*), и основная цифра внутренняго дѣленія повторялась столько разъ, сколько было

*) Что хромота была препятствіемъ для занятія высшей государственной должности, говоритъ Діонисій, 5, 25. Что званіе римскаго гражданина было необходимымъ условіемъ для избранія какъ консуломъ, такъ и царемъ, понятно само собою, и едвали стоить труда серьезно опровергать баснословные рассказы о гражданинѣ изъ города Куръ.

такихъ частей. Хотя это дѣленіе первоначально относилось въ личному составу гражданства, но оно также примѣнялось къ поземельной собственности въ той мѣрѣ, въ какой эта собственность была въ действительности раздроблена. Не подлежитъ сомнѣнію, что кромѣ такого раздѣленія на части существовали и куріальные участки, такъ какъ въ числѣ тѣхъ немногихъ, дошедшихъ до насъ по преданію названій курій, которыя, по видимому, были родовыми, какъ напримѣръ *Fau sia*, встрѣчаются и мѣстныя, какъ напримѣръ *Veliepis*; сверхъ того встрѣчается и очень древняя полевая мѣра, соотвѣтствовавшая куріи изъ ста домовъ—такъ-называвшаяся «сотня» (*centuria*), которая состояла изъ ста дворовыхъ участковъ, каждый величиною приблизительно въ два моргеца. Слѣдуетъ полагать, что въ эти древнѣйшія времена общиннаго землевладѣнія родовые участки, о которыхъ уже было говорено ранѣе (стр. 36), были самой малой единицей полевого дѣленія. Эта организація встрѣчается въ самомъ простомъ своемъ видѣ въ тѣхъ латинскихъ или гражданскихъ общинахъ, которыя возникли подъ римскимъ вліяніемъ въ болѣе позднюю пору; въ каждой изъ этихъ общинъ было по сту советниковъ (*centumviri*) и каждый изъ этихъ советниковъ назывался «главою десяти домовъ» (*decurio*)*). Тѣ-же нормальныя цифры встрѣчаются и въ древнѣйшихъ преданіяхъ о томъ, что въ раздѣленномъ на три части Римѣ было тридцать курій, триста родовъ, триста всадниковъ, триста сенаторовъ, три тысячи домовъ и столько-же пѣхотныхъ солдатъ.

Нѣтъ ничего болѣе достовѣрнаго, чѣмъ то, что эта древнѣйшая форма государственнаго устройства возникла не въ Римѣ, а была исконнымъ учрежденіемъ у всѣхъ Латинцевъ, быть можетъ, даже до ихъ раздѣленія на племена. Достойная въ подобныхъ вопросахъ довѣрія, римская конституціонная традиція, у которой есть исторія для всѣхъ другихъ дѣленій гражданства, упоминаетъ лишь о куріальномъ дѣленіи, возникшемъ вмѣстѣ съ городомъ; съ этимъ вполне согласуется и то, что куріальная организація существовала не въ одномъ Римѣ, а по новооткрытой схемѣ латинскаго общиннаго устройства была существенно принадлежностью латинскаго городского права.— Напротивъ того, нелегко придти въ какому-нибудь безошибочному заключенію о цѣли и о практическомъ достоинствѣ этой схемы. Ея

*) Даже въ Римѣ, гдѣ десяти-куріальная организація рано исчезла, еще встрѣчается ея примѣненіе на практикѣ и—слѣдуетъ замѣтить—именно при совершеніи такихъ формальностей, которыя мы и по другимъ соображеніямъ имѣемъ основаніе считать за самыя древнія изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ по юридическимъ преданіямъ,—при *confarreatio*. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что присутствовавшіе при совершеніи этого обряда десять свидѣтелей имѣли такое-же значеніе въ десяти-куріальной организаціи, какое имѣли въ тридцати-куріальной организаціи тридцать шестеровъ.

основой, очевидно, было раздѣленіе на курии. Что «части» (трибы) не имѣли въ ней существеннаго значенія, видно уже изъ того, что какъ ихъ существованіе, такъ и ихъ число были случайными; тамъ, гдѣ онѣ встрѣчались, онѣ, конечно, могли имѣть только то значеніе, что въ нихъ сохранялось воспоминаніе о той эпохѣ, когда каждая изъ этихъ частей еще составляла особое цѣлое *). Изъ преданій вовсе невидно, чтобы отдѣльная часть имѣла особое начальство и особыя скидки, и очень вѣроятно, что въ интересѣ единства общины возведеннымъ въ ея составъ частямъ никогда ничего подобнаго не предоставлялось. Даже въ арміи, хотя пѣхота имѣла столько-же паръ начальниковъ, сколько было въ общинѣ частей, но каждая изъ этихъ паръ военныхъ трибуновъ не начальствовала оповщеніемъ трибы, а какъ каждый изъ этихъ военныхъ трибуновъ въ отдѣльности, такъ и всѣ они вмѣстѣ взятые начальствовали надъ всей пѣхотой. Подобно «частямъ» и роды, равно какъ семьи могли имѣть при такомъ устройствѣ, хотя и по совершенно другимъ причинамъ, свѣрбе формальное, чѣмъ практическое значеніе. Границы племени и дома устанавливаются природой. Законодательная власть могла вводить въ этой сферѣ измѣненія, могла раздѣлять многочисленный родъ на-двое и считали его за два рода, или же соединять нѣсколько немногочисленныхъ родовъ въ одинъ и точно такимъ-же образомъ уменьшать или увеличивать число и самыхъ семействъ. Тѣмъ не менѣе Римляне всегда считали кровное родство за основу родової и въ особенности семейной связи и потому вторженіе римской общины въ эту сферу могло быть лишь ограниченнымъ, такъ что ея основной родственный характеръ оставался неизмѣннымъ. Поэтому, хотя число семействъ и родовъ въ латинскихъ общинахъ, быть можетъ, первоначально считалось постояннымъ, но вслѣдствіе того, что случайность мѣшается во всѣ человѣческія дѣла, оно должно было скоро измѣниться и нормальная схема равна въ тысячу семействъ и равна во сто родовъ могла имѣть не одно идеальное значеніе лишь при первыхъ зачаткахъ этого учрежденія, которое уже въ началѣ исторіи представляется намъ вполне развитымъ **). Полное отсутствіе какого-либо реально примѣненія этихъ

*) Это видно изъ самаго названія. „Часть“, какъ хорошо извѣстно каждому юристу, есть ничто иное, какъ бывшее или будущее цѣлое; стало-быть, въ настоящемъ это понятіе не имѣетъ никакого практическаго значенія.

**) Въ Славоніи, гдѣ патриархальный семейный бытъ сохранился до настоящаго времени, все семейство, нерѣдко доходящее до пятидесяти и даже до ста душъ, живетъ въ одномъ домѣ подъ властію одного пожизненнаго главы [господаря], избраннаго всѣмъ семействомъ. Семейная собственность, состоящая главнымъ образомъ изъ рогатаго скота, находится подъ управленіемъ главы семейства, а избытокъ дѣлится поколѣнно. То, что приобретаютъ отдѣльныя лица посредствомъ промышленности и торговли, остается частною собственностью. Случается и выдѣленія изъ семействъ, даже со стороны мужчинъ, какъ напримѣръ, въ

цифръ безспорно доказываетъ ихъ практическую негодность. Изъ преданій не видно и само по себѣ неправдоподобно, чтобы каждый домъ доставлялъ по одному пѣхотинцу, а каждый родъ по одному всаднику; хотя въ общей сложности пѣхотинцевъ набирали въ числѣ трехъ тысячъ, а всадниковъ въ числѣ трехъ сотъ, но при набораніи ихъ не одиночкѣ, безъ сомнѣнія, съ древнѣйшихъ временъ служили руководствомъ чисто-практическія соображенія; если же тѣ нормальныя цифры не были совершенно отброшены, то причиной этого было ничто иное, какъ глубоко укоренившаяся въ латинскомъ быту склонность къ логическому или даже схематическому урегулированію всѣхъ условій общественной жизни. И такъ, въ этомъ древнѣйшемъ государственномъ организмѣ остаются единственными дѣятельными членами куріи, которыя были въ числѣ десяти, а тамъ, гдѣ община состояла изъ нѣсколькихъ частей, въ числѣ десяти на каждую часть. Такое непочетительство представляло дѣйствительную корпоративную единицу, члены которой собирались по меньшей мѣрѣ на общія торжества; во главѣ каждаго изъ этихъ почетительствъ стоялъ особый непочетель (сигіо) и надъ каждымъ изъ нихъ имѣлъ особаго жреца (фламен сигіалис); безъ сомнѣнія, также по куріямъ производились наборы рекрутъ и переписи, кромѣ того сходили граждане и подавались голоса. При первоначальномъ введеніи этихъ порядковъ, конечно, не имѣлось въ виду одно голосованіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ число частей было-бы нечетное.

Гражданское равенство.

Въ противоположность рѣзкому различію между гражданами и негражданами, внутри самаго гражданства существовала полная равноправность. Едва-ли найдется какой-либо другой народъ, у котораго эти два принципа были проведены съ такою-же безупречною последовательностью, какъ у Римлянъ. Рѣзкое различіе гражданъ отъ негражданъ, какъ кажется, ни въ чемъ не выказалось у Римлянъ такъ наглядно, какъ въ практическомъ примѣненіи очень древнихъ постановленій о почетномъ гражданствѣ, первоначально имѣвшихъ цѣлю сгладить это различіе. Когда иноземецъ бывъ, по приговору общины, принять въ среду гражданъ, онъ могъ или отказаться отъ своихъ прежнихъ правъ гражданина и вполнѣ поступить въ число членовъ новой общины, или же присоединить къ своему прежнему праву гражданства вновь прибрѣтенное. Такъ было въ самыя древнія времена и такъ всегда было въ Элладѣ, гдѣ и въ божье позданію нору одно и то же лицо нерѣдко бывало одновременно гражданскимъ и негражданскимъ.

тѣхъ случаяхъ, когда лупина вступаетъ въ чужой домъ путемъ жеманства [Cicero, *De officiis*, I, 106. 179]. При такихъ условіяхъ, быть-можетъ, не многимъ отличающагося отъ старинныхъ римскихъ, семейство подходитъ къ общинѣ и тогда можетъ идти рѣчь о номинативномъ членствѣ домовъ. Съ этимъ можно поставить въ связь даже чрезвычайно древнюю *adrogatio* [усыновленіе людей полноправныхъ].

нихъ общинъ. Но болѣе сильно развитое въ Лациумъ сознание общинной самостоятельности не допускало, чтобъ одно и то же лицо могло быть одновременно гражданиномъ двухъ общинъ и потому, — въ томъ случаѣ, когда вновь избранный гражданинъ не желалъ отказываться отъ своихъ прежнихъ правъ, — тамъ было признано за номинальнымъ почетнымъ гражданствомъ лишь то право на дружеское гостепрѣимство и покровительство, которое уже изстари принадлежало даже иноплеменцамъ. Но съ этими упорными усиліями римской гражданской общины огородить себя извнѣ шла рука объ руку безусловное устраненіе всякой неправопорядности между ея членами. Уже ранѣе было упомянуто о томъ, что та неправопорядность, которая существовала внутри семейства и, конечно, не могла быть устранена, по меньшей мѣрѣ игнорировалась общиной, и что тотъ, кто въ качествѣ сына находился въ безусловной зависимости отъ своего отца, могъ сдѣлаться его повелителемъ въ качествѣ гражданина. Но сословныхъ преимуществъ вовсе не было, а тѣмъ, что Тиции стояли въ очередномъ порядкѣ выше Рамновъ и вмѣстѣ съ этими послѣдними выше Луцеровъ, нисколько не нарушалось ихъ легальное равноправіе. Гражданская конница, въ ту пору употреблявшаяся спѣшенной или верхомъ впереди боевой линіи для рубящихъ схватокъ и составлявшая скорѣе отборный или резервный отрядъ, чѣмъ иначе вооруженный, заключала въ себѣ самыхъ достаточныхъ, исправно-вооруженныхъ и испытанныхъ людей и потому, конечно, пользовалась большимъ почетомъ, чѣмъ пѣхота; но и это различіе было чисто-фактическимъ, такъ какъ каждый патрицій, безъ сомнѣнія, могъ поступать въ конницу. Единственнымъ источникомъ правовыхъ различій было легальное раздѣленіе гражданства по разрядамъ; во всемъ остальномъ равноправность всѣхъ членовъ общины признавалась вполне и даже выражалась въ ихъ наружномъ видѣ. Правда, одежда отличала главу общины отъ ея членовъ, совѣтника отъ тѣхъ гражданъ, которые не входили въ составъ совѣта, взрослого и обязаннаго нести военную службу мужчину отъ мальчика, еще неспособнаго къ военной службѣ; но помимо этихъ отличій всѣ люди богатые и знатные, точно такъ-же, какъ и люди бѣдные и незнатные, должны были являться публично не иначе, какъ въ простомъ плащѣ (*toga*), сдѣланномъ изъ бѣлой шерстяной матеріи. Эта полная равноправность гражданъ, безъ сомнѣнія, имѣла свой корень въ индо-германскомъ общинномъ устройствѣ; но въ томъ тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ ее понимали и примѣняли на практикѣ Римляне, она была самой выдающейся и самой богатой послѣдствіями особенностью латинской націи; при этомъ не слѣдуетъ позабывать, что въ Италиі латинскіе переселенцы не подчинили себѣ никакой расы, ранѣе ихъ тамъ поселившейся и менѣе ихъ способной къ цивилизаціи (стр. 9) и, стало-быть, тамъ не было того главнаго повода, по которому возникли

въ Индіи—касты, въ Спартѣ, въ Фессаліи и вообще въ Элладѣ—
знать и, по всему вѣроятію, въ Германіи—раздѣленіе на сословія.

Само собою разумѣется, что для государственнаго хозяйства слу-
жило опорой гражданство. Самою важною изъ гражданскихъ повин-
ностей была воинская, такъ какъ только граждане имѣли право и
были обязаны носить оружіе. Гражданство было также и «воинствомъ»
(*populus* одного происхожденія съ *populagi*, опустошать); въ
древнихъ молитвахъ этихъ воиновъ называли «вооруженнымъ копь-
ями ополченіемъ» (*pilumnus poplus*) и призывали на нихъ
благодареніе Марса, а царь, обращаясь къ нимъ, навывалъ ихъ
«копьеносцами» (*quirites* *). О томъ, какъ набиралась насту-

*) *Quiris quiritis* или *quirinus* значить въ буквальномъ смыслѣ
копьеносецъ, отъ *quiris* или *cūris*=копье и *ire*, и отчасти сходно съ сло-
вами *samnis*, *samnitis* и *sabinus*, которыя даже у древнихъ про-
изводились отъ *σάβιον*, копье. Это слово одного происхожденія съ *arqui-*
tes, *milites*, *pedites*, *equites*, *velites* [люди, идущіе на войну съ
лукомъ, тысячными отрядами, пѣшкомъ, верхомъ, безъ латъ, въ одномъ плащѣ],
съ тою только разницей, что въ такихъ производныхъ словахъ, какъ *dede-*
ritis, *hominis* и во многихъ другихъ первоначально долгое *i* укорочено. Точно
такъ и выраженія *Juno quiritis*, [Марсъ] *quirinus*, *Janus quiri-*
nus обозначаютъ этимъ придаточнымъ словомъ мечущихъ копья боговъ; а когда
говорится о людяхъ, *quiris* значить воинъ, то-есть полноправный гражданинъ.
Съ этимъ вполнѣ согласно и употребленіе этого слова въ тогдашнемъ языкѣ. Если
нужно обозначить какую-нибудь мѣстность, никогда не говорится о квиритахъ, а
всегда говорится о Римѣ и о Римлянахъ [*urbs Roma populus, civis,*
ager Romanus], потому что слово *quiris* имѣетъ такъ-же мало мѣстный
смыслъ, какъ *civis* или *milis*. Именно потому и нельзя ставить этихъ вы-
раженій рядомъ одно съ другимъ; не говорится *civis quiris*, потому что оба
эти слова означаютъ одно и то-же юридическое понятіе, хотя и съ различныхъ
точекъ зрѣнія. Напротивъ того, торжественное объявленіе о смерти гражданина
гласить: „этотъ воинъ взять смертію“ [*ollus quiris leto datus*]; съ
тѣмъ-же словомъ обиженный вызвалъ къ гражданамъ [*quiritare*]; обращаясь
къ собравшейся общинѣ, царь также называлъ ее этимъ словомъ, а когда онъ
творилъ судъ, онъ постановлялъ рѣшеніе „по уставу свободныхъ воиновъ“ [*ex*
jure quiritorium—совершенно одинаково съ болѣе новымъ выраженіемъ *ex*
jure civili]. Стало-быть слова *Populus Romanus, quirites* зна-
чуть: община и отдѣльные граждане; потому-то въ одной древней формулѣ [Дя-
вий, 1,32] словамъ *Populus Romanus* противопоставляются слова *prisci*
Latini, слову *quirites*—слова *homines prisci Latini* [Becker
Handb. 2,20 и слѣд.], а выраженіе *populus Romanus quiritorium* со-
отвѣтствуетъ извѣстнымъ выраженіямъ *colonia colonorum, municipi-*
rium municipium;—Въ виду такихъ фактовъ, только при незнакомствѣ съ
филологіей и съ добытыми данными можно упорствовать въ предположеніи, что
рядомъ съ римской общиной когда-то существовала однородная съ ней квири-
тская община и что послѣ включенія этой послѣдней въ составъ первой, ея назва-
ніемъ было вытѣснено названіе главной общины и изъ богослужебнаго и изъ юри-
дическаго употребленія. Сравни стр. 53, прим.

пательная рать (legio — сборъ), уже было говорено выше; въ раздѣлявшейся на три части римской общины она состояла изъ трехъ сотенъ (centuriae) всадниковъ (celerēs — быстрыхъ, или *flexantes* — изворотливыхъ), находившихся подъ начальствомъ трехъ предводителей конныхъ отрядовъ (tribuni celerum) *) и изъ трехъ тысячъ пѣхотинцевъ (milites), находившихся подъ начальствомъ трехъ предводителей пѣхотныхъ отрядовъ (tribuni militum); эти послѣдніе, по всему вѣроятію, были изъ старыя ядромъ общиннаго ополченія. Въ составъ этой арміи, вѣроятно, также входили нестроевые, легко-вооруженные люди, въ особенности стрѣлки изъ лука. Главнокомандующимъ обыкновенно былъ самъ царь. Кромѣ военной службы, на гражданскіе, вѣроятно, лежали и другія личныя повинности, какъ напримѣръ обязанность исполнять порученія

*) Въ числѣ восьми богослужебныхъ учрежденій Нумы Діонисія [2,64] называетъ вслѣдъ за Куріонами и Фламиціями, въ качествѣ третьяго учрежденія, начальниковъ конницы [οἱ ἱερόνες τῶν Κελερῶν]. По пренестскому календарю, 19 марта справлялся на коміциі **) праздникъ [adstantibus pontificibus et trib[un]is celer[um]. По словамъ Валерія Антія [у Діонисія 1,13; сравн. III, 41], у древней римской конницы былъ одинъ предводитель — celer и три центуриона, а въ сочиненіи De viris. ill. I, напротивъ того, самъ celer называется centurio. Кромѣ того, Брутъ, какъ полагаютъ, былъ во время изгнанія царей tribunus celerum [Ливій, 1,59], а по словамъ Діонисія [4,71], именно благодаря тому, что занималъ эту должность, могъ потребовать изгнанія Тарквиніевъ. Наконецъ, по словамъ Помпонія [Dig. 1,2,2,15,19] и частью отъ него заимствовавшаго свои свѣдѣнія Лидъ [de magistr. 1,14,37], tribunus celerum былъ то-же, что celer Антія, а magister equitum республиканскихъ диктаторовъ — то-же, что Praefectus Praetorio времени имперіи. — Изъ этихъ свѣдѣній, — единственныхъ, какія дошли до насъ о tribunis celerum, — послѣднее не только исходить отъ позднѣйшихъ и вовсе ненадежныхъ порукъ, но также противорѣчатъ смыслу названія, которое могло относиться только къ „начальникамъ частей конницы“; но главное возраженіе заключается въ томъ, что начальникъ конницы во времена республики назначался лишь въ исключительныхъ случаяхъ, а послѣдствій и вовсе не назначался, — поэтому его нельзя отождествлять съ тѣмъ должностнымъ лицомъ, которое должно было ежегодно присутствовать на празднествѣ 19 марта и, стало-быть, принадлежало къ постоянной магистратурѣ. Если же мы отбросимъ указаніе Помпонія, очевидно заимствованное изъ того анекдота о Брутѣ, который относить къ числу историческихъ фактовъ вследствие постоянно-усиливающагося незнанія исторіи, — то окажется, что tribuni celerum, по своему числу и значенію, вполне соответствуютъ tribuni militum, и что они были начальниками частей конницы, — стало-быть были совершенно отличны отъ главныхъ начальниковъ кавалеріи.

**) Comitium — мѣсто въ Римѣ между форумомъ и куріей, предназначавшееся для народныхъ собраній. [Прим. норвег.].

даря и въ военное и въ мирное время (стр. 63), равно какъ работы по воздѣлыванію царскихъ полей и по постройкѣ общественныхъ зданій; какому тяжелому бремени была для общины въ особенностяхи постройка городскихъ стѣнъ, видно изъ того, что за этими стѣнами осталось названіе «рабочихъ повинностей» (*по епіа*). Но постоянное обложеніе прямыми налогами вовсе не было, точно также, какъ не было и регулярныхъ государственныхъ расходовъ. Оно и не требовалось для покрытия общественныхъ расходовъ, потому что государство не давало никакого вознагражденія ни за военную службу, ни за барщинныя работы, ни вообще за какую-либо общественную службу, а если такое вознагражденіе и давалось, то оно уплачивалось или тѣмъ участкомъ, на которомъ лежала повинность, или тѣмъ лицемъ, которое само не могло или не желало нести службу. Необходимыя для общественнаго богослуженія жертвенныя животныя добывались путемъ высканія судебныхъ пошлинъ, такъ какъ тотъ, кто проигралъ свое дѣло въ судѣ, долженъ былъ уплатить государству «повую скотомъ» (*засгашепціи*), соразмѣрно съ цѣною предмета тяжбы. На то, чтобы граждане общины постоянно дѣляли какія-либо дарственные приношенія царю, нѣтъ никакихъ указаній. Не ослонявшіе въ Римѣ свою оспѣдлость награжденные (*аегатіи*), какъ кажется, должны были уплачивать ему охранную пошлину. Кроме того царь получалъ перьевыя пошлины (стр. 46) и доходы съ вероныхъ земель, а именно настоящую пошлину (*зсгіртіга*) со скота, который кормился на общинномъ выгонѣ, и часть урожая (*вестігаліа*) въ замѣнъ наемной платы отъ тѣхъ, кто пользовался государственными полями. Къ этому слѣдуетъ присовокупить прибыль отъ той скотины, которая удачно паслась скотомъ, отъ конфискованій и отъ военной добычи. Наконецъ, въ случаѣ крайней необходимости, выискивался налогъ (*трібуціа*), который впрочемъ считался чѣмъ-то въ родѣ принудительнаго займа и возвращался, когда наступали болѣе оживленныя времена; выискивался ли онъ со всего оспѣлаго населенія безъ всякаго различія между гражданами и награжденными или же только съ однихъ гражданъ, трудно рѣшить, но послѣднее предположеніе болѣе вѣроятнѣе. Царь управлялъ финансами; но государственная собственность не смѣшивалась съ личной царскою собственностью, которая, — судя по разсказамъ объ обширныхъ земельныхъ владѣніяхъ послѣдняго римскаго царскаго рода Тарквиніевъ, — вѣроятно, всегда была очень значительна, а пріобрѣтенныя войною земли, какъ кажется, всегда считались государственною собственностью. Трудно рѣшить, была ли власть царя въ управленіи общественнымъ достояніемъ ограничена какими-нибудь установленными обычаями, и если была, то въ какой мѣрѣ; только изъ неопредѣленныхъ установленийъ видно, что въ дѣлахъ этого рода никогда не спрашивалось мнѣніе гражданъ; напротивъ того, вѣроятно, существовало обыкновеніе совѣщаться съ сенатомъ при

взысканіи вышеупомянутаго налога (*tributum*) и при раздѣленіи приобрѣтенныхъ войною пахатныхъ полей.

Права гражданства. Но римское гражданство выступаетъ на сцену не въ одной только роли исполнителя повинностей и служителя; оно участвовало и въ общественномъ управленіи. Всѣ члены общины, за исключеніемъ женщинъ и еще неспособныхъ носить оружіе малолѣтнихъ мужчинъ, стало-быть, — какъ они называются въ воззваніяхъ, — всѣ «коньносцы» (*quirites*) сходились на мѣсто народныхъ собраній, когда царь созывалъ ихъ для того, чтобъ сдѣлать имъ какое-нибудь сообщеніе (*conventio, contio*), или же формально назначалъ имъ на третью недѣлю (*in trinum poundium*) сходку (*comitia*) для того, чтобъ отобрать отъ нихъ отвѣты по куріямъ. На такія сходки онъ формально созывалъ, по обыкновенію, два раза въ годъ, на 24 марта и на 24 мая, но сверхъ того такъ часто, какъ находилъ это нужнымъ; но граждане всегда созывались не для того, чтобъ говорить, а для того, чтобъ слушать, и не для того, чтобъ дѣлать вопросы, а для того, чтобъ отвѣчать на нихъ. На сходкѣ никто не говорилъ, кромѣ царя или кромѣ того, кому царь это дозволялъ; граждане только отвѣчали на царскій вопросъ безъ комментариевъ, безъ объясненія мотивовъ, безъ оговорокъ и не раздѣляя вопроса на части. Тѣмъ не менѣе римская гражданская община, — точно такъ-же, какъ германская и, по всему вѣроятію, точно такъ-же, какъ самая древняя индо-германская, — была настоящей и высшей представительницей идеи государственнаго самодержавія, хотя при обыкновенномъ ходѣ вещей это самодержавіе заключалось или выражалось только въ томъ, что гражданство добровольно обязывалось повиноваться своему главѣ. Съ цѣлію вызвать такое обязательство, царь обращался, послѣ своего вступленія въ должность, къ собравшимся куріямъ съ вопросомъ: намѣрены-ли онѣ быть ему вѣрными и чокорными и признавать, по установленному обыкновенію, и его собственную власть и власть его разсылныхъ (*lictors*), — съ вопросомъ, на который, безъ сомнѣній, нельзя было отвѣчать отрицательно, точно такъ-же, какъ въ наследственной монархіи нельзя отказываться отъ точно такого-же изъявленія покорности. Отсюда самъ собою вытекалъ тотъ фактъ, что при нормальномъ ходѣ дѣлъ гражданство не принимало въ качествѣ самодержца участія въ управленіи общественными дѣлами. Пока общественная дѣятельность ограничивается примѣненіемъ существующихъ установленій, въ нее не можетъ и не должна вмѣшиваться верховная власть государства: управляетъ законъ, а не законодатель. Другое дѣло, если являлась необходимость что-либо намѣнить въ установленныхъ закономъ порядкахъ или только допустить уклоненіе отъ этихъ порядковъ въ какомъ-нибудь отдѣльномъ случаѣ; тогда и по римскому государственному устройству гражданство принимало на себя дѣятельную роль и пользовалось своею верховною властію

при содѣйствіи царя или того, кто замѣнялъ царя на время междуцарствія. Подобно тому, какъ легальныя отношенія между правителемъ и управляемыми освѣщались въ формѣ договора посредствомъ словесныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, и всякій самодержавный актъ общины совершался путемъ предложенія (*rogatio*), съ которымъ царь обращался къ гражданамъ, и которое было одобрено большинствомъ курій; въ этомъ случаѣ куріи, безъ сомнѣнія, могли и отказать въ своемъ одобреніи. Поэтому у Римлянъ законъ имѣлъ иное значеніе, чѣмъ у насъ, — это было не предписаніе, данное монархомъ членамъ общины, а договоръ, заключенный между различными органами государственной власти путемъ даннаго на вопросъ отвѣта *). Заключеніе такого законодательнаго договора было необходимо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось вступать въ противорѣчіе съ легальными порядками. Такъ напримѣръ, при обыкновенныхъ легальныхъ порядкахъ каждый могъ безпрепятственно отдавать свою собственность кому пожелаетъ, только съ тѣмъ условіемъ, что немедленно передастъ ее въ другія руки; но, по закону, никто не могъ безъ дозволенія общины временно удерживать въ своихъ рукахъ собственность, которая должна перейти послѣ его смерти къ другому лицу, а такое дозволеніе община могла давать не только во время своей сходки на площади, но и во время приготовленій къ бою. Отсюда и произошли завѣщанія. При обыкновенныхъ легальныхъ порядкахъ, свободный человекъ не могъ безъ одобренія общины ни утратить ни уступить своего неотчуждаемаго сокровища—свободы, а потому и тотъ, кто не былъ подчиненъ никакому отцу семейства, не могъ безъ разрѣшенія общины вступить въ какое-либо семейство въ замѣнъ сына. Отсюда *adrogatio* — усыновленіе. При обыкновенныхъ легальныхъ порядкахъ, право гражданства могло быть приобретаемо только рожденіемъ, и не могло быть утрачено, кромѣ того случая, когда община даруетъ патриціатъ или дозволить его уступить, а то и другое, безъ сомнѣнія, не могло законно совершиться безъ разрѣшенія курій. При обыкновенныхъ легальныхъ порядкахъ, признаннаго достойнымъ казни преступника ожидала неизбѣжная смерть послѣ того, какъ смертный приговоръ надъ нимъ уже былъ поставленъ царемъ или замѣстителемъ царя. — такъ какъ царь

---

*) Слово *lex* [одного происхожденія съ *legare* — къ чему-нибудь обязывать; вѣроятно происходитъ отъ *ligare* — связывать и, стало быть, значить обязательство], какъ извѣстно, вообще означало договоръ, но въ смыслъ именно такого договора, условія котораго устанавливаются одной стороной, а другой стороной или принимаются или отвергаются, какъ это, напримѣръ, бываетъ при продажѣ чего-либо съ публичныхъ торговъ. Въ *lex publica populi Romani* предлагающая сторона — царь, принимающая сторона — народъ; на ограниченное участіе народа здѣсь явено указываетъ самый способъ выраженія.

могъ только постановлять судебные приговоры, а не миловать; но осужденный на казнь гражданинъ могъ избѣжать смерти, если являлъ къ общинѣ о помилованіи, и если судья позволялъ ему сдѣлать такое возваніе. Отсюда ведетъ свое начало *provocatio* (апелляція), которая дозволялась преимущественно не тому преступнику, который не соизвѣдалъ въ своемъ преступленіи, хотя и былъ въ немъ участникомъ, а тому, который соизвѣдалъ въ преступленіи и указалъ на обстоятельство, смягчающія его вину. При обыкновенныхъ легальныхъ порядкахъ нельзя было нарушать договора, заключеннаго на вѣчныя времена съ которымъ-нибудь изъ соседнихъ государствъ, развѣ только въ томъ случаѣ, если гражданство, во власти маневреннаго ему оскорбленія, признавало себя необходимымъ исполнять условія договора. Поэтому, его разрѣшеніе было необходимо для наступательной войны, но не было необходимо ни для оборонительной, вызванной нарушеніемъ договора со стороны другаго государства, ни для заключенія мира; впрочемъ для наступательной войны обращались за разрѣшеніемъ, какъ вѣдается, не къ обыкновенной сходкѣ гражданъ, а къ арміи. Наконецъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда царь задумывалъ какое-нибудь нововведеніе или измѣненіе существующихъ постановленій, онъ долженъ былъ испрашивать согласіе гражданъ; стало быть право издавать законы вѣдревле принадлежало общинѣ, а не царю. Въ упомянутыхъ выше случаяхъ и во всѣхъ другихъ имъ подобнахъ царь не могъ совершить безъ содѣйствія общины ничего такого, что имѣло-бы легальныя послѣдствія. Кто получалъ званіе патриція отъ одного царя, оставался по древнему изгражденникомъ, и этотъ незаконный актъ могъ вести только къ фактическимъ послѣдствіямъ. Поэтому, какъ ни было общинное собраніе съ виду стѣлованнымъ и связаннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, оно вѣдревле было составнымъ элементомъ римскаго общиннаго устройства и по своимъ правамъ стояло скорѣе выше царя, чѣмъ на ряду съ нимъ.

Сенатъ.

Кромѣ царя и собранія гражданъ появляется въ древнѣйшей общинной организаціи еще третья основная власть, правленіе которой заключалось не въ томъ, чтобъ распоряжаться какъ царь, и не въ томъ, чтобъ постановлять свои рѣшенія, какъ собраніе гражданъ, но которая тѣмъ не менѣе стояла на ряду съ ними, а въ сферѣ ихъ легальной дѣятельности даже выше ихъ. То былъ совѣтъ старшинъ или *senatus*. Онъ, безъ всякаго сомнѣнія, велъ свое начало изъ родоваго быта: древнее преданіе, что въ первыя времена Рима всѣ отцы семействъ входили въ составъ сената, вѣрно въ томъ смыслѣ, что каждый изъ римскихъ родовъ, не принадлежавшихъ въ числу позднѣйшихъ переселенцевъ, считалъ которагонибудь изъ тѣхъ отцовъ семействъ древнѣйшаго Рима своимъ родоначальникомъ и патриархомъ. Если, — какъ это кажется вѣроятнымъ, — было такое время въ Римѣ или также въ Латіумѣ, когда и само

государство и каждая из его самых незначительных составных частей, то-есть каждый родъ, были организованы монархически и находились подъ властію старшины, назначавшагося или по выбору родичей, или по выбору своего предѣстника, или по праву наследованія, то и сенатъ былъ въ ту-же эпоху ничѣмъ инымъ, какъ совокупностью этихъ родовыхъ старшинъ; стало бытъ онъ былъ въ ту пору учрежденіемъ независимымъ ни отъ царя ни отъ собранія гражданъ и отличался отъ этого послѣдняго тѣмъ, что оно составлялось изъ всѣхъ гражданъ вообще, а онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ собранія народныхъ представителей. Однако эта самостоятельность родовъ, имѣвшая нѣкоторое сходство съ самостоятельностью государственной, ослабѣла въ латинскомъ племени съ незапамятной древности и вѣроятно еще за долго до основанія Рима былъ сдѣланъ въ Латинѣ первый и, быть можетъ, самый трудный шагъ къ развитію общиннаго быта изъ родового, — были устранены родовые старшины. При шапелъ первомъ знакомствѣ съ римскимъ родомъ, онъ является намъ безъ видимаго главы и мы не находимъ въ немъ ни одного сочлена, который былъ-бы представителемъ такого общаго патріарха, который былъ или считался общимъ родоначальникомъ; поэтому даже тогда, когда къ роду переходила по наследству какая нибудь собственность или опекунская власть, и тою и другою пользовались члены рода совокупно. Но тѣмъ не менѣе къ римскому сенату перешли отъ старшиннаго совѣта старшинъ многія и важныя права; короче говоря, значеніе, — благодаря которому сенатъ былъ чѣмъ-то другимъ и чѣмъ-то болѣе значительнымъ, нежели мрестой государственной совѣтъ, нежели собраніе доверенныхъ лицъ, съ которыми царь находилъ нужнымъ посоветоваться, — было основано на томъ, что онъ когда-то былъ собраніемъ въ родѣ того, какое описано Гомеромъ, — собраніемъ народныхъ вождей и начальниковъ, заступавшихъ на совѣтъ вокругъ царя. Въ первоначальномъ совѣтѣ старшинъ число членовъ было, конечно, неизмѣннымъ, такъ какъ оно соответствовало числу родовъ, вошедшихъ въ составъ государства, а знаніе члена не могло быть иначе, какъ пожизненнымъ: и то и другое можно сказать и о римскомъ сенатѣ. Число сенаторовъ не только было въ Римѣ во все время неизмѣннымъ, но первоначально даже должно было равняться числу тѣхъ родовыхъ союзовъ, которые входили въ составъ государства; поэтому, когда тѣ три коронныя общины, изъ которыхъ каждая включала въ себя сто родовыхъ союзовъ, слились въ одно цѣлое, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого сліянія было увеличеніе числа сенаторскихъ мѣстъ до ихъ нормальной и съ тѣхъ поръ неизмѣнной цифры трехъ сотъ. Члены сената во все время были пожизненными; если-же это поминутное пребываніе въ сенаторскомъ званіи сдѣлалось въ болѣе позднюю пору скорѣй фактическимъ, чѣмъ легальнымъ, а производившіяся отъ пре-

мени до времени пересмотра сенаторскаго списка доставляли случай устранять недостойныхъ или чѣмъ нибудь неугодившихъ членовъ. то все это вошло въ обыкновеніе лишь съ теченіемъ времени. Выборъ сенаторовъ во всѣ времена зависѣлъ отъ царя; иначе и быть не могло съ тѣхъ поръ, какъ не стало родовыхъ старшинъ; но пока народъ еще живо сознавалъ родовую рознь, царь, вѣроятно, держался правила назначать на мѣсто умершаго сенатора какого-нибудь опытнаго и пожилаго члена того-же рода, такъ что ни одинъ изъ римскихъ родовъ не оставался безъ представителя въ сенатѣ римской общины и ни одинъ не имѣлъ двухъ представителей. Вѣроятно. только съ тѣхъ поръ, какъ народныя общины стали плотнѣе соединяться въ одно цѣлое и достигли болѣе прочнаго внутренняго объединенія, это правило перестало служить руководствомъ и выборъ сенаторовъ сталъ зависѣть вполнѣ отъ усмотрѣнія царя, такъ что злоупотребленіемъ съ его стороны стали считать лишь незамѣщеніе открывшихся сенаторскихъ ваканцій.

Права сената. Объемъ правъ этого совѣта старшинъ опредѣляется тѣмъ возрѣтнѣмъ, что господство надъ общиною, составившеюся изъ родовъ, царствіе. по праву принадлежитъ собранію родовыхъ старшинъ, хотя уже по рѣзко отпечатлѣвшемуся на семьѣ монархическому принципу Римлянъ, этимъ правомъ могъ на дѣлѣ пользоваться только одинъ изъ тѣхъ старшинъ, то есть царь. Стало быть каждый изъ членовъ сената также былъ царемъ общины только не на дѣлѣ, а по праву; поэтому и внѣшніе отличія его званія хотя не могутъ равняться съ царскими, но совершенно съ ними однородны. Онъ носитъ, подобно царю, пурпуровую одежду и красные сапожки, съ тою только разницею, что у царя вся одежда пурпуровая, а у сенаторовъ только обшивва (latus clavus), и что у царя красные сапожки выше и красивѣй, нежели у сенаторовъ. Отсюда происходитъ и то, что царская должность въ римской общинѣ, какъ уже было замѣчено ранѣе (стр. 63), не могла оставаться вакантною. Какъ только царь умиралъ, старшины немедленно занимали его мѣсто и пользовались правами царской власти. Но въ силу того принципа, что въ данный моментъ могъ быть только одинъ повелитель, царская власть переходила въ руки только одного изъ старшинъ, и такой «вице-царь» (interrex) отличался отъ пожизненнаго царя только кратковременнымъ пребываніемъ во власти, а не ея объемомъ. Самый длинный срокъ междуцарствія былъ установленъ для каждаго замѣстителя въ пять дней и, пока не состоялось избраніе пожизненнаго царя, власть переходила отъ одного сенатора къ другому такъ, что ея временный обладатель передавалъ ее, слѣдуя опредѣленной жребіемъ очереди, также на пять дней своему преемнику. Само собою разумѣется, что вице-царю община не давала объѣта въ вѣрности. Но что касается всего остальнаго, то вице-царь имѣлъ право и былъ обязанъ не только исполнять всё, что входило въ

сферу царской служебной дѣятельности, но даже назначать пожизненного царя; этимъ послѣднимъ правомъ не могъ пользоваться только тотъ изъ вице-царей, который поступилъ въ это званіе прежде всѣхъ, — не могъ, вѣроятно, по той причинѣ, что его назначеніе считалось неполнѣ правильнымъ, такъ какъ онъ не былъ назначенъ своимъ предѣстникомъ. Такимъ образомъ, этотъ совѣтъ старшинъ является въ римскомъ общинномъ быту въ концѣ-концовъ носителемъ верховной власти (*impregium*) и божескаго покровительства (*auspicia*), и залогомъ какъ непрерывнаго существованія этого быта, такъ и его монархической, но не наследственно-монархической организаціи. Поэтому, когда въ болѣе позднюю пору Греки принимали этотъ сенатъ за собраніе царей, это было совершенно въ порядкѣ вещей, такъ какъ сенатъ первоначально былъ именно такимъ собраніемъ.

Но это собраніе было существеннымъ членомъ римскаго общиннаго управленія не потому только, что въ немъ олицетворялось понятіе о непрерывности царской власти. Хотя совѣтъ старшинъ не имѣлъ права вмѣшиваться въ служебную дѣятельность царя, но когда этотъ послѣдній былъ не въ состояніи лично предводительствовать арміей или разбирать тяжёбныя дѣла, онъ выбиралъ своихъ замѣстителей въ средѣ сената, — оттого-то и впоследствии только сенаторы назначались на высшія военныя должности и преимущественно они были присяжными. Но ни въ дѣлахъ военного управленія ни въ судебныхъ дѣлахъ сенатъ никогда не призывался къ участию во всемъ своемъ составѣ, — оттого-то и въ позднѣйшемъ Римѣ мы не находимъ ни сенатскаго военного управленія ни сенатской судебной власти. За то совѣтъ старшинъ считался настоящимъ охранителемъ существующихъ учрежденій даже отъ царя и отъ гражданства. Поэтому ему принадлежало право взвѣшивать каждую резолюцію, постановленную гражданствомъ по предложенію царя и отказывать ей въ своемъ одобреніи, если она была въ чемъ-либо несогласна съ существующими постановленіями, — или, другими словами, имѣлъ право провозносить *veto* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по закону требовалось общинное постановленіе, то-есть при всякомъ измѣненіи государственныхъ учрежденій, при приѣмѣ новыхъ гражданъ и при объявленіи наступательной войны. Однако изъ этого не слѣдуетъ заключать, что законодательная власть принадлежала совокупно гражданству и сенату, подобно тому, какъ она принадлежитъ двумъ палатамъ въ теперешнихъ конституціонныхъ монархіяхъ: сенатъ былъ скорѣе хранителемъ законовъ, чѣмъ законодателемъ и могъ кассировать постановленіе общины только въ томъ случаѣ, если община превысила свои права, то-есть, если она нарушала своимъ постановленіемъ или обязанности къ богамъ, или обязанности къ иностраннымъ государствамъ, или органическіе законы страны.

Сенатъ и общинныя постановленія: *patrum auctoritas*.

Но отъ этого не уменьшается важность того факта, что послѣ того, какъ римскій царь предложилъ объявить войну, гражданство утвердило это предложеніе, а иноземная община отказала въ требующемъ удовлетвореніи, римскій посолъ призывалъ боговъ въ свидѣтели нанесенной обиды и заканчивалъ слѣдующими словами: «а о томъ, какъ намъ получить должное удовлетвореніе, мы обратимся къ совѣту старшинъ»; только послѣ того, какъ совѣтъ старшинъ изъявилъ свое согласіе, формально объявлялась война, рѣшенная гражданствомъ и одобренная сенатомъ. Конечно, ни цѣлю ни послѣдствіемъ этихъ порядковъ не было такое постоянное вмѣшательство сената въ переговоры гражданства, которое могло-бы, подъ видомъ такой опеки, отнять у гражданства его верховную власть; но подобно тому, какъ въ случаѣ открытія ваканціи на самую высшую должность, сенатъ былъ поручикъ за прочность общинной организаціи, и въ настоящемъ случаѣ онъ является хранителемъ легальнаго порядка даже передъ верховною властію общины.

**Сенатъ
въ качествѣ
государ-
ственнаго
совѣта.**

Наконецъ, съ этимъ-же находится въ связи и то, по видимому, очень древнее обыкновеніе, что всѣ свои предложенія, съ которыми царь намѣревался обратиться къ народной общинѣ, онъ предварительно сообщалъ совѣту старшинъ и спрашивалъ у каждаго изъ членовъ этого совѣта его мнѣніе. Такъ какъ сенату принадлежало право касировать принятые рѣшенія, то царь, конечно, желалъ предварительно удостовѣриться, что онъ не встрѣтитъ противодѣйствія; вообще, въ римскихъ нравахъ было обыкновеніе не принимать въ важныхъ дѣлахъ никакого рѣшенія безъ предварительнаго совѣщанія съ другими людьми, да и по своему составу сенатъ былъ предназначенъ исполнять при правителѣ общины роль государственнаго совѣта. Изъ этого совѣщательнаго характера, гораздо болѣе, чѣмъ изъ раніе упомянутыхъ нравъ, возникло будущее могущество сената; однако зачатки этого могущества едва замѣтны и въ сущности заключались въ правѣ сенаторовъ отвѣчать, когда къ нимъ обращались съ вопросами. Быть можетъ существовало обыкновеніе спрашивать мнѣніе сената и въ такихъ важныхъ дѣлахъ, которые не касались ни судебной части ни военнаго вѣдомства, какъ, напримѣръ, — не говоря уже о предложеніяхъ, вносимыхъ на утвержденіе народнаго собранія, — при обложки рабочими повинностями и вообще какими-либо чрезвычайными нелегкими и при распределеніи завоеванныхъ земель; но если такой предварительный спросъ и былъ въ общаѣ, онъ по закону не былъ обязательнымъ. Царь созываетъ совѣтъ, когда ему заблагорассудится и предлагаетъ вопросы; неспрошенный членъ совѣта не имѣетъ права высказывать свое мнѣніе; тѣмъ не менѣе имѣлъ совѣтъ право сходиться безъ зова, кромѣ только того единственнаго случая, когда онъ собирался для замѣщенія вакантной царской должности посредствомъ назначенія по жребію очереди вице-царей. Что царь могъ призывать на совѣ-

щине, кроме сенаторовъ, и другихъ вѣшавшихъ ему доверіе людей. Но доказавше никакими положительными фактами, не тѣмъ не могъ бы едвали можетъ поддѣлать сомнѣнію. Однако: совѣтъ не то, что приказаніе, и царь могъ ему не подчиниться; тогда сенату не оставалось никакого другого средства дать своему мнѣнію практическое примѣненіе, кроме вышеупомянутого и не всегда примѣнимаго права кассации. «Я выбралъ васъ не для того, чтобы вы руководили мною, а для того, чтобы выи повиновались»: эти слова, вложенныя въ уста царя Ромуль однимъ изъ воздѣйственныхъ писателей, въ сущности вѣрно рисуютъ съ этой стороны положеніе сената.

Соединить всё эти выводы въ одно цѣлое. Понятіе о верховной власти было нераздѣльно съ понятіемъ о римской гражданской общинѣ; но эта община никогда не имѣла права дѣйствовать сама собою, а могла дѣйствовать совместно съ другими лицами только въ тѣхъ случаяхъ, когда предвидѣлось отступленіе отъ установленныхъ порядковъ. Рядомъ съ нею стояло собраніе назначавшихся пожизненно общинныхъ старшинъ, представлявшее нѣчто въ родѣ коллегіи должностныхъ лицъ, облеченной царской властію; это собраніе замѣняло своими членами вакантную царскую должность до окончательнаго избранія новаго царя, и имѣло право кассировать противозаконныя постановленія общины. Царская власть была, какъ говоритъ Саксониусъ, въ одно и то же время и неограниченной и священной закономъ (*imperium legitimum*); она была неограниченной потому, что всякое царское повелѣніе, справедливое или несправедливое, должно было исполняться безусловно; она была ограниченной потому, что всякое царское повелѣніе, противорѣчившее обычаямъ и одобренному нестолицитъ самодержавіемъ — народомъ, не вело ни къ какому логическому послѣдствію. Поэтому древнѣйшее римское государственное устройство было въ нѣкоторой степени контрастомъ конституціонной монархіи. Въ этой послѣдней монархіи считается обладателемъ и представителемъ государственнаго полнства и вслѣдствіе того, какъ наприимѣръ, отъ него одного исходить помилованіе преступниковъ; но государствомъ управляютъ народные представители и отвѣтственные передъ ними должностныя лица; а римская народная община была почти то же, что въ Англій король, и какъ въ Англій право помилованія принадлежитъ исключительно королю, такъ въ Римѣ оно принадлежало исключительно народной общинѣ, между тѣмъ какъ всѣ дѣла управленія находились въ рукахъ главы общины. — Наконецъ, если мы взглянемъ на отношенія самаго государства къ его отдѣльнымъ членамъ, мы найдемъ, что римское государство было одинаково далеко и отъ шаткости простаго охранительнаго союза и отъ новѣйшаго понятія о безусловномъ государственномъ полномочіи. Правда, община распорядилась личностью гражданина, облагая его общинными повинностями и нака-

Персональное римское государственное устройство.

зывая его за проступки и преступления; но Римляне всегда считали произвольнымъ и несправедливымъ такой специальный законъ, который подвергаетъ только одно отдѣльное лице наказанію или угрозе наказанія за дѣянія, невоспрещенныя для всѣхъ вообще, — хотя бы при этомъ и были соблюдены всѣ формальности. Еще гораздо болѣе была стѣснена община относительно права собственности и скорости совпадающихъ съ нею сопряженныхъ съ нею правъ семейныхъ; въ Римѣ, — не такъ, какъ въ Ликурговскомъ полицейскомъ государствѣ, — семейство не уничтожалось для того, чтобъ на его счетъ возвысилась община. То было однимъ изъ самыхъ бесспорныхъ и самыхъ замѣчательныхъ принциповъ древнѣйшаго римскаго государственнаго устройства, что государство могло заковать и казнить гражданина, но не могло отнять у него ни сына ни пахатной земли и даже не могло облагать его налогами. Въ дѣлахъ этого рода и въ другихъ ему подобныхъ, сама община была стѣснена въ своихъ отношеніяхъ къ гражданамъ, и это ограниченіе ея правъ не было отвлеченнымъ понятіемъ, а находило для себя выраженіе и практическое примѣненіе въ легальномъ veto сената, который, безъ сомнѣнія, имѣлъ право и былъ обязанъ кассировать всякое общинное постановленіе, несогласное съ вышеупомянутымъ основнымъ принципомъ. Никакая другая община не была такъ полновластна у себя дома, какъ римская; но и ни въ какой другой общинѣ сознававшей свою безупречность гражданинъ не былъ такъ-же, какъ въ римской, обезпеченъ въ своихъ правахъ по отношенію къ своимъ согражданамъ и къ самому государству.

Такъ управлялась римская община, въ которой свободный народъ умѣлъ повиноваться при полномъ отреченіи отъ всякой мистическорелигіозной одури, при безусловномъ равенствѣ передъ закономъ и между собою и съ рѣзкимъ отпечаткомъ самобытной національности, а въ то же время, — какъ это будетъ объяснено далѣе, — онъ великодушно и разумно растворялъ настежь свои двери для сношеній съ чужими странами. Это государственное устройство не было ни выдуманнымъ, ни заимствованнымъ, а выросло въ римскомъ народѣ и вмѣстѣ съ нимъ. Оно было, понятнымъ образомъ, основано на однихъ началахъ съ болѣе древнимъ италійскимъ государственнымъ устройствомъ, съ греко-италійскимъ и съ индо-германскимъ; но между тѣми формами государственнаго устройства, которыя обрисованы въ поэмахъ Гомера или въ разсказахъ Тацита о Германіи, и древнѣйшей организаціи римской общины тяготеетъ необозримо-длинная нить различныхъ фазисовъ государственнаго развитія. Въ одобрительныхъ возгласахъ эллинскихъ народныхъ сходовъ и въ брацаніи щитовъ на германскихъ сходахъ, пожалуй, также выражалась верховная власть общины; но оттуда еще было далеко до установленной закономъ компетенціи и до облеченныхъ въ установленную форму постановленій латинскаго куріальнаго собранія. Нѣтъ ничего

невозможнаго въ томъ, что какъ римская царская власть заимствовала свою пурпуровую мантию и свой слоновой кости жезлъ отъ Грековъ (но конечно не отъ Этрусковъ), такъ и двѣнадцать ликторовъ и другія принадлежности внѣшней обстановки были занесены преимущественно изъ чужихъ странъ. Но какъ всецѣло принадлежало Риму или даже Лаціуму развитіе римскаго государственнаго права и какъ была невелика и незначительна въ этомъ правѣ доля позаштатованій, доказывается постояннымъ выраженіемъ всѣхъ его понятій словами чисто-латинскими. Этимъ государственнымъ устройствомъ и была фактически установлена на всѣ времена основная идея римскаго государства, такъ какъ, не смотря на измѣнчивость внѣшнихъ формъ, пока существовала римская община, оставались неизмѣнными и правила, что должностному лицу слѣдуетъ безусловно повиноваться, что совѣтъ старшинъ—высшая въ государствѣ власть, и что всякое исключительное постановленіе нуждается въ санкціи самодержца, то-есть народнаго схода.

ГЛАВА VI.

Неграждане и реформа государственнаго устройства.

**Сліяніе го-
родовъ па-
латинскаго
и квириналь-
скаго.** Исторія каждой націи, а въ особенности италійской, представляетъ постепенное сліяніе частей въ одно цѣлое: уже тотъ очень древній Римъ, о которомъ до насъ дошли свѣдѣнія, былъ триединымъ, а включеніе новыхъ частей въ его составъ прекратилось лишь тогда, когда римскій бытъ достигъ полнаго развитія. Послѣ того очень древняго объединенія Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ, которое извѣстно почти только какъ голый фактъ, самымъ древнимъ явленіемъ этого рода было сліяніе холмоваго гражданства съ гражданствомъ палатинскаго Рима. Устройство обѣихъ общинъ передъ ихъ сліяніемъ, вѣроятно, было въ сущности однороднымъ и вызванная объединеніемъ задача, должно-быть, заключалась въ томъ, что предстояло выбирать одно изъ двухъ: или удержать двойственное устройство, или, отмѣнивъ одно, ввести другое во всей объединившейся общинѣ. Въ томъ, что касается святилищъ и жречества, былъ вообще избранъ первый путь. Съ тѣхъ поръ въ римской общинѣ было два братства скакуновъ и два братства волковъ, равно какъ два Марса и два жреца этого бога, вслѣдствіе чего впоследствии обыкновенно называли палатинскаго жреца—жрецомъ Марса, а холмоваго—жрецомъ Квирина. Весьма вѣроятно, — хотя и не можетъ быть положительно доказано, — что въ Римѣ всѣ древне-латинскія жреческія братства Авгуровъ, Понтификовъ, Весталокъ и Феціаловъ точно такъ-же происходили отъ соединившихся жреческихъ коллегій обѣихъ общинъ — палатинской и квиринальской. Далѣе, въ томъ, что касается разграниченій мѣстности, въ трехъ кварталахъ палатинскаго города—Субурѣ, Палатину и Пригороду былъ присоединенъ въ качествѣ четвертаго квартала холмовой городъ на Квириналѣ. Но если при первомъ сліяніи общинъ присоединившаяся община считалась и послѣ своего присоединенія по меньшей мѣрѣ частію новаго гражданства и, стало-быть, въ нѣ-которой мѣрѣ сохраняла свою политическую самостоятельность, то это уже не повторялось ни относительно холмовыхъ Римлянъ ни при

позднѣйшихъ инкорпорациахъ. И послѣ присоединенія въ ней новаго гражданства, римская община по прежнему раздѣлялась на три части по десяти попечительствъ въ каждой, а холмовые Римляне должны были войти въ составъ уже ранѣе существовавшихъ частей и попечительствъ, все-равно, дѣлились ли они сами до того времени на части или нѣтъ. Это, вѣроятно, устроилось такъ, что въ каждую часть и въ каждое попечительство вошло извѣстное число новыхъ гражданъ, но въ этихъ частяхъ не совершенно смѣшивались новые граждане съ старыми; напротивъ того, всѣ части являются съ тѣхъ поръ двучленными, а Тиция, равно какъ Рамны и Луцеры, снова дѣлятся на первыхъ и вторыхъ (*priores, posteriores*). Съ этимъ, вѣроятно, находится въ связи и то, что въ органическихъ учрежденіяхъ общины постоянно встрѣчаются парныя учрежденія. Такъ напримѣръ, три пары священныхъ дѣвъ положительно называются представительницами трехъ частей перваго и втораго разряда; вѣроятно такое же значеніе имѣли шесть Аргейскихъ каплицъ, находившихся въ каждомъ изъ четырехъ городскихъ округовъ (стр. 50), и чтимая въ каждой улицѣ пара Марь. Эти порядки всего яснѣе видны въ военномъ устройствѣ: послѣ объединенія каждая получасть трехчленной общины выставляла сто всадниковъ, такъ что римская гражданская конница дошла до шести сотенъ, а число ея предводителей вѣроятно также увеличилось съ трехъ на шесть. О соответственномъ увеличеніи пѣхоты мы ничего незнаемъ изъ преданій; но конечно въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать тотъ болѣе поздній обычай, въ силу котораго легіоны всегда созывались попарно, и, вѣроятно, также вслѣдствіе увеличенія ополченія вдвое легіономъ командовали не три начальника частей, какъ было прежде, а шесть. Что въ числѣ сенаторскихъ мѣстъ не произошло соответствующаго увеличенія, намъ извѣстно положительно; напротивъ того, первоначальная цифра трехъ сотъ совѣтниковъ оставалась нормальной вплоть до седьмага столѣтія; но вмѣстѣ съ этимъ весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ самыхъ знатныхъ членовъ вновь присоединенной общины были приняты въ сенатъ палатинскаго города. Точно такъ-же было поступлено и съ магистратурой: во главѣ объединившейся общины стоялъ только одинъ царь и то-же можно сказать о главныхъ замѣстителяхъ царя, въ особенности о градоначальникѣ. Отсюда видно, что богослужебныя учрежденія холмоваго города сохранились, а отъ удвоившагося гражданства, понятно, стали требовать двойнаго числа ратныхъ людей; но во всемъ остальномъ присоединеніе квиринальскаго города къ палатинскому было настоящимъ подчиненіемъ перваго послѣднему. Есть основаніе полагать, что это различіе между старыми палатинскими гражданами и новыми квиринальскими первоначально совпадало съ различіемъ между первыми и вторыми Тиціями, Рамнами и Луцерами, при чемъ

роды квиринальского города были «вторыми». Впрочемъ, это различіе, безъ сомнѣнія, заключалось скорѣе въ почетныхъ отличіяхъ, чѣмъ въ легальныхъ привилегіяхъ и нигдѣ нѣкоторое сходство съ тѣмъ, что въ болѣе позднюю пору при голосованіи въ сенатѣ обыкновенно спрашивалось сначала мнѣніе тѣхъ членовъ, которые принадлежали къ стариннымъ родамъ, а потомъ уже мнѣніе тѣхъ, которые принадлежали къ «меньшимъ» родамъ *). Точно такъ и холмовой кварталъ стоялъ по рангу даже ниже пригороднаго квартала палатинскаго города, жрецъ квиринальскаго Марса — ниже жреца палатинскаго Марса, а квиринальскіе «скауны» и «волги» — ниже палатинскихъ. Поэтому тотъ синекизмъ, нутомъ котораго палатинская община приняла въ себя квиринальскую, былъ промежуточною ступенью между древнимъ объединеніемъ Тиціевъ, Рамновъ и Луцеровъ и всѣми позднѣйшими: хотя присоединившаяся община уже не составляла особой части во вновь организовавшемся цѣломъ, но она по меньшей мѣрѣ составляла часть каждой изъ его частей, и не только дозволялось охранять ея богослужебныя учрежденія (что случалось и впоследствии, какъ напримѣръ послѣ завладѣнія Альбой), но эти учрежденія возвышались до одного уровня съ учрежденіями соединенной общины, чему впоследствии уже не встрѣчается примѣровъ.

Принадлежные люди и гости. Это сліяніе двухъ въ сущности однородныхъ общинъ было скорѣе количественнымъ приращеніемъ римской общины, чѣмъ ея внутреннимъ преобразованіемъ. Первые зачатки другаго рода инкорпораціи, совершавшейся съ гораздо болѣею постепенностью и имѣвшей гораздо болѣе важныя послѣдствія, восходятъ къ той-же эпохѣ: я разумѣю сліяніе гражданства съ невходившими въ ея составъ оскѣлыми жителями. Въ римской общинѣ издревле существовали рядомъ съ гражданствомъ подвѣщитные люди, которыхъ называли «принадлежными» (*clientes*), въ виду того, что они принадлежали къ какой нибудь отдѣльной гражданской семьѣ, или «толпѣ» (*tribus*).

*) Названіе „меньшихъ родовъ“, какъ кажется, давалось не этимъ вторымъ родамъ, а еще послѣднимъ присоединеннымъ и между прочимъ альбанскимъ. За исключеніемъ не имѣющихъ никакого историческаго достоинства догадокъ о времени вступленія этихъ *gentes minores* въ гражданство [Цицер. *De Rep.* 2, 20, 25. Ливій, 1, 35. Тацитъ, *Annales* 11, 25. Викторъ, *Viri ill.* 6], мы знаемъ о нихъ изъ преданій только то, что при голосованіи въ сенатѣ они стояли ниже другихъ [Цицер. тамъ-же], вслѣдствіе чего *principes senatus* выбирался только изъ *majores gentes*, и что Папіріи принадлежали къ меньшимъ родамъ [Цицер., *Ad fam.* 9, 21]; этотъ послѣдній фактъ достоинъ вниманія потому, что по имени рода Папіріевъ была названа одна волость [стр. 36]. Такъ какъ Фабій, какъ кажется, принадлежалъ къ холмовому городу [стр. 51], а между тѣмъ дали нѣсколькихъ *principes senatus*, то стало-быть слѣдуетъ отличать холмовые роды отъ *minores*.

отъ pleo, pleius), въ виду ихъ политической неполноправности*). Еще въ римскомъ семействѣ существовали, какъ было раньше замѣчено (стр. 60), элементы для образованія этой промежуточной ступени между людьми свободными и несвободными; но въ общинѣ этотъ классъ людей долженъ былъ по двумъ причинамъ достигнуть болѣе важнаго значенія и фактически и легально. Во-первыхъ, сама община могла владѣть какъ рабами, такъ и полусвободными принадлежными людьми; въ особенности послѣ завоеванія какого-нибудь города и послѣ уничтоженія существовавшего тамъ общиннаго устройства, побѣдившая община нерѣдко находила целесообразнымъ не продавать всѣхъ покоренныхъ гражданъ формальнымъ образомъ въ рабство, а предоставлять имъ фактическое пользованіе свободой, такъ что они становились, подобно вольноотпущенникамъ, въ положеніе кліентовъ общины, то-есть царя. Во-вторыхъ, благодаря своей власти надъ каждымъ отдѣльнымъ гражданиномъ, община доставляла и его кліентамъ возможность защититься отъ употребленія во зло законныхъ владѣльческихъ правъ. Въ государственное право Римлянъ вошло съ незапамятныхъ временъ слѣдующее основное правило, послужившее исходнымъ пунктомъ для опредѣленія легальнаго положенія осѣдлыхъ жителей: если владѣлецъ гласнымъ или негласнымъ образомъ отказался отъ своихъ правъ надъ подзельнымъ лицомъ по случаю какого-либо публичнаго юридическаго акта — завѣщанія, процесса или переписи, то ни онъ самъ ни его законные преемники не могли внослѣдствіи никогда уничтожить сдѣланную уступку ни по отношенію къ отпущенному на волю человѣку ни по отношенію къ его потомкамъ. Однако принадлежные люди и ихъ потомки не пользовались ни правами гражданина, ни правами гостя, такъ какъ для приобрѣтенія гражданскихъ правъ требовалось ихъ формальное пожалованіе общиной, а чтобъ получить права гостя, нужно было пользоваться гражданскими правами въ одной изъ общинъ, связанныхъ съ римскою путемъ договора. На ихъ долю выпало только обезпеченное закономъ пользованіе свободой при юридически непрекращавшейся неволѣ; оттого-то всѣ ихъ имущественныя отношенія точно такъ-же, какъ и имущественныя отношенія рабовъ, считались дѣломъ ихъ патрона; этотъ патронъ по необходимости являлся ихъ представителемъ въ тяжбныхъ дѣлахъ, что и давало ему поводъ требовать отъ нихъ денежныхъ взносовъ и привлекать ихъ къ уголовной ответственности передъ своимъ собственнымъ судомъ. Но неграждане мало-по-малу высвобождались изъ этихъ оковъ: они стали приобрѣтать и отчуждать отъ своего собственнаго имени и стали отстаивать свои права въ рим-

*) *Habuit plebem in clientelas principum describitur.* Цицер. *De Rep.* 2, 2.

скихъ гражданскихъ судахъ безъ формальнаго посредничества своихъ патроновъ. Хотя въ томъ, что касается браковъ и наследствъ, иноземцы (стр. 39) достигли равноправности съ гражданами раиѣ этихъ непринадлежавшихъ ни къ какой общинѣ и въ сущности не-свободныхъ людей; но и этигь послѣднихъ нельзя было запретить заключать въ ихъ сферѣ брака и устанавливать по гражданскому образцу возникавшее отсюда юридическое положеніе мужниной и отцовской власти, агнатовъ и родичей, наследниковъ и опекуновъ. — Отчасти къ точно такимъ же послѣдствіямъ привело на практикѣ право пользоваться гестепринствомъ, такъ какъ благодаря этому праву иноземцы могли поселаться въ Римѣ на постоянное жительство, обзаводиться тамъ своимъ хозяйствомъ и, быть можетъ, даже приобрѣтать недвижимую собственность. Въ этомъ отношеніи въ Римѣ, какъ кажется, изстари держались самыхъ либеральныхъ принциповъ. Римское право не признавало ни какихъ-либо особыхъ преимуществъ наследственной собственности ни нераздѣльности недвижимой собственности; съ одной стороны оно предоставляло всякому правоспособному челоѣву въ теченіе всей его жизни ничѣмъ неограниченное право располагать его собственностью; съ другой стороны, сколько намъ извѣстно, оно предоставляло всякому челоѣву, способному вступать въ сношенія съ римскими гражданами, даже иноземцамъ и кліентамъ, ничѣмъ не ограниченное право приобрѣтать въ Римѣ движимое имущество, — а съ той поры, какъ недвижимое имущество могло поступать въ частную собственность, — и недвижимое имущество. Римъ былъ въ сущности торговымъ городомъ; а такъ какъ онъ былъ сначала обязанъ своимъ значеніемъ международнымъ сношеніямъ, то онъ съ великодушною щедростію дозволилъ у себя селиться всѣмъ дѣтямъ, родившимся отъ неравныхъ браковъ, всѣмъ отпущеннымъ на волю рабамъ, всѣмъ выходцамъ, отказавшимся отъ правъ, которыми они пользовались на своей родинѣ, и даже въ широкомъ размѣрѣ тѣмъ иноземцамъ, которые оставались въ гражданскомъ союзѣ дружественныхъ общинъ.

Положеніе поселенцевъ рядомъ съ общиной. Стало быть сначала граждане были фактически господами и покровителями, а неграждане состояли подъ ихъ покровительствомъ; но какъ и во всѣхъ другихъ общинахъ, открывавшихъ свободный доступъ для переселенцевъ, но не дававшихъ этимъ переселенцамъ гражданскихъ правъ, въ Римѣ было трудно и постоянно становилось труднѣе согласовать такіе легальные порядки съ фактическимъ положеніемъ дѣлъ. Даже въ мирное время должно было не въ мѣру увеличиваться число новыхъ поселенцевъ вслѣдствіе развитія торговыхъ сношеній, вслѣдствіе того, что латинскій союзъ позволялъ всѣмъ Латинамъ селиться на жительство въ столицѣ и вслѣдствіе того, что съ развитіемъ благосостоянія все чаще и чаще отпускались рабы на волю. Къ тому же большая часть населенія поко-

ренныхъ или инкорпорированныхъ Римомъ сосѣднихъ городовъ обыкновенно мѣняла свое собственное гражданское право на право римскихъ Метиковъ и въ томъ случаѣ, когда она переселялась въ Римъ, и въ томъ, когда она оставалась въ своемъ прежнемъ отечествѣ, низведенномъ на степень деревни. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду и то обстоятельство, что тягость войны лежала исключительно на прежнихъ гражданахъ и постоянно разрѣжала ряды патриціанскаго потомства, между тѣмъ какъ новые поселенцы пользовались плодами побѣды, не расплачиваясь за нихъ своею кровью. — Можно только удивляться тому, что при такихъ условіяхъ римскій патриціатъ неубывалъ еще быстрѣе, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Причину того, что онъ еще долго составлялъ многочисленную общину, едва ли можно искать въ пожалованіи правъ римскаго гражданства нѣкоторымъ знатнымъ иноземнымъ родамъ, покинувшимъ свою родину или переселившимся въ Римъ послѣ покоренія ихъ города, — такъ какъ пожалованія этого рода, какъ кажется, были сначала очень рѣдки, а впоследствии становились все болѣе и болѣе рѣдкими по мѣрѣ того, какъ право римскаго гражданства росло въ цѣнѣ. Болѣе важное значеніе, какъ кажется, имѣло введеніе гражданскихъ браковъ, вслѣдствіе котораго дѣти, прижитыя патриціями въ супружеской связи, которая не была освящена обрядомъ конфарреациі, получали полное право гражданства наравнѣ съ дѣтьми прижитыми въ бракѣ съ конфарреацией; по меньшей мѣрѣ весьма вѣроятно, что гражданскій бракъ, существовавшій еще до введенія законовъ «Двѣнадцати Таблицъ», но безъ сомнѣнія не принадлежавшій къ числу исконныхъ учрежденій, былъ введенъ именно съ цѣлю сдерживать убыль патриціата *). Сюда же слѣдуетъ отнести и тѣ мѣропріятія, посредствомъ которыхъ еще въ самыя древнія времена община старалась обезпечить въ отдѣльныхъ семьяхъ многочисленность ихъ потомства (стр. 57); даже нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что точно съ такою же цѣлю принимались въ болѣе позднюю пору въ члены гражданства всѣ дѣти, родившіяся отъ патриціанскихъ матерей или въ неравномъ бракѣ или внѣ брака. —

*) Постановленія Двѣнадцати Таблицъ о пользованіи ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что онѣ уже застали гражданскій бракъ въ силѣ. Глубокая древность гражданского брака также видна изъ того, что онъ былъ, наравнѣ съ религиознымъ бракомъ, источникомъ супружеской власти [стр. 56]; а въ томъ, что касается пріобрѣтенія этой власти, гражданскій бракъ отличался отъ религиознаго только тѣмъ, что этотъ послѣдній былъ своеобразнымъ и легальнымъ способомъ пріобрѣтенія жены, а напротивъ того при совершеніи гражданского брака требовалась какой-нибудь другой способъ пріобрѣтенія собственности, какъ наиримѣрѣ передача изъ рукъ владѣльца или даже давность пользованія, для того, чтобы создать дѣйствительную власть мужа и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительный бракъ.

Тѣмъ не менѣе число новыхъ поселенцевъ неизбежно должно было постоянно увеличиваться и неподвергаться никакой убыли, между тѣмъ какъ число гражданъ могло, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, только не сокращаться; поэтому понятно, что новые поселенцы незамѣтнымъ путемъ достигли иного положенія и болѣе широкой свободы. Неграждане состояли уже не изъ однихъ отпущенныхъ на волю рабовъ и нуждавшихся въ чужомъ покровительствѣ иноземцевъ; къ ихъ числу принадлежали бывшіе граждане покоренныхъ латинскихъ общинъ и, главнымъ образомъ, латинскіе переселенцы, жившіе въ Римѣ не по милостивому дозволенію царя или какого-либо гражданина, а на основаніи союзнаго права. Они могли безъ всякихъ стѣсненій пріобрѣтать въ новомъ отечествѣ деньги и имущество, и наравнѣ съ гражданами оставлять все что имѣли въ наслѣдство своимъ дѣтямъ и внукамъ. И тяжелая зависимость отъ котораго-нибудь изъ гражданскихъ семействъ мало-по-малу ослабѣла. Если отпущенный на волю рабъ или переселившійся въ Римъ иноземецъ и чувствовалъ себя совершенно одинокимъ въ государствѣ, то этого уже нельзя было сказать о его дѣтяхъ, и еще менѣе о его внукахъ, а вмѣстѣ съ этимъ и отношенія къ патрону сами собой постоянно отступали на задній планъ. Въ старину кліентъ могъ искать законной защиты не иначе, какъ чрезъ посредство своего патрона; но тѣмъ болѣе упрочивалось государство и тѣмъ болѣе вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивали свое значеніе родовые и семейные союзы, тѣмъ чаще кліентъ получалъ безъ посредничества патрона, прямо отъ царя, защиту въ своихъ правахъ и удовлетвореніе за обиды. Множество негражданъ и въ особенности бывшихъ членовъ тѣхъ латинскихъ общинъ, которыя утратили свое самостоятельное существованіе, вѣроятно уже изстари, — какъ было ранѣе замѣчено, — были кліентами не частныхъ лицъ, а царя и стало быть находились въ зависимости отъ того-же властелина, которому были подчинены граждане, хотя эта подчиненность и была иного рода. Власть царя надъ гражданами въ концѣ концовъ зависѣла отъ ихъ доброй воли и ему, конечно, было выгодно образовывать изъ его собственныхъ кліентовъ новый классъ такихъ людей, которые были связаны съ нимъ болѣе тѣсными узами, которые наполняли его казну своими подарками и оставляемыми послѣ себя наслѣдствами (сюда же можно отнести и охранную пошлину, которую уплачивали царю новые поселенцы, стр. 71), которыхъ онъ могъ облагать рабочими повинностями въ силу своего собственнаго права и которые были всегда готовы собраться вокругъ своего защитника въ качествѣ его охраны. — Такимъ образомъ, рядомъ съ гражданствомъ образовалась вторая римская община, — изъ кліентовъ возникла *plebs*. Эта перемѣна названія очень знаменательна; въ легальномъ смыслѣ не было никакого различія между кліентомъ и плебеемъ, между принадлежнымъ

человѣкомъ и человѣкомъ изъ простонародья, но фактическая между ними разница была очень велика, такъ какъ первое изъ этихъ названій указывало на подзащитное отношеніе къ одному изъ политически полноправныхъ членовъ общины, а второе указывало только на отсутствіе политическихъ правъ. По мѣрѣ того, какъ въ свободномъ поселенцѣ слабѣло чувство личной зависимости, въ немъ просыпалось сознаніе его политическаго ничтожества и только на всѣхъ равномерно распространявшаяся власть царя не дозволяла всплывать политической борьбѣ между полноправною общиной и общиной безправной.

Однако первый шагъ къ слиянію этихъ двухъ классовъ населенія Сербіи **Сербіи** врядъ-ли былъ сдѣланъ путемъ такого насильственнаго переворота, **конституція**. какого можно было ожидать при такомъ разладѣ. Конституціонная реформа, получившая свое названіе отъ царя Сербія Туллия, покрыта въ своемъ историческомъ зародышѣ такимъ же мракомъ, какъ и всѣ событія той эпохи, о которой всѣ наши свѣдѣнія добыты не изъ историческихъ преданій, а путемъ обратныхъ выводовъ изъ позднѣйшихъ учреждений; но ея сущность свидѣтельствуетъ о томъ, что она не могла быть вызвана требованіями плебеевъ, такъ какъ она наложила на нихъ только обязанности и не дала имъ никакихъ правъ. Не можно скорѣе приписать мудрой предусмотрительности одного изъ римскихъ царей или настоятельному требованію гражданъ освободить ихъ отъ неслучительнаго несенія военной службы и принимать въ ополченіе негражданъ. Военская повинность и соединенная съ нею обязанность снабжать, въ случаѣ крайности, государство денежными средствами (*tributum*), были перенесены Сербіи конституціей съ гражданства на землевладѣльцевъ, на людей зажиточныхъ (*locupletes*) или «податныхъ» (*assidui*), все равно, были-ли они гражданами или простыми поселенцами; такимъ образомъ военская повинность превратилась изъ личной въ земскую. Въ своихъ подробностяхъ эти порядки заключались въ слѣдующемъ. Военную службу обязаны были нести всѣ осѣдлые жители съ семнадцати-лѣтняго до шестидесяти-лѣтняго возраста, со включеніемъ ихъ сыновей и безъ различія по происхожденію, такъ что даже отпущенный на волю рабъ долженъ былъ отбывать военскую повинность, если ему удавалось приобрести земельную собственность. Намъ неизвѣстно, какія существовали правила относительно иноземцевъ, владѣвшихъ въ Римѣ недвижимою собственностью; но, по всему вѣроятію, никакой иноземецъ не могъ приобретать въ Римѣ недвижности, не переселившись на постоянное жительство въ Римъ и не поступивъ въ число тамошнихъ поселенцевъ, то-есть въ число тѣхъ, кто былъ обязанъ отбывать военскую повинность. Смотра по величинѣ недвижной собственности, всѣ люди, обязанные нести военную службу, раздѣлялись на пять разрядовъ (*classes* отъ *calare*),

но изъ нихъ только люди перваго разряда или полнопашные *) должны были являться вполнѣ вооруженными и потому считались преимущественно призванными къ военной службѣ (*classici*), между тѣмъ какъ люди слѣдующихъ четырехъ разрядовъ, принадлежавшіе къ числу болѣе мелкихъ землевладѣльцевъ, а именно владѣвшіе тремя четвертями, половиной, четвертью и восьмой долей полнаго крестьянскаго участка, хотя также были обязаны служить, но отъ нихъ не требовалось полнаго вооруженія. При тогдашнемъ раздѣленіи земель, участки были почти на-половину полнопашными; затѣмъ трехчетвертные, половинные и четвертные составляли ровно по восьмой части всего числа участковъ, а восьминные немного превышали восьмую часть этого числа; поэтому и было установлено, что на восемьдесятъ пѣхотинцевъ, принадлежавшихъ къ разряду полнопашныхъ, слѣдуетъ набирать по двадцати пѣхотинцевъ отъ слѣдующихъ трехъ разрядовъ и двадцать восемь отъ послѣдняго разряда. Точно такое-же правило было установлено и для конницы: число ея частей было утроено и сдѣлано было отступленіе отъ общихъ правилъ только въ томъ, что за шестью уже ранѣе существовавшими ея частями были оставлены ихъ старыя названія (*Titiles, Rampes, Luceres primi* и *secundi*); но при этомъ неграждане не были устранены отъ службы въ этихъ частяхъ, а граждане не были устранены отъ службы въ двѣнадцати новыхъ частяхъ. Причину этого отступленія отъ общихъ правъ слѣдуетъ искать, конечно, въ томъ, что въ тѣ времена пѣхотныя войска заново формировались при каждомъ новомъ походѣ и по окончаніи войны распускались по домамъ, а всадники съ ихъ лошадьми, напротивъ того, удерживались по военнымъ соображеніямъ на службѣ даже въ ширное время и постоянно занимались военными упражненіями, которыя не прекращались до позднѣйшаго времени подъ видомъ празднествъ римскаго рыцарства **). Потому-то и при этой реформѣ были оставлены ранѣе организованнымъ эскадронамъ ихъ старинныя названія. Въ конницу брали самыхъ зажиточныхъ и самыхъ знатныхъ землевладѣльцевъ изъ гражданъ и изъ негражданъ и, какъ кажется, уже съ давнихъ поръ съ извѣстнымъ размѣромъ земельной собственности соединялась обязанность служить въ конницѣ. Но были участки и свободные отъ призыва: имѣвшіе земельную собственность незамужнія женщины, несовершеннолѣтніе мальчики и бездѣтные старики были обязаны, въ замѣнъ личной службы,

*) То-есть владѣвшіе полнымъ полевымъ участкомъ, — такимъ, который можетъ быть обработанъ одною плуговою упряжкой. [*Прим. перев.*].

** Когда составъ арміи увеличился вслѣдствіе присоединенія холмовыхъ Римлянъ, конница была по той-же причинѣ удвоена, а для пѣхоты стали созывать вмѣсто обыкновеннаго легіона двойной [стр. 83].

доставлять и кормить лошадей для одного всадника, — такъ какъ у
каждаго всадника было по двѣ лошади. Въ общей сложности, на
девятнадцать пѣхотинцевъ приходилось по одному всаднику; но на дей-
ствительной службѣ больше берегли конницу, чѣмъ пѣхоту. — Неосѣд-
лые люди («производящіе только потомство», *proletarii*) должны
были доставлять для арміи рабочихъ и музыкантовъ, равно какъ
опредѣленное число защитителей (*адсенсі*, придаточныхъ людей),
которые слѣдовали за арміей безоружными (*velati*), и когда ея
ряды начинали рѣдѣть на полѣ сраженія, подбирали оружіе боль-
ныхъ и убитыхъ и занимали въ строю ихъ мѣсто.

Для набора рекрутъ въ пѣхоту, городъ былъ раздѣленъ, вмѣстѣ **Призывные округа.**
съ своими окрестностями, на слѣдующія четыре «части» (*tribus*), —
чѣмъ было устранено старинное дѣленіе на три части, по меньшей
мѣрѣ въ его мѣстномъ значеніи: на палатинскую, заключающую въ себѣ
возвышенность того-же названія и Вемію; Субуру, къ которой при-
надлежали улицы того-же названія, Карины и Целій; эсквилинскую
и наконецъ холмовую, состоявшую изъ Квиринала и Виминала, то-
есть изъ «холмовъ», такъ названныхъ въ противоположность «го-
ражь» Капитолію и Палатину. Уже ранѣе (стр. 49) было говорено и объ
организациі этихъ округовъ и о томъ, какъ они образовались изъ
стариннаго двойнаго города — палатинскаго и квиринальскаго. Въ
городскихъ стѣнъ къ каждому округу принадлежалъ примыкавшій
къ нему земскій округъ; такъ напримѣръ, Остія считалась принад-
лежностью Палатина; что всѣ четыре округа имѣли почти одинакое
число жителей мужскаго пола, видно изъ того, что они должны были
доставлять одинакое число рекрутъ. Это раздѣленіе, относившееся
къ землѣ непосредственно, а къ ея владѣтелямъ лишь косвеннымъ
образомъ, имѣло вообще чисто-внѣшній характеръ и никогда не имѣло
религіознаго значенія; хотя въ каждомъ изъ городскихъ округовъ и
было по шести капищъ загадочныхъ Аргеовъ, ихъ нельзя считать
богослужебными округами точно такъ-же, какъ нельзя считать бого-
служебными округами улицы оттого, что въ каждой изъ нихъ былъ
воздвигнутъ алтарь, посвященный Ларамъ. — Каждый изъ этихъ че-
тырехъ призывныхъ округовъ долженъ былъ доставлять рекрутъ для
четвертой части какъ всего контингента, такъ и каждая изъ его
отдѣленій, такъ что въ каждомъ легионѣ и въ каждой центуріи было
по равному числу рекрутъ отъ cadaго округа; это дѣлалось, оче-
видно, съ цѣлю слить всѣ родовыя и мѣстныя различія въ одномъ
всеобщемъ воинскомъ призывѣ и, главнымъ образомъ, слить новыхъ
поселенцевъ съ гражданами въ одинъ народъ при помощи того могу-
щественнаго орудія, каковымъ служитъ все цивилирующій солдатскій духъ.

Годные къ военной службѣ люди дѣлились на два разряда: «млад- **Организація**
шіе», то-есть люди съ восемнадцати-лѣтняго возраста до достиже- **арміи.**
нія сорока шести лѣтъ, употреблялись преимущественно для полевой

службы, а «старшию» оставались дома для того, чтоб охранять городскія стѣны. Боевой единицей былъ въ пѣхотѣ легіонъ, которій имѣлъ въ ту пору двойной размѣръ (стр. 70); это была фаланга, построенная и вооруженная совершенно по старинному дорійскому образцу и состоявшая изъ шести тысячъ человекъ; въ ней было шесть рядовъ, а во фронтѣ ея стояла тысяча тяжело-вооруженныхъ людей; сверхъ того, при ней находились 2400 легко-вооруженныхъ (*velites*, стр. 69, прил.). Въ первыхъ четырехъ рядахъ фаланги стояли вполне вооруженные люди перваго разряда, то-есть владѣвшіе цѣлой плуговой запашкой, а въ пятомъ и шестомъ рядахъ—не вполне вооруженные земледѣльцы втораго и третьяго разрядовъ; люди двухъ послѣднихъ разрядовъ только примыкали къ фалангѣ или сражались рядомъ съ нею въ качествѣ легко-вооруженныхъ. Были приняты мѣры и для пополненія столь пагубной для фаланги убыли въ ея рядахъ. Такимъ образомъ въ ея составъ входили 84 центурии или 8400 человекъ, въ числѣ которыхъ было 6000 гоцитовъ, то-есть 4000 людей перваго разряда и по одной тысячѣ людей втораго и третьяго разрядовъ и, сверхъ того, 2400 человекъ легкой пѣхоты, изъ которыхъ 1000 человекъ принадлежали къ четвертому разряду, а 1200 къ пятому; каждый призывной округъ ставилъ въ фалангу по 2100 человекъ, а въ каждую центурию по 25. Эта фаланга предназначалась для выступленія въ походъ, между тѣмъ какъ точно такая-же боевая сила изъ болѣе старыхъ людей оставалась дома для защиты города; такимъ образомъ въ нормальный составъ пѣхоты входили 16.800 человекъ, то-есть 80 центурій перваго разряда, по 20 центурій трехъ слѣдующихъ разрядовъ и 28—послѣдняго разряда; въ этотъ счетъ не входили ни двѣ центурии резерва ни рабочіе и музыканты. Къ этому слѣдуетъ прибавить конницу, состоявшую изъ 1800 всадниковъ; но только одна ея треть обыкновенно присоединялась къ выступавшей въ походъ арміи. Стало-быть нормальный составъ римской арміи перваго и втораго призыва доходилъ приблизительно до 20.000 человекъ, а эта цифра, безъ сомнѣнія, соответствовала числу тѣхъ способныхъ носить оружіе Римлянъ, которые были на-лицо во время введенія этой новой организаціи. При увеличеніи народонаселенія число центурій не было увеличено, а были усилены добавочными людьми прежнія кадры безъ измѣненія ихъ прежняго нарщательнаго состава: точно такъ и замкнутыя по своему численному составу римскія корпораціи вообще нѣрѣдко выходили изъ установленныхъ рамокъ путемъ принятія сверхкомплектныхъ членовъ.

Перепись. Вмѣстѣ съ этой новой военной организаціей былъ введенъ болѣе тщательный со стороны государства контроль надъ земельной собственностью. Въ ту пору или было впервые установлено или было точно опредѣлено веденіе инвентарнаго списка, въ который каждый

землевладелецъ былъ обязанъ вносить свѣдѣнія о своемъ поземельномъ хозяйствѣ со всѣми его принадлежностями и повинностями, равно какъ о числѣ работъ, упражняхъ и вьючныхъ животныхъ. Всякое отчужденіе собственности, совершившееся негласно и не при свѣдѣтеляхъ, было признано недѣйствительнымъ и было предписано приводить черезъ каждые три года въ четвертый ревизію поземельнаго списка, который былъ въ то же время и привычнымъ спискомъ. Такимъ образомъ произошли отъ Сербіевской военной организаціи «манципація» и «ценоъ».

Всѣ эти постановленія, очевидно, имѣли въ своемъ началѣ военный характеръ. Во всѣхъ этихъ обширныхъ преобразованіяхъ нельзя найти ни одной черты, которая указывала бы на какое-либо другое назначеніе центурій, кромѣ чисто-военнаго; а для того, кто привыкъ вдумываться въ подобныя явленія, достаточно уже этого одного факта для того, чтобъ признать позднѣйшимъ нововведеніемъ приспособленіе центурій къ политическимъ цѣлямъ. Изъ центурій, по всему вѣроятію, встарь исключались люди, достигшіе шестидесяти лѣтъ, а это исключеніе не имѣло бы никакого смысла, если бы центуріямъ было первоначально предназначено быть представительницами гражданской общины, подобно куріямъ и на ряду съ ними. Съ другой стороны, хотя устройство центурій было введено только для того, чтобъ увеличить боевыя силы гражданства путемъ привлеченія не-селенцевъ къ военной службѣ (потому было бы совершенно ошибочно считать Сербіевскую конституцію за введеніе въ Римѣ тимократіи), однако новыя воинскія обязанности населенія существенно повліяли и на его политическое положеніе. У того, кто обязанъ быть солдатомъ, нельзя отнять возможности сдѣлаться офицеромъ, если государство еще не сгнило; и въ Римѣ съ тѣхъ поръ, безспорно, могли достигать званія центуріоновъ и военныхъ трибуновъ даже плебеи. Сверхъ того, хотя старое гражданство, представителями котораго были куріи, ничего не утратило отъ центуріальныхъ учреждений въ своемъ исключительномъ пользованіи политическими правами, но тѣ права, которыми это гражданство пользовалось не въ качествѣ куріального собранія, а въ качествѣ гражданскаго ополченія, должны были перейти къ новымъ центуріямъ, состоявшимъ какъ изъ гражданъ, такъ и изъ простыхъ поселенцевъ. Съ этой поры центуріи утверждаютъ завѣщанія солдатъ передъ битвой (стр. 74) и у нихъ испрашиваетъ царь одобренія передъ тѣмъ, чтобъ предпринять наступательную войну (стр. 74). Эти первыя притязанія центурій на участіе въ общественныхъ дѣлахъ должны быть ясно отмѣчены въ виду ихъ позднѣйшаго развитія; однако приобрѣтеніе такихъ правъ центуріями совершалось вслѣдъ за тѣмъ само собою, безъ особыхъ усилій съ ихъ стороны, и какъ прежде введенія Сербіевской реформы, такъ и послѣ него, собраніе курій было представителемъ той

Политическія послѣдствія Сербіевской военной организаціи.

настоящей гражданской общины, объём которой повиноваться царю былъ обязательенъ для всего народа. Позади этихъ полноправныхъ гражданъ стояли осѣдлые подзащитные люди или, какъ ихъ впоследствии называли, «граждане безъ права голоса» (*cives sine suffragio*), участвовавшіе въ исполненіи всѣхъ общественныхъ обязанностей—въ отбываніи воинской повинности, въ уплатѣ налоговъ и въ рабочихъ повинностяхъ (отбуда и пропашко названіе *municipes*); но при этомъ они были освобождены отъ взноса охраннаго сбора, который съ тѣхъ поръ взимался только съ тѣхъ, кто не числился въ трибахъ, то-есть съ неосѣдлыхъ Метиковъ (*agerarii*).—Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ двухъ разрядовъ общинныхъ членовъ—гражданъ и подзащитныхъ людей, теперь выступаютъ на сцену три политическихъ класса—активные граждане, пассивные граждане и подзащитные люди, и эти категоріи преобладали въ сферѣ римскаго государственнаго права въ теченіе многихъ столѣтій.

Время и формы ре-
тивы ре-
формы.

О томъ, когда и какъ вступила въ силу эта новая военная организація римской общины, можно высказывать только догадки. Она предполагаетъ существованіе четырехъ кварталовъ—стало-быть Сервіевская городская стѣна была построена до ея введенія. Но слѣдуетъ полагать, что и городская территорія расширилась гораздо даѣе своихъ первоначальныхъ границъ, если она была въ состояніи выставить 8000 полнопашныхъ людей и столько же неполнопашныхъ или сыновей полнопашныхъ и, сверхъ того, въ значительномъ числѣ крупныхъ землевладѣльцевъ или ихъ сыновей. Хотя намъ неизвѣстенъ размѣръ полной одноплуговой запашки римскаго земледѣльца, но онъ не можетъ быть опредѣленъ менѣе, чѣмъ въ 20 моргеновъ*); если принять за минимумъ 10.000 полнопашныхъ земледѣльцевъ, то придется предположить, что они занимали площадь пахатной земли величиною въ 9 нѣмецкихъ квадратныхъ миль; а если сюда

*) Уже около 480 года участки въ семь моргеновъ казались получателямъ малыми [Вал. Макс. 3, 3. 5. Колум. I предисл. 14. 1, 13, 11. Плиній Нат. Ист. 18, 3, 18; четырнадцать моргеновъ Викторъ 33. Плутархъ *Arroth. geg. et im p. str.* 235 изд. Dübner, —по чему слѣдуетъ исправить Плутарховскую біографію Красса].—Сравненіе съ размѣрами нѣмецкихъ участковъ приводитъ къ такимъ же выводамъ. *Iugerum* и *morgen* были первоначально скорѣе рабочими мѣрами, чѣмъ мѣрами плоскости и ихъ можно считать искони-тождественными. Нѣмецкая плуговая запашка состояла болѣею частію изъ 30 и нерѣдко также изъ 20 или изъ 40 моргеновъ, а усадьба часто [по меньшей мѣрѣ у Англо-Саксовъ] занимала десятую часть участка; поэтому, если принять въ соображеніе различіе климатическихъ условій и римское *Hegeidisch* въ два моргена, то предположенный размѣръ римской плуговой запашки въ 20 моргеновъ, по видимому, будетъ близокъ къ дѣйствительности. Конечно, намъ все-таки приходится сожалѣть о томъ, что преданія оставляютъ насъ безъ всякихъ указаній касательно этого предмета.

присовокупить въ самомъ умѣренномъ размѣрѣ луга, мѣста, необходимыя для усадьбы, и песчанья пространства, то мы придемъ къ заключенію, что въ то время, когда совершилась реформа, римская территорія заключала въ себѣ по меньшей мѣрѣ 20 квадратныхъ миль, а по всему вѣроятію и гораздо больше. Если вѣрить преданію, то пришлось бы допустить, что число осѣдлыхъ и способныхъ къ военной службѣ гражданъ доходило до 84.000, такъ какъ Сервій, какъ утверждаютъ, насчиталъ именно столько по первому ценсу. Чтобы убѣдиться, что эта цифра баснословна, достаточно взглянуть на географическую карту; къ тому же она не указана преданіями, а высчитана по догадкамъ; если нормальный комплектъ пѣхоты въ 16.800 человекъ помножить на 5, то-есть на ту цифру, которая обозначаетъ среднее число душъ въ каждомъ семействѣ, то дѣйствительно получится цифра въ 84000, которая, повидимому, обозначаетъ число активныхъ и пассивныхъ гражданъ, а эта цифра была по ошибкѣ принята за цифру годныхъ для военной службы людей. Но и по нашему болѣе умѣренному вычисленію,—при территоріи, соответствующей приблизительно 16.000 плуговыхъ пахатныхъ участковъ и при населеніи съ 20.000 способныхъ къ военной службѣ людей и по меньшей мѣрѣ съ тройнымъ числомъ женщинъ, дѣтей, стариковъ, неосѣдлыхъ людей и рабовъ—мы неизбежно должны придти къ заключенію, что до введенія Сервіевской конституціи Римляне успѣли завоевать не только страну, лежащую между Тибромъ и Аніо, но и альбанскій округъ; съ этимъ согласны и народныя сказанія. Однако мы не въ состояніи уяснить, какъ было въ самомъ началѣ велико число поступавшихъ въ армию патриціевъ въ сравненіи съ числомъ плебеевъ.—Но въ томъ, что касается основнаго характера Сервіевскихъ учрежденій, для насъ ясно съ одной стороны то, что они не были результатомъ сословной борьбы, а носятъ на себѣ такой же отпечатокъ законодателя-реформатора, какъ и учрежденія Ликурга, Солона и Залевка, и съ другой стороны то, что они возникли подъ греческимъ влияніемъ. Отдѣльныя сходныя черты могутъ вводить въ заблужденіе,—какъ напримѣръ указанное еще древними писателями сходство въ томъ, что и въ Коринѣ снабженіе всадниковъ лошадьми возлагалось на вдовъ и на сиротъ; но введеніе точно такой же системы вооруженія и построенія арміи, какая существовала у греческихъ гоплитовъ, конечно, не было дѣломъ случайнаго совпаденія. Если же мы примемъ въ соображеніе тотъ фактъ, что именно во второмъ столѣтіи отъ основанія Рима находившіяся въ южной Италіи греческія государства перешли отъ чисто-родоваго государственнаго устройства къ смѣшанному, перемѣстившему центръ тяжести въ руки собственниковъ *), то мы до-

*) Также достойно вниманія сходство такъ-называемой Сервіевской консти-

гадаться, что именно этот фактъ и послужилъ мотивомъ для введенной Сервіемъ въ Римъ реформы, — то есть для такой организаціи, которая въ сущности была основана на томъ же принципѣ и немного уклонилась отъ него въ сторону только подъ вліяніемъ строго-монархической формы римскаго государственнаго устройства.

туціи съ устройствомъ быта Метиковъ въ Аттікѣ. Аэнии, точно такъ же, какъ и Римъ, сравнительно рано растворили свои ворота передъ новыми поселенцами и за тѣмъ привлекли ихъ къ отбыванію государственныхъ повинностей. Чѣмъ меньше можно допустить здѣсь существованіе непосредственной внутренней связи, тѣмъ очевиднѣе становится для насъ тотъ фактъ, что одні и тѣ же причины—централизація городовъ и ихъ развитіе—повсюду и неизбежно вызываютъ одинакія послѣдствія.

ГЛАВА VII.

Гегемонія Рима въ Лаціумѣ.

У храброго и легко увлекавшагося страстями италійскаго племени **Расширеніе римской территоріи.** никогда не было недостатка въ поводахъ къ внутреннимъ распрямъ и къ ссорамъ съ сосѣдами; съ развитіемъ благосостоянія въ странѣ и съ возрастаніемъ культуры эти распри мало-по-малу перешли въ войны, а грабежи—въ завоеванія; тогда и политическое преобладаніе самыхъ сильныхъ племенъ стало принимать болѣе опредѣленную форму. Но никакой италійскій Гомеръ не оставилъ намъ описанія тѣхъ старинныхъ раздоровъ и хищническихъ набѣговъ, въ которыхъ характеръ народовъ складывается и проявляется, какъ нравъ мужчины въ играхъ и въ наклонностяхъ мальчика, а изъ историческихъ преданій мы не въ состояніи составить себѣ даже съ приблизительной точностью понятія о сравнительномъ развитіи могущества отдѣльныхъ латинскихъ волостей. Мы можемъ до нѣкоторой степени прослѣдить только развитіе римскаго могущества и расширеніе римской территоріи. Тѣ древнѣйшія границы объединившейся римской общины, которыя намъ положительно извѣстны, уже были нами указаны (стр. 45); онѣ заходили внутрь страны вообще не болѣе, какъ на разстояніе одной нѣмецкой мили отъ главнаго города волости и только въ направленіи къ морскому берегу простирались до устьевъ Тибра (*Ostia*), то есть слишкомъ на три нѣмецкихъ мили отъ Рима. Страбонъ говоритъ, при описаніи древняго Рима, что «новый городъ былъ окруженъ крупными и мелкими племенами, изъ которыхъ нѣкоторые жили въ независимыхъ селеніяхъ и не подчинялись никакому племенному союзу». Насчетъ этихъ родственныхъ по происхожденію сосѣдей, какъ кажется, и совершалось самое древнее расширеніе римской территоріи.

Находившіяся на верхнемъ Тибрѣ и между Тибромъ и Аніо, латинскія общины Антемны, Крустумерій, Фиккульнея, Медуллая, **Область рѣки Аніо.** Ценина, Корникуль, Камерія, Соллація прежде и сильнѣе всѣхъ другихъ стали беспокоить Римъ и, какъ кажется, еще въ очень

раннюю пору римское оружие лишило их независимости. Въ болѣе позднюю пору мы находимъ въ этомъ округѣ только одну независимую общину — Номентъ, которая сохранила свою свободу, быть можетъ, благодаря союзу съ Римомъ; изъ-за обладанія Фиденами, которыя были мостовой защитой Этрусковъ на лѣвомъ берегу Тибра, съ переменнымъ успѣхомъ боролись Латины съ Этрусками, то есть Римляне съ Вейентами. Съ городомъ Габіи, занимавшимъ равнину между Аніо и Альбанскими горами, борьба тянулась долго безъ рѣшительнаго перевѣса на которую либо сторону, вслѣдствіе чего до очень поздней поры габійскій костюмъ былъ равнозначущъ съ воинскимъ, а габійская территорія считалась прототипомъ непріятельской страны *). Вслѣдствіе этихъ завоеваній римская территорія могла достигнуть размаховъ почти въ 9 квадратныхъ миль.

Альба.

Но о другомъ очень древнемъ военномъ подвигѣ Римлянъ остались болѣе живучія воспоминанія, чѣмъ объ этихъ безслѣдно минувшихъ войнахъ, — хотя онъ и былъ облеченъ въ легендарную форму: древняя священная метрополія Лаціума — Альба была взята римскою ратью и разрушена. Какъ возникло это столеновеніе и какъ оно разрѣшилось, намъ неизвѣстно изъ преданій; борьба трехъ римскихъ братьевъ-близнецовъ съ тремя альбанскими братьями-близнецами была ничѣмъ инымъ, какъ символическимъ олицетвореніемъ борьбы двухъ могущественныхъ и находившихся между собою въ близкомъ родствѣ общинъ, изъ которыхъ по меньшей мѣрѣ римская была триединой. Намъ въ сущности ничего неизвѣстно кромѣ одного голаго факта, что Альба была завоевана и разрушена Римлянами **). — Въ

*) Такъ-же характеристичны формулы проклятій, отнесившихся къ городамъ Габіи и Фидены [Макроб. Sat. 3, 9], хотя мы нигдѣ не находимъ доказательствъ того, что территорія этихъ городовъ дѣйствительно была предана такому-же проклятію, какому были преданы Вейи, Карсагенъ и Фрегалли. Слѣдуетъ полагать, что старія формулы проклятій были составлены съ указаниями на эти два ненавистныхъ города и были приняты позднѣйшими антикваріями за истинныя историческихъ свѣдѣній.

**) Но выражать сомнѣніе насчетъ того, что Альба была разрушена никѣмъ инымъ какъ Римлянами (а такое сомнѣніе было недавно высказано однимъ достойнымъ уваженіи писателемъ), по видимому, нѣтъ никакого основанія. Нельзя, конечно, оспаривать того, что разсказъ о разрушеніи Альбы представляетъ въ своихъ подробностяхъ дѣльный рядъ невѣроятныхъ и невозможныхъ фактовъ; но то-же можно сказать о всякомъ вымышленномъ въ легенду описаніи историческаго факта. На вопросъ, какъ относились остальные жители Лаціума къ борьбѣ между Альбой и Римомъ, мы, конечно, не можемъ дать никакого отвѣта; но этотъ вопросъ поставленъ фальшиво, такъ какъ еще не доказано, что латинскія союзныя учрежденія не дозволяли отдѣльной войнѣ между двумя латинскими общинами (стр. 39). Еще менѣе причислять разрушенію Альбы Римлянами тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ альбанскихъ семействъ были приняты въ римскій гражданскій

то самое время, какъ Римъ утверждалъ свое владычество на берегахъ Агіо на Альбанскихъ горахъ, — Пренестъ, впоследствии являющийся обладателемъ восьми соедѣнныхъ мѣстечекъ, Тибуръ и нѣкоторыя другія латинскія общины также расширяли свои владѣнія и завладевали фундаментомъ для своего будущаго, сравнительно значительнаго могущества; но все это намъ извѣстно только по догадкамъ.

Мы нуждаемся не столько въ описаніяхъ войнъ, сколько въ точ- Древнѣйшіи
ныхъ свѣдѣніяхъ о характерѣ и о послѣдствіяхъ этихъ древ- способъ рас-
нѣйшихъ латинскихъ завоеваній. Въ общихъ чертахъ не подле- ширять тер-
жить сомнѣнію, что съ завоеванными странами поступали по риторію.
той-же системѣ инкорпораций, изъ которой возникла трехчленная римская община; различіе заключалось только въ томъ, что волости, которыхъ силою заставляли присоединяться, не сохраняли, подобно тѣмъ древнѣйшимъ тремъ, нѣкоторой самостоятельности въ качествѣ кварталовъ новой союзной общины, а вполне и безусловно исчезали въ цѣломъ (стр. 84). Насколько доставало силы у латинской волости, она въ самыя древнія времена не допускала существованія какого-либо другаго политическаго центра, кромѣ своей собственной столицы и еще менѣе была она расположена основывать независимыя поселенія, какъ это дѣлали Финикійне и Греки, создававшіе въ своихъ колоніяхъ временныхъ кліентовъ и будущихъ соперниковъ метрополіи. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи то, какъ обошлся Римъ съ Остіей: возникновенію въ томъ мѣстѣ города и не могли и не желали воспрепятствовать, но ему не дали никакой политической самостоятельности, а тѣмъ, кто въ немъ поселился, не дали мѣстныхъ гражданскихъ правъ, лишь оставивъ за ними общія римскія гражданскія права, если они уже прежде ими пользовались. *) По этому основному правилу рѣшалась участь и тѣхъ слѣбыхъ волостей, которыя попадали подъ власть болѣе сильныхъ или вслѣдствіе того, что были завоеваны, или вслѣдствіе того, что добровольно покорялись. Въ этихъ случаяхъ замокъ покорившейся

союзъ; почему въ Альбѣ не могло быть точно такъ-же, какъ и въ Капуѣ, римской метрополіи? Но дѣлающее значеніе долженъ имѣть тотъ фактъ, что Римъ выступаетъ законнымъ наследникомъ Альбы какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и въ религіозномъ; такое притязаніе могло быть основано не на переселеніи въ Римъ нѣсколькихъ альбанскихъ родовъ, а только на завоеваніи города, — какъ это и было въ дѣйствительности.

*) Отсюда развилось въ римскомъ государственномъ правѣ понятіе о приморской или гражданской колоніи [colonia civium Romanorum], то есть о фактически отдѣленной, но легально не самостоятельной и не имѣющей собственной воли общинѣ, которая сливалась съ своей метрополіей точно такъ-же, какъ *res cilium* [имущество] сына сливалось съ собственностью отца, и которая, въ качествѣ постоянного гарнизона, была освобождена отъ службы въ легионѣ.

волости срывали до основанія, ея территорію присоединяли къ территоріи побѣдителей, а ея жителямъ и ея богамъ отводили новое отечество въ центрѣ сильнѣйшей волости. Впрочемъ, подъ этимъ не слѣдуетъ разумѣть такого обязательнаго переселенія побѣжденныхъ въ новую столицу, какое было въ обыкновеніи при основаніи городовъ на востокѣ. Города Лаціума были въ ту пору, конечно, лишь немного больше крѣпостей и рынковъ, на которыхъ еженедѣльно сходились земледѣльцы, поэтому было достаточно перенести въ новую столицу центръ торговыхъ и дѣловыхъ сдѣлокъ. Что даже храмы оставались на своихъ прежнихъ мѣстахъ, видно на примѣрѣ Альбы и Ценины, которыя и послѣ своего разрушенія сохранили нѣчто въ родѣ остатковъ своей прежней религіозной самостоятельности. Даже тамъ, гдѣ выгодное военное положеніе скрытаго до основанія замка требовало переселенія мѣстныхъ жителей, ихъ нерѣдко поселяли, для земледѣльческихъ цѣлей, на ихъ прежней территоріи въ незащищенныхъ деревняхъ. А о томъ, что побѣжденные всѣ или частію нерѣдко бывали вынуждены переселяться въ ихъ новую столицу, свидѣтельствуетъ лучше всякихъ отрывочныхъ повѣствованій изъ легендарной эпохи Лаціума то постановленіе римскаго государственнаго права, что городскую стѣну (*pro tegitum*) могъ переносить дагѣ только тотъ, кто расширилъ границы территоріи. Понятно, что всѣ побѣжденные были принуждены переходить на права кліентовъ общины*),—все равно переселялись-ли они въ новую столицу или нѣтъ; только немногимъ отдѣльнымъ лицамъ или родамъ предоставлялись права гражданства, то есть патриціата. Даже во времена имперіи еще были извѣстны нѣкоторые изъ тѣхъ альбанскихъ родовъ, которые поступили въ ряды римскаго гражданства послѣ паденія ихъ отечества; къ этому числу принадлежали Юліи, Сервиліи, Квинтиліи, Клеміи, Геганіи, Куриціи, Метиліи; воспоминаніе объ ихъ происхожденіи поддерживалось ихъ альбанскими фамильными святилищами, между которыми родовое святилище Юліевъ въ Бовиллахъ снова достигло большой извѣстности во времена имперіи. — Это сосредоточеніе многихъ мелкихъ общинъ въ одной крупной, понятно, не было специально — римской идеей. Не только историческое развитіе Лаціума и

---

*) Сюда, безъ сомнѣнія, относится постановленіе двѣнадцати таблицъ: *Nex[im]a p[er]cipi[er]e[nt]e[rum] forti[us] a p[ro]p[ri]etate idem ius esto*, то-есть одинакими правами должны пользоваться и люди, закабаленные за долги, и рабы — и тѣ, которые прежде имѣли права и тѣ, которые ихъ вновь получили. Здѣсь не могло быть рѣчи о членахъ латинскаго союза, такъ какъ ихъ легальное положеніе опредѣлялось союзными договорами и такъ какъ въ Двѣнадцати Таблицахъ идетъ рѣчь только о земскомъ правѣ; но подъ словомъ *va p[ro]p[ri]etate* разумѣлись *Latini priscae civis Romani*, то-есть тѣ латинскія общины, которыя были обращены Римлянами въ плебейство.

сабельскихъ племенъ вертится на контрастъ національной централизаціи и кантональной самостоятельности, но въ историческомъ развитіи Эллиновъ находимъ мы то-же самое. Изъ одинаковаго сліянія многихъ волостей въ одно государство возникли въ Лаціумѣ—Римѣ, въ Аттікѣ—Аеины, а мудрый Фалесъ совѣтовалъ союзу іонійскихъ городовъ прибѣгнуть именно къ такому сліянію, какъ къ единственному средству выйти изъ ихъ затруднительнаго положенія и сохранить ихъ національность. Но Римъ проводилъ эту идею единства послѣдовательнѣе, настойчивѣе и успѣшнѣе, чѣмъ какая-либо другая италійская волость, и какъ первенствующее положеніе Аеинъ въ Элладѣ было послѣдствіемъ ихъ ранней централизаціи, такъ и Римъ былъ обязанъ своимъ величіемъ тому, что проводилъ ту же систему съ гораздо большей энергіей.

Хотя завоеванія Рима въ Лаціумѣ и представляются намъ въ Гегемоніи своихъ главныхъ чертахъ ничѣмъ инымъ, какъ однообразными и Римъ надъ Лаціумомъ. непосредственными расширениями его территоріи и его общины, но завоеваніе Альбы имѣло, кромѣ того, еще особое значеніе. Проблематическое величіе этого города и его мнимое богатство были не единственными причинами того, что легенда остановилась на его покореніи съ такимъ предпочтительнымъ вниманіемъ. Альба была метрополіей латинскаго союза и стояла во главѣ тридцати полнoprавныхъ общинъ. Разрушеніе Альбы, конечно, не уничтожило самаго союза точно такъ-же, какъ и разрушеніе Фивъ не уничтожило бѳотійскаго союза*); напротивъ того, Римъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ вполне согласно съ латинскимъ воззрѣніемъ на право войны, какъ на частное право, и заявилъ притязаніе на первенство въ союзѣ, въ качествѣ наслѣдника правъ Альбы. Мы не въ состояніи рѣшить, совершилось-ли признаніе такого первенства безъ всякихъ переворотовъ, а въ противномъ случаѣ—какіе перевороты предшествовали ему или были имъ вызваны; но, въ общемъ итогѣ, римская гегемонія надъ Лаціумомъ была, какъ кажется, признана и скоро и воплѣ, хотя ей, быть можетъ, временно и не подчинялись нѣкоторыя отдѣльныя общины, какъ напримѣръ Лабики и въ особенности Габіи. Вѣроятно уже съ той поры Римъ былъ морской державой въ сравненіи съ континентомъ Лаціума, городомъ въ сравненіи съ деревнями, цѣльнымъ государствомъ въ сравненіи съ латинскимъ союзомъ и вѣроятно уже съ той поры только за-одно съ Римомъ и при его содѣйствіи Латины были въ состояніи защищать

*) Община Бовиллы даже, какъ кажется, образовалась изъ одной части альбанской территоріи и заняла мѣсто Альбы между независимыми латинскими городами. О ея альбанскомъ происхожденіи свидѣлствуютъ культъ Юліевъ и названіе *Albani Bonani Bovillenses* [Orelli-Henzen 119. 2252, 6019]; о ея автономіи говорятъ Діонисій 5, 61 и Цицеронъ *pro Planc.* 9, 23.

свои берега отъ Каррагенянъ, Эллиновъ и Этрусковъ, равно какъ оберегать и расширять свои внутреннія границы въ борьбѣ съ своими безпокойными сосѣдями—сабельскими племенами. Нѣтъ возможности рѣшить, увеличилось-ли римское могущество отъ завоеванія Альбы болѣе, чѣмъ отъ завоеванія Антемъ или Коллатинъ; весьма вѣроятно, что Римъ не сдѣлался самою могущественною изъ всѣхъ латинскихъ общинъ только послѣ завладѣнія Альбой, а еще задолго до того имѣлъ такое первенствующее значеніе; но благодаря этому завоеванію онъ приобрѣлъ первенство на латинскомъ праздникѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ опору для будущей гегемоніи римской общины надъ всѣмъ латинскимъ союзомъ. Всѣ эти обстоятельства имѣли рѣшающее вліяніе и потому ихъ необходимо выяснить съ такою точностію, какая только возможна.

**Отношенія
Рима къ
Лациуму.**

Римская гегемонія надъ Лациумомъ имѣла въ общихъ чертахъ характеръ равноправнаго союза между римской общиной съ одной стороны и латинскимъ союзомъ—съ другой, вследствие чего былъ утвержденъ вѣчный миръ на всей территоріи и былъ заключенъ вѣчный союзъ какъ на случай наступательной войны, такъ и на случай оборонительной. «Между Римлянами и всѣми общинами Латинцевъ да будетъ миръ, пока существуютъ небо и земля; они не должны вести между собой войнъ, не должны призывать врага внутрь страны и не должны давать врагу свободнаго пропуска; тому, кто подвергся нападению, слѣдуетъ помогать общими силами, а то, что будетъ приобретено на войнѣ общими силами, дѣлить равномерно». Скрѣпленное договоромъ равноправіе въ торговыхъ и другихъ житейскихъ сношеніяхъ, въ долговыхъ сдѣлкахъ и въ правахъ наследства, еще тысячами узъ связало интересы союзной общины, и безъ того уже тѣсно сплоченной благодаря однообразію языка и нравовъ; этимъ было достигнуто нѣчто похожее на то, что достигнуто въ наше время путемъ уничтоженія таможенныхъ преградъ. Впрочемъ за каждой общиной было формально признано право жить по ея собственнымъ законамъ; вплоть до союзнической войны латинское право не было вполне тождественно съ римскимъ, такъ напримѣръ давно отиѣненное въ Римѣ обжалованіе брачныхъ договоровъ все еще допускалось въ латинскихъ общинахъ. Однако безыскусственное и чисто-народное развитіе римскаго права и стараніе по возможности поддерживать равноправіе привели къ тому, что частное право сдѣлалось въ сущности одинакимъ въ всемъ Лациумѣ и по содержанію и по формѣ. Всего ярче обнаружилось это равноправіе въ постановленіяхъ касательно утраты отдѣльными гражданами свободы и касательно ея приобретенія вновь. По старинному, достойному уваженія, обычаю латинскаго племени, никакой гражданинъ не могъ сдѣлаться рабомъ или лишиться своихъ гражданскихъ правъ внутри того государства, въ которомъ онъ жилъ свободнымъ человѣкомъ; если

же его присуждали, въ видѣ наказанія, къ лишенію свободы или— что одно и то-же — къ лишенію гражданскихъ правъ, то его изгоняли изъ государства и онъ поступалъ въ рабство къ иностранцамъ. Это установленіе было теперь распространено на всю союзную территорію; ни одинъ членъ котораго-либо изъ союзныхъ государствъ не могъ жить работою внутри всей союзной территоріи. Практическое примѣненіе этого правила мы находимъ въ томъ постановленіи Дѣвятинадцати Таблицъ, что неоплатный должникъ могъ быть проданъ заимодавцемъ не иначе, какъ на той сторонѣ Тибра, то-есть внѣ союзной территоріи, и въ томъ параграфѣ втораго мирнаго договора между Римомъ и Карфагеномъ, которымъ было постановлено, что ваятій Карфагенянами въ плѣнъ римскій союзникъ получалъ свободу, лишь только достигалъ одной изъ римскихъ гаваней. Что въ сферу союзнаго равноправія, во всему вѣроятію, входило и равенство браковъ и что каждый полноправный гражданинъ которой-либо изъ латинскихъ общинъ могъ вступать въ законный бракъ съ каждою гражданкой,—уже было замѣчено ранѣе (стр. 39). Само собою разумѣется, что каждый изъ Латинцевъ могъ пользоваться своими политическими правами только тамъ, гдѣ онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ общины; напротивъ того, сущность равенства въ частныхъ правахъ заключалась въ томъ, что каждый изъ Латинцевъ могъ считаться на постоянное жительство на союзной землѣ повсюду, гдѣ ему вздумается или— по теперешней терминологіи,—сверхъ особаго права гражданства въ той или другой общинѣ существовало еще общее союзное право свободного выбора мѣстожительства. Конечно, что все это обратилось въ пользу столицы, такъ какъ она одна во всемъ Латіумѣ представляла удобства городскихъ сношеній, городскихъ заработковъ и городскихъ удовольствій; поэтому съ тѣхъ поръ, какъ латинскія страны стали жить въ вѣчномъ мирѣ съ Римомъ, число столичныхъ жителей стало возрастать съ поразительной быстротой.—Въ томъ, что касается политическаго устройства и администраціи, не только каждая отдѣльная община оставалась самостоятельной и самодержавной, насколько этия не нарушались ея обязанности къ союзу, но,—что еще важнѣе,—союзъ тридцати общинъ остался въ своихъ отношеніяхъ къ Риму автономнымъ. Намъ увѣряютъ, что положеніе Альбы среди союзныхъ общинъ было болѣе высокимъ, чѣмъ положеніе Рима, и что эти общины пріобрѣли автономію благодаря паденію Альбы; это, пожалуй, можно допустить, въ томъ смыслѣ, что Альба въ сущности была членомъ союза, а Римъ встарь спорѣ выдѣлялся изъ союза, какъ особое государство, чѣмъ входилъ въ него какъ составная часть; но подобно тому, какъ государства Рейнскаго союза были формально самодержавны, между тѣмъ какъ члены германской имперіи имѣли надъ собою властелина, быть можетъ и первенство Альбы было на

самомъ дѣлѣ тѣмъ-же, чѣмъ было первенство германскаго императора — почетнымъ правомъ (стр. 40), между тѣмъ какъ римскій протекторатъ издревле былъ, подобно Наполеоновскому, настоящимъ господствомъ. Дѣйствительно, Альба, какъ кажется, предсѣдательствовала въ союзномъ совѣтѣ, между тѣмъ какъ Римъ позволялъ латинскимъ уполномоченнымъ совѣщаться самостоятельно подъ руководствомъ, какъ кажется, избравшагося изъ ихъ среды предсѣдателя, и довольствовался почетнымъ предсѣдательствомъ на томъ празднествѣ, гдѣ приносилась союзная жертва за Римъ и за Лаціумъ; сверхъ того онъ воздвигнулъ въ Римѣ второе союзное святилище—храмъ Діаны на Авентинѣ, такъ что съ тѣхъ поръ союзныя жертвоприношенія совершались то на римской территоріи за Римъ и за Лаціумъ, то на латинской территоріи за Лаціумъ и за Римъ. Не менѣе клонилось къ выгодѣ союза и то, что въ своемъ договорѣ съ Лаціумомъ Римляне обязались не заключать отдѣльныхъ союзныхъ договоровъ съ которою-либо изъ латинскихъ общинъ; отсюда ясно видно, что могущество руководящей общины внушало союзу сильныя и, конечно, вполне основательныя опасенія. Въ военномъ устройствѣ всего яснѣе обрисовывается положеніе Рима не внутри Лаціума, а на ряду съ нимъ, равно какъ формальное равенство между римскимъ городскимъ союзомъ съ одной стороны и федераціей—съ другой. Союзныя боевыя силы,—какъ о томъ неоспоримо свидѣтельствуетъ позднѣйшій способъ созыванія ратныхъ людей—состояли изъ двухъ одинаково сильныхъ армій—римской и латинской. Главное начальство надъ ними принадлежало Риму и Лаціуму поочередно, и только въ томъ году, когда Римъ назначалъ главнокомандующаго, латинскій контингентъ могъ появляться у воротъ Рима и, не входя въ эти ворота, привѣтствовать своими одобрителными возгласами избраннаго военачальника, послѣ того какъ уполномоченные латинскимъ союзнымъ совѣтомъ Римляне убѣдились изъ полѣта птицъ, что боги были довольны сдѣланнымъ выборомъ. Сообразно съ этимъ, и всѣ пріобрѣтенныя войной земли и имущества дѣлились по-ровну между Римомъ и Лаціумомъ. Если-же во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ строго соблюдалось полное равенство правъ и обязанностей, то и во внѣшнихъ дѣлахъ Римъ едва-ли могъ быть въ эту эпоху единственнымъ представителемъ римско-латинской федераціи. Союзный договоръ не позволялъ ни Риму ни Лаціуму предпринимать наступательныя войны по ихъ собственному усмотрѣнію, а если войну предпринимала сама федерація или вслѣдствіе союзнаго постановленія или вслѣдствіе неприятельской атаки, то союзный совѣтъ, конечно, принималъ дѣятельное участіе и въ управленіи ея ходомъ и въ ея развязкѣ. Впрочемъ фактически Римъ, быть можетъ, и въ ту пору уже пользовался гегемоніей, такъ какъ при всякой догловременной политической связи между тѣсно сплю-

ченныиъ государствомъ и союзомъ государствъ, перевѣсъ обыкновенно оказывается на сторонѣ перваго.

Мы не въ состояніи прослѣдить, какимъ образомъ Римъ расширялъ **Расширеніе** свои владѣнія послѣ того, какъ паденіе Альбы отдало въ его власть **римской** сравнительно значительную территорію и, по всему вѣроятію, доста- **территоріи** вило ему преобладаніе въ латинскомъ союзѣ. Распри съ Этрусками **послѣ па-** и въ особенности съ Вейентами изъ-за обладанія Фиденами не пре- **денія Альбы.** кращались; но Римлянамъ, какъ кажется, не удалось прочно завладѣть этимъ этрускимъ форпостомъ, находившимся на латинскомъ берегу рѣки на разстояніи только одной нѣмецкой мили отъ Рима, и не удалось вытѣснить Вейентовъ изъ этого базиса ихъ опасныхъ нашествій. Напротивъ того они, какъ кажется, безъ всякой борьбы завладѣли Явикуломъ и обоими берегами устья Тибра. По отношенію къ Сабинамъ и къ Эквамъ Римъ находился въ лучшемъ положеніи; сдѣлавшійся впоследствии столь тѣснымъ союзъ Римлянъ съ жившими вдалекѣ отъ нихъ Герниками существовалъ уже въ царскомъ періодѣ, — по меньшей мѣрѣ въ своихъ зачаткахъ, такъ что Латины вмѣстѣ съ Герниками съ двухъ сторонъ окружали и сдерживали своихъ восточныхъ сосѣдей. Но постояннымъ театромъ военныхъ дѣйствій была южная граница, — то-есть страна Рутуловъ и въ особенности Вольсковъ. Въ этомъ направленіи латинская территорія расширилась всего ранѣе и здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ общинами, основанными Римомъ и Лаціумомъ въ непріятельской странѣ и получившими организацію автономныхъ членовъ латинской федераціи, — съ такъ называемыми латинскими колоніями, изъ которыхъ самыя древнія, по видимому, были основаны еще въ эпоху царей. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ никакой возможности опредѣлить, какъ далеко заходило римское владычество въ концѣ царскаго періода. О распряхъ съ сосѣдними латинскими и вольскими общинами говорится въ римскихъ лѣтописяхъ царской эпохи очень часто и даже слишкомъ часто, но едва-ли можно считать за источники историческихъ свѣдѣній такіе отрывочные рассказы, какъ напримѣръ рассказъ о взытіи Суессы на Помптинской равнинѣ. О томъ, что царскій періодъ не только установилъ государственныя основы Рима, но и заложилъ фундаментъ его виѣшняго могущества, не можетъ быть никакихъ сомнѣній; положеніе, занятое Римомъ не столько внутри латинской федераціи, сколько на-супротивъ ея, ясно опредѣлялось еще въ первые времена республики и служитъ доказательствомъ того, что уже въ царскомъ періодѣ виѣшнее могущество Рима получило сильное развитіе. Конечно, при этомъ было совершено не мало великихъ подвиговъ и было одержано не мало блестящихъ побѣдъ, о которыхъ не сохранилось никакихъ воспоминаній; но ихъ блескъ отразился на царской эпохѣ Рима и въ особенности на царскомъ родѣ Тарквиніевъ подобно дальнему румянцу вечерней зари, въ которомъ всѣ очертанія сливаются.

Расширение города Рима. Таким образом латинское племя стало объединяться под предводительством Рима и вместе съ тѣмъ стало расширять свои владѣнія и къ востоку и къ югу, а самъ Римъ превратился, — благодаря своей счастливой судьбѣ и мужеству своихъ гражданъ — изъ оживленнаго центра торговои и сельской жизни въ могущественную столицу цѣлѣтущей страны. Съ этимъ внутреннимъ мѣнѣніемъ римскаго общиннаго быта находятся въ самой тѣсной связи преобразование римской военной организаціи и скрывавшіяся въ этомъ преобразованіи зародыши той политической реформы, которая извѣстна намъ подъ названіемъ Сервіевской конституціи. Но и внѣшній характеръ города долженъ былъ мѣниться подѣ влияніемъ стекавшихъ въ него богатствъ, увеличивавшихся потребностей и расширявшагося политическаго горизонта. Сліяніе сосѣдней квиринальской общины съ палатинскою, конечно, было уже совершившимся фактомъ въ то время, когда была введена Сервіевская реформа; съ той поры, какъ эта реформа дала прочную и однородную организацію всѣмъ военнымъ силамъ Рима, его граждане уже не могли по старому довольствоваться обнесеніемъ оврагами отдѣльных холмовъ по мѣрѣ того, какъ они покрывались постройками и, быть можетъ, также занятіемъ рѣчнаго острова и выестъ на противоположномъ берегу для того, чтобъ господствовать надъ теченіемъ Тибра. Столицѣ Латіума понадобилась иная болѣе цѣлесообразная оборонительная система; вотъ почему и было приступлено къ постройкѣ Сервіевской городской стѣны. Новая непрерывная линія городскихъ укрѣпленій начиналась на берегу рѣки у подножія Авентина и огибала этотъ холмъ; тамъ были недавно (1855) найдены колоссальные остатки этихъ древнихъ укрѣпленій въ двухъ мѣстахъ — на западномъ склонѣ холма по направленію къ рѣкѣ и на противоположномъ восточномъ склонѣ: это — такіе-же высокіе, какъ въ Алатри и въ Ферентинѣ, обломки городской стѣны, состоящіе изъ неправильно сложенныхъ громадныхъ известковыхъ глыбъ, обтесанныхъ въ формѣ четырехугольниковъ; они точно будто возстали изъ земли для того, чтобъ напомнить о великой эпохѣ, оставившей намъ эти несокрушимыя стѣны своихъ сооружений и еще болѣе не сокрушимыя памятники своей духовной жизни, влиянію которыхъ не будетъ конца. Далѣе стѣна огибала Целій и все пространство, занимаемое Эсквилиномъ, Виминаломъ и Квириналомъ, гдѣ недавно (1862) также найдены болѣе обширные остатки сооруженія, которое обложено извнѣ глыбами пеперина и защищено снаружи рвомъ, а по направленію къ городу представляетъ отлогую и до сихъ поръ еще величественную земляную насыпь, восполнявшую съ этой стороны недостатокъ другихъ средствъ защиты; оттуда стѣна шла къ Капитолію, входившему въ составъ постройки своимъ крутымъ обрывомъ, обращеннымъ въ Марсову поля, и снова примыкала къ Тибру позади его острова. Островъ на Тибрѣ, мостъ на сваяхъ и Яникулъ не во-

дли въ черту города, но возвышенность Яникула служила для него вѣншиимъ укрѣпленіемъ. На самомъ Палатинѣ, который до той поры былъ замкомъ, было дозволено возводить всякія постройки, а на Тарпейскомъ холмѣ, который открытъ со всѣхъ сторонъ и при своихъ небольшихъ размѣрахъ удобенъ для защиты, былъ построенъ новый замокъ (агх, *capitolium*) *) съ колодеземъ, съ тщательно огороженнымъ водоемомъ (*tullianum*), съ казнохранилищемъ (*aerarium*), съ тюрьмой и съ самымъ древнимъ мѣстомъ гражданскихъ сходокъ (*agora Capitolina*), на которомъ и въ болѣе позднюю пору публично возвѣщали о дунныхъ перемѣнахъ. Напротивъ того, въ болѣе раннюю пору не дозволялось возводить на вѣпостномъ холмѣ прочныхъ частныхъ построекъ **) и все пространство между двумя вершинами холма, то-есть святилище злого бога (*Vediovis*), или, — какъ его называли въ эпоху эллинскаго вліянія, — убѣжище, было покрыто лѣсомъ и, вѣроятно, было предназначено для земледѣльцевъ и для ихъ стадъ на тотъ случай, когда наводненіе или война принуждали ихъ покинуть равнину. Капитолій былъ и по своему названію и на самомъ дѣлѣ Акрополемъ Рима; это былъ самостоятельный замокъ, способный защищаться даже послѣ взятія города, а его ворота были, по всему вѣроятію, обращены въ ту сторону, гдѣ впоследствии находился городской рынокъ ***). И Авентинъ, какъ кажется, былъ также укрѣпленъ, хотя и не такъ сильно, и на немъ также не дозволялось возводить прочныхъ частныхъ построекъ. Съ

---

*) Эти названія были впоследствии обращены въ мѣстныя, именно словомъ *capitolium* стали называть ту вершину крѣпостнаго холма, которая ближе къ рѣкѣ, а словомъ агх — ту, которая ближе къ Квириналу; но первоначально эти слова были нарицательными именами точно такъ-же, какъ греческія слова *ἄκρη* и *κόρυς*; это видно и изъ того, что у каждого изъ латинскихъ городовъ былъ свой *capitolium*. Настоящее мѣстное названіе римскаго крѣпостнаго холма *mons Tarpeius*.

**) Постановленіе *ne quis patricius in arce aut capitolio habitaret* [что никто изъ патриціевъ не долженъ жить въ замкѣ или въ Капитоліи], воспрещало возводить только каменные зданія, которыя, вѣроятно, перѣдко имѣли видъ маленькихъ крѣпостей, а не обыкновенныя постройки для жилья, которыя было негрудно уничтожить. Сравни. Becker, *Torogr.* стр. 386.

***) Такъ какъ отъ рынка шла главная улица [называвшаяся „священной“], въ верхъ къ замку, а поворотъ, который она дѣлаетъ въ лѣво подлѣ арки Сепера, до сихъ поръ ясно указываетъ на ея направленіе къ воротамъ. А самыя ворота, вѣроятно, исчезли среди крупныхъ построекъ, впоследствии возведенныхъ на Кливѣ. Такъ-называемыя ворота на самомъ крутомъ мѣстѣ капитолійскаго холма, названныя подлѣ названіемъ Янусовыхъ, Сатурновыхъ или также открытыхъ, потому что во время войны должны были оставаться растворенными, очевидно, имѣли лишь религіозное значеніе и никогда не были настоящими воротами.

этимъ находится въ связи и то, что для чисто-городскихъ удобствъ, какъ напримѣръ для распредѣленія проведенной воды, римское городское населеніе дѣлилось на собственно такъ-называемыхъ горожанъ (*montani*) и на тѣхъ, кто жилъ внутри общей городской стѣны на такихъ участкахъ, которые не входили въ составъ настоящихъ городскихъ (*pagani Aventinenses, Janiculenses, collegia Capitolinorum et Mercurialium**). Стало, быть обнесенное новой городской стѣной пространство заключало въ себѣ, кромѣ прежнихъ городовъ палатинскаго и квиринальскаго, также общіе союзныя крѣпости на Капитоліѣ и на Авентинѣ кромѣ того Яникуль**); Палатинъ, какъ собственно такъ-называемый и какъ древнѣйшій городъ,

*) Такихъ гильдій было четыре: 1) *Capitolini* [Cicero ad Qu. fr. 2, 5, 2] съ своими собственными *magistri* [Henzen 6010. 6011] и ежегодными играми [Лив. 5, 50]; сравн. *Cor. Inscr. Lat. I, № 805*; 2) *Mercuriales* [Лив. 2, 27; Цицеронъ, тамъ-же; Preller Myth. стр. 597], также съ *magistri* [Henzen 6010]; эта гильдія была поселена на лощинѣ цирка, тамъ, гдѣ находился храмъ Меркурія; 3) *pagani Aventinenses* также съ *magistri* [Henzen 6010]; 4) *pagani pagi Janiculensis* также съ *magistri* [Corp. Inscr. Lat. I, № 801. 802]. Конечно, то не было простой случайностью, что эти четыре гильдіи, не имѣвшія въ Римѣ другихъ себѣ подобныхъ, принадлежали именно къ населенію двухъ холмовъ, не вошедшихъ въ четыре мѣстныя трибы, но обнесенныхъ Сервіевской стѣной—Капитоліѣ и Авентина и входящаго въ ту-же сферу укрѣпленій Яникула; далѣе сюда-же относится тотъ фактъ, что выраженіе *montani pagani* не употреблялось для обозначенія всѣхъ осѣдлыхъ жителей Рима; сравн., кромѣ хорошо извѣстнаго мѣста у Цицерона *De Domo* 28, 74, въ особенности законъ о городскихъ водопроводахъ, приведенный у Феста подъ заглавіемъ *sifus*, стр. 340: [*montani pagani* *si* [*fis* *aquam* *dividunt*]. *Montani*— въ настоящемъ смыслѣ слова жители трехъ палатинскихъ округовъ [стр. 52], здѣсь, какъ кажется, принимаются а *otio* *giza* все настоящее городское гражданство четырехъ кварталовъ; подъ словомъ *pagani* здѣсь безъ сомнѣнія разумѣются невключенныя въ трибы общины Авентина и Яникула и сходныя съ ними коллегіи Капитолія и лощины цирка.

**) „Семигорнымъ“ городомъ въ настоящемъ и религіозномъ значеніи этого слова былъ и оставался болѣе узкій палатинскій древній Римъ [стр. 48]. Однако и Сервіевскій Римъ—по меньшей мѣрѣ уже во времена Цицерона [сравн. напр. Cicero ad. Att. 6, 5, 2; Плутархъ, *Quaest. Rom.* 69]—считался семигорнымъ городомъ вѣроятно потому, что праздникъ семигорья [*Septimontium*], усердно справлявшійся во времена имперіи, уже сталъ считаться общимъ городскимъ праздникомъ; но насчетъ того, которыя изъ обнесенныхъ Сервіевскою стѣною высотъ принадлежали къ числу семи, никогда не было полного единомыслія. Знакомыя намъ семь высотъ—Палатинъ, Авентинъ, Целій, Эсквилинъ, Виминаль, Квириналь и Капитоліѣ неперечисляются ни однимъ изъ древнихъ писателей. Эти названія извлечены изъ традиціоннаго разсказа о постепенномъ развитіи города [Jordan, *Torogographie*, 2, 206 и сл.], по Яникуль сюда не вкля

былъ, стало быть, окруженъ какъ вѣнцомъ тѣми высотами, которыя были обнесены стѣной, и съ двухъ сторонъ опирался на цитатели. Но дѣло оставалось недокоиченнымъ, пока огороженная съ такимъ трудомъ отъ вѣшнихъ враговъ территория не была защищена и отъ воды, которая постоянно покрывала долину между Палатиномъ и Капитоліемъ, такъ что тамъ, какъ кажется, вѣдали на паромѣ, а низменности между Капитоліемъ и Веліей, равно какъ между Палатиномъ и Авентиномъ, превратились въ болота. Сохранившіяся до сихъ поръ и сложенныя изъ великолѣпныхъ плитъ подземныя водосточныя трубы, которыми впоследствии восхищались, считая ихъ за удивительныя сооруженія царскаго Рима, скорѣе принадлежатъ къ слѣдующей эпохѣ, такъ какъ на ихъ устройство употреблялся травертинъ, а во времена республики часто упоминалось о новыхъ постройкахъ именно изъ такого матеріала; но начало этихъ работъ, безъ сомнѣнія, должно быть отнесено къ эпохѣ царей, хотя къ нему и было приступлено, вѣроятно, въ болѣе позднюю пору, чѣмъ къ постройкѣ городской стѣны и капитолійскаго замка. Благодаря этимъ работамъ, образовались на освободившихся отъ воды или высохшихъ мѣстахъ публичныя площади, въ которыхъ такъ нуждался разраставшійся городъ. Сборное мѣсто общины, находившееся до того времени на капитолійской площади въ самомъ замкѣ, было перенесено на равнину, которая тянулась въ наклонномъ положеніи отъ замка къ городу (сomitium) и оттуда шла между Палатиномъ и Каринами въ направленіи къ Веліи. Во время празднествъ и народныхъ собраній, для членовъ совѣта и городскихъ гостей отводились почетныя мѣста на той сторонѣ замка, которая была обращена къ мѣсту сходки и въ той ея части, которая возвышалась надъ площадью въ видѣ балкона; но скоро было построено неподалеку оттуда особое зданіе, предназначенное для засѣданій совѣта и названное по имени своего строителя «Гостилиевой курией». Эстрада для судейскаго сѣдалища (tribunal) и кафедра (впоследствии называвшаяся *rostra*), съ которой ораторы обращались къ гражданству съ рѣчами, были возвыгнуты на самой площади. Продолженіемъ этой послѣдней въ направленіи къ Веліи былъ новый рынокъ (*Forum Romanum*).

ченъ, потому что иначе оказалось-бы восемь высотъ. Древнѣйшій источникъ, пересчитывающій семь римскихъ горъ [*montes*]—описаніе города, составленное во времена Константина Великаго; тамъ перечислены Палатинъ, Авентинъ, Целій, Эсквилинъ, Тарпей, Ватиканъ и Янкулъ; здѣсь выпущены Квириналь и Виминаль, очевидно, потому, что это были *colles*, а вмѣсто нихъ названы двѣ *montes*, находившіяся на правомъ берегу Тибра и въ томъ числѣ даже Ватиканъ, находившійся внѣ Сервіевской стѣны. Другіе еще позднѣе составленные списки высотъ можно найти у Сервія [къ Энеидѣ 6, 783] въ Бернскихъ комментаріяхъ къ *Virgilio* въ *Georgikam* 2, 535, и у Ляда [*De tem. v.* стр. 118, изд. Беккера].

На его западной сторонѣ, ниже Палатина, стоялъ общинный домъ, заключавшій въ себѣ официальную резиденцію царя (*regia*) и общественный городской очагъ — кругообразный храмъ Весты; неподалеку отсюда на южной сторонѣ рынка было построено другое круглое зданіе, въ которомъ находилась кладовая общины или храмъ Ненаговъ, сохранившійся и до настоящаго времени въ видѣ преддверія къ церкви *Santi Cosma e Damiano*. Отличительной чертой этого новаго города, объединившагося совершенно иначе чѣмъ прежній семигорный городъ, служить то нововведеніе, что наряду съ тридцатью куріальными очагами, соединеніемъ которыхъ въ одно зданіе довольствовался палатинскій Римъ, появился въ Сервіевскомъ Римѣ одинъ очагъ, общій для всего города *). По обѣимъ сторонамъ рынка тянулись ряды мясныхъ и другихъ лавокъ. Въ долину между Авентиномъ и Палатиномъ былъ огороженъ кругъ для публичныхъ игръ; отсюда возникъ циркъ. У самаго берега рѣки былъ устроенъ рынокъ рогатаго скота и эта мѣстность скоро сдѣлалась однимъ изъ самыхъ густо-населенныхъ городскихъ кварталовъ. На всѣхъ вершинахъ появились храмы и святилища — прежде всего на Авентинѣ союзное святилище Діаны (стр. 104) и на вершинѣ замка видный на большомъ разстояніи храмъ отца Дювиса, доставившаго своему народу все это великолѣпіе — и подобно тому, какъ Римляне торжествовали свою побѣду надъ соседними народами, — также торжествовавшего свою побѣду надъ богами этихъ народовъ. — Имена тѣхъ людей, по почину которыхъ были предприняты всѣ эти громадныя городскія постройки, покрыты такимъ же мракомъ, какъ и имена вождей, начальствовавшихъ надъ Римлянами въ самыхъ древнихъ битвахъ и побѣдахъ. Правда, преданіе приписываетъ каждую изъ этихъ построекъ которому-нибудь изъ царей: сенатскую курію — Туллу Гостилію, Лникулу и деревянный мостъ — Анку Марцію, большой канахъ для спуска нечистотъ, циркъ и храмъ Юпитера — Тарквинію Старшему, храмъ Діаны и городскую стѣну — Сервію Туллію. Многія изъ этихъ предположеній, быть можетъ, основательны, такъ напримѣръ, едва-ли можно объяснить одной случайностью тотъ фактъ, что постройка новой городской стѣны совпадаетъ и по времени и по имени своего строителя съ новой военной организацией, такъ серьезно заботившейся о защитѣ городскихъ стѣнъ. Но вообще мы должны заимствовать изъ этихъ преданій только то,

---

*) Какъ мѣста, на которыхъ стояли эти два храма, такъ и положительное свидѣтельство Дюнисию [2,25], что храмъ Весты стоялъ въ *Roma quadrata*, доказываютъ намъ, что эти постройки находятся въ связи съ возникновеніемъ не палатинскаго города, а втораго — Сервіевскаго; если-же въ болѣе позднюю пору приписывали Нумѣ и постройку этой царской резиденціи и сооруженіе храма Весты, то причина такого предположенія такъ очевидна, что ему нельзя придавать никакого значенія.

что уже ясно само собой, — что пересозданіе Рима было очень тѣсно связано съ началомъ его гегемоніи надъ Лаціумомъ и что хотя оно истекало изъ одной и той же великой мысли, оно не могло быть дѣломъ одного лица или одного поколѣнія. Что въ этомъ преобразованіи римскаго общиннаго быта имѣло большую долю участія вліяніе Эллиновъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, но мы не въ состояніи опредѣлить ни характера ни степени этого вліянія. Уже ранѣе было замѣчено, что Сервіевская военная организація была въ сущности заимствована отъ Эллиновъ (стр. 95), а то что игры цирка были устроены по эллинскому образцу, будетъ доказано далѣе. И новое царское жилище съ городскимъ очагомъ совершенно похоже на греческій Пританей, а круглый, обращенный къ востоку и даже не освященный Авгурами храмъ Весты былъ построенъ во всѣхъ своихъ частяхъ вовсе не по италійскому образцу, а по эллинскому. Поэтому, какъ кажется, нельзя назвать неправдоподобнымъ то преданіе, что для римско-латинскаго союза служилъ въ нѣкоторой мѣрѣ образцомъ іонійскій союзъ въ Малой Азій, вслѣдствіе чего и новое союзное святилище на Авентинѣ было подражаніемъ эфесскому Артемизиону.

Г Л А В А VIII.

Умбро-сабельскія племена. Зачатки Самнитовъ.

Умбро-са-
бельское
переселеніе.

Переселеніе умбро-сабельскихъ племенъ, повидимому, началось повдѣнѣе переселенія Латиновъ и подобно этому послѣднѣму направилось къ югу, впрочемъ держась середины полуострова и немного уклоняясь къ восточному берегу. Трудно говорить о такихъ вещахъ, потому что свѣдѣнія о нихъ долетаютъ до насъ, какъ звукъ колокола изъ потонувшаго въ морѣ города. Земля, заселенная Умбрами, еще по свѣдѣтельству Геродота простиралась до Альповъ и нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что этотъ народъ владѣлъ въ древнѣйшія времена всей сѣверной Италіей до тѣхъ ея окраинъ, подлѣ которыхъ жили съ восточной стороны иллирійскія племена, а съ западной Лигуры; о борьбѣ этихъ сосѣдей съ Умбрами свидѣлствуютъ легенды, а о томъ, что они съ древнѣйшихъ временъ распространились въ южномъ направленіи, можно догадаться по нѣкоторымъ отдѣльнымъ названіямъ, какъ напримѣръ по сходству названія острова Ильвы (Эльбы) съ названіемъ лигурійскихъ Ильватовъ. Быть можетъ, именно отъ этой эпохи величія Умбровъ ведутъ свое начало, очевидно, италійскія названія древнѣйшихъ поселеній въ долинѣ рѣки По—Атрія (Черный городъ) и Спина (Терновый городъ), равно какъ многочисленные слѣды, оставленные Умбрами въ южной Этруріи (рѣка Умбро, Камарсъ—старинное названіе Клузіума, Castigum Aemegium). Такого рода слѣды италійскаго населенія, предшествовавшаго этрусскому, встрѣчаются всего чаще въ южной части Этруріи между Циминійскимъ лѣсомъ (ниже Витербо) и Тибромъ. Въ Фалеріяхъ (городъ, лежавшемъ на границѣ Этруріи со стороны Умбріи и Сабинской земли) говорили; по свѣдѣтельству Страбона, не по-этрусски, а на какомъ-то другомъ языкѣ; кромѣ того, тамъ недавно найдены надписи, въ которыхъ буквы и языкъ хотя и имѣютъ нѣкоторыя общія черты съ этрусскимъ языкомъ, но въ цѣломъ

слодны съ латинскимъ ¹⁾. И въ мѣстномъ культѣ замѣтны черты сабельскаго характера; къ той-же сферѣ принадлежать очень древнія и вмѣстѣ съ тѣмъ богослужебныя отношенія между Цере и Римомъ. Слѣдуетъ полагать, что Этруски отняли у Умбровъ эти южныя страны много позднѣе, чѣмъ страны, лежащія къ сѣверу отъ Циминійскаго лѣса, и что умбрское население оставалось тамъ и послѣ этрусскаго завоеванія. Въ этомъ, вѣроятно, и заключалась главная причина того, что послѣ завоеванія страны Римлянами ея южныя окраины латинизовались съ поразительной скоростью, между тѣмъ какъ въ сѣверной Этруріи упорно сохранялись и мѣстный языкъ и мѣстные нравы. Что Умбры были, послѣ упорной борьбы, оттѣснены и съ сѣверной и съ западной стороны въ тотъ узкій гористый край промежъ двухъ отраслей Апенниновъ, въ которомъ они впоследствии оставались, такъ-же ясно видно изъ положенія ихъ страны, какъ въ наше время ясно изъ географическаго положенія Граубюндтена и страны Басковъ, что судьба ихъ населенія была одинакова; и легенды рассказываютъ намъ, что Туски отняли у Умбровъ триста городовъ, а—что еще важнѣе—въ дошедшихъ до насъ національныхъ молитвахъ умбрійскихъ Игуванъ, этотъ народъ проклинали, въ числѣ другихъ враговъ своего отечества, прежде всего Тусковъ.—По всему вѣроятію, именно вслѣдствіе этого давленія съ сѣвера Умбры стремились на югъ, вообще придерживаясь направленія горъ, такъ какъ равнины уже были заняты латинскими племенами; однако, при этомъ они, безъ сомнѣнія, нерѣдко вторгались во владѣнія своихъ соплеменниковъ, въ свою очередь оттѣсняя ихъ и смѣшиваясь съ ними тѣмъ легче, что разница въ ихъ языкѣ и нравахъ еще не опредѣлилась въ то время такъ рѣзко, какъ въ болѣе позднюю пору. Сюда-же относятся тѣ народныя сказанія, въ которыхъ идетъ рѣчь о вторженіяхъ Реатиновъ и Сабинновъ въ Лациумъ и объ ихъ войнахъ съ Римлянами; явленія этого рода могли повторяться вдоль всего западнаго побережья. Вообще Сабинны удержались въ горахъ—въ названной съ тѣхъ поръ ихъ именемъ мѣстности подлѣ Лациума и въ странѣ Вольсковъ, вѣроятно потому,

*) Въ азбукѣ этого языка особенно замѣчательна буква г, очевидно происходящая отъ латинской [R], а не отъ этрусской формы [D], и также буква z [z]; послѣдняя могла произойти только отъ первоначальной латинской формы и очень вѣрно изображаетъ ее. Языкъ также похожъ на самый древній латинскій: *Marsci Acarscelini he cura*, то-есть *Marscius Acarscelinius heic subat*; *Menerva A. Cotena La.f.... zenatuo sen-tem.... dedet cuando.... cunsa'rtum*, то-есть *Minerva A[uluu?] Cotena La[r]tis f[ilius]... de senatus sententia dedit quando [конечно—olim] concertum*. Вмѣстѣ съ этими и имъ подобными надписями найдены нѣкоторыя другія, не совсѣмъ схожія съ ними по языку и по азбукѣ, и безспорно этрусскія.

что тамъ или вовсе не было латинскаго населенія или оно было негусто; напротивъ того, густо-заселенныя равнины были въ состояннн оказывать болѣе упорное сопротивленіе, хотя и тамъ мѣстное населеніе не всегда было въ состояннн воспрепятствовать вторженію отдѣльныхъ отрядовъ, примѣромъ чего служатъ Тиція и впоследствии Клавдіи въ Римѣ (стр. 43). И такъ племена безпрестанно перемѣшивались тамъ одни съ другими; этимъ и объясняется, почему Вольски находились въ частыхъ сношеніяхъ съ Латинами и почему, какъ этотъ край, такъ и Сабина могли быть такъ рано и такъ быстро латинизованы.

Самниты.

Главная вѣтвь умбрскаго племени устремилась изъ Сабинны къ востоку въ горы Аbruццевъ и въ примыкающую къ этимъ герамъ съ южной стороны гористую мѣстность; какъ на западномъ берегу, такъ и здѣсь Умбры заняли гористую часть страны, гдѣ нами рѣдкое населеніе, которое или удалялось при ихъ приближеннн или покорялось имъ; напротивъ того, издавна жившіе на ионскомъ апулійскомъ побережьи Япиги удержались на прежнихъ мѣстахъ, хотя и вели постоянную борьбу на своей сѣверной границѣ изъ-за Мунернн и Арни. Когда происходили эти переселенія, конечно, нельзя опредѣлить съ точностью; по всему вѣроятію, ихъ можно отнести къ той эпохѣ, когда Римъ находился подъ управленіемъ царей. Легенда рассказываетъ, что тѣсннмые Умбрами Сабинны «посулили богамъ весну», то-есть поклялись, что пожертвуютъ родившимися въ годъ войны сыновьями и дочерьми и, выростивши ихъ, выкинуть за предѣлы страны для того, чтобъ боги по своему усмотрѣнію или погубили ихъ или доставили имъ новыя мѣста для поселенія. Одну толпу повелъ божество Марса: это были Сафинны или Самниты, которые сначала поселились на горахъ у рѣки Сагра, а впоследствии вышли оттуда для того, чтобъ занять прекрасную равнину къ востоку отъ горъ *Monte Matese* близъ устья Тифернн, и какъ старое мѣсто своихъ общественныхъ сходокъ подлѣ Аньоны, такъ и новое подлѣ Бойяно назвали Бовіанумомъ въ честь руководившаго ими быка. Вторую толпу велъ Марсовъ дятель: то были Диленты (дятельшнны), занявшіе теперешній округъ Анконы; третьихъ повелъ волкъ (*lupus*) и привелъ въ страну Беневента: то были Гирпины. Такимъ-же образомъ отдѣлились отъ главнаго племени и другія мелкія племена: Претуціи, поселившіеся подлѣ Терамо, Вестины—у Гранъ - Сассо, Марруцины—близъ Кіети, Френтраны—у апулійской границы, Пелигны—близъ горъ *Monte Majella*, наконецъ Марсы—близъ озера Фучино; эти послѣдніе находились въ сосѣдствѣ съ Вольсками и съ Латинами. Всѣ эти народы сохранили сознаніе своего племеннаго родства и общаго происхожденія изъ сабинской земли, что ясно видно и изъ упомянутыхъ выше легендъ. Между тѣмъ какъ Умбры изнемогали въ неравной борьбѣ, а принадлежавшіе къ тому-же племени

западные поселения сливались съ латинскими населеніемъ или съ эллинистическими, — сабельскія племена процвѣтали въ замкнутой сферѣ далекихъ горныхъ странъ, гдѣ имъ не приходилось сталкиваться ни съ Этрусками, ни съ Латинами, ни съ Греками. Городская жизнь у нихъ или вовсе не развилась или развилась въ незначительной степени; географическое положеніе ихъ страны почти совершенно лишало ихъ возможности заниматься торговлей, а для защиты отъ неприятеля имъ было достаточно ихъ горныхъ вершинъ и укрѣпленныхъ урѣзницъ, между тѣмъ какъ земледѣльцы жили или въ ничѣмъ незащищенныхъ деревняхъ или тамъ, гдѣ ихъ привлекалъ какой-нибудь источникъ, лѣсъ или поляна. Въслѣдствіе того и ихъ политическое устройство оставалось безъ измѣненій; какъ и у Арпадцовъ, находившихся въ Элладѣ точно въ такомъ-же положеніи, здѣсь дѣло не дошло до слиянія общинъ, а только образовались болѣе или менѣе слабо сплоченные союзы. Въ особенности въ Аbruццахъ, въслѣдствіе удавленнаго положенія горныхъ долинъ, отдѣльные общины жили строго замкнутою жизнью, не вступая ни въ какія сношенія ни между собою ни съ иностранцами; этимъ объясняется, почему они жили безъ прочной внутренней связи между собою, въ полномъ изолированіи отъ остальной Италіи, и, несмотря на храбрость своего населенія, участвовали въ историческихъ событіяхъ полуострова менѣе, чѣмъ какая-либо другая составная часть италійской націи. Напротивъ того, Самниты играли такую-же выдающуюся роль въ политическомъ развитіи восточнаго италійскаго племени, какая принадлежала Латинамъ въ западномъ племени. Съ равнинъ поръ, — быть можетъ даже со временъ нѣрваре переселенія, — самнитская нація является связанной сравнительно — прочными политическими узами, что и дало ей въ послѣдствіи возможность состязаться въ равной борьбѣ съ Римомъ изъ-за преобладанія въ Италіи. О томъ, когда и какъ возникла эта внутренняя связь, мы знаемъ такъ-же мало, какъ и объ ея организаціи; но для насъ ясно, что въ Самніи не преобладала никакая отдѣльная община, и еще болѣе ясно, что тамъ не было такого города, который могъ-бы сдѣлаться такимъ-же средоточіемъ для самнитскаго племени, какимъ сдѣлался Римъ для латинскаго; вся сила страны заключалась въ отдѣльныхъ сельскихъ общинахъ, а власть находилась въ рукахъ собранія, составленнаго изъ представителей этихъ общинъ; это же собраніе назначало, въ случаѣ надобности, и союзнаго главнокомандующаго. Этимъ объясняется, почему самнитская конфедерация, въ противоположность съ римской, не стремилась къ завоеваніямъ, а ограничивалась защитой своихъ владѣній: только въ объединившемся государствѣ силы такъ сосредоточены и увлеченія такъ страстны, что можетъ быть предпринято систематическое расширеніе территоріи. Оттого и судьба этихъ двухъ народовъ была какъ-бы заранѣе предначертана діаметрально проти-

524

воположными системами ихъ колонизаціи. То, что приобрѣтали Римляне, приобрѣталось государствомъ, а то, чѣмъ владѣли Самниты, было завоевано отрядами добровольцевъ, которые поровнь предпринимали захватъ чужихъ земель и которые какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи оставлялись на произволъ судьбы. Впрочемъ завоеванія Самнитовъ на берегахъ морей Тирренскаго и Ионическаго принадлежатъ къ болѣе поздней эпохѣ, а въ то время, какъ Римъ находился подъ управленіемъ царей, они, какъ кажется, только что успѣли завладѣть тѣми землями, на которыхъ мы ихъ находимъ впоследствии. Укажемъ только на одно событіе изъ ряда тѣхъ народныхъ передвиженій, которыя были вызваны этой самнитской колонизаціей,—на то, что Тиррены съ верхняго моря, Умбры и Даунии напали на Кумы въ 230 году отъ основанія Рима; если можно полагаться на дошедшіе до насъ очень прикрашенные рассказы, притѣснители и притѣсняемые,—какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ набѣгахъ,—соединились въ одну армію: Этруски соединились съ своими врагами—Умбрами, а съ этими послѣдними—оттѣсненные умбрскими поселенцами на югъ Япиги. Однако предпріятіе не удалось; благодаря превосходству эллинскаго военнаго искусства и храбрости тирана Аристодема, нападеніе варваровъ на лѣвѣтущій приморскій городъ было отражено.

Г Л А В А IX.

Этрусски.

Этрусски или, — какъ они сами себя называли, — Разенны *) пред- Этрсская ставятъ чрезвычайно рѣзкую противоположность какъ съ латин-народность. сскими и сабельскими Италийцами, такъ и съ Греками. Уже по одному тѣлосложенію эти народы не походили другъ на друга; вмѣсто стройной пропорціональности всѣхъ частей тѣла, которою отличались Греки и Италийцы, мы видимъ на этрусскихъ изваяніяхъ лишь маленькихъ приземистыхъ людей съ широкими головами и толстыми руками. Съ другой стороны, все, что намъ извѣстно о нравахъ и обычаяхъ этого народа, также свидѣтельствуетъ о его коренномъ отличіи отъ греко-италийскихъ племенъ, — и въ особенности его религія: у Тусковъ она имѣетъ мрачный, фантастическій характеръ, увлекается мистическими сопоставленіями чиселъ и состоитъ изъ безсодержательныхъ и дикихъ воззрѣній и обычаевъ, которые имѣютъ такъ же мало общаго съ яснымъ рационализмомъ Римлянъ, какъ и съ гуманно-свѣтлымъ преклоненіемъ Эллиновъ передъ изображеніями боговъ. Выводъ, который можно отсюда сдѣлать, подтверждается и самымъ вѣскимъ доказательствомъ національности — языкомъ; какъ ни многочисленны дошедшіе до насъ остатки этого языка и какъ ни разнообразны находящіяся у насъ подъ рукою средства для ихъ объясненія, все-таки языкъ Этрусковъ является до такой степени изолированнымъ, что до сихъ поръ еще не удалось не только объяснить смыслъ его остатковъ, но и съ достовѣрностью опредѣлить его мѣсто въ классификаціи извѣстныхъ намъ языковъ. Въ исторіи этого языка мы ясно различаемъ два періода. Въ самомъ древнемъ періодѣ гласныя буквы вполне выдѣляются и почти никогда не встрѣчается къ ряду двухъ согласныхъ **). Но вслѣдствіе усѣченія глас-

*) R a z e n n a e съ упомянутымъ далѣе на стр. 118 родовымъ окончаніемъ.

***) Сюда относятся надписи на перитскихъ глиняныхъ сосудахъ, какъ напр.: *minise dushamisham thumagam lisiæ ðipure naie ðeer aisiæ eera-
namine ðunastavhelefu* или: *mi ramud as kaiufinaia*

ныхъ и согласныхъ послѣднихъ буквъ и вслѣдствіе ослабленія или пропуска гласныхъ, этотъ мягкій и звучный языкъ мало-по-малу превратился въ невыносимо жесткій и грубый *); такъ напримѣръ *g a m θ a* образовалось изъ *g a m i θ a s*, *T a r c h n a s* изъ *T a r q u i n i u s*, *M e n r v a* изъ *M i n e r v a*, *M e n l e*, *P u l t u k e*, *E l c h s e n t r e* изъ *M e n e l a o s*, *P o l y d e u k e s*, *A l e x a n d r o s*. Какъ неблагозвучно и грубо было произношеніе, всего яснѣе видно изъ того, что Этруски еще въ очень раннюю пору перестали различать *o* отъ *u*, *b* отъ *p*, *c* отъ *g*, *d* отъ *t*. При этомъ и удареніе, такъ-же, какъ въ латинскомъ языкѣ, и въ самыхъ грубыхъ греческихъ діалектахъ, постоянно переносится на начальный слогъ. Точно такъ-же было поступлено и съ придыхательными согласными; между тѣмъ какъ Италійцы отбрасывали ихъ, за исключеніемъ придыхательной *v* или *f*, а Греки наоборотъ удержали, за исключеніемъ этой буквы, остальные *θ*, *φ*, *χ*, Этруски совершенно отбрасываютъ самую мягкую и самую пріятную для слуха *φ* (за исключеніемъ ея употребленія въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ) и напротивъ того употребляютъ три остальные въ самомъ широкомъ размѣрѣ даже тамъ, гдѣ онѣ прежде вовсе не употреблялись; такъ напримѣръ вмѣсто *T h e t i s* у нихъ выходитъ *T h e t h i s*, вмѣсто *T e l e r h u s*—*T h e l a r h e*, вмѣсто *O d y s s e u s*—*U t t u z e* или *U t h u z e*. Немногія окончанія и слова, смыслъ которыхъ уже выясненъ, въ большинствѣ не имѣютъ никакого сходства съ греко-италійскими; сюда принадлежатъ все безъ исключенія числительныя имена; затѣмъ, окончаніе *a I*, которымъ обозначается родовое происхожденіе, нерѣдко употребляется въ знакъ того, что названіе дано по имени матери, какъ напримѣръ въ надписи, найденной въ Кьюзи и сдѣланной на двухъ языкахъ, слово *S a n i a I* переведено словами *S a i n n i a n a t u s*; окончаніе *sa* прибавляется къ женскимъ именамъ для обозначенія того рода, въ который женщина вступила, вышедши за-мужъ; такъ напримѣръ супруга какого-то Лицинія называлась *L e s n e s a*; *s e l a* или *s l a n* съ падежемъ *s l e n s i* значить сынъ, *s e u*—дочь; *g i l*—годъ, богъ Гермесъ называется *T u r m s*, Афродита—*T u r a n*, Гефестъ—*S e t h l a n s*, Бахусъ—*F u f l u n s*. Впрочемъ, рядомъ съ этими своеобразными формами и звуками встрѣчаются и нѣкоторыя аналогіи между этрусскимъ языкомъ и италійскими нарѣчьями. Собственныя имена сложились въ сущности по общему италійскому образу; очень употребительное для обозначенія родового происхож-

*) О томъ, какъ звучалъ бы теперь такой языкъ въ нашихъ ушахъ, можно составить себѣ понятіе по слѣдующему началу большой перузской надписи: *e u l a t a n n a l a r e z u l a m e v a γ r l a u t n v e l d i n a s e s t l a a f u n a s s l e l e θ c a r u*.

денія окончаніе е п а з или е п а *) то же, что окончаніе е п и з, которое такъ часто встрѣчается въ италійскихъ и въ особенности въ сабельскихъ родовыхъ именахъ, какъ напримѣръ этрусскія собственные имена М а е с е п а з и S p r i g i n п а въ точности соотвѣтствуютъ римскимъ М а е с і и з и S p r i g i u s. Многія имена боговъ встрѣчающіяся на этрусскихъ памятникахъ или считающіяся писателями за этрусскія, такъ похожи на латинскія и по своему корню и частію по своимъ окончаніямъ, что—если они дѣйствительно были этрусскаго происхожденія—могутъ считаться за доказательство родства двухъ языковъ, такъ напр. U s i l (солнце и утрення заря, въ родствѣ съ словами а u s i t, а u g u t, а u g o g a, s o l), M i n e r v a (м е н е р в а g e), L a s a (l a s c i v u s), N e r t u n u s, V o l t u m n a. Однако это сходство могло быть послѣдствіемъ вознившихъ въ болѣе позднюю пору политическихъ и религіозныхъ отношеній между Этрусками и Латинами и могло быть результатомъ происшедшихъ послѣ того подражаній и заимствованій; поэтому оно не можетъ служить опроверженіемъ для того, извлеченнаго нами изъ другихъ данныхъ вывода, что языкъ Тусковъ имѣлъ по меньшей мѣрѣ такъ же мало сходства со всѣми греко-италійскими нарѣчіями, какъ языки кельтскій и славянскій. По крайней мѣрѣ такимъ онъ звучалъ въ ушахъ Римлянъ; они находили, что Туски и Галлы говорятъ на варварскихъ языкахъ, а Оски и Волъски на мужицкихъ нарѣчіяхъ. Но хотя этрусскій языкъ и не имѣлъ ничего общаго съ корнемъ греко-италійскихъ нарѣчій, все-таки до сихъ поръ еще не удалось причислить его къ которому-нибудь изъ извѣстныхъ намъ коренныхъ языковъ. Въ самыхъ разнообразныхъ нарѣчіяхъ ученые старались отыскать коренное родство съ этрусскимъ, но и поверхностныя разслѣдованія и самые усиленные розыски не привели ни къ какому результату; не было найдено сходства даже съ языкомъ Басковъ, къ которому обращались прежде всѣхъ другихъ на основаніи географическихъ мотивовъ. И въ дошедшихъ до насъ незначительныхъ остаткахъ языка Лигуровъ, которые сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ названіяхъ и собственныхъ именахъ, не найдено никакой связи съ языкомъ Тусковъ. Даже безъ вѣсти исчезнувшій народъ, который тысячами строилъ на островахъ Тусканскаго моря и въ особенности на островѣ Сардиніи тѣ загадочныя могильныя башни, которыя названы «нурхагами», не могъ имѣть никакой связи съ Этрусками, такъ какъ на этрусской территоріи не найдено ни одного подобнаго сооруженія. Только по нѣкоторымъ отрывочнымъ

*) Такъ напримѣръ въ словахъ М а е с е п а з, P o r s e n a, V i v e n n a, С а е с і n a, S p r i g i n n a. Гласная въ предпоследнемъ слогѣ была первоначально длинной, но вслѣдствіе переноса ударенія на начальный слогъ, она часто укорачивается или даже совершенно опускается. Такъ напримѣръ рядомъ съ P o r s e n a мы находимъ также P o r s e n a, рядомъ съ С а е с і n a—С а е і s e.

и, какъ кажется, довольно надежнымъ указаніемъ можно предполагать, что Этрусковъ слѣдуетъ отнести къ числу Индо-Германцевъ. Такъ напримѣръ *shí* въ началѣ многихъ древнѣйшихъ надписей, безъ сомнѣнія, то-же, что *śmí, s̄mí*, а форма родительнаго падежа коренныхъ словъ *veperus, gafuvuś* встрѣчается также въ древне-латинскомъ языкѣ и соответствуетъ древнему санскритскому окончанію *as*. Подобнымъ же образомъ имя этрусскаго Зевса *Típa* или *Típia*, конечно, находится въ такой же связи съ санскритскимъ *dípa* = день, въ какой *Zàv* находится оъ однозначущимъ *díwapa*. Но даже при всемъ этомъ этрусскій народъ представляется намъ едва ли менѣе изолированнымъ. Уже Діонисій говорилъ, что «Этруски не похожи своимъ языкомъ и нравами ни на какой народъ»; а къ этому и мы ничего не имѣемъ присовокупить.

Родина Этрусковъ. Такъ-же трудно сказать что-либо определенное о томъ, откуда переселились Этруски въ Италію; но мы оттого не въ большой потерѣ, такъ какъ это переселеніе, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ къ періоду народнаго дѣтства, а его историческое развитіе и началось и закончилось въ Италіи. Однако едва-ли найдется другой вопросъ, на разрѣшеніе котораго было бы потрачено болѣе усилій вслѣдствіе привычки археологовъ доискиваться преимущественно того, чего и невозможно и даже вовсе не нужно знать, — «того, кто была мать Гекубы», по выраженію императора Тиверія. Судя потому, что древнѣйшіе и значительнѣйшіе этрусскіе города находились глубоко внутри материка, а на самомъ берегу моря не было ни одного сколько-нибудь выдающагося этрусскаго города, кромѣ Популоніи, который, какъ намъ положительно извѣстно, не входилъ въ древній союзъ Двѣнадцати, — далѣе, судя потому, что въ историческую эпоху Этруски подвигались съ сѣвера къ югу, слѣдуетъ полагать, что они попали на полуостровъ сухимъ путемъ; къ тому же мы застаемъ ихъ на такой низкой степени культуры, при которой переселеніе морскимъ путемъ немыслимо. Черезъ проливы народы перебирались и въ древнѣйшія времена, какъ черезъ рѣки; но высадка на западномъ берегу Италіи возможна при совершенно другихъ условіяхъ. Поэтому древнѣйшее мѣсто жительства Этрусковъ слѣдуетъ искать къ западу или къ сѣверу отъ Италіи. Нельзя назвать совершенно неправдоподобнымъ предположеніе, что Этруски перебрались въ Италію черезъ Ретійскія Альпы, такъ какъ древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ обитателей Граубиндена и Тироля — Реты говорили до самаго начала исторической эпохи по-этруски, и даже въ ихъ названіи есть какое-то созвучіе съ названіемъ Разенновъ; это, конечно, могли быть остатки этрусскихъ поселеній на берегахъ По, но по меньшей мѣрѣ столько же правдоподобно и то, что это была та часть народа, которая осталась на старыхъ мѣстахъ жительства. — Но этой простой и естественной догадкѣ рѣзко противорѣчитъ рассказъ о томъ, что Этруски были переселившіеся изъ Авіи

Лидійцы. Этотъ разсказъ принадлежитъ къ числу очень древнихъ. Онъ встрѣчается еще у Геродота и потомъ повторяется у позднѣйшихъ историковъ съ безчисленными измѣненіями и дополненіями, хотя нѣкоторые осмотрительные изслѣдователи, какъ напримѣръ Дюнсіей, рѣшительно возстаютъ противъ такого мнѣнія и при этомъ указываютъ на тотъ фактъ, что между Лидійцами и Этрусками не было ни малѣйшаго сходства ни въ религіи, ни въ законахъ, ни въ правахъ, ни въ языкѣ. Конечно, могло случиться, что какая-нибудь кучка макозіатскихъ пиратовъ пробралась въ Этрурію и что ея походы вызвали появленіе такихъ сказокъ, но еще болѣе правдоподобно, что весь этотъ разсказъ основанъ на недоразумѣніи. Италійскіе Этруски или *Turs-en-pae* (такъ какъ эта форма названія, по видимому, была первоначальной и лежала въ основѣ греческаго названія *Τουρσ-ηνοί*, *Τουρρηνοί*, умбрскаго *Turs-ci* и обохъ римскихъ *Tusci*, *Etrusci*) въ нѣкоторой мѣрѣ сходятся по названію съ лидійскимъ народомъ *Τουρρηβόλ* или, какъ онъ также назывался, *Τουρρη-ηνοί* по имени города *Τούρρη*, а это, очевидно, случайное сходство названій, какъ кажется, и послужило единственнымъ фундаментомъ какъ для упомянутой гипотезы, ничего не выигравшей отъ своей древности, такъ и для построенной на ней изъ разнаго историческаго хлама вавилонской башни. Тогда стали отыскивать связь между ремесломъ лидійскихъ пиратовъ и древнимъ мореплаваніемъ Этрусковъ и дошли до того (прежде всѣхъ, сколько намъ извѣстно, сдѣлалъ это Фукидидъ), что основательно или неосновательно смѣшали торребскихъ морскихъ разбойниковъ съ грабившими и блуждавшими на всѣхъ моряхъ хищниками-Пеласгами; все это произвело самую безобразную путаницу въ сферѣ историческихъ преданій. Подъ названіемъ Тиррены стали разумѣть то лидійскихъ Торребовъ (какъ это видно изъ древнѣйшихъ источниковъ и изъ пѣсень Гомера), то Пеласговъ (которыхъ называли Тирренами-Пеласгами или просто Тирренами), то италійскихъ Этрусковъ, не смотря на то, что эти послѣдніе никогда не вступали въ близкія сношенія ни съ Пеласгами ни съ Торребами и даже не состояли въ племенномъ родствѣ ни съ тѣми ни съ другими.

Съ другой стороны, въ интересахъ исторіи необходимо съ достовѣрностью доискаться, гдѣ находились древнѣйшія мѣста жительства Этрусковъ и какъ этотъ народъ двигался оттуда далѣе. О томъ, что до великаго нашествія Кельтовъ Этруски жили къ сѣверу отъ рѣки *Radus* (По), соприкасаясь съ восточной стороны на берегахъ Адриатическаго моря съ Венетами, принадлежавшими къ илирійскому (албанскому?) племени, а съ западной съ Лигурами, есть не мало указаній; объ этомъ главнымъ образомъ свидѣтельствуетъ уже ранѣе упомянутый грубый этрусскій діалектъ, на которомъ еще во времена

Мѣста этрусской осѣдлости въ Итали.

Ливія говорило населеніе Ретійскихъ Альповъ, равно какъ оставшаяся до поздней поры тусканскій городомъ Мапуя. Въ югу отъ По и близъ устья этой рѣки Этруски и Умбры сближались между собою—первые въ качествѣ господствующаго племени, вторые въ качествѣ древнѣйшихъ обитателей страны, основавшихъ старинныя торговые города Атрію и Спину; однако Фельсина (Болонья) и Равенна, какъ кажется, были основаны Тусками. Прошло много времени прежде чѣмъ Кельты перешли черезъ По; оттого-то этрусско-умбрскій бытъ и пустилъ гораздо болѣе глубокіе корни на правомъ берегу этой рѣки, чѣмъ на ранѣе утраченномъ лѣвомъ. Впрочемъ въ мѣстности къ сѣверу отъ Апеннинъ такъ быстро переходили отъ одного народа къ другому, что ни одинъ изъ этихъ народовъ не могъ достигнуть тамъ прочнаго развитія.—Для исторіи гораздо болѣе важно обширное поселеніе Тусковъ въ той странѣ, которая и въ настоящее время еще носитъ ихъ имя. Если тамъ когда-нибудь и жили Лигуры или Умбры (стр. 112), то слѣды ихъ пребыванія были почти совершенно изглажены цивилизаціей Этрусковъ. Въ этой странѣ, простирающейся вдоль береговъ Пизанскаго моря до Тарвиній и замкнутой съ восточной стороны Апеннинами, этрусскія нація нашла для себя прочную осѣдность и съ большою стойкостью продержалась тамъ до времени имперіи. Сѣвѣрною границей собственно тусканской страны была рѣка Арно; земли, которыя тянутся отсюда въ сѣверу вплоть до устья Макры и до подножія Апеннинъ, были спорной территоріей, находившейся то въ рукахъ Лигуровъ, то въ рукахъ Этрусковъ и потому тамъ не могло образоваться значительныхъ поселеній. Съ южной стороны, вѣроятно, были границей сначала Циминійскій гѣсъ (гѣсъ холмовъ къ югу отъ Витербо), а потомъ Тибръ; уже было замѣчено ранѣе (стр. 113), что страна между Циминійскими горами и Тибромъ съ городами Сутриемъ, Непете, Фалеріями, Вейями и Цере, была занята Этрусками гораздо позже, чѣмъ сѣверные округа,—быть можетъ не ранѣе втораго столѣтія отъ основанія Рима, и что коренное италійское населеніе удержалось тамъ на своихъ прежнихъ мѣстахъ, а именно въ Фалеріяхъ, хотя и въ зависящемъ положеніи.—Съ тѣхъ поръ, какъ Тибръ сдѣлался границей Этруріи со стороны Умбри и Лациума, тамъ могло установиться довольно мирное положеніе дѣлъ и, вѣроятно, не происходило никакихъ существенныхъ измѣненій границъ, по меньшей мѣрѣ, со стороны Лациума. Какъ ни сильно было въ Римлянахъ сознаніе, что Этруски были для нихъ чужеземцы, а Латинцы—земляки, они, какъ кажется, опасались нападеній не столько съ праваго берега рѣки, сколько со стороны своихъ соплеменниковъ изъ Габій и изъ Альбы; это объясняется тѣмъ, что со стороны Этрусковъ они были обезпечены не только естественною границей—широкой рѣкой, но и тѣмъ благоприятнымъ для ихъ торговаго и политическаго развитія обстоятельствомъ, что

ни одинъ изъ самыхъ сильныхъ этрусскихъ городовъ не стоялъ такъ-же близко отъ рѣки, какъ близко стоялъ отъ нея на латинскомъ берегу Римъ. Ближе всѣхъ отъ Тибра жила Вейенты, и съ ними всего чаще вступали въ серьезные столкновенія Римъ и Лациумъ изъ-за обладанія Фиденами, которыя служили для Вейентовъ на лѣвомъ берегу Тибра такимъ-же передовымъ укрѣпленіемъ, какъ были для Римлянъ на правомъ берегу Яникулъ, и которыя переходили попеременно то въ руки Латинцовъ, то въ руки Этрурковъ. Напротивъ того, съ болѣе отдаленнымъ городомъ Цере отношенія были гораздо болѣе мирны и дружественны, чѣмъ вообще между собѣдьями въ тѣ времена. Хотя до насъ и дошли смутныя и очень древнія преданія о борьбѣ между Лациумомъ и Цере и между прочимъ о томъ, какъ перитскій царь Мезенцій одержалъ надъ Римлянами великія побѣды и обложилъ ихъ данью съ вина, но гораздо опроверженнѣе, чѣмъ о той временной враждѣ, преданія свидѣлствуютъ намъ о тѣсной связи между этими двумя самыми древними центрами торговли и мореплаванія въ Лациумѣ и въ Этруріи. Вообще нѣтъ никакихъ несомнѣнныхъ доказательствъ того, что Этруски проникали сухимъ путемъ въ страны, лежащія на другой сторонѣ Тибра. Хотя въ рассказѣ о многочисленной варварской арміи, уничтоженной въ 230 году отъ осн. Р. Арнетодемомъ подъ стѣнами Кумъ (стр. 116), Этруски и наиваны прежде всѣхъ другихъ, но даже если допустить, что этотъ рассказъ достоверенъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ, то изъ него можно будетъ сдѣлать только тотъ выводъ, что Этруски принимали участіе въ большомъ хищническомъ нашествіи. Гораздо важнѣе тотъ фактъ, что на югѣ отъ Тибра нельзя съ достовѣрностью указать ни одного этрускаго поселенія, основаннаго съ сухаго пути, и что, стало-быть, нѣтъ никакихъ указаній на то, что Этруски тѣснили латинскую націю. Обладаніе Яникулумъ и обоими берегами устьевъ Тибра оставалось, сколько намъ извѣстно, въ рукахъ Римлянъ и его никто у нихъ не отпаривалъ. Что-же касается до переселенія отдѣльныхъ этрусскихъ общинъ въ Римъ, то мы имѣемъ о немъ только одинъ отрывочный, извлеченный изъ тускскихъ летописей рассказъ, изъ котораго видно, что одно сборище Тусковъ, предводимое сначала уроженцемъ Вальсиніи Целіумъ Вивенной, а послѣ его гибели, его товарищемъ Мастарной, было приведено этимъ послѣднимъ въ Римъ. Въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго, но предположеніе, что по имени этого Целія былъ названъ Целійскій холмъ, очевидно, принадлежитъ къ разряду филологическихъ вымысловъ, а та прибавка къ рассказу, что этотъ Мастарна сдѣлался римскимъ царемъ надъ италийцами Сервія Туллія, безъ сомнѣнія, ничто иное, какъ неправдоподобная догадка тѣхъ археологовъ, которые занимаются выводами изъ союставленія легендъ. Сверхъ того на существованіе этрусскихъ

поселеній въ Римѣ указываетъ «тускскій кварталъ», находившійся у подножія Палатина (стр. 49).—Также едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что послѣдній изъ владычествовавшихъ въ Римѣ царскихъ родовъ—родъ Тарквиніевъ былъ этрусскаго происхожденія или изъ города Тарквиніи, какъ гласитъ легенда, или изъ Цере, гдѣ былъ недавно найденъ фамильный склепъ Тархнасовъ; даже вплетенное въ легенду женское имя Танаквилъ или Танквилъ—не латинское, а наоборотъ очень употребительное въ Этруріи. Но что касается разсказа, будто Тарквиній былъ сынъ одного Грека, переселившагося изъ Коринѳа въ Тарквиніи и оттуда, въ качествѣ метика, въ Римъ, то его нельзя назвать ни историческимъ ни легендарнымъ, и въ немъ историческая связь событій не только перепутана, но и совершенно оборвана. Изъ этой легенды едва-ли можно что-нибудь извлечь, кромѣ того голаго и въ сущности вовсе неинтереснаго факта, что римскій скипетръ былъ подъ конецъ въ рукахъ царскаго рода тусскаго происхожденія; къ этому выводу можно присовокупить только то, что это господство одного человѣка тусскаго происхожденія надъ Римомъ не должно быть принимаемо ни въ смыслѣ владычества Тусковъ или какой-либо одной тусской общины надъ Римомъ, ни въ смыслѣ владычества Рима надъ южной Этруріей. Дѣйствительно, ни одна изъ этихъ двухъ гипотезъ не имѣетъ достаточныхъ основаній; исторія Тарквиніевъ разыгрывается въ Лациумѣ, а не въ Этруріи, которая, сколько намъ извѣстно, не имѣла въ теченіе всего царскаго періода никакого существеннаго вліянія на языкъ и нравы Римлянъ и вообще ничѣмъ не препятствовала правильному развитію римскаго государства или латинскаго союза.—Причину такихъ пассивныхъ отношеній Этруріи къ сосѣдней латинской странѣ, по всему вѣроятію, слѣдуетъ искать частію въ борьбѣ Этрусковъ съ Кельтами на берегахъ По, черезъ которую эти послѣдніе перешли, какъ кажется, лишь послѣ изгнанія изъ Рима царей, частію въ стремленіи этрусской націи къ мореплаванію и къ владычеству на моряхъ и на приморскомъ побережьѣ, какъ это видно, напримѣръ, на ихъ поселеніяхъ въ Кампаніи; но объ этомъ будетъ итти рѣчь въ слѣдующей главѣ.

Государственное устройство у Этрусковъ. Этрусское государственное устройство, точно такъ-же какъ греческое и латинское, было основано на развитіи общины въ городъ. Но ранняя наклонность Этрусковъ къ мореплаванію, торговлѣ и промышленности, создала у нихъ городской бытъ, какъ кажется, ранѣе, чѣмъ въ остальной Итали; въ греческихъ историческихъ новѣствованіяхъ городъ Цере упоминается ранѣе всѣхъ другихъ итальянскихъ городовъ. Напротивъ того, Этруски были и менѣе способны и менѣе склонны къ военному дѣлу, чѣмъ Римляне и Сабеллы; у нихъ очень рано встрѣчается вовсе не итальянскій обычай употреблять въ дѣло наемныя войска. Древнѣйшая организація этрусскихъ об-

щинъ, должно быть, имѣла въ своихъ общихъ чертахъ сходство съ римской; тамъ властвовали цари или лукумоны, у которыхъ были такіе-же, какъ у римскихъ царей, наружные знаки ихъ званія, а потому, вѣроятно, и такой-же размѣръ самой власти; между знатью и простонародьемъ существовала сильная вражда; за сходство родового строя ручается аналогія въ происхожденіи собственныхъ именъ только съ тѣмъ различіемъ, что происхожденіе съ материнской стороны имѣть гораздо болѣе значенія у Этрусковъ, чѣмъ въ римскомъ правѣ. Союзная организація, какъ кажется, была очень неплотной. Она обнимала не всю націю: Этруски, жившіе въ сѣверной части страны и въ Кампаніи, составляли отдѣльныя федераціи, такъ-же какъ и общины собственной Этруріи; каждая изъ этихъ федерацій составлялась изъ двѣнадцати общинъ, которыя имѣли одну метрополию преимущественно для богослуженія и главу союза или, вѣрнѣе, первосвященника, но въ сущности были, кажется, равноправны и частію такъ могущественны, что тамъ не могла возникнуть ничья гегемонія и не могла развиться сильная центральная власть. Метрополіей въ собственной Этруріи были Вольсиніи; изъ ея остальныхъ двѣнадцати городовъ намъ извѣстны по достовернымъ преданіямъ только Перувія, Ветулонія, Вольци и Тарквинія. Но у Этрусковъ такъ-же рѣдко что-либо предпринималось сообща, какъ рѣдко что-либо предпринималось членами латинскаго союза порознь: война обыкновенно велась которою-нибудь отдѣльною общиною, старавшейся привлечь къ участію своихъ сосѣдей, а если въ исключительныхъ случаяхъ самъ союзъ предпринималъ войну, то отдѣльные города очень часто не принимали въ ней никакого участія, — короче сказать, отсутствіе сильной руководящей власти замѣтно въ этрусскихъ конфедераціяхъ еще болѣе, чѣмъ въ другихъ схожихъ съ ними италійскихъ племенныхъ союзахъ.

Г Л А В А X.

Эллины въ Италіи. — Морское могущество Тусковъ и Карфагенянъ.

Италія и
Заграничныя
страны.

Исторія древнихъ народовъ освѣщается дневнымъ свѣтомъ не сразу; въ ней, какъ и повсюду, разсвѣтъ начинается съ востока. Въ то время, какъ италійскій полуостровъ еще былъ погруженъ въ глубокія сумерки, на берегахъ восточнаго бассейна Средиземнаго моря уже со всѣхъ сторонъ свѣтла богато-развитая культура, а жребій большинства народовъ — находить при первыхъ шагахъ своего развитія руководителя и наставника въ которомъ-нибудь изъ равныхъ съ ними по происхожденію братьевъ — выпалъ въ широкимъ размѣрѣ и на долю италійскихъ племенъ. Но, вслѣдствіе географическихъ условій полуострова, такое внѣшнее вліяніе не могло проникнуть въ него сухимъ путемъ. Мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы въ самыя древнія времена кто-либо пользовался тѣмъ неудобно-проходимымъ материковымъ путемъ, который ведетъ изъ Греціи въ Италію. Въ за-альпійскія страны, безъ сомнѣнія, шли изъ Италіи торговые пути еще съ незапамятныхъ временъ: древнѣйшій изъ нихъ — тотъ, по которому привозили янтарь — шолъ отъ береговъ Балтійскаго моря и достигалъ береговъ Средиземнаго моря близъ устья По, отчего дельта этой рѣки и называлась въ греческихъ легендахъ родиной янтаря; къ этому пути примыкалъ другой — тотъ, который шолъ поперѣгъ полуострова черезъ Апеннины въ Пизу; но этимъ путемъ не могли быть занесены въ Италію зачатки цивилизаціи. Всѣ элементы чужеземной культуры, какіе мы находимъ въ раннюю пору въ Италіи, были занесены въ нее занимавшимися мореплаваніемъ восточными народами. — Древнѣйшій изъ жившихъ на берегахъ Средиземнаго моря культурныхъ народовъ — Египтяне еще не плавали по морю и потому не имѣли никакого вліянія на Италію. Такъ-же мало вліянія имѣли Финиціане. Однако они прежде всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ осмѣлились выйти изъ своей тѣсной родины, лежавшей на крайнемъ восточномъ предѣлѣ Сре-

земнаго моря, и пуститься въ это море на пловучихъ домахъ сначала для рыбной ловли и для добыванія раковинъ, а скорѣ послѣ того и для торговли; они прежде всѣхъ завели морскую торговлю и несомнѣнно скоро объѣхали берега Средиземнаго моря вплоть до его крайняго западнаго предѣла. Финикійскія приморскія стоянки появляются ранѣ эллинскихъ почти на всѣхъ берегахъ этого моря — какъ въ самой Элладѣ, на островахъ Критѣ и Кипрѣ, въ Египтѣ, въ Ливіи и въ Испаніи, такъ и на берегахъ италійскаго западнаго моря. Фукидидъ рассказываетъ, что прежде, чѣмъ Греки появились въ Сициліи или по меньшей мѣрѣ прежде, чѣмъ они поселились тамъ въ значительномъ числѣ, Финикійяне уже успѣли завести тамъ на вѣзвѣняющихся въ море оконечностяхъ континента и на небольшихъ островахъ свои факторіи для торговли съ туземцами, а не съ цѣлію захвата чужой земли. Не такъ было на италійскомъ материкѣ. Изъ основанныхъ тамъ Финикійянами колоній намъ до сихъ поръ известна съ нѣкоторою достовѣрностью только одна — пуническая факторія подлѣ города Цере, воспоминаніе о которой сохранилось частію въ названіи *Punicum*, данномъ одному мѣстечку на церитскомъ берегу, частію во второмъ названіи, данномъ самому городу Цере — Агиала, которое вовсе не происходитъ отъ Палагговъ, какъ это утверждаютъ сочинители небывлицъ, а настоящее финикійское, означающее «круглый городъ», каковыя и представляется Цере съ берега. Что эта стоянка, — точно такъ-же, какъ и другія ей подобныя, если онѣ были дѣйствительно заведены гдѣ-нибудь на берегахъ Италіи, — во всякомъ случаѣ была незначительна и недолговѣчна, доказывается тѣмъ, что она исчезла почти безслѣдно; тѣмъ не менѣе нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать ее болѣе древней, чѣмъ однородныя съ нею эллинскія поселенія на томъ-же берегу. Немаловажнымъ доказательствомъ того, что по меньшей мѣрѣ Лациумъ повнакомился съ Ханаанитами впервые чрезъ посредство Эллиновъ, служить ихъ латинское названіе *Pepe*, заимствованное изъ греческаго языка. Вообще всѣ древнѣйшія соприкосновенія Италійцевъ съ восточной цивилизаціей рѣшительно указываютъ на посредничество Греціи, а чтобъ объяснить возникновеніе финикійской факторіи подлѣ Цере нѣтъ надобности относить его къ до-эллинскому періоду, такъ какъ оно просто объясняется повднѣйшими хорошо-известными сношеніями церитской торговой общины съ Каррагеномъ. Достаточно припомнить, что древнѣйшее мореплаваніе было и оставалось въ сущности плаваніемъ вдоль береговъ, чтобъ понять, что едва-ли какая-либо другая изъ омываемыхъ Средиземнымъ моремъ странъ была такъ далека отъ Финикійянъ, какъ италійскій континентъ. Они могли достигать этого континента или съ западныхъ береговъ Греціи или изъ Сициліи, и весьма вѣроятно, что эллинское мореплаваніе разцвѣло достаточно рано для того, чтобъ опередить

Финикиянь какъ въ плаваніи по Адриатическому морю, такъ и въ плаваніи по Тирренскому морю. Поэтому нѣтъ никакого основанія признавать исконное непосредственное вліяніе Финикиянь на Италийцевъ, а что касается тѣхъ болѣе позднихъ сношеній Финикиянь съ итальяскими обитателями береговъ Тирренскаго моря, которыя возникли вслѣдствіе морскаго владычества Финикиянь въ западной части Средиземнаго моря, то о нихъ будетъ итти рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

Грени въ
Италіи.

И такъ, изъ всѣхъ народовъ, жившихъ на берегахъ восточнаго бассейна Средиземнаго моря, эллинскіе мореплаватели, по всему вѣроятію, прежде всѣхъ стали носѣщать берега Итали. Однако, если мы зададимся важными вопросами, изъ какой мѣстности и въ какое время попали туда греческіе мореплаватели, мы будемъ въ состояніи дать сколько-нибудь достовѣрный и обстоятельный отвѣтъ только на первый изъ нихъ. Эллинское мореплаваніе получило широкое развитіе впервые у эоійскаго и іонійскаго береговъ Малой Азіи, откуда Грекамъ открылся доступъ и внутрь Чернаго моря и къ берегамъ Итали. Въ названіи Іоническаго моря, до сихъ поръ оставшемся за воднымъ пространствомъ между Эпиромъ и Сициліей,

Родина
греческихъ
переселен-
цевъ.

и въ названіи Іоническаго залива, первоначально данномъ Греками Адриатическому морю, сохранилось воспоминаніе объ одновременномъ открытіи іонійскими мореплавателями и южныхъ береговъ Итали и восточныхъ. Древнѣйшее греческое поселеніе въ Итали — Кумы было основано, какъ это видно и изъ его названія и изъ преданій, городомъ того-же имени, находившимся на берегахъ Анатоли. По достовѣрнымъ эллинскимъ преданіямъ, первыми Греками, объѣхавшими берега далекаго западнаго моря, были малоазіатскіе Фокейцы. По открытому Малоазіатцами пути скоро послѣдовали и другіе Греки—Іонійцы съ острова Накса и изъ эвбейской Халкиды, Ахейяне, Локры, Родосцы, Коринѣяне, Мегарійцы, Мессенцы, Спартанцы. Подобно тому, какъ послѣ открытія Америки цивилизованныя европейскія націи спѣшили предупредить одна другую въ заведеніи тамъ колоній, а эти колонисты стали сознать солидарность европейской цивилизаціи глубже среди варваровъ, чѣмъ въ своемъ прежнемъ отечествѣ,—плаваніе Грековъ на западъ и ихъ поселенія въ западныхъ странахъ не были исключительной принадлежностью какой-нибудь отдѣльной земли или какого-нибудь одного племени, а сдѣлались общимъ достояніемъ всей эллинской націи; и подобно тому, какъ сѣверо-американскія колоніи были смѣсью англійскихъ поселеній съ французскими и голландскими съ нѣмецкими,—въ составъ греческой Сициліи и „Великой Греціи“ вошли самые разнообразныя эллинскіе племенные элементы, до такой степени слившіеся въ одно цѣлое, что ихъ уже нельзя было различать однихъ отъ другихъ. Однако, за исключеніемъ нѣсколькихъ стоявшихъ особня-

комъ поселеній, — какъ наприѣръ поселеній Локровъ съ ихъ выселками Гиппоніономъ и Медамой, и поселенія Фокейцевъ въ Вѣлія (Velia, Elea), основаннаго уже въ концѣ той эпохи, — всѣ эти колоніи можно раздѣлить на три главныя группы. Къ первой группѣ принадлежатъ города по своему происхожденію іонійскіе, но въслѣдствіи извѣстныя подъ общимъ названіемъ халкидскихъ, — какъ-то: въ Италіи Кумы вмѣстѣ съ другими греческими поселеніями у подошвы Везувія и Регионъ, а въ Сициліи Занкле (въслѣдствіи Мессана), Наксъ, Катана, Леонтина, Гимера; вторую — ахейскую группу составляютъ Сибарисъ и большинство велико-греческихъ городовъ; въ третьей — дорійской принадлежатъ: Сиракузы, Гела, Акрагасъ и большинство сицилійскихъ колоній, а въ Италіи только Тара (Tarentum) и его выселки Гераклея. Вообще главное участіе въ переселеніи принадлежало самому древнему изъ эллинскихъ племенъ — Іонянамъ и племенамъ, жившимъ въ Полопоинесѣ до переселенія туда Дорянъ; изъ числа этихъ послѣднихъ самое дѣятельное участіе въ переселеніяхъ принимали общины съ смѣшаннымъ населеніемъ, какъ наприѣръ Коринѣи и Мегара, а самое слабое участіе — чисто дорійскія мѣстности; это объясняется тѣмъ, что Іоняне надравле занимались торговлею и мореплаваніемъ, а дорійскія племена довольно поздно спустились съ лежащихъ внутри страны горъ на прибрежныя страны и всегда держались въ сторонѣ отъ морской торговли. Эти различныя группы переселенцевъ очень ясно различаются одна отъ другой своей монетной системой. Фокейскіе переселенцы чеканили свою монету по ходячему въ Азіи вавилонскому образцу. Халкидскіе города держались въ самыя древнія времена эгинскаго образца, т. е. того, который первоначально преобладалъ во всей европейской Греціи, и въ особенности въ томъ его измѣненномъ видѣ, который встрѣчается въ Эвбей. Ахейскія общины чеканили по коринтскому образцу и наконецъ дорійскія по тому, который былъ введенъ Солономъ въ Атикѣ въ 160 году отъ основанія Рима, съ тѣмъ только различіемъ, что Тара и Гераклея слѣдовали болѣе приѣру своихъ ахейскихъ сосѣдей, чѣмъ приѣру сицилійскихъ Дорянъ.

Вопросъ о точномъ опредѣленіи времени, когда происходили пер- **Время гре-**
выя морскія поѣздки и первыя переселенія, конечно, всегда оста- **ческаго**
нется покрытымъ глубокимъ мракомъ. Однако и тутъ мы можемъ переселенія.
въ нѣкоторой мѣрѣ доискаться преемственности событій. Въ древ-
нѣйшемъ историческомъ памятникѣ Грековъ, принадлежащемъ, какъ
и самыя древнія сношенія съ западомъ, малоазіатскимъ Іонянамъ, —
въ Гомеровскихъ пѣсняхъ, географическій кругозоръ не обнимаетъ
почти ничего, кромѣ восточнаго бассейна Средиземнаго моря. Моряки,
которыхъ заносило въ западное море бури, могли по возвращеніи
въ Малую Азію принести извѣстіе о существованіи западнаго мате-
рика и кое-что разсказать о видѣнныхъ ими водоворотахъ и объ

островахъ съ огнедышущими горами; однако даже въ тѣхъ греческихъ странахъ, которыя ранѣе другихъ завели сношенія съ западомъ, еще не было въ эпоху Гомеровскихъ иъсновѣній никакихъ достовѣрныхъ слѣдствій ни о Сицилии, ни объ Италіи, такъ что восточные сказочники и поэты могли безпрепятственно населять невѣдомыя западныя пространства такими же привраками фантазіи, какими западные поэты когда-то населяли баснословный востокъ. Контуры Италіи и Сициліи болѣе явственно обрисованы въ поэтическихъ произведеніяхъ Геаюда; тамъ уже встрѣчаются мѣстныя названія какъ сицилійскихъ, такъ и италійскихъ племенъ, горъ и городовъ, но Италія еще считается за группу острововъ. Напротивъ того, во всей послѣ - Геаюдовской литературѣ проглядываетъ знакомство Эллиновъ не только съ Сициліей, но и со всѣмъ италійскимъ побережьемъ, по меньшей мѣрѣ, въ общихъ чертахъ. Можно опредѣлить съ нѣкоторою достовѣрностью и порицать, въ которомъ постепенно возникли греческія поселенія. Древнѣйшей и самой известной изъ заведенныхъ на западъ колоній были, по мнѣнію Фукидида, Кумы, и онъ, конечно, не ошибаясь. Хотя греческіе мореплаватели могли укрываться во многихъ другихъ менѣе отдаленныхъ пристаняхъ, но ни одна изъ нихъ не была такъ хорошо защищена отъ бурь и отъ варваровъ, какъ находившаяся на островѣ Исхія, гдѣ и былъ первоначально основанъ городъ того имени; а что именно такія соображенія служили руководствомъ при основаніи этого поселенія, свидѣтельствуетъ и самое мѣсто, впоследствии выбранное съ томъ-же цѣлію на твердой землѣ: это — крутой, но хорошо защищенный утѣсъ, который и по сіе время носитъ почтенное названіе анатоміейской метрополи. Оттого-то никакая другая италійская мѣстность не описана въ малоазіатскихъ сказкахъ такъ подробно и такъ живо, какъ та, въ которой находится Кумы: самые ранніе посѣтители запада впервые ступили тамъ на ту сказочную землю, о которой они слышали столько чудесныхъ разсказовъ и, воображая, что они попали въ какой-то волшебный міръ, оставили слѣды своего тамъ пребыванія въ названіи скалъ Сиренъ и въ названіи ведущаго въ преисподнюю Авернскаго озера. Если-же именно въ Кумахъ Греки впервые сдѣлались сосѣдями Италійцевъ, то этимъ очень легко объясняется тотъ фактъ, что они въ теченіе многихъ столѣтій называли всѣхъ Италійцевъ Опиками, т. е. именемъ того италійскаго племени, которое жило въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Кумами. Кроме того намъ известно изъ достовѣрныхъ преданій, что заселеніе нижней Италіи и Сициліи густыми толпами Эллиновъ отдѣлялось отъ основанія Кумъ значительнымъ промежуткомъ времени, что оно было предпринято все тѣми-же Юнгами изъ Халкиды и Накса, что Наксъ, находившійся въ Сициліи, былъ древнѣйшій изъ всѣхъ греческихъ городовъ, основанныхъ въ Италіи и въ Сициліи

путемъ настоящей колонизаціи, и наконецъ, что Ахейне и Доряне
приняли участіе въ колонизаціи лишь въ болѣе позднюю пору. —
Однако, по видимому, нѣтъ никакой возможности хотя приблизительно
опредѣлить годы всѣхъ этихъ событій. Основаніе ахейскаго города
721 Сибариса въ 33 году и основаніе дорійскаго города Тары въ 46 году 708
отъ основанія Рима—самыя древнія въ италійской исторіи событія,
время которыхъ указано по меньшей мѣрѣ съ приблизительною точ-
ностью. Но о томъ, за сколько времени отъ этой эпохи были осно-
ваны болѣе древнія іоническія колоніи, намъ извѣстно такъ-же мало,
какъ и о времени появленія поэтическихъ произведеній Гезіода и
даже Гомера. Если допустить, что Геродотъ вѣрно опредѣляетъ время,
въ которое жилъ Гомеръ, то придется отсюда заключить, что за сто
лѣтъ до основанія Рима Италія еще была неизвѣстна Грекамъ; но 850
это указаніе, какъ и всѣ другія, относящіяся ко времени жизни
Гомера, отнюдь не свидѣтельство, а только догадка; если же при-
нять въ соображеніе какъ исторію италійской азбуки, такъ и тотъ
замѣчательный фактъ, что греческій народъ былъ извѣстенъ Италій-
цамъ прежде, чѣмъ вошло въ употребленіе племенное названіе Элли-
новъ и что Италійцы давали Эллинамъ названіе *G g a e s i* *) по
имени одного рано исчезнушаго въ Элладѣ племени, то придется
отнести самыя раннія сношенія Италійцевъ съ Греками къ гораздо
болѣе древней эпохѣ.

---

*) Остается нерѣшеннымъ, относилось-ли названіе Грековъ первоначально къ
жителямъ внутренней части Эпира и мѣстности близъ Додоны, или-же подъ нимъ
разумѣлись Этоліицы, быть можетъ, когда-то достигавшіе береговъ западнаго
моря; въ послѣдствіи оно, должно быть, принадлежало какому-нибудь выдающе-
муся племени или соединенію племенъ собственной Греціи. Въ Гезіодовскихъ
Эйяхъ оно упоминается, какъ самое древнее собирательное имя націи, но съ
явнымъ намѣреніемъ устранить его и замѣнить названіемъ Эллины; это по-
слѣднее названіе еще не встрѣчается у Гомера, но, помимо Гезіода, оно является
уже у Архилоха около 50 года отъ основ. Рима и, вѣроятно, еще много ранѣе вошло
въ употребленіе [Дункеръ, Ист. Древн. 3, 18. 556]. Стало быть еще ранѣе того
времени Италійцы были такъ хорошо знакомы съ Греками, что стали употреб-
лять для обозначенія всей греческой націи такое названіе, которое рано вышло
изъ употребленія въ Элладѣ. Къ тому-же совершенно въ порядкѣ вещей, что
поэмы стали сознать совокупность эллинскихъ племенъ и ранѣе и яснѣе,
чѣмъ сами Эллины, и сами отъ себя дали имъ общее названіе. Трудно рѣшить,
какимъ способомъ можно-бы было согласовать этотъ фактъ съ тѣмъ, что хѣтъ
за сто до основанія Рима малоазіатскіе Греки еще ничего не знали о существо-
ваніи Италіи. Объ азбукѣ будетъ говорено далѣе; ея исторія даетъ точно такіе
же результаты. Быть можетъ сочтутъ за дерзость, если мы, —на основаніи выше-
приведенныхъ соображеній, — отвергнемъ указаніе Геродота о времени, въ кото-
рое жилъ Гомеръ; но развѣ не дерзость полагаться въ такихъ вопросахъ на
преданія?

Характеръ греческой колонизаціи. Однако исторія италійскихъ и сицилійскихъ Грековъ не входитъ въ исторію Италіи, какъ составная часть: поселившіеся на западѣ эллинскіе колонисты постоянно находились въ самой тѣсной связи съ своею родиною—они принимали участіе въ національныхъ празднествахъ и пользовались правами Эллиновъ. Тѣмъ не менѣе и при изложеніи исторіи Италіи необходимо обрисовать разнообразный характеръ греческихъ поселеній и указать, по меньшей мѣрѣ, на тѣ самыя выдающіяся ихъ особенности, которыми обуславливалось раз-

**Ахейскій
городской
союзъ.**

ностороннее вліяніе греческой колонизаціи на Италію. — Между всеми греческими колоніями самой сосредоточенной въ самой себѣ и самой замкнутой была та, изъ которой возникъ Ахейскій городской союзъ: въ составъ его входили города Сирисъ, Пандовія, Метабъ или Метанпонтій, Сибарисъ съ своими выселками Посидоніей и Лаосомъ, Кротонъ, Каулонія, Темеза, Терина и Пиекъ. Эти колонисты всецѣло принадлежали къ тому греческому племени, которое упорно сохраняло и свой своеобразный діалектъ, находившійся въ самомъ близкомъ родствѣ съ дорійскимъ, и древне-національную эллинскую письменность вмѣсто вошедшей въ общее употребленіе новой азбуки, и которое, благодаря своей прочной союзной организаціи, охраняло свою особую національность и отъ вліянія варваровъ и отъ вліянія остальныхъ Грековъ. Къ этимъ италійскимъ Ахейцамъ также при- жѣнно то, что говоритъ Полибій объ ахейской симмахіи, образовавшейся въ Пелопоннесѣ: «они не только живутъ въ союзномъ и дружественномъ общеніи между собою, но также имѣютъ одинакіе законы, одинакіе вѣсы, мѣры и монеты и однихъ и тѣхъ-же правителей, сенаторовъ и судей». — Этотъ ахейскій городской союзъ былъ совершенно своеобразной колоніей. Города не имѣли гаваней (только у Кротона былъ сносный рейдъ) и сами не вели торговли; житель Сибариса могъ похвастаться тѣмъ, что онъ успѣлъ посѣдѣть, живя между мостами своего построеннаго на лагунахъ города, между тѣмъ какъ вмѣсто него занимались торговлей уроженцы Милета и Этруски. Однако Греки владѣли тамъ не одной только береговой полосой земли, — напротивъ того, они господствовали отъ моря до моря «въ странѣ вина и быковъ» (Οἰνωτρῖα Ἰταλῖα) или въ «великой Элладѣ», а мѣстные земледѣльцы были обязаны обрабатывать для нихъ землю и платить имъ оброкъ, въ качествѣ ихъ кліентовъ или даже рабовъ. Сибарисъ, бывший въ свое время самымъ большимъ изъ италійскихъ городовъ, владычествовалъ надъ четырьмя варварскими племенами, владѣлъ двадцатью пятью мѣстечками и былъ въ состояніи основать на берегахъ другаго моря Лаосъ и Посидонію; чрезвычайно плодородныя низменности Кратиса и Брадана доставляли Сибаритамъ и Метанпонтійцамъ громадную прибыль и тамъ, по всему вѣроятію, впервые стали обрабатывать землю для продажи зерноваго хлѣба

на вывозъ. О высокой степени благосостоянія, которой эти государства достигли въ немовѣрно-короткое время, всего яснѣе свидѣтельствуютъ единственные изъ дошедшихъ до насъ художественныхъ произведеній италійскихъ Ахейцевъ — монеты: онѣ отличаются строгой антично-визанной работой и служатъ для насъ древнѣйшими памятниками искусства и письменности въ Италіи; ихъ начали чеканить, — какъ это достовѣрно доказано, — не позже 174 года отъ осн. Рима. 580 Эти монеты доказываютъ, что жившіе на западѣ Ахейцы не только принимали участіе въ развитіи ваятельнаго искусства, именно въ ту пору достигшаго въ ихъ отечествѣ блестящихъ успѣховъ, но даже превосшли свое отечество въ томъ, что касается техники: вмѣсто отчеканенныхъ только съ одной стороны и всегда безъ всякой надписи толстыхъ кусочковъ серебра, которые были въ то время въ употребленіи въ собственной Греціи и у италійскихъ Дорянъ, италійскіе Ахейцы стали чеканить съ обѣихъ и своеобразной ловкостью большія, тонкія и всегда снабженныя надписями серебряныя монеты при помощи двухъ однородныхъ клеймъ частію выпуклыхъ, частію съ углубленіями; этотъ способъ чеканки свидѣтельствовалъ о благоустройствѣ цивилизованнаго государства, такъ какъ предохранялъ отъ поддѣлки, которая состояла въ то время въ плакированіи низшихъ металловъ тонкими серебряными листами. — Однако это быстрое процвѣтаніе не принесло никакихъ плодовъ. Въ беззаботномъ существованіи, не требовавшемъ ни упорной борьбы съ туземцами ни внутренней усиленной работы, Греки отучились напрягать свои физическія и умственныя силы. Ни одно изъ блестящихъ именъ греческихъ художниковъ и писателей не прославило италійскихъ Ахейцевъ, между тѣмъ какъ въ Сициліи было безчисленное множество такихъ именъ, и даже въ Италіи халкидскій Регионъ могъ назвать Ивика, а дорійскій Тарентъ — Архита; у этого народа постоянно, вращался у очага вертелъ и мастера процвѣтали только кулачные бои. Тирановъ тамъ не допускала до владычества ревнивая аристократія, рано забравшая бразды правленія въ свои руки въ отдѣльныхъ общинахъ, а въ случаѣ надобности находившая надежную поддержку въ союзной власти; однако правленіе лучшихъ людей грозило превратиться въ владычество немногихъ, въ особенности когда роды, пользовавшіеся исключительными правами въ различныхъ общинахъ, соединялись между собою и служили поддержкой одинъ другому. Такія тенденціи преобладали въ названной именемъ Писагора лигѣ «друзей»; она предписывала чтить владычествующее сословіе «наравнѣ съ богами», порабощать подвластное сословіе, «какъ животныхъ», и вызвала такой теоріей и практикой страшную реакцію, окончившуюся уничтоженіемъ писагорейской лиги «друзей» и возстановленіемъ прежнихъ союзныхъ учреждений. Но яростные раздоры партій, возстанія рабовъ цѣлыми массами, общественныя недуги

всякаго рода, практическое примѣненіе непрактичной политической философіи, — короче говоря, всё недуги нравственно-испорченной цивилизаціи не переставали свирѣпствовать въ ахейскихъ общинахъ до тѣхъ поръ, пока не сокрушили политическаго могущества этихъ общинъ. — Поэтому вѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что поселившіеся въ Италіи Ахейцы имѣли на ея цивилизацію менѣе благотворное вліяніе, чѣмъ всё другія греческія колоніи. Этихъ земледѣльцамъ было труднѣе, чѣмъ торговымъ общинамъ, распространять ихъ вліяніе за предѣлы ихъ владѣній, а внутри этихъ владѣній они заботились туземцовъ и заглушили всё зародыши національнаго развитія, не продолживши въ замѣнъ того для Италійцевъ новаго пути посредствомъ ихъ полной эллинизации. Вслѣдствіе этого, въ Сибарисѣ и въ Метапонтѣ, въ Кротонѣ и въ Посидоніи исчезъ и болѣе скоро и болѣе безслѣдно и болѣе безславно, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, тотъ самый греческій бытъ, который повсюду сохранялъ свою живучесть не смотря ни на какія политическія неудачи, а тѣ двуязычные слѣшанные народы, которые впоследствии образовались изъ остатковъ туземныхъ Италійцевъ и Ахейцевъ и изъ примѣси новѣйшихъ переселенцевъ сабелскаго происхожденія, также не достигли настоящаго благосостоянія. Впрочемъ эта катастрофа принадлежитъ по времени къ слѣдующему періоду.

Ионійско-дорическіе города.

Колоніи всѣхъ остальныхъ Грековъ были много рода и имѣли иное вліяніе на Италію. Онѣ также не пренебрегали земледѣліемъ и пріобрѣтеніемъ земельной собственности; по меньшей мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ Греки вошли въ силу, онѣ не довольствовались, какъ довольствовались Финикійяне, заведеніемъ въ варварскихъ странахъ укрѣпленныхъ факторій. Но всё эти колоніи заводились преимущественно съ торговой цѣлью и потому основывались, въ противоположность съ ахейскими, обыкновенно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ находились лучшія гавани и самыя удобныя мѣста для причаливанія. Происхожденіе, мотивы и время этихъ поселеній были очень неодинаковы; однако всё они имѣли нѣчто общее одни съ другими, — такъ напримѣръ во всѣхъ этихъ городахъ были въ общемъ употребленіи нѣкоторыя болѣе новыя формы азбуки *) и дорическое нарѣчіе, рано проникнувшее даже въ тѣ города, гдѣ, — какъ напримѣръ въ Кумахъ **) — былъ изстари въ употребленіи мягкій іоническій диалектъ.

*) Такъ напримѣръ три древне-восточныя формы буквъ і [Σ], л [Λ] и г [Ρ], которыя такъ легко смѣшались съ формами буквъ в, g и p, и для которыхъ поэтому были давно предложены знаки I, V, R, оставались въ ахейскихъ колоніяхъ или въ исключительномъ или въ преимущественномъ употребленіи, между тѣмъ какъ остальные, поселившіеся въ Италіи и въ Силліціи, Греки безъ различія иследи употребляли болѣе новыя формы или исключительно или преимущественно.

**) Такъ напримѣръ на одномъ глиняномъ сосудѣ изъ города Кума написано: Γαταίος ἐπι λίκυθος. Εὐδὸδ' ἄν με χλέρσει θυφλός ἐσταί.

Для цивилизаціи Италіи эти колоніи имѣли далеко не одинакое значеніе; здѣсь достаточно будетъ упомянуть о тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли рѣшительное вліяніе на судьбу италійскихъ племенъ — о дорійскомъ Тарентѣ и объ іонійскихъ Жумахъ. — Изъ всѣхъ эллинскихъ поселеній въ Италіи, на долю Тарентинцевъ выпала самая блестящая роль. Благодаря превосходной гавани, — единственной удобной на всемъ южномъ берегу, ихъ городъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ для южно-италійской торговли и даже отчасти для той, которая велась на Адриатическомъ морѣ. Два промысла, занесенные туда изъ малоазійскаго Милета — богатая рыбная ловля въ заливѣ и выработка превосходной овечьей шерсти, равно какъ ея окрашиваніе сокомъ тарентинской пурпуровой улитки, способной соперничать съ тирекою — занимали тысячи рукъ и прибавляли къ внутренней торговлѣ вывозную. Монеты, найденныя тамъ въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ гдѣ-либо въ греческой Италіи, и не рѣдко вычеканенныя изъ золота, до сихъ поръ служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ обширности и оживленности тарентинской торговли. Свои обширныя торговыя сношенія Тарентъ, должно быть, завелъ еще въ ту пору, когда онъ оспаривалъ у Сибариса первенство между греческими городами нижней Италіи; однако Тарентинцы никогда не предпринимали съ прочимъ успѣхомъ, по примѣру ахейскихъ городовъ, сколько нибудь значительнаго расширенія своей территоріи.

Между тѣмъ какъ самая восточная изъ греческихъ колоній въ Италіи развивалась съ такой быстротой и съ такимъ блескомъ, самыя сѣверныя изъ нихъ, основанныя у подошвы Везувія, достигли болѣе скромнаго процвѣтанія. Жители Кумъ переместились на материкъ съ плодороднаго острова Энарій (Исихіа) и основали для себя новое отечество на возвышеніи у самого морскаго берега, а оттуда основали портовый городъ Дикеархію (позднѣйшій Путеолі) и потомъ «новый городъ» — Неаполь. Они жили, какъ и всѣ вообще халкидскіе города въ Италіи и въ Сициліи, по законамъ, введеннымъ уроженцемъ Катаны Харондомъ (около 100 г.), при демократической формѣ правленія, которая впрочемъ смягчалась высокимъ цензомъ и предоставляла власть выборному изъ самыхъ богатыхъ гражданъ совету; эти учрежденія долго оставались въ силѣ и предохраняли всѣ эти города какъ отъ узурнаторовъ, такъ и отъ деспотизма черни. О вѣншихъ сношеніяхъ этихъ поселившихся въ Кампаніи Грековъ мы имѣемъ мало свѣдѣній. По необходимости или по доброй волѣ они еще болѣе Тарентинцевъ были замкнуты въ узкихъ рамкахъ своей территоріи; такъ какъ они не обнаруживали намѣренія покорять и притѣвлять туземцевъ, а напротивъ того вступали съ ними въ мирныя и въ торговыя сношенія, то они удачно устроили свою судьбу и вѣстѣ съ тѣмъ заняли первое мѣсто между миссіонерами греческой цивилизаціи въ Италіи.

Греческіе города
подлѣ Везувія.

650

Отношенія Между тѣмъ какъ по обѣимъ сторонамъ Регинскаго пролива Греки адриатиче- заняли съ одной стороны весь южный и весь западный берегъ ма- скихъ зе- терика вплоть до Везувія, а съ другой — большую половину восточной мель къ Сициліи, обстоятельства сложились совершенно иначе на западныхъ берегахъ Грекамъ. Италии къ сѣверу отъ Везувія и на всѣхъ ея восточныхъ берегахъ. На томъ итальяскомъ побережьи, которое омывается Адриатическимъ моремъ, нигдѣ не было греческихъ колоній, — съ тѣмъ, по видимому, находились въ связи сравнительно небольшое число и второстепенное значеніе такихъ колоній на противоположащемъ или ирийскомъ берегу и на многочисленныхъ, лежащихъ у этихъ береговъ, островахъ. Хотя въ той части этого побережья, которая находится въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Греціи, и были основаны еще въ эпоху римскихъ царей два значительныхъ торговыхъ города — 627Эпидамнъ или Диррахій (теперешній Дураццо; 127) и Аполлонія 587(подъ Авлоны; около 167 г.), но далѣе къ сѣверу нельзя указать ни одной старинной греческой колоніи за исключеніемъ незначи- 580тельного поселенія на черной Керкиръ (Курцола, около 174 г.)? До сихъ поръ еще недоказано съ достаточной ясностью, почему греческая колонизація была такъ незначительна именно въ этой странѣ, куда, по видимому, сама природа указывала дорогу Эллинамъ и куда съ древнѣйшихъ временъ направлялось торговое движеніе изъ Коринѳа и въ особенности изъ основаннаго вскорѣ вслѣдъ за Римомъ. 710(около 44 г.) поселенія на Керкиръ (Корфу), — торговое движеніе, для котораго служили складочными мѣстами на итальяскомъ берегу города близъ устьевъ По Спина и Атрія. Для объясненія этого факта еще недостаточно указать на бури, свирѣпствовавшія на Адриатическомъ морѣ, на негостепримство по меньшей мѣрѣ илирийскихъ береговъ и на варварство туземцевъ. Но для Италии имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія то обстоятельство, что доставлявшіеся восточномъ элементы цивилизаціи были занесены въ ея восточныя страны не прямо, а окольнымъ путемъ, черезъ ея западныя страны. Даже въ торговлѣ, которую вели тамъ Коринѳъ и Керкира, принималъ нѣкоторую долю участія самый восточный изъ торговыхъ городовъ Великой Греціи, дорійскій Тарентъ, который господствовалъ надъ входомъ въ Адриатическое море со стороны Италии, благодаря тому, что владѣлъ Гидромъ (Отранто). Такъ какъ на всемъ восточномъ побережьи въ ту пору еще не было сколько-нибудь значительныхъ торговыхъ рынковъ, за исключеніемъ портовыхъ городовъ близъ устьевъ По (Анкона стала разцвѣтать гораздо позже, и еще позже стала извѣстна Брундизій), то понятно, что судамъ, выходящимъ въ море изъ Эпидамна и изъ Аполлоніи, верѣдно приходилось разгружаться въ Тарентѣ. И сухимъ путемъ Тарентинцы вели частыя сношенія съ Апуліей; ими было занесено въ юго-восточную Италію все, чѣмъ она была обязана греческой цивилизаціи. Впрочемъ къ

той порѣ относятся только первые зачатки этой цивилизаціи, такъ какъ эллинизация Апуліи была дѣломъ болѣе поздней эпохи.

Напротивъ того, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Греки въ **Отношеніи** самую древнюю пору посѣщали и тѣ западные берега Италіи, которые **западныхъ** лежатъ къ сѣверу отъ Везувія, и что на тамошнихъ мысахъ и **Италійцевъ** островахъ существовали эллинскія факторіи. Конечно, самымъ древнимъ изъ **Грекамъ** доказательствомъ такихъ посѣщеній служить то, что берега Тирренскаго моря были избраны мѣстомъ дѣйствія для Одиссеевской легенды*). Если среди Липарскихъ острововъ были найдены Золоты острова; если Лавинскій мысъ былъ принятъ за островъ Калипсы, Мизенскій — за островъ Сирень, Цирцейскій за островъ Цирцеи; если крутой Таррацинскій мысъ былъ принятъ за поставленную на вышинѣ гробницу Эльпенора, если близъ Кайеты и близъ Форміи водятся Лестригоны, если оба сына Одиссея и Цирцеи — Агрій, то-есть дикій, и Латинъ владѣли надъ Тирренцами «въ самомъ сокровенномъ уголкѣ священнаго островья», или, — по новѣйшему толкованію, — Латинъ былъ сыномъ Одиссея и Цирцеи, а Авзонъ сыномъ Одиссея и Калипсы, — то все это старинныя сказки іонійскихъ мореплавателей, вспоминавшихъ на Тирренскомъ морѣ о своемъ дорогомъ отечествѣ, и та же восхитительная живость впечатлѣній, которую мы находимъ въ іонической легендѣ о странствованіяхъ Одиссея, сказывается въ перенесеніи той же легенды въ мѣстность подлѣ Кумъ и во всѣ тѣ мѣста, которыя посѣщались кумскими моряками. — Слѣды этихъ древнихъ странствованій также видны въ греческомъ названіи острова Эталіи (Ильвы, Эльвы), который, какъ кажется, принадлежалъ къ числу мѣстностей, всего ранѣе занятыхъ Греками послѣ Энарціи, и быть можетъ, также въ названіи порта Теламона въ Этруріи: они видны и въ двухъ поселеніяхъ на церитскомъ берегу — въ Пирги (подлѣ S. S e v e r a) и въ Альсіонѣ (подлѣ P a l o), гдѣ несомнѣнно указываютъ на греческое происхожденіе не только названія, но и своеобразная архитектура стѣнъ въ Пирги, вовсе не схожая съ архитектурой церитскихъ, и вообще этрусскихъ городскихъ стѣнъ. Эталія («огненный островъ») съ своими богатыми мѣдными и въ особенности желѣзными рудами, вѣроятно, играла въ торговыхъ сношеніяхъ главную роль и служила центромъ какъ для ино-

---

*) Самыя древнія изъ греческихъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ встрѣчается эта Тирренско-Одиссеевская легенда, суть: Гезіодовская *Теогонія* въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ частей и произведенія писателей, жившихъ незадолго до Александра—Эфора, отъ котораго заимствовался такъ-называемый *Скиппосъ*, и такъ называемаго *Скилакса*. Первый изъ этихъ источниковъ принадлежитъ къ тому времени, когда Италія еще считалась Греками за группу острововъ и, стало быть, безспорно очень древней; поэтому мы можемъ съ достовѣрностью отнести возникновеніе этихъ легендъ къ періоду римскихъ нарѣй.

земныхъ поселенцевъ, такъ и для ихъ сношеній съ туземцами; это вѣроятно тѣмъ болѣе потому, что плавка руды на небольшомъ и негнѣсномъ островѣ не могла производиться безъ торговыхъ сношеній съ материкомъ. И серебряные рудники въ Популоніи, на мысу, который лежитъ насупротивъ Эльбы, быть можетъ, также были знакомы Грекамъ и разрабатывались ими.—Такъ какъ въ тѣ времена чужеземные пришельцы обыкновенно занимались не одной торговлей, но также разбоями на морѣ и на сушѣ и, конечно, не пропускали случая обирать туземцевъ и уводить ихъ въ рабство, то и туземцы съ своей стороны, конечно, пользовались правомъ возмездія; а что Латины и Тирренцы пользовались этимъ правомъ и съ большей энергіей и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ ихъ южно-италійскіе сосѣди, видно не только изъ легендъ, но главнымъ образомъ также изъ достигнутыхъ результатовъ. Въ этихъ странахъ Италиѣцамъ удалось защититься отъ чужеземныхъ пришельцевъ и не только не уступить имъ или скоро вырвать изъ ихъ рукъ свои торговые и портовые города, но и остаться повелителями на своихъ собственныхъ моряхъ. То же самое эллинское нашествіе, которое поработило южно-италійскія племена и уничтожило ихъ національность, приучило средне-италійскіе народы къ мореплаванію и къ основанію новыхъ городовъ,— конечно не по желанію наставниковъ. Тамъ Италиецъ впервые замѣнилъ свои паромы и челноки финикійскими и греческими гребными галерами. Тамъ впервые встрѣчаются большіе торговые города, между которыми занимаютъ первыя мѣста Цере въ южной Этрурїи и Римъ на берегахъ Тибра; судя по италійскимъ названіямъ этихъ городовъ и по тому, что они строились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ морскаго берега, какъ и совершенно однородные съ ними торговые города близъ устьевъ По—Спина и Атрїя и далѣе къ югу—Ариминъ, слѣдуетъ полагать, что они были основаны не Греками, а Италиѣцами. Мы, понятнo, не въ состояніи прослѣдить историческій ходъ этой древнѣйшей реакціи италійской національности противъ нашествія чужеземцевъ; однако мы въ состояніи различить одинъ фактъ, имѣвшій чрезвычайно важное значеніе для дальнѣйшаго развитія Италиѣ,— то, что эта реакція приняла въ Лациумѣ и въ южной Этрурїи иное направленіе, чѣмъ въ собственно-тосканскихъ странахъ и въ тѣхъ, которыя къ нимъ примыкали.

**Эллины и
Латины.**

Знаменательно то, что даже легенда противопоставляетъ Латина «дикому Тирренцу», а мирное побережье близъ устьевъ Тибра—негостепримному морскому берегу, на которомъ жили Вольски. Впрочемъ этому сопоставленію не слѣдуетъ придавать того смысла, что греческая колонизація была терпима въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средней Италиѣ, а въ нѣкоторыхъ другихъ не допускалась. Въ историческія времена къ сѣверу отъ Везувїа нигдѣ не было никакой независимой греческой общины, а если Пирги когда-нибудь и были такой общиной, то они,

конечно, были возвращены Италийцамъ, то-есть Церитамъ, еще до начала той эпохи, о которой до насъ дошли преданія. Но не подлежитъ сомнѣнію, что мирныя сношенія съ иноземными торговцами находили покровительство и поощреніе и въ южной Этруріи и въ Лациумъ и на восточныхъ берегахъ, — чего не было въ другихъ мѣстахъ. Особенно замѣчательно положеніе города Цере. «Церитовъ» — говоритъ Страбонъ — «очень высоко цѣнили Элліны за ихъ храбрость, за ихъ справедливость и за то, что, не смотря на свое могущество, они воздерживались отъ грабежа». Здѣсь подъ словомъ грабежъ разумѣются не морскіе разбои, отъ которыхъ церитскіе торговцы, какъ и всякіе другіе, не отказались-бы при случаѣ; но Цере былъ какъ для Финикійянъ, такъ и для Грековъ чѣмъ-то въ родѣ порто-франко. Мы уже упоминали о той финикійской стоянкѣ, которая впоследствии получила названіе Пуникумъ (стр. 127), равно какъ о двухъ эллинскихъ — Пиргахъ и Альсионѣ; отъ разграбленія этихъ-то портовыхъ городовъ и воздерживались Цериты, въ чемъ безъ сомнѣнія и заключалась причина того, что Цере, у котораго былъ плохой рейдъ и не было по близости никакихъ копей, такъ рано достигъ высокаго благосостоянія и получилъ для древнѣйшей греческой торговли еще болѣе важное значеніе, чѣмъ самой природой предназначенные для торговыхъ рынковъ италійскіе города, находившіеся вблизи отъ устьевъ Тибра и По. Все названныя здѣсь города издревле находились въ религиозной связи съ Греціей. Первый изъ всѣхъ варваровъ, принесшій дары олимпійскому Зевсу, былъ тусскій царь Арминъ, быть можетъ владѣвшій Арминномъ. Спина и Цере были въ храмѣ дельфійскаго Аполлона свои собственныя казнохранилища наравнѣ съ другими общинами, находившимися въ постоянныхъ сношеніяхъ съ этимъ святилищемъ, а въ древнѣйшихъ преданіяхъ Церитовъ и Римлянъ играютъ видную роль какъ кумское прорицалище, такъ и дельфійское святилище. Эти города свободно посѣщались всѣми Италийцами, для которыхъ служили центрами дружественныхъ сношеній съ иноземными торговцами; оттого-то они сдѣлались ранѣе другихъ богатыми и могущественными, а для эллинскихъ товаровъ, какъ и для зачатковъ эллинской цивилизаціи, служили настоящими складочными мѣстами.

Иначе сложились обстоятельства у «дикихъ Тирренцевъ». Мы уже видели, какія причины предохранили отъ иноземнаго владычества населеніе тѣхъ латинскихъ и этрусскихъ (или вѣрнѣе находившихся подъ владычествомъ Этрусковъ) странъ, которыя лежатъ на правомъ берегу Тибра и у низовьевъ рѣки По; но тѣ-же самыя причины вна- Эллины и Трусски. Морское могущество Этрусковъ.
вали въ собственной Этруріи занятіе морскими разбоями и развитіе собственныхъ морскихъ силъ или подъ вліяніемъ какихъ-либо особыхъ мѣстныхъ условій или вслѣдствіе того, что мѣстное населеніе питало врожденную склонность къ насилиямъ и къ грабежу. Тамъ

уже не удовлетворялись тѣмъ, что вытѣснили Грековъ изъ Эталіи и изъ Пенулоніи; туда, какъ кажется, даже не пускали ни одного иноземнаго торговца, а этрусскіе каперы скоро стали пускаться далеко въ море и имя Тирренцевъ стало наводить страхъ на Грековъ, — не даромъ-же эти послѣдніе считали abordaжный крюкъ этрусскимъ изобрѣтеніемъ и назвали италійское западное море Тусскимъ моремъ. Какъ быстро и какъ неудержимо стали эти дикіе корсары владычествовать на Тирренскомъ морѣ, всего яснѣе видно изъ того, что они завели укрѣпленные пункты и на берегахъ Лаціума и на берегахъ Кампаніи. Хотя въ собственномъ Лаціумѣ владычествовали Латины, а у подошвы Везувія Греки, но посреди нихъ и рядомъ съ ними Этруссы владычествовали въ Антіѣ и въ Суррентѣ. Вольски попали въ зависимость отъ Этрусковъ; эти послѣдніе добывали изъ ихъ лѣсовъ кили для своихъ галеръ, а такъ какъ морскіе разбой Антійцевъ прекратились только съ занятіемъ страны Римлянами, то повятно, почему греческіе мореплаватели называли южное побережье Вольсковъ лестригонскимъ. Этруссы рано заняли высокій Соррентскій мысъ и еще болѣе утесистый, но лишенный гаваней островъ Капри, который возвышается между заливами Неаполитанскимъ и Салернскимъ, какъ настоящая сторожевая башня, съ которой пираты могли обозрѣвать Тирренское море. Даже въ Кампаніи они, какъ утверждаютъ, учредили свою собственную федерацію изъ двѣнадцати родовъ, и уже въ историческую эпоху встрѣчаются тамъ внутри материка общины, говорившія по-этрусски; эти поселенія, по всему вѣроятію, были обязаны своимъ существованіемъ также владычеству Этрусковъ въ омывающемъ Кампанію морѣ и ихъ соперничеству съ жившими у подошвы Везувія Куманцами. Впрочемъ Этруссы не ограничивались только разбоями и грабежами. Объ ихъ мирныхъ сношеніяхъ съ греческими городами свидѣлствуютъ золотыя и серебряныя монеты, которые чеканились по меньшей мѣрѣ съ 200 года отъ осн. Рима въ этрусскихъ городахъ, и въ особенности въ Популоніи, по греческому образцу и по греческой пробѣ; а то, что штемпель на этихъ монетахъ былъ не великогреческій, а скорѣе аттичскій или даже малоазіатскій, служитъ указаніемъ на недружелюбныя отношенія Этрусковъ къ италійскимъ Грекамъ. Въ сущности, они находились въ болѣе благопріятномъ для торговли и гораздо болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ жители Лаціума. Занимая все пространство отъ одного моря до другаго, они господствовали въ западныхъ водахъ надъ большимъ италійскимъ вольнымъ портомъ, въ восточныхъ надъ устьями По и тогдашней Венеціей, — сверхъ того надъ большою сухопутной дорогой, которая съ древнихъ временъ шла изъ стоявшей на берегу Тирренскаго моря Пизы въ стоящую на берегу Адриатическаго моря Спину, и наконецъ въ южной Италіи надъ богатыми равнинами Капуи и Нолы. Они пользовались самыми важными въ

италийской вывозной торговлѣ продуктами — жѣлѣзомъ изъ Эталіи, мѣдью изъ Волатерръ и изъ Кампаніи, серебромъ изъ Популоніи, и даже янтаремъ, который имъ доставляли съ береговъ Балтійскаго моря (стр. 126). Подъ охраною ихъ морскаго разбойничества, — игравшаго въ этомъ случаѣ роль англійскаго акта о мореплаваніи только въ грубомъ видѣ, — ихъ собственная торговля, конечно, стала процвѣтать, и нельзя удивляться ни тому, что этрусскіе торговцы могли соперничать въ Сибарисѣ съ микетскими, ни тому, что это сочетаніе каперства съ оптовой торговлей породило ту безмѣрную и безразсудную роскошь, среди которой силы Этрусковъ истощились сами собою.

Оборонительное и отчасти враждебное положеніе, въ которое стали Соперниче- по отношенію къ Эллинамъ Этруски и въ болѣе слабой степени Финикій- Латины, необходимо должно было отозваться и на томъ соперни- янѣ съ Элли- чествѣ, которое оказывало въ ту пору самое сильное вліяніе на нами. торговлю и на судоходство въ Средиземномъ морѣ — на соперничествѣ Финикійянъ съ Эллинами. Здѣсь не мѣсто подробно описывать, какъ въ эпоху римскихъ царей эти двѣ великія націи боролись изъ- за преобладанія на всѣхъ берегахъ Средиземнаго моря, — въ Греціи и въ самой Малой Азіи, на Критѣ и на Кипрѣ, на берегахъ афри- канскихъ, испанскихъ и кельтскихъ; эта борьба не велась непо- средственно на италійской почвѣ, но ея послѣдствія глубоко и долго чувствовались и въ Италіи. Свѣжая энергія и болѣе многостороннія дарованія младшаго изъ двухъ соперниковъ сначала доставляли ему повсюду перевѣсъ; Эллины не только избавились отъ финикійскихъ факторій, основанныхъ какъ въ ихъ европейскомъ, такъ и въ ихъ азіат- скомъ отечествѣ, но даже вытѣснили Финикійянъ съ Крита и съ Кипра, утвердились въ Египтѣ и въ Киренѣ и завладѣли нижней Италіей и бѣльшею восточною половиною сицилійскаго острова. Мелкія фи- никійскія торговыя поселенія повсюду должны были уступить мѣсто болѣе энергичной греческой колонизаціи. Уже и въ западной Сициліи были основаны Селинъ (126) и Акрагасъ (174); смѣлые малоазіатскіе 628 580 Фокейцы уже стали развѣзжать по самому отдаленному западному морю, построили на кельтскомъ побережьи Массалию (около 150) и 600 стали знакомиться съ берегами Испаніи. Но около половины втораго столѣтія развитіе греческой колонизаціи внезапно пріостановилось, а причиной этой пріостановки, безъ сомнѣнія, было быстрое возра- станіе самаго могущественнаго изъ основанныхъ Финикійянами въ Ливіи городовъ — Карфагена, очевидно вызванное опасностію, которою стали угрожать Эллины всему финикійскому племени. Хотя у той націи, которая положила начало торговлѣ на Средиземномъ морѣ, ея болѣе юная соперница уже отняла исключительное господство надъ западнымъ моремъ, обладаніе обоими путями, соединявшими восточный бассейнъ Средиземнаго моря съ западнымъ, и монополію

торгового посредничества между востокомъ и западомъ, но восточное племя еще могло удержать за собою владичество, по меньшей мѣрѣ, надъ моремъ къ западу отъ Сардиніи и Сициліи, — и Карфагенъ взялся за это дѣло со всею свойственною арамейскому племени, уморною и осмотрительною энергіею. Какъ сопротивленіе Финиціанъ, такъ и ихъ колонизація приняла совершенно иной характеръ. Древнѣйшія финикійскія поселенія, подобно тѣмъ, которыя были основаны ими въ Сициліи и были описаны Фукидидомъ, были купеческими факториями, а Карфагенъ подчинилъ себѣ обширныя страны съ многочисленными подданными и съ сильными крѣпостями. До той поры финикійскія поселенія оборонялись отъ Грековъ по-одиночкѣ, а могущественный ливійскій городъ сосредоточилъ въ себѣ всѣ оборонительныя силы своихъ соплеменниковъ съ такою непреклонною рѣшимостью, которая не имѣла ничего себѣ подобнаго въ греческой исторіи.

Финиціане и Италійцы въ свою очередь своимъ послѣдствіемъ тотъ, когда болѣе слабые Финиціане вступили въ борьбу съ пали для обороны отъ Эллиновъ въ тѣсную связь съ туземными Эллинами. населеніемъ Сициліи и Италіи. Когда Индіане и Родосцы попытались

579 около 175 г. утвердиться подлѣ Лилибея въ самомъ центрѣ финикійскихъ поселеній въ Сициліи, ихъ прогнали оттуда туземцы — Эллины изъ Сегеста и Финиціане. Когда Фокейцы поселились

537 около 217 г. въ Алагіи (Alagia), на островѣ Керенкѣ, насупротивъ Цере, — чтобы выгнать ихъ оттуда появился собиравшійся флотъ Этрусковъ и Карфагенянъ, состоявшій изъ ста двадцати парусныхъ судовъ, и хотя въ прошедшей тамъ морской битвѣ, — одной изъ самыхъ древнихъ, съ которыми знакома исторія, — побѣду приписывалъ себѣ вдвое болѣе слабый флотъ Фокейцевъ, однако Карфагеняне и Этруски достигли цѣли своего нападенія: Фокейцы покинули Керенку и поселились на менѣе открытомъ для нападеній берегу Луканіи въ Веліѣ (Velia). Заключенный между Этруріей и Карфагеномъ трактатъ не только устанавливалъ правила касательно ввоза товаровъ и наказанія за ихъ нарушеніе, но былъ вѣсть съ тѣмъ и военнымъ союзомъ (συμμαχία), о важности котораго свидѣтельствуетъ вышеупомянутое сраженіе при Алагіи. Достоянныя замѣчанія слѣдующій фактъ, характеризующій положеніе Церитовъ: на площади въ Цере они перебили каменьями взятыя въ плѣнъ Фокейцевъ и потомъ, чтобы загладить свое злодѣяніе, послали дары дельфійскому Аполлону. — Лаціумъ не принималъ участія въ этой борьбѣ съ Эллинами; напротивъ того, Римляне находились въ очень древнія времена въ дружескихъ сношеніяхъ съ Фокейцами, — какъ съ тѣми, которые жили въ Веліѣ, такъ и съ тѣми, которые жили въ Масалии, а Ардеаты, какъ утверждаютъ, даже основали сообща съ Закинтянами въ Испаніи городъ, впоследствии называвшійся Сагун-

томъ. Но отъ Римлянъ уже никакъ нельзя было ожидать, чтобъ они приняли сторону Эллиновъ; ручательствомъ за это служить какъ тѣсная связь между Римомъ и Цезе, такъ и слѣды старинныхъ сношеній Латинцевъ съ Карфагенянами. Съ племенемъ Ханаанитовъ Римляне познакомились черезъ посредство Эллиновъ, такъ какъ (стр. 127) постоянно называли его греческимъ именемъ; но они не заимствовали отъ Грековъ ни названія города Карфагена *), ни народнаго названія Афроузъ **); тирскіе товары назывались у древнѣйшихъ Римлянъ сарранскими ***) , а это названіе, очевидно, не могло быть заимствовано отъ Грековъ; являя эти факты, такъ и позднѣйшіе договоры свидѣтельствуютъ о древнихъ и непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ между Латинцами и Карфагенцами.—Италийцамъ и Финиціанамъ дѣйствительно удалось соединенными силами удержать въ своихъ рукахъ западную часть Средиземнаго моря. Въ непосредственной или въ косвенной зависимости отъ Карфагенянъ оставалась сѣверо-западная часть Сициліи съ важными портовыми городами Солелсомъ и Панормомъ на сѣверномъ берегу и съ Мотіей на мысу, обращенномъ въ Африку. Во времена Кира и Креза, именно тогда, когда мудрый Визъ убѣждалъ Іонійцевъ переселиться изъ Малой Азіи въ Сардинію (около 200 г.), ихъ предупредилъ карфагенскій полководецъ Мархъ, покорившій значительную часть этого важнаго острова; а черезъ столѣтія послѣ того все побережье Сардиніи уже находилось въ неоспоримомъ владѣніи карфагенской общины. Напротивъ того Корсика, вмѣстѣ съ городами Алахіей и Нишеей, досталась Этрускамъ, которые стали собирать съ туземцевъ дань продуктами ихъ бѣднаго острова—смолою, воскомъ и медомъ. Въ Адриатическомъ морѣ и на водахъ къ западу отъ Сициліи и отъ Сардиніи владычествовали союзники—Этруски и Карфагеняне. Однако Греки все еще не прекращали борьбы. Выгнанные изъ Лилибея Родосцы и Книдяне утвердились на островахъ между Сициліей и Италіей и основали тамъ городъ Липару (175). Массалия стала процвѣтать, не смотря на свое

554

579

*) По-финиційски *Karthaada*, по-гречески *Karchedon*, по-римски *Carthago*.

**) Названіе *Afri*, которое уже употребляли Эний и Катонъ [сравн. *Spicio Africana*], было конечно не греческое, а по всему вѣроятію одного происхожденія съ названіемъ Евреевъ.

***) Слово сарранскій употреблялось съ древнихъ временъ у Римлянъ для обозначенія тирскаго пурпура и тирской флейты, равно какъ въ качествѣ прозвища. *Sarrapis* также было въ употребленіи по меньшей мѣрѣ съ Аннибаловской войны. Встрѣчающееся у Энія и у Плавта названіе города *Sarra*, безъ сомнѣнія, образовалось изъ *Sarapis*, но непосредственно изъ туземнаго названія *Sog*. Греческая форма *Tyrrus*, *Tyrius* не могла появиться у Римлянъ до временъ Африка [у Феста, стр. 355. *M.*]. Сравн. *Moeris Phoen.* 2, 1, 174.

изолированное положеніе и скоро захватила въ свои руки торговлю на всемъ пространствѣ отъ Ниццы до Пиринеевъ. У самыхъ Пиринеевъ была основана изъ Липары колонія Рода (теперешній *Rosas*); въ Сагунтѣ, какъ утверждаютъ, поселились Закинеяне, и даже въ Тингисѣ (*Tingis*), въ Мавританіи, владычествовали греческіе династы. Но Греки уже болѣе не подвигались впередъ; послѣ основанія Акрагаса они уже не могли достигнуть сколько-нибудь значительнаго расширенія своихъ владѣній ни въ Адриатическомъ морѣ ни въ западной части Средиземнаго моря, а доступъ къ Испаніи и въ Атлантическій океанъ былъ для нихъ совершенно закрытъ. Каждый годъ возобновлялась борьба Липарцевъ съ тускскими «морскими разбойниками» и Карфагенянь съ Массалиотами, съ Киренейцами и въ особенности съ греческими Сицилійцами; но ни одна сторона не достигла прочныхъ успѣховъ и результатомъ вѣковыхъ распрій было только поддержаніе *status quo*. — Такимъ образомъ Италія была (хотя и косвеннымъ образомъ) обязана Финикіянамъ тѣмъ, что по меньшей мѣрѣ въ своихъ среднихъ и сѣверныхъ частяхъ избѣгла колонизаціи и что тамъ, — въ особенности въ Этруріи, — возникли національныя морскія силы. Впрочемъ нѣтъ недостатка въ доказательствахъ того, что Финикіяне относились, если не къ своимъ латинскимъ союзникамъ, то по меньшей мѣрѣ къ болѣе могущественнымъ на морѣ Этрускамъ съ той завистью, которая свойственна всемъ морскимъ державамъ: все-равно, достоверенъ или вымышленъ рассказъ о томъ, что Карфагеняне воспротивились отправкѣ этрусской колоніи на Канарскіе острова, онъ доказываетъ, что и тамъ сталкивались противоположныя интересы.

ГЛАВА XI.

Законы и судь.

Исторія не въ состояніи безъ посторонней помощи наглядно описать народную жизнь во всемъ ея безконечномъ разнообразіи; она должна довольствоваться описаніемъ общаго хода событій. Въ ея составъ не входятъ дѣла и поступки, мысли и вымыслы отдѣльнаго лица, какъ бы они ни были пронизаны народнымъ духомъ. Однако попытка обрисовать ихъ хотя-бы только въ ихъ самыхъ общихъ чертахъ по отношенію къ этимъ древнѣйшимъ временамъ, почти совершенно исчезнувшимъ для исторіи, кажется намъ потому необходимой, что глубокая пропасть, которая лежитъ между нашимъ собственнымъ строемъ мыслей и чувствъ и строемъ древнихъ культурныхъ народовъ, сколько-нибудь доступна для нашего пониманія только въ этой сферѣ. Дошедшія до насъ преданія съ ихъ перепутанными названіями народовъ и мало понятными для насъ легендами—то-же, что высохшія листья, при видѣ которыхъ съ трудомъ вѣрится, что они когда-то были зелены; вмѣсто того, чтобъ прислушиваться къ ихъ наводящему тоску шелесту и распредѣлять по разрядамъ такія ничтожныя частички человѣческаго рода, какъ всѣ эти Хоны и Ойнотры, Сивулы и Пелазги, не лучше-ли заняться разрѣшеніемъ вопросовъ: какъ отпечатлѣлась реальная народная жизнь древней Италіи на юридическихъ отношеніяхъ, а идеальная—на религіи, какъ въ то время люди хозяйничали и торговали, откуда получали они грамотность и дальнѣйшіе зачатки цивилизаціи? Какъ ни бѣдны въ этомъ отношеніи наши свѣдѣнія и касательно Римлянъ и въ особенности касательно племенъ сабельскаго и этрусскаго, все-таки не смотря на краткость и неполноту нашего описанія, читатель найдетъ въ немъ не мертвыя имена, а живые образы или по меньшей мѣрѣ легкія очертанія такихъ образовъ. Въ общемъ итогъ всѣхъ изслѣдованій этого рода оказывается, что у Италійцевъ и въ особенности у Римлянъ сохранилось отъ ихъ древняго быта сравнительно меньше, чѣмъ у какого-либо другаго индо-германскаго племени. Стрѣлы и лукъ, боевая колесница, не-

Болѣе новый
характеръ
италійской
культуры.

способность женщины владѣть собственностью, покупка жены, первобытный обрядъ погребенія, кровавая мечь, борьба родовой организаціи съ общинною властью, полное жизни олицетвореніе природы, — всё эти явленія вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ другихъ однородныхъ, какъ слѣдуетъ предполагать, служили основой и для италійской цивилизаціи; но они уже безслѣдно исчезли въ ту пору, съ которой становится для насъ замѣтнымъ зарожденіе этой цивилизаціи, и мы убѣждаемся, что они когда-то дѣйствительно существовали только путемъ сравненія съ родственными племенами. Поэтому исторія Италіи начинается съ гораздо болѣе поздняго періода цивилизаціи, чѣмъ, напримѣръ, исторія Греціи и Германіи, и съ самаго начала отличается болѣе близкимъ въ новому времени характеромъ.

**Судебная
власть.**

Законы, по которымъ жило большинство италійскихъ племенъ, исчезли безслѣдно; только о латинскомъ правѣ до насъ дошли нѣкоторыя свѣдѣнія изъ римскихъ преданій. — Вся судебная власть сосредоточивалась въ общинѣ, то-есть въ лицѣ царя, который чинилъ судъ или „приказъ“ (*ius*) въ присутственные дни (*dies fasti*) на судномъ мѣстѣ (*tribunal*), сидя на колесничномъ сѣдалищѣ (*sella curulis* *)); подлѣ него стояли его разсыльные (*lictors*), а передъ нимъ — обвиняемые или тяжущіеся (*rei*). Правда, надъ рабами былъ прежде всѣхъ судью ихъ господинъ, а надъ женщинами — отецъ, мужъ или ближайшій изъ ихъ родственниковъ (стр. 56), но рабы и женщины не считались настоящими членами общины. Даже надъ состоявшими подъ властію отца семейства, сыновьями и внуками отцовская судебная власть соперничала съ царской; но первая въ сущности была не судебной властью, а просто истекала изъ принадлежащаго отцу права собственности надъ дѣтьми. Слѣдовъ такой судебной власти, которая составляла-бы принадлежность родовъ, или вообще такой, которая не истекала бы изъ верховной судебной власти царя, мы не находимъ нигдѣ. Что касается самоуправства и въ особенности кровавой мести, то въ древнихъ легендахъ какъ-будто слышится отголосокъ того первобытнаго принципа, что умерщвленіе убійцы или его укрывателя дозволяется ближайшимъ родственникамъ убитаго; но тѣ-же самыя легенды отзываются объ этомъ принципѣ, какъ о достойномъ порицаніи **); поэтому слѣдуетъ полагать, что

*) Это „колесничное сѣдалище“ — передать другими словами его значеніе нѣтъ возможности [ср. Сервія, къ Энеидѣ 1, 16] — объясняется совершенно просто тѣмъ, что только царь имѣлъ право ѣздить по городу [стр. 63], откуда это право впоследствии перешло въ торжественныхъ случаяхъ къ высшимъ должностнымъ лицамъ, — и что пока не существовало никакой высокой касседры, онъ чинилъ судъ на коницѣ, или гдѣ было ему угодно, съ колесничнаго сѣдалища.

***) Вотъ какъ описываетъ Плутархъ (*Ромулъ* 23, 24) смерть царя Тація: родственники Тація убили лаурентинскихъ пословъ; Тацій отказалъ родственникамъ убійцы въ удовлетвореніи; эти родственники убитыхъ умертвили Тація; Ромулъ

кровавая мечь очень рано появилась в Риме, благодаря энергическому вмешательству общинной власти. В древнѣйшемъ римскомъ правѣ также нѣтъ никакихъ слѣдовъ того вліянія на судебный притворъ со стороны друзей подсудимаго и обружающей его толпы, которое допускалось древнѣйшими германскими законами; въ немъ нѣтъ и того, что такъ часто встрѣчается у Германцевъ.—что готовность и способность поддержать поредъ судомъ свои притязанія съ оружіемъ въ рукахъ считались необходимыми или по крайней мѣрѣ дозволенными. Судебный процессъ могъ быть или государственнымъ или частнымъ, смотря потому, возбуждалъ-ли его царь по собственному почину или по просьбѣ обиженнаго.

Первый видъ процесса возникать только въ томъ случаѣ, если было на- Преступле-
рушено общественное спокойствіе, стало-быть главнымъ образомъ въ слу- нія.
чаѣ государственной или вѣи или общинности съ неприятелемъ (*pro-
ditiō*) или соединеннаго съ насиліемъ сопротивленія властямъ (*per-
duellio*). Но нарушителями общественнаго спокойствія считались также: злоумышленныи убійца (*pro-
ditiō*), мужеломецъ, оскорбитель дѣвической или женовой чести, поджигатель, лжесвидѣтель, и прочіе того рода, кто возмущалъ заговоромъ портилъ жатву или похищалъ въ нѣкое время хлѣбъ съ полей, оставленныхъ подъ охраной боговъ и народа; поэтому и съ ними обходились, какъ съ государственными преступниками. Судебное разбирательство начиналось и проводилось царемъ; онъ постановлялъ и приговоръ, предваряемо выслушавъ мнѣніе прикащиковъ или совѣтниковъ. Но послѣ того, какъ царь приступилъ къ судебному разбирательству, онъ могъ предоставить даль-
нѣйшее производство дѣла и постановленіе приговора своему замѣстителю, который обыкновенно выбирался изъ членовъ совѣта; но намъ неизвѣстно, въ какой мѣрѣ принадлежатъ къ учрежденіямъ царскаго періода назначеніе воздѣйствующихъ экстраординарныхъ замѣ-
стителей—двухъ комиссаровъ для постановленія приговора надъ бунтовщиками (*duoviri perduellionis*) и тѣхъ воздѣй-
ствующихъ постоянныхъ замѣстителей, или «разслѣдователей убійствъ» (*quaestores proci-
dii*), на которыхъ возлагалась обя-
занность разыскивать и задерживать убійцъ и которые, стало-быть, были чѣмъ-то въ родѣ полицейскихъ агентовъ. Во время производ-

оправдалъ убійцъ Тація, потому что одно убійство было оплатой за другое; но въ силу божескаго приговора, состоявшагося одновременно и надъ Римомъ и надъ Лаурентомъ, и тѣ и другіе убійцы были подвергнуты заслуженному наказанію. Въ основѣ этого разсказа замѣтно стараніе примѣнить къ историческимъ фактамъ запрещеніе кровавой мести, точно такъ-же, какъ въ основѣ мѣта о Горацияхъ лежитъ введеніе права апелляціи [*provocatio*]. Нѣкоторые варианты этого разсказа, правда, уклоняются отъ вышеизложенныхъ подробностей, но они, по видимому, или перепутаны или поддѣланы.

ства слѣдствія обвиняемый обыкновенно подвергался аресту, но онъ могъ быть освобожденъ изъ-подъ ареста на-поруки. Только рабовъ подвергали пыткѣ, чтобъ вынудить сознание въ преступленіи. Кто былъ уличенъ въ нарушеніи общественнаго спокойствія, всегда платился своею жизнью; смертная казнь была очень разнообразна: жемчуга сбрисывали съ вѣрстой скалы, похитителя жатвы казнили на висѣлицѣ, а поджигателя—на кострѣ. Царь не имѣлъ права миловать, которое принадлежало только общинѣ, но онъ могъ разрѣшить или неразрѣшить обвиненному ходатайство о помилованіи (*provocatio*). Сверхъ того въ римскомъ правѣ допускалось помилованіе преступника богами: кто палъ на колѣна передъ жрецомъ Юпитера, того нельзя было сѣчь въ тотъ же день розгами; съ того, кто входилъ закованнымъ въ цѣпи въ жилище этого жреца, слѣдовало снимать оковы, и жизнь даровалась тому преступнику, который на пути къ смертной казни случайно встрѣчалъ одну изъ священныхъ дѣвъ Весты. — Взысканія со стороны государства за нарушеніе порядка и за полицейскіе проступки назначались по усмотрѣнію царя; они состояли изъ назначеннаго числа (отсюда названіе *multa*) быковъ или барановъ. Царь могъ также назначать наказаніе розгами. — Во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда было нарушено общественное спокойствіе, а спокойствіе частныхъ лицъ, государство вступалось только по просьбѣ обиженнаго, который приглашалъ оскорбителя предстать вмѣстѣ съ нимъ передъ царемъ, а въ случаѣ необходимости, приводилъ его насильно. Послѣ того, какъ обѣ стороны явились на судъ и обвинитель словесно изложилъ свое требованіе, а обвиняемый отказался его исполнить, царь могъ или лично разобрать дѣло или поручить замѣстителю разбирательство отъ своего имени. Обыкновеннымъ способомъ удовлетворенія по такимъ жалобамъ была мировая сдѣлка между обидчикомъ и обиженнымъ; вмѣшательство со стороны государства могло быть только дополненіемъ къ состоявшемуся рѣшенію въ тѣхъ случаяхъ, когда воръ не давалъ достаточнаго удовлетворенія (*roepa*) обокраденному, а обидчикъ обиженному, когда у кого-нибудь была задержана его собственность или когда чье-либо законное требованіе не было исполнено. —

Дисциплинарныя наказания.

Частное право.

Кража.

Вредительство.

Нѣтъ возможности рѣшить, считалась-ли въ ту пору кража за преступленіе, и если считалась, то при какихъ условіяхъ; также неизвѣстно, чего былъ въ правѣ требовать обокраденный отъ вора; но обиженный, конечно, требовалъ отъ пойманнаго на дѣлѣ вора болѣе, нежели отъ вора, уличеннаго впоследствии, такъ какъ обида, которую слѣдовало загладить, чувствовалась въ первомъ случаѣ сильнѣе нежели во второмъ. Если-же кража не могла быть заглажена, или если воръ не былъ въ состояніи уплатить штрафъ, потребованный обиженнымъ и признанный судьей правильнымъ, то судья присуждалъ вора въ личную собственность обокраденному. — Въ случаѣ лег-

нихъ тѣлесныхъ поврежденій (*iniuria*) или небольшой порчи какихъ нибудь вещей, пострадавшій долженъ былъ безусловно довольствоваться матеріальнымъ вознагражденіемъ; если-же при этомъ произошло увѣще, то пострадавшій могъ требовать око за око и зубъ за зубъ. — Такъ какъ пахатныя земли долго находились у Римлянъ въ общинномъ владѣніи и были раздѣлены лишь въ сравнительно позднюю пору, то у нихъ развилась собственность не изъ обладанія недвижимиими имуществами, а изъ обладанія рабами и изъ разведенія рогатаго скота (*familiarescipiariae*). Легальной основой для собственности служило вовсе не право сильного; напротивъ того, всякая собственность, по мѣнью Римлянъ, удѣлялась общиной отдѣльнымъ гражданамъ въ исключительное владѣніе и пользованіе; поэтому собственность могли имѣть только граждане и тѣ, кого община считала въ этомъ отношеніи равноправными съ гражданами. Всякую собственность можно было свободно передавать изъ однѣхъ рукъ въ другія; римское право не устанавливало никакого существеннаго различія между движимыми и недвижимыми имуществами, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ на эту послѣднія также было распространено понятіе о частной собственности, и не признавало никакихъ безусловныхъ притязаній дѣтей или другихъ родственниковъ на отцовское или семейное имущество. Между тѣмъ отецъ не могъ самопроизвольно лишать дѣтей наслѣдства, такъ какъ съ одной стороны онъ не могъ разорвать свою легальную связь съ дѣтьми, а съ другой стороны не могъ составить завѣщанія иначе, какъ съ согласія всей общины, которая могла отказать ему въ этомъ согласіи и, безъ сомнѣнія, часто отказывала. Хотя отецъ и могъ при своей жизни дѣлать невыгодныя для своихъ дѣтей распоряженія, такъ какъ законъ былъ скупъ на личныя стѣсненія собственниковъ и вообще предоставлялъ всякому взрослому мужчине свободно распоряжаться его собственностью; но то постановленіе, что отецъ, отчуждавшій свое имущество въ ущербъ своимъ дѣтямъ, признавался административнымъ путемъ за умалишеннаго и отдавался подъ опекункій надзоръ, вѣроятно принадлежитъ еще къ той эпохѣ, когда пахатныя земли были въ первый разъ раздѣлены и вмѣстѣ съ тѣмъ частная собственность приобрѣла болѣе важное значеніе въ общинномъ быту. Этимъ путемъ римское право, по мѣрѣ возможности, согласовало два противоположныхъ принципа — неограниченное право распоряжаться своей собственностью и цѣлость семейной собственности. Вещественныхъ ограниченій права собственности вообще не допускалось, за исключеніемъ тѣхъ правъ пользованія, которыя необходимы въ сельскомъ хозяйствѣ. Наслѣдственное арендаторство и поземельная рента были легально немыслимы; вмѣсто тажъ недопускаемаго законами залога права собственности, можно было прямо передавать кредитору собственность въ закладъ, точно такъ же, какъ она передавалась покупателю; при чемъ кре-

Собствен-
ность.

диторъ давалъ честное слово (*fiducia*), что до истеченія условленнаго срока онъ не будетъ отчуждать законное имущество и **Договоры.** вратить его должнику послѣ уплаты ссуды.—Договоры, заключенные государствомъ съ кѣмъ либо изъ гражданъ, въ особенности съ тѣми, кто ручался (*praevides, praedes*) за исполненіе какой-либо государственной повинности, получали обязательную силу безъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей. Напротивъ того договоры между частными людьми не давали права на легальную помощь со стороны государства; кредиторъ находилъ для себя охрану только въ честномъ словѣ, которое пользовалось большимъ довѣріемъ въ средѣ торговцевъ, и въ томъ, что при заключеніи сдѣлокъ не рѣдко происходились вѣдвы, которыхъ нельзя было нарушить безъ опасенія вызвать шеніе со стороны боговъ. Закономъ дозволилось предъявлять искъ только по брачнымъ договорамъ, въ силу которыхъ отецъ семейства былъ обязанъ заплатить штрафъ и вознагражденіе за невыдачу обѣщанной невесты, и по договорамъ о куплѣ (*mancipatio*) и о займѣ (*nexum*). Купля считалась совершенной законнымъ порядкомъ, если продавецъ передалъ проданную вещь въ руки покупателя (*mancipatio*) и если одновременно съ этимъ покупатель вручилъ продавцу условленную плату въ присутствіи свидѣтелей, а съ тѣхъ поръ, какъ мѣдъ сдѣлалась мѣриломъ цѣнностей въ замѣнъ овецъ и быковъ, купля совершалась посредствомъ отвѣщиванія условленнаго количества мѣды на вѣсахъ, которыя держало для этой цѣли безпристрастное постороннее лице^{*)}. При этомъ продавецъ ручался за то, что проданная вещь дѣйствительно составляла его собственность, и какъ

*) Въ своей развитой формѣ мандипація безъ сомнѣнія существовала еще до введенія Сервіевской реформы; это видно изъ того, что число свидѣтелей было устанавливаемо соразмѣрно съ числомъ классовъ и что выборъ предметовъ, которые могли быть легально проданы, клонился къ упроченію земледѣльской собственности; это подтверждается и преданіемъ, такъ какъ оно приписываетъ Сервію введеніе вѣсовъ. Но происхожденіе мандипаціи должно быть отнесено къ гораздо болѣе древнимъ временамъ, такъ какъ первоначально установленныя ею формальности были примѣнимы только къ такимъ предметамъ, которые можно захватить руками; поэтому она должна быть отнесена въ своей древнѣйшей формѣ къ той эпохѣ, когда имущество состояло преимущественно изъ рабовъ и рогатаго скота [*familiarescipiaque*]. Поэтому установленіе числа свидѣтелей и перечисленіе предметовъ, которые можно пріобрѣтать посредствомъ мандипаціи, должны быть отнесены къ числу Сервіевскихъ нововведеній, а самая мандипація, равно какъ употребленіе вѣсовъ и мѣды, болѣе древни. Мандипація, безъ сомнѣнія, первоначально была общей формой купли и ея формальности первоначально даже послѣ Сервіевской реформы при покупкѣ всякаго рода вещей; предписаніе неурейвенно исполнять формальности мандипаціи относительно купли нѣкоторыхъ вещей было впоследствии односторонне истолковано такъ, что только эти вещи можно было пріобрѣтать посредствомъ мандипаціи, по никакія другія.

онъ самъ такъ и покупатель были обязаны исполнить все, въ чемъ они между собою условились; въ противномъ случаѣ неисправная сторона была обязана уплатить другой сторонѣ такой же штрафъ, какой взимался за кражу. Все таки купля давала право иска только въ томъ случаѣ, если при ея совершеніи обѣ стороны пунктуально исполнили всѣ формальности; покупка въ долгъ не давала и не отнимала права собственности, и не давала никакихъ правъ для предъявленія иска. Точно такъ же совершалась и ссуда: кредиторъ отвѣчивалъ должнику при свидѣтеляхъ условленное количество иди подъ обязательствомъ (*in e x i m*) возврата. Должникъ былъ обязанъ уплатить кромѣ капитала и проценты, которые при обыкновенныхъ обстоятельствахъ были не менѣе десяти за годъ *). Съ соблюденіемъ такихъ же формальностей производилась въ свое время уплата долга. Если должникъ не исполнялъ своего обязательства передъ государствомъ, то его продавали вмѣстѣ со всѣмъ его имуществомъ; для удостовѣренія долга достаточно было того, что онъ взимался государствомъ. Если же частный человекъ приносилъ Тяжбы мещарю жалобу на захватъ своей собственности (*vindiciae*) или участныи-если неуплачивался сдѣланный долгъ, то ходъ дѣла зависѣлъ отъ ии людей. того, представлялась ли надобность въ удостовѣреніи факта (которое было всегда необходимо въ тяжбахъ о правѣ собственности), или же фактъ былъ самъ по себѣ ясенъ (въ чемъ не трудно было убѣдиться путемъ допроса свидѣтелей, если дѣло шло о неуплатѣ долга). Удостовереніе факта происходило въ видѣ спора обѣ закладъ, при чемъ каждая сторона вносила на случай неудачи залогъ (*sa s t a m e n t u m*); въ значительныхъ тяжбахъ, то есть въ такихъ, въ которыхъ стоимость иска превышала стоимость десяти быковъ, залогъ состоялъ изъ пяти быковъ, а въ менѣе значительныхъ—изъ пяти барановъ. Судья рѣшалъ, который изъ двухъ тяжущихся основательно бился обѣ закладъ; тогда залогъ проигравшей стороны доставался жрецамъ на совершеніе публичныхъ жертвоприношеній. Затѣмъ, в тотъ, кто несомнѣтельно бился обѣ закладъ и неудовлетворялъ своего противника въ теченіе тридцати дней, и тотъ, чье обязательство было съ самаго начала безспорнымъ, то есть великій должникъ, непредставившій свидѣтелей въ доказательство уплаты имъ долга, подвергался взысканію посредствомъ наложенія на него рукъ (*manus iniectio*): тогда кредиторъ хваталъ его повсюду, гдѣ могъ найти, и приводилъ его въ судъ только для того, чтобъ заставить его уплатить долгъ. Арестованный такимъ способомъ должникъ не имѣлъ права самъ себя защищать; третье лице могло вступиться за него и доказывать

*) А именно за десятидесятичный годъ—двѣнадцатая часть капитала [*in p c i a*], стало быть за десятидесятичный годъ 8 $\frac{1}{2}$ проц., а за двѣнадцатидесятичный 10 процентовъ.

несправедливость совершоннаго насилія (vindex); въ этомъ случаѣ производство дѣла приостанавливалось; но такое заступничество налагало на защитника личную отвѣтственность, поэтому за осѣдлыхъ жителей могли выступать защитниками только осѣдлые-же жители. Если не было произведено уплаты и никто не являлся въ качествѣ защитника, то царь присуждалъ схваченнаго должника кредитору, который могъ увести этого должника съ собой и держать его у себя какъ раба. Если-же за тѣмъ протекло шестьдесятъ дней, въ теченіе которыхъ должника три раза выводили на рынокъ, громко спрашивали, не сжалится-ли кто-нибудь надъ нимъ и все это не имѣло успѣха, то кредиторы имѣли право убить его и раздѣлить между собою его трупъ, или же продать его вмѣстѣ съ его дѣтьми и имуществомъ въ чужія страны въ рабство, или, наконецъ, держать его при себѣ *ex amittis* раба,—такъ какъ, пока онъ находился на территоріи римской общины, онъ, по римскимъ законамъ, не могъ сдѣлаться вполне рабомъ (стр. 103). Съ такой-то безпощадной строгостью были ограждены римскою общиною собственность и имущество каждаго отъ вора и зловерителя, равно какъ отъ самовольныхъ захватовъ и отъ неуплаты долговъ.—Точно такъ-же была ограждена собственность тѣхъ, кто не былъ способенъ носить оружіе и стало быть не былъ способенъ охранять свое собственное достояніе, какъ-то: несовершеннолѣтнихъ, умахиненныхъ и главнымъ образомъ женщинъ; ихъ охрана возлагалась на ихъ ближайшихъ наследниковъ.—Послѣ смерти собственника его имущество переходило къ его ближайшимъ наследникамъ, при чемъ всѣ одинаково близкіе, не исключая и женщинъ, получали равныя доли, а вдова получала одинакую долю съ каждымъ изъ дѣтей. Законный переходъ наследства могъ быть отиѣненъ только народной сходкой, но въ виду того, что на имущество могли лежать священно-служебныя новинности, въ этомъ случаѣ требовалось предварительное согласіе жрецовъ; впрочемъ разрѣшенія такого рода, какъ кажется, и въ раннюю пору давались часто, а въ крайнемъ случаѣ можно было обойтись и безъ нихъ, благодаря тому, что всякій могъ свободно располагать своимъ имуществомъ въ теченіе всей своей жизни,—можно было передать все свое состояніе одному изъ друзей съ тѣмъ, чтобъ послѣ смерти собственника, онъ раздѣлилъ это состояніе согласно желанію умершаго.—Древнее законодательство было незнакомо съ отпущеніемъ рабовъ на волю. Владѣлецъ, конечно, могъ, если хотѣлъ, не пользоваться своимъ правомъ собственности; но этимъ не измѣнялось основное правило, что никакія взаимныя обязательства не могутъ существовать между господиномъ и рабомъ, а этотъ послѣдній не могъ получить въ общинѣ правъ гостя, и еще менѣе гражданина. Поэтому отпущеніе рабовъ могло быть первоначально лишь фактомъ, а не легальнымъ актомъ, и владѣлецъ никогда не лишался права

Опека.

Право нашихъ наследниковъ. слѣдства.

Отпущеніе рабовъ на волю.

снова обходиться съ вольноотпущенникомъ какъ съ своимъ рабомъ. Но изъ этого правила стали дѣлать отступленія въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ объявлялся предоставить своему рабу свободу не только передъ этимъ рабомъ, но и передъ общиной. Особой легальной формы для такого обязательства установлено не было, что и служить лучшимъ доказательствомъ того, что первоначально вовсе не было никакого отпущенія рабовъ на волю; но можно было достигать той-же цѣли другими законными путями—путемъ завѣщанія, тяжбы и переписи. Если владѣлецъ объявилъ своего раба свободнымъ при совершеніи завѣщанія передъ народнымъ собраніемъ, или если онъ дозволялъ своему рабу предъявить противъ него въ судѣ искъ о свободѣ, или если онъ дозволялъ рабу внести свое имя въ списокъ ценза, то хотя вольноотпущенникъ и не считался гражданскомъ, но считался независимымъ какъ отъ своего прежняго господина, такъ и отъ его наследниковъ, и сначала поступалъ въ число кліентовъ, а впослѣдствіи въ число плебеевъ (стр. 85). Освобожденіе сына было сопряжено съ еще большими затрудненіями, нежели освобожденіе раба, по той причинѣ, что связь владѣльца съ его рабомъ была дѣломъ случайности и потому могла быть добровольно разорвана, между тѣмъ какъ отецъ всегда оставался отцемъ для своего сына. Поэтому, чтобъ освободиться изъ подъ отцовской власти, сыновьямъ впослѣдствіи приходилось сначала поступать въ рабство и потомъ освобождаться изъ рабской зависимости; но въ ту эпоху, о которой теперь идетъ рѣчь, вообще еще не было никакой эманципаціи.

По этимъ законамъ жили въ Римѣ граждане и подзащитные люди, Подзащитные между которыми, сколько намъ извѣстно, существовало полное равенство въ ихъ частныхъ правахъ. Напротивъ того иностранецъ, — иностранцы, если онъ не поступалъ подъ защиту какого-нибудь римскаго патрона и не жилъ въ качествѣ его кліента, — былъ безправенъ какъ лично, такъ и по отношенію къ своему имуществу. Все, что римскій гражданинъ отбиралъ у него, считалось такъ-же законно-приобрѣтеннымъ, какъ и взятая съ морскаго берега никому не принадлежащая раковина; только въ томъ случаѣ, если римскій гражданинъ приобрѣталъ землю, находящуюся внѣ римскихъ границъ, онъ могъ быть ея фактическимъ владѣльцемъ, но не считался ея законнымъ собственникомъ, потому что расширять границы общины отдѣльный гражданинъ не имѣлъ права. Не такъ было во время войны: все движимое и недвижимое имущество, какое приобреталъ солдатъ, сражавшійся въ рядахъ арміи, доставалось не ему, а государству, отъ котораго, стало быть, и въ этомъ случаѣ зависѣло передвинуть границу впередъ или назадъ. — Исключенія изъ этихъ общихъ правилъ возникали вслѣдствіе особыхъ государственныхъ договоровъ, предоставлявшихъ внутри римской общины особія права членамъ

чужих общинъ. Такъ напримеръ вѣчный союзъ между Римомъ и Латинцами признавалъ легальную силу всѣхъ договоровъ, заключенныхъ между Римлянами и Латинами и вместе съ тѣмъ устанавливалъ для нихъ ускоренный способъ судебного разбирательства черезъ присяжныхъ «возстановителей» (*reciprocatores*); напереворъ римскому обыкновению возлагать римские всѣхъ тяжбъ только на одного судью, эти присяжные заседали не по-одиночкѣ и въ нечетномъ числѣ и представляли нѣчто въ родѣ коммерческаго и ярмарочнаго суда, состоявшаго изъ судей обѣихъ націй и одного председателя. Они разбирали дѣло въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ заключенъ договоръ, и были обязаны окончить разбирательство не болѣе, чѣмъ черезъ десять дней. Формы, внутри которыхъ вращались отношенія между Римлянами и Латинами, натурально, были общими для всѣхъ и точно такими, какія были установлены для сношеній между патриціями и плебеями,—такъ какъ манципация и заемное обязательство (*пехум*) первоначально были не формальными актами, а наглядными выраженіями тѣхъ понятій о легальности, которыя господствовали по меньшей мѣрѣ повсюду, гдѣ былъ въ употребленіи латинскій языкъ.—Иначе и въ другой формѣ велись сношенія съ иностранными странами. Какъ кажется, еще въ раннюю пору были заключены съ Церитами и съ другими дружественными народами договоры касательно торговыхъ сношеній и легальныхъ порядковъ и было положено основаніе тому международному частному праву (*ius gentium*), которое мало-по-малу развилось въ Римѣ рядомъ съ его земскимъ правомъ. Это развитіе легальныхъ отношеній оставило послѣ себя слѣды въ замѣчательномъ установленіи такъ называемой «передачи» (*litium отштитаге*, какъ *dividius* стъ *dividega*),—такой формы займа, которая не заключалась, какъ *пехум*, въ ясно выраженномъ передъ свидѣтелями признаніи долга со стороны заемщика, а состояла изъ простой передачи денегъ изъ рукъ въ руки и очевидно была обязана своимъ происхожденіемъ торговлѣ съ иностранцами, между тѣмъ какъ *пехум* возникло изъ долговыхъ сношеній между туземцами. Поэтому достойно вниманія и то, что это слово встрѣчается въ сицилійско-греческомъ языкѣ въ формѣ *μειτον*,—съ чѣмъ находится въ связи и воспроизведение латинскаго *сагсег* въ сицилійскомъ *карког*. Такъ какъ языковѣдніе не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что оба эти слова были по своему происхожденію латинскими, то ихъ появленіе въ сицилійскомъ мѣстномъ нарѣчій служитъ вѣснимъ доказательствомъ такихъ частыхъ сношеній латинскихъ мореплавателей съ жителями Сициліи, которыя вѣрнѣе заставляли этихъ мореплавателей занимать у туземцевъ деньги и подвергаться общему во всѣхъ древнихъ законодательствахъ послѣдствію неуплаты долга—тюремному заключенію. Напротивъ того, названіе сиранузской тюрьмы «камономния» или *латоризи* было

непрямое перенесено на расширенную римскую государственную тюрьму—*laetitia* e.

Всѣ эти постановленія въ сущности были древнѣйшей кодифика- Характеръ
ціей обычнаго римскаго права, состоявшейся лѣтъ черезъ пятьдесятъ римскаго за-
послѣ упраздненія царской власти, а ихъ существованіе въ эпоху монархическаго
царей если и можетъ быть оспариваемо въ нѣкоторыхъ отдѣльных
пунктахъ, не подлежитъ сомнѣнію въ цѣломъ; въ своей совокуп- ства.
ности они представляютъ намъ законодательство уже сильно развит-
шагося земледѣльческаго и торговаго города, — законодательство,
отличавшееся и своимъ либеральнымъ направленіемъ и своего стро-
гою послѣдовательностью. Здѣсь уже совершенно исчезли условныя сим-
волическія формы, какія встрѣчаются напримѣръ въ германскомъ
законодательствѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что такія формы когда-то
были въ употребленіи и у Италійцевъ; яснымъ доказательствомъ
этого служатъ, напримѣръ: форма домоваго обыска, при которой
слѣдователь, и по римскому и по германскому обычаю, долженъ
былъ находиться безъ верхняго платья, въ одной рубашкѣ, и въ
особенности та очель древняя латинская формула для объявленія
войны, въ которой встрѣчаются два символа, бывшіе въ употребе-
ніи по меньшей мѣрѣ также у Кельтовъ и у Германцевъ— «чистая
трала» (*herbariga*, на языкѣ Франковъ *chene chuda*),
какъ символъ родной земли, и опаленный огнемъ, покрытый кровью
посохъ, какъ знакъ начала войны. Но за немногими исключеніями,
въ которыхъ исконныя обычаи охраняются изъ религіозныхъ мо-
тивовъ (сюда принадлежатъ какъ объявленіе войны коллегіей Фе-
ціаловъ, такъ и конфарреція), римское право, — насколько оно
намъ знакомо, — рѣшительно отвергаетъ символъ въ его принципѣ и
во всѣхъ случаяхъ требуетъ не болѣе и не менѣе, какъ полного
и яснаго выраженія воли. Передача имущества, вызовъ къ свидѣ-
тельскимъ показаніямъ и бравосочетаніе считаются совершенными
какъ только обѣ стороны ясно выразили свою волю; хотя и сохраня-
лось обыкновеніе передавать имущество въ руки новаго собственника,
дергать за ухо приглашеннаго въ свидѣтели, покрывать голову ново-
брачной и вводить ее съ торжественной процессіей въ домъ мужа, но
уже по самому древнему римскому законодательству всѣ эти старин-
ныя обыкновенія не имѣли никакого легальнаго значенія. Подобно тому,
какъ изъ римской религіи были отброшены всѣ аллегоріи и вышѣсь
съ тѣмъ всякіе виды олицетворенія, и изъ римскаго законодатель-
ства были отброшены всѣ символы. вмѣстѣ съ этими были совер-
шенно устранены тѣ болѣе древніе порядки, которые мы находимъ
какъ въ эллинскихъ такъ и въ германскихъ учрежденіяхъ и при
которыхъ общинная власть еще боролась съ авторитетомъ потмоціонныхъ
общинной болѣе мелкихъ родовыхъ и волостныхъ союзовъ; мы уже
не находимъ внутри государства нивѣкихъ дозволенныхъ закономъ

созвожь, которые восполняли - бы недостаточную государственную помощь, служа поддержкой одинъ для другаго, — ненаходимъ ни рѣзкихъ слѣдовъ кровавой мести ни стѣсняющей волю отдѣльнаго лица семейной собственности. Однако все это, конечно, когда-то существовало и у Италійцевъ, а слѣды такихъ порядковъ еще можно найти въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ богослужебныхъ постановленіяхъ, какъ на примѣръ въ обязанности невольнаго убійцы приносить козла отпущенія ближайшимъ родственникамъ убитаго; но уже въ томъ древнѣйшемъ періодѣ римской исторіи, который мы въ состояніи мысленно обозрѣть, все это было давно пережитымъ моментомъ. Хотя и родъ и семья по прежнему существовали въ римской общинѣ, но они такъ-же мало стѣсняли и идеальное и реальное полномасііе государства въ государственной сферѣ, какъ и та свобода, которую государство предоставляло и обезпечивало гражданамъ. Кореннымъ основаніемъ права повсюду является государство; свобода — ничто иное, какъ другое выраженіе для обозначенія правъ гражданства въ ихъ самомъ широкомъ значеніи; всякая собственность основана на ясно выраженной или подразумеваемой ея передачѣ отъ общины отдѣльному лицу; договоръ имѣетъ силу только послѣ того, какъ община засвидѣтельствовала его черезъ своихъ представителей; завѣщаніе дѣйствительно только въ томъ случаѣ, если оно было утверждено общиной. Сфера общественнаго права и сфера частнаго права рѣзко разграничены одна отъ другой: преступленіе противъ государства подвергаетъ виновнаго непосредственно государственному суду и всегда влечетъ за собою смертную казнь; преступленіе противъ согражданина или противъ гостя заглаживается прежде всего путемъ соглашенія посредствомъ немъ или посредствомъ удовлетворенія обиженнаго; оно никогда не наказывается смертью и въ худшемъ случаѣ влечетъ за собою утрату свободы. Здѣсь идутъ рука объ руку съ одной стороны самый широкій либерализмъ во всемъ, что касается свободы сношеній, съ другой стороны самый строгій способъ взысканій, — точь въ точь какъ въ нашихъ торговыхъ центрахъ, рядомъ съ всеобщимъ правомъ обязываться векселями, существуетъ самый строгій порядокъ взыскаія по такимъ обязательствамъ. Гражданинъ и подданный челоѣкъ стоятъ. — въ томъ, что касается дѣловыхъ сношеній, — совершенно на равной ногѣ; государственные договоры предоставляютъ и гостямъ широкую равноправность; женщины поставлены по правоспособности совершенно на равнѣ съ мужчинами, хотя и стѣснены въ своей дѣятельности; даже только что достигшій совершеннолѣтія юноша получаетъ самое широкое право распоряжаться своей собственностью и вообще всякій, кто въ правѣ располагать самимъ собою, такъ-же полновластенъ въ своей сферѣ, какъ полновластно государство въ сферѣ общественной. Въ особенности характеристична кредитная система: кредита подъ залогъ зе-

мальной собственности вовсе не существуетъ, но вмѣсто ипотечнаго долга сразу является то, чѣмъ въ наше время оканчивается ипотечный процессъ—переходъ собственности отъ должника къ кредитору; напротивъ того личный кредитъ гарантированъ самымъ широкимъ, — чтобы не сказать не въ мѣру широкимъ—образомъ, такъ какъ законодатель даетъ кредитору право поступить съ неоплатнымъ должникомъ какъ съ воромъ и дозволяетъ ему со всею законодательною серьезностью то-же, что Шейлокъ, полушутя, выговорилъ у своего заклятаго врага; даже вопросъ объ излишне-вырѣзанномъ разрывѣвъ болѣе тщательно, чѣмъ жидомъ. Законодатель не могъ болѣе ясно выразить своего намѣренія соединить свободное отъ долговъ земледѣльческое хозяйство съ коммерческимъ кредитомъ и преслѣдовать съ беспощадной энергіей всякую мнимую собственность и всякое нарушеніе даннаго слова. Если мы примемъ сверхъ того въ соображеніе, что за всѣми Латинами было рано признано право выбирать постоянное мѣсто жительства (стр. 103) и что такъ-же рано была признана законность гражданскихъ браковъ (стр. 87), то мы придемъ къ убѣжденію, что это государство, — требовавшее столь многого отъ своихъ гражданъ и дошедшее въ понятіи о подчиненности частныхъ лицъ цѣлому такъ далеко, какъ никакое другое и до и послѣ него, — поступало такъ и могло такъ поступать только потому, что низпровергло всѣ преграды для сношеній между людьми и столько-же разнуздало свободу, сколько стѣснило ее. И въ тѣхъ случаяхъ, когда римское законодательство что-либо разрѣшаетъ, и въ тѣхъ, когда оно что-либо воспрещаетъ, оно всегда выражается безъ оговорокъ: если немѣвший законнаго защитника чужеземецъ находился въ положеніи дикаго звѣря, котораго могъ травить всякій, кто пожелаеть, за то гость стоялъ на равной ногѣ съ гражданиномъ; договоръ обыкновенно не давалъ никакого права на предъявленіе иска, но въ случаѣ признанія правъ кредитора этотъ договоръ былъ такъ всеислелъ, что бѣднякъ нигдѣ не находилъ спасенія, ни съ чьей стороны не вызывалъ человѣколюбивой и справедливой снисходительности, — точно будто законодатель находилъ наслажденіе въ томъ, что повсюду окружалъ себя самыми рѣзкими противорѣчіями, выводилъ изъ принциповъ самыя крайнія послѣдствія и насильственно навязывалъ даже самымъ тупоумнымъ людямъ убѣжденіе, что понятіе о правѣ то-же, что понятіе о тираніи. Римлянину были не знакомы тѣ поэтическія формы и та пріятная наглядность, которыя такъ привлекательны въ германскомъ законодательствѣ; въ его законахъ все ясно и точно, нѣтъ никакихъ символовъ и нѣтъ никакихъ лишнихъ постановленій. Эти законы не жестоки; по нимъ совершается безъ всякихъ оговорокъ все, что необходимо, даже смертная казнь, что свободнаго человѣка нельзя подвергать пыткѣ—было кореннымъ принципомъ римскаго права, — такимъ принципомъ, къ уставовленію

котораго другіе народы стремились въ теченіе тысячелѣтій. Но это право было ужасно своей неутомимой строгостью, которая даже не смягчалась гуманною практикой, такъ какъ это было народное право; — ужасъ въ свѣдѣніяхъ крышъ и застѣнковъ было то потребованіе заживо, которое совершалось на глазахъ бѣдняковъ въ долговыхъ банкахъ зажиточныхъ людей. Но въ томъ-то и заключалось величіе Рима, что въ немъ народъ самъ себя создалъ и самъ на себя вынесъ такое законодательство, въ которомъ господствовали и до сихъ поръ еще господствуютъ безъ всякаго искаженія и безъ всякаго смягченія вѣчные принципы свободы и верховной власти, собственности и равенности.

Г Л А В А XII.

Религія.

Римскій міръ боговъ, — какъ уже было ранѣе замѣчено (стр. 27), — возникъ изъ отраженія земнаго Рима въ высшей и идеальной сферѣ совершенія, въ которой и малое и великое воспроизводились съ мелочной точностью. Въ этомъ мірѣ отражались государство и родъ, какъ всякое естественное явленіе такъ и великое проявленіе умственной дѣятельности; — въ немъ отражались и каждый человѣкъ и каждое мѣсто и каждый предметъ и даже каждое дѣйствіе, совершавшееся въ сферѣ римскаго права, и подобно тому, какъ въ земныхъ дѣлахъ всё находится въ постоянномъ движеніи то впередъ то назадъ, вмѣстѣ съ ними все находилось въ движеніи и въ сферѣ боговъ. Гений — хранитель какого-нибудь отдѣльнаго дѣйствія переставалъ существовать вмѣстѣ съ превращеніемъ самого дѣйствія; гоніи — хранители отдѣльнаго человѣка жили и умирали вмѣстѣ съ самимъ человѣкомъ, и эти божественныя существа можно считать бессмертными только въ томъ смыслѣ, что постоянно вновь нарождаются одинакія дѣйствія въ одинакіе люди, а вмѣстѣ съ ними и одинакіе гоніи. Какъ надъ римской общиной царил римскіе боги, такъ и надъ каждою изъ чужеземныхъ общинъ царил ея собственныя боги, но какъ не рѣдко было разлитіе между гражданномъ и негражданномъ, между римскимъ богомъ и чужеземнымъ, все-таки и чужеземцы и чужеземныя боги могли пріобрѣтать въ Римѣ права гражданства въ силу общиннаго постановленія, а когда граждане завоеваннаго города переселялись въ Римъ, и ихъ боговъ приглашали туда-же перенести ихъ мѣсто пребыванія. — Съ древнѣйшей сферой римскихъ боговъ — въ

Римская
религія.

Древнѣйшая
римская та-
вений Римлянъ съ Греками, — мы знакомимся изъ списка публич-
ныхъ и носящихъ особая названія праздничныхъ дней (*feriae pu-
blicae*) римской общины: онъ сохранился въ календарѣ общины
и бесспорно представляетъ самый древній изъ всѣхъ дошедшихъ
до насъ документовъ о римской древности. Первое въ немъ мѣсто
большаго празд-
ничныхъ
дней.

занимають боги Юпитеръ и Марсъ, равно какъ двойникъ этого послѣдняго Квиринъ. Юпитеру посвящены всѣ дни полнолунія (*idus*), сверхъ того всѣ праздники вина и многіе другіе, о которыхъ будетъ упомянуто далѣе; его антагонисту, «злому Юпитеру» (*Vediovis*) было посвящено 21-ое мая (*agonalia*). Марсу принадлежалъ первый день новаго года, 1-е марта, и главнымъ образомъ большое военное торжество, происходившее въ теченіе этого мѣсяца, названнаго по имени самого бога. Этому торжеству предшествовалъ 27 февраля конскій бѣгъ (*equigria*), а его главными днями въ теченіе марта были: день ковки щитовъ (*equigria* или *Mamuralia*, марта 14), день военной пляски на площади народныхъ сходокъ (*quinquatrus*, марта 19) и день освященія военныхъ трубъ (*tubilustrum*, марта 23). Такъ какъ, въ случаѣ войны, ее начинали съ этого праздника, то осенью, послѣ окончанія похода, снова справляли праздникъ Марса—день освященія оружія (*armilustrum*, октября 19). Наконецъ второму Марсу, т. е. Квирину, принадлежало 17-ое февраля (*Quirinalia*). Между остальными праздниками первое мѣсто занимають тѣ, которые относятся къ земледѣлю и къ винодѣлю, а рядомъ съ ними праздники пастуховъ играютъ лишь второстепенную роль. Сюда прежде всего принадлежитъ длинный рядъ весеннихъ праздниковъ въ апрѣлѣ; во время нихъ приносились жертвы: 15 числа Теллу, т. е. кормилицѣ-землѣ (*fordicidia*, приносилась въ жертву стельная корова), 19 Церерѣ, т. е. богинѣ растительнаго міра (*Cerialia*), 21—плодотворной богинѣ стадъ Палесѣ (*Pagilia*), 23—Юпитеру, какъ хранителю виноградныхъ лозъ и впервые откупориваемыхъ въ этотъ день бочекъ прошлогодняго сбора (*Vinalia*), 25—злому врагу посявовъ—ржѣ (*Robigus: Robigalia*). По окончаніи полевыхъ работъ и послѣ успѣшной уборки жатвы справлялся двойной праздникъ въ честь бога уборки жатвы Коса (отъ *condere*) и въ честь богини изобилія Опы—сперва, немедленно послѣ окончанія работы жнецовъ (августа 21, *Consualia*; августа 25, *Opiconsiva*), потомъ въ серединѣ зимы, когда наполняющая амбары благодать можетъ быть оцѣнена по достоинству (декабра 15, *Consualia*; декабра 19, *Oralia*); а чуткій здравый смыслъ древнихъ распорядителей празднествъ вставилъ промежъ двухъ послѣднихъ праздниковъ праздникъ посява (*Saturnalia* отъ *Saeturnus* или *Saturnus*, декабра 17). Точно такъ и праздникъ винограднаго сока, называвшійся также цѣлебнымъ (*meditrinalia*, октября 11), потому что свѣжему виноградному соку приписывали цѣлебную силу, справлялся послѣ окончанія сбора винограда въ честь Юпитера, какъ бога вина; но первоначальное значеніе третьяго праздника вина (*Vinalia*, августа 19) не ясно. Затѣмъ слѣдуютъ въ концѣ года: волчій праздникъ (*Lupercalia*, февраля 17), который справляли пастухи

въ честь добраго бога Фавна, и праздникъ межовыхъ камней (Festinalia, февраля 23), который справляли земледѣльцы; сверхъ того справлялись: двухъ-дневный лѣтній праздникъ дубравъ (Lusania, юля 19. 21), который, вѣроятно, былъ посвященъ лѣснымъ богамъ (Silvani), праздникъ источниковъ (Fontinalia, октября 13) и праздникъ кратчайшаго дня, послѣ котораго восходитъ новое солнце (An-geronalia, Divalia, декабря 21).—Въ городѣ, который служилъ портомъ для всего Лациума, не могли имѣть менѣе важное значеніе: праздникъ моряковъ въ честь морскихъ боговъ (Neptunalia, юля 23), праздникъ пристани (Portunalia, августа 17) и праздникъ рѣки Тибра (Volturnalia, августа 27).—Ремесла и искусства имѣли въ этой сферѣ боговъ только двухъ заступниковъ—бога огня и кузнечнаго мастерства, Вулкана, которому, кромѣ названнаго его именемъ дня (Volcanalia, августа 23), былъ посвященъ еще праздникъ освященія трубъ (tubilustrium, мая 23) и за тѣмъ Карменту (Carmentalia, января 11. 15), которую сначала чтли какъ богиню волшебныхъ заклинаній и пѣсень, а впоследствии стали чтить, какъ покровительницу рожденій.—Домашней и семейной жизни были посвящены: праздникъ богини дома—Весты и праздникъ геніевъ кладовой — Пенатовъ (Vestalia, юня 9); праздникъ богини рожденія *) (Matralia, юня 11); праздникъ благословенія дома дѣтьми, посвященный Либеру и Либерѣ (Liberalia, марта 17), праздникъ умершихъ (Feralia, февраля 21), и трехдневный праздникъ привидѣній (Lemuria, мая 9. 11. 13). Въ сферѣ гражданскихъ отношеній принадлежали два непонятныхъ для насъ праздникова: бѣгства царя (Regifugium, февраля 24) и бѣгства народа (Porcifugia, юля 5), изъ которыхъ по меньшей мѣрѣ послѣдній былъ посвященъ Юпитеру, и кромѣ того праздникъ семигорья (Agonia или Septimontium, декабря 11). И богу «начала», Янусу былъ посвященъ особый день (agonia, января 9). Значеніе нѣкоторыхъ другихъ праздниковъ для насъ непонятно; таковы: праздникъ Фуррины (юля 25), и посвященный Юпитеру вмѣстѣ съ Аккой Ларенціей праздникъ Ларенталій, который, быть можетъ, былъ праздникомъ Ларь (декабря 23).—Въ этой таблицѣ вполне перечислены тѣ дни общественныхъ празд-

*) Судя по всему, таково было первоначальное значеніе „матери утра“ или Mater matuta; слѣдуетъ припомнить, что родиться въ утренній часъ считалось за признакъ будущаго благополучія, какъ это доказываютъ собственныя имена Lucius и въ особенности Manius. Mater matuta сдѣлалась богиней моря и гавани лишь въ болѣе позднюю пору подъ влияніемъ мѣта о Левкоееѣ; уже тотъ фактъ, что эту богиню чтли преимущественно женщины, доказываетъ, что она первоначально не была богиней гавани.

нествъ, которые были неизмѣнно установлены, и хотя, безъ сомнѣнія, изстари существовали сверхъ того и другіе передвижные и случайныя праздники, все-таки и то, что говорится въ этой таблицѣ и то, что въ ней умалчивается, даетъ намъ возможность заглянуть въ такую древнюю эпоху, которая иначе была-бы почти совершенно исчезнувшей изъ нашихъ глазъ. Въ то время, когда эта таблица была составлена, уже совершилось сліяніе древней римской общины съ холмовыми Римлянами, такъ-какъ мы находимъ въ ней рядомъ съ Марсомъ и Квирина; но капитолійскій храмъ еще не былъ въ ту пору построенъ, такъ какъ въ таблицѣ нѣтъ рѣчи ни о Юнонѣ, ни о Минервѣ; святилище Діаны на Авентинѣ также еще не было воздвигнуто, и еще не было заимствовано отъ Грековъ никакихъ религіозныхъ воззрѣній. Пока италійское племя жило на полуостровѣ безъ всякихъ соприкосновеній съ внѣшнимъ міромъ, какъ римскій, такъ и вообще италійскій культъ по всѣмъ признакамъ заключался главнымъ образомъ въ поклоненіи богу Маурсу или Марсу; это былъ смертоубійственный богъ *); его представляли себѣ преимущественно мечущимъ копьѣ, охранителемъ стадъ и божественнымъ бойцемъ за гражданство, низвергающимъ его враговъ; само-собой разумѣется, что каждая община имѣла своего собственнаго Марса, котораго считала самымъ могущественнымъ и самымъ святымъ изъ всѣхъ; поэтому и всякое «посвященное веснѣ» переселеніе съ цѣлю основать новую общину предпринималось подъ покровительствомъ своего собственнаго Марса. Марсу посвященъ первый мѣсяцъ года какъ въ римскомъ мѣсяцесловѣ, — въ которомъ помимо того вовсе не упоминается о богахъ, — такъ, по всему вѣроятію, и въ мѣсяцесловахъ латинскомъ и сабельскомъ; между римскими собственными именами, также вообще не имѣющими ничего общаго съ именами боговъ, изстари были самыми употребительными: Маркъ, Мамеркъ, Мамурій; съ Марсомъ и съ его священнымъ дятломъ находится въ связи древнѣйшее италійское предсказаніе; священный звѣрь Марса — волкъ служилъ для римскаго гражданства чѣмъ-то въ родѣ герба, и есѣ священная легенда, какія только была въ состояніи создать фантазія Римлянъ, относятся исключительно къ богу Марсу и къ его двойнику Квирина. Впрочемъ отецъ Діовисъ — это болѣе чистое и болѣе гражданское, нежели воинственное, отраженіе духа римской общины — занимаетъ въ спискѣ праздниковъ болѣе широкое мѣсто, чѣмъ Марсъ, а жрецъ Юпитера стоялъ по рангу выше обоихъ жрецовъ бога

*) Изъ слова *Ma r s*, — древнѣйшей, дошедшей до насъ по преданію, формѣ, — возникаютъ путемъ различныхъ превращеній буквы *u*: *Ma r u*, *Ma u o r u*, *mo r u*; переходъ въ букву *o* (какъ въ *Pa u l a*, *Ro l a* и друг. тому под.) встрѣчается и въ двойной формѣ *Ma r - Mo r* (сравн. *Ma - m i r i u s*) рядомъ съ *Ma r - Ma r* и *Ma - Me r s*.

войны; но и этотъ послѣдній игралъ въ томъ смыслѣ выдающуюся роль и даже весьма вѣроятно, что въ то время, когда были установлены праздничные дни, Юпитеръ занималъ по отношенію къ Марсу такое-же мѣсто, какое занималъ Ормуздъ по отношенію къ Миерѣ, и что въ воинственной римской общинѣ и тогда былъ настоящимъ средоточіемъ богопочитанія воинственный богъ смерти съ своимъ мартовскимъ праздникомъ, а богомъ радующаго сердце вина былъ самъ отецъ Юпитеръ, но не введенный впоследствии Греками «облегчитель заботъ» *).

Въ нашу задачу не входитъ описаніе римскихъ боговъ во всѣхъ подробностяхъ; но и въ интересахъ исторіи необходимо обратить вниманіе на ихъ своеобразный характеръ, въ одно и то-же время и далеко не возвышенный и задушевный. Отвлеченіе и олицетвореніе составляютъ сущность какъ римской, такъ и эллинской мифологіи; эллинскій богъ также служитъ выраженіемъ для какого-нибудь явленія природы или для какого-нибудь понятія, а то, что и Римлянинъ и Греку каждое божество представлялось особою личностью, видно изъ возвращенія на отдѣльныхъ боговъ какъ на существа или мужскаго или женскаго пола, и изъ слѣдующаго воззванія къ неизвѣстному божеству: «богъ-ли ты или богиня, мущина-ли ты или женщина»; отсюда произошло и глубоко вкоренившееся убѣжденіе, что не слѣдуетъ громко произносить имя генія-хранителя общины изъ опасенія, что непріятель, узнавши это имя, станетъ призывать бога по имени и переманить его за границу. Остатки такого грубаго чувственнаго воззрѣнія связаны именно съ именемъ самаго древняго и самаго національнаго изъ италійскихъ боговъ — Марса. Но между тѣмъ какъ лежащая въ основѣ всякой религіи абстракція повсуду стремится все къ болѣе и болѣе широкимъ понятіямъ, пытается все глубже и глубже проникать въ самую суть вещей, римскіе боги, напротивъ того, постоянно держатся поразительно низкаго уровня воззрѣній и понятій. Между тѣмъ какъ у Грековъ всякая сколько-нибудь недюжинная мысль быстро разрастается въ цѣлую группу образовъ, въ цѣлую сферу легендъ и идей, напротивъ того у Римлянъ основная мысль остается окоченѣлой въ своей первоначальной наготѣ. Въ римской религіи нѣтъ ничего самобытно ею созданнаго, что можно бы было поставить наряду съ нравственнымъ преображеніемъ земной жизни въ религіи Аполлона, съ божественнымъ упоеніемъ въ поклоненіи Діонису, съ глубокомысленнымъ и таинственнымъ культомъ хтонійскихъ (подземныхъ) боговъ и съ мистеріями. Она, пожалуй, имѣетъ понятіе и о «недобромъ богѣ» (*V e - d i o v i s*), о призракахъ и привидѣніяхъ (*l e m u r e s*), а впоследствии также о божествахъ зловреднаго воздуха, лихорадки, болѣзней и, быть

Характеръ
римскихъ
боговъ.

*) То-есть Бакхъ. (*Прим. перев.*).

можесть, даже воровства (*larcenia*); но она не была въ состояніи возбуждать того тайнаго ужаса, къ которому есть также влеченіе въ человѣческомъ сердцѣ; она не была въ состояніи проникнуться тѣмъ, что есть непонятнаго и даже злого въ природѣ и въ человѣкѣ, и что должно отражаться на религіи, если эта религія хочетъ обнимать всѣ стороны человѣческой жизни. Въ римской религіи едва-ли было что-либо покрытое таинственностію, кромѣ названій городскихъ боговъ Пенатовъ; но сущность и этихъ боговъ была для всякаго понятна. — Національное римское богословіе старалось выяснить для себя всѣ сколько-нибудь значительныя явленія и ихъ свойства, и за тѣмъ, давши каждому изъ нихъ надлежащее названіе, распредѣлить ихъ по разрядамъ (согласно съ той классификаціей лицъ и вещей, которая лежала въ основѣ частнаго права), для того, чтобъ знать, къ какому богу или разряду боговъ слѣдуетъ обращаться и какимъ способомъ, и для того, чтобъ указать этотъ правильный способъ толпѣ (*indigitare*). Римское богословіе въ сущности и состояло изъ такихъ механически отвлеченныхъ понятій, отличающихся чрезвычайной простотой и на половину возвышенныхъ, на половину забавныхъ; понятія о посѣвѣ (*saetivus*) и полевыхъ работахъ (*ops*), о почвѣ (*tellus*) и о межевыхъ камняхъ (*terminus*) олицетворялись въ самыхъ древнихъ и въ самыхъ высоко-чтимыхъ римскихъ божествахъ. Едва-ли не самымъ своеобразнымъ между всѣми римскими богами и конечно единственнымъ, для котораго была придумана чисто-италійская форма поклоненія, былъ двуглавый Янусъ; однако и въ немъ не олицетворяется ничего, кромѣ выражающей боязливую римскую набожность идеи, что передъ начинаніемъ всякаго дѣла слѣдуетъ обращаться съ молитвой къ «духу открытія»; здѣсь также сказывается глубокое убѣжденіе, что римскія понятія о богахъ необходимо должны быть распределены по разрядамъ, между тѣмъ какъ каждый изъ эллинскихъ боговъ, благодаря тому, что былъ одаренъ болѣе ярко индивидуальностію, стоялъ отъ всѣхъ другихъ особнякомъ *). Едва-ли не самымъ искреннимъ изъ всѣхъ римскихъ вѣрованій было вѣрованіе въ геніевъ-хранителей, витав-

*) Что ворота, двери и утро [*Janus matutinus*] посвящались Янусу, что къ нему обращались прежде всѣхъ другихъ боговъ и что даже при чеканкѣ монеты его стали изображать прежде Юпитера и другихъ боговъ, — все это несомнѣнно доказываетъ, что онъ олицетворялъ отвлеченныя понятія объ открытіи и началѣ. И его двойная голова, которая смотритъ въ двѣ стороны, находится въ связи съ открывающимися на двѣ стороны воротами. Его нельзя считать за бога солнца и года тѣмъ болѣе потому, что названный его именемъ мѣсяцъ первоначально былъ одиннадцатымъ, а не первымъ; этотъ мѣсяцъ, вѣроятно, получилъ свое названіе отъ того, что въ это время года оканчивалась пора зимняго отдыха и снова начинался рядъ полевыхъ работъ. Впрочемъ само собой разумѣется, что съ тѣхъ поръ, какъ январь сдѣлался первымъ мѣсяцемъ въ году, и начало года было включено въ сферу дѣятельности Януса.

шихъ и въ домѣ и надъ домою и въ кладовой; въ публичномъ бо-
служеніи ихъ чтили подъ именемъ Весты и Пенатовъ, въ семейномъ —
подъ именемъ лѣсныхъ и полевыхъ боговъ Сильвановъ и главнымъ
образомъ подъ именемъ настоящихъ домашнихъ боговъ Лазовъ или
Ларъ, которымъ постоянно удѣлялась часть отъ поданныхъ за се-
мейнымъ столомъ кушаньевъ и поклониться которымъ каждый отецъ
семейства считалъ, еще во времена Катона Старшаго, своимъ пер-
вымъ долгомъ по возвращеніи изъ чужбины домой. Но въ распре-
дѣленіи боговъ по рангамъ, эти домашніе и полевые боги занимали
скорѣе послѣднее, нежели первое мѣсто; иначе и быть не могло при
такой религіи, которая отказывалась отъ идеализаціи: благочестивое
сердце находило для себя самую обильную пищу въ самыхъ простыхъ
и въ самыхъ индивидуальныхъ отвлеченностяхъ, а не въ самыхъ
широкихъ и всеобщихъ. Въмѣстѣ съ этимъ ничтожествомъ идеаль-
ныхъ элементовъ ясно выступали наружу практическія и утилитар-
ныя тенденціи римской религіи, которыя хорошо замѣтны въ выше-
приведенной таблицѣ праздничныхъ дней. Увеличенія имущества и
земныхъ благъ, доставляемыхъ обработкой полей и разведеніемъ скота,
мореплаваніемъ и торговлей, — вотъ чего ожидаетъ Римлянинъ отъ
своихъ боговъ; поэтому у Римлянъ быстро и повсемѣстно вошли
въ большой почетъ богъ честнаго слова (*deus fidius*), богиня
случайности и удачи (*fortis fortuna*) и богъ торговли (*mer-
cugius*), которые зародились изъ ежедневныхъ житейскихъ сно-
шеній, хотя и не успѣли попасть въ вышеприведенную таблицу празд-
ничныхъ дней. Въ римскомъ быту такъ сильно вкоренилась строгая
бережливость и склонность къ коммерческимъ спекуляціямъ, что та-
кими-же свойствами неизбѣжно должны были въ высшей степени
отличаться тѣ боги, въ которыхъ олицетворялся этотъ бытъ.

О мірѣ духовъ мы можемъ сказать лишь немногое. Души усоп-
шихъ — «добрые» (*paues*) не переставали жить въ видѣ тѣней
въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ повоилось тѣло (*dii inferi*), и при-
нимали пищу и питье отъ пережившихъ ихъ людей. Однако они
жили въ подземныхъ пространствахъ, а изъ подземнаго міра ника-
кой мостъ не велъ ни къ ходившимъ по землѣ людямъ ни къ ви-
тавшимъ въ высшихъ сферахъ богамъ. Греческій кумъль героевъ
былъ вовсе незнакомъ Римлянамъ, а вовсе не римское превращеніе
царя Ромула въ бога Квирина ясно доказываетъ, какъ поодно и какъ
неудачно была сочинена легенда объ основаніи Рима. Имя Нумы было
самымъ древнимъ и самымъ почтеннымъ изъ всѣхъ, какія упоми-
нались въ римскихъ сказаніяхъ; однако этого царя никогда не бого-
творили въ Римѣ такъ-же, какъ Тезея въ Афинахъ.

Древнѣйшія коллегіи жрецовъ были учреждены для бога Марса; жрецы.
суда принадлежатъ главнымъ образомъ: назначавшійся пожизненно
жрецъ этого общиннаго бога — «Марсовъ возжигатель» (*flamen
Martialis*), называвшійся такъ потому, что онъ совершалъ

Духи.

Жрецы.

обрядъ сожиганія жертвы, и двѣнадцать скакуновъ (*salii*), — то-есть юношей, исполнявшихъ въ мартѣ военный танецъ въ честь Марса и сопровождавшихъ этотъ танецъ пѣніемъ. О томъ, что слияніе хелмовой общины съ палатинской имѣло послѣдствіемъ удвоеніе римскаго Марса и вмѣстѣ съ тѣмъ назначеніе втораго Марсовскаго жреца — *flamen Quirinalis* и втораго братства скакуновъ — *salii collini*, уже было говорено ранѣе (стр. 82). Сверхъ того существовали и другіе боги, частію сдѣлавшіеся предметомъ поклоненія еще задолго до основанія Рима; для нѣкоторыхъ изъ нихъ назначались особые жрецы, какъ напримѣръ для Карменты, для Вулкана, для боговъ портоваго и рѣчнаго, а служеніе нѣкоторымъ другимъ поручалось отъ имени народа особымъ коллегіямъ или родамъ. Къ числу такого рода коллегій, во всему вѣроятію, принадлежала коллегія двѣнадцати «собратьевъ-земледѣльцевъ» (*fratres arvales*), обращающихся въ маѣ къ «богинѣ-производительницѣ» (*dea dia*) съ молитвами о восходѣ посѣвовъ, — хотя и подлежить сильному сомнѣнію, чтобъ эта коллегія уже въ ту эпоху пользовалась такимъ-же почетомъ, какой ей воздавали во времена имперіи. Сюда-же приписываютъ: братство Тиціевъ, которому было поручено охранять и поддерживать особый культъ римскихъ Сабиновъ (стр. 42), и состоявшіе при очагѣ тридцати курій тридцать куріальныхъ возжигателей (*flamines curiales*). Уже ранѣе упомянутый «волчій праздникъ» (*Lupercalia*) справлялся въ февралѣ мѣсяцѣ для охраненія стада въ честь «благоклоннаго бога» (*faunus*) членами рода Квииктѣевъ и присоединившимися къ нимъ, послѣ инкорпорациі холмовыхъ Римлянъ, членами рода Фабіевъ; это былъ настоящій карнавалъ пастуховъ, во время котораго «волки» (*Luperci*) опоясывали свое голое тѣло козлиными шкурами и рыскали во всѣ стороны, стегая всякаго встрѣчнаго ремнями. И въ другихъ родовыхъ культахъ, община, вѣроятно, участвовала черезъ своихъ представителей. — Къ этому древнѣйшему богослуженію римской общины мало-по-малу присоединялись новые способы богопочтанія. Самымъ важнымъ изъ нихъ былъ тотъ, который принадлежалъ объединившемуся городу, какъ-бы заново-основанному путемъ сооруженія большой городской стѣны и замка: въ этомъ культѣ самый высшій и самый лучший изъ боговъ — Юпитеръ Капитолійскій, въ которомъ олицетворялся геній римскаго народа, былъ поставленъ во главѣ всѣхъ римскихъ боговъ, а состоявшій при немъ съ тѣхъ поръ возжигатель, *Flamen Dialis*, составилъ вмѣстѣ съ двумя жрецами Марса высшій жреческой триумвиратъ. Въ то-же время возникли: культъ новаго еди-наго городского очага или культъ Весты и принадлежавшій къ нему культъ общинныхъ Пенатовъ (стр. 110). Шестъ цѣломудренныхъ дѣвъ, какъ-бы въ качествѣ шести дочерей римскаго народа, несли службу при богинѣ Вестѣ и были обязаны постоянно поддерживать

благотворный огонь на общинномъ очагѣ въ примѣръ (стр. 34) и въ навиданіе гражданамъ. Это семейно-публичное богопочитаніе было въ глазахъ Римлянъ самымъ священнымъ и долѣе всѣхъ языческихъ культовъ устояло въ Римѣ отъ христіанскихъ проклятій. За тѣмъ, Авентинъ былъ отведенъ Діанѣ, какъ представительницѣ латинскаго союза (стр. 104); но именно потому, что она была представительницей этого союза, при ней не состояло особыхъ рамскихъ жрецовъ; кромѣ того, римская община мало-по-малу приучилась поклоняться многимъ другимъ богамъ, или справляя въ ихъ честь въ установленной формѣ публичныя празднества или возлагая на жреческія коллегии обязанность чтить ихъ отъ ея имени, а при нѣкоторыхъ изъ нихъ, — какъ на примѣръ при богинѣ цвѣтовъ (*Flora*) и при богинѣ земныхъ плодовъ (*Romona*) назначала особыхъ возжигателей, такъ что число этихъ послѣднихъ наконецъ возросло до пятнадцати. Но между этими возжигателями тщательно отличали тѣхъ трехъ *flamines maiores*, которые до позднѣйшихъ временъ выбирались только изъ среды древнихъ гражданскихъ родовъ подобно тому, какъ старинныя братства палатинскихъ и квинральскихъ Салиевъ постоянно сохраняли первенство надъ всѣми другими жреческими коллегами. Такимъ образомъ, необходимая и постоянная служба при богамъ общины была разъ навсегда возложена государствомъ на особыя коллегии или на особыхъ должностныхъ лицъ, а для покрытія, какъ надо полагать, довольно значительныхъ расходовъ на жертвоприношенія, были частію приписаны въ нѣкоторымъ храмамъ земли, частію назначены судебныя пенни (стр. 71. 152). — Не подлежить сомнѣнію, что публичный культъ остальныхъ латинскихъ и, вѣроятно, также сабельскихъ общинъ въ сущности былъ такой-же; но крайней мѣрѣ положительно доказано, что Фламины, Салии, Луперки и Весталки были не специально-римскими, а обще-латинскими учрежденіями, и по меньшей мѣрѣ три первыя коллегии первоначально образовались въ одноплеменныхъ общинахъ, какъ кажется, не по римскому образцу. — Наконецъ, и каждый гражданинъ могъ дѣлать въ сферѣ своихъ собственныхъ боговъ то-же, что дѣлало государство въ сферѣ государственныхъ боговъ, — могъ не только приносить жертвы своимъ богамъ, но и посвящать имъ особыя мѣста и особенныхъ служителей.

Такимъ образомъ въ Римѣ было достаточно и жреческихъ коллегій и жрецовъ; однако тотъ, у кого есть просьба къ богу, обращается не къ служителю божію, а къ самому богу. Всякій, кому было нужно о чемъ-нибудь попросить или о чемъ-нибудь спросить, самъ вызвалъ къ божеству, — община, конечно, устами царя, курія черезъ куріона, всадничество черезъ своихъ начальниковъ, и никакое вмѣшательство жрецовъ не дерзало заслонять или затемнять этотъ первоначальный и натуральный путь къ сношенію съ божествомъ. Однако

Свѣдущіе
люди.

вовсе не легко имѣть дѣло съ богомъ. У него своя особая манера выражаться, понятная только опытному человеку; но кто умѣетъ взяться за это дѣло, тотъ, конечно, съумѣетъ не только узнать волю бога, но склонить его въ свою пользу, а въ крайнемъ случаѣ даже перехитрить его и вынудить его содѣйствіе. Поэтому естественно, что поклонникъ бога обыкновенно прибѣгалъ къ свѣдущимъ людямъ и спрашивалъ ихъ совѣта, а отсюда возникли тѣ религіозныя коллегіи свѣдущихъ людей, которыя были чисто-національнымъ италійскимъ учрежденіемъ и которыя имѣли на политическое развитіе страны гораздо болѣе сильное вліяніе, нежели жрецы и жреческія коллегіи. Ихъ нерѣдко смѣшивали съ этими послѣдними, но это было ошибкой. На жреческія коллегіи возлагалось служеніе какому-нибудь особому божеству, а коллегіи свѣдущихъ людей охраняли ненарушимыми преданія о тѣхъ болѣе всеобщихъ богослужебныхъ порядкахъ, точное соблюденіе которыхъ требовало нѣкоторой опытности и было предметомъ заботъ со стороны государства, потому что было въ его интересахъ. Оттого-то эти замкнутыя коллегіи, пополнявшіяся, конечно, изъ среды гражданъ, и сдѣлались хранительницами богослужебныхъ тонкостей и познаній. Въ римскомъ и вообще въ латинскомъ общинномъ устройствѣ такихъ коллегій первоначально было только двѣ: коллегія Авгуровъ и коллегія Понтификовъ *). Шестъ «птицегадателей» (*augures*) умѣли объяснить

Авгуры.

*) Всего яснѣе это видно изъ того, что во всѣхъ общинахъ, организованныхъ по латинскому образцу, находятся Авгуры и Понтифики [напр. Ципер. *De lege agr.* 2, 35, 96 и многочисленныя надписи], а въ Лаврентѣ былъ и *patet patratu* Феціаловъ [Orelli 2276]; но нельзя того-же сказать о другихъ коллегіяхъ. Стало-быть эти двѣ коллегіи стоятъ, въ качествѣ древнѣйшаго латинскаго племеннаго достоянія, на-ряду съ десяти-куріальной организаціей, съ Фламинами, Салиями и Луперками; напротивъ того, дуумвиры *sacris faciundis* и другія коллегіи, равно какъ тридцать курій и сервіевскія трибы и центурии, возникли въ Римѣ и потому оставались въ предѣлахъ Рима. Только касательно названія Понтификовъ не вполнѣ ясно, произошло-ли оно, подъ римскимъ вліяніемъ, въ общую латинскую схему въ замѣнъ болѣе старинныхъ и, быть можетъ, разнообразныхъ названій, или-же слово *pontifex* первоначально означало [какъ на это есть не мало указаній и въ самомъ языкѣ] не мостъ, а вообще дорогу и потому слово *pontifex* значило—строитель дорогъ.—Указанія на первоначальное число Авгуровъ неточны. Что это число непременно было нечетнымъ, опровергаетъ Паперонъ [*De lege agr.* 2, 35, 96], а Ливій [10, 6] этого не утверждаетъ, но только говоритъ, что число римскихъ Авгуровъ дѣлимо на три,—изъ чего слѣдуетъ заключить, что оно имѣло въ основѣ нечетную цифру. По словамъ Ливія [въ выше указ. мѣстѣ], до изданія Огульнѣвскаго закона, Авгуры были въ числѣ шести; то же самое говоритъ и Циперонъ [*De Rep.* 2, 9, 14], утверждая, что Ромулъ учредилъ должности четырехъ Авгуровъ и Пума—двухъ. Касательно числа Понтификовъ см. *Staatsrecht* [Моммсен] 2, 20.

языкъ боговъ по полету птицъ; это искусство было предметомъ серьезнаго изученія и было доведено до такого совершенства, что имѣло видъ научной системы. Шесть «мосто-строителей» (*pontifices*) **Понтифики.** получили свое названіе отъ того, что завѣдывали столько-же священнымъ, сколько политически важнымъ дѣломъ постройки и, въ случаѣ надобности, разрушенія моста, который вѣдъ черезъ Тибръ. Это были римскіе инженеры, знакомые съ тайнами мѣры и счета, вслѣдствіе чего на нихъ также была возложена обязанность составлять государственный календарь, возвѣщать народу о наступленіи дней новолунія, полнолунія и праздничныхъ и наблюдать, чтобъ каждое богослужбное дѣйствіе и каждая судебная процедура совершались въ надлежащіе дни. Такъ какъ на нихъ лежалъ преимущественно передъ всѣми другими надзоръ за всѣмъ, что касалось богослуженія, то и въ дѣлахъ о бракахъ, о завѣщаніяхъ и объ усыновленіи въ нихъ предварительно обращались въ случаѣ надобности съ вопросомъ, не было-ли задуманное дѣло въ чемъ-нибудь несогласно съ божескими законами. Отъ нихъ также зависѣло установленіе и обнародованіе тѣхъ общихъ богослужбныхъ правилъ для чужеземцевъ, которыя извѣстны подъ названіемъ царскихъ законовъ. Этими путемъ они сосредоточили въ своихъ рукахъ общій высшій надзоръ надъ римскимъ богослуженіемъ, хотя, какъ кажется, и не въ такомъ широкомъ размѣрѣ, какъ послѣ упраздненія царской власти; вмѣстѣ съ тѣмъ они сдѣлались верховными блюстителями и надъ всѣмъ, что находилось въ связи съ этимъ богослуженіемъ, — а что-же не находилось съ нимъ въ связи? Суть своей науки они сами опредѣляли словами «знаніе божескихъ и человѣческихъ дѣлъ». Въ сущности именно изъ нѣдръ этой коллегіи вышли зачатки какъ духовнаго и свѣтскаго законовѣдѣнія, такъ и историографіи. Такъ какъ всякая историографія находится въ связи съ календаремъ и съ лѣтописью, и такъ какъ въ римскихъ судахъ, вслѣдствіе ихъ особаго устройства, не могли установиться никакія преданія, то знаніе судебной процедуры и самыхъ законовъ должно было сосредоточиться также въ коллегіи Понтификовъ, которая одна была способна давать свои заключенія о дняхъ, которые должны считаться присутственными, и по юридическимъ вопросамъ, касавшимся религіи. — Съ этими двумя самыми древними и самыми важными коллегіями знатокъ религіи слѣдуетъ поставить почти на-ряду коллегію двадцати государственныхъ вѣстниковъ (*fetiales*, — слово неизвѣстнаго происхожденія), которая имѣла своимъ назначеніемъ хранить, путемъ преданій, какъ въ живомъ архивѣ, содержаніе договоровъ, заключенныхъ съ сосѣдними общинами, высказывать свое мнѣніе въ случаяхъ нарушенія установленныхъ договорами обязательствъ и въ крайнихъ случаяхъ настаивать на требованіи удовлетворенія и на объявленіи войны. Въ сферѣ международнаго права

Феціалы.

Феціалы были тѣмъ-же, чѣмъ были Понтифики въ сферѣ божественнаго права и потому, подобно этимъ послѣднимъ, имѣли право не постановлять рѣшенія, а указывать, въ какомъ смыслѣ рѣшенія должны быть постановлены. — Но какъ ни былъ высокъ почетъ, которымъ всегда пользовались эти коллеги, и какъ ни были важны и обширны ихъ права, все-таки Римляне и въ особенности самые высокопоставленные изъ Римлянъ никогда не позабывали, что ихъ назначеніе заключалось не въ томъ, чтобъ повелѣвать, а въ томъ, чтобъ давать дѣльные совѣты, и не въ томъ, чтобъ непосредственно испрашивать отвѣта боговъ, а въ томъ, чтобъ объяснять смыслъ отвѣтовъ, полученныхъ тѣми, кто обращался къ богамъ съ вопросами. Поэтому и самый высокопоставленный жрецъ не только стоялъ по своему сану ниже царя, но даже не смѣлъ безъ спроса давать царю совѣты. Отъ царя зависѣло наблюдать или ненаблюдать за полетомъ птицъ и въ нервомъ случаѣ назначать для того время; а птицегадатель только стоялъ подлѣ царя и въ случаѣ надобности объяснялъ ему языкъ этихъ небесныхъ вѣстниковъ. Точно такимъ-же образомъ Феціаль и Понтификъ могли вмѣшиваться въ вопросы государственнаго и частнаго права не иначе, какъ по приглашенію желающихъ и Римляне, не смотря на свою набожность, непреклонно держались правила, что жрецу не должна принадлежать въ государствѣ никакая власть, что онъ не имѣетъ права ничего приказывать и что онъ обязанъ наравнѣ со всѣми гражданами повиноваться самому высшему изъ должностныхъ лицъ.

**Характеръ
культа.**

Римское богопочитаніе было въ сущности основано на привязанности человѣка къ земнымъ благамъ и только второстепеннымъ образомъ на страхѣ, который внушаютъ необузданныя силы природы; поэтому оно и заключалось преимущественно въ выраженіяхъ радости, въ пѣніи по-одиночѣ и хоромъ, въ играхъ и въ танцахъ, но главнымъ образомъ въ пиршествахъ. Какъ у всѣхъ земледѣльческихъ народовъ, питающихся земными продуктами, такъ и у Италійцевъ убой скота былъ въ одно и то-же время и домашнимъ празднествомъ и богослужебнымъ актомъ; свинья считалась самой пріятной для боговъ жертвой только потому, что жареная свинина была обыкновеннымъ праздничнымъ блюдомъ. Но всякая расточительность, точно такъ-же, какъ и всякое чрезмѣрное ликованіе были несовѣстны съ скромнымъ бытомъ Римлянъ. Бережливость по отношенію къ богамъ составляетъ одну изъ самыхъ характеристическихъ особенностей самаго древняго латинскаго культа; даже фантазію сдерживала въ ея разгулѣ та непреклонная дисциплина, которую нація налагала сама на себя. Вслѣдствіе этого Латинны не были знакомы съ тѣми нравственными недугами, которые порождаетъ разнузданная фантазія. Впрочемъ и въ латинскую религію глубоко проникла вполнѣ нравственная склонность людей связывать земныя преступленія и земныя

наказанія съ сферой боговъ и первыя считать преступленіями противъ божества, а вторыя — некупленіемъ передъ богами. Казнь приговореннаго къ смерти преступника считалась принесенной богамъ истинной жертвой точно такъ же, какъ и умерщвленіе врага въ справедливой войнѣ: воръ, похитившій въ ночное время полевые плоды, расплачивался на вѣщицѣ за свою вину передъ Церерой точно такъ же, какъ врагъ расплачивался на полѣ сраженія за свою вину передъ матерью-землей и передъ добрыми духами. Здѣсь даже встрѣчается странный принципъ замѣны виновныхъ невинными: если боги разгнѣвались на общину, но остается неизвестнымъ, кто именно навлекъ на общину ихъ гнѣвъ, то ихъ можетъ умилостивить тотъ, кто добровольно принесетъ себя или въ жертву (*devovege se*); такъ напримѣръ, извергающая заразу трещина въ землѣ можетъ замкнуться, а на половину проигранное сраженіе можетъ превратиться въ побѣду, если какой-нибудь великодушный гражданинъ бросится въ качествѣ истинной жертвы въ пропасть или на копья враговъ. На такомъ-же возрѣніи былъ основанъ обычай посвященія весны, въ силу котораго обрекали на жертву богамъ весь рогатый скотъ и всѣхъ людей, которые родятся въ данный промежутокъ времени. Если это можно назвать приношеніями въ жертву людей, то, конечно, такіа приношенія принадлежали къ числу основныхъ элементовъ латинской религіи; но не слѣдуетъ позабывать, что какъ-бы далеко ни проникалъ нашъ взоръ въ прошлыя времена; приношенія въ жертву живыхъ людей ограничивались преступниками, виновность которыхъ уже была доказана передъ гражданскимъ судомъ, и тѣми невинными людьми, которые добровольно обрекали себя на смерть. Человѣческія жертвоприношенія иного рода несовѣстны съ основной мыслью жертвоприношеній; если-же они и встрѣчаются у индо-германскихъ племенъ, то они должны быть отнесены къ позднѣйшему періоду нравственнаго упадка и одичалости. У Римлянъ они никогда не входили въ обихъ за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда суевѣріе и отчаяніе искали въ ужасѣ спасенія отъ неминуемой гибели. Слѣдовъ вѣры въ привидѣнія, страха колдовства и культа мистерій мы находимъ у Римлянъ сравнительно очень мало. Оракуды и предсказанія будущаго никогда не имѣли въ Италіи такого-же значенія, какое они имѣли въ Греціи и они никогда не могли пріобрѣсть тамъ серьезнаго вліянія на частную и общественную жизнь. Но съ другой стороны именно поэтому латинская религія и впала въ невѣроятную вялость и сухость и рано превратилась въ мелочное и бездушное исполненіе религіозныхъ обрядовъ. Богъ Италійца, какъ уже было ранѣе замѣчено, былъ прежде всего вспомогательнымъ орудіемъ для достиженія самыхъ реальныхъ земныхъ цѣлей, а это влеченіе Италійцевъ къ тому, что удобопонятно и реально, отпечатлѣлось на ихъ религіозныхъ возрѣніяхъ и не менѣе

ясно замѣтно на теперешнемъ почитаніи Итальянцами ихъ святыхъ. У нихъ богъ противопоставляется человѣку точно такъ-же, какъ кредиторъ должнику; каждый изъ этихъ боговъ имѣетъ законно-приобрѣтенное право на извѣстные обряды и приношенія; но такъ какъ число боговъ такъ-же велико, какъ и число различныхъ моментовъ въ человѣческомъ существованіи, а неисполненіе или неточное исполненіе обязанностей къ каждому богу въ надлежащій моментъ влекло за собою наказаніе, то одно напоминаніе всѣхъ религіозныхъ обязанностей было дѣломъ труднымъ и требовавшимъ большой осмотрительности; отсюда и объясняется, почему Понтифики, специально изучившіе божественное право и умѣвшіе объяснять его требованія, достигли необыкновеннаго вліянія. Безупречный человѣкъ исполняетъ установленные обряды богослуженія съ такой-же купеческой акуратностью, съ какою исполняетъ свои земныя обязательства и даже дѣлаетъ лишнее, если и богъ съ своей стороны сдѣлалъ что-нибудь лишнее. Съ богомъ даже пускаются на спекуляціи: данный богу обѣтъ, какъ по своей сущности, такъ и по своему названію, ничто иное, какъ заключенный между богомъ и человѣкомъ формальный договоръ, по которому этотъ послѣдній обязывается уплатить первому за извѣстныя услуги соотвѣтствующее вознагражденіе, римское юридическое правило, что никакой договоръ не можетъ быть заключенъ чрезъ замѣстителей, конечно, было не послѣдней причиной того, что въ *Laціумъ* устранялось всякое посредничество жрецовъ при обращеніи людей къ богамъ съ какими-либо просьбами. Даже точно такъ, какъ римскій торговецъ былъ обязанъ исполнять условія договора только въ ихъ букввальномъ смыслѣ, такъ чтобъ не наложить никакого пятна на свою честь, и от носительно боговъ, — какъ учили римскіе богословы, — можно было давать и принимать вмѣсто самаго предмета его изображеніе. Владыкѣ небесъ преподносили луковичныя и маковыя головки для того, чтобъ на нихъ, а не на человѣческія головы, онъ направилъ свои молніи; въ искупленіе жертвы, которой ежегодно требовалъ для себя отецъ Тибръ, въ волны рѣки ежегодно бросали тридцать сплетенныхъ изъ прутьевъ куколъ *). Здѣсь понятія о божескомъ милосердіи и объ умиротвореніи бога смѣшиваются съ благочестивымъ лукавствомъ, которое пытается ввести грознаго властелина въ заблужденіе и отдѣлаться отъ него путемъ мнимаго удовлетворенія. Такимъ образомъ, хотя страхъ, который внушали римскіе боги, и имѣлъ сильное вліяніе на толпу, но онъ нисколько не былъ похожъ на тотъ тайный трепетъ передъ вседержащей природой или передъ всемогущимъ божествомъ, который служилъ основой для пантеистическихъ и монотеистическихъ религіозныхъ воззрѣній; на немъ лежалъ земной отпечатокъ и онъ въ

*) Было-бы совершенно безразсудно видѣть въ этомъ случаѣ остатки старинныхъ человѣческихъ жертвоприношеній.

сущности немногимъ отличался отъ той робости, съ которой римскій должникъ приближался къ своему правосудному, но очень пунктуальному и могущественному кредитору. Понятно, что такая религія не способствовала развитію художническихъ и философскихъ воззрѣній, а напротивъ того подавляла ихъ. Грекъ облекалъ наивныя идеи древнѣйшихъ временъ въ человѣческую плоть, вслѣдствіе чего его понятія о божествѣ не только обратились въ элементы искусствъ пластическаго и поэтическаго, но достигли вмѣстѣ съ тѣмъ той всеобщности и той эластичности, которыя составляютъ самую глубокую черту человѣческой природы и именно потому служатъ основами для всѣхъ міровыхъ религій. Благодаря такимъ свойствамъ греческой религіи, простое созерцаніе природы могло достигнуть глубины космогоническихъ воззрѣній, а простое нравственное понятіе—глубины всеобъемлющихъ гуманистическихъ воззрѣній, и въ теченіе долгаго времени греческая религія была въ состояніи обнимать всѣ фаназическія и метафизическія понятія націи, то-есть все идеальное ея развитіе, и расширяться въ глубь и въ ширину соразмѣрно съ увеличивавшимся содержаніемъ, пока фантазія и философія не разорвали въ куски сосудъ, который былъ ими наполненъ. Напротивъ того, въ Лациумѣ воплощеніе понятій о божествѣ было такимъ нагляднымъ, что на немъ не могли воспитаться ни художники ни поэты; къ тому-же латинская религія всегда чуждалась искусства и даже относилась къ нему враждебно. Такъ какъ богъ не былъ и не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ одухотвореніемъ земнаго явленія, то онъ находилъ и постоянное для себя мѣсто жительства (*templum*) и свое видимое изображеніе именно въ этомъ земномъ явленіи; создаваемые человѣческими руками стѣны и идола могли только исказить и затемнить духовное представленіе. Поэтому первоначальное римское богослуженіе не нуждалось ни въ изображеніяхъ ни въ жилищахъ боговъ и хотя въ Лациумѣ—вѣроятно по прищѣру Грековъ—уже съ раннихъ поръ стали чтить бога въ его изображеніи и построили для него домикъ (*aedicula*), но такое наглядное представленіе считалось несогласнымъ съ законами Нумы и вообще нечистымъ и чужеземнымъ. Развѣ только за исключеніемъ двуглаваго Януса, въ римской религіи не было ни одного созданнаго ею самой божескаго изображенія и еще Варронъ подсмѣивался надъ толпой, требовавшей куколъ и картинокъ. Отсутствіе всякой творческой силы въ римской религіи было также главной причиной того, что римская поэзія и еще болѣе римская философія никогда не возвышались надъ уровнемъ совершеннаго ничтожества.— И въ практической сферѣ обнаруживается то же различіе. Римская община извлекала изъ своей религіи ту практическую пользу, что жрецы и въ особенности Понтифики облекали въ опредѣленную форму нравственные законы, которые въ ту эпоху, еще незнающему съ полицейской опекой государства надъ гражданами, съ одной стороны

замѣняли полицейскій уставъ, а съ другой предавали нарушителей нравственныхъ обязанностей суду боговъ и налагали на нихъ божескія кары. Кромѣ наложенія религиозныхъ каръ на тѣхъ, кто не соблюдалъ святости праздничныхъ дней, и кромѣ рациональной системы хлѣбопашества и винодѣлія, о которой будетъ итти рѣчь далѣе, къ постановленіямъ перваго разряда принадлежатъ, между прочимъ, культъ очага и Ларь (стр. 165), отчасти связанный съ санитарно-полицейскими соображеніями, а главнымъ образомъ сожиганію труповъ, которое было введено у Римлянъ необыкновенно рано, — гораздо ранѣе, чѣмъ у Грековъ, — и которое предполагаетъ такое рациональное воззрѣніе на жизнь и на смерть, какого не знали въ самыя древнія времена и до какого не дошли даже въ наше время. Что латинская народная религія была способна осуществлять такія и другія имъ подобныя нововведенія, должно быть поставлено ей въ немаловажную заслугу. Но еще важнѣе было ея нравственное вліяніе. Если мужъ продавалъ жену или отца — женатаго сына, если ребенокъ билъ отца или невістку — тестя, если патронъ нарушалъ дочь чести по отношенію къ гостю или къ клиенту, если сосѣдъ самовольно передвигалъ съ мѣста межевой камень или если воръ похищалъ въ ночное время живнво, которое оставляли безъ охраны, полагаясь на людскую совѣсть, — то божесное проклятiе съ той минуты тяготѣло надъ головою виновнаго. Это не значитъ, что навлекшій на себя проклятiе человекъ (за с е г) былъ лишонъ покровительства законовъ: онага таковаго рода была бы противна всякимъ понятіямъ о гражданскомъ порядкѣ и къ ней прибѣгали въ Римѣ въ исключительныхъ случаяхъ въ эпоху сословныхъ распрій лишь подъ видомъ усиленія религиозной анаемы. Приведеніе такого божескаго проклятiя въ дѣйствіе не было дѣломъ ни кого-либо изъ гражданъ ни лишенныхъ всякой власти жрецовъ. Проклятiй долженъ былъ прежде всего подлежать божеской карѣ, а не той, которая налагается человѣческимъ произволомъ, и уже одно благочестивое народное вѣрованіе, на которомъ было основано такое проклятiе, само по себѣ служило наказаніемъ для легкомысленныхъ и злыхъ людей. Но результаты анаемы этимъ не ограничивались: царь имѣлъ право и былъ обязанъ привести ее въ дѣйствіе и послѣ того, какъ по его добросовѣстному убѣжденію былъ удостовѣренъ фактъ, достойный по закону проклятiя, онъ долженъ былъ удовлетворить оскорбленное божество, убивъ прокятаго, какъ убиваютъ жертвенныхъ животныхъ (supplicium), и этимъ способомъ очистить общину отъ преступленія, совершеннаго однимъ изъ ея членовъ. Если преступленіе принадлежало къ разряду незначительныхъ, то смертная казнь виновнаго замѣнялась принесеніемъ въ жертву животного или какимъ-нибудь другимъ приношеніемъ. Такимъ образомъ для всего уголовного права служило главной основой религиозное понятіе объ

очистительныхъ жертвахъ.— Но религія Латіума не сдѣлала ни одного шага далѣе таковаго способа поддерживать гражданскій порядокъ и нравственность. Эллада стояла въ этомъ отношеніи неизмѣримо выше Латіума, такъ какъ была обязана религіи не только всѣмъ своимъ умственнымъ развитіемъ, но и своимъ національнымъ единствомъ въ той мѣрѣ, въ какой дѣйствительно достигла этого единства; все, что было великаго въ эллинской жизни и все, что было въ ней общимъ національнымъ достоинствомъ, вращалось въ сферѣ божественныхъ пророчаній и празднествъ, въ сферѣ Дельфъ, Олимпіи и въ царствѣ дочерей вѣры — музъ. Однако именно въ этомъ отношеніи обнаруживаются тѣ преимущества, которыя имѣлъ Латіумъ надъ Элладой. Благодаря тому, что латинская религія была низведена на уровень обыденныхъ воззрѣній, она была для всякаго понятна и для всякаго доступна, вслѣдствіе чего римская община и не утратила своего гражданскаго равенства, между тѣмъ какъ Эллада, въ которой религія достигла одной высоты съ мышленіемъ лучшихъ людей, съ самой ранней поры испытала на себѣ все, что есть полезнаго и вреднаго въ умственной аристократіи. И латинская религія, подобно всѣмъ другимъ, возникла изъ бездонной глубины вѣрованій, а ея прозрачный міръ духовъ можетъ казаться пустымъ только поверхностному наблюдателю, способному принять прозрачность водъ за доказательство ихъ незначительной глубины. Такая искренняя вѣра, конечно, должна съ теченіемъ времени исчезнуть такъ-же неизбежно, какъ исчезаетъ утрення роса подъ лучами восходящаго солнца, и латинская религія также впоследствии изсякла; но Латинцы хранили въ себѣ наивную способность вѣровать долѣе почти всѣхъ другихъ народовъ и въ особенности долѣе Грековъ. Подобно тому, какъ различные цвѣта создаются солнечнымъ свѣтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляютъ его, — искусство и наука создаются вѣрой, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрушаютъ ее, и какъ ни всецѣлительно властвуетъ въ сферѣ вѣрованій необходимость одновременнаго развитія и разрушенія, однако, въ силу безпристрастнаго закона природы, и на долю эпохи наивныхъ вѣрованій достаются такіе результаты, которыхъ слѣдующія эпохи тщетно стараются достигнуть. Именно то сильное умственное развитіе Эллиновъ, которымъ было создано всегда остававшееся неполнымъ ихъ религіозное и литературное единство, отняло у нихъ возможность достигнуть настоящаго политическаго единства, лишивъ ихъ того простодушія, той гибкости характера, того самоотверженія и той способности къ сліянію, которыя необходимы для всякаго государственнаго объединенія. Поэтому уже пора было-бы отказаться отъ того ребяческаго воззрѣнія на исторію, которое позволяетъ хвалить Грековъ только въ ущербъ Римлянамъ, а Римлянъ только въ ущербъ Грекамъ; какъ не слѣдуетъ отвергать достоинствъ дуба оттого, что рядомъ съ нимъ цвѣтетъ роза, такъ точно не слѣдуетъ ни хвалить

ни худить эти два самыхъ величественныхъ государственныхъ организма, какіе только были созданы древностію, а слѣдуетъ понять, что ихъ обоюдныя преимущества обусловливались ихъ недостатками. Самая важная причина различія двухъ націй, безъ сомнѣнія, заключалась въ томъ, что Лациумъ вовсе не приходилъ въ соприкосновеніе съ востокомъ, а Эллада вступила въ такое соприкосновеніе въ эпоху своего возникновенія. Ни одинъ изъ живущихъ на землѣ народовъ не былъ такъ великъ, чтобъ могъ только своими собственными силами создать такую удивительную цивилизацію, какъ эллинская или какъ повднѣйшая христіанская; такихъ блестящихъ результатовъ исторія достигала тамъ, гдѣ арамейскія религіозныя идеи проникали въ индо-германскую почву. Но если именно потому Эллада была прототипомъ чисто-гуманнаго развитія, то Лациумъ будетъ навсегда служить протетипомъ національнаго развитія, а мы, въ качествѣ ихъ потомковъ, должны чтить ихъ обоихъ и должны учиться у нихъ обоихъ.

Иноземные культы. Таковъ былъ характеръ и таково было вліяніе римской религіи въ ея ничѣмъ не стѣсненномъ и чисто-національномъ развитіи. Ея національный характеръ ничего не утрачивалъ отъ того, что она съ древнѣйшихъ временъ заимствовала отъ иноземцевъ и обряды и сущность богопочитанія, точно такъ-же, какъ вслѣдствіе дарованія гражданскаго права нѣсколькимъ иноземцамъ римское государство не утрачивало своей національности. Что Римляне изстари обмѣнивались съ Латинами какъ товарами, такъ и богами, разумѣется само собой; гораздо болѣе достойно вниманія переселеніе иноплеменныхъ боговъ и заимствование богослужебныхъ обрядовъ отъ иноплеменниковъ. Объ особомъ сабинскомъ культѣ Тиціевъ уже было говорено ранѣе (стр. 166). Но сомнительно, заимствовались-ли божественныя идеи также изъ Этруріи, такъ какъ древнѣйшее названіе геніевъ—Лавы (отъ *lavacium*) и названіе богини памяти Минервы (*mens, menegvage*), хотя обыкновенно считаются по происхожденію этрусскими, но судя по филологическимъ указаніямъ, должны быть причислены скорѣе къ латинскимъ. Во всякомъ случаѣ достовѣрно и сверхъ того вполне согласно со всѣмъ, что мы знаемъ о римскихъ сношеніяхъ съ чужеземцами, — что греческій культъ наполь для себя доступъ въ Римъ и ранѣе и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ какой-либо другой изъ иноземныхъ культовъ. Древнѣйшимъ поводомъ для такихъ позаимствованій послужили греческія прорицалища. Языкъ римскихъ боговъ вообще ограничивался словами да и нѣтъ и по большей мѣрѣ выраженіемъ божественной воли при метаніи жребіевъ *).

*) *Sors* отъ *serere*, ставить въ рядъ. Это, по всему вѣроятію, были названныя на шнурокъ деревянныя дощечки, въ которыхъ составлялись разнообразныя фигуры, когда ихъ спускали со шнурка; это напоминаетъ Руны.

которое, какъ кажется, было италійскаго происхожденія, между тѣмъ, какъ уже съ древнѣйшихъ временъ,—но конечно лишь вслѣдствіе оказаннаго востокомъ вліянія—богѣ словоохотливые греческіе боги произносили цѣлыя изрѣченія. Римляне рано стали запастись такими совѣтами на случай надобности, и потому копій съ листочковъ пророчицы и жрицы Аполлона, кумской Сивиллы были въ ихъ глазахъ очень цѣннымъ подаркомъ отъ тѣхъ Грековъ, которые прѣзжали къ нимъ въ гости изъ Кампаніи. Для чтенія и объясненія этой волшебной книги была съ древнихъ поръ учреждена особая коллегія изъ двухъ свѣдущихъ людей (*duo viri sacris faciundis*), стоявшая по своему рангу только ниже коллегій Авгуровъ и Понтификовъ и къ ней были прикомандированы на счетъ общины два знающихъ греческій языкъ раба; къ этимъ хранителямъ прорицаній обращались въ сомнительныхъ случаяхъ, когда для предотвращенія какой-нибудь бѣды нужно было совершить богослужбное дѣйствіе, а между тѣмъ не знали, къ какому богу и въ какой формѣ слѣдуетъ обратиться. Даже къ дельфійскому Аполлону рано стали обращаться Римляне, нуждавшіеся въ какомъ-нибудь совѣтѣ; кроме ранѣ упомянутыхъ легендъ (стр. 139), объ этихъ сношеніяхъ свидѣтельствуютъ частію вошедшее во всѣ извѣстные намъ италійскія изрѣчія и тѣсно связанное съ дельфійскимъ оракуломъ слово *thesauros*, частію древнѣйшая римская форма имени Аполлона — *Aperta*, т. е. открыватель; эта форма была искаженіемъ дорійскаго слова *Apellon* и обличала свою древность именно своимъ варварствомъ. И греческаго Геракла рано стали чтить въ Италіи подъ именами *Herclus*, *Hercoles*, *Hercules*; но тамъ смотрѣли на него по-своему и сначала, какъ кажется, считали его богомъ рискованной наживы и необыкновеннаго обогащенія, вслѣдствіе чего на его главный алтарь (*agathaima*), находившійся на воловьемъ рынкѣ, полководецъ обыкновенно клалъ десятую долю захваченной добычи, а торговецъ—десятую долю барыша. Поэтому онъ вообще считался богомъ торговыхъ сдѣлокъ, которыя часто заключались въ самыя древнія времена у его алтаря и скрѣплялись присягой, и стало быть имѣть нѣкоторое сходство съ древнимъ латинскимъ богомъ «вѣрности данному слову» (*deus fidius*). Поклоненіе Геркулесу рано сдѣлалось однимъ изъ самыхъ распространенныхъ; по словамъ одного древняго писателя, его чтили во всѣхъ уголкахъ Италіи и его алтари стояли какъ на городскихъ улицахъ, такъ и на проселочныхъ дорогахъ. Римлянамъ также издавна были знакомы: боги мореплавателей Касторъ и Полидевкъ или по-римски Поллуксъ, богъ торговли Гермесъ — римскій Меркурій, и богъ врачеванія Асклапій или Эскулапій, хотя поклоненіе этимъ богамъ началось лишь въ болѣе позднюю пору. Названіе правдника «доброй богини» (*bona dea*)—*daimon*, соответствующее греческому *δαίμων* или *дѣ-*

и то, быть можетъ также должно быть отнесено въ этой эпохѣ. Стариннымъ позаймствованіемъ слѣдуетъ приписать и то, что старинный *Libeꝛ pater* Римлянъ впоследствии считался «Отцомъ Освободителемъ» и слился съ греческимъ богомъ вина «Разрушителемъ» (*Луаеос*) и то, что римскій богъ глубины сталъ называться «Расточителемъ богатствъ» (*Плутоиъ* — *Dis pater*); однако названіе супруги этого послѣдняго бога, Персефоны перенесло, при помощи измѣненія гласныхъ и переноснаго смысла, въ римскую Прозердину, то-есть произрастительницу. Даже богиня римско-латинскаго союза, авентинская Діана, какъ кажется, была копіей союзной богини мало-азиатскихъ Іонянъ, афесской Артемиды; но крайней мѣрѣ то рѣвное ея изображеніе, которое находилось въ римскомъ храмѣ, было сдѣлано по афесскому образцу (стр. 111). Арамейская религія имѣла въ ту эпоху слабое и косвенное вліяніе на Италію только этимъ путемъ, — чрезъ посредство рано проникнувшихъ восточными понятіями миеовъ объ Аполлонѣ, Діонисѣ, Плутоиѣ, Гераклѣ и Артемидѣ. При этомъ ясно замѣтно, что греческая религія проникала въ Италію преимущественно путемъ торговыхъ сношеній и что торговцы и мореплаватели прежде всѣхъ принесли туда греческихъ боговъ. — Однако эти частныя позаймствованія изъ чужихъ краевъ имѣли лишь второстепенное значеніе, а тѣ остатки древняго обывновенія представлятъ въ символахъ явленія природы, въ которыхъ можно отнести и сказаніе о быкахъ Кава (стр. 18), исчезли почти безслѣдно, такъ что въ цѣломъ можно считать римскую религію за органическое созданіе того народа, у котораго мы ее находимъ.

Сабельская религія.

Богочитаніе сабельское и умбрійское, — судя по тѣмъ немногимъ свидѣніямъ, какія дошли до насъ, — было основано на совершенно одинакихъ воззрѣніяхъ съ латинскимъ, отличаясь отъ этого послѣдняго только мѣстной окраской и внѣшними формами. О томъ, что оно отличалось отъ латинскаго, самымъ несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ учрежденіе въ Римѣ особаго братства для соблюденія сабинскихъ обрядовъ (стр. 43); но именно это учрежденіе и представляетъ поучительный примѣръ того, въ чемъ заключалось то различіе. Наблюденіе надъ полетомъ птицъ было у обоихъ племенъ обывновеннымъ способомъ вопрошать боговъ; но Тиции дѣлали свои наблюденія надъ одними птицами, а рамнійскіе Авгуры надъ другими. Повсюду, гдѣ мы находимъ данныя для сопоставленій, обнаруживается одинъ и тотъ-же фактъ: у обоихъ племенъ боги суть отвлеченныя понятія о томъ, что дѣлается на землѣ и по своей натурѣ безличны, но выраженіе такого понятія о богахъ и обряды различны. Понятно, что для тогдашняго культа эти отступленія казались важными; если-же дѣйствительно существовали болѣе рѣзкія различія, то мы уже не въ состояніи ихъ уловить.

Этрусская религія.

Но изъ дошедшихъ до насъ остатковъ этрусскаго богослуженія въ-

еть кинуть духомъ. Въ нихъ играютъ главную роль болѣе мрачная, но тѣмъ не менѣе скучная мистика, случайное совпаденіе чиселъ, толкованіе прамѣтъ и то преобладаніе чистой бессмыслицы, которое находить во всѣ времена поклонниковъ. Этрусскаго культа знакомѣ намъ далеко не въ такой-же полнотѣ и чистотѣ, какъ латинскій; но если позднѣйшія нововведенія и внесли въ него нѣкоторыя новыя черты, если преданія познакомили насъ именно съ тѣми его установленіями, которыя отличаются самымъ мрачнымъ и самымъ фантастическимъ характеромъ и болѣе всѣхъ другихъ уклоняются отъ латинскаго культа (а какъ въ томъ такъ и въ другомъ нельзя сомнѣваться), то все-таки у насъ еще остается достаточно данныхъ для того, чтобы считать мистику и варварство этого культа за настоящій продуктъ этрусскаго народнаго характера. — Нѣтъ возможности съ точностію опредѣлить, въ чемъ заключалась внутренняя противоположность между недостаточно намъ знакомымъ этрусскимъ понятіемъ о божествѣ и латинскимъ; но можно положительно утверждать, что между этрусскими богами выступаютъ на первый планъ злые и радующіеся чужему несчастью, что самый культъ жестокъ и даже заключаетъ въ себѣ приношеніе въ жертву военнопленныхъ, — такъ напримѣръ въ Цере были умерщвлены взятые въ плѣнъ Фокейцы, а въ Тарквиніяхъ взятые въ плѣнъ Римляне. Въмѣсто созданнаго воображеніемъ Латинцевъ, спокойнаго подземнаго міра усонныхъ «добрыхъ духовъ», здѣсь появляется настоящій адъ, въ которомъ путеводитель мертвыхъ — дикая на половину звѣрская фигура старца съ крыльями и съ большимъ молотомъ — загоняетъ несчастныя души на пытку при помощи ударовъ и жгѣй; впоследствии, фигура этого старца послужила въ Римѣ при кулачныхъ бояхъ моделемъ для костюма того, кто уносилъ съ мѣста борьбы трупы убитыхъ. Съ этимъ міромъ тѣней была такъ неразрывно связана идея о мученіяхъ, что даже былъ придуманъ способъ избавиться отъ нихъ: путемъ принесенія нѣкоторыхъ таинственныхъ жертвъ можно было переселить несчастную душу въ сферу высшихъ боговъ. Замѣчательно то, что для населенія своего подземнаго міра, Этруски рано заимствовали отъ Грековъ ихъ самыя мрачныя представленія, какъ напримѣръ ученіе объ Ахеронтѣ и о Харонѣ, играющее важную роль въ мудрости Этрусковъ. — Но всего болѣе Этруски занимались объясненіемъ прамѣтъ и чудесныхъ знаменій. Правда и Римляне признавали въ природѣ голосъ боговъ, но ихъ птпцегадателями повидали только простыя знаменія и умѣли дѣлать только общіе выводы о томъ, будетъ ли исходъ дѣла счастливъ или несчастливъ. Нарушеніе обыкновеннаго порядка въ природѣ считалось у нихъ предвѣстіемъ несчастья и препятствовало исполненію задуманнаго дѣла; такъ напримѣръ въ случаѣ грозы съ молніей и громомъ народное собраніе расходилось; Римляне даже старались устранять неестественныя

явленія, — такъ на примѣръ у нихъ торопливо убивали дѣтей, родившихся уродами. Но этимъ не ограничивались на той сторонѣ Тибра. Глубокомысленный Этрускъ разсказывалъ вѣрующему, — по наблюденію надъ молніями и надъ внутренностями жертвенныхъ животныхъ, — всю его будущность до малѣйшихъ подробностей, и чѣмъ страннѣе былъ языкъ боговъ, чѣмъ удивительнѣе были знаменія и чудесныя явленія, тѣмъ съ болѣею увѣренностью наставлялъ онъ надъ тѣмъ, что предсказывалъ; указывая при этомъ и способъ, которымъ можно предотвратить бѣду. Такимъ образомъ возникли наука о молніяхъ, гаданіе по внутренностямъ животныхъ, толкованіе чудесныхъ знаменій, и все это было выработано со всею мелочною точностью разсудка, витающаго въ сферѣ абсурдовъ, — а въ особенности наука о молніяхъ. Ее прежде всѣхъ преподавалъ Этрускамъ и тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ умеръ Тагесъ, — выкопанный изъ земли однимъ пахаремъ недалеко отъ Тарквиній карликъ съ дѣтскою наружностью и съ сѣдыми волосами, — точно будто въ лицѣ этого карлика хотѣло само себя осмѣять сочетаніе дѣтской наружности съ старческимъ безсиліемъ. Ученики и преемники Тагеса объясняли, какіе боги имѣютъ обыкновеніе метать молніи; какъ узнавать по мѣсту на небѣ и по цвѣту молніи отъ какого бога она исходитъ; предвѣщаетъ-ли молнія догвременное положеніе вещей или единичное событіе, а въ этомъ послѣднемъ случаѣ, должно-ли событіе совершиться непременно въ назначенный срокъ или-же его можно на нѣкоторое время отдалить при умѣнн ваяться за это дѣло; какъ упавшую молнію похоронить или какъ заставить упасть ту молнію, которая только грозитъ паденіемъ, — и множество изумительныхъ фокусовъ, въ которыхъ иногда проглядываетъ стремленіе къ наживѣ. Что такое фокусничество было совершенно не въ римскомъ духѣ, видно изъ того, что даже впослѣдствіи, когда къ нему стали прибѣгать въ Римѣ, не дѣлалось никакой попытки ввести его въ постоянное употребленіе; въ ту эпоху Римляне еще довольствовались своими собственными и греческими оракулами. — Этрусская религія стоитъ выше римской въ томъ отношеніи, что въ ней появились по меньшей мѣрѣ зачатки облеченныхъ въ религіозныя формы умозрѣній, которыхъ вовсе не замѣтно въ римской религіи. Надъ этимъ міромъ съ его богами царятъ другіе невидимые боги, къ которымъ обращается за указаніями даже этрускій Юпитеръ; но этотъ міръ конеченъ; такъ какъ онъ имѣлъ начало, то ему настанетъ и конецъ по истеченіи извѣстнаго періода времени, въ которомъ отдѣльные моменты измѣряются вѣками. Трудно судить о томъ, каковобыло всегда было уметвенное содержаніе этой этруской космогоніи и философіи; но какъ той такъ и другой, по видимому, были издревле свойственны нелѣпый фатализмъ и бессмысленныя сопоставленія чиселъ.

Г Л А В А XIII.

Земледѣліе, промыслы и торговля.

Земледѣліе и торговля такъ тѣсно связаны съ внутреннимъ устройствомъ и вѣшной исторіей государствъ, что говоря о послѣднихъ намъ уже много разъ приходилось принимать въ соображеніе и первыя. Здѣсь мы попытаемся описать въ связи съ прежними отрывочными замѣчаніями италійское и въ особенности римское народное хозяйство въ болѣе полномъ видѣ.

Уже было ранѣе замѣчено (стр. 19), что переходъ отъ лугового хозяйства къ полевому совершился еще до переселенія Италійцевъ на полуостровъ. Земледѣліе служило главной основой для всѣхъ италійскихъ общинъ, — для сабельскихъ и для этрусскихъ не менѣе, чѣмъ для латинскихъ; въ историческую эпоху въ Италіи не было настоящихъ пастушескихъ племенъ, хотя ея населеніе, натурально, занималось наряду съ земледѣліемъ и луговымъ хозяйствомъ въ меньшихъ или большихъ размѣрахъ смотря по мѣстности. Какъ глубоко было сознаніе, что всякій общественный строй основанъ на земледѣліи, видно изъ прекраснаго обменовенія, при основаніи новаго города, проводить плугомъ борозду по тому мѣсту, гдѣ предполагалось построить стѣну. Изъ Сервіевской реформы всего яснѣе видно, что именно въ Римѣ, объ аграрныхъ условіяхъ котораго только и можно говорить съ нѣкоторой опредѣленностью, не только сельское населеніе искони считалось главной опорой государства, но и постоянно имѣлось въ виду сдѣлать изъ осѣдлыхъ жителей ядро общины. Когда значительная часть римской земельной собственности перешла съ теченіемъ времени въ руки негражданъ и вслѣдствіе того для правъ и обязанностей гражданства уже не могла служить основой землевладѣльческая осѣдлость, реформа устранила не на время, а навсегда и это неудобство и опасности, которыми оно могло угрожать въ будущемъ; она раздѣлила всѣхъ жителей общины, безъ всякаго вниманія къ ихъ

политическому положенію, на осѣдлыхъ и пролетаріевъ, и возложила на первыхъ общественныя повинности, за которыми, по естественному ходу вещей, должны были слѣдовать и общественныя права. Какъ государственное устройство, такъ и вся римская военная и завоевательная политика были основаны на земледѣльческой осѣдлости; такъ какъ въ государствѣ имѣлъ значеніе только осѣдлый житель, то и война имѣла цѣлю увеличить число такихъ осѣдлыхъ членовъ общины. Покоренная община или была вынуждена совершенно слиться съ римскимъ земледѣльческимъ населеніемъ, или — если дѣло недоходило до такой крайности, — не облагалась ни военной контрибуціей ни постоянной данью, а уступала часть (обыкновенно треть) своихъ полей, на которыхъ потомъ всегда возникали жилища римскихъ земледѣльцевъ. Были и другіе народы, умѣвшіе такъ-же побѣждать и завоевывать, какъ Римляне; но ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ подобно римскому усвоивать вновь прибрѣтенную землю въ потъ своего лица и вторично завоевывать плугомъ то, что было завоевано копьемъ. Чтѣ прибрѣтается войной, то можетъ быть и отнято войной; но нельзя того-же сказать о завоеваніяхъ, сдѣланныхъ плугомъ; если Римляне, проигрывавшіе не мало сраженій, почти никогда не дѣлали при заключеніи мира территоріальныхъ уступокъ, то они были этииъ обязаны упорной привязанности земледѣльцевъ къ ихъ полямъ и къ ихъ собственности. Въ господствѣ надъ землею проявляется сила и частнаго человека и государства, а величіе Рима было основано на самомъ широкомъ и непосредственномъ владѣствѣ гражданъ надъ землею и на тѣсно-сомкнутомъ единствѣ такого прочно привязаннаго къ землѣ населенія.

Уже было ранѣе (стр. 35. 65) замѣчено, что въ древнѣйшія времена пахотныя поля воздѣлывались сообща, вѣроятно по отдѣльнымъ родовымъ союзамъ, и что за тѣмъ доходъ дѣлился между отдѣльными, входившими въ родовой союзъ, сѣмьями; дѣйствительно, между общественною запашкой и состоящей изъ родовъ общиной существуетъ тѣсная связь и даже въ болѣе позднюю пору очень часто встрѣчается въ Римѣ совмѣстное жительство и совмѣстное хозяйство совладѣльцевъ *).

---

*) Въ Италіи едва-ли когда-нибудь существовало встрѣчающееся въ германскомъ сѣльскомъ хозяйствѣ обыкновеніе соединять общественную обработку земли съ ея раздѣленіемъ между собственниками. Если-бы и въ Италіи, какъ въ Германіи, каждый хозяинъ считался собственникомъ особаго участка въ каждой хозяйственно-самостоятельной части общаго владѣнія, то возникшее впоследствии домоводство отдѣльныхъ хозяевъ, конечно, началось-бы съ раздробленныхъ запашекъ. Но на дѣлѣ было почти совершенно противное; индивидуальныя названія римскихъ пахотныхъ участковъ (*fundus Cornelianus*)]

преданій видно, что имущество первоначально заключалось въ ро-
гатомъ скотѣ и въ пользованіи землею, и что только впоследствии
земля была раздѣлена между гражданами въ ихъ личную собствен-
ность *). Лучшимъ доказательствомъ этого служить древнѣйшее
названіе имущества «владѣніе скотомъ» (*rescilia*) или «владѣніе
рабами и скотомъ» (*familia rescipiaque*) и названіе личного
имущества домохозяевъ и рабовъ—*rescilium*; такимъ-же дока-
зательствомъ служатъ: древнѣйшая форма пріобрѣтенія собственности
путемъ взысканія ея въ руку (*mancipatio*), примѣняемая только
въ движимости (стр. 151) и главнымъ образомъ древнѣйшая мѣра
земельной собственности» (*hereditium* отъ *heres*, владѣлецъ)
въ два югера или прусскихъ моргена, очевидно относящаяся къ
садовой землѣ, а не къ пахатной **). Когда и какъ произошло

ясно доказываютъ, что древнѣйшее римское индивидуальное землевладѣніе было
фактически замкнутымъ.

*) Цицеронъ [*De Rep.* 2, 9, 14; сравн. Плутарха *Quaest. Rom.* 15]
говоритъ: *Tum [то есть во времена Ромула] erat res in rescoge et locorum
possessionibus, ex quo rescipiosi et locupletes vocaban-
tur.—[Numa] primum agros, quos bello Romulus ceperat,
divisit viris civibus.* По словамъ Діонисія, Ромуль раздѣлилъ землю
на тридцать куріальныхъ округовъ, а Нума приказалъ поставить межевые камни
и уредилъ праздникъ Терминаліи [1, 7, 2, 74; отсюда заимствовалъ свои свѣ-
дѣнія Плутархъ въ жизнеописаніи Нумы 16].

**) Такъ какъ это мнѣніе до сихъ поръ еще встрѣчаетъ возраженія, то
пусть говорятъ вмѣсто насъ цифры. Римскіе хозяева въ послѣднія времена рес-
публики и во времена имперіи считали, что для засѣва одного югера нужно
среднимъ числомъ 5 римскихъ шеффелей пшеницы и ожидали урожая самъ-
пять; поэтому, участок [*hereditium*],—даже если не вычитать изъ него про-
странство подъ домомъ и подъ дворомъ, если считать его весь за пахатную
землю и не принимать въ расчетъ тѣхъ годовъ, когда земля остается подъ
паромъ—дастъ доходъ въ 50 шеффелей, а за вычетомъ отсюда того, что было
употреблено на посѣвъ, 40 шеффелей. Катонъ [с. 56] полагалъ, что на про-
кормленіе взрослога, усилленно работающаго раба нужно 51 шеффель пше-
ницы. Поэтому каждый въ состояніи самъ отвѣтить на вопросъ, могло-ли
римское семейство жить доходомъ съ *тередіи*. Попытки доказать противное
основывались на томъ, что свободный земледѣлецъ болѣе древнихъ временъ не
считался такъ-же, какъ въ болѣе позднюю пору рабъ, почти исключительно хлѣ-
бомъ, и что урожай самъ-пять слишкомъ малъ для древнихъ временъ; и то
и другое вѣрно, но и то и другое имѣетъ извѣстные прецѣды. Конечно, гово-
ря о самыхъ древнихъ временахъ, слѣдуетъ принимать въ расчетъ и побоч-
ные продукты, которые можно было получать и отъ пахатной земли и отъ общин-
ныхъ пастбищъ, какъ-то винныя ягоды, овощи, молоко, мясо [благодаря очень
обширному въ древности свиноводству] и т. д.; но древнее римское пастбищное
хозяство хотя и не было ничтожнымъ, однако имѣло второстепенное значеніе
и главной пищей для народа, какъ извѣстно, служилъ хлѣбъ. Далѣе, если и

раздѣленіе пахотной земли, уже нельзя опредѣлить съ точностью. Съ исторической достовѣрностью извѣстно только то, что древнѣйшее государственное устройство было основано не на землевладельческой осѣдлости, а на замѣнявшемъ ее родовомъ союзѣ, между тѣмъ какъ Сервіевскія учрежденія предполагаютъ уже состоявшееся раздѣленіе пахотныхъ полей. Изъ тѣхъ-же учрежденій видно, что земельная собственность состояла большею частію изъ участковъ средняго размѣра, которые доставляли одной семьѣ возможность работать и жить, и при которыхъ было возможно держать рогатый скотъ и употреблять въ дѣло плугъ; обыкновенный размѣръ такой полной плуговой запашки намъ неизвѣстенъ въ точности, но, какъ уже было замѣчено ранѣе (стр. 94), едва-ли былъ менѣе 20 моргеновъ. — Сельское хозяйство заключалось главнымъ образомъ въ

можно допустить, что древнее хлѣбопашество давало болѣе значительную прибыль, въ особенности если считать валовой доходъ [а въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что земледѣльцы того времени получали болѣе дохода, чѣмъ плататоры позднѣйшихъ временъ республики и временъ имперіи, стр. 34], то и здѣсь надо знать мѣру, такъ какъ рѣчь идетъ о среднемъ доходѣ и о такомъ хозяйствѣ, которое не было рациональнымъ и не велось съ крупными капиталами. Самое большее, что можно допустить—урожаемъ самъ-десять, но и это будетъ недостаточно. Огромный дефицитъ, который оказывается, даже послѣ такого предположенія, при сравненіи дохода съ гerediа и потребностей семьи, никакъ не можетъ быть покрытъ улучшенной обработкой земли. Всѣ возраженія были-бы убѣдительны только въ томъ случаѣ, если-бы было доказано на основаніи рациональнаго сельско-хозяйственнаго расчета, что среди населенія, питающагося преимущественно растительной пищей, доходъ съ участка въ 2 моргена вообще достаточенъ для прокормленія цѣлаго семейства.—Кромѣ того говорятъ, что даже въ историческую эпоху основывались колоніи съ полевыми надѣлами въ два моргена; но единственный примѣръ такого рода [Ливіи, 4, 47]—основанная въ 336 году колонія Лабикки — конечно не будетъ отнесена такими учеными, съ которыми стоить труда ссылаться на аргументы, къ числу преданій, заслуживающихъ довѣрія въ своихъ историческихъ подробностяхъ, и кромѣ того возбуждаетъ другія очень серьезныя сомнѣнія [книга 2, гл. 5, прим.]. Во всякомъ случаѣ достоверно то, что при неколониальномъ отводѣ земель для всего гражданства [adsignatio viritana], нерѣдко приходилось на каждого лишь по нѣсколькx моргеновъ [такъ напр. Лив. 8, 11. 21]; но это не дѣлалось съ намѣреніемъ создать новыя крестьянскія хозяйства, а обыкновенно прибавлялись къ существующимъ хозяйствамъ новыя доли изъ завоеванной территоріи [сравн. Согр. Inscr. Lat. Моммсена, I, стр. 88]. Во всякомъ случаѣ, какое-бы то ни было иное предположеніе болѣе основательно, чѣмъ та гипотеза, стоящая едва-ли не на одномъ уровнѣ съ упоминаемыми въ евангеліи пятью хлѣбами и двумя рыбами. Римскіе поселенцы были вовсе не такъ умѣренны въ своихъ требованіяхъ, какъ ихъ историографы; они находили, какъ уже было намъ замѣчено [стр. 94], что семья не можетъ прокормиться даже доходомъ съ земельного участка въ 7 моргеновъ, то есть 140 римскими шеффелями пшеницы.

хлѣбопашествѣ; обыкновенно сѣяли полбу (fag *), но также усердно раз- Хлѣбопаше-водили стручковые плоды, рѣпу и овощи. Что разведеніе винограда: ство. не было впервые занесено въ Италію греческими переселенцами (стр. 19), видно изъ того, что въ принадлежащемъ къ до-греческому пе- Винодѣліе. ріоду списокъ праздниковъ римской общины значатся три винныхъ праздника, посвященныхъ отцу Юпитеру, а не замкствованному впоследствии отъ Грековъ богу вина, отцу освободителю. О томъ, какъ гордились Латины своимъ превосходнымъ виномъ, возбуждавшимъ зависть въ сосѣдяхъ, свидѣтельствуютъ: очень древняя легенда о томъ, что царствовавшій въ Цере царь Мезентій ваямалъ съ Лати-

*) Новѣйшая, но едва-ли послѣдняя, попытка доказать, что семья латинскаго земледѣльца могла жить доходомъ съ двухъ югеровъ земли, основана главнымъ образомъ на томъ, что по словамъ Варрона [De re rust. 1, 44, 1], на засѣвъ одного моргена нужно было 5 шеффелей пшеницы, а полбы 10 шеффелей; соразмѣрно съ такимъ засѣвомъ высчитывали урожай и приходили къ заключенію, что воздѣлываніе полбы если не вдвое, то во всякомъ случаѣ несравненно прибыльнѣе, чѣмъ воздѣлываніе пшеницы. Но на дѣлѣ оказывается противное: болѣе высокой размѣръ посѣва и сбора объясняется просто тѣмъ, что Римляне запасали и сѣяли пшеницу вылущенную, а полбу въ шелухѣ [Плиніи, Hist. Nat. 18, 7, 61], которая не отдѣлялась отъ зерна молотью. По той-же причинѣ полба и въ настоящее время сѣется въ двойномъ количествѣ противъ пшеницы и даетъ по числу шеффелей вдвое болѣе доходъ, но послѣ очистки зерна отъ шелухи—меньшій. По виртембергскимъ даннымъ, которыя сообщилъ мнѣ Г. Ганссель, среднимъ количествомъ сбора съ виртембергскаго моргена считается: пшеницы [при посѣвѣ отъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ шеффеля] три шеффеля среднимъ вѣсомъ по 275 фунт. [— 825 фунтовъ], полбы [при посѣвѣ отъ $\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ шеффеля] по меньшей мѣрѣ 7 шеффелей среднимъ вѣсомъ въ 150 фунт. [— 1050 фунт.]; эти семь шеффелей, послѣ очищенія зерна отъ шелухи, сводятся приблизительно къ четыремъ. Стало быть полба даетъ въ неочищенномъ видѣ вдвое болѣе дохода чѣмъ пшеница, а при одинаково хорошей почвѣ едва-ли не втрое, но по относительному вѣсу даетъ до вылущенія зерна немного болѣе, а послѣ вылущенія [въ видѣ зерна] менѣе половины. Не по ошибкѣ, какъ это утверждали, былъ сдѣланъ вышеозначенный расчетъ на пшеницу, а потому что при расчетахъ этого рода слѣдуетъ исходить изъ удостовѣренныхъ преданіями однородныхъ данныхъ; онъ былъ сдѣланъ потому, что если его перевести на полбу, онъ даетъ почти то-же самое, а доходъ скорѣе уменьшается, нежели увеличивается. Полба менѣе требовательна въ томъ, что касается почвы и климата и подвергается меньшимъ опасностямъ, чѣмъ пшеница; но эта послѣдняя въ общемъ итогѣ,—въ особенности если принять въ расчетъ немалую стоимость вылущиванія,—даетъ болѣе значительный частный доходъ [по средней пятидесятилѣтней сложности, въ Франкенталѣ, въ Рейнской Баваріи, мальтеръ пшеницы стоитъ 11 гульд. 3 крейц., а мальтеръ полбы 4 гульд. 30 крейц.]; а такъ-какъ въ южной Германіи, повсюду, гдѣ это дозволяетъ почва, пшеница предпочитается и вообще при улучшенномъ воздѣлываніи земли обыкновенно вытѣсняетъ полбу, то не подлежитъ сомнѣнію, что точно такой-же переходъ въ италійскомъ сельскомъ хозяйствѣ отъ воздѣлыванія полбы къ воздѣлыванію пшеницы былъ несомнѣннымъ прогрессомъ.

новъ или съ Рутуловъ дань виномъ, и различные варианты очень распространеннаго въ Италиі разсказа, что Кельтовъ побудило перейти черезъ Альпы ихъ знакомство съ прекрасными продуктами Италиі и въ особенности съ ея виноградомъ и съ ея виномъ. Латинскіе жрецы рано и повсемѣстно стали поощрять тщательное разведеніе винограда. Въ Римѣ приступали къ сбору винограда только послѣ того, какъ вышнее въ общинѣ лице духовнаго званія—жрецъ Юпитера давалъ свое разрѣшеніе и самъ приступалъ къ этой работѣ, а въ Тускулѣ было запрещено продавать новое вино, пока жрецъ не объявитъ о праздниѣ откупориванія бочекъ. Сюда же слѣдуетъ отнести какъ возліанія вина при жертвоприношеніяхъ, такъ и извѣстное подъ названіемъ закона царя Нумы, предписаніе римскихъ жрецовъ не употреблять при жертвоприношеніяхъ вино, добываемое изъ необрѣзанныхъ лозъ; точно также,—чтобъ ввести въ обыкновеніе столь полезную въ хозяйствѣ просушку зерна,—жрецы запрещали приносить его въ жертву сырымъ.—Разведеніе маслинъ не такъ древне и, безъ сомнѣнія, было впервые занесено въ Италію Греками *). Маслины, какъ слѣдуетъ полагать, были впервые разведены на западныхъ берегахъ Средиземнаго моря въ концѣ втораго столѣтія отъ основанія Рима; съ этимъ предположеніемъ согласуется и тотъ фактъ, что масличная вѣтвь и маслина играли въ римскихъ богослужебныхъ обрядахъ гораздо менѣе значительную роль, чѣмъ виноградный сокъ. Впрочемъ, о томъ, какъ высоко цѣнились эти оба растенія у Римлянъ, свидѣтельствовали виноградная лоза и маслина, выращенныя на городской площади не подалеку отъ Курціева пруда.—Изъ плодовыхъ деревьевъ всего усерднѣе разводилась питательная смоковница, которая, по всему вѣроятію, была въ Италиі продуктомъ мѣстной почвы, а вокругъ тѣхъ старыхъ смоковницъ, которыхъ было не мало и на римской площади и вблизи отъ нея **), легенда объ основаніи города сплела свою самую густую ткань.—

Разведеніе маслинъ.

Полевое хозяйство.

Земледѣлецъ и его сыновья сами пахали землю и исправляли всѣ хозяйственныя работы, а постоянное участіе въ этихъ работахъ рабовъ или свободныхъ поденщиковъ неправдоподобно въ мелкихъ хозяйствахъ. Въ плугъ впрягали быка или корову, а вьючными животными были лошади, ослы и мулы. Самостоятельное скотоводство для произведенія мяса или молока не существовало по меньшей мѣрѣ въ то время, когда земля составляла собственность родовъ, а если

*) Oleum, oliva произошли отъ ἔλαιον, ἔλαια а mursa [масляная гуща]—отъ ἀμόργη.

**) Однако преданіе ничего не говоритъ намъ о томъ, что смоковница, стоявшая противъ храма Сатурна, была срублена въ 260 году [Плин. 15, 18, 77]; цифра CCLX отсутствуетъ во всѣхъ хорошихъ манускриптахъ, а въ остальныхъ была вставленъ, безъ сомнѣнія, по указанію Ливія, 2, 21.

и существовало, то въ очень небольшихъ размѣрахъ; впрочемъ, кромѣ мелкаго скота, который кормился на общественныхъ лугахъ, въ дворовомъ хозяйствѣ разводили свиней и домашнихъ птицъ, въ особенности гусей. Вообще пахали безъ устали не нѣсколько разъ, и поле считалось плохо-вспаханнымъ, если бороуды не были проведены на немъ такъ часто, что его можно было вовсе не боронить; но работы производились не столько съ знаніемъ дѣла, сколько съ усердіемъ, и всѣ неудобства плуга, всѣ неудовлетворительные приемы жатки и молотбы оставались безъ измѣненій. Причину этого слѣдуетъ искать не столько въ упорной привязанности земледѣльца къ установленнымъ обычаямъ, сколько въ недостаточномъ развитіи рациональной механики, потому что практическому Италійцу была незнакома сердечная привязанность къ старому способу обработки, полученному имъ въ наследство вмѣстѣ съ клочкомъ пакотной земли, а такія очевидныя улучшения въ хозяйствѣ, какъ разведеніе кормовыхъ травъ и орошеніе полей, были имъ издавна позаимствованы отъ сосѣднихъ народовъ или введены путемъ самостоятельнаго развитія; не даромъ же и римская литература началась съ теоретическихъ разсужденій о хлѣбопашествѣ. За прилежной и разумной работой слѣдовало приятный отдыхъ; и въ этомъ случаѣ религія предъявила свои права, облегчивъ житейское бремя даже для престолыюдниковъ тѣмъ, что установила промежутки отдыха, во время которыхъ люди могли двигаться и дышать свободно. Четыре раза въ мѣсяцъ, стало быть круглымъ счетомъ черевъ семь дней въ восьмой (и о п а е), земледѣлецъ шолъ въ городъ продавать, покупать и устраивать вскаки другія дѣла. Но настоящимъ отдыхомъ отъ работы онъ пользовался только въ общіе праздничные дни и главнымъ образомъ во время праздничнаго мѣсяца послѣ окончанія зимнихъ посѣвовъ (*feriae septivae*); въ это время помогся по волѣ боговъ плугъ и отдыхали въ праздничномъ бездѣйствіи не только землянаши, но даже рабы и волю.—Приблизительно такъ воздѣлывался въ древнія времена обыкновенный земельный участокъ хлѣбопашца. Отъ дурнаго веденія хозяйства у ближайшихъ наследниковъ не было никакой другой охраны кромѣ права отдавать, какъ сумасшедшаго, подъ опеку того, кто сталь-бы легкомысленно расточать наследственное имущество (стр. 149). Сверхъ того, женщинами были въ сущности лишены права свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, и когда онѣ желали вступить въ бракъ, имъ обыкновенно выбирали въ мужья одного изъ членовъ того-же рода для того, чтобъ имѣніе не переходило въ другой родъ. Законодательство старалось предотвратить обремененіе поземельной собственности долгами частію тѣмъ, что требовало предварительной передачи заложнаго имѣнія въ собственность кредитору, частію тѣмъ, что ввело по простымъ займамъ такую строгую процедуру, которая быстро оканчивалась въз-

сканіемъ долга; впрочемъ эта послѣдняя мѣра, какъ мы увидимъ впоследствии, достигала своей цѣли далеко не вполне. Свободное раздробленіе собственности не было ограничено никакими законами. Какъ ни было желательнo, чтобъ сонаслѣдники не переставали владѣть наследственнымъ имѣніемъ нераздѣльно, однако даже самое древнее римское законодательство заботилось о томъ, чтобъ каждый изъ членовъ таково сообщества могъ выдѣлиться во всякое время: конечно хорошо, если братья мирно живутъ вмѣстѣ, но принуждать ихъ къ этому было-бы несогласно съ либеральнымъ духомъ римскаго права. И изъ Сервіевскихъ учрежденій видно, что въ Римѣ и при царяхъ было не мало людей, которые владѣли только мелкими и садовыми участками и потому употребляли не плугъ, а мотыгу. Обычаемъ и здравому смыслу населенія было предоставлено полагать предѣлъ чрезмѣрному раздробленію земельной собственности, а что этотъ расчетъ оправдался и что помѣстья остались большею частію въ цѣлости, видно изъ распространеннаго у Римлянъ обыкновенія называть помѣстья постоянно за ними остававшимися собственными именами. Община участвовала въ этомъ лишь косвеннымъ образомъ—тѣмъ, что высылала колоніи, такъ какъ послѣдствіемъ этого было заведеніе новыхъ полныхъ плуговыхъ запасовъ и кромѣ того нерѣдко уничтоженіе мелкихъ земельныхъ участковъ, владѣльцы которыхъ выселялись въ качествѣ колонистовъ.

**Крупные
землевлa-
дѣльцы.**

Гораздо труднѣе выяснитъ положеніе крупной земельной собственности. Что такая собственность дѣйствительно существовала въ небольшихъ размѣрахъ, ясно видно изъ положенія, созданнаго для всадниковъ Сервіевской конституціей, и объясняется частію раздробленіемъ родовыхъ земель, которое неизбежно должно было создать сословіе крупныхъ землевлaдѣльцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда число участниковъ дѣлежа было незначительно, частію громадностью стекавшихся въ Римѣ купеческихъ капиталовъ. Но въ эту эпоху еще не могло существовать такихъ настоящихъ крупныхъ хозяйствъ, которыя были-бы основаны на трудѣ многочисленныхъ рабовъ и которыя встрѣчаются у Римлянъ въ болѣе позднюю пору. Напротивъ того, въ старину сенаторы назывались отцами, потому что раздавали мелкимъ людямъ земли, какъ отцы дѣтямъ; дѣйствительно въ старину существовало и до сихъ поръ еще часто встрѣчающееся въ Италиіи обыкновеніе дѣлить на небольшіе участки между зависимыми людьми или ту часть помѣстья, которую владѣлецъ не въ состояніи самъ обрабатывать, или даже все помѣстье. Временнымъ владѣльцемъ могъ быть одинъ изъ домоладцевъ или изъ рабовъ собственника; если же онъ былъ свободный человекъ, то его право было точно такое, какое впоследствии носило названіе «выпрошеннаго владѣнія» (*præscriptum*). Получатель владѣльчъ своимъ участкомъ, пока это было угодно соб-

ственику и не имѣлъ никакого законнаго способа оградить свое владѣніе отъ этого собственника; этотъ послѣдній даже могъ прогнать его во всякое время по своему произволу. Вознагражденіе за такое пользованіе чужой землей не было необходимымъ условіемъ отношеній этого рода, но оно, безъ сомнѣнія, часто улучшалось и по всему вѣроятію заключалось въ какой нибудь долѣ продуктовъ; въ этомъ отношеніи положеніе временнаго владѣльца имѣло сходство съ положеніемъ позднѣйшихъ арендаторовъ, отличаясь отъ него частію отсутствіемъ какаго-либо срока пользованія, частію обоюднымъ лишеніемъ права предъявлять какіе-либо иски и наконецъ тѣмъ, что собственникъ находилъ со стороны закона только то покровительство въ своихъ требованіяхъ, что ему дозволялось выгнать арендатора. Ясно, что это была въ сущности такая сдѣлка, которая была основана на честномъ словѣ и не могла состояться безъ поддержки могущественнаго, освященнаго религіей, обычая; и дѣйствительно такой обычай существовалъ. Клиентство, вообще отличающееся своимъ нравственно-религіознымъ характеромъ, безъ сомнѣнія, было основано главнымъ образомъ на такой отдачѣ земель въ пользованіе. И нельзя сказать, чтобъ такой видъ пользованія сдѣлался возможнымъ лишь послѣ отміны общиннаго полеваго хозяйства: какъ послѣ этой отміны всякій выдѣлившійся землевладѣлецъ могъ отдавать свою землю въ пользованіе зависимымъ отъ него людямъ, такъ и до ея отміны могъ дѣлать то-же самое родъ; съ этимъ, безъ сомнѣнія, находится въ связи и тотъ фактъ, что у Римлянъ зависимость кліента не была личной и что кліентъ вмѣстѣ съ своимъ родомъ изстари вѣрялъ себя покровительству и защитѣ патрона и его рода. Этотъ древнѣйшій строй римскаго полеваго хозяйства объясняетъ намъ, почему въ средѣ крупныхъ римскихъ землевладѣльцевъ возникла сельская аристократія, а не городская. Такъ какъ у Римлянъ вовсе не существовалъ вредный классъ посредниковъ между рабочими и собственниками, то римскій помѣщикъ былъ прикованъ къ своему помѣстью не много менѣе арендатора и земледѣльца; онъ самъ надо всѣмъ присматривалъ и самъ во все входилъ, такъ что даже богатый Римлянинъ считалъ за высшую для себя похвалу, если его называли хорошимъ сельскимъ хозяиномъ. Его домъ находился въ его имѣніи, а въ городѣ онъ имѣлъ только квартиру, куда пріѣзжалъ по дѣламъ или для того, чтобъ подышать въ жаркую пору болѣе чистымъ воздухомъ. Но въ этихъ порядкахъ всего важнѣе было то, что они доставляли нравственную основу для отношеній между знатью и мелкимъ людомъ и тѣмъ очень уменьшали опасность этихъ отношеній. Свободные владѣльцы «выпрошенной земли», происшедшіе изъ обѣднѣвшихъ крестьянскихъ семействъ, изъ подначальныхъ людей и вольноотпущенниковъ, составляли огромную массу пролетаріата (стр. 88), а ихъ зависимость

отъ собственника была не много больше той, въ которой мелкій арендаторъ неизбежно находится отъ крупнаго землевладѣльца. Рабы, воздѣлывавшіе землю для господина, безъ сомнѣнія, были гораздо менѣе многочисленны, чѣмъ свободные арендаторы. Повсюду, гдѣ переселенцы не поработали сразу все мѣстное населеніе, рабство сначала существовало, по видимому, въ очень небольшихъ размѣрахъ, а вслѣдствіе того вольный работникъ игралъ въ государствѣ совершенно иную роль, чѣмъ въ болѣе позднія времена. И въ Греціи мы находимъ въ ея древнѣйшую эпоху «подешичиковъ» (ὑπηταῖς), исполнявшихъ то, что впоследствии дѣлали рабы, а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ общинахъ, какъ напримѣръ у Докровъ, вовсе не было рабства вплоть до начала ихъ исторической эпохи. Даже сами рабы были обыкновенно италійскими уроженцами; военнопленные Вольски, Сабинны и Этруски, конечно, находились въ иныхъ отношеніяхъ къ своимъ господамъ, чѣмъ въ болѣе позднюю пору Сириіцы и Кельты. Къ тому-же рабъ—арендаторъ имѣлъ, хотя и нелегально, а только фактически, землю и скотъ, жену и дѣтей точно такъ-же какъ и самъ помѣщикъ, а съ тѣхъ поръ, какъ возникло отпущеніе рабовъ на волю (стр. 152), для него открылась возможность приобрести работою свободу. При такомъ положеніи крупнаго землевладѣнія въ древнѣйшую эпоху, оно вовсе не было открытой раной въ общинномъ быту, а было для него чрезвычайно полезно. Оно доставляло средства существованія такому-же числу семействъ, какое прокармливалось отъ земельныхъ участковъ средней величины и мелкихъ, — хотя эти средства и были вообще менѣе обильны; кромѣ того, изъ болѣе высокопоставленныхъ и болѣе свободныхъ землевладѣльцевъ образовались естественные руководители и правители общины, а изъ занимавшихся хлѣбопашествомъ и неимѣвшихъ никакой собственности владѣльцевъ выпрошенной земли образовался прекрасный матеріалъ для римской колонизаціонной политики, которая безъ него никогда не была-бы успѣшной, — такъ какъ государство, конечно, можетъ надѣлать землей безземельныхъ людей, но тому, кто неземлепашецъ, оно не можетъ дать необходимыхъ для управленія плугомъ энергію и физическую силу.

Луговое хозяйство. Въ раздѣлъ земли не вошли пастбища. Они считались собственностью не родовыхъ общинъ, а государства, которое частью прокармливало на нихъ свои собственные стада, назначенныя для жертвоприношеній и для иныхъ цѣлей и постоянно пополнявшіяся тѣми судебными пенями, которыя уличивались скотомъ, частью отдавало ихъ за умѣренную плату (сегіртига) въ пользованіе скотовладѣльцамъ. Право пасти свой скотъ на общественномъ выгонѣ, быть можетъ, первоначально и имѣло нѣкоторую фактическую связь съ землевладѣніемъ. Но владѣніе отдѣльнымъ пахатнымъ участкомъ никогда не могло быть легально связано у Римлянъ съ правомъ пользоваться какою-либо частью общественныхъ луговъ уже потому, что

недвижимую собственность могли приобретать все обыватели, а право пользования выгонами всегда было привилегией граждан и представлялось обывателям лишь в виде исключения по особой царской милости. Впрочем, в эту эпоху, общественные земли играли в народном хозяйстве, как кажется, вообще второстепенную роль, так как общественные выгоны сначала были не очень обширны, а завоеванные земли большей частью немедленно делились между родовыми общинами или же в более позднюю пору раздавались отдельным лицам под напсю.

Раннее развитие городской жизни в главном центре латинской **Промыслы.** торговли уже само по себе служит доказательством того, что хотя земледелие и было в Риме главным и самым обширным промыслом, но рядом с ним должны были существовать и другие отрасли промышленности. Действительно, в учреждениях царя Нумы, то есть в числе учреждений, существовавших в Риме с незапамятных времен, названы восемь ремесленных цехов: флейтисты, золотых дел мастера, медники, плотники, валяльщики, красильщики, горшечники и башмачники; этим в сущности исчерпывались все виды ремесленных работ по заказу, существовавшие в ту древнюю пору, когда еще не занимались лекарским искусством, как ремеслом, и когда женщины сами пряли шерсть для своих платьев. Достойно внимания тот факт, что не было особого цеха работников, занимающихся выделкой железа; он служит новым доказательством того, что в Латинуме стали обрабатывать железо сравнительно поздно; этим объясняется и то, почему такие богослужебные орудия, как священник плуг и жреческий нож, делались до очень поздней поры обыкновенно из меди. В городской жизни Римлян и при их положении среди латинских стран эти ремесла должны были иметь в древности большое значение, о котором нельзя составить себе верного понятия по униженному положению римских ремесел в более позднюю пору, когда за них взялась масса невольников, работавших на своих господ или для их прибыли, и когда процветанию этих ремесел препятствовал усилившийся ввоз предметов роскоши. Древнейшие песни Римлян прославляли не только могучаго бога брани Марса, но также искуснаго оружейника Мапурия, сумевшаго приготовить для своих сограждан щиты по образцу того божественнаго щита, который был низпослан съ небесъ, а бог огня и кузнечнаго горна, Вулканъ упоминается уже в самом дневномъ спискѣ римскихъ праздниковъ (стр. 161). Стало быть и в древнѣйшемъ Римѣ, какъ повсюду, умѣнье изготовлять изъ металловъ плугъ и мечъ шло рука объ руку съ умѣньемъ ими владѣть, и вовсе не замѣтно того высокоумнаго пренебреженія въ ремесламъ, которое мы находимъ тамъ впоследствии. Но послѣ того, какъ Сервіевскія учрежденія возложили воинскую повинность исклю-

чительно на осѣдлое населеніе, ремесленники были устранены отъ военной службы закономъ, а фактически—вслѣдствіе того, что не имѣли постоянной осѣдлости; исключеніе составляли только плотники, иѣдники и нѣкоторые разряды музыкантовъ, присоединившіеся въ армию въ видѣ организованныхъ по военному отрядовъ; это, быть можетъ, и послужило началомъ для позднѣйшаго обычнаго пренебреженія къ ремесламъ и для ихъ политическаго уничтоженія. Учрежденіе цеховъ имѣло, безъ сомнѣнія, такую-же цѣль, какъ и учрежденіе сходныхъ съ ними по названію жреческихъ коллегій: опытные въ дѣлѣ люди соединялись для того, чтобъ общими силами вѣрнѣе сохранять преданія. Что люди не свѣдущіе устранились какимъ нибудь способомъ, весьма вѣроятно; однако не видно никакихъ свѣдѣній старанія установить монополію или принять какія-либо охранительныя мѣры противъ дурной фабрикаціи; впрочемъ ни о какой другой сторонѣ римской народной жизни до насъ не дошло такъ мало свѣдѣній, какъ о ремесленныхъ цехахъ.

Италійская внутренняя торговля. Что италійская торговля ограничивалась въ древнѣйшую эпоху взаимными сношеніями Италійцевъ, разумѣется само собою. Ярмарки (*mercatus*), которыя слѣдуетъ различать отъ обыкновенныхъ еженедѣльныхъ сборищъ на рынкахъ (*mundinae*), существовали въ Лаціумѣ нестаро. Онѣ, быть можетъ, совпадали съ международными сборищами и празднествами, какъ напримѣръ съ праздникомъ, который справлялся въ Римѣ, на Авентинѣ, въ союзномъ храмѣ; Латинцы, ежегодно приходившіе по этому поводу въ Римъ 13 августа, могли пользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ устраивать въ Римѣ свокъ дѣла и закупать тамъ все нужное. Такое-же и, быть можетъ, еще болѣе важное значеніе имѣло для Этрурии то ежегодное собраніе въ храмѣ Вольтумены (быть можетъ, подлѣ Монтефасконе), на территоріи Вольсиній, которое вмѣстѣ съ тѣмъ служило ярмаркой и постоянно посѣщалось римскими торговцами. Но самой важной изъ всѣхъ италійскихъ ярмарокъ была та, которая происходила у Соракта, въ рошѣ Фероніи, въ самомъ удобномъ мѣстѣ для обмѣна товаровъ между тремя большими племенами. Высокая уединенная гора, какъ-бы самой природой поставленная въ долину Тибра для того, чтобы служить цѣлью для путешественниковъ, стоитъ на самой границѣ между территоріями этрусской и сабинской (къ которой, по видимому, преимущественно принадлежала), и къ ней былъ легко доступъ и изъ Лаціума и изъ Умбріи; туда постоянно отправлялись римскіе торговцы, а оскорбленія, которымъ они подвергались, часто бывали причиной распрей съ Сабинами.—На этихъ ярмаркахъ торговали и обмѣнивались товарами, безъ сомнѣнія, еще за долго до того времени, когда въ западномъ морѣ появилась первый греческій или финкійскій корабль. Тамъ, въ случаѣ неурожаа, одна мѣстность снабжала другую своихъ хлѣбомъ; тамъ обмѣнивались ско-

томъ, рабами, металлами и вообще всёю, что въ тѣ времена считалось необходимымъ или пріятнымъ. Древнѣйшимъ орудіемъ мѣны были быки и бараны, при чемъ быкъ стоилъ то-же, что десять барановъ. Признаніе этихъ предметовъ законными и всеобщими мѣрилами цѣнностей или настоящей монетой, равно какъ сравнительная стоимость крупнаго и мелкаго скота *) (какъ это доказываетъ повтореніе тѣхъ-же фактовъ у Германцевъ) относятся не только къ эпохѣ греко-италійскаго стадоваго хозяйства, но и къ болѣе древней эпохѣ чисто-стадоваго хозяйства. Къ тому-же Италия нуждалась въ значительномъ количествѣ металла для обработки полей и для выдѣлки оружія, но лишь немногія мѣстности находили его у себя дома; поэтому мѣдь (aes) очень рано сдѣлалась вторымъ орудіемъ мѣны, вслѣдствіе чего у бѣдныхъ мѣдью Латиновъ даже таксація называлась «переводомъ на мѣдь» (aestimatio).

Въ этомъ признаніи мѣди за общее для всего полуострова мѣрило цѣнностей, равно какъ въ самыхъ простыхъ численныхъ знакахъ италійскаго изобрѣтенія (о которыхъ будетъ говорено болѣе подробно на стр. 203) и въ италійской двѣнадцатичной системѣ счисления сохранились слѣды этихъ самыхъ древнихъ, еще предоставленныхъ самимъ себѣ, международныхъ сношеній Италійцевъ.

Заморская
торговля.

Уже ранѣе было указано въ общихъ чертахъ, какого рода вліяніе имѣла заморская торговля на оставшихся независимыми Италійцевъ. Это вліяніе почти вовсе неоснулось сабельскихъ племенъ, у которыхъ береговая линія была и недлинна и безъ удобныхъ пристаней, и у которыхъ все, что было заимствовано отъ чужеземцевъ, какъ напримѣръ азбука, было приобрѣтено черезъ посредство Тусковъ или Латиновъ, — чѣмъ и объясняется отсутствіе у нихъ городского развитія. Даже торговля Тарента съ Апулійцами и съ Мессапійцами, по видимому, была въ ту пору незначительна. Иначе было на западныхъ берегахъ: Греки мирно жили въ Кампаніи рядомъ съ Италійцами, а въ Лаціумѣ и въ особенности въ Этруріи велась обширная и постоянная мѣновая торговля. О томъ, что именно было предметомъ ввоза, даютъ намъ понятіе частію находки, сдѣланныя въ очень древнихъ, преимущественно черитскихъ могилахъ, частію

*) Законная сравнительная стоимость барановъ и быковъ была установлена, какъ извѣстно, тогда, когда пенья скотомъ была превращена въ денежную и цѣна барана была опредѣлена въ десять ассовъ, а цѣна быка въ сто ассовъ. [Фестъ, слово *resiliatus*, стр. 237; сравн. стр. 84. 144. Геллій, 11, 1. Плутархъ, *Porcicola* 11]. Подобнымъ-же образомъ и исландское законодательство устанавливаетъ цѣну коровы въ двѣнадцать барановъ; разница въ томъ, что здѣсь, какъ и въ германскомъ законодательствѣ, двѣнадцатичная система замѣнила болѣе древнюю десятичную. — Что названіе скота какъ у Латиновъ [*resipia*], такъ и у Германцевъ [англійское *fee*], перешло въ названіе денегъ, хорошо извѣстно.

указанія сохранившіяся въ языкѣ и въ учрежденіяхъ Римлянъ, частію и даже преимущественно успѣхи, достигнутые итальянскимъ производствомъ подѣ иноземнымъ вліяніемъ, — такъ какъ Италійцы, конечно, долго покупали чужеземные продукты прежде, чѣмъ сами стали ихъ подражать. Впрочемъ, мы не въ состояніи рѣшить, какой степени развитія достигли ремесла до раздѣленія племень и въ томъ періодѣ, когда Италия еще должна была довольствоваться сама собою; поэтому мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ: въ какой мѣрѣ италійскіе ваяльщики, красильщики, кожевники и горшечники были обязаны вліянію Грековъ и Финикійцевъ и въ какой мѣрѣ они достигли самостоятельныхъ успѣховъ. Но ремесло золотыхъ дѣлъ мастеровъ, существовавшее въ Римѣ съ незапамятныхъ временъ, могло возникнуть только послѣ того, какъ началась заморская торговля и послѣ того, какъ она успѣла распространить между жителями полуострова обыкновеніе носить золотыя украшенія. Такъ напримѣръ мы находимъ въ древнѣйшихъ могильныхъ склепакъ въ Церре и въ Вульчи, въ Этруріи, и въ Пренестѣ, въ Ланіумѣ золотыя пластинки съ вычеканенными на нихъ крылатыми львами и другими украшеніями вавилонской работы. Объ отдѣльныхъ находкахъ, конечно, нельзя положительно сказать, были-ли онѣ привезены изъ чужихъ краевъ или-же были мѣстнымъ подражаніемъ; но въ общемъ итогѣ не подлежитъ сомнѣнію, что въ древнѣйшія времена весь западный берегъ Италіи получалъ металлическія издѣлія съ востока. Впослѣдствіи, когда будетъ идти рѣчь о произведеніяхъ искусства, станетъ еще болѣе ясно, что архитектура и пластика, производство надѣлій и глиняныхъ и металлическихъ рано тамъ развились подѣ могущественнымъ вліяніемъ Грековъ, — другими словами, что древнѣйшія орудія такихъ производствъ и древнѣйшіе образцы получались изъ Греціи. Въ тольکو что упомянутыхъ могильныхъ склепакъ были найдены, кромѣ золотыхъ украшеній: сосуды изъ голубой эмали или изъ зеленоватой глины, которые, — судя по ихъ матеріалу и стилю и по оттиснутымъ на нихъ гіероглифамъ, — были египетскаго происхожденія *); сдѣланные изъ восточнаго алебастра сосуды для масла, между которыми многіе имѣли внѣшній видъ Иизды; страусовыя яйца съ нарисованными или вырѣзанными на нихъ сфинксами и грифонами; стѣлянные и янтарныя бусы. Эти послѣднія могли быть привезены съ сѣвера сухимъ путемъ, но всѣ остальные предметы доказываютъ, что съ востока привозились благовонныя мази и разнаго рода галантерейные товары. Оттуда-же привозились по-

*) Недавно былъ найденъ въ Пренестѣ кувшинъ съ финикійскою надписью и съ надписью изъ іероглифовъ [M o n. d e l l' I n v. X, табл. 32]; онъ ясно доказываетъ, что всѣ египетскія произведенія доставлялись въ Италію чрезъ посредство Финикійцевъ.

лотна и пурпуръ, слошовая кость и ладонь; это доказываютъ съ одной стороны раннее употребленіе полотняныхъ повязокъ, царскаго пурпуроваго одѣянія, царскаго изъ слошовой кости скипетра и ладона при жертвоприношеніяхъ, а съ другой стороны очень древнее употребленіе заимствованныхъ отъ иностранцевъ названій этихъ предметовъ (λίον — lionis; πορφυρά — purpura; σκήπτρον σκίπων — scipio; пожалуй также: ἐλέφας — ebur; θύος — thus). Сюда же слѣдуетъ отнести заимствованныя названія нѣкоторыхъ предметовъ, относящихся къ пищѣ и къ питью, а именно названія: оливковаго масла (ср. стр. 186), кувшина (ἀμφορεύς — amphora, amphulla; κρατής — cratera), пирошки (χωμάζω — comissari), лакомаго блюда (ὀψώνιον — opsonium), тѣста (μάζα — massa), также названія различныхъ пироговъ (γλυχοῦς — lucina; πλαχοῦς — placenta; — τυροῦς — turgunda); напротивъ того латинскія названія блюда (patina — πατάνη) и свиного сала (arvina — ἀρβίνη) вошли въ сицилійско-греческое нарѣчіе. Позднѣйшее обыкновеніе класть вѣстѣ съ умершими въ могилу вязанные сосуды, приготовлявшіеся въ Атикѣ, въ Керкирѣ и въ Кампаніи, свидѣтельствуетъ не менѣе вышеприведенныхъ филологическихъ указаній о томъ, что греческая глиняная посуда изъ старинъ ввозилась въ Италію. Что греческія кожаныя надѣля ввозились въ Лациумъ по меньшей мѣрѣ вѣстѣ съ воинскими доспѣхами, видно изъ того, что греческое названіе кожи (σκούτος) обратилось у Латинцевъ въ названіе щита (scutum; точно такъ — же logica отъ logum). Сюда же принадлежитъ множество заимствованныхъ изъ греческаго языка словъ, относящихся къ мореплаванію (хотя слова, относящіяся къ паруснымъ судамъ — парусъ, мачта, рей, чисто латинскаго происхожденія *));

*) Velum [парусъ] безспорно латинскаго происхожденія; такого-же происхожденія и слово malus [мачта] тѣмъ болѣе потому, что оно означаетъ не только мачту, но и вообще дерево; и слово antenna [рей], можетъ быть, происходитъ отъ ἀνά [anhelare, antestari] и tendere = supertere. Напротивъ того, отъ греческаго происходятъ слова: gubernare [управить] κυβερνάειν, ансога [якорь] ἀγκυρα, прога [передняя часть корабля] πρόρα, арлюстре [задняя часть корабля] ἀφλαστον, анquina [веревка, удерживающая рей] ἀγκυλινα, паусеа [морская болѣзнь] — ναυσία. Древніе четыре вѣтра: aquilo, оринный вѣтеръ, сѣверовосточная Трамонтана; volturinus [неяснаго происхожденія, быть можетъ коршуновъ вѣтеръ] юговосточный; auster, засушающій юго-западный вѣтеръ, или scirocco; favonius, благопріятный сѣверо-западный вѣтеръ, дующій съ Тирренскаго моря, — носятъ туземныя названія, не имѣющія соотношенія съ мореплаваніемъ; но всѣ другія латинскія названія вѣтровъ греческаго происхожденія [какъ напр. eurus, notus] или переводы съ греческаго языка [наприм. solanus — ἀκλιώτης, Africus = λίψ].

греческія названія письма (ἐπιστολή, epistula), марокъ или дощечекъ (tessera, отъ τέσσαρα *)), вѣсовъ (στατήρ, statera), задатка (ἀρραβών, arrabo, arra) перешли въ латинскій языкъ; напротивъ того италійскія юридическія выраженія перешли въ сицилійско-греческій языкъ (стр. 154); предметомъ такихъ-же обоюдныхъ заимствованій были монеты, вѣсъ, мѣра и соответствующія этимъ предметамъ названія, о которыхъ будетъ идти рѣчь далѣе. Варварскій отпечатокъ, который лежитъ на всѣхъ этихъ заимствованіяхъ, а главнымъ образомъ характеристическое образованіе именительнаго падежа изъ винительнаго (placenta = πλακοῦντα; амфора = ἀμφορέα; statera = στατήρα) служатъ самымъ яснымъ доказательствомъ ихъ глубокой древности. И поклоненіе богу торговли (Mercurius) возникло подъ вліяніемъ греческихъ понятій; даже ежегодный праздникъ этого бога былъ назначенъ въ майскія иды, потому что эллинскіе поэты чествовали Меркурія, какъ сына прекрасной Майи. — Такимъ образомъ оказывается, что древняя Италия, точно такъ-же какъ и императорскій Римъ, получала предметы роскоши съ востока прежде, чѣмъ попыталась сама ихъ выдѣлывать по полученнымъ оттуда образцамъ; но въ обмѣнъ за эти товары она могла предложить только свои сырые продукты, стало-быть сначала мѣдь, серебро и желѣзо, а потомъ рабовъ, корабельный дѣсь, янтарь съ Балтійскаго моря и, въ случаѣ неудача за границей, свой зерновой хлѣбъ.

Пассивный Уже ранѣе было замѣчено, что италійская торговля получила со-
характеръ совершенно различный характеръ въ Лаціумѣ и въ Этруріи именно
торговли въ вслѣдствіе такого соотношенія между предметами ввоза и тѣмъ, что
Лаціумѣ, и служило за нихъ уплатой. Такъ какъ у Латинцевъ не было ни одного
активный изъ главныхъ предметовъ вывозной торговли, то имъ приходилось
характеръ довольствоваться только пассивной торговлей и съ древнѣйшихъ
въ Этруріи. временъ вымѣнивать у Этрусковъ необходимую для нихъ мѣдь на
 скотъ и на рабовъ, о древнемъ сбытѣ которыхъ на правый берегъ
 Тибра уже было ранѣе упомянуто (стр. 103); напротивъ того, торго-
 вый балансъ Тусковъ какъ въ Цере, такъ и въ Популоніи, какъ
 въ Капуѣ, такъ и въ Спинѣ, несомнѣнно былъ благоприятенъ для

*) Марки или дощечки стали употребляться прежде всего во время лагерной службы, φυλάξια κατὰ φυλακὴν βραχέα τελέως ἔχοντα χαρακτήρα [Полибій, 6, 35, 7]; отъ четырехъ vigiliae [въ лагерь ночью раздѣлялась на четыре стражи] главнымъ образомъ ведутъ свое названіе марки. Раздѣленіе ночи на четыре стражи столько-же греческое, какъ и римское обыкновеніе; очень можетъ быть, что военное искусство Грековъ имѣло, чрезъ посредство Пирра [Ливій, 35, 14], вліяніе на организацію сторожевой службы въ римскомъ лагерь. То, что употреблена не дорійская форма слова, доказываетъ сравнительно позднее заимствованіе этого слова.

мѣстной торговли. Этимъ объясняется быстрое развитіе благоденствія въ этихъ странахъ и ихъ вліятельное торговое положеніе, между тѣмъ какъ Лаціумъ оставался преимущественно земледѣльческой страной. То-же замѣчается и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: въ Цере встрѣчаются очень древнія гробницы, построенныя въ греческомъ вкусѣ, хотя и не съ свойственною Грекамъ роскошью, между тѣмъ какъ въ латинскихъ странахъ встрѣчаются лишь незначительныя надгробныя украшенія иностраннаго происхожденія и не найдено ни одной очень древней и дѣйствительно роскошной гробницы, за исключеніемъ находящейся въ городѣ Пренестѣ, который, какъ кажется, находился въ исключительномъ положеніи и въ особенно близкихъ сношеніяхъ съ Фалеріями и съ южной Этруріей; напротивъ того Латина, точно такъ-же какъ и Сабеллы, вообще довольствовались тѣмъ, что покрывали могилы простымъ дѣрномъ. Самыя древнія монеты, — немного менѣе древнія, чѣмъ велико-греческія, — находятся въ Этруріи и преимущественно въ Популоніи, а Лаціумъ въ теченіе всего царскаго періода только употреблялъ мѣдъ на вѣсъ и даже не ввозилъ къ себѣ чужихъ монетъ, такъ какъ подобныя монеты находились тамъ чрезвычайно рѣдко, — напимѣръ въ Посейдоніи была найдена только одна. Архитектура, пластика и скульптура находились и въ Этруріи и въ Лаціумѣ подъ одинакимъ вѣрнымъ вліяніемъ, но въ Этруріи къ нимъ являлся на помощь капиталъ, который усиливаетъ производство и вводитъ усовершенствованную технику. Хотя въ Лаціумѣ и въ Этруріи выдѣлывались, покупались и продавались одни и тѣ же товары, но по обширности торговли южныя страны стояли далеко позади сѣверныхъ сосѣдей. Оттого-то приготовлявшіеся въ Этруріи по греческимъ образцамъ предметы роскоши находили для себя сбытъ не только въ Лаціумѣ (въ особенности въ Пренестѣ), но и въ самой Греціи, между тѣмъ какъ изъ Лаціума едва-ли когда-либо вывозились такіе товары.

Не менѣе замѣчательное различіе между торговлей Латинцевъ и Торговлей торговлей Этрусковъ заключается въ томъ, какими путями велись Этрусковъ та и другая. О древнѣйшей торговлѣ Этрусковъ въ Адриатическомъ съ Аттикой морѣ мы можемъ высказать только догадку, что она, вѣроятно, и Латинцевъ велась изъ Спинны и Атрин преимущественно съ Керкирой. О томъ, съ Сициліей, какъ смѣло пускались Этруски въ восточныя моря и торговали не только съ Сициліей, но и съ собственной Греціей, уже было говорено ранѣе (стр. 140) О древнихъ сношеніяхъ съ Аттикой свидѣтельствуютъ аттическіе глиняные сосуды, которые очень часто находятся въ позднѣйшихъ этрускскихъ гробницахъ и уже въ ту эпоху, — какъ было нами замѣчено, — ввозились и для иныхъ цѣлей, кромѣ украшенія гробницъ; съ другой стороны и въ Атикѣ были предметомъ спроса тирренскіе бронзовые свѣтильники и золотыя чаши, а въ особенности монеты. Серебряныя монеты Популоніи чеканились

по очень древнему образцу, экземпляры котораго найдены въ Аенахъ и въ окрестностяхъ Позена на томъ старинномъ пути, по которому привозили съ сѣвера янтарь; это — кусочки серебра съ вычеканенною на одной сторонѣ головою Горгоны, а съ другой стороны только съ квадратнымъ углубленіемъ; это была, по всему вѣроятію, точно такая-же монета, какая чеканилась въ Аенахъ по распоряженію Солона. О томъ, что Этруски вели торговлю съ Кароагенами, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ эти два народа вступили между собою въ союзъ, также было упомянуто ранѣе; замѣчательно, что въ Цере, въ самыхъ древнихъ гробницахъ находятся, кромѣ туземной бронзовой и серебряной утвари, преимущественно восточныя произведенія, которыя, конечно могли быть привозимы греческими торговцами, но, вѣроятнѣе, доставлялись Финикіянами. Впрочемъ, этой торговлѣ съ Финикіянами не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія и въ особенности не слѣдуетъ забывать, что какъ азбука, такъ и другія улучшенія въ мѣстной культурѣ были занесены въ Этрурію Греками, а не Финикіянами. — Совершенно другое направленіе приняла латинская торговля. Хотя намъ рѣдко представляется случай сравнивать, какъ усвоивались эллинскіе элементы Римлянами и какъ они усвоивались Этрусками, однако всякій разъ, какъ такое сравненіе возможно, оно доказываетъ, что эти два народа были совершенно независимы одинъ отъ другаго. Всего яснѣе это видно на азбуцѣ: греческая азбука, которую Этруски получили отъ халкидско-дорическихъ колоній, основанныхъ въ Сициліи или въ Кампаніи, имѣетъ нѣкоторыя существенныя отличія, отъ той, которую оттуда-же получили Латины; стало-быть, хотя эти два народа и черпали изъ одного и того-же источника, но въ разное время и изъ разныхъ мѣстъ. То-же замѣтно и на отдѣльныхъ словахъ: и въ римскомъ *Pollix* и въ тускскомъ *Pultuke* мы находимъ самостоятельное извращеніе греческаго *Polydeukes*; тускскій *Utize* или *Uthize* произошелъ отъ *Odysseus*; римскій *Ulixes* въ точности воспроизводитъ употребительную въ Сициліи форму этого имени; точно такъ и тускскій *Aivas* соответствуетъ древне-греческой формѣ этого имени, а римскій *Aiax* — производной и конечно также сицилійской формѣ; римскій *Aperta* или *Appello* и самнитскій *Appellun* произошли отъ дорическаго *Apellon*, а тускскій *Apulu* отъ *Apollo*. Такимъ образомъ и языкъ и письменность Лациума свидѣтельствуютъ исключительно о томъ, что латинская торговля велась съ Куманцами и съ Сицилійцами; къ тому-же заключенію приводятъ насъ и всѣ другіе слѣды, уцѣлѣвшіе отъ той отдаленной эпохи, какъ-то: найденная въ Лациумѣ монета изъ Посейдоніи; то, что Римляне, въ случаѣ неурожая, закупали хлѣбъ у Вольсковъ, у Куманцевъ, у Сицилійцевъ и, конечно, само собою разумѣется, также у

Этрусковъ, а главнымъ образомъ связь латинской денежной системы съ сицилійской. Какъ мѣстное дорійско-халкидское названіе серебряной монеты $\nu\beta\rho\sigma$ и сицилійская мѣра $\eta\mu\iota\nu\alpha$ перешли въ Лациумъ съ тѣмъ-же значеніемъ въ видѣ $nummus$ и $hemina$, такъ наоборотъ и итальяскія названія вѣса $libra$, $triens$, $quadrans$, $sextans$, $uncia$, образовавшіяся въ Лациумѣ для измѣренія количества мѣди, замѣнявшей деньги, вошли еще въ третьемъ столѣтіи отъ осн. Рима въ Сицилію въ общее употребленіе въ искаженнымъ выраженіяхъ $\lambda\iota\tau\rho\alpha$, $\tau\epsilon\tau\rho\acute{\alpha}\varsigma$, $\tau\rho\iota\acute{\alpha}\varsigma$, $\acute{\epsilon}\xi\acute{\alpha}\varsigma$, $\omicron\upsilon\chi\iota\alpha$. Даже можно сказать, что изъ всѣхъ греческихъ системъ монеты и вѣса только одна сицилійская была приведена въ определенное соотношеніе съ итальянской мѣдной системой, такъ какъ не только была установлена условная, а, можетъ быть, и легальная цѣнность серебра, превышавшая въ двѣсти пятьдесятъ разъ цѣнность мѣди, но даже съ давнихъ поръ чеканилась въ Сиракузахъ въ этой пропорціи серебряная монета ($\lambda\iota\tau\rho\alpha$ $\acute{\alpha}\rho\gamma\upsilon\rho\iota\omicron\upsilon$, то-есть «фунтъ мѣди на серебро»), соответствовавшая сицилійскому фунту мѣди ($\frac{1}{120}$ аттического таланта, $\frac{2}{3}$ римскаго фунта). Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что итальяскіе слитки мѣди принимались и въ Сицилію вмѣсто денегъ, а этотъ фактъ вполне согласуется съ тѣмъ, что торговля Латиновъ съ Сициліей была пассивная, вслѣдствіе чего латинскія деньги уходили въ Сицилію. О нѣкоторыхъ другихъ доказательствахъ древнихъ торговыхъ сношеній между Сициліей и Италіей, а именно о перешедшихъ въ сицилійскій діалектъ итальяскихъ названійхъ торговой ссуды, тюрьмы и блюда и наоборотъ о сицилійскихъ выраженіяхъ, перешедшихъ въ Италію, уже было говорено ранѣе (стр. 154. 196). О древнихъ торговыхъ сношеніяхъ Латиновъ съ халкидскими городами нижней Италіи—Кумами и Неаполемъ и съ Фокейцами въ Элеѣ и въ Массалии также встрѣчаются нѣкоторыя отрывочныя, хотя и менѣе точныя, указанія. Но что эти сношенія были гораздо менѣе обширны, чѣмъ сношенія съ Сициліянами, видно изъ того хорошо-извѣстнаго факта, что всѣ издревле проникшія въ Лациумъ греческія слова (достаточно указать на слова $Aesculapius$, $Latona$, $Arcta$, $machina$) имѣли дорійскую форму. Если-бы торговля съ такими исконно-іонійскими городами, какими были Кумы (стр. 134) и фокейскія колоніи, стояла хотя приблизительно на одномъ уровнѣ съ торговлей, которая велась съ сицилійскими Дорьянами, то іонійскія формы заимствованныхъ словъ появились-бы по меньшей мѣрѣ рядомъ съ дорійскими; впрочемъ доризмъ рано проникъ и въ эти іоническія колоніи, такъ что ихъ діалектъ во многомъ измѣнился. И такъ все свидѣтельствуетъ объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ Латиновъ вообще съ посѣщавшими западное море Греками и въ особенности съ тѣми, которые поселились въ Сицилію, между тѣмъ какъ едва-ли можно

утверждать, что существовали непосредственныя торговыя сношенія съ азіатскими Финикіянами, а торговля съ Финикіянами, поселившимися въ Африкѣ, — какъ это ясно доказываютъ письменные и другіе памятники, — имѣла лишь второстепенное вліяніе на культуру Лаціума; это видно всего лучше изъ того, что — за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстныхъ названій — мы не находимъ въ языкѣ Латиновъ никакихъ указаній на ихъ старинныя сношенія съ народами, говорившими на арамейскихъ нарѣчіяхъ *). — Если же мы спросимъ, какъ преимущественно велась эта торговля — италійскими-ли купцами въ чужихъ краяхъ или иноземными купцами въ Италіи, то первое предположеніе будетъ самымъ правдоподобнымъ по меньшей мѣрѣ относительно Лаціума: едва-ли можно допустить, чтобъ латинскія названія замѣнявшаго деньги металла и торговой ссуды могли войти у жителей сицилійскаго острова въ общее употребленіе только вслѣдствіе того, что сицилійскіе торговцы посѣщали Остію и обмѣнивали свои галантерейныя товары на мѣдь. — Наконецъ, что касается лицъ и сословій, занимавшихся въ Италіи этой торговлей, то въ Римѣ не образовалось никакого высшаго купеческаго сословія, которое стояло-бы особнякомъ отъ землевладѣльцевъ. Причиной этого страннаго явленія было то, что оптовая торговля Лаціума искони находилась въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, — а этотъ фактъ вовсе не такъ удивителенъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Что крупный землевладѣлецъ, получавшій отъ своихъ арендаторовъ плату сельскими продуктами и жившій въ странѣ, по которой протекало нѣсколько судоходныхъ рѣкъ, рано обзавелся барвами, совершенно естественно и несомнѣнно доказано; поэтому заморская торговля

*) За исключеніемъ словъ *Sagrapus*, *Afer* и другихъ мѣстныхъ названій [стр. 142], въ латинскомъ языкѣ, какъ кажется, нѣтъ ни одного слова, которое было заимствовано въ древнія времена непосредственно изъ финикійскаго языка. Встрѣчающіяся въ немъ въ очень небольшомъ числѣ слова, которыя происходятъ отъ финикійскихъ корней, какъ напримѣръ *agabo* или *agga* и пожалуй также *pinga*, *pagus* и нѣкоторыя другія, очевидно, заимствованы изъ греческаго языка, который представляетъ въ этихъ заимствованныхъ съ востока словахъ многочисленныя доказательства очень древнихъ торговыхъ сношеній Грековъ съ Арамеями. Нѣтъ возможности допустить, чтобъ слова *ἀλάρα*; *κεβυγ* образовались самостоятельно одно отъ другаго по одному и тому-же финикійскому образцу съ присовокупленіемъ члена или безъ него, — потому что въ языкѣ Финикіянь членомъ былъ *ha* и этотъ членъ не имѣлъ такого употребленія; сверхъ того, до сихъ поръ еще не отыскано коренное восточное слово. То-же самое можно сказать о загадочномъ словѣ *thesaurus*; все равно, было-ли оно первоначально греческимъ или было заимствовано Греками изъ финикійскаго или изъ персидскаго языка, латинскій языкъ, во всякомъ случаѣ, заимствовалъ его отъ Грековъ, что доказывается уже удержаніемъ въ немъ придыханія [стр. 177].

должна была попасть въ руки землевладѣльца уже потому, что онъ одинъ имѣлъ въ земныхъ продуктахъ товары для вывоза и одинъ имѣлъ суда для перевозки товаровъ. Дѣйствительно, древнимъ Римлянамъ вовсе не было знакомо различіе между земскою аристократіей и денежною, такъ какъ крупныя землевладѣльцы всегда были вмѣстѣ съ тѣмъ спекуляторами и капиталистами. Такое соединеніе двухъ различныхъ видовъ дѣятельности, конечно, не могло-бы долго существовать при болѣе обширной торговлѣ; но, — какъ уже видно изъ всего ранѣе сказаннаго, — торговое значеніе Рима опредѣлялось тѣмъ, что въ немъ сосредоточивалась торговля всей латинской земли, но онъ не былъ настоящимъ торговымъ городомъ, какъ Цере или какъ Тарентъ, а былъ и оставался центромъ земледѣльческой общины.

ГЛАВА XIV.

Мѣра и письмо.

Умѣнье измѣрять подчиняетъ человѣку мѣръ; благодаря его умѣнью писать, его познанія не такъ бранны, какъ онъ самъ; а эти два искусства доставляютъ ему то, въ чемъ ему отказала природа — всемогущество и вѣчность. Исторія и въ правѣ и обязана слѣдить за народами и на этихъ путяхъ.

**Италійскія
мѣры.**

Чтобъ можно было мѣрить, должны предварительно развиться понятія о единицахъ времени, пространства и вѣса и о состоящемъ изъ равныхъ частей цѣломъ, то-есть о числахъ и о числовой системѣ. Для этого природа представляетъ слѣдующія точки опоры: для времени—периодическое появленіе солнца и луны, то-есть день и мѣсяць; для пространства—длина человѣческой ступни, которую легче измѣрить, чѣмъ руку; для тяжести—та кладь, которую человѣкъ можетъ взвѣшивать (*librage*) вытянутой впередъ рукой, или «равновѣсіе» (*libra*). Точкой опоры для понятія о состоящемъ изъ равныхъ частей цѣломъ можетъ служить прежде всего рука съ своими пятью пальцами или обѣ руки съ своими десятью пальцами, и на этомъ основана десятичная система. Ранѣе уже было замѣчено, что эти элементы всякаго счета и измѣренія восходятъ не только ко временамъ, предшествовавшимъ раздѣленію греческихъ и латинскихъ племенъ, но и къ самой глубокой древности. Напримѣръ о томъ, какъ древне измѣреніе времени по лунѣ, доказываетъ языкъ (стр. 18); даже обыкновеніе считать дни не отъ послѣдняго фазиса луны впередъ, а отъ ожидаемаго фазиса назадъ, по меньшей мѣрѣ древнѣе той эпохи, когда Греки отдѣлились отъ Латинцевъ. Самымъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что десятичная система издревле была у Индо-Германцевъ въ исключительномъ употребленіи, служитъ хорошо извѣстное повтореніе во всѣхъ индо-германскихъ языкахъ однихъ и тѣхъ-же числительныхъ именъ до ста включительно (стр. 17).

**Десятичная
система.**

Что касается Италіи, то во всѣхъ ея древнѣйшихъ порядкахъ видно употребленіе десятичной системы; достаточно будетъ напомнить о столѣ

часто встрѣчающихся въ числѣ десяти свидѣтеляхъ, поручителяхъ, послахъ, должностныхъ лицахъ, о легальной равноцѣнности быка съ десятью баранами, о раздѣленіи волости на десять курій и вообще о примѣненіи десятичной системы повсюду, о межеваніи, о десятой долѣ жертвъ и пахатныхъ полей, о наказаніи десятого изъ виновныхъ и о провинцѣ *Decimus*. Самыми замѣчательными практическими прижвненіями этой древнѣйшей десятичной системы къ измѣренію и письменности служатъ италійскія цифры. Во время отдѣленія Грековъ отъ Италійцевъ, очевидно, еще не существовало условныхъ численныхъ знаковъ. За то мы находимъ для изображенія трехъ самыхъ древнихъ и самыхъ необходимыхъ цифръ, для единицы, для пяти и для десяти, три знака I, V или Λ и X, которые, очевидно, изображали вытянутый палецъ, раскрытую руку и двойную руку и которые не были заимствованы ни отъ Эллиновъ ни отъ Финикійцевъ, но были одинаковы и у Римлянъ и у Сабелловъ и у Этрусковъ. Это были первые шаги къ образованію національной италійской письменности и видѣтъ съ тѣмъ доказательство тѣхъ оживленныхъ внутреннихъ сношеній между Италійцами, которыя предшествовали заморскимъ сношеніямъ (стр. 194); но мы, конечно, не въ состояніи рѣшить, которое изъ италійскихъ племенъ изобрѣло эти численные знаки и кто у кого ихъ заимствовалъ. Другіе слѣды десятичной системы встрѣчаются въ этой сферѣ рѣдко; сюда принадлежатъ: *Vorsus*, мѣра плоскости у Сабелловъ, имѣвшая 100 квадратныхъ футовъ (стр. 21), и римскій десяти-мѣсячный годъ. Но въ тѣхъ италійскихъ мѣрахъ, которыя не имѣютъ связи съ греческими и появились у Италійцевъ, вѣроятно, до ихъ сопрیکосноженія съ Греками, преобладаетъ раздѣленіе цѣлаго (as) на двѣнадцать единицъ (unciae). По этой двѣнадцатичной системѣ были организованы древнѣйшія латинскія священныя братства, какъ напримѣръ коллегіи Салевъ и Арваловъ (стр. 166), равно какъ этрусскіе городскіе союзы. Число двѣнадцать господствуетъ въ римской системѣ вѣсовъ и въ линейныхъ мѣрахъ: въ первой фунтъ (*libra*), а во вторыхъ футъ (*pes*) обыкновенно дѣлятся на двѣнадцать частей; единицей римскихъ плоскостныхъ мѣръ былъ *astus*, который имѣлъ 120 футовъ въ квадратъ *) и совмѣщала въ себѣ обѣ системы — десятичную и двѣнадцатичную. Быть можетъ, по такой-же системѣ опредѣлялись мѣры емкости, но отъ нихъ не осталось никакого слѣда. — Если мы пожелаемъ доискаться, на чемъ основана двѣнадцатичная система, то-есть почему изъ ряда чиселъ такъ рано выдвинулось ря-

Система двѣнадцатичнаго счисленія.

*) Первоначально, какъ *astus*, такъ и еще чаще встрѣчающаяся его двойная мѣра—*iugerum* были, подобно нѣмецкому моргену, не мѣрами плоскости, а рабочими мѣрами и означали: послѣдняя изъ нихъ дневную работу, а первая—полудневную изъ-за обычнаго въ Италіи полуденнаго отдыха пахарей.

домъ съ числомъ десять число двѣнадцать, то причину этого мы можемъ найти только въ сравненіи солнечнаго теченія съ луннымъ. Солнечный оборотъ изъ приблизительно-двѣнадцати лунныхъ оборотовъ долженъ былъ еще скорѣе, чѣмъ двѣ руки съ десятью пальцами, дать человѣку глубокомысленное понятіе о цѣломъ, состоящемъ изъ равныхъ единицъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о числовой системѣ, этой первой основѣ математическаго мышленія. Послѣдовательное развитіе двѣнадцатичной системы, какъ кажется, было дѣломъ италійской націи и предшествовало первому сопряженію Италійцевъ съ Эллинами.

Эллинскія
мѣры въ
Италии.

Но когда эллинскіе торговцы нашли дорогу къ западнымъ берегамъ Италии, новыя международныя сношенія повліяли не на плоскостныя мѣры, а на линейныя мѣры, на вѣсы и главнымъ образомъ на мѣры емкости, то-есть на тѣ, безъ которыхъ невозможны ни торговля ни мѣна. Римскій футъ, — который впоследствии хотя и былъ немного меньше греческаго *), но въ ту пору или дѣйствительно былъ ему равенъ или считался ему равнымъ, — сталъ дѣлиться (сверхъ своего римскаго дѣленія на двѣнадцать двѣнадцатыхъ) по греческому образцу на четыре лады (p a l d i u s) и шестнадцать пальцевъ (d i g i t u s). Сверхъ того римскій вѣсъ былъ приведенъ въ неизмѣнное отношеніе къ аттическому, преобладавшему во всей Сициліи, но не въ Еумахъ, — а это служитъ новымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что латинская торговля велась преимущественно съ Сициліей; четыре римскихъ фунта были признаны равными тремъ аттическимъ «минамъ» или, вѣрнѣе, римскій фунтъ былъ признанъ равнымъ одной съ половиной сицилійскимъ «литрамъ» или «полуминамъ» (стр. 199). Но самый странный и самый нестройный видъ получили римскія мѣры емкости какъ по своимъ названіямъ, такъ и по своему сравнительному значенію; ихъ названія были заимствованы изъ греческаго языка и были частію извращеніемъ греческихъ названій (amphora, modius отъ μέτρον; congius отъ χοεῖος, hemina, cyathus), частію переводами (acetabulum отъ ἀξέβραρον), между тѣмъ какъ наоборотъ ἕξστης было извращеніемъ слова sextarius. Не всѣ мѣры были тождественны, а только самыя обыкновенныя: для жидкостей Congius или Chus, Sextarius, Cyathus; эти двѣ послѣднія употреблялись и для сухихъ товаровъ; римская Amphora была приравнена по вѣсу воды къ аттическому таланту и относилась къ греческому «метрету» какъ 3 : 2, а къ греческому «меддину», какъ 2 : 1. Для того, кто умѣетъ разбирать такого рода грамоты, въ этихъ названіяхъ и цифрахъ изображены сицилійско-латинскія торговля сношенія во всей ихъ

*) $\frac{24}{32}$ греческаго фута равнялась одному римскому футу.

оживленной дѣятельности и во всемъ ихъ значеніи. — Греческихъ численныхъ знаковъ Римляне не усвоили, но воспользовались изъ греческой азбуки ненужными для нихъ изображениями трехъ гортанныхъ буквъ для того, чтобъ образовать изъ нихъ цифры 50 и 1000, а, можетъ быть, также и 100. Въ Этрурии, какъ кажется, именно такимъ путемъ приобрѣли знакъ по меньшей мѣрѣ для цифры 100. Впоследствии цифровая система двухъ сосѣднихъ народовъ, по обыкновенію, отождествилась, и римская система была въ своихъ главныхъ чертахъ усвоена въ Этрурии.

Точно такимъ же образомъ римскій и, по всему вѣроятію, вообще итальяскій календарь началъ развиваться самостоятельно, а потомъ подчинился греческому вліянію. Въ томъ, что касается раздѣленія времени, человеческое вниманіе останавливается прежде всего на регулярномъ слѣдующихъ одинъ за другимъ восхожденіи и захожденіи солнца, новолуніи и полнолуніи; поэтому время долго измѣрялось только днями и мѣсяцами не по циклическому вычисленію, а по непосредственному наблюденію. О восходѣ и закатѣ солнца до очень поздней поры возвѣщали на римскомъ рынкѣ публичные глашатаи; и точно также, какъ кажется, нѣкогда возвѣщали жрецы, — при наступленіи каждаго изъ четырехъ лунныхъ періодовъ, — о томъ, сколько пройдетъ дней до наступленія слѣдующаго періода. Стало быть въ Лаціумѣ и, вѣроятно, не только у Сабелловъ, но и у Этрусковъ, счетъ вели по днямъ и, какъ уже было ранѣе замѣчено, не впередъ отъ послѣдняго истекшаго луннаго періода, а назадъ отъ перваго ожидаемаго періода; этотъ счетъ вели по луннымъ недѣлямъ, которыя при средней продолжительности въ $7\frac{2}{3}$ дней имѣли то семь, то восемь дней, и по луннымъ мѣсяцамъ, которые при средней продолжительности синодическаго мѣсяца въ 29 дней 12 часовъ 44 минуты, имѣли то двадцать девять дней, то тридцать. Въ теченіе нѣкотораго времени день былъ для Италийцевъ самою мелкой единицей времени, а мѣсяць самой крупной. Только въ болѣе позднюю пору они стали дѣлить и день и ночь на четыре части, а еще много позднѣе стали употреблять раздѣленіе времени по часамъ; этимъ объясняется, почему даже самыя близкія между собою по происхожденію племена расходились при опредѣленіи начала дня: Римляне считали это начало съ полуночи, а Сабеллы и Этруски съ полудня. И годъ еще не былъ распредѣленъ по календарю по меньшей мѣрѣ въ ту пору, когда Греки отдѣлились отъ Италийцевъ, такъ какъ названія года и временъ года образовались у Грековъ и у Италийцевъ вполне самостоятельно. Однако Италийцы, какъ кажется, еще въ до-эллиническую эпоху успѣли достигнуть если не неизмѣнно установленнаго календарнаго порядка, то по меньшей мѣрѣ признанія двухъ самыхъ крупныхъ единицъ времени. Обычный у Римлянъ упрощенный счетъ по луннымъ мѣсяцамъ съ примѣненіемъ

Италийскій календарь до—греческаго періода.

десятичной системы, и наименованіе десяти-мѣсячнаго періода времени «вольцомъ» (a p u s) или годовымъ оборотомъ носить на себѣ всѣ признаки глубочайшей древности. Впослѣдствіи, но все таки въ очень раннюю пору и, безъ сомнѣнія, также до эпохи греческаго вліянія, въ Италіи образовалась, — какъ уже было ранѣе замѣчено, — двѣнадцатичная система; а такъ какъ эта система возникла изъ наблюденія, что солнечный оборотъ равняется двѣнадцати луннымъ, то она, конечно, и была прежде всего примѣнена къ счисленію времени; съ этимъ находится въ связи и тотъ фактъ, что названія мѣсяцевъ (возникшія, конечно, лишь послѣ того, какъ мѣсяцы стали считаться частями солнечнаго года), въ особенности названія марта и мая одинаковы не у Италійцевъ и Грековъ, а у всѣхъ Италійцевъ. Поэтому весьма вѣроятно, что задача ввести практической календарь, соотвѣтствующій и луннымъ и солнечнымъ періодамъ, — задача, которая въ нѣкоторомъ отношеніи похожа на квадратуру круга, и которая была признана неразрѣшимой и отложена въ сторону только послѣ того, какъ надъ ней трудились въ теченіе многихъ столѣтій, — занимала въ Италіи умы еще до начала той эпохи, когда возникли сношенія съ Греками; впрочемъ отъ этихъ чисто-національныхъ попытокъ разрѣшить ее не осталось никакихъ слѣдовъ. Все, что намъ извѣстно о самомъ древнемъ римскомъ календарѣ и о календаряхъ нѣкоторыхъ латинскихъ государствъ (о томъ, какъ измѣряли время Сабеллы и Этруски, до насъ не дошло никакихъ указаній), положительно основано на древнѣйшемъ греческомъ распредѣленіи года; это распредѣленіе старалось придерживаться въ одно и то-же время и фазисовъ луны и время солнечнаго года и было построено на предположеніи, что лунный оборотъ имѣетъ $29\frac{1}{2}$ дней, солнечный оборотъ — $12\frac{1}{2}$ лунныхъ мѣсяцевъ или $368\frac{3}{4}$ дней и что происходитъ постоянное чередованіе полныхъ или тридцатидневныхъ мѣсяцевъ съ неполными или двадцатидевяти-дневными мѣсяцами, и двѣнадцати-мѣсячныхъ годовъ съ тринадцати-мѣсячными, — а чтобы согласовать эту систему съ дѣйствительнымъ ходомъ небесныхъ явленій, были сдѣланы произвольныя добавки и исключенія. Весьма возможно, что это греческое распредѣленіе года сначала вошло у Латинцевъ въ употребленіе безъ всякихъ измѣненій; но самая древняя форма римскаго года, какая намъ исторически извѣстна, уклоняется отъ своего образца не въ циклическихъ выводахъ и не въ чередованіи двѣнадцати-мѣсячныхъ годовъ съ тринадцати-мѣсячными, а въ названіяхъ и въ длинѣ отдельныхъ мѣсяцевъ. Римскій годъ начинается съ началомъ весны; его первый мѣсяць и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный, который носить божеское имя, названъ по имени Марса (Martius); три слѣдующихъ получили свои названія отъ появленія молодыхъ ростковъ (aprilis), отъ выростанія (maius) и отъ процвѣтанія

**Древнѣйшій
италійско-
греческій
календарь.**

(iunius); мѣсяцы съ пятого до десятого названы по своему числовому порядку (quinctilis, sextilis, september, october, november, december); одиннадцатый получилъ свое названіе отъ слова начиваніе (ianuarius, стр. 164), причѣмъ, вѣроятно, дѣлался намѣкъ на возобновленіе полевыхъ работъ послѣ отдыха, кончавшагося въ половинѣ зимы; названіе двѣнадцатаго и послѣдняго происходитъ отъ слова очищать (februarius). Къ этой регулярной смѣнѣ однихъ мѣсяцевъ другими прибавлялся въ високосныхъ годахъ еще безименный «рабочій мѣсяць» (mercedonius), который былъ послѣднимъ и стало бить слѣдовать за февралемъ. Въ опредѣленіи длины мѣсяцевъ римскій календарь такъ же самостоятеленъ, какъ и въ усвоенныхъ имъ, по всему вѣроятію, древне-национальныхъ названіяхъ мѣсяцевъ: вмѣсто четырехъ лѣтъ греческаго цикла ($354 + 384 + 354 + 383 = 1475$ дней), изъ которыхъ каждый состоялъ изъ шести тридцатидневныхъ мѣсяцевъ и изъ шести двадцати девяти-дневныхъ и вмѣсто прибавки разъ въ два года високоснаго тринадцатаго мѣсяца, состоявшаго то изъ тридцати, то изъ двадцати девяти дней, въ римскомъ календарѣ были установлены четыре года, каждый изъ четырехъ тридцати-одно-дневныхъ мѣсяцевъ (перваго, третьяго, пятаго и восьмаго), изъ семи двадцатидевяти-дневныхъ мѣсяцевъ, изъ мѣсяца февраля, который имѣлъ три года сряду по двадцати восьми дней, а въ каждый четвертый годъ имѣлъ двадцать девять дней и, наконецъ, изъ прибавлявшагося черезъ каждый годъ двадцатисемидневнаго високоснаго мѣсяца ($355 + 383 + 355 + 382 = 1475$ дней). Этотъ календарь также уклонился отъ первоначальнаго раздѣленія мѣсяца на четыре то семидневныя, то восьмидневныя недѣли; вмѣсто того онъ установилъ разъ навсегда первую четверть въ тридцати-одно-дневныхъ мѣсяцахъ на седьмой день, въ двадцати девяти-дневныхъ мѣсяцахъ на пятый день, полнолуіе въ первыхъ на пятнадцатый день, во вторыхъ на тринадцатый; такимъ образомъ вторая и четвертая недѣли каждаго мѣсяца сдѣлались восьмидневными; третья недѣля обыкновенно была девятидневной и только въ двадцати восьми-дневномъ февралѣ была восьми-дневной, а въ двадцати семи-дневномъ високосномъ мѣсяцѣ была семидневной; первая же недѣля была въ тридцати-одно-дневныхъ мѣсяцахъ шести-дневной, а въ остальныхъ четырехдневной. При такомъ въ сущности однообразномъ теченіи трехъ послѣднихъ недѣль каждаго мѣсяца оказывалось нужнымъ возвѣщать только о длинѣ каждой первой недѣли; отсюда первый день первой недѣли и получилъ названіе «вѣщаго дня» (kalendae). Первые дни второй и четвертой недѣли, всегда состоявшихъ изъ восьми дней, были названы девятыми днями (nonae, nondinae), вслѣдствіе римскаго обыкновенія включать въ счетъ срока и срочный день, а первый день

третьей недѣли сохранилъ свое прежнее названіе *idus* (быть можетъ, раздѣльный день). Главнымъ мотивомъ такого страннаго преобразованія календаря, какъ кажется, была вѣра въ благотворное вліяніе нечетныхъ чиселъ*), и хотя онъ вообще придерживается древнѣйшей формы греческаго года, но въ его уклоненіяхъ отъ нея ясно обнаруживается вліяніе Пифагоровскаго ученія, которое преобладало въ ту пору въ нижней Италиі и вращалось въ сферѣ мистическихъ численныхъ сопоставленій. Но послѣдствіемъ этого было то, что этотъ римскій календарь, не смотря на свое очевидное стараніе сообразоваться съ теченіемъ луны и солнца, на самомъ дѣлѣ не соответствуетъ луннымъ періодамъ такъ-же точно, какъ имъ соответствуетъ въ общихъ чертахъ его греческій образецъ; а съ солнечными періодами римскій календарь, подобно самому древнему греческому, сообразовался только при помощи частыхъ и произвольныхъ исключеній и, по всему вѣроятію, сообразовался далеко не вполне, такъ какъ въ практическомъ примѣненіи календаря едва-ли было болѣе здраваго смысла, чѣмъ въ его составленіи. И въ удержаніи стараго счисленія по мѣсяцамъ или, — что одно и то-же — по десятизмѣсячнымъ годамъ кроется безмолвное, но не двусмысленное сознаніе неправильности и ненадежности древнѣйшаго римскаго солнечнаго года. Въ своихъ главныхъ чертахъ этотъ римскій календарь можетъ считаться по меньшей мѣрѣ за обще-латинскій. При повсемѣстной неустойчивости начала года и названій мѣсяцевъ, болѣе мелкія уклоненія въ нумерации и въ названіяхъ не противорѣчатъ тому, что у всѣхъ Латинцевъ была одна основа для измѣренія времени; точно такъ и при своей календарной системѣ, въ сущности вовсе не сообразовавшейся съ мѣсячными періодами, Латинцы легко могли дойти до того, что стали опредѣлять длину мѣсяцевъ совершенно произвольно, нерѣдко заканчивая ихъ годовыми праздниками; такъ напримѣръ въ Альбѣ длина мѣсяцевъ колебалась между 16 и 36 днями. Поэтому правдоподобно, что греческая тріастера была рано занесена изъ нижней Италиі по меньшей мѣрѣ въ Лаціумъ, а быть можетъ и къ другимъ италійскимъ племенамъ и затѣмъ подверглась дальнѣйшимъ менѣ важнымъ измѣненіямъ въ различныхъ городскихъ календаряхъ. — Для измѣренія многолѣтнихъ періодовъ времени можно было пользоваться годами властвованія царей; но сомнительно, чтобъ въ Греціи и въ

*) По той-же причинѣ всѣ праздничные дни — нечетные, какъ тѣ, которые повторяются въ каждомъ мѣсяцѣ [*kalendae*—1-го числа, *nonae*—5-го или 7-го, *idus*—13-го или 15-го], такъ и ранѣе перечисленные [стр. 160] 45 табельныхъ дней, — только за двумя исключеніями. Это доходитъ до того, что при многодневныхъ праздникахъ исключаются тѣ четные дни, которые находятся въ промежуткахъ между нечетными; такъ напр. праздникъ Карменты справлялся 11 и 15 января, праздникъ дубравъ—19 и 21 іюля, праздникъ привидѣній—9, 11 и 13 мая.

Италиі приѣхали въ древнѣйшія времена къ этому столь употребительному на востокъ способу измѣрять время. Напротивъ того, четырехлѣтній високосный періодъ и связанные съ нимъ цѣнзы и жертвенное очищеніе общины, какъ кажется, привели къ счисленію времени по лустрамъ, которое по своей основной идеѣ имѣеть сходство съ греческимъ счисленіемъ времени по Олимпиадамъ; но оно скоро утратило свое хронологическое значеніе вслѣдствіе неправильностей, вправшихся въ него отъ задержекъ въ производствѣ таксаціи.

Искусство письменно изображать звуки моложе, чѣмъ искусство измѣрять. Италиійцы, точно такъ-же какъ и Эллины, дошли до него не сами собою, хотя зачатки такого изобретенія можно усмотрѣть въ италійскихъ численныхъ знакахъ (стр. 203) и въ незамысловатомъ отъ Грековъ древнемъ италійскомъ обыкновеніи вынимать жребій по деревяннымъ табличкамъ. Какой нуженъ трудъ для перваго выдѣленія звуковъ, являющихся въ столь многоразличныхъ сочетаніяхъ, всего лучше видно изъ того факта, что для всей арамейской, индійской, греческо-римской и теперешней цивилизаціи было достаточно и до сихъ поръ еще достаточно одной азбуки, переходившей отъ одного народа къ другому и изъ одного рода въ другой, а это важное произведеніе человѣческаго ума было плодомъ совокупныхъ усилій Арамейцевъ и Индо-Германцевъ. Семитская вѣтвь языковъ, въ которой гласныя играютъ второстепенную роль и никогда не могутъ стоять въ началѣ словъ, именно тѣмъ и облегчила выдѣленіе согласныхъ; стало-быть тамъ и была изобрѣтена первая азбука, еще лишённая гласныхъ буквъ. Индійцы и Греки прежде всѣхъ и независимо одни отъ другихъ, но совершенно различнымъ способомъ, создали полную азбуку, прибавивъ гласныя буквы къ дошедшей до нихъ торговымъ путемъ арамейской грамотѣ, состоявшей изъ однѣхъ согласныхъ; для обозначенія гласныхъ они употребили четыре буквы а, е, і, о. ненужныя Грекамъ для обозначенія согласныхъ, придумали особый знакъ для и и ввели въ грамоту слоги въ замѣнъ голыхъ согласныхъ, или, какъ выражается Паламедъ у Еврипида:

Отыскивая спасительное средство отъ забвенія,
Я соединялъ въ слога безгласныя буквы съ гласными
И изобрѣлъ для смертныхъ искусство письма.

Эта арамейско-эллинская азбука была сообщена Италиійцамъ отъ жившихъ въ Италиі Эллиновъ, но не изъ земледѣльческихъ колоній Великой Греціи, а чрезъ посредство куманскихъ или тарентинскихъ торговцевъ, которые завезли ее прежде всего въ самые древніе центры международныхъ сношеній Лаціума и Этруріи, — въ Римъ и въ Цере. Впрочемъ та азбука, которую получили Италиійцы, вовсе не была древнѣйшей эллинской; она уже подверглась разнымъ

Введеніе
эллинской
азбуки въ
Италиі.

перемѣнамъ, а именно къ ней были прибавлены три буквы ξ , φ и χ и въ замѣнъ старыхъ знаковъ были введены ι , γ , λ *). Аз-

*) Исторія азбуки у Эллиновъ заключается въ сущности въ томъ, что относительно лхъ первоначальной азбуки, состоявшей изъ 23 буквъ [то-есть финикійской азбуки, вокализированной и дополненной буквою ι], дѣлались самыя разнообразныя попытки съ цѣлю ея дополнить и улучшить, и что каждая изъ этихъ попытокъ имѣла свою собственную исторію. Важнѣйшія изъ этихъ попытокъ, не лишены интереса и для исторіи италійской письменности, суть слѣдующія.—I. Введеніе своихъ собственныхъ знаковъ для звуковъ ξ , φ , χ . Эта попытка относится къ такимъ древнимъ временамъ, что только за исключеніемъ той азбуки, которая была въ употребленіи на островахъ Оерѣ, Мелосѣ и Критѣ, подъ ея вліяніемъ находились всѣ греческія азбуки и всѣ тѣ, которыя происходили отъ греческой азбуки. Первоначально она клонилась къ тому, чтобы въ концѣ азбуки прибавить знаки $\chi = \xi \iota$, $\Phi = \varphi \iota$, $\Psi = \chi \iota$, и въ этомъ видѣ азбука нашла доступъ на континентѣ Элады, за исключеніемъ Аѳинъ и Коринѳа, и также у сицилійскихъ и у италійскихъ Грековъ. Напротивъ того, малоазіатскіе Греки и тѣ, которые жили на островахъ Архипелага, равно какъ жившіе на материкѣ Коринѳяне уже стали употреблять—въ то время, какъ они познакомились съ той попыткой—вмѣсто $\xi \iota$ пятнадцатый знакъ финикійской азбуки [*Самель*] Ξ ; поэтому изъ трехъ новыхъ знаковъ они усвоили Φ для $\varphi \iota$, а χ не для $\xi \iota$, а для $\chi \iota$. Третій знакъ, первоначально придуманный для $\chi \iota$, болѣею частію не употреблялся; его удержали только на малоазіатскомъ материкѣ, но тамъ ему придали значеніе $\phi \iota$. Малоазіатской манеры писать придерживались также Аѳины, съ той только разницей, что тамъ не были усвоены не только $\phi \iota$, но и $\xi \iota$, вмѣсто которыхъ по прежнему писалась двойная согласная.—II. Такъ-же равно, если не еще раньше, старались предотвратить угрожаемое смѣшеніе формъ для $i \leq$ и $v \leq$, такъ какъ всѣ извѣстныя намъ греческія азбуки носятъ на себѣ слѣды старанія отличить эти знаки одинъ отъ другаго какъ-нибудь иначе и болѣе яснымъ образомъ. Но уже въ древнѣйшую пору были сдѣланы съ этой цѣлю двѣ попытки, изъ которыхъ каждая нашла для себя особую сферу: первая касалась шипящихъ звуковъ, для которыхъ въ финикійской азбукѣ было два знака—четырнадцатый [M] для $v \leq h$ и восемнадцатый [$\leq$] для v , и предлагала вмѣсто послѣдняго изъ нихъ, болѣе пригоднаго по звуку, первый; такъ и писали въ древности на восточныхъ островахъ, въ Коринѣхъ и въ Керкирѣ и у италійскихъ Ахейцевъ. Вторая попытка имѣла цѣлю замѣнить i простой чертой ι ; этотъ способъ замѣны былъ гораздо употребительнѣе первого и въ неочень позднюю пору вошелъ въ такое всеобщее употребленіе, что логанное $i = \Sigma$ повсюду исчезло, хотя нѣкоторые общины удержали кромѣ ι и форму M для v .—III. Новѣе была замѣна λ Λ [который не трудно смѣшать съ Γ γ] знакомъ β , который мы находимъ въ Аѳинахъ и въ Беотіи, между тѣмъ какъ Коринѣхъ и зависѣвшія отъ него общины достигли той-же цѣли, давши звуку γ вмѣсто формы крючка форму полукруга C .—IV. Точно также очень подчеркнутыя смѣшенію формы для p P и для g P были различены путемъ превращенія послѣдней въ R ; эта новая форма не была усвоена только у малоазіатскихъ Грековъ, у Критянъ, у италійскихъ Ахейцевъ и въ нѣкоторыхъ другихъ немногочисленныхъ мѣстностяхъ, но рѣшительно преобладала какъ въ собственной Греціи, такъ и

буки этрусская и латинская, какъ уже было ранѣ замѣчено (стр. 198) произошли не одна отъ другой, а каждая изъ нихъ произошла непосредственно отъ греческой; даже и эта греческая азбука дошла

въ Великой Греціи и въ Сициліи. Но тамъ не такъ рано и не такъ бесслѣдно исчезла древняя форма для g — P , какъ болѣе древняя форма для i ; стало-быть это нововведеніе, безъ сомнѣнія, было болѣе позднимъ.—Отличіе длиннаго e отъ короткаго и длиннаго o отъ короткаго ограничилось въ древности тѣми Греками, которые жили въ Малой Азіи и на островахъ Эгейскаго моря.—Всѣ эти техническія усовершенствованія однородны и имѣютъ одинакую историческую важность въ томъ смыслѣ, что каждое изъ нихъ возникло въ определенное время и въ определенномъ мѣстѣ и затѣмъ распространялось своимъ собственнымъ путемъ и развивалось самостоятельно. Превосходное изслѣдованіе Кирхгофа [Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets] бросаетъ яркій свѣтъ на бывшую до того времени столь мало извѣстной исторію эллипской азбуки и сверхъ того доставляетъ намъ важныя свѣдѣнія касательно древнѣйшихъ сношеній между Эллинами и Италиѣцами; такъ напримѣръ, оно неоспоримо выяснило до сихъ поръ неразрѣшенный вопросъ о происхожденіи этрусской азбуки; но оно грѣшитъ нѣкоторой односгоронностью, такъ какъ нѣкоторымъ изъ упомянутыхъ выше попытокъ придаѣтъ слишкомъ большую важность. Если бы пришлось установить въ этой сферѣ отличія одной системы отъ другой, то не слѣдовало-бы раздѣлять азбуки на два разряда по значенію X какъ ξ и какъ χ , а слѣдовало-бы установить различіе между азбукой въ 23 буквы и азбукой въ 25 или 26 буквъ, а въ этой послѣдней установить различіе между древнѣйшей общегреческой и той малоазіатской іонической, отъ которой произошла позднѣйшая общая азбука. Впрочемъ нѣкоторыя мѣстности относились съ выборомъ къ различнымъ попыткамъ ввести въ азбуку перемѣны, такъ что нѣкоторыя изъ этихъ перемѣнъ усвоились въ одномъ мѣстѣ, а нѣкоторыя другія—въ другомъ. Именно потому такъ и поучительна исторія греческой азбуки, что она объясняетъ намъ, какъ въ сферѣ ремеселъ и искусствъ нѣкоторыя группы греческихъ мѣстностей обмѣнивались между собою нововведеніями, а нѣкоторыя другія не принимали никакого участія въ такомъ обмѣнѣ. Что касается въ особенности Италиі, то мы уже указывали [стр. 133] на замѣчательную противоположность между ахейскими земледѣльческими городами съ одной стороны и городами халкидскими и дорійскими, которые были болѣе похожи на купеческія колоніи—съ другой; въ первыхъ сохранились всѣ первоначальныя формы, а въ послѣднихъ были усвоены улучшенныя формы, даже такія, которыя, будучи заимствованы съ различныхъ сторонъ, до нѣкоторой степени противорѣчили однѣмъ другимъ, такъ напримѣръ наряду съ V l употребляли C γ . Италиійскія азбуки, какъ это доказалъ Кирхгофъ, всѣ происходили отъ азбуки италиійскихъ Грековъ и именно отъ халкидско-дорической; а что Этруски и Латины не получили азбуку одни отъ другихъ, но независимо одни отъ другихъ получили ее непосредственно отъ Грековъ, несомнѣнно доказываетъ различная форма буквы g путемъ слѣдующихъ соображеній: изъ четырехъ выше указанныхъ измѣненій азбуки, касавшихся вообще всѣхъ италиійскихъ Грековъ [пятое измѣненіе ограничилось Малой Азіей], три первыхъ осуществлялись прежде, чѣмъ эта азбука перешла къ Этрускамъ и къ Латинамъ: когда она перешла къ Этрускамъ, различіе между

до Этрурии и до Лациума въ существенно-измѣненномъ видѣ. Этруская азбука имѣла двойное s (Сигма s и Санъ sch) и только одно k *), а отъ г только его древнѣйшую форму Р; латинская азбука имѣла, сколько намъ извѣстно, только одно s и напротивъ того двойное k (Каппа k и Коппа q), а отъ г только его позднѣйшую форму R. Древнѣйшая этруская письменность еще не знала строкъ и извивалась какъ змѣя, а новѣйшая употребляетъ параллельныя строки, которыя идутъ съ права на лѣво; латинская письменность, сколько намъ извѣстно изъ ея древнѣйшихъ памятниковъ, знакома лишь съ послѣднимъ способомъ — съ правильными строками, которыя первоначально шли, по произволу пишущаго, съ лѣва на право и съ права на лѣво, но потомъ шли у Римлянъ въ первомъ направленіи, а у Фалисковъ во второмъ. Занесенная въ Этрурію образцовая азбука, даже при своемъ сравнительно-обновленномъ видѣ, должна была принадлежать къ очень древнему времени, хотя и нѣтъ возможности съ точностію опредѣлить это время; это видно изъ того, что Сигма и Санъ постоянно употреблялись у Этрусковъ рядомъ одна съ другой, какъ два различныхъ звука, стало-быть и въ дошедшей до нихъ греческой азбукѣ эти буквы еще имѣли самостоятельное значеніе; но изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ па-

---

р и г еще не было установлено; напротивъ того, когда она перешла къ Латинамъ, различіе этихъ двухъ буквъ уже было по меньшей мѣрѣ начато; потому у Этрусковъ вовсе не было формы R для г, а у Фалисковъ и у Латиновъ встрѣчается только болѣе новая форма, за единственнымъ исключеніемъ самой древней римской надписи [стр. 213, прим.].

*) Какъ кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію, что у Этрусковъ никогда не было Коппы, такъ какъ не только нигдѣ не видно ея достовѣрныхъ слѣдовъ, но ея даже нѣтъ и въ томъ образцовомъ букварѣ, который написанъ на галасскомъ сосудѣ. Попытка доказать ея присутствіе въ силлабаріи, находящемся на томъ-же сосудѣ, была во всѣхъ отношеніяхъ неудачна, такъ какъ этотъ силлабарій касался и могъ касаться только тѣхъ этрусскихъ буквъ, которыя и позже были въ общемъ употребленіи, а къ числу ихъ, какъ намъ положительно извѣстно, Коппа не принадлежитъ; сверхъ того, поставленный въ концѣ силлабарія знакъ не могъ означать ничего, кромѣ f, которое было въ этрусской азбукѣ послѣдней буквой и не могло отсутствовать въ силлабаріи, изображавшемъ уклоненія этрусской азбуки отъ ея образца. Тѣмъ не менѣе, конечно, странно, что въ полученной Этрусками греческой азбукѣ недостало Коппы, которая однако долго сохранялась въ халкидо-дорійской азбукѣ; слѣдуетъ полагать, что недостатокъ этой буквы былъ мѣстной особенностью того города, изъ котораго была впервые занесена азбука въ Этрурію. Произволъ и случайность всегда разрѣшали вопросъ, удержится-ли въ азбукѣ или будетъ изъ нея исключенъ такой знакъ, который дѣлается для нея излишнимъ; такимъ-то образомъ исчезъ изъ аттической азбуки восемнадцатый финикійскій знакъ, но въ ней сохранились другіе знаки, исчезнувшіе изъ звуковаго письма.

мятниковъ греческой письменности не видно, чтобъ Сигма и Санъ употреблялись у Грековъ одна рядомъ съ другой. Напротивъ того, насколько намъ извѣстна латинская азбука, она вообще носитъ на себѣ болѣе новый характеръ; впрочемъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что въ Лациумѣ. не такъ какъ въ Этруріи, азбука не была усвоена однимъ разомъ, но что Латинцы, вслѣдствіе оживленныхъ сношеній съ своими греческими сосѣдями, долгое время примѣнялись къ бывшей въ употребленіи у Грековъ азбукѣ и слѣдили за всѣми ея измѣненіями. Такъ напримѣръ, мы находимъ, что формы Р *)), Σ и Μ не были незнакомы Римлянамъ, но были замѣнены въ общемъ употребленіи болѣе новыми формами R, S и M, а это можно объяснить только тѣмъ, что Латинцы долгое время пользовались греческой азбукой для письма и на греческомъ и на своемъ родномъ языкѣ. Поэтому изъ сравнительно болѣе новаго характера той греческой азбуки, которую мы находимъ въ Римѣ, и изъ болѣе древняго характера той, которая была заимствована Этруріей, едва-ли можно дѣлать заключеніе, что въ Этруріи стали писать раньше, чѣмъ въ Римѣ. — О томъ, какое сильное впечатлѣніе произвела на получателей доставленная имъ азбука и какъ живо они чуяли погруженное въ дремоту могущество этихъ съ виду ничтожныхъ знаковъ, свидѣтельствуетъ замѣчательный сосудъ, который былъ найденъ въ городѣ Цере въ одной изъ древнѣйшихъ гробницъ, сооруженныхъ еще до изобрѣтенія арокъ; на этомъ сосудѣ написана азбука по древне-греческому образцу въ томъ видѣ, въ какомъ ее получила Этрурія, а рядомъ съ этой азбукой помѣщенъ составленный по ней этрусскій силлабарій, похожій на тотъ, о которомъ велъ рѣчь Паламедъ; это, очевидно, былъ священный памятникъ, увѣковѣчивавшій воспоминаніе о введеніи въ Этрурію буквеннаго письма.

Не менѣе этого заимствованія азбуки важно для исторіи ея даль-Развитіе аз-
нѣйшее развитіе на италійской почвѣ, — быть можетъ даже болѣе бунки въ
важно, такъ какъ оно бросаетъ лучъ свѣта на взаимныя внутрен- Италіи.
нія сношенія Италійцевъ, покрытыя гораздо болѣе густымъ мракомъ, чѣмъ сношенія на берегахъ съ чужеземцами. Въ древнѣйшую эпоху этрусской письменности, когда заимствованная азбука была въ употребленіи почти безъ всякихъ измѣненій, ею пользовались, какъ кажется, только Этруски, жившіе на берегахъ По и въ теперешней Тосканѣ. Потомъ эта азбука проникла, очевидно, изъ Атріи и Спинны, на югъ вдоль восточнаго берега вплоть до Аbruццовъ, на сѣверъ

*) Эту древнѣйшую форму для г мы находимъ на авернянскомъ глиняномъ сосудѣ, съ которымъ мы лишь недавно познакомились [его описалъ Dressel въ *Annali dell' Instituto*, 1880]; это, безъ сомнѣнія, самый древній изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ римскаго языка и римской письменности.

къ Венетамъ и въ болѣе позднюю пору къ Кельтамъ, жившимъ по сю сторону Альповъ и среди Альповъ и даже къ тѣмъ, которые жили за Альпами, такъ что ея послѣднiя отпрыски достигли Тироля и Штирии. Позднѣйшая эпоха этого развитiя начинается съ преобразованiя азбуки, которое заключалось главнымъ образомъ въ введенiи отставленныхъ одна отъ другой параллельныхъ строкъ, въ уничтоженiи буквы o, которую уже нельзя было отличать въ произношенiи отъ u, и въ употребленiи новой буквы f, для которой не было соответствующаго знака въ традиционной азбукѣ. Это преобразование было совершено, очевидно, западными Этрусками; оно не нашло для себя доступа на той сторонѣ Апеннинъ, но было усвоено всѣми сабельскими племенами и прежде всѣхъ Умбрами; затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитiи азбуки, ея судьба была различна у каждаго отдѣльнаго племени — у Этрусковъ, жившихъ на берегахъ Арно и подлѣ Капуи, у Умбровъ и у Самнитовъ; въ иныхъ мѣстахъ она вполнѣ или частiю утрачивала промежуточные буквы, въ другихъ приобрѣтала новыя гласныя и согласныя буквы. Но это западно-этруское преобразование азбуки не только такъ-же старо, какъ самыя древнiя изъ найденныхъ въ Этрурии гробницъ, но еще гораздо старше, такъ какъ выше упомянутый силлабарiй, вѣроятно найденный въ одной изъ тѣхъ гробницъ, изображаетъ преобразованную азбуку уже въ существенно-измѣненномъ и обновленномъ видѣ; а такъ какъ и сама преобразованная азбука молода въ сравненiи съ первоначальной, то мысль вынуждена почти совершенно отказаться отъ попытки проникнуть въ ту отдаленную эпоху, когда эта первоначальная азбука проникла въ Италию. — Между тѣмъ какъ Этруски являются распространителями азбуки на сѣверѣ, востокѣ и югѣ полуострова, латинская азбука, напротивъ того, ограничивалась однимъ Лаціумомъ и тамъ въ общемъ итогѣ сохранилась съ незначительными измѣненiями; только γ мало-по-малу слилось съ χ , а ζ съ σ , послѣдствiемъ чего было то, что по одному изъ каждыхъ двухъ равнозвучныхъ знаковъ (χ , ζ) исчезло изъ употребленiя. Въ Римѣ, какъ это несомнѣнно доказано, эти знаки были устранены еще прежде конца четвертаго столѣтiя отъ основанiя города *), и съ

*) Къ этому времени слѣдуетъ отнести то письменное изложенiе законовъ Дѣвнадцати Таблицъ, которое вполнѣмъ изучали римскiе филологи и отъ котораго до насъ дошли только обрывки. Не подлежитъ сомнѣнiю, что немедленно вслѣдъ за своимъ составленiемъ эти законы были наложены письменно; но тѣ ученые и сами не считали находившiйся у нихъ подъ руками текстъ за первоначальный, а смотрѣли на него какъ на официальное изложенiе тѣхъ законовъ, предпринятое послѣ сожженiя Рима Галлами; это доказывается рассказомъ о происшедшемъ въ то время восстановленiи таблицъ и уже ясно видно изъ того, что въ текстѣ, которымъ пользовались тѣ ученые, вовсе не было той древнѣйшей орфографiи, съ которой они, однако, были знакомы. Сверхъ того, таковъ

ними незнакомы всё дошедшее до насъ письменные и другіе памятники, за исключеніемъ только одного *). Если же принять въ соображеніе, что въ древнѣйшихъ сокращеніяхъ постоянно соблюдается различіе между γ и ς , между χ и κ **), что, стало-быть, періодъ времени, когда эти звуки слились въ произношеніи, и болѣе ранній періодъ времени, когда сокращенія установились, были гораздо древнѣе начала самнитскихъ войнъ. и наконецъ, что между введеніемъ письменности и установленіемъ условной системы сокращеній впрямь прошло значительный промежутокъ времени, — то придется отнести начало письменности какъ въ Этруріи, такъ и въ Лациумѣ къ такой эпохѣ, которая ближе къ первому наступленію египетскаго Сіріусова періода въ историческое время, то-есть къ 1321 году до Р. Х., чѣмъ къ 776 году, съ котораго начинается въ Греціи счисленіе времени по Олімпіадамъ ***). Оглубокой древности письменнаго искусства въ Римѣ свидѣлствуютъ и многія другія ясныя указанія. Существованіе письменныхъ памятниковъ изъ эпохи царей доказано съ достаточной достовѣрностію; сюда принадлежатъ: особый договоръ, который былъ заключенъ между Габіями и Римомъ какимъ-то царемъ Тарквиніемъ, по всему вѣроятію не послѣднимъ царемъ этого имени; онъ былъ написанъ на шкурѣ привнесеннаго по этому случаю въ жертву быка и хранился въ богатомъ древними памятниками, уцѣлѣвшемъ отъ сожженія Рима Галлами храмѣ Сивы на Квириналѣ; союзный договоръ, который былъ заключенъ царемъ Сервіемъ Тулліемъ съ

письменный памятникъ, который между прочимъ предназначался для заучиванія юншествомъ наизусть, не можетъ считаться за источникъ точныхъ филологическихъ указаній.

*) Этимъ исключеніемъ служить приведенная на 222 страницѣ въ примѣчаніи надпись на квиринальскомъ глиняномъ сосудѣ. Напротивъ того, даже на фидоронскомъ дарѣ ς имѣетъ подлѣбшее значеніе буквы κ .

***) Такъ напримѣръ ς значитъ *Caesars*, $\kappa\eta$ —*Gnaeus*, но κ —*Caeso*. Къ подлѣбшимъ сокращеніямъ это, конечно, непримѣнимо; въ нихъ γ изображается не знакомъ ς , а знакомъ Γ [*GAL Galeria*], χ обыкновенно знакомъ ς [*C—centum*, *COS—consul*, *COL—Collina*], но передъ α знакомъ κ [*KAR—kàgmentalia*, *MERK—merkatus*], — такъ какъ въ теченіе пѣ котораго времени звукъ χ выражался передъ гласными e , i , o и передъ всѣми согласными знакомъ ς , но передъ α знакомъ κ , а передъ η древнимъ знакомъ $\kappa\eta$ — κ .

***)) Если это вѣрно, то появленіе Гомеровскихъ поэмъ, — хотя, конечно, не въ той самой формѣ, въ какой онѣ дошли до насъ, — должно быть отнесено къ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ та, которую Геродотъ называетъ цвѣтущей эпохой Гомера [100 лѣтъ до осн. Рима], такъ какъ введеніе эллинской азбуки въ Италію и начало сношеній между Элладой и Италіей принадлежатъ къ послѣднимъ Гомеровскимъ временамъ.

Лациумомъ; его видѣлъ Діонисій на мѣдной доскѣ въ храмѣ Діаны, на Авентинѣ, — конечно въ копіи, составленной послѣ пожара при помощи латинскаго экземпляра, такъ какъ нельзя допустить, чтобъ въ эпоху царей уже существовала въ Римѣ рѣзьба на металлѣ. На учредительную грамоту этого храма ссылались учредительныя грамоты временъ имперіи, какъ на самый древній изъ римскихъ документовъ этого рода, и какъ на образецъ для всѣхъ другихъ. Но уже въ ту пору чертили (*exagage, scribere* — одного происхожденія съ *scrobes* *) или рисовали (*linere, отсюда littera*) на листьяхъ (*folium*), на древесной корѣ (*liber*) или на деревянныхъ дощечкахъ (*tabula, album*), а впоследствии также на кожѣ и на холстѣ. На холщевыхъ свиткахъ были написаны священныя грамоты Самнитовъ и аналпннской жреческой коллегіи, равно какъ самыя древнія списки римскихъ магистратовъ, хранившіеся въ храмѣ богини воспоминанія (*Juno moneta*) на Капитоліи. Едва-ли нужно еще напоминать объ очень древнемъ обмыкновеніи мѣтить пасущійся скотъ (*scriptura*), о словахъ: «отцы и приписные» (*patres conscripti*), съ которыми обращались къ сенату, и о глубокой древности оракульскихъ книгъ, родовыхъ списковъ и календарей альбанскаго и римскаго. Когда римское преданіе изъ раннихъ временъ республики рассказываетъ намъ объ устроенныхъ на рынокѣ залахъ, въ которыхъ мальчики и дѣвочки знатнаго происхожденія учились читать и писать, то этотъ рассказъ, быть можетъ, былъ вымысломъ, но нельзя этого положительно утверждать. Причина нашего недостаточнаго знакомства съ самой древней римской исторіей заключается не въ неумѣньи Римлянъ писать и даже, быть можетъ, не въ недостаткѣ письменныхъ памятниковъ, а въ неспособности историковъ того времени, которое было самымъ удобнымъ для историческихъ наслѣдованій и для разработки архивныхъ матерьяловъ; эти историки заботились объ описаніи побудительныхъ причинъ и характеровъ, сраженій и государственныхъ переворотовъ и потому опускали изъ виду то, въ чемъ и преданія не отказали бы серьезному и самоотверженному изслѣдователю.

Общѣ вы-
воды.

И такъ исторія италійской письменности свидѣтельствуетъ прежде всего о томъ, что эллинскій бытъ имѣлъ на Сабелловъ болѣе слабое и менѣе непосредственное вліяніе, чѣмъ на западныя италійскія племена. Что Сабеллы получили азбуку отъ Этрусковъ, а не отъ Римлянъ, объясняется, по всему вѣроятію, тѣмъ, что у нихъ уже была азбука въ то время, какъ они начали двигаться вдоль хребта Апеннинъ; стало быть какъ Сабинны, такъ и Самниты получали азбуку

*) Точно такъ и древне-саксонское слово *writan* сначала значило чертить, а потомъ значило писать.

до выхода изъ своей родины. Съ другой стороны эта исторія письменности заключаетъ въ себѣ полезное предостереженіе отъ гипотезы, — которую пустило въ ходъ позднѣйшее римское просвѣщеніе, такъ легко увлекавшееся мистицизмомъ и всякою антикварною ветшью, и которую безпрекословно повторяли и болѣе новые и самые новые изслѣдователи, — будто римская цивилизація получила свое начало и свою сущность изъ Этруріи. Если-бы это была правда, то именно въ этой сферѣ должны-бы были прежде всего отыскаться ея слѣды; но оказывается совершенно противное, — оказывается, что зародышъ латинской письменности былъ греческій, а ея развитие было настолько національнымъ, что она даже не усвоила столь полезнаго этрусскаго знака для f. Даже тамъ, гдѣ замѣтны признаки позаимствованія, какъ напримѣръ въ числительныхъ знакахъ, оказывается, что скорѣй Этруски подражали Римлянамъ; но меньшей мѣрѣ извѣстно, что они взяли отъ Римлянъ знакъ для цифры 50. — Наконецъ, характеристиченъ тотъ фактъ, что у всѣхъ италійскихъ племенъ развитие греческой азбуки заключалось главнымъ образомъ въ ея извращеніи. Такъ напримѣръ, во всѣхъ этрусскихъ нарѣчіяхъ исчезли промежуточныя буквы, между тѣмъ какъ у Умбровъ исчезли u, d, у Самнитовъ d, у Римлянъ u, а у этихъ послѣднихъ, кромѣ того, грозили слиться d и g. У Этрусковъ очень рано совпали o и u; у Латиновъ также замѣтна наклонность къ такой же порчѣ языка. Почти совершенно противное замѣтно по отношенію къ шипящимъ буквамъ: между тѣмъ какъ Этруски удерживали три знака z, s, sch, а Умбры отбросили послѣдній изъ нихъ и вмѣсто него явели въ употребленіе двѣ новыхъ шипящихъ. Самниты и Фалиски довольствовались, подобно Грекамъ, буквами s и z, а позднѣйшіе Римляне даже однимъ s. Отсюда видно, что вводители азбуки, какъ люди образованные и хорошо владѣвшіе обоими языками, чувствовали всѣ самыя тонкія различія звуковъ; но послѣ того, какъ національная письменность окончателно отрѣшилась отъ эллинскаго азбучнаго образца, промежуточныя буквы стали мало-по-малу совпадать съ своими ближайшими буквами, а шипящія и гласныя буквы стали извращаться; въ особенности первое изъ этихъ перемѣшеній или, вѣрнѣе, извращеній звуковъ вовсе несвойственно греческому языку. Съ этимъ извращеніемъ звуковъ идетъ рука-объ-руку извращеніе грамматическихъ формъ и производныхъ словъ. Причина такого варварскаго обхожденія съ языкомъ заключается въ томъ, что искаженія постоянно развѣдаютъ всякій языкъ, если не встрѣчаютъ литературныхъ и рациональныхъ препятствій; разница только въ томъ, что въ настоящемъ случаѣ звуковое письмо сохранило на себѣ слѣды того, что обыкновенно исчезаетъ безслѣдно. Тотъ фактъ, что такое варварское обхожденіе съ языкомъ замѣтно у Этрусковъ въ болѣе сильной степени, чѣмъ

Извращеніе
языка и
письмен-
ности.

у какого-либо другого изъ италійскихъ племенъ, принадлежитъ къ многочисленнымъ доказательствамъ ихъ низшихъ культурныхъ способностей: если же такая порча языка замѣтна между Италійцами всего болѣе у Умбровъ, гораздо менѣе у Римлянъ, а всего менѣе у южныхъ Сабелловъ, то объясненіемъ этого могутъ отчасти служить болѣе оживленныя сношенія первыхъ съ Этрусками, послѣднихъ съ Греками.

ГЛАВА XV.

И с к у с т в о .

Поэзия есть страстная рѣчь, а ея измѣнчивые тоны создаютъ Художническо-мелодію; въ этомъ смыслѣ поэзія и музыка существуютъ у каждаго снiя способнаго народа. Однако италійская нація не принадлежала и не принадлежитъ ности Италійцевъ. къ числу народовъ, отличающихся особыми поэтическими дарованіями; у Италійца нѣтъ сердечной страстности, нѣтъ стремленія идеализировать все человѣческое и влагать человѣческую душу во всё что безжизненно, — стало-быть у него нѣтъ именно того, въ чемъ заключается самое высокое назначеніе поэтическаго искусства. Его воркой наблюдательности и его привлекательной развязности отлично удаются иронія и легкій повѣствовательный тонъ, какіе мы находимъ у Горация и у Боккаччіо, веселыя любовныя шуточныя въ родѣ Катулловскихъ и пріятныя народныя пѣсенки въ родѣ тѣхъ, которыя поются въ Неаполѣ, -- но всего лучше удаются цивная комедія и фарсъ. На италійской почвѣ выросли: въ древности шутивное подражаніе трагедіи, а въ новое время шутивное подражаніе эпопей. Въ особенности по части риторикѣ и сценическаго искусства, никакая нація не могла и не можетъ равняться съ Италійцами. Но въ высшихъ родахъ искусства они едва-ли заходили далѣе ловкости и ни одна изъ ихъ литературныхъ эпохъ не произвела ни настоящей эпопей, ни настоящей драмы. Даже лучшія изъ литературныхъ произведеній Италіи, — Божественная комедія Данта и историческіе труды Саллюстія и Макіавелли, Тацита и Боллетты проникнуты болѣе риторическою, чѣмъ искреннею страстью. Даже въ музыкѣ, какъ въ старое, такъ и въ новое время, выступаетъ наружу не столько настоящая творческая даровитость, сколько ловкость, которая быстро доходитъ до виртуозности и возводитъ на тронъ вмѣсто настоящаго, дышущаго внутренней теплотой искусства, пустой, мертвѣющей душу идолъ. Настоящая сфера Италійца не внутренній міръ, — насколько

вообще возможно въ искусствѣ отдѣлять этотъ міръ отъ внѣшней формы: для того, чтобъ могущество красоты вполне имъ овладѣло. нужно, чтобъ она явилась передъ его глазами въ чувственномъ образѣ, а не предстала передъ его душой въ видѣ идеала. Оттого-то онъ какъ-бы у себя дома въ сферѣ строительнаго искусства и пластики и тутъ онъ былъ въ древнюю культурную эпоху лучшимъ ученикомъ Эллина, а въ новѣйшее время наставникомъ всѣхъ народовъ.

Танцы, музыка и пѣніе въ Латинствѣ.

Дошедшія до насъ преданія такъ скудны, что мы не въ состояніи прослѣдить развитіе понятій объ искусствѣ у каждой изъ отдѣльныхъ италійскихъ народныхъ группъ и принуждены говорить не объ италійской поэзіи, а только о поэзіи Латинцевъ. Латинское поэтическое искусство, какъ и всякое другое, возникло изъ лирики или, вѣрнѣе, изъ тѣхъ самыхъ древнихъ праздничныхъ лирическихъ танцевъ, въ которыхъ танцы, музыка и пѣніе еще сливались въ одно нераздѣльное цѣлое. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ древнѣйшихъ религиозныхъ обрядахъ танцы и за тѣмъ музыка занимали гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ пѣніе. Въ большомъ торжественномъ шествіи, которымъ начинались римскія побѣдныя празднества, главную роль послѣ изображеній боговъ и послѣ бойцовъ играли танцовщики серьезные и веселые: первые дѣлились на три группы—на взрослыхъ мужчинъ, юношей и мальчиковъ; всѣ они были одѣты въ красныя платья съ мѣдными поясами, и имѣли при себѣ мечи и коротенькія копыя, а взрослые сверхъ того были въ шлемахъ и вообще въ полномъ вооруженіи; вторые дѣлились на двѣ группы—на «овець», одѣтыхъ въ овчинныя шубы и въ пестрые плащи, и на «козловъ», голыхъ до пояса и закутанныхъ въ козью мѣхъ. «Скауны» (стр. 166) были едва ли не самымъ древнимъ и самымъ священнымъ изъ всѣхъ религиозныхъ братствъ, и безъ танцовщиковъ (*ludii, ludiones*) не могло обойтись никакое публичное шествіе и въ особенности никакое погребеніе, вслѣдствіе чего танцы уже въ старину были очень обыкновеннымъ промысломъ. Но тамъ, гдѣ появляются танцовщики, необходимо появляются и музыканты или—что въ древности было одно и то же—флейтисты. И безъ этихъ послѣднихъ не могли обойтись ни жертвоприношеніе ни свадьба ни погребеніе, и рядомъ съ очень древнимъ публичнымъ братствомъ скауновъ существовала также древняя, хотя по рангу и гораздо менѣе важная, коллегія флейтистовъ (*collegium tibicinum*, стр. 191); что это были настоящіе странствующие музыканты видно изъ того, что наперекоръ строгой римской полиціи они изстари сохранили за собой привилегію бродить въ день своего годоваго праздника по улицамъ, надѣвши на себя маски и напившись до пьяна. Такимъ образомъ пляска была почетнымъ занятіемъ, музыка была занятіемъ хотя и второстепеннымъ но необходимымъ, отчего для той и для другой и были учреждены публичныя братства: но

новья была занятіем болѣе, нежели случайнымъ и въ нѣкоторой степени ни для кого неинтереснымъ, все-равно, была-ли она самостоятельной или служила аккомпаньементомъ для прыжковъ танцовщиковъ. — Для Римлянъ была самой древней пѣсней та, которую поютъ сами для себя лѣстья въ прохладномъ лѣсномъ уединеніи. Кто получилъ свыше даръ подслушивать, что шепчетъ и напѣваетъ въ роцѣ «благосклонный духъ» (*faunus* отъ *favere*), тотъ передаетъ слышанное людямъ въ ритмически развѣренной рѣчи (*сагмен*, повдѣе *сагмен* отъ *сапеге*). Этими пророческими пѣснопѣніямъ свыше вдохновенныхъ мужчинъ и женщинъ (*vates*) приходится сродни и настоящіи магическія изреченія — формулы заговора противъ болѣзней и иныхъ напастей и заклинанія, посредствомъ которыхъ устрояють дождь, изводятъ молнію или переманиваютъ поствъ съ одного поля на другое; разница только въ томъ, что въ этихъ послѣднихъ на стари появляются рядомъ съ словесными формулами и чисто-вокальныя *). Болѣе точно переданы намъ преданіями и одинаково древни религіозныя жалобныя пѣсни, которыя пѣлись скакунами и другими жреческими братствами и сопровождались танцами; одна изъ нихъ дошла до насъ; это, по всему вѣроятію, сочиненная для поочереднаго пѣнія плясовая пѣсня Земледѣльческаго братства во славу Марса. Она стоить того, чтобы мы привели ее цѣликомъ:

Enos, Lares, iuvate!
Ne velue rue, Marmar, sins incurrere in pleores!
Satur fu, fere Mars! limen sali! stal berber!
Semunis alterni advocapit conctos!
Enos, Marmar, iuvato!
Triumpe! **)

*) Такъ Старшій Катонъ сообщаетъ [*De re rust.* 160] очень дѣйствительный противъ вывиховъ заговоръ: *hauat hauat hauat ista pista vista damia bodannaustra*, который, по всему вѣроятію, былъ такъ же непонятенъ для своего изобрѣтателя, какъ и для насъ. Само собой разумѣется, что встрѣчаются и понятныя формулы заговора; такъ напр. чтобы избавить отъ ломоты, нужно было подумать о комъ-нибудь, ничего не ѣвши, трижды девять разъ дотронуться до земли и плюнуть, а за тѣмъ сказать: „Я думаю о тебѣ, вылечи мои ноги. Земля возьми болѣзнь, а здоровье оставь здѣсь“ [*terra pestem teneto, salus hic maneto. Варронъ, De re rust.* 1, 2, 27].

***) *Nos, Lares, iuvate! Ne veluem [=malam luem] ruem [=ruinam], Mamers, sinas incurrere in plures! Saturesto, fere Mars! In limen insitilstal verbera [limen?]* *Semones alterni advocate cunctos! Nos. Mamers, iuvato!* *Triupidia!* Каждая изъ первыхъ пяти строкъ повторяется по три раза, а послѣднее восклицаніе пять разъ. За точность перевода нельзя поручиться, въ особенности перевода третьей строки. — Три надписи квиринальскаго глинянаго

къ богамъ { Помогите намъ, Лары!
 Марсъ, Марсъ, не допускай, чтобъ смерть
 и гибель обрушились на многихъ!
 Будь сытъ, свирѣпый Марсъ!
 къ братьямъ порознь { Вскочи на порогъ! стой! топчи его!
 къ всѣмъ братьямъ { Къ Семонамъ вызывайте вы прежде, вы по-
 томъ, — ко всѣмъ!
 къ богу { Марсъ, Марсъ, помоги намъ!
 къ братьямъ порознь { Скачи!

Латинскій языкъ этой пѣсни и однородныхъ съ нею отрывковъ са-
 лийскихъ пѣсень, слывшихъ еще у филологовъ Августовскаго вре-
 мени за древнѣйшіе памятники ихъ роднаго языка, относится къ
 латинскому языку Двѣнадцати Таблицъ почти такъ-же; какъ языкъ
 Нибелунговъ къ языку Лютера, и какъ по языку, такъ и по со-
 держанію эти почтенныя пѣснопѣнія можно сравнить съ индійскими
 Ведами. — Хвалебныя и бранныя пѣсни принадлежать уже къ болѣе
 поздней эпохѣ. О томъ, что сатиры были въ большомъ ходу въ Ла-
 ціумѣ еще въ древнія времена, можно-бы было догадаться по ха-
 рактеру италійскаго народа, если бы даже это не было положи-
 тельно доказано полицейскими мѣрами, которыя принимались противъ
 сатириковъ въ очень древнюю пору. Но болѣе важное значеніе имѣли
 хвалебныя пѣсни. Когда несли хоронить какого-нибудь гражданина,
 за его погребальными носилками шла одна изъ его родственницъ
 или пріятельницъ и пѣла въ честь его похоронную пѣснь (*nenia*)
 съ аккомпанементомъ флейтиста. Точно такъ и за зваными обѣдами
 мальчики, сопровождавшіе по тогдашнимъ обычаямъ своихъ отцовъ
 повсюду и даже на пирушки, пѣли хвалебныя пѣсни предкамъ по-
 перемѣнно то съ аккомпанементомъ флейты, то безъ аккомпанеента,
 только произнося слова (*assa voce canere*). Взрослые мужчины
 также поочередно пѣли за пирушками, но это было болѣе поднимъ
 обычаемъ, заимствованнымъ, вѣроятно, отъ Грековъ. Объ этихъ
 пѣснопѣніяхъ въ честь предковъ мы не имѣемъ болѣе подробныхъ
 свѣдѣній, но само собой разумѣется, что они состояли изъ описаній
 и разсказовъ и потому развивали изъ лирическихъ элементовъ
 поэзіи и эпическіе. — Другіе элементы поэзіи проявлялись въ очень

Хвалебныя
и бранныя
пѣсни.

Маснара-
дныя фарсы.

сосуда [стр. 213, прим.] гласятъ: *ioue sat deiuosqoi med mitat
 nei ted endo gosmis uirgo sied—asted noisiope toitiesiai
 rakariuois—duenos med faked [=bonus me fecit] enmanom
 einom dze noine [вѣроятно—die noni] med malo statod*. Здѣсь,
 конечно, можно понять смыслъ только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ; главнымъ
 образомъ замѣчательно то, что здѣсь встрѣчаются въ качествѣ древне-латин-
 скихъ формъ такія, которыя намъ были до тѣхъ поръ известны, какъ умбрскія
 и оскскія, — какъ напримѣръ прилагательное *raser* и частица *einom* въ
 значеніи *et*.

древнемъ веселомъ танцѣ или «Сатурѣ» (стр. 28); это было нѣчто въ родѣ народнаго карнавала, который праздновался, безъ сомнѣнія, еще до раздѣленія племенъ. При этомъ, конечно, нмкогда не обходились безъ пѣнія; но такъ какъ этимъ забавамъ предавались преимущественно на общественныхъ празднествахъ и на свадьбахъ и главнымъ образомъ, конечно, съ цѣлю весело провести время, то легко могло случиться, что танцовщики или цѣлыя группы танцовщиковъ смѣшивались между собою и пѣніе сопровождалось чѣмъ-то въ родѣ сценическаго дѣйствія, которое, естественно, отличалось шутивостью и нерѣдко даже разнузданною веселостью. Такимъ путемъ возникли не только чередовыя пѣсни, впоследствии извѣстныя подъ названіемъ фесценнинскихъ, но и зачатки народной комедіи, которые нашли для себя прекрасно приспособленную почву, благодаря особой чуткости Италійцевъ къ всему, что можетъ производить выѣшнее и забавное впечатлѣніе и благодаря тому, что они любятъ жестиковать и маскироваться. — Отъ этихъ старинныхъ образчиковъ римскаго эпоса и римской драмы до насъ ничего не дошло. Что пѣсни въ честь предковъ сохранялись путемъ преданій, само собою разумѣется и сверхъ того ясно доказывается тѣмъ, что ихъ обыкновенно пѣли дѣти; но отъ нихъ уже не оставалось никакихъ слѣдовъ во времена Катона Старшаго. А комедіи, — если ихъ можно называть этимъ именемъ, — обыкновенно импровизировались и въ ту пору и еще долго послѣ того. Такимъ образомъ отъ этой народной поэзіи и отъ этой народной мелодіи ничто не могло перейти къ потомству, кромя размѣра, музыкальнаго и хороваго аккомпаньемента и, быть можетъ, также обыкновенія маскироваться. — Въ древнія времена едва-ли существовало у Латинцевъ то, что мы называемъ стихотворнымъ размѣромъ; жалобныя пѣсни Арвальскаго братства едва-ли подчинялись какой-нибудь неизмѣнно установленной метрической системѣ и, какъ кажется, были скорѣй похожи на оживленный речитативъ. Но въ болѣе позднюю пору мы находимъ такъ называемой сатурнинскій *) или фауновскій размѣръ, который не былъ знакомъ Грекамъ и возникъ, вѣроятно, въ одно время съ древнѣйшими произведеніями латинской народной поэзіи. О немъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе

Стихотворный размѣръ.

*) Этимъ названіемъ, конечно, обозначается ничто иное, какъ „напѣвъ“, такъ какъ *vaticum* была первоначально пѣсня, которую пѣли во время карнавала [стр. 28]. Отъ того-же корня происходитъ названіе бога поствовъ—*Saturnus* или *Saturnus*, впоследствии *Saturnus*; его праздникъ—Сатурналии, конечно, былъ чѣмъ-то въ родѣ карнавала и весьма возможно, что преимущественно во время этого праздника разыгрывались фарсы. Но мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ связи между Сатурой и Сатурналиями; поэтому слѣдуетъ полагать, что непосредственное сопоставленіе такъ называемаго *versus saturnicus* съ богомъ Сатурномъ и находящееся съ нимъ въ связи удлинненіе перваго слога были дѣломъ болѣе поздней эпохи.

по слѣдующему стихотворенію, хотя оно и принадлежитъ къ гораздо болѣе поздней эпохѣ:

Quod ré suá difeídens—áspere afleícta.
 Parens tímens heic vóvit—vóto hóc solúto
 Decumá factá polóucta—leíbereis lúbéntes
 Donú danunt. Hércólei—máxsumé, méreto
 Semól te oránt se vóti—crébro cón, démnés

— — — — — || — — — — —

Что, изъ страха напастн—и въ горькомъ положеніи

Заботливо пообщагъ прародитель—давшій обѣтъ

Принести въ жертву и въ угощеніе десятую часть—то охотно приносятъ дѣти

Въ даръ Геркулесу—высокостойному;

Они также тебя просятъ—часто внимать ихъ мольбамъ.

И хвалебныя и шутивыя пѣсни, какъ кажется, пѣлись однимъ и тѣмъ-же сатурнинскимъ размѣромъ, конечно подъ звуки флейты и вѣроятно такъ, что цезура была сильно намѣчена въ каждой строкѣ, а при поочередномъ пѣніи второй пѣвецъ подхватывалъ и допѣвалъ стихъ. Этотъ сатурнинскій размѣръ, какъ и всѣ другіе встрѣчающіеся въ римской и греческой древности, принадлежитъ къ разряду количественныхъ; но изъ всѣхъ древнихъ стихотворныхъ размѣровъ онъ былъ наименѣ развитымъ, такъ какъ, помимо многихъ другихъ вольностей, онъ позволялъ себѣ пропускъ короткихъ слоговъ въ самомъ обширномъ размѣрѣ; сверхъ того, онъ и по своей конструкціи былъ самымъ несовершеннымъ, такъ какъ изъ противоположенныхъ однѣ другимъ полустроку ямбовъ и трохеевъ едва ли могъ развиться римскій размѣръ, годный для высшихъ поэтическихъ произведеній.—Безслѣдно исчезли и основные элементы народной музыки и хорового пѣнія, которые, вѣроятно, также приняты въ ту пору въ Лациумѣ опредѣленную форму; до насъ дошли свѣдѣнія только о томъ, что латинская флейта была коротенькимъ и тоненькимъ музыкальнымъ инструментомъ, въ которомъ было только четыре отверстія и который изготовлялся, — какъ доказываетъ и его названіе, — изъ легкихъ бедровыхъ костей животныхъ.—Мы не въ состояніи положительно доказать, что къ продуктамъ древнѣйшаго латинскаго искусства принадлежатъ также маски, подъ которыми впоследствии неизмѣнно появлялись типичныя личности латинской народной комедіи или такъ-называемыхъ Ателланъ: Маккъ—арлекинъ, Букко—обжора, Паппусъ—добрый папаша, и мудрый Доссеннъ (которыхъ такъ остроумно и такъ мѣтко сравнивали съ обоими служителями—Панталомъ и Докторомъ, появляющимися въ томъ итальянскомъ фарсѣ, который названъ по имени Пульчинеллы); но если мы примемъ въ соображеніе, что употребленіе лицевыхъ масокъ на національной сценѣ въ Лациумѣ относится къ незапамятной древ-

Мелодіи.

Маски.

ности, между тѣмъ какъ оно было усвоено греческой сценой въ Римѣ лишь черезъ сто лѣтъ послѣ ея основанія; что атланскія маски были, бесспорно, италійскаго происхожденія и, наконецъ, что едва-ли могли бы возникнуть и исполняться на сценѣ импровизированныя пьесы безъ неизмѣнныхъ масокъ, разъ навсегда указывающихъ актеру, какая его роль въ пьесѣ, — то мы должны будемъ отнести неизмѣнныя маски къ зачаткамъ римскихъ драматическихъ представлений или, скорѣе, считать ихъ именно за такіе зачатки.

Если до насъ дошли такія скудныя свѣдѣнія о древнѣйшей цивилизаціи Лаціума и о его искусствахъ, то, понятно, что мы имѣемъ еще болѣе скудныя свѣдѣнія о зачаткахъ вліянія, которому подвергались въ этой сферѣ Римляне извнѣ. Сюда, конечно, можно отнести въ нѣкоторой мѣрѣ знаніе иностранныхъ языковъ и въ особенности греческаго, съ которымъ Латины, конечно, не были вообще знакомы (какъ это уже видно изъ учрежденія особой коллегіи для объясненія Сивиллиныхъ прорицаній, стр. 178), но на которомъ нерѣдко умѣли объясняться торговцы; то-же можно сказать и о тѣсно связанномъ съ изученіемъ греческаго языка умѣнии читать и писать (стр. 209). Впрочемъ цивилизація древняго міра не была основана ни на изученіи иностранныхъ языковъ ни на элементарныхъ техническихъ свѣдѣніяхъ; для цивилизаціи Лаціума имѣли болѣе важное значеніе тѣ художественные элементы, которые онъ уже въ самую раннюю пору заимствовалъ отъ Эллиновъ. Только одни Эллины, но не Финикіяне и не Этруски, имѣли въ этомъ отношеніи вліяніе на Италійцевъ; у этихъ послѣднихъ мы вовсе не находимъ такихъ слѣдовъ художественнаго вліянія, которые указывали-бы на Кароагенъ или на Цере, и вообще мы должны отнести цивилизацію Финикіянь и Этрусковъ къ числу тѣхъ выродковъ, которые бесплодны въ своемъ развитіи *). Но греческое вліяніе не осталось бесплоднымъ. Греческая семиструнная лира («струны» — *fid es*, отъ $\sigma\varphi\lambda\delta\gamma$,

*) Рассказъ о томъ, что „римскіе мальчики когда-то получали этруское образование точно такъ, какъ впоследствии получали образование греческое“ [Ливій, 9, 36] несомнѣннѣ съ нашими свѣдѣніями о коренномъ характерѣ воспитанія римскаго юношества; да и трудно себѣ представить, чему могли-бы научиться римскіе мальчики въ Этруріи. Даже самые ревностные изъ теперешнихъ сторонниковъ Тагесовскаго культа не будутъ утверждать, что изученіе этрускаго языка играло въ то время въ Римѣ почти такую же роль, какую играетъ въ наше время изученіе французскаго языка; а пониманіе этрусскихъ гарусицій считалось даже тѣмъ, кто ими пользовался, за нѣчто позорное для не-Этруска или скорѣе за нѣчто невозможное [Миллеръ, *Этр.* 2, 4]. Всѣ эти рассказы были, по всему вѣроятію, измечены изъ древнѣйшихъ лѣтописей, любившихъ отыскивать причины и послѣдствія событій; а измекали ихъ тѣ археологи послѣднихъ временъ республики, которые любили все возводить къ Этрускамъ; въ тѣхъ лѣтописяхъ между прочимъ разсказывается по поводу разговора Муція Сцеволи

кишка; также *barbitus* — βάρβιτος) не была, какъ флейта, туземнымъ инструментомъ въ Лаціумѣ, и всегда считалась тамъ за чужеземное произведеніе; а о томъ, съ какихъ древнихъ временъ она была тамъ усвоена, свидѣтельствуя частію варварское искаженіе ея греческаго названія, частію ея употребленіе даже при совершеніи священнѣйшихъ обрядовъ*). Что въ ту пору теблѣ въ Лаціумѣ струи изъ легендарной сокровищницы Грековъ, видно изъ того, что онъ такъ охотно принималъ скульптурныя произведенія Грековъ, возникшія изъ представленій всецѣло принадлежавшихъ къ поэтическому запасу греческой націи; и древне-латинскія извращенія Персефоны въ Прозерпину, Беллерофонта въ Мелерцанту, Киллопса въ Коклеса, Лаомедона въ Алюмента, Ганимеда въ Катамита, Нейлоса въ Мелуса, Семелы въ Стимулу доказываютъ, въ какія древнія времена такіе рассказы доходили до Латинцевъ и повторялись ими. Въ особенности главный городской римскій праздник (*Lu di ma xim i, Ro ma ni*) былъ обязавъ если не своимъ происхожденіемъ, то своимъ позднѣйшимъ устройствомъ ничему иному, какъ греческому вліянію. Это было чрезвычайное благодарственное торжество, которое обыкновенно устраивалось вслѣдствіе обѣта, даннаго полководцемъ передъ битвой и потому справлялось осенью по возвращеніи арміи изъ похода въ честь капитолійскаго Юпитера и находившихся при немъ боговъ. Торжественная процессія направлялась къ ристалищу, находившемуся между Палатиномъ и Авентиномъ и состоявшему изъ арены и изъ амфитеатра для зрителей: впереди шло все римское отрочество, выстроенное по отдѣленіямъ гражданской конницы и пѣхоты; затѣмъ шли бойцы и ранѣ описанныя группы танцовщиковъ, каждая съ своей особой музыкой; далѣе шли служители боговъ съ кадильницами и съ другой священной утварью; наконецъ несли носилки съ изображеніями самихъ бо-

говъ Порсеной, что первый изъ нихъ еще въ дѣтствѣ учился этрусскому языку [Діонисій 5, 28; Плутархъ, *Porricola* 17; сравн. Діонисій 3, 70].

*) Объ употребленіи лиры при богослуженныхъ обрядахъ свидѣлствуютъ Цицеронъ, *De orat.* 3, 51, 197; и *Tusc. quaest.* 4, 2, 4; Діонисій 7, 72; Аппианъ, *Пунн. ист.* 66 и надпись у Орелли 2448, сравн. 1803. Она употреблялась и при похоронныхъ пѣсняхъ, *pevia* [Варронъ у Нонія подъ заголовками *pevia* и *rgaeifcae*]. Но тѣмъ не менѣе игра на лирѣ считалась неприличной [Сципионъ у Макробія *Saturp.* 2, 10 и въ др. м.]. Изъ запрещенія музыки въ 639 году были исключены только „латинскіе флейтисты вмѣстѣ съ пѣвцами“, но не музыканты, игравшіе на струнныхъ инструментахъ, и гости пѣли на пирахъ только подъ звуки флейты [Катонъ у Цицерона въ *Tusc. quaest.* 1, 2, 3. 4, 2, 3; Варронъ у Нонія подъ заголовкомъ *avsa vosc.*; Гораци, *Satp.* 4, 15, 30]. Квинтилианъ, утверждая противное [Inst. 1, 10, 20], отнесъ къ частнымъ пирушкамъ то, что Цицеронъ [*De Orat.* 3, 51] рассказываетъ о пиршествахъ боговъ.

говъ. Все зрѣлище было подобіемъ войны въ томъ видѣ, какъ она производилась въ древности—оно заключалось въ борьбѣ на колесницахъ, верхомъ и пѣшкомъ. Сначала происходилъ бѣгъ боевыхъ колесницъ, на каждой изъ которыхъ находилось по одному возницѣ и по одному бойцу, совершенно такъ, какъ описалъ Гомеръ; потомъ выступали на сцену соскочившіе съ колесницъ бойцы и всадники, изъ которыхъ каждый имѣлъ, по римскому обыкновению, двухъ коней—одного подъ собой, а другаго въ поводу (*desultor*); въ заключеніе бойцы появлялись иѣшими и почти нагими (только съ поясомъ вокругъ талии) и состязались между собою въ бѣганіи въ запуски, въ борьбѣ и въ кулачномъ бою. По каждому роду состязанія борьба происходила только одинъ разъ и только между двумя соперниками. Побѣдителя награждали вѣнкомъ, а какъ высоко цѣнился этотъ сплетенный изъ простыхъ листьевъ вѣнокъ, видно изъ даннаго закономъ дозволенія класть его послѣ смерти побѣдителя на погребальныя носилки. Празднество длилось только одинъ день, а различныя состязанія, должно быть, оставляли достаточно времени для настоящаго карнавала, при чемъ группы танцовщиковъ, вѣроятно, занимали зрителей своимъ искусствомъ и еще болѣе своими фарсами, и кромѣ того происходили разныя другія представленія, какъ на примѣръ военныя игры дѣтской конницы *). Но и приобрѣтеныя въ настоящей войнѣ отличія играли на этомъ празднествѣ нѣкоторую роль: храбрый воинъ выставлялъ въ этотъ день на показъ доспѣхи убитаго имъ врага, а благодарная община украшала его голову такимъ-же вѣнкомъ, какъ и голову побѣдителя на ристалищѣ.—Таковъ былъ римскій побѣдный или городской праздникъ, а другія публичныя римскія празднества, должно быть, были въ томъ

---

*). Городской праздникъ первоначально продолжался только одинъ день, такъ какъ еще въ шестомъ столѣтіи отъ осн. Р. онъ состоялъ изъ длившихся четыре дня сценическихъ представленій и изъ длившихся одинъ день игръ въ циркѣ [*Ritschl. paergera I, 313*], а сценическія представленія, какъ извѣстно, были прибавлены впоследствии. Что по каждому роду борьбы первоначально происходило только одно состязаніе, видно изъ словъ Ливія 44, 9; а то было нововведеніемъ, что впоследствии въ теченіе одного дня происходили скачки на нѣсколькихъ колесницахъ, число которыхъ доходило до двадцати пяти [Варронъ у Сервія, *Georg. 3, 18*]. Что изъ-за награды состязались двѣ колесницы и, безъ сомнѣнія, только два всадника и два борца, слѣдуетъ изъ того, что на римскихъ ристалищахъ во всѣ эпохи участвовало въ скачкахъ за одинъ разъ именно столько колесницъ, сколько было такъ-называемыхъ факцій, а такихъ факцій первоначально было только двѣ—бѣлая и красная. Принадлежавшія къ числу игръ цирка конныя состязанія патриційскихъ Эфебовъ, или такъ-называемая *Troia*, были, какъ извѣстно, возобновлены Цезаремъ; они, безъ сомнѣнія, находились въ связи съ тѣмъ шествіемъ коннаго ополченія, состоявшаго изъ мальчиковъ, о которомъ упоминаетъ Діонисій 7, 72.

же родѣ, хотя и имѣли болѣе скромные размѣры. На публичныхъ похоронахъ обыкновенно появлялись танцовщики, а если нужно было придать похоронамъ болѣе торжественности, происходили и скачки; въ такомъ случаѣ гражданъ заблаговременно приглашали на похороны публичныя глашатаи.— Но этотъ такъ тѣсно сросшійся съ римскими нравами и обычаями, городской праздникъ въ сущности имѣлъ сходство съ эллинскими національными праздниками: главнымъ образомъ по своей основной идеѣ, соединяющей религиозное празднество съ воинственными состязаніями въ борьбѣ; по выбору отдѣльныхъ физическихъ упражненій, изстари заключавшихся и на олимпійскомъ празднествѣ, по свидѣтельству Пиндара, изъ бѣгання въ запуски, изъ борьбы, изъ кулачнаго боя, изъ скачки на колесницахъ и изъ метанія копій и каменьевъ; по скромной наградѣ побѣдителя, состоявшей и въ Римѣ и на національныхъ греческихъ празднествахъ изъ вѣнка, который и тутъ и тамъ давали не возницѣ, а владѣльцу лошадей,—и наконецъ потому, что и тутъ и тамъ присоединялись къ общему народному празднеству награды за патріотическія подвиги. Это сходство не могло быть случайнымъ; оно было или остаткомъ кореннаго единства двухъ народовъ или послѣдствіемъ самыхъ древнихъ международныхъ сношеній, а это послѣднее предположеніе самое правдоподобное. Городской праздникъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ намъ извѣстенъ, вовсе не принадлежалъ къ числу самыхъ древнихъ римскихъ учреждений, такъ какъ мѣсто, на которомъ происходили состязанія, принадлежало къ числу сооруженій позднѣйшей эпохи царскаго періода (стр. 110), а подобно тому, какъ государственная реформа была совершена въ ту пору подъ греческимъ вліяніемъ (стр. 95), и въ городскомъ праздникѣ могли быть одновременно введены греческія состязанія, которые въ нѣкоторой мѣрѣ вытѣснили болѣе древнія забавы—скаканье (*triumphus*, стр. 28) и качанье на качеляхъ, существовавшія въ Италіи съ незапамятныхъ временъ и очень долго бывшія въ употребленіи на праздникѣ Альбанской горы. Кромѣ того, слѣды серьезнаго употребленія въ дѣло боевыхъ колесницъ встрѣчаются въ Элладѣ, а не въ Лаціумѣ. Наконецъ греческій «стадіонъ» (по дорійски *stadion*) очень рано перешолъ въ латинскій языкъ въ формѣ *stadium* и съ тѣмъ-же значеніемъ; это служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что Римляне заимствовали конскія скачки и бѣгъ колесницъ отъ жителей города Туріи, хотя и существуетъ другое предположеніе, что эти забавы были заимствованы изъ Этруріи. И такъ по всему можно заключить, что Римляне были обязаны Эллинамъ не только музыкальными и поэтическими поощреніями, но и плодотворной мыслию о гимнастическихъ состязаніяхъ.

Характеръ поэзіи и воспитанія юношества въ Лаціумѣ.

И такъ въ Лаціумѣ не только существовали тѣ-же самыя основы, на которыхъ развились эллинское образованіе и эллинское искусство,

но съ очень раннихъ поръ обнаруживалось сильное вліяніе и этого образованія и этого искусства. У Латинновъ существовали зачатки гимнастики не въ томъ только смыслѣ, что римскій мальчикъ, какъ и всякій крестьянскій сынъ, учился управлять лошадьми и колесницей и владѣть охотничьимъ копьемъ, и что въ Римѣ каждый членъ общины былъ въ то-же время и солдатомъ; танцевальное искусство также было издревле предметомъ общественнаго попеченія, а введеніе эллинскихъ игръ рано внесло въ эту сферу сильное возбужденіе. Въ сферѣ поэзіи эллинская лирика и трагедія развились изъ такихъ-же пѣсней, какія пѣлись на римскихъ празднествахъ; латинскія пѣсни въ честь предковъ заключали въ себѣ зародыши эпоса, а маскарадные фарсы—зародыши комедіи, но и здѣсь дѣло не обошлось безъ греческаго вліянія.—Тѣмъ болѣе замѣчательнъ тотъ фактъ, что всѣ эти сѣмена или вовсе не взошли или зачахли. Физическое развитіе латинскаго юношества было крѣпкимъ и здоровымъ, но оно было далеко отъ мысли о томъ художественномъ развитіи тѣла, къ которому стремилась эллинская гимнастика. Публичныя состязанія Эллиновъ замѣнили въ Италіи не столько свои правила, сколько свою сущность. Въ нихъ должны были участвовать только граждане и это правило, безъ сомнѣнія, сначала соблюдалось и въ Римѣ, но потомъ они превратились въ состязанія между берейторами и мастерами фехтовальнаго искусства; между тѣмъ какъ доказательство свободнаго и эллинскаго происхожденія было первымъ условіемъ для участія въ греческихъ праздничныхъ играхъ, римскія игры скоро перешли въ руки вольноотпущенниковъ, чужеземцевъ и даже несвободныхъ людей. Послѣдствіемъ этого было то, что соперники-бойцы превратились въ зрителей, а о вѣнкѣ побѣдителей, который былъ по справедливости названъ гербомъ Эллады, впоследствии уже не было и помину въ Римѣ.—То-же случилось съ поэзіей и съ ея сестрами. Только у Грековъ и у Нѣмцевъ есть такой источникъ пѣснопѣній, который самъ бьетъ ключомъ, а на дѣвственную почву Италіи упало лишь немного капель изъ золотой чаши Музъ. Здѣсь дѣло не дошло до настоящихъ національныхъ легендъ. Италійскіе боги были и оставались отвлеченными понятіями и никогда не возвышались или, пожалуй, никогда не унижались до настоящаго воплощенія. Точно такъ и люди, даже самые великіе и самые благородные, оставались всѣ безъ исключенія въ глазахъ Италійцевъ простыми смертными и не превращались въ мятніи народной толпы въ такихъ-же богоподобныхъ героевъ, какіе создавались въ Греціи страстною привязанностью къ ея прошедшему и тщательно сберегавшимися преданіями. Но важнѣе всего было то, что въ Лациумѣ никогда не могла развиваться національная поэзія. Въ томъ-то и заключается самое глубокое и самое благотворное вліяніе нѣмецкихъ искусствъ и въ особенности поэзіи, что они раздвигаютъ границы гражданскихъ общинъ и создаютъ

изъ племянь одинъ народъ, а изъ народовъ единый міръ. Какъ въ наше время контрасты цивилизованныхъ націй ступенчато въ нашей всемірной литературѣ и благодаря именно ей, такъ и греческая поэзія превратила узкое и эгоистическое сознание племеннаго родства въ сознание единства греческой народности, а это послѣднее — въ гуманизмъ. Но въ Лаціумѣ не было ничего подобнаго; въ Альбѣ и въ Римѣ также были поэты, но не было латинскаго эпоса и даже не было того, чего можно было скорѣе всего ожидать — латинскаго крестьянскаго катихизиса въ родѣ Гезіодовскихъ «Трудовъ и Дней». Латинскій союзный праздникъ, конечно, могъ-бы сдѣлаться такимъ же народнымъ празднествомъ Музъ, каковымъ были у Грековъ истмійскія и олимпійскія игры. Къ паденію Альбы, конечно, могъ-бы примкнуть такой-же рядъ легендъ, какой образовался по случаю завоеванія Иллиона, и какъ каждая латинская община, такъ и каждый знатный латинскій родъ могли бы отыскивать въ немъ или приписывать къ нему свое происхождение. Но не случилось ни того ни другаго и Италия осталась безъ національной поэзіи и безъ національнаго искусства. — Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ заключить, что развитіе изящныхъ искусствъ въ Лаціумѣ было скорѣе увяданіемъ, чѣмъ расцвѣтомъ, а этотъ выводъ, несомнѣнно, подтверждается и дошедшими до насъ преданіями. Создавать зачатки поэзіи повсюду болѣе свойственно женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ; первымъ по преимуществу принадлежать волшебные заговоры и похоронныя пѣсни и не безъ основанія духи пѣнія — Касмены или Камены и Кармента Лаціума изображались, какъ и Музы Эллады, въ видѣ женщинъ. Но въ Элладѣ настала и такая пора, когда поэтъ замѣнилъ пѣсельницу и Аполлонъ сталъ во главѣ Музъ; а въ Лаціумѣ вовсе не было національнаго бога пѣснопѣній и даже не было въ древнемъ латинскомъ языкѣ такого слова, которое имѣло-бы значеніе слова поэтъ *). Тамъ могущество пѣнія проявлялось несравненно слабѣе и скоро заглохло. Занятіе изящными искусствами тамъ съ раннихъ поръ сдѣлалось достояніемъ частію женщинъ и дѣтей, частію цеховыхъ и нецеховыхъ ремесленниковъ. О томъ, что плачевныя пѣсни пѣлись женщинами, а застольныя — мальчиками, уже было замѣчено ранѣе; и редигозное молитвенное пѣніе исполнялось преимущественно дѣтьми. Музыканты принадлежали къ цеховому промыслу, а танцовщицы и плакальщицы (p g a e f i c a e) — къ нецеховому. Между тѣмъ какъ танцы,

---

*) V a t e s значитъ прежде всего запѣвало [потому что въ такомъ смыслѣ долженъ быть понимаемъ V a t e s Салиенъ], а въ своемъ болѣе древнемъ употребленіи подходилъ къ значенію греческаго *προφήτης*; это слово принадлежитъ къ сферѣ религиозныхъ обрядовъ, а когда впоследствии стало употребляться для обозначенія поэтовъ, оно все-таки удерживало побочное значеніе Богомъ вдохновеннаго пѣвца и служителя Музъ.

музыка и пѣніе постоянно оставались въ Элладѣ тѣмъ-же, чѣмъ они были первоначально и въ Лаціумѣ—занятіями почетными и служившими украшеніемъ какъ для гражданина, такъ и для его общины; напротивъ того въ Лаціумѣ лучшая часть гражданства все болѣе и болѣе устранилась отъ этихъ бесплодныхъ искусствъ и устранилась тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ публичнѣе проявлялось искусство и чѣмъ болѣе оно проникалось живительнымъ вліяніемъ чужеземцевъ. Къ туземной флейтѣ еще относились снисходительно, но лира оставалась въ опалѣ, а когда завелись свои маскарадныя забавы, къ иновечнымъ играмъ стали относиться съ равнодушіемъ и даже стали считать ихъ постыдными. Между тѣмъ какъ въ Греціи изящныя искусства все болѣе и болѣе приобретали характеръ общаго достоянія всякаго Эллина въ отдѣльности и всѣхъ Эллиновъ вмѣстѣ, вслѣдствіе чего изъ нихъ развилось общее образованіе, напротивъ того въ Лаціумѣ они мало-по-малу исчезаютъ изъ общаго народнаго сознанія и, дѣлаясь достояніемъ мелкихъ ремесленниковъ, даже не внушаютъ мысли о необходимости дать юношеству общее національное образованіе. Воспитаніе этого юношества не выходило изъ самыхъ узкихъ рамокъ домашней жизни. Мальчикъ не отходилъ отъ своего отца и сопровождалъ его не только въ поле съ плугомъ и съ серпомъ, но и въ домъ пріятеля и въ залу публичныхъ засѣданій, когда отецъ былъ приглашенъ въ гости или на совѣщаніе. Это домашнее воспитаніе, конечно, хорошо приспособлялось къ тому, чтобъ сберечь чловѣка вполне для семейства и вполне для государства; на постоянномъ общеніи отца съ сыномъ и на осмотрительности, съ которой недоростокъ относится къ взрослому, а взрослый къ невинному юношѣ, были основаны: прочность семейныхъ и государственныхъ традицій, интимный характеръ семейныхъ узъ, вообще суровая важность (*gravitas*), нравственный и полный достоинства характеръ римской жизни. Конечно, и это воспитаніе юношества было однимъ изъ тѣхъ произведеній безыскусственной и почти безосновательной мудрости, въ которыхъ столько-же простоты, сколько глубокомыслія; но восхищаясь имъ, не слѣдуетъ забывать, что оно могло развиваться и на самомъ дѣлѣ развилось только съ принесеніемъ въ жертву настоящаго индивидуальнаго развитія и при полномъ отреченіи отъ столько же привлекательныхъ, сколько опасныхъ подарковъ Музъ.

О развитіи изящныхъ искусствъ у Этрусковъ и у Сабелловъ мы знаемъ почти никакихъ свѣдѣній *). Мы можемъ только замѣтить, что и въ Этруріи танцовщики (*histri, histriones*) и флейтисты (*subulones*) сдѣлали изъ своего искусства ремесло въ раннюю пору и по всему вѣроятію еще ранѣе Римлянъ, и что какъ

Танцы, музыка и пѣніе у Этрусковъ и у Сабелловъ.

*) Что Ателланы и Феспеннины принадлежали къ сферѣ не кампанскаго и не этрусскаго, а латинскаго искусства, будетъ доказано въ свое время.

у себя дома, такъ и въ Римѣ они получали ничтожное вознагражденіе и не пользовались никакимъ публичнымъ почетомъ. Еще болѣе замѣчательно то, что на національномъ праздникѣ Этрусковъ, который справлялся всѣми двѣнадцатью городами чрезъ посредство одного союзнаго жреца, устраивались точно такія-же игры, какъ и на римскомъ городскомъ праздникѣ; но мы не въ состояніи отвѣтить на естественно возникающій отсюда вопросъ, въ какой мѣрѣ Этруски опередили Латинцевъ въ развитіи такого національнаго искусства, которое стояло-бы выше самобытности отдѣльныхъ общинъ. Съ другой стороны въ Этруріи, какъ кажется, стали съ раннихъ поръ заниматься бессмысленнымъ накопленіемъ того ученаго, въ особенности богословскаго и астрологическаго хлама, который въ эпоху всеобщаго упадка цивилизаціи и процвѣтанія душой учености, считался кореннымъ источникомъ божественной мудрости и доставилъ Тускамъ такой-же почетъ, какимъ пользовались Іудеи, Халдеи и Египтяне. — О сабельскомъ искусствѣ наши свѣдѣнія даже еще болѣе скудны, изъ чего впрочемъ вовсе не слѣдуетъ, что оно находилось на болѣе низкой ступени, чѣмъ у сосѣднихъ племенъ. Судя по тому, что намъ извѣстно о характерѣ трехъ главныхъ италійскихъ племенъ, даже можно предполагать, что по врожденнымъ художественнымъ способностямъ Самниты имѣли всѣхъ болѣе общаго съ Эллинами, а Этруски всѣхъ менѣе; для этой догадки можетъ служить въ нѣкоторой мѣрѣ подтвержденіемъ тотъ фактъ, что самые замѣчательные и самые самобытные изъ римскихъ поэтовъ, какъ напримѣръ Невій, Эній, Луцилій, Горацій были самнитскими уроженцами, между тѣмъ какъ Этрурія не имѣетъ въ римской литературѣ почти ни одного представителя, кромѣ самаго несноснаго изъ всѣхъ бездушныхъ и вычурныхъ придворныхъ поэтовъ Аретинца Мецены и кромѣ уроженца Волатерры Персія, который можетъ служить прототипомъ тщеславнаго и бездушнаго юноши, ревностно занимающагося поэзіей.

**Древнѣйшее
италійское
зодчество.**

Первые зачатки строительнаго искусства, какъ уже было нами замѣчено, искони были общимъ достояніемъ племенъ. Для всякой архитектуры началомъ служитъ постройка жилища, а это жилище было одинаково у Грековъ и у Италійцевъ. Оно строилось изъ дерева съ остроконечною соломенной или гонтовой крышей и заключало въ себя четырехъ-угольную комнату съ отверстіемъ въ потолокъ (*с а v u m a e d i u m*), черезъ которое выходилъ дымъ и проникалъ въ комнату свѣтъ, и съ отверстіемъ на полу, въ которое стекалъ дождь. Подъ этимъ «чернымъ потолкомъ» (*a t r i u m*) приготавлилась и съѣдалась пища; здѣсь совершалось поклоненіе домашнимъ богамъ и ставились какъ брачное ложе такъ и смертный одръ; здѣсь мужъ принималъ гостей, а жена сидѣла за пряхей среди своей женской прислуги. Въ домѣ не было сѣней, если не считать за сѣни то непокрытое пространство между входной дверью и улицей, которое

получило названіе *vestibulum*, т. е. одѣвальни, оттого что внутри дома обыкновенно ходили въ одномъ нижнемъ платьѣ и только при выходѣ изъ дому закутывались въ тогу. Не было и раздѣленія на комнаты, кромѣ того, что вокругъ жилого пространства, быть можетъ, пристроивались спальня и кладовая; о лѣстницахъ и о нѣсколькихъ атажахъ, конечно, не могло быть и рѣчи. — Грудно рѣшить, развила-ли изъ этихъ зачатковъ національная италійская архитектура и если развила, то въ какой мѣрѣ, — такъ какъ греческое вліяніе было въ этой сферѣ съ раннихъ поръ всецѣльно и почти совершенно заглушило всякія національныя пополюженія. Уже самое древнее италійское зодчество, какое намъ извѣстно, находилось подъ греческимъ вліяніемъ немного менѣе, чѣмъ архитектура Августовскаго **Древнѣйшее** времени. Найденныя въ Цере и въ Альсіумѣ очень древнія гробницы **эллиническое** и, по всему вѣроятію, также самая древняя изъ гробницъ, недавно **вліяніе.** найденныхъ въ Пренестѣ, совершенно похожи на сокровищницы въ Орхоменѣ и въ Микенахъ: это — ряды камней, наложенные одни на другіе мало-по-малу вдающимися уступами и заканчивающіеся наверху однимъ большимъ камнемъ. Такова-же покрывка у одного очень стариннаго зданія подлѣ городской стѣны Тускула, и точно такъ-же былъ нѣкогда покрытъ колодезь (*tullianum*) у подножія Капитолія, пока его верхушка не была снята для того, чтобъ очистить мѣсто новому зданію. Построенныя по той-же системѣ въ Арпинѣ и въ Микенахъ ворота совершенно похожи одни на другія. Водоспускъ Альбанскаго озера (стр. 38) имѣетъ чрезвычайно большое сходство съ водоспускомъ Колайскаго озера. Такъ называемыя циклопскія стѣны, часто встрѣчающіяся въ Италіи, преимущественно въ Этруріи, въ Умбріи, въ Лаціумѣ и въ Сабинѣ, рѣшительно принадлежатъ по своему устройству къ самымъ древнимъ италійскимъ сооруженіямъ, хотя бѣольшая часть изъ уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, по всему вѣроятію, принадлежитъ къ позднѣйшей эпохѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ были возведены несомнѣнно лишь въ седьмомъ столѣтіи отъ основанія Рима. Эти стѣны, подобно греческимъ, частію грубо сложены изъ большихъ неотесанныхъ каменныхъ глыбъ съ свнутыми въ промежуткахъ болѣе мелкими камнями, частію состоятъ изъ сложенныхъ горизонтально квадратныхъ брусьевъ*), частію сдѣланы

*) Такова была постройка Сервіевскихъ стѣнъ. Онѣ состояли частію изъ пристройки къ склонамъ холмовъ, имѣвшей въ толщину до 4 метровъ, частію изъ землянаго вала, который тянулся въ промежуткахъ въ особенности подлѣ Виминала и Квиринала, такъ какъ тамъ на всемъ протяженіи отъ эсквилинскихъ до холмовыхъ воротъ не было никакихъ природныхъ укрѣпленій; къ валу примыкали извнѣ точно такъ-же пристройки, какъ и выше упомянутыя. Надъ этими пристройками возвышался брустверь. Ровъ, имѣвшій по достовѣрнымъ древнимъ указаніямъ 30 футовъ въ глубину и 100 футовъ въ ширину, былъ обведенъ во-

изъ глыбъ, обтесанныхъ въ формѣ многоугольниковъ, которые плотно складываются одни съ другими; выборъ которой - либо изъ этихъ системъ зависѣлъ отъ матеріала, поэтому въ Римѣ, гдѣ въ древнѣйшія времена употреблялся только туфъ, вовсе не встрѣчается многоугольная кладка. Сходство двухъ первыхъ простѣйшихъ системъ можетъ быть объяснено сходствомъ строительнаго матеріала и цѣли построекъ, но едва-ли можно приписывать простой случайности тотъ фактъ, что какъ въ италійскихъ такъ и въ греческихъ крѣпостяхъ стѣны искусно складывались изъ многоугольныхъ камней, а къ ихъ воротамъ вела дорога, обыкновенно заворачивавшая въ лѣво и тѣмъ доставлявшая осажденнымъ возможность нападать на ничѣмъ неприкрытый правый флангъ непріятеля. Не лишено значенія и то, что настоящая полигональная постройка стѣнъ была въ употребленіи въ той части Италіи, которая хотя и не была перекорена Эллинами, но находилась въ живленныхъ съ ними сношеніяхъ, и что такого рода постройки встрѣчаются въ Этруріи только въ Пирги и въ лежащихъ неподалеку оттуда городахъ Козъ и Сатурніи; а такъ какъ система, по которой были построены стѣны въ Пирги, вмѣстѣ съ знаменательнымъ именемъ этого города («Башины») могутъ такъ-же несомнѣнно быть приписаны Грекамъ, какъ и постройка стѣнъ въ Тиринтѣ, то въ высшей степени вѣроятно, что это была еще одна изъ тѣхъ моделей, по которымъ Италійцы учились строить стѣны. Наконецъ и самый храмъ, называвшійся во времена имперіи тусканскимъ и считавшійся по своему архитектурному стилю одно-

кругъ насыпи, для которой и была взята изъ этого рва земля. Брустверь нигдѣ не уцѣлѣлъ, а отъ пристроекъ въ послѣднее время найдены огромные остатки. Онѣ сложены изъ глыбъ туфа, которые обтесаны въ формѣ длинныхъ прямоугольниковъ и имѣютъ въ вышину и въ ширину 60 сантиметровъ [= 2 римск. фута], между тѣмъ какъ ихъ длина не одинакова: отъ 70 сантиметровъ она доходить до 3 метровъ; эти прямоугольники сложены безъ цемента въ нѣсколько рядовъ, попеременно то своей длиною стороною вверхъ, то болѣе короткой.— Найденная въ 1862 году въ виллѣ Негрони, часть Сервіевской стѣны подлѣ Виннальскихъ воротъ построена на фундаментѣ, который состоитъ изъ громадныхъ глыбъ туфа отъ 3 до 4 метровъ въ вышину и въ ширину; внѣшняя стѣна была построена на этомъ фундаментѣ изъ глыбъ того-же матеріала в той-же величины, какія мы находимъ и въ другихъ мѣстахъ этихъ стѣнъ. Насыпанный изнутри земляной валъ, какъ кажется, имѣлъ на верхней площади ширину почти въ 13 метровъ или съ избыткомъ въ 40 римскихъ футовъ, а вся стѣна вмѣстѣ съ внѣшней стѣной, сложенной изъ плитъ, имѣла въ ширину до 15 метровъ или 50 римск. футовъ. Связанныя желѣзными скобами глыбы пеперина были прибавлены при позднѣйшихъ дополнительныхъ работахъ.—Съ Сервіевскими стѣнами въ сущности однородны и тѣ, которыя были найдены въ *Vigna Nuova* на склонѣ Палатина къ Капитолію и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Палатина; Иорданъ [*Torografiè* 2,173], вѣроятно, не безъ основанія призналъ ихъ за остатки стѣны палатинскаго Рима.

роднымъ съ различными греческими храмовыми сооружениями, былъ вообще похожъ на греческій, такъ какъ заключалъ въ себѣ по обыкновенію четырехъ-угольное обнесенное стѣной пространство съ косою крышею, которая вздымалась высоко, опираясь на стѣны и на колонны; и по своимъ частностямъ, въ особенности по формѣ самыхъ колоннъ и по ихъ архитектурнымъ деталямъ, этотъ храмъ вообще находился въ зависимости отъ греческой схемы. Въ виду всего сказаннаго весьма вѣроятно и само по себѣ правдоподобно, что итальяское зодчество ограничивалось до соприкосновенія съ эллинскимъ деревянными хижинами, застѣками и земляными или каменными насыпями, а каменные постройки появились по поданному Греками примѣру и благодаря ихъ улучшеннымъ орудіямъ. Една-ли можно сомнѣваться въ томъ, что именно у Грековъ Италійцы научились употреблять желѣзо и заимствовали приготовленіе цемента (с а l(e) x, с а l e s a g e отъ χάλις), военную машину (m a c h i n a μηχανή), землемѣрный шестъ (g g o n a—извращеніе отъ γυώμων γυώμα) и искусственный затворъ въ видѣ рѣшетки (с l a t g i χλῆθρον). Поэтому едва-ли можетъ идти рѣчь о національной итальянской архитектурѣ; исключеніемъ можетъ служить только то, что въ постройкѣ итальянскихъ деревянныхъ жилищъ, наряду съ разными нововведеніями, вызванными греческимъ вліяніемъ, все-таки сохранились или впервые развились нѣкоторыя оригинальныя особенности, впоследствии повліявшія и на сооруженіе итальянскихъ храмовъ. Но улучшения въ постройкѣ жилищъ исходили въ Италиі отъ Этрусковъ. Латины и даже Сабеллы еще упорно придерживались старинной формы деревянныхъ хижинъ и добраго стариннаго обыкновения отводить и богу и духу не посвященное имъ жилище, а только посвященное имъ пространство,—между тѣмъ какъ Этруски уже начали артистически перестраивать свои дома и воздвигать по образцу человѣческихъ жилищъ для бога храмъ, а для духа могильную комнату. Что въ Лациумѣ приступили къ такимъ роскошнымъ постройкамъ подъ вліяніемъ Этрусковъ, доказывается тѣмъ, что древнѣйшая архитектура храмовъ и домовъ называлась тусканскою *). Что касается характера этого позаимствованія, то пожалуй и греческій храмъ подражалъ внѣшнимъ очертаніямъ палатки или дома; но онъ строился изъ каменныхъ плитъ и покрывался черепицей, а изъ того правила, что при его постройкѣ слѣдовало употреблять въ дѣло камень и обожженую глину, развились для него законы необходимости и красоты. Напротивъ того Этруски никогда ни усвоивали рѣзкаго греческаго различія между человѣческимъ жилищемъ, которое должно быть построено изъ дерева, и жилищемъ боговъ, которое должно быть построено изъ камня. Отличительными особенностями тусканскаго храма

*) Ratio Tuscanica; cavum aedium Tuscanicum.

были: основной планъ, болѣе приближающійся къ формѣ квадрата; болѣе высокій фронтонъ; болѣе широкія промежуточныя пространства между колоннами; въ особенности болѣе высокіе откосы и концы кровельныхъ балокъ, далеко выдвигающіеся надъ колоннами, которыя поддерживаютъ крышу; — все это происходило отъ болѣе близкаго сходства храмовъ съ человѣческими жилищами и отъ особенныхъ условий деревянныхъ построекъ.

**Пластина
въ Италіи.**

Пластика и живопись моложе архитектуры; надо прежде всего построить домъ, а потомъ уже украшать его фронтоны и стѣны. Трудно повѣрить, чтобъ эти искусства вошли въ ходъ въ Италіи въ эпоху римскихъ царей; только въ Этруріи, гдѣ торговля и морскіе разбои рано накопили большія богатства, могло въ болѣе раннюю пору появиться художество или, вѣрнѣе сказать, художническое ремесло. Пересаженное въ Этрурію греческое искусство, — какъ это доказываетъ его копія, — еще стояло на самой первоначальной ступени, и весьма вѣроятно, что Этруски научились у Грековъ приготавливать издѣлія изъ глины и изъ металловъ не много времени спустя послѣ того, какъ заимствовали отъ нихъ-же азбуку. О мастерствѣ Этрусковъ въ эту эпоху даютъ намъ не очень высокое понятіе серебряныя монеты Популоніи — эти едва-ли не единственныя произведенія, которыя можно отнести къ тѣмъ временамъ съ нѣкоторой достовѣрностью; однако нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что именно къ этой древней эпохѣ принадлежатъ тѣ бронзовыя издѣлія Этрусковъ, которыя такъ высоко цѣнились позднѣйшими знатоками; и этрусскія издѣлія изъ обожженной глины (*terra cotta*), конечно, не были плохи, такъ какъ въ Вейяхъ заказывались стоявшія въ римскихъ храмахъ древнія скульптурныя вещи изъ жженой глины, какъ наиримѣръ статуя капитолійскаго Юпитера и четверка лошадей на крышѣ того-же храма, и вообще всѣ подобнаго рода произведенія, украшавшія крыши храмовъ, считались у позднѣйшихъ Римлянъ «тусканскими издѣліями». — Напротивъ того, у Италійцевъ, и не только у сабельскихъ племенъ, но даже у латинскихъ, только что зарождались въ то время настоящее валяніе и живопись. Ихъ лучшія художественныя произведенія, какъ кажется, изготовлялись въ чужихъ краяхъ. О глиняныхъ статуяхъ, какъ полагаютъ, сдѣланныхъ въ Вейяхъ, только-что было упомянуто, а новѣйшія раскопки доказали, что бронзовыя издѣлія, изготовлявшіяся въ Этруріи и носившія на себѣ этрусскія надписи, были въ ходу если не во всемъ Лаціумѣ, то по меньшей мѣрѣ въ Пренестѣ. Статуя Діаны, стоявшая въ римско-латинскомъ союзномъ храмѣ на Авентинѣ и считавшаяся въ Римѣ самымъ древнимъ изъ всѣхъ изображеній боговъ *), имѣла очень близкое сходство съ находившейся въ

*) Когда Варронъ [у св. Августина *De civit. dei* 4, 31; сравн. Паутарха,

Массалин статуей вфесской Артемиды и вѣроятно была сдѣлана въ Элеѣ или въ Массалин. Только издревле существовавшіе въ Римѣ цехи горшечниковъ, мѣдниковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ (стр. 191) и свидѣтельствуютъ о существованіи у Римлянъ собственнаго ваянія и живописи; но объ искусствѣ этихъ мастеровъ мы уже не можемъ составить себѣ общаго понятія.

Если мы попытаемся сдѣлать историческіе выводы изъ этого за-
 паса свѣдѣній о древнемъ искусствѣ и о его практическомъ примѣ-
 неніи, то для насъ прежде всего будетъ ясно, что италійское ис-
 кусство точно такъ-же, какъ италійскія мѣтры и италійская письмен-
 ность, развились не подѣ финикійскимъ вліяніемъ, а исключительно
 подѣ эллинскимъ. Между всеми направленіями италійскаго искусства
 нѣтъ ни одного, которое не имѣло-бы своего ясно опредѣленнаго
 образа въ древнемъ греческомъ искусствѣ; въ этомъ отношеніи со-
 вершенно согласно съ истинной народное сказаніе, которое приписы-
 ваетъ изготовленіе раскрашенныхъ глиняныхъ изваяній—этогь, безъ
 сомнѣнія, самый древній видъ италійскаго искусства—трѣмъ грече-
 скимъ художникамъ «скульптору», «приспособителю» и «рисоваль-
 щику»—Эвхейру, Діопу и Эвграмму, хотя и болѣе, чѣмъ сомни-
 тельно, чтобъ это искусство было занесено первоначально изъ Коринѳа
 и прежде всего въ городъ Тарквиніи. На непосредственное подра-
 жаніе восточныхъ образцамъ такъ-же мало указаній, какъ и на
 существованіе самостоятельно развившихся художественныхъ формъ;
 хотя этрусскіе рѣзчики на камнѣ держались древнѣйшей египетской
 формы жуковъ и скарабеевъ, но скарабей съ равныхъ поръ вырѣ-
 зывались и въ Греціи (въ Эгинѣ былъ найденъ такой вырѣзанный
 на камнѣ жукъ съ очень древней греческой надписью) и, стало-быть,
 легко могли быть занесены къ Этрускамъ Греками. У Финикійцевъ,
 быть можетъ, что-нибудь и покупали, но учились только у Грековъ.—
 На возникающей за тѣмъ вопросъ, отъ котораго изъ греческихъ
 племенъ Этруски прежде всего получили свои художественные об-
 разцы, мы не въ состояніи дать категорическаго отвѣта; однако
 между этрусскимъ искусствомъ и древнѣйшимъ аттическимъ суще-
 ствуютъ замѣчательныя соотношенія. Три вида искусства, которые
 въ Этрурии, по меньшей мѣрѣ въ болѣе позднюю пору, были въ
 большомъ ходу, а въ Греціи были въ очень ограниченномъ употреб-
 леніи—раскрашиваніе надгробныхъ памятниковъ, рисовка на зерба-

Нума 8] говорилъ, что Римляне въ теченіе слишкомъ 170 лѣтъ поклонялись богамъ, не имѣя ихъ изображеній, то онъ, очевидно, имѣлъ въ виду это древнее скульптурное произведеніе, которое было освящено, по условно-принятой хронологіи, между 176 и 219 годами отъ осн. Р. и, безъ сомнѣнія, было первымъ божескимъ изображеніемъ, объ освященіи котораго упоминали находившіеся въ рукахъ у Варрона источники. Сравни. выше стр. 215.

лахъ и рѣзьба на камнѣ до сихъ поръ встрѣчались на греческой почвѣ только въ Афинахъ и въ Эгинѣ. Тускскій храмъ не соответствуетъ въ точности ни дорическому ни іоническому; но этрусскій стиль подходитъ къ болѣе новому іоническому въ своихъ самыхъ важныхъ отличительныхъ особенностяхъ — въ томъ, что мѣсто въ храмѣ, гдѣ ставились статуи боговъ (cella), обносилось рядомъ колоннъ, и въ томъ, что подъ каждой изъ этихъ колоннъ былъ особый пьедесталь; даже окрашенный примѣсью дорического элемента, іонійско-аттический архитектурный стиль подходитъ въ своихъ общихъ чертахъ къ этрусскому стилю болѣе чѣмъ какой-либо другой греческій. О художественныхъ соприкосновеніяхъ Лаціума съ чужеземцами нѣтъ почти никакихъ достовѣрныхъ историческихъ указаній; но такъ какъ уже само по себѣ ясно, что заимствование художественныхъ образцовъ находится въ зависимости вообще отъ торговыхъ и другихъ сношеній, то можно съ увѣренностью утверждать, что жившіе въ Кампаніи и въ Сициліи Эллины были наставниками Латиновъ и въ азбукѣ и въ искусствахъ; а сходство авентинской Діаны съ эфесской Артемидой по меньшей мѣрѣ этому не противорѣчить. Кромѣ того древнее этрусское искусство, естественно, служило образцомъ и для Лаціума, а что касается сабельскихъ племенъ, то если къ нимъ и дошли греческое водчество и ваяніе, то дошли, подобно греческой азбукѣ, не иначе, какъ черезъ посредство болѣе западныхъ италійскихъ племенъ. — Наконецъ, если бы было нужно опредѣлить степень артистическихъ способностей, которыми были одарены различныя италійскія племена, то мы могли бы уже теперь считать несомнѣнно доказаннымъ тотъ фактъ, который становится еще гораздо болѣе яснымъ въ позднѣйшихъ фазисахъ исторіи искусства — что хотя Этруски стали ранѣе другихъ заниматься искусствомъ и превосходили другихъ количествомъ и богатствомъ своихъ издѣлій, но ихъ издѣлія были ниже латинскихъ, и сабельскихъ какъ по своей практической пригодности и пользѣ, такъ и по своей мысли и красотѣ. До сихъ поръ это обнаруживалось только въ архитектурѣ. Столько-жѣ цѣлесообразная, сколько красивая, полигональная кладка стѣнъ часто встрѣчается въ Лаціумѣ и въ лежащихъ за Лаціумомъ внутреннихъ странахъ, а въ Этруріи она встрѣчается рѣдко и даже стѣны города Цере не сложены изъ многоугольныхъ камней. Даже въ томъ религіозномъ уваженіи, которое питали въ Лаціумѣ къ аркѣ (стр. 164) и къ мосту (стр. 168) и которое достойно вниманія даже съ точки зрѣнія исторіи искусствъ, мы въ правѣ усматривать зачатки позднѣйшихъ римскихъ водопроводовъ и консульскихъ дорогъ. Напротивъ того, Этруски, воспроизводя стиль великолѣпныхъ эллинскихъ построекъ, испортили его, такъ какъ не совѣтъ искусно примѣнили къ деревяннымъ постройкамъ правила, установленныя для построекъ каменныхъ, а вводя очень нависшія крыши и ши-

рокие промежутки между колоннами, придали своимъ храмамъ, — по выраженію одного древняго архитектора, — видъ « широкихъ, низенькихъ, сплюснутыхъ и неуклюжихъ » зданій. Латины нашли въ богатомъ запасѣ греческаго искусства лишь очень немного такого матеріала, который былъ однороденъ съ ихъ сильной склонностью къ реализму; но то, что они оттуда заимствовали, было ими усвоено въ своей основной идеѣ и вполнѣ, а въ развитіи полигональной кладки стѣнъ они, какъ кажется, даже превзошли своихъ наставниковъ; но этрусское искусство представляетъ замѣчательный образчикъ такой ловкости, которая и была приобрѣтена и поддерживалась какъ ремесло, и которая такъ-же мало, какъ ловкость Китайцевъ, свидѣтельствуетъ даже только о гениальной воспримчивости. Подобно тому, какъ давно уже перестали считать этрусское искусство за источникъ происхожденія греческаго искусства, наконецъ придется волей-неволей согласиться и съ тѣмъ, что въ исторіи италійскаго искусства Этрусски должны занимать не первое мѣсто, а послѣднее.

КНИГА ВТОРАЯ.

Отъ упраздненія въ Римѣ царской власти до объединенія Италиі.

— δεῖ οὐκ ἐκπλήττειν τὸν συγγραφεὶα τερατευόμενον διὰ τῆς ἱστορίας τοὺς ἐντυγχάνοντας.

Полубій.

[Историкъ не долженъ взумлять своихъ читателей разсказами о необычайныхъ событіяхъ].

ГЛАВА I.

Измѣненіе государственныхъ учрежденій. Ограниченіе административной власти.

Строгое понятіе о единствѣ и полновластїи общины во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, служившее центромъ тяжести для италійскихъ государственныхъ учрежденій, сосредоточило въ рукахъ одного по жизненно-избраннаго главы такую страшную власть, которая конечно давала себя чувствовать врагамъ государства, но была не менѣе тяжела и для гражданъ. Дѣло не могло обойтись безъ злоупотребленій и притѣсненій, а отсюда неизбежно возникло стараніе уменьшить эту власть. Но въ томъ-то и заключается величіе этихъ римскихъ попытокъ реформы и переворотовъ, что никогда не имѣлось въ виду ограничить права самой общины или лишить ее необходимыхъ органовъ ея власти, никогда не было намѣренія отстаивать противъ общины такъ-называемыя естественныя права отдѣльныхъ лицъ, а вся буря возникала изъ-за формы общиннаго представительства. Со временъ Тарквиніевъ и до временъ Гракховъ призывнымъ кличемъ римской партїи прогресса было не ограниченіе государственной власти, а ограниченіе власти должностныхъ лицъ и при этомъ никогда не терялось изъ виду, что народъ долженъ не управлять, а быть управляемымъ.

Эта борьба велась въ средѣ гражданства. Рядомъ съ нею возникло другое политическое движеніе — стремленіе негражданъ къ политической равноправности. Сюда принадлежать волненія среди плебеевъ, Латинцевъ, Италійцевъ, вольноотпущенниковъ; всѣ они, — все равно, назывались-ли они гражданами, какъ плебеи и вольноотпущенники, или не назывались, какъ Латинцы и Италійцы, — нуждались въ политическомъ равенствѣ и добивались его.

Третій контрастъ былъ еще болѣе общаго характера, — это былъ контрастъ между богатыми и бѣдными, въ особенности тѣми бѣдными, которые были вытѣснены изъ своего владѣнія или которымъ угрожала опасность быть вытѣсненными. Юридическіе и политическіе

Политическіе и социальныя контрасты въ Римѣ.

порядки Рима были причиной возникновенія многочисленныхъ крестьянскихъ хозяйствъ — частію среди мелкихъ собственниковъ, завистъвшихъ отъ произвола капиталистовъ, частію среди мелкихъ арендаторовъ, завистъвшихъ отъ произвола землевладѣльцевъ, — и нерѣдко обезземеливали не только частныхъ людей, но и цѣлыя общины, не посягая на личную свободу. Оттого-то земледѣльческій пролетаріатъ и приобрѣлъ съ раннихъ поръ такую силу, что могъ имѣть существенное влияние на судьбу общины. Городской пролетаріатъ приобрѣлъ политическое значеніе лишь гораздо позже.

Упраздненіе должности пожизненнаго главы общины.

Среди этихъ противорѣчій двигалась внутренняя исторія Рима и, по всему вѣроятію, также совершенно для насъ утраченная исторія всѣхъ другихъ италійскихъ общинъ. Политическое движеніе въ средѣ полноправнаго гражданства, борьба между исключенными и тѣми, кто ихъ исключилъ, социальныя столкновенія между владѣющими и немущими въ сущности не имѣютъ между собою сходства, не смотря на то, что многоразличнымъ образомъ смѣшиваются и переплетаются, нерѣдко вызывая заключеніе очень странныхъ союзовъ. — Такъ какъ Сервіевская реформа, поставившая осѣдлаго жителя, въ военномъ отношеніи, наравнѣ съ гражданиномъ, была вызвана, по видимому, скорѣе административными соображеніями, чѣмъ политическими тенденціями одной партіи, то главнымъ изъ тѣхъ контрастовъ, которые привели къ внутреннимъ потрясеніямъ и измѣненію государственныхъ учреждений, долженъ считаться тотъ, который подготовилъ ограниченіе власти должностныхъ лицъ. Самый ранній успѣхъ этой древнѣйшей римской оппозиціи заключался въ отбѣнѣ званія пожизненнаго главы общины, то-есть въ упраздненіи царской власти. Въ какой мѣрѣ естественный ходъ дѣлъ необходимо требовалъ такой перемѣны, всего яснѣе видно изъ того факта, что одно и то-же измѣненіе государственныхъ учреждений совершилось во всей греко-италійской сферѣ одинакимъ образомъ. Прежніе пожизненные правители были съ теченіемъ времени замѣнены годовыми не только въ Римѣ, но и у всѣхъ остальныхъ Латинцевъ, равно какъ у Сабелловъ, у Этрусковъ, у Апулійцевъ и вообще какъ во всѣхъ италійскихъ, такъ и въ греческихъ общинахъ. Относительно луканской волости положительно доказано, что въ мирное время она управлялась демократически и только на время войны должностныя лица назначали царя, то-есть правительственное лице, имѣвшее сходство съ римскими диктаторами; сабельскія городскія общины, какъ на примѣръ Капуа и Помпеи, также повиновались в послѣдствіи ежегодно смѣнявшемуся «общинному попечителю» (*medix tuticus*) и мы можемъ предположить, что такіе-же порядки существовали въ Италіи въ ея остальныхъ народныхъ и городскихъ общинахъ. Поэтому уже не представляется надобности объяснять, по какимъ причинамъ консулы замѣнили въ Римѣ царей; изъ организма древнихъ греческихъ и италійскихъ го-

сударствъ какъ бы сама собою возникала необходимость ограничить власть общиннаго правителя болѣе короткимъ, болѣею частію годовымъ срокомъ. Однако, какъ ни была естественна причина такого преобразованія, оно могло совершиться различными способами: можно было постановить послѣ смерти пожизненнаго правителя, что впредь не будутъ избирать такихъ правителей, — что и попытался сдѣлать, какъ рассказываютъ, римскій сенатъ послѣ смерти Ромула; или самъ правитель могъ добровольно отречься отъ своего званія, — что и намѣревался сдѣлать, какъ говорятъ, царь Сервій Туллій; или же народъ могъ возстать противъ жестокаго правителя и выгнать его, — чѣмъ въ дѣйствительности и былъ положенъ конецъ римской царской власти. Несмотря на то, что въ исторію изгнанія послѣдняго Тарквинія, прозваннаго «Гордымъ», вплетено множество анекдотовъ и что на эту тему было сочинено множество рассказовъ, все-таки эта исторія достоверна въ своихъ главныхъ чертахъ. Преданіе совершенно правдоподобно указываетъ слѣдующія причины возстанія: что царь несовершенъ былъ съ сенатомъ и непополнялъ его личнаго состава, что онъ постановлялъ приговоры о смертной казни и о конфискаціи, не спросивши мнѣнія совѣтниковъ, что онъ наполнилъ свои амбары огромными запасами зерноваго хлѣба и что онъ не въ мѣру обременялъ гражданъ военной службой и рабочими повинностями; о томъ, какъ былъ озлобленъ народъ, свидѣтельствуютъ: формальный обѣтъ, данный всѣми и каждымъ за себя и за своихъ потомковъ, что впредь никому не позволять сдѣлаться царемъ; слѣпая ненависть, съ которою съ тѣхъ поръ относились къ слову царь, и главнымъ образомъ постановленіе, что «жертвенный царь» (должность котораго сочли нужнымъ создать для того, чтобъ боги не оставались безъ обычнаго посредника между ними и народомъ), не можетъ занимать никакой другой должности, такъ что этотъ сановникъ сдѣлался первымъ лицомъ въ римскомъ общинномъ быту, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ бессильнымъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ царемъ былъ изгнанъ и весь его родъ, что доказываетъ, какъ еще крѣпки были въ ту пору родовыя связи. Тарквиніи переселились послѣ того въ городъ Цере, который, вѣроятно, былъ ихъ старой родиной (стр. 124), такъ какъ тамъ недавно былъ найденъ ихъ родовой могильный склепъ, а во главѣ римской общины были поставлены два годовыхъ правителя вмѣсто одного пожизненнаго. — Вотъ всѣ тѣ свѣдѣнія объ этомъ важномъ событіи, которыя можно считать исторически достоверными *). Понятно, что въ такой крупной и далеко владычествовавшей

Изгнаніе
Тарквиніевъ
изъ Рима.

*) Всѣмъ извѣстный вымышленный рассказъ объ этомъ событіи болѣею частію самъ доказываетъ свою несостоятельность; онъ сплетенъ въ значительной мѣрѣ изъ объясненія прозвищ [Brutus, Poplicola, Scaevola]. Но даже тѣ его составныя части, которыя съ перваго взгляда могутъ быть приняты

общинѣ, какъ римская, царская власть — въ особенности если она находилась при нѣсколькихъ поколѣнiяхъ въ рукахъ одного и того же рода, — была болѣе способна къ сопротивленiю, чѣмъ въ болѣе мелкихъ государствахъ, а потому и борьба съ нею, вѣроятно, была болѣе упорной; но на вмѣшательство иноземцевъ въ эту борьбу нѣтъ никакихъ указанiй. Большая война съ Этрурiей (эта война вдобавокъ была такъ близко придвинута ко времени изгнанiя Тарквинiевъ только вслѣдствiе хронологической путаницы въ римскихъ лѣтописяхъ) не можетъ считаться заступничествомъ Этрурiи за обиженнаго въ Римѣ соотечественника по тому очень достоячному основанiю, что, не смотря на рѣшительную побѣду, Этруски не восстановили въ Римѣ царской власти и даже не вернули туда Тарквинiевъ.

Консульская власть. Если для насъ покрыта мракомъ историческая связь между подробностями этого важнаго событiя, за то для насъ ясно, въ чемъ именно заключалась перемѣна формы управленiя. Царская власть вовсе не была упразднена, какъ это доказывается уже тѣмъ, что на время междоцарствiя по прежнему назначался вице-царь; разница заключалась только въ томъ, что вмѣсто одного пожизненнаго царя назначались два годовыхъ, которые назывались полководцами (*praetores*) или судьями (*iudices*) или просто сотоварищами (*consules* **). Республику отъ монархiи отличали только принципы коллегiальности и ежегодной смѣны, съ которыми мы здѣсь и встречаемся въ первый разъ. — Принципъ коллегiальности, отъ котораго и было заимствовано названiе годовыхъ царей, сдѣлавшееся впоследствии самымъ употребительнымъ, является здѣсь въ совершенно своеобразной формѣ. Верховная власть была возложена не на обоихъ должностныхъ лицъ въ совокупности: каждый изъ консуловъ имѣлъ ее и пользовался ею совершенно такъ-же, какъ нѣкогда царь. Это заходило такъ далеко, что, напримѣръ, нельзя было поручить одному изъ сотоваришей судебную власть, а другому командованiе армiей,

---

за историческiя, оказываются, при внимательномъ разсмотрѣнiи, выдумками. Сюда между прочимъ принадлежитъ та подробность, что Брутъ былъ трибуномъ конницы [*tribunus celerum*] и въ этомъ званiи испросилъ народный приговоръ объ изгнанiи Тарквинiевъ; но по римскимъ законамъ простой офицеръ не имѣлъ права созывать курии. Все это, очевидно, придумано съ цѣлю создать легальную почву для римской республики, но придумано очень плохо, такъ какъ здѣсь смѣшанъ *tribunus celerum* съ совершенно непохожимъ на него *magister equitum* [стр. 70] и сверхъ того, принадлежавшее этому послѣднему, въ силу преторскаго ранга, право созывать центурии перенесено на собранiя курiй.

*) Слово *consules* значить вмѣстѣ скачущiе или танцующiе подобно тому, какъ *praesul* значить скачущiй впереди, *exul* — выскакивающiй [*exultans*], *insula* — скачекъ съ персональнымъ значенiемъ упавшаго въ море обломка скалы.

но оба они одновременно творили въ городѣ судъ и одновременно отправлялись въ армию; въ случаѣ столкновенія рѣшалась очередь, измѣрявшаяся мѣсяцами или днями. Впрочемъ, по меньшей мѣрѣ въ томъ, что касается командованія арміей, сначала быть можетъ и существовало нѣкоторое раздѣленіе обязанностей; такъ наприимѣръ одинъ консулъ могъ выступить въ походъ противъ Эквовъ, а другой противъ Вольсковъ; но такое раздѣленіе никакъ не могло быть обязательнымъ и каждый изъ двухъ соправителей имѣлъ право во всякое время вмѣшиваться въ сферу дѣятельности своего товарища. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда верховная власть сталкивалась съ верховною-же властію и одинъ изъ соправителей запрещалъ дѣлать то, что приказывалъ другой, всеильныя консульскія повелѣнія отмѣнялись одно другимъ. Это своеобразно, — если не римское, то конечно латинское, — учрежденіе двухъ конкурирующихъ между собою верховныхъ властей удержалось на практикѣ въ римскомъ общинномъ быту въ своихъ главныхъ чертахъ, хотя и трудно найти что-либо на него похожее въ другихъ болѣе обширныхъ государствахъ: оно, очевидно, было вызвано желаніемъ сохранить царскую власть во всей легальной полнотѣ и потому не раздроблять царскую должность или не переносить ее съ одного лица на коллегію, а сдѣлать ее двойной и этимъ способомъ достигнуть того, что въ крайнемъ случаѣ она стала-бы уничтожать сама себя. — Для назначенія срока послужило легальной точкой опоры прежнее пятидневное междуцарствіе. Обыкновенные начальники общины обязывались оставаться въ должности не болѣе одного года со дня своего вступленія въ нее *) и съ истеченіемъ этого срока ихъ власть, въ силу закона, прекращалась, точно такъ-же, какъ прекращалась власть вице-царя по истеченіи пяти дней. Вслѣдствіе такого срочнаго пребыванія въ должности консулъ лишался фактической безответственности царя. Хотя и царь никогда не стоялъ въ римскомъ общинномъ быту выше закона, но такъ какъ верховный судья не могъ быть, по римскимъ понятіямъ, призванъ къ своему собственному суду, то царь могъ совершать преступленія, а суда и наказанія для него не существовало. Напротивъ того консула, провинившагося въ убійствѣ или въ государственной измѣнѣ, охраняла его должность только пока онъ въ ней состоялъ; послѣ того, какъ

*) День вступленія въ должность не совпадалъ съ началомъ года [1 марта] и вообще не былъ неизмѣнно установленъ. По немъ опредѣлялся день выхода въ отставку, за исключеніемъ того случая, когда консулъ назначался въ замѣнъ выбывшаго [c o n s u l i s u f f e c t u s]; тогда онъ вступалъ въ права выбывшаго и дослуживалъ его срокъ. Впрочемъ такіе консулы-замѣстители назначались въ болѣе древнія времена только въ тѣхъ случаяхъ, если выбывалъ одинъ изъ консуловъ; коллегіи консуловъ-замѣстителей встрѣчаются лишь въ позднѣйшія времена республики. Стало-быть годъ пребыванія въ консульской должности обыкновенно состоялъ изъ неравныхъ половинъ двухъ гражданскихъ годовъ.

онъ сложилъ съ себя консульское званіе, онъ подлежалъ обыкновенному уголовному суду наравнѣ со всѣми другими гражданами.

500
451

Къ этимъ главнымъ и основнымъ переѣмамъ присоединялись другія второстепенныя ограниченія, болѣе касавшіяся внѣшней стороны дѣла; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ имѣли существенное значеніе. вмѣстѣ съ отнѣной пожизненнаго пребыванія во власти сами собою исчезли и право царя возлагать обработку его пахатныхъ полей на гражданъ и тѣ особыя отношенія, въ которыхъ онъ находился къ осѣдлымъ жителямъ, въ качествѣ ихъ патрона. Кроме того, въ уголовныхъ процессахъ, равно какъ при наложеніи штрафовъ и тѣлесныхъ наказаній, царь не только имѣлъ право производить разслѣдованіе и постановлять рѣшеніе, но также могъ разрѣшать или неразрѣшать ходатайство осужденныхъ о помилованіи; а теперь было постановлено Валеріевымъ закономъ (245 г. отъ осн. Р.), что консулъ обязанъ допускать апелляцію осужденнаго, если приговоръ о смертной казни или о тѣлесномъ наказаніи постановленъ не по военнымъ законамъ; другимъ позднѣйшимъ закономъ (неизвѣстно, когда состоявшимся, но изданнымъ до 303 года) это правило было распространено и на тяжелыя денежныя пени. Оттого-то всякій разъ, какъ консулъ дѣйствовалъ въ качествѣ судьи, а не въ качествѣ начальника арміи, его ликторы откладывали въ сторону свои сѣкиры, до тѣхъ поръ служившія символомъ того, что ихъ повелитель имѣлъ право наказывать смертію. Однако тому должностному лицу, которое не дало-бы хода апелляціи, законъ угрожалъ только безчестіемъ, которое было при тогдашнихъ порядкахъ въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ нравственнымъ пятномъ и по бѣльшей мѣрѣ вело лишь къ тому, что свидѣтельское показаніе такого лишеннаго чести челоуѣка считалось негоднымъ. И здѣсь лежало въ основѣ все то-же воззрѣніе, что прежнюю царскую власть невозможно ограничить легальнымъ путемъ и что стѣсненія, наложенныя вслѣдствіе революціи на того, въ чьихъ рукахъ находится верховная власть общины, имѣютъ только фактическое и нравственное значеніе. Поэтому и консулъ, дѣйствовавшій въ предѣлахъ прежней царской компетенціи, могъ совершить въ приведенномъ случаѣ несправедливость, а не преступленіе, и за это не подвергался уголовному суду. — Сходное съ этимъ, по своей тенденціи, ограниченіе было введено и въ гражданское судопроизводство, такъ какъ у консуловъ было, по всему вѣроятію, отнято—съ самаго учрежденія ихъ должности—право разрѣшать по ихъ усмотрѣнію тяжбы между частными людьми. — Преобразование уголовного и гражданского судопроизводства находилось въ связи съ общимъ постановленіемъ касательно передачи должностной власти замѣстителю или преемнику. Царю принадлежало неограниченное право назначать замѣстителей, но онъ никогда не былъ обязанъ это дѣлать, а консулы пользовались совершенно иначе при-

вомъ передавать другниъ свою власть. Прeжнее правило, что уѣзжавшее изъ города высшее должностное лице должно назначить, для отправления правосудія, намѣстника (стр. 63), осталось обязательнымъ и для консуловъ и при этомъ даже не былъ примененъ къ замѣстительству коллегіальный принципъ, такъ какъ назначать замѣстителя долженъ былъ тотъ консулъ, который покидалъ городъ послѣ своего соправителя. Но право передавать свою власть во время пребыванія консуловъ въ городѣ было, по всему вѣроятію, при самомъ учрежденіи ихъ должности, ограничено тѣмъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ передача власти была поставлена консулу въ обязанность, а во всѣхъ другихъ воспрещена. На основаніи этого правила, какъ уже было замѣчено, совершилось преобразование всего судопроизводства. Консулъ, конечно, могъ постановлять приговоры и по такимъ уголовнымъ преступленіямъ, которыя влекли за собою смертную казнь, но его приговоръ представлялся общинѣ, которая могла утвердить его или отвергнуть; впрочемъ, сколько намъ извѣстно, консулъ никогда не пользовался этимъ правомъ, а, быть можетъ, даже скоро сталъ бояться имъ пользоваться и, вѣроятно, постановлялъ уголовные приговоры только въ тѣхъ случаяхъ, когда обращеніе къ общинѣ было по какимъ-нибудь причинамъ признано необязательнымъ. Во избѣжаніе непосредственныхъ столкновеній между высшимъ должностнымъ лицомъ общины и самою общиною, уголовная процедура была организована такъ, что высшій общинный сановникъ оставался компетентнымъ только въ принципѣ, а дѣйствовалъ всегда черезъ делегатовъ, назначать которыхъ былъ обязанъ, хотя и выбиралъ ихъ по собственному усмотрѣнію. Къ числу такихъ делегатовъ принадлежали оба нештатныхъ судьи по дѣламъ о возмущеніяхъ и о государственной измѣнѣ (*duo viri perduellionis*) и оба штатныхъ разслѣдователя убійствъ (*quaestores publici*). Быть можетъ, вѣчто подобное существовало и въ эпоху царей на тотъ случай, когда царь поручалъ разсмотрѣніе такихъ процессовъ своимъ замѣстителямъ (стр. 149); но постоянный характеръ послѣдняго изъ вышеупомянутыхъ учреждений и проведенный въ нихъ обоимъ принципъ коллегіальности во всякомъ случаѣ принадлежали временамъ республики. Последнее учреждение очень важно еще потому, что оно въ первый разъ дало двумъ штатнымъ высшимъ правителямъ двухъ помощниковъ, которыхъ назначалъ каждый изъ тѣхъ правителей при своемъ вступленіи въ должность и которые, само собой разумѣется, повидали свои мѣста съ его удаленіемъ; стало-быть ихъ официальное положеніе, какъ и положеніе высшаго должностнаго лица, было регулировано по принципамъ несмѣняемости, коллегіальности и годоваго срока службы. Конечно, это еще не была настоящая низшая магистратура въ томъ смыслѣ, какъ ее понимала республика, такъ какъ комиссары назначались не по

выбору общины; но это уже былъ исходный пунктъ для учрежденія тѣхъ низшихъ служебныхъ должностей, которыя впоследствии получили столь многостороннее развитіе. — Въ томъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать отнятіе у высшихъ правителей права разрѣшать частныя тяжбы, такъ какъ право царя поручать рѣшеніе какой-нибудь отдѣльной тяжбы замѣстителю было превращено въ обязанность консула удостовѣриться въ личности тяжущихся, выяснить сущность иска и за тѣмъ передать дѣло на разрѣшеніе имъ избраннаго и дѣйствующаго по его указаніямъ частнаго человѣка. — Точно такъ же и важное дѣло завѣдыванія государственною казною и государственнымъ архивомъ хотя и было предоставлено консуламъ, но къ нимъ были назначены штатные помощники, если не тотчасъ вслѣдъ за учрежденіемъ ихъ должности, то по меньшей мѣрѣ очень рано; этими помощниками были все тѣ же два квестора, которые, конечно, должны были повиноваться консуламъ безусловно; однако безъ ихъ вѣдома и содѣйствія консулы не могли сдѣлать ни шагу. — Напротивъ того, въ тѣхъ случаяхъ, на которые не было установлено подобныхъ правилъ, находившійся въ столицѣ глава общины былъ обязанъ дѣйствовать лично; такъ напримѣръ, при открытіи процесса онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ назначить вмѣсто себя замѣстителя.

Это двоякое ограниченіе консульскаго права дѣйствовать черезъ замѣстителей было введено въ сферѣ городской администраціи и прежде всего по судопроизводству и по завѣдыванію государственной казною. Напротивъ того, въ качествѣ главнокомандующаго, консулъ сохранилъ право возлагать на другихъ или всѣ свои занятія или по частямъ. Это различіе между правомъ передачи гражданской власти и правомъ передачи власти военной сдѣлалось причиной того, что въ сферѣ собственно общиннаго римскаго управленія сдѣлалась невозможной замѣнная должностная власть (*pro magistratu*) и чисто-городскія должностныя лица никогда не замѣнялись недолжностными, между тѣмъ какъ военные замѣстители (*pro consule, pro praetore, pro quaestore*) были устранены отъ всякой дѣятельности внутри самой общины.

Право назначать преемника принадлежало не царю, а только вице-царю (стр. 77). Наравнѣ съ этимъ послѣднимъ былъ поставленъ въ этомъ отношеніи и консулъ; однако въ случаѣ, если онъ не воспользовался своимъ правомъ, то по прежнему являлся вице-царь, такъ что необходимая непрерывность верховной должности неослабно поддерживалась и при республиканской формѣ правленія. Однако это право консуловъ подверглось существенному ограниченію къ выгдѣ гражданства, такъ какъ консулъ былъ обязанъ назначать того, кого ему укажетъ община. Вслѣдствіе этого стѣснительнаго права общины предлагать кандидата, въ ея руки до нѣкоторой степени перешло и назначеніе ординарнаго высшаго должностнаго лица; тѣмъ не менѣе на

практикѣ все еще существовало значительное различіе между правомъ предлагать и правомъ формально назначать. Руководившій избраніемъ консулъ не былъ простымъ распорядителемъ на выборахъ, а могъ, въ силу своего стариннаго царскаго права, напримѣръ устранить нѣкоторыхъ кандидатовъ, могъ оставить безъ вниманія поданные за нихъ голоса, а сначала даже могъ ограничить выборы слишкомъ кандидатовъ, который былъ имъ самимъ составленъ; но еще важнѣе тотъ фактъ, что когда представлялась надобность пополнить личный составъ консульской коллегіи или вслѣдствіе удаленія одного изъ консуловъ или вслѣдствіе избранія одного изъ консуловъ въ диктаторы (о которыхъ сейчасъ будетъ идти рѣчь), то у общины не спрашивали ея мнѣнія и консулъ назначалъ своего соправителя такъ-же ничѣмъ не стѣсняясь, какъ вице-царь когда-то ничѣмъ не стѣснялся въ назначеніи царя. — Принадлежавшее царю (стр. 62) право назначать жрецовъ не перешло къ консуламъ, а было замѣнено для мужскихъ коллегій самопополненіемъ, а для Весталокъ и для отдѣльных жрецовъ назначеніями отъ понтификальной коллегіи, къ которой перешла и похожая на семейный отцовскій судъ юрисдикція общины надъ жрицами Весты. Такъ какъ дѣятельность этого рода болѣе удобна при ея сосредоточеніи въ рукахъ одного лица, то понтификальная коллегія, вѣроятно, впервые въ ту пору поставила надъ собой начальника (*Pontifex maximus*). Это отдѣленіе верховной богослужебной власти отъ гражданской (при чемъ къ упомянутому ранѣ «жертвенному царю» не перешла ни свѣтская ни духовная власть прежнихъ царей, а перешло только титулъ), равно какъ совершенно не соответствующее общему характеру римскаго жречества выдающееся положеніе новаго верховнаго жреца, отчасти похожее на положеніе должностнаго лица, составляютъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ богатыхъ послѣдствіями особенностей государственнаго переворота, цѣлью котораго было ограниченіе власти должностныхъ лицъ въ пользу аристократіи. — Уже было ранѣе упомянуто о томъ, что и по своей внѣшней обстановкѣ званіе консула далеко не могло равняться съ окруженнымъ почетомъ и страхомъ царскимъ званіемъ, что консулъ былъ лишенъ царскаго титула и жреческаго посвященія и что у его служителей была отнята сѣкира; къ этому слѣдуетъ присовокупить, что консула отличала отъ обыкновеннаго гражданина уже не царская пурпуровая мантия, а только пурпуровая обшивка на верхнемъ платьѣ, и что царь, быть можетъ, никогда не появлялся публично иначе, какъ на колесницѣ, между тѣмъ какъ консулъ былъ обязанъ слѣдовать общему обыкновенію и, подобно всѣмъ другимъ гражданамъ, ходить внутри города пѣшкомъ. — Однако всѣ эти ограниченія власти въ сущности относились **Диктаторъ.** только къ ординарнымъ правителямъ общины. На ряду съ двумя избранными общиною начальниками и въ нѣкоторомъ отношеніи даже

въ замѣнъ ихъ появлялся въ чрезвычайныхъ случаяхъ только одинъ правитель или военачальникъ (*magister populi*), обыкновенно называвшійся диктаторомъ. На выборъ диктатора община не имѣла никакого вліянія; онъ исходилъ изъ свободной воли одного изъ временныхъ консуловъ, которому не могли въ этомъ помѣшать ни его соправитель ни какая-либо другая общественная власть; противъ диктатора допускалась и аппелляція, но точно такъ-же, какъ противъ царя, если онъ добровольно ее допускалъ; лишь только онъ былъ назначенъ, всѣ другія должностныя лица становились въ силу закона его подчиненными. Нахожденіе диктатора въ должности было ограничено двойнымъ срокомъ: во-первыхъ, въ качествѣ сослуживца тѣхъ консуловъ, одинъ изъ которыхъ его выбралъ, онъ не могъ оставаться въ должности долѣе ихъ; во-вторыхъ, было безусловно принято за правило, что диктаторъ не могъ оставаться въ своемъ званіи долѣе шести мѣсяцевъ. Далѣе, касательно диктатора существовало то своеобразное постановленіе, что этотъ «военачальникъ» былъ обязанъ немедленно назначить «начальника конницы» (*magister equitum*), который состоялъ при немъ въ качествѣ подчиненнаго ему помощника (въ родѣ того, какъ квесторъ состоялъ при консулѣ) и вмѣстѣ съ нимъ складывалъ съ себя свое званіе; это постановленіе, безъ сомнѣнія, находилось въ связи съ тѣмъ, что военачальнику, по всему вѣроятію, какъ вождю пѣхоты, было запрещено садиться на коня. Поэтому на диктатуру слѣдуетъ смотрѣть какъ на возникшее одновременно съ консульскою должностію учрежденіе, главною цѣлію котораго было устранить на время войны неудобства раздѣльной власти и временно снова вызвать къ жизни царскую власть, — такъ какъ именно во время войны равноправность консуловъ должна была внушать опасенія, а о томъ, что первоначальная диктатура имѣла по преимуществу военное значеніе, свидѣтельствуютъ не только положительныя указанія, но также древнѣйшее названіе этого должностнаго лица и его помощника, равно какъ ограниченіе его службы продолжительностію лѣтнаго похода и устраненіемъ аппелляціи. — Стало-быть, въ общемъ итогѣ, и консулы оставались тѣмъ-же, чѣмъ были цари — высшими правителями, судьями и военачальниками, и даже въ томъ, что касается религіи, не жертвенный царь, назначенный только для сохраненія царскаго титула, а консулъ молился за общину, совершалъ за нее жертвоприношенія и отъ ея имени узнавалъ волю боговъ при помощи свѣдущихъ людей. Сверхъ того, на случай надобности, была удержана возможность во всякое время возстановить вполнѣ неограниченную царскую власть, не испрашивая на то предварительнаго согласія общины, и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить стѣсненія, наложенныя коллегіальностію и особыми ограниченіями консульской компетенціи. Такимъ образомъ тѣ безымянные государственные люди, которые

совершили этот переворотъ, разрѣшили чисто по-римски, столько-же ясно, сколько и просто, свою задачу, какъ теоретически сохранить царскую власть, а фактически ограничить ее.

Такимъ образомъ община приобрѣла отъ перемены формы правленія Центурии и
курии. чрезвычайно важныя права: право ежегодно указывать, кого она желаетъ имѣть правителемъ и право пересматривать въ послѣдней инстанціи смертныя приговоры надъ гражданами. Но община уже не могла оставаться такою, какой была прежде, — не могла состоять только изъ превратившагося въ аристократію патриціата. Народная сила заключалась въ «толпѣ», въ рядахъ которой уже было не мало именитыхъ и зажиточныхъ людей. Эта толпа, исключенная изъ общиннаго собранія не смотря на то, что несла повинности наравнѣ съ всѣми другими, могла выносить свое положеніе, пока само общинное собраніе почти вовсе не вмѣшивалось въ отправленія государственнаго механизма и пока царская власть, благодаря своему высокому и ничѣмъ не стѣсняемому положенію, была страшна для гражданъ немного менѣе, чѣмъ для осѣдлыхъ жителей, и тѣмъ поддерживала равноправность въ народѣ. Но это положеніе не могло оставаться неизмѣннымъ съ тѣхъ поръ, какъ сама община была призвана къ постоянному участию въ выборахъ и въ постановленіи приговоровъ, а ея начальникъ былъ фактически низведенъ изъ ея повелителя на степенъ ея временнаго уполномоченнаго; тѣмъ менѣе могло это положеніе оставаться неизмѣннымъ въ моментъ государственной реформы, предпринятой немедленно вслѣдъ за государственнымъ переворотомъ, который и могъ быть совершенъ только совокупными усиліями патриціевъ и осѣдлаго населенія. Расширеніе этой общины было неизбежнымъ и оно совершилось въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ, такъ какъ въ составъ курій было принято все плебейство, то-есть всѣ тѣ неграждане, которые не принадлежали ни къ числу рабовъ ни къ числу жившихъ на правахъ гостей гражданъ иноземныхъ общинъ. Вслѣдствіе этого тѣ граждане, изъ которыхъ прежде составлялись курии, лишились права собираться и постановлять обща рѣшенія. Въ то же время были отняты почти всѣ политическія права у куріальнаго собранія, до тѣхъ поръ бывшаго и легально и фактически высшею властію въ государствѣ: оно удержало въ своихъ рукахъ изъ своей прежней сферы дѣятельности только чисто формальные или касавшіеся родовыхъ отношеній акты, какъ напримеръ принесеніе консулу или диктатору, при ихъ вступленіи въ должность, такого-же объѣта вѣрности, какой прежде приносился царю (стр. 62), и выдачу законныхъ разрѣшеній на усыновленія и на совершеніе завѣщаній; но оно уже впредъ не могло постановлять никакихъ настоящихъ политическихъ рѣшеній. Вслѣдствіе перемены формы правленія куріальная организація была какъ-бы вырвана съ корнемъ, такъ какъ она была основана на родовомъ строѣ, который

существовалъ во всей своей чистотѣ только у стариннаго гражданства. Когда плебеи были допущены въ курии, конечно и имъ было легально разрѣшено то, что до тѣхъ поръ могло существовать въ ихъ быту только фактически (стр. 86), — и имъ дозволили организовать семьи и роды; но намъ положительно извѣстно изъ преданій и сверхъ того понятно само собой, что только часть плебеевъ приступила къ родовой организаціи; поэтому въ новое куріальное собраніе, — совершенно наперекоръ его первоначальному основному характеру, — поступило не мало такихъ членовъ, которые не принадлежали ни къ какому роду. — Всѣ политическія права общиннаго собранія — какъ разрѣшеніе апелляцій въ уголовномъ процессѣ, который былъ преимущественно политическимъ процессомъ, такъ и назначеніе должностныхъ лицъ, равно какъ утвержденіе или неутвержденіе законовъ, — были переданы или вновь дарованы собранію людей, обязанныхъ нести военную службу, такъ что центурии приобрѣли съ тѣхъ поръ общественныя права, соотвѣтствовавшія лежавшимъ на нихъ общественнымъ повинностямъ. Такимъ образомъ, положенные въ основу Сервіевской конституціи небольшіе зачатки реформъ, — какъ на примѣръ предоставленное арміи право высказывать свое мнѣніе передъ объявленіемъ наступательной войны (стр. 93), — достигли такого широкаго развитія, что центуріальныя собранія совершенно и навсегда затмили значеніе курій и на нихъ пріучились смотрѣть, какъ на собранія самодержавнаго народа. И тамъ пренія происходили только въ томъ случаѣ, когда предсѣдательствовавшее должностное лице само заводило о чемъ-нибудь рѣчь или предоставляло другимъ право говорить; только когда дѣло шло объ апелляціи, натурально, приходилось выслушивать обѣ стороны; рѣшенія постановлялись въ центурияхъ простымъ большинствомъ голосовъ. — Этотъ путь былъ избранъ, очевидно, потому что въ куріальномъ собраніи всѣ имѣвшіе право голоса стояли на совершенно равной ногѣ, такъ что если-бы съ допущеніемъ всѣхъ плебеевъ въ курии за этими послѣдними осталось право разрѣшать политическіе вопросы, то дѣло дошло-бы до введенія правильно организованной демократической формы правленія; напротивъ того, центуріальное собраніе переносило центръ тяжести хотя и не въ руки знати, но въ руки зажиточныхъ людей, а важную прерогативу голосованія въ первой очереди, нерѣдко фактически предрѣшавшую окончательный результатъ выборовъ, предоставляло всадникамъ, то-есть богатымъ людямъ.

Сенатъ.

На сенатъ реформа отразилась иначе, чѣмъ на общинѣ. Старинная коллегія старшинъ не только осталась по прежнему исключительно патриціанской, но и сохранила свои главныя прерогативы — право поставлять вице-царя и право утверждать постановленныя общиной рѣшенія, если они были согласны съ существующими законами, или отвергать ихъ, если они были несогласны съ этими за-

конами. Реформа даже увеличила эти привилегіи, предоставивъ патриціанскому сенату право утверждать или неутверждать какъ назначеніе общинныхъ должностныхъ лицъ, такъ и выборъ, сдѣланный общиной; только для апелляціи, сколько намъ извѣстно, никогда не испрашивалось его утвержденіе, такъ какъ тутъ дѣло шло о помилованіи виновнаго, а когда помилованіе уже было даровано верховнымъ народнымъ собраніемъ, уже было-бы неумѣстно заводить рѣчь объ отиѣнѣ такого акта. — Хотя съ упраздненіемъ царской власти конституціонныя права сената скорѣе увеличились, чѣмъ уменьшились, однако, какъ гласить преданіе, немедленно вслѣдъ за этимъ упраздненіемъ личный составъ сената былъ расширенъ допущеніемъ въ него плебеевъ для разсмотрѣнія такихъ дѣлъ, при обсужденіи которыхъ допускалось болѣе свободы, — а это привело впоследствии къ совершенному преобразованію всей корпораціи. Сенатъ съ древнѣйшихъ временъ также исполнялъ, — хотя не исключительно и не предпочтительно, — роль государственнаго совѣта; а если, какъ кажется вѣроятнымъ, даже въ эпоху царей не считалось въ подобныхъ случаяхъ противозаконнымъ допускать и несенаторовъ къ участию въ сенатскихъ собраніяхъ (стр. 79), то теперь было положительно установлено, что для разсмотрѣнія подобнаго рода дѣлъ слѣдуетъ вводить въ патриціанскій сенатъ (*patres*) вѣсколькихъ «приписныхъ» (*conscripti*) непатриціевъ. Это, конечно, отнюдь не было уравненіемъ въ правахъ: присутствовавшіе въ сенатѣ плебеи не дѣлались отъ того сенаторами, а оставались членами всадническаго сословія; назывались они не «отцами», а «приписными» и они не имѣли права на внѣшнія отличія сенаторскаго званія — на пурпуровую обшивку и на ношеніе красныхъ башмаковъ (стр. 76). Сверхъ того они не только были безусловно устранены отъ пользованія предоставленною сенату верховною властію (*auctoritas*), но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было только дать совѣтъ (*consilium*), они должны были молча выслушивать обращенный къ патриціямъ вопросъ и только при раздѣленіи голосовъ выражать свое мнѣніе простымъ переходомъ на ту или на другую сторону, — «ногами постановлять рѣшеніе» (*pedibus in sententiam ire, pedagogii*), какъ выражались гордые аристократы. Тѣмъ не менѣе плебеи проложили себѣ, благодаря реформѣ, дорогу не только въ тѣ собранія, которыя происходили на площади, но и въ совѣтъ, и такимъ образомъ былъ сдѣланъ первый и самый трудный шагъ къ уравненію въ правахъ. — Во всемъ остальномъ организація сената не подверглась никакимъ существеннымъ измѣненіямъ. Въ средѣ патриціанскихъ членовъ скорѣе возникло при отбираніи мнѣній различіе ранговъ, заключавшееся въ томъ, что лица, предназначенныя къ занятію высшей общинной должности или уже прежде занимавшія ее, ставились во главѣ списка и преже всѣхъ подавали голосъ,

а положеніе перваго изъ нихъ (*princeps senatus*) скоро сдѣлалось почетнымъ званіемъ, возбуждавшимъ сильную зависть. Напротивъ того, состоявшій въ должности консуль, точно такъ-же, какъ и царь, не считался членомъ сената и потому его собственный голосъ не шолъ въ счетъ. Выборъ членовъ какъ въ патриціанскій сенатъ такъ и въ число приписныхъ производился консуломъ точно такъ-же, какъ прежде производился царемъ; но само собою разумѣется, что царь еще можетъ быть и имѣлъ иногда въ виду замѣщеніе вакантныхъ мѣстъ представителями отдѣльныхъ родовъ, а по отношенію къ плебеямъ, у которыхъ родовой строй былъ развитъ не вполне, такое соображеніе совершенно откладывалось въ сторону и такимъ образомъ связь сената съ родовымъ строемъ все болѣе и болѣе ослабѣвала. О томъ, что право консуловъ назначать плебеевъ въ сенатъ было ограничено какимъ-нибудь опредѣленнымъ числомъ, намъ ничего неизвѣстно; впрочемъ въ такомъ ограниченіи правъ не представлялось и надобности, потому что сами консулы принадлежали къ аристократіи. Напротивъ того, консуль, по условіямъ своего положенія, вѣроятно былъ съ первыхъ-же поръ фактически менѣе свободенъ въ назначеніи сенаторовъ и гораздо болѣе связанъ сословными интересами и установившимися порядками, чѣмъ царь. Такъ напримѣръ съ раннихъ поръ получилъ обязательную силу обычай, что вступленіе въ званіе консула необходимо влекло за собою вступленіе въ пожизненное званіе сенатора, если консуль еще не былъ сенаторомъ во время своего избранія, — а это еще иногда случалось въ ту пору. Точно такъ-же, какъ кажется, съ раннихъ поръ установилось обыкновение не тотчасъ замѣщать вакантныя сенаторскія мѣста, а пересматривать и пополнять сенаторскіе списки при новомъ цензѣ, то-есть черезъ каждые три года въ четвертый, — въ чемъ также заключалось немаловажное ограниченіе власти тѣхъ, кому было предоставлено право выбора. Общій комплектъ сенаторовъ оставался неизмѣннымъ, хотя въ этотъ счетъ были включены и приписные, — изъ чего мы въ правѣ заключить, что численный составъ патриціата уменьшился *). — Съ превращеніемъ монархіи въ республику въ римскомъ общинномъ быту, какъ видно, почти все осталось по-старому; эта революція была консервативна насколько вообще можетъ быть консервативенъ государственный переворотъ и она въ сущности не уничтожила ни одной изъ главныхъ основъ общиннаго быта. Въ этомъ заключался отличительный характеръ всей реформы. Изгнаніе Тарквиніевъ не было дѣломъ народа, увлекшагося чувствомъ

Консервативный характеръ государственнаго переворота.

*) Рассказъ о томъ, что первые консулы ввели въ сенатъ 164 плебея, едва ли можетъ считаться исторически достовернымъ; онъ скорѣе свидѣтельствуеетъ о томъ, что позднѣйшіе римскіе археологи не были въ состояніи перечислить болѣе 136 знатныхъ римскихъ родовъ [Röm. Forsch. 1. 121.]

состраданія и любовью къ свободѣ, какъ его описываютъ плачевные и совершенно несогласные съ истиной старинные рассказы; оно было дѣломъ двухъ большихъ политическихъ партій, уже ранѣе того вступившихъ между собою въ борьбу и ясно сознававшихъ, что этой борьбѣ не будетъ конца, — дѣломъ старыхъ гражданъ и осѣдлыхъ жителей, которые въ виду угрожавшей имъ общей опасности, что общинное управленіе будетъ замѣнено личнымъ произволомъ одного властителя, стали — такъ-же какъ англійскіе торіи и виги въ 1688 году, — дѣйствовать за-одно для того, чтобъ потомъ снова разойтись. Старое гражданство не было въ состояніи освободиться отъ царской власти безъ содѣйствія новыхъ гражданъ, а эти послѣдніе не были достаточно сильны для того, чтобъ разомъ вырвать у первыхъ изъ рукъ власть. Въ подобныхъ сдѣлкахъ партій по необходимости довольствуются самымъ меньшимъ размѣромъ обоюдныхъ уступокъ, выторгованныхъ путемъ утомительныхъ переговоровъ, и предоставляютъ будущему рѣшить вопросъ, которой сторонѣ окончательно дадутъ перевѣсъ легальныя основы и какъ эти основы будутъ вести къ одной общей цѣли или будутъ между собою сталкиваться. Поэтому мы составили-бы себѣ невѣрное понятіе о первой римской революціи, если-бы видѣли въ ней только введеніе нѣкоторыхъ новыхъ порядковъ, какъ напримѣръ ограниченіе срока верховной магистратуры; ея косвенныя послѣдствія были несравненно болѣе важны и даже превзошли всё, чего могли ожидать ея виновники.

Это была, — короче говоря, именно та пора, когда возникло римское гражданство въ позднѣйшемъ значеніи этого слова. Плебеи были до того времени осѣдлыми жителями, которые хотя и были привлечены къ уплатѣ налоговъ и къ отбыванію повинностей, но въ глазахъ закона были не болѣе какъ терпимыми въ общинѣ пришлецами, такъ что едва-ли считалось нужнымъ ясно отграничивать ихъ сферу отъ сферы настоящихъ иноземцевъ. Теперь-же они были внесены въ качествѣ гражданъ въ куріальныя списки и хотя имъ было еще далеко до равноправности, — такъ какъ старые граждане все еще удерживали исключительно въ своихъ рукахъ предоставленныя совѣту старшинъ верховныя права, такъ какъ только изъ ихъ среды выбирались гражданскія должностныя лица и члены жреческихъ коллегій и даже только они одни могли пользоваться такими гражданскими льготами, какъ праве выгонять свой скотъ на общинныя пастбища, — тѣмъ не менѣе уже былъ сдѣланъ первый и самый трудный шагъ къ полному уравненію правъ съ тѣхъ поръ, какъ плебеи стали не только служить въ общинномъ ополченіи, но даже подавать свои голоса въ общинномъ собраніи и въ общинномъ совѣтѣ (когда дѣло шло только о выраженіи мнѣнія) и съ тѣхъ поръ, какъ голова и спина даже самого бѣднаго изъ осѣдлыхъ жителей были такъ-же хорошо защищены правомъ апелляціи, какъ голова

Новая
община.

и спина самого знатнаго изъ старинныхъ гражданъ. — Однимъ изъ послѣдствій такого сліянія патриціевъ и плебеевъ въ новое общее римское гражданство было превращеніе стараго гражданства въ родовую знать, которая даже немогла попонять своего состава, потому что ея члены утратили право постановлять на общихъ собраніяхъ рѣшенія, а принятіе въ это сословіе новыхъ семействъ путемъ общиннаго приговора стало еще менѣе возможнымъ. При царяхъ римская знать не знала такой замкнутости и поступленіе въ нее новыхъ родовъ было не очень рѣдкимъ явленіемъ; теперь же этотъ отличительный признакъ нѣмецкаго юнкерства сдѣлался несомнѣннымъ предвѣстникомъ предстоявшей утраты какъ политическихъ прерогативъ знати, такъ и ея исключительнаго преобладанія въ общинѣ. Сверхъ того патриціатъ наложилъ на себя отпечатокъ исключительнаго и бессмысленно-привилегированнаго дворянства тѣмъ, что плебеи были устранены отъ всѣхъ общинныхъ должностей и священнослужебныхъ званій, между тѣмъ какъ они могли быть и офицерами и членами совѣта, и тѣмъ, что съ безразсуднымъ упорствомъ отстаивалась легальная невозможность брачныхъ союзовъ между старыми гражданами и плебеями. — Вторымъ послѣдствіемъ новаго гражданскаго объединенія неизбежно было болѣе точное регулированіе права селиться на постоянное жительство какъ для латинскихъ союзниковъ, такъ и для гражданъ другихъ государствъ. Нестолько въ виду принадлежавшаго только осѣдлымъ жителямъ права голоса въ центуріяхъ, сколько въ виду права апелляціи, пріобрѣтеннаго плебеями, а не жившими временно или постоянно въ Римѣ иноземцами, оказалось необходимымъ точнѣе формулировать условія для пріобрѣтенія плебейскихъ правъ и закрыть для новыхъ негражданъ доступъ въ расширившееся гражданство. Стало быть къ этой эпохѣ слѣдуетъ отнести какъ начало возникшей въ народѣ ненависти къ различію между патриціями и плебеями, такъ и внушенное гордостью стараніе отдѣлать такъ-называемыхъ *cives Romani* рѣзкою чертой отъ иноземцевъ. Та домашняя противоположность имѣла болѣе временный характеръ; но эта политическая противоположность была болѣе устойчива, а вложенное ею въ сердца народа сознаніе государственнаго единства и зараждавшагося могущества дошло до того, что сначала подкляпалось подъ тѣ мелкія различія, а потомъ увлекло ихъ вслѣдъ за собой въ своемъ неудержимомъ стремленіи впередъ.

Законъ и Сверхъ того, это было-то самое время, когда ясно установилось личное различіе между закономъ и личнымъ распоряженіемъ. Это различіе поряженіе. коренилось въ исконныхъ основахъ римскаго государственнаго устройства, такъ какъ и царская власть стояла въ Римѣ подъ земскимъ закономъ, а не выше его. Но глубокое и практическое уваженіе къ принципу власти, которое мы находимъ у Римлянъ какъ и у вся-

каго другаго политически-даровитаго народа, привело къ тому замѣчательному постановленію римскаго государственнаго и гражданскаго права, что всякое неоснованное на законѣ приказаніе должностнаго лица имѣетъ обязательную силу по меньшей мѣрѣ пока срокъ пребыванія этого лица при должности неистекъ, — хотя-бы потомъ оно и было признано неподлежащимъ исполненію. Понятно, что пока выбирались пожизненные правители, различіе между закономъ и личнымъ распоряженіемъ должно было фактически почти совершенно исчезнуть, а законодательная дѣятельность общиннаго собранія не могла получить никакого дальнѣйшаго развитія. На оборотъ для нея открылось широкое поприще съ тѣхъ поръ, какъ правители стали ежегодно мѣняться; тогда уже нельзя было отказывать въ практическомъ значеніи тому факту, что если консулъ при рѣшеніи процесса постановлялъ несогласный съ законами приговоръ, то его преемникъ могъ назначить пересмотръ дѣла.

Власти
граждан-
ская и воен-
ная.

Наконецъ, это было то время, когда власти гражданская и военная отдѣлились одна отъ другой. Въ гражданской сферѣ господствовалъ законъ, а въ военной сѣкира; тамъ были въ силѣ конституціонныя ограниченія въ видѣ апелляціи и ясно опредѣленныхъ полномочій *), а здѣсь полководецъ былъ такъ-же самовластенъ, какъ царь. Поэтому было установлено, что полководецъ не можетъ вступать въ качествѣ полководца съ своей арміей въ городъ. Не въ буквѣ, а въ духѣ законовъ лежалъ тотъ принципъ, что органическія и имѣющія постоянную обязательную силу постановленія могутъ состояться только подъ господствомъ гражданской власти; конечно, могло случиться, что наперекоръ этому правилу полководецъ созывалъ свое войско въ лагерѣ на гражданскій сходъ, а постановленное тамъ рѣшеніе не считалось лишоннымъ законной силы, но обычай не одобрялъ такихъ пріемовъ и они скоро прекратились такъ же, какъ если-бы были запрещены. Различіе между квиритами и солдатами все глубже и глубже проникало въ сознаніе гражданъ.

Однако, для того чтобъ эти послѣдствія новаго республиканскаго государственнаго устройства могли исполнѣ обнаружиться, нужно было время; какъ ни живо сознавало ихъ потомство, для современниковъ революція могла представляться въ иномъ свѣтѣ. Хотя неграждане и приобрѣли благодаря ей гражданскія права, а новое гражданство приобрѣло въ общинномъ собраніи широкія привилегіи, но патриціанскій сенатъ при своей плотной замкнутости былъ для тѣхъ ко-

Управление
патриціевъ.

*) Не лишнимъ будетъ замѣтить, что *in iudicium legitimum* и *quod imperio continetur* основаны на полномъ властимъ [imperiū] отдающаго приказаніе должностнаго лица; различіе заключается только въ томъ, что полномъ властие въ первомъ случаѣ ограничено закономъ, а во второмъ ничѣмъ неограничено.

мицій чѣмъ-то въ родѣ верхней палаты; онъ легально стѣснялъ комицію въ самыхъ важныхъ для нея дѣлахъ и хотя не былъ въ состояніи фактически парализовать твердую волю народной массы, но могъ причинять ей помѣхи и затрудненія. Знать, лишившаяся права считать себя единственной представительницей общины, по видимому, неутратила многого, а въ другихъ отношеніяхъ рѣшительно осталась съ прибылью. Конечно, царь принадлежалъ, точно такъ-же какъ и консулъ, къ сословію патриціевъ; назначеніе членовъ сената было предоставлено какъ тому такъ и другому; но первый изъ нихъ стоялъ, по своему исключительному положенію, настолько же выше патриціевъ, насколько былъ выше плебеевъ, и обстоятельства легко могли заставить его искать въ народной толпѣ опоры противъ знати; а пользовавшійся непродолжительною властію консулъ былъ и до того и послѣ того ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ представителей знати; онъ вовсе не выдѣлялся изъ своего сословія, такъ какъ ему, можетъ быть, пришлось-бы завтра повиноваться одному изъ членовъ той-же знати, которому сегодня онъ могъ приказывать,— поэтому тенденции аристократа брали въ немъ верхъ надъ сознаніемъ его должностныхъ обязанностей. Если-же случайно призывался въ правители какой-нибудь патрицій, несочувствовавшій господству знати, то его официальное вліяніе находило для себя преграду частію въ глубоко проникнутомъ аристократическими тенденціями жречевѣ, частію въ его соправителѣ и наконецъ могло быть парализовано посредствомъ назначенія диктатора; но что еще важнѣе,— ему недоставало главнаго элемента политическаго могущества— времени. Какъ-бы ни была велика власть, предоставленная начальнику общины, онъ никогда не приобрѣтетъ политическаго могущества, если не будетъ оставаться во главѣ управленія болѣе долгое время, такъ какъ необходимое условіе всякаго владычества—его продолжительность. Потому-то выгоды и были на сторонѣ общиннаго совѣта, состоявшаго изъ пожизненныхъ членовъ,— не того совѣта, который состоялъ изъ однихъ патриціевъ, а того, въ который имѣли доступъ и плебеи; благодаря преимущественно своему праву давать должностнымъ лицамъ совѣты по всѣмъ дѣламъ, онъ приобрѣлъ такое вліяніе на годоваго правителя, что легальныя между ними отношенія установились совершенно на выворотъ— общинный совѣтъ захватилъ въ свои руки всю суть правительственной власти, а законный правитель низошелъ на степень его предсѣдателя или исполнителя его воли. Хотя законъ и не требовалъ, чтобъ всякое постановленіе, поступающее на утвержденіе общины, предварительно представлялось на разсмотрѣніе и одобреніе полнаго собранія сената, но этотъ порядокъ былъ освященъ обычаемъ, отъ котораго дѣлались отступленія и съ трудомъ и неохотно. Такое одобреніе считалось необходимымъ для важныхъ государственныхъ договоровъ, для дѣлъ,

касавшихся управленія и надѣленія общинной землей и въ особен-ности для всякаго акта, послѣдствія котораго простирались далѣе должностнаго года консуловъ; такимъ образомъ консулу оставалось только завѣдываніе текущими дѣлами, открытіе гражданскихъ тяжбъ и командованіе арміей въ случаѣ войны. Главнымъ образомъ было обильно послѣдствіями то нововведеніе, что ни консулу ни пользо-вавшемуся во всемъ остальномъ неограниченною властію диктатору не дозволялось прикасаться до государственной казны иначе, какъ сообщая съ совѣтомъ и съ его согласія. Сенатъ виѣнилъ консуламъ въ обязанность поручать завѣдываніе общинною кассой, — которою царь завѣдывалъ или воленъ былъ завѣдывать самъ, — двумъ низшимъ должностнымъ лицамъ, которыя хотя и назначались консулами и были обязаны имъ повиноваться, но, само собою разумѣется, зависѣли еще болѣе самихъ консуловъ отъ сената (стр. 250); такимъ способомъ сенатъ взялъ въ свои руки завѣдываніе финансами и его право разрѣшать выдачу изъ казны денегъ можетъ быть, по своимъ послѣдствіямъ, поставлено въ параллель съ правомъ утвер-жденія налоговъ въ новѣйшихъ конституціонныхъ монархіяхъ. — Послѣдствія этихъ перемѣнъ ясны сами собой. Первое и самое су-щественное условіе для владычества какой-бы то ни было аристократіи заключается въ томъ, чтобъ верховная государственная власть при-надлежала не отдѣльному лицу, а корпораціи: теперь-же оказалось, что корпорація, состоявшая преимущественно изъ знати, стала во главѣ управленія, причемъ исполнительная власть не только оста-лась въ рукахъ знати, но и была совершенно подчинена правитель-ственной корпораціи. Хотя въ совѣтъ и засѣдали въ значитель-номъ числѣ люди незнатнаго происхожденія, но они не могли ни занимать государственныхъ должностей ни участвовать въ преніяхъ, стало-быть были устранены отъ всякаго практическаго участія въ управленіи; поэтому они и въ самомъ сенатѣ играли второстепен-ную роль, а сверхъ того и важное въ экономическомъ отношеніи право пользованія общинными пастбищами ставило ихъ въ денежную зависимость отъ корпораціи. Мало-по-малу возникавшее право кон-суловъ пересматривать и исправлять списки членовъ сената, по меньшей мѣрѣ черезъ три года въ четвертый, вѣроятно, нисколько не было опаснымъ для знати, но могло быть употреблено въ дѣло къ ея выгодѣ, такъ какъ, благодаря такому праву, можно было недопускать непріятнаго для знати плебея въ сенатъ или даже **Плебейская оппозиція.** удалить его оттуда. — Поэтому безспорно вѣрно, что непосредствен-нымъ послѣдствіемъ государственнаго переворота было утверженіе владычества аристократіи; но послѣдствія переворота этимъ не огра-ничивались. Если большинство современниковъ и могло думать, что революція не дала плебеямъ ничего, кромѣ еще болѣе неподатливаго деспотизма, то мы, ихъ потомки, усматриваемъ даже въ этомъ

деспотизмъ зачатки свободы. То, что выиграли патриции, было утрачено не общиной, а должностною властью; хотя сама община приобрѣла лишь немного незначительныхъ правъ, которыя были гораздо менѣе практичны и менѣе очевидны, чѣмъ приобрѣтенія знати, и оцѣнить которыя не было въ состояніи даже одинъ изъ тысячи, но они заключали въ себѣ ручательство за будущее. До сихъ поръ осѣдлое населеніе было въ политическомъ отношеніи ничто, а старинное гражданство— всё; но съ той минуты, какъ первое стало общиной, старое гражданство было побѣждено; правда, до полного гражданского равенства еще было далеко, но вѣдь взятіе крѣпости считается несомнѣннымъ не тогда только, когда заняты послѣднія позиціи, а когда пробита первая брешь. Поэтому римская община была права, когда вела начало своего политическаго существованія съ учрежденія консульства.— Не смотря на то, что республиканская революція прежде всего утвердила господство юнкерства, она основательно можетъ быть названа побѣдой прежняго осѣдлаго населенія или плебы; но въ этомъ послѣднемъ значеніи революція вовсе не имѣла такого характера, который мы привыкли въ наше время называть демократическимъ. Чисто-личныя достоинства, безъ помощи знатнаго происхожденія и богатства, конечно, могли достигать вліянія и почета легче при владычествѣ царей, чѣмъ при владычествѣ патриціевъ. При царяхъ, доступъ въ сословіе патриціевъ ни для кого не былъ легально закрытъ, а теперь высшая цѣль плебейскаго честолюбія стала заключаться въ томъ, чтобъ попасть въ число безмолвныхъ придаточныхъ членовъ сената. Къ тому-же было въ порядкѣ вещей, что владычествовавшее сословіе, допуская въ свою среду плебеевъ, позволяло засѣдать рядомъ съ собою въ сенатѣ не безусловно самыхъ способнымъ людямъ, а преимущественно такимъ, которые стояли во главѣ богатыхъ и знатныхъ плебейскихъ фамилій; эти же фамиліи стали тщательно оберегать доставшіяся имъ въ сенатѣ мѣста. Поэтому, между тѣмъ какъ въ средѣ стараго гражданства существовала равноправность, напротивъ того, новые граждане или прежніе осѣдлые жители стали съ самаго начала дѣлиться на нѣсколько привилегированныхъ фамилій и на отодвинутую назадъ толпу. Но при центуріальной организаціи силы общины сосредоточились въ томъ классѣ, который со времени совершеннаго Сервіемъ преобразованія арміи и податной системы преимущественно передъ другими несъ на себѣ гражданскія повинности, — въ классѣ осѣдлыхъ жителей, и преимущественно не на крупныхъ и не на мелкихъ землевладѣльцахъ, а на сословіи земледѣльцевъ средней руки, причемъ преимущество было на сторонѣ пожилыхъ людей, потому что хотя они и были менѣе многочисленны, но составляли для подачи голосовъ столько-же отдѣленій, какъ и молодежь. Поэтому въ то время, какъ старое гражданство съ своей родовой знатью было

подрѣзано въ самомъ корнѣ, а для новаго гражданства былъ заложенъ фундаментъ, въ этомъ послѣднемъ главныя силы сосредоточились на землевладѣніи и на старшинствѣ возраста и уже появились зачатки образованія новой знати, значеніе которой было основано на фактическомъ вліяніи семействъ и изъ которой развилась будущая аристократія. Основной консервативный характеръ римскаго общиннаго строя ни въ чемъ не могъ выразиться такъ-же ясно, какъ въ томъ, что республиканскій государственный переворотъ наметилъ первыя основы для новаго такъ-же консервативнаго и такъ-же аристократическаго государственнаго устройства.

Г Л А В А II.

Народный трибуналь и децемвиры.

**Матерьяль-
ные инте-
ресы.**

Благодаря новому общинному устройству, старое гражданство достигло легальнымъ путемъ полного обладанія политическою властью. Патриции владычествовали чрезъ посредство должностныхъ лицъ, низведенныхъ на степень служителей аристократіи; они преобладали въ общинномъ совѣтѣ, имѣли въ своихъ рукахъ всѣ должности и жреческія коллегіи, были вооружены исключительнымъ знаніемъ божескихъ и человѣческихъ дѣлъ и рутиной политической практики, были вліятельны въ общинномъ собраніи благодаря тому, что имѣли въ своемъ распоряженіи множество услужливыхъ людей, привязанныхъ къ отдѣльнымъ семьямъ, наконецъ имѣли право разсматривать и отвергать всякое общинное постановленіе, — однимъ словомъ, они могли еще долго удерживать въ своихъ рукахъ фактическое владычество именно потому, что своевременно отказались отъ легальнаго единовластія. Хотя плебеи съ трудомъ выносили свое политическое ничтожество, но на верныхъ порахъ аристократія могла не бояться чисто-политической оппозиціи, устраняя отъ политической борьбы толпу, которая нуждается только въ хорошей администраціи и въ покровительствѣ своимъ матерьяльнымъ интересамъ. Дѣйствительно, въ первыя времена послѣ изгнанія царей, мы встрѣчаемъ мѣропріятія, направленные или по меньшей мѣрѣ казавшіяся направленными къ тому, чтобъ расположить простолюдиновъ къ правленію аристократіи преимущественно съ ея экономической стороны: портовые пошлины были понижены; въ виду высокой цѣны зерноваго хлѣба, его закупали въ огромномъ количествѣ на счетъ государства и обратили торговлю солью въ казенную монополію для того, чтобъ продавать гражданамъ хлѣбъ и соль по дешевымъ цѣнамъ; наконецъ народный праздникъ былъ продолженъ на одинъ день. Сюда-же относится ранѣе упомянутое постановленіе касательно денежныхъ пеней (стр. 248), которое не только имѣло въ виду вообще ограничить опасное въ рукахъ должностныхъ лицъ правоналагать штрафы, но и было ясно направлено къ охраненію интере-

совъ мелкаго люда. Дѣйствительно, когда должностнымъ лицамъ было запрещено налагать въ одинъ и тотъ же день на одно и то же лице безъ права апелляціи штрафъ въ размѣрѣ, превышающемъ двухъ барановъ и тридцать быковъ, то причину такого страннаго постановленія можно найти только въ томъ, что было признано необходимымъ назначать для того, кто владѣлъ только нѣсколькими баранами, иной максимумъ штрафа, чѣмъ для богача, владѣвшаго стадами быковъ, — а наши новѣйшія законодательства могли бы отсюда поучиться, какъ слѣдуетъ соразмѣрять штрафы съ богатствомъ или съ бѣдностью виновныхъ. Однако эти мѣропріятія касались только внѣшней стороны народнаго быта, а главное теченіе стремилось скорѣй въ противоположную сторону. Съ перемѣной формы правленія начался громадный переворотъ въ финансовомъ и экономическомъ положеніи Римлянъ. Царскій режимъ по своимъ принципамъ, какъ кажется, не благоприятствовалъ усиленію вліянія капиталистовъ и, по мѣрѣ возможности, поощрялъ увеличеніе числа пахотныхъ участковъ, а новый аристократическій режимъ напротивъ того, какъ кажется, съ первой поры старался уничтожить средніе классы, то - есть среднее и мелкое землевладѣніе, поддерживая съ одной стороны усиливавшееся вліяніе крупной поземельной собственности и капитала, а съ другой возникновеніе земледѣльческаго пролетаріата.

Даже такое популярное мѣропріятіе, какъ пониженіе портовыхъ пошлинъ, оказалось выгоднымъ преимущественно для оптовыхъ торговцевъ. Но еще гораздо болѣе выгодной для капиталистовъ оказалась система управленія финансами черезъ посредниковъ. Трудно рѣшить, что послужило главнымъ поводомъ для ея введенія; но если она ведетъ свое начало съ эпохи царей, то только со времени учрежденія консульства усилилось значеніе посредничества частныхъ лицъ частію вслѣдствіе безпрестанной смѣны римскихъ должностныхъ лицъ, частію вслѣдствіе расширенія финансовой дѣятельности государственнаго казначейства на такія предпріятія, какъ закупка и продажа хлѣба и соли; этимъ было положено основаніе для той системы собиранія государственныхъ доходовъ черезъ посредство откупщиковъ, которая въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи была столько-же богата для римскаго общиннаго устройства своими послѣдствіями, сколько со временемъ сдѣлалась для него гибельной. Государство стало мало-по-малу передавать всѣ свои косвенные доходы и всѣ сложные расчеты и сдѣлки въ руки посредниковъ, которые уплачивали казнѣ или получали отъ нея условленную сумму и затѣмъ уже хозяйничали на свой собственный рискъ. За такія предпріятія могли браться, понятно, только крупные капиталисты и преимущественно крупные землевладѣльцы, потому что государство было очень требовательно на счетъ матеріальнаго обезпеченія;

Усиливающееся вліяніе капиталистовъ.

Общинная
земля.

такимъ образомъ возникъ тотъ классъ арендаторовъ податей и подрядчиковъ, который имѣеть такое большое сходство съ теперешними биржевыми спекулянтами и по своему поразительно быстрому обогащенію, и по своей власти надъ государствомъ, которому онъ, по-видимому, оказывалъ услуги, и наконецъ по нелѣпой и бесплодной основѣ своего денежнаго могущества.—Но это стремленіе къ управленію финансами при содѣйствіи посредниковъ повліяло прежде всего и самымъ чувствительнымъ образомъ на распоряженіе общинными землями, прямо стремившееся къ матерьяльному и нравственному уничтоженію среднихъ классовъ. Пользованіе общественными выгонами и вообще принадлежавшими государству землями было природной привилегіей гражданства, а законъ формально воспрещалъ плебеямъ доступъ къ общественнымъ выгонамъ. Однако, помимо перехода земли въ полную собственность или надѣленія земельными участками, римское законодательство не признавало за отдѣльными гражданами такихъ правъ на пользованіе общинной землей, которыя слѣдовало-бы охранять наравнѣ съ правомъ собственности; поэтому, пока общинная земля оставалась на самомъ дѣлѣ общинной, отъ произвола царя зависѣло допускать или не допускать другихъ къ участію въ этомъ правѣ и не подлежить никакому сомнѣнію, что онъ нерѣдко пользовался такой властію или по меньшей мѣрѣ своей силой къ выгодѣ плебеевъ. Но съ введеніемъ республиканской формы правленія снова стали настаивать на точномъ соблюденіи того правила, что пользованіе общинными выгонами принадлежитъ по закону только гражданамъ высшаго разряда, то-есть патриціямъ и хотя сенатъ по-прежнему допускалъ исключенія въ пользу тѣхъ богатыхъ плебейскихъ семействъ, которыя имѣли въ немъ своихъ представителей, но отъ пользованія были устранены тѣ мелкіе плебейскіе землевладѣльцы и поденщики, которые болѣе всѣхъ нуждались въ пастбищахъ. Сверхъ того, за выморщенный на общинномъ выгонѣ скотъ до тѣхъ поръ взыскивался пастбищный сборъ, который хотя и былъ такъ не великъ, что право пользоваться этими пастбищами все таки считалось привилегіей, однако доставлялъ государственной казнѣ немаловажный доходъ. Выбранные изъ среды патриціевъ квесторы стали теперь взыскивать его вяло и небрежно и мало-по-малу довели дѣло до того, что онъ совершенно вышелъ изъ обыкновенія. До тѣхъ поръ постоянно производилась раздача земель, въ особенности въ случаѣ завоеванія новой территоріи; при этомъ надѣлялись землей всѣ самые бѣдные граждане и осѣдлые жители, и только тѣ поля, которыя не годились для хлѣбопашества, отводились подъ общинныя пастбища. Хотя правительство и не осмѣлилось совершенно прекратить такую раздачу земель и тѣмъ менѣе ограничить ее одними богатыми людьми, но оно стало производить надѣлы рѣже и въ меньшихъ размѣрахъ, а въ замѣнъ ихъ появилась пагубная система

такъ-называемой оккупациі: казенныя земли стали поступать не въ собственность и не въ настоящую срочную аренду, а въ пользова- ніе тѣхъ, кто или прежде всѣхъ завладѣлъ и ихъ законныхъ на- слѣдниковъ, съ тѣмъ, что государство могло во всякое время ото- брать землю назадъ, а пользователь долженъ былъ уплачивать де- сятый снопы или пятую часть прибыли отъ масла и вина. Это было ничто иное, какъ ранѣе описанное *Præcagiū* (стр. 190) въ примѣненіи къ казеннымъ землямъ и, можетъ быть, уже прежде примѣнялось къ общиннымъ землямъ въ качествѣ временной мѣры до окончательнаго распредѣленія надѣловъ. Но теперь это времен- ное пользованіе не только превратилось въ постоянное, но, какъ и слѣдовало ожидать, стало предоставляться только привилегирован- нымъ лицамъ или ихъ фаворитамъ, а десятая и пятая доли дохода стали высклевываться съ такой-же небрежностью, какъ и пастьбишный сборъ. Такимъ образомъ среднимъ и мелкимъ землевладѣльцамъ былъ нанесенъ тройной ударъ: они лишились права пользоваться общин- ными угольями; бремя налоговъ стало для нихъ болѣе тяжелымъ вслѣдствіе того, что доходы съ казенныхъ земель стали поступать въ государственную казну неаккуратно, и наконецъ приостановилась раздача земель, которая была для земледѣльческаго пролетаріата тѣмъ-же, чѣмъ могла-бы быть въ наше время обширная и неизмѣнно-регулиру- ванная система переселеній—постояннымъ отводнымъ каналомъ. Къ этому присоединилось, вѣроятно, уже въ ту пору возникавшее по- левое хозяйство въ широкихъ размѣрахъ, вытѣснившее мелкихъ кліентовъ - фермеровъ, въ замѣнъ которыхъ стало воздѣлывать землю руками пахотныхъ рабовъ; этотъ послѣдній ударъ было труднѣе отворотить, чѣмъ всѣ вышеупомянутые политическія захваты и онъ оказался самымъ пагубнымъ. Тяжелыя, частію неудачныя войны и вызванное этими войнами обложеніе чрезмѣрными военными нало- гами и рабочими повинностями довершили остальное, вытѣснивъ землевладѣльца изъ дома и обративъ его въ слугу, если не въ раба заимодавца, или же фактически низведя его, какъ неоплатнаго долж- ника, въ положеніе временнаго арендатора при его кредиторахъ. Капиталисты, передъ которыми тогда открылось новое поприще для прибыльныхъ, легкихъ и безопасныхъ спекуляцій, частію увеличи- вали этимъ путемъ свою поземельную собственность, частію предо- ставляли названіе собственниковъ и фактическое владѣніе землей тѣмъ поселянамъ, личность и имущество которыхъ находились въ ихъ рукахъ на основаніи долговаго законодательства. Этотъ послѣдній приемъ былъ самымъ обыкновеннымъ и самымъ пагубнымъ: хотя онъ иныхъ и спасалъ отъ крайняго разоренія, но ставилъ поселя- нина въ такое непрочное и всегда зависѣвшее отъ милости креди- тора положеніе, что на долю поселянина неоставалось ничего кромѣ отбыванія повинностей и что всему земледѣльческому сословію стала

угрожать опасность совершенной деморализации и утраты всякаго политическаго значенія. Когда старое законодательство замѣняло ипотечный заемъ немедленной передачей собственности въ руки кредитора, оно желало предотвратить обремененіе поземельной собственности долгами и взыскивать государственныя повинности съ дѣйствительныхъ собственниковъ земли (стр. 158); это правило было обойдено при помощи строгой системы личнаго кредита, которая могла быть пригодна для торговцевъ, но разоряла крестьянъ. Ничѣмъ неограниченное право дробить земли уже и прежде грозило возникновеніемъ обремененнаго долгами земледѣльческаго пролетаріата; но при новыхъ порядкахъ, когда всѣ налоги увеличились, а всѣ пути къ избавленію были закрыты, нужда и отчаяніе съ страшной быстротой охватили средній земледѣльческій классъ.

Отношеніе Возникшая отсюда вражда между богачами и бѣдняками отнюдь **соціального** не совпадала съ враждой между знатными родами и плебеями. **вопроса къ** Если патриции и были въ огромномъ большинствѣ щедро надѣлены **сословному.** землей, за то и между плебеями было не мало богатыхъ и знатныхъ семействъ; а такъ какъ сенатъ, уже въ ту пору, повсему вѣроятію, состоявшій болѣею частью изъ плебеевъ, взялъ въ свои руки высшее управленіе финансами, устранивъ выбиравшихся изъ среды патриціевъ должностныхъ лицъ, то понятно, что всѣ экономическія выгоды, ради которыхъ употреблялись во зло политическія привилегіи знати, шли въ пользу всѣхъ богатыхъ людей вообще; такимъ образомъ, давившій простолюдина гнетъ становился еще болѣе невыносимымъ оттого, что самые даровитые и самые способные къ сопротивленію люди изъ класса угнетенныхъ, поступая въ сенатъ, переходили въ классъ угнетателей. — Но вслѣдствіе того и политическое положеніе аристократіи сдѣлалось непрочнымъ. Если бы она умѣла обуздать себя настолько, чтобъ управлять справедливо и защищать средній классъ, — какъ это пытались дѣлать нѣкоторые консулы изъ ея среды, но безуспѣшно вслѣдствіе приниженнаго положенія магистратуры, — то она могла-бы еще долго удерживать за собою монополію государственныхъ должностей. Если бы она уравнила съ собою въ правахъ самыхъ богатыхъ и самыхъ знатныхъ плебеевъ, напримѣръ присоединивъ къ вступленію въ сенатъ приобрѣтеніе патриціата, то патриции и плебей еще долго могли-бы вмѣстѣ управлять и спекулировать. Но не случилось ни того ни другаго: малодушіе и близорукость — эти отличительныя и неотъемлемыя привилегіи всякаго настоящаго шкурства — не измѣнили сами себя и въ Римѣ; они истерзали могущественную общину въ бесплодной, безцѣльной и безславной борьбѣ.

Удаленіе на Однако первый кризисъ былъ вызванъ не тѣми, кто страдалъ отъ **связанную** сословной неадекватности, а жившимъ въ нуждѣ земледѣльческимъ **гору.** классомъ. Лѣтописи въ своемъ исправленномъ видѣ относятъ политиче-

скую революцію къ 244 году, а социальную въ 259 и 260 годамъ; во всёмъ 510 495 494
комъ случаѣ, эти перевороты, какъ кажется, быстро слѣдовали одинъ
за другимъ, но промежутокъ между ними былъ, по всему вѣроятію,
болѣе длиненъ. Строгое примѣненіе долговаго законодательства, какъ
гласитъ разсказъ, возбудило раздраженіе среди всѣхъ земледѣльцевъ.
Когда въ 259 году былъ сдѣланъ призывъ къ оружію въ виду пред- 495
стоявшей опасной войны, обязанные къ ратной службѣ люди отка-
зались отъ повиновенія. Затѣмъ, когда консулъ Публій Сервилій
временно отменилъ обязательную силу долговыхъ законовъ, прика-
завъ выпустить на свободу арестованныхъ должниковъ и прекратить
дальнѣйшіе аресты, земледѣльцы явились на призывъ и помогли одер-
жать побѣду. Но по возвращеніи съ поля битвы домой, они убѣ-
дились, что съ заключеніемъ мира, изъ-за котораго они сражались,
ихъ ожидаютъ прежняя тюрьма и прежнія оковы; второй консулъ
Аппій Клавдій сталъ съ неумолимою строгостью примѣнять долговые
законы, а его соправитель не посмѣлъ этому воспротивиться, несмотря
на то, что его прежніе солдаты взывали къ нему о помощи. Ка-
залось, какъ будто коллегіальность была учреждена не для защиты
народа, а въ помощь вѣроломству и деспотизму; тѣмъ не менѣе
пришлось выносить то, чего нельзя было измѣнить. Но когда въ
слѣдующемъ году снова вспыхнула война, приказанія консула уже
оказались бессильными. Земледѣльцы подчинились только приказаніямъ
назначеннаго диктаторомъ Манія Валерія частію изъ робости передъ
высшею властію, частію полагаясь на популярный характеръ этого
человѣка, — такъ какъ Валерій принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ
старинныхъ знатныхъ родовъ, для которыхъ верховная власть была
правомъ и почетомъ, а не источникомъ доходовъ. Побѣда снова оста-
лась за римскими знаменами; но когда побѣдители воротились до-
мой, а диктаторъ внесъ въ сенатъ свои проекты реформъ, онъ встрѣ-
тилъ въ сенатѣ упорное сопротивленіе. Армія еще не была распущена
и по обыкновенію стояла у городскихъ воротъ; когда она узнала о
случившемся, среди ея разразилась давно угрожавшая буря, а кор-
поративный духъ арміи и ея тѣсно сплоченная организація увлекли
даже людей робкихъ и равнодушныхъ. Армія покинула своего пол-
ководца и свою лагерную стоянку, и удалившись въ боевомъ по-
рядѣ подъ предводительствомъ легіонныхъ командировъ, — которые
были, если не всѣ, то болѣею частію изъ плебейскихъ военныхъ
трибуновъ, — въ окрестности Крустумеріи, находившейся между Тиб-
ромъ и Анію, расположилась тамъ на холмѣ, какъ-будто съ намѣ-
реніемъ основать новый плебейскій городъ на этомъ самомъ плодородномъ
участкѣ римской городской территоріи. Тогда и самые упорные
изъ притѣснителей поняли, что междоусобная война поведеть
къ ихъ собственному разоренію, и сенатъ уступилъ. Диктаторъ взялъ
на себя роль посредника при опредѣленіи условій примиренія; граж-

дане воротились въ городъ и внѣшнее единство было восстановлено. Народъ сталъ съ тѣхъ поръ называть Манія Валерія «великимъ» (*maximus*), а гору на той сторонѣ Апіо—«священной». Дѣйствительно было нѣчто могучее и великое въ этой революціи, предпринятой самимъ народомъ безъ твердаго руководителя, съ случайными начальниками во главѣ, и кончившейся безъ пролитія крови; граждане потомъ охотно и съ гордостью о ней рассказывали. Ея послѣдствія сказывались въ теченіе многихъ столѣтій; изъ нея возникъ и народный трибунатъ.

Народные трибуны и народные эдилы. Кромѣ нѣкоторыхъ временныхъ мѣропріятій, клонившихся къ облегченію обѣдственнаго положенія должниковъ и къ обезпеченію нѣкотораго числа земледѣльцовъ посредствомъ основанія нѣсколькихъ колоній, диктаторъ провѣлъ легальнымъ порядкомъ новый законъ, который былъ по его требованію скрѣпленъ поголовной клятвой всѣхъ членовъ общины,—безъ сомнѣнія, для того, чтобъ обезпечить имъ амнистію за нарушеніе ими военной присяги; затѣмъ диктаторъ приказалъ положить этотъ законъ въ храмѣ подъ надзоромъ и охраной двухъ специально для того выбранныхъ изъ среды плебеевъ должностныхъ лицъ или «домовачальниковъ» (*aediles*). Этотъ законъ постановлялъ, чтобъ кромѣ двухъ патриціанскихъ консуловъ было два плебейскихъ трибуна, которыхъ должны были выбирать плебеи, собравшись по куріямъ. Власть трибуновъ была безсилна передъ военной властію (*imperium*), то-есть передъ властію диктатора вообще и передъ властію консула внѣ города; но передъ обыкновенной гражданскою властію, какая принадлежала консуламъ, трибунская власть была независима, хотя и не произошло настоящаго раздѣла полномочій. Трибуны получили такое-же право, какое принадлежало консулу противъ консула и тѣмъ болѣе противъ низшихъ должностныхъ лицъ (стр. 247), то-есть право путемъ своевременно и лично заявленнаго протеста отмигать всякое отданное должностнымъ лицомъ приказаніе, которымъ кто-либо изъ гражданъ объявилъ себя обиженнымъ, равно какъ право разсматривать всякое предложеніе, сдѣланное должностнымъ лицомъ гражданству, и затѣмъ приостанавливать его или кассировать,—то-есть право протеста или такъ называемое трибунское *vetō*.

Право протеста. Такимъ образомъ власть трибуновъ заключалась прежде всего въ правѣ тормозить по своему произволу администрацію и отправленіе правосудія, какъ наирямѣрь доставлять обязанному нести военную службу лицу возможность безнаказанно уклоняться отъ призыва, не допускать или прекращать преслѣдованіе должниковъ передъ судомъ и исполненіе надъ ними судебныхъ приговоровъ, не допускать или прекращать вчинаніе уголовныхъ процессовъ и арестъ находящихся подъ слѣдствіемъ обвиняемыхъ и тому подобное. Для того, чтобъ это легальное заступничество не оказалось неэффективнымъ

вслѣдствіе отсутствія заступника, было постановлено, что трибунъ не долженъ никогда ночевать внѣ города, а двери его дома должны оставаться открытыми и днемъ и ночью. Сверхъ того народный трибунъ имѣлъ право однимъ своимъ словомъ парализовать постановленное общиною рѣшеніе, такъ какъ иначе община могла бы, въ силу своихъ верховныхъ правъ, безъ всякихъ объясненій взять назадъ дарованныя ею плебеямъ привилегіи. — Но эти права были бы безполезны, если бы противъ тѣхъ, кто ихъ не захочетъ признавать и въ особенности противъ должностныхъ лицъ, народный трибунъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи мгновенно дѣйствующей и непреодолимой принудительной силы. Эта сила была дана въ его распоряженіе въ той формѣ, что было признано достойнымъ смертной казни всякое сопротивленіе пользующемуся своими законными правами трибуну, и въ особенности всякое покушеніе противъ его особы, которую всѣ плебеи поголовно поклялись на священной горѣ за себя и за своихъ потомковъ всегда защищать отъ всякаго посягательства, а за вѣдываніе этой уголовной юстиціей было возложено не на общинную магистратуру, а на плебейскую. Въ силу такихъ судебныхъ правъ трибунъ могъ привлечь къ ответственности всякаго гражданина и главнымъ образомъ состоящаго въ должности консула, а еслибы этотъ послѣдній не подчинился добровольно такому требованію, могъ приказать схватить его, подвергнуть слѣдственному аресту или отпустить на поруки и за тѣмъ приговорить его къ смертной казни или къ денежному штрафу. Въ виду такой случайности одновременно съ назначеніемъ трибуна были назначены ему въ служители и въ помощники два народныхъ эдила главнымъ образомъ для произведенія арестовъ, почему и этимъ эдиламъ была гарантирована личная неприкосновенность поголовною клятвою плебеевъ. Сверхъ того и сами эдилы были, подобно трибунамъ, надѣлены судебскою властію по менѣе значительнымъ проступкамъ, наказуемымъ денежными пенями. Если на приговоръ трибуна или эдила была подана апелляція, то она поступала на разсмотрѣніе не всего гражданства, сноситься съ которымъ не имѣли права должностныя лица плебеевъ, а всего плебейства, которое собиралось въ этомъ случаѣ по журиямъ и постановляло окончательное рѣшеніе по большинству голосовъ. — Такая процедура, конечно, походила скорѣе на насліе, тѣмъ на легальный образъ дѣйствій, въ особенности, когда она примѣнялась не къ плебеямъ, какъ это, вѣроятно, болѣею частію и случалось. Ни съ буквой ни съ духомъ государственныхъ учрежденій нельзя было согласовать того факта, что патрицій вызывался къ отвѣту передъ такими властями, которые стояли во главѣ не гражданства, а образовавшейся въ средѣ гражданства ассоціаціи, и что онъ долженъ былъ апеллировать не къ гражданству, а къ этой-же ассоціаціи. Безспорно, это первоначально было нечто иное, какъ судъ Линча; но

самозащита всегда заимствовала свои внѣшнія формы у правосудія, а со времени легальнаго утвержденія народнаго трибуната она считалась дозволенною закономъ. — По своей основной идеѣ, эта новая юрисдикція трибуновъ и эдиловъ, вмѣстѣ съ проистекавшимъ изъ нея правомъ плебейскаго собранія постановлять рѣшеніе по вопросамъ объ апелляціи, была, безъ сомнѣнія, такъ-же связана соблюденіемъ законовъ, какъ юрисдикція консуловъ и квесторовъ и приговоры центурій по вопросамъ объ апелляціи, — такъ какъ легальныя понятія о преступленіи противъ общины (стр. 147) и о нарушеніи установленныхъ въ общинѣ порядковъ (стр. 148) были перенесены съ общины и съ ея должностныхъ лицъ на плебейство и на его высшаго представителя. Но эти понятія были такъ шатки, а установить ихъ легальныя рамки было такъ трудно и даже невозможно, что отправленіе правосудія по этимъ категоріямъ преступленій необходимо должно было носить на себѣ отпечатокъ личнаго произвола. А съ тѣхъ поръ, какъ самое понятіе о правѣ затемнилось среди сословныхъ распрій и съ тѣхъ поръ, какъ законные вожди обѣихъ партій были снабжены такими судебскими правами, что могли соперничать другъ съ другомъ, ихъ юрисдикція необходимо должна была все болѣе и болѣе походитъ на полицейскую власть, основанную чисто на произволѣ. Этотъ произволъ былъ особенно чувствителенъ для должностныхъ лицъ, которыя до тѣхъ поръ не подлежали никакой судебной ответственности во время своего нахождения въ должности, а если, послѣ сложения этой должности, и могли быть привлечены къ отвѣту за каждое изъ своихъ дѣяній, то подлежали суду лицъ своего сословія и въ концѣ-концевъ самой общины, къ которой также принадлежали эти послѣдніе. А теперь появилась въ формѣ трибунской юрисдикціи новая сила, которая съ одной стороны могла быть направлена противъ высшаго должностнаго лица даже во время его состоянія въ должности, а съ другой стороны дѣйствовала на знатныхъ гражданъ исключительно черезъ посредство лицъ незнатнаго происхождения и была тѣмъ болѣе тяжелымъ гнѣтомъ, что ни преступленія ни наказанія не были формулированы закономъ. На дѣлѣ оказывалось, что при параллельной юрисдикціи плебейства и общины, имущество, личность и жизнь гражданъ были предоставлены на произволъ сословныхъ собраній двухъ враждовавшихъ между собою партій. — Въ гражданскую юрисдикцію плебейскія учрежденія проникли только въ той степени, что въ особенно важныхъ для плебеевъ процессахъ объ отысканіи свободы консулы лишились права назначать присяжныхъ, а приговоры постановлялись особо для того назначенными «десятью судьями» (*iudices decemviri*, вполнѣдствіи *decemviri litibus iudicandis*). — Къ конкуренціи въ сферѣ юрисдикціи присоединилась и конкуренція въ сферѣ законодательной инициативы. Право созывать сочленовъ и испрашивать ихъ рѣшеніе

Законодательство.

принадлежало трибунамъ уже потому, что безъ него немислима никакая ассоціація. Но имъ было предоставлено это право въ очень широкомъ объемѣ для того, чтобъ право плебеевъ собираться и постановлять рѣшенія было законнымъ образомъ ограждено отъ всякаго посягательства со стороны общинныхъ должностныхъ лицъ и даже самой общины. Впрочемъ то было необходимымъ предварительнымъ условіемъ легальнаго существованія плебейства, чтобъ никто не могъ помѣшать трибунамъ вызывать на плебейскомъ собраніи избраніе ихъ преемниковъ и испрашивать у этого собранія утвержденія уголовныхъ приговоровъ; это право было еще особо утверждено за ними Ициліевскимъ закономъ (262) съ угрозою тяжкаго наказанія всякому, кто перебьетъ рѣчь трибуна или прикажетъ народу расходиться. Само собой разумѣется, что послѣ этого уже нельзя было воспретить трибуну вносить въ плебейское собраніе и другія предложенія, кромѣ избранія своего преемника и утвержденія своихъ приговоровъ. Хотя такія «благоусмотрѣнія толпы» (*plebiscita*) не были настоящими законными народными рѣшеніями, а первоначально имѣли не много болѣе значенія, чѣмъ рѣшенія нашихъ теперешнихъ народныхъ сходокъ; но различіе между народными комиціями и совѣщаніями толпы было не болѣе какъ формальнымъ; поэтому плебеи немедленно стали требовать, чтобъ ихъ постановленія признавались за рѣшенія самой общины и именно съ этой цѣлю былъ изданъ Ициліевскій законъ. — Такимъ образомъ народный трибунъ назначался въ покровители и въ защитники отдѣльныхъ лицъ, въ руководители и предводители всѣхъ вообще; онъ былъ надѣленъ неограниченною судебною властію въ уголовныхъ дѣлахъ для того, чтобъ придать его повелѣніямъ обязательную силу; наконецъ его личность была объявлена неприкосновенной (*sacrosanctus*), такъ какъ всякій, осмѣлившійся посягнуть на его особу или на его служителей, считался не только провинившимся передъ богами, но и передъ людьми достойнымъ смертной казни, какъ еслибы онъ былъ законнымъ путемъ уличенъ въ преступленіи.

Трибуны народной толпы (*tribuni plebis*) произошли отъ военныхъ трибуновъ, отъ которыхъ и получили свое названіе, но легально не имѣли съ ними никакихъ соотношеній. Напротивъ того, по своей власти, народные трибуны стояли наравнѣ съ консулами. Апелляція отъ консула на трибуна и право протеста со стороны трибуна противъ консула были, какъ мы уже ранѣе замѣтили, однородны съ апелляціей консула на консула и съ протестомъ одного консула противъ другаго и были ничѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ общаго юридическаго принципа, что между двумя равноправными лицами запрещающему принадлежитъ первенство надъ повелѣвающимъ. Кромѣ того между трибунами и консулами было сходство въ томъ, что тѣ и другіе назначались первоначально въ одинакомъ

492

Отношенія
трибуна къ
консулу.

числѣ (впрочемъ число трибуновъ было скоро увеличено), тѣ и другіе назначались на одинъ годъ (этотъ срокъ кончался для трибуновъ всегда 10 декабря), и для тѣхъ и другихъ была общей та своеобразная коллегіальность, которая предоставляла каждому отдельному консулу и каждому отдельному трибуну всю принадлежавшую его должности власть во всей ея полнотѣ, а въ случаѣ столкновеній внутри коллегіи не предоставляла рѣшеніе большинству голосовъ, а отдавала предпочтеніе слову «нѣтъ» передъ словомъ «да»; поэтому, когда трибунъ что-либо воспрещалъ, этотъ протестъ имѣлъ обязательную силу, несмотря на оппозицію товарищей; а когда напротивъ того, онъ самъ обвинялъ, каждый изъ его коллегъ могъ остановить его. И консуламъ и трибунамъ принадлежала полная и параллельная уголовная юрисдикція, хотя первые пользовались ею чрезъ посредство другихъ лицъ, а послѣдніе — непосредственно; какъ при первыхъ состояли два квестора, такъ и при вторыхъ состояли два эдила *). Консулы выбирались, конечно, изъ патриціевъ, трибуны изъ плебеевъ. Первымъ принадлежала болѣе полная власть, вторымъ болѣе неограниченная, такъ какъ запрещенію и суду трибуновъ подчинялся консулъ, но запрещенію и суду консуловъ неподчинялся трибунъ. Такимъ образомъ, трибунская власть является копіей съ консульской власти, но тѣмъ не менѣе представляетъ совершенный съ нею контрастъ. Власть консуловъ была по своей сущности положительной, а власть трибуновъ была по всей сущности отрицательной. Только консулы были должностными лицами римскаго народа, а не трибуны, такъ какъ первыхъ выбирало все гражданство, а вторыхъ только плебейская ассоціація. Въ знакъ этого, консулъ являлся публично съ подобающими общинному должностному лицу обстановкой и свитой, а трибуны сидѣли на скамьѣ вмѣсто колесничнаго сѣдалища и не имѣли ни официальной прислуги, ни пурпуровой обшивки, ни вообще какого-либо внѣшняго отличія магистратуры; даже въ общинномъ совѣтѣ трибунъ не только не

*) Что плебейскіе эдилы были подражаніемъ патриціанскимъ квесторамъ точно такъ-же, какъ плебейскіе трибуны были подражаніемъ патриціанскимъ консуламъ, ясно видно какъ изъ уголовного судопроизводства, въ которомъ была различна лишь тенденція, а не компетенція обѣихъ магистратуръ, такъ и изъ того, что касается архива. Храмъ Цереры былъ для эдиловъ тѣмъ-же, чѣмъ былъ для квесторовъ храмъ Сатурна, и первые получили отъ храма свое названіе. Замѣчательно требованіе закона 305 года [Ливій, 3, 55], чтобъ сенатскія рѣшенія вручались въ этомъ храмѣ эдиламъ [стр. 284], между тѣмъ какъ по прежнему обычаю, снова одержавшему верхъ постѣ прекращенія сословной борьбы, они должны были храниться квесторами въ храмѣ Сатурна. Что плебеи имѣли въ теченіе нѣкотораго времени свою особую кассу, которою распоряжались эдилы, точно такъ-же какъ они распоряжались поступающими къ нимъ пенями, весьма вѣроятно, но не можетъ быть достоверно доказано.

предсѣдательствоваль, но даже вовсе не засѣдалъ. Эти замѣчательныя учрежденія, какъ видно, самымъ рѣзкимъ образомъ противопоставляли безусловному приказанію безусловное запрещеніе, и распря какъ бы смягчилась оттого, что вражда между богатыми и бѣдными была облечена въ законныя формы и регулирована.

Но какая-же была польза отъ того, что единство общины было уничтожено, что ея должностныя лица были подчинены контролю такой четвердой власти, которая зависѣла отъ всякой мгновенно вспыхивавшей страсти, что въ самую опасную минуту правительственная дѣятельность могла быть парализована однимъ словомъ котораго-нибудь изъ возсѣдавшихъ на противоположномъ тронѣ вождей оппозиціи; что уголовное судопроизводство, предоставленное всѣмъ должностнымъ лицамъ противныхъ партій, было какъ-бы законнымъ порядкомъ перенесено изъ сферы права въ сферу политики и навсегда искажено? Правда, что хотя трибунатъ и не оказалъ непосредственнаго содѣйствія политическому уравненію сословій, онъ все-таки сдѣлался могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ плебеевъ, когда они стали добиваться доступа къ общиннымъ должностямъ. Но не въ этомъ заключалось настоящее назначеніе трибуната. Онъ былъ учрежденъ благодаря побѣдѣ не надъ политически-привилегированнымъ сословіемъ, а надъ богатыми землевладѣльцами и капиталистами; онъ долженъ былъ доставить простолюдину дешевое правосудіе и соответствующее его интересамъ финансовое управленіе. Этой цѣли онъ не выполнилъ и не могъ выполнить. Трибунатъ могъ воспрепятствовать нѣкоторымъ отдѣльнымъ актамъ несправедливости и вопіющей жестокости; но зло заключалось не въ неточномъ исполненіи справедливыхъ законовъ, а въ томъ, что сами законы были несправедливы, а какъ-же могъ-бы трибунатъ постоянно приостанавливать легальное отправленіе правосудія? еслибы даже онъ и могъ это дѣлать, все-таки это не принесло бы большой пользы, пока не были устранены причины обѣдненія — несправедливое обложеніе налогами, плохая кредитная система и безсовѣстный захватъ государственныхъ земель. Но пускаться на такое предпріятіе не смѣли, очевидно, по той причинѣ, что богатые плебеи не меньше патриціевъ извлекали для себя выгоды изъ этихъ злоупотребленій. Поэтому была создана такая магистратура, которая бросалась въ глаза простолюдину тѣмъ, что могла оказать ему немедленную помощь, но которая не была въ состояніи произвести необходимую экономическую реформу. Она вовсе не служила доказательствомъ политической мудрости, а была плохимъ компромисомъ между богатою знатью и немѣвшею предводителямъ толпой. Утверждали, будто народный трибунатъ предохранилъ Римъ отъ тираніи. Если-бы это и было правдой, то все-таки это не имѣло-бы важнаго значенія; переѣна формы правленія сама по себѣ еще не составляетъ несчастія для народа, а

для Римлянъ несчастіемъ было скорѣе то, что монархія была введена слишкомъ поздно, то-есть послѣ того, какъ физическія и душевныя силы націи истощились. То утвержденіе неосновательно уже и потому, что италійскія государства такъ-же постоянно были избавлены отъ тирановъ, какъ было постоянно появленіе тирановъ въ эллинскихъ государствахъ. Причина этого заключается просто въ томъ, что тиранія повсюду бываетъ послѣдствіемъ всеобщей подачи голосовъ, а Италійцы долше Грековъ не допускали въ общинныя собранія гражданъ, не имѣвшихъ осѣдлости; когда Римъ отступилъ отъ этого правила, не замедлила появиться и монархія; ея появленіе даже находилось въ связи съ трибунскою должностію. Никто не станетъ отрицать, что народный трибунатъ принесъ и нѣкоторую пользу, такъ какъ онъ указалъ оппозиціи законные пути и предохранилъ отъ многихъ несправедливостей; но даже тогда, когда онъ былъ полезенъ, онъ шолъ совсѣмъ не къ той цѣли, для которой былъ учрежденъ. Смѣлая попытка предоставить вождямъ оппозиціи конституціонное *veto* и надѣлать ихъ достаточною властью для исполненія ихъ воли во что бы то ни стало, была сдѣлана за неимѣніемъ лучшаго способа достигнуть цѣли; но она въ политическомъ отношеніи выбила государство изъ его колеи и затянула социальную неурядицу посредствомъ бесплодныхъ паліативныхъ мѣръ.

Дальнѣй- Послѣ того, какъ междоусобица получила правильную организацію, она уже не прекращалась. Партіи стояли лицомъ къ лицу какъ передъ битвой, каждая подъ командой своихъ вождей; одна сторона стремилась къ ограниченію консульской власти и къ расширенію трибунской, а другая къ уничтоженію трибуната; для плебеевъ служили орудіями: легально обезпеченная безнаказанность инсубординаціи, отказъ становиться въ ряды арміи для защиты отечества, иски о наложеніи штрафовъ и наказаній въ особенности на тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя нарушали права общины или только ей чѣмъ-либо неугодили; юнкерская партія съ своей стороны прибѣгала къ насиліямъ, къ соглашенію съ врагами отечества, а при случаѣ и къ кинжалу убійцъ; на улицахъ дѣло доходило до рукопашныхъ схватокъ и обѣ стороны посягали на личную неприкосновенность должностныхъ лицъ. Не мало гражданскихъ семей, какъ рассказываютъ, эмигрировали для того, чтобъ искать въ сосѣднихъ общинахъ болѣе покойнаго мѣста жительства, и этому нетрудно повѣрить. О мощномъ гражданскомъ духѣ народа свидѣтельствуешь не то, что онъ ввелъ у себя такое государственное устройство, а то, что его вынесъ и что община осталась цѣла, не смотря на самыя сильныя внутреннія потрясенія.

Коріоланъ. Самое извѣстное событіе изъ эпохи сословныхъ распрій — исторія храбраго аристократа Гнея Марція, получившаго свое прозвище отъ вятыхъ имъ приступомъ Коріоланъ. Въ 263 году, будучи раздраженъ

отказомъ центурій возвести его въ консулы, онъ предложилъ, по разсказу однихъ, прекратить продажу хлѣба изъ государственныхъ магазиновъ, пока измученный голодомъ народъ не откажется отъ трибуна, по разсказу другихъ—прямо упразднить трибуна. Когда трибуны возбудили противъ него преслѣдованіе, которое влекло за собою смертную казнь, онъ удалился изъ города, но только для того, чтобъ возвратиться во главѣ арміи Вольсковъ; однако въ ту минуту, какъ онъ замышлялъ завоеваніе своего роднаго города для враговъ своего отечества, въ немъ заговорила совѣсть подъ вліяніемъ горячихъ материнскихъ увѣщаній и такимъ образомъ онъ искупилъ одну измѣну другой, а обѣ—своею смертію. Сколько въ этомъ правды, трудно рѣшить; но старое то преданіе, изъ котораго наивная дерзость римскихъ лѣтописцевъ извлекла славу для своего отечества; во всякомъ случаѣ, оно раскрываетъ передъ нами глубокой нравственный и политическій позоръ этихъ сословныхъ распрей. Въ томъ-же родѣ было нападеніе въ 294 году на Капитолій шайки политическихъ бѣглецовъ подъ предводительствомъ Сабинца Аннія Гердонія; они призывали рабовъ къ оружію и только послѣ горячей борьбы и при помощи подоспѣвшихъ Тускуланцевъ удалось гражданскому ополченію одолѣть эту шайку бунтовщиковъ. Такой-же отпечатокъ фанатическаго ожесточенія носить на себѣ другія событія того-же времени; но ихъ историческое значеніе уже не можетъ быть выяснено по живымъ фамильнымъ разсказамъ; сюда, на примѣръ, слѣдуетъ отнести преобладаніе рода Фабіевъ, который поставлялъ съ 269 по 275 годъ одного изъ двухъ консуловъ, реакція противъ этого рода, высыланіе Фабіевъ изъ Рима и ихъ истребленіе Этрусками на берегахъ Бремеры (277). Еще ужаснѣе было умерщвленіе народнаго трибуна Гнея Генуція, который осмѣлился призвать двухъ консуловъ къ отвѣту и утромъ назначеннаго для обвиненія дня былъ найденъ мертвымъ въ своей постели (281). Непосредственнымъ результатомъ этого злодѣянія былъ Публиліевскій законъ. --самый богатый послѣдствіями изъ всѣхъ, какіе встрѣчаются въ римской исторіи. Два чрезвычайно важныхъ нововведенія—организанія плебейскаго собранія по трибамъ и покуда условное уравненіе плебисцита съ формально утвержденнымъ всею общиною закономъ состоялись -- первое несомнѣнно, а второе, вѣроятно, — по предложенію народнаго трибуна Волерона Публилія въ 283 году. До тѣхъ поръ плебей постановляли свои рѣшенія по куріямъ, а на этихъ специально плебейскихъ сходкахъ голоса частію подавались поголовно безъ всякихъ различій по богатству или по осѣлости, частію-же всѣми кліентами знатныхъ аристократическихъ семействъ заодно, вслѣдствіе того, что въ куріальномъ собраніи всѣ члены одного и того-же рода неизбѣжно дѣйствовали какъ одинъ человекъ. И то и другое обстоятельство часто доставляли аристократамъ случай вліять на это собраніе и въ особенности

460

485—479

477

473) Публиліевскій законъ.

471

495

направлять выборъ трибуновъ по своему желанію; теперь и то и другое было отмѣнено новымъ способомъ голосованія по кварталамъ. Сервиевская реформа организовала четыре квартала въ видахъ разложенія воинской повинности; въ нихъ входила равномерно городская земля и загородная (стр. 91); впоследствии—быть можетъ въ 259 году—римская территория была раздѣлена на двадцать округовъ, изъ которыхъ первые четыре были прежніе, заключавшіе въ себѣ городъ съ его ближайшими окрестностями, а остальные шестнадцать были организованы на основѣ родовыхъ волостей изъ самыхъ старинныхъ римскихъ пахатныхъ участковъ (стр. 35). Затѣмъ,—вѣроятно послѣ изданія Публіліевскаго закона и потому, что нечетное число участковъ болѣе удобно при рѣшеніи дѣлъ по голосамъ,—былъ прибавленъ двадцать первый округъ, названный крустумерійскимъ по имени того мѣста, гдѣ плебеи положили начало своей внутренней организаціи и гдѣ былъ учрежденъ трибунатъ (стр. 269); послѣ того особая сходка плебеевъ происходила уже не по куріямъ, а по трибамъ. Въ этихъ округахъ, организованныхъ исключительно на основѣ поземельной собственности, подавали голоса только осѣдлые жители и притомъ безъ всякаго различія между крупными и мелкими землевладѣльцами и въ томъ порядкѣ, какъ жили по деревнямъ; эти собранія по трибамъ, организованныя во всемъ остальномъ по образцу собраній по куріямъ, очевидно, были въ сущности собраніями независимаго средняго сословія, изъ которыхъ съ одной стороны была исключена большая часть вольноотпущенниковъ и кліентовъ, какъ не имѣвшихъ постоянной осѣдлости, и въ которыхъ съ другой стороны самые крупные землевладѣльцы не могли приобрести такого-же сильнаго вліянія, какое имѣли въ центуріяхъ. Такое «сборище толпы» (*comitium plebis*) имѣло еще менѣе права считаться всеобщимъ собраніемъ гражданства, чѣмъ плебейскія сходки по куріямъ, такъ какъ не только, подобно этимъ послѣднимъ, исключало изъ своего состава всѣхъ патриціевъ, но исключало и не имѣвшихъ осѣдлости плебеевъ; но народная масса была въ состояніи настоять на томъ, чтобъ ея рѣшенія считались легально равносильными съ рѣшеніями центурій, если только были предварительно одобрены полнымъ собраніемъ сената. Что это послѣднее постановленіе вошло въ законную силу еще до изданія законовъ Двѣнадцати Таблицъ, не подлежитъ сомнѣнію; но теперь уже трудно рѣшить, было-ли оно введено именно путемъ Публіліевскаго плебисцита или же оно ранѣе того вошло въ силу, благодаря какому-нибудь безслѣдно забытому закону и было только включено въ Публіліевскій плебисцитъ. Точно также остается не рѣшоннымъ, было-ли число трибуновъ увеличено съ двухъ на пять именно Публіліевскимъ закономъ, или же это увеличеніе состоялось ранѣе.— Но всѣ эти мѣропріятія, вызванныя взаимною враждою политическихъ партій, были

Полевой законъ Спурия Кассія.

далеко не такъ цѣлесообразны, какъ попытка Спурія Кассія сокрушить финансовое всемогущество богатыхъ людей и тѣмъ уничтожить настоящій источникъ зла. Онъ былъ патрицій и въ его сословіи никто не стоялъ выше его по рангу и по репутаціи. Послѣ двухъ триумфовъ, состоя въ третій разъ въ должности консула (268), онъ предложилъ гражданской общинѣ измѣрить общинныя земли и частію сдать ихъ въ аренду въ пользу государственной казны, частію раздѣлить ихъ между нуждающимися, — другими словами, онъ попытался вырвать изъ рукъ сената завѣдывавіе государственными землями и, опираясь на гражданство, положить конецъ эгоистическому захвату земель. Онъ могъ надѣяться, что, благодаря его высокимъ личнымъ отличіямъ и благодаря справедливости и благородію предложенной имъ мѣры, эта послѣдняя не потонетъ въ волнахъ человѣческихъ страстей и малодушія; но онъ ошибся. Вся знать возстала, какъ одинъ человекъ; богатые плебеи приняли сторону Кассія, но простолюдины были недовольны тѣмъ, что онъ, сообразуясь съ союзнымъ правомъ и съ справедливостью, хотѣлъ предоставить и латинскимъ союзникамъ слѣдующую имъ долю надѣловъ. Кассій заплатился за свою попытку жизнию, — и есть что-то похожее на правду въ обвиненіи, что онъ хотѣлъ присвоить себѣ царскую власть, такъ какъ онъ дѣйствительно, подобно царямъ, попытался оградить свободныхъ простолюдиновъ отъ своего собственнаго сословія. Предложенный имъ законъ сошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу, но призракъ этого закона съ тѣхъ поръ постоянно мелькалъ передъ глазами богачей и безпрестанно вооставалъ изъ своей могилы, пока вызванныя имъ распри не уничтожили общиннаго устройства въ самой его основѣ.

486

Была также сдѣлана попытка упразднить трибунскую власть, доставивъ простому народу равноправность болѣе правильнымъ и болѣе цѣлесообразнымъ способомъ. Народный трибунъ Гай Терентилій Арса предложилъ въ 292 г. назначить комиссію изъ пяти членовъ для составленія проекта такого общаго земскаго уложенія, которымъ консулы были-бы обязаны руководствоваться въ своихъ судебныхъ рѣшеніяхъ. Но сенатъ отказалъ этому проекту въ своемъ одобреніи и прежде, чѣмъ онъ осуществился, прошло десять лѣтъ, которые были эпохой самой горячей сословной борьбы, усиленной внѣшними войнами и внутренними безпорядками; аристократическая партія постоянно съ одинаковымъ упорствомъ не допускала этотъ законъ до сената, а община постоянно выбирала въ трибуны все однихъ и тѣхъ-же людей. Была сдѣлана попытка устранить нападеніе посредствомъ другихъ уступокъ; въ 297 г. было разрѣшено увеличить число трибуновъ съ пяти на десять, что конечно было сомнительнымъ выигрышемъ; въ слѣдующемъ году состоялся Ициліевскій плебисцитъ, который былъ принять въ число скрѣпленныхъ клятвой привилегій общины и ко-

462

457

454 торый предоставилъ въ наследственное владѣніе бѣднѣйшихъ гражданъ, для возведенія построекъ, Авенгинъ, до тѣхъ поръ считавшійся храмовою рошей и незаселенный. Община приняла то, что ей было предложено, но тѣмъ не менѣе не переставала требовать земскаго уложенія. Наконецъ въ 300 году состоялось соглашеніе; сенатъ уступилъ въ томъ, что было важнѣе всего. Было рѣшено приступить къ составленію земскаго уложенія и для этого выбрать экстраординарнымъ образомъ черезъ центурии десять человекъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ должны были, въ качествѣ высшихъ должностныхъ лицъ, исправлять должность консуловъ (*decemviri consulari imperie legibus scribundis*), а избирать въ это званіе было дозволено не только патрицевъ, но и плебеевъ. Эти послѣдніе были по этому случаю въ первый разъ признаны годными къ избранію, — хотя только на экстраординарную должность. Это былъ большой шагъ впередъ на пути къ полному уравниенію политическихъ правъ и онъ былъ недорого купленъ тѣмъ, что народный трибунатъ былъ уничтоженъ, право разрѣшать апелляціи было прекращено на время существованія децемвирата, а на децемвировъ только была возложена обязанность не посягать на закрѣпленные клятвой общинныя вольности. Однако прежде всего было отправлено въ Грецію посольство съ порученіемъ привезти оттуда Солоновскіе и другіе греческіе законы и только послѣ его возвращенія

 451 были выбраны на 303 годъ децемвиры. Не смотря на то, что было дозволено выбирать и плебеевъ, оказались выбранными исключительно патриціи, — еще такъ была сильна въ то время аристократія; только

 450 въ 304 году, когда понадобились новые выборы, было между прочимъ выбрано и нѣсколько плебеевъ, которые были первыми въ римской общинѣ должностными лицами незнатнаго происхожденія. — Ввѣшивая всѣ эти мѣры въ ихъ совокупности, едва-ли можно приписать имъ иную цѣль, кромѣ попытки замѣнить трибунское заступничество ограниченіемъ консульской власти посредствомъ писаннаго закона. Обѣ стороны, по видимому, пришли къ убѣжденію, что не было возможности долѣе оставаться при прежнихъ порядкахъ и что провозглашеніе безсмѣнной анархіи губило общину, въ сущности никому не принося пользы. Разсудительные люди, должно быть, поняли, что вмѣшательство трибуновъ въ администрацію и ихъ дѣятельность въ качествѣ обвинителей были безусловно вредны и что единственная настоящая польза, которую принесъ трибунатъ простому народу, заключалась въ защитѣ отъ пристрастныхъ судебныхъ рѣшеній благодаря тому, что трибунатъ былъ чѣмъ-то въ родѣ кассационнаго суда, стѣснявшаго произволъ магистратуры. Не подлежитъ сомнѣнію, что когда плебеи стали требовать писаннаго земскаго уложенія, патриціи возражали имъ, что въ такомъ случаѣ оказалось-бы излишнимъ легальное заступничество трибуновъ, и за

тѣмъ, какъ кажется, были сдѣланы обоюдныя уступки. О томъ, что будетъ послѣ изданія земскаго уложенія, быть можетъ, не было ничего положительно условленнаго; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что плебеи окончательно отказались отъ трибуната, такъ какъ вслѣдствіе учрежденія децемвирата могли-бы возстановить трибунатъ не иначе, какъ незаконнымъ путемъ. Данное плебеймъ обѣщаніе, что скрѣпленные клятвой ихъ льготы останутся неприкосновенными, могло относиться къ такимъ правамъ плебеевъ, которыя не зависѣли отъ существованія трибуната, какъ напримѣръ къ праву апелляціи и къ обладанію Авентиномъ. Какъ кажется, было предположено, что децемвиры при выходѣ изъ должности предложить народу не упразднить званія консуловъ, которые будутъ впредь отправлять правосудіе уже не по своему личному произволу, а по писаннымъ законамъ.

Этотъ проектъ можно-бы было назвать мудрымъ, если-бы онъ дѣйствительно могъ осуществиться; все зависѣло оттого, пойдутъ-ли на эту миролюбивую сдѣлку до крайности раздраженные люди обѣихъ партій. Децемвиры 303 года представили свое уложеніе народу; а послѣ того, какъ оно было утверждено народомъ, оно было вырѣзано на десяти мѣдныхъ доскахъ, которыя были прибиты на площади у ораторской трибуны передъ зданіемъ сената. Но такъ какъ повадилось еще дополненіе, то на 304 годъ были снова выбраны децемвиры, прибавившіе еще двѣ таблицы; такимъ образомъ было составлено первое и единственное римское земское уложеніе—законы Дѣвѣнадцати Таблицъ. Оно было результатомъ компромиса и уже по одной этой причинѣ не могло заключать въ себѣ такихъ существенныхъ измѣненій въ прежнемъ законодательствѣ, которыя заходили бы далѣе полицейскихъ и вызванныхъ временными потребностями мѣропріятій. Даже въ сферѣ кредита не было сдѣлано никакого другаго смягченія прежнихъ правилъ, кромѣ установленія максимума процентовъ (10 проц.), по всему вѣроятію болѣе низкаго чѣмъ прежде, и кромѣ угрозы ростовщику тяжелымъ наказаніемъ, которое, замѣчательнымъ образомъ, было болѣе тяжелымъ, чѣмъ наказаніе за воровство; строгое долговое судопроизводство осталось неизмѣннымъ, по меньшей мѣрѣ въ своихъ главныхъ чертахъ. Конечно, еще менѣе могли имѣться въ виду какія-либо измѣненія сословныхъ правъ; напротивъ того, новыми законами были заново утверждены и различія въ правахъ между осѣдлыми и неосѣдлыми жителями, и незаконность брачныхъ союзовъ между знатью и простыми гражданами, а для ограниченія произвола должностныхъ лицъ и для защиты гражданъ было ясно постановлено, что позднѣйшій законъ вообще долженъ имѣть перевѣсъ надъ ранѣе изданнымъ, и что нельзя постановлять никакого народнаго приговора надъ какимъ-нибудь однимъ гражданиномъ. Всего замѣчательнѣе то, что въ уголовныхъ

Законы Дѣвѣнадцати Таблицъ.

451

450

дѣлахъ была отмѣнена аппелляція къ собраніямъ по трибамъ, между тѣмъ какъ она была разрѣшена къ собраніямъ по центуріямъ; отсюда видно, что уголовная юрисдикція была въ дѣйствительности захвачена плебеями и ихъ представителями (стр. 271), и что вмѣстѣ съ трибунатомъ былъ уничтоженъ и трибунскій уголовный судъ, между тѣмъ какъ, быть можетъ, существовало намѣреніе сохранить судъ эдиловъ, присуждавшихъ только къ денежнымъ пенямъ. Дѣйствительное политическое значеніе новыхъ законовъ заключалось не столько въ ихъ мудромъ содержаніи, сколько въ формально возложенной на консуловъ обязанности отправлять правосудіе не иначе, какъ по этимъ формамъ судопроизводства и по этимъ правиламъ, равно какъ въ публичной выставкѣ написанныхъ законовъ, такъ какъ это ставило судъ подъ контроль общественнаго мнѣнія и заставляло консула оказывать всѣмъ безъ различія равное и по истинѣ общее правосудіе.

**Паденіе
децемви-
ровъ.**

Конецъ децемвирата покрытъ глубокимъ мракомъ. Децемвирамъ, какъ рассказываютъ, оставалось только опубликовать содержаніе двухъ послѣднихъ таблицъ и за тѣмъ уступить свое мѣсто ординарной магистратурѣ. Однако они медлили; подъ предлогомъ, что законы еще не готовы, они оставались въ должности даже по истеченіи ея годоваго срока, а это было возможно тѣмъ болѣе потому, что магистратура, призванная экстраординарнымъ образомъ къ пересмотру государственныхъ учреждений, не могла быть, — по римскому государственному праву, — связана назначеннымъ ей срокомъ. Умѣренная фракція аристократинъ, съ Валеріями и Горациями во главѣ, какъ рассказываютъ, попыталась въ сенатѣ вынудить отъ децемвировъ отставку; но глава децемвировъ, Аппій Клавдій, — который всегда былъ непреклоннымъ аристократомъ, а теперь превратился въ демагога и въ тирана, — взялъ верхъ въ сенатѣ и народѣ покорился. Наборъ двойной арміи былъ совершонъ безпрепятственно и были предприняты войны съ Вольсками и съ Сабинами. Тогда былъ найденъ мертвымъ впереди лагеря бывший народный трибунъ Луцій Сикцій Дентатъ — самый храбрый человекъ въ всемъ Римѣ, побывавшій въ ста двадцати сраженіяхъ и носившій на тѣлѣ рубцы отъ сорока пяти ранъ; онъ былъ, какъ рассказывали, предательски умерщвленъ по наущенію децемвировъ. Мысль о необходимости революціи бродила въ умахъ, а поводомъ для ея взрыва послужилъ несправедливый приговоръ Аппія въ дѣлѣ о свободѣ дочери центуріона Луція Вергинія, которая была невѣстой бывшаго народнаго трибуна Луція Ицилія; этотъ приговоръ вырывалъ дѣвушку изъ ея семьи, дѣлая ее несвободной и безправной и побудилъ ея отца вонзить ей на публичной площади въ сердце ножъ для того, чтобъ избавить ее отъ неминуемаго позора. Въ то время, какъ народъ, приведенный въ ужасъ такимъ неслыханнымъ дѣломъ, толпился вокругъ трупа

прекрасной дѣвушки, децемвирь далъ своимъ полицейскимъ служителямъ приказаніе привести къ нему отца, а потомъ и жениха для того, чтобъ немедленно подвергнуть ихъ отвѣтственности за неисполненіе его приговора, который былъ безъапелляціоннымъ. Тогда мѣра переполнилась. Подъ защитой разъяренной толпы, отецъ и женихъ дѣвушки спаслись отъ сыщиковъ деспота и между тѣмъ какъ сенатъ дрожалъ отъ страха и не зналъ на что рѣшиться, появились въ обоихъ лагеряхъ вмѣстѣ съ многочисленными свидѣтелями страшнаго происшествія. О неслыханномъ дѣлѣ было всѣмъ рассказано и передъ взорами каждаго раскрылась та пропасть, которую создало въ гарантіяхъ общественной безопасности отсутствіе трибунскаго заступничества; тогда сыновья повторили то, что было нѣкогда сдѣлано ихъ отцами. Войска снова покинули своихъ начальниковъ и, пройдя въ боевомъ порядкѣ по городу, снова удалились на священную гору, гдѣ снова выбрали своихъ трибуновъ. Децемвиры все еще отказывались сложить съ себя власть; тогда войска появились въ городѣ вмѣстѣ съ своими трибунами и стали лагеремъ на Авентинѣ. Наконецъ, когда междоусобная война уже казалась неизбежной и ежечасно можно было ожидать уличной рѣзни, децемвиры отказались отъ своей незаконно присвоенной и опозоренной власти, а консулы Луцій Валерій и Маркъ Горацій уладили вторичное соглашеніе, которымъ былъ восстановленъ народный трибунатъ. Возбужденное противъ децемвировъ уголовное преслѣдованіе окончилось тѣмъ, что двое изъ нихъ, которые были всѣхъ болѣе виновны — Аппій Клавдій и Спурій Опцій сами лишили себя жизни въ тюрьмѣ; восемь остальныхъ были отправлены въ ссылку, а ихъ имущество было конфисковано въ пользу государства. Дальнѣйшее судебное преслѣдованіе было прекращено благоразумнымъ и умѣреннымъ народнымъ трибуномъ Маркомъ Думіемъ, который своевременно употребилъ въ дѣло свое *veto*.

Такъ гласитъ рассказъ, очевидно, начертанный римскими аристократами; но даже опуская нѣкоторыя побочныя соображенія, не-**Законы Ва-**
возможно повѣрить, чтобъ великій кризисъ, изъ котораго возникли **лерія и Го-**
законы Двѣнадцати Таблицъ, могъ завершиться такими романтическими **рація.**
приключеніями и политическими несообразностями. Послѣ упраздненія царской власти и послѣ учрежденія народнаго трибуната, учрежденіе децемвирата было третьей великой побѣдой плебеевъ, а что противная партія питала ненависть и къ этому нововведенію и къ главѣ децемвировъ Аппію Клавдію, понятно само собой. Плебен достигли этимъ способомъ пассивнаго права избранія въ высшую общинную должность и общаго земскаго уложенія, и конечно не они имѣли основаніе возставать противъ новой магистратуры и съ оружіемъ въ рукахъ возстановлять чисто аристократическій консульскій режимъ. Только аристократическая партія могла преслѣдовать такую цѣль, и

449

когда выбранные частью из патрициевъ и частью из плебеевъ децемвиры попытались остаться въ должности долѣе положеннаго срока, то противъ этого должна была прежде всѣхъ возстать, конечно, знать, которая при этомъ, безъ сомнѣнія, не преминула напомнить плебеямъ, что ихъ права также уменьшились и въ особенности, что у нихъ былъ отнятъ трибунатъ. Когда-же знати удалось устранить децемвировъ, то само собой понятно, что послѣ ихъ паденія плебеи снова взяли за оружіе для того, чтобъ обезпечить за собою результаты какъ первой революціи 260 года, такъ и болѣе поздняго народнаго движенія, а появленіе Валеріевскихъ и Гораціевскихъ законовъ 305 года можно объяснить только какъ компромисъ, которымъ закончилось это столкновеніе. Сдѣлка естественнымъ образомъ была въ пользу плебеевъ и еще разъ значительно уменьшила власть знати. Что народный трибунатъ былъ восстановленъ, что исторгнутое у аристократіи писанное законодательство было окончательно введено въ силу и что консулы были обяваны имъ руководствоваться, разумѣется само собой. Впрочемъ съ введеніемъ этихъ законовъ трибы лишились юрисдикціи по уголовнымъ дѣламъ, которую они себѣ незаконно присвоили; но трибуны получили ее обратно, такъ какъ былъ найденъ путь, дозволявшій имъ вступать въ подобныхъ случаяхъ въ переговоры съ центуріями. Да и оставленнаго за ними права назначать денежныя пени въ неограниченномъ размѣрѣ и представлять свои приговоры на утвержденіе комицій по трибамъ было достаточно для того, чтобъ уничтожить гражданское существованіе всякаго аристократическаго противника. Далѣе, было постановлено центуріями, по предложенію консуловъ, что впредь всякое должностное лице, и стало-быть также диктаторъ, должно допускать при своемъ назначеніи аппелляцію, а кто назначилъ-бы какое-нибудь должностное лице въ противность этому постановленію, тотъ долженъ былъ поплатиться за это своей головой. Въ остальномъ власть диктатора осталась такою-же, какою была прежде, а именно трибуны не могъ кассировать его официальныхъ постановленій такъ-же, какъ кассировалъ постановленія консуловъ. — Дальнѣйшее ограниченіе консульскаго полновластія заключалось въ томъ, что завѣдываніе военной кассой было поручено двумъ избираемымъ общиною казначеямъ (*quaestores*), которые были впервые назначены на 307 годъ. Назначеніе какъ обоихъ новыхъ казначеевъ на военное время, такъ и обоихъ прежнихъ должностныхъ лицъ, завѣдывавшихъ городской кассой, было теперь предоставлено общинѣ; за консуломъ-же осталось, вмѣсто выбора, руководство выборами. Собраніе, на которомъ выбирались казначеи, состояло изъ всѣхъ осѣдлыхъ людей безъ различія патрициевъ отъ плебеевъ и подавало голоса по кварталамъ; это было новой уступкой въ пользу плебейскихъ земледѣльцевъ, вліяніе которыхъ сказывалось гораздо сильнѣе на этихъ

447

сходкахъ, чѣмъ на сходкахъ по центуріямъ. — Еще богаче послѣдствіями было то, что трибуны были допущены къ участию въ сенатскихъ преніяхъ. Впрочемъ сенатъ считалъ для себя униженіемъ допустить трибуновъ въ самую залу засѣданій и потому имъ было отведено мѣсто на скамьѣ у дверей, откуда они могли слѣдить за преніями. Трибунское право протеста было распространено и на постановленія сената въ его полномъ составѣ съ тѣхъ поръ, какъ сенатъ превратился изъ совѣщательнаго собранія въ распорядительное, — а эта перемѣна, безъ сомнѣнія, въ первый разъ произошла тогда, когда плебисцитъ былъ признанъ обязательнымъ для всей общины (стр. 273); естественно, что съ тѣхъ поръ трибунамъ было предоставлено нѣкоторое участіе въ совѣщаніяхъ куріи. Наконецъ, чтобъ предотвратить подлогъ и фальсификацію сенатскихъ рѣшеній, отъ подлинности которыхъ зависѣла и обязательная сила важнѣйшихъ плебисцитовъ, было постановлено, что впредь они будутъ находиться на храненіи не только у патриціанскихъ городскихъ квесторовъ въ храмѣ Сатурна, но и у плебейскихъ эдиловъ въ храмѣ Цереры. Такимъ образомъ эта борьба, предпринятая съ цѣлію упразднить власть народныхъ трибуновъ, окончилась вторичнымъ и на этотъ разъ безповоротнымъ признаніемъ ихъ права кассировать по ихъ усмотрѣнію какъ отдѣльные административные акты по просьбѣ пострадавшихъ отъ нихъ лицъ, такъ и резолюціи высшихъ государственныхъ властей. Какъ личная неприкосновенность трибуновъ, такъ и непрерывное существованіе ихъ коллегій въ полномъ комплектѣ, были снова обезпечены самыми священными клятвами и всѣмъ, что есть въ религійн внушающаго благоговѣйный страхъ, равно какъ самыми ясными узаконеніями. Съ тѣхъ поръ въ Римѣ уже никогда не дѣлалось попытки упразднить эту должность.

ГЛАВА III.

Уравненіе сословіи и новая аристократія.

Сплоченіе
плебеевъ

Волненія, которыя привели къ учрежденію должности трибуновъ, по видимому, были послѣдствіемъ преимущественно соціальной распри, а не политической, и есть основательныя причины предполагать, что не менѣе патриціевъ имъ не сочувствовали нѣкоторые изъ принятыхъ въ составъ сената богатыхъ плебеевъ; это объясняется тѣмъ, что привилегіи, противъ которыхъ было главнымъ образомъ направлено народное движеніе, были выгодны и для тѣхъ богатыхъ плебеевъ; если-же эти послѣдніе и считали себя въ другихъ отношеніяхъ униженными, то они, вѣроятно, не считали своевременнымъ предъявлять свои притязанія на участіе въ занятіи должностей, когда финансовому могуществу сената угрожала опасность. Оттого въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ существованія республики не было сдѣлано ни одного шага, который клонился-бы прямо къ уравненію сословіи въ ихъ политическихъ правахъ.—Однако, въ этомъ союзѣ патриціевъ съ богатыми плебеями не было никакихъ задатковъ прочности. Нѣкоторые изъ знатныхъ плебейскихъ семействъ, безъ сомнѣнія, съ самаго начала примкнули къ революціонной партіи частію изъ сознанія справедливости предъявленныхъ плебеями требованій, частію вслѣдствіе естественной связи между всѣми, кто чувствуетъ себя обиженнымъ, частію изъ убѣжденія, что уступки въ пользу народной массы были рано или поздно неизбежны и что если воспользоваться этими уступками какъ слѣдуетъ, онѣ приведутъ къ уничтоженію привилегій патриціата и вмѣстѣ съ тѣмъ доставятъ плебейской аристократіи рѣшительный перевѣсъ въ государствѣ. Когда это убѣжденіе, какъ и слѣдовало ожидать, охватило болѣе обширныя сферы и плебейская аристократія вступила во главѣ своего сословія въ борьбу съ родовою знатью, она уже имѣла въ своихъ рукахъ легальное орудіе для междоусобной войны въ формѣ трибуната, а при содѣйствіи соціальныхъ недуговъ могла вести эту войну такъ, чтобъ диктовать аристократамъ мирныя условія и, въ качествѣ посредника между двумя партіями, достигнуть доступа къ общественнымъ должностямъ.—Эта перемѣна въ положеніи партій

произошла вслѣдъ за паденіемъ децемвировъ. Тогда уже стало вполне ясно, что народный трибунатъ не можетъ быть устраненъ; поэтому для плебейской аристократіи не представлялось ничего лучшаго, какъ взять въ свои руки могущественный рычагъ и употребить его на устраненіе политической неполноправности ихъ сословія.

Какъ мало было у родовой знати средствъ бороться съ совокупными силами всего плебейства, всего яснѣе видно изъ того факта, что едва прошло четыре года послѣ децемвиральной революціи, какъ уже была однимъ ударомъ уничтожена главная основа аристократической замкнутости—нелегальность браковъ между аристократами и простыми гражданами. Въ 309 году было постановлено Канулеевскимъ плебисцитомъ, что бракъ между аристократами и простыми гражданами будетъ считаться легальнымъ римскимъ бракомъ, и что родившіяся отъ него дѣти будутъ принадлежать къ сословію своего отца. Кроме того, было въ то-же время постановлено, что вмѣсто консуловъ будутъ избираться центуріями военные трибуны съ консульскою властію *) и на такой-же срокъ, какъ прежніе консулы; а такъ какъ военныхъ трибуновъ было въ арміи въ ту пору, то есть до ея раздѣленія на легіоны, шесть, то съ этимъ числомъ

Общность
брака и
должностей

445

Военные
трибуны съ
консульскою
властію.

*) Предположеніе, будто облеченнымъ консульскою властію патриціанскимъ трибунамъ было предоставлено неограниченное полномочіе, а плебейскимъ—только военное полномочіе, не только вызываетъ не мало вопросовъ, на которые нельзя дать никакого отвѣта, — какъ напримѣръ, что произошло-бы въ томъ легально-возможномъ случаѣ, если бы были выбраны только одни завязтые плебеи, — но главнымъ образомъ противорѣчатъ основному положенію римскаго государственнаго права, что *imperium*, то-есть предоставленное граждану право повѣлывать отъ имени общины, качественно недѣлимо и вообще не подлежитъ никакимъ другимъ ограниченіямъ, кромѣ территориальныхъ. Существовала сфера земскаго права и существовала сфера военного права; въ этой послѣдней не имѣли дѣйствія ни апелляціи ни другія земскія постановленія; были и такія должностныя лица, какъ напримѣръ проконсулы, которые могли отправлять свои обязанности только въ послѣдней изъ названныхъ сферъ; но въ строгомъ легальномъ смыслѣ не было ни одного должностнаго лица только съ судебною властію, точно такъ-же какъ не было ни одного должностнаго лица только съ военнымъ полномочіемъ. Проконсулъ, точно такъ-же какъ и консулъ, былъ въ своемъ округѣ и высшимъ военнымъ начальникомъ и высшимъ судьей; онъ имѣлъ право открывать процессъ не только между негражданами и солдатами, но и между гражданами. Даже когда съ учрежденіемъ преторской должности появляется понятіе о предѣлахъ власти для *magistratus maiores*, то это понятіе имѣетъ скорѣе фактическое, чѣмъ юридическое значеніе: хотя городской преторъ былъ прежде всего верховнымъ судьей, но онъ также могъ — по меньшей мѣрѣ въ некоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ, — созывать центуріи и могъ командовать арміей; консулу принадлежали въ городѣ главнымъ образомъ высшая администрація и высшее начальство надъ арміей, но онъ также дѣйствовалъ въ качествѣ верховнаго судьи въ дѣлахъ объ эманципаціи и объ усыновле-

было согласовано и число этих новых должностных лиц. Ближайшей причиной этой перемены были военные соображения, так какъ въ виду частыхъ войнъ требовалось болѣе значительное число высшихъ военачальниковъ, чѣмъ сколько ихъ имѣлось при консульскомъ управленіи; но это нововведеніе имѣло существенную важность и для сословной борьбы, поэтому нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что военная цѣль была въ этомъ случаѣ скорѣе предлогомъ, чѣмъ главной побудительной причиной. Офицерскаго званія могли по прежнимъ законамъ достигать всѣ обяванные нести военную службу граждане или осѣдлые жители (стр. 93), а теперь всѣ свободно-рожденные граждане могли достигать высшей должности, доступъ къ которой былъ для нихъ лишь временно открытъ учрежденіемъ децемвирата. При этомъ возникаетъ вопросъ, какой интересъ имѣла аристократія, — уже отрешаясь отъ исключительнаго занятія высшей должности и уступившая въ томъ, что составляло сущность дѣла, — отказывать плебеямъ въ титулѣ и допустить ихъ къ консульской должности въ такой странной формѣ? *). На это служить отвѣтомъ то, что съ занятіемъ высшей общинной должности были связаны различныя права, частью личныя, частью наследственныя; такъ напримѣръ почести триумфа

ни; стало-быть и здѣсь строго соблюдалась съ обѣихъ сторонъ качественная недѣлимость высшей должности. Такимъ образомъ оказывается, что какъ военная, такъ и судебная должностная власть, или, — выражаясь безъ тѣхъ отвлеченій, которыя были чужды римскому праву того времени, — безусловная должностная власть принадлежала плебейскимъ консулярнымъ трибунамъ наравнѣ съ патриціанскими. Впрочемъ въ высшей степени правдоподобно и предположеніе Беккера [H a n d b. 2, 2, 137], что по тѣмъ-же причинамъ, по которымъ впослѣдствіи была учреждена долго остававшаяся въ рукахъ патриціевъ преторская должность рядомъ съ доступнымъ для всѣхъ сословій консульствомъ, и плебейскіе члены консулярнаго трибуната были фактически устранены отъ судопроизводства и такимъ образомъ консулярный трибунатъ подготовилъ позднѣйшее раздѣленіе компетенціи между консулами и преторами.

*) Когда защитники аристократіи говорятъ, что она настаивала на исключеніи плебеевъ изъ религиозныхъ соображеній, они извращаютъ основной характеръ римской религіи и переносятъ въ древность теперешнюю вражду между церковью и государствомъ. Допущеніе негражданина къ исполненію гражданско-религиозныхъ обрядовъ, конечно, было-бы грѣхомъ въ глазахъ правовѣрнаго Римлянина; но ни одинъ изъ самыхъ строгихъ блюстителей истинной вѣры никогда не сомнѣвался въ томъ, что зависѣвшее единственно отъ государства принятіе новыхъ членовъ въ гражданскую общину, влекло за собою и полную религиозную равноправность. Всѣ эти колебанія совѣсти, сами по себѣ не допускающія сомнѣнія въ своей искренности, исчезли-бы съ своевременнымъ допущеніемъ всѣхъ плебеевъ въ составъ патриціата. Въ защиту аристократіи можно сказать только то, что пропустивъ при упраздненіи царской власти удобную минуту для такой реформы, она потомъ и сама уже не была въ состояніи навестать потеряннаго [стр. 257].

легально обуславливались занятіемъ высшей общинной должности и до нихъ никогда не допускался военачальникъ, лично въ этой должности не состоявшій; кромѣ того потомки курульнаго сановника имѣли право выставлять изображение такого предка въ своемъ фамильномъ залѣ, а въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, даже публично, между тѣмъ какъ выставляли такимъ образомъ изображенія другихъ предковъ не дозволялось *). Такъ-же легко объяснить, какъ трудно оправдать тотъ фактъ, что господствовавшее сословіе всего упорнѣе отстаивало не самую власть, а связанныя съ ней почетныя отличія, въ особенности тѣ, которыя были наследственными и что когда оно было принуждено раздѣлить власть съ плебеями, оно предоставило фактически-высшему должностному лицу общины не положеніе лица, занимавшаго курульное сѣдалище, а положеніе простаго штабъ-офицера, отличія котораго были чисто-личными. Еще важнѣе, чѣмъ лишеніе права чтить предковъ и чѣмъ лишеніе почестей триумфа, было въ политическомъ отношеніи то обстоятельство, что устраненіе застѣвавшихъ въ сенатѣ плебеевъ отъ участія въ преніяхъ неизбежно должно было прекратиться для тѣхъ изъ нихъ, которые, въ качествѣ назначенныхъ или бывшихъ консуловъ, вступали въ разрядъ тѣхъ сенаторовъ, у которыхъ слѣдовало спрашивать ихъ мнѣніе прежде всѣхъ другихъ; поэтому для аристократіи было очень важно, чтобъ плебеи допускались только до консульской должности, но не до консульскаго званія. — Однако, не смотря на эти обидныя оговорки, родовыя привилегіи были легально устранены новымъ учрежденіемъ патриціевъ. Оппозиція патриціевъ. въ томъ, что въ нихъ имѣло политическій вѣсъ, и если-бы римская знать была достойна своего названія, она должна-бы была тогда-же прекратить борьбу. Но она этого не сдѣлала. Хотя разумное и легальное сопротивленіе уже стало невозможнымъ, все-таки еще было открыто широкое поле для упрямой оппозиціи при помощи мелкихъ уловокъ и придирокъ, и хотя въ этомъ сопротивленіи нельзя усмотрѣть ни добросовѣстности ни государственной мудрости, оно имѣло въ нѣкоторомъ отношеніи успѣхъ. Хотя оно, въ концѣ-концевъ, доставило простолюдину такія уступки, которыя было-бы не легко вынудить отъ дѣйствовавшей соединенными силами аристократіи, но оно также продлило междоусобную войну на цѣлое столѣтіе и, не смотря на вышеупомянутые законы, фактически сохранило въ рукахъ аристократіи власть еще при нѣсколькихъ поколѣніяхъ. — Средства,

*) Вопросъ о томъ, придавалось-ли когда-либо въ средѣ патриціевъ важное политическое значеніе отличію такихъ „курульныхъ семействъ“ отъ остальныхъ, не можетъ быть съ достовѣрностью рѣшенъ ни въ отрицательномъ смыслѣ, ни въ утвердительномъ; мы почти ничего не знаемъ и о томъ, дѣйствительно-ли еще существовали въ ту эпоху патриціанскія фамиліи, не принадлежавшія къ числу курульныхъ.

къ которымъ прибѣгала аристократія, были такъ-же разнообразны, какъ и возникавшіе политическіе вопросы. Въмѣсто того, чтобъ разомъ навсегда рѣшить вопросъ о допущеніи или недопущеніи плебеевъ къ выбору въ должности, аристократы соглашались только на то, чему не были въ состояніи воспротивиться, и только до слѣдующихъ выборовъ; поэтому ежегодно возобновлялась бесплодная борьба изъ за того, слѣдуетъ-ли выбрать изъ среды патриціевъ консула, или-же изъ среды обоихъ сословіи военныхъ трибуновъ съ консульскою властію, а умѣнье одолѣвать противника утомленіемъ и скукой было въ рукахъ аристократіи вовсе не послѣднимъ оружіемъ. — Затѣмъ аристократія раздробила бывшую до тѣхъ поръ недѣлимой высшую власть, для того чтобъ отдалить время неизбежнаго пораженія, увеличивъ число пунктовъ для нападенія. Такъ напримѣръ, составленіе бюджета, равно какъ гражданскихъ и податныхъ списковъ, обыкновенно производившееся черезъ каждые три года въ четвертый, до той поры возлагалось на консуловъ, а въ 319 году было возложено на двухъ оцѣнщиковъ (*с е п с о г е с*), назначавшихся центуріями изъ среды знати самымъ длиннымъ срокомъ на восемнадцать мѣсяцевъ. Эта новая должность мало-по-малу сдѣлалась оплотомъ аристократической партіи не столько вслѣдствіе своего вліянія на финансовое управленіе, сколько вслѣдствіе связаннаго съ нею права замѣщать вакантныя мѣста въ сенатѣ и въ сословіи всадниковъ и при составленіи списковъ сенаторовъ, всадниковъ и гражданъ, исключать изъ нихъ отдѣльныя личности; впрочемъ въ ту эпоху цензорская должность еще не имѣла того высокаго значенія и нравственнаго полновластія, какія приобрѣла впоследствии. — Напротивъ того, важная перемѣна, произведенная въ 333 году въ квестурѣ, съ избыткомъ вознаградила плебеевъ за эготъ успѣхъ аристократической партіи. Патриціанско-плебейское собраніе по кварталамъ постановило, что къ выборамъ въ квесторы будутъ допускаемы и плебейскіе кандидаты, быть можетъ, основываясь на томъ, что по меньшей мѣрѣ оба военныхъ вазначей фактически были скорѣе офицерами, чѣмъ гражданскими должностными лицами и что, стало-быть, плебей способенъ занимать должность квестора точно такъ-же, какъ и должность военнаго трибуна; этимъ плебей въ первый разъ приобрѣли кромѣ права выбирать и право быть выбранными на одну изъ постоянныхъ должностей. И не безъ основанія одна сторона считала за важную побѣду, а другая за тяжелое пораженіе тотъ фактъ, что съ тѣхъ поръ и патриціи и плебей были признаны одинаково способными и выбирать и быть выбранными въ должности какъ военныхъ, такъ и городскихъ казначеевъ. — Не смотря на самое упорное сопротивленіе, аристократія терпѣла одно пораженіе вслѣдъ за другимъ, а ея раздраженіе усиливалось по мѣрѣ того, какъ она утрачивала прежнее могущество. Однако она все еще пыталась

Дробленіе
высшей
должности.
Цензоры.

435

Квестура.

421.

отнять у общины права, обезпеченныя за нею взаимнымъ соглаше-
ніемъ; но попытки такого рода были не столько хорошо обдуман-
ными манёврами, сколько проявленіями безсильнаго озлобленія. Та-
ково было и судебное преслѣдованіе противъ Мелія въ томъ видѣ,
какъ оно описано въ дошедшихъ до насъ, не достойныхъ большаго
довѣрія, преданіяхъ. Богатый плебей Спурій Мелій продавалъ во время
тяжелой для народа дороговизны (315) хлѣбъ по такимъ низкимъ
цѣнамъ, что этимъ пристыдилъ и оскорбилъ зрителя магазиновъ
(*praefectus annonae*) патриция Гайя Минуція. Этотъ послѣд-
ній обвинилъ Мелія въ стремленіи къ царской власти; мы, конечно,
не въ состояніи рѣшить, было-ли основательно такое обвиненіе, но
едва-ли можно повѣрить, чтобъ человѣкъ, даже не бывший никогда
трибуномъ, могъ серьезно помышлять о тираніи. Однако власти
серьезно взялись за это дѣло, а обвиненія въ стремленіи къ цар-
ской власти всегда производили въ Римѣ на народную толпу такое
же дѣйствіе. какое производили на англійскія народныя массы обви-
ненія въ папизмѣ. Избранный въ шестой разъ консуломъ, Титъ
Квинктій Капитолинъ назначилъ восьмидесяти-лѣтняго Луція Квинк-
тія Цинцинната диктаторомъ безъ апелляціи—въ явное нарушеніе
скрѣпленныхъ клятвою законовъ (стр. 284). Вызванный къ дикта-
тору, Мелій сдѣлалъ видъ, будто ненамѣренъ подчиняться получен-
ному приказанію; тогда его собственноручно убилъ начальникъ кон-
ницы диктатора Гай Сервилій Агала. Домъ убитаго былъ разрушенъ
до основанія, хлѣбъ изъ его магазиновъ былъ розданъ народу да-
ромъ, а тѣ, которые грозили отмстить за его смерть, были неглас-
нымъ образомъ удалены. Это позорное юридическое убійство, — по-
зорное еще болѣе для легковѣрнаго и ослѣпленнаго народа, чѣмъ
для коварной юнкерской партіи, — осталось безнаказаннымъ; но если
эга партія надѣялась этимъ путемъ подкопаться подъ право апел-
ляціи, то она бесполезно нарушила законы и бесполезно пролила
невинную кровь. — Но болѣе дѣйствительными, чѣмъ всѣ другія сред-
ства, оказались въ рукахъ аристократіи интриги на выборахъ и
поповскія плутни. Какъ хитро велись интриги, всего лучше видно
изъ того, что уже въ 322 году было признано необходимымъ издать
особый законъ противъ продѣлокъ на выборахъ, который, какъ и
слѣдовало ожидать, не принесъ никакой пользы. Если не удавалось
повліять на избирателей подкупомъ или угрозой, то за дѣло брались
распорядители выборовъ: такъ напримѣръ, они допускали такъ много
плебейскихъ кандидатовъ, что голоса оппозиціи раздѣлялись между
этими кандидатами и пропадали безъ всякой пользы, или же они устраи-
вали изъ списка тѣхъ кандидатовъ, которыхъ намѣревалось выбрать
большинство. Если-же, не смотря на всѣ усилія, исходъ выборовъ оказы-
вался неудовлетворительнымъ, то спрашивали жрецовъ: не случилось
ли при птицегаданіи или при совершеніи какихъ-нибудь другихъ рели-

439

Интриги
аристо-
кратіи.

432

гіозныхъ обрядовъ чего-нибудь такого, что доказывало-бы недѣйствительность выборовъ, а жрецы всегда находили то, что отъ нихъ требовалось. Не заботясь о послѣдствіяхъ своего образа дѣйствій и пренебрегая мудрымъ примѣромъ своихъ предковъ, аристократія довела дѣло до того, что мнѣнія принадлежавшихъ въ жреческимъ коллегіямъ свѣдущихъ людей о предзнаменованіяхъ птичьяго полета, чудесъ и другихъ подобныхъ вещей сдѣлались юридически обязательными для должностныхъ лицъ, и что эти свѣдущіе люди могли признать недѣйствительнымъ въ религіозномъ отношеніи и кассировать всякій государственный актъ—будь это освященіе храма или какое-либо другое административное распоряженіе, будь это законъ или результатъ выборовъ. Такимъ-же путями аристократія достигла того, что только въ 345 году былъ въ первый разъ выбранъ въ званіе квестора плебей, хотя право плебеевъ быть выбранными въ это званіе было легально установлено еще въ 333 году и съ тѣхъ поръ оставалось въ законной силѣ; точно такъ и должность военныхъ трибуновъ съ консульскою властію почти исключительно занимали до 354 года патрици. На дѣлѣ оказалось, что легальная отмѣна привилегій аристократіи еще вовсе не сравняла плебейскую знать съ родовой аристократіей. Къ этому вело совпаденіе различныхъ причинъ: упорное сопротивленіе аристократіи было легче сломить въ моментъ горячаго увлеченія въ-какомъ нибудь теоретическомъ вопросѣ, чѣмъ постоянно сдерживать при ежегодно возобновлявшихся выборахъ; но главной причиной было отсутствіе единодушія между вождями плебейской аристократіи и массою земледѣльческаго населенія. Голоса средняго сословія преобладали въ комиціяхъ, но это сословіе не находило основанія поддерживать неродовую знать, пока его собственныя требованія встрѣчали со стороны плебейской аристократіи не менѣе сильное противодѣйствіе, чѣмъ со стороны патриціевъ.

Бѣдствен- Соціальные вопросы вообще оставались въ покоѣ во время этой
ное положеніе земле- политической борьбы, или же затрогивались безъ особой энергіи.
дѣльческаго Съ тѣхъ поръ, какъ плебейская аристократія стала распоряжаться
сословія. трибунатомъ для своихъ собственныхъ цѣлей, не было серьезной рѣчи ни о государственныхъ земляхъ ни о реформѣ кредитной системы, хотя не мало было и вновь прибрѣтенныхъ земель и разорявшихся земледѣльцевъ. Хотя иногда и производилась раздача земельныхъ участковъ во вновь завоеванныхъ пограничныхъ областяхъ, какъ напримѣръ въ 312 году въ Ардеатской, въ 336 году въ Лабиканской, въ 361 году въ Вейентской, но это дѣлалось не столько съ цѣлію помочь земледѣльцу, сколько по военнымъ соображеніямъ и далеко не въ достаточномъ размѣрѣ. Правда, нѣкоторые изъ трибуновъ пытались возстановить законъ Кассія, такъ напримѣръ Спуриій Мецилій и Спуриій Метилій предложили въ 337 году раздѣлить всѣ государ-

409

4 21

400

442 418

393

417

ственные земля; но,—что очень хорошо характеризует тогдашнее положение,—ихъ попытки не имѣли успѣха вслѣдствіе противо-дѣйствія со стороны ихъ собственныхъ товарищей, то-есть со стороны плебейской аристократіи. И между патриціями были люди, пытавшіеся облегчить общую нужду, но имѣли такъ-же мало успѣха, какъ и Спурий Кассій. Маркъ Манлій,—который былъ такой-же патрицій, какъ и Спурий Кассій, также славился военными под-вигами и личной храбростью и былъ сверхъ того извѣстенъ тѣмъ, что спасъ городской замокъ во время его осады Галлами,—высту-пилъ передовымъ бойцомъ за угнетенныхъ людей, съ которыми его связывали узы военного товарищества и глубокая ненависть къ его сопернику, прославленному полководцу и вождю аристократической партіи Марку Фурию Камиллу. Когда одинъ храбрый офицеръ былъ приговоренъ къ заключенію въ долговую тюрьму, Манлій вступился за него и выкупилъ его на свой счетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пу-стилъ свои земли въ продажу, заявивъ во всеуслышаніе, что пока будетъ владѣть хоть одною пядью земли, не допустить такихъ не-справедливостей. Этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобъ возста-новить противъ опаснаго нововводителя всю правительственную партію—какъ патриціевъ, такъ и плебеевъ. Судебное преслѣдова-ніе за государственную измѣну и обвиненіе въ намѣреніи возста-новить царскую власть подѣйствовали на ослѣпленную народную толпу съ такою-же волшебною силой, какую обыкновенно имѣютъ стереотипныя фразы политическихъ партій; она сама осудила его на смерть, а его слава принесла ему только ту пользу, что народъ былъ собранъ для постановленія смертнаго приговора на такомъ мѣстѣ, откуда не могъ видѣть утеса съ замкомъ, который могъ-бы ему напомнить о спасеніи отечества отъ крайней опасности тѣмъ самымъ человекомъ, котораго теперь отдавали въ руки палача (370).—Между тѣмъ, какъ попытки реформъ подавлялись въ самомъ зародышѣ, неурядица становилась все болѣе и болѣе невыносимой, такъ какъ съ одной стороны государственная земельная собствен-ность все болѣе и болѣе увеличивалась, благодаря удачнымъ вой-намъ, а съ другой стороны земледѣльческое сословіе все болѣе и болѣе обременялось долгами и бѣднѣло въ особенности вслѣдствіе тяжелой войны съ Вейентами (348—358) и вслѣдствіе обращенія столицы въ пепель во время галльскаго нашествія (364). Однако, когда оказалось необходимымъ для веденія войны съ Вейентами продлить срокъ солдатской службы и держать армию въ сборѣ не въ лѣтнюю только пору, какъ это дѣлалось прежде, а также въ теченіе всей зимы, и когда земледѣльцы, предвидя совершенное разореніе своихъ хозяйствъ, вознамѣрились отказать въ своемъ согласіи на объявле-ніе войны, сенатъ рѣшился сдѣлать важную уступку: онъ принялъ на счетъ казны, то-есть на счетъ доходовъ отъ косвенныхъ на-

384

406—396
390

406

договъ и съ государственныхъ земель уплату солдатскаго жалованья, которая до тѣхъ поръ производилась округами путемъ раскладки (348). Только на случай, если-бы государственная касса была пуста и нечѣмъ было уплачивать жалованье, было рѣшено обложить всѣхъ налогомъ (*tributum*), который, впрочемъ, считался принудительнымъ займомъ, подлежащимъ возврату. Эта мѣра была и справедлива и разумна; но она не была основана на прочномъ фундаментѣ—на дѣйствительномъ обращеніи государственныхъ земель въ пользу казны; поэтому къ увеличившемуся бремени военной службы присоединилось частое обложение налогами, которые разоряли простолюдиновъ нисколько не менѣе оттого, что официально считались не налогами, а займами.

Союзъ плебейской аристократіи съ земледѣльцами противъ родовой знати. Лициніевскіе и Сенстіевскіе законы. При такомъ положеніи дѣлъ, что плебейская аристократія была фактически лишена политической полноправности вслѣдствіе сопротивленія родовой знати и равнодушія общины, а нуждавшіеся земледѣльцы не были въ состояніи бороться съ сомкнутыми рядами знати, пришлось прибѣгнуть къ добровольному соглашенію. Съ этою цѣлю народные трибуны Гай Лициній и Луцій Секстій предложили общинному сходу: съ одной стороны, упразднить трибунатъ съ консульскою властію, установить, что по меньшей мѣрѣ одинъ изъ консуловъ долженъ быть плебей и затѣмъ открыть плебеямъ доступъ въ одну изъ трехъ главныхъ жреческихъ коллегій—въ коллегію «хранителей оракуловъ» (*duoviri sacris faciundis*, стр. 177), въ которой слѣдовало увеличить число членовъ до десяти; съ другой стороны,—въ томъ, что касается государственныхъ земель,—не дозволить никому изъ гражданъ пасти на общественныхъ выгонахъ болѣе ста быковъ и пяти-сотъ барановъ; никому не дозволить брать изъ свободныхъ государственныхъ земель во временное владѣніе (*oscuratio*) болѣе пяти-сотъ югеровъ (= 494 прусскихъ моргена); обязать земледѣльцевъ употреблять для воздѣлыванія ихъ полей определенное число свободныхъ работниковъ соразмѣрно съ числомъ ихъ пахотныхъ рабовъ, и наконецъ облегчать положеніе должниковъ вычетомъ изъ капитала уплаченныхъ процентовъ и рассрочкой уплаты остаточной части долга. — Тенденція этихъ постановленій очевидна сама собой. Они должны были отнять у родовой знати право исключительно занимать курульня должности и связанные съ этимъ правомъ наследственныя отличія; замѣчательно, что этой цѣли надѣялись достигнуть только тѣмъ, что легально устранили знать отъ занятія второй консульской должности. Вслѣдствіе этого надѣялись возвысить плебейскихъ членовъ сената изъ ихъ второстепеннаго положенія безгласно присутствующихъ (стр. 255) по меньшей мѣрѣ настолько, что тѣ изъ нихъ, которые уже были консулами, получали право подавать свои мнѣнія вмѣстѣ съ пат-

рицианскими консулами прежде других патрицианских сенаторов (стр. 255. 289). Далѣ предполагалось отнять у родовой знати исключительное обладаніе жреческими должностями; по легко понятнымъ причинамъ, стариннымъ гражданамъ предоставляли старыя латинскія жреческія коллегіи Авгуровъ и Понтификовъ, но требовали допущенія новыхъ гражданъ въ третью большую коллегію, которая возникла въ болѣе позднюю пору и первоначально принадлежала къ иноземному культу. Наконецъ имѣлось въ виду допустить мелкій людъ къ пользованію общими гражданскими льготами, облегчить тяжелое положеніе должниковъ и доставить занятіе оставшимся безъ работы поденщикамъ. Упраздненіе привилегій, гражданское равенство и социальная реформа—вотъ тѣ три великія идеи, которыя предполагалось осуществить на дѣлѣ. Тщетно прибѣгала аристократія къ самымъ крайнимъ мѣрамъ въ своемъ сопротивленіи этимъ законопроектамъ; даже диктатура, даже престарѣлый герой Камиллъ были въ состояніи только замедлить ихъ утвержденіе, но не могли его предотвратить. И народъ охотно сталъ-бы поддерживать предложенныя постановленія: ему не было никакого дѣла ни до консульства ни до должности охранителей оракуловъ, лишь-бы только ему облегчили бремя долговъ и допустили его къ пользованію общественной земли. А плебейская знать не даромъ была популярна; она соединила всѣ предложенія въ одинъ законопроектъ, который послѣ долгой, какъ говорятъ, одинадцатилѣтней борьбы наконецъ былъ утвержденъ сенатомъ и вступилъ въ 387 году въ силу.

367

Вмѣстѣ съ избраніемъ перваго плебейскаго консула, павшимъ на одного изъ виновниковъ этой реформы, на бывшаго народнаго трибуна Луція Секстія Латерана, существованіе родовой знати перестало принадлежать къ числу римскихъ политическихъ учрежденій и фактически и легально. Когда, вслѣдъ за утвержденіемъ новыхъ законовъ, передовой боецъ родовой знати, Маркъ Фурій Камиллъ воздвигъ святилище «согласія» у подошвы Капитолія надъ стариннымъ мѣстомъ гражданскихъ общественныхъ трапезъ—Комиціемъ, гдѣ сенатъ по обыкновенію часто собирался, то всѣ охотно повѣрили, что онъ этимъ хотѣлъ выразить увѣренность въ прекращеніи слишкомъ долго тянувшейся распри. Религиозное освященіе новаго единства общины было послѣднимъ официальнымъ актомъ престарѣлаго воина и государственнаго челоуѣка и достойнымъ образомъ завершило его долготѣнее и славное поприще. И онъ не вполнѣ ошибся: самые прозорливые члены родовой знати съ тѣхъ поръ открыто признавали свои политическія привилегіи утраченными и были довольны тѣмъ, что раздѣляли правительственную власть съ плебейскою аристократіей. Однако въ средѣ большинства патрициевъ неисправимое юнкерство не измѣнило самому себѣ. Въ силу привилегій, которую во всѣ времена присвоивали себѣ передовые бойцы легитимизма, под-

Патриціатъ
утрачиваетъ
свое политическое
вліаніе.

343

чиняться только тѣмъ законамъ, которые были согласны съ интересами ихъ партіи, римская знать еще не разъ дозволяла себѣ выбирать обоихъ консуловъ изъ среды патриціевъ въ явное нарушение установленныхъ соглашеніемъ правилъ; однако, когда въ отвѣтъ на выборы такого рода, состоявшіеся въ 411 году, община въ слѣдующемъ году формально постановила дозволить назначеніе непатриціевъ на обѣ консульскія должности, аристократія поняла заключавшуюся въ этомъ постановленіи угрозу и уже болѣе не осмѣливалась мѣтить на вторую консульскую должность. — Знать нанесла самой себѣ рану и тогда, когда попыталась, — по случаю проведенія Лициніевскихъ законовъ, — сохранить хоть нѣкоторые остатки своихъ прежнихъ привилегій при помощи разныхъ политическихъ урѣзываній и недовѣщиваній. Подъ предлогомъ, что только одна знать обладаетъ званіемъ законовъ, судебная часть была отдѣлена отъ консульской должности въ то время, какъ къ занятію этой должности предполагалось допустить плебеевъ, и для отправленія правосудія былъ назначенъ особый третій консулъ, обыкновенно носившій названіе претора. Точно такъ-же, надзоръ за рынками и связанное съ нимъ полицейское судопроизводство, равно какъ распреженіе городскимъ праздникомъ были возложены на двухъ вновь назначенныхъ эдиловъ, которые вслѣдствіе ихъ непрерывной юрисдикціи и въ отличіе отъ плебейскихъ эдиловъ были названы курульными (aediles curules). Однако званіе курульных эдиловъ немедленно стало доступнымъ и для плебеевъ, такъ какъ было установлено, что патриціанскіе эдилы должны ежегодно чередоваться съ плебейскими. Кромѣ того плебеямъ былъ открытъ доступъ: за годъ до изданія Лициніевскихъ законовъ (386) къ должности начальника конницы, въ 398 году къ диктатурѣ, въ 403 году къ цензорской должности, въ 417 году къ преторской должности и около того-же времени (415) знать была устранена отъ занятія одной изъ цензорскихъ должностей, какъ ранѣе того была устранена отъ занятія одной изъ консульскихъ должностей. Ни къ чему не привело и то, что одинъ патриціанскій Авгуръ усмотрѣлъ въ избраніи плебейскаго диктатора (427) какіе-то тайные, недоступные для взоровъ непосвященнаго люда, недостатки, а патриціанскій цензоръ не позволялъ своему коллегѣ до окончанія этого періода (474) совершать торжественное жертвоприношеніе, которымъ заканчивалась таксація; такія придирки только свидѣтельствовали объ озлобленіи юнкерства. Также не могли ничего измѣнить протесты патриціанскихъ предсѣдателей сената противъ участія плебеевъ въ сенатскихъ преніяхъ; напротивъ того, было принято за неизмѣнное правило, что будетъ спрашиваться мнѣніе не патриціанскихъ членовъ сената, а тѣхъ, которые занимали одну изъ трехъ высшихъ ординарныхъ должностей — должность консула, претора или курульнаго эдила, и не иначе, какъ именно въ этомъ

Преторъ.

Курульные эдилы.

Полная общность должностей и жреческихъ званий.

368
356 351
337
339

327
280

порядкѣ и безъ различія сословій, между тѣмъ какъ тѣ сенаторы, которые не занимали ни одной изъ этихъ должностей, могли принимать участіе только въ подачѣ голосовъ. Наконецъ, право патриціанскаго сената отвергать постановленія общины, какъ противозаконныя, — право, которымъ онъ и безъ того уже едва осмѣлился-бы часто пользоваться, — было у него отнято въ 415 году Публиліевскимъ закономъ и изданнымъ не ранѣе половины пятаго столѣтія Меніевскимъ закономъ въ такой формѣ, что ему было предоставлено предъявлять его конституціонныя возраженія при опубликованіи списка кандидатовъ или при внесеніи законопроекта, а на практикѣ это вело къ тому, что онъ постоянно заранѣе выражалъ свое одобреніе. Въ этомъ видѣ чисто-формальнаго права, утвержденіе народныхъ постановленій оставалось за знатью до послѣднихъ временъ республики. — Понятно, что родовая знать дольше удержала за собой свои религіозныя привилегіи; противная партія даже никогда не касалась нѣкоторыхъ изъ этихъ привилегій, вовсе не имѣвшихъ политическаго значенія, какъ на примѣръ исключительнаго права патриціевъ занимать должности трехъ высшихъ Фламиновъ и жертвеннаго царя и быть членами братства Скакуновъ. Но двѣ коллегіи Понтификовъ и Авгуровъ были такъ важны по своему значительному вліянію на суды и на комиции, что ихъ нельзя было оставлять въ исключительной власти патриціевъ; поэтому Огульіевскій законъ 454 года открылъ въ нихъ доступъ для плебеевъ, увеличивъ число Понтификовъ и число Авгуровъ съ шести на десять и равномерно раздѣливъ въ обѣихъ коллегіяхъ мѣста между патриціями и плебеями. — Послѣднимъ актомъ двухъ-сотъ-лѣтней распри былъ вызванный опаснымъ народнымъ возстаніемъ законъ диктатора К. Гортеніа (465—468), установившій въ замѣнъ прежняго условнаго — безусловное равенство постановленій всей общины съ плебисцитами. И такъ обоюдныя отношенія измѣнились настолько, что та часть гражданства, которая когда-то одна имѣла право голоса, уже совершенно не спрашивалась при обычной формѣ обязательныхъ для всего гражданства рѣшеній по большинству голосовъ.

Съ этихъ поръ можно считать въ сущности оконченной борьбу между римскою родовою знатью и простымъ народомъ. Хотя знать и сохранила изъ прежнихъ обширныхъ привилегій фактическое обладаніе одною изъ консульскихъ должностей и одною изъ цензорскихъ должностей, но она была легально устраниена отъ трибуната, отъ должности плебейскихъ эдиловъ, отъ второй консульской должности и отъ второй цензорской должности, равно какъ отъ участія въ голосованіяхъ плебса, поставленныхъ закономъ наравнѣ съ голосованіями всего гражданства; въ справедливое наказаніе патриціевъ за ихъ криводушное и упрямое сопротивленіе, ихъ прежнія привилегіи превратились для нихъ въ столько-же лишеныя правъ.

339

300

Уравненіе
закона съ
плебисци-
томъ.
289—286

Позднѣйшее
юнкерство.

Но оттого, что римская родовая знать сдѣлалась безсодержательнымъ названіемъ, она отнюдь не исчезла. Чѣмъ болѣе она утрачивала свое значеніе и силу, тѣмъ чище и исключительнѣе былъ развивавшійся въ ней юнкерскій духъ. Высокомѣріе «Рамновъ» пережило нѣсколькими столѣтіями послѣднюю изъ ихъ сословныхъ привилегій; послѣ того, какъ знать долго и упорно пыталась «вытащить консульскую должность изъ плебейской грязи» и наконецъ съ горестью убѣдилась въ невозможности достигнуть этой цѣли, она все-таки не переставала съ затаенной злобой публично щеголять своею знатностью. Чтобъ составить себѣ вѣрный взглядъ на исторію Рима въ пятомъ и шестомъ столѣтіяхъ, не слѣдуетъ терять изъ виду это напыщенное юнкерство; хотя оно и не могло ничего сдѣлать, кромѣ того, что причиняло досаду и себѣ и другимъ, но эту задачу оно выполняло по мѣрѣ своихъ силъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія Огульниевскаго закона (458) оно позволило себѣ очень характеристичную выходку въ этомъ родѣ: одна патриціанка, вышедшая замужъ за знатнаго и достигшаго высшихъ общественныхъ должностей плебея, была исключена за этотъ неравный бракъ изъ аристократическаго дамскаго общества и не была допущена къ участию въ праздникъ «цѣломудрія»; послѣдствіемъ этого было то, что съ тѣхъ поръ стали чтить въ Римѣ особую богиню аристократическаго цѣломудрія и особую богиню цѣломудрія плебейскаго. Конечно, выходки этого рода не имѣли большой важности и лучшая часть родовою знати вообще держалась въ сторонѣ отъ такой безпокойной и раздражительной политики; тѣмъ не менѣе онѣ оставили послѣ себя въ обѣихъ партіяхъ чувство глубокаго неудовольствія и между тѣмъ, какъ борьба общины съ знатными родами была сама по себѣ политической и даже нравственной необходимостью, напротивъ того эти оставшіяся отъ борьбы продолжительныя судорожныя волненія, эти безцѣльныя арьергардныя схватки послѣ окончившагося сраженія и эти препирательства изъ-за ранговъ и изъ-за сословныхъ привилегій безплодно разстраивали и отравляли общественную и частную жизнь въ римской общинѣ.

296

Соціальные недуги и попытка облегчить ихъ.

Однако устраненіе патриціата, которое было одною изъ цѣлей соглашенія, состоявшагося въ 387 году между двумя составными частями плебейства, было въ сущности вполнѣ достигнуто. Спрашивается далѣе, въ какой мѣрѣ можно то-же самое сказать о двухъ положительныхъ тенденціяхъ того-же соглашенія, то-есть, дѣйствительно-ли новый порядокъ вещей помогъ соціальнымъ недугамъ и ввелъ политическую равноправность. Эти двѣ задачи были тѣсно связаны одна съ другой, такъ какъ еслибы бѣдственное экономическое положеніе довело средній классъ до нищеты и раздѣлило гражданство на меньшинство богатыхъ людей и на бѣдствующій пролетаріатъ, то этимъ было-бы уничтожено гражданское равенство

367

и было-бы разрушено республиканское общинное устройство. Поэтому сохранение и умножение среднего сословия, в особенности земледельческого класса, было для всякаго любившаго свое отечество государственнаго человека не только важнымъ вопросомъ, но и самымъ важнымъ изъ всѣхъ. А такъ какъ вновь призванные къ участию въ государственномъ управленіи плебен были обязаны значительною долей своихъ новыхъ политическихъ правъ терпѣвшему нужду и ожидавшему отъ нихъ помощи пролетаріату, то и съ политической и съ нравственной точки зрѣнія они были обязаны оказать защиту этому классу насколько вообще это возможно путемъ правительственныхъ мѣропріятій. — Прежде всего посмотримъ, въ какой мѣрѣ относящіяся сюда законы 387 года были дѣйствительнымъ облегченіемъ народной нужды. Что постановленіе, состоявшееся въ пользу свободныхъ поденщиковъ, не могло достигнуть своей цѣли—не могло воспрепятствовать развитію крупныхъ сельскихъ хозяйствъ и воздѣлыванію земли рабами, и не могло обезпечить за свободными пролетаріями хоть часть сельскихъ работъ, повятно само собой; но въ этой сферѣ законодательство и не могло ничего сдѣлать, не расшатавъ основы тогдашняго общественнаго строя такимъ способомъ, который заходилъ далеко за горизонтъ тогдашнихъ воззрѣній. Въ вопросѣ о государственныхъ земляхъ, напротивъ того, законодатель могъ-бы произвести совершенную переимѣну; но то, что было сдѣлано, очевидно было недостаточно. Новые порядки по этой части позволяли пасти на общественныхъ выгонахъ очень крупныя стада и ограничивали очень высокимъ максимумомъ занятіе государственныхъ земель, не отошедшихъ подъ пастбища; это представляло богатымъ людямъ очень большую и, быть можетъ, вовсе несоразмѣрную долю пользованія государственными землями, а послѣднимъ распоряженіемъ было дано нѣчто въ родѣ легальнаго санкціи какъ для пользованія государственными землями (хотя легально оно оставалось подчиненнымъ уплатѣ десятины и могло быть отнято по произволу), такъ и для оккупации свободныхъ земель. Еще болѣе страннымъ кажется то, что новое законодательство не замѣнило болѣе дѣйствительными принудительными мѣрами явно неудовлетворительные способы взысканія пастбишнаго сбора и десятины, что оно не потребовало составленія общей описи государственныхъ земель и не назначило особыхъ должностныхъ лицъ для наблюденія за исполненіемъ новыхъ законовъ. Раздѣлъ самовольно занятыхъ государственныхъ земель частію между ихъ временными владѣльцами въ границахъ справедливаго максимума, частію между безземельными плебеями, но между тѣми и другими въ полную собственность, запрещеніе впредь самовольно занимать государственныя земли и назначеніе особыхъ должностныхъ лицъ для немедленнаго раздѣла земель, которыя будутъ впредь приобрѣтены съ расширеніемъ тер-

риториі—вотъ тѣ мѣры, которыя были ясно указаны положеніемъ дѣлъ и которыя не были приняты конечно не по недостатку предусмотрительности. При этомъ нельзя не замѣтить, что введеніе новыхъ порядковъ было предложено плебейской аристократіей, то есть тѣмъ классомъ, который также пользовался особыми привилегіями при пользованіи государственными землями, и что одинъ изъ составителей законопроекта, Гай Лициній Столонъ, былъ изъ числа первыхъ нарушителей аграрнаго максимума, подвергнутыхъ за это ответственности; поэтому самъ собою навязывается вопросъ: дѣйствовалъ-ли законодатель вполне добросовѣстно и не съ намѣреніемъ-ли онъ уклонился отъ разрѣшенія въ общую пользу злосчастнаго вопроса о государственныхъ земляхъ. Однако все-таки нѣтъ возможности отрицать того, что Лициніевскіе законы, даже въ своемъ настоящемъ видѣ, могли быть и дѣйствительно были полезны мелкимъ земледѣльцамъ и поденщикамъ. Сверхъ того слѣдуетъ замѣтить, что въ первое время послѣ изданія тѣхъ законовъ должностныя лица блюли за исполненіемъ ихъ постановленій касательно максимума, по меньшей мѣрѣ сравнительно, съ большой строгостью, и что какъ владѣльцы большихъ стадъ, такъ и тѣ, кто захватывалъ свободныя земли, нерѣдко присуждались къ тяжелымъ денежнымъ штрафамъ.—И въ сферахъ податной и кредитной въ ту пору старались исцѣлить недуги народнаго хозяйства съ бoльшей энергіей, чѣмъ когда-либо прежде или послѣ и насколько это было возможно посредствомъ законодательныхъ мѣръ. Предписанная въ 397 году уплата пяти процентовъ съ цѣны отпускаемаго на волю раба сдерживала нежелательное увеличеніе числа вольноотпущенниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ была первой римской податью, наложенной дѣйствительно на богатыхъ людей. Точно также старались ввести улучшенія и въ кредитной системѣ. Постановленія противъ лихвенныхъ процентовъ, уже вошедшія въ законы Двѣнадцати Таблицъ (стр. 281), были вновь введены въ силу и мало-по-малу сдѣлались болѣе строгими, такъ что высшій размѣръ процентовъ былъ мало-по-малу уменьшенъ съ 10 (подтверждено въ 397 г.) на пять со ста (407) для двѣнадцати-мѣсячнаго года, а въ 412 году было и совершенно запрещено взимать проценты. Этотъ послѣдній законъ, какъ онъ ни былъ нелѣпъ, сохранялъ формальную силу; но онъ, конечно, не соблюдался и, вѣроятно, уже въ ту пору установился тотъ максимумъ дозволенныхъ процентовъ, котораго обыкновенно держались впоследствии, а именно 1 со ста за мѣсяць или 12 со ста за обыкновенный гражданскій годъ; сравнительно съ тогдашней цѣной денегъ, это почти равняется теперешнимъ 5 или 6 процентамъ. Жалобы на неплату болѣе высокихъ процентовъ не допускались и, быть можетъ, даже было дозволено отыскивать судомъ излишне переплаченные проценты; сверхъ того извѣстные ростовщики нерѣдко привлекались къ народному

суду и приговаривались къ тяжелымъ штрафамъ. Еще важнѣе были измѣненія, введенныя въ долговомъ процессѣ Петеліевскимъ закономъ (428 или 441 г.), который съ одной стороны дозволилъ каж- 326 или 3 дому должнику, клятвенно заявившему о своей несостоятельности, сохранять свою личную свободу посредствомъ уступки своего имущества, а съ другой стороны отмѣнилъ прежнее короткое исполнительное судопроизводство по долговымъ взысканіямъ и постановилъ, что ни одинъ римскій гражданинъ не можетъ быть отведенъ въ рабство иначе, какъ по приговору присяжныхъ. — Само собой понятно, что всѣ эти мѣры могли Непрер- щаящее бѣдствен- ное полож- ніе народ 352 347 287 мѣстами облегчить экономическіе недуги, но не могли ихъ совершенно исцѣлить; о томъ, что народъ находился по прежнему въ бѣдственномъ положеніи свидѣтельствуютъ: назначеніе банковской комиссіи для регули- рованія долговыхъ отношеній и для выдачи ссудъ изъ государственной казны въ 402 году; установленіе законныхъ сроковъ уплаты въ 407 году и, главнымъ образомъ, опасное народное возстаніе 467 года, когда народъ, не достигшій новыхъ облегченій по уплатѣ долговъ, ушелъ на Яникулъ и когда внутреннее спокойствіе было восстановлено только кстати случившимся нападеніемъ внѣшняго врага и заключавшимися въ Гортезіевскомъ законѣ уступками (стр. 297). Однако было-бы несправедливо считать нецѣлесообразными серьезныя усилія, которыя дѣлались съ цѣлю предотвратить разореніе средняго сословія; признаніе бесполезными всѣхъ частныхъ и палліативныхъ мѣръ противъ радикальнаго зла оттого, что онѣ помогаютъ лишь отчасти, хотя и принадлежитъ къ числу тѣхъ догматовъ, которые низость всегда съ успѣхомъ проповѣдуетъ простодушію, но оно не становится оттого менѣе нелѣпнымъ. Наоборотъ, скорѣе можно-бы было спросить, ужь не завладѣла-ли въ ту пору этимъ вопросомъ демагогія дурнаго сорта и дѣйствительно-ли требовалась, напри- мѣръ, такая насильственная и опасная мѣра, какъ вычетъ изъ капитальнаго долга уплаченныхъ процентовъ. Источники нашихъ свѣдѣній не даютъ намъ возможности отличить въ этомъ случаѣ правду отъ неправды, но намъ достаточно ясно, что осѣдлый средній классъ все еще находился въ опасномъ и затруднительномъ экономическомъ положеніи, что въ высшихъ сферахъ неоднократно, но, конечно, безуспѣшно старались помочь ему запретительными законами и отсрочками въ уплатѣ долговъ, но что аристократическое правительство постоянно было безсильно въ борьбѣ съ своими собственными членами и было слиш- комъ сильно опутано эгоистическими сословными интересами для того, чтобъ помочь среднему сословію единственной дѣйствительной мѣрой, какая находилась въ его рукахъ — безусловной отмѣной само- вольнаго захвата государственныхъ земель и, главнымъ образомъ, для того, чтобъ очистить правительство отъ упрека, что оно извлекаетъ для себя выгоды изъ угнетеннаго положенія управляемыхъ. — Болѣе существенное пособіе чѣмъ то, какое желало или могло оказать пра- вительство, было доставлено среднимъ классамъ политическими успѣ- дѣльцевъ. Вліяніе рас- ширенія римскаго владыче- ства на улучшение быта земле-

хами римской общины и мало-по-малу упрочивавшимся владычеством Римлянъ надъ Италіей. Многочисленныя и большія колоніи, которыя имѣли цѣлю обезпечить положеніе именно этихъ среднихъ классовъ и которыя были основаны большею частію въ пятomъ столѣтіи, частію доставили земледѣльческому пролетаріату собственные пахотныя участки, частію-же вызвали отливъ населенія и тѣмъ облегчили положеніе тѣхъ, кто оставался дома. Въ виду возрастанія косвенныхъ и экстраординарныхъ доходовъ и вообще вслѣдствіе блестящаго положенія римскихъ финансовъ, рѣдко представлялась надобность налагать на земледѣльческій классъ контрибуціи въ формѣ принудительныхъ займовъ. Если прежніе мелкіе землевладѣльцы и исчезли, по всему вѣроятію, окончательно, за то, вслѣдствіе возраставшаго средняго уровня благосостоянія, прежніе крупныя землевладѣльцы превращались въ сахарей и тѣмъ увеличивали число членовъ средняго сословія. Знать спѣшила занимать преимущественно тѣ обширныя земли, которыя вновь пріобрѣтались войной; богатства, массами стекавшіяся въ Римъ вслѣдствіе войнъ и торговыхъ сношеній, должны были понизить проценты по займамъ; увеличеніе столичнаго населенія было прибыльно для земледѣльцевъ во всемъ Лаціумѣ; благо-разумная система инкорпораций слила въ одно съ римской общиной нѣсколько пограничныхъ общинъ, до тѣхъ поръ находившихся въ подданической зависимости отъ Рима, и тѣмъ усилила въ особенности среднее сословіе; наконецъ, славныя побѣды и ихъ блестящіе результаты зажали ротъ политическимъ партіямъ, и хотя тяжелое положеніе земледѣльцевъ отнюдь не прекратилось, хотя его причины вовсе не были устранены, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что въ концѣ этого періода римское среднее сословіе находилось въ гораздо менѣе бѣдственномъ положеніи, чѣмъ въ первомъ столѣтіи послѣ

ждан- изгнанія царей.

равен- Наконецъ, благодаря реформѣ 387 года и ея неизбѣжнымъ по- ствѣдствіямъ, гражданское равенство было въ нѣкоторомъ смыслѣ достигнуто или, вѣрнѣе, восстановлено. Какъ въ то время, когда патриціи въ сущности составляли все гражданство, они были безусловно равны по правамъ и по обязанностямъ, такъ и теперь въ средѣ расширившагося гражданства не существовало никакихъ причудливыхъ различій передъ лицомъ закона. Конечно, тѣ общественныя ступени, которыя неизбѣжно создаются во всякомъ гражданскомъ обществѣ возрастомъ, умомъ, образованіемъ и богатствомъ, оказывали свое вліяніе и на римское общинное устройство; но духъ гражданства и политика правительства по возможности не позволяли этимъ различіямъ рѣзко выступать наружу. Весь римскій общественный бытъ клонился къ тому, чтобъ дѣлать изъ гражданъ способныхъ людей, стоящихъ на одномъ среднемъ уровнѣ, но никакъ не давать ходу гениальнымъ личностямъ. Образованіе Римлянъ не подвигалось впередъ вмѣстѣ съ усиленіемъ могущества римской об-

щины, а сверху его инстинктивно скорѣ сдерживали, нежели поощряли. Нельзя было воспротивиться тому, чтобъ были и люди богатые и люди бѣдные; но какъ въ настоящей римской земледѣльческой общинѣ и хозяйинъ, подобно поденщику, самъ пахалъ землю, такъ и богатые люди соблюдали наравнѣ съ бѣдными мудрое экономическое правило жить бережливо и главнымъ образомъ не держать при себѣ никакого мертвого капитала, — поэтому въ домахъ Римлянъ не видно было въ ту пору никакой серебряной посуды, кромѣ солонки и жертвеннаго ковша. И это немаловажно. Въ блестящихъ внѣшнихъ успѣхахъ, которые были достигнуты римскою общиною въ теченіе столѣтъ, отдѣлявшихъ послѣднюю войну съ Вейентами отъ войны съ Пирромъ, постоянно чувствуется, что юнкерство уступило свое мѣсто земледѣльческому сословию: гибель принадлежавшаго къ высшей знати Фабія вся община стала-бы оплакивать не боѣе и не менѣе, чѣмъ сколько оплакивали плебеи и патриціи гибель плебея Деція; даже самому богатому юнкеру консульское званіе не доставалось само собой, а бѣдный земледѣлецъ изъ сабинской земли, Маній Курій могъ одолѣть царя Пирра на полѣ битвы и выгнать его изъ Итали, и за тѣмъ по прежнему остаться простымъ сабинскимъ пахаремъ и по прежнему воздѣлывать свою пашню своими собственными руками. — Однако, какъ ни кажется величественнымъ это республиканское равенство, не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что оно было въ значительной степени чисто-формальнымъ и что не столько изъ него возникла, сколько въ немъ издавна таилась аристократія съ очень явственнымъ отпечаткомъ своихъ особенностей. Богатые и вліятельныя непатриціанскія семьи уже давно выдѣлились изъ народной толпы: онѣ вмѣстѣ съ патриціями пользовались сенаторскими правами и вмѣстѣ съ ними преслѣдовали политическія цѣли, не только не сходявшіяся съ цѣлями толпы, но даже нерѣдко совершенно съ ними сталкивавшіяся. Лициніевскіе законы уничтожили легальныя различія, существовавшія въ средѣ аристократіи, и превратили устранявшія простолюднвовъ отъ управленія преграды изъ легально непреодолимаго препятствія въ такое, которое хотя и можно было преодолѣть легально, но почти невозможно было преодолѣть на практикѣ. И тѣмъ и другимъ путемъ проникла свѣжая кровь въ жилы властвовавшаго у Римлянъ сословія, но ихъ система правленія осталась такою-же, какой была прежде — аристократической; въ этомъ отношеніи и римская община осталась настоящей крестьянской общиною, въ которой богатый полноземельный пахарь мало отличается внѣшнимъ образомъ отъ малоземельнаго бѣдняка и обращается съ нимъ какъ равный съ равнымъ, но въ которой аристократія тѣмъ не менѣе такъ всеильно властвуетъ, что небогатому человѣку легче сдѣлаться бургомистромъ въ городѣ, чѣмъ старостой въ своей деревнѣ. То было важнымъ и благотворнымъ послѣдствіемъ новаго

Новая оппозиция.

законодательства, что даже самый бѣдный гражданинъ могъ занимать высшую общественную должность; но тѣмъ не менѣе то было рѣдкимъ исключеніемъ, чтобъ человекъ изъ низшихъ слоевъ населенія достигалъ этой должности *); мало того, — если это и могло случиться, то по всему вѣроятію не иначе, какъ посредствомъ оппозиционныхъ выборовъ; по меньшей мѣрѣ таково было положеніе дѣлъ въ концѣ опи-
 зываемаго періода. Всякая аристократическая система правленія вызываетъ появленіе оппозиціонной партіи, а такъ какъ формальное уравненіе сословій только видоизмѣнило аристократію и новый господствующій классъ не только наслѣдовалъ старому патриціату, но привился къ нему и самымъ тѣснымъ образомъ сросся съ нимъ, то и оппозиція осталась по своимъ составнымъ элементамъ точно такою-же, какой была прежде. Такъ какъ обижеными были теперь уже не граждане, а простолюдины, то и новая оппозиція выступила, съ первыхъ своихъ шаговъ, въ качествѣ защитницы мелкаго люда и въ особенности мелкихъ земледѣльцевъ, и подобно тому какъ новая аристократія примкнула къ патриціату, первые шаги этой новой оппозиціи совпали съ послѣдними фазисами борьбы противъ патриціанскихъ привилегій. Въ ряду этихъ новыхъ вождей римскаго народа мы встрѣчаемъ прежде всѣхъ другихъ Манія Курія (консула въ 464, 274 272 282 479, 480 гг.; цензора въ 482 г.) и Гая Фабриція (консула въ 472, 78 273 275 476, 481 гг.; цензора въ 479 г.); оба они были люди незнатнаго происхожденія и небогатые; оба они, не смотря на правило аристократіи не допускать неоднократное избраніе одного и того-же лица на высшую общественную должность, были по три раза поставлены во главѣ общины по волѣ большинства гражданъ; оба они были, въ качествѣ трибуновъ, консуловъ и цензоровъ, врагами патриціанскихъ привилегій и защитниками мелкихъ земледѣльцевъ противъ зарождавшагося высокомерія знатныхъ семействъ. Будущія политическія партіи уже начинали обрисовываться, но ихъ противоположные интересы еще заглушались интересами общественной пользы. Высокорожденный Аппій Клавдій и поселянинъ Маній Курій, не смотря на сильную личную вражду, сообща одолѣли царя Пирра своими мудрыми мѣрами и своимъ энергичнымъ образомъ дѣйствій, а если Гай Фабри-

*) Разсказы о бѣдности консуляровъ этой эпохи, играющіе столь видную роль въ нравочительныхъ анекдотическихъ сочиненіяхъ позднѣйшаго времени, основаны болѣею частію на превратномъ пониманіи съ одной стороны старинной хозяйственной бережливости, очень хорошо совмѣщавшейся съ значительнымъ достаткомъ, съ другой стороны — стариннаго прекраснаго обыкновенія хоронить заслуженныхъ людей на конѣчные сборы; это обыкновеніе не имѣло ничего общаго съ похоронами нищихъ. Этотъ ошибочный взглядъ отчасти былъ послѣдствіемъ и той манеры объяснять прозвища по догадкамъ, которая внесла въ римскую исторію столько пошлостей [S e r g i a n s].

цій, въ качествѣ цензора и оштрафовалъ Публия Корнелія Руфина за аристократическія тенденціи и за аристократическій образъ жизни, то это не помѣшало ему содѣйствовать вторичному назначенію того-же Руфина въ консулы ради его замѣчательныхъ военныхъ дарованій. Противниковъ уже раздѣлялъ глубокій ровъ, но поверхъ этого [ва они еще протягивали другъ другу руки.

И такъ мы уже видѣли, какъ окончилась борьба между старыми гражданами и новыми, какія дѣлались многообразныя и сравнительно успѣшныя попытки помочь среднему сословію и какъ при только-что приобрѣтенномъ гражданскомъ равенствѣ уже появились зачатки образованія новой аристократической партіи и новой демократической. Намъ остается описать, какъ сложились, среди этихъ перемѣнъ, новыя формы правленія и въ какія отношенія стали между собой, послѣ политическаго обезсиленія родовой знати, три элемента республиканскаго общиннаго устройства— гражданство, магистратура и сенатъ.

Новая система правленія.

Гражданство.

Его составъ.

Гражданство осталось на своихъ ординарныхъ сходкахъ по прежнему высшимъ авторитетомъ въ общинномъ быту и легальнымъ самодержцемъ; только было постановлено закономъ, что, помимо разъ навсегда предоставленныхъ центуріямъ рѣшеній, въ особенности выбора консуловъ и цензоровъ, голосованіе по округамъ такъ-же дѣйствительно, какъ и голосованіе по центуріямъ; для собранія, въ которомъ участвовали и патриции и плебеи, это правило было установлено Валеріевскимъ и Горациевскимъ закономъ 305 года (стр. 283) и расширено Публиліевскимъ закономъ 415 года, а для особаго плебейскаго собранія было введено Гортензіевскимъ закономъ около 467 года (стр. 297). Что вообще одни и тѣ-же лица имѣли права голоса въ обоихъ собраніяхъ, уже было замѣчено ранѣе; но помимо недопущенія патрициевъ къ участию въ особыхъ плебейскихъ сходкахъ, всѣ имѣвшіе право голоса въ общихъ собраніяхъ по округамъ считались равными между собой, между тѣмъ какъ въ центуріальныхъ комиціяхъ значеніе поданныхъ голосовъ дѣлилось по степенямъ соразмѣрно съ состояніемъ участвующихъ въ голосованіи; стало-быть первое изъ этихъ постановленій было нивелирующимъ и демократическимъ нововведеніемъ. Еще гораздо болѣе важное значеніе имѣлъ тотъ фактъ, что въ концѣ этого періода стали впервые подымать вопросъ о необходимости исконнаго условія для права голоса—осѣдлости. Самый отважный изъ всѣхъ нововводителей, какіе намъ извѣстны изъ римской исторіи, Аппій Клавдій, составилъ въ бытность цензоромъ (442), не спросясь ни сената ни народа, списокъ гражданъ такъ, что человѣкъ, не имѣвшій никакой земельной осѣдлости, могъ быть принятъ въ любую трибу и за тѣмъ могъ быть принятъ въ соотвѣтствующую размѣрамъ его имущества центуру. Но это нововведеніе такъ опережало духъ того времени, что

449

339

287

312

304

387

241

не могло установиться въ своемъ полномъ объемѣ. Одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Аппія, знаменитый побѣдитель Самнитовъ Квинтъ Фабій Руллианъ попытался, въ бытность цензоромъ (450), если не совершенно устранить его, то по меньшей мѣрѣ вставить въ такія рамки, что на гражданскихъ сходбахъ стали-бы въ сущности преобладать осѣдлые и зажиточные люди. Всѣхъ безземельныхъ людей и тѣхъ обладавшихъ земельною собственностью вольноотпущенниковъ, недвижимое имущество которыхъ было оцѣнено ниже 30.000 сестерцій (2175 тал.), онъ включилъ въ четыре городскія трибы, которыя тогда сдѣлались изъ первыхъ по рангу послѣдними. А земскіе кварталы, — которые въ промежуткѣ времени между 367 и 513 годами возросли числомъ съ семнадцати до тридцати одного и располагали большинствомъ голосовыхъ отдѣленій, съ самаго начала сильно преобладавшимъ и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивавшимся, — были легально предоставлены всѣмъ осѣдлымъ свободно-рожденнымъ гражданамъ и тѣмъ осѣдлымъ вольноотпущенникамъ, земельная собственность которыхъ превышала цѣной вышеуказанную мѣру. Въ центуріяхъ сохранилось введенное Аппіемъ равенство между осѣдлыми и неосѣдлыми свободнорожденными людьми; но вольноотпущенники, не принятые въ земскіе кварталы, были лишены права голоса. Такимъ образомъ достигли того, что въ комиціяхъ по трибамъ преобладали осѣдлые жители, а для комицій по центуріямъ, — вслѣдствіе упрочившагося въ нихъ преобладанія зажиточныхъ людей, — было достаточно менѣ энергическихъ мѣръ предосторожности, такъ какъ участіе въ нихъ вольноотпущенниковъ было по меньшей мѣрѣ безвредно. Благодаря такому мудрому и умѣренному рѣшенію человѣка, получившаго заслуженное названіе Великаго (M a x i m u s) еще болѣе за это мирное дѣло, чѣмъ за военные подвиги, съ одной стороны воинская повинность была, какъ и слѣдовало, распространена и на неосѣдлыхъ гражданъ, а съ другой стороны возраставшему могуществу бывшихъ рабовъ была поставлена такая преграда, какая, къ сожалѣнію, составляетъ неизбѣжную необходимость во всякомъ государствѣ, гдѣ существуетъ рабство. Сверхъ того, своеобразный судебный надзоръ за правами, мало помалу возникшій въ связи съ таксаціей и съ повѣркой гражданскихъ списковъ, исключилъ изъ среды гражданства всѣхъ завѣдомо-недостойныхъ людей и сталъ охранять его нравственную и политическую чистоту. — Въ компетенціи комицій замѣтно постепенное, хотя и очень медленное расширеніе. Сюда уже въ нѣкоторой мѣрѣ относится увеличивавшееся число должностныхъ лицъ, избираемыхъ народомъ; особенно замѣчательно то, что съ 392 года назначеніе военныхъ трибуновъ одного легіона, а съ 443 года назначеніе по четыре трибуна въ каждый изъ четырехъ первыхъ легіоновъ, зависѣло не отъ главнокомандующаго, а отъ гражданства. Въ администрацію

Расширеніе
правъ гражданства.

362

311

гражданство вообще не вмѣшивалось въ теченіе этого періода; только оно настойчиво удерживало за собой по справедливости ему принадлежавшее право объявлять войну, которое было признано за нимъ и на тотъ случай, когда истекалъ срокъ продолжительнаго перемирія, заключеннаго вмѣсто мира, и когда война возобновлялась если не легально, то фактически (327). Но административные вопросы поступали на разсмотрѣніе народа только въ двухъ случаяхъ: *во первыхъ*, если правительственныя власти вступали между собою въ столкновеніе и одна изъ нихъ предоставляла споръ разрѣшенію народа, напримѣръ: когда сенатъ отказалъ въ заслуженномъ триумфѣ—въ 305 году вождямъ умѣренной партіи въ средѣ родовой знати, Луцію Валерію и Марку Горацию и въ 398 году первому плебейскому диктатору Гайю Марцію Рутилу; когда консулы 459 года не могли придти къ соглашенію касательно своихъ взаимныхъ правъ; когда сенатъ рѣшилъ въ 364 году выдать Галламъ нарушившаго свои обязанности посла, а одинъ консулярный трибунъ обратился по этому случаю съ протестомъ къ общинѣ,—это былъ первый примѣръ касированнаго народомъ сенатскаго рѣшенія и за него дорого поплатилась община. *Во вторыхъ*, когда правительство добровольно предоставляло народу рѣшеніе трудныхъ или непріятныхъ вопросовъ; это случилось въпервый разъ, когда городъ Цере,—послѣ того, какъ римскій народъ объявилъ ему войну, но война еще въ дѣйствительности не началась,—сталъ просить мира (401), а сенатъ не рѣшился оставлять общинное рѣшеніе безъ исполненія, не испросивъ на то формальнаго согласія общины; точно такъ-же, когда сенатъ вознамѣрился отказать Самнитамъ въ ихъ смиренной просьбѣ о мирѣ, но опасался этимъ возбудить неудовольствіе въ народѣ, онъ предоставилъ рѣшеніе этого вопроса народу (436). Только въ концѣ этого періода мы замѣчаемъ, что компетенція собраній по трибамъ значительно расширилась и въ сферѣ правительственной дѣятельности; такъ напримѣръ стали спрашивать ихъ мнѣнія при заключеніи мирныхъ и союзныхъ договоровъ; это обыкновеніе, по всему вѣроятію, вело свое начало со времени изданія Гортензіевскаго закона (467). — Однако, не смотря на такое расширеніе компетенціи гражданскаго собранія, его практическое вліяніе на государственныя дѣла стало уменьшаться именно въ концѣ этой эпохи. Главнымъ образомъ расширеніе римскихъ границъ отняло у этого собранія его настоящую почву. Въ качествѣ схода осѣдлыхъ жителей общины, оно прежде могло собираться въ достаточномъ комплектѣ и могло хорошо знать, чего хотѣло еще прежде, чѣмъ приступало къ преніямъ; но римское гражданство уже стало теперь скорѣе государствомъ, чѣмъ общиной. Тотъ фактъ, что жившіе вмѣстѣ люди подавали голоса заодно, вносили въ римскія комиціи—по крайней мѣрѣ, когда голоса подавались по кварталамъ—нѣкоторую внутреннюю связь, а при подачѣ

427

449

356

295

390

353

318

287

Значеніе
граждан-
ства умень-
шается.

голосовъ энергію и самостоятельность; но вообще комиціи, какъ въ своемъ составѣ, такъ и въ своихъ постановленіяхъ, частію зависѣли отъ личности предсѣдателя и отъ случайности, частію находились во власти жившихъ въ столицѣ гражданъ. Отсюда понятно, почему сходки гражданъ, имѣвшія важное и практическое значеніе въ теченіе двухъ первыхъ столѣтій республики, мало-по-малу стали превращаться просто въ орудіе, которымъ распоряжалось предсѣдательствовавшее должностное лицо, — и, конечно, въ опасное орудіе, такъ какъ должностныхъ лицъ, имѣвшихъ право занимать предсѣдательское мѣсто, было не мало, а всякое постановленіе общины считалось легальнымъ выраженіемъ народной воли въ послѣдней инстанціи. Впрочемъ въ расширеніи конституціонныхъ правъ гражданства и не представлялось особой надобности, потому что на самомъ дѣлѣ это гражданство менѣе чѣмъ когда-либо было способно имѣть свою волю и дѣйствовать по своему усмотрѣнію, а настоящей демагогіи еще не существовало въ Римѣ въ ту пору; если-бы она и существовала, она попыталась-бы не расширять компетенцію гражданства, а дать полную свободу политическимъ преніямъ въ собраніи гражданъ, между тѣмъ какъ въ теченіе всего этого періода неизмѣнно соблюдались старыя правила, что только должностныя лица имѣютъ право созывать гражданъ на сходку и что они могутъ не допускать преній и поправокъ къ предложеннымъ рѣшеніямъ. Это начинавшееся разрушеніе конституціи сказывалось въ ту пору только въ томъ, что старинныя народныя сходки въ сущности относились ко всему пассивно и вообще не оказывали правительству ни содѣйствія ни противодѣйствія.

**Должност-
ныя лица.** Что касается власти должностныхъ лицъ, то ея ограниченіе было не цѣлью борьбы, которая велась между старыми и новыми гражданами, а однимъ изъ самыхъ важныхъ ея послѣдствій. Въ началѣ сословныхъ распрей, то-есть въ началѣ борьбы изъ-за обладанія консульскою властію, эта послѣдняя была единственною и нераздѣльною властію, въ сущности походившею на царскую, и консулъ имѣлъ, подобно прежнимъ царямъ, право назначать всѣхъ подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ по своему личному произволу; а въ концѣ той борьбы, самыя важныя отрасли управленія — судопроизводство, уличная полиція, выборъ сенаторовъ и всадниковъ, таксація и завѣдываніе государственной казной — были выдѣлены изъ сферы консульской дѣятельности и перешли къ должностнымъ лицамъ, которыя, подобно консулу, назначались общиною и гораздо болѣе стояли на равной съ нимъ ногѣ, чѣмъ были ему подчинены. Консульская должность, когда-то бывшая единственною постоянною общинною должностію, стала теперь даже безусловно-самою высшею: въ ряду вновь учреждавшихся и распредѣлявшихся по рангамъ должностей, консулы хотя и стояли выше преторовъ,

**Дробленіе
консульской
власти и ея
ослабленіе.**

не цѣлью борьбы, которая велась между старыми и новыми гражданами, а однимъ изъ самыхъ важныхъ ея послѣдствій. Въ началѣ сословныхъ распрей, то-есть въ началѣ борьбы изъ-за обладанія консульскою властію, эта послѣдняя была единственною и нераздѣльною властію, въ сущности походившею на царскую, и консулъ имѣлъ, подобно прежнимъ царямъ, право назначать всѣхъ подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ по своему личному произволу; а въ концѣ той борьбы, самыя важныя отрасли управленія — судопроизводство, уличная полиція, выборъ сенаторовъ и всадниковъ, таксація и завѣдываніе государственной казной — были выдѣлены изъ сферы консульской дѣятельности и перешли къ должностнымъ лицамъ, которыя, подобно консулу, назначались общиною и гораздо болѣе стояли на равной съ нимъ ногѣ, чѣмъ были ему подчинены. Консульская должность, когда-то бывшая единственною постоянною общинною должностію, стала теперь даже безусловно-самою высшею: въ ряду вновь учреждавшихся и распредѣлявшихся по рангамъ должностей, консулы хотя и стояли выше преторовъ,

эдиловъ и квесторовъ, но были ниже цензоровъ, которые завѣдывали, кромѣ самыхъ важныхъ финансовыхъ дѣлъ, также составленіемъ гражданскихъ, всадническихъ и сенаторскихъ списковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли въ своихъ рукахъ совершенно произвольный нравственный контроль надъ всей общиной и какъ надъ самымъ послѣднимъ, такъ и надъ самымъ знатнымъ изъ ея гражданъ. Понятіе объ ограниченной должностной власти или о компетенціи, первоначально считавшееся, по римскому государственному праву, несомнѣстимымъ съ понятіемъ о верховной должности, мало-по-малу пробило себѣ дорогу и уничтожило болѣе древнее понятіе объ единомъ и нераздѣльномъ полновластіи (*I n t e r e g i u m*). Началомъ этой перемены уже было учрежденіе другихъ постоянныхъ должностей, въ особенности квестуры (стр. 249), а воплоти ее осуществили Лициніевскіе законы (387), которые поручили двумъ первымъ изъ числа трехъ высшихъ должностныхъ лицъ администрацію и военное дѣло, а третьему—судопроизводство. Но этимъ дѣло не ограничилось. Хотя по закону консулы пользовались всегда и ведѣ одинаковою властью, но на самомъ дѣлѣ они изстари раздѣляли между собой различныя сферы должностныхъ занятій (*p r o v i n c i a e*). Первоначально это дѣлалось путемъ добровольнаго соглашенія или, въ случаѣ если бы соглашеніе не состоялось, путемъ выниманія жребія; но другія общинныя власти стали мало-по-малу вмѣшиваться въ эти фактическія разграниченія консульской компетенціи. Тогда установилось обыкновеніе, что сенатъ ежегодно разграничивалъ должностныя сферы и хотя самъ не распредѣлялъ ихъ между должностными лицами, но при помощи совѣтовъ и просьбъ имѣлъ рѣшительное вліяніе и на личные вопросы. Въ крайнихъ случаяхъ сенатъ испрашивалъ общинное постановленіе, окончательно разрѣшавшее вопросъ о компетенціи (стр. 307); впрочемъ правительство очень рѣдко прибѣгало къ этому опасному средству. Кромѣ того у консуловъ было отнято право рѣшать самыя важныя дѣла, какъ напримѣръ вопросы касательно заключенія мирныхъ договоровъ; въ этихъ случаяхъ они были обязаны обращаться къ сенату и дѣйствовать по его указаніямъ. Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, сенатъ могъ во всякое время устранить консула отъ должности, такъ какъ въ силу обычая, который хотя никогда не былъ облеченъ въ форму закона, но и никогда фактически не нарушался, назначеніе диктатуры зависѣло отъ рѣшенія сената и самое назначеніе на эту должность того или другаго лица хотя и было предоставлено закономъ консулу, но на дѣлѣ обыкновенно зависѣло отъ сената. — Старинное единство и полнота власти сохранились въ диктатурѣ долѣе, чѣмъ въ консульствѣ; хотя диктатор-диктатура, въ качествѣ экстраординарной магистратуры, натурально, всегда имѣла на практикѣ какое-нибудь особое назначеніе, тѣмъ не менѣе диктаторъ былъ юридически гораздо менѣе ограниченъ въ

363

своей компетенціи, нежели консулъ. Однако и въ эту сферу мало-помалу проникло новое понятіе о компетенціи, возникшее въ римскомъ законодательствѣ. Въ 391 году мы въ первый разъ находимъ диктатора, назначеннаго изъ богословскихъ недоразумѣній только для совершенія одного религіознаго обряда; и хотя этотъ самый диктаторъ,—вѣроятно безъ формальнаго нарушенія конституціи,—не стѣснился предоставленной ему компетенціей и наперекоръ ей вступилъ въ командованіе арміей, но такая оппозиція со стороны магистратуры уже не повторялась при позднѣйшихъ такимъ-же образомъ ограниченныхъ назначеніяхъ, которыя, начиная съ 403 года, встрѣчаются очень часто; съ тѣхъ поръ и диктаторы считали себя

351

Ограниченіе
права зани-
мать нѣ-
сколько
должностей
и одну и
ту-же долж-
ность нѣ-
сколько
разъ.

связанными своей особой компетенціей.—Наконецъ дальнѣйшія и очень значительныя стѣсненія магистратуры заключались въ изданномъ въ 412 году запрещеніи занимать одновременно нѣсколько ординарныхъ курульныхъ должностей, въ изданномъ въ то-же время предписаніи, что одно и то-же лице можетъ занять прежнюю должность не иначе, какъ послѣ истеченія десятилѣтняго промежутка времени, и въ принадлежавшемъ къ болѣе поздней порѣ постановленіи, что фактически самая высшая должность—должность цензора не можетъ быть вторично занята однимъ и тѣмъ-же лицомъ

342

265

(489). Впрочемъ правительство еще было достаточно сильно для того, чтобы не бояться своихъ полезныхъ слугъ и не оставлять самыхъ способныхъ между ними безъ дѣла; храбрые офицеры очень часто освобождались отъ обязанности соблюдать вышеприведенныя правила *); такъ напримѣръ Квинтъ Фабій Руліанъ былъ въ теченіе двадцати восьми лѣтъ пять разъ консуломъ, а Маркъ Валерій Корвъ (384—483), шесть разъ занимавшій консульскую должность—въ первый разъ на двадцать третьемъ году своей жизни, а въ послѣдній разъ на семьдесятъ второмъ—былъ при трехъ поколѣніяхъ защитникомъ для своихъ соотечественниковъ и ужасомъ для ихъ враговъ, пока не сошелъ въ могилу сто-лѣтнимъ старцемъ.

342

*) Достаточно сличить списки консуловъ до и послѣ 412 года, чтобы убѣдиться въ существованіи вышеупомянутаго закона объ избраніи въ консульскую должность одного и того-же лица: до этого года, одно и то-же лице часто снова избиралось въ консулы въ особенности по прошествіи трехъ или четырехъ лѣтъ, а послѣ этого года такъ-же часты десятилѣтніе и еще болѣе длинные промежутки времени. Однако исключенія встрѣчаются нерѣдко, въ особенности въ эпоху тяжелыхъ войнъ съ 434—443 года. Напротивъ того строго соблюдалось запрещеніе занимать одновременно нѣсколько должностей. Нельзя съ достовѣрностью указать ни одного примѣра, чтобы въ одномъ лицѣ соединялись двѣ изъ трехъ ординарныхъ курульныхъ [Ливій, 39, 39, 4] должностей [консула, претора и курульнаго эдила], но встрѣчается соединеніе въ одномъ лицѣ другихъ должностей,—напримѣръ должности курульнаго эдила съ должностью начальника конницы [Ливій, 23, 24, 80], претуры съ цензорствомъ [Fast. Cap. a 501], претуры съ диктатурой [Ливій, 8, 12], консульства съ диктатурой [Ливій, 8, 12].

320—311

Между тѣмъ какъ римское должностное лице все полнѣе и рѣшительнѣе превращалось изъ неограниченнаго властелина въ связаннаго законами повѣреннаго и дѣлопроизводителя общины, и старинная контръ-магистратура — народный трибунатъ въ то-же время подвергался однородному болѣе внутреннему, нежели вѣшнему преобразованію. Въ общинномъ быту народный трибунатъ исполнялъ двойное назначеніе. Сначала онъ долженъ былъ охранять мелкій и слабый людъ отъ насилій и высокоумѣрія должностныхъ лицъ такимъ способомъ, который былъ въ нѣкоторой степени революціоннымъ (а *u-xiliu m*); въслѣдствіи имъ пользовались для того, чтобъ устранять легальную неравноправность простыхъ гражданъ и привилегіи родовой знати. Это послѣднее назначеніе онъ уже выполнилъ. А его первоначальная цѣль не только была сама по себѣ скорѣе демократическимъ идеаломъ, чѣмъ политическою возможностью, но была столько-же ненавистна даже для плебейской аристократіи, въ рукахъ которой долженъ былъ находиться и дѣйствительно находился трибунатъ, и была столько-же несовмѣстима съ новой общинной организаціей, возникшей изъ уравнинія сословій и едва-ли не болѣе прежняго окрашенной аристократическими тенденціями, сколько была ненавистна для родовой знати и сколько была несовмѣстима съ находившеюся въ рукахъ патриціевъ консульскою властію. Но вмѣсто того, чтобъ упразднить трибунатъ, сочли за лучшее превратить его изъ орудія оппозиціи въ органъ правительства и включили въ сферу правительственной магистратуры тѣхъ самыхъ народныхъ трибуновъ, которые были искони устранены отъ всякаго участія въ управленіи и не были ни должностными лицами ни членами сената. Первоначально они стояли, по своей юрисдикціи, наравнѣ съ консулами и еще при первыхъ фазисахъ сословной борьбы приобрѣли наравнѣ съ консулами право законодательной инициативы; а потомъ они были поставлены наравнѣ съ консулами и по отношенію къ фактически властвовавшему сенату, хотя намъ и неизвѣстно въ точности, когда именно это случилось, — вѣроятно при окончательномъ уравниніи сословій или вскорѣ послѣ него. До тѣхъ поръ они присутствовали при сенатскихъ преніяхъ, сидя на скамьѣ подлѣ двери, а теперь они получили наравнѣ и рядомъ съ другими должностными лицами особыя мѣста въ самомъ сенатѣ, равно какъ право участвовать въ преніяхъ; хотя имъ и не было предоставлено право голоса, но это дѣлалось въ силу общаго основнаго положенія римскаго государственнаго права, что совѣты подавалъ только тотъ, кто не былъ призванъ дѣйствовать, вслѣдствіе чего и всѣ состоявшія на дѣйствительной службѣ должностныя лица, до истеченія годоваго срока, только присутствовали въ государственномъ совѣтѣ, но не имѣли права голоса (стр. 255). Но и на этомъ не остановились. Трибунамъ была предоставлена отличительная прерогатива высшей ма-

Народный трибунатъ въ качествѣ правительственнаго органа.

гистратуры, до тѣхъ поръ принадлежавшая между ordinarilyми должностными лицами только консуламъ и преторамъ,—право созывать сенатъ, обращаться къ нему за указаніями и испрашивать его рѣшеніе *). И это было въ порядкѣ вещей: съ тѣхъ поръ, какъ управленіе перешло отъ родовой знати къ соединенной аристократіи, вожди плебейской аристократіи должны были стоять въ сенатѣ на равной ногѣ съ вождями аристократіи патриціанской. Когда эта, первоначально устраненная отъ всякаго участія въ государственномъ управленіи, оппозиціонная коллегія сдѣлалась вторюю высшею исполнительною властію въ особенности въ специально городскихъ дѣлахъ и однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и самыхъ полезныхъ орудій правительства, то — есть сената, при управленіи гражданствомъ и при обузданіи произвола магистратуры, тогда она совершенно уклонилась отъ своего первоначальнаго назначенія и политически перестала существовать. Впрочемъ такой исходъ былъ результатомъ необходимости. Какъ ни бросались въ глаза недостатки римской аристократіи и какъ ни было тѣсно связано ея постоянно возрастающее преобладаніе съ фактическимъ упраздненіемъ трибуната, все-таки нельзя не согласиться съ тѣмъ, что не было возможности управлять въ присутствіи такой официальной власти, которая была не только безцѣльна и рассчитана почти только на то, чтобъ сдерживать страждущій пролетаріатъ обманчивымъ призракомъ помощи, но въ то-же время была рѣшительно революціонной властію, надѣленной въ сущности анархическимъ правомъ парализовать власть должностныхъ лицъ и даже самого государства. Но вѣра въ идеалы, изъ которой исходитъ какъ все могущество, такъ и все безсиліе демократіи, была тѣнѣйшимъ образомъ связана въ умахъ Римлянъ съ народнымъ трибунатомъ и пѣтъ надобности напоминать о Колю Ріензи, чтобъ убѣдиться, что какъ ни была ничтожна польза, доставленная этимъ учрежденіемъ народной массѣ, оно не могло быть уничтожено безъ страшнаго государственнаго переворота. Поэтому удовлетворялись тѣмъ, что съ чисто-мѣщанской политической мудростью уничтожили сущность трибунской власти подъ такими внѣшними формами, которыя могли какъ можно менѣе бросаться въ глаза. Въ аристократически-организованномъ общинномъ управленіи осталось только названіе этой, въ самомъ своемъ корнѣ, революціонной магистратуры, — осталось покуда какъ явное противорѣчіе, но въ будущемъ могло обратиться въ острое и опасное орудіе въ рукахъ революціонныхъ партій; впрочемъ въ ту пору и еще долго послѣ того аристократія пользовалась такимъ безусловнымъ могуществомъ

*). Вслѣдствіе этого, отправлявшіяся въ сенатъ депеши адресовались „консуламъ, преторамъ, народнымъ трибунамъ и сенату“ [Циперонъ Ad F a m. 15, 2 и въ друг. мѣстахъ].

и такъ крѣпко держала въ своихъ рукахъ трибунатъ, что мы не находимъ никакихъ слѣдовъ коллегіальной оппозиціи трибуновъ противъ сената, а если и случались какія-нибудь оппозиціонныя выходы отдѣльныхъ трибуновъ, то правительство подавляло ихъ безъ большаго труда и обыкновенно посредствомъ самого трибуната.

Въ дѣйствительности общиной управлялъ сенатъ, а со времени **Сенатъ.** уравненія сословій управлялъ почти безпрепятственно. Даже его **Его составъ.** составъ измѣнился. Произволь высшихъ должностныхъ лицъ въ назначеніи сенаторовъ, въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ послѣ упадка стариннаго родового представительства (стр. 76), подвергся значительнымъ ограниченіямъ уже съ упраздненіемъ званія пожизненныхъ начальниковъ общины (стр. 255). — Дальнѣйшій шагъ къ эманципации сената отъ власти должностныхъ лицъ заключался въ томъ, что составленіе сенаторскихъ списковъ перешло отъ высшихъ должностныхъ лицъ къ второстепеннымъ, отъ консуловъ къ цензорамъ (стр. 290). Впрочемъ уже въ ту пору или вскорѣ послѣ того было признано или по меньшей мѣрѣ было болѣе ясно формулировано право составлявшихъ сенаторскіе списки должностныхъ лицъ пропускать имена отдѣльныхъ сенаторовъ вслѣдствіе лежавшаго на нихъ нравственнаго пятна *) и такимъ способомъ исключать ихъ изъ сената, чѣмъ и было положено начало тому своеобразному суду надъ нравственностью, на которомъ было главнымъ образомъ основано высокое значеніе цензоровъ (стр. 306). Впрочемъ выраженія такого порицанія, и по своему характеру и потому, что для нихъ требовалось

---

*) Какъ это право, такъ и подобныя ему права по отношенію къ спискамъ всадниковъ и гражданъ, не были предоставлены цензорамъ формальнымъ образомъ и по закону, но фактически искони входили въ сферу ихъ компетенціи. Право гражданства давалось общиной, а не цензоромъ; но кто былъ перенесенъ цензоромъ изъ списка гражданъ въ списокъ кліентовъ, тотъ хотя и не утрачивалъ своихъ гражданскихъ правъ, но не могъ ими пользоваться до составленія новаго списка. Точно то-же можно сказать и о сенатѣ: сенаторъ, выпущенный цензоромъ изъ списка, переставалъ быть членомъ сената, пока тотъ списокъ оставался въ силѣ, — причѣмъ случалось, что предсѣдательствовавшее должностное лицо отвергало этотъ вновь составленный списокъ и возстановляло старый. Отсюда видно, что въ этихъ случаяхъ все зависѣло не столько отъ того, какія права были предоставлены закономъ цензору, сколько отъ того, какимъ авторитетомъ пользовался цензоръ у тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя должны были вызывать сенаторовъ по составленному имъ списку. Поэтому понятно, что это право мало-по-малу росло и что вслѣдъ за упрочившимся вліяніемъ знати такія исключенія изъ списковъ сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ судебныхъ рѣшеній и уважались наравнѣ съ этими послѣдними. На составленіе сенаторскихъ списковъ, безъ сомнѣнія, имѣло существенное вліяніе то постановленіе Овиніевскаго плебисцита, что цензоры должны выбирать въ сенаторы „лучшихъ людей изъ всѣхъ классовъ“.

согласіе обоихъ консуловъ, могли вести къ удаленію изъ сената нѣкоторыхъ изъ его членовъ, не дѣлавшихъ ему чести или не подчинявшихся господствовавшему въ немъ настроенію, но не могли поставить сенатъ въ зависимость отъ магистратуры. — Но право должностныхъ лицъ составлять списки сенаторовъ по своему усмотрѣнію ограничилъ рѣшительнымъ образомъ Овиніевскій законъ, изданный около половины этого періода, по всему вѣроятію вскорѣ вслѣдъ за Лициніевскими законами; онъ предоставлялъ всякому, кто былъ курульнымъ эдиломъ, преторомъ или консуломъ предварительное право засѣданія и голоса въ сенатѣ, а первымъ вступавшимъ въ свою должность цензорамъ вмѣнялъ въ обязанность или формально вносить этихъ кандидатовъ въ сенаторскій списокъ или же не вносить ихъ по тѣмъ-же самымъ основаніямъ, которыя считались достаточными для исключенія дѣйствительныхъ членовъ сената. Конечно, число этихъ бывшихъ сановниковъ было далеко недостаточно для того, чтобъ сенатъ постоянно имѣлъ свой нормальный комплектъ трехъ-сотъ членовъ, а не полнымъ комплектомъ нельзя было довольствоваться въ особенности потому, что списокъ сенаторовъ былъ и спискомъ присяжныхъ. Поэтому для цензорскаго права выборовъ еще оставался значительный просторъ; но только въ голосованіи, а не въ преніяхъ было предоставлено право участія тѣмъ сенаторамъ, которые поступали въ это званіе не потому, что прежде занимали которую-нибудь изъ высшихъ должностей, а потому, что были выбраны цензоромъ преимущественно изъ гражданъ, занимавшихъ не курульныя должности или отличившихся лично храбростью, напримѣръ убившихъ въ сраженіи врага или спасшихъ жизнь одного изъ своихъ согражданъ (стр. 296). И такъ личный составъ большинства сената и той его части, въ которой сосредоточивались государственное управленіе и администрація, въ сущности зависѣлъ по Овиніевскому закону не отъ произвола должностныхъ лицъ, а косвеннымъ образомъ отъ народнаго выбора, и хотя римская община не дошла этимъ путемъ до великаго учрежденія новаго времени — до представительнаго народнаго правленія, но конечно была уже недалеко отъ него, такъ какъ всѣ не принимавшіе участія въ преніяхъ сенаторы представляли именно то, что столько-же необходимо, сколько трудно создать въ правительственныхъ коллегіяхъ — компактную массу членовъ, способныхъ и имѣющихъ право постановлять рѣшенія, но всегда безмолствующихъ. — Компетенція сената едва-ли

Компетенція сената.

подверглась какимъ-нибудь формальнымъ измѣненіямъ. Онъ воздерживался отъ всякихъ-нибудь непопулярныхъ преобразованій или явныхъ нарушеній государственныхъ постановленій, чтобъ не доставить удобнаго предлога для оппозиціи и для честолюбія; онъ даже не препятствовалъ, хотя и не содѣйствовалъ расширенію компетенціи гражданства въ демократическомъ духѣ. Но когда гражданство пріобрѣло призрачную

власть, сенатъ пріобрѣлъ ея сущность, то-есть рѣшительное вліяніе на законодательство и на выборы должностныхъ лицъ, и взялъ въ свои руки все общинное управленіе. — Каждый новый законопроектъ поступалъ прежде всего на обсужденіе сената и едва-ли случалось, чтобъ какое-нибудь должностное лицо осмѣлилось обратиться къ общинѣ съ предложеніемъ безъ одобренія сената или наперекоръ его мѣтнію; если-же это случилось-бы, то сенатъ находилъ въ протестѣ противъ должностныхъ лицъ и въ жреческой кассациіи цѣлый рядъ такихъ средствъ, съ помощію которыхъ могъ затушить въ зародышѣ или впоследствии устранить всякое непріятное для него предложеніе, а въ крайнемъ случаѣ онъ могъ, въ качествѣ высшей административной инстанціи, исполнять или неисполнять постановленія общины. Кромѣ того сенатъ присвоилъ себѣ, съ безмолвнаго согласія общины, право въ крайнихъ случаяхъ отмѣнять обязательную силу законовъ съ оговоркой, что его образъ дѣйствій будетъ подлежать одобренію гражданства; но эта оговорка, и съ самаго начала не имѣвшая большаго значенія, мало-по-малу превратилась въ такую пустую формальность, что въ болѣе позднюю пору сенатъ даже не задавалъ себѣ труда испрашивать одобреніе общины. — Что касается выборовъ, то они фактически перешли въ руки сената въ той мѣрѣ, въ какой зависѣли отъ должностныхъ лицъ и имѣли политическое значеніе; такимъ-то образомъ сенатъ, какъ уже было ранѣе замѣчено (стр. 309), пріобрѣлъ право назначать диктатора. Впрочемъ приходилось относиться съ большимъ противъ прежняго вниманіемъ къ общинѣ: у нея нельзя было отнять право раздачи общинныхъ должностей, но сенатъ, — что такъ-же было ранѣе замѣчено, — тщательно наблюдалъ за тѣмъ, чтобъ эти выборы должностныхъ лицъ не переходили въ отмежеваніе какой-нибудь особой компетенціи, какъ на примѣръ въ назначеніе главнокомандующаго въ виду предстоящей войны. Сверхъ того, частію вновь возникшее понятіе о компетенціи, частію фактически предоставленное сенату право освобождать отъ исполненія законовъ отдали въ его руки раздачу значительнаго числа должностей. О вліяніи, которое имѣлъ сенатъ на опредѣленіе сферы дѣятельности должностныхъ лицъ и въ особенности консуловъ, уже было говорено ранѣе (стр. 309). Однимъ изъ самыхъ важныхъ примѣненій права приостанавливать дѣйствіе законовъ было освобожденіе должностныхъ лицъ отъ обязанности не оставаться въ должности долѣе законнаго срока; хотя такое освобожденіе было несогласно съ основными законами общины и по римскому государственному праву не могло быть допущено собственно въ городскомъ округѣ, но внѣ этого округа было до такой степени терпимо, что консулъ и преторъ, которымъ хотѣли продлить срокъ нахождения въ должности, оставались и послѣ истеченія этого срока на своихъ мѣстахъ «за консула» или «за претора» (*pro consule, pro praetore*). Это важное право прод-

Вліяніе сената на законодательство.

Вліяніе на выборы.

ленія должности, въ сущности равносильное съ правомъ назначенія на должность, конечно, принадлежало по закону только общинѣ, которая сначала одна имѣла и пользовалась на практикѣ; но уже съ 447 года и послѣ того было достаточно одного сенатскаго постановленія, чтобъ продлить власть главнокомандующаго. Ко всему сказанному слѣдуетъ присовокупить преобладающее и искусно сосредоточенное вліяніе аристократіи на выборы, которое, если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ склоняло результаты выборовъ въ пользу пріятныхъ правительству кандидатовъ. — Наконецъ, что касается государственнаго управленія, то отъ сената зависѣли война, миръ и заключеніе мирныхъ договоровъ, основаніе колоній, раздача пахатныхъ земель, общественныя сооруженія, вообще всё дѣла непреходящей и особенной важности и главнымъ образомъ все финансовое управленіе. Сенатъ ежегодно составлялъ инструкціи, которыми устанавливалъ для должностныхъ лицъ сферу ихъ служебной дѣятельности и опредѣлялъ число войскъ и количество денегъ, предоставлявшихся въ ихъ распоряженіе; къ нему обращались со всѣхъ сторонъ во всѣхъ случаяхъ особенной важности: лица, завѣдывавшія государственной казной, не могли произвести выдачу денегъ ни одному должностному лицу, кромѣ консула, и никакому частному лицу иначе, какъ по предварительному постановленію сената. Высшая правительственная коллегія не вмѣшивалась только въ текуція дѣла и въ спеціальныя сферы судебного и военнаго управленія, такъ какъ у римской аристократіи было достаточно здраваго смысла и такта для того, чтобъ не превращать высшее завѣдываніе государственными дѣлами въ опеку надъ каждымъ отдѣльнымъ должностнымъ лицомъ, а каждое изъ орудій управленія—въ машину. — Что это новое сенатское управленіе,—не смотря на стараніе соблюдать существующія формы,—было совершеннымъ извращеніемъ стараго общиннаго устройства, ясно само собою; сверхъ того оно утвердилось революціоннымъ путемъ и было насильственнымъ захватомъ, такъ какъ свободная дѣятельность гражданства пріостановилась и замерла, должностныя лица низшли на степень предсѣдателей сходокъ и исполняющихъ чужія приказанія комиссаровъ, а чисто совѣщательная сенатская коллегія явилась преемницей обѣихъ конституціонныхъ властей и сдѣлалась—хотя въ самыхъ скромныхъ формахъ—центральнымъ правительствомъ общины. Однако, если исключительныя способности къ управленію могутъ служить для всякой революціи и для всякаго насильственнаго захвата оправданіемъ передъ судомъ исторіи, то и самый строгій ея приговоръ долженъ признать, что эта корпорація съумѣла правильно понять и хорошо выполнить свою великую задачу. Сенаторы поступали въ это званіе не по праву рожденія, а въ сущности по свободному выбору націи; разъ въ каждые четыре года они утверждались въ этомъ званіи нравственнымъ судомъ до-

стойнѣйшихъ людей; они назначались пожизненно, не завися ни отъ истеченія срока своей должности ни отъ измѣнчивой народной воли; со времени уравненія сословій они составляли тѣсно сплоченную и замкнутую коллегію, въ составъ которой входили всѣ самые способные люди, обладавшіе политической интеллигенціей и практическимъ знакомствомъ съ дѣлами управленія; они неограниченно распоряжались финансовыми дѣлами и руководили внѣшней политикой, а исполнительная власть была совершенно въ ихъ рукахъ, благодаря тому, что должностныя лица назначались на короткій срокъ и тому, что послѣ прекращенія сословной распри трибунскій протестъ сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ сената; поэтому римскій сенатъ былъ самымъ благороднымъ представителемъ всей націи, а по своей послѣдовательности и государственной мудрости, по своему единодушію и патриотизму, по своему полновластію и непоколебимому мужеству былъ первой изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ политическихъ корпорацій, — даже въ ту пору былъ настоящимъ «собраніемъ царей», умѣвшимъ соединять деспотическую энергію съ республиканскимъ самоотверженіемъ. Никогда никакое государство не отстаивало своихъ интересовъ во внѣшнихъ дѣлахъ съ такой твердостью и съ такимъ достоинствомъ, съ какими ихъ отстаивалъ въ свои лучшія времена Римъ чрезъ посредство своего сената. Конечно, нельзя отрицать того, что денежная и землевладѣльческая аристократія, изъ представителей которой преимущественно состоялъ сенатъ, дѣйствовала пристрастно въ затрогивавшихъ ея личные интересы дѣлахъ внутренняго управленія и что въ этихъ случаяхъ мудрость и энергія корпораціи нерѣдко тратились не на пользу государства. Но выработанный тяжелой борьбой принципъ, что всѣ римскіе граждане равны передъ закономъ по правамъ и по обязанностямъ и что стало быть для всѣхъ ихъ открытъ свободный доступъ къ политической карьерѣ, то-есть въ сенатъ, поддерживалъ, вмѣстѣ съ блескомъ военныхъ и политическихъ успѣховъ, государственное и національное единство и отнялъ у сословныхъ распрѣй то ожесточеніе и взаимную ненависть, которыми отличалась борьба между патриціями и плебеями; а такъ какъ, благодаря счастливымъ результатамъ внѣшней политики, богатые люди имѣли широкій просторъ, не прибѣгая къ угнетенію средняго сословія, то римскій народъ могъ долѣе другихъ осуществлять въ лицѣ своего сената самое великое изъ всѣхъ человѣческихъ твореній—мудрое и успѣшное самоуправленіе.

Г Л А В А IV.

Паденіе этрусскаго могущества.—Бельты.

Морское владычество Этрусковъ и Карфагенянь. Послѣ того, какъ мы обрисовали развитіе римскихъ государственныхъ учрежденій въ теченіе двухъ первыхъ столѣтій республики, мы должны вернуться къ началу той-же эпохи для того, чтобъ изложить внѣшнюю исторію Рима и Италіи. Около того времени, когда Тарквиніи были выгнаны изъ Рима, могущество Этрусковъ достигло своего апогея. Въ Тирренскомъ морѣ безспорно властвовали Туски и находившіеся въ тѣсномъ съ ними союзѣ Карфагеняне. Хотя Массалія еще отстаивала свою независимость не смотря на то, что ей приходилось вести непрерывную и тяжелую борьбу, за то во власти Этрусковъ находились гавани Кампаніи и страны Вольсковъ, а со времени битвы при Алаліи и Корсика (стр. 143). Въ Сардиніи сыновья карфагенскаго полководца Магона положили начало величію своего рода и своего роднаго города полнымъ завоеваніемъ острова (около 260 г.), а въ Сициліи, — тѣмъ временемъ, какъ эллинскія колоніи были заняты внутренними раздорами, — Финикіяне успѣли безъ серьезнаго сопротивленія завладѣть западною частію острова. Корабли Этрусковъ господствовали также на Адриатическомъ морѣ, а ихъ капера наводили страхъ даже на восточныхъ водахъ. — И на сушѣ ихъ владычество, по видимому, усиливалось. Обладаніе Лаціумомъ имѣло огромную важность для Этруріи, которую только Латины отдѣляли отъ находившихся подъ ея поврительствомъ вольскихъ городовъ и отъ ея владѣній въ Кампаніи. Надежный оплотъ римскаго могущества служилъ до той поры достаточной охраной для Лаціума и съ успѣхомъ защищалъ противъ Этрусковъ тибрскую границу. Но когда римское государство ослабло отъ внутреннихъ смутъ, возникшихъ послѣ изгнанія Тарквиніевъ, весь этрусскій союзъ успѣшилъ воспользоваться этимъ благоприятнымъ случаемъ и подъ предводительствомъ царствовавшего въ Клузіѣ царя Ларса Персены возобновилъ съ усиленной энергіей нападеніе, которое уже не встрѣтило прежняго отпора; Римъ сдался

на капитуляцію и по мирному договору (заключенному, какъ полагають, въ 247 г.) не только уступилъ сосѣднимъ тусскимъ общинамъ всѣ свои владѣнія на правомъ берегу Тибра, отказываясь отъ своего исключительнаго владѣнія этой рѣкой, но даже выдалъ побѣдителямъ все свое оружіе и обязался впредь употреблять желѣзо только для плуга. По видимому, уже было недалеко то время, когда Италія объединится подъ верховенствомъ Этрусковъ.

507

Однако порабощеніе, которымъ грозила какъ Грекамъ, такъ и Ита. Этруски вы-
лїйцамъ коалиція Этрусковъ и Каррагенянъ, было удачно предот- Тѣснены изъ
вращено совокупными усилїями тѣхъ народовъ, которыхъ связывали Лаціума.
узы племеннаго родства и общая опасность. Этруская армія, про-
никнувшая послѣ паденія Рима въ Лаціумъ, встрѣтила на своемъ
побѣдоносномъ пути первое препятствїе передъ стѣнами Ариціи, бла-
годаря своевременному прибытію подкрѣпленій отъ Куманцевъ (248).
Намъ неизвѣстно, какъ кончилась эта война и главнымъ образомъ
неизвѣстно, разорвалъ-ли тогда Римъ свой пагубный и позорный
мирный договоръ; положительно извѣстно только то, что и на этотъ
разъ Тускамъ не удалось прочно утвердиться на лѣвомъ берегу
Тибра.

506

Вскорѣ послѣ того эллинской націи пришлось выдержать еще бо-
лѣе обширную и еще болѣе рѣшительную борьбу съ варварами и
на западѣ и на востокѣ. То было время персидскихъ войнъ. Поло-
женіе, которое занимали жители Тира по отношенію къ Великому
Царю, втянуло Каррагенъ въ сферу персидской политики (даже су-
ществуетъ правдоподобное преданіе о союзѣ, заключенномъ между
Каррагенянами и Ксерксомъ), а вмѣстѣ съ Каррагенянами и Этрусковъ.
То была одна изъ самыхъ грандіозныхъ политическихъ комбинацій,
вслѣдствіе которой одновременно устремились азіатскїя полчища на
Грецію, а финикійскїя на Сицилію для того, чтобъ однимъ разомъ
стереть съ лица земли и свободу и цивилизацію. Побѣда осталась
за Эллинами. Битва при Саламинѣ (274) спасла собственную Элладу
и отмстила за нее, и, какъ разсказываютъ, въ тотъ-же день вла-
дѣтели Сиракузъ и Авраганта (Агригента), Гелонъ и Феронъ нанесли
громдой арміи каррагенскаго полководца, Магонова сына Амиль-
бара такое рѣшительное пораженіе, что этимъ кончилась война, а
Финикіяне, еще не стремившіеся въ ту пору къ завоеванію всей
Сициліи для самихъ себя, снова стали держаться своей прежней обо-
ронительной политики. До сихъ поръ уцѣлѣло нѣсколько большихъ
серебряныхъ монетъ, выбитыхъ для этой войны изъ украшеній су-
пруги Гелона, Дамареты и другихъ знатныхъ сиракузскихъ дамъ,
а слѣдующія поколѣнія съ признательностью вспоминали о крот-
комъ и храбромъ сиракузскомъ царѣ и о вослѣдствїи Симонидомъ сла-
вной побѣдѣ. — Ближайшимъ послѣдствїемъ униженія Каррагена былъ
упадокъ морскаго владычества его этрусскихъ союзниковъ. Владѣ-

Упадокъ
морскаго
могущества
Этрусковъ
и Карраге-
нянъ.

480

Битвы при
Саламинѣ и
при Гимерѣ
и ихъ по-
слѣдствїя.

482 тель Региона и Цанкле, Анаксилъ заперъ ихъ каперамъ Сицилійскій
474 проливъ своимъ постояннымъ флотомъ (около 272 г.); вскорѣ послѣ
того Куманцы и Геронъ Сиракузскій одержали подлѣ Кумъ (280)
рѣшительную побѣду надъ тирренскимъ флотомъ, которому тщетно
пытались помочь Карфагеняне. Это была та самая побѣда, которую
Пиндаръ воспѣлъ въ первой пифейской одѣ и до сихъ поръ сохра-
нился этрусскій шлемъ, который былъ посланъ Герономъ въ Олим-
пю съ надписью: «Геронъ Деиноменовъ сынъ и Сиракузцы Зевсу
Тирранское изъ Кумъ»^{*)}.—Въ то время какъ, благодаря этимъ не-
обычайнымъ побѣдамъ надъ Карфагенянами и Этрусками, Сиракузы
стали во главѣ находившихся въ Сициліи греческихъ городовъ, среди
италійскихъ Эллиновъ безспорно занялъ первое мѣсто дорійскій Та-
рентинцевъ и Сиракузанъ. рентъ, — такъ какъ ахейскій Сибарисъ палъ около того времени,
511 когда были изгнаны изъ Рима цари (243); страшное пораженіе,
447 которое было (280) нанесено Тарентинцамъ Япигами и второе было
самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ до тѣхъ поръ нанесенныхъ греческимъ
арміямъ, лишь пробудило всю мощь народнаго духа, развернувшася
съ чисто демократическою энергіей точно такъ-же, какъ и въ
Элладѣ послѣ персидскаго нашествія. Съ тѣхъ поръ первую роль въ
италійскихъ водахъ играютъ уже не Карфагеняне и не Этрусски, а
въ моряхъ Адриатическомъ и Ионическомъ—Тарентинцы, въ Тиррен-
скомъ—Массалиоты и Сиракузяне, причемъ эти послѣдніе все болѣе
и болѣе стѣсняли морское разбойничество Этрусковъ. Послѣ побѣды
при Кумахъ Геронъ занялъ островъ Энарію (Исихю) и тѣмъ пре-
рвалъ сообщенія между Этрусками, жившими въ Кампаніи, и тѣми,
которые жили на сѣверѣ. Чтобъ рѣшительно положить конецъ мор-
скимъ разбоямъ Тусковъ, была отправлена около 302 года изъ Си-
ракузъ особая экспедиція; она опустошила островъ Корсику и берега
452 Этрурии и заняла островъ Эталію (Эльбу). Хотя этимъ путемъ еще
и не достигли окончательнаго уничтоженія этрусско-карфагенскихъ
пиратовъ (такъ какъ каперство, повидимому, существовало, какъ
напримѣръ въ Анціѣ, до начала пятаго столѣтія отъ осн. Р.),
все-таки могущество Сиракузъ сдѣлалось надежнымъ оплотомъ про-
тивъ соединенныхъ Тусковъ и Финикіянъ. Правда, былъ моментъ,
когда казалось, что это могущество непремѣнно будетъ сломлено
Аеинянами, которые предприняли во время пелопоннесской войны
415—413 (339—341) морскую экспедицію противъ Сиракузъ и получили отъ
своихъ старыхъ друзей Этрусковъ подкрѣпленіе изъ трехъ пятиде-
сяти-весельныхъ галеръ. Однако побѣда осталась, какъ извѣстно,
за Дорянами и на западѣ и на востокѣ. Послѣ постыдной неудачи
аеинской экспедиціи, Сиракузы сдѣлались неоспоримо первой грече-
ской морской державой, такъ что стоявшіе во главѣ мѣстнаго управ-

*) Ἡρόδου ὁ Δεινομένεος καὶ τοῖ Σираκοῦσι τοῖ Δι Τύραν' ἀπὸ Κούμας.

ленія государственные люди стали помышлять о владычествѣ надъ Сициліей и южной Италіей и надъ обоими италійскими морями; съ своей стороны Карфагеняне, видя, что ихъ владычеству въ Сициліи стала грозить серьезная опасность, были вынуждены принять и дѣйствительно приняли за главную цѣль своей политики обезсиленіе Сиракузанъ и покореніе всего острова. Здѣсь не мѣсто описывать, какъ эта борьба привела къ упадку срединныхъ сицилійскихъ государствъ и къ усиленію карфагенскаго могущества, а что касается Этрурии, то новый владѣтель Сиракузъ Діонисій (царствовавшій 348—387) нанесъ ей очень чувствительные удары. Честолюбивый царь утвердилъ свое новое колониальное могущество прежде всего въ италійскомъ восточномъ морѣ, въ сѣверныхъ водахъ котораго стала тогда впервые владычествовать греческая морская держава. Около 367 года Діонисій занялъ и колонизировалъ на иллирійскомъ берегу гавань Лиссъ и островъ Исса, а на италійскомъ берегу пристани Анкону, Нуману и Атрию; воспоминанія о сиракузскомъ владычествѣ въ этой отдаленной странѣ сохранились не въ однихъ только «рвахъ Фижиста», то-есть каналѣ, который былъ прорытъ близъ устьевъ По, безъ сомнѣнія, извѣстнымъ историкомъ и другомъ Діонисія, жившимъ во время своего изгнанія (368 и слѣд.) въ Атрии; по всему вѣроятію, съ этими-же событіями находится въ связи и измѣненіе названія италійскаго восточнаго моря, которое съ тѣхъ поръ стало носить вмѣсто прежняго названія Іоническаго залива (стр. 128) и до сихъ поръ употребительное названіе «моря Адри»^{*}). Но Діонисій не удовольствовался тѣмъ, что отнялъ у Этрусковъ ихъ владѣнія въ восточномъ морѣ и пресѣкъ ихъ торговья сообщенія; онъ нанесъ ихъ могуществу рѣшительный ударъ тѣмъ, что взялъ приступомъ и разграбилъ церитскій портовой городъ Пирги (369). Отъ этого удара Этруски уже никогда не могли оправиться. Беспорядки, возникшіе въ Сиракузахъ послѣ смерти Діонисія, открыли для Карфагенянъ болѣе широкій просторъ и ихъ флотъ снова приобрѣлъ въ Тирренскомъ морѣ преобладаніе, которое съ тѣхъ поръ сохранялъ за собой съ небольшими промежутками; но Этруски страдали отъ этого не менѣе Грековъ, такъ что когда Агаоклъ сиракузскій сталъ въ 444 г. готовиться къ войнѣ съ Карфагеномъ, къ его флоту присоединились восемнадцать этрусскихъ военныхъ кораблей. Этруски могли бояться за Корсику, которая, по всему вѣроятію, еще находилась въ ту пору подъ ихъ властію; старинная этрусско-финикійская симмахія, существо-

Діонисій Сиракузскій.

406—367

387

386

385

310

^{*} Гекатей [† послѣ 257] и Геродотъ [270—послѣ 345] знали Атрию только какъ дельту рѣки По съ омывающимъ ее моремъ [O. Müller Etrusker I, стр. 140; geogr. Graeci min. ed C. Müller I, стр. 23]. Названіе Адриатическаго моря въ болѣе обширномъ смыслѣ встрѣчается въ первый разъ у такъ-называемаго Скилакса около 418 года.

497 484 409

336

384—322 вавшая еще во времена Аристотеля (370—432), была такимъ образомъ расторгнута, но своего морскаго могущества Этруски уже не могли возстановить.

Этотъ быстрый упадокъ морскаго могущества Этрусковъ былъ-бы необъяснимъ, если-бы имъ не было нанесено со всѣхъ сторонъ самыхъ тяжелыхъ ударовъ и на сушѣ въ то самое время, когда сицилійскіе Греки нападали на нихъ на морѣ. По словамъ римскихъ лѣтописей, около того времени, когда происходили битвы при Саламинѣ, Гимерѣ и Кумахъ, велась многолѣтняя и тяжелая война между Римомъ и Вейями (271—280). Римляне понесли тяжелыя пораженія; въ воспоминаніяхъ сохранилась катастрофа Фабіевъ (277), которые, вслѣдствіе внутреннихъ смуть, покинули столицу добровольными изгнанниками (стр. 277) и взялись защищать противъ Этрусковъ границу, но подлѣ ручья Кремеры были изрублены всѣ до послѣдняго чело-вѣка, способнаго носить оружіе. Однако заключенное вмѣсто мира перемиріе на 400 мѣсяцевъ, которымъ окончилась эта война, было выгодно для Римлянъ въ томъ отношеніи, что оно по меньшей мѣрѣ возстановило то положеніе дѣлъ, какое существовало во времена царей; Этруски отказались отъ Фиденъ и отъ территоріи, прибрѣтенной ими на правомъ берегу Тибра. Трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ эта римско-этрусская война находилась въ непосредственной связи съ войнами эллино-персидской и сицилійско-кареагенской, но, все-равно, были или не были Римляне союзниками тѣхъ, кто побѣдилъ при Саламинѣ и при Гимерѣ, выгоды и послѣдствія войны были для тѣхъ и другихъ во всякомъ случаѣ одинаковы. — Подобно Латинамъ и Самниты стали нападать на Этрусковъ и лишь только поселенія, заведенныя Этрусками въ Кампаніи, были отрѣзаны отъ своего отечества вслѣдствіе битвы при Кумахъ, они оказались неспособными отражать нападенія сабельскихъ горцевъ. Главный городъ Капуа палъ въ 330 году и этрусское населеніе было тамъ истреблено или оттуда выгнано вскорѣ послѣ завоеванія страны Самнитами. Конечно и жившіе въ Кампаніи Греки должны были сильно пострадать отъ того же нашествія, потому что были разъединены и слабы; даже городъ Кумы были взять Сабеллами въ 334 году. Однако Греки удержались въ Неаполѣ, быть можетъ, при помощи Сиракузянъ, между тѣмъ какъ даже имя Этрусковъ совершенно исчезло въ Кампаніи изъ историческихъ продажій; только нѣсколько отдѣльныхъ этрусскихъ общинъ еще владели тамъ нѣсколько времени жалкое и не оставившее послѣ себя слѣдовъ существованіе. — Но около того-же времени въ сѣверной Италіи совершились событія, еще болѣе богатые своими послѣдствіями. Новый народъ сталъ стучаться въ ворота Альповъ; то были Кельты, а ихъ первый натискъ обрушился на Этрусковъ.

Характеръ Кельтовъ. Кельтская, иначе галатская или гальская нація, была надѣлена отъ общей матери иначе, чѣмъ ея сестры италійская, германская

и эллинская. При многихъ прекрасныхъ и еще болѣе блестящихъ качествахъ ей недостаетъ той глубокой нравственной и государственной основы, на которой зиждется все, что есть хорошаго и великаго въ человѣческомъ развитіи. Для свободныхъ Кельтовъ, говоритъ Цицеронъ, считалось постыднымъ воздѣлывать землю собственными руками. Земледѣлію они предпочитали пастушескій образъ жизни и даже на плодородныхъ равнинахъ рѣки По занимались преимущественно разведеніемъ свиней, мясомъ которыхъ питались и вмѣстѣ съ которыми проводили дни и ночи въ дубовыхъ рощахъ. Они не знали той привязанности къ родной землѣ, которая свойственна Италійцамъ и Германцамъ; напротивъ того, они любили селиться въ городахъ и мѣстечкахъ, которые стали у нихъ разрастаться и приобретать значеніе, какъ кажется, ранѣе, чѣмъ въ Италіи. Ихъ гражданское устройство было неудовлетворительно; не только ихъ національное единство имѣло лишь слабую внутреннюю связь, — что, впрочемъ, можно замѣтить у всѣхъ народовъ въ началѣ ихъ развитія, — но даже въ ихъ отдѣльныхъ общинахъ не было единодушія и твердо организованной системы управленія, не было серьезнаго духа гражданственности и послѣдовательныхъ стремленій къ какой-нибудь опредѣленной цѣли. Они подчинялись только военной организаціи, которая, благодаря узамъ дисциплины, освобождаетъ отъ тяжелаго труда владѣть самимъ собой. «Выдающіяся особенности кельтскаго племени», — говоритъ его историкъ Тьерри, — «заключаются въ личной храбрости, которою оно превосходитъ всѣ народы, въ открытомъ, стремительномъ, доступномъ для всякаго впечатлѣнія темпераментѣ, въ широкой интеллигенціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ чрезвычайной живости, въ недостаткѣ выдержанности, въ отвращеніи къ дисциплинѣ и порядку, въ хвастливости и нескончаемыхъ раздорахъ, порождаемыхъ безграничнымъ тщеславіемъ». Почти то-же говоритъ въ немногихъ словахъ старшій Катонъ: «двумъ вещамъ Кельты придаютъ особую цѣну — умѣнью сражаться и умѣнью красно говорить» *). Такія свойства хорошихъ солдатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ плохихъ гражданъ служатъ объясненіемъ для того историческаго факта, что Кельты потрясли не мало государствъ, но сами не основали ни одного. Всюду, гдѣ мы встрѣчаемся съ ними, они всегда готовы двинуться съ мѣста, то-есть выступить въ походъ, всегда отдаютъ предпочтеніе передъ земельною собственностью подвижности и главнымъ образомъ золоту, всегда занимаются военнымъ дѣломъ, какъ правильно организованнымъ разбойничествомъ или даже какъ ремесломъ за условную плату и притомъ такъ успѣшно, что даже

*) *Pleraque Gallia duas res industriosissime persequitur: rem militarem et argute loqui.* [Cato, Orig. кн. II, стрмв. 2, Jordan].

римскій историкъ Саллюстій признавалъ превосходство Кельтовъ въ военномъ дѣлѣ надъ Римлянами. Судя по ихъ изображеніямъ и по дошедшимъ до насъ разсказамъ, это были настоящіе кондотьеры древнихъ временъ: они были небольшого роста и некрѣпкого тѣлосложенія, съ косматыми волосами на головѣ и съ длинными усами, представляя совершенную противоположность съ Греками и съ Римлянами, обстригавшими свои волосы и на головѣ и на верхней губѣ; носили они пестрыя, украшенныя вышивками, одежды, которыя нерѣдко сбрасывали съ себя во время сраженія, а на шею надѣвали широкія золотыя кольца; они не употребляли ни шлема ни какого-либо метательнаго оружія, но за то имѣли при себѣ громадный щитъ, длинный плохо-закаленный мечъ, кинжалъ и пику; все это было украшено золотомъ, такъ какъ они умѣли недурно обдѣлывать металлы. Поводомъ для хвастовства служило все, — даже рана, которую нерѣдко съ намѣреніемъ расширяли, для того, чтобъ похвастаться широкимъ рубцомъ. Сражались они обыкновенно пѣшими; но у нихъ были и конные отряды, въ которыхъ за каждымъ вольнымъ человѣкомъ слѣдовали два конныхъ оруженосца; боевыя колесницы были у нихъ изстари въ употребленіи точно такъ-же, какъ у Ливійцевъ и у Эллиновъ. Нѣкоторыя черты напоминаютъ сревневѣковое рыцарство, въ особенности незнакомая ни Римлянамъ ни Грекамъ привычка къ поединкамъ. Не только на войнѣ они имѣли обыкновеніе вызывать словами и тѣлодвиженіями врага на единоборство, но и въ мирное время они бились между собою на жизнь и на смерть, одѣвшись въ блестящіе военные доспѣхи. Само собой разумѣется, что за этимъ слѣдовали попойки. Такимъ образомъ, постоянно сражаясь и совершая такъ-называемые геройскіе подвиги то подъ собственнымъ, то подъ чужимъ знаменемъ, они вели солдатскій образъ жизни, благодаря которому разсѣялись на всемъ пространствѣ отъ Ирландіи и Испаніи до Малой Азіи; но все, что они совершали, расплывалось какъ весенній снѣгъ, и они нигдѣ не основали большаго государства, нигдѣ не создали своей собственной культуры.

Передвиженіа Кельтовъ.

Такъ описываютъ намъ эту націю древніе разсказы, а о ея происхожденіи мы можемъ высказывать только догадки. Она вела свое начало отъ того-же корня, отъ котораго произошли народности эллинская, италійская и германская *); подобно имъ и

*) Свѣдущіе филологи въ послѣднее время утверждали, что между Кельтами и Италійцами существуетъ болѣе близкое племенное родство, чѣмъ между Италійцами и Эллинами, — другими словами, что та отрасль великаго племени, отъ которой произошли западно-европейскіе и южно-европейскіе народы индо-германскаго корня, сначала раздѣлилась на Грековъ и Итало-Кельтовъ, а эти послѣдніе гораздо позже снова раздѣлились на Италійцевъ и Кельтовъ. Съ ге-

Кельты перешли изъ общей восточной родины въ Европу, гдѣ съ древнѣйшихъ временъ достигли береговъ западнаго моря, избрали своимъ главнымъ мѣстопробываніемъ теперешнюю Францію, потомъ переместились къ сѣверу на Британскіе острова, къ югу за Пиринеи и стали оспаривать у иберійскихъ племенъ обладаніе ихъ полуостровомъ. Во время этого перваго большаго передвиженія Кельты не пытались переходить черезъ Альпы и только впоследствии стали предпринимать изъ западныхъ странъ небольшими отрядами и въ противоположномъ направленіи тѣ нашествія, благодаря которымъ проникли за Альпы, за Гемусъ и даже за Босфоръ и въ теченіе многихъ столѣтій наводили ужасъ на всѣ древнія цивилизованныя націи, пока ихъ могущество не было навсегда сломлено побѣдами Цезаря и организованною Августомъ защитою римскихъ границъ.— Туземныя сказанія объ ихъ странствованіяхъ, сохранившіяся преимущественно въ произведеніяхъ Ливія; слѣдующимъ образомъ описываютъ эти повдѣйшіе походы въ обратномъ направленіи *). Гальскій племенной союзъ, во главѣ котораго стояла въ ту пору, какъ и во времена Цезаря, волость Битуриговъ (около Буржа),

---

ографической точки зрѣнія эта гипотеза легко можетъ быть допущена, и находящіяся въ нашихъ рукахъ историческія данныя также могутъ быть съ нею согласованы такъ какъ то, что до сихъ поръ считалось греко-италійской цивилизаціей, могло-бы считаться за цивилизацію греко-кельто-италійскую; но о той культурной степени, на которой стояли Кельты, намъ ничего неизвѣстно. Филологическія изслѣдованія касательно этого предмета еще далеко не дошли до того, чтобы ихъ выводы могли быть занесены въ древнѣйшую исторію народовъ.

*) Эти сказанія сообщены Ливіемъ [5, 34] и Юстиномъ [24, 4]; Цезарь [Bel. Gal. 6, 24] также имѣлъ ихъ въ виду. Однако связь Белловезова похода съ основаніемъ Массалии, относящая этотъ походъ хронологически къ половинѣ втораго столѣтія отъ осн. Рима, засвидѣтельствована, безспорно, не туземными народными сказаніями, въ которыхъ, натурально, не могло быть никакихъ хронологическихъ указаній, а позднѣйшими хронологическими изслѣдованіями и не заслуживаетъ никакого довѣрія. Кельты, быть можетъ, и предпринимали отдѣльными отрядами нашествія и переселенія въ очень раннюю пору, но великое наводненіе сѣверной Италіи Кельтами не могло произойти ранѣе упадка этрусскаго могущества, то-есть ранѣе второй половины третьаго столѣтія отъ осн. Р.—По основательнымъ изслѣдованіямъ Викгама [W i c k h a m] и Крамера [C r a m e r], не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что Белловезъ, точно такъ же, какъ и Анибалъ, шолъ не черезъ Коттійскія Альпы [M o n t G é n e v r e] и не черезъ владѣнія Тауринновъ, а черезъ Грайскія Альпы [Малій Сенъ-Бернаръ] и черезъ владѣнія Салассовъ; названіе горъ Ливій сообщаетъ не по народнымъ претаніямъ, а по своимъ догадкамъ. Но для насъ остается неразрѣшеннымъ вопросъ, основано-ли на подлинныхъ легендарныхъ воспоминаніяхъ мнѣніе, что италійскіе Бойи прошли черезъ восточное ущелье Пеннинскихъ Альпъ, или-же оно не болѣе, какъ выводъ изъ предполагаемой связи между этими Боями и тѣми, которые жили къ сѣверу отъ Дуная.

Кельты
вступают
изъ сѣвер-
ной Итали
въ борьбу
съ Этрус-
нами.

396

выслалъ при царѣ Амбіатѣ двѣ большія арміи подѣ предводительствомъ двухъ царскихъ племянниковъ, изъ которыхъ одинъ, по имени Сиговезъ, проникъ за Рейнъ въ направленіи къ Шварцвальду, а другой, по имени Белловезъ, спустился черезъ Грайскія Альпы (Малый Сень-Бернаръ) въ долину рѣки По. Отъ перваго ведетъ свое начало гальское поселеніе на среднемъ Дунаѣ, отъ втораго—древнѣйшее поселеніе Кельтовъ въ теперешней Ломбардіи, волость Инсубровъ съ ея главнымъ центромъ Медиоланомъ (Миланомъ). Вслѣдъ за тѣмъ скоро появилось новое сборище Кельтовъ, основавшее волость Кеномановъ съ городами Бриксіей (Брешіей) и Вероной. Послѣ того потокъ переселенцевъ сталъ непрерывно спускаться черезъ Альпы на цвѣтушія равнины; кельтскія племена толкали впередъ и увлекали вслѣдъ за собой Лигурійцевъ и вмѣстѣ съ ними стали отнимать у Этрусковъ одинъ пунктъ вслѣдъ за другимъ, пока весь лѣвый берегъ рѣки По не перешолъ въ ихъ руки. Послѣ паденія богатаго этрускаго города Мельпа (вѣроятно въ миланской землѣ), для завоеванія котораго уже усѣвшіеся въ долинѣ По Кельты соединились съ вновь пришедшими племенами (358?), эти послѣдніе перешли на правый берегъ рѣки и стали вытѣснять Умбровъ и Этрусковъ изъ ихъ древнихъ мѣстъ поселенія. То были преимущественно Бойи, проникшіе въ Италію, какъ слѣдуетъ полагать, инымъ путемъ—черезъ Пеннинскія Альпы (Большой Сень-Бернаръ); они поселились въ теперешней Романьѣ, гдѣ сдѣлался ихъ столицей древній этрусскій городъ Фельзина, переименованный новыми повелителями въ Бононію. Наконецъ пришли и Сеноны, которые были послѣднимъ изъ большихъ кельтскихъ племенъ, перебравшихся за Альпы; они заняли берега Адриатическаго моря на пространствѣ отъ Римини до Анконы. Но слѣдуетъ полагать, что отдѣльныя толпы кельтскихъ переселенцевъ проникали даже внутрь Умбріи, почти до самыхъ границъ собственной Этруріи, такъ какъ подлѣ Тоди на верхнемъ Тибрѣ были найдены на камняхъ надписи на кельтскомъ языкѣ. Границы Этруріи все болѣе и болѣе суживались съ сѣвера и съ востока, такъ что около половины четвертаго столѣтія тускская нація принуждена была довольствоваться той территоріей, которая съ тѣхъ поръ носила и до сихъ поръ носитъ ея имя.

Нападеніе
Римлянъ на
Этрурію.

Этруская нація, съ такой замѣчательной энергіей и быстротой утвердившая свое владычество въ Лаціумѣ, въ Кампаніи и на обоихъ италійскихъ моряхъ, еще быстрѣе пришла въ упадокъ, когда на нее, какъ-будто сговорившись, одновременно напали и Сиракузяне и Латины и Самниты и, главнымъ образомъ, Кельты. Она утратила свое морское могущество, а жившіе въ Кампаніи Этруски утратили свою независимость именно въ то время, когда Инсубры и Кеноманы поселились на берегахъ По, и около того-же времени римское гражданство,—за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ глубоко

униженное и почти порабощенное Порсеной, — снова стало действовать наступательно против Этрурии. Путем перемирия, заключеннаго съ Вейями въ 280 году, оно обратно получило все, что было имъ утрачено и въ сущности восстановило отношенія, существовавшія между двумя націями во времена царей. Хотя послѣ истечения срока этого перемирія въ 309 году распри и возобновились, но это были лишь пограничныя схватки и хищническіе набѣги, не имѣвшіе важныхъ послѣдствій ни для одной ни для другой стороны. Этрурія еще была въ ту пору такъ могущественна, что Римъ не могъ помышлять о серьезномъ на нее нападеніи. Только послѣ того, какъ жители Фиденъ выгнали римскій гарнизонъ, умертвили римскихъ пословъ и подчинились царю Вейентовъ Ларсу Толумнію, вспыхнула болѣе серьезная война, благополучно окончившаяся для Римлянъ: царь Толумнъ былъ убитъ въ сраженіи римскимъ консуломъ Авломъ Корнеліемъ Коссомъ (326?), Фидены были взяты Римлянами и въ 329 году было заключено новое перемиріе на 200 мѣсяцевъ. Тѣмъ временемъ положеніе Этруріи дѣлалось все болѣе стѣсненнымъ и Кельты начали нападать на оставшіяся до тѣхъ поръ нетронутыми этрусскія поселенія на правомъ берегу По. Когда срокъ перемирія истекъ въ 346 году, Римляне рѣшились предпринять противъ Этруріи завоевательную войну, которая на этотъ разъ велась уже не только противъ Вей, но также изъ-за обладанія этимъ городомъ. — Разказы о войнѣ съ Вейентами, Капенатами и Фалисками и объ осадѣ Вей, будто-бы продолжавшейся, какъ и осада Трои, города Вейи. Завоеваніе
десять лѣтъ, не заслуживаютъ большаго довѣрія. Легенда и поэтическая фантазія завладѣли этимъ сюжетомъ и не безъ основанія, такъ какъ борьба велась съ небывалымъ напряженіемъ силъ и побѣдителей ожидала небывалая награда. По этому случаю римская армія въ первый разъ оставалась въ походѣ лѣто и зиму въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, пока предположенная цѣль не была достигнута, и въ первый разъ община платила войску жалованье изъ государственныхъ средствъ. Но также въ первый разъ Римляне попытались подчинить себѣ иноплеменную націю и перенесли свое оружіе за старинную сѣверную границу латинской земли. Борьба была упорна, но ея исходъ едва ли могъ быть сомнителенъ. Римляне нашли содѣйствіе со стороны Латиновъ и Герниковъ, для которыхъ паденіе грознаго сосѣда было почти не менѣе пріятно и выгодно, чѣмъ для самихъ Римлянъ; напротивъ того, жители Вейевъ были покинуты своими соотечественниками и получили поддѣрпленія только отъ сосѣднихъ городовъ, — отъ Капены, Фалерій и Тарквиній. Что сѣверныя общины не приняли участія въ борьбѣ, уже достаточно объясняется необходимостью обороняться отъ Кельтовъ; но кромѣ того разказываютъ, — и нѣтъ никакого основанія невѣрить этимъ разказамъ, — что главной причиной такого бездѣйствія со стороны остальныхъ Этрусковъ были

474

445

428

425

408

396 внутренніе раздоры въ средѣ этрусскаго городскаго союза, а именно то, что города съ аристократической формой правленія были въ оппозиціи съ Вейентами, сохранившими у себя или возстановившими царское управленіе. Если-бы вся этрусская нація могла или хотѣла принять участіе въ борьбѣ, то при тогдашнемъ до крайности низкомъ положеніи осаднаго искусства римская община едва-ли была-бы въ состояніи довести до конца такое гигантское предпріятіе, какъ взятіе большаго и укрѣпленнаго города; но такъ какъ этотъ городъ былъ одинокъ и всѣми покинутъ, то не смотря на мужественное сопротивленіе онъ не устоялъ (358) противъ стойкаго героизма Марка Фурія Камилла, впервые открывшаго свѣзему народу блестящее и опасное поприще внѣшнихъ завоеваній. Ликованье, которое было вызвано въ Римѣ этимъ великимъ успѣхомъ, оставило послѣ себя отголосокъ въ сохранившемся до позднихъ временъ обыкновеніи Римлянъ заканчивать праздничныя игры «продажей Вейентовъ»; при этомъ производилась шуточная продажа съ аукціона мнимой военной добычи и въ заключеніе пускался въ продажу самый уродливый старый калѣка, какаго только можно было отыскать; на него надѣвали пурпуровую мантию и разныя золотыя украшенія, такъ какъ онъ изображалъ «царя Вейентовъ». Городъ былъ разрушенъ, а мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, было обречено на вѣчное запустеніе. Фалерин и Капена успѣли заключить миръ; могущественные Вольсини, бездѣйствовавшіе со свойственнымъ союзникамъ двоедушіемъ во время агоніи города Вейи и взявшіеся за оружіе послѣ его паденія, также согласились черезъ нѣсколько лѣтъ (363) на заключеніе мира. Разсказъ о томъ, что оба перзодовые оплота этрусской націи Мельпъ и Вейи были взяты въ одинъ и тотъ же день, первый Кельтами, а второй Римлянами, похожъ на плачевную легенду, но въ его основѣ лежитъ глубокая историческая истина. Двойное нападеніе съ сѣвера и съ юга и паденіе обѣихъ пограничныхъ крѣпостей были началомъ конца великой этрусской націи.

391 Кельты въ Однако на минуту могло показаться, что два народа, грозившіе борьбѣ съ существованію Этруріи своимъ одновременнымъ нападеніемъ, неизбежно должны столкнуться и что едва развѣтавшее могущество Рима будетъ уничтожено иноземными варварами. Такой оборотъ дѣлъ противорѣчалъ естественному теченію политическихъ событій, но его вызвали сами Римляне своимъ высокомеріемъ и недалекостью. — Толпы Кельтовъ, перебравшіяся черезъ рѣку послѣ паденія Мельпа, наводнили съ стремительной быстротой сѣверную Италію и не только равнины на правомъ берегу По и вдоль Адриатическаго моря, но также собственную Этрурію по сю сторону Апеннинъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того (363), даже находившійся въ самомъ центрѣ Этруріи Клузій (Chiusi, на границѣ Тосканы и папской области) былъ осажденъ кельтскими Сенонами, а Этруски

такъ упали духомъ, что бѣдствовавшій тусскій городъ обратился за помощью къ тѣмъ, кто разрушилъ Вейи. Римляне, быть можетъ, поступили-бы благоразумно, если-бы не отказали въ просимой помощи и разомъ поставили-бы въ зависимость отъ Рима Галловъ путемъ вооруженнаго вмѣшательства, а Этрусковъ—посредствомъ оказаннаго имъ покровительства; но такое предусмотрительное вмѣшательство, которое заставило-бы Римлянъ предпринять серьезную войну на сѣверной границѣ Этруріи, не входило въ кругозоръ ихъ тогдашней политики. Поэтому не оставалось ничего другаго, какъ воздержаться отъ всякаго вмѣшательства. Но Римляне совершили безразсудство, отказавъ одной сторонѣ въ помощи, а къ другой отправивъ пословъ; эти послы оказались еще болѣе безразсудными, такъ какъ вообразили, что могутъ повліять на Кельтовъ громкими словами и, когда имъ это не удалось, вообразили, что, имѣя дѣло съ варварами, могутъ безнаказанно нарушать международныя обязанности: въ рядахъ Клузійцевъ они приняли участіе въ сраженіи съ Кельтами и одинъ изъ нихъ спихъ гальскаго предводителя съ коня. Варвары поступили въ этомъ случаѣ умѣренно и осмотрительно. Они прежде всего обратились къ римской общинѣ съ требованіемъ выдать имъ нарушителей международнаго права, и римскій сенатъ уже былъ готовъ удовлетворить это справедливое желаніе. Но въ народной массѣ состраданіе къ соотечественникамъ одержало верхъ надъ справедливостію къ иноземцамъ: гражданство отказало въ требуемомъ удовлетвореніи, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ, храбрые передовые бойцы за родину даже были назначены консулярными трибунами на 364 годъ *), которому было суждено занять такое печальное мѣсто въ римскихъ лѣтописяхъ. Тогда Бреннъ, то-есть воинскій царь Галловъ, снялъ осаду Клузія и всѣ военныя силы Кельтовъ, состоявшія, какъ утверждаютъ, изъ 70,000 человекъ, двинулись на Римъ. Такіе походы въ невѣдомыя и далекія страны были обыкновеннымъ дѣломъ для Галловъ, которые шли впередъ, какъ вооруженныя толпы переселенцевъ, не заботясь ни о прикрытіи ни объ отступленіи, а въ Римѣ очевидно не сознавали, какую опасность грозило такое стремительное и внезапное нашествіе. Только тогда, когда Галлы были недалеко отъ Рима, римская армія перешла черезъ Тибръ и загородила имъ дорогу. Двѣ арміи сошлись менѣе чѣмъ въ трехъ нѣмецкихъ миляхъ отъ городскихъ воротъ, тамъ, гдѣ ручей Аллія впадаетъ въ Тибръ, и дѣло дошло 18 іюля 364 года до битвы. Даже въ эту минуту Римляне шли на бой самоувѣренно и безумно дерзко, какъ-будто имѣли дѣло не съ непріа-

390

Битва при
Алліи.

390

* По обще-принятому сравнительному счету годовъ, это случилось въ 309 году до Р. Х.; но на самомъ дѣлѣ Римъ былъ взятъ въ первомъ году 98 олимпиады — 388 г. до Р. Х., а это событіе было отодвинуто назадъ только вслѣдствіе путаницы въ римскомъ лѣтосчисленіи.

тельской арміей, а съ шайкой разбойниковъ, и вождями у нихъ были люди неопытные, такъ какъ сословныя распри заставили Камилла удалиться отъ дѣлъ. Всѣ воображали, что имѣють дѣло съ дикарями, а въ такомъ случаѣ какая надобность становиться лагеремъ и заботиться объ отступленіи? Но эти дикари были такъ мужественны, что не боялись смерти, а ихъ боевые приемы оказались столько-же новыми для Италійцевъ, сколько пагубными; съ обнаженными мечами въ рукахъ, Кельты бѣшено бросились на римскую фалангу и съ перваго натиска опрокинули ее. Пораженіе было полное; Римляне сражались спиной къ рѣкѣ и тѣ изъ нихъ, которые пытались обратно перейти черезъ нее, болѣею частію находили въ ней свою гибель; тѣ, которымъ удалось спастись, бросились въ сторону, въ близлежащія Вейи. Побѣдоносные Кельты стояли между остатками разбитой арміи и столицей. Такимъ образомъ для Рима не было спасенія; немногочисленнаго войска, которое тамъ оставалось или которое укрылось тамъ отъ непріятеля, не было достаточно для защиты городскихъ стѣнъ и черезъ три дня послѣ битвы побѣдители вошли въ отворенныя ворота Рима. Если бы они сдѣлали это такъ скоро, какъ могли, то вмѣстѣ съ городомъ погибло-бы и государство; но короткій промежутокъ времени между ихъ побѣдой и вступленіемъ въ Римъ далъ возможность увести или зарыть въ землю государственную святыню и, — что еще важнѣе, — занять цитадель и на скорую руку снабдить ее съѣстными припасами. Тѣхъ, кто не былъ въ состояніи носить оружіе, не пускали въ замокъ, такъ какъ на всѣхъ не достало-бы хлѣба. Множество безоружныхъ людей разбѣжалось по сосѣднимъ городамъ, но многіе, — и въ особенности нѣкоторые изъ именитыхъ старцевъ, — не хотѣли пережить гибель города и ожидали въ своихъ домахъ смерти отъ меча варваровъ. Эти варвары пришли, стали всѣхъ убивать и все грабить, а въ заключеніе зажгли городъ со всѣхъ концовъ на глазахъ у стоявшаго въ Капитоліи гарнизона. Но осадное искусство имъ не было знакомо, а блокада крутой крѣпостной стѣны потребовала-бы и много времени и много труда, такъ какъ съѣстные припасы для громадной арміи можно было добывать только разсылкой вооруженныхъ отрядовъ, на которые нерѣдко съ мужествомъ и съ успѣхомъ нападали граждане сосѣднихъ латинскихъ городовъ, въ особенности Ардеаты. Однако Кельты съ безпримѣрной въ ихъ положеніи энергіей простояли подъ скалою замка семь мѣсяцевъ; въ одну темную ночь гарнизонъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ неожиданнаго нападенія готанію священныхъ гусей въ Капитолійскомъ храмѣ и случайному пробужденію храбраго Марка Манлія; но его съѣстные припасы уже были на исходѣ, когда Кельты получили извѣстіе о вторженіи Вене-товъ въ недавно завоеванную ими сенонскую область на берегахъ По и потому согласились принять предложенный имъ выкупъ. Настоящее

Взятіе Рима.

положеніе дѣлъ было очень вѣрно обрисовано тѣмъ, что брошенный съ презрительной насмѣшкой на вѣсы гальскій мечъ опредѣлялъ количество золота, которое должны были уплатить Римляне. Желѣзо варваровъ побѣдило, но они продали свою побѣду и этимъ путемъ сами отъ нея отказались. — Всѣ подробности этого необычнаго событія — страшная катастрофа пораженія и пожара, день 18-го іюля и ручей Аллія, мѣсто, гдѣ была зарыта въ землю городская святыня и то мѣсто, гдѣ было отражено неожиданное нападеніе на замокъ — перешли изъ воспоминаній современниковъ въ фантазію потомства и даже теперь вѣрится съ трудомъ, что дѣйствительно протекали двѣ тысячи лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ приобрѣвшіе всемирно-историческую извѣстность гуси оказались болѣе бдительными, чѣмъ римскіе сторожевые посты. Однако, не смотря на изданіе новаго постановленія, что впредь, въ случаѣ нашествія Кельтовъ, никакія легальныя привилегіи не будутъ освобождать отъ обязанности нести военную службу, не смотря на то, что въ Римѣ стали считать года со времени взятія города Галлами, не смотря на то, что это событіе отозвалось на всемъ тогдашнемъ цивилизованномъ мірѣ и проникло даже въ греческія лѣтописи, битву при Алліи и ея результаты едва-ли можно отнести къ числу богатыхъ послѣдствіями историческихъ событій. Она ничего не измѣнила въ политическихъ отношеніяхъ. Когда Галлы удалились, унося свое золото (которое только по словамъ позднѣйшей и неискусно придуманной легенды было обратно привезено въ Римъ героемъ Камилломъ), когда бѣглецы возвратились домой, а сумазбродное предложеніе нѣкоторыхъ трусливыхъ политиковъ переселить всѣхъ гражданъ въ Вейи было отвергнуто благодаря мужественному протесту Камилла, домъ стали подыматься изъ своихъ развалинъ быстро и беспорядочно (этой эпохѣ обязаны своимъ происхожденіемъ узкія и кривыя улицы Рима) и Римъ снова занялъ свое прежнее господствующее положеніе; даже нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что это событіе, хотя и не въ первую минуту, существенно содѣйствовало смягченію антагонизма между Этруріей и Римомъ и въ особенности скрѣпленію узъ, связывавшихъ Лаціумъ съ Римомъ. Борьба Галловъ съ Римлянами не имѣла никакого сходства съ борьбой между Римомъ и Этруріей или между Римомъ и Самніемъ; это не было столкновеніе между двумя государственными силами, обуславливающими одна другую; ее можно сравнить съ тѣми катастрофами въ природѣ, послѣ которыхъ организмъ, — если только онъ не совершенно разрушенъ, — тотчасъ опять приходитъ въ свое нормальное положеніе. Галлы еще не разъ возвращались въ Лаціумъ: въ 387 году ихъ разбилъ при Альбѣ Камиллъ, — и это была послѣдняя побѣда сѣдаго героя, который былъ шесть разъ консулярнымъ военнымъ трибуномъ, пять разъ диктаторомъ и четыре раза вѣждалъ съ триумфомъ въ Капитолій; въ 393 году диктаторъ Титъ

Безплодность кельтской побѣды.

Квинтій Пеннъ сталъ противъ нихъ лагеремъ на разстоянн менѣе чѣмъ въ одну милю отъ города у моста на Аніо; но прежде, чѣмъ дошло дѣло до битвы, толпы Галловъ двинулись даѣе по направленію къ Кампаніи; въ 394 году диктаторъ Квинтъ Сервилій Агала боролся подъ воротами холмоваго Рима съ толпами Галловъ, возвращавшихся изъ Кампаніи; въ 396 году диктаторъ Гай Сульпицій Петикъ нанесъ имъ сильное пораженіе; въ 404 году они даже всю зиму простояли лагеремъ на альбанской горѣ и дрались на берегу съ греческими пиратами изъ-за добычи, пока не были прогнаны въ слѣдующемъ году сыномъ знаменитаго полководца Луціемъ Фуриемъ Камилломъ, — а объ этомъ событіи слышалъ въ Аѳинахъ его современникъ Аристотель (370—432). Однако, какъ бы ни были страшны и отяготительны эти хищническія нашествія, они были скорѣе несчастными случайностями, чѣмъ политическими событіями и главнымъ ихъ послѣдствіемъ было то, что на Римлянъ все болѣе и болѣе приучались смотрѣть, и въ ихъ собственной странѣ и за границей, какъ на оплотъ цивилизованныхъ народовъ Итаіи противъ страшныхъ варварскихъ нашествій, что способствовало позднѣйшему всемірному значенію Рима гораздо болѣе, чѣмъ думаютъ.

Дальнѣйшія завоеванія Римлянъ въ Этруріи. Южная Этрурія завоевана Римлянами.

Туски, воспользовавшіеся нападеніемъ Кельтовъ на Римъ для того, чтобъ попытаться завладѣть Вейями, ничего не добились, потому что выступили въ походъ съ недостаточными военными силами; лишь только варвары удалились, тяжелая рука Лаціума дала себя знать съ такою-же силой, какъ и прежде. Послѣ неоднократныхъ поражений Этрусковъ, вся южная Этрурія вплоть до Циминійскихъ высотъ перешла въ руки Римлянъ, которые учредили четыре новыхъ гражданскихъ округъ на территоріи Вейевъ, Калены и Фалерій (367) и обезпечили свою сѣверную границу постройкой крѣпостей Сутрія (371) и Непете (381). Этотъ плодородный и усѣянный римскими колоніями край шолъ быстрыми шагами къ полному романизированію. Около 396 года сосѣдніе этрусскіе города Тарквиніи, Цере и Фалеріи попытались воспротивиться римскому владычеству, а какъ сильно было раздраженіе, вызванное въ Этруріи этимъ владычествомъ, видно изъ того факта, что всѣ взятыя въ первую кампанію въ плѣнъ Римляне, въ числѣ трехъ сотъ семи, были умерщвлены на торговой площади въ Тарквиніяхъ; но это было раздраженіе безсилія. Городъ Цере, какъ самый близкій къ римской территоріи, заплатилъ за эту попытку дороже всѣхъ: по мирному договору (403) онъ уступилъ Риму половину своей территоріи, а съ оставшеюся у него урѣзанной территоріей перешолъ изъ этрусской конфедераціи въ такое-же зависимое отъ Рима положеніе, въ какомъ уже находились нѣкоторыя отдѣльныя латинскія общины. Однако казалось неблагоприятнымъ предоставлять этой отдаленной и иноплеменной общинѣ такую-же общинную самостоятельность, какая была предоставлена общинамъ,

подвластнымъ Латіуму; поэтому церитской общинѣ были даны права римскаго гражданства безъ активнаго и безъ пассивнаго участія въ происходившихъ въ Римѣ выборахъ; сверхъ того она была лишена самоуправленія, такъ что не мѣстные, а римскія должностныя лица завѣдывали отправленіемъ правосудія и переписью и даже мѣстная администрація находилась въ рукахъ замѣстителя (praefectus) римскаго претора;—здѣсь въ первый разъ встрѣчается такая форма зависимости, при которой государство, бывшее до того времени самостоятельнымъ, превращается въ общину, хотя и легально существующую, но лишенную возможности что-либо дѣлать по собственному усмотрѣнію. Вскорѣ послѣ того (411) и Фалеріи, сохранившіе свою коренную латинскую національность и подъ владычествомъ Тусковъ, вышли изъ этрусской конфедераціи и вступили въ вѣчный союзъ съ Римомъ; такимъ образомъ вся южная Этрурія, въ той или въ другой формѣ, подчинилась римскому верховенству. Относительно Тарвиніи и въ особенности сѣверной Этруріи Римляне удовольствовались тѣмъ, что надолго связали ихъ (403) мирнымъ договоромъ, заключеннымъ на 400 мѣсяцевъ.

343

351

И въ сѣверной Италіи племена, безпрестанно сталкивавшіяся между собою и стремившіяся къ завоеваніямъ, мало-по-малу усѣлись на своихъ мѣстахъ прочнѣе прежняго и въ болѣе неизмѣнныхъ границахъ. Нашествія изъ-за Альповъ превратились частію вслѣдствіе отчаяннаго сопротивленія Этрусковъ въ предѣлахъ ихъ сѣвернаго отечества и энергическаго отпора со стороны могущественныхъ Римлянъ, частію вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ перемѣнъ, которыя совершились на сѣверѣ отъ Альповъ. Кельты сдѣлались господствующей націей на всемъ пространствѣ между Альпами и Апеннинами вплоть до Аbruццовъ и въ особенности обладателями равнинъ и богатыхъ пастбищъ; но ихъ колонизаціонная политика была такой вялой и поверхностной, что ихъ владычество не пустило глубокихъ корней во вновь прибрѣтенныхъ странахъ и вовсе не имѣло внѣшней формы исключительнаго господства. Наши недостаточныя свѣдѣнія о національности позднѣйшихъ альпійскихъ народовъ не позволяютъ намъ выяснить, что дѣлалось въ ту пору въ Альпахъ и какъ кельтскіе поселенцы смѣшивались тамъ съ древнѣйшими этрусскими или другими племенами; только жившихъ въ теперешнемъ Граубюнденѣ и Тироли Ретовъ мы можемъ съ нѣкоторой достовѣрностью назвать этрусскимъ племенемъ. Долины Апеннинъ остались во власти Умбровъ, а сѣверо-восточная часть долины По—во власти говорившихъ на иномъ языкѣ Венетовъ; въ западныхъ горахъ удержались лигурийскія племена, жившія между Пизой и Аренцо и отдѣлявшія собственно-кельтскую землю отъ Этруріи. Только въ срединной низменности хозяйничали Кельты: къ сѣверу отъ По—Иисуоры и Кеноманы, къ югу—Бойи, на берегахъ Адриатическаго моря отъ Ари-

Замиреніе сѣверной Италіи.

мина до Анконы въ такъ-называемой «галльской странѣ» (ager Gallicus)—Сеноны, не говоря уже о другихъ болѣе мелкихъ племенахъ. Но и тамъ, какъ слѣдуетъ полагать, еще существовали этрусскія поселенія, напримѣръ въ родѣ того, какъ Эфесъ и Милетъ остались греческими городами и подъ персидскимъ верховенствомъ. По меньшей мѣрѣ Мантуа, которую охраняло ея географическое положеніе, похожее на положеніе острова, была тускскимъ городомъ и во времена имперіи; и стоявшая на берегахъ По Адрія, въ которой откопано такъ много этрусскихъ вазъ, какъ кажется, сохранила свой этрусскій характеръ; еще въ описаніи береговъ, которое приписываютъ Скилаксу и которое было составлено въ 418 году, страна вокругъ Адріи и Спины названа этрусскою страной. Только этимъ и объясняется, какъ этрусскіе корсары даже въ пятomъ столѣтіи могли дѣлать небезопаснымъ плаваніе по Адриатическому морю и почему не только Діонисій Сиракузскій усѣялъ берега этого моря колоніями, но даже Аѣины,—какъ это доказываетъ недавно-найденный замѣчательный документъ, — рѣшили около 429 года основать на берегахъ Адриатическаго моря колонію для защиты купеческихъ кораблей отъ тирренскихъ каперовъ.—Но какъ-бы ни были значительны уцѣлѣвшіе тамъ остатки этрусской національности, это были не болѣе какъ отдѣльные обломки прежняго могущества; этрусской націи не принесло пользы и то, что было тамъ приобрѣтено ея членами путемъ мирныхъ торговыхъ сношеній или морскихъ разбоевъ. За то, по всему вѣроятію, именно отъ этихъ полусвободныхъ Этрусковъ исходили зачатки той цивилизаціи, которую мы впоследствии находимъ у Кельтовъ и вообще у альпійскихъ племенъ (стр. 214). Вліянію Этрусковъ слѣдуетъ приписать и то, что поселившіяся на равнинахъ Ломбардіи толпы Кельтовъ отвязались—какъ утверждаетъ такъ-называемый Скилаксъ—отъ военной жизни и завели прочную осѣдность; но кромѣ того зачатки ремеслъ и искусствъ, равно какъ азбука, были получены именно отъ Этрусковъ ломбардскими Кельтами и даже племенами, жившими среди Альповъ вплоть до теперешней Штиріи.

Собственная Такимъ-то образомъ, послѣ того, какъ Этрусски утратили свои **Этрурія** въ владѣнія въ Кампаніи и всѣ страны на сѣверѣ отъ Апеннинъ и къ **мирѣ и въ** югу отъ Циминійскаго дѣса, въ ихъ рукахъ осталась очень небольшая **упадкѣ.** территория и для нихъ безвозвратно миновала эпоха могущества и стремленій въ даль. Съ этимъ внѣшнимъ упадкомъ націи находится въ самой тѣсной обоюдной связи и ея внутреннее разложеніе, причины котораго возникли, конечно, въ болѣе раннюю пору. У греческихъ писателей того времени очень часто встрѣчаются рассказы о чрезмѣрной роскоши, царствовавшей въ этрусскомъ образѣ жизни: южно-италійскіе поэты пятаго столѣтія отъ осн. Р. восхваляютъ тирренское вино, а современные историки Тимей и Теопомпъ рисуютъ

такія картины нравовъ этрусскихъ женщинъ и роскоши этрусскаго стола, которыя не уступаютъ описаніямъ самой крайней византійской и французской безнравственности. И хотя подробности этихъ разсказовъ очень недостоверны, все-таки, какъ кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію, что именно у Этрусковъ впервые вошло въ обыкновеніе забавляться отвратительными боями гладіаторовъ, впоследствии сдѣлавшимися язвой Рима и вообще послѣдней эпохи древняго міра; во всякомъ случаѣ всѣ эти факты несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что этрусская нація глубоко развратилась. Эта нравственная испорченность отозвалась и на политическомъ положеніи Этруріи. Насколько можно судить по нашимъ скуднымъ свѣдѣніямъ, тамъ преобладали такія-же аристократическія тенденціи какъ и въ современномъ Римѣ, но были еще болѣе рѣзки и еще болѣе пагубны. Упраздненіе царскаго званія, какъ кажется уже совершившееся въ эпоху осады Вейевъ во всѣхъ областяхъ Этруріи, вызвало въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городахъ появленіе аристократическаго режима, для котораго слабая федеральная связь была очень недостаточной удой. Даже для защиты страны рѣдко удавалось соединить всѣ этрусскіе города, а номинальная гегемонія Вольсиній не имѣла даже самаго отдаленнаго сходства съ той могучей силой, которую придавала латинской націи гегемонія Рима. Борьба противъ притязаній стараго гражданства на исключительное право занимать всѣ общинныя должности и пользоваться всѣми общинными угодьями могла бы сдѣлаться губительною и для римскаго государства, если-бы успѣшныя внѣшнія войны не доставили возможности въ нѣкоторой мѣрѣ удовлетворить требованія угнетенныхъ пролетаріевъ на счетъ иноземцевъ и открыть для честолюбія новые пути; а въ Этруріи такая-же борьба противъ политической и (что особенно замѣтно въ Этруріи) противъ священнослужебной монополіи знатныхъ родовъ окончательно погубила страну и въ политическомъ отношеніи и въ экономическомъ и въ нравственномъ. Громадныя богатства, состоявшія преимущественно изъ земельной собственности, были сосредоточены въ рукахъ небольшого числа аристократовъ, между тѣмъ какъ народъ все бѣдѣлъ; возникавшіе отсюда социальныя перевороты еще усиливали бѣдственное положеніе, которому они должны были помочь, а при безсиліи центральной власти доведеннымъ до крайности аристократамъ пришлось по необходимости (какъ напримѣръ въ Арреціи въ 453 году и въ Вольсиніяхъ въ 488 г.) обратиться за помощію къ Римлянамъ, которые тогда и положили конецъ какъ неурядицѣ, такъ и остаткамъ независимости. Народныя силы были сломлены со времени утраты Вейевъ и Мельца; правда, еще нѣсколько разъ дѣлались серьезныя попытки избавиться отъ римскаго владычества, но въ этихъ случаяхъ Этрусковъ толкало впередъ другое италійское племя—Самниты.

Покореніе Латиновъ и Кампанцевъ Римлянами.

Гегемонія Великимъ дѣломъ царской эпохи было владычество Рима надъ Рима надъ Лаціумомъ въ формѣ гегемоніи. Само собой понятно и кромѣ того Лаціумомъ подтверждается преданіями, что измѣненіе римскаго государственнаго устройства не осталось безъ сильнаго вліянія какъ на отношенія римской общины къ Лаціуму, такъ и на внутреннее устройство самихъ латинскихъ общинъ; о колебаніяхъ, которыя возбудилъ въ римско-латинской конфедераціи происшедшій въ Римѣ переворотъ, свидѣтельствуетъ блестящая необыкновенно яркими красками легенда о побѣдѣ при Регильскомъ озерѣ, которую будто-бы одержалъ надъ Латинами при помощи Діоскуровъ диктаторъ или консулъ Авлъ Постумій (255? 258?); еще положительнѣе о томъ-же свидѣтельствуетъ возобновленіе вѣчнаго союза между Римомъ и Лаціумомъ чрезъ посредство Спурія Кассія во время его вторичнаго консульства (261). Но эти рассказы даютъ намъ всего менѣе свѣдѣній именно о томъ, что всего важнѣе, — о правовыхъ отношеніяхъ новой римской республики къ латинскому союзу; а все, что намъ извѣстно касательно этого предмета изъ другихъ источниковъ, дошло до насъ безъ хронологическихъ указаній и можетъ быть здѣсь рассказано только въ той послѣдовательности, которая кажется самой правдоподобной. — Всякая гегемонія мало-по-малу переходитъ въ господство только вслѣдствіе свойственнаго ей внутренняго тяготѣнія, — и римская гегемонія надъ Лаціумомъ не составляла исключенія изъ этого общаго правила. Она была основана на полной равноправности римскаго государства съ одной стороны и латинскаго союза съ другой (стр. 102); но именно этой равноправности нельзя было примѣнять на практикѣ, въ особенности въ военномъ дѣлѣ и въ распоряженіи сдѣланными завоеваніями, не уничтожая фактически самой гегемоніи. По коренному смыслу союзной конституціи, не только и Риму и Лаціуму было, по всему вѣроятію, предоставлено право вести войны и заключать договоры съ иностранными государствами, то-есть полная политическая самостоя-

Гегемонія
Рима надъ
Лаціумомъ
подтверждается
преданіями,
что измѣненіе
римскаго
государственнаго
устройства
не осталось
безъ сильнаго
вліянія какъ
на отношенія
римской
общины къ
Лаціуму,
такъ и на
внутреннее
устройство
самихъ
латинскихъ
общинъ;
о колебаніяхъ,
которыя
возбудилъ
въ римско-
латинской
конфедераціи
происшедшій
въ Римѣ
переворотъ,
свидѣтельствуетъ
блестящая
необыкновенно
яркими
красками
легенда
о побѣдѣ
при
Регильскомъ
озерѣ,
которую
будто-бы
одержалъ
надъ
Латинами
при помощи
Діоскуровъ
диктаторъ
или консулъ
Авлъ
Постумій
(255? 258?);
еще
положительнѣе
о томъ-же
свидѣтельствуетъ
возобновленіе
вѣчнаго
союза
между
Римомъ
и
Лаціумомъ
чрезъ
посредство
Спурія
Кассія
во время
его
вторичнаго
консульства
(261).
Но эти
рассказы
даютъ
намъ
всего
менѣе
свѣдѣній
именно
о томъ,
что
всего
важнѣе,
— о
правовыхъ
отношеніяхъ
новой
римской
республики
къ
латинскому
союзу;
а все,
что
намъ
извѣстно
касательно
этого
предмета
изъ
другихъ
источниковъ,
дошло
до насъ
безъ
хронологическихъ
указаній
и можетъ
быть
здѣсь
рассказано
только
въ той
послѣдовательности,
которая
кажется
самой
правдоподобной.
—
Всякая
гегемонія
мало-по-малу
переходитъ
въ
господство
только
вслѣдствіе
свойственнаго
ей
внутренняго
тяготѣнія,
— и
римская
гегемонія
надъ
Лаціумомъ
не
составляла
исключенія
изъ
этого
общаго
правила.
Она
была
основана
на
полной
равноправности
римскаго
государства
съ
одной
стороны
и
латинскаго
союза
съ
другой
(стр. 102);
но именно
этой
равноправности
нельзя
было
примѣнять
на
практикѣ,
въ
особенности
въ
военномъ
дѣлѣ
и
въ
распоряженіи
сдѣланными
завоеваніями,
не
уничтожая
фактически
самой
гегемоніи.
По
коренному
смыслу
союзной
конституціи,
не
только
и
Риму
и
Лаціуму
было,
по
всему
вѣроятію,
предоставлено
право
вести
войны
и
заключать
договоры
съ
иностранными
государствами,
то-есть
полная
политическая
самостоя-

49974967

493

Первоначальная равноправность между Лаціумомъ и Римомъ.

тельность, но когда союзу предстояла война и Римъ и Лациумъ должны были выставять военные силы въ одинакомъ размѣрѣ; по установленному правилу, каждая изъ двухъ сторонъ должна была выставять армию въ 8400 человекъ*) и каждая поочередно должна была назначать главнокомандующаго, который вслѣдъ за тѣмъ назначалъ по собственному выбору штабъ-офицеровъ, то-есть начальниковъ отрядовъ (*tribuni militum*). Въ случаѣ побѣды, какъ состоявшая изъ движимости добыча, такъ и завоеванная территория дѣлились поровну между Римомъ и федераціей, а если находили нужнымъ построить на завоеванной территоріи крѣпости, то не только ихъ гарнизоны и населеніе составлялись частію изъ римскихъ, частію изъ федеральныхъ переселенцевъ, но кромѣ того вновь основанная община принималась въ латинскую конфедерацію на правахъ самодержавнаго союзнаго государства съ мѣстомъ и съ голосомъ на латинскомъ сеймѣ.—Если-бы эти постановленія въ точности исполнялись, они уничтожили-бы самую сущность гегемоніи; даже въ эпоху царей они могли имѣть лишь ограниченное практическое значеніе, а во времена республики неизбѣжно должны были и формально измѣниться. Безъ сомнѣнія, прежде всего лишилась конфедерація ча-
Ограниченія
равноправ-
ности.
Въ веденіи
войнъ и въ
заключеніи
договоровъ.
Въ назначе-
ніи на офи-
церскія
должности.

стию права вести войны и заключать договоры съ иностранными государствами**), частію права назначать въ свой очередной годъ общаго главнокомандующаго; право объявлять войну, заключать договоры и назначать военачальника перешло разъ навсегда къ Риму. Отсюда слѣдовало, что штабъ-офицеровъ и для латинскихъ войскъ должны были назначать римскіе главнокомандующіе, а вслѣдъ за этимъ скоро состоялось и то нововведеніе, что въ штабъ-офицеры римскаго контингента стали назначать только римскихъ гражданъ, а въ штабъ-офицеры латинскаго контингента, если не исключительно, то предпочтительно—римскихъ гражданъ***). Въ замѣнъ этого отъ

*) Что объ арміи были первоначально одинакихъ размѣровъ, видно изъ словъ Ливія [1,52,8,14] и Діонисія [8,15], а всего яснѣе изъ словъ Полибія [6,26].

**) Діонисій положительно утверждаетъ [8,15], что позднѣйшими союзными договорами Рима съ Лациумомъ воспрещалось латинскимъ общинамъ мобилизировать ихъ контингенты по собственному усмотрѣнію и высылать въ походъ отдѣльно.

***) Этими латинскими штабъ-офицерами были двѣнадцать *praefesti sociorum*, которые впоследствии, когда старая фаланга раздѣлилась на позднѣйшіе легіоны и *alae*, начальствовали надъ двумя *alae* союзнаго контингента по шести на каждую, точно такъ-же какъ двѣнадцать военныхъ трибуновъ римской арміи были поставлены по шести надъ каждымъ изъ двухъ легіоновъ. Что первые изъ нихъ назначались консулами точно такъ-же, какъ первоначально назначались консулами и послѣдніе, говоритъ Полибій [6,26,5]. А такъ какъ по старинному уставу всякій, кто былъ обязанъ служить въ арміи, могъ сдѣлаться офицеромъ [стр. 93], и главнокомандующій имѣлъ законное право назначать Латина начальникомъ римскаго легіона и, наоборотъ, Римлянина начальникомъ ла-

латинскаго союза не требовали, чтобъ онъ выставлялъ болѣе сильный контингентъ, чѣмъ тотъ, который выставляла римская община, и римскій главнокомандующій былъ обязанъ не раздроблять латинскій контингентъ, а оставлять присланные отъ каждой общины отряды нераздѣльными подъ командой назначенныхъ общинами начальниковъ*). Право латинской федераціи на равную долю движимой добычи и завоеванной территоріи оставалось формально въ силѣ; но на дѣлѣ существенныя выгоды отъ войны, безъ сомнѣнія, уже издавна доставались первенствующему государству. Даже при основаніи союзныхъ крѣпостей или такъ-называемыхъ латинскихъ колоній туда переселялись, по всему вѣроятію, болшею частію и нерѣдко исключительно Римляне, и хотя эти переселенцы превращались изъ римскихъ гражданъ въ членовъ федеральной общины, все-таки въ новой общинѣ, конечно, сохранялась предпочтительная и опасная для

Въ раздѣленіи военной добычи.

Права частныхъ лицъ.

федераціи привязанность къ ея настоящей метрополи. — Напротивъ того, права, обеспеченныя союзными договорами за отдѣльными гражданами всякой союзной общины въ каждомъ союзномъ городѣ, не были ограничены. Сюда принадлежали: полная равноправность въ приобрѣтеніи недвижной и движимой собственности, въ торговыхъ и дѣловыхъ сношеніяхъ, въ заключеніи браковъ и составленіи духовныхъ завѣщаній, равно какъ неограниченная свобода переселеній, такъ что лице, пользовавшееся правами гражданина въ одномъ изъ союзныхъ городовъ, не только имѣло право переселяться во всякой другой городъ, но сверхъ того считалось и тамъ равноправнымъ (*ципичесерс*), за исключеніемъ права быть избираемымъ въ должности; оно имѣло свою долю участія во всѣхъ частныхъ и политическихъ правахъ и обязанностяхъ, даже пользовалось, — хотя и въ ограниченномъ смыслѣ, — правомъ голоса по меньшей мѣрѣ въ общинныхъ собраніяхъ по округамъ **). — Такъ, по всему вѣроятію,

---

тинскаго легіона, то на практикѣ это вело къ тому, что *tribuni militum* всегда были изъ Римлянъ, а *praefecti sociorum* по меньшей мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ.

*) Это были *decuriones turmarum* и *praefecti cohortium* [Полибій, 6, 21, 5. Ливій, 25, 14. Саллюстія Jug. 69 и въ др. мѣст.]. Такъ какъ римскіе консулы обыкновенно были и по закону и на самомъ дѣлѣ главнокомандующими, то понятно, что и въ зависѣвшихъ отъ Рима городахъ начальники общинъ, если не всегда, то болшею частію, назначались начальниками общинныхъ контингентовъ [Ливій, 23, 19. Орелли *J nscr.* 7022]; и обыкновенное названіе латинскихъ мѣстныхъ властей (*praetores*) указываетъ на то, что это были офицеры.

**) Такіе поселенцы не причислялись вмѣстѣ съ дѣйствительными гражданами къ какому-нибудь разѣ опредѣленному округу голосованія, а передъ каждымъ голосованіемъ опредѣлялся по жребію тотъ округъ, въ которомъ поселенцы должны были на этотъ разъ подавать свои голоса. На дѣлѣ это сводилось къ тому, что

установились, въ первыя времена республики, отношенія римской общины къ латинскому союзу, хотя и нѣтъ возможности съ точностью указать, что въ этихъ отношеніяхъ установилось въ болѣе раннюю пору и что было послѣдствіемъ пересмотра союзнаго договора въ 261 году.

Съ нѣсколько большею достовѣрностью можно считать за нововведеніе—преобразование устройства отдѣльныхъ общинъ латинскаго союза по образцу римской консулярной конституціи и можно поставить его въ связь съ этой послѣдней. Хотя различныя общины и могли придти къ отиженію царской власти независимо одна отъ другой (стр. 244), но одинакое названіе новыхъ годовыхъ царей какъ въ римскихъ общинныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ учрежденіяхъ другихъ латинскихъ общинъ, равно какъ широкое примѣненіе столь своеобразнаго коллегіальнаго принципа *), очевидно, указываютъ на внѣшнюю

493
Преобразование латинскаго общиннаго устройства по римскому образцу.

въ римскихъ собраніяхъ по трибамъ Латинамъ предоставлялся одинъ голосъ. Такъ какъ постоянное мѣсто въ которой-нибудь изъ трибъ было предварительнымъ условіемъ для права голоса на собраніяхъ по центуріямъ, то если поселенцы и могли подавать голоса на этихъ послѣднихъ собраніяхъ [что намъ неизвѣстно съ достовѣрностью], ихъ участіе въ томъ или въ другомъ собраніи, конечно, также опредѣлялось по жребію. Въ куріяхъ они принимали участіе наравнѣ съ плебеями.

*) Латинскія общины, какъ извѣстно, обыкновенно управлялись двумя преторами. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ общинахъ встрѣчается и одинъ правитель, который носитъ названіе диктатора, — какъ напримѣръ въ Альбѣ [Orelli—Henzen, Inscr. 2293], въ Тускулѣ [стр. 342 прим.], въ Ланувіи [Cicero pro Mil. 10, 27. 17, 45. Asconius in Mil. стр. 32, изд. Орелли. Orelli, 2786. 5157. 6086], въ Компінѣ [Orelli 3324], въ Номентѣ [Orelli 208. 6138. 7032; сравн. Henzen Bullett. 1858 стр. 169] и въ Ариціи [Orelli, 1455]. Такого-же диктатора мы находимъ въ латинской колоніи Сутринъ [Garrucci, Diss. arch. 1 стр. 31] и въ civitas sine suffragio Цере [Orelli, 3787, 5772] и должностное лице съ такимъ-же титуломъ въ Фиденахъ [Orelli, 112]. Всѣ эти должности или протекавшія изъ нихъ жреческія должности [значеніе диктатора въ Цере объяснилъ Ливій 9, 43: *Apagninis—magistratibus praeterquam sacrogum suratione interdictum*] были годовыми [Orelli, 208]. Свидѣтельство Мацера и черпавшихъ отъ него свои свѣдѣнія летописцевъ о томъ, что Альба въ эпоху своего паденія уже управлялась не царями, а годовыми диктаторами [Діонисій, 5, 74. Плутархъ, Romul. 27. Ливій 1, 23], вѣроятно было только выводомъ изъ извѣстнаго ему учрежденія священнослужебной альбанской диктатуры [которая, безъ сомнѣнія была, подобно существовавшей въ Номентѣ, также годовой], а на этотъ выводъ могла имѣть вліяніе принадлежность автора къ демократической партіи. Трудно рѣшить, вѣренъ-ли этотъ выводъ, а въ случаѣ, если Альба даже во времена своего упадка имѣла политическихъ правителей, то возникаетъ вопросъ, не могло-ли упраздненіе римской царской власти въ послѣдствіи вызвать превращеніе альбанской диктатуры въ годо-

связь между этими явлениями; поэтому слѣдуетъ полагать, что по прошествіи нѣкотораго времени послѣ изгнанія Тарквиніевъ изъ Рима, внутреннее устройство всѣхъ латинскихъ общинъ преобразовывалось по образцу консульскаго управленія. Конечно, это приспособленіе латинскихъ общинныхъ учрежденій къ учреждениямъ первенствующаго города могло совершиться и въ болѣе позднюю эпоху; однако весь ходъ событій позволяетъ предполагать, что послѣ того, какъ римская знать достигла у себя дома отмѣны пожизненной царской власти, она вызвала такое-же преобразование государственныхъ учрежденій въ общинахъ латинскаго союза и въ концѣ-концевъ ввела во всемъ Лаціумѣ аристократическое управленіе, не смотря на серьезное, угрожавшее даже существованію римско-латинскаго союза сопротивленіе, которое она встрѣтила частію со стороны изгнанныхъ Тарквиніевъ, частію со стороны царскихъ родовъ и преданныхъ монархическому принципу политическихъ партій въ прочихъ латинскихъ общинахъ. Относящіяся къ тому-же времени—широкое развитіе этрусскаго могущества, непрерывныя нашествія Вейентовъ и экспедиція Порсены могли побудить латинскую націю не уклоняться отъ однажды установленной формы объединенія, то-есть отъ неизмѣннаго признанія римскаго верховенства, ввести у себя въ угоду Риму конституционную реформу, безъ сомнѣнія уже различными путями подготовленную въ нѣдрахъ латинскихъ общинъ, и даже, быть можетъ, согласиться на расширеніе правъ римской гегемоніи.

Расширеніе Рима и Ла-циума къ востоку и къ югу. Прочно объединенная нація оказалась способной не только со всѣхъ сторонъ оберегать свое могущество, но и расширять его. Что Этруски очень недолго удерживали въ своихъ рукахъ верховенство надъ Лаціумомъ и что тамъ скоро было восстановлено то-же положеніе, какое существовало во времена царей, уже было замѣчено ранѣе (стр. 321); но расширеніе римскихъ границъ въ эту сторону произошло не прежде, какъ по прошествіи слишкомъ ста лѣтъ послѣ изгнанія царей изъ Рима.—Съ Сабинами,—которые занимали серединную гористую мѣстность отъ границъ Умбрін до страны, лежащей между Тибромъ и Аніо, и которые въ эпоху возникновенія Рима проникали съ завоевательными цѣлями даже до границъ Лаціума,—Римляне рѣдко сталкивались, не смотря на то, что находились въ непосредственномъ съ ними сосѣдствѣ. Что Сабинны принимали слабое участіе въ отчаянномъ сопротивленіи своихъ восточныхъ и южныхъ сосѣдей, ясно видно даже изъ лѣтописныхъ извѣстій; но еще важнѣе то, что у нихъ вовсе не встрѣчалось укрѣпленныхъ замковъ, кото-

Отношенія къ Сабинамъ.

вую должность. Всѣ эти латинскія магистратуры и по своей сущности и въ особенности по своимъ названіямъ до такой степени схожи съ тѣми порядками, которые были созданы въ Римѣ революціей, что ихъ нельзя удовлетворительно объяснить только однородностью коренныхъ политическихъ условій.

рыхъ было такъ много въ странѣ Вольсковъ. Этотъ фактъ, быть можетъ, находился въ связи съ тѣмъ, что Сабинь, вѣроятно, именно въ то время разлились по Нижней Италіи; ихъ манили туда удобства поселенія на Тифернѣ и на Вольтурнѣ и потому они не принимали большаго участія въ борьбѣ, театромъ которой были страны къ югу отъ Тибра.—Гораздо упорнѣе и продолжительнѣе было со- Отношенія
противленіе со стороны Эквовъ, которые жили къ востоку отъ Рима къ Эквамъ и
вплоть до долинъ Турано и Сальто и, усѣвшись на сѣверной окраинѣ къ Вольс-
Фуцинскаго озера, сдѣлались сосѣдями Сабиновъ и Марсовъ *), и намъ.
со стороны Вольсковъ, которые жили къ югу отъ поселившихся подлѣ Ардеи Рутуловъ и отъ достигавшихъ Кору южныхъ латинскихъ поселеній; они владѣли берегами почти вплоть до устьевъ Лириса и близлежащими островами, а внутри страны — всей полосой земли вдоль теченія этой рѣки. Здѣсь нѣтъ надобности упоминать о ежегодно возобновлявшихся съ этими двумя народами распряхъ, которыя описаны въ римской хроникѣ такъ, что самый незначительный набѣгъ почти ничѣмъ не отличается отъ богатой послѣдствіями войны, а историческая связь событій совершенно отжидывается въ сторону; достаточно будетъ указать на прочные результаты. Мы ясно замѣчаемъ, что Римляне и Латины прежде всего старались отдѣлить Эквовъ отъ Вольсковъ и овладѣть ихъ соединительными путями сообщенія; при этомъ Латины стали сталкиваться съ Вольсками и даже селиться въ перемежку съ ними прежде всего въ той мѣстности, которая лежитъ между южнымъ склономъ Альбанскихъ горъ, горами Вольсковъ и Помптинскими болотами **). Въ этой мѣстности Латины впервые переступили за границу своихъ владѣній и тамъ впервые основали на чужой территоріи союзныя крѣпости или такъ-называемыя латинскія колоніи, — на равнинѣ Велитры (какъ полагаютъ около 260 г.), находившіяся у самаго подножія Альбанскихъ горъ, и Суэсу въ помптинской низменности, а среди горъ Норбу (какъ полагаютъ въ 262 г.) и Сигнію (какъ 494
увѣряютъ еще болѣе пражняго укрѣпленную въ 259 г.); эти двѣ 492
послѣднія крѣпости стояли на соединительномъ пути между страной 495

*) Страна Эквовъ заключала въ себѣ не только долину рѣки Аніо выше Тибура и территорію позднѣйшихъ латинскихъ колоній Карсіоли [на верхнемъ Турано] и Альбы [на Фуцинскомъ озерѣ], но также округъ позднѣйшаго муниципія Эквиколювъ; эти Эквиколюмы были ничто иное, какъ тотъ остатокъ Эквовъ, который сохранилъ муниципальную независимость послѣ того, какъ страна была покорена Римлянами и большая часть ея территоріи была распределена между римскими или латинскими колонистами.

***) Хотя Велитры и стояли на равнинѣ, но по всей видимости были сначала вольскимъ городомъ, а потомъ латинской колоніей; напротивъ того Кора, стоявшая на вольскихъ горахъ, была по своему происхожденію латинскимъ поселеніемъ.

Союзъ съ Эквовъ и страню Вольсковъ. Цѣль была еще полнѣе достигнута **Герниками.** присоединеніемъ Герниковъ къ римско-латинскому союзу (268), 486 поставившимъ Вольсковъ въ совершенно изолированное положеніе и доставившимъ федераціи передовой оплотъ противъ жившихъ на югѣ и на востокѣ сабельскихъ племенъ; отсюда понятно, почему этому незначительному племени было предоставлено полное равенство съ Римлянами и съ Латинами какъ на совѣщаніяхъ о государственныхъ дѣлахъ, такъ и въ дѣлѣ добычи. Болѣе слабые Эквы были съ тѣхъ поръ менѣе опасны; достаточно было отъ времени до времени предпринимать противъ нихъ хищническіе набѣги. И Рутулы, жившіе на прибрежной равнинѣ къ югу отъ Лаціума, были рано покорены; ихъ городъ Ардея былъ превращенъ въ латинскую колонію еще въ 312 году*). Болѣе серьезное сопротивленіе оказали Вольски. Первымъ замѣчательнымъ успѣхомъ Римлянъ, послѣ упомянутыхъ ранѣе, было очень странное основаніе въ 361 году города Цирцея, съ которымъ, — пока еще были свободны Анція и Таррацина, — Лаціумъ могъ имѣть сообщенія только водой. Чтобъ овладѣть Анціемъ дѣлались неоднократныя попытки и одна изъ нихъ временно удалась въ 287 году; но въ 295 году городъ снова освободился и только послѣ сожженія Рима Галлами удалось Римлянамъ, послѣ упорной тринадцати-лѣтней войны 389—377 (365—377), рѣшительно утвердить свое владычество надъ областями анційской и помитинской. Латинская колонія была поселена въ 369 году не подалеку отъ Анція, въ Сатрикѣ, и вѣроятно вскорѣ послѣ того въ самомъ Анціѣ и въ Таррацинѣ**); обладаніе помитинской областью

442

393

467 459

389—377

385

382

382

348

*) Слѣдуетъ полагать, что немного времени спустя послѣ того, въ гѣсу Арціи, была посвящена роща Діанѣ; по словамъ Катона [стр. 12], тускуланскій диктаторъ Иорданъ посвящалъ эту рощу для городскихъ общинъ древняго Лаціума—для Тускула, Арціи, Ланувія, Лаурента, Кормы и Табура и для обѣихъ латинскихъ колоній [которыя потому и занимаютъ послѣднее мѣсто] Суассы Помеціи и Ардеи [r o p u l u s A r d e a t i s R u t u l u s]. Умолчаніе о Пренестѣ и о болѣе мелкихъ общинахъ древняго Лаціума доказываетъ то, что было само по себѣ въ порядкѣ вещей, — что не все общины тогдашняго латинскаго союза принимали участіе въ посвященіи рощи. Что это посвященіе произошло до 372 года видно изъ упоминанія о Помеціи [стр. 345] и этотъ списокъ общинъ вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ о составѣ федераціи вскорѣ послѣ вступленія въ нее Ардеи.—Указаніе годовъ, когда были основаны общины, заслуживаетъ болѣе довѣрія, чѣмъ большая часть древнѣйшихъ указаній этого рода, такъ какъ общее у итальянскихъ городовъ обыкновеніе вести лѣтосчисленіе a b u r b e c o n d i t a, повидимому, сохранило путемъ непосредственныхъ преданій указаніе годовъ, когда были основаны колоніи.

**) Такъ какъ эти два города не включены въ качествѣ латинскихъ общинъ въ такъ-называемый Кассіевскій списокъ, составленный около 372 года, но включены въ договоръ съ Каррагеномъ, состоявшійся въ 406 году, то отсюда

было упрочено постройкой крѣпости Сетин (372, сильнѣе укрѣплен-
ной 375), а въ 371 и въ слѣдующихъ годахъ эта область была
раздѣлена на пахатные участки и на гражданскіе округа. Хотя съ
тѣхъ поръ Вольски иногда и бунтовали, но уже болѣе не вели съ
Римомъ войнѣ.

382
379 383

Но чѣмъ успѣшнѣе дѣйствовалъ союзъ Римлянъ, Латинцовъ и Кризисы въ
Герниковѣ противъ Этрусковъ, Эвковъ, Вольсковъ и Рутуловъ, тѣмъ
болѣе исчезало въ его средѣ единодушіе. Причина этого заключа-
лась частію въ усиленіи римской гегемоніи, которая въ силу вну-
тренней необходимости развивалась изъ самаго хода событій, но
оттого не была менѣе обременительна для Лациума, частію въ разныхъ
возмутительныхъ несправедливостяхъ со стороны господствовавшей
общины. Сюда слѣдуетъ отнести главнымъ образомъ позорное тре-
тейское рѣшеніе въ Ардеѣ, въ 308 году, спора между жителями
Арицій и Рутулами: будучи приглашены постановить примирительное
рѣшеніе о спорномъ между тѣми двумя общинами пограничномъ
округѣ, Римляне завладѣли этимъ округомъ, а когда въ Ардеѣ
возникли по поводу такого рѣшенія внутренніе раздоры—народъ
хотѣлъ пристать къ Вольскамъ, а знать держала сторону Римлянъ,—
Римъ еще болѣе позорнымъ образомъ воспользовался этими распрями
для того, чтобъ прислать въ богатый городъ ранѣе нами упомяну-
тыхъ римскихъ колонистовъ, между которыми раздѣлилъ земли при-
верженцевъ анти-римской партіи (312). Но главной причиной вну-
тренняго разложенія федераціи было торжество надъ общинами врагами;
снисхожденіямъ съ одной стороны и покорности съ другой настала
конецъ съ той минуты, какъ обѣ стороны перестали нуждаться
одна въ другой. Ближайшими поводами для явнаго разрыва между
Латинцами и Герниками съ одной стороны и Римлянами съ другой
послужили частію взысканіе Рима Кельтами и происшедшее отсюда его
временное безсиліе, частію окончательное занятіе и раздѣлъ Помитин-
ской области; бывшіе союзники скоро взялись другъ противъ друга
за оружіе. Еще ранѣе того множество латинскихъ добровольцевъ
принимали участіе въ послѣднемъ отчаянномъ сопротивленіи жителей
Анціи; теперь пришлось вооруженной силой покорять самые значи-
тельные изъ латинскихъ городовъ: Ланувій (371), Пренестъ (372-374,
383 382-380
360 354
400), Тускулъ (373), Тибуръ (394, 400) и даже нѣкоторыя
изъ крѣпостей, построенныхъ римско-латинской федераціей въ странѣ
Вольсковъ, какъ напримѣръ Велитры и Цирцеи; даже Тибуртинцы
не постыдились дѣйствовать противъ Рима за-одно со вновь втор-
гнувшимися толпами Галловъ. Впрочемъ дѣло не дошло до общаго
возстанія и Римъ безъ большаго труда справился съ отдѣльными

римско-ла-
тинскомъ
союзѣ.

446

442

слѣдуетъ заключить, что въ этотъ промежутокъ времени они превратились въ
латинскія колоніи.

381 городами; Тускулъ даже былъ принужденъ (373) отказаться отъ своей политической независимости и вступить въ римскій гражданскій союзъ въ качествѣ подвластной общины (*civitas sine suffragio*); онъ сохранилъ свои городскія стѣны и до нѣкоторой степени ограниченное самоуправленіе и вслѣдствіе того своихъ собственныхъ должностныхъ лицъ и свое собственное собраніе гражданъ, но за то его граждане были лишены права и активнаго и пассивнаго участія въ выборахъ,—это былъ первый примѣръ того, что цѣлое гражданство было включено въ составъ римской общинной организаціи въ качествѣ подвластной общины. — Болѣе серьезна была

362—358 борьба съ Герниками (392—396), во время которой палъ первый, назначенный изъ плебеевъ, консулярный главнокомандующій Луцій Генуцій; но и изъ этой войны Римляне вышли побѣдителями. Кризисъ окончился тѣмъ, что въ 396 году были возобновлены договоры между Римомъ и федераціями Латинцовъ и Герниковъ. Ихъ содержаніе намъ неизвѣстно въ точности, но по всему видно, что обѣ федераціи снова подчинились римской гегемоніи и, по всему вѣроятію, на болѣе тяжелыхъ противъ прежняго условіяхъ. Состоявшееся въ томъ-же году учрежденіе въ Помптинской области двухъ новыхъ гражданскихъ округовъ ясно доказываетъ, какъ быстро расширилось римское владычество.

Возобновленіе союзныхъ договоровъ.

358

Окончательное опредѣленіе состава латинской федераціи. Съ этой перемѣной во взаимныхъ отношеніяхъ между Римомъ и Латинцами, очевидно, находится въ связи состоявшееся въ 370 году окончательное опредѣленіе состава латинскаго союза *), хотя

384

*) Въ сообщенномъ Діонисіемъ [5, 61] и единственномъ, какой дошелъ до насъ, спискѣ тридцати латинскихъ союзныхъ городовъ переименованы: Ардеаты, Арициане, Бовилляне, Бубентаны [неизвѣстно, гдѣ жили], Коршіицы [вѣроятно Коранцы], Карвентаны [неизвѣстно, гдѣ жили], Цирцейцы, Коріоланцы, Корбинты, Кабанцы [быть можетъ Кабенсы, жившіе подлѣ Альбанскихъ горъ, Bull. dell' inst. 1861, стр. 205], Фортинея [о нихъ ничего неизвѣстно], Габійцы, Лаурентійцы, Ланувійцы, Лавинаты, Лабиганы, Номентаны, Норбаны, Пренестинцы, Педаны, Кверкветуланы [неизвѣстно, гдѣ жили], Сатриганы, Скаптинны, Сетинны, Тибуртинцы, Тускуланцы, Телленійцы [неизвѣстно, гдѣ жили], Тохеринцы [неизв.] и Велитернійцы. Съ этимъ спискомъ согласуются и случайныя упоминанія общинъ, имѣвшихъ право участія въ союзѣ, какъ напримѣръ Ардея [Ливій, 32, 1], Лаурента [Ливій, 37, 3], Ланувія [Лив. 41, 16], Бовилль, Габій, Лабиковъ [Cicero pro Planc. 9, 23]. Діонисій сообщаетъ его по поводу облавленія Латинцами войны противъ Рима въ 256 году; поэтому можно бы было подумать,—какъ это сдѣлалъ Нибуръ,—что этотъ списокъ былъ извлеченъ изъ извѣстнаго акта о возобновленіи союза, состоявшагося въ 261 году. Но такъ какъ въ этомъ спискѣ, составленномъ по латинскому алфавиту, буква g занимаетъ такое мѣсто, какого она, конечно, еще не занимала въ эпоху Двѣнадцати Таблицъ и едва-ли заняла ранѣе пятаго столѣтія [мои Unterital. Dial. стр. 88], то слѣдуетъ полагать, что Діонисіевъ списокъ былъ заимствованъ изъ какого-нибудь другаго гораздо болѣе поздняго источника; гораздо проще

498

493

и нельзя съ увѣренностью рѣшить, было-ли оно послѣдствіемъ, или,—что болѣе правдоподобно,—причиной только-что описаннаго возстанія Лаціума противъ Рима. По существовавшему до того времени порядку, всякій основанный Римомъ и Лаціумомъ самодержавный городъ вступалъ въ число общинъ, имѣвшихъ право участвовать въ союзномъ праздествѣ и въ союзномъ сеймѣ; напротивъ того, всякая община, включенная въ составъ какого-либо другаго города и стало быть лишившаяся самостоятельнаго государственнаго значенія, исключалась изъ числа членовъ союза. Но при этомъ оставалась по латинскому обыкновенію неизмѣнной разъ установленная

объясняется дѣло тѣмъ, что въ этомъ списокѣ перечислены тѣ гражданства, которыя въ послѣдствіи считались ординарными членами латинскаго союза и которыя были приняты Діонисіемъ за первоначальный составъ союза вслѣдствіе привычки этого писателя все облекать въ прагматическую форму. Въ списокѣ, какъ и слѣдовало ожидать, нѣтъ ни одной нелатинской общины; въ немъ только перечислены первоначально-латинскія мѣстности или такія, въ которыхъ были поселены латинскія колоніи,—а на Корбіо и на Коріюлы, конечно, нѣтъ не указать, какъ на исключенія. Если-же сравнить этотъ списокъ со спискомъ латинскихъ колоній, то окажется, что до 372 года были основаны Суэсса Помеція, Велитры, Норба, Сигнія, Ардея, Цирцен [361], Сатриксъ [369], Сутрій [371], 382
Непете [371], Сегія [372]. Изъ числа трехъ послѣднихъ, основанныхъ почти въ 383 385 383
одно и то-же время, двѣ этрусскія колоніи, какъ кажется, были основаны немного позднѣе Сегіи, такъ какъ для основанія каждаго города требовался нѣкоторый промежутокъ времени, и быть можетъ въ нашъ списокъ вкрались небольшія неточности. Если это допустить, то окажется, что списокъ заключаетъ въ себѣ всѣ основанія до 372 года колоніи со включеніемъ тѣхъ двухъ, которыя были 382
вскорѣ послѣ того исключены изъ списка—Сатриксъ, разрушеннаго въ 377 377
и Велитры, лишенныхъ латинскаго права въ 416 году; недостаетъ только Суэссы 338
Помеци, безъ сомнѣнія, потому что она была разрушена до 372 года, и Сигнія, 382
вѣроятно потому, что въ текстѣ Діонисія, перечисляющемъ только двадцать девять названій, передъ ΣΗΓΙΝΩΝ пропущено ΣΙΓΝΙΝΩΝ. Вполнѣ съ этимъ согласно 382
и то, что въ этотъ списокъ также не вошли всѣ основанія послѣ 372 года 384
латинскія колоніи, равно какъ въ включенныя до 370 года въ составъ римской общины округа—какъ-то: Остія, Антемны, Альба; напротивъ того, въ немъ остались всѣ округа, позднѣе включенныя въ составъ римской общины, какъ-то Тускулъ, Ланувій, Велитры.—Что-же касается приводимаго Плиніемъ списка тѣхъ тридцати двухъ округовъ, которые уже не существовали въ его время, но когда-то участвовали въ альбанскомъ союзномъ праздествѣ, то за исключеніемъ семи, упоминаемыхъ и у Діонисія [такъ какъ Плиніевскіе Кузуэтане, по видимому, то-же что Діонисіевскіе Карвентане] остается еще двадцать пять болѣею частью совершенно неизвѣстныхъ округовъ; это, безъ сомнѣнія, были: частью тѣ семнадцать не имѣвшихъ права голоса общинъ, которыя были самыми древними, но въ послѣдствіи устраненными членами альбанскаго союза, частью другіе пришедшіе въ упадокъ или устраненные члены союза, къ числу которыхъ принадлежалъ старинный, упоминаемый и Плиніемъ, городъ—Альба.

384

цифра тридцати союзныхъ общинъ, такъ что между участвовавшими въ союзъ городами число имѣвшихъ право голоса никогда не было ни болѣе ни менѣе тридцати, и этого права были лишены тѣ общины, которыя позже другихъ вступили въ союзъ или которыя были отодвинуты на задній планъ по причинѣ ихъ незначительности или вслѣдствіе совершенныхъ ими проступковъ. Затѣмъ составъ союза установился въ 370 году слѣдующимъ образомъ. Изъ числа старинныхъ латинскихъ поселеній (кромѣ нѣсколькихъ или безслѣдно исчезнувшихъ или неизвѣстно гдѣ находившихся) еще пользовались автономіей и имѣли право голоса: между Тибромъ и Аніо—Номентъ, между Аніо и Альбанскими горами—Тибуръ, Габіи, Скапція, Лабикки *), Педумъ и Пренестъ, подлѣ Альбанскихъ горъ — Корбіо, Тускулъ, Бовиллы, Ариція, Коріюли и Ланувій, въ горахъ Вольсковъ—Кора, на прилегавшей къ берегу моря равнинѣ—Лаурентъ. Сюда-же принадлежали колоніи, основанныя Римомъ и латинскимъ союзомъ: въ бывшей области Рутуловъ Ардея и въ области Вольсковъ Сатригъ, Велитры, Норба, Сигнія, Сетія и Цирцеи. Сверхъ того, право участія въ латинскомъ празднествѣ безъ права голоса принадлежало семнадцати другимъ поселеніямъ, названія которыхъ неизвѣстны въ точности. Съ тѣхъ поръ латинскій союзъ неизмѣнно состоялъ изъ сорока семи членовъ, изъ которыхъ тридцать имѣли право голоса, такъ что позднѣе основанныя латинскія общины, какъ напримѣръ Сутрій, Непете (стр. 332), Анцій, Таррацина (стр. 342), Калесъ, не были включены въ это число, а впоследствии лишеныя автономіи латинскія общины, какъ напримѣръ Тускулъ и Ланувій, не были изъ него исключены.—Съ этимъ окончіемъ границъ члательнымъ опредѣленіемъ состава конфедераціи находится въ связи и опредѣленіе географическихъ размѣровъ Лаціума. Пока доступъ въ латинскій союзъ еще оставался открытымъ, и границы Лаціума раздвигались вмѣстѣ съ основаніемъ новыхъ союзныхъ городовъ; но позднѣйшія латинскія колоніи, не получившія права участвовать въ альбанскомъ празднествѣ, и географически не считались составными частями Лаціума; поэтому къ составу терри-

Установле-
ніе границъ
Лаціума.

418

*) Правда, Ливій [4, 47] сообщаетъ, что Лабикки сдѣлались въ 336 году колоніей. Но помимо того, что Діодоръ [13, 6] умалчиваетъ объ этомъ, Лабикки не могли сдѣлаться гражданскою колоніей, частью потому, что городъ не лежалъ на берегу моря, частью потому, что и въ болѣе позднюю пору онъ пользовался автономіей; они не могли сдѣлаться и латинскою колоніей, потому что не встрѣчается другаго примѣра латинской колоніи, основанной въ коренномъ Лаціумѣ, и по существу учрежденій этого рода такой примѣръ не могъ встрѣтиться. Весьма вѣроятно, что въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ ему подобныхъ, обыкновенная раздача земельныхъ участковъ гражданамъ смѣшана съ колониальною [стр. 184].—это вѣроятно тѣмъ болѣе потому, что размѣръ земельного надѣла показанъ въ 2 югера.

торіи Лаціума причислялись Ардея и Цирцеи, но не Сутрій и не Таррацина. — Надѣленные послѣ 370 года латинскимъ правомъ поселенія не только были устранены отъ участія въ союзѣ, но и въ сферѣ частнаго права были изолированы одно отъ другаго: хотя общность торговыхъ сдѣлокъ и, по всему вѣроятію, браковъ (с *omnium gentium et socium*) была допущена между каждымъ изъ нихъ и римскою общиною, но не съ остальными латинскими общинами, такъ что, напримѣръ, гражданинъ Сутрія могъ приобрести въ полную собственность землю въ Римѣ, но не могъ ее приобрести въ Пренестѣ, и могъ прижить законныхъ дѣтей съ Римлянкой, но не съ уроженкой Тибура *). — Кромѣ того, внутри федерации до тѣхъ поръ допускалась довольно широкая свобода; такъ напримѣръ шесть старинныхъ латинскихъ общинъ — Ариція, Тускулъ, Тибуръ, Ланувій, Кора и Лаурентъ и двѣ новыя латинскія общины — Ардея и Суэсса Помеція сообща основали святилище ариинской Діаны (стр. 342, прим.); но, конечно, то не было простой случайностью, что впоследствии уже не встрѣчается ни одной подобной федерации нѣсколькихъ отдѣльныхъ общинъ, грозившей опасностью для римской гегемоніи. — Къ той-же эпохѣ слѣдуетъ отнести дальнѣйшее преобразование латинскихъ общинныхъ учреждений и ихъ полное уподобленіе римскимъ учреждениямъ; такъ напримѣръ, въ составѣ латинской магистратуры наряду съ двумя преторами и двухъ эдиловъ, завѣдывавшихъ рыночною и уличною полиціею и относящихся сюда отправленіямъ правосудія; такая же организація городской полиціи была введена одновременно во всѣхъ союзныхъ общинахъ и, очевидно, по внушенію первенствующей общины, но конечно не ранѣе состоявшагося въ 387 году учрежденія въ Римѣ курульныхъ эдиловъ, а по всему вѣроятію почти въ то же время. Это нововведеніе, безъ сомнѣнія, составляло лишь одно звено въ длинномъ ряду мѣропріятій, съ помощью которыхъ организація союзныхъ общинъ ставилась подъ римскую опеку и преобразовывалась въ полицейско-аристократическомъ духѣ. — Послѣ паденія Вейевъ и завоеванія Помитинской области Римъ, очевидно, уже чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобъ крѣпче затянуть узы гегемоніи и чтобъ поставить всѣ латинскіе города въ такое зависимое отъ себя положеніе, которое фактически обращало ихъ въ полное подданство. Тѣмъ временемъ (406) Кароагеняне

384
Изолированное положение новыхъ латинскихъ городовъ въ сферѣ частнаго права. Воспрещеніе заключать отдѣльные союзы. Пересмотръ муниципальных учреждений; полицейскіе суды.

367

Владычество Рима; раздраженіе Латинцевъ.

348

*) Хотя такое ограниченіе старинной полной латинской общности правъ встрѣчается въ первый разъ при возобновленіи союзнаго договора въ 416 году [Ливій, 8, 14], но такъ какъ оно составляло существенную часть той системы изолированія, которая была впервые примѣнена къ латинскимъ колоніямъ, основаннымъ послѣ 370 года, а въ 416 году была только обобщена, то здѣсь и было не лишнимъ упомянуть объ этомъ нововведеніи.

338

384 338

обязались, по заключенному съ Римомъ торговому договору, не причинять никакого вреда тѣмъ Латинамъ, которые были покорны Риму, а именно приморскимъ городамъ Ардеѣ, Анцію, Цирцеямъ, Таррацинѣ; если-же который-либо изъ латинскихъ городовъ отложился-бы отъ римскаго союза, то Финикіане имѣли право напасть на него, но въ случаѣ, если-бы завладѣли имъ, должны были не разрушать его, а передать Римлянамъ. Отсюда видно, какими цѣпами римская община привязывала къ себѣ города, находившіеся подъ ея покровительствомъ, и какое наказаніе навлекалъ на себя тотъ изъ этихъ городовъ, который осмѣлился-бы выйти изъ-подъ опеки своихъ соотечественниковъ. — Хотя въ ту пору если не федерація Герниковъ, то по меньшей мѣрѣ федерація Латиновъ еще сохраняла свое формально признанное право на третью часть военной добычи и кое-какіе другіе остатки прежней равноправности, но тѣмъ, что было ею утрачено, уже достаточно объясняется непріязнь, которую питали въ то время Латины къ Риму. Не только повсюду, гдѣ Римъ велъ войны, многочисленные латинскіе добровольцы сражались подъ чужими знаменами противъ своей верховной общины, но латинское союзное собраніе даже постановило въ 405 году недоставлять Римлянамъ подрѣпленій. Судя по всѣмъ признакамъ, слѣдовало въ недалекомъ будущемъ ожидать новаго возстанія всей латинской конфедераціи, а между тѣмъ въ то-же время возникла опасность

349

Столкновеніе Римлянъ съ другой италійской націей, которая была въ состояніи бороться со всѣми соединенными силами латинскаго племени. Послѣ того, какъ были побѣждены сѣверные Воэльски, Римляне уже не встрѣчали на югѣ никакого серьезнаго противника; ихъ легіоны неудержимо приближались къ берегамъ Лириса. Въ 397 году они съ успѣхомъ боролись съ Привернатами, а въ 409 году заняли на верхнемъ Лирисѣ Сорю. Такимъ образомъ римскія арміи уже стояли у границы Самнитовъ, а дружественный союзъ, который былъ заключенъ въ 400 году между этими двумя самыми храбрыми и самыми могущественными изъ италійскихъ народовъ, былъ вѣрнымъ предвѣстникомъ приближавшейся борьбы изъ-за преобладанія въ Италіи, — борьбы, которая была особенно опасной при происходившемъ внутри латинской націи кризисѣ.

Завоеванія Самнитовъ въ южной Италіи. Въ то время, какъ Тарквиніи были изгнаны изъ Рима, самнитская нація, безъ сомнѣнія, уже давно владѣла той гористой страной, которая возвышается промежъ равнинъ Апуліи и Кампаніи, господствуя надъ ними обѣими; расширенію владычества Самнитовъ препятствовали съ одной стороны Дауніи (именно къ этому времени относится могущество и процвѣтаніе города Арпи), а съ другой стороны Греки и Этруски. Но упадокъ этрусскаго могущества въ концѣ третьяго столѣтія и упадокъ греческихъ колоній въ теченіе четвертаго столѣтія открыли имъ свободный выходъ на западъ и

на югъ; тогда толпы Самнитовъ потянулись одиѣ вслѣдъ за другими и не только достигли морей, омывающихъ южные берега Италіи, но даже проникли за эти моря. Они сначала появились на той лежащей подлѣ залива равнинѣ, съ которой было связано имя Кампанцевъ съ начала четвертаго столѣтія; жившіе тамъ Этруски были подавлены, а Греки были стѣснены; у первыхъ Самниты отняли Капую (330), у вторыхъ Кумы (334). Около того-же времени или, быть можетъ, еще ранѣе появились въ Великой Греціи Луканцы, которые были заняты въ началѣ четвертаго столѣтія борьбой съ Теринейнами и съ Туринерцами и задолго до 364 года утвердились въ греческомъ Лаосѣ. Въ эту пору ихъ армія состояла изъ 30.000 пѣхотинцевъ и 4000 всадниковъ. Въ концѣ четвертаго столѣтія въ первый разъ упоминается особая конфедерация Бреттievъ *), которые отдѣлились отъ Луканцевъ не такъ какъ обыкновенно отдѣлялись сабельскія племена—не въ качествѣ колоніи, а вслѣдствіе войны, и за тѣмъ смѣшались съ разными иноземными народами. Жившіе въ нижней Италіи Греки, понятно, старались оградить себя отъ этого нашествія варваровъ; ахейскій городской союзъ былъ восстановленъ въ 361 году и было условлено, что когда который-нибудь изъ союзныхъ городовъ подвергнется нападенію Луканцевъ, всѣ остальные должны приходить къ нему на помощь, а начальники тѣхъ вспомогательныхъ отрядовъ, которые не придутъ на помощь, будутъ наказаны смертію. Но и дружныя усилія Великой Греціи оказались безплодными, потому что владѣтель Сиракузъ, Діонисій Старшій сталъ дѣйствовать за-одно съ Италійцами противъ своихъ соотечественниковъ. Между тѣмъ какъ Діонисій отнималъ у великогреческихъ флотовъ владычество на италійскихъ моряхъ, Италійцы занимали или разрушали греческіе города одинъ въ слѣдъ за другимъ; въ невѣроятно короткое время цѣлый рядъ цвѣтущихъ городовъ былъ частію разрушенъ, частію опустошенъ. Только немногимъ греческимъ поселеніямъ, какъ напримѣръ Неаполю, съ трудомъ удалось сохранить свое существованіе и свою національность—и не столько силою оружія, сколько путемъ договоровъ; независимымъ и могущественнымъ остался только Тарентъ, который устоялъ благодаря дальности разстоянія и благодаря тому, что вслѣдствіе непрерывной борьбы съ Мессапійцами постоянно держалъ свои военныя силы на-готовѣ; однако и этотъ городъ долженъ былъ постоянно бороться съ Луканцами, чтобъ сохранить свое существованіе, и былъ вынужденъ искать союзниковъ и наемныхъ солдатъ въ своемъ греческомъ отечествѣ.—Около того времени, когда Вейи и Помптинская

424 420

390

393

*) Это названіе очень древне; это даже самое древнее туземное названіе жителей теперешней Калабріи [Antiochos fr. 5, изд. Müll.] Его извѣстное словопроизводство, безъ сомнѣнія, принадлежать къ разряду вымысловъ.

336

равнина подпали подъ власть Римлянъ, толпы Самнитовъ уже овладѣли всей нижней Италіей за исключеніемъ немногихъ разбросанныхъ греческихъ колоній и апулійско-мессаійскаго побережья. Изъ составленнаго около 418 года греческаго описанія береговъ видно, что сами Самниты съ ихъ «пятью языками» жили отъ моря до моря; у Тирренскаго моря жили рядомъ съ ними къ сѣверу Кампанцы, а къ югу Луканцы, къ которымъ причислялись какъ въ этомъ случаѣ, такъ и болѣею частію, Бреттіи, и которые уже занимали весь берегъ отъ Песта на берегу Тирренскаго моря до Турій на берегу Ионическаго моря. Если сравнить то, чего достигла каждая изъ двухъ великихъ италійскихъ націй—латинская и самнитская, прежде чѣмъ онѣ столкнулись между собою, то завоеванія Самнитовъ покажутся гораздо болѣе обширными и болѣе блестящими, нежели завоеванія Римлянъ. Но характеръ тѣхъ и другихъ завоеваній былъ неодинаковъ. Изъ прочнаго городского центра, какимъ былъ для Латиновъ Римъ, владычество этого племени медленно распространяется во всѣ стороны, хотя и не въ очень широкихъ границахъ, но всюду прочно утверждаясь или путемъ основанія укрѣпленныхъ городовъ по римскому образцу съ зависимыми федеральными учрежденіями, или путемъ романизированія завоеванныхъ странъ. Иначе велось дѣло въ Самніи: Тамъ не было никакой верховной общины и потому не было никакой завоевательной политики. Между тѣмъ какъ для Рима завоеваніе областей вейентской и помптинской было дѣйствительнымъ расширеніемъ его могущества, Самній скорѣе ослабѣлъ чѣмъ окрѣпъ вслѣдствіе возникновенія кампанскихъ городовъ и образованія конфедераций луканской и бреттійской—и это потому, что каждый отрядъ переселенцевъ, искавшій и нашедшій новыя мѣста для поселенія, жилъ потомъ своей самостоятельною жизнію. Толпы Самнитовъ расходятся по чрезмѣрно широкому пространству, на которомъ даже вовсе не стараются прочно утвердиться; хотя самые большіе греческіе города—Тарентъ, Туріи, Кротонъ, Метапонтъ, Гераклея, Самнитовъ Регионъ, Неаполь, впади въ безсиліе и даже нерѣдко утрачивали свою независимость, но все еще существовали; Греки были терпимы даже на равнинахъ и въ мелкихъ городкахъ, такъ напримѣръ Кумы, Посейдонія, Лаосъ, Гиппоніонъ оставались греческими городами и подъ самнитскимъ владычествомъ, какъ о томъ свидѣтельствуя вышеупомянутое описаніе береговъ и монеты. Такимъ путемъ образовались смѣшанныя племена; такъ напримѣръ двуязычные Бреттіи приняли въ свою среду кромѣ самнитскаго элемента также греческій и даже остатки древнихъ аборигеновъ; въ Луканіи и въ Кампаніи также происходили подобныя смѣшенія племенъ, но въ менѣе значительныхъ размѣрахъ. Опасныхъ чаръ эллинской культуры не могла избѣжать и самнитская нація, по меньшей мѣрѣ въ Кампаніи, гдѣ Неаполь съ раннихъ поръ завелъ дружескія сношенія съ

Отношенія
Самнитовъ
къ Гречамъ.

Эллинизмъ
въ Кампаніи.

пришельцами и гдѣ само небо гуманизировало варваровъ. Хотя Нола, Нуцерія, Теанумъ имѣли чисто-самнитское населеніе, тѣмъ не менѣе они усвоили греческіе нравы и греческое городское устройство. — впрочемъ ихъ туземное волостное устройство дѣйствительно не могло бы сжиться съ новыми условіями существованія. Самнитскіе города въ Кампаніи начали чеканить монету частію съ греческими надписями; благодаря торговлѣ и земледѣлію Капуя сдѣлалась по величинѣ вторымъ городомъ Италіи, а по роскоши и богатству первымъ. Глубокая нравственная испорченность, которою этотъ городъ превосходилъ, по свидѣтельству древнихъ, всѣ другіе италійскіе города, сказалась главнымъ образомъ въ двухъ нововведеніяхъ, достигшихъ процвѣтанія прежде всего въ Капуѣ—въ наборѣ наемныхъ солдатъ и въ устройствѣ гладіаторскихъ игръ. Вербовщики нигдѣ не находили такого прилива добровольцевъ, какъ въ этой метрополіи безнравственной цивилизаціи; между тѣмъ какъ сама Капуя не была въ состояніи обороняться отъ нападений Самнитовъ, способная носить оружіе молодежь Кампаніи массами стремилась въ Сицилію подъ предводительствомъ ея самою выбранныхъ кондотьеровъ. Какое глубокое вліяніе имѣли на судьбы Италіи эти походы наемныхъ ратниковъ, будетъ объяснено впоследствии; они характеризуютъ нравы Кампанцевъ такъ же хорошо, какъ и гладіаторскія игры, также обязанны Капуѣ если не своимъ началомъ то своимъ усовершенствованіемъ. Тамъ появились даже на званыхъ обѣдахъ пары гладіаторовъ, а число этихъ паръ соразмѣрялось съ рангомъ гостей. Эта нравственная испорченность самого важнаго изъ самнитскихъ городовъ, безъ сомнѣнія находившаяся въ тѣсной связи съ уцѣлѣвшимъ вліяніемъ этрусскихъ нравовъ, грозила большою опасностью для всей націи; хотя кампанская знать и умѣла соединять съ самымъ глубокимъ нравственнымъ упадкомъ рыцарскую храбрость и высокое умственное развитіе, она все-таки никогда не могла сдѣлаться для своей націи тѣмъ же, чѣмъ была римская знать для Латинцевъ. Вліянію Эллиновъ подчинялись не одни Кампанцы, но также—хотя и не въ такой сильной степени,—Луканцы и Бреттіи. Производившіяся во всѣхъ этихъ странахъ раскопки гробницъ объясняютъ, какъ греческое искусство соединялось тамъ съ варварскою роскошью; богатая золотая и янтарная украшенія и покрытая роскошною живописью утварь, которыя мы находимъ теперь въ жилищахъ мертвыхъ, заставляютъ насъ догадываться, какъ далеко тамъ уклонились отъ старыхъ отцовскихъ нравовъ. Другія указанія сохранились въ письменности; принесенная съ сѣвера древне-національная письменность была отброшена Луканцами и Бреттіями и замѣнена греческой, между тѣмъ какъ въ Кампаніи національная азбука и даже національный языкъ самостоятельно развивались подъ греческимъ вліяніемъ, благодаря которому достигли большей чистоты и изящества. Встрѣчаются даже

Самнитская федерация. Отрывочные признаки вліянія греческой философіи.—Только собственная страна Самнитовъ осталась незатронутой этими нововведеніями, которыя хотя и были въ иныхъ отношеніяхъ изящны и естественны, однако все болѣе и болѣе ослабляли и безъ того уже непрочныя узы національнаго единства. Вліяніе эллинскихъ нравовъ произвело глубокой разладъ въ средѣ самнитскаго племени. Жившіе въ Кампаніи, благовоспитанные «эллинофилы» привыкли, подобно самимъ Эллинамъ, бояться жившихъ въ горахъ болѣе грубыхъ племенъ, которыя съ своей стороны безпрестанно вторгались въ Кампанію и тревожили ея выродившихся древнѣйшихъ поселенцевъ. Римъ былъ замкнутымъ государствомъ, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи военныя силы всего Лаціума; его подданные хотя и роптали, но повиновались; а самнитское племя было разсѣяно и раздроблено; хотя образовавшаяся въ собственномъ Самніи федерация и сохранила незапятнанными нравы и мужество предковъ, но именно вслѣдствіе того и находилась въ полномъ разладѣ съ остальными самнитскими племенами и гражданствами.

Покореніе Капуи Римомъ. Въ дѣйствительности именно этотъ разладъ между Самнитами, жившими на равнинахъ, и Самнитами, жившими въ горахъ, и привлекъ Римлянъ на ту сторону Лириса. Жившіе въ Теанѣ Сидицины и жившіе въ Капуѣ Кампанцы стали искать у Римлянъ защиты противъ своихъ собственныхъ соотечественниковъ, безпрестанно разорявшихъ край новыми нашествіями и грозившихъ прочно въ немъ утвердиться (411). Когда въ просимомъ союзѣ было отказано, кампанскіе послы предложили подчинить свой городъ римскому верховенству, а Римляне не устояли противъ такого соблазна. Римскіе послы отправились къ Самнитамъ съ извѣщеніемъ о новомъ приобрѣтеніи и съ требованіемъ не посягать на территорію дружественной державы. Мы не въ состояніи описать весь ходъ этихъ событій во всѣхъ ихъ подробностяхъ *); мы только видимъ, что вслѣдствіе-ли

343

343

*) Въ римскихъ лѣтописяхъ едва-ли найдется какой-нибудь другой отдѣлъ, который былъ-бы такъ-же сильно искаженъ, какъ рассказъ о первой войнѣ Римлянъ съ Самнитами въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится или находился у Ливія, у Діонисія и у Аппіана. Этотъ рассказъ гласитъ слѣдующее. Послѣ того, какъ оба консула проникли въ 411 году въ Кампанію, консулъ Маркъ Валерій Корвъ одержалъ надъ Самнитами при горѣ Гаурѣ первую побѣду, которая была очень трудной и кровопролитной; за тѣмъ одержалъ побѣду и его товарищъ Авлъ Корнелій Коссъ послѣ того, какъ спасся отъ гибели въ горной тѣснинѣ благодаря самопожертвованію одного отряда, находившагося подъ начальствомъ военнаго трибуна Публія Деція. Третье и рѣшительное сраженіе было дано обоими консулами у входа въ Каудинское ущелье подлѣ Суэсулы; Самниты были совершенно разбиты [на полѣ битвы было подобрано сорокъ тысячъ самнитскихъ щитовъ] и были принуждены заключить миръ, по которому Римляне сохранили Капую, которая совершенно отдалась въ ихъ власть, а Теапъ былъ оставленъ во власти Самнитовъ

войны или без всякихъ предварительныхъ военныхъ дѣйствій, между Римомъ и Самниемъ состоялось соглашеніе, въ силу котораго Римлянамъ было предоставлено право распоряжаться въ Капуѣ, Самнитахъ — въ Теанѣ, Вольсканъ на верхнемъ Лирисѣ. Уступчивость Самнитовъ объясняется тѣмъ, что именно въ то время Тарентинцы напрягали все свои усилія, чтобъ избавиться отъ своихъ сабельскихъ сосѣдей; но и Римляне имѣли серьезное основаніе торопиться заключеніемъ миролюбивой сдѣлки съ Самнитами, такъ какъ предстоявшій переходъ въ римское владѣніе одного округа, лежавшаго у южной границы Лаціума, превратилъ въ открытое возстаніе ту неприязнь, которую уже давно питали Латинцы къ Риму. Все военныя латинскіе города и даже принятые въ римскій гражданскій союзъ Тускуланцы, — за исключеніемъ однихъ Лаурентинцевъ, — ваялись за оружіе противъ Рима; напротивъ того, изъ колоній, основанныхъ внѣ границъ Лаціума, приняли участіе въ

Возстаніе
Латинцевъ и
Кампанцевъ
противъ
Рима.

341

[413]. Поздравленія съ успѣхомъ приходили со всѣхъ сторонъ, даже отъ Карфагена. Латинцы, отказавшіе въ присылкѣ подкрѣпленій и по видимому готовившіеся къ войнѣ съ Римомъ, обратили свое оружіе не противъ Рима, а противъ Пеллигновъ, между тѣмъ какъ Римляне были заняты сначала военнымъ заговоромъ гарнизона, оставленнаго ими въ Кампаніи [412], а потомъ взятіемъ Привериа [413] и войной съ Анціатами. Но послѣ того взаимныя отношенія различныхъ партій измѣняются внезапно и очень страннымъ образомъ. Латинцы, безуспѣшно требовавшіе для себя правъ римскаго гражданства и участія въ занятіи консульской должности, возстали противъ Рима въ сообществѣ съ Сиддинцами [тщетно предлагавшими Римлянамъ свое подданство и незнавшими, какъ избавиться отъ Самнитовъ] и съ Кампанцами, которымъ уже надобно римское владѣтельство. Только Лаурентинцы въ Лаціумѣ и кампанское всадничество стояли за Римлянъ, которые съ своей стороны нашли поддержку у Пеллигновъ и у Самнитовъ. Латинская армія напала на Самній; римско-самнитская армія достигла Фуцинскаго озера и оттуда, минуя Лаціумъ, вторгнулась въ Кампанію; тамъ она вступила при Везувіи въ рѣшительное сраженіе съ соединенными силами Латинцевъ и Кампанцевъ, которое выигралъ консулъ Титъ Манцій Имперіоръ, введя въ дѣло свои послѣдніе резервы, послѣ того какъ онъ возстановилъ ослабленную дисциплину казнію роднаго сына, побѣждавшаго на перекоръ давнымъ изъ лагеря приказаніямъ, и послѣ того, какъ его сотоварищъ Публій Децій Мусъ умилостивилъ боговъ, принеся имъ въ жертву свою жизнь. Но войнѣ положила конецъ только вторая побѣда, одержанная консуломъ Манціемъ надъ Латинцами и Кампанцами при Трифанѣ; Лаціумъ и Капуа покорились и были наказаны потерей нѣкоторой части своей территоріи. — Осмотрительный и правдолюбивый читатель, конечно, замѣтитъ, что этотъ рассказъ полонъ несообразностей всякаго рода. Къ числу этихъ несообразностей принадлежатъ: веденіе войны Анціатами послѣ того, какъ они покорились въ 377 году [Ливій, 6, 33]; самостоятельная экспедиція Латинцевъ противъ Пеллигновъ, находившаяся въ рѣзкомъ противорѣчій съ условіями договора, заключеннаго между Римомъ и Лаціумомъ; невѣроятный походъ римской арміи на Капую черезъ территорію Марсовъ и Самнитовъ въ то время, какъ весь Лаціумъ возсталъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ Рима, — не

342

341

377

возстаніи только старинные города Вольсковъ—Велитры, Анцій и Таррацина. Капуанцы, несмотря на добровольно заявленную ими незадолго передъ тѣмъ готовность подчиниться Риму, воспользовались этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ снова освободиться отъ римскаго владычества; эта община стала дѣйствовать за-одно съ латинской конфедераціей, не смотря на сопротивление знати, не желавшей нарушать заключеннаго съ Римомъ договора, — и это совершенно понятно; напротивъ того, еще сохранившіе свою независимость вольскіе города, какъ напримѣръ Фунди и Формиі, равно какъ племя Герниковъ, не приняли, подобно кампанской аристократіи, участія въ этомъ возстаніи. Положеніе Римлянъ было трудное; ихъ легіоны, перешедшіе черезъ Лирисъ и занявшіе Кампанію, были отрѣзаны отъ своего

**Побѣда Рим-
лянъ.
340**

отечества возстаніемъ Латиновъ и только побѣда могла ихъ спасти отъ гибели. Подлѣ Трифана (между Минтурнами, Суэссой и Синуэссой) произошло рѣшительное сраженіе (414): консулъ Титъ Манлій Имперіозъ Торкватъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ соединен-

342

говоря уже о столько же запутанномъ сколько сентиментальномъ разсказѣ касательно военнаго возстанія 412 года и касательно противъ воли ставшаго во главѣ этого возстанія, хромого Тита Квинкція—этого римскаго Гѣца-фонъ-Бердихингена.

329

Едва-ли не еще болѣе сильное недоверіе возбуждаютъ повторенія; такъ напримѣръ разсказъ о военномъ трибунѣ Публіѣ Деціѣ повторяетъ описаніе геройскаго подвига, совершоннаго въ первую Пуническую войну Маркомъ Кальпурніемъ Фламмой,—впрочемъ носившимъ и какое-то другое имя; взятіе Приверна Гаемъ

295

Плавтіемъ возобновляется въ 425 году и только это вторичное взятіе города внесено въ списки триумфовъ, а приписываемое Публію Децію принесеніе своей жизни въ жертву было, какъ извѣстно, совершено его сыномъ въ 459 году. Вообще все содержаніе этого отдѣла лѣтописей доказываетъ, что онъ былъ написанъ въ иное время и иной рукой, чѣмъ другіе достовѣрныя лѣтописныя извѣстія; разсказъ наполненъ тщательно обработанными описаніями сраженій; въ него влетено много анекдотовъ, какъ напримѣръ разсказъ о сетинскомъ преторѣ, который сломалъ себѣ шею на ступеняхъ сенатскаго зданія, потому что имѣлъ смѣлость добиваться консульскаго званія; сверхъ того есть много выдумокъ, для которыхъ послужило поводомъ прозвище Тита Манлія; въ разсказѣ также много неправдоподобныхъ археологическихъ отступленій, какъ напримѣръ: исторія легіона [по всему вѣроятію апокрифическая замѣтка Ливія, I, 52, о состоявшемъ изъ Римлянъ и изъ Латиновъ смѣшанномъ отрядѣ втораго Тарквинія, очевидно, есть второй образчикъ той-же исторіи], превратное толкованіе договора между Капуей и Римомъ [мое R. ö. h. M. ü. n. z. w. e. e. n., стр. 334, прим. 122], формула обреченія, кампанскій денарій, лаурентинскій союзъ, *vin a iuge a* при надѣлѣ земель [стр. 342, прим. **]. При такихъ обстоятельствахъ очень важно то, что Діодоръ, придерживавшійся другихъ и нерѣдко болѣе древнихъ источниковъ, ровно ничего не знаетъ объ этихъ событіяхъ, кромѣ послѣдней битвы при Трифанѣ, въ сущности плохо подходящей ко всему разсказу, который, чтобъ не нарушать своей поэтической цѣльности, долженъ-бы былъ окончиться смертію Деція.

ными силами Латинцев и Кампанцев. Те отдельные города, которые еще оказывали сопротивление, были в течение двух следующих лет или взяты приступом или сданы на капитуляцию и вся страна была приведена в покорность.

Последствием этой победы было упразднение латинского союза. Упразднение
 Он превратился из самостоятельной политической конфедерации латинского
 просто в религиозно-праздничную ассоциацию; из стари установленны права союза на максимум набора войск и на долю в военной добычи сами собою исчезли, а если нечто похожее на них и встречалось впоследствии, то они уже носили на себе отпечаток оказанной милости. В замѣнъ договора между Римомъ съ одной стороны и латинскимъ союзомъ съ другой, заключались въ лучшихъ случаяхъ вѣчные союзные договоры между Римомъ и отдельными союзными городами. Къ заключенію такихъ договоровъ были допущены изъ древне-латинскихъ поселеній, кромѣ Лаурента, также Тибуръ и Пренестъ, которые впрочемъ были принуждены уступить Риму часть своей территоріи. Такое-же право было предоставлено основаннымъ внѣ Лациума общинамъ съ латинскимъ правомъ, если только онѣ не принимали участія въ войнѣ. Такимъ образомъ на всю латинскую націю былъ распространенъ принципъ изолированія однѣхъ общинъ отъ другихъ, который былъ уже ранѣе того примененъ къ поселеніямъ, основаннымъ послѣ 370 года (стр. 346). Въ другихъ отношеніяхъ отдѣльныя поселенія сохранили свои права и свою автономію. Всѣ остальные древне-латинскія общины, равно какъ отпавшія колоніи, утратили свою самостоятельность и поступили въ той или въ другой формѣ въ римскій гражданскій союзъ. Два самыхъ важныхъ приморскихъ города Анцій (416) и Таррацина (425) были заняты, по примѣру Остіи, римскими полными гражданами и каждый изъ нихъ вполне лишился только общинной самостоятельности; у бывшихъ гражданъ была большею частію отнята ихъ земельная собственность въ пользу римскихъ колонистовъ, а въ той мѣрѣ, въ какой они сохранили эту собственность, они также были приняты въ союзъ полноправныхъ гражданъ. Ланувій, Ариція, Номентъ, Педъ сдѣлались римскими гражданскими общинами съ общиннымъ самоуправленіемъ по образцу Тускула (стр. 344). Городскія стѣны Велитръ были срыты, всѣ члены сената были изгнаны и поселены безъ права выѣзда въ римской Этруріи, а самый городъ, въ качествѣ подвластной общины, вѣроятно получилъ организацию по церитскому праву (стр. 332). Одна часть вновь приобретенныхъ пахатныхъ полей, какъ напримѣръ земли велитернскихъ сенаторовъ, была раздѣлена между римскими гражданами; съ этими отдѣльными раздачами земель находится въ связи учрежденіе двухъ новыхъ гражданскихъ округовъ, состоявшееся въ 422 году. Какъ глубоко сознавали въ Римѣ громадную важность достигнутаго успѣха, видно

латинского союза.

384

338

329

Колонизация въ странѣ Вольсковъ.

332

изъ того, что на римской площади была поставлена колонна въ честь побѣдоноснаго консула 416 года, Гайя Менія, и что стоявшая на той-же площади ораторская трибуна была украшена корабельными носами, снятыми съ тѣхъ антиатскихъ галеръ, которыя были найдены негодными къ употребленію. — Точно такимъ-же образомъ было введено окончательное покореніе и упрочено римское владычество въ странѣ южныхъ Вольсковъ и нѣе страны въ Кампаніи. Фунди, Форміи, Капуа, Кумы и нѣсколько другихъ Вольсковъ менѣе важныхъ городовъ обратились въ зависимыя отъ Рима общины съ правомъ самоуправленія, а для того, чтобъ упрочить обладаніе самыми важными изъ этихъ городовъ — Капуей, былъ искусственнымъ образомъ усиленъ разладъ между аристократіей и народомъ, было преобразовано въ римскихъ интересахъ общинное устройство и ежегодно отправлялись въ Кампанію римскія должностныя лица для контроля городского управленія. Такъ-же было поступлено черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того съ вольскимъ городомъ Приверномъ; на долю его гражданъ выпала та честь, что, воспользовавшись содѣйствіемъ отважнаго фундинскаго партизана Витрувія Вакка, они вели послѣднюю борьбу за свободу своей страны; эта борьба кончилась тѣмъ, что городъ былъ взятъ приступомъ (425), а Ваккъ былъ казненъ въ римской тюрьмѣ. Съ цѣлію скорѣе населить эти страны настоящими Римлянами, раздавались римскимъ гражданамъ изъ пріобрѣтенныхъ войной земель, — въ особенности въ областяхъ привернской и фалернской, — полевые надѣлы въ такомъ большомъ числѣ, что уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ (436) и тамъ можно было учредить два новыхъ гражданскихъ округа. Обладаніе вновь пріобрѣтенной территоріей было окончательно обезпечено постройкой двухъ крѣпостей на правахъ латинскихъ колоній. То были: Калесъ (420), построенный на кампанской равнинѣ, откуда можно было наблюдать за Теаномъ и Капуей, и Фрегаллы (426), господствовавшіе надъ переправой черезъ Лирисъ. Обѣ колоніи были необычайно сильны и скоро достигли цвѣтущаго положенія, несмотря на то, что Сидицины старались воспрепятствовать основанію Калеса, а Самниты — основанію Фрегаллъ. И въ Сорѣ былъ поставленъ римскій гарнизонъ, противъ чего основательно, но тщетно, протестовали Самниты, которымъ этотъ округъ былъ уступленъ по договору. Римъ неуклонно шолъ къ своей цѣли, обнаруживая свою энергичную и честолюбивую политику настолько на поляхъ сраженій, сколько въ умѣньи прочно утверждать свое владычество надъ завоеванными странами, которыя онъ опутывалъ неразрывною сѣтью и политическихъ и военныхъ мѣропріятій. — Понятно, что Самниты съ неудовольствіемъ смотрѣли на опасное положеніе для нихъ расширеніе римскаго владычества; но хотя они и старались создавать для Римлянъ пренятствія, они пропустили то время, когда могли-бы, при надлежащей энергіи, остановить Римлянъ на пути къ новымъ завоеваніямъ. Они, какъ кажется, заняли, по договору съ

338
329
318
334
328
Пассивное
положеніе
Самнитовъ.

Римомъ, Теанъ и сильно тамъ укрѣпились; это видно изъ того, что Теанъ прежде искалъ въ Капуѣ и въ Римѣ защиты противъ Самнія, а въ позднѣйшихъ войнахъ онъ служилъ для Самнитовъ оплотомъ съ западной стороны. Но на верхнемъ Лирисѣ, не смотря на то, что они предпринимали тамъ и завоеванія и опустошенія, они не посѣщали прочно утвердиться. Такъ напримѣръ, разрушивъ вольскій городъ Фрегеллы, они этимъ только облегчили основаніе тамъ только-что упомянутой римской колоніи, а два другихъ вольскихъ города—Фабратерія (С е с с а п о) и Лука (неизвѣстно, гдѣ находившаяся) были такъ ими напуганы, что послѣдовали примѣру Капуи и добровольно отдались (424) во власть Римлянъ. Самнитская федерація тогда только оказала Римлянамъ серьезное сопротивленіе, когда завоеваніе ими Кампаніи сдѣлалось совершившимся фактомъ; причину этого слѣдуетъ искать частію въ распряхъ, происходившихъ именно въ ту пору между самнитской націей и италійскими Эллинами, частію также въ вялой и непослѣдовательной политикѣ федераціи.

ГЛАВА VI.

Италійцы въ борьбѣ съ Римомъ.

Войны ме- Между тѣмъ, какъ Римляне воевали на берегахъ Лириса и Воль-
жду Сабел-турна, юго-востокъ полуострова потрясали другія войны. Богатой
лами и Та-тарентинской купеческой республикѣ грозила все болѣе и болѣе
рентинцами-усиливавшаяся опасность со стороны луканскихъ и мессапійскихъ
полчищъ; а такъ какъ она вполне основательно не полагалась на
свой собственный мечъ, то привлекла изъ своей старой родины
начальниковъ наемныхъ отрядовъ заманчивыми обѣщаніями и еще
болѣе заманчивымъ золотомъ. Спартанскій царь Архидамъ, прибывшій
съ сильнымъ отрядомъ на помощь къ своимъ соплеменникамъ, погибъ
въ битвѣ съ Луканцами (416) въ тотъ самый день, когда Филиппъ
одержалъ побѣду при Херонеѣ, и, какъ полагали благочестивые
Греки, въ наказаніе за то, что за девятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ
принялъ съ своею шайкой участіе въ разграбленіи дельфійскаго
святилища. Его замѣнилъ могущественный вождь, Александръ Мо-
лосскій — братъ Олимпіады, матери Александра Великаго. Кромѣ
привезенныхъ имъ съ собою войскъ, онъ соединилъ подъ своими
знаменами вспомогательные отряды греческихъ городовъ, въ особен-
ности тарентинскіе и метапонтійскіе, отряды Педикулловъ (жившихъ
подлѣ Руби, теперешняго R u v o), такъ-же какъ и Греки опасав-
шихся нашествій Сабелловъ, и наконецъ даже луканскихъ изгнани-
ковъ, свидѣтельствовавшихъ своею многочисленностью о серьезныхъ
внутреннихъ раздорахъ, происходившихъ въ этой федераціи. Такимъ
образомъ онъ скоро сталъ сильнѣе своихъ противниковъ. Консенція
(C o s e n z i a), которая, какъ кажется, служила союзнымъ центромъ
для поселившихся въ Великой Греціи Сабелловъ, подпала подъ его
власть. Тщетно Самниты спѣшили на помощь къ Луканцамъ; Алек-
сандръ разбилъ ихъ соединенную армию подлѣ Неста и покорилъ
жившихъ подлѣ Сипонта Дауніевъ и жившихъ въ юго-восточной
части полуострова Мессапійцевъ; онъ уже властвовалъ отъ
моря до моря и намѣревался протянуть руку Римлянамъ для

того, чтобъ общими силами напасть на Самнитовъ въ первоначальныхъ мѣстахъ ихъ поселенія. Но такіе неожиданные успѣхи не нравились тарентинскимъ купцамъ и наводили на нихъ страхъ; дѣло дошло до войны между ними и ихъ полководцемъ, который пришолъ къ нимъ въ качествѣ наемника, а теперь велъ себя такъ, что какъ-будто намѣревался основать на западѣ эллинское государство въ родѣ того, какое было основано его племянникомъ на востокѣ. Перевѣсь былъ сначала на сторонѣ Александра: онъ отнялъ у Тарентинцевъ Гераклею, привелъ въ прежнее положеніе Туріи и, какъ кажется, приглашалъ остальныхъ италійскихъ Грековъ соединиться подъ его покровительствомъ противъ Тарента, между тѣмъ какъ въ то-же время пытался уладить мирное соглашеніе между ними и сабельскими племенами. Но его широкіе замыслы нашли слабую поддержку со стороны выродившихся и упавшихъ духомъ Грековъ, а его вынужденный обстоятельствами переходъ на сторону противной партіи оттолкнулъ отъ него прежнихъ луканскихъ приверженцевъ и онъ палъ подлѣ Пандозіи отъ руки одного луканскаго эмигранта (422) *). Съ его смертію все опять пошло по старому. 332
Греческіе города снова оказались разьединенными и снова вынужденными охранять свое существованіе по-одиночкѣ то заключеніемъ договоровъ, то уплатой дани, то воззваніемъ къ помощи чужеземцевъ, — такъ напримѣръ Кротонъ отразилъ около 430 года нападеніе 324
Бреттievъ при помощи Сиракузъ. Самнитскія племена снова взяли верхъ и могли, не обращая вниманія на Грековъ, снова обратить свои взоры на Кампанію и на Лаціумъ.

Но тамъ произошолъ въ короткій промежутокъ времени громадный переворотъ. Латинскій союзъ былъ разорванъ и уничтоженъ, послѣднее сопротивленіе Вольсковъ было сломлено, самая богатая и самая красивая изъ всѣхъ странъ полуострова — Кампанія находилась въ неоспоримомъ и прочно-обезпеченномъ владѣніи Римлянъ и второй по значенію городъ Италіи находился подъ римской опекой. Въ то время, какъ Греки и Самниты боролись между собой, Римъ почти безпрепятственно достигъ такого могущества, котораго уже не былъ въ состояніи поколебать ни одинъ изъ жившихъ на полуостровѣ народовъ и которое всѣмъ имъ грозило порабощеніемъ. Совокупными усиліями тѣхъ народовъ, которые не были въ состояніи бороться съ Римомъ по-одиночкѣ, пожалуй, еще можно-бы было прорвать цѣпь

---

*) Не лишнимъ будетъ напомнить, что все, что намъ извѣстно объ Архидамѣ и Александрѣ, извлечено изъ греческихъ лѣтописей и что синхронизмъ этихъ лѣтописей съ римскими въ томъ, что касается описываемой нами эпохи, установленъ лишь приблизительно. Поэтому слѣдуетъ воздерживаться отъ попытки установить во всѣхъ подробностяхъ вообще трудно уловимую связь между событиями западно-италійскими и восточно-италійскими.

прежде нежели она окончательно закрѣпилась; но у безчисленныхъ племенъ и городскихъ общинъ, до тѣхъ поръ жившихъ болѣею частью во взаимной враждѣ или не имѣвшихъ между собою ничего общаго, не оказалось необходимыхъ для таковой коалиціи качествъ—проворливости, мужества и самоотверженія, а если такія качества и оказались, то уже тогда, когда было поздно.

Коалиція
Италійцевъ
противъ
Рима.

Послѣ того, какъ могущество Этрусковъ пришло въ упадокъ, а греческія республики пришли въ безсиліе, самнитская федерація была послѣ Рима, безспорно, самою значительною силой во всей Италіи и именно ей грозили самой скорой и непосредственной опасностью стремленія Римлянъ въ завоеванія. Поэтому ей слѣдовало занять передовое положеніе и взять на себя самое тяжелое бремя въ войнѣ, которую приходилось вести Италійцамъ съ Римомъ за свою свободу и національность. Она могла рассчитывать на содѣйствіе небольшихъ сабельскихъ племенъ—Вестиновъ, Френтановъ, Марруциновъ и другихъ еще менѣе значительныхъ племенъ, которыя жили уединенною жизнію земледѣльцевъ среди своихъ горъ, но тѣмъ не менѣе не оставались глухи, когда родственное племя призывало ихъ къ оружію для защиты общаго достоянія. Важнѣе было-бы содѣйствіе жившихъ въ Кампаніи и въ Великой Греціи Эллиновъ (въ особенности Тарентинцевъ) и могущественныхъ Луканцевъ и Бреттievъ; но частію вялость и безпечность господствовавшихъ въ Тарентѣ демагоговъ и вмѣшательство этого города въ сицилійскія дѣла, частію отсутствіе единодушія въ луканской федераціи, частію и главнымъ образомъ существовавшая въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій глубокая вражда между жившими въ нижней Италіи Эллинами и ихъ луканскими притѣснителями не позволяли надѣяться, что Тарентъ и Луканія вмѣстѣ примкнутъ къ Самнитамъ. Отъ Сабиновъ и Марсовъ, какъ отъ ближайшихъ сосѣдей Рима, давно уже жившихъ съ ними въ мирныхъ отношеніяхъ, едва-ли можно было чего-либо ожидать кромѣ вялаго сочувствія или нейтралитета, а Апулійцы—эти старинные и ожесточенные враги Сабелловъ, были естественными союзниками Римлянъ. Напротивъ того, можно было ожидать, что дальніе Этруски примкнутъ къ коалиціи, лишь только она одержитъ первую побѣду и даже возстанія въ Лаціумѣ и среди Вольсковъ и Герниковъ могли быть приняты въ расчетъ. Но Самниты,—эти италійскіе Этолѧне, въ которыхъ врожденныя народныя силы еще были полны жизни,—должны были прежде всего рассчитывать, что ихъ собственная энергія и стойкость въ неравной борьбѣ дадутъ другимъ народамъ время устыдиться своего бездѣйствія, обдумать, что слѣдуетъ дѣлать, и собраться съ силами; тогда было-бы достаточно одного успѣшнаго сраженія, чтобъ со всѣхъ сторонъ зажечь вокругъ Рима пламя войны и возстанія. Исторія не можетъ отказать этой благородной націи въ свидѣтельство, что она поняла свой долгъ и исполнила его.

Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ продолжался раздоръ между Римомъ и Самніемъ вслѣдствіе того, что Римляне безпрестанно дѣлали захваты на Лирисѣ, между которыми послѣднимъ и самымъ важнымъ было основаніе Фрегаль (426). Но поводъ для войны доставили жившіе въ Кампаніи Греки. Съ тѣхъ поръ, какъ Кумы и Капуа сдѣлались римскими городами, Римляне стали прежде всего стремиться къ завладѣнію Неаполемъ, который господствовалъ надъ находившимися въ заливѣ греческими островами и былъ въ сферѣ римскаго владычества единственнымъ еще не подчинявшимся Риму городомъ. Узнавши о намѣреніи Римлянъ завладѣть этимъ городомъ, Тарентинцы и Самниты рѣшились ихъ предупредить, и если Тарентинцы не могли привести въ исполненіе этого плана не по причинѣ дальняго разстоянія, а по причинѣ своей нерѣшительности, за то Самниты успѣли занять городъ сильнымъ гарнизономъ. Римляне немедленно объявили войну (427) номинально Неаполитанцамъ, а въ дѣйствительности Самнитамъ и приступили къ осадѣ Неаполя. Послѣ того, какъ эта осада тянулась нѣсколько времени, кампанскіе Греки стали тяготиться застоємъ торговли и присутствіемъ чужаго гарнизона, а Римляне, напрягавшіе всѣ свои усилія къ тому, чтобы посредствомъ отдѣльныхъ договоровъ отклонить второстепенныя и третьестепенныя государства отъ участія въ составлявшейся коалиціи, успѣли предложить изъявлявшимъ готовность вступить въ переговоры Грекамъ выгодныя условія—полную равноправность и освобожденіе отъ земской службы, союзъ на равныхъ правахъ и вѣчный миръ. На этихъ условіяхъ и былъ заключенъ (428) договоръ, послѣ того какъ Неаполитанцы хитростью отдѣлались отъ присутствія гарнизона.—Сабельскіе города, находившіеся на югѣ отъ Вольтурна,—Нола, Нуперія, Геркуланъ. Помпеи были въ началѣ войны на сторонѣ Самнитовъ; но частію вслѣдствіе своей неспособности сопротивляться, частію вслѣдствіе интригъ Римлянъ,—которые употребляли въ дѣло всѣ средства доставляемыя лукавствомъ и корыстолюбіемъ, чтобы привлечь на свою сторону аристократическую партію въ этихъ городахъ и при этомъ нашли вліятельнаго адвоката въ примѣрѣ Капуи,—эти города, вскорѣ послѣ паденія Неаполя, или приняли сторону Римлянъ или объявили себя нейтральными.—Еще болѣе важнаго успѣха достигли Римляне въ Луканіи. Вѣрный народный инстинктъ и тамъ внушалъ необходимость союза съ Самнитами; но такъ какъ этотъ союзъ повлекъ-бы вслѣдъ за собой и заключеніе мира съ Тарентинцами, а большая часть луканскихъ правителей не намѣревалась преобразовать выгодныхъ хищническихъ набѣговъ, то Римлянамъ удалось заключить съ Луканіей союзъ, который былъ неоптимальнымъ въ томъ отношеніи, что создавалъ затрудненія для Тарентинцевъ, а Римлянамъ позволялъ употребить всѣ ихъ военныя силы на борьбу съ Самніемъ.

Начало вой-
ны между
Самніемъ и
Римомъ. 328

327

326

Союзъ Рим-
лянъ съ Лу-
канцами.

Война въ
Самніи.
326

Такимъ образомъ Самній остался въ полномъ одиночествѣ; ему прислали подкрѣпленія только нѣкоторые изъ восточныхъ горныхъ округовъ. Въ 428 году военныя дѣйствія начались на самой самнитской территоріи; нѣкоторые изъ городовъ, стоявшихъ на границѣ Кампаніи, какъ напримѣръ Руфры (между Венафромиъ и Теаномиъ) и Алифы, были заняты Римлянами. Въ слѣдующіе годы римскія войска прошли, сражаясь и грабя, черезъ весь Самній вплоть до Вестинской области и даже до Апуліи, гдѣ были приняты съ отворстыми объятіями, и повсюду имѣли рѣшительный перевѣсъ. Самниты упали духомъ, а самнитская народная община рѣшила просить у непріятеля мира и, чтобъ склонить его на менѣе тягостныя условія, выдать ему самаго храбраго изъ своихъ военачальниковъ; поэтому Самниты возвратили римскихъ военнопленныхъ и вмѣстѣ съ ними прислали трупъ вождя военной партіи Брутула Папія, который самъ себя лишилъ жизни, чтобъ не попасть въ руки римскихъ палачей. Но когда эта смиренная и почти жалобная просьба

322

была отвергнута римской общиной (432), Самниты стали готовиться къ крайнему и отчаянному сопротивленію подъ начальствомъ своего новаго полководца Гавія Понтія. Римская армія, стоявшая лагеремъ подлѣ Калациі (между Кавертой и Мадалони) подъ предводительствомъ обомъ консуловъ слѣдующаго года (433), Спурія Постумія и Тита Ветурия, получила извѣстіе, подтвержденное многочисленными плѣнниками, что Самниты тѣсно обложили Луцерію, и что этотъ важный городъ, отъ обладанія которымъ зависѣло обладаніе Апуліей, находился въ большой опасности. Римляне успѣшно выступили въ

321

походъ. Единственный путь, которымъ можно было во-время притти на мѣсто, шолъ по самой серединѣ непріятельской территоріи тамъ, гдѣ вполсѣдствіи было проведено отъ Капуи черезъ Беневентъ на Апулію римское шоссе, служившее продолженіемъ Аппіевой дороги. Этотъ путь шолъ между теперешними селеніями Арпайя и Монтеваркіо (C a u d i u m) по сырой луговинѣ, которая окружена вы-

Наудинскія
ущелья и
Наудинскій
миръ.

соковыми и крутыми лѣсистыми холмами и доступна при входѣ и при выходѣ только черезъ глубокія ущелья. Самниты засѣли тамъ такъ, что ихъ присутствіе не было замѣтно. Римляне безпрепятственно проникли въ долину, но нашли, что выходъ изъ нея загроможенъ засѣками и занятъ многочисленнымъ непріятелемъ; возвращаясь назадъ, они увидѣли, что и входъ въ долину такимъ же образомъ загроможенъ, а между тѣмъ горныя окраины кругомъ покрылись самнитскими когортами. Слишкомъ поздно догадались они, что поддались на военную хитрость и что Самниты ожидали ихъ не подъ стѣнами Луцеріи, а въ роковыхъ Наудинскихъ ущельяхъ. Дрались они безъ всякой надежды на успѣхъ и безъ всякой опредѣленной цѣли; римская армія была совершенно лишена возможности маневрировать и была безъ бою совершенно разбита.

Римскіе генералы предложили капитуляцію. Только бессмысленные риторы могли утверждать, что самнитскому главнокомандующему не предстояло другого выбора, какъ отпустить римскую армію или истребить ее; напротивъ того, онъ не могъ сдѣлать ничего лучшаго, чѣмъ согласиться на предложенную капитуляцію и взять въ плѣнъ, вмѣстѣ съ ея двумя главнокомандующими, всю непріятельскую армію, которая заключала въ себѣ въ ту минуту всѣ наличныя боевыя силы римской общины; тогда для него открылся-бы свободный путь въ Кампанію и въ Лаціумъ, а такъ какъ его приняли-бы въ ту пору съ отверстыми объятіями и у Вольсковъ и у Герниковъ и въ бѣльшей части Лаціума, то политическое существованіе Рима подверглось-бы серьезной опасности. Но вмѣсто того, чтобъ избрать этотъ путь и заключить военную конвенцію, Гавій Понтій понадѣялся положить конецъ всѣмъ распрямъ заключеніемъ выгоднаго мирнаго договора, — потому-ли, что онъ раздѣлялъ съ своими союзниками неблагоприятную жажду мира, ради которой былъ принесенъ въ предшествовавшемъ году въ жертву Брутуль Папій, потому-ли, что онъ не былъ въ состояніи помѣшать утомленной войною партіи уничтожить плоды его безпримѣрной побѣды. Предписанныя имъ мирныя условія были довольно умѣренны: Римъ обязался скрыть построенныя въ нарушеніе договоровъ крѣпости Калесъ и Фрегеллы и возобновить равноправный союзъ съ Самніемъ. Послѣ того, какъ римскіе военачальники согласились на эти условія, они выдали въ обезпеченіе точнаго исполненія договора шестьсотъ выбранныхъ въ конницѣ заложниковъ и сверхъ того связали самихъ себя и всѣхъ штабъ-офицеровъ честнымъ словомъ; тогда римская армія получила свободу, но была обезпечена, — такъ какъ самнитская армія, въ опьяненіи отъ своего успѣха, не могла воздержаться отъ исполненія надъ ненавистнымъ врагомъ позорныхъ для него формальностей: она потребовала, чтобъ Римляне положили оружіе и прошли подъ висѣлицей. — Однако римскій сенатъ, не обращая вниманія ни на принесенную офицерами клятву ни на ожидавшую заложниковъ участь, кассировалъ договоръ и ограничился тѣмъ, что выдалъ врагу тѣхъ, кто его подписалъ, какъ лично отвѣтственныхъ за его исполненіе. Для безпристрастной исторіи не имѣетъ важнаго значенія вопросъ, отыскала-ли въ этомъ случаѣ казуистика адвокатовъ и жрецовъ возможность не нарушать букву законовъ, или-же рѣшеніе римскаго сената было нарушеніемъ этихъ законовъ; съ гуманной и съ политической точки зрѣнія Римляне незаслуживаютъ въ этомъ случаѣ никакого порицанія. Совершенно безразлично, былъ или не былъ римскій главнокомандующій уполномоченъ формальнымъ римскимъ государственнымъ правомъ заключать миръ безъ предварительной ратификаціи гражданства, — такъ какъ неподлежитъ сомнѣнію, что по духу и по практическому примѣненію римскихъ государственныхъ учрежденій всякій

не исключительно военный государственный договор подлежал вѣдѣнію гражданскихъ властей, а тотъ главнокомандующій, который заключалъ мирный договоръ не по порученію сената и гражданства, превышалъ свои полномочія. Самнитскій главнокомандующій, предоставившій римскимъ военачальникамъ на выборъ гибель ихъ арміи или превышеніе ихъ власти, сдѣлалъ болѣе крупную ошибку, чѣмъ римскіе военачальники, у которыхъ не достало духа безусловно отвергнуть послѣднее изъ непріятельскихъ требованій; а что римскій сенатъ отвергнулъ такой договоръ, было и справедливо и неизбѣжно. Никакой великій народъ не отказывается отъ того, чѣмъ владѣть, иначе какъ подъ гнетомъ крайней необходимости; всѣ договоры, по которымъ дѣлаются какія-либо уступки владѣній, служатъ выраженіемъ сознанія такой крайней необходимости, но не могутъ считаться за нравственныя обязательства. А если всякая нація справедливо считаетъ за долгъ чести уничтоженіе силою оружія позорныхъ для нея трактатовъ, то могъ-ли долгъ чести требовать смиреннаго исполненія такого договора, какъ Каудинскій (въ заключенію котораго былъ нравственно вынужденъ главнокомандующій), и въ такое время, когда недавній позоръ еще вызывалъ краску стыда на лицѣ, а физическія силы еще не были сломенны?

**Побѣда
Римлянъ.**

Такимъ образомъ, Каудинскій мирный договоръ принесъ не спокойствіе, котораго отъ него безразсудно ожидали въ Самніи приверженцы мира, а одну войну вслѣдъ за другой и ожесточеніе, усилившееся съ одной стороны сожалѣніемъ о пропущенной благоприятной минутѣ, а съ другой — сознаніемъ, что было нарушено торжественно данное слово, что была запятнана воинская честь и что были принесены въ жертву боевые товарищи. Самниты не приняли выданныхъ имъ римскихъ офицеровъ частію потому, что были слишкомъ великодушны, чтобъ выменять свои неудачи на этихъ несчастныхъ, частію потому, что этимъ путемъ они признали-бы исполненіе договора обязательнымъ только для тѣхъ, кто скрѣпилъ его клятвой, а не для римскаго государства. Они великодушно пощадил даже заложниковъ, подлежащихъ по военному праву смертной казни, и тотчасъ взялись за оружіе. Они заняли Луцерію и взяли приступомъ Фрегеллы (434), прежде чѣмъ Римляне успѣли заново организовать свою армію; а чего могли-бы достигнуть Самниты, если-бы не выпустили изъ рукъ достигнутыхъ результатовъ, видно изъ перехода на ихъ сторону Сатрикановъ *). Но силы Рима не были ослаблены, а только на минуту парализованы; подъ вліяніемъ стыда и ожесточенія тамъ собрали всѣхъ людей и всѣ средства, какія только на-

320

*) Это были жители не того Сатрика, который находился подлѣ Анція [стр. 342], а другаго вольскаго города того-же имени, находившагося подлѣ Арпина и получившаго организацію римской гражданской общины безъ права голоса.

ходились подъ руками, и поставили во главѣ вновь организованной
 арміи Луція Папірія Курсора, который былъ столько-же испытан-
 нымъ въ бояхъ солдатомъ, сколько славнымъ полководцемъ. Эта
 армія раздѣлилась: одна ея часть направилась черезъ Сабину и че-
 резъ адриатическое побережье къ Луцеріи; другая пошла туда-же
 черезъ самнитскую территорію, преслѣдуя самнитскую армію, съ
 которой успѣшно вступала въ борьбу. Обѣ арміи сошлись подъ стѣ-
 нами Луцеріи, осаду которой Римляне повели тѣмъ усердіемъ, что тамъ со-
 держались въ плѣну римскіе всадники; Апулійцы и въ особенности
 Арпанцы оказали въ этомъ случаѣ Римлянамъ важное содѣйствіе
 главнымъ образомъ тѣмъ, что доставляли съѣстные припасы. Чтобы
 освободить городъ Самниты вступили въ бой съ Римлянами, но были
 разбиты; тогда Луцерія сдалась Римлянамъ (435), а Папірій имѣлъ
 двойное удовольствіе—онъ освободилъ уже считавшихся погибшими
 боевыхъ товарищей и отплатилъ стоявшему въ Луцеріи самнитскому
 гарнизону за каудинскія фуруры. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ
 (435—437) война велась не столько въ Самніи *), сколько въ со-
 сѣднихъ странахъ. Прежде всего Римляне наказали самнитскихъ
 союзниковъ въ областяхъ апулійской и фронтанской и заключили
 новые союзные договоры съ апулійскими Теанинцами и Канузинцами.
 Въ то-же время Сатригъ былъ приведенъ въ покорность и строго
 наказанъ за свое отпаденіе. Затѣмъ война была перенесена въ Кам-
 панію, гдѣ Римляне завладѣли (438) стоявшей на границѣ Самніи
 Сативулой (быть можетъ теперешней S. Agata de'Goti). Но
 тамъ военное счастье, по видимому, снова стало имъ измѣнять. Сам-
 ниты привлекли на свою сторону жителей Нудеріи (438), а вскорѣ
 вслѣдъ затѣмъ и жителей Нолы; на верхнемъ Лирисѣ Соранцы сами
 прогнали римскій гарнизонъ (439); Авзоны готовились къ возстанію
 и угрожали важному пункту — Калесу; даже въ Капуѣ стала дѣ-
 ятельно работать анти-римская партія. Самнитская армія вступила
 въ Кампанію и стала лагеремъ подъ стѣнами Капуи въ надеждѣ,
 что ея приближеніе доставитъ перевѣсъ національной партіи (440).
 Однако Римляне немедленно напали на Соры и снова завладѣли этимъ
 городомъ, послѣ того какъ разбили спѣшившую на выручку Соры
 самнитскую армію (440). Движеніе среди Авзоновъ было подавлено
 съ беспощадной строгостью, прежде чѣмъ вспыхнуло возстаніе и туда
 былъ назначенъ особый диктаторъ для возбужденія и рѣшенія поли-
 тическихъ процессовъ противъ вожаковъ самнитской партіи въ Капуѣ,
 такъ что самые вліятельные между ними сами лишили себя жизни,
 чтобъ не попасть въ руки римскаго палача (440). Стоявшая подѣ
 Капуи самнитская армія была разбита и принуждена удалиться изъ

319

319—317

316

316

315

314

314

314

*) Болѣе тѣмъ неправдоподобно мнѣніе, будто въ 436—437 г. между Римля-
 нами и Самнитами существовало формальное перемиріе на 2 года. 318 317

314 Кампаніи; Римляне преслѣдовали ее по пятамъ, перешли черезъ Матезе и зимой 440 года стали лагеремъ подъ стѣнами столицы Самніи — Бовіана. Нола была покинута союзниками, а Римляне были такъ осмотрительны, что навсегда отдѣлили этотъ городъ отъ самнитской партіи, заключивъ съ нимъ такой-же выгодный для него союзный договоръ (441), какой заключили съ Неаполитанцами. Фрегеллы, находившіеся со времени каудинской катастрофы въ рукахъ анти-римской партіи и служившіе для нея главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ въ области Лириса, наконецъ также были взяты на восьмомъ году послѣ ихъ занятія Самнитами (441); двѣсти гражданъ изъ числа самыхъ вліятельныхъ членовъ національной партіи были отправлены въ Римъ и обезглавлены на публичной площади въ предостереженіе повсюду сильно волновавшимся патриотамъ. — Такимъ образомъ, Апулія и Кампанія были совершенно во власти Римлянъ.

313 Новыя крѣпости въ Апуліи и въ Кампаніи. Чтобы окончательно обезпечить свое владычество надъ завоеванной территоріей, Римляне построили на ней въ промежуткѣ времени между 314—312 440 и 442 годами нѣсколько новыхъ крѣпостей: въ Апуліи Луцерію, въ которой поставили постояннымъ гарнизономъ полкъ-легиона въ виду ея изолированнаго и опаснаго положенія; Понціи (нынѣшніе острова Понцы) для обезпеченія своего владычества въ омывающемъ Кампанію морѣ; Сатикулу на границѣ Кампаніи и Самніи, въ качествѣ передоваго оплота противъ этого послѣдняго; наконецъ Интеграмну (подлѣ Monte Cassino) и Суэсу Аурунку (Sessa) на дорогѣ изъ Рима въ Капуу. Сверхъ того были поставлены гарнизоны въ Кайяци (Cajazzo), въ Сорѣ и въ другихъ важныхъ въ военномъ отношеніи пунктахъ. Въ довершеніе мѣръ, принятыхъ для защиты Кампаніи, была проведена изъ Рима въ Капуу та большая военная дорога, которую цензоръ Аппій Клавдій обратилъ въ 442 году въ шоссе, оградивъ ее необходимыми плотинами при переходѣ черезъ Помптинскія болота. Замыслы Римлянъ становились все болѣе и болѣе очевидными; дѣло шло о покореніи Италіи, которую съ каждымъ годомъ все тѣснѣе охватывала цѣпь римскихъ крѣпостей и дорогъ. Самниты уже были опутаны Римлянами съ двухъ сторонъ; непрерывный рядъ владѣній отъ Рима до Луцеріи отдѣлялъ сѣверную Италію отъ южной, точно такъ-же какъ крѣпости Норба и Сигнія когда-то отдѣляли Вольсковъ отъ Эввовъ, и подобно тому, какъ въ ту пору Римъ опирался на Герниковъ, теперь онъ сталъ опираться на Арпанцевъ. Италійцы наконецъ должны были понять, что съ надѣніемъ Самніи всѣ они утратятъ свою свободу и что слѣдуетъ, не теряя времени, придти соединенными силами на помощь къ храбрымъ горцамъ, которые уже въ теченіе пятинадцати лѣтъ одни выдерживали неравную борьбу съ Римлянами.

312

Видѣннатель- Самниты, по видимому, должны-бы были найти союзниковъ престо Тарен-где всего въ Тарентинцахъ; но къ числу неблагопріятно сложившихся.

шихся для Самніи и для Италіи обстоятельствъ принадлежитъ именно то, что ихъ судьба находилась въ эту рѣшительную минуту въ рукахъ этихъ италійскихъ Аѳинянъ. Съ тѣхъ поръ, какъ первоначальное государственное устройство Тарента, бывшее по древне-дорическому образцу строго аристократическимъ, превратилось въ полнѣйшую демократію, въ этомъ городѣ, населенномъ по преимуществу корабельщиками, рыбаками и фабрикантами, развилось невѣроятно оживленное движеніе; не столько знатные, сколько богатые жители Тарента и въ мысляхъ и на дѣлѣ устранили отъ себя всякія серьезныя заботы, увлекаясь оживленнымъ разнообразіемъ обыденной жизни и переходя отъ благородной отваги замысловъ и отъ самыхъ геніальныхъ влеченій къ позорному легкомыслію и къ ребяческимъ сумасбродствамъ. Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о томъ, отъ чего зависѣло бытіе или небытіе высокоодаренныхъ и изстари знаменитыхъ націй, то не неумѣстнымъ будетъ напомнить, что Платонъ, посѣтившій Тарентъ дѣтъ за шестьдесятъ передъ тѣмъ, нашолъ, — какъ онъ самъ о томъ свидѣтельствуетъ, — весь городъ пьянымъ на празднествѣ Діониса и что спеническая шутовская пародія, извѣстная подъ названіемъ «потѣшной трагедіи,» въ первый разъ появилась въ Тарентѣ именно въ эпоху великой самнитской войны. Къ этому безпутному образу жизни тарентинскихъ франтовъ и къ этой безпутной поэзіи тарентинскихъ писакъ служила дополненіемъ заносчивая и недалновидная полтика тарентинскихъ демагоговъ, постоянно мѣшавшихся въ то, до чего имъ не было никакого дѣла, и оставлявшихъ безъ вниманія то, къ чему ихъ призывали самые существенные ихъ интересы. Когда Римляне и Самниты стояли другъ противъ друга въ Апуліи послѣ каудинской катастрофы, эти демагоги отправили туда пословъ, которые обратились къ обѣимъ сторонамъ съ требованіемъ положить оружіе (434). Это дипломатическое вмѣшательство въ рѣшительную для Италійцевъ борьбу, понятно, было ничѣмъ инымъ, какъ предувѣдомленіемъ, что Тарентъ наконецъ рѣшился выйти изъ своего прежняго пассивнаго положенія. Онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ достаточныя для того основанія; но вмѣшиваться въ войну было для него и трудно и опасно, потому что демократическое развитіе его государственнаго могущества опиралось на морскія силы и между тѣмъ какъ благодаря этимъ морскимъ силамъ, опиравшимся на многочисленный торговый флотъ, Тарентъ занялъ первое мѣсто между велико-греческими морскими державами, его сухопутныя военныя силы, которымъ теперь приходилось играть главную роль, состояли только изъ наемныхъ солдатъ и находились въ глубокомъ упадкѣ. При такихъ условіяхъ для тарентинской республики было вовсе нелегкой задачей участіе въ войнѣ, которая велась между Римомъ и Самніемъ, — даже если не принимать въ расчетъ по меньшей мѣрѣ стѣснительной для Та-

339

320

рента вражды съ Луканцами, въ которую его съумѣла втянуть римская политика. Однако твердая воля, конечно, была въ состояніи преодолѣть эти затрудненія и въ этомъ смыслѣ было понято обѣими воюющими сторонами требованіе тарентинскихъ пословъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Самниты, какъ болѣе слабые, изъяснили готовность исполнить это требованіе, а Римляне отвѣчали на него тѣмъ, что выставили сигналъ для боя. Разсудокъ и честь предписывали Тарентинцамъ, немедленно вслѣдъ за повелительнымъ требованіемъ ихъ пословъ, объявить войну Риму; но тарентинскимъ правительствомъ не руководили ни разсудокъ ни честь и оно, какъ оказалось на дѣлѣ, ребячески относилось къ весьма серьезнымъ дѣламъ. Тарентъ не объявилъ Риму войны, а вмѣсто того сталъ поддерживать въ Сициліи олигархическую городскую партію противъ Агаоола Сиракузскаго, который когда-то состоялъ въ тарентинской службѣ, но впалъ въ немилость и былъ уволенъ; тогда Тарентинцы, по примѣру Спарты, отправили въ Сицилію флотъ, который могъ бы оказать имъ болѣе полезныя услуги у береговъ Кампаніи (440)

314 Присоедине-
ніе Этрус-
ковъ къ
коалиціи.
351

— Съ большей энергіей дѣйствовали народы сѣверной и средней Ита-
ліи, которыхъ, какъ кажется, особенно встревожило основаніе
крѣпости Луперіи. Прежде всѣхъ поднялись Этруски (443), для ко-
торыхъ уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ истекъ срокъ пере-
мирія, заключеннаго въ 403 году съ Римомъ. Пограничной римской
крѣпости Сутрію пришлось выдерживать двухъ-лѣтнюю осаду, а въ
горячихъ сраженіяхъ, происходившихъ подъ стѣнами этого города,
успѣхъ постоянно былъ не на сторонѣ Римлянъ; наконецъ, испы-
танный въ самнитскихъ войнахъ полководецъ—консулъ 444 года

311

310

Квинтъ Фабій Руллианъ не только возстановилъ въ римской Этруріи
перевѣсъ римскаго оружія, но даже смѣло вторгнулся въ собственно-
этрусскую территорію, до тѣхъ поръ остававшуюся для Римлянъ
почти неизвѣстной страной по причинѣ различій языка и неудобствъ
путей сообщенія. Переходъ черезъ Циминійскій лѣсъ, за который
еще не проникала ни одна римская армія, и разграбленіе богатой
страны, долго не подвергавшейся бѣдствіямъ войны, подняли всю
Этрурію на ноги; римское правительство, сильно неодобрявшее эту
безразсудно- смѣлую экспедицію и слишкомъ поздно запретившее
отважному главнокомандующему переходить черезъ границу, стало
съ крайней торопливостью собирать новые легіоны для того, чтобы
быть въ состояніи отразить ожидаемый напоръ всѣхъ этрусскихъ
военныхъ силъ. Но своевременная и рѣшительная побѣда Руллиана
при Вадимонскомъ озерѣ, которая такъ долго сохранялась въ на-
родной памяти, закончила неосторожное предпріятіе славнымъ герой-
скимъ подвигомъ и сломила сопротивленіе Этрусковъ. Не такъ, какъ
Самниты, въ теченіе восемнадцати лѣтъ не прекращавшіе неравной
борьбы, три самыхъ сильныхъ этрусскихъ города—Перузія, Кортоня

Побѣда при
Вадимон-
скомъ озерѣ.

и Аррецій уже послѣ перваго пораженія согласились заключить отдѣльный мирный договоръ на триста мѣсяцевъ (444), а когда Римляне въ слѣдующемъ году снова разбили остальныхъ Этрусковъ при Перузїи, и жители Тарвинїи заключили съ ними мирный договоръ на четыреста мѣсяцевъ (446); послѣ того и остальные города устранились отъ участія въ борьбѣ и въ Этруриі на время прекратились всеобщія дѣйствія. — Въ то время, какъ совершались эти событія, война непрерывалась и въ Самниї. Экспедиція 443 года ограничилась, подобно предъидущимъ, осадой и взятіемъ отдѣльныхъ самнитскихъ городовъ, но въ слѣдующемъ году война приняла болѣе оживленный характеръ. Опасное положеніе Руллианъ въ Этруриі и распространившіеся слухи объ уничтоженіи сѣверной римской арміи поощрили Самнитовъ на новыя усилія; римскій консулъ Гай Марцій Рутиль былъ ими побѣжденъ и самъ тяжело раненъ. Но новый оборотъ дѣлъ въ Этруриі разрушилъ возрождавшіяся надежды. Луцій Папірій Курсоръ былъ снова поставленъ во главѣ римскихъ войскъ посланныхъ противъ Самнитовъ и снова вышелъ побѣдителемъ изъ большаго и рѣшительнаго сраженія (445), для котораго союзники напрягли свои послѣднія силы. Составлявшіе цвѣтъ ихъ арміи, солдаты въ пестрыхъ кафтанахъ съ золотыми щитами и солдаты въ бѣлыхъ кафтанахъ съ серебряными щитами были при этомъ истреблены, а бѣгущіе доспѣхи побѣжденныхъ съ тѣхъ поръ украшали въ торжественныхъ случаяхъ ряды лавокъ, тянувшіеся вдоль римской площади. Бѣдственное положеніе Самнитовъ все усиливалось, а борьба становилась для нихъ все болѣе безнадежной. Въ слѣдующемъ году (446) Этруски положили оружіе, и въ то же время сдана Римлянамъ на выгодныхъ условіяхъ послѣдній изъ городовъ Кампанїи, державшихъ сторону Самнитовъ — Нуцерія, на которую было сдѣлано нападеніе и съ моря и съ сухаго пути. Хотя Самниты нашли новыхъ союзниковъ въ сѣверной Италїи въ Умбрахъ, въ средней Италїи въ Марсахъ и Пелигнахъ и даже отъ Герниковъ вступило въ ихъ ряды много добровольцевъ, но все это могло-бы доставить имъ рѣшительный перевѣсъ надъ Римлянами въ то время, когда Этруски еще непрерывали борьбу, а теперь все это лишь умножило плоды римской побѣды, не создавъ для нея серьезныхъ препятствій. Когда Умбры сдѣлали видъ, будто намѣреваются итти на Римъ, Руллианъ, выйдя съ своей арміей изъ Самниї, загородилъ имъ путь у верховьевъ Тибра, не встрѣтивъ къ этому препятствія со стороны обезсиленныхъ Самнитовъ и этого было достаточно, чтобъ разогнать умбское ополченіе. Послѣ того театръ войны былъ перенесенъ снова въ среднюю Италію. Пелигны были побѣждены; вслѣдъ за ними были побѣждены и Марсы; хотя остальные сабельскія племена все еще номинально были врагами Рима, но на самомъ дѣлѣ Самниї мало по малу остался съ этой стороны въ совершенномъ одиночествѣ. Впро-

310

308

Послѣдніе походы въ Самниї.

309

308

306 чемъ онъ получилъ неожиданную помощь изъ области Тибра. Конфедерация Герниковъ, у которыхъ Римъ потребовалъ объясненій по поводу того, что напольшъ ихъ соотечественниковъ между взятыми въ плѣвъ Самнитами, объявила Риму войну (448)—правда не столько по расчету, сколько съ отчаянія. Нѣкоторые изъ самыхъ значительныхъ герниковскихъ общинъ съ самаго начала отказались отъ всякаго участія въ войнѣ, но самый важный изъ герниковскихъ городовъ, Анагнія, привелъ объявленіе войны въ исполненіе. Однако, это неожиданное возстаніе въ тылу римской арміи, занятой осадой самнитскихъ крѣпостей, было въ военномъ отношеніи крайне опасно для Римлянъ. Военное счастье еще разъ умыбнулось Самнитамъ; Сора и Кайяція попали въ ихъ руки. Но Анагнійцы были неожиданно скоро приведены въ покорность высланными изъ Рима войсками; эти войска высвободили и стоявшую въ Самніи армію; тогда было снова все потеряно. Самниты просили мира, но не имѣли успѣха, такъ какъ два противника не могли договориться на счетъ мирныхъ условій.

305 Только походъ 449 года привелъ къ окончательной развязкѣ. Двѣ римскія консульскія арміи вторгнулись въ Самнію: одна изъ нихъ подъ начальствомъ Тиберія Минуція, а послѣ его паденія, подъ начальствомъ Марка Фульвія, шла изъ Кампаніи черезъ горные проходы; другая подъ начальствомъ Луція Постумія подымалась отъ береговъ Адриатическаго моря вверхъ по теченію Биферна; онѣ сошлись подъ стѣнами самнитской столицы Бовіана, одержали рѣшительную побѣду, захватили въ плѣвъ самнитскаго полководца Стація Геллія и взяли Бовіанъ приступомъ. Паденіе главнаго центра самнитскихъ военныхъ силъ положило конецъ двадцати-двухъ-лѣтней войнѣ. Самниты вывели свои гарнизоны изъ Соры и изъ Арпина и отправили въ Римъ пословъ съ просьбой о мирѣ; ихъ примѣру послѣдовали сабельскія племена — Марсы, Марруцины, Пелигны, Френтаны, Вестины, Пиценты. Условія, на которыя согласился Римъ, были сносны; хотя и потребовались уступки нѣкоторыхъ земель, какъ напримѣръ территоріи Пелигновъ, но вообще онѣ, какъ кажется, были не очень значительны. Правноправный союзъ между сабельскими штатами и Римомъ былъ возобновленъ (450).

304 Миръ съ Самніемъ. Миръ съ Тарентомъ. Вѣроятно около того-же времени и, конечно, вслѣдствіе заключенія мира съ Самнитами былъ заключенъ миръ между Римомъ и Тарентомъ. Впрочемъ эти два города не вступали въ непосредственную борьбу между собой; съ начала и до конца продолжительной войны между Римомъ и Самніемъ Тарентинцы были пассивными ея свидѣтелями и только въ союзѣ съ Салентинцами прекращали своихъ распри съ союзниками Рима Луканцами. Но въ послѣдніе годы самнитской войны они еще разъ попытались выступить на сцену болѣе энергическимъ образомъ. Частію вслѣдствіе того, что безпрестанныя нападенія Луканцевъ ставили ихъ

самихъ въ затруднительное положеніе, частію вслѣдствіе того, что они все яснѣе сознавали опасность, которою грозило ихъ собственной независимости окончательное паденіе Самніа, они рѣшились еще разъ вѣрить свою судьбу кондотьеру, не смотря на то, что призваніе Александра Молосскаго не принесло утѣшительныхъ результатовъ. На ихъ призывъ явился спартанскій принцъ Клеонимъ съ пятью тысячами наемниковъ, къ которымъ онъ присоединилъ такой-же сильный набранный въ Италиі отрядъ, вспомогательныя войска Мессалийцевъ и другихъ менѣе значительныхъ греческихъ городовъ, а главнымъ образомъ двадцати-двухъ тысячную тарентинскую гражданскую милицію. Во главѣ этой значительной арміи онъ принудилъ Луканцевъ заключить миръ съ Тарентомъ и по ставить во главѣ своего управленія преданныхъ Самнію людей, въ замѣнъ чего, впрочемъ, отдалъ имъ на жертву Метапонтъ. Когда это случилось, Самниты еще не прекращали войны; ничто не мѣшало Спартанцу придти къ нимъ на помощь и употребить свою сильную армію и свое военное искусство на защиту свободы италійскихъ городовъ и народовъ. Но Тарентъ дѣйствовалъ не такъ, какъ сталъ бы дѣйствовать въ подобномъ случаѣ Римъ, да и самъ принцъ Клеонимъ далеко не былъ ни Александромъ ни Пирромъ. Онъ не поторопился начинать войну, отъ которой можно было ожидать скорѣе неудачъ, чѣмъ наживы, а предпочелъ вмѣсто того дѣйствовать заодно съ Луканцами противъ Метапонта и проводилъ пріятно свое время въ этомъ городѣ, поговаривая о походѣ противъ Агаеюла Сиракузскаго и объ освобожденіи сицилійскихъ Грековъ. Между тѣмъ Самниты заключили миръ, а когда Римляне стали послѣ того серьезнѣе интересоваться юго-восточною частію полуострова,—какъ на примѣръ въ 447 году римскій отрядъ опустошилъ территорію Саллентинцевъ или, точнѣе, производилъ тамъ рекогносцировки по приказанію свыше,—тогда спартанскій кондотьеръ сѣлъ съ своими наемниками на суда и завладѣлъ врасплохъ островомъ Керкирой, отсюда было удобно предпринимать хищническіе морскіе набѣги на Грецію и на Италію. Когда Тарентинцы были такимъ образомъ покинуты своимъ полководцемъ и въ то-же время лишились своихъ союзниковъ въ средней Италиі, тогда и имъ и присоединившимся къ нимъ Луканцамъ и Саллентинцамъ, конечно, неоставалось ничего другаго, какъ искать мира, на который Римляне и согласились, какъ бажется, на сносныхъ условіяхъ. Вскорѣ послѣ того (451) даже нашествіе Клеонима, высадившагося на территоріи Саллентинцевъ и приступившаго къ осадѣ Урїи, было отражено мѣстными жителями при помощи Римлянъ.

Побѣда Рима была полная и онъ вполне ею воспользовался. Если Самнитамъ, Тарентинцамъ и другимъ еще болѣе отдаленнымъ отъ Рима племенамъ были предписаны вообще очень умѣренные мирныя условія, то это было сдѣлано не изъ великодушія, съ которымъ

307

303

Упроченіе римскаго владычества въ средней Италиі.

304

Римляне не были знакомы, а изъ благоразумной и вполне понятной расчетливости. Первая и главная задача Римлянъ заключалась не столько въ томъ, чтобъ какъ можно скорѣе принудить южную Италию къ формальному признанію римскаго верховенства, сколько въ томъ, чтобъ довести до конца покореніе средней Италиі (которое уже было подготовлено во время послѣдней войны проведеніемъ военныхъ дорогъ и основаніемъ крѣпостей въ Кампаніи и въ Апуліи) и такимъ образомъ отрѣзавъ сѣверную Италию отъ южной, лишить ихъ всякой возможности дѣйствовать за-одно въ случаѣ войны. Къ достиженію этой цѣли были направлены съ энергической послѣдовательностью и дальнѣйшія военныя предпріятія Римлянъ. Прежде всего Римляне воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ (быть можетъ ими же созданнымъ), чтобъ разомъ покончить съ находившимися въ области Тибра конфедераціями Эввовъ и Герниковъ, которыя когда-то соперничали съ римскимъ единовластіемъ и еще не были совершенно устранены. Въ томъ-же году, въ которомъ былъ заключенъ миръ съ Самніемъ (450), консулъ Публий Семпроній Софъ началъ войну съ Эквами; сорокъ поселеній покорились ему въ теченіе пятидесяти дней; всѣ владѣнія Эввовъ, за исключеніемъ той узкой ложбины, которая до сихъ поръ носитъ свое старинное народное названіе (*Cicolano*), поступили подъ власть Римлянъ; въ слѣдующемъ году была построена на сѣверной окраинѣ Фуцинскаго озера крѣпость Альба, въ которой былъ поставленъ шеститысячный гарнизонъ и которая, сдѣлавшись передовымъ оплотомъ противъ воинственныхъ Марсовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивала владычество Римлянъ надъ средней Италіей; черезъ два года послѣ того была основана на верхнемъ Турано, ближе къ Риму, крѣпость Карсіоли; эти оба города были союзными общинами на правахъ Латинновъ. — Чтобъ уничтожить старинную союзную связь между городами Герниковъ, былъ отысканъ желаемый поводъ въ томъ фактѣ, что если не всѣ города Герниковъ, то по меньшей мѣрѣ Анагнія принимала участіе въ послѣднихъ фазисахъ самнитской войны. Участь Анагнії, натурально, была гораздо болѣе тяжелой, чѣмъ при предшествовавшемъ поколѣніи участъ латинскихъ общинъ, находившихся точно въ такомъ-же положеніи. Она не только должна была до-вольствоваться, подобно тѣмъ латинскимъ общинамъ, пассивнымъ правомъ римскаго гражданства, но лишилась, подобно Церитамъ (стр. 332), самоуправления; сверхъ того изъ одной части ея территоріи на верхнемъ Трерусѣ (*Sasso*) былъ организованъ новый гражданскій округъ, и въ тоже время былъ организованъ другой такой-же округъ на нижнемъ Аніо (455). Римляне только сожалѣли о томъ, что три самыя значительныя послѣ Анагнії герникскія общины Алетрій, Верулы и Ферентинъ также не отложились отъ Рима, такъ такъ вслѣдствіе ихъ вѣжливаго отказа на предложеніе до-

299

бровольно вступить въ римскій гражданскій союзъ и вслѣдствіе отсутствія всякаго благовиднаго предлога, чтобъ ихъ принудить къ тому силой, пришлось по необходимости предоставить имъ не только автономію, но даже право созывать сеймъ и общность бравовъ и такимъ образомъ сохранить нѣчто такое, что еще напоминало о старинной конфедераціи Герниковъ. — Соображенія этого рода не стѣсняли Римлянъ въ той части территоріи Вольсковъ, которою до того времени владѣли Самниты. Тамъ поступили въ римское подданство города Арпинъ и Фрузино, а у этого послѣдняго была отнята третья часть его территоріи; кромѣ того, на верхнемъ Лирисѣ, вольскій городъ Сора, уже ранѣе того занятый гарнизономъ, былъ въ придачу къ Фрегелламъ превращенъ въ латинскую крѣпость и занятъ четырехъ-тысячнымъ легиономъ. Такимъ образомъ древняя страна Вольсковъ была вполнѣ покорена и пошла быстрыми шагами къ романизациіи. Черезъ мѣстность, отдѣлявшую Самнію отъ Этруріи, были проведены двѣ военныя дороги и обѣ были защищены крѣпостями. Сѣверная дорога, изъ которой вполнѣ образовалась дорога Фламиніевская, прикрывала линію Тибра; она шла черезъ союзный съ Римомъ Окрикулъ въ Нарвію, которую Римляне такъ переименовали изъ древней умбрской крѣпости *Nequinum* въ то время, какъ основали тамъ военную колонію (455). Южная дорога, вполнѣ называвшаяся Валеріевской, вела къ Фуцинскому озеру черезъ вышеупомянутыя крѣпости Карсіоли и Альбу. Медвія племена, на территоріи которыхъ предпринимались эти сооруженія, — Умбры, упорно защищавшіе Неквинъ, Эквы, пытавшіеся снова завладѣть Альбой, Марсы, нападавшіе на Карсіоли, — не были въ состояніи поставить Риму преграды на его пути; тѣ двѣ сильныхъ крѣпости почти безпрепятственно вдвинулись промезь Самніи и Этруріи. О громаднхъ сооруженіяхъ дорогъ и крѣпостей, обезпечивавшихъ владѣніе Апуліей и въ особенности Кампаніей, уже было ранѣе упомянуто; они окружили Самнію цѣлью римскихъ крѣпостей съ востока и съ запада. О сравнительномъ безсиліи Этруріи свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что Римляне не нашли нужнымъ обезпечивать свое господство надъ ушьями Циминійскаго лѣса посредствомъ проведенія шоссейной дороги и постройки крѣпостей. Сутрій, который былъ до того времени пограничною крѣпостью, и вполнѣ оставался конечнымъ пунктомъ римской военной линіи: Римляне удовольствовались тѣмъ, что возложили на близъ-лежація общины содержаніе въ удовлетворительномъ для военныхъ цѣлей порядкѣ той дороги, которая вела изъ Сутрія въ Аррецій *).

299

*) Военныя дѣйствія во время кампаніи 537 года и въ особенности проведеніе въ 567 году шоссейной дороги изъ Арреція въ Бононію доказываютъ, что еще ранѣе того была проведена дорога изъ Рима въ Аррецій. Однако эта дорога еще

271
187

**Возобновле-
ніе сам-
нитско-эт-
русской
войны.**

Благородная самнитская нація поняла, что такой миръ былъ па-
губиѣ самой несчастной войны, и стала дѣйствовать согласно съ
такимъ убѣжденіемъ. Именно въ то время Кельты снова начинали,
послѣ долгаго бездѣйствія, шевелиться въ сѣверной Италіи; кромѣ
того, нѣкоторыя изъ сѣверныхъ этрусскихъ общинъ все еще вели
борьбу съ Римлянами, такъ что непродолжительное затишье чере-
довалось тамъ съ жаркими, но безплодными схватками. Еще вся
средняя Италія была въ броженіи и частію въ открытомъ возстаніи;
постройка крѣпостей еще была только начата и сообщенія между
Этруріей и Самніемъ еще не были совершенно прерваны. Быть мо-
жетъ еще было не поздно спасать свободу; но не слѣдовало мѣд-
лить: съ каждымъ годомъ, проведеннымъ въ мирномъ бездѣйствіи,
трудность нападенія возрастала, а силы нападающихъ слабѣли.
Прошло только пять лѣтъ со времени заключенія мира и еще не
успѣли закрыться раны, нанесенныя сельскому населенію Самніа двад-
цати-двухъ-лѣтней войной, когда самнитская федерація возобновила въ
298 456 году борьбу. Благопріятный для Римлянъ исходъ послѣдней войны
былъ въ сущности послѣдствіемъ того, что Луканцы были союзниками
Рима, а вслѣдствіе того Тарентъ держался въ сторонѣ; пользуясь этимъ
урокомъ, Самниты прежде всего напали всѣми своими силами на
Луканію; имъ удалось поставить тамъ во главѣ управленія людей
своей партіи и заключить союзъ между Самніемъ и Луканіей. По-
нятно, что Римляне немедленно объявили имъ войну; впрочемъ въ
Самніи хорошо знали, что иначе и быть не могло. Какъ были въ ту
пору настроены умы Самнитовъ, видно изъ того, что самнитское прави-
тельство предупредило римскихъ пословъ о невозможности поручиться
за ихъ личную безопасность, если они вступятъ на самнитскую
298 территорію. — Такимъ образомъ война снова вспыхнула (456) и
между тѣмъ какъ одна римская армія дѣйствовала въ Этруріи,
главныя военныя силы Рима, пройдя черезъ Самнію, принудили Лу-
канцевъ заключить миръ и прислать въ Римъ заложниковъ. Въ
слѣдующемъ году оба консула уже могли обратить свое оружіе про-
тивъ Самніа; Руллианъ одержалъ побѣду при Тифернѣ, а его вѣрный
боевой товарищъ Публій Децій Мусъ при Малевентѣ и двѣ римскія
арміи простояли лагеремъ пять мѣсяцевъ въ непріятельской странѣ.
Это было возможно благодаря тому, что тускскіе штаты стали по-

не могла быть въ эту пору римской военной шоссею дорогой, такъ какъ, судя
по ея позднѣйшему названію „Кассіевской“, она не могла быть проведена въ
качествѣ *via consularis* ранѣе 583; мы убѣждаемся въ этомъ изъ того, что
171 между Спуріемъ Кассіемъ, который былъ консуломъ въ 252, 261 и 268 годахъ
502 493 486 и о которомъ, конечно, и думать нечего, и Гайемъ Кассіемъ Лонгиномъ, кото-
рый былъ консуломъ въ 583 году, не встрѣчается въ спискахъ римскихъ кон-
суловъ и цензоровъ ни одного Кассія.

одиночкѣ вступать въ мирные переговоры съ Римомъ. Самниты, безъ сомнѣнія, съ самаго начала войны ясно видѣли, что побѣда была возможна только при томъ условіи, чтобы вся Италія соединилась противъ Рима; поэтому они всѣми силами старались предотвратить заключеніе отдѣльнаго мира между Этруріей и Римомъ, а когда ихъ полководецъ Геллій Эгнацій наконецъ предложилъ Этрускамъ прислать имъ подкрѣпленія въ ихъ собственную страну, тогда этрусскій союзный совѣтъ рѣшился неуступать и еще разъ предоставить гѣ-
 моніе дѣла оружію. Самній употребилъ крайнія усилія на то, чтобы **Соединеніе**
 одновременно выставить въ поле три арміи, изъ которыхъ одна **союзныхъ**
 предназначалась для защиты собственной территоріи, другая должна **армій въ**
 была вторгнуться въ Кампанію, а третья и самая сильная должна **Умбрін.**
 была идти въ Этрурію; дѣйствительно, эта послѣдняя безъ потерь **296**
 достигла въ 458 году Этруріи подъ предводительствомъ самого Эг-
 нація, пройдя черезъ территоріи Марсовъ и Умбровъ, гдѣ находила
 содѣйствіе со стороны мѣстнаго населенія. Тѣмъ временемъ Римляне
 завладѣли нѣсколькими укрѣпленными пунктами въ Самніи и уни-
 чтожили вліяніе самнитской партіи въ Луканіи, но походу предво-
 димой Эгнаціемъ арміи они не успѣли воспрепятствовать. Когда въ
 Римѣ узнали, что Самнитамъ удалось сдѣлать напрасными всѣ гро-
 мадные усилія, потраченныя на отдѣленіе южныхъ Италійцевъ отъ
 сѣверныхъ, что появленіе самнитскихъ войскъ въ Этруріи послужило
 сигналомъ къ почти повсемѣстному возстанію противъ Рима и что
 этрусскія общины самымъ дѣятельнымъ образомъ старались приго-
 товить свои ополченія къ войнѣ и привлечь къ себѣ толпы галь-
 скихъ наемниковъ, тогда и Римъ сталъ напрягать всѣ свои силы
 и сталъ организовать когорты изъ вольноотпущенниковъ и женатыхъ
 людей, — однимъ словомъ и тутъ и тамъ сознавали, что приближается **296**
 окончательная развязка. Однако 458 годъ, какъ кажется, прошолъ
 въ вооруженіяхъ и въ передвиженіяхъ войскъ. На слѣдующій годъ **295**
 (459) Римляне поставили двухъ лучшихъ своихъ полководцевъ Публія
 Деція Муса и престарѣлаго Квинта Фабія Руллиана во главѣ нахо-
 дящейся въ Этруріи римской арміи, которая была усилена всѣми
 войсками, какія оказались ненужными въ Кампаніи и доходила по
 меньшей-мѣрѣ до 60,000 человекъ, между которыми болѣе трети
 были полными римскими гражданами; сверхъ того были сформиро-
 ваны два резерва—одинъ подѣ Фалерій, другой подѣ стѣнами сто-
 лицы. Сборнымъ пунктомъ для Италійцевъ служила Умбрія, гдѣ
 сходились дороги изъ земель гальской, этрусской и сабельской; туда
 же и консулы двинули свои военныя силы частію по лѣвому, частію
 по правому берегу Тибра, между тѣмъ какъ первый резервъ повер-
 нулъ въ Этрурію съ цѣлю отвлечь этрусскія войска отъ главнаго
 мѣста военныхъ дѣйствій для защиты ихъ отечества. Первое сра-
 женіе было неудачно для Римлянъ; ихъ авангардъ былъ разбитъ

**Битва при
Сентинѣ.**

соединенными силами Галловъ и Самнитовъ въ округѣ Кьюзи. Но упомянутая выше диверсія резерва достигла своей цѣли; между тѣмъ какъ Самниты самоотверженно проходили мимо развалинъ своихъ городевъ, чтобъ во-время прибыть на назначенное имъ мѣсто, этрусскій контингентъ напротивъ того болѣею частію отдѣлился отъ союзной арміи, лишь только узнавъ о вторженіи римскаго резерва въ Этрурію; вслѣдствіе этого ряды союзной арміи сильно порѣдѣли въ то время, какъ дѣло дошло до рѣшительной битвы на восточномъ склонѣ Апеннинъ подлѣ Сентина. Тѣмъ не менѣе это былъ жаркій бой. На правомъ флангѣ Римлянъ, гдѣ Руллианъ боролся во главѣ двухъ легионовъ съ самнитской арміей, исходъ долго оставался нерѣшительнымъ. На лѣвомъ флангѣ, гдѣ командовалъ Публий Децій, римскую конницу привели въ разстройство гальскія боевыя колесницы и легионы уже начинали подаваться назадъ. Тогда консулъ призвалъ къ себѣ жреца Марка Ливія и приказалъ ему обречь на жертву подземнымъ богамъ и голову римскаго главнокомандующаго и непріятельскую армію; вслѣдъ за тѣмъ онъ бросился въ самые густые ряды Галловъ и нашолъ тамъ смерть, которой искалъ. Это геройское самопожертвованіе высокой души человѣка и любимаго военачальника не осталось безплоднымъ. Спасавшіеся бѣгствомъ солдаты возвратились назадъ, самые храбрые устремились вслѣдъ за своимъ вождемъ на непріятельскіе ряды для того, чтобъ отштитъ за его смерть или умереть вмѣстѣ съ нимъ и въ ту-же минуту прибылъ на помощь разстроеному лѣвому флангу присланный Руллианомъ консуляръ Луцій Сципионъ во главѣ римскаго резерва. Дѣло порѣшила превосходная кампанская конница, напавшая на Галловъ съ фланга и съ тыла; Галлы обратились въ бѣгство, а вслѣдъ за ними пошатнулись и Самниты, начальнивъ которыхъ—Эгнацій палъ у воротъ лагеря. Девять тысячъ Римлянъ покрывали поле сраженія; но кушленная дорогою цѣной побѣда стоила такой жертвы. Союзная армія распалась, а вмѣстѣ съ нею распалась и коалиція; Умбрія осталась во власти Римлянъ, Галлы разбѣжались, а остатки самнитской арміи возвратились въ стройномъ порядкѣ черезъ Абрुццы въ свое отечество. Кампанія, которую Самниты наводили своими войсками во время этрусской войны, была по окончаніи этой войны снова занята Римлянами безъ большихъ усилій. Этрурія просила въ слѣдующемъ году (460) мира; Вольсиніи, Перузія, Аррецій и вообще всѣ города, применувшіе къ союзу противъ Рима, обязались соблюдать перемиріе въ теченіе четырехъ сотъ мѣсяцевъ. Но у Самнитовъ были иныя намѣренія: они стали готовиться къ безнадежному сопротивленію съ тѣмъ мужествомъ свободныхъ людей, которое хотя и не въ силахъ повернуть на свою сторону счастье, но способно пристыдить его. Когда двѣ консулярныя арміи вступили въ 460 году въ Самнію, онѣ повсюду встрѣчали самое ожесточенное

294
Миръ съ
Этруріей.
Послѣднія
битвы въ
Самніи.

294

сопротивленіе; Маркъ Атілій даже потерпѣлъ неудачу подлѣ Луцеріа, а Самниты успѣли проникнуть въ Кампанію и опустошить территорію римской колоніи Интерамны на Лирисѣ. Въ слѣдующемъ году, сынъ героя первой самнитской войны Луцій Папірій Курсоръ и Спурій Карвильій вступили подлѣ Аквилоніа въ рѣшительный бой съ самнитской арміей, главные силы которой состояли изъ 16.000 одѣтыхъ въ бѣлые кафтаны солдатъ, принесшихъ священную клятву, что предпочтутъ бѣгству смерть. Но неумолимый ровъ не обращаетъ вниманія ни на клятвы ни на отчаянныя мольбы; Римляне одержали побѣду и взяли приступомъ тѣ крѣпости, въ которыхъ Самниты укрѣпились съ своимъ имуществомъ. Впрочемъ, и послѣ этого тяжелаго пораженія союзники въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оборонялись съ безпримѣрнымъ упорствомъ въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ и горахъ противъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ и мѣстами даже одерживали небольшія побѣды; еще разъ Римлянамъ пришлось прибѣгнуть (462) къ опытности престарѣлаго Руллиана, а Гавій Понцій, — быть можетъ сынъ каудинскаго побѣдителя, — одержалъ послѣднюю самнитскую побѣду, за которую Римляне впоследствии отомстили ему низкимъ образомъ: когда онъ попался къ нимъ въ плѣнъ, они казнили его въ темницѣ (463). Но въ Италиі уже никто не шевелился, — такъ какъ война, предпринятая въ 461 году Фалеріями, едва-ли заслуживаетъ этого названія. Самниты быть можетъ и поглядывали съ томительнымъ ожиданіемъ на Тарентъ, который одинъ былъ въ состояніи помочь имъ; но помощи оттуда они не получили. Причины бездѣятельности Тарента были тѣ-же, какъ и прежде — дурное управленіе и то, что Луканцы снова перешли въ 456 году на сторону Римлянъ; къ этому присоединялись не безосновательныя опасенія, которыя внушала Тарентинцамъ Агаѳокль Сиракузскій, именно въ ту пору стоявшій на вершинѣ своего могущества и начинавшій обращать свое вниманіе на Италію. Около 455 года Агаѳокль утвердился въ Керкирѣ, откуда Клеонимъ былъ прогнанъ Димитріемъ Полиоркетомъ (получившимъ прозвище «завоевателя городовъ»); послѣ того Агаѳокль сталъ угрожать Тарентинцамъ и съ Адриатическаго моря и съ Ионическаго. Хотя уступка Керкиры эпирскому царю Пирру устранила въ 459 году большую часть возникшихъ опасеній, тѣмъ не менѣе Тарентинцы все еще интересовались положеніемъ дѣлъ въ Керкирѣ (такъ напримѣръ они помогли въ 464 году царю Пирру отстоять этотъ островъ отъ нападеній Димитрія), а итальянская политика Агаѳокла постоянно внушала имъ опасенія. Когда Агаѳокль умеръ (465) и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло могущество Сиракузянъ въ Италиі, было уже поздно; измученный тридцати-семи-лѣтней войной Самній заключилъ за годъ передъ тѣмъ (464) миръ съ римскимъ консуломъ Маніемъ Куріемъ Дентатомъ и формальнымъ образомъ возобновилъ союзъ съ Римомъ. И на этотъ разъ, какъ при заключеніи мира въ 450

292

291

293

298

299

295

290

289

290

304

году, Римляне не предписали храброму народу никакихъ поворныхъ или крайне-стѣснительныхъ условий: они, какъ кажется, даже не потребовали никакихъ территориальныхъ уступокъ. Римская государственная мудрость сочла за лучшее подвигаться впередъ по старому пути и прежде чѣмъ приступать къ покоренію внутреннихъ странъ, все прочтѣе и прочтѣе привязывать къ Риму побережье Кампаніи и Адриатическаго моря. Хотя Кампанія уже давно была покорена Римлянами, однако дальновидная римская политика нашла нужнымъ упрочить свое владычество на берегахъ Кампаніи посредствомъ основанія тамъ двухъ приморскихъ крѣпостей — Минтурнъ и Синуэссы (459), а новымъ гражданствомъ этихъ городовъ были предоставлены права полного римскаго гражданства на основаніи общаго правила, установленнаго для приморскихъ колоній. Еще съ большей энергіей расширялось римское владычество въ средней Италиі. Какъ покореніе Эввовъ и Герниковъ было непосредственнымъ послѣдствіемъ первой самнитской войны, такъ и покореніе Сабиновъ состоялось немедленно вслѣдъ за окончаніемъ второй самнитской войны. Маній Курій, — тотъ самый полководецъ, который окончательно сломилъ сопротивление Самнитовъ, — принудилъ въ томъ же году (464) Сабиновъ прекратить ихъ непродолжительное и безсильное сопротивление и безусловно подчиниться Риму. Большая часть покорившейся страны была взята побѣдителями въ непосредственное владѣніе и раздѣлена между римскими гражданами, а оставшіяся нетронутыми общины Коры, Ретъ, Амитернъ, Нурсія были принуждены перейти на права римскихъ подданныхъ (*civitas sine suffragio*). Тамъ вовсе не было основано равноправныхъ союзныхъ городовъ, а вся страна поступила подъ непосредственное владычество Рима, который такимъ образомъ расширилъ свои владѣнія до Апеннинъ и до горъ Умбрій. Но Римъ уже недовольствовался владычествомъ по сию сторону горъ; послѣдняя война слишкомъ ясно доказала ему, что римское господство надъ средней Италией будетъ прочно только тогда, когда оно будетъ простираться отъ одного моря до другаго. Владычество Римлянъ на той сторонѣ Апеннинъ началось съ основанія въ 465 году сильной крѣпости Атрии (*Attri*) на сѣверномъ склонѣ Аbruццъ къ пиценской равнинѣ; такъ какъ этотъ городъ не стоялъ у самаго морскаго берега, то онъ получилъ латинское право гражданства, но онъ находился вблизи отъ моря и замыкалъ тамъ рядъ сильныхъ укрѣпленій, который вдвигался клиномъ между сѣверною Италией и южною. Въ томъ же родѣ, но еще болѣе важнымъ было основаніе Венузии (463), гдѣ были поселены колонисты въ неслыханномъ числѣ двадцати тысячъ; она была построена на рубежѣ Самніи, Апуліи и Луканіи, на большой дорогѣ между Тарентомъ и Самніемъ, въ необычайно крѣпкой позиціи; ея назначеніе заключалось въ томъ, чтобъ служить опорой для владычества

295

290

289

291

надъ сосѣдними племенами и главнымъ образомъ въ томъ, чтобъ прерывать сообщенія между друма самыми могущественными врагами Рима въ южной Италиі. Неподлежитъ сомнѣнію, что южная дорога, проведенная Аппіемъ Клавдіемъ до Капуи, была въ то-же время продолжена оттуда до Ветузіи. Такимъ образомъ, послѣ окончанія самнитскихъ войнъ, сплошная римскія владѣнія, то есть состоявшія почти исключительно изъ общинъ съ римскимъ или съ латинскимъ правомъ, простирались къ сѣверу до Циминійскаго дѣса, къ востоку до Аbruццъ и до Адриатическаго моря, къ югу до Капуи, между тѣмъ какъ два передовыхъ поста Луцерія и Ветузія, поставленные къ востоку и къ югу на линіяхъ сообщенія противниковъ, изолировали этихъ послѣднихъ со всѣхъ сторонъ. Римъ былъ уже не только первой, но и господствующей державой на полуостровѣ, когда въ концѣ пятаго столѣтія отъ основанія города начали сталкиваться между собою и въ государственныхъ дѣлахъ и на поляхъ сраженій тѣ націи, которыя были поставлены милостью боговъ или собственными достоинствами во главѣ окружавшихъ ихъ племенъ; подобно тому какъ побѣдители въ первой очереди на Олимпійскихъ играхъ готовились къ вторичному и болѣе серьезному составанію,—и на болѣе широкой народной аренѣ тогда стали готовиться къ послѣдней и рѣшительной борьбѣ Картагенъ, Македонія и Римъ.

ГЛАВА VII.

Царь Пирръ въ борьбѣ съ Римомъ и объединеніе Италіи.

Сношенія Во времена безспорнаго всемірнаго владычества Рима, Греки востока съ сто раздражали своихъ римскихъ повелителей, выдавая за причину западомъ. римскаго величія ту лихорадку, отъ которой Александръ Македонскій умеръ 11 іюня 431 года въ Вавилонѣ. Такъ какъ воспоминанія о всемъ, что случилось, были далеко неутѣшительны для Грековъ, то они охотно предавались мечтаніямъ о томъ, что могло-бы случиться, еслибы великій царь привелъ въ исполненіе то, что замышлялъ не задолго до своей смерти,—еслибы онъ направилъ свое оружіе противъ запада и съ своимъ флотомъ сталь-бы оспаривать у Карфагенянъ владычество на морѣ, а съ своими фалангами—у Римлянъ владычество на твердой землѣ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что такіе замыслы дѣйствительно возникали въ умѣ Александра, а объяснять ихъ нельзя только тѣмъ, что самодержецъ, который любитъ войну и имѣетъ въ своемъ распоряженіи множество солдатъ и кораблей, почти никогда не находитъ предѣла для своихъ военныхъ предпріятій. То было-бы достойно великаго греческаго царя, еслибы онъ защитилъ Сицилійцевъ отъ Карфагенянъ, Тарентинцевъ отъ Римлянъ и прекратилъ морскіе разбои на обоихъ моряхъ; послы отъ Бреттійцевъ, отъ Луканцевъ и отъ Этрусковъ *), появившіеся въ Вавилонѣ въ числѣ безчисленныхъ

*) Разсказъ о томъ, что и Римляне отправляли пословъ къ Александру въ Вавилонъ, основанъ на свидѣтельствѣ Клейтарха [Плиній, Н і s t. N a t. 3, 5, 57], отъ котораго, безъ сомнѣнія, заимствовали этотъ фактъ и другіе упоминавшіе о немъ писатели [Аристонъ и Асклепіадъ у Арріана 7, 15, 5; Мемнонь, гл. 25]. Правда, Клейтархъ былъ современникомъ этихъ событій; но написанная имъ біографія Александра тѣмъ не менѣе должна быть безспорно отнесена скорѣе къ числу историческихъ романовъ, чѣмъ къ числу настоящихъ историческихъ повѣствованій; а въ виду молчанія достовѣрныхъ біографовъ [Арріанъ, въ выше указ. м.; Ливій 9, 18] и въ виду нѣкоторыхъ совершенно романтическихъ под-

пословъ отъ разныхъ другихъ народовъ, доставляли Александру довольно удобныхъ случаевъ, чтобъ познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Италіи и чтобъ завязать тамъ сношенія. Кароагенъ, у котораго было такъ много связей на востокъ, неизбежно долженъ былъ привлечь на себя вниманіе могущественнаго монарха, и Александръ, по всему вѣроятію, имѣлъ намѣреніе превратить номинальное владычество персидскаго царя надъ тирскою колоніей въ фактическое; не даромъ-же подосланный оттуда шпионъ находился между приближенными Александра. Но все равно, были-ли это однѣ мечты, или серьезныя замыслы, царь умеръ, не занявшись дѣлами запада, а вмѣстѣ съ нимъ сошло въ могилу и то, что было у него на умѣ. Лишь въ теченіе немногихъ лѣтъ Греки соединялъ въ своихъ рукахъ всю интеллектуальную силу эллинизма со всеми матеріальными силами востока; хотя трудъ его жизни—эллинизация востока и не погибъ съ его смертію, но только-что созданное имъ царство распалось, а возникавшія изъ этихъ развалинъ государства хотя и не отказывались отъ своего всемірно-историческаго призванія распространять греческую культуру на востокъ, но среди непрерывныхъ раздоровъ эта цѣль преслѣдовалась слабо и заглохла. При такомъ положеніи дѣлъ ни греческія государства ни азіатско-египетскія не могли помышлять о томъ, чтобъ стать твердой ногой на западѣ и обратить свое оружіе противъ Римлянъ или противъ Кароагенянъ. Сферы государствъ восточныхъ и западныхъ существовали рядомъ одна съ другой, не сталкиваясь между собою на политическомъ поприщѣ; въ особенности Римъ оставался совершенно въ сторонѣ отъ смутъ эпохи Діадоховъ. Устанавливались только экономическія сношенія; такъ напримѣръ родосская республика—главнѣйшая представительница нейтральной торговой политики въ Греціи и вслѣдствіе того всеобщая посредница торговыхъ сношеній въ ту эпоху непрерывныхъ войнъ—заключила въ 448 году договоръ съ Римомъ; но это былъ, конечно, торговый договоръ, весьма естественный между торговой націей и владѣтелями береговъ церитскихъ и кампанскихъ. Даже при доставкѣ наемныхъ отрядовъ, обыкновенно набравшихся для Италіи и въ особенности для Тарента въ тогдашнемъ главномъ центрѣ такихъ вербовокъ—Элладѣ, имѣли весьма незначительное вліяніе политическія сношенія въ родѣ напримѣръ тѣхъ, какія существовали между Тарентомъ и его метрополіей Спартой; эти вербовки наемниковъ вообще были ничто

306

робностей [какъ напримѣръ той подробности, что Римляне поднесли Александру золотой вѣнокъ и что онъ предсказалъ будущее величіе Рима], рассказъ Клейтарха объ отправкѣ римскихъ пословъ къ Александру, конечно, долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ прикрасъ, которыя этотъ писатель часто вносилъ въ исторію.

иное, какъ торговля сдѣлки и хотя Спарта постоянно доставляла Тарентинцамъ вождей для войнъ въ Италиі, она вовсе не была во враждѣ съ Италиійцами, точно такъ же, какъ во время сѣверо-американской войны за независимость германскія государства вовсе не были во враждѣ съ Соединенными Штатами, противникамъ которыхъ продавали своихъ подданныхъ.

Историческое значеніе Пирра. И эпирскій царь Пирръ былъ ничто иное, какъ отважный вождь военныхъ отрядовъ и искатель приключеній не смотря на то, что велъ свою родословную отъ Эака и отъ Ахилла и что при болѣе миролюбивыхъ наклонностяхъ могъ-бы жить и умереть «царемъ» маленькой націи горцевъ или подъ македонскимъ верховенствомъ или въ изолированномъ положеніи независимаго владѣтеля. Однако его сравнивали съ Александромъ Македонскимъ и конечно замыселъ основать западно-эллинское государство, для котораго служили-бы ядромъ Эпиръ, Великая Греція и Сицилія, которое господствовало-бы на обоихъ италійскихъ моряхъ и которое низвело-бы Римлянъ и Карфагенянъ въ разрядъ варварскихъ пограничныхъ племенъ, не входящихъ, подобно Бельтамъ и Индусамъ, въ сферу эллинскихъ государствъ—этотъ замыселъ былъ столько-же широкъ и смѣлъ, какъ и тотъ, который побудилъ македонскаго царя переправиться черезъ Геллеспонтъ. Но не въ однихъ только результатахъ заключается различіе между экспедиціями восточной и западной. Александръ былъ въ состояніи бороться съ персидскимъ царемъ, стоя во главѣ македонской арміи, въ которой былъ особенно хорошъ штабъ, а царь Эпира, занимавшаго рядомъ съ Македоніей такое-же положеніе, какое занимаетъ Гессенъ рядомъ съ Пруссіей, собралъ едва достойную своего названія армію только при помощи наемниковъ и путемъ союзовъ, основанныхъ лишь на случайныхъ политическихъ комбинаціяхъ. Александръ вступилъ въ персидскія владѣнія завоевателемъ, а Пирръ появился въ Италиі въ качествѣ главнокомандующаго коалиціи, состоявшей изъ второстепенныхъ государствъ; Александръ оставилъ свои наследственныя владѣнія вполне обезпеченными частію тѣмъ, что могъ положиться на безусловную преданность Греціи, частію тѣмъ, что оставилъ тамъ сильную армію подъ начальствомъ Антипатра, а порукой за цѣлость владѣній Пирра служило лишь честное слово, данное сосѣдомъ, на дружбу котораго нельзя было вполне полагаться. Въ случаѣ успѣха наследственныя владѣнія того и другаго завоевателя не могли бы служить центромъ тяжести для вновь образовавшихся государствъ; однако было-бы легче перенести центръ македонской военной монархіи въ Вавилонъ, чѣмъ основать солдатскую династію въ Тарентѣ или въ Сиракузахъ. Несмотря на то, что демократія греческихъ республикъ находилась въ постоянной агоніи, ее нельзя-бы было втиснуть въ жесткія формы военнаго государства, и Филиппъ имѣлъ

основательныя причины на то, чтобъ не включать греческія республики въ составъ своихъ владѣній. На востокъ нельзя было ожидать національнаго сопротивленія; господствовавшія тамъ племена съ давнихъ поръ жили рядомъ съ племенами подвластными и перемѣна деспота была для массы населенія безразличной или даже желательной. На западѣ, пожалуй, и можно-бы было осилить Рямлянъ, Самнитовъ и Карсагенянъ, но никакой завоеватель не былъ-бы въ состояніи превратить Италійцевъ въ египетскихъ феллаховъ или изъ римскихъ поселянъ сдѣлать плательщиковъ оброка въ пользу эллинскихъ аристократовъ. Чтѣ-бы мы ни принимали въ соображеніе — личное-ли могущество завоевателей, число-ли ихъ союзниковъ, способность-ли ихъ противниковъ къ сопротивленію, — мы приходимъ все къ одному и тому-же убѣжденію, что замысль Македонянина былъ исполнимъ, а замысль Эпирота былъ предпріятіемъ невозможнымъ; первый былъ выполненіемъ великой исторической задачи, второй былъ очевиднымъ заблужденіемъ; первый закладывалъ фундаментъ для новой системы государствъ и для новаго фазиса цивилизаціи, второй былъ историческимъ эпизодомъ. Дѣло Александра пережило своего творца, не смотря на его преждевременную смерть, а Пирръ видѣлъ собственными глазами, какъ рушились всѣ его планы, прежде чѣмъ его постигла смерть. У нихъ обоихъ была предпримчивая и широкая натура, но Пирръ былъ не болѣе, какъ замѣчательнымъ полководцемъ, а Александръ былъ прежде всего самымъ гениальнымъ государственнымъ человѣкомъ своего времени, и если умѣнье отличать то, чтѣ сбыточно, отъ того, чтѣ несбыточно, служить отличіемъ героевъ отъ искателей приключеній, то Пирръ долженъ быть отнесенъ къ числу этихъ послѣднихъ и имѣетъ такъ-же мало права стоять на ряду съ своимъ болѣе великимъ родственникомъ, какъ Коннетабль Бурбонскій на ряду съ Лудовикомъ Одиннадцатымъ. — Тѣмъ не менѣе съ именемъ Эпирота связано какое-то волшебное очарованіе и оно внушаетъ необыкновенное сочувствіе частію благодаря рыцарской и привлекательной личности Пирра, частію и еще болѣе потому, что онъ былъ первый Грекъ, вступившій въ борьбу съ Римлянами. Съ него начинаются тѣ непосредственныя сношенія между Римомъ и Элладой, которыя послужили основой для дальнѣйшаго развитія древней цивилизаціи и въ значительной степени для развитія цивилизаціи новаго времени. Борьба между фалангами и когортами, между наѣмными войсками и земскими ополченіями, между военной монархіей и сенаторскимъ управленіемъ, между личнымъ талантомъ и національною силой, — однимъ словомъ борьба между Римомъ и эллинизмомъ впервые велась на поляхъ сраженій между Пирромъ и римскими полководцами, и хотя побѣжденная сторона послѣ того еще не разъ апеллировала къ силѣ оружія, каждая изъ позднѣйшихъ битвъ подтверждала прежній приговоръ. Однако, хотя

Греки и были осилены какъ на поляхъ сраженій, такъ и въ сферѣ государственной дѣятельности, все-таки ихъ перевѣсъ оказался не менѣе рѣшительнымъ на всякомъ другомъ не политическомъ поприщѣ; даже по самому ходу этой борьбы можно было предугадать, что побѣда Рима надъ Эллинами не будетъ похожа на тѣ, которыя онъ одерживалъ надъ Галлами и надъ Финигіянами, и что волшебныя чары Афродиты начнутъ оказывать свое вліяніе только тогда, когда копье будетъ изломано, а шить и шлемъ будутъ отложены въ сторону.

Характеръ Царь Пирръ былъ сынъ Эакиды, повелителя Молоссовъ (подлѣ Пирра и Янины), котораго Александръ щадилъ какъ родственника и вѣрнаго вассала, но который былъ втянутъ послѣ смерти македонскаго царя въ водоворотъ македонской фамильной политики и при этомъ лишился сначала своихъ владѣній, а потомъ и жизни (441). Его сынъ, бывшій въ ту пору шести-лѣтнимъ мальчикомъ, былъ обязанъ своимъ спасеніемъ правителю иллирійскихъ Тавлантиевъ Главкію; во время борьбы изъ-за обладанія Македоніей, онъ, будучи еще ребенкомъ, возвратился въ свои наслѣдственные владѣнія при помощи Димитрія Полиоркета (447), но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ вытѣсненъ оттуда вліяніемъ враждебной партіи (452) и въ качествѣ изгнаннаго изъ своего отечества княжескаго сына началъ свою военную карьеру въ свитѣ македонскихъ генераловъ. Его личныя дарованія скоро стали обращать на него вниманіе. Онъ участвовалъ въ послѣднихъ походахъ Антигона, и этотъ старый маршалъ Александра восхищался природными военными дарованіями Пирра, которому, по мнѣнію престарѣлаго военачальника, не доставало только зрѣлыхъ лѣтъ, чтобъ уже въ ту пору сдѣлаться первымъ полководцемъ своего времени. Вслѣдствіе неудачнаго сраженія при Ипсѣ онъ былъ отправленъ заложникомъ въ Александрію ко двору основателя династіи Лагидовъ; своимъ смѣлымъ и рѣзкимъ обращеніемъ, своимъ солдатскимъ нравомъ, презрительно относившимся ко всему, что не имѣло связи съ военнымъ дѣломъ, онъ обратилъ на себя вниманіе искуснаго политика царя Птолемея, а своей мужественной красотой, ничего не терявшей отъ его дикаго выраженія лица и могучей поступи, онъ обратилъ на себя вниманіе царственныхъ дамъ. Именно въ то время отважный Димитрій основалъ для себя новое царство въ Македоніи, натурально, съ намѣреніемъ предпринять оттуда возстановленіе Александровой монархіи. Нужно было задержать его тамъ и создать для него домашнія заботы; поэтому Лагидъ, отлично умѣвшій пользоваться для своихъ тонкихъ политическихъ расчетовъ такими пламенными натурами, какъ эпирскій юноша, не только исполнилъ желаніе своей супруги, царицы Береники, но осуществилъ и свои собственные замыслы, выдавъ за молодаго принца свою падчерицу, принцессу Антигону, и

307
302

296

297

287

287

доставивъ своему дорогому «сыну» возможность возвратиться на родину какъ своимъ непосредственнымъ содѣйствіемъ, такъ и своимъ могущественнымъ вліяніемъ (458). Когда Пирръ возвратился въ отцовскія владѣнія, все стало ему подчиняться; храбрые Эпироты, — эти Албанцы древнихъ временъ, — привязались съ наслѣдственной преданностью и съ новымъ воодушевленіемъ къ мужественному юношѣ, — къ этому «орлу», какъ они его прозвали. Во время смутъ, возникшихъ послѣ смерти Кассандра (457) изъ-за наслѣдственныхъ правъ на македонскій престолъ, Эпиротъ расширилъ свои владѣнія; онъ мало по малу захватилъ земли у Амбракійскаго залива съ важнымъ городомъ Амбракіей, островъ Керкиру (стр. 377), даже часть македонской территории и къ удивленію самихъ Македонянъ оказалъ сопротивление царю Димитрію, не смотря на то, что располагалъ гораздо менѣе значительными военными силами. А когда Димитрій, по причинѣ собственнаго безразсудства, былъ свергнутъ въ Македоніи съ престола, тамъ было рѣшено предложить этотъ престолъ рыцарскому противнику Димитрія и родственнику Александридовъ (467). Дѣйствительно, никто не былъ болѣе Пирра достоинъ носить царскую корону Филиппа и Александра. Въ эпоху глубокаго нравственнаго упадка, когда царское происхождение и душевная низость становились почти однозначущими словами, особенно ярко выдѣлялись личная безупречность и нравственная чистота Пирра. Для вольныхъ поселенъ коренной македонской земли, хотя уменьшившихся числомъ и обѣднѣвшихъ, но не заразившихся тѣмъ упадкомъ нравственности и мужества, который былъ послѣдствіемъ владычества Діадоховъ въ Греціи и въ Азіи, Пирръ, по видимому, былъ именно такимъ царемъ, какой былъ нуженъ, — такъ какъ у себя дома и въ кружкѣ друзей онъ, подобно Александру, открывалъ для всѣхъ человѣческихъ чувствъ доступъ къ своему сердцу и никогда не придерживался столь ненавистнаго въ Македоніи образа жизни восточныхъ султановъ, и такъ какъ онъ, подобно Александру, считался первымъ тактикомъ своего времени. Но царствованію эпирскаго принца скоро положили конецъ странно-преувеличенный македонскій патриотизмъ, предпочитавшій самаго бездарнаго македонскаго уроженца самому даровитому иноземцу, и то безразсудное нежеланіе македонской арміи подчиняться какому-бы то ни было вождю не изъ Македонянъ, жертвою котораго палъ величайшій изъ полководцевъ Александровской школы, Кардіанецъ Эвменъ. Сознывая невозможность управлять Македоніей такъ, какъ желали Македоняне, и будучи не достаточно сильнымъ, а можетъ быть и слишкомъ великодушнымъ для того, чтобъ навязывать себя народу противъ его воли, Пирръ, послѣ семимѣсячнаго царствованія, оставилъ страну на жертву ея внутренней неурядицѣ и возвратился домой къ своимъ вѣрнымъ Эпиротамъ (467). Но человекъ, который носилъ корону Александра,

былъ шуриномъ Димитрія, зятемъ Лагида и Агаокла Сиракузскаго, и высоко-образованнымъ стратегомъ, писавшимъ мемуары и ученые разсужденія о военномъ искусствѣ, не могъ проводить свою жизнь только въ томъ, чтобъ повѣрять разъ въ годъ отчеты по царскому скотоводственному хозяйству, принимать отъ своихъ храбрыхъ Эпиротовъ обычныя приношенія быковъ и барановъ, снова выслушивать отъ нихъ у алтаря Зевса клятву въ вѣрности, съ своей стороны повторять клятву о соблюденіи законовъ и для большей прочности всѣхъ этихъ клятвъ проводить съ своими подданными всю ночь за пирушкой. Если не его мѣсто было на македонскомъ тронѣ, то ему было не мѣсто и на его родинѣ; онъ могъ быть первымъ и стало быть не могъ быть вторымъ. Поэтому онъ устремилъ свои взоры въ даль. Хотя цари, оспаривавшіе другъ у друга обладаніе Македоніей, ни въ чемъ не были одного мнѣнія, но всѣ они были готовы сообща содѣйствовать добровольному удаленію опаснаго соперника; а въ томъ, что вѣрные боевые товарищи пойдутъ за нимъ повсюду, куда онъ ихъ поведетъ, онъ былъ вполне увѣренъ. Именно въ ту пору положеніе дѣлъ въ Италиі приняло такой оборотъ, что снова могло казаться исполнимымъ то, что замышлялъ за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ родственникъ Пирра, двоюродный братъ его отца Александръ эпирскій (стр. 358), и то что замышлялъ не задолго до самаго Пирра его тестъ Агаоклъ (стр. 377); поэтому Пирръ рѣшился отказаться отъ своихъ видовъ на Македонію и основать на западѣ новое царство и для себя и для эллинской націи.

Спокойствіе, доставленное Италиі заключеніемъ въ 464 году мира съ Самніемъ, было непродолжительно; побужденіе къ образованію **Италійцевъ** новой лиги противъ римскаго господства исходило на этотъ разъ отъ **Луканцевъ**. Такъ какъ во время самнитскихъ войнъ этотъ народъ, принявши сторону Римлянъ, сдерживалъ Тарентинцевъ и тѣмъ значительно содѣйствовалъ развязкѣ борьбы, то Римляне предоставили ему въ жертву всѣ греческіе города, находившіеся въ районѣ его владѣній; поэтому, лишь только былъ заключенъ миръ, Луканцы стали сообща съ Бреттіями завоевывать эти города одянъ вслѣдъ за другимъ. Турійцы, будучи доведены до крайности неоднократными нападеніями луканскаго полководца Стенія Статилія, обратились съ просьбой о помощи къ римскому сенату точно такъ-же, какъ когда-то Кампанцы просили у Рима защиты отъ Самнитовъ и, безъ сомнѣнія, также въ замѣнъ отреченія отъ своей свободы и самостоятельности. Такъ какъ послѣ постройки крѣпости Венузіи Римъ уже могъ обойтись безъ союза съ Луканцами, то Римляне исполнили желаніе Турійцевъ и потребовали отъ своихъ союзниковъ удаленія изъ города, который отдался во власть Римлянъ. Когда Луканцы и Бреттіи узнали, что ихъ могущественный союзникъ хочетъ лишить ихъ условленной доли изъ общей добычи, они завязали сношенія

съ самнитско-тарентинской оппозиціонной партіей съ цѣлію организовать новую италійскую коалицію; а когда Римляне отправили къ нимъ пословъ съ предостереженіями, они задержали этихъ пословъ въ плѣну и начали войну противъ Рима новымъ нападеніемъ на Турію (около 469), въ то-же время, обратившись не только къ Самнитамъ и къ Тарентинцамъ, но также къ сѣвернымъ Италійцамъ, къ Этрускамъ, къ Умбрамъ и къ Галламъ съ приглашеніемъ присоединиться къ нимъ въ войнѣ за свободу. Дѣйствительно, этрусская федерація возстала и наняла многочисленныя толпы Галловъ; римская армія, которую преторъ Луцій Цецилій привелъ на помощь въ оставшимся вѣрными Арретинцамъ, была уничтожена подъ стѣнами ихъ города сенонскими наемниками Этрусковъ и самъ военачальникъ былъ убитъ вмѣстѣ съ 13,000 своихъ солдатъ (470). Такъ какъ Сеноны принадлежали къ числу римскихъ союзниковъ, то Римляне отправили къ нимъ пословъ съ жалобой на доставку врагамъ Рима наемныхъ солдатъ и съ требованіемъ безвозмезднаго возвращенія плѣнниковъ. Но по приказанію своего вождя Бритомара, желавшаго отмстить Римлянамъ за смерть своего отца, Сеноны умертвили римскихъ пословъ и открыто приняли сторону Этрусковъ. Такимъ образомъ, противъ Рима ввязалась за оружіе вся сѣверная Италія, то-есть Этруски, Умбры и Галлы, и можно бы было достигнуть важныхъ результатовъ, если бы южныя страны воспользовались этой благопріятной минутой и если бы возстали противъ Рима также тѣ изъ нихъ, которыя до того времени держались въ сторонѣ. Всегда готовые вступить за свободу, Самниты дѣйствительно, какъ кажется, объявили Римлянамъ войну; но они были такъ обезсилены и такъ окружены со всѣхъ сторонъ, что не могли принести коалиціи большой пользы, а Тарентъ по своему обыквенію колебался. Между тѣмъ, какъ противники заключали между собой союзы, устанавливали условія о субсидіяхъ и набирали наемниковъ, Римляне дѣйствовали. Сенонамъ прежде всѣхъ пришлось испытать на себѣ, какъ опасно побѣждать Римлянъ. Въ ихъ владѣніяхъ вступилъ съ сильной арміей консулъ Публій Корнелій Долабелла; всѣ оставшіеся въ живыхъ Сеноны были выгнаны изъ страны и это племя было исключено изъ числа италійскихъ націй (471). Такое поголовное изгнаніе всего населенія было возможно потому, что это племя жило преимущественно тѣмъ, что ему доставляли стада, а эти выгнанные изъ Италіи Сеноны, по вѣсму вѣроятію, способствовали образованію тѣхъ гальскихъ отрядовъ, которые вскорѣ послѣ того наводнили придунайскія страны, Македонію, Грецію и Малую Азію. Ближайшіе сосѣди и соплеменники Сеноновъ, Бойи, были такъ испуганы и ожесточены столь быстро совершившеюся страшною катастрофой, что немедленно присоединились къ Этрускамъ, которые еще не прекращали войны, а служившіе въ рядахъ

285

Этруски и
Кельты.

284

Самниты

Сеноны
истреблены.

283

- Этрусковъ сенонскіе наемники стали сражаться съ Римлянами уже не изъ-за платы, а изъ желанія отмстить за свое отечество; сильная этрусско-гальская армія выступила противъ Рима съ цѣлю выместить на непріятельской столицѣ истребленіе сенонскаго племени и стереть Римъ съ лица земли не такъ, какъ когда-то сдѣлалъ вождь тѣхъ-же самыхъ Сеноновъ, а окончательнымъ образомъ. Но при переходѣ черезъ Тибръ, неподалеку отъ Вадимонскаго озера, союзная армія была совершенно разбита Римлянами (471). Послѣ того, какъ Бои еще разъ попытались, черезъ годъ послѣ того, вступить въ бой съ Римлянами и по прежнему не имѣли успѣха, они покинули своихъ союзниковъ и заключили съ Римомъ отдѣльный мирный договоръ (472). Такимъ образомъ, самый опасный изъ членовъ лиги, гальскій народъ былъ побѣжденъ отдѣльно отъ всѣхъ, прежде чѣмъ лига успѣла вполнѣ образоваться, а это обстоятельство развязало Римлянамъ руки для борьбы съ нижней Итаціей, гдѣ война велась въ 469—471 безъ большой энергіи. До той поры слабая римская армія съ трудомъ держалась въ Туріяхъ противъ Луканцевъ и Бреттievъ, а теперь (472) передъ этимъ городомъ появился консулъ Гай Фабрицій Лусцинъ съ сильной арміей; онъ освободилъ Туріи, разбилъ Луканцевъ въ большомъ сраженіи и ввѣлъ ихъ главнокомандующаго Статилія въ плѣнъ. Мелкіе греческіе города не дорическаго происхожденія, смотрѣвшіе на Римлянъ какъ на избавителей, добровольно отдавались въ ихъ руки; римскіе гарнизоны были оставлены въ самыхъ важныхъ укрѣпленных пунктахъ — въ Локрахъ, въ Кротонѣ, въ Туріяхъ и въ особенности въ Регионѣ, на который, какъ кажется, имѣли виды и Кароагеняне. Римляне повсюду имѣли рѣшительный перевѣсъ. Съ истребленіемъ Сеноновъ осталась во власти Римлянъ значительная часть адриатическаго побережья, и Римляне постѣжили обезпечить свое владѣтельство какъ надъ этими берегами, такъ и надъ Адриатическимъ моремъ, безъ сомнѣнія потому, что уже тлѣла подъ пепломъ распря съ Тарентомъ, а Эпиротъ уже грозилъ нашествіемъ. Въ портовой городъ Сену (Sinigaglia), бывший главнымъ городомъ сенонскаго округа, была отправлена въ 471 году гражданская колонія и въ то-же время римскій флотъ отплылъ изъ Тирренскаго моря въ восточныя воды очевидно для того, чтобъ стоять въ Адриатическомъ морѣ и охранять тамъ римскія владѣнія.
- 304 Слѣдъ тѣхъ поръ, какъ былъ заключенъ договоръ 450 года, Тарентивцы жили въ мирѣ съ Римомъ. Они были свидѣтелями продолжительной агоніи Самнитовъ и быстро истребленія Сеноновъ и допустили безъ всякаго протеста основаніе Вевузіи, Атрии, Сены и занятіе Турій и Региона. Но когда римскій флотъ, на своемъ пути изъ Тирренскаго моря въ Адриатическое, достигъ Тарента и сталъ на якорѣ въ гавани этого дружественнаго города, давно назрѣвав-

шее озлобленіе, наконецъ, вышло наружу; популярныя ораторы напомнили собранію гражданъ о старыхъ договорахъ, воспрещавшихъ римскимъ военнымъ судамъ проникать на востокъ отъ Лавинскаго мыса (стр. 410); толпа съ яростью устремилась на римскіе военные корабли, которые не ожидали такого разбойническаго нападенія и послѣ горячей схватки были разбиты; пять кораблей были захвачены Тарентинцами; ихъ матросы были казнены или проданы въ рабство, а римскій адмиралъ былъ убитъ во время борьбы. Это постыдное дѣло объясняется только крайнимъ безразсудствомъ и крайней недобросовѣстностью, свойственными владычеству черни. Тѣ договоры, о которыхъ шла рѣчь, принадлежали эпохѣ уже давно пережитой и позабытой; не подлежитъ сомнѣнію, что они уже не имѣли никакого смысла съ тѣхъ поръ, какъ были основаны Атрія и Сена, и что Римляне вошли въ заливъ съ полнымъ довѣріемъ къ существовавшему союзу, — вѣдь изъ дальнѣйшаго хода событій ясно видно, что въ интересѣ Римлянъ было не подавать Тарентинцамъ никакого повода для объявленія войны. Если государственные люди Тарента рѣшились объявить Риму войну, то они сдѣлали только то, что должны были давно сдѣлать, а если они предпочли мотивировать объявленіе войны не настоящей его причиной, а формальнымъ нарушеніемъ договора, то на это можно только замѣтить, что дипломатія во всѣ времена считала для себя унижительнымъ говорить правду для всѣхъ понятнымъ языкомъ. Но напасть безъ всякаго предувѣдомленія на флотъ съ оружіемъ въ рукахъ вмѣсто того, чтобъ пригласить адмирала удалиться, было столько-же безуміемъ, сколько варварствомъ; это было одно изъ тѣхъ ужасныхъ дѣяній, въ которыхъ нравственная дисциплина внезапно утрачиваетъ свою обязательную силу и низость выступаетъ передъ нами во всей своей наготѣ какъ-бы для того, чтобъ предостеречь насъ отъ ребяческой увѣренности, что цивилизація въ состояніи съ корнемъ вырвать звѣрство изъ человѣческой природы. — И какъ-будто этого еще было мало — Тарентинцы напали послѣ этого геройскаго подвига на Туріи (стоявшій тамъ римскій гарнизонъ былъ захваченъ въ расплохъ и сдался на капитуляцію зимой 472/3 года) и жестоко наказали Турійцевъ за ихъ отпаденіе отъ эллинской партіи и за ихъ переходъ на сторону варваровъ, — тѣхъ самыхъ Турійцевъ, которыхъ тарентинская политика отдала на произволь Луванцевъ и тѣмъ принудила отдаться въ руки Римлянъ.

282/1

Однако варвары поступили съ умѣренностью, которая при такомъ могуществѣ и послѣ такихъ оскорбленій возбуждаетъ удивленіе. Въ интересахъ Рима было какъ можно долѣе пользоваться нейтралитетомъ Тарента; поэтому люди, руководившіе рѣшеніями сената, отвергли предложеніе раздраженнаго меньшинства немедленно объявить Тарентинцамъ войну. Напротивъ того, со стороны Рима была изъ-

Мирныя
политики.

281

явлена готовность сохранить миръ на самыхъ умѣренныхъ условіяхъ, какія только были возможны безъ униженія римскаго достоинства, — съ тѣмъ, чтобъ плѣнникамъ была возвращена свобода, чтобъ Туринъ были отданы Римлянамъ и чтобъ имъ были выданы зачинщики нападенія на флотъ. Съ этими предложеніями были отправлены (473) въ Тарентъ послы, а чтобъ придать вѣсъ ихъ словамъ, въ то-же время вступила въ Самній римская армія подъ предводительствомъ консула Луція Эмилиа. Тарентъ могъ согласиться на эти условія безъ всякаго ущерба для своей независимости, а въ виду того, что этотъ богатый торговый городъ всегда питалъ нерасположеніе къ войнамъ, въ Римѣ могли основательно надѣяться, что соглашеніе еще возможно. Однако попытка сохранить миръ оказалась безуспѣшной, вслѣдствіе-ли оппозиціи тѣхъ Тарентинцевъ, которые сознавали необходимость воспротивиться римскимъ захватамъ и полагали, что чѣмъ ранѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ лучше, вслѣдствіе-ли неповиновенія городской черни, которая со свойственнымъ Грекамъ своеволіемъ позволила себѣ нанести личное оскорбленіе послу. Тогда консулъ вступилъ на тарентинскую территорію; но вмѣсто того, чтобъ немедленно начать военныя дѣйствія, онъ еще разъ предложилъ миръ на прежнихъ условіяхъ; когда-же и эта попытка осталась безуспѣшной, онъ хотя и сталъ опустошать пахатныя поля и усадьбы, а городской милиціи нанесъ поражение, но знатныхъ плѣнниковъ отпускалъ на свободу безъ выкупа и не терялъ надежды, что гнѣтъ войны доставитъ въ городѣ перевѣсъ аристократической партіи и этимъ путемъ приведетъ къ заключенію мира. Причиной такихъ проволочекъ было опасеніе Римлянъ, что городъ будетъ вынужденъ отдаться въ руки эпирскаго царя. Виды Пирра на италію уже не были тайной. Тарентинскіе послы уже ѣздили къ Пирру и возвратились ни до чего не договорившись; царь требовалъ отъ нихъ болѣе того, на что они были уполномочены. Однако нужно было на что-нибудь рѣшиться. Тарентинцы уже имѣли время вполне убѣдиться, что ихъ ополченіе умѣло только обращаться въ бѣгство передъ Римлянами, поэтому имъ оставалось выбирать одно изъ двухъ — или миръ, на заключеніе котораго Римляне все еще соглашались при справедливыхъ условіяхъ, или договоръ съ Пирромъ на такихъ условіяхъ, какія предпишетъ царь, другими словами — или римское владычество или тиранію греческаго-солдата. Силы двухъ противоположныхъ партій почти уравновѣшивались; въ концѣ концовъ взяла верхъ національная партія подъ влияніемъ того основательнаго соображенія, что если необходимо кому-нибудь подчиниться, то лучше подчиниться Греку, чѣмъ варварамъ; сверхъ того демагоги опасались, что Римляне, не смотря на свою вынужденную тогдашнимъ положеніемъ дѣль умѣренность, отомстятъ при первомъ удобномъ случаѣ за гнусное поведеніе тарентинской

Пирръ призванъ въ Италію.

черни. И такъ городъ вошелъ въ соглашеніе съ Пирромъ. Эпирскому царю было предоставлено главное начальство надъ войсками Тарентинцевъ и надъ другими Италийцами, готовыми вступить въ борьбу съ Римомъ; сверхъ того ему было дано право держать въ Тарентѣ гарнизонъ. Что военные расходы взялъ на себя городъ, разумѣется само собой. Съ своей стороны Пирръ обѣщаль не оставаться въ Италиі долѣе, чѣмъ нужно, — по всему вѣроятію, разумѣя это обѣщаніе въ томъ смыслѣ, что отъ его собственнаго усмотрѣнія будетъ зависѣть назначеніе срока, до котораго его пребываніе въ Италиі будетъ необходимо. Тѣмъ не менѣе, добыча едва не ускользнула изъ его рукъ. Въ то время, какъ тарентинскіе послы, безъ сомнѣнія бывшіе жокаками партіи войны, находились въ Эпирѣ, настроеніе умовъ внезапно измѣнилось въ городѣ, который сильно тѣснили Римляне; главное начальство уже было возложено на сторонника Римлянъ Агиса, когда возвращеніе послмовъ съ заключенными ими договоромъ и въ сопровожденіи Пиррова министра Кицеаса снова отдало власть въ руки сторонниковъ войны. Но бразды правленія скоро перешли въ болѣе твердыя руки, которыя положили конецъ этимъ колебаніямъ. Еще осенью 473 года одинъ изъ генераловъ Пирра Милонъ высадился съ 3000 Эпиротовъ и занялъ городскую цитадель; затѣмъ, въ началѣ 474 года прибылъ и самъ царь послѣ труднаго морскаго переѣзда, стоившаго многихъ жертвъ. Онъ привезъ въ Тарентъ значительную, но разношерстную армію, состоявшую частію изъ его домашнихъ войскъ — изъ Молоссовъ, Феспротовъ, Хаоніянъ, Амбракійцевъ, частію изъ македонской пѣхоты и эссалійской конницы, предоставленныхъ македонскимъ царемъ Птолемеемъ по договору въ распоряженіе Пирра, частію изъ этолійскихъ, акарнанскихъ и аеаманскихъ наемниковъ; въ итогъ насчитывалось 20,00 фалангитовъ, 2000 стрѣлковъ изъ лука, 500 пращниковъ, 3000 всадниковъ и 20 слоновъ; стало-быть эта армія была немного менѣе той, съ которой Александръ переправился черезъ Геллеспонтъ за пятьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ. — Въ то время, какъ прибылъ царь, дѣла коалиціи находились не въ цвѣтущемъ полженіи. Хотя римскій консулъ отказался отъ нападенія на Тарентъ и отступилъ въ Апулію, лишь только ему пришлось имѣть дѣло не съ тарентинской милиціей, а съ солдатами Милона, но за исключеніемъ тарентинской территоріи почти вся Италія находилась во власти Римлянъ. Въ нижней Италиі коалиція нигдѣ не могла выставить въ поле армію, а въ верхней Италиі не прекращали борьбы одни Этруски, которые въ свою послѣднюю кампанію (473) постоянно терпѣли пораженія. Передъ тѣмъ, какъ царь отплылъ въ Италію, союзники поручили ему главное начальство надъ всѣми своими войсками и объявили, что будутъ въ состояніи выставить армію изъ 350.000 пѣхоты и 20.000 конницы; но дѣйствительность

Высадка
Пирра.
281

280

Пирръ и
коалиція.

281

представляла неутѣшительный контрастъ съ этими громкими цифрами. Оказалось, что еще нужно создать ту армію, надъ которой было ввѣрено начальство Пирру, а всѣ средства къ тому покуда заключались въ собственныхъ военныхъ силахъ Тарента. Царь приказалъ набирать италійскихъ наемниковъ на тарентинскія деньги и потребовалъ военной службы отъ способныхъ носить оружіе гражданъ. Но Тарентинцы не такъ понимали договоръ, который они заключили съ Пирромъ. Они воображали, что купили на свои деньги побѣду, точно такъ-же, какъ покупается всякій другой товаръ, и находили, что заставлять ихъ самихъ одерживать эту побѣду было со стороны царя чѣмъ-то въ родѣ нарушения договора. Чѣмъ болѣе радовались граждане прибытію Милона, освободившаго ихъ отъ тяжелой службы на сторожевыхъ постахъ, тѣмъ неохотнѣе становились они теперь подъ царскія знамена; тѣмъ изъ нихъ, которые медлили, пришлось угрожать смертною казнью. Этотъ результатъ служилъ въ глазахъ каждого оправданіемъ для сторонниковъ мира и, какъ кажется, уже тогда были заведены сношенія съ Римомъ. Заранѣе приготовленный къ такому сопротивленію, Пирръ сталъ съ тѣхъ поръ распоряжаться въ Тарентѣ, какъ въ завоеванномъ городѣ: солдатамъ были отведены квартиры въ домахъ; народныя сходки и многочисленныя вечернія собранія (συστάσις) были запрещены, театръ былъ закрытъ, входъ на публичныя гулянья былъ запертъ, городскія ворота были заняты эпиротскою стражей. Нѣкоторые изъ самыхъ вліятельныхъ людей были отправлены заложниками за-море, нѣкоторые другіе избѣгли такой-же участи бѣгствомъ въ Римъ. Эти строгія мѣры были необходимы, потому что на Тарентинцевъ нельзя было ни въ чемъ полагаться, и только послѣ того, какъ царь могъ опереться на обладаніе этимъ важнымъ городомъ, онъ приступилъ къ военнымъ дѣйствіямъ.

Вооруженіе въ Римѣ. И въ Римѣ ясно сознавали важность предстоявшей борьбы. Съ цѣлію прежде всего упрочить вѣрность союзниковъ, то-есть подданныхъ, были поставлены гарнизоны въ ненадежныхъ городахъ, а вожаки національныхъ партій, — какъ на примѣръ нѣкоторые изъ членовъ пренестинскаго сената, — были арестованы или казнены.

Приготовленія къ войнѣ дѣлались съ самыми напряженными усиліями; былъ введенъ военный налогъ; отъ всѣхъ подданныхъ и союзниковъ потребовали доставки полныхъ континентовъ; даже необязанные нести военную службу пролетаріи были призваны къ оружію. Въ столицѣ была оставлена римская армія въ качествѣ резерва. Другая военная армія вступила подъ начальствомъ консула Тиберія Корункванія въ дѣйствіе въ Этрурію и разогнала войска городовъ Вульци и Вольсиніи. Главныя военныя силы, естественно, назначались для нижней Италіи; ихъ торопили выступленіемъ въ походъ для того, чтобъ задержать Пирра на тарентинской территоріи и воспрепятствовать присоединенію къ его

арміи Самнитовъ и другихъ приготовившихся къ войнѣ съ Римомъ южно-италійскихъ ополченій. Временной преградой противъ успѣховъ эпирскаго царя должны были служить римскіе гарнизоны, стоявшіе въ греческихъ городахъ нижней Италіи. Однако бунтъ стоявшихъ въ Регионѣ войскъ лишилъ Римлянъ этого важнаго города, не отдавши его и въ руки Пирра. Вабунтовавшіяся войска состояли изъ одного легіона, набраннаго изъ жившихъ въ Кампаніи римскихъ подданныхъ и находившагося подъ начальствомъ мѣстнаго уроженца Деція. Хотя одной изъ причинъ бунта, безъ сомнѣнія, была національная ненависть Кампанцевъ къ Римлянамъ, тѣмъ не менѣ Пирръ, пришедшій изъ-за моря для оказанія защиты и покровительства Эллинамъ, не могъ принять въ союзную армію войска, перерѣзавшія въ Регионѣ своихъ хозяевъ въ ихъ собственныхъ домахъ; поэтому вабунтовавшійся легіонъ сталъ дѣйствовать самъ по себѣ въ тѣсномъ союзѣ съ своими единоплеменниками и сообщниками по преступленію Мамертинцами, то-есть кампанскими наемниками Ага-оокла, такимъ-же способомъ завладѣвшими лежащей на противоположномъ берегу Мессаной; онъ сталъ грабить и опустошать на свой собственный счетъ сосѣдніе греческіе города, какъ напримѣръ Кротонъ, гдѣ перебилъ римскій гарнизонъ, и Каулонию, которую разрушилъ. За то достигшему луканской границы небольшому римскому отряду и стоявшему въ Венузіи гарнизону удалось воспрепятствовать присоединенію Луканцевъ и Самнитовъ къ арміи Пирра, между тѣмъ какъ главныя военныя силы, состоявшія, какъ кажется, изъ четырехъ легіоновъ и,* стало-быть насчитывавшія вмѣстѣ съ соответствующимъ числомъ союзныхъ войскъ по меньшей мѣрѣ 50.000 человекъ, двинулись подъ начальствомъ консула Публія Левина противъ Пирра. Царь, желая прикрыть тарентинскую колонію Гераклею, занялъ позицію между этимъ городомъ и Пандозіей *), имѣя при себѣ и свои собственныя войска и тарентинскія (474). Римляне переправились подъ прикрытіемъ своей конницы черезъ Сирисъ и начали сраженіе горячей и удачной кавалерійской атакой; царь, самъ предводившій своей конницей, упалъ съ лошади, а приведенные въ замѣшательство исчезновеніемъ своего вождя, греческіе всадники очистили поле передъ непріятельскими эскадронами. Между тѣмъ Пирръ сталъ во главѣ своей пѣхоты и вступилъ въ болѣе рѣшительный бой съ Римлянами. Семь разъ легіоны сталкивались съ фалангой, а исходъ сраженія все еще оставался нерѣшеннымъ. Между тѣмъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ Пирра, Мегаклъ былъ убитъ, а такъ какъ онъ носилъ въ этотъ день царскіе доспѣхи, то армія вторично вообразила, что ея царь убитъ; тогда ея ряды

Битва при
Гериллѣ.

280

*) Подлѣ теперешней Англоны; ее не слѣдуетъ смѣшивать съ хорошо извѣстнымъ городомъ того-же имени въ округѣ Козенцы.

поволебались, а Левинъ, будучи увѣренъ, что побѣда уже несомнѣнно на его сторонѣ, направилъ всю свою кавалерію на флангъ Грековъ. Но Пирръ воодушевлялъ увавшихъ духомъ солдатъ, обходя съ непокрытой головой ряды своей пѣхоты. Противъ конницы были выведены слоны, которыхъ до той минуты еще не употребляли въ дѣло; лошади пугались ихъ, а солдаты, не знавшіе какъ подступить къ громаднымъ животнымъ, обратились въ бѣгство. Разсыпавшіяся гучки всадниковъ и шедшіе вслѣдъ за ними слоны наконецъ разстроили и сомкнутые ряды римской пѣхоты; а слоны вмѣстѣ съ превосходной ессалийской конницей стали страшно опустошать ряды бѣгущихъ. Если-бы одинъ храбрый римскій солдатъ, по имени Гай Минуцій, служившій старшимъ гастатомъ *) въ четвертомъ легионѣ, не нанесъ одному изъ слоновъ раны и тѣмъ не привелъ въ замѣшательство преслѣдовавшія войска, то римская армія была-бы совершенно истреблена, а теперь ея остаткамъ удалось перебраться за Лирисъ. Ея потеря была велика: побѣдители нашли на полѣ сраженія 7000 убитыхъ или раненыхъ Римлянъ и захватили 2000 плѣнниковъ; сами Римляне опредѣляли свою потерю въ 15.000 человекъ, конечно велячая въ это число и унесенныхъ съ поля сраженія раненныхъ. Но и армія Пирра пострадала немного менѣе; около 4000 его лучшихъ солдатъ легли на полѣ сраженія и онъ лишился многихъ изъ своихъ лучшихъ вышихъ офицеровъ. Онъ самъ сознавалъ, что утраченныхъ имъ старыхъ опытныхъ солдатъ гораздо труднѣе замѣстить, чѣмъ римскихъ ополченцевъ и что онъ былъ обязанъ своей побѣдой только внезапному нападенію слоновъ, которое не могло часто повторяться; поэтому повятно, что царь, будучи свѣдущимъ критикомъ по части стратегіи, впоследствии называлъ эту побѣду похожей на поражение, хотя и не былъ такъ безразсуденъ, чтобъ распубликовать эту критику на самого себя въ надписи на выставленномъ имъ въ Тарентѣ жертвенномъ приношеніи, — какъ это было впоследствии выдуманно на его счетъ римскими поэтами. Въ политическомъ отношеніи не имѣлъ важнаго значенія вопросъ о томъ, какихъ жертвъ стоила побѣда; во всякомъ случаѣ счастливый исходъ перваго сраженія съ Римлянами былъ для Пирра неоцѣнимымъ успѣхомъ. Его дарованія, какъ полководца обнаружались блестящимъ образомъ на этомъ новомъ военномъ поприщѣ, и если что-либо могло вдохнуть единодушіе и энергію въ захлѣвшую коалицію Италійцевъ, то это, конечно, была побѣда при Гераклѣ. Но и непосредственныя послѣдствія побѣды были значительны и прочны. Луканія была утрачена Римлянами; Левинъ стянулъ къ себѣ стоявшія тамъ вой-

*) *Na status* — начальникъ перваго ряда въ строю римской пѣхоты. (прим. перев.).

сва и отступилъ въ Апулію. Бреттіи, Луканцы и Самниты безпрятственно присоединились къ Пирру. За исключеніемъ Регіона, томившагося подъ гвѣтомъ кампанскихъ бунтовщиковъ, всѣ греческіе города подпали подъ власть царя, а Локры добровольно выдали ему римскій гарнизонъ, такъ какъ были убѣждены и основательно убѣждены, что онъ не отдастъ ихъ на жертву Италійцамъ. Сабеллы и Греки также перешли на сторону Пирра; впрочемъ на этомъ остановились послѣдствія его побѣды. Латины не обнаружили никакого желанія освободиться при помощи иноземнаго династа отъ римскаго владычества, какъ ни было оно тягостно. Ветузіа хотя и была со всѣхъ сторонъ окружена врагами, тѣмъ не менѣе непоколебимо стояла за Римъ. Царь по-рыцарски наградилъ самымъ большимъ почетомъ храброе поведеніе взятыхъ имъ на Лирисѣ плѣнниковъ и потомъ, по греческому обыкновенію, предложилъ имъ поступить на службу въ его армію; но тогда онъ узналъ, что имѣлъ дѣло не съ наемниками, а съ народомъ. Ни одинъ человѣкъ, ни изъ Римлянъ ни изъ Латиновъ, не поступилъ къ нему на службу.

Пирръ предложилъ Римлянамъ миръ. Онъ былъ слишкомъ дальновидный воинъ, чтобъ не сознать невыгодъ своего положенія, и слишкомъ искусный политикъ, чтобъ не воспользоваться своевременно для заключенія мира такой минутой, когда онъ находился въ самомъ благопріятномъ для него положеніи. Онъ надѣялся, что подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго великой битвой, ему удастся склонить Римъ къ признанію независимости греческихъ городовъ въ Италіи и за тѣмъ создать между этими городами и Римомъ рядъ государствъ втораго и третьяго разряда, которыя были бы подвластными союзниками новой греческой державы; изъ этой мысли исходили предъявленные имъ требованія: освобожденіе изъ-подъ римской зависимости всѣхъ греческихъ городовъ, — стало быть именно тѣхъ, которые находились въ Кампаніи и въ Луканіи, и возвращеніе владѣній, отнятыхъ у Самнитовъ, Дауніевъ, Луканцевъ и Бреттіевъ, — то есть въ особенности уступка Луперии и Ветузіи. Если трудно-бы было избѣжать новой войны съ Римомъ, то все таки было желательно начать ее только послѣ того, какъ западные Эллины будутъ соединены подъ властію одного повелителя и послѣ того, какъ будетъ завоевана Сицилія, а можетъ быть и Африка. — Пользовавшійся особымъ довѣріемъ Пирра, его министръ Фессаліецъ Кинеасъ былъ снабженъ инструкціями въ этомъ смыслѣ и отправленъ въ Римъ. Этому мастеру вести переговоры, (котораго современники сравнивали съ Демосееномъ насколько возможно сравненіе риторы съ государственнымъ человѣкомъ, царскаго слуги съ народнымъ вождемъ), было поручено всячески выставить на видъ уваженіе, которое побѣдитель при Гераклеѣ дѣйствительно питалъ къ тѣмъ, кого побѣдилъ, намекнуть на желаніе царя лично побывать въ Римѣ,

Мирныя попытки.

располагать умы въ пользу царя при помощи столь пріятныхъ изъ устъ врага похважъ и льстивыхъ увѣреній, а при случаѣ и подарковъ, — однимъ словомъ испробовать на Римлянахъ всѣ тѣ хитрыя удовки кабинетной политики, какіе уже были испробованы при дворахъ александрійскомъ и антиохійскомъ. Сенатъ колебался; многіе находили благоразумнымъ сдѣлать шагъ назадъ и выждать, пока опасный противникъ побольше запутается или совсѣмъ сойдетъ со сцены. Тогда престарѣлый и слѣпой консуляръ Аппій Клавдій (цензоръ въ 442 г., консулъ въ 447 и 458 гг.), уже давно удалившійся отъ государственныхъ дѣлъ, но въ эту рѣшительную минуту приказавшій принести себя въ сенатъ, вдохнулъ своей пламенной рѣчью въ сердца болѣе юнаго поколѣнія непоколебимую энергію своей мощной природы. Царю дали тотъ гордый отвѣтъ, который былъ въ этомъ случаѣ произнесенъ въ первый разъ, а съ тѣхъ поръ сдѣлался основнымъ государственнымъ принципомъ, — что Римъ не вступаетъ въ переговоры, пока чужеземныя войска стоятъ на италійской территоріи, а въ подтвержденіе этихъ словъ послу было приказано немедленно выѣхать изъ города. Отправка посольства не достигла своей цѣли, а ловкій дипломатъ, — вмѣсто того, чтобы произвести эффектъ своимъ краснорѣчіемъ, — самъ былъ озадаченъ такъ и непоколебимымъ мужествомъ послѣ такого тяжелаго пораженія: по возвращеніи домой онъ рассказывалъ, что въ этомъ городѣ каждый изъ гражданъ казался ему царемъ, и это понятно — вѣдь царедворцу въ первый разъ пришлось стоять лицомъ къ лицу съ свободнымъ народомъ. — Во время этихъ переговоровъ Пирръ вступалъ въ Кампанію, но лишь только узналъ, что они прерваны, двинулся на Римъ съ цѣлю протянуть руку Этрускамъ, поколебать преданность римскихъ союзниковъ и угрожать самому городу. Но Римлянъ было такъ-же трудно запугать, какъ и задобрить. Послѣ сраженія при Гераклеѣ юношество стало толпами сходиться на приглашеніе глашатая „записываться въ солдаты въ замѣнъ павшихъ“; Левинъ, ставшій во главѣ двухъ вновь сформированныхъ легионовъ и вызванныхъ изъ Луканіи войскъ, располагалъ еще болѣе значительными силами, чѣмъ прежде и шогъ вслѣдъ за царской арміей; онъ прикрылъ отъ Пирра Капуу и сдѣлалъ тщетной его попытку завести сношенія съ Неаполемъ. Римляне дѣйствовали съ такой энергіей, что за исключеніемъ ниже-италійскихъ Грековъ ни одно изъ значительныхъ союзныхъ государствъ не осмѣлилось отпасть отъ союза съ Римомъ. Тогда Пирръ пошелъ прямо на Римъ. Подвигаясь впередъ по богатой странѣ, возбуждавшей въ немъ удивленіе своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, онъ достигъ Фрегеллъ, которыми завладѣлъ въ расплохъ; за тѣмъ онъ съ бою завладѣлъ переправой черезъ Лирисъ и подступилъ къ Анагніи, находившейся не болѣе чѣмъ въ восьми нѣмецкихъ миляхъ отъ Рима. Никакая армія не сиѣшшла ему на

Пирръ
идеть на
Римъ.

встрѣчу; но всѣ города Лаціуна запирали передъ нимъ свои ворота и вслѣдъ за нимъ неотставая шолъ изъ Кампаніи Левинъ, между тѣмъ какъ консулъ Тиверій Корунканій, только что заключившій съ Этрусками своевременный миръ, велъ съ сѣвера другую армию, а въ самомъ Римѣ приготовились къ борьбѣ резервы подъ начальствомъ диктатора Гнея Домиція Калвина. При такихъ условіяхъ нельзя было рассчитывать на успѣхъ и царю не оставалось ничего другаго, какъ воротиться назадъ. Онъ простоялъ нѣсколько времени въ бездѣйствіи въ Кампаніи, имѣя передъ собою соединенныя арміи обоихъ консуловъ; но ему непредставилось никакого удобнаго случая нанести непріятелю рѣшительный ударъ. Когда наступила зима, царь очистилъ непріятельскую территорію и размѣстилъ свои войска по дружественнымъ городамъ, а самъ поселился на зиму въ Тарентъ. Тогда и Римляне прекратили военные дѣйствія; ихъ армія заняла зимнія квартиры подлѣ Фирма въ Пиценской области, а разбитые на Сирисъ легіоны простояли, по приказанію сената, всю зиму подъ палатками въ видѣ наказанія.

Такъ кончился походъ 474 года. Впечатлѣніе, которое произвела побѣда при Гераклеѣ, большею частію уравнивалось тѣмъ, что Этрурія заключила въ рѣшительную минуту отдѣльный миръ съ Римомъ, и что неожиданное отступленіе царя совершенно разрушило пылкія надежды италійскихъ союзниковъ. Италійцы роптали на бремя войны, въ особенности на слабую дисциплину размѣщенныхъ у нихъ по квартирамъ солдатъ, а царь, которому надоѣли препирательства изъ-за мелочей и столько-же неполитичный сколько невоинственный образъ дѣйствій его союзниковъ, начиналъ догадываться, что выпадающая на его долю задача, не смотря на успѣхи его военной тактики, неисполнима въ политическомъ отношеніи. Прибытіе римскаго посольства, состоявшаго изъ трехъ консуляровъ, между которыми находился и одержавшій побѣду при Туріяхъ Гай Фабрицій, на минуту снова пробудило въ немъ надежду на миръ; но скоро оказалось, что эти послы были уполномочены только на веденіе переговоровъ о выдачѣ или объ обмѣнѣ плѣнныхъ. Пирръ отказалъ въ этомъ требованіи, но отпустилъ для празднованія Сатурналіи всѣхъ плѣнныхъ на честномъ словѣ; что эти плѣнники сдержали свое слово и что римскій посоль отклонилъ попытку подкупить его, было впослѣдствіи предметомъ самыхъ непристойныхъ похвалъ, которыя свидѣтельствовали не столько о честности тѣхъ древнихъ временъ, сколько о нечестности позднѣйшаго времени. — Весной 475 года Пирръ снова сталъ дѣйствовать наступательно и вступилъ въ Апулію, куда двинулась ему на встрѣчу и римская армія. Въ надеждѣ, что одна рѣшительная побѣда поколеблетъ римскую симпатію въ этой странѣ, царь предложилъ Римлянамъ вторичную битву и они не отказались отъ нея. Двѣ арміи сошлись подлѣ Авскула

280

Второй годъ войны.

279

(Ascolidi Puglia). Подъ знаменами Пирра сражались, кромѣ егр эфирскихъ и македонскихъ войскъ, италійскіе наемники, тарентинскіе ополченцы—такъ называемые «бѣлые щиты», и его союзники Лукавцы, Бреттіи и Самниты, — всего 70.000 человекъ пѣхоты, въ числѣ которыхъ было 16.000 Грековъ и Эпиротовъ, слишкомъ 8000 всадниковъ и 19 слоновъ. На сторонѣ Римлянъ сражались въ этотъ день Латины, Кампанцы, Вольски, Сабинцы, Умбры, Марруцины, Пелигны, Френтаны и Арпаны; они также насчитывали болѣе 70.000 человекъ пѣхоты, въ числѣ которыхъ было 20.000 римскихъ гражданъ, и 8000 всадниковъ. Обѣ стороны ввели перемѣны въ своемъ военномъ устройствѣ. Пирръ, съ провицательностью война сознававшій преимущества римскаго манипулярнаго строя, замѣнилъ на своихъ флангахъ растянутый фронтъ своихъ фалангъ построениемъ, по образцу когорты, въ раздѣленные промежутками небольшія колонны и, быть можетъ, не менѣе по политическимъ чѣмъ по военнымъ соображеніямъ, поставилъ тарентинскія и самнитскія когорты между отрядами, состоявшими изъ его собственныхъ солдатъ; въ центрѣ стояла только эпиротская фаланга въ сомкнутомъ строю. Для отраженія слоновъ Римляне устроили нѣчто въ родѣ боевыхъ колесницъ, изъ которыхъ торчали на желѣзныхъ копьяхъ жаровни и на которыхъ были укрѣплены оканчивавшіяся желѣзнымъ остриемъ подвижныя мачты, устроенныя такъ, что ихъ можно было опускать внизъ;—это было нѣчто въ родѣ тѣхъ абордажныхъ мостовъ, которымъ пришлось играть такую важную роль въ первую пуническую войну. — По греческому описанію этой битвы, какъ кажется, менѣе пристрастному, чѣмъ дошедшее до насъ римское описаніе, Греки были въ первый день въ проигрышѣ, потому что на крутыхъ и болотистыхъ берегахъ рѣки, гдѣ были вынуждены принять сраженіе, они не могли ни развернуть своего строя, ни употребить въ дѣло свою конницу и своихъ слоновъ. Напротивъ того, на второй день, Пирръ успѣлъ прежде Римлянъ занять неровную мѣстность и благодаря этому достигъ безъ потерь равнины, гдѣ могъ безпрепятственно развернуть свою фалангу. Отчаянное мужество Римлянъ, бросавшихся съ мечами въ рукахъ на сариссы *), оказалось безплоднымъ; фаланга непоколебимо выдерживала всѣ нападенія; однако и она не могла принудить римскіе легіоны къ отступленію. Но когда многочисленный отрядъ, прикрывавшій слоновъ, прогналъ сражавшихся на римскихъ боевыхъ колесницахъ солдатъ, осыпавъ ихъ градомъ стрѣлъ и камней, когда онъ перерѣзалъ построики у этихъ колесницъ и затѣмъ пустилъ слоновъ въ атаку на римскую боевую линію, эта послѣдняя заколебалась. Отступленіе отряда, прикрывавшаго римскія колесницы,

*) *Sarissa*—длинное копье Македонянъ (*Прим. перев.*).

послужило сигналомъ къ общему бѣгству, которое, впрочемъ, обошлось безъ большихъ потерь, такъ какъ бѣглецы могли укрыться въ находившемся неподалеку оттуда лагерѣ. Только римское описаніе битвы упоминаетъ о томъ, что отрядъ Арпановъ, дѣйствовавшій отдѣльно отъ главныхъ силъ римской арміи, напалъ во время сраженія на слабо защищенный эпиротскій лагерь и зажегъ его; но если бы это и была правда, все-таки Римляне не имѣли основанія утверждать, что исходъ сраженія былъ нерѣшительный. Напротивъ того, оба описанія сходятся въ томъ, что римская армія перешла обратно черезъ рѣку и что поле сраженія осталось въ рукахъ Пирра. По греческому разсказу, число убитыхъ доходило со стороны Римлянъ до 6000, со стороны Грековъ до 3505 *); въ числѣ раненыхъ находился и самъ царь, которому метательное копье провзило руку въ то время, какъ онъ, по своему обыкновенію, сражался среди самой густой свалки. Пирръ, безспорно, одержалъ побѣду, но ея лавры были безплодны; она дѣлала честь царю, какъ полководцу и какъ солдату, но достиженію его политическихъ цѣлей она не способствовала. Пирру былъ нуженъ такой блестящій успѣхъ, который разсѣялъ-бы римскую армію и послужилъ-бы для колеблющихся союзниковъ поводомъ и поощреніемъ для перехода на сторону царя; но такъ какъ и римская армія и римская федерація устояли противъ его нападений, а греческая армія, ничего не значившая безъ своего полководца, была надолго обречена на бездѣйствіе вслѣдствіе полученной имъ раны, то его кампанія оказалась неудавшейся и онъ напослѣдъ вынужденнымъ возвратиться на зимнія квартиры, которыя на этотъ разъ занялъ въ Тарентѣ, между тѣмъ какъ Римляне заняли ихъ въ Апуліи. Становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что военные ресурсы царя далеко уступали римскимъ, точно такъ-же какъ въ политическомъ отношеніи слабая и непокорная коалиція не выдерживала сравненія съ прочно-организованной римской симмахіей. Конечно, новые и энергическіе приемы греческаго способа веденія войны и геній полководца могли доставить еще одну такую-же побѣду, какъ при Гераклеѣ или Авскулѣ, но каждая новая побѣда истощала средства для дальнѣйшихъ предпріятій, а Римляне, очевидно, уже въ ту пору сознавали превосходство своихъ силъ и съ мужественнымъ терпѣніемъ выжидали той минуты,

---

*) Эти цифры, повидимому, достойны довѣрія. По римскому разсказу, каждая изъ двухъ сторонъ лишилась 15,000 человекъ,—конечно, какъ убитыми, такъ и ранеными, а по словамъ другаго позднѣйшаго разсказа, Римляне лишились 5000 человекъ убитыми, а Греки 20,000 человекъ. Такъ какъ здѣсь представляется одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда провѣрка цифръ возможна, то мы сочли умѣстнымъ привести вышеуказанныя цифры въ доказательство безисключительной недостоверности цифровыхъ данныхъ, въ которыхъ лживость лѣтописцевъ возрастаетъ съ быстротою лавины.

когда перевѣсъ будетъ на ихъ странѣ. Эта война не была той тонкой игрой въ солдаты, какую обыкновенно вели и умѣли вести греческіе полководцы: о сплошную и могущественную энергію народного ополченія разбивались всѣ стратегическія комбинаціи. Пирръ понималъ настоящее положеніе дѣлъ; его побѣды ему прискучили, своихъ союзниковъ онъ презираетъ; а если онъ все-таки не отказывался отъ своего предпріятія, то дѣлалъ это только потому, что военная честь не позволяла ему удалиться изъ Италіи прежде, чѣмъ ваяты имъ подъ свою защиту нации не будутъ ограждены отъ варваровъ. Въ виду его нетерпѣливаго характера можно было заранѣе предсказать, что онъ воспользуется первымъ предложемъ, чтобъ сложить съ себя эту тяжелую обязанность, а положеніе дѣлъ въ Сициліи скоро доставило ему поводъ для удаленія изъ Италіи.

289   После смерти Агаокла (465) сицилійскіе Греки остались безъ всякаго сильнаго руководителя. Между тѣмъ какъ въ отдѣльныхъ эллинскихъ городахъ неспособные демагоги и неспособные тираны смѣняли одни другихъ, старинные обладатели западной оконечности Сициліи — Каррагеняне безпрепятственно расширяли свое владычество. Когда имъ удалось завладѣть Акрагантонъ, они полагали, что настало время наконецъ сдѣлать послѣдній шагъ къ достиженію той цѣли, которую они постоянно имѣли въ виду въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и подчинить весь островъ своему владычеству; поэтому они и предпріяли нападеніе на Сиракузы. Этотъ городъ, когда-то оспаривавшій и на сушѣ и на морѣ у Каррагенянъ обладаніе Сициліей, былъ доведенъ внутренними раздорами и слабымъ управленіемъ до такого глубокаго упадка, что былъ принужденъ искать спасенія въ крѣпости своихъ стѣнъ и въ помощи иноземцевъ, — а эту помощь могъ доставить только царь Пирръ. Пирръ, въ качествѣ мужа Агаокловой дочери, а его шестнадцатилѣтній сынъ Александръ, въ качествѣ Агаоклова внука, были во всѣхъ отношеніяхъ естественными наследниками высокопарныхъ замысловъ бывшаго владѣтеля Сиракузъ, а если свободѣ Сиракузъ уже насталъ конецъ, то вознагражденіемъ за нее могла служить перспектива со временемъ сдѣлаться столицей западно-эллинскаго государства. Поэтому Сиракузъ не, подобно Тарентинцамъ и на схожихъ условіяхъ, добровольно предложили (около 475) власть царю Пирру и по странному стеченію обстоятельствъ какъ будто все само собой клонилось къ осуществленію широкихъ замысловъ эпирскаго царя, основанныхъ главнымъ образомъ на обладаніи Тарентомъ и Сиракузами. — Понятно, что ближайшимъ послѣдствіемъ этого соединенія италійскихъ и сицилійскихъ Грековъ подъ одною властію было то, что и ихъ противники тѣснѣе соединились между собою. Тогда Каррагенъ и Римъ замѣнили свои старые торговые договоры оборонительнымъ и наступательнымъ союзомъ противъ Пирра (475); между ними было условлено, что если

Положеніе дѣлъ въ Сициліи.
Сиракузы и Каррагенъ.

Пирръ призванъ въ Сиракузы.

Союзъ между Римомъ и Каррагеномъ.

Пирръ вступить на римскую или на кареагенскую территорію, то неатакованный союзникъ долженъ доставить атакванному подкрѣпленія на территорію этого послѣдняго и содержать вспомогательныя войска на свой счетъ; что въ этомъ случаѣ Кареагенъ долженъ доставлять транспортныя суда и оказывать Римлянамъ содѣйствіе своимъ военнымъ флотомъ, но что экипажъ этого флота не обязанъ сражаться за Римлянъ на сушѣ; сверхъ того оба государства обязались не заключать отдѣльнаго мира съ Пирромъ. При заключеніи этого договора Римляне имѣли въ виду облегчить для себя возможность нападенія на Тарентъ и отрѣзать Пирра отъ его родины, — а ни того ни другаго нельзя было достигнуть безъ содѣйствія пуническаго флота; съ свей стороны Кареагенъ имѣлъ въ виду удержать царя въ Италіи для того, чтобъ безпрепятственно осуществить свои замыслы на завладѣніе Сиракузами *). Поэтому въ интересахъ обѣихъ державъ было прежде всего утвержденіе ихъ владычества на водахъ, отдѣляющихъ Италію отъ Сициліи. Сильный кареагенскій флотъ изъ 120 парусныхъ судовъ направился подъ начальствомъ адмирала Магона въ Сицилійскій проливъ изъ Остіи, куда Магонъ прибылъ, какъ кажется, именно для заключенія вышеупотянутаго договора. Мамертинцы, которымъ пришлось-бы понести заслуженное наказаніе за ихъ злодѣйство надъ греческимъ населеніемъ Мессаны, въ случаѣ, если бы Пирръ завладѣлъ Сициліей и Италіей, крѣпко примкнули къ Римлянамъ и къ Кареагенянамъ и обезпечили для этихъ послѣднихъ владычество на сицилійской сторонѣ пролива. Союзникамъ очень хотѣлось завладѣть и лежавшимъ на противоположномъ берегу Региономъ; но Римъ не могъ проетить того, что было сдѣлано кампанскимъ гарнизономъ, а попытка соединенныхъ Римлянъ и Кареагенянъ силою завладѣть городомъ не удалась. Оттуда кареагенскій флотъ отплылъ къ Сиракузамъ и блокировалъ этотъ городъ съ моря, между тѣмъ какъ сильная финикійская армія приступила къ его осадѣ съ сухаго пути (476). Давно уже пора было Пирру появиться въ Сиракузахъ; но положеніе дѣлъ въ Италіи было

287
Третій годъ
войны.
278

*) Позднѣйшіе Римляне, а вслѣдъ за ними и историки новаго времени, при- давали этому союзу тотъ смыслъ, что Римляне, будто-бы, съ намѣреніемъ отклоняли помощь, которую могли имъ оказать Кареагеняне въ Италіи. Это было бы неблагоуразумно и противъ этого говорятъ факты. Что Магонъ не высадился въ Остіи объясняется не этого рода предусмотрительностью, а просто тѣмъ, что Лаціуму не угрожала никакая опасность отъ Пирра и потому тамъ вовсе не нуждались въ помощи Кареагенянъ; но подъ Региономъ Кареагеняне несомнѣнно сражались за Римъ.

чали новую кампанію съ энергіей и хотя въ этой войнѣ Римляне постоянно терпѣли пораженія, однако не они, а побѣдители чувствовали себя утомленными и желали мира. Пирръ еще разъ попытался достигнуть соглашенія на сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ. Консуль Фабрицій отослалъ къ царю одного негодяя, который предложилъ ему отравить царя за хорошее вознагражденіе. Въ благодарность за это царь не только возвратилъ всѣмъ римскимъ плѣнникамъ свободу, не требуя выкупа, но былъ такъ восхищенъ благородствомъ своихъ храбрыхъ противниковъ, что былъ готовъ изъ признательности согласиться на миръ на чрезвычайно удобныхъ и выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Кинеасъ, какъ кажется, еще разъ ѣздилъ въ Римъ, и Кароагенъ серьезно опасался, что Римъ приметъ мирныя предложенія. Но сенатъ былъ непоколебимъ и повторилъ свой прежній отвѣтъ. Если царь не желалъ, чтобъ Сиракузы попали въ руки Кароагенянъ и чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ рушились его широкіе замыслы, то ему не оставалось ничего другаго, какъ предоставить своихъ италійскихъ союзниковъ ихъ собственной участи и пока ограничиться владычествомъ надъ важнѣйшими портовыми городами, въ особенности надъ Тарентомъ и Локраи. Тщетно умоляли его Луканцы и Самниты не покидать ихъ, тщетно требовали отъ него Тарентинцы, чтобъ онъ или исполнялъ обязанности полководца или возвратилъ бы имъ ихъ городъ. На жалобы и упреки царь отвѣчалъ или утѣшеніями, что когда-нибудь настанутъ лучшія времена, или рѣзкимъ отказомъ; Милонъ остался въ Тарентѣ, царскій сынъ Александръ остался въ Локрахъ, а самъ Пирръ еще весной 476 года отплылъ съ главной арміей изъ Тарента въ Сиракузы.

Пирръ от-
правляется
въ Сираку-
зы. 278

Война за-
тихла въ
Италіи.

281 275
278

277

Удаленіе Пирра развязало Римлянамъ руки въ Италіи, гдѣ уже никто не осмѣливался вступать въ открытую съ ними борьбу и ихъ противники укрѣпились частію въ своихъ крѣпостяхъ, частію въ лѣсахъ. Однако борьба не кончилась такъ скоро, какъ можно-бы было ожидать; причиной этого были частію самый характеръ войны, которая заключалась въ осадѣ крѣпостей или въ борьбѣ среди горъ, частію истощеніе Римлянъ; о томъ, какъ были велики понесенныя ими потери, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что списокъ гражданъ уменьшился съ 473 по 479 годъ на 17,000 человекъ. Еще въ 476 году удалось консулу Гайю Фабрицію склонить самую значительную изъ тарентинскихъ колоній Гераклею къ миру, который былъ заключенъ на самыхъ выгодныхъ для нея условіяхъ. Во время кампаніи 477 года стычки происходили въ разныхъ мѣстахъ Самніи, гдѣ Римлянамъ стоило большихъ потерь легкомысленно предпринятое нападеніе на укрѣпленные высоты; за тѣмъ война была перенесена на югъ Италіи, гдѣ были одержаны побѣды надъ Луканцами и надъ Бреттіями. Съ другой стороны Милонъ, выйдя изъ Тарента, разстроилъ намѣреніе Римлянъ овладѣть въ распахъ Кротономъ;

находившійся тамъ эпиротскій гарнизонъ даже сдѣлалъ удачную вылазку противъ осаждающихъ. Тѣмъ не менѣе консулу наконецъ удалось, при помощи военной хитрости, побудить этотъ гарнизонъ къ отступленію и завладѣть беззащитнымъ городомъ (477). Еще важнѣе было то, что Локрійцы, которые прежде выдали царю римскій гарнизонъ, теперь вырѣзали гарнизонъ эпирскій, искупая одну наміну другой; тогда весь южный берегъ, за исключеніемъ Регіона и Тарента, оказался въ рукахъ Римлянъ. Однако всѣ эти успѣхи въ сущности не принесли большой пользы. Нижняя Италия уже давно была неспособна сопротивляться; но Пирръ еще не былъ побѣжденъ, пока въ его рукахъ находился Тарентъ, доставлявшій ему возможность возобновить войну, когда ему вздумается, а объ осадѣ этого города Римляне не могли и помышлять. Помимо того, что при усовершенствованномъ Филиппомъ Македонскимъ и Димитріемъ Полиоркетомъ способѣ осады и защиты крѣпостей, Римляне находились бы въ невыгодномъ положеніи, имѣя дѣло съ опытнымъ и отважнымъ греческимъ комендантомъ, имъ было бы необходимо для осады Тарента содѣйствіе сильнаго флота, а хотя договоръ съ Карраегеномъ и сузилъ Римлянамъ морскія подкрѣпленія, но положеніе самихъ Карраегенянъ въ Сициліи было вовсе не таково, чтобъ они могли доставить обѣщанную помощь. — Высадка Пирра въ Сицилію, совершившаяся безпрепятственно, не смотря на карраегенскій флотъ, разомъ измѣнила тамъ положеніе дѣлъ. Онъ тотчасъ освободилъ осажденные Сиракузы, въ короткое время соединилъ подъ своею властію всѣ свободные греческіе города и, сдѣлавшись главою сицилійской конфедераціи, отнялъ у Карраегенянъ почти всѣ ихъ владѣнія. Эти послѣдніе, при помощи своего флота, господствовавшаго въ ту пору безъ соперниковъ на Средиземномъ морѣ, съ трудомъ удержались въ Лилибей, а Мамертинцы сохранили Мессану, но и то при безпрестанно возобновлявшихся непріятельскихъ нападеніяхъ. При такомъ положеніи дѣлъ, скорѣй на Римѣ лежала, въ силу договора 475 года, обязанность помогать Карраегенянамъ въ Сициліи, чѣмъ на Карраегенѣ обязанность помогать своимъ флотомъ Римлянамъ для завоеванія Тарента; но вообще ни та ни другая сторона не обнаруживала расположенія упрочивать или даже расширять владѣтельство союзника. Карраегенъ предложилъ Римлянамъ свое содѣйствіе только тогда, когда существенная опасность уже миновала, а Римляне съ своей стороны ничего не сдѣлали, чтобъ воспрепятствовать отъѣзду царя изъ Италіи и паденію карраегенскаго владѣтельства въ Сициліи. Карраегенъ, въ явное нарушеніе договора, даже предлагалъ царю заключить съ нимъ отдѣльный миръ и въ замѣнъ бесспорнаго обладанія Лилибеемъ отказаться отъ своихъ остальныхъ владѣній въ Сициліи; мало того, онъ даже предлагалъ царю снабдить его деньгами и военными кораблями, понятно для того, чтобъ онъ не-

277

Пирръ за-
владѣлъ
Сициліей.

279

рѣшалъ въ Италію и возобновилъ войну съ Римомъ. Между тѣмъ, не подлежало сомнѣнію, что съ удержаніемъ въ своей власти Лилибея и съ удаленіемъ царя Каррагеняне очутились бы въ Сициліи почти въ такомъ-же положеніи, въ какомъ находились до высадки Пирра, такъ какъ предоставленные самимъ себѣ греческіе города не были въ состояніи сопротивляться и Каррагенянамъ было-бы нетрудно снова завладѣть утраченной территоріей. Поэтому Пирръ отвергъ предложенія, которыя были въроломны и по отношенію къ нему и по отношенію къ Римлянамъ, и приступилъ къ сооруженію своего собственнаго военнаго флота. Только безразсудство и недалеконovidность могли впоследствии порицать это предпріятіе; оно было столько-же необходимо, сколько легко исполнимо при тѣхъ средствахъ, какія имѣлись на островѣ. Помимо того, что владѣтель Амбракіи, Тарента и Сиракузъ не могъ обойтись безъ морскихъ военныхъ силъ, флотъ былъ ему нуженъ для того, чтобъ завладѣть Лилибеємъ, чтобъ охранять Тарентъ и чтобъ нападать на собственную территорію Каррагена, какъ это дѣлали съ большимъ успѣхомъ и до и послѣ него Агаоклъ, Регулъ и Сципіонъ. Никогда еще не былъ Пирръ такъ близко къ своей цѣли, какъ лѣтомъ 478 года, когда Каррагеняне смирились передъ нимъ, когда Сицилія была въ его власти, когда, обладая Тарентомъ, онъ стоялъ твердой ногой въ Италиі, и когда въ Сиракузахъ стоялъ готовымъ къ отплытію вновь созданный флотъ, который долженъ былъ соединить въ одно цѣлое, упрочить и расширить всѣ эти пріобрѣтенія.

276

**Управленіе
Пирра въ
Сициліи.**

Самою слабой стороною въ положеніи Пирра была его ошибочная внутренняя политика. Онъ управлялъ Сициліей точно такъ-же, какъ на его глазахъ управлялъ Египтомъ Птоломей; онъ не имѣлъ никакого уваженія къ общиннымъ учрежденіямъ, назначалъ на высшія городскія должности своихъ довѣренныхъ людей когда хотѣлъ и на какой срокъ хотѣлъ, возводилъ своихъ царедворцевъ въ судьи въ замѣнъ мѣстныхъ присяжныхъ, присуждалъ по своему произволу къ конфискаціи, къ ссылкѣ и къ смертной казни даже тѣхъ, кто самымъ дѣятельнымъ образомъ способствовалъ его переѣзду въ Сицилію, ставилъ въ городахъ гарнизоны и владычествовалъ надъ Сициліей не какъ глава національной конфедераціи, а какъ царь. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что по восточно-эллинскимъ понятіямъ онъ считалъ себя добрымъ и мудрымъ правителемъ и дѣйствительно былъ такимъ; но Греки выносили это пересажденіе системы Діадоховъ въ Сиракузы съ нетерпѣніемъ народа, отвыкшаго отъ всякой дисциплины во время продолжительной агоніи его свободы; безразсудный народъ очень скоро пришелъ къ убѣжденію, что каррагенское званіе новаго солдатскаго режима. Самые значительные города завязали сношенія съ Каррагенянами и даже съ Мамертинцами; сильная каррагенская армія осмѣлилась снова появиться на островѣ

и, повсюду находя содѣйствіе со стороны Грековъ, стала дѣлать стремительно-быстрые успѣхи. Хотя въ сраженіи, которое далъ этой арміи Пирръ, счастье было, по обыкновенію, на сторонѣ «орла», но по этому случаю стало вполнѣ ясно, на чьей сторонѣ были симпатіи населенія и что могло и должно было случиться, если бы царь удалился изъ Сициліи.

Къ этой первой и важной ошпбкѣ Пирръ прибавилъ вторую: вмѣсто того, чтобъ отправиться съ своимъ флотомъ въ Лилибей, онъ отправился въ Тарентъ. Въ виду броженія умовъ среди Сицилійцевъ, онъ прежде, чѣмъ заняться положеніемъ дѣлъ въ Италиі, очевидно, долженъ-бы былъ окончательно вытѣснить Каррагенянъ изъ Сициліи и тѣмъ отнять у недовольныхъ послѣднюю опору; въ Италию ему не зачѣмъ было спѣшить, такъ какъ его власть въ Тарентѣ была достаточно прочна, а до другихъ союзниковъ, которыхъ онъ когда-то самъ покинулъ, ему тогда было мало дѣла. Понятно, что будучи въ душѣ воиномъ, онъ желалъ своимъ блестящимъ возвращеніемъ загладить воспоминаніе о не дѣлавшемъ ему большой чести отъѣздѣ 476 года и что его сердце обливалось кровью, когда онъ выслушивалъ жалобы Луканцевъ и Самнитовъ. Но задачи въ родѣ той, за которую взялся Пирръ, могутъ быть разрѣшены только желѣзными натурами, способными заглушать въ себѣ не только чувство состраданія, но и гордость чести, а натура Пирра не была такова.

Роковое отплатіе совершилось въ концѣ 478 года. Новому сиракузскому флоту пришлось выдержать на пути жаркую схватку съ каррагенскимъ флотомъ, при чемъ онъ лишился значительнаго числа судовъ. Для паденія сицилійской монархіи было достаточно отъѣзда царя и извѣстія объ этой первой его неудачѣ; всѣ города немедленно отказали отсутствующему царю въ деньгахъ и въ войскахъ и это блестящее государство разрушилось еще быстрѣе, чѣмъ возникло, частію потому, что самъ царь заглушилъ въ сердцахъ своихъ подданныхъ тѣ чувства преданности и любви, на которыхъ зиждется всякій общественный строй, частію потому, что у народа не достало самоотверженности, чтобъ отказаться, — по всему вѣроятію, лишь на короткое время, — отъ свободы ради спасенія своей національной независимости. Такимъ образомъ предпріятіе Пирра рушилось и ему пришлось проститься съ тѣмъ, что было цѣлію его жизни; съ той минуты онъ обращается въ искателя приключеній, который сознаетъ, что когда-то былъ великъ, а теперь сталъ ничто, и который ведетъ войну уже не для достиженія определенной цѣли, а для того, чтобъ забыться въ азартной игрѣ и найти въ разгарѣ сраженія достойную солдата смерть. Высадившись на италійскій берегъ, царь началъ

Отъѣздъ
Пирра въ
Италию.

278

276

Паденіе си-
цилійской
монархіи.

Возобнов-
леніе войны
въ Италиі.

ненъ въ ту минуту, какъ сшибъ одного непріятельскаго офицера съ коня. За то онъ завладѣлъ въ расплохъ Локрами, жители котораго тяжело заплатились за избиеніе эпиротскаго гарнизона, и ограбилъ тамъ богатую сокровищницу храма Персефоны, чтобъ наполнить свою пустую казну. Такимъ образомъ онъ достигъ Тарента, какъ утверждаютъ, съ 20.000 пѣхоты и 3000 конницы. Но это уже не были прежніе испытанные въ бояхъ ветераны, а Италійцы уже не привѣтствовали въ ихъ лицѣ своихъ избавителей; довѣріе и надежда, съ которыми встрѣчали царя за пять лѣтъ передъ тѣмъ, исчезли, и у союзниковъ не нашлось ни денегъ ни солдатъ.

Сраженіе
при Бе-275
невентѣ.
276/5

Царь выступилъ весной 479 года въ походъ на помощь сильно тѣснимымъ Самнитамъ, на территоріи которыхъ Римляне провели зиму 478/9 года, и принудилъ консула Манія Курія принять сраженіе подлѣ Бевевента на Арузинійскомъ полѣ, прежде чѣмъ Маній успѣлъ соединиться съ шедшимъ къ нему на помощь изъ Луканіи товарищемъ. Но отрядъ, который долженъ былъ напасть на флангъ Римлянъ, заблудился при ночномъ переходѣ въ лѣсахъ и остался въ рѣшительную минуту въ бездѣйствіи; послѣ горячей борьбы, исходъ сраженія снова рѣшили слоны, но на этотъ разъ въ пользу Римлянъ, такъ какъ эти животныя были приведены въ замѣшательство прикрывавшими лагерь стрѣлками и устремились на сопровождавшую ихъ прислугу. Побѣдители заняли лагерь; они захватили 1300 пѣшниковъ, четырехъ слоновъ, — которые были первыми слонами, видѣнными въ Римѣ, — и громадную добычу; на деньги, вырученныя отъ продажи этой добычи, впоследствии былъ сооруженъ водопроводъ, по которому воды рѣки Аніо направлялись изъ Тибура въ Римъ. Не имѣя ни войскъ для продолженія войны ни денегъ, Пирръ обратился къ своимъ союзникамъ, къ царямъ Македоніи и Азіи, помогавшимъ ему предпринять его экспедицію въ Италію; но на его родинѣ его уже перестали бояться и на его просьбу отвѣчали отказомъ.

Пирръ уда-
ляется изъ
Италіи.
275

Утратившій всякую надежду побѣдить Римлянъ и раздраженный полученными отказами, Пирръ оставилъ гарнизонъ въ Тарентѣ и въ томъ-же году (479) возвратился въ Грецію, гдѣ для отчаяннаго искателя приключеній было болѣе шансовъ успѣха, чѣмъ при неизмѣнномъ и правильномъ положеніи дѣлъ въ Италиі. Дѣйствительно, онъ не только скоро воротилъ все что было оторвано отъ его владѣній, но еще разъ и не безъ успѣха предъявилъ свои притязанія на македонскій престолъ. Однако и его послѣдніе замыслы рушились по причинѣ хладнокровной и осмотрительной политики Антигона Гоната и въ особенности по причинѣ его собственной горячности и его неспособности обуздывать свое высокомѣріе; онъ еще выигрывалъ сраженія, но не достигъ никакого прочнаго успѣха и былъ убитъ въ пелопоннескомъ Аргосѣ (482) во время ничтожной улич-

272
Смерть Пир-
ра.

Съ битвой при Беневентѣ окончилась война въ Италиі и послѣд-
нія судорожныя движенія національной партіи стали мало по малу дни борьбы
замирать. Но пока еще былъ живъ тотъ царственный воинъ, кото- въ Италиі.
рый осмѣлился своею мощною рукою остановить теченіе судьбы, онъ
охранялъ тарентинскую твердыню отъ Римлянъ даже въ то время,
какъ находился въ отсутствіи. Несмотря на то, что послѣ отъѣзда
царя въ городѣ ваяла верхъ мирная партія, командовавшій тамъ отъ
имена Пирра, Милонъ отвергъ ея требованія и дозволилъ распо- Взятіе Та-
ложеннымъ къ Риму горожанамъ, построившимъ для себя на тарен- рента.
тинской территоріи особый замокъ, заключить съ Римлянами миръ
на свой собственный рискъ, но все-таки не отперъ городскихъ во-
ротъ. Но когда, послѣ смерти царя, кареагенскій флотъ вступилъ въ
гавань и Милонъ узналъ о намѣреніи гражданъ отдать городъ во
власть Кареагенянъ, тогда онъ рѣшился сдать укрѣпленный замокъ
римскому консулу Луцію Папірію (482) и тѣмъ купить для себя и
для своей арміи право безпрепятственно удалиться. Для Римлянъ это
было огромнымъ счастьемъ. Судя по опыту, вынесенному Филип- 272
помъ подъ Перинеомъ и Византіей, Димитріемъ передъ Родосомъ,
Пирромъ передъ Лилибеомъ, можно сомнѣваться въ томъ, чтобъ тог-
дашняя стратегія была въ состояніи принудить къ сдачѣ городъ,
который былъ хорошо укрѣпленъ и защищенъ, и къ которому былъ
открытъ доступъ съ моря, — а какой оборотъ приняли-бы дѣла, если-
бы Тарентъ сдѣлался для Финикіянъ въ Италиі тѣмъ же, чѣмъ былъ
для нихъ Лилибей въ Сициліи! Но того, что случилось, уже нельзя
было переменить. Когда кареагенскій адмиралъ увидѣлъ, что укрѣп-
ленный замокъ находится въ рукахъ Римлянъ, онъ объявилъ, что
прибылъ въ Тарентъ только для того, чтобъ, согласно договору,
оказать союзникамъ содѣйствіе при осадѣ города и затѣмъ отплыть
къ Африкѣ; а римское посольство, отправленное въ Кареагенъ для
требованія объясненій и для заявленія неудовольствія касательно
попытки завладѣть Тарентомъ, возвратилось съ формальнымъ и клят-
веннымъ подтвержденіемъ дружественнаго намѣренія оказать содѣй-
ствіе Римлянамъ, — чѣмъ эти послѣдніе покуда и удовольствовались.
Тарентинцамъ, — вѣроятно по ходатайству ихъ эмигрантовъ, — было
возвращено Римлянами право самоуправленія, но они были принуж-
дены выдать оружіе и корабли, а ихъ городскія стѣны были сры-
ты. — Въ томъ же году, въ которомъ Тарентъ подпалъ подъ власть
Римлянъ, имъ наконецъ подчинились Самниты, Луканцы и Бреттіи, Покореніе
при чемъ эти послѣдніе были принуждены уступить половину до- нижней
ходнаго и важнаго для кораблестроенія лѣса Силы. — Наконецъ и въ Италиі.
теченіи десяти лѣтъ распоряжавшаяся въ Регионѣ шайка была на-
казана какъ за нарушеніе военной присяги, такъ и за избіеніе ре-
гионскаго гражданства и кротонскаго гарнизона. Въ этомъ случаѣ
Римъ защищалъ противъ варваровъ и общіе интересы всѣхъ Элли-

новъ; поэтому новый владѣтель Сиракузъ Геронъ помогалъ стоявшимъ подъ стѣнами Региона Римлянамъ присылкой съѣстныхъ припасовъ и подкрѣпленій и одновременно съ римскимъ нападеніемъ на Регионъ предпринялъ нападеніе на ихъ одноплеменниковъ и союзниковъ по владѣнію, жившихъ въ Мессанѣ Мамертинцевъ. Осада этого послѣдняго города затянулась надолго; но Регионъ, — не смотря на упорное и продолжительное сопротивленіе тамошнихъ мятежниковъ, — былъ взятъ въ 484 году Римлянами приступомъ; все, что уцѣлѣло изъ гарнизона, было высѣчено розгами и обезглавлено въ Римѣ на публичной площади, а прежніе жители были приглашены возвратиться въ городъ и были по мѣрѣ возможности снова введены во владѣніе своей прежней собственностью. Такимъ образомъ вся Италия была приведена въ 484 году въ покорность. Только самые упорные изъ враговъ Рима Самниты, — не смотря на официальное заключеніе мира, — продолжали борьбу въ качествѣ «разбойниковъ», такъ что въ 485 году пришлось еще разъ послать противъ нихъ обоихъ консуловъ. Но и самое возвышенное народное мужество и самая отчаянная храбрость имѣютъ свой конецъ; мечъ и висѣлица наконецъ восстановили спокойствіе и среди самнитскихъ горъ. — Для обезпеченія этихъ громадныхъ пріобрѣтеній снова былъ основанъ рядъ колоній: въ Луканіи — Пестъ и Коза (481); для господства надъ Самніемъ — Беневентъ (486) и Эзернія (около 491 года); въ качествѣ передоваго поста противъ Галловъ — Ариминъ (486); въ Пиценской области — Фирмъ (около 490) и гражданская колонія *S a t u r n i u m*; за тѣмъ были сдѣланы приготовленія къ продолженію большой южной шоссейной дороги до гаваней Тарента и Брундизія, при чемъ крѣпость Беневентъ должна была служить промежуточной станціей между Капуей и Венузіей; кромѣ того предполагалась колонизація Брундизія, который былъ избранъ римской политикой въ соперники и въ преемники тарентинскаго торговаго рынка. Постройка новыхъ крѣпостей и проведеніе новыхъ дорогъ послужили поводомъ для войнъ съ мелкими племенами, вслѣдствіе того лишившимися нѣкоторой части своей территоріи, какъ то съ Пицентами (485. 486), которые были частью переселены въ окрестности Салерна, съ жившими вблизи отъ Брундизія Саггелтинцами (487. 488) и съ умбрійскими Сассинатами (487. 488), которые, какъ кажется, заняли, послѣ изгнанія Сеноновъ, область Аримина. Эти крѣпости и дороги распространили владычество Рима на внутреннія страны нижней Италии и на весь италійскій восточный берегъ отъ Ионическаго моря до владѣній Кельтовъ.

Новыя крѣпости и новыя дороги.

273
268 263
268
264

269 268
267
266 267 266

Морское владычество.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію политической системы, по которой управлялась изъ Рима объединившаяся Италия, мы должны еще обозрѣть положеніе морскихъ державъ въ четвертомъ и пятомъ столѣтіяхъ. Борьба изъ-за владычества въ западныхъ моряхъ велась

въ ту пору въ сущности между Сиракузами и Карагеномъ, и не смотря на значительные успѣхи, которые были временно достигнуты на морѣ Діонисіемъ (348—389), Агаеокломъ (437—465) и Пирромъ (476—478), перевѣсъ остался въ концѣ концовъ на сторонѣ Карагена, а Сиракузы все болѣе и болѣе нисходили на степеня морской державы втораго разряда. Этрурія уже совершенно утратила свое значеніе морской державы (стр. 319); прежде принадлежавшій Этрускамъ островъ Корсика поступилъ если не совершенно во владѣніе Карагенянь, то въ зависимость отъ ихъ морскаго могущества. Тарентъ, когда-то игравшій нѣкоторую роль, утратилъ всякое значеніе послѣ занятія города Римлянами. Храбрые Массалиоты еще держались на своемъ узкомъ водномъ пространствѣ, но не принимали серьезнаго участія въ томъ, что дѣлалось на омывающихъ Италію моряхъ. Остальные приморскіе города едва-ли стоили того, чтобъ обращать на нихъ серьезное вниманіе. — И Римъ не избѣгъ такой-же участи; на его собственныхъ водахъ также господствовали чужеземные флоты. Однако онъ искони былъ приморскимъ городомъ и въ эпоху своей цвѣтущей молодости никогда не жмѣнялъ своимъ старымъ традиціямъ до такой степени, чтобъ вовсе не заботиться о своемъ военномъ флотѣ, и никогда не былъ такъ безразсуденъ, чтобъ довольствоваться ролью только континентальной державы. Лаціумъ доставлялъ для судостроенія превосходный лѣсъ, далеко превосходившій своими достоинствами пресловутые лѣса нижней Италіи, и уже изъ постояннаго существованія въ Римѣ доковъ ясно видно, что тамъ никогда не отказывались отъ намѣренія имѣть свой собственный флотъ. Однако, во время опасныхъ кризисовъ, вызванныхъ въ Римѣ изгнаніемъ царей, внутренними раздорами въ средѣ римско-латинской конфедерации и неудачными войнами противъ Этрусковъ и Кельтовъ, Римляне не могли сильно интересоваться тѣмъ, что дѣлалось на Средиземномъ морѣ, а при постоянно усиливавшемся стремленіи римской политики къ завоеванію италійскаго континента морскія силы Римлянъ пришли въ совершенный упадокъ. До самаго конца четвертаго столѣтія вовсе не было рѣчи о латинскихъ военныхъ корабляхъ за исключеніемъ того случая, когда на римскомъ кораблѣ былъ отправленъ въ Дельфы жертвенный даръ изъ добычи, захваченной въ Веяхъ (360). Правда Анціаты все еще вели свою торговлю на военныхъ судахъ, а при случаѣ занимались и морскими разбоями, такъ что захваченный около 415 года Тимолеономъ «тирренскій корсарь» Постумій легко могъ быть родомъ Анціатъ; но они едва-ли считались въ то время морской державой и даже если бы считались, то при тогдашнихъ отношеніяхъ Анціума къ Риму это вовсе непослужило бы на пользу Римлянъ. До какого упадка дошли около 400 года морскія силы Римлянъ, видно изъ того факта, что греческій и, какъ можно догадываться, именно сицилійско-

406—365
317—389
278—276

Упадокъ
римскихъ
морскихъ
силъ.

Около 350

394

339

Около 350

- 349 греческій военный флотъ опустошалъ въ 405 году берега Лациума, между тѣмъ какъ толпы Кельтовъ въ то-же время собирали контрибуцію съ внутреннихъ латинскихъ странъ (стр. 333). Черезъ годъ
- 348 послѣ того (406) и безъ сомнѣнія подъ непосредственнымъ влияніемъ этихъ печальныхъ событій, римская община и кареагенскіе Финикіяне заключили отъ своего имени и отъ имени подвластныхъ имъ союзниковъ договоръ о торговлѣ и мореплаваніи; это—самый древній римскій документъ, содержаніе котораго дошло до насъ, хотя, конечно, только въ греческомъ переводѣ *). По этому договору Римляне обязывались не плавать въ водахъ «Красиваго Мыса» (Car Bon) у береговъ Либіи, иначе какъ въ случаѣ крайней необходимости; за то они получили наравнѣ съ туземцами право свободно заниматься торговлей въ Сициліи въ предѣлахъ кареагенскаго владѣчества, а въ Африкѣ и въ Сардиніи по меньшей мѣрѣ право продавать свои товары по цѣнѣ, установленной при участіи кареагенскихъ должностныхъ лицъ и при поручительствѣ кареагенской общины. Кареагенянамъ, какъ кажется, было предоставлено право свободной торговли по меньшей мѣрѣ въ Римѣ, а быть можетъ и во всемъ Лациумѣ, но только съ обязательствомъ не обижать подвластныхъ Риму латинскихъ общинъ (стр. 348), а въ случаѣ, еслибы они появились на латинской территоріи въ качествѣ враговъ, не оставаться тамъ на ночлегъ, то-есть не распространять морскихъ разбоевъ на внутреннія страны, и сверхъ того не строить на латинской территоріи крѣпостей. Вѣроятно къ тому-же времени относится ранѣе (стр. 389) упомянутый договоръ между Римомъ и Тарентомъ, о времени заключенія котораго извѣстно только то, что ояъ состоялся задолго до 472 года; по этому договору Римляне обязались, — за какія вознагражденія со стороны Тарента, не сказано, — не плавать въ водахъ къ востоку отъ Лакинскаго мыса; этимъ вполне заперся для нихъ доступъ въ восточный бассейнъ Средиземнаго моря. — Это были такія-же тяжелыя пораженія, какъ и пораженіе при Алліи; по видимому, такъ смотрѣлъ на нихъ и римскій сенатъ, который воспользовался съ большой энергіей благоприятнымъ для Рима оборотомъ дѣлъ въ Италіи, наступившимъ вскорѣ послѣ заключенія унижайтельныхъ договоровъ съ Кареагеномъ и съ Тарентомъ, и посѣпшалъ улучшить стѣсненное положеніе Римлянъ въ отношеніи мореплаванія. Самые значительныя приморскіе города были населены римскими колонистами, а именно: гавань Церитовъ Пирги, колонизація которой, по всему вѣроятію, относится къ этому времени; на западномъ берегу Анцій въ 415 году (стр. 355); Таррацина въ 425 году (стр. 355); островъ Понціи въ
- 282
- Укрѣпленіе римскихъ береговъ.
- 339
- 329

*) Доказательство того, что приведенный Полибіемъ [3, 22] документъ относится не къ 245, а къ 406 году, можно найти въ моей Хронологіи, стр. 820 и сл.

441 г. (стр. 366); а такъ какъ въ Ардеѣ и въ Цирцеяхъ уже ранѣе были поселены колонисты, то оказывается, что всѣ значительные приморскіе города на территоріи Рутуловъ и Вольсковъ сдѣлались латинскими или гражданскими колоніями; кромѣ того были населены колонистами: на территоріи Аврунковъ Минтурны и Синуэсса въ 459 году (стр. 377), на луканской территоріи Пестъ и Коза въ 481 году (стр. 408) и на адриатическомъ побережьѣ Sena Gallica и Castrum novum около 471 года (стр. 387), Ариминъ въ 486 году (стр. 408); сюда-же слѣдуетъ отнести и занятіе Брундизія, состоявшееся тотчасъ вслѣдъ за окончаніемъ войны съ Пирромъ. Въ большей части этихъ мѣстъ, пользовавшихся правами гражданскихъ или приморскихъ колоній *), молодёжь была освобождена отъ службы въ легионахъ и была обязана только охранять берега. Въ то же время было оказано хорошо-обдуманное предпочтеніе ниже-италійскимъ Грекамъ передъ ихъ сабельскими сосѣдями, а именно значительнымъ общинамъ Неаполю, Региону, Локрамъ, Туріямъ, Гераклею, которыя были также освобождены и на тѣхъ-же условіяхъ отъ службы въ ополченіи; этимъ была доведена до конца римская цѣль, протянутая вокругъ береговъ Италіи. — Но руководители римской общины обнаружили въ этомъ случаѣ такую политическую дальновидность, которая могла-бы служить урокомъ для слѣдующихъ поколѣній: они поняли, что укрѣпленіе и охрана береговъ будутъ недостаточны, если военный флотъ не будетъ приведенъ въ такое положеніе, которое внушало-бы къ нему уваженіе. Фундаментъ для заведенія такого флота уже былъ въ нѣкоторой мѣрѣ заложенъ тѣмъ, что послѣ покоренія Анціи (416) были отведены въ римскіе доки всѣ годныя для употребленія военныя галеры; однако одновременное распоряженіе, запрещавшее Анціатамъ вести какія-либо морскія сношенія **), ясно доказываетъ, что Римляне еще вполне

313

295

273

283

268

Римскій флотъ.

338

*) То были: Пирги, Остія, Анція, Таррацина, Минтурны, Синуэсса, Sena Gallica и Castrum novum.

***) Этотъ фактъ такъ-же ясно засвидѣтельствованъ [Ливій 8, 14: *interdictum mari Antiati populo est*], какъ и самъ по себѣ правдоподобенъ, потому что въ Анціи жили не одни колонисты, но также прежде граждане, воспитанные во враждѣ къ Риму (стр. 355). Конечно, этому противорѣчатъ греческіе рассказы, что будто Александръ Великій [† 431] и Димитрій Полиоркетъ [† 471] обращались въ Римъ съ жалобами на морскіе разбои Анціатовъ. Но первый изъ этихъ рассказовъ одного достоинства съ рассказомъ о посольствѣ, отправленномъ Римлянами въ Вавилонъ [стр. 379] и, быть можетъ, исходить изъ одного съ нимъ источника. Къ характеру Димитрія Полиоркета больше подходитъ попытка прекратить указомъ морскіе разбои на Тирренскомъ морѣ, котораго онъ никогда не видѣлъ собственными глазами, и нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что Анціаты, даже сдѣлавшись римскими гражданами, не переставали при случаѣ заниматься своимъ старымъ ремесломъ, не смотря

323

283

- 326 сознавали въ ту пору свое безсиліе на морѣ и что вся ихъ морская политика ограничивалась занятіемъ приморскихъ укрѣпленных пунктовъ. Вслѣдъ за тѣмъ, когда поступили подъ римскій протекторатъ южно-италійскіе греческіе города и прежде всѣхъ другихъ Неаполь (428), снова было положено начало для заведенія римскаго флота, такъ какъ каждый изъ этихъ городовъ обязался доставлять Римлянамъ военные корабли въ качествѣ союзнаго контингента.
- 311 Потомъ, въ 443 году, вслѣдствіе особаго постановленія гражданства, были назначены два начальника морскихъ силъ (*duo viri pacales*) и этотъ римскій флотъ участвовалъ во время самнитской войны въ осадѣ Нуцерин (стр. 369). Можетъ быть, къ тому же времени относится упоминаемая въ написанной Теофрастомъ около
- 307 446 года «Исторіи растений», замѣчательная отправка римскаго флота изъ 25 парусныхъ судовъ для основанія колоніи въ Корсику. Но о томъ, какъ были ничтожны достигнутые результаты, свидѣ-
- 306 тельствуетъ состоявшееся въ 448 году возобновленіе договора съ Карфагеномъ. Между тѣмъ какъ были оставлены безъ измѣненія
- 348 тѣ статьи договора 406 года (стр. 410), которыя касались Италіи и Сициліи, Римлянамъ было воспрещено, кромѣ плаванія въ восточныхъ водахъ, и прежде дозволенное плаваніе по Атлантическому морю, равно какъ веденіе торговыхъ сношеній съ подданными Карфагена въ Сардиніи и въ Африкѣ, и наконецъ, по всему вѣроятію, также заведеніе поселеній на Корсику*), — такъ что для ихъ торговли остались открытыми только подвластная Карфагену часть Сициліи и самъ Карфагенъ. Въ этомъ сказалась зависть господствовавшей на моряхъ державы, — зависть, которая усиливалась по мѣрѣ того какъ расширялось римское владычество вдоль морскихъ береговъ: Карфагенъ заставилъ Римлянъ подчиниться его запретительной системѣ и отказаться отъ посѣщенія западныхъ и восточныхъ торговыхъ рынковъ; съ этимъ находится въ связи и разсказъ о публичной наградѣ, присужденной тому финикійскому моряку, который пожертвовалъ своимъ собственнымъ судномъ для того, чтобы загнать

на запрещеніе; но и къ этому второму разсказу нельзя относиться съ большимъ довѣріемъ.

*) По свидѣтельству Сервія [комментаріи къ Энеидѣ, 4, 628], римско-карфагенскими договорами было постановлено, что ни одинъ Римлянинъ не долженъ ступать на карфагенскую территорію и ни одинъ Карфагенянинъ на римскую [тѣмъ болѣе запрещалось тамъ селиться]; но Корсика должна была оставаться нейтральной для тѣхъ и другихъ [*ut neque Romani ad litora Carthaginensium accederent neque Carthaginenses ad litora Romanorum—Corsica esset media inter Romanos et Carthaginenses*]. Это, по видимому, относится къ той-же эпохѣ, о которой здѣсь идетъ рѣчь, и колонизація Корсики, какъ кажется, была воспрещена именно этимъ трактатомъ.

на медь римское судно, шедшее вслѣдъ за нимъ въ Атлантическомъ океанѣ; такимъ образомъ мореплаваніе Римлянъ было ограничено узкимъ пространствомъ западной части Средиземнаго моря насколько это давало имъ возможность охранять ихъ берега отъ грабежей и обезпечить ихъ старинныя и важныя торговыя сношенія съ Сициліей. Римляне поневолѣ подчинялись этимъ условіямъ, но они все-таки не переставали заботиться о приведеніи своихъ морскихъ силъ въ лучшее положеніе. Рѣшительнымъ шагомъ къ этой цѣли было назначеніе въ 487 году четырехъ морскихъ квесторовъ (*quaestores classici*); первый изъ нихъ долженъ былъ жить въ приморской гавани города Рима, Остин; второй долженъ былъ наблюдать изъ бывшаго въ ту пору главнымъ городомъ римской Кампаніи, Калеса, за портовыми городами Кампаніи и Великой Греціи; третій долженъ былъ наблюдать изъ Ариминія за гаванями, находившимися на той сторонѣ Апеннинъ; сфера дѣятельности четвертаго неизвѣстна. Эти новыя постоянныя должностныя лица были назначены, если не исключительно, то между прочимъ для того, чтобъ надзирать за берегами и организовать для защиты этихъ береговъ военный флотъ. Римскій сенатъ, очевидно, замышлялъ возстановить независимость римскаго мореплаванія и частію отрѣзать морскія сообщенія Тарента, частію запретить входъ въ Адриатическое море для приходившихъ изъ Эпира эскадръ, частію высвободиться изъ-подъ карфагенскаго вліянія. Признаки этихъ замысловъ обнаруживались уже въ ранѣ описанныхъ отношеніяхъ Рима къ Карфагену во время послѣдней италійской войны. Хотя царь Пирръ еще разъ и въ послѣдній разъ вызвалъ заключеніе наступательнаго союза между двумя великими городами, но холодность и вѣроломство этихъ союзниковъ, попытки Карфагенянъ утвердиться въ Регионѣ и въ Тарентѣ, занятіе Римлянами Брундизія немедленно вслѣдъ за окончаніемъ войны ясно доказываютъ, до какой степени уже въ то время сталкивались интересы обѣихъ сторонъ.— Понятно, что Римъ искалъ опоры противъ Рима и гре-

267
Морскіе
квесторы.

Натянутыя
отношенія
между Ри-
момъ и Кар-
фагеномъ.

Римъ и гре-
Карфагена въ эллинскихъ морскихъ державахъ. Его старинныя тѣснѣскія мор-
ныя дружескія сношенія съ Массалией поддерживались безъ пере-
рывовъ. Жертвенное приношеніе, отправленное изъ Рима въ Дельфы послѣ завоєванія Войевъ, хранилось тамъ въ сокровищницѣ Массалиотовъ. Послѣ взятія Рима Кельтами, въ Массалии дѣлался въ пользу погорѣльцевъ сборъ пожертвованій, въ которомъ прежде всѣхъ приняла участіе городская казна; въ знакъ благодарности, римскій сенатъ предоставилъ массалиотскимъ купцамъ нѣкоторыя льготы по торговлѣ, а во время праздничныхъ игръ отводилъ Массалиотамъ почетное мѣсто (*graecostasis*) на площади рядомъ съ сенаторской трибуной. Такое-же значеніе имѣли торговыя и дружественныя до-
говоры, заключенныя Римлянами около 448 года съ Родосомъ и вскорѣ послѣ того съ стоявшимъ на берегу Эпира, значительнымъ

торговымъ городомъ Аполлоніей, а въ особенности очень непріятное для Карфагена сближеніе Рима съ Сиракузами, состоявшееся немедленно вслѣдъ за окончаніемъ войны съ Пирромъ (стр. 408).— И такъ, хотя развитіе римскаго могущества на морѣ очень далеко отстало отъ громаднаго развитія римскихъ сухопутныхъ силъ и хотя римскій военный флотъ далеко не соответствовалъ географическому и торговому положенію государства, однако этотъ флотъ сталъ мало-по-малу выходить изъ того полного ничтожества, до котораго онъ нивозмолъ около 400 года; а при обильныхъ ресурсахъ, которые доставляла Италия, понятно, что Финиціане слѣдили съ тревожной заботливостью за этими усиліями Римлянъ.

354

Соединенная
Италія.

Борьба изъ - за владычества на италійскихъ водахъ уже готовилась; но на сушѣ борьба уже кончилась. Италия была въ первый разъ соединена въ одно государство подъ владычествомъ римской общины. Какія политическія права были при этомъ отняты римскою общиной у всѣхъ остальныхъ италійскихъ общинъ и удержаны ею исключительно за собой, то-есть, какое понятіе о государственномъ правѣ лежало въ основѣ этого римскаго владычества, мы ни откуда не видимъ съ достаточной ясностью; для этого понятія даже не существовало общеупотребительнаго выраженія, — что очень знаменательно и свидѣтельствуетъ о мудрой предусмотрительности *). Положительно извѣстно, что къ числу отнятыхъ правъ принадлежали объявленіе войны, заключеніе договоровъ и чеканка монеты, такъ что ни одна изъ италійскихъ общинъ не смѣла объявлять войну иностранному государству или только вступать съ нимъ въ переговоры и не смѣла выпускать какую-либо ходячую монету; напротивъ того, всякое исходившее отъ римской общины объявленіе войны и всякій заключенный ею государственный договоръ были обязательны для всѣхъ остальныхъ италійскихъ общинъ, а римская серебряная монета была по закону ходячей монетой для всей Италіи; далѣе этого, по всему вѣроятію, не шли ясно сформулированныя привилегіи руководящей общины; но на практикѣ съ ними неизбѣжно соединялись гораздо болѣе широкія верховныя права. — Отношенія Италійцевъ къ первенствующей общинѣ были до крайности неодинаковы; въ нихъ слѣдуетъ различать, кромѣ правъ полнаго римскаго гражд-

*) То условіе, что зависимый народъ обязывался „дружески соблюдать верховенство римскаго народа“ [*in amicitiam populi Romani comiter consuevit*], служило какъ-бы техническимъ выраженіемъ для этой самой мягкой формы подданства; но оно появилось, по всему вѣроятію, въ гораздо болѣе позднюю пору [*Cic. pro Balbo 16, 35*]. И заимствованное изъ сферы частнаго права слово *кlientela* хотя вѣрно выражаетъ взаимныя отношенія именно благодаря своей неопредѣленности [*Dig. 49, 15, 7, 1*], но едва-ли официально употреблялось въ древнія времена.

данства, три различныхъ разряда подданныхъ. Даже права полного римскаго гражданства были расширены настолько, насколько это было возможно, не отнимая у римской общины значенія городской республики. Старинная гражданская территория до того времени расширялась главнымъ образомъ путемъ раздачи отдѣльныхъ земельныхъ участковъ; этимъ способомъ перешли въ руки римскихъ поселенцевъ: южная Этрурія вплоть до Цере и до Фалерій (стр. 333), отнятые у Герниковъ земельные участки по берегамъ Савко и Аніо (стр. 372), большая часть Сабинской территоріи (стр. 377) и значительная часть прежней территоріи Вольсковъ, въ особенности Помптинская равнина (стр. 355. 356); для этихъ поселенцевъ были большею частію организованы новые гражданскіе округа. То-же самое было сдѣлано изъ уступленнаго Капуей фалернскаго округа на Воитурнѣ (стр. 355). Въ такомъ-же положеніи находились граждане, которые были отправлены въ выше упомянутыя, такъ-называемыя приморскія колоніи; они также сохранили за собою права полного римскаго гражданства. Всѣ эти поселившіеся внѣ Рима граждане не имѣли ни собственнаго общиннаго устройства ни собственной администраціи; на отведенной территоріи возникали по большей мѣрѣ мѣстечки (*foera et conciliabula*), да и тѣ не были приморскими колоніями. Напротивъ того, въ концѣ этого періода, римская община начала съ того, что стала предоставлять права полного гражданства ближайшимъ общинамъ пассивныхъ гражданъ, принадлежавшихъ къ одной съ нею или къ родственной національности; это было сдѣлано, по всему вѣроятію, прежде всего для Тускула *) и также для остальныхъ, находившихся въ собственномъ Лаціумѣ общинъ съ пассивнымъ гражданскимъ правомъ, а за тѣмъ, въ концѣ этого періода (486) то-же преимущество было распространено на сабинскіе города, которые въ ту пору, безъ сомнѣнія, уже вполне латинизировались, а во время послѣдней тяжелой войны дали достаточныя доказательства своей преданности. Все это имѣло важныя послѣдствія, такъ какъ эти города сохранили и послѣ своего вступленія въ римскій гражданскій союзъ прежде принадлежавшее имъ право ограниченнаго самоуправленія и такимъ образомъ среди полныхъ римскихъ гражданъ стали впервые возникать особыя общины, а изъ этого порядка вещей съ теченіемъ времени развилось римское муниципальное устройство. И такъ страна, населенная полноправными римскими гражданами, простиралась въ концѣ этой эпохи къ сѣверу до окрестностей Цере, къ востоку до Апеннинъ, къ югу до

Римское
полное
граждан-
ство.

*) Что Тускулъ, получившій прежде всѣхъ пассивное право гражданства, также прежде всѣхъ промѣнялъ его на полныя гражданскія права, само по себѣ правдоподобно; вѣроятно въ этомъ послѣднемъ значеніи, а не въ первомъ, Цицеронъ [*Pro Mur.* 8, 19] называетъ этотъ городъ *municipium antiquissimum*.

Таррацины; впрочемъ, о точномъ опредѣленіи этихъ границъ, конечно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ внутри ихъ находилось нѣсколько союзныхъ городовъ, пользовавшихся латинскимъ правомъ, какъ напримѣръ Тибуръ, Пренестъ, Сигнія, Норба, Цирцеи, а внѣ ихъ пользовались полными правами римскаго гражданства жители Минтурнъ, Синуэссы, фалериской области, города *Sena Gallica* и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей и уже въ ту пору, вѣроятно, были разсѣяны по всей Италиіи семьи римскихъ пахарей, жившія по одиночкѣ или цѣлыми селеніями. — Къ подвластнымъ общинамъ принадлежали пассивные граждане (*cives sine suffragio*), которые по своимъ правамъ и обязанностямъ стояли наравнѣ съ полноправными гражданами, отличаясь отъ нихъ только тѣмъ, что не участвовали въ выборахъ ни активно ни пассивно. Ихъ легальное положеніе было регулировано постановленіями римскихъ комицій и изданными для нихъ римскимъ преторомъ нормами, при чемъ, безъ сомнѣнія, было положено въ основѣ ихъ прежнее внутреннее устройство. За нихъ постановлялъ рѣшенія римскій преторъ или «замѣстители» (*praefecti*), которыхъ преторъ ежегодно посылалъ въ отдѣльныя общины. Тѣ изъ нихъ, которыя были поставлены въ самое выгодное положеніе, какъ напримѣръ городъ Капуа (стр. 356), сохранили самоуправленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ употребленіе мѣстнаго языка и собственныхъ должностныхъ лицъ, завѣдывавшихъ наборомъ рекрутъ и переписью. У общинъ, поставленныхъ въ худшее положеніе, какъ напримѣръ у Цере (стр. 332), было отнято даже самоуправленіе, и это, безъ сомнѣнія, была самая тяжелая изъ всѣхъ формъ подданства. Однако, — какъ замѣчено выше, — въ концѣ этого періода уже обнаруживается намѣреніе включить эти общины въ составъ полноправнаго гражданства, по мѣрѣ того какъ онѣ латинизировались. — Самый привилегированный и самый важный разрядъ подвластныхъ общинъ составляли латинскіе города; его значительно разширили многочисленныя автономныя общины, основанныя Римомъ внутри и даже внѣ Италиіи и извѣстныя подъ названіемъ латинскихъ колоній, и онѣ все болѣе и болѣе расширялись благодаря основанію новыхъ общинъ этого рода. Эти новыя городскія общины римскаго происхожденія, но на латинскомъ правѣ, все болѣе и болѣе становились настоящими опорами римскаго владычества надъ Италией. Это были уже не тѣ Латины, съ которыми Римляне боролись при Регильскомъ озерѣ и при Трифанѣ, — не тѣ старинные члены альбанскаго союза, которые искони считали себя равными съ римскою общиною, если не лучше ея, и для которыхъ римское владычество было тяжелымъ игомъ, какъ это доказываютъ и чрезвычайно строгія мѣры предосторожности, которыя были приняты противъ Пренеста въ началѣ войны съ Пирромъ, и очень долго не прекращавшіяся раздоры, въ особенности съ Пренестинцами. Этотъ древній

Подвласт-
ныя об-
щины.

Латины.

Лаціумъ въ сущности или подчинился Риму или слился съ нимъ и въ немъ осталось немного политически-независимыхъ общинъ, которыя, за исключеніемъ Пренеста и Тибура, были вообще незначительны. Напротивъ того, Лаціумъ позднѣйшихъ временъ республики состоялъ почти исключительно изъ такихъ общинъ, которыя изстари чтили Римъ, какъ свою столицу и метрополию, которыя, будучи окружены племенами, говорившими на иныхъ языкахъ и иначе управлявшимися, были привязаны къ Риму сходствомъ языка, законовъ и нравовъ, которыя, въ качествѣ мелкихъ тирановъ окрестной страны, были принуждены, ради собственной безопасности, примыкать къ Риму, какъ примыкаютъ форпосты къ главной арміи, и, наконецъ, которыя, вслѣдствіе постоянно возрастающихъ матеріальныхъ преимуществъ римскаго гражданства, извлекали не мало выгодъ даже изъ своей урѣзанной равноправности съ Римлянами; такъ на примѣръ имъ обыкновенно отводили въ пользованіе часть римскихъ государственныхъ земель и ихъ допускали наравнѣ съ римскими гражданами къ участию въ государственныхъ откупахъ. Тѣмъ не менѣе и предоставленная имъ самостоятельность имѣла опасныя для Римлянъ послѣдствія. Принадлежація ко временамъ римской республики надписи, которыя были найдены въ Венузіи и очень недавно въ Беневентѣ *), доказываютъ намъ, что Венузія, точно такъ-же какъ и Римъ, имѣла свою плебсъ и своихъ народныхъ трибуновъ и что въ Беневентѣ высшія должностныя лица носили титулъ консуловъ по меньшей мѣрѣ во время войны съ Аннибаломъ. Обѣ эти общины принадлежали къ числу младшихъ между латинскими колоніями, пользовавшимися старыми правами; изъ приведенныхъ фактовъ видно, какія въ нихъ проявлялись стремленія около половины пятаго столѣтія. И эти такъ-называемые Латины, происшедшіе отъ римскаго гражданства и сознававшіе свое съ нимъ равенство во-всѣхъ отношеніяхъ, уже начинали тяготиться своимъ союзнымъ правомъ низшаго разряда и стремиться къ полной равноправности. Поэтому, какъ ни были важны для Рима эти латинскія общины, римскій сенатъ старался по возможности урѣзывать ихъ права и привилегіи и превращать ихъ положеніе союзниковъ въ положеніе подданныхъ насколько это было возможно безъ разрушенія преградъ, которыя отдѣляли ихъ отъ нелатинскихъ общинъ въ Италіи. Мы уже рѣе говорили о томъ, какъ былъ уничтоженъ союзъ латинскихъ общинъ, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ была уничтожена прежняя полная равноправность этихъ общинъ и какъ онѣ утратили самую важную изъ своихъ политическихъ правъ; послѣ окончательнаго покоренія Италіи былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ и было приступлено къ ограниченію

*) V. Cervio A. f. cosol dedicavit и Iunonei Quiritei sacra. C. Falcilius L. f. consol dedicavit.

до сихъ поръ непривосновенныхъ личныхъ правъ отдѣльныхъ Латинцевъ, и прежде всего къ ограниченію права свободно переселяться съ одного мѣста на другое. Основанной въ 486 году общинѣ Арминну и всѣмъ другимъ поздыѣ основаннымъ автономнымъ общинамъ было предоставлено только то преимущество передъ остальными подданными, что онѣ были уравнены съ римскою общиной въ сферѣ частнаго права, — въ томъ, что касалось торговли, мѣны и наследственнаго права *). Вѣроятно, около того-же времени было отнято у членовъ всѣхъ латинскихъ общинъ старинное право переселяться съ мѣста на мѣсто; въ силу этого ограниченія, гражданинъ такого города могъ приобретать переселеніемъ въ Римъ права гражданства только въ томъ случаѣ, если онъ оставлялъ въ своей родной общинѣ самостоятельно живущаго сына и безъ сомнѣнія также нѣкоторую часть своего состоянія; въ этомъ случаѣ ему, по всему вѣроятію, предоставлялось право гражданства въ полномъ объемѣ. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ официальныхъ актахъ касательно основанія новыхъ общинъ, приобретение правъ римскаго гражданства обуславливалось то вступленіемъ въ общинный совѣтъ колоніи, то занятіемъ какой-либо общественной должности. Изъ этихъ фактовъ ясно видно, что положеніе Рима совершенно измѣнилось. Пока Римъ былъ хотя и первой между многочисленными италійскими городскими общинами, но все-таки принадлежалъ къ ихъ числу, даже вступленіе въ число полноправ-

*) По свидѣтельству Цицерона [Рго Саес. 35], Сулла предоставилъ Волаттерранцамъ прежнее право Арминна, то-есть, — прибавляетъ ораторъ, — право двѣнадцати колоній^а, которыя хотя и не принадлежали къ римскому гражданству но имѣли полное право общенія [со штегсіум] съ Римлянами. Немного такихъ вопросовъ, которые возбуждали-бы столько-же толковъ, какъ вопросъ о значеніи этого права двѣнадцати городовъ; однако его разрѣшеніе вовсе нетрудно. Въ Италіи и въ Цизальпинской Галліи было основано, — кромѣ нѣсколькихъ скоро исчезнувшихъ, — тридцать четыре латинскихъ колоній; здѣсь идетъ рѣчь о двѣнадцати младшихъ изъ нихъ — объ Арминнѣ, Беневентѣ, Фирмѣ, Эзерни, Брундизіи, Сполени, Кремонѣ, Плаценціи, Копи, Валенціи, Бопони, Аквилей; такъ какъ Арминнъ былъ старшей изъ этихъ колоній и именно той, для которой были введены эти новыя порядки, а можетъ быть отчасти и потому, что это была первая римская колонія, основанная внѣ Италіи, — городское право этихъ колоній и было основательно названо арминнскимъ. Этимъ доказывается и то, что уже и по другимъ соображеніямъ весьма правдоподобно, — что всѣ колоніи, основанныя въ Италіи [въ широкомъ смыслѣ] послѣ Аквилей, принадлежали къ числу гражданскихъ колоній. — Впрочемъ, мы не въ состояніи съ точностью опредѣлить, въ какой мѣрѣ были ограничены права младшихъ латинскихъ городовъ сравнительно съ правами болѣе старыхъ. Если общность браковъ, — какъ это вѣроятно, хотя и вовсе не доказано — [стр. 103; Діодоръ, стр. 590, 62. F r a g m. V a t. стр. 130, изд. Динд.] входила какъ составная часть въ первоначальную федеральную равноправность, то она во всякомъ случаѣ не была предоставлена младшимъ общинамъ.

ныхъ римскихъ гражданъ вообще считалось выгоднымъ для той общины, которая пріобрѣтала новыхъ гражданъ и невыгоднымъ для этихъ послѣднихъ; поэтому негражданамъ всячески облегчали переходъ въ гражданство и даже налагали на нихъ обязанность такого перехода въ видѣ наказанія. Но съ тѣхъ поръ, какъ римская община одна господствовала, а всѣ остальные сдѣлались ея слугами, установились обратныя отношенія: римская община стала ревниво оберегать свои гражданскія права и поэтому прежде всего положила конецъ старинному неограниченному праву переселенія; впрочемъ государственные люди того времени были достаточно дальновидны для того, чтобъ оставить доступъ въ римское гражданство легально открытымъ по меньшей мѣрѣ для самыхъ выдающихся и для самыхъ даровитыхъ членовъ тѣхъ подвластныхъ общинъ, которыя принадлежали къ высшему разряду. Стало быть и Латинамъ пришлось убѣдиться въ томъ, что Римъ, покорившій Италію главнымъ образомъ благодаря ихъ содѣйствію, теперь уже не нуждался въ нихъ по прежнему.—Наконецъ положеніе нелатинскихъ союзныхъ общинъ, повятнымъ образомъ, подводилось подъ самыя разнообразныя нормы, которыя устанавливались отдѣльными союзными договорами. Нѣкоторые изъ этихъ, заключенныхъ на вѣчныя времена, договоровъ, какъ напримѣръ тѣ, которые были заключены съ общинами Герниковъ (стр. 344), съ Неаполемъ (стр. 361), съ Полой (стр. 366), съ Гераклеей (стр. 403) предоставляли этимъ послѣднимъ сравнительно очень широкія права, между тѣмъ какъ другіе договоры, какъ напримѣръ тѣ, которые были заключены съ Тарентинцами и съ Самнитамъ, были похожи на принятіе въ подданство.— Можно признать за общее правило, что не только федераціи Латинскихъ и Герниковъ, о которыхъ до насъ дошли достовѣрныя свѣдѣнія, но и всѣ вообще италійскія федераціи и въ томъ числѣ федераціи самнитская и луканская или были легально уничтожены или были лишены всякаго политическаго значенія, и что ни одной изъ италійскихъ общинъ не было дозволено вступать съ другими италійскими общинами въ соглашенія касательно торговыхъ сношеній и браковъ или только сообщая совѣщаться и постановлять рѣшенія. Далѣе, были приняты мѣры,—хотя и не повсюду одинакія,—чтобъ военныя и податныя силы всѣхъ италійскихъ общинъ находились въ распоряженіи господствующей общины. Съ одной стороны гражданская милиція, а съ другой контингенты «латинскаго имени» считались главными и нераздѣльными частями римской арміи, которая такимъ образомъ сохраняла свой національный характеръ; однако въ составъ этой арміи также включали не только пассивныхъ римскихъ гражданъ, но, безъ сомнѣнія, и членовъ нелатинскихъ федерацій, которые или обязывались доставлять военные корабли, какъ это требовалось отъ греческихъ общинъ, или же вносились въ списки

Нелатинскія
союзныя
общины.

Уничтоженіе
народныхъ
союзовъ.

Доставка
войскъ.

Италийцевъ, обязанныхъ доставлять вспомогательныя войска (*formula togatorum*), какъ это было разомъ или мало-по-малу установлено для Апулийцевъ, Сабелловъ и Этрусковъ. Размѣръ этихъ вспомогательныхъ войскъ, точно такъ-же какъ и размѣръ тѣхъ, которыя доставлялись латинскими общинами, какъ кажется, имѣлъ опредѣленную норму; однако это не мѣшало господствующей общинѣ требовать, въ случаѣ надобности, и болѣе значительныхъ подкрѣпленій. Съ этимъ находилось въ связи и косвенное обложеніе налогами, такъ какъ каждая община была обязана снаряжать и содержать свой контингентъ на свой собственный счетъ. Поэтому, не безъ умысла были возложены на латинскія или нелатинскія союзныя общины тѣ воинскія повинности, которыя требовали самыхъ значительныхъ издержекъ; такъ напримѣръ военный флотъ содержали болѣею частію греческіе города, а къ конной службѣ союзники привлекались—по меньшей мѣрѣ въ болѣе позднюю пору—въ тройной пропорціи противъ римскихъ гражданъ, между тѣмъ какъ для пѣхоты еще долго оставался въ силѣ или по меньшей мѣрѣ считался за общее правило тотъ старый принципъ, что союзный контингентъ не долженъ быть болѣе многочисленъ, чѣмъ гражданское ополченіе.

Система управленія. Система, на которой было основано это устройство въ своихъ подробностяхъ и въ своей внутренней связи, уже не можетъ быть выяснена изъ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, какія дошли до насъ. Даже нѣтъ возможности хотя-бы приблизительно опредѣлить, въ какомъ численномъ отношеніи находились три разряда подданства между собой и къ полному гражданству *); и географическое распредѣленіе

*) Приходится сожалѣть о томъ, что мы не въ состояніи дать удовлетворительныя указанія касательно этихъ численныхъ отношеній. Число способныхъ носить оружіе римскихъ гражданъ можетъ быть опредѣлено, для позднѣйшей эпохи царскаго періода, приблизительно въ 20.000 [стр. 95]. Но со времени паденія Альбы до завоеванія Вейевъ собственно-римская территория не получила значительнаго приращенія; съ этимъ вполне согласуется и тотъ фактъ, что со времени первоначальной организаціи двадцати одного округа около 259 года [стр. 278], не обнаруживающей какого-либо или сколько-нибудь значительнаго расширенія римскихъ границъ, вплоть до 367 года не было учреждено новыхъ гражданскихъ округовъ. За сямъ, какъ бы ни было велико приращеніе населенія отъ перевѣса рождающихся надъ умирающими, отъ новыхъ пришельцевъ и вольноотпущенниковъ, все-таки нѣтъ возможности согласить съ узкими предѣлами территорія, едва-ли имѣвшей 30 квадратныхъ миль, тѣ сообщаемыя преданія цифры ценза, по которымъ число способныхъ носить оружіе римскихъ гражданъ колебалось во второй половинѣ третьяго столѣтія между 104.000 и 150.000, а въ 362 году, на счетъ котораго есть особыя указанія, доходило до 152.573. Эти цифры слѣдуетъ отнести къ одному разряду съ 84.700 гражданами Сервіевскаго ценза и вообще всѣ древнѣйшіе списки ценза, отличающіеся изобиліемъ числовыхъ данныхъ иходящіе вплоть до четырехъ ластровъ Сервіа

отдѣльныхъ категорій по Италиі известно намъ не вполне. Напротивъ того, главные соображенія, на которыхъ были основаны эти порядки, такъ очевидны, что едва-ли нужно ихъ объяснять. Прежде всего, — какъ уже было рѣже замѣчено, — непосредственная окружность господствующей общины была расширена частію посредствомъ основанія колоній изъ полноправныхъ гражданъ, частію посредствомъ дарованія пассивныхъ гражданскихъ правъ; это расширеніе заходило такъ далеко, какъ только было возможно безъ совершеннаго уничтоженія централизаціи римской общины, которая все-таки была и должна была оставаться городской общиной. Когда система инкорпораций достигла своихъ естественныхъ предѣловъ и даже, быть можетъ, перешагнула черезъ нихъ, тогда всѣмъ вновь присоединявшимся общинамъ пришлось довольствоваться положеніемъ подданныхъ, такъ какъ гегемонія не могла долго служить нормой для опредѣленія взаимныхъ отношеній. Поэтому, не вслѣдствіе самовольнаго захвата верховной власти, а вслѣдствіе неизбежнаго тяготѣнія къ одному центру, образовалась рядомъ съ категоріей господствующихъ гражданъ вторая категорія подданныхъ. Между орудіями владычества, натурально, главную роль играло разьединеніе подданныхъ посредствомъ уничтоженія италійскихъ конфедерацій и образованія многочисленныхъ, сравнительно менѣе значительныхъ общинъ, равно какъ распредѣленіе вишняго гнѣта по степенямъ сообразно съ различными категоріями подданныхъ. Какъ Катонъ заботился въ своемъ домашнемъ быту о томъ, чтобъ рабы не жили между собой слишкомъ дружно и съ намѣреніемъ возбуждалъ между ними раздоры и раздѣленіе на партіи, такъ и римская община дѣлала то-же въ болѣе

Раздѣленіе
и разьединеніе под-
данныхъ.

Туллія, принадлежать къ разряду тѣхъ лишь съ виду достовѣрныхъ указаній которыя вдаются въ подробныя числовыя данныя и тѣмъ обличаютъ свою несостоятельность. — Только со второй половины четвертаго столѣтія начинается пріобрѣтеніе обширныхъ территорій, вслѣдствіе чего списокъ гражданъ долженъ былъ внезапно и значительно увеличиться. Преданія достовѣрно свидѣтельствуютъ, что около 416 года насчитывали 165.000 римскихъ гражданъ; съ этимъ согласуется и тотъ фактъ, что за десять лѣтъ передъ тѣмъ, когда вся милиція была призвана къ оружію для войны съ Лациумомъ и съ Галліей, первый призывъ состоялъ изъ десяти легионовъ, то-есть изъ 50.000 человекъ. Послѣ большихъ территориальныхъ пріобрѣтеній въ Этрурію, Лациумъ и Кампанію, насчитывали въ пятомъ столѣтіи среднимъ числомъ 250.000 способныхъ носить оружіе гражданъ, а непосредственно передъ началомъ первой пунической войны отъ 280.000 до 290.000. Эти цифры достаточно достовѣрны, но для историческихъ выводовъ не совсѣмъ годны по особой причинѣ: здѣсь, по всему вѣроятію, смѣшивались римскіе полные граждане и служившіе въ легионахъ „граждане безъ права голоса“, какъ напримѣръ Цериты, между тѣмъ какъ эти послѣдніе должны быть рѣшительно отнесены къ разряду подданныхъ [Röm. Forsch. 2, 396].

широких размѣрахъ; хотя этотъ примѣръ и былъ не красивъ, но преобразованіе итальянскихъ общинныхъ и знатныхъ семействъ, которыя стояли въ естественной, болѣе или менѣе рѣзкой оппозиціи къ народной толпѣ и какъ ради своихъ материальныхъ интересовъ, такъ и ради интересовъ общиннаго управленія необходимо должны были искать для себя опоры въ Римѣ.

Самымъ замѣчательнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить обхождение Рима съ Капуей, которая была единственнымъ изъ итальянскихъ городовъ, способнымъ соперничать съ Римомъ и потому, какъ кажется, изстари была предметомъ вековѣрчивой предусмотрительности. Аристократія Кампаніи получила привилегированное судебное устройство, особыя мѣста для сходокъ и вообще во всѣхъ отношеніяхъ особыя отъ всѣхъ права; ей даже были назначены изъ общинной кассы Кампаніи довольно значительныя пенсіи, — а именно тысяча шестьсотъ ежегодныхъ пенсій по 450 статировъ (около 200 талеровъ). Это были тѣ самые кампанскіе всадники, которые своимъ неучастіемъ въ великомъ латино-кампанскомъ возстаніи 414 года много способствовали его неуспѣху и которые своей храбростью рѣшили въ 459 году битву при Сентинѣ въ пользу Римлянъ (стр. 376); напротивъ того стоявшая въ Регионѣ кампанская пѣхота прежде всѣхъ отложила отъ Римлянъ во время войны съ Пирромъ (стр. 393). Обращеніе Римлянъ въ 489 году съ Вольсиніями представляетъ другой замѣчательный примѣръ того, какія выгоды умѣли извлекать Римляне изъ возникавшихъ въ зависимыхъ общинахъ сословныхъ распрій, благодаря тому, что располагали аристократію въ свою пользу. Тамъ, точно такъ-же какъ и въ самомъ Римѣ, шла борьба между старыми и новыми гражданами и эти послѣдніе достигли законнымъ путемъ политической равноправности. Вслѣдствіе этого, старые граждане Вольсиній обратились къ римскому сенату съ просьбой возстановить ихъ старинныя учрежденія; господствовавшая въ городѣ партія, понятнымъ образомъ, сочла эту попытку за государственную измѣну и подвергла просителей законному наказанію. Римскій сенатъ принялъ сторону старыхъ гражданъ, а такъ какъ городъ не обнаружилъ желанія подчиниться его волѣ, то присланная туда военная эскадрія не только уничтожила дѣйствовавшую по закону общинную конституцію Вольсиній, но даже срыла до основанія старинную столицу Этрурии, ясно доказавъ на этомъ примѣрѣ Итальянцамъ, какъ было страшно не подчиняться владычеству Рима. — Однако римскій сенатъ былъ достаточно благоразуменъ, чтобъ понимать, что единственное средство упрочить основанное на насиліи владычество — сдержанность самихъ властителей.

Поэтому зависимымъ общинамъ была оставлена или дарована автономность въ управленіи.

номія, заключающая въ себѣ нѣкоторую тѣнь самостоятельности, нѣкоторую долю участія въ военныхъ и въ политическихъ успѣхахъ Рима и, главнымъ образомъ, свободное общинное устройство, такъ что на всей территоріи, принадлежавшей италійской конфедераціи, не было ни одной общины илотовъ. По той-же причинѣ, Римъ, — быть можетъ съ безпримѣрными въ исторіи прозорливостью и великодушіемъ, — и стари не пользовался самымъ опаснымъ изъ всѣхъ правительственныхъ правъ — правомъ облагать подданныхъ податями. Уплату дани, быть можетъ, и налагали на зависимыя кельтскія волости, но въ предѣлахъ италійской конфедераціи не было ни одной обложенной податями общины. Наконецъ, по той-же причинѣ и отлежавшей на подданныхъ воинской повинности не устранялось господствовавшее гражданство; напротивъ того, это гражданство, по всему вѣроятію, участвовало въ ополченіи сравнительно гораздо болѣе, чѣмъ члены союза, а Латины съ своей стороны участвовали гораздо болѣе, чѣмъ неиталійскія союзныя общины, такъ что лучшая часть военной добычи, по всей справедливости, доставалась Риму, а вслѣдъ за нимъ Латинамъ. — Трудную задачу надзора и контроля надъ массой италійскихъ общинъ, обязанныхъ доставлять вспомогательныя войска, римское центральное правительство исполняло частію при помощи четырехъ италійскихъ квестуръ, частію посредствомъ распространенія римской цензуры на всѣ подвластные города. Флотскіе квесторы (стр. 413) должны были, помимо своихъ ближайшихъ обязанностей, собирать доходы съ вновь приобретенныхъ государственныхъ земель и контролировать доставку вспомогательныхъ войскъ отъ новыхъ членовъ федераціи; они были первыми римскими должностными лицами, для которыхъ мѣсто пребыванія и сфера дѣятельности были назначены закономъ внѣ Рима, и они составляли необходимую среднюю инстанцію между римскимъ сенатомъ и италійскими общинами. Сверхъ того, — какъ это видно изъ позднѣйшаго муниципальнаго устройства, — высшія должностныя лица каждой италійской *) общины, какое-бы они ни носили названіе, должны были производить перепись въ каждый четвертый или пятый годъ; мотивы этого постановленія, конечно, могли возникнуть только въ Римѣ и оно, конечно, могло имѣть только одну цѣль — доставлять совокупно съ римской цензурой сенату свѣдѣнія о военныхъ и податныхъ силахъ всей Италіи. — Съ этимъ военно-административнымъ объединеніемъ всѣхъ племенъ; жившихъ по сю сторону Апеннинъ вплоть до Япигскаго мыса и до Регійскаго пролива, наконецъ находится въ связи и появленіе новаго, общаго для всѣхъ ихъ, названія «носителей

Среднія
инстанции.

Италія и
Италійцы.

*) А не только въ каждой латинской общинѣ, потому что цензура или такъ называемый „квинквентилитетъ“, встрѣчается, какъ извѣстно, и у такихъ общинъ, которыя были организованы не по латинской схемѣ.

тоги», которое было древнѣйшимъ терминомъ римскаго государственнаго права, или названія Италійцевъ, которое первоначально было въ ходу у Грековъ, а потомъ вошло въ общее употребленіе. Жившіе въ этихъ странахъ различные народы стали впервые сознавать свое единство и сближаться между собою, вѣроятно, отчасти въ противоположность Грекамъ, отчасти и главнымъ образомъ потому, что оборонялись совокупными силами отъ Кельтовъ; конечно, могло случиться, что которая-нибудь изъ италійскихъ общинъ дѣйствовала за-одно съ Кельтами противъ Рима и пользовалась этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ восстановить свою независимость, но съ теченіемъ времени все-таки брало верхъ здоровое національное чувство. Подобно тому, какъ гальская почва считалась до позднѣйшей поры юридической противоположностью италійской почвы, такъ и «носители тоги» получили это названіе въ противоположность съ кельтскими «носителями штановъ» (*braccati*) и даже при централизованіи италійскихъ военныхъ силъ въ рукахъ Рима, вѣроятно, играло важную роль отраженіе кельтскихъ нашествій и какъ причина и какъ предлогъ. Между тѣмъ, какъ Римляне играли роль руководителей въ великой національной борьбѣ и заставляли сражаться подъ своими знаменами Этрусковъ, Латинцевъ, Сабелловъ, Апулійцевъ и Эллиновъ (внутри тѣхъ границъ, которыя будутъ сейчасъ указаны), до той поры шаткое и скорѣе внутреннее единство сдѣлалось болѣе тѣснымъ и получило государственную прочность, а названіе Италіи, которое еще у греческихъ писателей пятого столѣтія, какъ напримѣръ у Аристотеля, обозначало лишь теперешнюю Калабрию, сдѣлалось общимъ названіемъ страны, въ которой жили «носители тоги». Древнѣйшія границы этой великой, предводимой Римомъ, оборонительной федераціи или новой Италіи доходили на италійской западномъ побережьи до окрестностей Ливорно внизъ отъ Арно *), а на восточномъ до Эвиса вверхъ отъ Анконы; находившіяся внѣ этихъ границъ, колонизованныя Италійцами мѣстности, какъ напримѣръ *Sena Gallica* и Ариминъ на той сторонѣ Апеннинъ и Мессана въ Сициліи, считались географически лежащими внѣ Италіи, даже если нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ Ариминъ, были членами федераціи, или, какъ напримѣръ *Sena*, даже были римскими гражданскими общинами. Еще мевѣ могли быть причислены къ «носителямъ тоги» Кельты, жившіе на той сторонѣ Апеннинъ, хотя,

Древнѣйшія
границы
италійской
федераціи.

*) Эту древнѣйшую границу, вѣроятно, обозначали два маленькія мѣстечка *ad fines*, изъ которыхъ одно находилось къ сѣверу отъ Ареццо на дорогѣ во Флоренцію, а второе на берегу моря недалеко отъ Ливорно. Ручей и долина Вады, находящаяся немного южнѣе этого послѣдняго мѣстечка, и до сихъ поръ называются *fiume della fine, valle della fine* [Targioni Tozzetti, *Viaggi* 4, 430].

быть можетъ, уже въ ту пору нѣкоторыя изъ кельтскихъ волостей находились подъ римской клиентелой. Такимъ образомъ Италия достигла политическаго единства; но она уже вступала и на тотъ путь, который ведетъ и къ единству національному. Господствующая латинская національность уже была усвоена Сабинами и Вольсками, а отдѣльныя латинскія общины уже были разсыпаны по всей Италии; то было лишь развитіемъ этихъ зачатковъ, когда латинскій языкъ со временемъ сдѣлался роднымъ языкомъ для всякаго, кто имѣлъ право носить латинское верхнее платье. Что Римляне уже въ ту пору ясно сознавали эту цѣль, видно изъ того, что они распространяли латинское имя на всѣхъ членовъ италійской федераціи, обязанныхъ доставлять вспомогательныя войска *). Все, что намъ извѣстно о высокой политической мудрости его безъимянныхъ строителей, а необыкновенная прочность, которую впоследствии сохранила подъ самыми тяжелыми ударами эта конфедерація, слюченная изъ таковаго множества разнородныхъ составныхъ частей, наложила на великое произведеніе этихъ строителей печать успѣха. Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ нити этой такъ искусно и такъ прочно обвитой вокругъ всей Италии сѣти соединились въ рукахъ римской общины, эта община сдѣлалась великой державой и вступила въ систему Средиземныхъ государствъ вмѣсто Тарента, Луканіи и другихъ государствъ средняго и мелкаго размѣра, исключенныхъ послѣдними войнами изъ ряда политическихъ силъ. Чѣмъ-то въ родѣ официальной санкціи новаго положенія, которое занялъ Римъ, была отправка двухъ торжественныхъ посольствъ, ѣздившихъ въ 481 году изъ Александріи въ Римъ и изъ Рима въ Александрію, и хотя при этомъ имѣлось въ виду главнымъ образомъ регулированіе только торговыхъ сношеній, но безъ сомнѣнія былъ подготовленъ и политическій союзъ.

Новое міровое значеніе Рима.

273

*) Въ точномъ дѣловомъ языкѣ этого, конечно, не встрѣчается. Самое полное опредѣленіе Италией находится въ аграрномъ законѣ 643 года, строка 21: [seivis] Romanus sociumve nominisve Latini, quibus ex formula togatorum [milites in terra Italia imperare solent]; тамъ-же, на строкѣ 29, Latinus отличается отъ peregrinus, а въ сенатскомъ постановленіи о Вахханаліяхъ отъ 568 года сказано: ne quis seivis Romanus neve nominis Latini neve socium quisquam. Но въ обычномъ употребленіи очень часто выпускается второй или третій изъ этихъ трехъ членовъ и наряду съ Римлянами упоминаются или одни Latini nominis или одни socii [Weissenborn, ком. къ Ливію 22, 50, 6] безъ всякаго различія въ смыслѣ. Выраженіе homines nominis Latini ac socii Italici [Sallust. Jug. 40], какъ оно ни правильно само по себѣ, неупотребительно на официальномъ языкѣ, которому знакома Italia, но незнакома Italici.

111

186

Какъ Кароагенъ боролся съ египетскимъ правительствомъ изъ-за Кирены и скоро долженъ былъ вступить въ борьбу съ римскимъ правительствомъ изъ-за Сициліи, такъ и Македонія оспаривала у перваго изъ этихъ правительствъ рѣшительное вліяніе на Грецію, а у втораго покуда только владычество надъ берегами Адриатическаго моря; со всѣхъ сторонъ готовившіяся столкновенія неизбежно должны были вызвать постороннее вмѣшательство и завлечь Римъ, въ качествѣ обладателя Италіи, на ту широкую арену, которую победы Александра Великаго и замыслы его преемниковъ превратили въ поле непрерывной борьбы.

Законы. — Религія. — Военное устройство. — Народное хозяйство. — Национальность.

Между преобразованиями, которыя выпали въ эту эпоху внутри Судопроиз- римской общины на долю юриспруденціи, самымъ важнымъ ново- водство. введениемъ былъ своеобразный нравственный контроль, которому община начала подвергать отдѣльныхъ гражданъ или свою непосредственную властію или черезъ посредство своихъ уполномоченныхъ. Зародышъ этого нововведенія слѣдуетъ искать въ правѣ должно- Полція. стныхъ лицъ налагать имущественныя пени (multae) за нарушение установленного порядка (стр. 148). Наложение пеней болѣе чѣмъ въ 2 барана и 30 воловъ, или — послѣ того какъ общиннымъ постановленіемъ 324 года, взысканія скотомъ были превращены въ денежные пени — болѣе чѣмъ въ 3020 фунтовыхъ ассовъ (218 тал.) 430 перешло путемъ апелляцій въ руки общины вскорѣ послѣ изгнанія царей (стр. 248); тогда процедура денежныхъ оштрафованій получила такое важное значеніе, какового первоначально не имѣла. Подъ неопредѣленное понятіе о нарушении установленного порядка можно было подводить все что угодно, а посредствомъ наложенія высшей степени имущественныхъ пеней можно было достигнуть всего, что угодно; а то облегчительное постановленіе, что если размѣръ этихъ имущественныхъ пеней не былъ опредѣленъ по закону денежной суммой, то онѣ не должны были превышать половины принадлежавшаго оштрафованному лицу имущества, не столько устраняло опасность этой произвольной процедуры, сколько обнаруживало ее еще болѣе наглядно. Въ эту сферу входили еще тѣ полицейскіе законы, которыми была такъ богата римская община съ древнѣйшихъ временъ, а именно: постановленія Двѣнадцати Таблицъ, запрещавшія натирать мазью тѣла усопшихъ руками наемниковъ, класть вмѣстѣ съ покойникомъ болѣе одной перины, болѣе трехъ обшитыхъ пурпуромъ покрывалъ, а также золотыя вещи и вѣнки изъ нераспустившихся растений, употреблять для костра обдѣланное дерево, оку-

ривать его ладономъ и опрыскивать его виномъ, приправленнымъ миррой; тѣ-же постановленія ограничивали число флейтистовъ на похоронныхъ процессіяхъ десятью, не допускали плакальщицъ и воспрещали похоронные пиры; это было нѣчто въ родѣ древнѣйшихъ римскихъ законовъ противъ роскоши; сюда-же принадлежали возникшіе изъ сословныхъ раздоровъ законы противъ излишняго пользованія общинными пастбищами и противъ несоразмѣрнаго занятія свободныхъ государственныхъ земель, равно какъ законы противъ взиманія лихвенныхъ процентовъ. Однако какъ эти, такъ и другія имъ подобныя постановленія, по меньшей мѣрѣ, разъ навсегда ясно опредѣляли, въ чемъ заключается запрещенное дѣяніе и какое оно влечетъ за собою наказаніе; гораздо опаснѣе было принадлежавшее каждому должностному лицу, которому было отведено особое вѣдомство, право налагать пени за нарушеніе установленнаго порядка, а если эти пени допускали по своему размѣру аппелляцію и оштрафованный не подчинялся состоявшемуся рѣшенію, передавать дѣло на рассмотрѣніе общины. Еще въ теченіе пятого столѣтія возбуждались этимъ путемъ уголовныя преслѣдованія за безнравственный образъ жизни какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, за барышничество хлѣбной торговлей, за колдовство и нѣкоторыя другія дѣянія того же рода. Въ тѣсной связи со всѣми этими постановленіями находилась возникавшая въ ту-же пору сфера дѣятельности цензоровъ, которые пользовались своимъ правомъ составлять римскій бюджетъ и списки гражданъ частію для того, чтобъ устанавливать по своему усмотрѣнію налоги на роскошь, отличавшіяся отъ наказаній за роскошь только по своей формѣ, частію и въ особенности для того, чтобъ урѣзывать или отнимать политическія почетныя права у тѣхъ гражданъ, которые были уличены въ предосудительныхъ поступкахъ (стр. 313). Какъ далеко заходила эта опека уже въ ту пору, видно изъ того, что такимъ наказаніямъ подвергались за небрежную обработку своихъ собственныхъ пахатныхъ полей и что даже такой человекъ, какъ Публій Корнелій Руфинъ (консулъ 464, 477 г.), былъ вычеркнутъ цензорами 479 года изъ списка сенаторовъ за то, что имѣлъ серебряную столовую посуду, стоившую 3360 сестерцій (240 талер.). Согласно съ правилами, общими для всѣхъ распоряженій должностныхъ лицъ (стр. 258), конечно и распоряженія цензоровъ имѣли обязательную силу только во время пребыванія ихъ въ должности, то-есть обыкновенно на слѣдующіе пять лѣтъ, и потому могли быть возобновлены или невозобновлены слѣдующими цензорами; тѣмъ не менѣе это право цензоровъ имѣло такое громадное значеніе, что благодаря ему должность цензора превратилась изъ второстепенной по рангу и вліянію въ главную изъ всѣхъ римскихъ общественныхъ должностей (стр. 289, 309). Сенатское управленіе опиралось главнымъ образомъ на эту двойную полицію, облеченную

290 277
275

столько-же обширнымъ, сколько безотчетнымъ полномасштабнымъ, — на высшую полицію общины и на низшую полицію общинныхъ должностныхъ лицъ. Эта система управленія, какъ и всякая другая, основанная на личномъ произволѣ, принесла и много пользы и много вреда, и нѣтъ возможности опровергнуть то мнѣніе, что зло преобладало; только не слѣдуетъ позабывать, что та эпоха особенно отличалась хотя и наружной, но тѣмъ не менѣе суровой и энергически оберегаемой нравственностью, равно какъ сильнымъ возбужденіемъ общественнаго духа, а потому и учрежденія, о которыхъ идетъ рѣчь, не были запятнаны грубыми злоупотребленіями; если-же они и подавляли личную свободу, за то именно они всѣми силами, а верѣдко и насиліями поддерживали въ римской общинѣ сочувствіе къ общественнымъ интересамъ, равно какъ старинные порядки и нравы. — Наряду съ этими нововведеніями проявляются чѣ развитіи римскаго законодательства, хотя и медленно, но достаточно ясно, тенденціи болѣе гуманныя и болѣе схожія съ тенденціями новаго времени. Этотъ отпечатокъ замѣтенъ на большей части узаконеній Двѣнадцати Таблицъ, которыя сходятся съ Солоновскими законами и потому основательно считаются за важныя нововведенія; сюда относятся: обезпеченіе права свободно составлять ассоціаціи и обезпеченіе автономіи возникшихъ вслѣдствіе того федерацій; запрещеніе запахивать межевыя полосы; смягченіе наказаній за воровство, вслѣдствіе чего непойманный съ поличнымъ воръ могъ откупиться отъ обокраденнаго уплатой вознагражденія въ двойномъ размѣрѣ. Въ томъ-же духѣ было смягчено долговое право посредствомъ изданія Петеліевскаго закона, — хотя и цѣлымъ столѣтіемъ позже (стр. 301). Право свободно располагать своимъ состояніемъ признавалось еще самыми древними римскими законами за владѣльцемъ при его жизни, но на случай его смерти зависѣло отъ дозволенія общины; а теперь это стѣсненіе было уничтожено, такъ какъ законами Двѣнадцати Таблицъ или ихъ истолкователями была признана за домашними завѣщаніями такая-же обязательная сила, какую имѣли завѣщанія, утвержденныя куріями; это былъ большой шагъ къ уничтоженію родовыхъ союзовъ и къ полному проведенію личной свободы въ сферу имущественныхъ правъ. Страшно-безпредѣльная отцовская власть была ограничена постановленіемъ, что сынъ, который былъ три раза проданъ своимъ отцомъ, уже не поступалъ снова подъ его власть, а получалъ свободу; вскорѣ послѣ того, путемъ совершенно неправильнаго юридическаго вывода, была связана съ этимъ постановленіемъ и возможность со стороны отца добровольно отказаться отъ власти надъ сыномъ посредствомъ эманципаціи. Въ сферѣ постановленій о брачномъ союзѣ было введено разрѣшеніе гражданскихъ браковъ (стр. 87, прим.), и хотя полная власть мужа надъ женой была такъ-же неизбѣжно связана съ законнымъ гражданскимъ бракомъ,

Смягченіе
законныхъ
постановле-
ній

какъ и съ законнымъ религіознымъ бракомъ, однако дозволеніе заключать вмѣсто брака супружескіе союзы, въ которыхъ непризнавалась такая власть (стр. 56, прим. 1), было первымъ шагомъ къ ослабленію мужниного полновластія. Началомъ легальнаго понужденія къ брачной жизни былъ налогъ на холостяковъ (*aes uxorium*), введеніемъ котораго началъ въ 351 году свою общественную дѣятельность Камиллъ въ званіи цензора.

403

Судопроизводство.

Земское право.

451 450
367

Новыя судебныя
должности.

Болѣе важныя въ политическомъ отношеніи и вообще болѣе значительнымъ измѣненіямъ, чѣмъ самые законы. Сюда относится прежде всего ограниченіе высшей судебной власти путемъ кодификаціи земскаго права и путемъ наложенія на должностныхъ лицъ обязанности впредь руководствоваться при рѣшеніи гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ не шаткими преданіями, а буквой писаннаго закона (303. 304). Назначеніе въ 387 году высшаго должностнаго лица исключительно для завѣдыванія судопроизводствомъ (стр. 296) и одновременно состоявшееся въ Римѣ и заимствованное отсюда всѣми латинскими общинами учрежденіе особаго полицейскаго вѣдомства (стр. 296. 347) ускорили отправленіе правосудія и обезпечили точное исполненіе судебныхъ приговоровъ. Этимъ полицеймейстерамъ или эдиламъ, натурально, была предоставлена и нѣкоторая доля судебной власти: они были обыкновенными гражданскими судьями по дѣламъ о продажахъ, которыя совершались на публичномъ рынкѣ и въ особенности на рынкахъ скотопригонномъ и невольничьемъ; они-же были судьями первой инстанціи въ дѣлахъ о взысканіяхъ и штрафахъ или — что по римскому праву было одно и то-же — дѣйствовали въ качествѣ публичныхъ обвинителей. Вслѣдствіе этого въ ихъ рукахъ находилось примѣненіе законовъ о штрафахъ и вообще столько-же неопредѣленное сколько политически-важное штрафное законодательство. Обязанности того-же рода, но болѣе низкаго разряда и касавшіяся преимущественно мелкаго люда были возложены на назначенныхъ въ 465 году трехъ ночныхъ надзирателей или палачей (*tres viri nocturni* или *caritales*): они завѣдывали ночной пожарной и охранявшей общественную безопасность полиціей и наблюдали за совершеніемъ смертныхъ казней, съ чѣмъ было скоро, а можетъ быть и съ самаго начала, связано право рѣшать нѣкоторыя дѣла короткимъ судомъ *). Наконецъ при постоянно расширявшемся объемѣ римской

289

*) Прежнее мнѣніе, будто эти троенаачальники существовали съ древнѣйшихъ временъ, ошибочно потому, что въ старинномъ государственномъ устройствѣ не было коллегій должностныхъ лицъ съ нечетнымъ числомъ членовъ [С h o p o l, стр. 15, прим. 12]. По всему вѣроятію слѣдуетъ держать хорошо удостовѣреннаго указанія, что они были назначены въ первый разъ въ 465 году [Livius, E p i t. II] и рѣшительно отвергнуть сомнительныя и по инымъ соображеніямъ

общины явилась необходимость, частью въ интересъ лицъ подсудныхъ, назначать въ отдаленныя мѣстности особыхъ судей для разбирательства по меньшей мѣрѣ незначительныхъ гражданскихъ дѣлъ; это нововведеніе обратилось въ постоянное правило для общинъ съ пассивными гражданскими правами (стр. 419) и, по всему вѣроятію, было распространено даже на отдаленныя общины, пользовавшіяся полными гражданскими правами *); то были первые зачатки римской муниципальной юрисдикціи, развивавшейся рядомъ съ собственно-римской юрисдикціей. — Въ гражданскомъ судопроизводствѣ, которое, по понятіямъ того времени обнимало большую часть преступленій, совершаемыхъ противъ согражданъ, было установлено закономъ (стр. 249), вслѣдъ за упраздненіемъ царской власти, уже ранѣе примѣнявшееся на практикѣ раздѣленіе процедуры на постановку передъ должностнымъ лицомъ юридическаго вопроса (*i u s*) и на разрѣшеніе этого вопроса назначеннымъ отъ должностнаго лица частнымъ человекомъ (*i u d i c i u m*); а этому раздѣленію было главнымъ образомъ обязано римское частное право своей логической и практической ясностью и опредѣленностью **). Въ дѣлахъ, касавшихся права

Измѣненія
въ порядкѣ
судопроиз-
водства.

выводъ фальсификатора Лиція Мацера [у Ливія 7, 46], который упоминаетъ объ ихъ существованіи ранѣе 450 года. Сначала троеначальники, безъ сомнѣнія, назначались высшими должностными лицами, точно такъ-же какъ и большинство позднѣйшихъ *magistratus minores*; Папиріевскій плебисцитъ, передавшій ихъ назначеніе въ руки общины [*Festus* подъ словомъ *Sacramentum*, стр. 344 M.], состоялся, конечно, послѣ учрежденія преторы для иностранцевъ, стало быть не ранѣе половины 6 столѣтія, такъ какъ въ немъ говорится о преторѣ: *qui inter civis ius dicit*.

*) Это видно изъ того, что говорить Ливій [9, 20] о переустройствѣ колоній Анція черезъ двадцать лѣтъ послѣ ея основанія; сверхъ того само собою ясно, что возложенная на жителей Остіи обязанность вести всѣ ихъ тяжбына дѣла въ Римѣ была бы для такихъ мѣстностей, какъ Анція и Сена, неисполнима на практикѣ.

**) Римлянъ обыкновенно превозносятъ, какъ такой народъ, который былъ одаренъ небывалыми способностями къ юриспруденціи, а его превосходному законодательству дивятся, какъ какому-то таинственному дару, ниспосланному свыше; это дѣлается, по всему вѣроятію для того, чтобы не пришлось краснѣть отъ стыда за свое собственное законодательство. Но достаточно указать на безпримѣрно—шаткое и неразвитое уголовное законодательство Римлянъ, чтобы убѣдить въ неосновательности этихъ мнѣній даже тѣхъ, для кого могло-бы показаться слишкомъ простымъ то основное правило, что у здороваго народа—законодательство здоровое, у больнаго—больное. Помимо тѣхъ болѣе общихъ политическихъ условий, отъ которыхъ юриспруденція находится въ зависимости и даже въ болѣе сильной зависимости, чѣмъ что-либо другое, главныя причины превосходства римскаго гражданского права заключаются: во-первыхъ въ томъ, что обвинитель и обвиняемый были обязаны прежде всего мотивировать и формулировать, обязательнымъ для себя образомъ, какъ требованіе, такъ и возраженіе; во-вто-

собственности, вопросъ о дѣйствительномъ владѣніи, до тѣхъ поръ разрѣшавшійся должностными лицами по ихъ личному безграничному произволу, былъ мало по малу подведенъ подъ установленныя закономъ правила и наряду съ правомъ собственности развилось право владѣнія, — вслѣдствіе чего должностныя лица снова утратили значительную долю своей власти. Въ уголовномъ судопроизводствѣ, народный судъ, до того времени составлявшій инстанцію помилованія, превратился въ установленную закономъ апелляціонную инстанцію. Если осужденный должностнымъ лицомъ обвиняемый апеллировалъ къ народу, то его дѣло разбиралось на трехъ общинныхъ собраніяхъ, причемъ постановившее приговоръ должностное лицо доказывало основательность своего приговора и такимъ образомъ фактически выступало въ роли публичнаго обвинителя; только при разбирательствѣ дѣла въ четвертый разъ дѣлался опросъ (*anquisitio*) и народъ или утверждалъ или отиѣнялъ приговоръ. Смягчать наказаніе не дозволялось. Тѣмъ-же республиканскимъ духомъ были проникнуты правила, что домъ служить охраной для гражданина, который можетъ быть арестованъ только вѣдъ дома, что слѣдственнаго ареста слѣдуетъ избѣгать и что всякій обвиненный, но еще не осужденный гражданинъ можетъ избѣгать послѣдствій обвинительнаго приговора, отказавшись отъ своихъ гражданскихъ правъ, — если только этотъ приговоръ касается не его имущества, а его личности; эти правила никогда не были легально формулированы и стало быть не были юридически обязательны для исполнявшаго роль обвинителя, должностнаго лица; тѣмъ не менѣе ихъ нравственный вѣсъ былъ такъ великъ, что они имѣли очень большое вліяніе на уменьшеніе смертныхъ казней. Однако, хотя римское уголовное право и свидѣтельствуетъ объ усиленіи въ ту эпоху гражданского духа и гуманности, оно страдало на практикѣ отъ сословныхъ распрей, вліяніе которыхъ особенно вредно въ этой сферѣ. Созданная этими распрями параллельная въ первой инстанціи уголовная юрисдикція всѣхъ общинныхъ должностныхъ лицъ (стр. 272) была причиной того, что въ римскомъ уголовномъ судопроизводствѣ не было ни постоянной слѣдственной власти ни тщательнаго предварительнаго дознанія; а такъ какъ уголовные приговоры въ послѣдней инстанціи постановлялись

рыхъ въ томъ, что для дальнѣйшаго правильнаго развитія законодательства былъ учрежденъ постоянный органъ и что этотъ органъ былъ поставленъ въ непосредственную связь съ юридической практикой. Одно предохранило Римлянъ отъ корыстолюбивыхъ уловокъ адвокатуры, другое — отъ неумѣло-придуманныхъ новыхъ законовъ, — насколько возможно предохранить себя отъ этихъ золъ; а съ помощью того и другаго, они по мѣрѣ возможности удовлетворяли два противоположныхъ требованія — чтобы законодательство было твердо установлено и чтобы оно всегда удовлетворяло требованіямъ времени.

въ законныхъ формахъ и законными органами, никогда не отвергая своего происхожденія отъ прерогативы милловать, и такъ какъ сверхъ того назначеніе полицейскихъ пеней вредно вліяло на очень схожіе съ нимъ уголовные приговоры, то эти приговоры представлялись не по буквѣ закона, а по личному произволу судей,— и не въ видѣ злоупотребленія, а какъ-бы въ духѣ государственныхъ учреждений. Римское уголовное судопроизводство утратило этимъ путемъ всякую основу и нившило на степень игрушки и орудія въ рукахъ политическихъ партій; это было тѣмъ менѣе извинительно, что хотя эта процедура была предназначена преимущественно для политическихъ преступленій, но она примѣнялась и къ другимъ преступленіямъ, какъ напримѣръ къ убійствамъ и къ поджигательствамъ. Сверхъ того медленность этой процедуры и республиканское высокоумѣнное презрѣніе къ негражданину были причиной того, что къ тому формальному судопроизводству привилось болѣе короткое уголовное или, вѣрнѣй, полицейское судопроизводство для рабовъ и для мелкаго люда. И въ этомъ случаѣ страстная борьба по поводу политическихъ процессовъ перешла за свои натуральныя границы и вызвала появленіе такихъ учреждений, которыя много способствовали тому, чтобъ мало-по-малу заглушить въ Римлянахъ понятіе о прочныхъ и нравственныхъ основахъ правосудія

Мы гораздо менѣе въ состояніи прослѣдить дальнѣйшее развитіе римскихъ понятій о религіи въ эту эпоху. Люди того времени вообще твердо держались безыскусственного благочестія предковъ и были одинаково далеки и отъ безвѣрія и отъ суевѣрій. Какъ живуча была еще въ ту пору основная идея римской религіи—одухотвореніе всего земнаго, видно изъ того, что, по всему вѣроятію, вслѣдствіе появленія въ 485 году ходячей серебряной монеты появился и новый богъ *Argentipus*, который, натурально, былъ сыномъ старѣйшаго бога *Aesulapus*.—Отношенія къ чужимъ странамъ оставались такими-же, какими были прежде; но эллинское вліяніе усиливалось и въ религіозной сферѣ и даже болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой. Только въ ту пору стали въ самомъ Римѣ воздвигать храмы греческимъ богамъ. Древнѣйшимъ изъ нихъ былъ храмъ Кастора и Поллукса, сооруженный вслѣдствіе обѣта, даннаго во время битвы при Регийскомъ озерѣ (стр. 336) и освященный 15 іюля 269 года. Связанная съ сооруженіемъ этого храма легенда гласитъ, что два юноши, отличавшіеся нечеловѣческой красотой и нечеловѣческимъ ростомъ, сражались въ рядахъ Римлянъ и немедленно послѣ окончанія битвы пошли своихъ покрытыхъ пѣной коней на римской площади у источника Ютурны, возвѣщая объ одержанной великой побѣдѣ; эта легенда носить на себѣ вовсе не римскій отпечатокъ и безъ всякаго сомнѣнія была стариннымъ воспроизведеніемъ похорожаго на нее въ своихъ подробностяхъ разсказа о появленіи Діоску-

Религія.

Новые боги.

269

485

ровъ въ знаменитой битвѣ, которая происходила лѣтъ за сто передъ тѣмъ между Кротонцами и Локрами у рѣки Сагры. Что касается дельфійскаго Аполлона, то не только отправлялись къ нему депутаціи, какъ это было въ обыкновеніи у всѣхъ народовъ, находившихся подъ вліяніемъ греческой культуры, и не только отсылались къ нему десятая часть военной добычи, какъ это было сдѣлано послѣ ваятія Вейевъ (360), но ему былъ также воздвигнутъ въ городѣ храмъ (323), возобновленный въ 401 году. То-же самое случилось въ концѣ этого періода съ Афродитой (459), которая какимъ-то непонятнымъ образомъ отождествилась съ древней римской богиней садовъ Венерой *), и то-же самое случилось съ Асклапіемъ или Эскулапіемъ (463), котораго выпросили у города Эпидавра въ Пелопоннесѣ и торжественно перевозили въ Римъ. Впрочемъ въ тяжелыя времена мѣстами раздавались жалобы на вторженіе иноземныхъ суевѣрій, то-есть, по всему вѣроятію, этрусскихъ гаруспицій (какъ это случилось въ 326 году); тогда полиція, конечно, обращала на этотъ предметъ надлежащее вниманіе. — Напротивъ того, въ Этруріи, — гдѣ нація коснѣла въ политическомъ ничтожествѣ и приходила въ упадокъ отъ празднои роскоши, — богословская монополія знати, тупоумный фатализмъ, безсодержательная и нелѣпая мистика, истолкованіе признаковъ и промыселъ нищенствующихъ пророковъ мало-по-малу достигали той высоты, на которой мы находимъ ихъ впоследствии. — Въ сферѣ жречества, сколько намъ извѣстно, не произошло значительныхъ перемѣнъ. Установленные около 465 года болѣе строгія мѣры взыскапія тѣхъ судебныхъ пеней, которыя шли на покрытіе расходовъ публичнаго богослуженія, свидѣтельствуютъ о возрастаніи государственныхъ расходовъ на этотъ предметъ, а это возрастаніе было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того, что увеличилось число боговъ и храмовъ. Уже ранѣе было нами замѣчено, что однимъ изъ вредныхъ послѣдствій сословныхъ распрей было чрезмѣрно-возростающее вліяніе коллегій свѣдущихъ людей. при содѣйствіи которыхъ кассировались политическіе акты (стр. 291); этимъ, съ одной стороны, расшатывались народныя вѣрованія, а съ другой — предоставлялось жрецамъ вредное вліяніе на общественныя дѣла.

Жречество.

289

Военное устройство. Въ военномъ устройствѣ произошолъ въ эту эпоху совершенный переворотъ. Древняя греко-италійская организація арміи, основанная, подобно Гомеровской, на выдѣленіи въ особый передовой отрядъ самыхъ лучшихъ бойцовъ, сражавшихся обыкновенно верхомъ, была замѣнена въ послѣднія времена царей легиономъ — древне-дорійской

*) Въ своемъ позднѣйшемъ значеніи Афродиты Венера появляется въ первый разъ при освященіи храма, который былъ ей посвященъ въ этомъ году [Ливій, 10, 31. Веcker, Topographische, стр. 472].

фалангой гоплитовъ, имѣвшей, по всему вѣроятію, восемь рядовъ въ глубину (стр. 92); съ тѣхъ поръ этотъ легионъ былъ главной опорой въ битвахъ, а конница, поставленная на флангахъ и сражавшаяся, смотря по обстоятельствамъ, то на конѣ, то пѣшкомъ, употреблялась преимущественно въ качествѣ резерва. Изъ этого военного строя развились почти одновременно: въ Македоніи—фаланга Сариссовъ, въ Италиі—манипулярный строй,—первая—путемъ сличенія и углубленія рядовъ, второй—путемъ дробленія и обособленія, а главнымъ образомъ посредствомъ раздѣленія стараго легиона изъ 8400 человекъ на два легиона изъ 4200 человекъ каждый. Старинная дорійская фаланга была организована для боя мечами и главнымъ образомъ копьями на близкомъ разстояніи, при чемъ метательному оружію предназначалась случайная и второстепенная роль. Напротивъ того, въ манипулярномъ легионѣ только третій строй имѣлъ копьѣ для рукопашнаго боя, а двумъ первымъ было дано вмѣсто того новое и своеобразное италійское метательное оружіе—*pilum* (дротикъ); это было четырехугольное или круглое древко, длиною въ пять съ половиною локтей съ трехъ или четырехъ-угольнымъ желѣзнымъ оконечникомъ; оно, быть можетъ, было первоначально введено для защиты лагерныхъ окоповъ, но скоро вошло въ употребленіе въ передовомъ строю арміи, откуда его метали въ непріятельскіе ряды на разстояніи отъ десяти до двадцати шаговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мечъ приобрѣлъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ какое имѣлъ короткій ножъ фаланги, такъ какъ залпъ дротиковъ имѣлъ главною цѣлію расчистить путь для атаки въ мечи. Кроме того, фаланга устремлялась на непріятеля вся разомъ, какъ одно могущественное копьѣ, между тѣмъ какъ въ новомъ италійскомъ легионѣ были фактически отдѣлены одна отъ другой тѣ болѣе мелкія части, которыя существовали и въ фалангѣ, но въ боевомъ строю сливались въ одно крѣпко сплоченное цѣлое. Сомкнутая колонна не только дѣлилась, какъ сказано выше, на двѣ одинаково сильныя части, но и каждая изъ этихъ частей снова дѣлилась въ глубину на три строя—Гастатовъ, Принцесовъ и Триаріевъ (имѣвшіе умѣренную глубину, по всему вѣроятію, въ четыре ряда) и распадалась въ фрунтовой линіи на десять ротъ (*manipuli*), такъ что между каждыми двумя строями и каждыми двумя ротами оставались замѣтные промежутки. То было лишь продолженіемъ той же индивидуализации, что совокупная борьба даже сокращенныхъ тактическихъ единицъ была отодвинута на задній планъ, а единичный бой былъ поставленъ на первый планъ, какъ это уже ясно видно изъ упомянутой выше рѣшительной роли, которую играли рукопашныя схватки и бой мечами. И система укрѣпленія лагерей получила своеобразное развитіе; вмѣсто, на которомъ армія располагалась лагеремъ хотя-бы только на одну ночь, всегда обносилось

Манипулярный легионъ.

Лагери.

правильными окопами и обращалось въ нѣчто похожее на крѣпость.

Конница. Напротивъ того, очень незначительны были перемены въ конницѣ, которая и въ манипулярномъ легионѣ сохранила такую-же второстепенную роль, какую занимала при фалангѣ. И офицерскія должности остались въ сущности безъ измѣненій; только во главѣ каждого изъ двухъ легионовъ регулярной арміи было поставлено столько-же военныхъ трибуновъ, сколько ихъ было до того времени во всей арміи, — стало-быть число штабъ-офицеровъ удвоилось (стр. 83). Какъ

Офицеры. кажется, въ то-же время установилось рѣзкое различіе между оберъ-офицерами, — достигавшими начальства надъ манипулами, какъ и простые солдаты, съ мечомъ въ рукахъ и переходившими изъ низшихъ манипулъ въ высшія путемъ постепеннаго повышенія, — и начальствовавшими надъ каждымъ легиономъ шестью военными трибунами, для которыхъ не существовало постепенности въ повышеніи и въ которые обыкновенно назначались люди изъ высшаго сословія. Поэтому важное значеніе имѣлъ тотъ фактъ, что прежде и оберъ-офицеры и штабъ-офицеры назначались главнокомандующимъ, а съ 392 года часть этихъ послѣднихъ должностей раздавалась по выбору гражданства (стр. 306). Наконецъ и старинная, до крайности

Военная дисциплина. строгая, военная дисциплина осталась безъ измѣненій. За главнокомандующимъ осталось прежнее право снять съ плечъ голову у каждого служащаго въ его лагерьѣ человѣка и наказать розгами штабъ-офицера точно такъ-же, какъ и простаго солдата, а наказанія этого рода налагались не только за обыкновенныя преступленія, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда офицеръ позволялъ себѣ уклониться отъ данныхъ ему приказаній или когда какой-нибудь отрядъ былъ застигнутъ въ располѣхъ или бѣжалъ съ поля сраженія. Однако новая военная организація требовала гораздо болѣе тщательной и болѣе продолжительной боевой выучки, чѣмъ какаѣ была нужна при прежней фалангѣ, которая давленіемъ массы сдерживала и плохо обученныхъ. А такъ какъ въ Римѣ не образовалось особаго солдатскаго сословія и армія по прежнему состояла изъ гражданъ, то этой цѣли достигли главнымъ образомъ тѣмъ, что солдатъ стали раздѣлять на разряды не по состоянію, какъ это дѣлалось прежде (стр. 90), а по старшинству службы. Римскій рекрутъ сталъ теперь поступать въ число легко-вооруженныхъ людей, сражавшихся внѣ боеваго строя и дѣйствовавшихъ преимущественно пращами (гогагіи); за тѣмъ онъ постепенно повышался сначала до перваго, потомъ до втораго строя, и наконецъ поступалъ въ разрядъ Триаріевъ, который состоялъ изъ долго-служившихъ и опытныхъ солдатъ и, не смотря на свою сравнительную малочисленность,

Военныя достоинства давалъ тонъ всей арміи. — Превосходства этой военной организаціи, сдѣлавшіяся главной причиной политическаго преобладанія манипуляр-римской общины, основаны въ сущности на трехъ главныхъ военнаго легиона.

ныхъ принципахъ — на резервъ, на соединеніи боя на близкомъ разстояніи съ боемъ на далекомъ разстояніи и на соединеніи обороны съ наступленіемъ. Система резервовъ уже отчасти примѣнялась въ старинномъ употребленіи конницы; но теперь она была вполне развита раздѣленіемъ арміи на три строя и тѣмъ, что отрядъ самыхъ опытныхъ солдатъ приберегался для послѣдняго и рѣшительнаго натиска. Между тѣмъ, какъ эллинская фаланга была односторонне усовершенствована для боя на близкомъ разстояніи, а вооруженные лугомъ и легкимъ дротикомъ восточные конные отряды односторонне усовершенствовали средства борьбы на дальнемъ разстояніи, — у Римлянъ совокупное употребленіе въ дѣло и тяжелаго метательнаго копья и меча составляло, какъ было основательно замѣчено, такой же прогрессъ, какимъ было въ новѣйшемъ военномъ искусствѣ введеніе ружей со штыками; градъ метательныхъ копій служилъ подготовкой къ бою на мечахъ точно такъ же, какъ въ наше время залпъ изъ ружей служить подготовкой къ атакѣ въ штыки. Наконецъ усовершенствованное устройство лагерей дозволяло Римлянамъ соединять выгоды оборонительной войны съ выгодами войны наступательной и, смотря по обстоятельствамъ, принимать или непринимать сраженіе, а въ первомъ случаѣ сражаться подлѣ лагернаго вала, какъ подлѣ стѣнами крѣпости, — оттого-то и существовала римская поговорка, что Римляне побѣждаютъ подсиживаньемъ. — Само Присходение ма-
рискимъ или, по меньшей мѣрѣ, италійскимъ преобразованіемъ и нипулярнаго
усовершенствованіемъ старинной эллинской тактики, опиравшейся на фалангу; если нѣкоторые зачатки системы резервовъ и обособленія мелкихъ военныхъ отрядовъ и встрѣчаются у позднѣйшихъ греческихъ стратеговъ, въ особенности у Ксенофонта, то этимъ доказывается только то, что и тамъ сознавали неудовлетворительность старой системы, но не умѣли ее устранить. Во время войны съ Пирромъ манипулярный легіонъ уже является въ полномъ развитіи; но когда и при какихъ обстоятельствахъ совершилось это развитіе, и совершилось-ли оно разомъ или мало-по-малу, уже нѣтъ возможности рѣшить. Когда Римлянамъ пришлось сражаться съ мечевой фалангой Кельтовъ, они въ первый разъ познакомились съ новой тактикой, которая существенно отличалась отъ древней италійско-эллинской, и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что разчлененіе арміи и фронтовые промежутки между манипулами были введены съ цѣлію ослабить и дѣйствительно ослабили первый и единственно опасный натискъ этой фаланги; это предположеніе подтверждается и тѣмъ, что, по дошедшимъ до насъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, преобразователемъ римскаго военнаго устройства считался Маркъ Фурій Камиллъ, который былъ самымъ выдающимся изъ римскихъ полководцевъ въ эпоху

войнъ съ Галлами. Другія преданія, относящіяся къ войнамъ съ Самнитами и съ Пирромъ, и недостаточно достовѣрны и неполнѣ между собой согласны *), хотя само по себѣ правдоподобно, что многолѣтняя война въ горахъ Самніи имѣла вліяніе на индивидуальное развитіе римскихъ солдатъ и что борьба съ однимъ изъ лучшихъ зватовъ военного дѣла, вышедшихъ изъ школы Александра Великаго, вызвала прочныя техническія улучшенія въ римскомъ военномъ устройствѣ.

Народное хозяйство. Въ сферѣ народнаго хозяйства хлѣбопашество по прежнему было соціальной и политической основой какъ римской общины, такъ и новаго италійскаго государства. Изъ римскихъ земледѣльцевъ состояли и общинныя собранія и войско; то, что они пріобрѣтали въ качествѣ солдатъ мечомъ, они упрочивали за собой, въ качествѣ колонистовъ, плугомъ. Обремененіе средняго землевладѣльческаго класса долгами привело въ третьемъ и четвертомъ столѣтіяхъ къ страшнымъ внутреннимъ потрясеніямъ, отъ которыхъ, по видимому, неизбѣжно должна была погибнуть юная республика; восстановление благосостоянія латинскихъ землевладѣльцевъ, происшедшее въ пятомъ столѣтіи частію благодаря громадной раздачѣ земель и инкорпорациямъ, частію благодаря пониженію процентовъ и увеличенію римскаго населенія, было и послѣдствіемъ и причиною сильнаго развитія римскаго могущества, — не даромъ-же Пирръ своимъ проницательнымъ взглядомъ война усматривалъ причину политическаго и военнаго преобладанія Римлянъ въ цвѣтущемъ положеніи римскихъ земледѣльцевъ. Но и появленіе крупныхъ хозяйствъ въ римскомъ хлѣбопашествѣ, повидимому, относится къ тому-же времени. И въ болѣе древнюю пору также существовало землевладѣніе, которое можно назвать по меньшей мѣрѣ сравнительно круп-

*) По римскимъ преданіямъ, у Римлянъ были первоначально въ употребленіи четырехугольные щиты; потомъ они заимствовали отъ Этрусковъ круглый щитъ голятовъ [clipeus, ἀσπίς], а отъ Самнитовъ — позднѣйшій четырехугольный щитъ [scutum, θυρεός] и метательное копье [veru; Diodor. Vat. Fr. стр. 54; Sallust. Cat., 51, 38; Виргилій, Aen. 7, 665; Festus, Ер. v. Samnites, стр. 327 Müll. и Marquardt Handb. 3, 2, 241]. Однако можно считать за несомнѣнное, что щитъ голятовъ, то-есть дорійскую организацію фаланги Римляне заимствовали непосредственно отъ Эллиновъ, а не отъ Этрусковъ. Чтѣ-же касается до scutum, то зтогъ большой, выгнутый въ формѣ цилиндра, кожаный щитъ, безъ сомнѣнія, замѣнилъ гладкій мѣдный clipeus въ то время, какъ фаланга раздѣлилась на манипулы; однако несомнѣнное происхожденіе этого названія отъ греческаго слова заставляетъ сомнѣваться въ заимствованіи этого щита отъ Самнитовъ. Отъ Грековъ Римляне получили и пращу [funda отъ σφειδούη, какъ fides отъ σφίδη, см. стр. 224]. Pilum вообще считался у древнихъ римскихъ изобрѣтеніемъ.

нимъ; но хозяйство велось тамъ не на широкую ногу, а распалось на нѣсколько мелкихъ хозяйствъ (стр. 189). Древнѣйшимъ зачаткомъ позднѣйшаго сосредоточеннаго хозяйства *) можно считать постановленіе 387 года (которое хотя и не было несомнѣннѣею стѣ древнѣйшимъ способомъ обработки полей, но было болѣе походящее въ новому способу), которое обязывало землевладѣльца употреблять вмѣстѣ съ рабами соразмѣрное число свободныхъ людей (стр. 293), и достоиннѣе вниманія тотъ фактъ, что даже при этомъ первомъ своемъ появленіи такое хозяйство было основано главнымъ образомъ на рабовладѣніи. Какимъ образомъ оно возникло, мы не въ состояніи объяснить; весьма возможно, что карфагенскія плантанціи въ Сициліи служили образцомъ еще для древнѣйшихъ римскихъ землевладѣльцевъ и, быть можетъ, даже воздѣлываніе пшеницы на ряду съ полбой (стр. 185), введенное въ сельскомъ хозяйствѣ, по мнѣнію Варрона, незадолго до эпохи децемвировъ, находилось въ связи съ этимъ измѣненнымъ способомъ воздѣлыванія полей. Еще труднѣе рѣшить, въ какой мѣрѣ была въ ту эпоху распространена эта хозяйственная система; но что она еще не была въ ту пору общимъ правиломъ и еще не успѣла поглотить сословіе италійскихъ земледѣльцевъ, — объ этомъ неоспоримо свидѣтельствуетъ исторія Аннибаловской войны. Но повсюду, гдѣ она примѣнялась, она уничтожала прежнюю клиентелу, основанную на выпрошенномъ владѣніи, точно такъ какъ нынѣшнее хозяйство возникло болѣею частію путемъ уничтоженія крестьянскихъ хозяйствъ и превращенія плуговыхъ участковъ въ барскія поля. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что именно уничтоженіе этой клиентелы было одною изъ главныхъ причинъ стѣсненнаго положенія мелкихъ земледѣльцевъ.

О внутреннихъ сношеніяхъ Италійцевъ между собою намъ ровно ничего не говорятъ письменные источники; только монеты даютъ намъ нѣкоторыя объ этомъ указанія. Уже ранѣе было замѣчено (стр. 193), что за исключеніемъ греческихъ городовъ и этрусской Пулуноніи, въ Италіи вовсе не чеканили монетъ въ теченіи трехъ первыхъ столѣтій отъ основанія Рима и что средствомъ для мѣны служили сначала рогатый скотъ, а потомъ мѣдъ по вѣсу. Къ эпохѣ, о которой теперь идетъ рѣчь, относится переходъ Италійцевъ отъ мѣновой системы къ денежной, причемъ въ началѣ, конечно, придерживались греческихъ образцовъ. Между тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что въ средней Италіи служила металломъ для монетъ мѣдъ, а не серебро, и монетной единицей служила прежняя

367

Внутреннія
сношенія въ
Италіи.

*) И Варронъ [De re rust. 1, 2, 9], очевидно, считаетъ виновника Лициневскаго аграрнаго закона за такого человѣка, который самъ велъ хозяйство въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ; впрочемъ этотъ рассказъ могъ быть выдуманъ для объясненія прозвища.

единица цѣнности—фунтъ мѣди; послѣдствіемъ этого было то, что тамъ монету отливали, а не чеканили, потому что для такихъ большихъ и тяжелыхъ кусковъ металла всякое клеймо оказалось-бы недостаточнымъ. Тѣмъ не менѣе, какъ кажется, уже искони существовало неизмѣнно установленное соотношеніе между мѣдью и серебромъ (250 : 1) и сообразно съ нимъ выпускалась мѣдная монета, такъ что, напримѣръ, въ Римѣ большой кусокъ мѣди, называвшійся ассомъ, равнялся по цѣнѣ съ однимъ скрупуломъ ($= \frac{1}{223}$ фунта) серебра. Въ историческомъ отношеніи болѣе замѣчательнъ тотъ фактъ, что италійскія монеты, по всему вѣроятію, вели свое начало изъ Рима и именно отъ децемвировъ, которые нашли въ Солоновскомъ законодательствѣ образецъ и для регулированія монетной системы, и что изъ Рима эти монеты распространились въ нѣкоторыхъ латинскихъ, этрусскихъ, умбрійскихъ и восточно-италійскихъ общинахъ, — а это служитъ яснымъ доказательствомъ того, что Римъ занималъ въ Италіи преобладающее положеніе уже съ начала четвертаго столѣтія. Такъ какъ всѣ эти общины были формально независимы одна отъ другой, то и монетная система была у каждой изъ нихъ мѣстная и каждая территория составляла особый монетный округъ; однако типы мѣдныхъ монетъ въ средней и въ сѣверной Италіи подходятъ подъ три группы, въ предѣлахъ которыхъ, какъ кажется, считались одинаковыми тѣ монеты, которыя были въ общемъ употребленіи. Это были, во-первыхъ, монеты этрусскихъ и умбрійскихъ городовъ, находившихся на сѣверѣ отъ Циминійскаго лѣса, во-вторыхъ монеты Рима и Лаціума, въ-третьихъ монеты восточнаго побережья. Что римскія монеты были уравнены съ серебромъ только по вѣсу, уже было замѣчено ранѣе; напротивъ того, монеты италійскаго восточнаго побережья были приведены въ опредѣленное соотношеніе съ тѣми серебряными монетами, которыя были изстари въ ходу въ южной Италіи и типъ которыхъ былъ усвоенъ не только пришлыми племенами — Бреттіями, Луканцами, Ноланцами, но даже находившимися тамъ латинскими колоніями, какъ, напримѣръ, Калесомъ и Суэссой, и даже самими Римлянами для ихъ нижне-италійскихъ владѣній. Соотвѣтственно этому и италійская внутренняя торговля должна была распасться на тѣ-же сферы, которыя относились одна къ другой такъ, какъ относятся къ иновемцамъ.

Заморская торговля. Въ сферѣ заморской торговли въ эту эпоху все еще существовали или, вѣрнѣе, именно тогда возникли тѣ сицилійско-латинскія, этрусско-аттичскія и адриатико-тарентинскія торговыя сношенія, о которыхъ было говорено ранѣе (стр. 197 и сл.); поэтому и къ этой эпохѣ могутъ быть отнесены тѣ факты, которые обыкновенно приводятся безъ указанія времени и которые были нами соединены въ одно цѣлое при описаніи предшествовавшей эпохи. И здѣсь самыя ясныя

указанія можно извлекать изъ монетъ. Подобно тому, какъ чеканка этрусскихъ серебряныхъ денегъ по аттическому образцу (стр. 198) и притокъ италійской, въ особенности латинской мѣды въ Сицилію (стр. 199) свидѣтельствуютъ о тѣхъ двухъ первыхъ торговыхъ путяхъ, и только-что упомянутое уравненіе велико-греческихъ серебряныхъ денегъ съ пиценской и апулійской мѣдной монетой свидѣтельствуютъ, наряду съ множествомъ другихъ указаній, объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ ниже-италійскихъ Грековъ, въ особенности Тарентинцевъ, съ восточно-италійскимъ побережемъ. Напротивъ того, изетари болѣе оживленные торговые сношенія Латинцевъ съ кампанскими Греками, какъ кажется, пострадали отъ переселенія Сабелловъ и не имѣли большого значенія въ теченіе первыхъ полутора столѣтій существованія республики, а тотъ фактъ, что жившіе въ Капуѣ и въ Кумахъ Самниты отказались снабдить Римлянъ хлѣбомъ во время голода 343 года, служитъ доказательствомъ того, какъ измѣнились отношенія между Лациумомъ и Кампаніей; только въ началѣ пятого столѣтія, благодаря успѣхамъ римскаго оружія, эти отношенія были восстановлены и сдѣлались еще болѣе тѣсными. Что касается частныхъ, то мы можемъ упомянуть какъ объ одномъ изъ немногихъ хронологически опредѣленныхъ фактовъ, относящихся къ исторіи римскихъ торговыхъ сношеній, о той подробности, извлеченной изъ ардеатской хроники, что въ 454 году прибылъ изъ Сициліи въ Ардею первый брадобрѣй; мы также можемъ на минуту остановить наше вниманіе на раскрашенной глиняной посудѣ, которая шла въ Луканію, Кампанію и Этрурію преимущественно изъ Аттики, но также и изъ Керкиры и изъ Сициліи, и употреблялась тамъ на украшеніе могильныхъ склеповъ; объ этомъ промыслѣ до насъ случайно дошло болѣе свѣдѣній, чѣмъ о какомъ-либо другомъ предметѣ заморской торговли. Начало ввоза этихъ произведеній можетъ быть отнесено ко времени изгнанія Тарквиніевъ, такъ какъ очень рѣдко находимые въ Италіи сосуды древнѣйшаго стиля были, по всему вѣроятію, раскрашены во второй половинѣ третьяго столѣтія отъ осн. Р., между тѣмъ какъ чаще встрѣчающіеся сосуды въ болѣе строгомъ стилѣ принадлежать первой половинѣ четвертаго столѣтія, сосуды самые совершенные по красотѣ принадлежать второй половинѣ четвертаго столѣтія, а огромное количество другихъ сосудовъ, нерѣдко замѣчательныхъ великолѣпіемъ и величиной, но рѣдко отличающихся изяществомъ обдѣлки, должно быть отнесено къ слѣдующему столѣтію. И это обыкновеніе украшать гробницы было заимствовано Италійцами отъ Элліновъ; но скромныя средства Грековъ и ихъ тонкій вкусъ не позволяли этому обыкновенію выходить изъ тѣсныхъ рамокъ, между тѣмъ какъ въ Италіи оно было расширено далѣе своихъ первоначальныхъ и приличныхъ предѣловъ съ варварской роскошью и съ варварской расточительностью. Знаменателенъ и тотъ

411

300

450—400

400—350

350—250

фактъ, что эта роскошь встрѣчается въ Италіи только въ странахъ эллинской полу-культуры; а тотъ, кто умѣетъ разбирать такіа письма, найдетъ въ служившихъ рудниками для нашихъ музеевъ этрусскихъ и кампанскихъ кладбищахъ краснорѣчивые комментаріи къ древнимъ рассказамъ объ этрусской и кампанской полу-цивилизациі, задыхавшейся отъ богатства и отъ высокомерія (стр. 335. 351). Напротивъ того, простота самнитскихъ нравовъ во всё времяа чуждалась этой безразсудной роскоши; незначительное развитіе торговыхъ сношеній и городской жизни у Самнитовъ обнаруживается столько-же въ отсутствіи греческихъ могильныхъ украшеній, сколько въ отсутствіи національной самнитской монеты. Еще значительнѣе тотъ фактъ, что съ этими могильными украшеніями почти вовсе не былъ знакомъ и Лаціумъ, несмотря на то, что онъ не менѣе Этрурии и Кампаніи былъ близокъ къ Грекамъ и что находился съ ними въ самыхъ тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Въ особенности въ виду того, что одинъ Пренестъ отличался совершенно своеобразнымъ устройствомъ гробницъ, можно считать болѣе нежели вѣроятнымъ, что приведенный фактъ слѣдуетъ приписать влиянію строгихъ римскихъ нравовъ или, пожалуй, влиянію суровой римской полиціи. Въ самой тѣсной съ нимъ связи находятся какъ ранѣ упомянутыя запрещенія, которыя были наложены еще законами Двѣнадцати Таблицъ на пурпуровые гробовые покровы и на золотыя украшенія, которыми окружали мертвыхъ, такъ и изгнаніе изъ домашняго хозяйства серебряной посуды, за исключеніемъ солонки и жертвеннаго ковша, насколько этого можно было достигнуть строгостью нравовъ и страхомъ, который внушали цензорскія порицанія; и въ архитектурѣ мы находимъ такое-же нерасположеніе какъ къ грубой, такъ и къ изящной роскоши. Однако, хотя въ Римѣ, благодаря такимъ влияніямъ, внѣшняя простота и сохранялась долѣе, нежели въ Вольсиніяхъ и въ Капуѣ, но изъ этого не слѣдуетъ дѣлать заключеніе о ничтожествѣ его торговли и промышленности, ивстари служившихъ наряду съ земледѣліемъ основой для его благосостоянія; напротивъ того и на нихъ отразилось новое господствующее положеніе, котораго достигъ Римъ.

Римскіе капиталисты. Въ Римѣ дѣло не дошло до развитія настоящаго городского средняго сословія, то-есть сословія независимыхъ ремесленниковъ и торговцевъ. Причиной этого было существованіе рабовъ наряду съ рано обнаружившейся чрезмѣрной централизаціей капиталовъ. Въ древности было обыкновеннымъ явленіемъ и въ сущности неизбежнымъ послѣдствіемъ существованія рабства, что желкими городскими промыслами занимались или рабы, получившіе отъ своихъ господъ средства для заведенія промышленности или торговли, или же вольноотпущенники, которымъ ихъ прежній господинъ очень часто давалъ необходимый для предпріятія капиталъ и отъ которыхъ онъ требо-

валъ постоянной доли, а нерѣдко и половины барышей. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Римѣ постоянно усиливалось развитіе мелкихъ промысловъ и мелкой торговли; даже есть указанія на то, что въ Римѣ начинали сосредоточиваться тѣ промыслы, которые служатъ къ удовлетворенію роскоши, свойственной большимъ городамъ, — такъ напримѣръ фикоронскій туалетный ларчикъ былъ сдѣланъ въ пятомъ столѣтіи отъ основанія города пренестинскимъ мастеромъ и проданъ въ Пренестъ, но былъ обдѣланъ въ Римѣ *). Но и чистая прибыль отъ мелкой промышленности поступала болѣею частію въ кассы крупныхъ торговцевъ; поэтому средній классъ промышленниковъ и торговцевъ не могъ развиваться въ соответствующемъ размѣрѣ. Съ другой стороны оптовые торговцы и крупные промышленники почти ничѣмъ не отличались отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Причиной этого было во-первыхъ то, что крупные землевладѣльцы на стары (стр. 200. 265) занимались торговыми оборотами и были капиталистами и что въ ихъ рукахъ сосредоточивались ссуды подъ обезпеченія, оптовая торговля, поставки и работы для государства. Во вторыхъ, такъ какъ землевладѣніе имѣло огромное нравственное значеніе въ римской республикѣ и съ нимъ было связано исключительное обладаніе политическими правами, подвергшееся въ некоторымъ ограниченіямъ лишь въ концѣ этой эпохи (стр. 305), то не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ ту пору счастливый спекуляторъ затрачивалъ часть своего капитала на пріобрѣтеніе недвижимости. И изъ того, что осѣдлымъ вольноотпущенникамъ были предоставлены политическія преимущества (стр. 305), достаточно ясно видно, что римскіе государственные люди старались этимъ путемъ уменьшить опасный классъ богатыхъ людей, не имѣвшихъ недвижимой собственности.

Однако, не смотря на то, что въ Римѣ не образовалось ни зажиточнаго городского средняго сословія ни строго замкнутаго класса капиталистовъ, все-таки онъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ характеръ большаго города. На это ясно указываютъ: возрастающее число стекавшихся въ столицу рабовъ (какъ это видно по очень опасному заговору, составленному рабами въ 335 году) и въ особенности огромное число вольноотпущенниковъ, присутствіе которыхъ становилось все болѣе и болѣе неудобнымъ и опаснымъ, какъ это видно изъ того, что въ 397 году отпущеніе рабовъ на волю было обложено значительнымъ налогомъ (стр. 300), а въ 450 году были

Развитіе
Рима въ
качествѣ
большаго
города.

419

357
304

*) Предположеніе, что художникъ, по имени Новій Плавтіи, приготовившій этотъ ларчикъ въ Римѣ для Дядіи Маколніи, былъ уроженецъ Кампаніи, опровергается недавно найденными старинными пренестянскими надгробными камнями, на которыхъ въ числѣ другихъ Маколніевъ и Плавтіевъ появляется и сынъ Плавтія Луцій Маргульній [L. Magolnio Plau. f.].

ограничены политическія права вольноотпущенниковъ (стр. 306). Причиной такого положенія дѣлъ было не только то, что большинство отпущенныхъ на волю рабовъ по необходимости посвящало себя промышленности или торговлѣ, но и то, что самое отпущеніе рабовъ на волю было у Римлянъ, — какъ мы замѣтили ранѣе, — не столько дѣломъ великодушія, сколько промышленной спекуляціей, такъ какъ для рабовладѣльца не рѣдко было выгодно имѣть долю въ промышленныхъ или торговыхъ предпріятіяхъ вольноотпущенника, чѣмъ присвоивать себѣ весь заработокъ раба. Поэтому отпущеніе рабовъ на волю становилось все болѣе и болѣе частымъ явленіемъ по мѣрѣ того, какъ усиливалась промышленная и торговая дѣятельность Римлянъ.

Такимъ-же указаніемъ на усиливавшееся значеніе городской жизни въ Римѣ служить сильное развитіе городской полиціи. Большею частью къ тому-же времени относятся постановленія о раздѣленіи города между четырьмя эдилами на четыре полицейскихъ округа и принятія этими эдилами мѣры для столько-же важнаго, сколько труднаго содержанія въ должномъ порядкѣ сѣти малыхъ и большихъ сточныхъ каналовъ, проведенныхъ по всему городу, равно какъ публичныхъ зданій и площадей, для очистки и мощенія улицъ, для уничтоженія грозящихъ разрушеніемъ зданій, опасныхъ животныхъ и зловонія, для удаленія экипажей кромѣ вечерней и ночной поры и вообще для поддержанія безпренятственныхъ сообщеній, для постоянного снабженія главнаго городского рынка хорошимъ и дешевымъ хлѣбомъ, для уничтоженія вредныхъ для здоровья товаровъ и фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ и для тщательнаго надзора за банями, кабаками и домами тернимости. — По строительной части въ царскомъ періодѣ и въ особенности въ эпоху великихъ завоеваній было сдѣлано едва-ли не болѣе, чѣмъ въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ республики. Такія сооруженія, какъ храмы на Капитоліи и на Авентинѣ и большой циркъ, могли внушать бережливымъ городскимъ правителямъ такое-же отвращеніе, какъ и отбывавшимъ рабочія повинности гражданамъ, и достойнъ вниманія тотъ фактъ, что едва-ли не самое значительное сооруженіе временъ республики до начала самнитскихъ войнъ — храмъ Цереры подлѣ цирка былъ дѣломъ Спурія Кассія (261), который во многихъ отношеніяхъ пытался вернуться къ традиціямъ царской эпохи. И роскошь въ частной жизни сдерживалась властвовавшей въ Римѣ аристократіей съ такой строгостью, до которой, конечно, никогда не дошла-бы царская власть при болѣе продолжительномъ существованіи. Но въ концѣ-концевъ и сенату стало не по силамъ итти противъ требованій своего времени. Аппій Клавдій былъ тотъ, кто въ достопамятную эпоху своего цензорства (442) отложилъ въ сторону устарѣлую крестьянскую систему бережливости и научилъ своихъ согражданъ тратить

493

Развитіе
строитель-
наго искус-
ства.
312

общественныя средства достойнымъ образомъ. Онъ положилъ начало той грандіозной системѣ общественныхъ сооруженийъ, которая лучше всего другаго оправдывала военные успѣхи Рима съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія и которая до настоящаго времени даетъ въ своихъ развалинахъ нѣкоторое понятіе о величіи Рима даже тѣмъ тысячамъ людей, которыя никогда не прочли ни одной страницы изъ римской исторіи. Римское государство было обявано ему проведеніемъ первой большой шоссейной дороги, а городъ Римъ—первымъ водопроводомъ. Идя по слѣдамъ Клавдія, римскій сенатъ обвинилъ Италию сѣтью тѣхъ дорогъ и крѣпостей, сооруженіе которыхъ было ранѣе описано (стр. 418) и безъ которыхъ не можетъ держаться никакая военная гегемонія, какъ это доказываетъ исторія всѣхъ военныхъ державъ, начиная со временъ Ахеменидовъ и вплоть до временъ того, кто провелъ дорогу черезъ Симионъ. По примѣру Клавдія, Маній Курій построилъ второй городской водопроводъ на отнятую у Пирра добычу (482), а за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (464) употребилъ доставленныя успѣшной сабинской войной средства на расширеніе русла рѣки Веліно въ томъ мѣстѣ, гдѣ она впадаетъ выше Терни въ Неру; это было сдѣлано Куріемъ съ цѣлю очистить на осушенной такимъ способомъ прекрасной долины Ріети мѣсто для большой гражданской колоніи и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсть для самого себя скромный участокъ пахатной земли. Такія сооруженія помирали даже въ глазахъ благоразумныхъ людей безцѣльное великолѣпіе эллинскихъ храмовъ. И въ житейской обстановкѣ гражданъ произошла перемѣна. Около временъ Пирра стала появляться у Римлянъ за столомъ серебряная посуда *), а гонтовыя крыши стали, по словамъ лѣтописцевъ, исчезать въ Римѣ съ 470 года. Новая столица Італіи наконецъ мало-по-малу сбросила съ себя внѣшній видъ деревни и начала украшаться. Хотя въ ту пору еще не существовало обыкновенія обирать украшенія храмовъ въ завоеванныхъ городахъ и перевозить ихъ въ Римъ, но за то уже красовались на ораторской трибунѣ среди городской площади носы отнятыхъ у Анція галеръ (стр. 356), а въ дни общественныхъ празднествъ выставлялись вдоль лавочныхъ палатокъ на рынкѣ обдѣланные въ золото щиты, которые были подобраны на поляхъ сраженій въ Самніи (стр. 369). Въ особенности штрафныя сборы употреблялись на

272 290

284

*) Мы уже имѣли случай упомянуть [стр. 428] о цензорскомъ порицаніи, которому подвергся Публій Корнелій Руфинъ [консулъ 464 и 477 годовъ] за свою серебряную столовую посуду. Странное утверженіе Фабія [у Страбона 5, стр. 228], что Римляне стали предаваться роскоши [αἰσθησέσθαι τοῦ πλοῦτος] лишь послѣ того, какъ одолѣли Сабиновъ, очевидно, было переложеніемъ того же анекдота на историческій языкъ, такъ какъ одолѣніе Сабиновъ совпадаетъ съ первымъ консульствомъ Руфина.

290 277

мощеніе дорогъ внутри и внѣ города или на постройку и украшеніе общественныхъ зданій. Тянувшіяся на двухъ сторонахъ рынка, деревянныя лавки мясниковъ были замѣнены каменными галереями мѣняль сначала со стороны Палатина, а потомъ и съ той стороны, которая обращена къ Каринамъ; такимъ образомъ эта площадь превратилась въ римскую биржу. Частію въ замкѣ, частію на городской площади были поставлены статуи знаменитыхъ людей прошлаго времени—царей, жрецовъ, героевъ легендарной эпохи и греческаго гостя, познакомившаго децемвировъ съ содержаніемъ Солоновскихъ законовъ, также почетныя колонны и памятники въ честь великихъ народныхъ вождей, побѣдившихъ Вейнтовъ, Латиновъ и Самнитовъ, въ честь пословъ, погибшихъ при исполненіи возложенныхъ на нихъ порученій, въ честь богатыхъ женщинъ, употребившихъ свое богатство на общественную пользу и даже въ честь прославленныхъ греческихъ мудрецовъ и героевъ, какъ напримѣръ Пифагора и Алкивиада. Такимъ образомъ, когда римская община сдѣлалась великой державой, и Римъ сдѣлался великимъ городомъ.

Курсъ серебра.

Наконецъ, въ качествѣ главы римско-италійской конфедерации, Римъ не только вступилъ въ систему организованныхъ по эллинскому образцу государствъ, но также усвоилъ эллинскую денежную и монетную систему. До той поры общины сѣверной и средней Италіи, за немногими исключеніями, чеканили только мѣдную монету; напротивъ того, города южной Италіи чеканили преимущественно серебряную монету, такъ что въ Италіи было столько монетныхъ единицъ и монетныхъ системъ, сколько было самодержавныхъ общинъ. Въ 485 году всѣ эти монетныя системы были сведены къ чеканкѣ только мелкой монеты; для всей Италіи былъ установленъ общій денежный курсъ и чеканка ходячей монеты была сосредоточена въ Римѣ; только въ Капуѣ осталась въ ходу ея прежняя серебряная монета, которая хотя и выпускалась подъ римскимъ названіемъ, но чеканилась по иной пробѣ. Новая монетная система была основана на томъ-же дегальномъ соотношеніи между двумя металлами, какое было издавна установлено (стр. 440); общей монетной единицей была признана монета въ десять ассовъ или денарій, который мѣдью всилъ $7\frac{1}{2}$, а серебромъ $\frac{1}{2}$ римскаго фунта,—то-есть немного болѣе аттической драхмы. Первоначально чеканилась преимущественно мѣдная монета, а самые древніе серебряныя денаріи чеканились, по всему вѣроятію, преимущественно для нижней Италіи и для торговыхъ сношеній съ чужими краями. Но подобно тому, какъ побѣды Римлянъ надъ Пирромъ и надъ Тарентинцами и отправка римскаго посольства въ Александрію должны были внушать тревожныя мысли греческимъ государственнымъ людямъ того времени, и осмотрительные греческіе торговцы должны были подозрительно смотрѣть на эти новыя римскія драхмы; это были пло-

скія, не искусно обдѣланныя и съ виду однообразныя монеты, которыя, конечно, казались плохими и неизящными въ сравненіи съ тогдашними чрезвычайно красивыми монетами Пирра и Сицилійцевъ, но которыя тѣмъ не менѣе вовсе не были такимъ-же рабскимъ подражаніемъ, какъ древнія монеты варваровъ, несхожія между собою ни по вѣсу ни по пробѣ, а, напротивъ того, по своей самостоятельной и добросовѣстной чеканкѣ, могли съ самаго начала стать на одномъ уровнѣ со всякими греческими монетами.

Итакъ, если мы оставимъ въ сторонѣ развитіе государственныхъ учреждений и народныхъ распри изъ-за владычества и свободы, новавшія всю Италію и въ особенности Римъ со времени изгнанія рода Тарквиніевъ до покоренія Самнитовъ и италійскихъ Грековъ, и если мы обратимъ наши взоры на болѣе мирныя сферы человѣческаго существованія, также подчиняющіяся законамъ исторической необходимости, то мы и здѣсь повсюду найдемъ слѣды вліянія тѣхъ-же великихъ событій, благодаря которымъ римское гражданство разбило оковы, наложенныя на него родовою знатью, а богатое разнообразіе существовавшихъ въ Италіи національныхъ культуръ исчезло для того, чтобъ обогатить собою только одинъ народъ. Хотя историкъ и не обяванъ прослѣдить великія событія во всемъ безконечномъ разнообразіи тѣхъ фактовъ, которые являются ихъ послѣдствіями, все-таки онъ не выходитъ изъ предѣловъ своей задачи, когда извлекаетъ изъ отрывочныхъ преданій нѣкоторыя указанія на самыя важныя перемѣны, происшедшія въ эту эпоху въ народной жизни Италійцевъ. Если при этомъ все, что касается Рима, еще болѣе прежняго выступаетъ на первый планъ, то причина этого заключается не въ однихъ только случайныхъ пробѣлахъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній; то было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ новаго политическаго положенія Рима, что латинская національность все болѣе и болѣе затмѣвала всѣ другія италійскія племена. Уже ранѣе было нами замѣчено, что въ эту эпоху начали романизироваться сосѣднія страны — южная Этрурія, Сабина, страна Вольсковъ, о чемъ свидѣтельствуютъ почти совершенное отсутствіе памятниковъ старинныхъ мѣстныхъ діалектовъ и найденныя въ этихъ странахъ очень древнія римскія надписи; что латинизированіе средней Италіи уже въ ту пору было ясно сознаннымъ цѣлю римской политики, видно изъ того факта, что въ концѣ этого періода (стр. 415) Сабинамъ были предоставлены права полного римскаго гражданства. Раздававшіеся во всей Италіи земельные участки и разсыпанныя по всей странѣ колоніи служили для латинскаго племени аванпостами не въ одномъ только военномъ отношеніи: они были также проводниками латинскаго языка и латинской національности. Латинизированіе Италійцевъ едва-ли имѣлось въ виду уже въ то время; напротивъ того, римскій сенатъ, какъ кажется, съ намѣре-

Расширеніе
латинской
національ-
ности.

ніемъ поддерживалъ различія между латинской національністю и всіми остальными; такъ напримѣръ онъ еще не позволялъ кампанскимъ полу-гражданскимъ общинамъ вводить латинскій языкъ въ официальное употребленіе. Однако естественныя послѣдствія совершившихся фактовъ болѣе могущественны, чѣмъ самое могущественное правительство; вмѣстѣ съ латинскимъ народомъ его языкъ и нравы сначала приобрѣли первенство въ Италіи, а затѣмъ начали подкапываться подъ остальные національныя особенности Италійцевъ.— Въ то-же время эллинизмъ сталъ вліять на эти италійскія

Усиленіе эллинизма въ Италіи. народности съ другой стороны и съ опоравшеюся на иныя превосходства силой. Именно въ ту пору Греки начали сознавать свое умственное превосходство надъ другими народами и стали распространять свое вліяніе во всѣ стороны. Этого вліянія не избѣгла и Италія. Самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ этомъ смыслѣ было то, что Апулія съ пятаго столѣтія отъ основ. Р. мало-по-малу отвыкала отъ своего варварскаго діалекта и незамѣтнымъ образомъ эллинизировалась. Это совершилось, такъ-же какъ въ Македоніи и въ Эпирѣ, не посредствомъ колонизаціи, а посредствомъ цивилизаціи, которая, какъ кажется, шла рука объ руку съ тарентинской сухопутной торговлей,—въ пользу этого предположенія говоритъ по крайней мѣрѣ то, что находившіеся въ дружественныхъ съ Тарентинцами сношеніяхъ Педивулы и Дауніи эллинизировались полнѣе, чѣмъ жившіе въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ Тарентинцами, но постоянно съ ними враждовавшіе Саллентинцы, и что раньше другихъ эллинизовавшіеся города, какъ напримѣръ Арпи, лежали не у моря. Что на Апулію эллинскій бытъ имѣлъ болѣе сильное вліяніе, чѣмъ на какую-либо другую италійскую область, объясняется частію географическимъ положеніемъ Апуліи, частію незначительнымъ въ ней развитіемъ собственной національной культуры, частію также тѣмъ, что по своей національности Апулійцы были болѣе близки къ греческому племени, чѣмъ которое-либо изъ остальныхъ италійскихъ племенъ (стр. 10). Мы уже обращали вниманіе (стр. 350) на тотъ фактъ, что хотя южныя сабельскія племена за-одно съ сиракузскими тиранами подавляли и искажали эллинизмъ въ Великой Греціи, однако, вслѣдствіе соприкосновеній и смѣшенія съ Греками, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ Бреттіи и Нолянцы, стали употреблять греческій языкъ наравнѣ съ туземнымъ, и нѣкоторые другіе, какъ напримѣръ Луканцы и частію Кампанцы, усвоили греческую письменность и греческіе нравы. Стремленіе къ подобному развитію обнаруживается и въ Этруріи въ замѣчательныхъ, принадлежащихъ къ этой эпохѣ (стр. 441) вазахъ, въ выдѣлкѣ которыхъ Этрурія соперничала съ Кампаніей и съ Луканіей; а хотя Лаціумъ и Самній держались въ сторонѣ отъ эллинизма, въ нихъ также не было недостатка въ признакахъ начинавшагося и постоянно

усиливавшегося вліянія греческаго образованія. Во всѣхъ отрасляхъ римскаго развитія этой эпохи, въ законодательствѣ и въ монетной системѣ, въ религіи, въ складѣ племенныхъ народныхъ сказаній, встрѣчаются греческіе слѣды и вообще съ начала пятаго столѣтія, то-есть со времени завоеванія Кампаніи, греческое вліяніе на римскій бытъ, по видимому, быстро и непрерывно возростало. Къ четвертому столѣтію принадлежитъ устройство замѣчательной и въ филологическомъ отношеніи *græcostasis*—трибуны на римской площади для знатныхъ греческихъ иноземцевъ и преимущественно для Массалиотовъ (стр. 413). Въ слѣдующемъ столѣтіи летописи начинаютъ упоминать о знатныхъ Римлянахъ, носившихъ греческія прозвища, какъ напримѣръ о Филиппосѣ или по-римски Пилипусѣ, о Филонѣ, Софосѣ, Гипсеосѣ. Вводятся греческіе обычаи; такъ напримѣръ появляется вовсе неиталійское обыкновеніе дѣлать на гробницахъ въ честь умершихъ надписи, образчикомъ которыхъ можетъ служить самая древняя изъ извѣстныхъ намъ надгробныхъ надписей—та, которая сдѣлана въ честь Луція Сципіона, бывшаго консуломъ въ 456 году; вводится также незнакомое Италійцамъ обыкновеніе воздвигать, безъ разрѣшенія общины, на публичныхъ мѣстахъ памятники въ честь предковъ; этому положилъ начало великій нововводитель Аппій Клавдій, когда онъ развѣсилъ въ новомъ храмѣ Беллоны бронзовые щиты съ изображеніемъ и съ восхваленіями своихъ предковъ (442); въ 461 году вводится на римскомъ народномъ праздникѣ обыкновеніе раздавать борцамъ пальмовыя вѣтви. Но всего болѣе замѣтно греческое вліяніе въ римскихъ застольныхъ обычаяхъ: и обыкновеніе не сидѣть за столомъ на скамьяхъ, какъ это дѣлалось прежде, а обѣдать лёжа на диванахъ, и перемѣщеніе главной трапезы съ полудня на промежутокъ времени между двумя и тремя часами дня по нашему счету времени, и присутствіе на пирушкахъ распорядителей, которые большею частію назначались изъ гостей по жребію и на которыхъ лежала обязанность указывать гостямъ, чтó и когда они должны пить, и поочередное пѣніе гостями застольныхъ пѣсень, которыя, конечно, были у Римлянъ не сколіями, а восхваленіями предковъ—все это не существовало въ Римѣ изстари, но уже съ древнихъ поръ было заимствовано отъ Грековъ, такъ какъ во времена Катона эти обыкновенія были всеобщими и частію даже отживали. Поэтому ихъ введеніе должно быть отнесено никакъ не позже, чѣмъ къ той эпохѣ, о которой теперь идетъ рѣчь. Также весьма замѣчательно сооруженіе на римской площади статуй «мудрѣйшему и храбрѣйшему изъ Грековъ», состоявшееся во время самнитскихъ войнъ по требованію пелійскаго Аполлона; при этомъ выборъ палъ, очевидно, подъ вліяніемъ Сицилійцевъ или Кампанцевъ, на Пинеагора и на Алкивиада—на благодѣтеля и на Аннибала западныхъ Элліиновъ. О томъ, какъ было распространено между знатными Рим-

298

Греческіе
застольные
обычаи.

лянами знаніе греческаго языка еще въ пятомъ столѣтіи, свидѣ-
тельствуютъ: отправка римскаго посольства въ Тарентъ, гдѣ ораторъ—Римлянинъ объяснялся если и не на самомъ чистомъ греческомъ языкѣ, но все-таки безъ переводчика, и отправка Кинеаса въ Римъ. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что начиная съ пятаго столѣтія всѣ молодые Римляне, посвящавшіе себя государственнѣмъ дѣламъ, пріобрѣтали знаніе тогдашняго всесвѣтнаго и дипломатическаго языка. — И такъ въ умственной сферѣ эллинизмъ стремился впередъ такъ-же неудержимо, какъ неудержимо стремились Римляне къ всемірному владычеству, а такія второстепенныя націи, какъ самнитская, кельтская, этрусская, будучи тѣсними съ двухъ сторонъ, постепенно утрачивали и свою территорію и свою внутреннюю силу.

Римъ и
Римляне
того вре-
мени.

Но лишь только двѣ великія націи, достигши высшей ступени своего развитія, стали вліять одна на другую то путемъ непріязненныхъ столкновеній то путемъ дружескихъ сношеній, тотчасъ выступили наружу въ своей рѣзкой противоположности ихъ отличительныя черты—полное отсутствіе всякаго индивидуализма въ италійскомъ и въ особенноти въ римскомъ быту, и безконечное племенное, мѣстное и личное разнообразіе эллинизма. Нѣтъ болѣе великой эпохи въ исторіи Рима, чѣмъ та, которая обнимаетъ промежутокъ времени отъ основанія римской республики до покоренія Италіи; въ это время существованіе республики было упрочено и внутри и извнѣ; въ это время было создано единство Италіи, былъ заложенъ основанный на преданіяхъ фундаментъ для народнаго права и для народной исторіи, были введены *pilum* и *манпула*, были сооружены дороги и водопроводы, было заведено вотчинное и денежное хозяйство, была вылита капитолийская волчица и былъ разрисованъ фикоронскій ларчикъ. Но люди, приносившіе камень за камнемъ для этого гитантскаго сооруженія и складывавшіе эти камни въ одно цѣлое, исчезли безслѣдно и если италійскія племена вполне слились съ Римлянами, то еще полнѣе сливались отдѣльные римскіе граждане съ римскою общиной. Подобно тому, какъ могила одинаково закрывается и надъ самымъ выдающимся изъ людей и надъ самымъ ничтожнымъ, и въ спискѣ римскихъ народныхъ вождей ничтожный членъ юнкерской партіи ничѣмъ не отличается отъ великаго государственнаго мужа. Между дошедшими до насъ немногочисленными письменными памятниками той эпохи нѣтъ ни одного болѣе почтеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе характеристичнаго, чѣмъ надгробная надпись Луція Корнелія Сципіона, бывшаго въ 456 году консуломъ и черезъ три года послѣ того участвовавшаго въ рѣшительной битвѣ при Сентинѣ (стр. 376). На красивомъ саркофагѣ, который былъ построенъ въ благородномъ дорическомъ стилѣ и еще дѣтъ восемьдесятъ тому назадъ заключалъ въ себѣ прахъ побѣдителя Самнитовъ, находится слѣдующая надпись:

Cornélius Lucius—Scipiô Barbátus,
Gnaivód patrê prognátus,—fórtis vír sapiénsque,
Quoiús fórma virtú—teí parísuma fúit,
Consól censór aidilis—queí fúit apúd vos,
Taurásiá Cisaúna—Sámnió cépit,
Subigít omné Loucánam ópsidésque abdoúcit

— — — — — || — — — — —

Корнелій Луцій—Сципіонъ Барбать

Сынъ Гнева—человѣкъ столько-же мудрый, сколько храбрый,
Прекрасная наружность котораго—соотвѣтствовала его доблестямъ,
Былъ у васъ консуломъ, цензоромъ—и также эдломъ,
Тавразию, Цизавну—взялъ въ Самнію,
Покорилъ всю Луканію и—увелъ оттуда заложниковъ.

Какъ объ этомъ римскомъ государственномъ мужѣ и воинѣ, такъ и о безчисленномъ множествѣ другихъ людей, стоявшихъ во главѣ римской республики, можно было связать въ похвалу, что они были родовиты и красивы, храбры и мудры; но кромѣ того о нихъ нечего было сказать. Конечно, не одни преданія виноваты въ томъ, что ни одинъ изъ этихъ Корнеліевъ, Фабіевъ, Палиріевъ и множества другихъ имъ подобныхъ не выступаетъ передъ нами въ ясно опредѣленномъ человѣческомъ образѣ. Сенаторъ долженъ былъ быть не хуже и не лучше всѣхъ другихъ сенаторовъ и не долженъ былъ чѣмъ-либо отъ нихъ отличаться; не было надобности и не было желательно, чтобъ какой-нибудь гражданинъ затмѣвалъ другихъ или роскошной серебряной посудой или эллинскимъ образованіемъ или необыкновенною мудростью и доблестью. За первое изъ этихъ излишествъ наказывалъ цензоръ, а для этихъ послѣднихъ личныхъ достоинствъ не было мѣста въ государственномъ организмѣ. Римъ этого времени не принадлежалъ никому въ отдѣльности; граждане должны были всѣ походить одинъ на другаго для того, чтобъ каждый изъ нихъ походилъ на царя. — Однако наряду съ этими явлениями уже въ ту пору сказывалось эллинское индивидуальное развитіе, а гениальность и сила этого развитія носили на себѣ,—точно также-же, какъ и противоположное направленіе, — вполне ясный отпечатокъ той великой эпохи. Здѣсь достаточно будетъ назвать только одного человѣка, но въ этомъ человѣкѣ точно будто воплотилась идея прогресса. Аппій Клавдій (цензоръ 442 года, консулъ 447, 458 г.), праправнукъ децемвира, былъ человѣкъ знатнаго происхожденія, гордившійся длиннымъ рядомъ своихъ предковъ; но овъ-то и былъ тотъ, кто отмѣнилъ привилегію землевладѣльцевъ на полное право гражданства (стр. 305) и кто уничтожилъ старинную финансовую систему (444). Отъ Аппія Клавдія ведутъ свое начало не только римскіе водопроводы и шоссеиныя дороги, но также римская юриспруденція, краснорѣчіе, поэзія и грамматика; ему при-

писываютъ и обнаруженіе исковыхъ формулъ и введеніе въ употребленіе написанныхъ рѣчей и пифагорейскія изреченія и даже нововведенія въ орографіи. Однако его нельзя безусловно назвать демократомъ и нельзя причислять къ той оппозиціонной партіи, которая нашла собѣ представителя въ Маніи Куріи (стр. 304); скорѣе можно сказать, что отъ него вѣяло могучимъ духомъ старыхъ и новыхъ патриціанскихъ царей, духомъ Тарквиніевъ и Цезарей, между которыми онъ былъ связующимъ звѣномъ въ тотъ пятисотлѣтній промежутокъ времени, когда не совершалось необычайныхъ дѣяній и жили только обыкновенные люди. Въ то время, какъ Аппій Клавдій принималъ дѣятельное участіе въ общественной жизни, онъ и при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей и въ своемъ образѣ жизни не соблюдалъ ни законовъ ни обычаевъ съ необузданною смѣлостью Аеннианина; а много времени спустя послѣ того, какъ онъ удалился съ политической арены, онъ въ рѣшительную минуту точно будто всталъ изъ гроба и, появившись слѣпымъ старцемъ въ сенатѣ, настоялъ на продолженіи войны съ царемъ Пирромъ и первый формально и торжественно провозгласилъ окончательное утвержденіе римскаго владычества надъ Италіей (стр. 396). Но этотъ гениальный человекъ появился слишкомъ рано или слишкомъ поздно; боги ослѣпили его за несвоевременную мудрость. Не гений одного человека владычествовалъ въ Римѣ и посредствомъ Рима въ Италіи, а одна неизмѣнная, переходившая въ римскомъ сенатѣ изъ рода въ родъ, политическая идея; съ руководящими принципами этой идеи сенаторы осваивались еще въ дѣтскомъ возрастѣ, когда сопровождали своихъ отцовъ на сенатскія засѣданія и тамъ научались политической мудрости отъ тѣхъ людей, которыхъ должны были со временемъ замѣнить. Такимъ образомъ были достигнуты громадныя результаты цѣною громадныхъ жертвъ, такъ какъ и вслѣдъ за Нике *) идетъ ея Немезида. Въ римской республикѣ никогда не рассчитывали на какого-нибудь одного человека, все-равно, будь онъ простой солдатъ или полководецъ; тамъ всѣ личныя особенности человѣческой природы были подавлены подъ непреклонной нравственно-полицейской дисциплиной. Римъ достигъ такого величія, какого не достигало ни одно изъ древнихъ государствъ; но онъ дорого заплатилъ за свое величіе, отказавшись отъ привлекательнаго разнообразія, отъ пріятной непринужденности и отъ нравственной свободы эллинской жизни.

---

*) Нике—богиня побѣды [прим. пер.].

Г Л А В А IX

Искусство и наука.

Развитіе искусствъ и въ особенности поэзіи находилось въ древности въ тѣснѣйшей связи съ народными празднествами. Такъ-называемыя «великія» или «римскія игры», которыя были заведены еще въ предшествовавшемъ періодѣ преимущественно подъ греческимъ вліяніемъ и сначала лишь въ качествѣ экстраординарнаго благодарственнаго праздника римской общины (стр. 226), сдѣлались въ настоящемъ періодѣ и болѣе продолжительными и болѣе разнообразно-занимательными. Этотъ праздникъ первоначально ограничивался однимъ днемъ, но потомъ удлиннялся на одинъ день послѣ счастливаго окончанія каждой изъ трехъ великихъ революцій 245, 260 и 387 годовъ, такъ что въ концѣ этого періода сдѣлался четырехдневнымъ *). Еще важнѣе было то обстоятельство, что онъ утратилъ свой экстраординарный характеръ, по всему вѣроятію, со времени учрежденія должности курульныхъ эдидовъ (387), на которыхъ была искони воз-

Римскій
народный
праздникъ.

509 494 367

367

*) То, что рассказываютъ о латинскомъ праздникѣ Діонисіи [6, 95; сравн. Нибура 2, 40] и черпавшіи свои свѣдѣнія изъ другаго мѣста у Діонисія, Плутархъ [Camil. 42], должно быть отнесено къ римскимъ играмъ; помимо другихъ соображеній, это съ поразительной ясностью видно изъ сличенія послѣдняго свидѣтельства съ словами Ливія, 6, 42 [Ritschl Page g. 1, стр. 313]; Діонисій со свойственной ему привычкой не признаваться въ своихъ ошибкахъ, придалъ словамъ *ludi maximi* невѣрное значеніе. — Впрочемъ сохранилось и такое преданіе, по которому происхожденіе народнаго праздника относилось, наперекоръ обыкновенію, не къ побѣдѣ перваго Тарквинія надъ Латинами, а къ пораженію Латинцевъ при Регильскомъ озерѣ [Cicero de div. 1, 26, 55. Діонисій 7, 71]. Заключающіяся въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ важныя указанія, которыя заимствованы отъ Фабія, относятся къ обыкновенному благодарственному празднеству, а не къ какому-либо особому торжеству, вызванному прине-сеніемъ обѣта; объ этомъ свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, положительное упоминаніе о ежегодномъ повтореніи праздника, а съ другой стороны—сумма расходовъ, въ точности совпадающая съ той, на которую указываетъ же-Асколий [стр. 142, 0 г.]

ложена обязанность устраивать это торжество и наблюдать за нимъ (стр. 296); вмѣстѣ съ этимъ праздникъ утратилъ всякую зависимость отъ объѣта, даннаго главнокомандующимъ и поступилъ въ разрядъ ординарныхъ, ежегодно повторявшихся праздниковъ, занявши между ними первое мѣсто. Тѣмъ не менѣе правительство упорно держалось правила, что настоящее праздничное зрѣлище, въ которомъ игралъ главную роль бѣгъ колесницъ, допускалось въ заключеніе праздника не болѣе одного раза; въ остальные дни, вѣроятно, сначала дозволялось народной толпѣ устраивать самой для себя праздникъ, хотя при этомъ конечно были на лицѣ наемные или даровые музыканты, танцовщики, акробаты, фокусники, фигляры и другіе имъ подобные люди. Но около 390 года произошла важная перемѣна, которая безъ сомнѣнія находилась въ связи съ происшедшимъ незадолго передъ тѣмъ превращеніемъ праздника въ ежегодный и съ его продленіемъ: въ теченіе первыхъ трехъ дней стали устраивать на аренѣ на счетъ государственной казны деревянные подмостки, на которыхъ давались по распоряженію правительства представленія для забавы народа. Однако, чтобъ не заходить слишкомъ далеко по этому пути, на расходы праздника была назначена изъ государственной казны разъ навсегда опредѣленная сумма въ 200.000 ассовъ (14.500 тал.), которая не была увеличена вплоть до пуническихъ войнъ; распоряжавшіеся этими деньгами, эдилы должны были покрывать изъ собственного кармана всякія случайныя передержки, но имъ едва-ли приходилось въ ту пору часто и много приплачивать къ назначенной суммѣ. Что эта первая театральная сцена находилась подъ греческимъ вліяніемъ, видно уже изъ ея названія (*σκαηνή*). Сначала она была назначена только для музыкантовъ и разнаго рода фигляровъ, между которыми, вѣроятно, были самыми замѣчательными танцовщики подъ звуки флейты, въ особенности славившіеся въ ту пору этрусскіе; но какъ бы то ни было, а въ Римѣ возникла публичная сцена, которая скоро открылась и для римскихъ поэтовъ.—А въ поэтахъ не было недостатка и въ Лациумѣ. Латинскіе «бродячіе» или «площадные пѣвцы» (*gassatores, spatiatores*) переходили изъ города въ городъ, изъ дома въ домъ, и распѣвали свои пѣсни (*saturaе*, стр. 28) съ мимической пляской подъ аккомпанементъ флейты. Размѣръ стиховъ, натурально, былъ такъ-называемый сатурнинскій, такъ какъ въ ту пору другаго не знали (стр. 223). Въ основѣ этихъ пѣсень не было никакого сценическаго сюжета и онѣ, какъ кажется, не приспособлялись ни къ какому діалогу: слѣдуетъ полагать, что это было нѣчто въ родѣ тѣхъ монотонныхъ, частію импровизированныхъ частію заученныхъ балладъ и тарантеллъ, которыя и по сіе время можно слышать въ римскихъ остеріяхъ. Пѣсни этого рода рано попали на публичную сцену и, конечно, сдѣлались первымъ заро-

364

Римская сцена.

Площадные пѣвцы.

Сатура.

Униженное положеніе искусства.

дышемъ римскихъ театральныхъ представлений. Однако эти зачатки театральныхъ зрѣлищъ не только были и въ Римѣ, какъ повсюду, скромны, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлались съ первыхъ шаговъ предметомъ рѣзко высказывавшагося презрѣнія. Уже законы Двѣнадцати Таблицъ возстаютъ противъ негодныхъ и свверныхъ пѣснопѣннй; они налагаютъ тяжелыя уголовныя наказанія не только за чародѣйственныя пѣсни, но и за насмѣшливыя, которыя сочиняются на согражданъ или поются передъ ихъ дверьми; сверхъ того они запрещаютъ приглашать плакальщицъ на похороны. Но еще гораздо тяжелѣе всѣхъ этихъ легальныхъ стѣсненій былъ для зарождающагося искусства тотъ нравственный запретъ, который налагала на этотъ легкомысленный и продажный промыселъ филистерская серьезность римскаго характера. «Ремесло поэта», говоритъ Катонъ, «не пользовалось уваженіемъ»; а того, кто имъ занимался или кто предавался пирушкамъ, называли праздномотающимися». Если-же кто-нибудь занимался танцами, музыкой и пѣніемъ на площадяхъ изъ-за денегъ, тотъ налагалъ на себя двойное нравственное пятно, такъ какъ постоянно усиливалось общее убѣжденіе, что всякое добываніе средствъ существованія путемъ оплачиваемыхъ услугъ позорно. Поэтому, хотя на участіе въ характерныхъ фарсахъ съ масками (стр. 224) и смотрѣли какъ на невинныя юношескія забавы, но появленіе на публичной сценѣ за деньги и безъ масокъ считалось настоящимъ позоромъ, а пѣвецъ и поэтъ стояли въ этомъ случаѣ на равной ногѣ съ канатными плясунами и цапцами. Блюстители нравовъ (стр. 428) обыкновенно признавали такихъ людей не способными служить въ гражданскомъ ополченіи и подавать голоса на сходкахъ гражданъ. Кромѣ того, не только распоряженіе театральной сценой было отнесено къ вѣдомству городской полиціи, — что уже само по себѣ очень знаменательно, — но, вѣроятно, уже съ той поры была предоставлена полиціи особая произвольная власть надъ тѣми, кто обращалъ сценическое искусство въ ремесло. Не только послѣ окончанія представленія полицейскіе начальники чинили надъ этими людьми судъ и расправу, причемъ вино такъ-же щедро лилось для искусныхъ актеровъ, какъ щедро сыпались побои на плохихъ, но кромѣ того всѣ городскія должностныя лица имѣли законное право подвергать тѣлесному наказанію и сажать въ тюрьму всякаго актера, во всякое время и гдѣ бы то ни было. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всего сказаннаго было то, что танцы, музыка и поэзія, — по меньшей мѣрѣ въ той мѣрѣ, въ какой они выступали на публичную сцену, — сдѣлались удѣломъ самыхъ низкихъ классовъ римскаго гражданства и преимущественно иностранцевъ; если-же поэзія того времени играла при этомъ такую ничтожную роль, что для иностранныхъ артистовъ не стоило труда ею заниматься, то слѣдуетъ считать основательнымъ и по отношенію къ этой эпохѣ

то мнѣніе, что въ Римѣ какъ богослужебная такъ и свѣтская музыка была въ сущности этрусской и что старое, когда-то высоко-читимое латинское искусство игры на флейтѣ (стр. 224) было убито иноземцами. — О поэтической литературѣ не было и рѣчи. Ни для представленій въ маскахъ, ни для сценическихъ декламаций не было твердо установленнаго текста, а сами исполнители по мѣрѣ надобности импровизировали его. Что касается литературныхъ произведеній этого времени, то впоследствии указывали только на наставленія земледѣльца своему сыну *), которыя были чѣмъ-то въ родѣ римскихъ «Работъ и Дней» и на ранѣе упомянутыя пивагорейскія стихотворенія Аппія Клавдія (стр. 452), которыя были зачаткомъ римской поэзіи въ эллинскомъ духѣ. Изъ стихотворныхъ произведеній этой эпохи до насъ не дошло ничего кромѣ нѣсколькихъ надгробныхъ надписей въ сатурнинскомъ разиѣрѣ (стр. 451).

Исторіографія. Къ этой эпохѣ принадлежатъ какъ зачатки римскихъ театраль-ныхъ представленій, такъ и зачатки римской исторіографіи—то-есть записываніе современныхъ замѣчательныхъ событій и условное изложеніе первоначальной исторіи римской общины. — Современная исторіографія находится въ связи со списками должностныхъ лицъ.

Списки должностныхъ лицъ.

463

Самый древній по своему началу списокъ, съ которымъ были знакомы позднѣйшіе римскіе изслѣдователи и который дошелъ черезъ посредство этихъ изслѣдователей и до насъ, какъ кажется, былъ извлеченъ изъ архива при храмѣ Юпитера Капитолійскаго; это видно изъ того, что онъ перечисляетъ имена годовыхъ правителей общины, начиная отъ консула Марка Горація, освятившаго тотъ храмъ въ 13 день сентября своего должностнаго года, и что онъ упоминаетъ о данномъ при консулахъ Публии Сервиліи и Луціи Эбуціи (по теперешнему лѣтсчисленію въ 291 году отъ осн. Рима) по случаю тяжелой моровой язвы обѣтъ—впредь въ каждый сотый годъ вколачивать по одному гвоздю въ стѣну Капитолійскаго храма. Впоследствии, должностные люди, обладавшіе умѣньемъ измѣрять время и ученостью, то-есть понтифики, записывали, въ исполненіе лежавшей на нихъ обязанности, имена годовыхъ правителей общины и такимъ образомъ связали съ болѣе древней мѣсячной табелью годовую; съ тѣхъ поръ эти двѣ табели были соединены подъ названіемъ «фастовъ», которое въ сущности означаетъ только табель судебно-присутственныхъ дней. Это учрежденіе возникло, по всему вѣроятію,

*) Изъ него уцѣлѣлъ слѣдующій отрывокъ:

Если осень была сухая, а весна дождливая, ты, мальчикъ,
Соберешь много полбы.

Намъ неизвѣстно, на какомъ основаніи это стихотвореніе впоследствии считалось древнѣйшимъ римскимъ [Macrob., Sat. 5, 20. Festus, Ep. v. flaminus, стр. 93, M. Servius, комент. къ Виргиліевымъ Георгікамъ I, 101. Плиній 17, 2, 14].

вскорѣ послѣ упраздненія царской власти, такъ какъ составленіе официальныхъ списковъ годовыхъ правителей было на практикѣ настоятельно необходимо для того, чтобъ можно было констатировать чередовой порядокъ официальныхъ актовъ; но если такой старинный официальный списокъ общинныхъ должностныхъ лицъ и существовалъ, то онъ, по всему вѣроятію, былъ уничтоженъ во время сожженія Рима Галлами (364), а списокъ понтификальной коллегіи былъ пополненъ впоследствии по уцѣлѣвшему отъ этой катастрофы Капитолійскому списку, начиная съ того-же времени, съ какого начинался этотъ послѣдній. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дошедшій до насъ списокъ правителей былъ въ сущности основанъ на современныхъ и достоверныхъ отмѣткахъ, хотя въ своихъ второстепенныхъ подробностяхъ, въ особенности въ генеалогическихъ указаніяхъ, пополнялся свѣдѣніями изъ родословныхъ знати; но календарные годы указаны въ немъ не вполне и только приблизительно, такъ какъ правители общины вступали въ должность не съ началомъ года и даже не въ какой-нибудь разъ на всегда назначенный день; напротивъ того, день ихъ вступленія въ должность передвигался по различнымъ причинамъ то взадъ то впередъ, и въ счетъ должностныхъ годовъ не поступали тѣ промежутки времени между двумя консульствами, когда существовало временное правительство. Чтобъ вести счетъ календарныхъ годовъ по этимъ спискамъ правителей, нужно было также отмѣчать дни вступленія въ должность и выхода изъ должности каждой коллегіи правителей и вмѣстѣ съ тѣмъ пребываніе въ должности промежуточнаго правительства; въ старину, быть можетъ, такъ и дѣлалось. Сверхъ того, списокъ годовыхъ должностныхъ лицъ прилаживался къ списку календарныхъ годовъ такимъ образомъ, что къ каждому календарному году относили двухъ должностныхъ лицъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда списокъ этихъ должностныхъ лицъ оказывался недостаточнымъ, прибавляли дополнительные годы, которые обозначены въ позднѣйшей (Варроновской) табели цифрами 379—383. 421. 430. 445. 453. Съ 291 года отъ осн. Рима, то-есть съ 463 года до Р. X. римскій списокъ несомнѣнно согласенъ съ римскимъ календаремъ если и не во всѣхъ подробностяхъ, то въ общемъ счетѣ и стало-быть настолько хронологически вѣрнѣе, насколько это возможно при неудовлетворительности самаго календаря; указанія на предшествовавшіе 47 лѣтъ ускользаютъ отъ нашей провѣрки, но по меньшей мѣрѣ въ своихъ главныхъ чертахъ также, должно быть, вѣрны *), а касательно всего, что не доходитъ до 245 года отъ

*) Только первые годы въ этомъ спискѣ возбуждаютъ недовѣріе и могли быть прибавлены впоследствии съ цѣлю округлить число годовъ отъ бѣгства царя до сожженія города такъ, чтобъ оно составляло ровно 120 лѣтъ.

Капитолий-
ская эра.
Хроника.

основанія Рима (509 года до Р. Х.), нѣтъ никакихъ хронологи-
ческихъ указаній. — Никакой общепринятой эры не было, но въ
богослужебныхъ дѣлахъ вели счетъ годовъ отъ освященія храма
Юпитера Капитолийскаго; съ этого времени начинался и списокъ
должностныхъ лицъ. — Дѣло дошло естественнымъ путемъ до того,
что рядомъ съ именами должностныхъ лицъ стали отмѣчать важ-
нѣйшія событія, случившіяся во время ихъ пребыванія въ должности,
а изъ такихъ свѣдѣній, прибавленныхъ къ списку должностныхъ
лицъ, возникла римская хроника, точно такъ-же, какъ изъ свѣдѣній,
вносившихся въ пасхалии, сложилась средневѣковая хроника. Но
лишь въ болѣе позднюю пору дѣло дошло до того, что понтифики
стали вести формальную хронику (*liber annalis*), въ кото-
рую ежегодно вносились имена всѣхъ должностныхъ лицъ и всѣ
замѣчательныя событія. До помѣченного 5 іюня 351 года солнечнаго
затмѣнія (подъ которымъ, вѣроятно, разумѣется затмѣніе, случив-
шееся 20 іюня 354 года), въ подлѣйшей городской хроникѣ не
упомянуто ни о какомъ другомъ явленіи этого рода; цѣнзовыя циф-
ры этой хроники становятся достойными довѣрія лишь съ начала
пятого столѣтія отъ основ. Р. (стр. 95. 420); представлявшіяся
на разсмотрѣніе народа дѣла о наложеніи штрафовъ и чудесныя зна-
менія, требовавшія отъ общины искупительныхъ жертвъ, стали
регулярно заноситься въ хронику лишь со второй половины пятого
столѣтія. Правильное веденіе лѣтописи и находившееся съ нимъ
въ связи только-что упомянутое исправленіе старинныхъ списковъ
должностныхъ лицъ, которое было необходимо для цѣлей лѣтосчи-
сленія и дѣлалось посредствомъ вставки хронологически-необходимыхъ
дополнительныхъ годовъ, должны быть отнесены къ первой поло-
винѣ пятого столѣтія. Но до настоящей исторіографіи еще было
далеко даже послѣ того, какъ на верховнаго понтифекса была воз-
ложена обязанность ежегодно записывать военные походы и заведеніе
колоній, моровыя повѣтрія и дороговизну, затмѣнія и чудесныя зна-
менія, смерть жрецовъ и другихъ знатныхъ людей, новыя общин-
ныя постановленія и результаты таксаціи, — и всѣ эти замѣтки
выставляли въ своемъ жилищѣ для того, чтобъ всѣ эти событія
сохранялись въ памяти и чтобъ всякій могъ съ ними знакомиться.
Какъ скудны были современныя отмѣтки даже въ концѣ этого пе-
ріода и какой широкій просторъ оставляли онѣ для произвола поз-
днѣйшихъ лѣтописцевъ, ясно видно изъ сравненія лѣтописнаго раз-
сказа о походѣ 456 года съ надгробною надписью консула Сципіона *).

403

400

298

*) Стр. 451. По словамъ лѣтописей, Сципіонъ командовалъ въ Этруріи, а его товарищъ въ Самніи, между тѣмъ какъ Лукація находилась въ этомъ году въ союзѣ съ Римомъ; по словамъ надгробной надписи, Сципіонъ завладѣлъ двумя городами въ Самніи и завоевалъ всю Луканію.

Позднѣйшіе историки, очевидно, не были въ состояніи составить по этимъ отміткамъ городской хроники ясный и сколько-нибудь последовательный разсказъ; да если-бы и мы имѣли въ рукахъ эту городскую хронику въ ея первоначальной редакціи, мы едва-ли были бы въ состояніи написать по ней прагматическую исторію того времени. Впрочемъ такіа городскія хроники велись не въ одномъ Римѣ; у каждаго изъ латинскихъ городовъ были свои понтифики и свои лѣтописи, какъ это ясно видно по нѣкоторымъ отрывочнымъ извѣстіямъ, напримѣръ, касательно Ардеи, Америкъ, Интерамны на Нарѣ; при помощи всѣхъ этихъ городскихъ хроникъ, быть можетъ, можно было достигнуть такихъ-же результатовъ, въ какомъ привело сличеніе монастырскихъ хроникъ по отношенію къ ранней исторіи среднихъ вѣковъ. Къ сожалѣнію, въ Римѣ вполнѣ предпочитали восполнять пробѣлы посредствомъ настоящихъ или поддѣльных эллиническихъ вымысловъ. — Кромѣ этихъ плохо задуманныхъ и неаккуратно веденныхъ официальныхъ замѣтокъ о минувшихъ временахъ и о прошлыхъ событіяхъ, едва-ли существовали въ эту эпоху какія-либо другія замѣтки, которыя принесли-бы римской исторіи непосредственную пользу. На существованіе частныхъ хроникъ нѣтъ никакихъ указаній. Только въ домахъ знати старались установить столь важныя и въ юридическомъ отношеніи генеалогическія таблицы и съ цѣлю постоянного напоминанія записывали родословныя въ сѣняхъ на стѣнѣ. Съ этими списками, заключавшими въ себѣ по меньшей мѣрѣ и названіе должностей, были прочно связаны не только семейныя преданія, но также и біографическія подробности. Надгробныя рѣчи, безъ которыхъ не обходились въ Римѣ никакія знатныя похороны и которыя обыкновенно произносились ближайшимъ родственникомъ умершаго, заключались не только въ перечисленіи добродѣтелей и отличій умершаго, но и въ разсказѣ о подвигахъ и добродѣтеляхъ его предковъ; поэтому и онѣ съ раннихъ поръ переходили изъ рода въ родъ путемъ преданій. Такимъ способомъ сохранялось не мало цѣнныхъ свѣдѣній, но, безъ сомнѣнія, также вносились въ преданія не мало дерзкихъ искаженій и вымысловъ.

Родословныя.

Къ этому же времени принадлежатъ не только зачатки настоящей исторіографіи, но и зачатки описанія и искаженія доисторическаго существованія Рима. Источниками служило въ этомъ случаѣ, конечно, то-же, что и вездѣ. Отдѣльныя имена и событія, цари Нума Помпилій, Анкъ Марцій, Туллъ Гостилій, побѣда царя Тарквинія надъ Латинами и изгнаніе царскаго рода Тарквиніевъ могли вѣчно жить во всенародныхъ правдивыхъ устныхъ преданіяхъ. Другимъ источникомъ служили преданія знатныхъ родовъ, какъ напримѣръ часто встрѣчающіеся разсказы о Фабіяхъ. Другіе разсказы облекали въ символическую и въ историческую форму старинныя народныя учрежденія и съ особенной яркостью правовыя отношенія, таѣ на-

Первоначальная исторія Рима по римскимъ свѣдѣніямъ.

примѣръ святость городскихъ стѣнъ изображена въ разсказѣ о смерти Рема, отмѣна кровавой мести—въ разсказѣ о кончинѣ царя Тація (стр. 146, прим. 2), необходимость распоряженій касательно моста на сваяхъ—въ сказаніи о Гораціѣ Коклестъ *), происхождение общинныхъ приговоровъ о помилованіи—въ прекрасномъ разсказѣ о Гораціяхъ и Куріаціяхъ, начало отпущенія рабовъ на свободу и предоставленіе вольноотпущенникамъ гражданскихъ правъ—въ разсказѣ о Тарвиніевскомъ заговорѣ и о рабѣ Виндиціи. Сюда-же относится исторія самаго основанія города, связывающая происхождение Рима съ Лаціумомъ и съ общей латинской метрополіей Альбой. На прозвища знатныхъ Римлянъ стали сочиняться историческіе комментаріи, такъ напримѣръ имя Публія Валерія «слуги народа» (Poplicola) послужило темой для множества анекдотовъ этого рода; въ особенности священная смоковница и разныя мѣста и достопримѣчательности города вызвали множество пономарскихъ разсказовъ въ родѣ тѣхъ, изъ которыхъ черезъ тысячу лѣтъ послѣ того и на той-же почвѣ выросли такъ-называемыя *Mirabilia Urbis*. Вѣроятно къ той-же эпохѣ относятся сплетеніе этихъ различныхъ сказокъ, установленіе послѣдовательности между семью царями, опредѣленіе общей продолжительности ихъ царствованія въ 240 лѣтъ, основанное, безъ сомнѣнія, на родосчисленіи **), и даже начало официального записыванія этихъ догадокъ: основныя черты разсказа и въ особенности его мнимая хронологическая послѣдовательность повторяются въ позднѣйшихъ преданіяхъ въ такой неизмѣнной формѣ, что уже по этому одному установленіе этой формы должно быть отнесено не къ литературной, а къ до-литературной эпохѣ Рима. Если уже въ 458 году было выставлено подлѣ священной смоковницы вылитое изъ бронзы изображеніе близнецовъ Ромула и Рема, припавшихъ къ сосцамъ волчицы, то слѣдуетъ полагать, что покорившіе Лаціумъ и Самній Римляне слышали такіе разсказы о происхожденіи своего роднаго города, которые немногимъ отличались отъ того, что мы читаемъ у Ливія; даже слово аборигены, то-есть первобытные обитатели, въ которомъ сказываются у латинскаго племени слабыя зачатки философскаго воззрѣнія на исторію, встрѣчается еще около 465 года у сицилійскаго писателя Калліаса. Естественная наклонность всякой хроники—прибавлять къ историческимъ фактамъ свѣдѣнія о временахъ до-истори-

296

289

*) Эта тенденція легенды ясно видна изъ того, что говоритъ старшій Плиній [Hist. Nat. 39, 15, 100].

**) На сто лѣтъ, какъ кажется, полагали по три поколѣнія и округлили цифру $233\frac{1}{3}$ въ 240, подобно тому, какъ округлили въ 120 лѣтъ промежутокъ времени между бѣгствомъ царя и соженіемъ Рима [стр. 457, прим.]. Почему остановились именно на этихъ цифрахъ, видно, напримѣръ, изъ ранѣе [стр. 203] объясненнаго установленія единицы для измѣренія плоскостей.

ческихъ и восходить, если не къ сотворенію неба и земли, то по меньшей мѣрѣ къ возникновенію общины; даже есть положительныя доказательства того, что въ таблицѣ понтификовъ былъ указанъ годъ основанія Рима. Поэтому слѣдуетъ полагать, что когда понтификальная коллегія замѣнила въ первой половинѣ пятаго столѣтія веденіемъ формальныхъ лѣтописей прежнія скудныя замѣтки, обыкновенно ограничивавшіяся именами должностныхъ лицъ, она въ то-же время прибавила къ этимъ лѣтописямъ исторію римскихъ царей и ихъ паденія и, отнеся основаніе республики къ состоявшемуся 13 сентября 245 года освященію Капитолійскаго храма, возстановила — конечно лишь призрачную — связь между неопредѣленнымъ по времени рассказомъ и лѣтописнымъ. Что въ этомъ древнѣйшемъ описаніи начала Рима имѣлъ свою долю участія и эллинизмъ, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію; размышленія о первобытномъ населеніи и о позднѣйшемъ, о бѣльшей древности пастушескаго образа жизни сравнительно съ земледѣльческимъ и превращеніе челоуѣка Ромула въ бога Квирина (стр. 165) имѣютъ совершенно греческій видъ; даже затемнѣніе чисто-національныхъ образовъ благочестиваго Нумы и мудрой Эгеріи примѣсью чужеземной пифагорейской первобытной мудрости, по видимому, вовсе не входили въ составъ древнѣйшихъ рассказовъ о до-историческихъ временахъ Рима. — Подобно рассказамъ о зачаткахъ римской общины, и родословныя знати были такимъ-же способомъ пополнены и въ обыкновенномъ вкусѣ геральдики вели свое начало отъ какихъ-нибудь знаменитыхъ предковъ; такъ напримѣръ Эмилии, Кальпурніи, Пинарии и Помпоніи вели свое происхожденіе отъ четырехъ сыновей Нумы — Мамерка, Кальна, Пина и Помпона, а Эмилии, сверхъ того, еще считались потомками Пифагорова сына Мамерка, прозваннаго «Краснорѣчивымъ» (*αμύλοσ*). — Однако, не смотря на всюду проглядывающее эллинское вліяніе, какъ эти рассказы о до-историческихъ временахъ римской общины, такъ и рассказы о знатныхъ родахъ должны считаться по меньшей мѣрѣ относительно національными. частію потому что они исходили изъ Рима, частію потому, что по своей тенденціи они должны были служить связующимъ звеномъ не между Римомъ и Греціей, а между Римомъ и Лаціумомъ.

Первую изъ этихъ двухъ задачъ постарались выполнить эллинскіе рассказы и эллинская поэзія. Эллинскія легенды постоянно обна- руживали стремленіе — не отставать отъ мало-по-малу расширявшихся географическихъ познаній и составлять драматизированное землеописание при помощи своихъ безчисленныхъ путевыхъ и морскихъ рассказовъ. Но онѣ брались за это дѣло съ чрезвычайной наивностью. Въ самомъ древнемъ изъ упоминающихъ о Римѣ, греческихъ историческихъ произведеній, — въ сицилійской исторіи Антиоха Сиракузскаго (законченной 330) рассказывается, что нѣкій Сикель пере-

509

Эллинскіе рассказы о доисторическихъ временахъ Рима.

424

селится изъ Рима въ Италію, то есть на бреттійскій полуостровъ; но этотъ разсказъ составляетъ рѣдкое исключеніе, такъ какъ онъ только облакаетъ въ историческую форму племенное родство Римлянъ, Сикуловъ и Бреттійевъ и вовсе не носитъ на себѣ эллинской окраски. А вообще во всѣхъ греческихъ легендахъ замѣтно стараніе представлять весь варварскій міръ или ведущимъ свое начало отъ Грековъ или находящимся отъ нихъ въ зависимости; и эта тенденція съ теченіемъ времени постоянно усиливается; такими-же нитями греческія легенды старались опутать и западъ. Однако для Италіи сказанія о Гераклѣ и объ Аргонавтахъ имѣли менѣе важное значеніе, чѣмъ тѣ, которыя были сочинены по поводу возвратнаго плаванія послѣ паденія Иліона,—хотя уже Гекатей (+ послѣ 257) зналъ о существованіи Геракловыхъ столбовъ и велъ корабль Аргонавтовъ изъ Чернаго моря въ Атлантическій океанъ, отгуда въ Нилъ и назадъ въ Средиземное море. Лишь только начинаютъ доходить первыя свѣдѣнія объ Италіи, Диомедъ начинаетъ блуждать по Адриатическому морю, Одиссей по Тирренскому (стр. 137); а по меньшей мѣрѣ послѣдняя локализція уже близко подходитъ къ содержанію Гомеровской легенды. Мѣстности на Тирренскомъ морѣ принадлежали въ сферѣ эллинскаго баснословія къ области Одиссеевской легенды вплоть до времени Александра; этой легенды придерживались въ ея главныхъ чертахъ даже Эфоръ, закончившій свою исторію 414 годомъ, и такъ-называемый Скилаксъ (около 418). Вся древнѣйшая поэзія ничего не знаетъ о троянскихъ плаваніяхъ; у Гомера Эней, послѣ паденія Иліона, царствуетъ надъ оставшимися дома Троянцами. Великій передѣлыватель мифовъ Стесихоръ (отъ 122 до 201) въ своемъ «Разрушеніи Иліона» впервые повелъ Энея на западъ съ цѣлю поэтически обогатить сказочный міръ своей родины и своего избраннаго отечества—Сициліи и Нижней Италіи, противопоставляя троянскихъ героевъ эллинскимъ. Отъ него ведутъ свое начало съ тѣхъ поръ твердо установившіеся поэтическіе контуры этого вымысла, какъ-то изображеніе героя, въ ту минуту, какъ онъ удаляется изъ объятаго пламенемъ Иліона вмѣстѣ съ женой, малолѣтнимъ сыномъ и престарѣлымъ отцемъ, уносящимъ домашнихъ боговъ, и знаменательное отождествленіе Троянцевъ съ сицилійскими и италійскими аборигенами, съ особенной ясностью проглядывающее въ троянскомъ трубачѣ Мизенѣ, по имени котораго названъ Мизенскій мысъ *). Древнимъ поэтомъ руководило въ этомъ случаѣ сознаніе, что ита-

497

340

336

Стесихоръ.

632—533

*) И „троянскія колоніи“ въ Сициліи, о которыхъ упоминаютъ Фукидидъ, псевдо-Скилаксъ и нѣкоторые другіе, равно какъ встрѣчающееся у Гекатея упоминаніе о Капуѣ, какъ объ основанномъ Троянцами городѣ, должны быть поставлены на счетъ Стесихора и его старанія отождествлять италійскихъ и сицилійскихъ туземцевъ съ Троянцами.

лійскіе варвары менѣе всѣхъ другихъ несхожи съ Эллинами и что отношеніе Эллиновъ къ Италійцамъ можетъ быть въ поэтическомъ смыслѣ приравнено къ отношенію между Гомеровскими Ахейцами и Троянцами. Эта новая троянская фабула скоро смѣшалась съ болѣе древней Одиссеевской легендой и вмѣстѣ съ тѣмъ стала все болѣе и болѣе распространяться по Италіи. По словамъ Гелланика (писавшаго около 350 г.), Одиссей и Эней пришли черезъ Фракію и Молоттскую (Эпирскую) землю въ Италію, гдѣ привезенныя ими съ собою троянскія женщины сожгли корабли, а Эней основалъ городъ Римъ и назвалъ его по имени одной изъ этихъ Троянокъ; подобно этому, только менѣе нелѣпо рассказывалъ Аристотель (370—432), что занесенная къ латинскимъ берегамъ ахейская эскадра была сожжена троянскими невольниками и что Латины произошли отъ вынужденныхъ этимъ несчаціемъ оставаться на тѣхъ берегахъ Ахейцевъ и отъ ихъ троянскихъ женъ. Къ этому примѣшивались и элементы туземныхъ легендъ, знакомство съ которыми распространилось по меньшей мѣрѣ въ концѣ этой эпохи вплоть до Сициліи вслѣдствіе оживленныхъ торговыхъ сношеній между Сициліей и Италіей; въ рассказѣ о происхожденіи Рима, составленномъ около 465 года Сицилійцемъ Калліасомъ, сливаются одна съ другой легенды Одиссеевская, Энеевская и Ромуловская *). Но бывшую впоследствии въ ходу окончательную форму этого рассказа о переселеніи Троянцевъ установилъ Тимей, который былъ родомъ изъ Тавромоніи въ Сициліи, и который довелъ свою исторію до 492 года. У него Эней сначала основываетъ Лавинію съ святилищемъ троянскихъ пенатовъ и только послѣ того основываетъ Римъ; онъ же, какъ кажется, вплелъ въ легенду объ Энеѣ Тиріянку Элизу или Дидону, такъ какъ по его словамъ Дидона была основательницей Каррагена, а Римъ былъ построенъ въ одномъ году съ Каррагеномъ. Поводомъ для этихъ новыхъ прибавокъ, очевидно, послужили доходившія до Сициліи свѣдѣнія о латинскихъ нравахъ и обычаяхъ; сверхъ того, именно въ ту пору, когда писалъ Тимей и въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ писалъ, подготавливалось столкновеніе между Римлянами и Каррагенянами; но въ своихъ главныхъ чертахъ этотъ рассказъ не могъ исходить изъ Лаціума, а былъ собственнымъ никуда негоднымъ измышленіемъ старой «сплетницы». До Тимея дошли рассказы объ очень древнемъ храмѣ домашнихъ боговъ въ Лавиніи; но что жители Лавиніи считали этихъ боговъ пенатами, привезенными изъ Иліона спутниками

400

384—322

289

Тимей.

262

*) По его словамъ, одна бѣжавшая изъ Иліона въ Римъ женщина, по имени Роме, или же ея дочь, носившая то-же имя, вышла замужъ за царя аборигеновъ Латина, которому родила трехъ сыновей: Рома, Ромила и Телегона. Последний изъ нихъ, безъ сомнѣнія, играющій въ этомъ случаѣ роль основателя Тускула и Пренеста, принадлежитъ, какъ извѣстно, Одиссеевской легендѣ.

Энея, онъ безъ сомнѣнія прибавилъ отъ себя точно такъ-же, какъ онъ отъ себя прибавилъ остроумную параллель между римскимъ октябрьскимъ конемъ и троянскою лошадыю и подробную опись находившейся въ Лавиніи святыни:—тамъ по его словамъ хранились желѣзные и мѣдные жезлы глашатаевъ и глиняный сосудъ троянской работы! Конечно этихъ пенатовъ никто не видѣлъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій послѣ того; но Тимей былъ однимъ изъ такихъ историковъ, которые сообщаютъ самыя точныя свѣдѣнія именно о томъ, о чемъ невозможно что-либо узнать. Хорошо знавшій этого человѣка, Полибій не безъ основанія совѣтовалъ ни въ чемъ ему не вѣрить и всего менѣе полагаться на него именно тогда, когда онъ, — какъ и въ настоящемъ случаѣ, — ссылается на достовѣрныя доказательства. Дѣйствительно, сицилійскій риторъ, — умѣвшій отыскать въ Италіи гробницу Фукидида и не нашедшій для Александра болѣе высокой похвалы чѣмъ та, что онъ покончилъ съ Азіей скорѣе, чѣмъ Исократъ съ своей «похвальной рѣчью», — былъ вполне способенъ сострапать изъ древнихъ наивныхъ вымысловъ ту дрянную кашу, которая случайно пріобрѣла такую громкую извѣстность. — Мы не въ состояніи опредѣлить, въ какой мѣрѣ успѣло уже въ ту пору проникнуть въ Италію эллинское баснословіе объ италійскихъ дѣлахъ въ томъ видѣ, какъ оно впервые сложилось въ Сициліи. Конечно, уже въ то время закрѣпилась та связь съ цикломъ Одиссеевскихъ былинъ, которую мы впоследствии находимъ въ легендахъ объ основаніи Тускула, Пренеста, Анція, Ардеи, Кортонъ; и даже вѣра въ происхожденіе Римлянъ отъ Троянцевъ или отъ Троянокъ, какъ кажется, установилась въ Римѣ еще въ концѣ этой эпохи, такъ какъ первымъ достовѣрно извѣстнымъ соприкосновеніемъ Рима съ греческимъ востокомъ было заступничество сената за «соплеменныхъ» Илійцевъ (Троянцевъ) въ 472 году. Но что Энеевская легенда проникла въ Италію сравнительно поздно, видно изъ того, что ея локалізація чрезвычайно бѣдна въ сравненіи съ Одиссеевскою легендой, а окончательная редакція этихъ рассказовъ и ихъ согласованіе съ легендой о происхожденіи Рима должны быть во всякомъ случаѣ отнесены къ болѣе позднему времени. — Между тѣмъ какъ у Эллиновъ бытописаніе или то, что у нихъ разумѣлось подъ этимъ словомъ, занималось по-своему до историческими временами Италіи, оно почти совершенно оставляло безъ вниманія современную исторію этой страны, — что столько-же вѣрно характеризуетъ упадокъ эллинской историографіи, сколько прискорбно для насъ. Теополипъ Хиосскій (закончившій свой рассказъ 418 годомъ) лишь мимоходомъ упоминаетъ о взятіи Рима Кельтами, а Аристотель (стр. 332), Клейтархъ (стр. 380), Теофрастъ (стр. 412), Гераклидъ Понтійскій († около 450) лишь случайно упоминаютъ о нѣкоторыхъ отрывочныхъ событіяхъ, касающихся Рима; только съ Иеронимомъ Кардійскимъ, описывав-

282

336

300

шимъ италійскія войны Пирра въ качествѣ его исторіографа, греческая исторіографія становится источникомъ свѣдѣній и для римской исторіи.

Юриспруденція.

51 450

Между римскими науками юриспруденція получила неоцѣнимую основу благодаря состоявшейся въ 303 и 304 годахъ кодификаціи городского права. Этотъ кодексъ, извѣстный подъ названіемъ законовъ Двѣнадцати Таблицъ, конечно, есть древнѣйшій римскій письменный документъ, заслуживающій названія книги. Вѣроятно немногимъ его новѣе изложеніе такъ-называемыхъ «царскихъ законовъ», то-есть нѣкоторыхъ преимущественно богослужебныхъ постановленій, основанныхъ на традиціи и опубликованныхъ во всеобщее свѣдѣніе въ формѣ царскихъ указовъ, по всему вѣроятію, коллегією понтификовъ, которая не имѣла права издавать законы, но имѣла право ихъ объяснять. Кромѣ того, какъ слѣдуетъ полагать, уже въ началѣ этого періода стали регулярно записывать если не народныя постановленія, то по крайней мѣрѣ самыя важныя изъ сенатскихъ рѣшеній, такъ какъ о способѣ ихъ храненія велись споры еще въ самомъ началѣ сословныхъ распрій (стр. 274, прим., 285).— Между тѣмъ какъ число письменныхъ источниковъ законовѣднія такимъ образомъ увеличивалось, устанавливались и основы настоящей юриспруденціи. И ежегодно смѣнявшимся должностнымъ лицамъ и взятымъ изъ среды народа присяжнымъ приходилось прибѣгать къ руководителямъ (*astogae*), знакомымъ съ порядками судопроизводства и способнымъ указать правильное рѣшеніе или на основаніи прецедентовъ или, въ случаѣ неимѣнія прецедентовъ, на основаніи общихъ соображеній. Понтифики, къ которымъ народъ привыкъ обращаться какъ за указаніями присутственныхъ дней, такъ и за разъясненіемъ всякихъ недоразумѣній и законныхъ постановленій касательно богопочитанія, давали желающимъ совѣты и указанія и по другимъ юридическимъ вопросамъ; этимъ путемъ они выработали въ средѣ своей коллегіи тѣ юридическія традиціи, которыя лежатъ въ основѣ римскаго частнаго права и главнымъ образомъ формулы исковыхъ прошеній для всякаго отдѣльнаго случая. Сборникъ всѣхъ этихъ исковыхъ формулъ вмѣстѣ съ указывавшимъ присутственные дни календаремъ былъ изданъ для народа около 450 года Аппіемъ Клавдіемъ или его письмоводителемъ Гнеемъ Флавіемъ. Впрочемъ, эта попытка придать опредѣленную форму наукѣ, еще не сознававшей своего собственнаго существованія, долго оставалась единичнымъ явленіемъ.— Нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что уже въ ту пору знаніе законовъ и способность давать юридическія указанія были рекомендаціей въ глазахъ народа и средствомъ достигать государственныхъ должностей; но рассказъ о томъ, что первый плебейскій понтифексъ Публій Семпроній Софъ (консулъ 450 года) и первый плебейскій верховный понтифексъ Тиберій Корункваній (консулъ 474 года) были обязаны

Консультація.

Сборникъ исковыхъ формулъ.

300

304
280

30

этими высшими жреческими должностями своимъ юридическимъ познаніямъ, болѣе похожъ на догадку позднѣйшихъ писателей, чѣмъ на преданіе.

Языкь.

Что образованіе казъ латинскаго языка, такъ и другихъ италійскихъ нарѣчій предшествовало этому періоду, и что даже въ началѣ его латинскій языкъ уже сложился въ своихъ главныхъ чертахъ, видно изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ постановленій Двѣнадцати Таблицъ, хотя эти отрывки и носятъ на себѣ отпечатокъ позднѣйшей эпохи вслѣдствіе того, что сохранялись на половину путемъ изустныхъ преданій; хотя въ нихъ и встрѣчаются устарѣлыя выраженія и шероховатыя сочетанія словъ, въ особенности вслѣдствіе того, что въ нихъ опускается неопредѣленное подлежащее, но ихъ смыслъ не представляетъ тѣхъ затрудненій, какія встрѣчаются въ Арвальской пѣсни, и они вообще имѣютъ гораздо болѣе сходства съ языкомъ Катона, чѣмъ съ языкомъ древнихъ молебствій. Если въ началѣ седьмаго столѣтія Римлянамъ было трудно понимать документы пятаго столѣтія, то это происходило, безъ сомнѣнія, только отъ того, что въ ту пору въ Римѣ еще не было настоящихъ ученыхъ изслѣдованій и тѣмъ менѣе настоящаго изученія письменныхъ памятниковъ. Напротивъ того, въ эту эпоху зарождавшася истолкованія и изложенія законовъ впервые установился римскій дѣловой слогъ; по меньшей мѣрѣ въ своей развитой формѣ, этотъ слогъ нисколько не уступалъ теперешнему англійскому судебному слогу своими неизмѣнными формулами и оборотами рѣчи, своимъ безконечнымъ перечисленіемъ подробностей и растянутостью своихъ періодовъ; онъ плѣнялъ посвященныхъ въ это знаніе людей своей ясностью и точностью, а люди непосвященные внимали ему, смотря по характеру и по минутному настроенію, или съ уваженіемъ, или

Дѣловой слогъ.

Языкознаніе

съ нетерпѣніемъ, или съ досадой. Въ теченіе той-же эпохи началась раціональная обработка туземныхъ нарѣчій. Въ ея началѣ, какъ уже ранѣе было замѣчено (стр. 217), нарѣчіямъ сабельскому и латинскому грозила опасность совершенно огрубѣть: разрушеніе окончаній въ словахъ, утрата явственности гласныхъ буквъ и самыхъ мягкихъ согласныхъ стали усиливаться подобно тому, что мы находимъ въ романскихъ нарѣчіяхъ въ теченіе пятаго и шестаго столѣтій нашего лѣтосчисленія. Однако это вызвало реакцію: въ нарѣчій Осковъ совпавшіе звуки d и g, а въ нарѣчій Латиновъ совпавшіе звуки g и k снова отдѣлились одинъ отъ другаго и получили свои особые письменные знаки; буквы o и u, для которыхъ въ азбукѣ Осковъ никогда не существовало особыхъ знаковъ и которыхъ хотя и были первоначально различены въ латинской азбукѣ, но грозили совпаденіемъ, снова были отдѣлены одна отъ другой; а въ азбукѣ Осковъ даже буква i получила два знака, различныхъ и по произношенію и по внѣшней формѣ; наконецъ графика опять

стала ближе приравливаться къ произношенію, какъ напримѣръ у Римлянъ стали во многихъ случаяхъ писать *g* вмѣсто *s*. Хронологическіе слѣды этой реакціи указываютъ на пятое столѣтіе; такъ напримѣръ, латинскаго *g* еще не было около 300 года, но оно уже было въ употребленіи около 500 года; первый представитель рода Папиріевъ, называвшійся Папиріемъ вмѣсто Пализія, былъ консулъ 418 года; эта замѣна буквы *s* буквою *g* приписывается цензору 442 года Аппію Клавдію. Возвращеніе къ болѣе извѣстному и болѣе ясному выговору, безъ сомнѣнія, находилось въ связи съ возрастающимъ вліяніемъ греческой цивилизаціи, которое именно въ то время становится замѣтнымъ во всѣхъ сферахъ италійской жизни, и подобно тому, что серебряныя монеты Капуи и Нолы были гораздо извѣстнѣе современныхъ ассовъ Ардеи и Рима, письменность и языкъ, повидимому, совершенствовались и быстрѣе и полнѣе въ Кампаніи, чѣмъ въ Лаціумѣ. Какъ еще не твердо установились въ концѣ этой эпохи римскій языкъ и римская письменность, несмотря на потраченный на это дѣло трудъ, видно изъ дошедшихъ до насъ надписей конца пятого столѣтія; въ нихъ господствуетъ полный произволъ въ употребленіи или въ отбрасываніи буквъ *m*, *d* и *s* въ послѣднихъ слогахъ и буквы *p* въ началѣ словъ, равно какъ въ различіи гласныхъ *o* и *u* отъ *e* и *i* *); современные Сабеллы, по всему вѣроятію, уже зашли въ этомъ отношеніи далѣе впередъ, между тѣмъ какъ Умбры были мало затронуты преобразовательнымъ эллинскимъ вліяніемъ.

450
250
336
312

Вслѣдствіе такого развитія юриспруденціи и грамматики, нату-Преподаваніе. рально, сдѣлало нѣкоторые успѣхи и начальное школьное образованіе, которое, конечно, уже существовало ранѣе. Такъ какъ произведенія Гомера были древнѣйшей греческой книгой, а законы Двѣнадцати Таблицъ древнѣйшей римской книгой, то каждая изъ нихъ

*) Въ обихѣ надгробныхъ надписяхъ консула 456 года Луція Сципіона и консула 495 года того-же имени, буквы *m* и *d* большею частью опускаются въ концѣ надежъ; однако одинъ разъ встрѣчается слово *Lucio m* и одинъ разъ слово *Gnaio d*; въ именительномъ надежѣ стоятъ рядомъ *Cognelio* и *filio*; *consol* и *sesol* стоятъ рядомъ съ *consol* и съ *sesol*; *aidiles*, *dedet*, *plorigime* [= *plurimi*], *hes* [именит. въ единст. числѣ] рядомъ съ *aidilis*, *serit*, *quei*, *hic*. Замѣна буквы *s* буквою *g* уже введена окончательно; мы находимъ *duonogo* [= *duonogum*], *plorigime*, между тѣмъ какъ въ пѣснѣ Салиевъ стоятъ *foedesum*, *plurima*. Уцѣлѣвшіе остатки надписей вообще не доходятъ до эпохи, предшествовавшей замѣнѣ буквы *s* буквою *g*; отъ употребленія стариннаго *s* сохранились лишь отрывочные слѣды; такъ напримѣръ и въ болѣе позднюю пору встрѣчаются слова *honos*, *labos* рядомъ съ *honor* и *labor*, а на недавно найденныхъ въ Пренестѣ надгробныхъ надписяхъ встрѣчаются женскія прозвища *Maio* [= *maios*, *maior*] и *Mino*.

298
259

послужила на своей родинѣ основой для воспитанія и заучиванія навзлустъ юридически-политическаго катихизиса сдѣлалось главнымъ предметомъ обученія римскаго юношества. Съ тѣхъ поръ, какъ знаніе греческаго языка сдѣлалось необходимымъ для всякаго государственнаго человѣка и для всякаго торговца, кромѣ латинскихъ «учителей письма» (*litteratores*) были и преподаватели греческаго языка (*grammatici* *); это были частію домашніе невольники, частію частные преподаватели, учившіе читать и говорить по-гречески или у себя дома или въ жилищѣ ученика. Само собой разумѣется, что какъ въ сферахъ военной и полицейской, такъ и въ сферѣ обученія, дѣло не обходилось безъ употребленія палки **). Впрочемъ образованіе того времени еще не могло подняться выше первоначальнаго обученія, такъ какъ въ общественной жизни не существовало никакого раздѣленія по степенямъ между Римлянами образованными и необразованными.

Точныя
науки.

Что Римляне ни въ какую эпоху не отличались своими познаніями по части математики и механики, всѣмъ извѣстно; относительно-же той эпохи, о которой теперь идетъ рѣчь, это подтверждается почти единственнымъ фактомъ, на который можно сослаться съ полной достовѣрностью, — попыткой децемвировъ исправить календарь. Въ замѣнъ прежняго календаря, основаннаго на старинной крайне несовершенной тріатерѣ (стр. 207), они хотѣли ввести тогдашній аттичскій октаэтерный календарь, въ которомъ лунный мѣсяцъ оставался въ размѣрѣ 29 $\frac{1}{2}$ дней, но солнечный годъ имѣлъ вмѣсто 368 $\frac{3}{4}$ дней 365 $\frac{1}{4}$ и вслѣдствіе того, при неизмѣнной продолжительности обыкновеннаго года въ 354 дня, приходилось добавлять не такъ какъ прежде, по 59 дней на каждые 4 года, а по 90 дней на каждые 8 лѣтъ. Въ томъ-же направленіи исправители римскаго календаря намѣревались, — съ сохраненіемъ прежняго календаря во всемъ остальномъ — укоротить въ двухъ високосныхъ годахъ четырехъ-годоваго цикла не високосные мѣсяцы, а оба февраль,

Исправленіе
календаря.

*) Между словами *litterator* и *grammaticus* было почти такое-же различіе, какое существуетъ между словомъ учитель и тѣмъ, что у Французовъ называется *maître*; подъ словомъ грамматикъ въ старину разумѣли только того, кто преподавалъ греческій языкъ, а не того, кто училъ родному языку. Слово *litteratus* появилось позднѣе и означало не школьнаго преподавателя, а образованнаго человѣка.

**) То, что Плавтъ [Васс. 431] приводитъ какъ образецъ хорошаго стариннаго дѣтскаго воспитанія, носить на себѣ несомнѣнный отпечатокъ римскаго характера:

когда ты, возвратившись домой,
Садился въ курточкѣ на скамейку подлѣ учителя,
И, читая ему камгу, ошибался хоть въ одномъ слогѣ,
Онъ дѣлалъ твою спину такой-же пестрой, какъ дѣтское одѣяло.

каждый на 7 дней и такимъ образомъ установить продолжительность этого мѣсяца для високосныхъ годовъ не въ 29 и не въ 28 дней, а въ 22 и въ 21. Но осуществленію этой реформы помѣшали частію неосновательность математическихъ вычисленій, частію богословскія затрудненія, и въ особенности то соображеніе, что именно на вышеозначенные февральскіе дни приходился годовоіъ праздникъ бога Термина; поэтому продолжительность февраля въ високосные годы была установлена въ 24 и въ 23 дня, такъ что новый римскій солнечный годъ вышелъ на самоѣ дѣлѣ въ $366\frac{1}{4}$ дней. Чтобы устранить происходившія отсюда практическія неудобства, было придумано слѣдующее средство: счетъ по календарнымъ мѣсяцамъ или десятидесятичлѣннѣ (стр. 207), сдѣлавшійся неудобнымъ на практикѣ по причинѣ неодинаковой продолжительности мѣсяцевъ, былъ устраненъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась особенная accuracy въ исчисленіи времени, было введено въ обыкновеніе считать по десятидесятичлѣннымъ срокамъ солнечнаго года въ 365 дней или по такъ называемымъ десятидесятичлѣннымъ годамъ въ 304 дня. Сверхъ того, въ Италіи рано вошло въ употребленіе для земледѣльческихъ цѣлей крестьянскій календарь, составленный Эвдоксомъ (славившимся въ 306 году) на основаніи египетскаго солнечнаго года въ $365\frac{1}{4}$ дней.

368

Находящаяся въ тѣсной связи съ механическими науками, зодчество и скульптура даютъ намъ болѣе высокое понятіе о томъ, чего способны были достигнуть Италійцы и въ этой сферѣ знаній. Хотя и здѣсь мы не находимъ настоящихъ оригинальныхъ произведеній, но если отпечатокъ подражательности и лежитъ на всѣхъ произведенияхъ италійской пластики, роня въ нашихъ глазахъ ея художественное значеніе, за то еще съ болѣе яркостью выступаетъ наружу ея историческій интересъ, такъ какъ съ одной стороны въ ней сохранились самыя замѣчательныя слѣды такихъ международныхъ сношеній, о которыхъ до насъ не дошло никакихъ другихъ свѣдѣній, а съ другой стороны, — почти при полномъ отсутствіи всякихъ историческихъ свѣдѣній о не-римскихъ Италійцахъ, — она является едва-ли не единственнымъ памятникомъ жизни и дѣятельности различныхъ племенъ, жившихъ на италійскомъ полуостровѣ. Объ этомъ предметѣ мы не можемъ высказать ничего новаго, а можемъ только повторить съ болѣе опредѣленностью и по болѣе широкимъ основаніямъ то, что уже было ранѣе замѣчено (стр. 237), — что греческое вліяніе сильно охватило Этрусковъ и Италійцевъ съ различныхъ сторонъ и вызвало въ жизни у первыхъ болѣе богатое и болѣе роскошное искусство, а у вторыхъ болѣе осмысленное и болѣе глубоко прочувствованное.

Ранѣе уже было говорено о томъ, что италійская архитектура была повсюду совершенно проникнута эллинскими началами еще въ

древнѣйшемъ періодѣ своего существованія. И городскія стѣны и водопроводы и пирамидальныя крыши гробницъ и тусканскій храмъ или ничѣмъ не отличаются или мало отличаются въ своихъ главныхъ чертахъ отъ древнѣйшихъ эллинскихъ построекъ. На дальнѣйшее развитіе въ эту эпоху архитектуры у Этрусковъ не сохранилось никакихъ указаній; мы не находимъ у нихъ ни новыхъ подражаній ни самостоятельнаго творчества, если не считать за такое роскошныя гробницы въ родѣ, напримѣръ, описанной у Варрона такъ называемой гробницы Порсены въ Кьюзи, которая живо напоминаетъ безцѣльное и странное великолѣпіе египетскихъ пирамидъ. — И Лаціумъ, въ теченіе первыхъ полутора вѣка отъ основанія республики, не выходилъ изъ прежней колеи и мы уже имѣли случай замѣтить, что съ установленіемъ республики искусство скорѣе стало приходить въ упадокъ, чѣмъ процвѣтать (стр. 444). Къ числу сколько-нибудь значительныхъ въ архитектурномъ отношеніи латинскихъ построекъ этого періода едва-ли можно что-либо отнести, кромѣ построеннаго въ 261 году въ Римѣ, подлѣ цирка, храма Цереры, который считался во времена имперіи образцомъ тусканскаго стиля. Но въ концѣ этой эпохи, италійская и въ особенности римская архитектура прониклась новымъ духомъ (стр. 445); въ ней началось сооруженіе величественныхъ арокъ. Впрочемъ мы не имѣемъ основанія признавать сооруженіе арокъ и сводовъ за италійское изобрѣтеніе. Положительно доказано, что въ эпоху возникновенія эллинской архитектуры Эллыны еще не умѣли строить своды и потому должны были довольствоваться для своихъ храмовъ плоскими потолками и косыми крышами; однако, нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что клинообразный разрѣзъ былъ позднѣйшимъ изобрѣтеніемъ Эллиновъ, проистекавшимъ изъ знакомства съ рациональной механикой; и греческія преданія приписываютъ это изобрѣтеніе физику Демокриту (294—397). Съ этимъ первенствомъ эллинскаго возведенія арокъ передъ римскимъ согласуется много разъ высказывавшееся и, быть можетъ, основательное предположеніе, что сводъ главнаго римскаго кловка и тотъ, который впоследствии замѣнилъ старинную пирамидальную крышу надъ капитолійскимъ колодеземъ (стр. 233), были самими древними изъ тѣхъ уцѣлѣвшихъ построекъ, въ которыхъ былъ примѣненъ новый дугообразный принципъ; сверхъ того болѣе, чѣмъ вѣроятно, что эти дугообразныя сооруженія относятся не къ царской эпохѣ, а ко временамъ республики (стр. 109) и что въ царскую эпоху и въ Италиіи умѣли строить только плоскія крыши или такія, которыя подымались уступами (стр. 233). Однако, кому-бы мы ни приписывали это изобрѣтеніе, примѣненіе принциповъ во всемъ и въ особенности въ архитектурѣ по меньшей мѣрѣ такъ-же важно, какъ ихъ установленіе, и оно безспорно должно быть приписано Римлянамъ. Съ пятаго столѣтія начинается то сооруженіе

воротъ, мостовъ и водопроводовъ съ арками, которое было съ тѣхъ поръ неразрывно связано со славой римскаго имени. Сюда же слѣдуетъ отнести сооруженіе круглыхъ храмовъ и куполовъ*), съ которыми не были знакомы Греки, но которое было у Римлянъ самой любимой формой построекъ, примѣнявшейся преимущественно къ ихъ туземному культу, какъ напримѣръ къ негреческому культу Весты. — То-же самое можно замѣтить о многихъ второстепенныхъ, но тѣмъ не менѣе значительныхъ успѣхахъ по этой части. Объ оригинальности или даже о художественности, конечно, не можетъ быть и рѣчи; тѣмъ не менѣе и въ плотно сложенныхъ каменныхъ плитахъ римскихъ улицъ, и въ неразрушимыхъ шоссеиныхъ дорогахъ, и въ широкыхъ крѣпкихъ кирпичачъ и въ прочности цемента ихъ построекъ сказываются несокрушимая стойкость и энергическая предпримчивость римскаго характера.

Подобно архитектурѣ и даже, пожалуй, преимущественно передъ архитектурой, скульптура и живопись скорѣе выросли на италійской почвѣ изъ греческихъ сѣмянъ, чѣмъ развивались подъ греческимъ вліяніемъ. Ранѣе уже было замѣчено (стр. 236), что хотя эти искусства и считаются младшими сестрами архитектуры, тѣмъ не менѣе они начали развиваться по меньшей мѣрѣ въ Этруріи еще въ эпоху римскихъ царей; но ихъ самое успѣшное развитіе въ Этруріи и въ особенности въ Лаціумъ относится именно къ этой эпохѣ, какъ это ясно видно изъ того факта, что въ тѣхъ странахъ, которыя были отняты у Этрусковъ Кельтами и Самнитами въ теченіе четвертаго столѣтія, не встрѣчается почти никакихъ слѣдовъ этрускаго искусства. Этруская пластика занялась прежде всего и преимущественно издѣліями изъ обожженной глины, изъ мѣди и изъ золота; художникамъ доставляли этотъ матеріалъ богатая залежи

Пластика.

У Этрусковъ.

*) Круглый храмъ, конечно, не былъ воспроизведеніемъ древнѣйшей формы жилищъ, какъ это иные полагаютъ; напротивъ того, форма жилищъ обыкновенно была четырехугольная. Позднѣйшее римское богословіе связывало эту круглую форму съ представленіемъ о земномъ шарѣ или о вселенной, которая шарообразно окружаетъ центральное солнце [Fest. v. gutundam, стр. 282; Платархъ, N. u. II; Овид. Fast. 6, 267 и сл.]; въ дѣйствительности, происхождение этой формы слѣдуетъ приписать тому, что она считалась самой удобной и самой надежной для прикрытія и охраненія даннаго пространства. На этомъ основаніи были построены круглая сокровищница Эллиновъ и круглая римская кладовая или храмъ Пенатовъ; понятно, что римскій очагъ, то есть алтарь Весты и зданіе, въ которомъ поддерживался огонь, то есть храмъ Весты, имѣли круглую форму точно такъ-же, какъ водоемъ и крышка колодца [puteal]. Круглая форма зданій, такъ-же какъ и квадратная, свойственна Греко-Италійцамъ; первая употреблялась для сооруженія закрытыхъ зданій, а вторая для жилищъ; но архитектурное и религіозное развитіе куполообразныхъ зданій въ круглые храмы со столбами и съ колоннами было дѣломъ Латинцевъ.

265

глины, мѣдные рудники и торговыя сношенія Этрурии. О томъ, въ какомъ сильномъ ходу была обработка глины, свидѣлствуютъ громадное количество барельефовъ и статуй изъ обожженной глины, которыми, какъ видно изъ уцѣлѣвшихъ развалинъ, когда-то были украшены стѣны, фронтоны и крыши этрусскихъ храмовъ, и несомнѣнно доказанное существованіе сбыта этихъ издѣлій изъ Этрурии въ Лаціумъ. Издѣлія изъ литой мѣди не отставали отъ издѣлій изъ глины. Этрускіе художники были такъ отважны, что изготовляли колоссальныя бронзовыя статуи, доходившія въ вышину до пятидесяти футовъ, а въ Вольсиніяхъ—этихъ этрусскихъ Дельфахъ,— стояли около 489 года, какъ рассказываютъ, двѣ тысячи бронзовыхъ статуй; напротивъ того, скульптура изъ камня началась въ Этрурии, какъ и повсюду, гораздо позже; помимо другихъ внутреннихъ причинъ, ея развитію препятствовалъ недостатокъ нужнаго матеріала, такъ какъ въ ту пору еще не были открыты луненскіе (каррарскіе) залежи мрамора. Кто видѣлъ богатые и изящныя золотыя украшенія южно-этрусскихъ гробницъ, тотъ не назоветъ неправдоподобнымъ преданіе, что тирренскіе золотые сосуды высоко цѣнились даже въ Атикѣ. И рѣзныя издѣлія изъ камня были очень разнообразны въ Этрурии, не смотря на то, что появились поздне. Этрускіе рисовальщики и живописцы находились въ такой-же зависимости отъ Грековъ, какъ и скульпторы, но были нисколько не ниже ихъ; они чрезвычайно дѣятельно занимались рисованьемъ на металлахъ и монохроматическимъ расписываніемъ стѣнъ. — Если все нами сказанное мы сравнимъ съ тѣмъ, что находимъ у остальныхъ Италійцевъ, то съ перваго взгляда намъ покажется, что у нихъ искусство было почти ничтожнымъ въ сравненіи съ этрусскимъ. Однако, всматриваясь ближе, нельзя не придти къ убѣжденію, что какъ сабельская нація, такъ и латинская были и гораздо даровитѣе и гораздо искуснѣе Этрусковъ. Хотя въ собственно-сабельскихъ Кампанцевъ странахъ—въ Сабинѣ, среди Аbruццовъ и въ Самни почти вовсе и у Сабельцевъ не встрѣчается никакихъ произведеній искусства и даже никакихъ монетъ, но за то тѣ сабельскія племена, которыя проникли до береговъ морей Тирренскаго и Ионическаго, не только усвоили греческое искусство, подобно Этрускамъ, внѣшнимъ образомъ, но также акклиматизировали его у себя болѣе или менѣе въ его полнотѣ. Даже въ Велитрахъ, гдѣ когда-то жили Вольски и гдѣ языкъ и нравы этого народа долго сохранялись (стр. 356), были найдены разрисованныя издѣлія изъ обожженной глины, замѣчательныя по своей красотѣ и оригинальности. Въ нижней Италіи Луканія подверглась лишь въ незначительной степени вліянію греческаго искусства, но какъ въ Кампаніи, такъ и въ странѣ Бреттіевъ Сабеллы слились съ Эллинами какъ по языку и по національности, такъ главнымъ образомъ и по искусству; такъ на примѣръ монеты Кам-

панцевъ и Бреттievъ стоятъ до такой степени наравнѣ съ современными греческими монетами по своей художественной отдѣлкѣ, что ихъ можно отличать отъ греческихъ только по надписямъ. Искусство у
Латиновъ. Меньше всего известно, но не меньше достоверно, что и Лациумъ стоялъ позади Этрурии въ томъ, что касается роскоши и изобилія произведеній искусства, но не уступалъ ей ни по художественному вкусу ни по художественной отдѣлкѣ. Римляне познакомились съ искусствомъ Кампанцевъ въ началѣ пятого столѣтiя, когда утвердили свое владычество надъ Кампанiей, превратили городъ Калесъ въ латинскую общину, а фалернскiй округъ подлѣ Капуи—въ римскiй гражданскiй округъ (стр. 356. 357). Конечно, они не только были вовсе незнакомы съ рѣзбой на камнѣ, которою усердно занимались въ привыкшей къ роскоши Этрурии, но даже нигдѣ не встрѣчается слѣдовъ того, чтобъ латинскiе художники отправляли свои надѣлiя въ чужiя страны подобно этрусскимъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ и лѣщикамъ изъ глины. Конечно, въ латинскихъ храмахъ не было такой массы бронзовыхъ и глиняныхъ украшенiй, какъ въ этрусскихъ; латинскiя гробницы не наполнялись такимъ множествомъ золотыхъ украшенiй, какъ этрусскiя, а стѣны латинскихъ храмовъ не отличались, подобно этрусскимъ, пестротою живописи; но тѣмъ не менѣе перевѣсъ оказывается не на сторонѣ этрусской наци. Изображенiе фигуры бога Януса, которое, точно такъ-же какъ и самъ богъ, было созданиемъ Латиновъ (стр. 165), не лишено художественности и отличается такой оригинальностью, какой не видно ни въ одномъ изъ произведенiй этрусскаго искусства. Прекрасная группа волчицы съ двумя близнецами хотя и имѣетъ по своей идѣ нѣкоторое сходство съ греческими произведенiями, но ея форма, конечно, была придумана если не въ самомъ Римѣ, то по меньшей мѣрѣ Римлянами; въ тому же слѣдуетъ замѣтить, что она впервые появилась на серебряныхъ монетахъ, которыя были вычеканены Римлянами въ Кампанiи. Въ выше упомянутомъ Калесѣ былъ придуманъ, какъ кажется, вскорѣ послѣ его основанiя, особый видъ фигурныхъ глиняныхъ украшенiй, на которыхъ выставлялось имя мастера и мѣсто производства и которыя были въ такомъ большомъ ходу, что даже проникали въ Этрурию. Недавно найденные на Эсквилинѣ маленькiе алтари съ фигурами изъ обожженной глины въ точности соответствуютъ по рисунку и по орнаментамъ благочестивымъ приношенiямъ въ томъ-же родѣ, находившимся въ кампанскихъ храмахъ. При всемъ этомъ и греческiе мастера работали для Рима. Скульпторъ Дамофилъ, изготовлявшiй вмѣстѣ съ Горгасомъ раскрашенныя глиняныя фигуры для стариннаго храма Цереры, какъ кажется, былъ никто иной, какъ наставникъ Зевкса, Демофилъ изъ Гимеры (около 300). Всего поучительнѣе тѣ отрасли искусства, относительно которыхъ мы можемъ придти къ сравнительнымъ заключенiямъ частiю по древнимъ сви-

дѣтельствамъ, частію по нашимъ собственнымъ наблюденіямъ. Изъ латинскихъ каменныхъ издѣлій едва-ли что-либо удѣлало, кромѣ сдѣланной въ концѣ этого періода въ дорическомъ стилѣ каменной гробницы римскаго консула Луція Сципіона; но ея благородная простота способна пристыдить всѣ этрусскія произведенія въ томъ-же родѣ. Изъ этрусскихъ гробницъ было добыто не мало красивыхъ бронзовыхъ издѣлій въ строгомъ старинномъ стилѣ—шлемовъ, свѣтильниковъ и разной утвари; но которое-же изъ этихъ издѣлій могло бы сравниться съ той изготовленной на штрафныя деньги бронзовой волчицей, которая была поставлена въ 458 году на римской площади подлѣ Руминальской смоковницы и которая до сихъ поръ служитъ лучшимъ украшеніемъ для Капитолія? А что латинскіе литейщики изъ металла брались за грандіозныя работы такъ-же смѣло, какъ и этрусскіе, видно по колоссальной бронзовой статуѣ въ Капитоліи, которая была сооружена Спуріемъ Карвиліемъ (консуломъ 461 года) изъ сплавленныхъ самнитскихъ доспѣховъ и которую было видно съ Альбанской горы; падавшихъ во время ея обдѣлки обрѣзовъ оказалось достаточно для того, чтобъ отлить стоящую у подножія колосса статую побѣдителя. Изъ литыхъ мѣдныхъ монетъ самыя красивыя принадлежатъ южному Лациуму; римскія и умбрійскія монеты сносны, а этрусскія не носятъ почти никакихъ изображеній и нерѣдко поистинѣ похожи на варварскія. Стѣнная живопись, исполненная Гайемъ Фабіемъ на посвященномъ въ 452 году храмѣ Благополучія въ Капитоліи, выывала своимъ рисункомъ и колоритомъ похвалы въ эпоху Августа отъ знатоковъ искусства, развившихъ свой вкусъ на греческихъ произведеніяхъ; а во времена имперіи любители искусства хотя и хвалили церитскія фрески, но считали образцовыми произведеніями живописи фрески римскія, ланувійскія и ардеатскія. Рисованье на металлѣ, украшавшее своими изящными контурами въ Этруріи ручныя зеркала, а въ Лациумѣ туалетныя ларчики, было у Латинцовъ не въ большомъ ходу и встрѣчается почти исключительно въ одномъ Пренестѣ; какъ между этрусскими металлическими зеркалами, такъ и между пренестинскими ларчиками есть превосходныя художественныя произведенія; но только о произведеніи этого послѣдняго рода, по всему вѣроятію вышедшемъ изъ мастерской пренестинскаго художника этой эпохи *), могло быть справедливо замѣчено, что едва-ли найдется другое древнее рѣзное издѣліе, которое носило-бы на себѣ такой-же какъ на

296

293

302

*) Новій Плавтій [стр. 444], быть можетъ, отлитъ только ножки ларчика и группу на его крышкѣ, а самый ларчикъ былъ сдѣланъ до него какимъ-нибудь другимъ художникомъ; но такъ какъ эти ларчики были въ употребленіи почти исключительно въ Пренестѣ, то слѣдуетъ полагать, что и тотъ старѣйшій художникъ былъ уроженцемъ Пренеста.

фикоронскомъ ларчикѣ отпечатокъ художественности, законченной по красотѣ и оригинальности, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне согласной съ требованіями чистаго и серьезнаго стиля.

Общій отпечатокъ этрусскихъ произведеній искусства заключается частію въ какой-то варварской утрировкѣ и по матеріалу и по стилю, частію въ полномъ отсутствіи внутренняго развитія. Гдѣ греческій мастеръ дѣлаетъ лишь легкіе штрихи, тамъ этрусскій ученикъ расточаетъ свое прилежаніе чисто по-ученически; вмѣсто легкаго матеріала и умѣренныхъ размѣровъ греческихъ произведеній, мы находимъ въ этрусскихъ произведеніяхъ хвастливую выставку на показъ огромныхъ размѣровъ произведенія, его дорогой стоимости или только его оригинальности. Этрусское искусство не умѣетъ подражать, не владея въ преувеличеніи: точность обращается у него въ жесткость, граціозность—въ извѣженность; изъ страшнаго оно дѣлаетъ что-то отвратительное, изъ роскошнаго—что-то непристойное, и это проглядываетъ все болѣе явственно по мѣрѣ того, какъ первоначальный импульсъ слабѣетъ и этрусское искусство остается предоставленнымъ самому себѣ. Еще болѣе поразительна привязанность къ стариннымъ формамъ и къ старинному стилю. Оттого-ли, что первоначальныя дружескія сношенія съ Этруріей дозволили Эллинамъ посѣять тамъ сѣмена искусства, а позднѣйшій періодъ непрязненныхъ отношеній затруднилъ туда доступъ для первыхъ фазисовъ развитія греческаго искусства, оттого-ли,—что болѣе правдоподобно,—что этрусская нація очень скоро впала въ умственное оцѣпенѣніе, искусство оставалось въ Этруріи на той первоначальной ступени, на которой находилось въ первыя времена своего появленія, а это, какъ извѣстно, и было причиной того, что этрусское искусство, оставшееся неразвитымъ дѣтищемъ эллинскаго искусства, такъ долго считалось его матерью. О томъ, какъ скоро впало этрусское искусство въ безжизненность, свидѣтельствуютъ еще не столько неизмѣнная привязанность къ разъ усвоенному стилю въ древнѣйшихъ отрасляхъ искусства, сколько слабыя успѣхи въ тѣхъ его отрасляхъ, которыя возникли въ болѣе позднюю пору—въ скульптурныхъ произведеніяхъ изъ камня и въ примѣненіи мѣдно-литейнаго дѣла къ монетамъ. Не менѣе поучительно и знакомство съ тѣми раскрашенными сосудами, которые находятся въ такомъ громадномъ числѣ въ позднѣйшихъ этрусскихъ мѣстахъ погребенія. Если-бы эти сосуды вошли у Этрусковъ въ употребленіе такъ-же рано, какъ украшенныя контурами металлическія пластинки или какъ раскрашенныя издѣлія изъ обожженной глины, то ихъ, безъ сомнѣнія, научились-бы изготовлять на мѣстѣ въ достаточномъ числѣ и по меньшей мѣрѣ сноснаго качества; но въ ту эпоху, когда вошла въ употребленіе эта роскошь, самостоятельное воспроизведеніе такихъ сосудовъ оказалось совершенно неудачнымъ (какъ это дока-

Характеръ этрусскаго искусства.

зываютъ нѣкоторые сосуды съ этрусскими надписями), и вмѣсто того, чтобъ ихъ заготовлять на мѣстѣ, ихъ стали приобретать покуп- Искусство у кой. — Но и внутри самой Этруріи обнаруживается замѣчательное раз- сѣверныхъ личіе между художественнымъ развитіемъ ея южныхъ и сѣверныхъ ча- и у южныхъ стей. Сокровища роскоши, состоявшія преимущественно изъ стѣнной Этрусковъ. живописи, изъ храмовыхъ украшеній, изъ золотыхъ издѣлій и раскра- шенныхъ глиняныхъ сосудовъ, сохранились въ южной Этруріи глав- нымъ образомъ близъ Цере, Тарквиній и Вольци, а сѣверная Этрурія далеко отстала отъ нея въ этомъ отношеніи; такъ напримѣръ, не было найдено ни одной раскрашенной гробницы въ сѣверу отъ Кьюзи. Са- мые южные этрусскіе города—Вейи, Цере, Тарквиніи, считались, по римскимъ преданіямъ, коренными и главными центрами этрусскаго искусства, а самый сѣверный городъ Волатерры, обладавшій между всѣми этрусскими общинами самой обширной территоріей, былъ ме- нѣе ихъ всѣхъ знакомъ съ искусствами. Между тѣмъ, какъ въ юж- ной Этруріи царила греческая полу-культура, въ сѣверной Этруріи почти вовсе не было никакой культуры. Причинъ этой замѣчатель- ной противоположности слѣдуетъ искать частію въ разнородности мѣстнаго населенія, которое было въ значительной степени смѣшано въ южной Этруріи съ не-этрусскими элементами (стр. 122), частію въ неравной силѣ эллинскаго вліянія, которое всего рѣшительнѣе обнаруживалось въ Цере; но самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Тѣмъ пагубнѣе были для этрусскаго искусства раннее поработеніе южной половины Этруріи Римлянами и очень скоро начавшаяся тамъ романизация; а о томъ, что была способна создать въ худо- жественномъ отношеніи сѣверная Этрурія послѣ того, какъ ей при- шлось довольствоваться ея собственными силами, свидѣлствуютъ собственно ей принадлежащія мѣдныя монеты.

Характеръ Если мы обратимъ наши взоры отъ Этруріи на Лаціумъ, то мы латинскаго найдемъ, что и здѣсь, конечно, не было создано никакого новаго искусства. искусства; гораздо позднѣйшей культурной эпохѣ было суждено раз- нить изъ системы зрѣть новую архитектуру, не имѣвшую сходства съ эллинскимъ зодчествомъ, и за тѣмъ, въ гармоніи съ нею, создать новую скульптуру и новую живопись. Латинское иску- ство никогда не было оригинальнымъ и нерѣдко оказывалось маловажнымъ; но живая воспримчивость и осмысленная разборчи- вость при усвоеніи чужаго добра также составляютъ высокую худ- ожественную заслугу. Нелегко впадало латинское искусство въ вар- варство; оно стояло въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ совершен- но на одномъ уровнѣ съ греческой техникой. Впрочемъ этимъ ни- сколько не опровергается тотъ фактъ, что искусство Лаціума нахо- дилось въ первыхъ стадіяхъ своего развитія въ нѣкоторой зависи- мости отъ болѣе стараго этрусскаго искусства (стр. 236), и Варронъ могъ не безъ основанія утверждать, что до той поры, когда были

изготовлены греческими художниками глиняныя статуи для храма Цереры (стр. 473), римскіе храмы украшались только «тусканскими» глиняными статуями; но что латинское искусство получило определенное направленіе подъ непосредственнымъ вліяніемъ Грековъ, ясно само по себѣ и сверхъ того доказывается какъ только-что упомянутыми статуями, такъ и латинскими и римскими монетами. Даже примѣненіе рисованья на металлѣ въ Этруріи только къ туалетному зеркалу, а въ Лаціумѣ только къ туалетнымъ ларчикамъ указываетъ на различіе художественныхъ импульсовъ, выпавшихъ на долю этихъ двухъ странъ. Однако центромъ самаго блестящаго процвѣтанія латинскаго искусства былъ, какъ кажется, не Римъ; латинскія мѣдныя монеты и рѣдкія серебряныя были несравненно лучше римскихъ ассовъ и римскихъ денаріевъ по своей тонкой и изящной отдѣлкѣ; да и образцовыя произведенія живописи и рисованья принадлежать преимущественно Пренесту, Ланувію и Ардеѣ. Это вполне согласуется съ той, ранѣе указанной, склонностью римской республики къ реализму и къ воздержности, которая едва-ли могла такъ-же всеильно властвовать надъ остальнымъ Лаціумомъ. Однако, въ теченіе пятаго столѣтія и въ особенности въ его второй половинѣ обнаруживается сильное оживленіе и въ сферѣ римскаго искусства. Это была именно та эпоха, когда было положено начало для будущаго сооруженія арокъ и большихъ дорогъ, когда появились такія художественныя произведенія, какъ капитолийская волчица, и когда одинъ знатный человѣкъ, происходившій отъ древняго римскаго рода, взялся за кисть для того, чтобъ разукрасить вновь построенный храмъ и за это получилъ почетное прозвище «живописца». И это не было простой случайностью. Всякая великая эпоха вполне охватываетъ всего человѣка, и несмотря на суровость римскихъ нравовъ, несмотря на строгость римской полиціи, стремленіе впередъ охватило все римское гражданство, сдѣлавшееся обладателемъ полуострова, или, вѣрнѣе, всю Италію, впервые достигшую государственнаго единства; это стремленіе обнаружилось въ развитіи латинскаго и въ особенности римскаго искусства такъ же ясно, какъ нравственный и политическій упадокъ этрусской націи обнаружился въ упадкѣ ея искусства. Могучая народная сила Лаціума, одолевшая болѣе слабыя націи, наложила свою неагладимую печать также на бронзѣ и на мраморѣ.

КНИГА ТРЕТЯ.

Отъ объединенія Итали до покоренія Карфагена и греческихъ государствъ.

Arduum res gestas scribere.

Саллюстій.

ГЛАВА I.

Карегенъ.

Семитическое племя хотя и жило среди народовъ древняго клас- **Финикиане.**
сическаго міра, но не принадлежало къ ихъ средѣ. Центромъ тяго-
тѣнія для перваго былъ востокъ, для вторыхъ берега Средиземнаго
моря и какъ ни передвигались границы, какъ ни смѣшивались между
собою племена вслѣдствіе войнъ и переселеній, все-таки глубокое
сознаніе разноплеменности всегда отдѣляло и до сихъ поръ отдѣ-
ляетъ индо-германскіе народы отъ народовъ сирійскаго, израиль-
скаго и арабскаго происхожденія. То-же можно сказать и о томъ
семитическомъ племени, которое дагѣ всѣхъ другихъ распростра-
нилось на западъ—о Финикианыхъ. Ихъ родиной было то узкое по-
бережье между Малой Азіей, сирійской возвышенностью и Египтомъ,
которое называлось Ханааномъ, то-есть равниной. Только этимъ име-
немъ нація называла сама себя: даже въ вѣка христіанства афри-
канскій земледѣлецъ называлъ себя Ханаанитомъ; но у Эллиновъ
Ханаанъ назывался «страной пурпура» или также «страной крас-
ныхъ людей», Финикіей; Италійцы также называли Ханаанитовъ
Пуніями, и мы обыкновенно называемъ ихъ Финикиянами или Пу-
ніями.— Эта страна очень удобна для земледѣлія, но она въ осо- **Торговля.**
бенности благоприятна для торговли благодаря своимъ превосход-
нымъ гаванямъ и изобилію строеваго лѣса и металловъ; оттого-то
торговля и развилась, быть можетъ, въ первый разъ во всемъ сво-
емъ величій именно тамъ, гдѣ чрезвычайно богатый восточный ма-
терикъ приближается къ далеко-раскинувшемуся, богатому островамъ
и пристанями Средиземному морю. Все, чего можно достигнуть му-
жествомъ, находчивостью и предпріимчивостью, было направлено Фи-
никіянами къ широкому развитію торговли и находящихся въ связи
съ торговлей мореплаванія, фабричнаго производства и колонизаціи,
и къ тому, чтобъ сдѣлаться посредниками между востокомъ и за-
падомъ. Въ неизмовѣрно раннюю пору мы встрѣчаемся съ ними на
Кипрѣ и въ Египтѣ, въ Греціи и въ Сициліи, въ Африкѣ и въ Испа-

ни, и даже на Атлантическомъ океанѣ и на Нѣмецкомъ морѣ. Сфера ихъ торговой дѣятельности простирается отъ Сиерра-Леоне и Корнваллиса на западѣ до Малабарскаго берега на востокъ; черезъ ихъ руки идутъ золото и жемчугъ съ востока, тирскій пурпуръ, невольники, слоновая кость, львиныя и леопардовыя шкуры изъ внутренней Африки, арабскій ладанъ, льняныя произведенія Египта, глиняная посуда и тонкія вина Греціи, мѣдь съ острова Кипра, испанское серебро, англійское олово и желѣзо съ острова Эльбы. Финикійскіе моряки доставляютъ каждому народу то, что ему нужно или что онъ въ состояніи купить, и проникаютъ всюду, никогда не отказываясь отъ намѣренія возвратиться въ ихъ узкое, но дорогое ихъ сердцу отечество. Финикійяне, конечно, имѣютъ право быть упомянутыми въ исторіи наряду съ націями эллинской и латинской; но и на нихъ,—даже едва-ли не болѣе чѣмъ на какомъ-либо другомъ народѣ,—подтверждается та истина, что древность развивала народныя силы односторонне. Всё, что было создано у арамейскаго племени великаго и долговѣчнаго на интеллектуальной почвѣ, не было дѣломъ Финикійянь; если и можно въ нѣкоторомъ смыслѣ допустить, что вѣра и знаніе были первоначально достояніемъ арамейскихъ націй и перешли къ Индо-Германцамъ съ востока, все-таки ни финикійская религія, ни финикійскія наука и искусство, сколько намъ извѣстно, никогда не занимали самостоятельнаго положенія между арамейскими. Религіозныя представленія Финикійянь безформенны и неизящны, а ихъ культъ скорѣе питалъ, чѣмъ обуздывалъ сладострастіе и жестокосердіе; о какомъ-либо особомъ вліяніи финикійской религіи на другіе народы нѣтъ никакихъ указаній, по меньшей мѣрѣ въ томъ, что касается времени, освѣщаемыхъ историческимъ свѣтомъ. Нѣтъ указаній и на существованіе такой финикійской архитектуры или пластики, которую можно-бы было сравнивать если не съ тѣмъ, что мы находимъ въ отчизнѣ искусствъ, то хотя-бы съ тѣмъ, что мы находимъ въ Италіи. Древнѣйшею отчизной научныхъ наблюденій и ихъ практическаго примѣненія былъ Вавилонъ или страны, лежащія вдоль Евфрата; тамъ, вѣроятно, впервые стали наблюдать за теченіемъ звѣздъ; тамъ впервые стали различать и письменно выражать звуки рѣчи; тамъ люди начали размышлять о времени, о пространствѣ и о дѣйствующихъ въ природѣ силахъ; туда приводятъ насъ древнѣйшіе слѣды астрономіи и хронологіи, азбуки, мѣры и вѣса. Правда, Финикійяне извлекали изъ художественнаго и высоко-развитаго вавилонскаго мастерства пользу для своей промышленности, изъ наблюденій за теченіемъ звѣздъ—пользу для своего мореплаванія, изъ записыванія звуковъ и изъ введенія правильныхъ мѣръ—пользу для своей торговли, а развозя свои товары, они распространяли не мало важныхъ зачатковъ цивилизаціи; но нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобъ именно отъ нихъ исхо-

Интеллектуальная способность.

для азбука или которое-нибудь изъ вышеупомянутыхъ гениальныхъ произведеній человѣческаго ума, а тѣ религиозныя или научныя идеи, которыя дошли черезъ ихъ посредство къ Эллинамъ, разбрасывались ими не такъ, какъ хлѣбопашецъ засѣваетъ землю, а такъ, какъ птица нечаянно роняетъ сѣмечки. Финикияне были совершенно лишены той способности цивилизовать и ассимилировать приходившіе съ ними въ соприкосновеніе и доступныя для культуры народы, которую мы находимъ у Эллиновъ и даже у Италийцевъ. Въ сферѣ римскихъ завоеваній, передъ романскимъ языкомъ совершенно исчезли нарѣчія иберійскія и кельтскія; африканскіе Берберы до сихъ поръ еще говорятъ на томъ-же языкѣ, который былъ у нихъ въ употребленіи во времена Аннона и Баркидовъ. Но болѣе всего недоставало Финикиянамъ, — какъ и всѣмъ арамейскимъ націямъ въ противоположность съ индо-германскими, — влеченій къ прочной государственной организаціи, недоставало гениальныхъ помысловъ о самоуправляющейся свободѣ. Въ самыя цвѣтушія времена Сидона и Тира Финикия постоянно была яблокомъ раздора между тѣми, кто владычествовалъ на берегахъ Евфрата и Нила; она постоянно находилась въ подданствѣ то у Ассирійцевъ, то у Египтянъ. Съ силами вдвое меньшими эллинскіе города достигли-бы независимости; но осторожныя Сидонцы рассчитывали, что прекращеніе караванныхъ сообщеній съ востокомъ или закрытіе египетскихъ гаваней обойдется имъ гораздо дороже самой тяжелой дани; поэтому они предпочитали уплачивать подати то въ Ниневію, то въ Мемфисъ, и даже въ случаѣ необходимости участвовали съ своими кораблями въ битвахъ тамошнихъ царей. Финикияне не только у себя дома терпѣливо выносили иго своихъ повелителей, но и внѣ своего отечества вовсе не обнаруживали намѣренія замѣнить мирныя приемы торговой политики приемами политики завоевательной. Ихъ колоніи были купеческими конторами; они предпочитали добывать отъ туземцевъ товары и снабжать ихъ привозными товарами, чѣмъ пріобрѣтать въ далѣкихъ странахъ обширныя территоріи и заниматься труднымъ и мѣшкотнымъ дѣломъ колонизаціи. Даже съ своими соперниками по торговлѣ они избѣгали войнъ; они почти безъ сопротивленія были вытѣснены изъ Египта, изъ Греціи, изъ Италиіи и изъ восточной Сициліи, а въ большихъ морскихъ сраженіяхъ, происходившихъ въ раннюю пору изъ-за владычества надъ западною частію Средиземнаго моря подлѣ Алаліи (217) и подлѣ Кумъ (280), не Финикияне выносили трудность борьбы съ Греками, а Этруски. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было избѣжать конкуренціи, они улаживали дѣло полюбовно, какъ могли; они даже никогда не дѣлали попытки завладѣть городомъ Цере или Массалией. Они, конечно, еще менѣе были склонны къ веденію наступательныхъ войнъ. Только одинъ разъ являются они въ древнія времена на полѣ сраженія въ роли нападающихъ, —

Политическія способности.

537 474

а именно во время большой экспедиции, предпринятой африканскими Финикиянами в Сицилию и окончившейся (274) темъ, что Гелонъ Сиракузскій нанесъ имъ поражение при Гимерѣ; но и на этотъ разъ они являются только послушными подданными великаго царя и выступаютъ въ походъ противъ западныхъ Эллиновъ только съ цѣлю уклониться отъ участія въ походѣ противъ восточныхъ Эллиновъ; это видно изъ того, что въ томъ-же году ихъ сирійскіе соплеменники были вынуждены принять участіе въ той экспедиціи Персовъ, которая окончилась поражениемъ при Саламинѣ (стр. 319).—Это происходило не отъ трусости: плаваніе по невѣдомымъ морямъ и на вооруженныхъ корабляхъ требуетъ не мало мужества, въ которомъ у Финикиянъ не было недостатка, какъ они это неоднократно доказывали. Темъ менѣе можно это приписывать отсутствію стойкости и самобытности въ характерѣ націи; напротивъ того, Арамеицы защищали свою національность и духовнымъ оружіемъ и своею кровью отъ всѣхъ приманокъ греческой цивилизаціи и отъ всякихъ насилій со стороны восточныхъ и западныхъ деспотовъ съ такимъ упорствомъ, до какого никогда не доходилъ ни одинъ изъ индо-германскихъ народовъ и которое намъ, жителямъ запада, кажется то выше, то ниже человѣческаго. Но при самомъ живомъ сознаніи племенной особенности, при самой неизмѣнной преданности родному городу, самой своеобразной чертой въ характерѣ Финикиянъ было отсутствіе государственныхъ способностей. Свобода не была для нихъ приманкой и они не находили наслажденія въ господствѣ; «они жили», — говорится въ «Книгѣ Судей» — «по обыкновенію Сидонянъ, спокойно, тихо и безопасно и обладали богатствами».

Карфагенъ.

Между всѣми финикійскими колоніями ни одна не достигла процвѣтанія такъ скоро и такъ легко, какъ тѣ, которыя были основаны Тирянами и Сидонянами на южныхъ берегахъ Испаніи и на берегахъ сѣверной Африки; этихъ странъ не достигали ни власть великаго царя, ни опасное соперничество греческихъ мореплавателей, а мѣстное населеніе находилось въ такомъ положеніи по отношенію къ иноемнымъ пришельцамъ, въ какомъ находятся въ Америкѣ Индѣйцы по отношенію къ Европейцамъ. Между основанными тамъ многочисленными и цвѣтущими финикійскими городами стоялъ выше всѣхъ «Новый городъ» — Карфада, или, какъ его называли на западѣ, Кархедонъ или Карфагенъ. Хотя этотъ городъ не былъ древнѣйшимъ поселеніемъ Финикиянъ въ тѣхъ странахъ и даже, быть можетъ, первоначально находился въ зависимости отъ древнѣйшаго финикійскаго города въ Ливіи, — отъ близь-лежащей Утики, но онъ скоро затмилъ и сосѣдніе города и даже свою метрополию, благодаря несравненнымъ преимуществамъ своего географическаго положенія и благодаря энергической предприимчивости своего населенія. Онъ стоялъ неподалеку отъ (бывшаго) устья Баграда (Медшерда), протекающаго по самой хлѣбородной полосѣ сѣверной Африки, на

плодородной, до сихъ поръ еще застроенной вилами и покрытой оливковыми и апельсиновыми рощами возвышенности, которая спускается къ равнинѣ пологимъ скатомъ и оканчивается со стороны моря выступомъ, омываемымъ морскими волнами; эта мѣстность лежитъ подлѣ самой большой сѣверо-африканской пристани, подлѣ Тунисскаго залива, тамъ, гдѣ этотъ красивый бассейнъ представляетъ самую удобную якорную стоянку для большихъ кораблей и гдѣ у самаго морскаго берега имѣется годная для питья ключевая вода; мѣстныя условія были тамъ такъ безпримѣрно благопріятны для земледѣлія, для торговли и для обмѣна между ними услугъ, что основанная тамъ Тирянами колонія сдѣлалась главнымъ изъ финикійскихъ торговыхъ городовъ; даже во времена римскаго владычества, едва возстановленный Каррагенъ сталъ третьимъ городомъ въ имперіи, и даже теперь тамъ стоитъ и процвѣтаетъ городъ во сто тысячъ жителей, не смотря на всѣ неблагопріятныя для него условія и не смотря на то, что онъ выстроенъ на мѣнѣ удачно выбранномъ мѣстѣ. Само собой понятно, что въ городѣ на такомъ выгодномъ мѣстѣ и съ такимъ населеніемъ процвѣтали и земледѣліе и торговля и промышленность; но отъ насъ требуется отвѣта тотъ вопросъ, какимъ путемъ эта колонія достигла такого политическаго могущества, какаго не достигалъ ни одинъ изъ другихъ финикійскихъ городовъ.

Что финикійское племя и въ Каррагенѣ оставалось вѣрнымъ своей Каррагенъ, пассивной политикѣ, на это нѣтъ недостатка въ доказательствахъ. Но главъ, Вплоть до эпохи своего процвѣтанія Каррагенъ уплачивалъ, за за- западныхъ нятую городомъ территорію, поземельную подать мѣстнымъ Бербе- Финиціанъ, рамъ, принадлежавшимъ къ племени Максіевъ или Макситановъ, вступаетъ и хотя городъ былъ достаточно защищенъ моремъ и степенью отъ въ борьбу всякаго нападенія со стороны восточныхъ державъ, онъ, какъ ка- съ Элли- жется, признавалъ, — быть можетъ только номинально, — верховную нами. власть великаго царя и въ случаѣ надобности иногда уплачивалъ ему дань съ цѣлію обезпечить свои торговыя сношенія съ Тиромъ и съ востокомъ. — Но при всей готовности Финикіянъ подлаживаться и унижаться обстоятельства такъ сложились, что имъ поневолѣ пришлось вступитъ на путь болѣе энергической политики. Въ виду наплыва эллинскихъ переселенцевъ, неудержимо стремившихся на западъ, уже успѣвшихъ вытѣснить Финикіянъ изъ собственной Греціи и изъ Италіи и пытавшихся сдѣлать то-же въ Сициліи, въ Испаніи и даже въ Либіи, Финикіяне были вынуждены искать для себя какой-нибудь надежной опоры, чтобъ не быть окончательно задавленными. Такъ какъ на этотъ разъ имъ приходилось имѣть дѣло не съ великимъ царемъ, а съ греческими торговцами, то они уже не могли отдѣлаться изъявленіями покорности и уплатой повинностей и податей за право по старому заниматься торговлей и промышленностью. Мас-

самія и Кирена уже были основаны; вся восточная Сицилія уже находилась въ рукахъ Грековъ, и для Финикіянаъ насталъ послѣдній срокъ, когда еще не было поздно оказать серьезное сопротивленіе. Карфагеняне взялись за это дѣло; путемъ продолжительныхъ и упорныхъ войнъ они положили предѣлъ наступательному движению Киренейцевъ и не дозволили Элинамъ утвердиться на западѣ отъ триполійской степи. Кроме того, поселившіеся въ западной оконечности Сициліи Финикіяне успѣли, при помощи Карфагенянаъ, отразить нападенія Грековъ; они охотно и добровольно поступили въ вассальную зависимость отъ могущественнаго соплеменнаго города (стр. 142). Эти важные успѣхи, достигнутые во второмъ столѣтіи отъ осн. Р. и обезпечившіе Финикіянамъ владычество надъ юго-западною частію Средиземнаго моря, натурально доставили руководившему борьбой городу гегемонію надъ всей націей и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили его политическое положеніе. Карфагенъ сдѣлался уже не простымъ торговымъ городомъ; онъ сталъ стремиться къ владычеству надъ Либіей и надъ частію Средиземнаго моря, потому что былъ къ тому вынужденъ необходимою. Этимъ успѣхамъ, по всему вѣроятію, много содѣйствовало употребленіе въ дѣло наемниковъ, которое вошло въ обыкновеніе въ Греціи около половины четвертаго столѣтія отъ осн. Р., а у восточныхъ народовъ, и въ особенности у Карянаъ, было еще болѣе древнимъ и даже, быть можетъ, было введено именно Финикіянами. Вслѣдствіе вербовки иноземцевъ, война превратилась въ громадную денежную спекуляцію, а это было совершенно въ духѣ финикійскихъ нравовъ.

Владычество Карфагена въ Африкѣ. 450 Подъ вліяніемъ этихъ внѣшнихъ успѣховъ Карфагеняне впервые перешли въ Африкѣ отъ наѣмнаго и выпрошеннаго пользованія земель къ приобрѣтенію ея въ собственность и къ завоеваніямъ. Какъ кажется, не ранѣе 300 года отъ осн. Р., карфагенскіе торговцы освободились отъ поземельной подати, которую они прежде уплачивали туземцамъ. Это дало возможность завести полевое хозяйство въ большихъ размѣрахъ. Финикіяне искони старались употреблять свои капиталы и на земледѣліе, которое заводили на широкую ногу при помощи рабовъ или наемныхъ рабочихъ; это видно изъ того, что Іудеи поступали въ большомъ числѣ въ качествѣ подѣнщиковъ къ богатымъ тирскимъ купцамъ именно для работъ этого рода. Теперь для Карфагенянаъ открылась возможность разрабатывать богатую либійскую почву по такой системѣ, которая сродни теперешней плантаторской: они стали воздѣлывать землю руками скованныхъ цѣплями рабовъ, — а число этихъ послѣднихъ доходило у иныхъ владѣльцевъ до двадцати тысячъ. Но этимъ не удовольствовались. Такъ какъ земледѣліе было введено у Либійцевъ, какъ кажется, очень рано и по всему вѣроятію до заведенія финикійскихъ колоній, какъ слѣдуетъ полагать, изъ Египта, то находившіяся въ окрестностяхъ Карфагена поселенія

Либійцы.

земледѣльцевъ были захвачены съ оружіемъ въ рукахъ, а свободные либійскіе хлѣбопашцы были превращены въ феллаховъ, которые должны были отдавать своимъ господамъ, въ качествѣ дани, четвертую часть земныхъ плодовъ и которые были подчинены регулярному набору рекрутъ для сформированія собственной кареагенской арміи. Съ бродившими подлѣ границы пастушескими племенами (*νομαδες*) не преобразовались столбновения, но цѣпь укрѣпленныхъ постовъ обезпечила спокойствіе въ замиренной странѣ, а тѣ кочевники были мало-по-малу оттѣснены въ степи и въ горы, или-же были принуждены признать верховную власть Кареагена, уплачивать ему дань и доставлять вспомогательныя войска. Въ эпоху первой Пунической войны, ихъ большой городъ Тевесте (Тебесса, у верховьевъ Медшерды) былъ взятъ Кареагенянами. Это были тѣ самыя «города и племена (*εἰθνη*) подданныхъ», о которыхъ идетъ рѣчь въ кареагенскихъ государственныхъ договорахъ; подлѣ городами разумѣются несвободныя либійскія деревни, а подлѣ племенами — покоровшіяся кочевники. — Наконецъ, сюда слѣдуетъ присовокупить и владычество Кареагена надъ остальными африканскими Финикиянами или надъ такъ-называемыми Либифиникиянами. Къ числу ихъ принадлежали: частію выселившіяся изъ Кареагена по всему сѣверному и отчасти сѣверо-западному африканскому побережью болѣе мелкія колоніи, которыя, конечно, не были ничтожны, такъ какъ только на берегахъ Атлантическаго океана было разомъ поселено 30,000 такихъ колонистовъ; частію старинныя финикійскія поселенія, которыя были особенно многочисленны на берегахъ теперешней провинціи Константины и тунисскаго пашалыка, какъ напримѣръ: Гиппонъ, впоследствии прозванный Царскимъ (Бона), Гадруметъ (Суза), Малый Лептисъ (къ югу отъ Сузы), который былъ вторымъ городомъ африканскихъ Финикиянъ, Тапсъ (тамъ-же) и Великій Лептисъ (Лебда, къ западу отъ Триполи). Теперь уже трудно доискаться, какимъ образомъ всѣ эти города попали въ зависимость отъ Кареагена, — добровольно ли съ цѣлью оградить себя отъ нападѣній Киренейцевъ и Нумидійцевъ, или-же по принужденію; но не подлежитъ сомнѣнію, что даже въ официальныхъ документахъ они называются кареагенскими подданными, что они были принуждены срыть свои городскія стѣны, уплачивать Кареагену дань и доставлять вспомогательныя войска. Впрочемъ они не были обязаны ни доставлять рекрутъ ни уплачивать поземельныя подати, а доставляли определенное число солдатъ и определенную сумму денегъ; такъ напримѣръ Малый Лептисъ ежегодно уплачивалъ громадную сумму въ 465 талантовъ (574,000 талер.); затѣмъ они жили на равныхъ правахъ съ Кареагенянами и могли заключать равноправныя браки *).

Либифиникияне.

*) Самое ясное опредѣленіе этого важнаго разряда подданныхъ встрѣчается

участи не столько благодаря своему могуществу, сколько благодаря признательности Карфагенянъ къ ихъ стариннымъ покровителямъ, и сохранила какъ свои городскія стѣны, такъ и свою независимость; Финикіяне, какъ видно, оплачивали за сдѣланное имъ добро такой горячей привязанностью, которая рѣзко отличалась отъ холодности Грековъ. Даже во внѣшнихъ дѣлахъ «Карфагенъ и Утика» рѣшаютъ и договариваются заодно,—что, конечно, не помѣшало гораздо болѣе обширному Новому городу утвердить свою гегемонію и надъ Утикой. Такимъ образомъ тирійская факторія превратилась въ столицу могущественнаго сѣверо-африканскаго государства, которое простиралось отъ триполійской степи до Атлантическаго океана и хотя довольствовалось въ своей западной части (Марокко и Алжиръ) нерѣдко лишь поверхностнымъ занятіемъ прибрежныхъ странъ, но въ болѣе богатой восточной части, въ теперешнихъ округахъ Константины и Туниса, господствовало и надъ внутренними странами, постоянно расширяя свои границы въ южномъ направленіи; по мѣткому выраженію одного древняго писателя, Карфагеняне превратились изъ Тирійцевъ въ Либійцевъ. Финикійская цивилизація господствовала въ Либіи подобно тому, какъ послѣ походовъ Александра греческая цивилизація господствовала въ Малой Азіи и въ Сирии, хотя господство первой и не было такъ всеильно, какъ господство второй. При дворахъ шейковъ кочевыхъ племенъ говорили и писали по-финикійски, а цивилизованныя туземныя племена приняли для своего языка финикійскую азбуку *); но ихъ полное обращеніе въ

въ карфагенскомъ государственномъ договорѣ [Полиб. 7, 9], гдѣ они называются, въ противоположность съ одной стороны съ жителями Утики, а съ другой—съ либійскими подданными: *οἱ Καρχηδονίων ἑπαρχοὶ ἕσσι τοῖς αὐτοῖς ἔβροσι χροῖεται*. Иначе они называются также союзными [*συνμαχίδες πόλεις*, Діод. 20, 10] или обязанными уплачивать подати [Ливій, 34, 62; Юстинъ, 22, 7, 3]. О равноправности браковъ упоминаетъ Діодоръ, 20, 55; о равноправности въ дѣловыхъ сношеніяхъ свидѣлствуютъ „одинакіе законы“. Что старинныя финикійскія колоніи принадлежали Либифиникіянамъ, видно изъ того, что Гиппонъ считался либифиникійскимъ городомъ [Ливій, 25, 40]; съ другой стороны, о выселенныхъ изъ Карфагена колоніяхъ говорится въ описаніи морской экспедиціи Аннона: „Карфагеняне рѣшили, чтобъ Аннонъ плылъ за Геркулесовы Столбы и основывалъ либифиникійскіе города“. Выраженіе Либифиникіяне въ сущности означало у Карфагенянъ не національную, а государственную категорію. Этому не противорѣчитъ и то, что это названіе въ грамматическомъ смыслѣ означаетъ Финикіяне, смѣшанныхъ съ Либійцами [Ливій 21, 22, дополнение къ тексту Полибія]; дѣйствительно, когда основывались колоніи въ опасныхъ пунктахъ, къ Финикіянамъ нерѣдко присоединяли Либійцевъ [Діод. 13, 79. *Cic. pro Scauro*, § 42]. Сходство между римскими Латинами и карфагенскими Либифиникіянами, какъ по названію, такъ и по правовымъ отношеніямъ, неоспоримо.

*) Либійская или нумидійская азбука, то-есть та, посредствомъ которой Бер-

Финикиянь было-бы несогласно съ духомъ націи и не входило въ политику Карфагена. — Эпоху, когда совершилось это превращеніе Карфагена въ столицу Либіи, нѣтъ возможности опредѣлить, тѣмъ болѣе потому, что это превращеніе, безъ сомнѣнія, совершалось постепенно. Только-что упомянутый писатель называетъ карфагенскимъ реформаторомъ Аннона; если это тотъ самый Анновъ, который жилъ во время первой войны съ Римомъ, то онъ, безъ сомнѣнія, лишь завершилъ примѣненіе системы, приводившейся въ исполненіе, вѣроятно, въ теченіе четвертаго и пятаго столѣтій отъ осн. Р. — По мѣрѣ того, какъ развѣталъ Карфагенъ, на родимѣ Финикиянь приходили въ упадокъ большіе города — Сидонъ и въ особенности Тиръ; ихъ цвѣтущее положеніе было совершенно разрушено частію вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, частію вслѣдствіе внѣшнихъ бѣдствій, въ особенности вслѣдствіе того, что въ первомъ столѣтіи отъ осн. Р. ихъ осаждалъ Сальманассаръ, во второмъ — Набукодроссоръ, въ пятомъ — Александръ. Знатныя семьи и старинныя купческія фирмы Тира болѣе частію перенеслись въ болѣе безопасную и цвѣтущую колонію и перенесли туда свою интеллигенцію, свои капиталы и свои традиции. Въ то время, какъ Финикияне столкнулись съ Римлянами, Карфагенъ былъ такъ-же безспорно первымъ ханаанитскимъ городомъ, какъ Римъ былъ первой латинской общиной.

Но владычество надъ Либіей составляло лишь долю карфагенскаго могущества; въ то-же время достигли не менѣе сильнаго развитія морское и колониальное владычество Карфагенянь. — Въ Испаніи главнымъ владѣніемъ Финикиянь была очень древняя тирская колонія Гадесъ (Кадиксъ); сверхъ того они владѣли на западѣ и на востокѣ отъ этого поселенія длиннымъ рядомъ факторій, а внутри страны — серебряными рудниками, такъ что въ ихъ рукахъ находились приблизительно теперешняя Андалузія и Гренада или, по меньшей мѣрѣ, берега этихъ провинцій. Карфагеняне не пытались завоевывать внутреннія страны у туземныхъ воинственныхъ племенъ, а довольствовались тѣмъ, что владѣли рудокопьями и стоянками необходимыми для торговли, для рыбнаго промысла и для добыванія

Морское
могущество
Карфагена.
Испанія.

беры писали и пишутъ на своемъ несемитическомъ языкѣ и которая принадлежитъ къ безчисленнымъ азбукамъ, происшедшимъ отъ древней арамейской, по видимому, ближе подходитъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ формамъ къ этой послѣдней, нежели финикійская; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобъ Либійцы получили письменность не отъ Финикиянь, а отъ древнѣйшихъ переселенцевъ; точно такъ-же и частію очень древнія формы италійской азбуки не противорѣчатъ ея происхожденію отъ греческой азбуки. Скорѣе можно допустить, что либійская азбука произошла отъ финикійской въ періодъ развитія этой послѣдней болѣе ранній, чѣмъ та эпоха, когда были написаны дошедшіе до насъ памятники финикійскаго языка.

раковинъ, и даже тамъ они съ трудомъ защищались отъ сосѣднихъ племенъ. Эти владѣнія, по всему вѣроятію, принадлежали въ сущности не Картагенянамъ, а Тирійцамъ, и Гадесъ не входилъ въ число тѣхъ городовъ, которые были обяваны уплачивать Картагену дань; однако и этотъ городъ, подобно всѣмъ западнымъ Финикіянамъ, фактически подчинился гегемоніи Картагена; это видно изъ того, что Картагенъ посылалъ жителямъ Гадеса подтвержденія для борьбы съ туземцами и что онъ завелъ къ западу отъ Гадеса картагенскія торговыя поселенія. Напротивъ того, Эбузъ и Балеары были съ раннихъ поръ заняты самими Картагенянами частію для рыбной ловли, частію въ качествѣ форпостовъ противъ Массалиотовъ, съ которыми велась отсюда ожесточенная борьба. — Еще въ концѣ второго столѣтія отъ основ. Р. Картагеняне утвердились и въ Сардиніи, изъ которой стали извлекать такія-же матеріальныя выгоды, какія извлекали изъ Либіи. Между тѣмъ, какъ туземцы укрывались въ гористыхъ внутреннихъ странахъ, чтобъ спастись отъ обращенія въ землепашцевъ-невольниковъ, точно такъ-же, какъ въ Африкѣ Нумидійцы укрывались въ степяхъ, — финикійскія колоніи были поселены въ Каралисъ (Кальяри) и въ другихъ важныхъ пунктахъ, и плодородныя прибрежныя страны стали воздѣлываться руками переселенныхъ туда либійскихъ хлѣбопашцевъ. — Наконецъ, что касается Сициліи, то хотя Мессанскій проливъ и большая восточная часть острова издавна попали въ руки Грековъ, однако Финикіяне удержали въ своей власти, при помощи Картагенянъ, частію близъ лежащія болѣе мелкіе острова—Эгаты, Мелиту, Гавль, Коссиру, между которыми въ особенности разбогатѣло и стало процвѣтать поселеніе на Мальтѣ, частію западный и сѣверный берега Сициліи, откуда они поддерживали сообщенія съ Африкой изъ Мотіи, а впоследствии изъ Лилибея, и съ Сардиніей изъ Панорма и изъ Солекса. Внутренность полуострова оставалась во власти туземцевъ—Элимеевъ, Сикановъ и Сикеловъ. Послѣ того какъ былъ положенъ предѣлъ дальнѣйшему наступленію Грековъ, въ Сициліи установилось сравнительно мирное положеніе, которое было не надолго нарушено даже предпринятой по наущенію Персовъ экспедиціей Картагенянъ противъ ихъ греческихъ сосѣдей на островѣ (274) и которое вообще продолжалось до аттической экспедиціи въ Сицилію (339—341). Обѣ соперничествовавшія націи старались уживаться и довольствоваться тѣмъ, чѣмъ уже прежде владѣли. — Всѣ эти колоніи и владѣнія были довольно важны и сами по себѣ; но они получили еще болѣе важное значеніе въ той мѣрѣ, въ какой сдѣлались точками опоры для морскаго владычества Картагенянъ. Благодаря обладанію южной Испаніей, Балеарскими островами, Сардиніей, западной Сициліей и Мелитой и благодаря тому, что для эллинской колонизаціи были воздвигнуты преграды и на восточныхъ берегахъ Испаніи и въ Корсикѣ и вблизи Сиртовъ, обладатели сѣ-

Сардинія.

Сицилія.

480

415 413

**Морское
владыче-
ство.**

веро-африканскаго побережья закрыли доступъ въ свои моря и сдѣлались единственными хозяевами въ западномъ проливѣ. Только владычество на моряхъ тирренскомъ и галльскомъ приходилось Финикіянамъ раздѣлять съ другими націями. Но съ этимъ еще можно было мириться, пока силы Этрусковъ и Грековъ тамъ уравнивались; съ первыми изъ нихъ, какъ съ менѣе опасными соперниками, Каррагенъ даже вступилъ въ союзъ противъ Грековъ. Однако, когда могущество Этрусковъ пришло въ упадокъ (для предотвращения котораго Каррагеняне не напрягали всѣхъ своихъ силъ, какъ это обыкновенно случается при заключеніи подобныхъ вынужденныхъ союзовъ) и когда широкіе замыслы Алкивиада не увѣнчались успѣхомъ, тогда Сиракузы сдѣлались безспорно первой греческой морской державой и, понятно, не только владѣтели Сиракузъ стали стремиться къ владычеству надъ Сициліей и надъ нижней Италіей и вмѣстѣ съ тѣмъ къ владычеству на моряхъ Тирренскомъ и Адриатическомъ, но и Каррагеняне были принуждены вступить на путь болѣе энергической политики. Ближайшимъ послѣдствіемъ продолжительной и упорной борьбы между ними и ихъ столько-же могущественнымъ сколько неблагороднымъ соперникомъ Діонисіемъ Сиракузскимъ (348—389) было уничтоженіе или обезсиленіе центральныхъ сицилійскихъ государствъ, соотвѣтствовавшее интересамъ обѣихъ сторонъ, и раздѣленіе острова между Сиракузянами и Каррагенянами. Самые цвѣтушіе города Сициліи—Селинъ, Гимера, Акрагантъ, Гела, Мессана, были, въ теченіе этихъ губительныхъ войнъ, разрушены Каррагенянами до основанія, а Діонисій не безъ удовольствія взиралъ на гибель или на упадокъ эллинизма потому что надѣялся, что при помощи набранныхъ въ Италіи, въ Галліи и въ Испаніи наемниковъ ему будетъ легче утвердить свое владычество надъ опустошенной или устьянной военными поселеніями страной. Миръ, который былъ заключенъ послѣ побѣды, одержанной въ 371 году каррагенскимъ полководцемъ Магономъ при Кроніонѣ и который отдалъ во власть Каррагенянъ греческіе города Фермы (прежнюю Гимеру), Эгесту, Гераклею Миною, Селинъ и часть территоріи Акраганта вплоть до Галика, считался обѣими, соперничавшими изъ-за обладанія островомъ державами, только за временную сдѣлку; попытки совершенно вытѣснить соперниковъ безпрестанно возобновлялись съ обѣихъ сторонъ. Четыре раза—при старшемъ Діонисіѣ (360), при Тимолеонѣ (410), при Агаоклѣ (445) и во времена Пирра (476)—Каррагеняне завладѣвали всей Сициліей вплоть до Сиракузъ, и терпѣли неудачу лишь подъ крѣпкими стѣнами этого города; почти такъ-же часто случалось, что и Сиракузяне почти совершенно вытѣсняли Африканцевъ изъ Сициліи, когда ими начальствовали такіе талантливые полководцы, какъ старшій Діонисій, Агаоклъ и Ширръ. Всѣмъ все болѣе и болѣе склонялись на сторону Каррагенянъ, ко-

406—365

383

394

344 309 278

торые постоянно были нападающими; хотя они стремились къ своей цѣли и не съ римскою стойкостью, за то ихъ нападенія были и гораздо лучше задуманы и гораздо болѣе энергичны, чѣмъ оборона греческаго города, утомленнаго раздорами политическихъ партій. Финикіяне основательно надѣялись, что не всякій-же разъ добыча будетъ вырвана изъ ихъ рукъ моровой язвой или какимъ-нибудь иноземнымъ кондотьеромъ; по меньшей мѣрѣ на морѣ исходъ борьбы уже былъ рѣшенъ (стр. 419): попытка Пирра возстановить сиракузскій флотъ была послѣдней. Послѣ того, какъ она неудалась, карфагенскій флотъ сталъ безъ соперниковъ владычествовать надъ всей западною частію Средиземнаго моря, а его попытки завладѣть Сиракузами, Региономъ и Тарентомъ ясно доказываютъ, какъ велики были силы Карфагенянъ и къ чему они стремились. вмѣстѣ съ тѣмъ Карфагеняне старались монополизировать въ свою пользу морскую торговлю той страны и устранить отъ нея какъ чужеземцевъ такъ и своихъ собственныхъ подданныхъ, а останавливаться передъ какими либо, ведущими къ цѣли, насиліями, было не въ ихъ характерѣ. Современникъ пуническихъ войнъ, отецъ географіи Эратосѣенъ (479—560) свидѣтельствуетъ о томъ, что Карфагеняне бросали въ море всякаго попавшагося въ ихъ руки судозавяина, который осмѣливался направляться къ берегамъ Сардиніи или къ Гадесу; съ этимъ вполне согласенъ и тотъ фактъ, что договоромъ 406 года (стр. 410) Карфагенъ открывалъ для римскихъ торговыхъ судовъ доступъ въ гавани испанскія, сардинскія и лобійскія, а договоромъ 448 года (стр. 412) заперъ для нихъ всѣ эти гавани за исключеніемъ своей собственной—карфагенской.

275—194

348

306

Государст-
венное уст-
ройство
Карфагена.

Советъ.

Изъ словъ Аристотеля, умершаго гдѣтъ за пятьдесятъ до начала первой пунической войны, слѣдуетъ полагать, что государственное устройство Карфагена представляло переходъ отъ монархическаго режима къ аристократическому или къ такому демократическому, который клонился къ олигархіи,—такъ какъ онъ называетъ это устройство эгими обоими именами. Управление находилось главнымъ образомъ въ рукахъ совета старшинъ, состоявшаго подобно спартанской герузії, изъ двухъ ежегодно избравшихся гражданствомъ царей и изъ двадцати восьми герузїастовъ, которые, какъ кажется, также ежегодно вновь избирались гражданствомъ. Этотъ советъ въ сущности и завѣдывалъ дѣлами государственнаго управленія, какъ на примѣръ распоряжался приготовленіями къ войнѣ, давалъ предписанія о наборѣ рекрутъ, назначалъ главнокомандующаго и прикомандировывалъ къ этому послѣднему нѣсколькихъ герузїастовъ, изъ которыхъ потомъ обыкновенно выбирались второстепенные начальники; къ нему-же адресовались депеши. Существовалъ-ли наряду съ этимъ малочисленнымъ советомъ другой болѣе многочисленный, сомнительно; во всякомъ случаѣ онъ не могъ имѣть большаго значенія. И

царямъ, какъ кажется, не было удѣлено никакихъ особыхъ правъ; Должност- они были главнымъ образомъ верховными судьями, какъ нерѣдко и ныя лица. назывались (шофеты, *proetores*). Болѣе широкой властію пользовался главнокомандующій; старшій современникъ Аристотеля, Исократъ говоритъ, что Карфагеняне управлялись у себя дома олигархически, а во время похода—монархически; поэтому римскіе писатели, быть можетъ, не безъ основанія называли должность карфагенскаго главнокомандующаго диктатурой, хотя прикомандированные къ нему герузійасты ограничивали его власть если нелегально, то фактически, а послѣ того какъ онъ слагалъ съ себя свою должность, его ожидала незнакомая Римлянамъ обязанность представлять отчетъ. Для занятія должности главнокомандующаго не назначалось никакого опредѣленнаго срока и уже однимъ этимъ она отличалась отъ должности годовыхъ царей, отъ которой ее отличаетъ положительнымъ образомъ и Аристотель; впрочемъ соединеніе нѣсколькихъ должностей въ одномъ лицѣ было у Карфагенянъ обыкновеннымъ явленіемъ; поэтому намъ не долженъ удивлять тотъ фактъ, что нерѣдко одинъ и тотъ же человекъ исполнялъ обязанности и главнокомандующаго и шофета. — Но выше герузій и выше должностныхъ лицъ стояла корпорація ста четырехъ, или короче сказать, ста мужей или судей, которая была главнымъ оплотомъ карфагенской олигархіи. Ея не было въ первоначальныхъ государственныхъ учрежденіяхъ Карфагена; а возникла она, подобно званію спартанскихъ эфоровъ, изъ аристократической оппозиціи противъ входившихъ въ составъ тѣхъ учрежденій монархическихъ элементовъ. При продажности должностей и при малочисленности членовъ высшей правительственной корпораціи, карфагенскій родъ Магоновъ (стр. 318), болѣе всѣхъ другихъ блиставшій своимъ богатствомъ и военною славой, грозилъ соединить въ своихъ рукахъ дѣла военнаго и мирнаго управленія и судебную власть; это привело къ реформѣ государственныхъ учрежденій и къ учрежденію корпораціи судей незадолго до эпохи децемвировъ. Намъ положительно извѣстно, что занятіе должности квестора давало право на вступленіе въ эту судебскую корпорацію, но что такой кандидатъ однако подвергался избранію черезъ посредство установленныхъ пятичленныхъ коллегій, которые пополнялись сами собою; сверхъ того, хотя судьи и должны были по закону избираться, по всему вѣроятію, ежегодно, однако на самомъ дѣлѣ они оставались при должностяхъ долге и даже пожизненно, почему Римляне и Греки обыкновенно называли ихъ сенаторами. Какъ ни темно все это въ своихъ частностяхъ, тѣмъ не менѣе мы ясно распознаемъ здѣсь отличительныя черты олигархіи въ должностныхъ лицахъ избиравшихся аристократіей, а характеристическимъ, хотя и отрывочнымъ на это указаніемъ можетъ служить тотъ фактъ, что въ Карфагенѣ, кромѣ общихъ банъ

Судьи.

для обыкновенныхъ гражданъ, существовали еще особыя бани для судей. Первоначальнымъ назначеніемъ этихъ судей было исполненіе обязанностей политическихъ присяжныхъ, которые привлекали къ ответственности главнокомандующаго и, безъ сомнѣнія, если въ томъ представлялась надобность, также шофетовъ и герузистовъ послѣ выхода ихъ изъ должности, и по своему благоусмотрѣнію подвергали ихъ безпощадно жестокимъ наказаніямъ и даже смертной казни. Натурально тамъ, какъ и повсюду, гдѣ правительственныя власти поставлены подъ контроль особой корпораціи, власть перешла отъ должностныхъ лицъ, состоявшихъ подъ контролемъ, къ тѣмъ, которыя контролировали; поэтому не трудно понять, почему эти послѣдніе стали вмѣшиваться во всѣ дѣла управленія (такъ напримѣръ герузія сообщала содержаніе важныхъ депешъ сначала судьямъ, а потомъ народу) и почему страхъ передъ контролемъ, обыкновенно соразмѣрившимъ свои приговоры съ успѣхомъ, стѣснялъ какъ кареагенскихъ государственныхъ людей, такъ и кареагенскихъ полководцевъ и въ совѣтѣ и въ дѣлѣ. — Хотя кареагенское гражданство, какъ кажется, легально неограничивалось, какъ въ Спартѣ, пассивнымъ присутствіемъ при рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, но фактически оно имѣло на эти рѣшенія очень незначительное вліяніе. При выборахъ въ члены герузія была принята за правило система явныхъ подкуповъ; при назначеніи главнокомандующаго хотя народъ и спрашивался, но только послѣ того, какъ это назначеніе уже состоялось по предложенію герузія; а въ другихъ случаяхъ обращались къ народу только тогда, когда герузія находила это нужнымъ или когда ея члены не могли притти ни къ какому между собою соглашенію. Въ Кареагенѣ вовсе не знали народнаго суда. Бессиліе гражданства, по всему вѣроятію, было послѣдствіемъ его политической организаціи; кареагенскія объединенныя товарищества, которыя иногда сравнивались съ спартанскими Феидитіями, вѣроятно, были олигархически управлявшимися цехами. Есть даже указанія на различіе между «городскими гражданами» и «чернорабочими», которое приводитъ насъ къ заключенію объ очень низкомъ и, быть

Гражданство.

Характеръ управленія.

можетъ, безправномъ положеніи этихъ послѣднихъ. — Если мы соединимъ всѣ эти отдѣльныя черты въ одно цѣлое, то найдемъ, что кареагенское государственное устройство было режимомъ капиталистовъ, какъ это и должно быть въ такой гражданской общинѣ, въ которой нѣтъ важнѣшаго средняго сословія и которая состоитъ съ одной стороны изъ неимущаго городского населенія, питающагося дневными заработками, а съ другой стороны изъ оптовыхъ торговцевъ, владѣльцевъ плантацій и знатныхъ областныхъ начальниковъ. И въ Кареагенѣ существовало то обыкновеніе, по которому можно безошибочно узнавать гнилую городскую олигархію, — и тамъ, чтобъ доставить разорившимся баричамъ возможность по-

правильнѣ ихъ разстроенное состояніе на счетъ подданныхъ, ихъ от-
правляли въ подвластныя общины раскладчиками податей и над-
смотрщиками надъ барщинными работами, а Аристотель указываетъ
на это обыкновеніе, какъ на главную причину испытанной проч-
ности кареагенскихъ государственныхъ учреждений. До его времени
въ Кареагенѣ не совершалось ни съ верху ни съ низу сколько-ни-
будь значительнаго переворота, который стоилъ-бы названія рево-
люціи; народная толпа оставалась безъ вождей вслѣдствіе того, что
властвовавшая олигархія была въ состояніи привлекать на свою
сторону всѣхъ честолюбивыхъ или находившихся въ стѣсненномъ
положеніи баричей, доставляя имъ матеріальныя выгоды; поѣтому
народъ былъ принужденъ довольствоваться тѣми крохами, которые
перепадали ему съ господскаго стола въ формѣ подкупа на выбо-
рахъ или въ иномъ видѣ. При такой системѣ управленія, конечно,
существовала и демократическая оппозиція, но она была совершенно
бесильна даже во время первой Пунической войны. Вслѣдствіи,
отчасти подъ вліяніемъ понесенныхъ пораженій, ея политическое зна-
ченіе стало возрастать гораздо быстрѣе, чѣмъ одновременно возрас-
тавшее значеніе однородной съ нею римской партіи: народныя соб-
ранія стали постановлять окончательныя рѣшенія по политическимъ
вопросамъ и сокрушили всемогущество кареагенской олигархіи. Послѣ
окончанія Аннибаловской войны было даже постановлено, по пред-
ложенію Аннибала, что ни одинъ изъ членовъ совѣта ста не мо-
жетъ оставаться въ должности два года сряду и такимъ образомъ
была введена полная демократія, которая, при тогдашнемъ положе-
ніи дѣлъ, одна только и могла-бы спасти Кареагенъ, если-бы уже
не было поздно. Въ этой оппозиціи господствовали сильныя пат-
ріотическія и преобразовательныя стремленія; тѣмъ не менѣе у ней
была очень шаткая и гнилая основа. Кареагенское гражданство,
имѣвшее, по мнѣнію свѣдущихъ Грековъ, сходство съ александрій-
скимъ, было такъ необузданно, что уже однимъ этимъ обрекало
себя на полное безсиліе и, конечно, едва-ли можно ожидать спасе-
нія отъ такихъ переворотовъ, которые совершаются, подобно каре-
агенскимъ, при помощи уличныхъ мальчишекъ.

Съ финансовой точки зрѣнія Кареагенъ занималъ во всѣхъ отно-
шеніяхъ первое мѣсто между древними государствами. Во время пе-
лопонесской войны этотъ финикійскій городъ превосходилъ, по сви-
дѣтельству перваго греческаго историка, всѣ греческіе города своимъ
богатствомъ и его доходы сравнивались съ доходами великаго царя;
Полибій называетъ его самымъ богатымъ городомъ во всемъ мірѣ.
Точно такъ-же, какъ въ болѣе позднюю пору въ Римѣ, полководцы
и государственные люди Кареагена не считали для себя унижитель-
нымъ систематическое веденіе сельскаго хозяйства и его научное
преподаваніе, а о томъ, въ какомъ положеніи оно находилось, сви-
Могущество
напиталис-
товъ въ
Кареагенѣ.

дѣтельствуеъ агрономическое сочиненіе Кароагенянина Магона, которое считалось позднѣйшими греческими и римскими сельскими хозяевами за сводъ основныхъ законовъ раціональнаго земледѣлія и которое не только было переведено на греческій языкъ, но по распоряженію римскаго сената было передѣлано по-латыни и официально предложено въ руководство италійскимъ землевладѣльцамъ. Характеристична тѣсная связь этого финикійскаго полеваго хозяйства съ денежнымъ; какъ на основной принципъ финикійскаго земледѣлія, указываютъ на то правило, что никогда не слѣдуетъ пріобрѣтать землю въ бѣльшемъ количествѣ противъ того, какое можно вполне обработать. Кароагенянамъ послужило въ пользу и то, что страна была богата лошадьми и быками, овцами и козами; въ этомъ отношеніи Либія, благодаря своему кочевому хозяйству, стояла, по мнѣнію Полибія, едва-ли не выше всѣхъ другихъ странъ. Кароагеняне были наставниками Римлянъ какъ въ искусствѣ извлекать всевозможныя выгоды изъ почвы, такъ и въ искусствѣ эксплуатировать своихъ подданныхъ; чрезъ посредство этихъ послѣднихъ Кароагенъ собиралъ поземельную ренту съ «лучшихъ странъ Европы» и съ богатыхъ, частію даже безмѣрно щедро надѣленныхъ природою сѣверо-африканскихъ странъ, къ которымъ, напримѣръ, принадлежали земли въ Бизакитѣ и подлѣ Малаго Сирта. Изстари считавшаяся въ Кароагенѣ почетнымъ промысломъ торговля и процвѣтающая при ея помощи кораблестроеніе и промышленность, уже сами по себѣ ежегодно доставляли тамошнимъ поселенцамъ золотую жатву, а сверхъ того, — какъ уже было ранѣе замѣчено, — Кароагеняне все болѣе и болѣе захватывали въ свои руки монополію и сдумѣли сосредоточить въ своей гавани какъ всю торговлю, которая велась въ западной части Средиземнаго моря изъ чужихъ странъ и изъ втутреннихъ кароагенскихъ провинцій, такъ и всѣ торговыя сношенія между западомъ и востокомъ. Наука и искусства, какъ кажется, находились въ Кароагенѣ, точно такъ-же, какъ въ болѣе позднюю пору въ Римѣ, подъ эллинскимъ вліяніемъ, тѣмъ не менѣе они не оставались въ пренебреженіи; даже существовала довольно значительная финикійская литература, а при завоеваніи города Римлянами въ немъ были найдены, конечно, несозданныя въ Кароагенѣ, а вывезенныя изъ сицилійскихъ храмовъ художественныя сокровища и довольно большія бібліотеки. Но и въ этой сферѣ умъ былъ слугою капитала; между литературными произведеніями славились преимущественно сочиненія по части агрономіи и географіи, какъ напримѣръ уже ранѣе упомянутое сочиненіе Магона и дошедшій до насъ въ переводѣ отчетъ адмирала Аннона о его плаваніи вдоль западныхъ береговъ Африки, — отчетъ, который первоначально былъ публично выставленъ въ одномъ изъ кароагенскихъ храмовъ. Даже всеобщее распространеніе нѣкоторыхъ познаній и въ особенности

знанія иностранныхъ языковъ *) (относительно котораго тогдашній Кароагенъ можетъ быть поставленъ почти наравнѣ съ императорскимъ Римомъ) свидѣтельствуесть о совершенно практическомъ направленіи, которое было дано въ Кароагенѣ эллинскому образованію. Хотя и нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить количество капиталовъ, стекавшихся въ этотъ Лондонъ древняго міра, но по меньшей мѣрѣ объ источникахъ государственныхъ доходовъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по тому факту, что не смотря на очень дорого стоявшую систему организаціи кароагенскихъ военныхъ силъ и не смотря на безпечное и недобросовѣстное управленіе государственнымими имуществами, всѣ расходы вполне покрывались данью, которая собиралась съ подданныхъ, и таможенными сборами, и что граждане не облагались прямыми налогами; даже послѣ второй Пунической войны, когда государственное могущество Кароагена уже было расшатано, текущіе расходы и ежегодная уплата Риму 340.000 талеровъ могли быть покрыты безъ наложенія податей лишь благодаря нѣкоторой акуратности въ финансовомъ хозяйствѣ, а черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ заключенія мирнаго договора государство уже было въ состояніи предложить немедленное погашеніе остальныхъ тридцати шести срочныхъ платежей. Но не въ одномъ только количествѣ доходовъ сказываются превосходства кароагенскаго финансоваго хозяйства; между всѣми значительными государствами древняго міра только въ одномъ Кароагенѣ мы находимъ экономическіе принципы болѣе поздней и болѣе просвѣщенной эпохи: тамъ шла рѣчь даже о государственныхъ займахъ, а въ денежной системѣ мы находимъ, кромѣ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, также лишенные внутренней стоимости денежные знаки, съ употребленіемъ которыхъ не былъ знакомъ древній міръ. Если-бы государственное управленіе было денежной спекуляціей, то можно-бы было положительно утверждать, что оно никогда не выполняло своей задачи болѣе блестящимъ образомъ, чѣмъ въ Кароагенѣ.

Теперь посмотримъ, какъ было велико сравнительное могущество Кароагена и Рима. И тотъ и другой были земледѣльческими и торговыми городами и только; второстепенное и чисто практическое значеніе наукъ и искусствъ было въ сущности одинаково у того и у другаго, только съ той разницей, что Кароагенъ далеко опередилъ въ этомъ отношеніи Римъ. Но въ Кароагенѣ денежное хозяйство

Сравненіе Кароагена Римомъ экономическомъ отношеніи.

*) Лицо, завѣдующее сельскимъ хозяйствомъ, даже, если-бы это былъ рабъ, должно было умѣть читать и обладать нѣкоторымъ образованіемъ, какъ этого положительно требовалъ кароагенскій агрономъ Магонъ [Варронъ, de re rust. 1, 17]. Въ прологѣ къ комедіи Плавта „Кароагенянинъ“ говорится о главномъ дѣйствующемъ лицѣ:

Онъ знаетъ всѣ языки, но дѣлаесть видъ будто не знаетъ

Ни одного—это настоящій Кароагенянинъ; а чего-же можно еще желать?

преобладало надъ сельскимъ, а въ Римѣ въ ту пору сельское преобладало надъ денежнымъ, и между тѣмъ какъ кареагенскіе сельскіе хозяева вообще были крупными землевладѣльцами и рабовладѣльцами, въ Римѣ того времени огромное большинство гражданъ еще воздѣлывало свои поля собственными руками. Большинство населенія въ Римѣ владѣло собственностью и, стало-быть, было консервативно, а въ Кареагенѣ оно не имѣло никакой собственности и, стало-быть, на него могли вліять богачи своимъ золотомъ и демократы своими обѣщаніями реформъ. Въ Кареагенѣ уже воцарилась свойственная могущественнымъ торговымъ городамъ роскошь, а въ Римѣ и обычаи з полиція еще поддерживали, по меньшей мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, завѣщанную предками суровость правовъ и бережливость. Когда кареагенскіе послы возвратились домой изъ Рима, они рассказывали своимъ товарищамъ, что тѣсная дружба, въ которой живутъ между собою члены римскаго сената, превосходить всё, что можно себѣ представить; одинъ и тотъ-же серебряный столовый приборъ служилъ на весь сенатъ и его снова находили послы въ каждомъ домѣ, куда ихъ приглашали въ гости. Это насмѣшливое замѣчаніе можетъ служить характеристикой для раз-

Въ отноше-ннiя экономическихъ условий того и другаго города.—**Конституція**
нiи государ-въ обоихъ государствахъ была аристократическая; судьи управляли
ственнаго въ Кареагенѣ точно такъ-же, какъ сенатъ управлялъ въ Римѣ и
устройства на основаніи одинакой полицейской системы. Кареагенскія прави-
тельственыя власти держали должностныхъ лицъ въ строгой отъ
себя зависимости и требовали, чтобъ граждане безусловно воздерживались отъ изученія греческаго языка, а сносятся съ Греками дозволяли имъ не иначе, какъ черезъ официальныхъ переводчиковъ; здѣсь проглядываютъ точно такія-же стремленія, какія мы замѣчаемъ и въ римской системѣ управленія, но римская система денежныхъ пеней и нравственныхъ порицаній кажется мягкой и разумной въ сравненіи съ беспощадной строгостью и доходившей до нелѣпости безпредѣльностью такой кареагенской государственной опеки. Римскій сенатъ, растворявшій свои двери для всѣхъ выдающихся талантовъ и бывший представителемъ націи въ лучшемъ смыслѣ этого слова, конечно, могъ полагаться на эту націю и не имѣлъ основанія бояться должностныхъ лицъ. Напротивъ того, кареагенскій сенатъ былъ учрежденъ для недовѣрчиваго контроля надъ администраціей и былъ представителемъ только знатныхъ фамилій; его отличительной чертой было недовѣріе ко всѣмъ, кто стоялъ выше или ниже его; поэтому онъ не могъ быть увѣренъ, что народъ пойдетъ вслѣдъ за нимъ туда, куда онъ укажетъ, и имѣлъ основаніе опасаться захвата власти со стороны должностныхъ лицъ. Этимъ объясняется неизмѣнная стойкость римской политики, никогда не дѣлавшей въ несчастіи попятнаго шага и никогда не

выпускавшей изъ своихъ рукъ даровъ фортуны отъ небрежности и нерѣшительности; напротивъ того, Карфагеняне превращали борьбу въ такую минуту, когда одно послѣднее усиліе могло бы все поправить и, утомляясь преслѣдованіемъ великихъ національных цѣлей или позабывая о нихъ, не мѣшали наполовину готовому зданію рухнуть, а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ все начинали съизнова. Поэтому способные администраторы въ Римѣ всегда дѣйствовали въ полномъ единомысліи съ правительствомъ, а въ Карфагенѣ они нерѣдко находились въ открытой враждѣ съ столичными властями и, будучи вынуждены оказывать имъ противодействие въ нарушение законовъ, вступали въ соглашеніе съ оппозиціонной партией реформы.— Карфагенъ, точно такъ-же какъ и Римъ, господство относитель- вадъ надъ своими соплеменниками и надъ многочисленными ино- но обхож- племенными общинами. Но Римъ принималъ въ сферу гражданского денія съ права одинъ округъ вслѣдъ за другимъ и даже открылъ легальный подданными въ нее доступъ латинскимъ общинамъ; Карфагенъ съ самаго начала замкнулся въ своей сферѣ и не давалъ подвластнымъ областямъ даже надежды когда-либо сравняться съ нимъ. Римъ уступалъ соплеменнымъ общинамъ нѣкоторую долю въ плодахъ побѣды и въ особенности во вновь прибрѣтаемыхъ государственныхъ земляхъ, а въ остальныхъ подвластныхъ ему странахъ старался по меньшей мѣрѣ создавать преданную Риму партію, предоставляя матеріальныя выгоды людямъ знатымъ и богатымъ; Карфагенъ не только бралъ себѣ всё, что доставляли побѣды, но даже отнималъ у привилегированныхъ городовъ свободу торговли. Римъ не лишалъ совершенно самостоятельности даже покоренныя имъ общины и не облагалъ ихъ постоянными налогами; Карфагенъ разсылалъ своихъ правителей повсюду и обременялъ тяжелыми налогами даже старинныя финикійскіе города, а съ покоренными племенами обращался какъ съ государственными рабами. Поэтому, въ карфагено-африканскомъ государственно- союзѣ не было, за исключеніемъ Утики, ни одной общины, положеніе которой не улучшилось-бы съ паденіемъ Карфагена и въ политическомъ отношеніи и въ матеріальномъ; въ римско-италійскомъ государственно- союзѣ не было ни одной общины, которая не рисковала-бы болѣе потерять нежели выиграть въ случаѣ возстанія противъ такого правительства, которое тщательно оберегало ея матеріальныя интересы и никогда не вызывало крутыми мѣрами политическую оппозицію на открытую борьбу. Карфагенскіе государственные люди надѣялись привязать финикійскихъ подданныхъ къ Карфагену тѣмъ, что пугали ихъ возстаніемъ Либійцевъ, а всю массу собственниковъ надѣялись привязать тѣмъ, что пускали среди ея въ обращеніе низкопробную монету; но они ошиблись въ своихъ расчетахъ, потому что примѣняли меркантильныя соображенія къ тому, къ чему они не примѣнимы; опытъ доказалъ, что римская

симмахія, — не смотря на то, что ея внутренняя плотность казалась болѣе слабой — устояла противъ Пирра какъ стѣна, сложенная изъ обломковъ скалы, а карагенская симмахія, напротивъ того, разрывалась какъ паутина при первомъ появленіи непріятельской арміи на африканской территоріи. Такъ было при высадкахъ Агаокла и Регуда и во время войны съ наёмниками; какъ были настроены умы въ Африкѣ, видно, напримѣръ, изъ того факта, что либійскія женщины добровольно отдавали свои украшенія наёмникамъ на покрытие расходовъ во время войны съ Карагеномъ. Только въ Сициліи Карагеняне, по видимому, придерживались болѣе мягкой системы управленія, а потому и достигли тамъ болѣе удовлетворительныхъ результатовъ. Они предоставляли тамошнимъ подданнымъ болѣе свободы во внѣшней торговлѣ и искони дозволяли имъ употреблять для внутренняго обихода исключительно звонкую монету, — вообще стѣсняли ихъ гораздо менѣе, нежели Сардинцевъ и Либійцевъ. Всѣ это, конечно, скоро-бы измѣнилось, если-бы имъ удалось завладѣть Сиракузами; но этого не случилось и въ Сициліи образовалась горячо преданная Финикіянамъ партія, частію вслѣдствіе вѣрно рассчитанной мягкости карагенскаго управленія, частію вслѣдствіе пагубныхъ раздоровъ между сицилійскими Греками; такъ напримѣръ, Филиппъ Акрагантскій писалъ исторію великой войны съ Римомъ въ финикійскомъ духѣ даже послѣ завоеванія острова Римлянами. Однако, въ общемъ итогѣ не подлежитъ сомнѣнію, что Сицилійцы въ качествѣ подданныхъ Карагена и въ качествѣ Эллиновъ питали къ своимъ финикійскимъ повелителямъ по меньшей мѣрѣ такую-же вражду, какую питали Самниты и Тарентинцы къ Римлянамъ. —

Относительно финансовъ. Что касается финансовъ, то Карагенъ располагалъ, безспорно, гораздо болѣе значительными государственными доходами, чѣмъ Римъ; но это преимущество уравнивалось отчасти тѣмъ, что источники карагенскихъ доходовъ, состоявшіе изъ дани и изъ таможенныхъ пошлинъ, истощались гораздо скорѣе и именно въ такую пору, когда въ нихъ всего болѣе нуждались, отчасти тѣмъ, что карагенскій способъ веденія войнъ стоилъ несравненно дороже римскаго. —

Относительно военнаго дѣла. Военныя средства Римлянъ и Карагенянянъ были далеко не одинаковы, хотя во многихъ отношеніяхъ близко уравнивались. Карагенское гражданство еще во время взятія города Римлянами состояло изъ 700,000 человекъ съ включеніемъ женщинъ и дѣтей *) и,

---

*) Вѣрность этой цифры подвергалась сомнѣнію и число карагенскаго населенія опредѣлялось, соразмѣрно съ объемомъ территоріи, по большей мѣрѣ въ 250,000 человекъ. Не говоря уже о неосновательности такихъ вычисленій, когда рѣчь идетъ о торговомъ городѣ съ шести-этажными домами, слѣдуетъ также имѣть въ виду и то обстоятельство, что цифра карагенскаго населенія, точно такъ-же какъ и цифры римскаго ценса, должна быть принимаема въ государ-

вѣроятно, было по меньшей мѣрѣ такъ-же многочисленно въ концѣ пятаго столѣтія; въ случаѣ крайности, оно было въ состояніи выставить въ пятомъ столѣтіи гражданское ополченіе изъ 40,000 голлитовъ. Такое-же гражданское ополченіе Римъ былъ въ состояніи выставить при столь-же крайней необходимости еще въ началѣ пятаго столѣтія (стр. 421, прим.), а послѣ происшедшаго въ теченіе пятаго столѣтія огромнаго расширенія территоріи число способныхъ носить оружіе полноправныхъ гражданъ должно было по меньшей мѣрѣ удвоиться. Но на сторонѣ Рима былъ перевѣсъ еще не столько по числу способныхъ носить оружіе людей, сколько по наличному составу его гражданского ополченія. Какъ ни старалось карфагенское правительство привлекать гражданъ къ военной службѣ, оно не было въ состояніи ни надѣлать ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ физическими силами земледѣльцевъ, ни преодолѣть врожденное отвращеніе Финикіянъ къ военному ремеслу. Въ пятомъ столѣтіи еще сражался въ сицилійской арміи «священный отрядъ» изъ 2,500 Карфагенянъ, служившій гвардіей для главнокомандующаго, а въ шестомъ столѣтіи, въ карфагенскихъ арміяхъ, какъ напримѣръ, въ испанской, уже не было ни одного Карфагенянина, за исключеніемъ офицеровъ. Напротивъ того, римскіе земледѣльцы не значились только въ рекрутскихъ спискахъ, а находились на лицо и на поляхъ сраженій. То-же слѣдуетъ замѣтить и о соплеменникахъ обѣихъ общинъ; между тѣмъ, какъ Латины оказывали Римлянамъ не менѣе важныя услуги, чѣмъ римское гражданское ополченіе, напротивъ того Либифиникіане были такъ-же мало годны для военной службы, какъ Карфагеняне и, понятно, шли на войну еще гораздо неохотнѣе Карфагенянъ и вслѣдствіе того уклонялись отъ службы въ карфагенскихъ арміяхъ, а города, которые были обязаны доставлять вспомогательныя войска, по всему вѣроятію откупались отъ этой обязанности деньгами. Въ только-что упомянутой испанской арміи, состоявшей приблизительно изъ 15,000 человекъ, былъ только одинъ отрядъ конницы изъ 450 человекъ, да и тотъ лишь частію состоялъ изъ Либифиникіянъ. Главную силу карфагенскихъ армій составляли либійскіе рекруты, изъ которыхъ можно было, подъ руководствомъ способныхъ офицеровъ, создать хорошую пѣхоту, и легкая кавалерія, которая была въ своемъ

ственномъ смыслѣ, а не въ городскомъ, и что въ счетъ карфагенскаго населенія входили всѣ Карфагеняне, гдѣ-бы они ни жили—въ городѣ, въ его окрестностяхъ, въ подвластныхъ областяхъ или въ чужихъ краяхъ. Такихъ отсутствующихъ Карфагенянъ, понятно, было очень много; такъ напримѣръ, есть положительное свидѣтельство о томъ, что въ Гадесѣ, точно по такимъ-же причинамъ, списокъ гражданъ постоянно показывалъ такую цифру, которая далеко превосходила число гражданъ, имѣвшихъ постоянное жительство въ этомъ городѣ.

родѣ неподобна. Къ этому слѣдуетъ присовокупить военныя силы болѣе или менѣе подвластныхъ племенъ либійскихъ и испанскихъ, знаменитыхъ, доставлявшихся Балеарскими островами, пращниковъ, которые, какъ кажется, занимали промежуточное положеніе между союзными контингентами и наёмными отрядами, и наконецъ, въ случаяхъ крайности, наембованную въ чужихъ краяхъ солдатчину. По своему численному составу такая армія могла быть безъ труда доведена до такого объема, какой былъ желателенъ, а по достоинству своихъ офицеровъ, по знанію военнаго дѣла и по храбрости она была способна помѣряться съ Римлянами; но между наборомъ наёмниковъ и ихъ готовностью къ выступленію проходилъ опасный для государства длинный промежутокъ времени, между тѣмъ какъ римская милиція была во всякое время готова выступить въ походъ; еще болѣе важное различіе заключалось въ томъ, что для картагенскихъ армій служили внутренней связью только честь знамени и денежныя выгоды, между тѣмъ какъ для римскихъ солдатъ служило внутренней связью всё, что ихъ привязывало къ общему отечеству. Картагенскій офицеръ обыкновеннаго уровня дорожилъ своими наёмными солдатами и даже либійскими земледѣльцами почти столько-же, сколько въ наше время дорожатъ на войнѣ пушечными ядрами; этимъ объясняются такія позорныя дѣла, какъ наприимѣръ, въ 358 году предательство либійскихъ войскъ ихъ начальникомъ Гимилькономъ, имѣвшее послѣдствіемъ опасное возстаніе Либійцевъ; не даромъ-же вошло въ поговорку выраженіе «пуническая честность», причинившее не мало вреда Картагенянамъ. Картагенъ вполне извѣдалъ на опытѣ, какимъ бѣдствіямъ могутъ подвергать государство арміи изъ феллаховъ и наёмниковъ, и онъ не разъ находилъ своихъ наёмныхъ слугъ болѣе опасными, чѣмъ своихъ враговъ. — Картагенское правительство, конечно, сознавало недостатки такой военной системы и всячески старалось ихъ исправить. Его денежная касса и его арсеналы были всегда полны для того, чтобъ можно было во всякое время добывать наёмниковъ. Оно обращало особенное вниманіе на то, что замѣняло у древнихъ народовъ нашу артиллерию, — на устройство военныхъ машинъ (въ чемъ Картагеняне постоянно превосходили Сицилійцевъ) и на содержаніе слоновъ съ тѣхъ поръ какъ они вытѣснили изъ употребленія древнія бсевыя колесницы; въ картагенскихъ казематахъ оно устроило стойла для 300 слоновъ. Укрѣплять подвластные города оно не рѣшалось и потому должно было примириться съ мыслию, что всякая высадившаяся въ Африкѣ непріятельская армія займетъ вмѣстѣ съ равной мѣстностью и ничѣмъ незащищенные города и мѣстечки; совершенно противное мы находимъ въ Италіи, гдѣ болѣшая часть покоренныхъ городовъ сохранила свои городскія стѣны и гдѣ господствовала надъ всѣмъ полуостровомъ цѣпь римскихъ крѣпостей. Что-

же касается укрѣпленія столицы, то на этотъ предметъ тратилось всё, что только могли доставить деньги и искусство, и государство было нѣсколько разъ обязано своимъ спасеніемъ только прочности кареагенскихъ городскихъ стѣнъ, между тѣмъ какъ положеніе Рима было такъ безопасно и въ политическомъ отношеніи и въ военномъ, что ему даже никогда не приходилось выдерживать настоящую осаду. Наконецъ, главнымъ оплотомъ служилъ для кареагенскаго государства его военный флотъ, который и былъ предметомъ особенной заботливости. Какъ въ сооруженіи кораблей, такъ и въ умѣнныи ими управлять, Кареагеняне превосходили Грековъ; въ Кареагенѣ стали ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, строить суда съ болѣе чѣмъ тремя палубами для гребцовъ; кареагенскіе военные корабли имѣли въ ту пору большею частію по пяти палубъ; они быстрѣ ходили подъ парусами, чѣмъ греческія суда; гребцами на нихъ служили только государственные рабы, никогда не сходявшіе съ галеръ и отлично обученные, а капитаны были и искусны и неустрашимы. Въ этомъ отношеніи Кареагенъ имѣлъ рѣшительный перевѣсъ надъ Римлянами, которые имѣли въ своемъ распоряженіи лишь нѣсколько кораблей, принадлежавшихъ союзнымъ Грекамъ, и еще въ менѣе значительномъ числѣ нѣсколько собственныхъ кораблей и потому не могли даже выходить въ открытое море, гдѣ могли-бы встрѣтиться съ кареагенскимъ флотомъ, въ ту пору безспорно властвовавшимъ на западныхъ водахъ. — Если мы сдѣлаемъ въ заключеніе выводъ изъ всего, къ чему насъ приводитъ сравненіе военныхъ силъ двухъ великихъ державъ, то мы найдемъ основательнымъ мнѣніе одного проницательнаго и безпристрастнаго Грека, что въ ту пору, когда Кареагенъ и Римъ вступили между собою въ борьбу, ихъ силы были въ общей сложности одинаковы. Однако, мы должны къ этому присовокупить, что хотя Кареагенъ и употребилъ въ дѣло все, что могли сдѣлать умъ и богатство для того, чтобы создать искусственныя средства нападенія и обороны, онъ все-таки не былъ въ состояніи сколько-нибудь удовлетворительно исправить коренные недостатки своей собственной арміи и плохо организованной симмахіи. Не трудно было догадаться, что на Римъ можно было серьезно напасть только въ Италіи, а на Кареагенъ только въ Либіи и что Кареагенъ не надолго огражденъ отъ такого нападенія. Мореплаваніе еще находилось въ ту пору въ своемъ дѣтствѣ, и флоты еще не составляли прочнаго наслѣдственнаго достоянія націй, а могли быть созданы повсюду, гдѣ были деревья, желѣзо и вода; что даже могущественныя морскія державы не были въ состояніи помѣшать высадкѣ болѣе слабаго на морѣ врага, было для всякаго очевидно, а въ самой Африкѣ было не разъ дознано по опыту. Съ тѣхъ поръ какъ Агаэюль указалъ туда дорогу, ее могъ найти и римскій полководецъ, а между тѣмъ какъ въ Италіи съ вторженіемъ непри-

ятельской арміи война только начиналась, въ Либіи она въ подобномъ случаѣ кончалась и превращалась въ осаду, которая,—помимо внимательства какой-нибудь особой случайности,—въ концѣ-концовъ сломала-бы самое стойкое геройское мужество.

ГЛАВА II.

Война между Римомъ и Карфагеномъ изъ-за обладанія Сициліей.

Вражда между Карфагенянами и владѣтелями Сиракузъ опустошила прекрасный сицилійскій островъ уже въ теченіе слишкомъ ста лѣтъ. Оба противника вели войну съ одной стороны при помощи политической пропаганды, такъ что Карфагенъ поддерживалъ сношенія съ аристократически-республиканскою оппозиціей въ Сиракузахъ, а сиракузскіе династы — съ національною партіей въ обязанныхъ платить Карфагену дань греческихъ городахъ, — съ другой стороны при помощи наемныхъ армій, во главѣ которыхъ сражались какъ Тимолеонъ и Агаѳоблъ, такъ и финикійскіе полководцы. И не только борьба велась съ обѣихъ сторонъ одинакими средствами, она кромѣ того велась съ обѣихъ сторонъ съ такой безсовѣстностью и съ такимъ вѣроломствомъ, которые безпримѣрны въ исторіи запада. Въ проигрышѣ были Сиракузы. Еще по мирному договору 440 года Карфагенъ удовольствовался третью острова къ западу отъ Гераклеи Миноа и Гимеры и положительно призналъ гегемонію Сиракузянъ надъ всѣми восточными городами. Послѣ изгнанія Пирра изъ Сициліи и изъ Италіи (479), въ рукахъ Карфагенянъ осталась самая значительная часть острова вмѣстѣ съ важнымъ городомъ Акрагантомъ; во власти Сиракузянъ остались только Тавроменій и юго-восточная часть острова. Во второмъ по значенію сицилійскомъ городѣ на восточномъ берегу — въ Мессанѣ засѣлъ отрядъ иноземныхъ солдатъ и удержался тамъ въ независимости какъ отъ Сиракузянъ, такъ и отъ Карфагенянъ. Эти владѣтели Мессаны были кампанскіе наемники. Нравственная испорченность, которою заразились поселившіеся въ Капуѣ и въ ея окрестностяхъ Сабеллы (стр. 351), сдѣлала въ теченіе четвертаго и пятаго столѣтій изъ Кампаніи то-же, чѣмъ впоследствии были Этолія, Критъ и Лаконія — всеобщій центръ вербовки для тѣхъ владѣтелей и городовъ, которые нуждались въ наемныхъ солдатахъ. И появившаяся тамъ подъ влияніемъ кампанскихъ Грековъ полу-культура, и варварскій извѣженный образъ жизни въ Капуѣ и въ

Положеніе
дѣль въ
Сициліи.

314

275

Кампанскіе
наемники.

оставшихся городах Кампаніи, и политическое безсиліе, на которое ихъ обрекала римская гегемонія, однако не подчинившая ихъ такому строгому режиму, который совершенно лишилъ-бы ихъ права располагать собою, — все это привело къ тому, что молодежь Кампаніи толпами становилась подъ знамена вербовщиковъ; само собой понятно, что такая легкомысленная и постыдная торговля своей личностью имѣла, какъ и повсюду, послѣдствіемъ отчужденіе отъ отечества, привычку къ насиліямъ и къ солдатскимъ буйствамъ и склонность къ вѣроломству. Эти Кампанцы не понимали, почему нельзя, — если хватаетъ на то силы, — завладѣть вѣрными ихъ охранѣ городомъ, — вѣдь немного болѣе честнымъ путемъ Самниты завладѣли Капуей, а Луканцы — цѣлымъ рядомъ греческихъ городовъ. Нигдѣ политическія обстоятельства не были болѣе благоприятны для такихъ предпріятій, чѣмъ въ Сициліи; еще въ эпоху пелопонесской войны точно такимъ способомъ утвердились въ Энтеллѣ и въ Этнѣ пробравшіеся въ Сицилію кампанскіе атаманы. Одинъ отрядъ Кампанцевъ, прежде служившій у Агаокла, а послѣ его смерти (465)

289 занимавшійся разбоями на свой собственный счетъ, утвердился около
Мамертинцы 470 года въ Мессанѣ, которая была вторымъ городомъ греческой
284 Сициліи и главнымъ центромъ антисиракузской партіи въ той части острова, которая еще находилась подъ властію Грековъ. Жители были перебиты или выгнаны; ихъ жены, дѣти и дома были раздѣлены между солдатами, и новые обладатели города — «Марсовы люди», какъ они сами себя называли, или Мамертинцы, скоро сдѣлались третьей державой на островѣ, сѣверо-восточную часть котораго они себѣ подчинили во время неурядицы, царствовавшей тамъ послѣ смерти Агаокла. Каррагенянамъ были на-руку эти событія, превратившія въ новаго и могущественнаго соперника Сиракузянъ такой сосѣдній съ ними городъ, который былъ населенъ ихъ соплеменниками и прежде всегда былъ или въ союзѣ съ ними или у нихъ въ подданствѣ; съ помощью Каррагенянъ Мамертинцы устояли въ борьбѣ съ Пирромъ, а неожиданное удаленіе царя изъ Сициліи возвратило имъ прежнее могущество. Исторія не должна ни извинять вѣроломство, съ помощью котораго они захватили власть, ни забывать, что тотъ Богъ, который наказываетъ за грѣхи отцовъ до четвертаго поколѣнія, не Богъ исторіи. Кто сознаетъ въ себѣ призваніе судить чужіе грѣхи, тотъ пусть осуждаетъ этихъ людей, но для Сициліи могло быть спасительнымъ то обстоятельство, что въ ней начинала возникать воинственная и привязанная къ острову держава, которая уже была въ состояніи выставить въ поле около восьми тысячъ солдатъ и которая мало-по-малу становилась способной предпринять своими собственными силами борьбу съ чужеземцами, которая уже была не по плечу Эллинамъ, все болѣе и болѣе отвыкавшимъ отъ оружія, не смотря на непрерывныя войны.

Однако, сначала дѣла приняли иной оборотъ. Молодой сиракузскій офицеръ, обратившій на себя вниманіе своихъ согражданъ и сиракузской солдатчины своимъ происхожденіемъ изъ рода Гелона и какъ своими близкими родственными связями съ царемъ Пирромъ, такъ и отличіемъ, съ которымъ сражался подъ его начальствомъ, — сынъ Герокла, Геронъ былъ призванъ путемъ военного избранія къ командованію арміей, находившейся во враждѣ съ мѣстнымъ населеніемъ (479—80). Своимъ благоразумнымъ управленіемъ, благородствомъ своего характера и умѣренностью своихъ стремленій онъ скоро привлекъ къ себѣ сердца какъ сиракузскаго гражданства, привыкшаго къ самымъ постыднымъ выходкамъ деспотовъ, такъ и вообще сицилійскихъ Грековъ. Онъ отдѣлался, — правда измѣнническимъ образомъ, — отъ непокорныхъ наёмниковъ, преобразовалъ гражданскую милицію и попытался, сначала съ титуломъ главнокомандующаго, а потомъ съ титуломъ царя, возстановить пришедшее въ глубокой упадокъ эллинское могущество при помощи гражданскаго ополченія и вновь набранныхъ, болѣе покорныхъ наёмниковъ. Съ Карфагенянами, помогавшими Грекамъ выгнать царя Пирра изъ Сициліи, сношенія были въ ту пору мирными; ближайшими врагами Сиракузянъ были Мамертинцы, — эти соплеменники ненавистныхъ, незадолго передъ тѣмъ выгнанныхъ наёмниковъ, эти убійцы своихъ греческихъ хозяевъ, эти узурпаторы сиракузской территоріи, эти притѣснители и грабители множества мелкихъ греческихъ городовъ. Геронъ предпринялъ нападеніе на Мессану въ союзѣ съ Римлянами, которые именно въ ту пору послали свои легіоны противъ союзниковъ, соплеменниковъ и сообщниковъ Мамертинцевъ по преступленіямъ — державшихся въ Регионѣ Кампанцевъ (стр. 408). Благодаря большой побѣдѣ, послѣ которой Геронъ былъ провозглашенъ царемъ Сикелиотовъ (484), ему удалось запереть Мамертинцевъ въ ихъ городѣ и послѣ длившейся нѣсколько лѣтъ осады довести ихъ до такой крайности, что они убѣдились въ невозможности долѣе защищать городъ съ своими собственными военными силами. Сдаться на капитуляцію было невысказано, такъ какъ сражавшихся въ Мессанѣ Кампанцевъ несомнѣнно ожидала въ Сиракузахъ такая-же смерть подъ топоромъ палача, какая постигла въ Римѣ Кампанцевъ, защищавшихся въ Регионѣ; единственнымъ средствомъ спасенія была сдача города или Карфагенянамъ или Римлянамъ, такъ какъ и тѣ и другіе были такъ заинтересованы пріобрѣтеніемъ этого важнаго города, что не стали бы стѣсняться никакими побочными соображеніями. Вопросъ о томъ, что болѣе выгодно — отдаться-ли въ руки властителей Африки или же отдаться въ руки властителей Италіи, оказался спорнымъ; послѣ долгихъ колебаній большинство кампанскаго гражданства наконецъ рѣшило предложить Римлянамъ обладаніе господствующею надъ моремъ крѣпостью.

275/4

Война
между Си-
ракузянами
и Мамертин-
цами.

270

Мамертинцы Тотъ моментъ, когда послы Мамертинцевъ появились въ римскомъ сенатѣ, имѣлъ чрезвычайно важное всемірно-историческое значеніе. Хотя въ ту пору еще никто не могъ предвидѣть всѣхъ послѣдствій перехода черезъ узкій рукавъ моря, но для каждаго изъ участвовавшихъ въ совѣщаніи сенаторовъ было ясно, что каково-бы ни было принятое рѣшеніе, оно будетъ имѣть болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ всякое другое изъ прежнихъ сенатскихъ рѣшеній. Люди строгой честности, конечно, были въ правѣ спросить: о чемъ-же тутъ совѣщаться? Развѣ могло кому-либо придти на умъ, что Римляне не только нарушать свой союзный договоръ съ Герономъ, но, только-что наказавши съ справедливой строгостью регионскихъ Кампанцевъ, примутъ ихъ не менѣе виновныхъ сицилійскихъ сообщниковъ въ союзъ и въ дружбу съ римскимъ государствомъ и избавятъ отъ заслуженнаго наказанія. Сверхъ того высказывалось опасеніе, что такой образъ дѣйствій не только доставилъ-бы врагамъ поводъ для нападковъ, но и глубоко возмутилъ-бы всѣхъ добросовѣстныхъ людей. Однако и тѣ государственные люди, для которыхъ политическая честность не была пустой фразой, могли съ своей стороны спросить: развѣ тѣхъ римскихъ гражданъ, которые нарушили военную присягу и предательски умертвили римскихъ союзниковъ, можно ставить наравнѣ съ иноземцами, совершившими преступленіе противъ иноземцевъ и сверхъ того тамъ, гдѣ никто не предоставлялъ Римлянамъ права быть судьями надъ преступниками и мстителями за погибшихъ. Если-бы дѣло шло только о томъ, кому должна принадлежать Мессана—Сиракузянамъ или Мамертинцамъ, Римъ не сталъ бы воздвигать препятствій ни для тѣхъ ни для другихъ. Римъ стремился къ обладанію Италіей, а Карфагенъ—къ обладанію Сициліей; въ ту пору замыслы обѣихъ державъ едва-ли простирались далѣе; но именно по этой причинѣ, каждая изъ тѣхъ державъ была готова поддерживать вблизи отъ своихъ границъ промежуточную державу (Карфагеняне были готовы поддерживать независимость Тарента, а Римляне—независимость Сиракузь и Мессаны), а если это оказывалось невозможнымъ, предпочитала сама завладѣть пограничными пунктами, а не уступать ихъ другой великой державѣ. Когда Регионъ и Тарентъ могли попасть въ руки Римлянъ, Карфагеняне попытались сами завладѣть этими городами и только случайность имъ въ этомъ помѣшала; точно такъ и Римлянамъ представлялся теперь случай включить Мессану въ свою федерацію; если бы они не захотѣли имъ воспользоваться, они не могли рассчитывать на то, что городъ останется независимымъ или достанется Сиракузянамъ, а сами принудили бы его отдаться въ руки Финикіянь. Благоразумно-ли было пропустить удобный случай (который, конечно, не повторился-бы), чтобъ завладѣть главнымъ мостовымъ укрѣпленіемъ между Италіей и Сициліей и обезпечить за собою это владѣніе, оставивъ тамъ храбрыя

и по очевиднымъ причинамъ надежный гарнизонъ? Благоразумно-ли было, отказавшись отъ Мессаны, отказываться отъ владычества надъ послѣднимъ свободнымъ проходомъ между восточнымъ моремъ и западнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ свободы италійской торговли? Впрочемъ противъ занятія Мессаны возникали и возраженія иного рода, не имѣвшія ничего общаго съ политической честностью. Самымъ важнымъ изъ этихъ возраженій было то, что неизбежно пришлось бы вести войну съ Карфагенянами; какъ-бы ни была трудна эта война, Римъ не имѣлъ основанія опасаться ея. Болѣе вѣско было то возраженіе, что, проникая за море, Римляне уклонились-бы отъ своей прежней чисто-италійской и чисто-континентальной политики; они тогда отказались-бы отъ той системы, благодаря которой ихъ предками былъ заложенъ фундаментъ для величія Рима, и стали-бы держаться иной системы, послѣдствія которой никто не могъ предугадать. Это было одно изъ тѣхъ мгновений, когда всякіе расчеты откладываются въ сторону и когда одна только вѣра въ собственную звѣзду и въ звѣзду отечества даетъ смѣлость схватиться за руку, протягиваемую изъ мрака будущности, и идти по ея указанію, не зная куда. Долго и серьезно обсуждалъ сенатъ предложеніе консуловъ отправить легіоны на помощь Мамертинцамъ, но не пришелъ ни къ какому окончательному рѣшенію. Но въ средѣ гражданства, на усмотрѣніе котораго было предоставлено это дѣло, было свѣжо сознаніе той внутренней силы, которая создала римскую державу. Благодаря завоеванію Италіи Римлянами, — точно такъ-же какъ благодаря завоеванію Греціи Македонянами и завоеванію Силезіи Пруссаками, — у побѣдителей достало смѣлости, чтобъ вступить на новое для нихъ политическое поприще; формальнымъ предлогомъ для заступничества за Мамертинцевъ послужилъ протекторатъ надъ всеми Италійцами, будто-бы по праву принадлежавшій Риму. Заморскіе Италійцы были приняты въ италійскую конфедерацию *) и гражданство рѣшило, по предложенію консуловъ, послать имъ въ помощь войска (489).

Успѣхъ этого дѣла зависѣлъ отъ того, какъ отнесутся къ нему тѣ двѣ сицилійскія державы, интересы которыхъ были близки затронуты этимъ вмѣшательствомъ Римлянъ въ сицилійскія дѣла и которыя до той поры были номинально союзницами Рима. Когда Римляне обратились къ Герону съ требованіемъ прекратить военные дѣйствія противъ ихъ новыхъ союзниковъ въ Мессанѣ, онъ имѣлъ полное право отнестись къ этому требованію такъ-же, какъ отнес-

265

Разладъ между Римомъ и Карфагеномъ.

*) Мамертинцы были поставлены совершенно въ такое-же положеніе по отношенію къ Риму, въ какомъ находились италійскія общины; они обязались доставлять Римлянамъ корабли [Cic. Ver. g. 5, 19, 50], и, — какъ это доказываютъ монеты, — сами не имѣли права чеканить серебряную монету.

265

лись въ подобномъ случаѣ Самниты и Луканцы къ занятію Капуи и Турій, и объявить Римлянамъ войну; однако такая война была бы съ его стороны безразсудствомъ, если бы онъ остался безъ союзниковъ; поэтому отъ его осторожной и умѣренной политики можно было ожидать, что онъ покорится тяжелой необходимости, если съ своей стороны и Карфагенъ не вмѣшается въ дѣло. Въ этомъ, по видимому, не было ничего возможнаго. Въ 489 году, то-есть черезъ семь лѣтъ послѣ попытки финикійскаго флота овладѣть Тарентомъ, Римляне отправили въ Карфагенъ посольство съ требованіемъ объясненій по этому дѣлу; они внезапно предъявили хотя и не лишеныя основанія, но уже почти позабытыя притязанія, считая не лишнимъ, въ числѣ другихъ военныхъ приготовленій, наполнить и дипломатическій арсеналъ поводами къ войнѣ для того, чтобъ, по своему обыкновенію, разыгрывать, при изданіи манифестовъ о войнѣ, роль обиженной стороны. По меньшей мѣрѣ можно было вполнѣ основательно утверждать, что попытка Карфагенянъ овладѣть Тарентомъ и попытка Римлянъ овладѣть Мессаною были вполнѣ одинаковы и по замыслу и по легальному основанію, а отличались онѣ одна отъ другой только случайнымъ успѣхомъ. Карфагенъ уклонился отъ открытаго разрыва. Послы возвратились въ Римъ съ официально выраженнымъ неодобреніемъ того карфагенскаго адмирала, который попытался завладѣть Тарентомъ, и съ неизбежными въ подобныхъ случаяхъ фальшивыми влѣтвенными обѣщаніями; со стороны Карфагенянъ также не было недостатка въ разныхъ жалобахъ, но они высказывали эти жалобы сдержанно и не грозили Римлянамъ войной въ случаѣ, если состоится ихъ предполагаемое вторженіе въ Сицилію. Однако такое вторженіе было достаточнымъ поводомъ для объявленія войны, потому что какъ Римъ считалъ италійскія дѣла своими внутренними дѣлами, въ которыхъ нельзя допускать чьего-либо вмѣшательства, такъ и Карфагенъ считалъ себя въ правѣ не допускать чьего-либо вмѣшательства въ сицилійскія дѣла и соответственно съ этимъ намѣренъ былъ дѣйствовать. Разница заключалась только въ томъ, что финикійская политика предпочла открытой угрозѣ войны болѣе осторожный образъ дѣйствій. Когда приготовленія Римлянъ къ отправкѣ подкрѣпленій Мамертинцамъ были доведены до того, что флотъ, состоявшій изъ военныхъ кораблей Неаполя, Тарента, Велии и Локръ, и авангардъ римской сухопутной арміи, предводимый военнымъ трибуномъ Гайемъ Клавдіемъ, появились въ Регіонѣ (весной 490 года), изъ Мессаны было получено неожиданное извѣстіе, что Карфагеняне, вступивъ въ соглашеніе съ анти-римской партіей въ Мессанѣ, уладили, въ качествѣ нейтральной державы, мирную сдѣлку между Пьерономъ и Мамертинцами, что стало быть осада снята, что въ мессанской гавани стоитъ карфагенскій флотъ, что городской замокъ занятъ

264

кареагенскимъ гарнизономъ, и что флотъ и гарнизонъ находятся подъ начальствомъ адмирала Аннона. Мамертинское гражданство, совершенно подчинявшееся вліянію Кареагенянь, изъявило римскому главнокомандующему свою признательность за столь быстро доставленную помощь, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомило его, что къ счастью оно уже въ ней не нуждается. Не смотря на это, ловкій и отважный офицеръ, командовавшій римскимъ авангардомъ, отплылъ съ своими войсками. Кареагеняне принудили римскія суда возвратиться назадъ и даже завладѣли нѣсколькими изъ нихъ; однако кареагенскій адмиралъ не позабылъ даннаго ему строгаго приказанія не подавать Римлянамъ никакого повода къ открытію военныхъ дѣйствій и потому возвратилъ захваченныя суда своимъ добрымъ друзьямъ, стоявшимъ по ту сторону пролива. Римляне, какъ казалось, скомпрометировали себя передъ Мессаной такъ-же безуспѣшно, какъ Кареагеняне передъ Тарентомъ. Но Клавдія не испугала первая неудача, и его вторичная попытка высадиться съ войсками удалась. Онъ немедленно созвалъ гражданство на сходку, на которую явился, по его приглашенію, и кареагенскій адмиралъ, все еще не терявшій надежды избѣгнуть открытаго разрыва. На самой сходкѣ Римляне задержали адмирала и какъ самъ Аннонъ, такъ и слабый, оставшійся безъ начальника, финикійскій гарнизонъ, который стоялъ въ замкѣ, выказали такое малодушіе, что первый далъ своимъ войскамъ приказаніе отступить, а второй исполнилъ приказаніе своего плѣннаго начальника и удалился вмѣстѣ съ нимъ изъ города. Такимъ образомъ главное мостовое укрѣпленіе острова очутилось въ рукахъ Римлянъ. Кареагенскія власти основательно разгнѣвались на своего главнокомандующаго за его безразсудство и слабость; онъ предалъ его казни и объявили Римлянамъ войну. Имъ было нужно прежде всего снова завладѣть утраченной позиціей. Передъ Мессаной появился сильный кареагенскій флотъ подъ начальствомъ Аннибалова сына Аннона. Онъ заперъ входъ въ проливъ, а высаженная имъ на берегъ кареагенская армія приступила къ осадѣ города съ его сѣверной стороны. Геронъ, выжидавшій только рѣшительнаго вѣшательства Кареагенянь, чтобъ и съ своей стороны начать войну съ Римлянами, снова привелъ къ стѣнамъ Мессаны свою только-что отступившую армію и взялъ на себя осаду города съ южной стороны. — Однако тѣмъ временемъ прибылъ въ Регионъ и римскій консулъ Аппій Клавдій Каудексъ съ главною арміей; пользуясь ночной темнотой, онъ успѣлъ переправиться въ Сицилію, не смотря на присутствіе кареагенскаго флота. Отвага и счастье были на сторонѣ Римлянъ; союзники, не ожидавшие нападенія всей римской арміи и потому не сосредоточившіе своихъ силъ, были поодиночкѣ разбиты выступившими изъ города римскими легіонами и вслѣдствіе того осада прекратилась. Въ теченіе всего лѣта римская армія держалась въ открытомъ полѣ и даже

Война Римлянъ съ Кареагенянами и съ Сиракузянами.

попыталась завладѣть Сиракузами; но послѣ того, какъ эта попытка ей не удалась и послѣ того, какъ она была принуждена съ урономъ прекратить осаду Эхетлы (на границѣ владѣній сиракузскихъ и кареагенскихъ), она возвратилась въ Мессану, а оттуда въ Италію, оставивъ въ городѣ сильный гарнизонъ. Слѣдуетъ полагать, что результаты этой первой за-италійской экспедиціи Римлянъ не вполне соответствовали тому, чего отъ нея ожидали, такъ какъ консулъ не былъ удостоенъ почестей триумфа; тѣмъ не менѣе, энергическое вмѣшательство Римлянъ въ дѣла Сициліи должно было произвести сильное впечатлѣніе на тамошнихъ Грековъ. Въ слѣдующемъ году безпрепятственно вступила въ Сицилію вдвое болѣе сильная армія, предводимая обоими консулами. Одинъ изъ этихъ консуловъ — Маркъ Валерій Максимъ, прозванный послѣ этой экспедиціи «Мессанскимъ» (Messalla), одержалъ блистательную побѣду надъ соединенными силами Кареагенянъ и Сиракузанъ; послѣ этого сраженія финикійская армія уже не осмѣливалась вступать съ Римлянами въ борьбу въ открытомъ полѣ; тогда не только подпали подъ власть Римлянъ Алеза, Кенторипа и вообще мелкіе греческіе города, но и самъ Геронъ покинулъ кареагенскую партію и, заключивъ съ Римлянами миръ, сдѣлался ихъ союзникомъ (491). Онъ держался вѣрной политики, перейдя на сторону Римлянъ лишь только стало ясно, что ихъ вмѣшательство въ дѣла Сициліи было серьезно, и пока еще было не поздно купить у нихъ миръ безъ уступокъ и жертвованій. Второстепенныя сицилійскія государства — Сиракузы и Мессана, которыя не были достаточно сильны, чтобъ держаться самостоятельной политики и которымъ приходилось только дѣлать выборъ между римской гегемоніей и кареагенской, должны были во всякомъ случаѣ предпочитать первую изъ нихъ, такъ какъ, по всему вѣроятію, Римляне еще не имѣли въ ту пору намѣренія завоевать весь островъ, а желали только не допускать до его завоеванія Кареагенянъ; къ тому-же отъ Римлянъ можно было ожидать — въ замѣнъ кареагенской системы тиранства и монополій — болѣе мягкаго обхожденія и свободы торговли. Съ тѣхъ поръ Геронъ былъ самымъ важнымъ, самымъ неизмѣннымъ и самымъ уважаемымъ изъ всѣхъ союзниковъ Рима въ Сициліи. — Такимъ образомъ была достигнута ближайшая цѣль Римлянъ. Благодаря двойному союзу Мессаной и съ Сиракузами и прочному владычеству надъ всѣмъ восточнымъ берегомъ, были обеспечены и возможность высадки и доставка войскамъ продовольствія, до той поры встрѣчавшая большія затрудненія; такимъ образомъ война въ Сициліи, до тѣхъ поръ грозившая такими опасностями, которыхъ даже нельзя было заранѣе предвидѣть, утратила свой характеръ рискованнаго предпріятія. Поэтому впредь на нее уже не тратилось болѣе напряженныхъ усилій, чѣмъ на войны въ Самніи и въ Этруріи; двухъ легионовъ.

Миръ съ
Герономъ.

263

отправленныхъ въ слѣдующемъ году (492) на островъ, было достаточно для того, чтобъ при содѣйствіи сицилійскихъ Грековъ повсюду загнать Карфагенянь внутрь ихъ крѣпостей. Карфагенскій главнокомандующій, Гизгоновъ сынъ Аннибалъ, заперся съ своими главными военными силами въ Акрагантъ съ цѣлю до послѣдней крайности защищать это самое важное изъ карфагенскихъ владѣній на сицилійскомъ материкѣ. Римляне не были въ состояніи взять этотъ сильно укрѣпленный городъ приступомъ; повтому они окружили его линіями окоповъ и двойнымъ лагеремъ; осажденные, доходившіе числомъ до 50,000 человекъ, скоро стали терпѣть недостатокъ въ самомъ необходимомъ. Чтобъ выручить ихъ, карфагенскій адмиралъ Аннонъ высадился подлѣ Гераклеи и въ свою очередь отрѣзалъ подвозъ припасовъ для осаждающихъ. Обѣ стороны терпѣли большую нужду; наконецъ, чтобъ выйти изъ затруднительнаго положенія и изъ неизвѣстности, было рѣшено вступить въ бой. Нумидійская конница оказалась настолько-же превосходнѣе римской, насколько была превосходнѣе финикійской пѣхоты римская; эта послѣдняя и рѣшила побѣду, хотя со стороны Римлянъ потери были также очень значительны. Плоды выиграннаго сраженія были частію утрачены оттого, что послѣ битвы, въ то время, какъ среди утомленныхъ побѣдителей господствовала сумятица, осажденной арміи удалось выйти изъ города и добраться до флота; тѣмъ не менѣе побѣда дала значительные результаты. Акрагантъ попалъ въ руки Римлянъ, а вмѣстѣ съ нимъ подпалъ подъ ихъ власть и весь островъ, за исключеніемъ приморскихъ крѣпостей, въ которыхъ карфагенскій вождь Амилъкаръ, замѣнившій Аннона, окопался и укрѣпился такъ, что его нельзя было оттуда выгнать ни силой ни голодомъ. Послѣ того военныя дѣйствія ограничивались только вылазками Карфагенянь изъ сицилійскихъ крѣпостей и ихъ высадками на берегахъ Италіи.

Взятіе Акраганта.

Римляне тогда только поняли, съ какими трудностями было для нихъ сопряжено веденіе войны. Если правда, что карфагенскіе дипломаты, какъ рассказываютъ, совѣтовали Римлянамъ не доводить дѣло до разрыва, потому что ни одинъ Римлянинъ не посмѣетъ безъ дозволенія Карфагенянь даже только вымыть свои руки въ морѣ, то эта угроза не была лишена основанія. Карфагенскій флотъ господствовалъ на морѣ безъ соперниковъ и не только держалъ въ покорности прибрежные города Сициліи, снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ, но и угрожалъ высадкой Италіи, вслѣдствіе чего еще въ 492 тамъ принуждена была оставаться одна консульская армія. Хотя дѣло и не доходило до вторженія въ широкихъ размѣрахъ, но небольшіе карфагенскіе отряды высаживались на берегахъ Италіи и собирали съ римскихъ союзниковъ контрибуціи, а чтѣ было хуже всего — они до крайности стѣснили торговлю Рима и его союзниковъ;

Сооруженіе
римскаго
флота.

еслибъ это продолжалось еще нѣсколько времени, то Цере, Остія, Неаполь, Тарентъ и Сиракузы были-бы совершенно разорены, между тѣмъ какъ Каррагеняне съ избыткомъ вознаграждали себя сборомъ контрибуцій и захватомъ торговыхъ судовъ за то, что несполна получали дань съ Сицилійцевъ. Тогда только Римляне сами убѣдились въ томъ, что уже было дознано на опытѣ Діонисіемъ, Агаокломъ и Пирромъ, — что Каррагенянь было такъ-же легко побѣдить въ открытомъ полѣ, какъ было трудно окончательно одолѣть. Тогда стало ясно, что нельзя было обойтись безъ флота и потому было рѣшено соорудить его съ составѣ двадцати трехпалубныхъ кораблей и ста пятипалубныхъ. Но исполненіе этого энергическаго рѣшенія было нелегко. Впрочемъ ведущій свое начало изъ риторскихъ школъ разсказъ, будто Римляне въ ту пору въ первый разъ обмочили весла въ водѣ, есть ничто иное, какъ ребяческій вымыселъ; италійскій торговый флотъ, безъ сомнѣнія, уже былъ въ ту пору очень значителенъ, а въ италійскихъ военныхъ корабляхъ также не было недостатка. Но это были такія военныя барки и трехпалубники, какіе были въ употребленіи въ болѣе раннюю пору; въ Италіи тогда еще вовсе не строили пятипалубныхъ кораблей, которые по новѣйшей системѣ морскихъ войнъ, распространившейся преимущественно изъ Каррагена, почти исключительно составляли боевую линію. Поэтому принятая Римлянами мѣра была отчасти похожа на то, какъ если-бы въ наше время постройка линейныхъ кораблей была предпринята морской державой, прежде того довольствовавшейся фрегатами и катерами; и подобно тому, какъ въ наше время былъ-бы принятъ въ такомъ случаѣ за образецъ иностранный военный корабль, и Римляне дали своимъ мастерамъ кораблестроенія на модель каррагенскую пентеру, сѣвшую на мель. Конечно, Римляне могли-бы скорѣе достигнуть цѣли, если-бы воспользовались содѣйствіемъ Сиракузянъ и Массалиотовъ; но ихъ государственные люди были достаточно предусмотрительны для того, чтобы не ввѣрять защиту Италіи неиталійскому флоту. Напротивъ того, италійскіе союзники были привлечены къ дѣятельному участию въ этомъ предпріятіи какъ доставкой морскихъ офицеровъ, которые были болѣею частію взяты съ италійскихъ торговыхъ судовъ, такъ и доставкой матросовъ, уже одно названіе которыхъ (*socii navales*) доказываетъ, что они въ теченіе нѣкотораго времени поставлялись исключительно союзниками; кромѣ того вполнѣ были употреблены для службы во флотѣ рабовъ, которые доставлялись государствомъ и богатыми семьями, и даже самыхъ бѣдныхъ гражданъ. При такихъ условіяхъ и принимая въ соображеніе отчасти тогдашнее сравнительно низкое положеніе кораблестроительнаго искусства, отчасти энергію Римлянъ, не трудно понять, почему Римляне могли выполнить въ одинъ годъ задачу, надъ которой тщетно трудился

Наполеонъ, — могли превратить свою континентальную державу въ морскую и уже весной 494 года спустить на воду свой флотъ въ составѣ ста-двадцати парусныхъ судовъ. Конечно, этотъ флотъ не могъ равняться съ карфагенскимъ ни по числу судовъ ни по скорости ихъ хода подъ парусами, а этотъ послѣдній недостатокъ былъ тѣмъ болѣе важенъ, что морская тактика того времени заключалась главнымъ образомъ въ маневрированіи. Хотя въ тогдашнихъ морскихъ битвахъ также участвовали тяжело-вооруженные солдаты и стрѣлки изъ лука, сражавшіеся съ палубы, и хотя также съ палубы дѣйствовали метательныя машины, но самый обыкновенный и самый рѣшительный способъ борьбы заключался въ томъ, чтобы нагнать и потопить непріятельскій корабль, ради чего передовую часть кораблей вооружали тяжелымъ желѣзнымъ носомъ; сражавшіеся корабли обыкновенно кружились одинъ около другаго, пока которому-нибудь изъ нихъ не удавалось толкнуть своего противника такъ, чтобы тотъ пошелъ отъ этого удара ко дну. Поэтому въ числѣ приблизительно 200 человекъ, обыкновенно составлявшихъ экипажъ греческаго трехпалубнаго корабля, было не болѣе 10 солдатъ, а гребцовъ было 170, то-есть по 50 или по 60 на каждую палубу; экипажъ пятипалубнаго корабля состоялъ приблизительно изъ 300 гребцовъ и изъ соответствующаго числа солдатъ. — Въ виду того, что при неопытности римскихъ морскихъ офицеровъ и гребцовъ римскіе корабли не могли-бы маневрировать такъ-же искусно, какъ карфагенскіе, Римлянамъ пришла мысль восполнить этотъ недостатокъ, снова удѣливъ солдатамъ значительную роль въ морскихъ битвахъ. Съ этой цѣлю были придѣланы къ переднимъ частямъ кораблей подъемные мосты, которые можно было опускать и впередъ и въ обѣ стороны; они были снабжены съ обѣихъ сторонъ парашетами и на нихъ могли помѣщаться по два человека въ рядъ. Когда непріятельскій корабль приближался къ римскому кораблю съ цѣлю нанести ему ударъ или когда эта попытка не удавалась и онъ становился къ римскому кораблю бортомъ, тогда подъемный мостъ спускался на его палубу и прицѣплялся къ ней посредствомъ желѣзнаго зацѣпа; это не только избавляло римскій корабль отъ опасности потонуть, но и доставляло находившимся на немъ римскимъ солдатамъ возможность перебраться по мосту на непріятельскій корабль и взять его приступомъ. Для морской службы этого рода не было сформировано особой морской милиціи, а употреблялись по мѣрѣ надобности сухопутныя войска; такъ напримѣръ случалось, что въ большихъ морскихъ битвахъ на каждомъ кораблѣ сражались до 120 легионныхъ солдатъ, — конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда на римскихъ корабляхъ находился десантъ. — Такимъ образомъ Римляне создали флотъ, который былъ въ состояніи помѣряться съ карфагенскимъ. Тѣ, которые дѣлаютъ изъ сооруженія римскаго флота какую-то вол-

шебную сказку, впадаютъ въ заблужденіе и кромѣ того не достигаютъ своей цѣли; надо прежде всего понять, въ чемъ дѣло, а потомъ уже удивляться. Сооруженіе римскаго флота было ничѣмъ инымъ, какъ великимъ національнымъ подвигомъ, который, благодаря вѣрному пониманію необходимого и возможнаго, благодаря гениальной изобрѣтательности и энергической твердости какъ замысла, такъ и его выполненія, вывелъ отечество изъ такого положенія, которое было еще болѣе бѣдственнымъ, чѣмъ какимъ казалось съ перваго взгляда.

Морская по-
бѣда при
Милахъ.
260

Однако начало борьбы было неблагоприятно для Римлянъ. Римскій адмиралъ, консулъ Гней Корнелій Циціонъ, направившійся въ Мессану съ 17-ью прежде другихъ снаряженными парусными судами (494), попытался дорбгой завладѣть Липарой, рассчитывая на неожиданность своего нападенія. Но отрядъ стоявшаго подлѣ Панорма кареагенскаго флота заперъ входъ въ гавань этого острова, въ которой римскіе корабли стали на якорь, и безъ боя захватилъ въ плѣнъ всю эскадру вмѣстѣ съ консуломъ. Это, впрочемъ, не помѣшало главному римскому флоту также направиться къ Мессанѣ, лишь только онъ оvonчилъ всѣ свои приготовленія. Плывя вдоль береговъ Италіи, этотъ флотъ повстрѣчался съ производившею рекогносцировки болѣе слабой кареагенской эскадрой и имѣлъ счастье нанести ей пораженіе, въ избыткѣ заглаживавшее первую неудачу Римлянъ; затѣмъ онъ благополучно и побѣдоносно вступилъ въ гавань Мессаны, гдѣ второй консулъ Гай Дуилій принялъ главное надъ нимъ начальство въ замѣнъ своего плѣннаго товарища. Кареагенскій флотъ, шедшій изъ Панорма подъ начальствомъ Аннибала, встрѣтился подлѣ Мильскаго мыса, на сѣверо-западѣ отъ Мессаны, съ римскимъ флотомъ, которому пришлось выдержать тамъ первую серьезную борьбу. Кареагенскій флотъ устремился въ рассыпную на римскіе корабли въ увѣренности, что найдетъ въ нихъ легкую добычу по причинѣ ихъ неумѣнья ходить подъ парусами и ихъ неповоротливости; но вновь изобрѣтенные абордажные мосты вполне исполнили свое назначеніе. Римскіе корабли прицѣплялись къ непріятельскимъ по мѣрѣ того, какъ эти послѣдніе приближались къ нимъ по одиночкѣ, и брали ихъ приступомъ; къ нимъ нельзя было подступитъ ни спереди ни съ боку, потому что грозный мостъ немедленно опускался на непріятельскую палубу. Когда бой кончился, оказалось, что около пятидесяти кареагенскихъ кораблей, составлявшихъ почти половину непріятельскаго флота, были потоплены или взяты Римлянами и что въ числѣ послѣднихъ находился адмиральскій корабль Аннибала, когда-то принадлежавшій царю Пирру. Успѣхъ былъ громаденъ, но еще болѣе важно было произведенное имъ нравственное впечатлѣніе. Римъ мгновенно сдѣлался морской державой; теперь онъ уже располагалъ достаточными средствами для того, чтобъ

съ энергіей довести до развязки войну, грозившую затянуться на безконечно долгое время и уничтожить италійскую торговлю.

Этой цѣли можно было достигнуть двумя путями. Можно было напасть на Карфагенянь на италійскихъ островахъ и отнять у нихъ одну вслѣдъ за другой приморскія крѣпости въ Сициліи и въ Сардиніи; а этого можно было достигнуть искусно комбинированными операціями и на сушѣ и на морѣ; послѣ того, какъ это дѣло было-бы доведено до конца, можно было заключить съ Карфагеномъ миръ съ условіемъ уступки тѣхъ острововъ Риму, а если-бы это не удалось или оказалось недостаточнымъ, можно было перенести второй актъ войны въ Африку. Или-же можно было пренебречь островами и со всѣми силами устремиться на Африку, но не въ рыцарскомъ вкусѣ Агаокла, то-есть не сожигая позади себя кораблей и не ставя все въ зависимость отъ побѣды надъ доведеннымъ до отчаянія непріятелемъ, а прикрывая еильнымъ флотомъ сношенія высадившейся въ Африкѣ арміи съ Италіей; въ этомъ случаѣ или можно было ожидать умѣренно-выгодныхъ мирныхъ условій отъ непріятеля, приведеннаго въ замѣшательство первыми успѣхами Римлянъ, или-же можно было прибѣгнуть къ крайнимъ усиліямъ для того, чтобъ принудить непріятеля къ изъявленію полной покорности. — Первому изъ этихъ двухъ плановъ военныхъ дѣйствій было отдано предпочтеніе. Черезъ годъ послѣ битвы при Милахъ (495), консулъ Луцій Сиципійонъ взялъ приступомъ портовой городъ Алерію на Корсикѣ и сдѣлалъ изъ этого острова морскую стоянку, изъ которой можно было предпринимать нападенія на Сардинію; а надгробный камень полководца, упоминающій объ этомъ подвигѣ, сохранился до настоящаго времени. Попытка утвердиться на сѣверномъ берегу Сардиніи, въ Ульбии, не удалась, потому что на флотѣ не было десантныхъ войскъ. Хотя эта попытка повторилась въ слѣдующемъ году (496) съ большимъ успѣхомъ и Римляне разграбили находившіяся вблизи отъ морскаго берега ничѣмъ незащищенные поселенія, но имъ все-таки не удалось прочно тамъ утвердиться. Въ Сициліи они также не подвигались впередъ. Амилъкаръ велъ энергически и искусно войну на сушѣ и на морѣ не только при помощи оружія, но и при помощи политической пропаганды; каждый годъ нѣкоторые изъ многочисленныхъ мелкихъ городковъ отпадали отъ Римлянъ и ихъ приходилось съ трудомъ вновь отнимать у Финикіянъ, между тѣмъ какъ Карфагеняне не подвергались никакимъ нападеніямъ въ своихъ приморскихъ крѣпостяхъ, въ особенности въ своей главной квартирѣ въ Панормѣ и въ своей заново-укрѣпленной Дрепанѣ, куда Амилъкаръ переселилъ жителей Эриксы въ виду болѣе легкой защиты Дрепаны со стороны моря. Происходившее у Тиндарійскаго мыса второе большое морское сраженіе (497), въ которомъ объ стороны приписывали себѣ побѣду, ничего не измѣнило въ поло-

Война близъ береговъ Сициліи и Сардиніи.

259

258

257

женіи дѣль. Такимъ образомъ бычто не двигалось впередъ вслѣдствіе-ли того, что въ римскихъ войскахъ высшая власть дѣлилась между нѣсколькими начальниками и сами начальники часто смѣнялись, такъ что было очень трудно направить цѣлый рядъ мелкихъ военныхъ операций къ одной общей цѣли, вслѣдствіе-ли общихъ стратегическихъ условій, которыя при тогдашнемъ положеніи военной науки были вообще неблагоприятны для нападающихъ (стр. 407) и въ особенности складывались неблагоприятно для Римлянъ, еще стоявшихъ на первой ступени научныхъ понятій о военномъ искусствѣ.

Нападеніе на Африку. Между тѣмъ италійская торговля страдала не много меньше, чѣмъ до сооруженія флота, хотя грабежи на берегахъ Италіи и прекратились. Римскій сенатъ, утомившись бесплоднымъ ходомъ военныхъ дѣйствій и горя нетерпѣніемъ окончить войну, рѣшился измѣнить систему и напасть на Карфагенъ въ Африкѣ. Весной 498 года флотъ

256

изъ 330 линейныхъ кораблей двинулся подъ парусами къ берегамъ Либіи; близъ устьевъ Гимеры, на южномъ берегу Сициліи, онъ принялъ на бортъ десантную армію: она состояла изъ четырехъ легионовъ подъ предводительствомъ обоихъ консуловъ — Марка Атілія Регула и Луція Манлія Вольсо, которые были опытными полководцами. Карфагенскій адмиралъ не воспрепятствовалъ посадкѣ непри-

Морская побѣда при Экиномѣ.

ятельскихъ войскъ на корабли, но на своемъ пути въ Африку Римляне встрѣтили на высотѣ Экинома неприятельскій флотъ, выстроившійся въ боевомъ порядкѣ для того, чтобъ защитить свое отечество отъ неприятельскаго нашествія. Едва-ли когда-либо вступали на морѣ въ бой болѣе громадныя массы людей, чѣмъ въ этомъ сраженіи. Римскій флотъ изъ 330 парусныхъ судовъ нёсъ на себѣ по меньшей мѣрѣ 100.000 человекъ экипажа и кромѣ того десантную армію приблизительно въ 40.000 человекъ; на карфагенскомъ флотѣ, состоявшемъ изъ 350 кораблей, экипажъ былъ по меньшей мѣрѣ такъ-же многочисленъ, какъ и на римскомъ; стало-быть въ этотъ день было собрано около трехъ сотъ тысячъ человекъ для того, чтобъ разрѣшить споръ между двумя могущественными гражданствами. Финикияне стояли въ далеко растянутой линіи, опираясь своимъ лѣвымъ крыломъ о берега Сициліи. Римляне построились трехугольникомъ съ адмиральскими кораблями обоихъ консуловъ впереди; вправо и влево отъ нихъ стали въ косою линіи эскадры первая и вторая; наконецъ третья эскадра, имѣвшая на буксирѣ транспортныя суда, построенная для перевозки кавалеріи, заняла линію, замыкавшую трехугольникъ. Въ этой плотно сомкнутой формѣ римскій флотъ двинулся на неприятеля. За нимъ болѣе медленно слѣдовала четвертая эскадра, поставленная въ резервъ. Клинообразное нападеніе легко прорвало карфагенскую линію, такъ какъ ея центръ, на который было устремлено это нападеніе, съ умысломъ отступилъ; тогда битва раздѣлилась на три отдѣльныхъ сраженія. Между тѣмъ,

какъ адмиралы вмѣстѣ съ обѣими стоявшими на флангахъ эскадрами гнались за кареагенскимъ центромъ и вступали съ нимъ въ бой, стоявшее подлѣ берега лѣвое крыло Кареагенявъ устремилось на третью римскую эскадру, отставшую отъ двухъ первыхъ; потому что ее стѣсняли находившіяся у ней на буксирѣ суда; эта эскадра не устояла противъ энергическаго нападенія болѣе сильнаго непріятеля и была притиснута къ берегу; въ то-же время правое крыло Кареагенявъ обошло римскую резервную эскадру и напало на нее съ тыла. Первое изъ этихъ трехъ сраженій окончилось скоро: корабли кареагенскаго центра, очевидно, были слабѣе двухъ сражавшихся съ ними римскихъ эскадръ и потому обратились въ бѣгство. Тѣмъ временемъ двѣ другія дивизіи римскаго флота съ трудомъ выдерживали борьбу съ болѣе сильнымъ непріателемъ; однако въ бою на близкомъ разстояніи имъ очень пригодились грозовые абордажные мосты, съ помощью которыхъ они держались до той минуты, когда оба адмирала пришли къ нимъ на помощь съ своими кораблями. Тогда римская резервная эскадра высвободилась, а кареагенскіе корабли праваго фланга успѣли удалиться передъ превосходными силами Римлянъ. Когда и этотъ бой кончился въ пользу Римлянъ, тогда всѣ еще способные держаться въ морѣ римскіе корабли напали въ тылъ на кареагенское лѣвое крыло, упорно старавшееся воспользоваться своимъ первымъ успѣхомъ; оно было окружено со всѣхъ сторонъ и почти всѣ его корабли были захвачены Римлянами. Остальныя потери были почти равны съ обѣихъ сторонъ. Въ римскомъ флотѣ было потоплено 24 судна, въ кареагенскомъ флотѣ было потоплено 30 судовъ и 64 были взяты Римлянами. Не смотря на понесенныя имъ важныя потери, кареагенскій флотъ не отказался отъ своего намѣренія защищать Африку и съ этой цѣлю возвратился назадъ въ кареагенскую бухту, гдѣ ожидалъ высадки Римлянъ и собирался снова вступить съ ними въ бой. Но вмѣсто того, чтобъ высадиться въ западной части полуострова, Римляне высадились въ его восточной части. — тамъ, гдѣ Клупейская бухта могла служить для нихъ просторной и защищенной почти отъ всякихъ вѣтровъ гаванью, и гдѣ они нашли превосходную приморскую крѣпость въ городѣ Клупей, лежащемъ подлѣ самаго морскаго берега на щитообразномъ холмѣ, возвышающемся надъ равниной. Безъ всякихъ препятствій со стороны непріятеля они высадили свои войска на берегъ и укрѣпились на возвышеніи; тамъ они скоро устроили окруженную окопами стоянку для кораблей и затѣмъ могли приступить съ сухопутной арміей къ военнымъ дѣйствіямъ. Римскія войска разсыпались по странѣ и стали ее грабить; они нашли возможность отправить въ Римъ около 20.000 рабовъ. Благодаря самому необычному счастью, смѣлый замыселъ удался съ перваго раза и съ небольшими потерями; Римляне уже, по видимому, были близко къ цѣли. Какъ они были увѣрены въ успѣхъ,

Высадка
Регула въ
Африкѣ.

видно изъ того, что сенатъ приказалъ отослать назадъ въ Италію большую часть флота и половину арміи; Маркъ Регулъ одинъ остался въ Африкѣ съ 40 кораблями, 15000 пѣхотинцами и 500 всадниками. И эта самоувѣренность, по видимому, не была преувеличенной. Карфагенская армія, упавшая духомъ до того, что не осмѣливалась показаться на равнинѣ, потерпѣла первую неудачу въ лѣсистыхъ тѣснинахъ, гдѣ не могла употреблять въ дѣло свои лучшія средства обороны — конницу и слоновъ. Города стали сдаваться массами, а Нумидійцы возстали и разсыпались по открытой странѣ на большомъ пространствѣ. Регулъ былъ въ правѣ надѣяться, что начнетъ слѣдующую кампанію осадой столицы и въ этихъ видахъ раскинулъ свой зимній лагерь въ самомъ близкомъ отъ нея разстояніи — въ Тунетѣ. — Карфагеняне упали духомъ и стали просить мира. Но консулъ потребовалъ, кромѣ уступки Сициліи и Сардиніи, также заключенія неравнаго союза съ Римомъ, — такого союза, который обязывалъ Карфагенянь отказаться отъ содержанія своего военного флота и доставлять корабли для военного флота Римлянъ; эти условія поставили-бы Карфагенъ наравнѣ съ Неаполемъ и съ Тарентомъ и не могли быть приняты, пока Карфагеняне имѣли въ своемъ распоряженіи и сухопутную армію и флотъ и пока ихъ столица была цѣла. Подобно тому, какъ приближеніе крайней опасности вызываетъ благородное воодушевленіе даже у самыхъ низко-упавшихъ восточныхъ націй, оно вызвало и со стороны Карфагенянь такія напряженныя усилія, какихъ трудно ожидать отъ лавочниковъ. Амилькаръ, который такъ успѣшно велъ въ Сициліи съ Римлянами борьбу, состоящую изъ небольшихъ стычекъ, появился въ Либіи съ отборными сицилійскими войсками, которыя могли служить отличнымъ ядромъ для арміи, которую старались организовать изъ вновь набранныхъ рекрутъ; сверхъ того, связи и золото Карфагенянь привлекли къ нимъ толпы превосходныхъ нумидійскихъ наѣздниковъ и многочисленныхъ греческихъ наемниковъ, между которыми находился и пресловутый полководецъ — Спартанецъ Ксантиппъ, оказавшій своимъ новымъ господамъ важныя услуги своими дарованіями организатора и своею стратегическою прозорливостью *). Между тѣмъ, какъ Карфагеняне проводили зиму въ при-

Безуспѣшныя мирныя попытки.

Военныя приготовленія Карфагенянь.

*) Рассказъ о томъ, что Карфагенъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ главнымъ образомъ военнымъ дарованіямъ Ксантиппа, по всему вѣроятію, прикрашенъ. Карфагенскіе офицеры едва-ли нуждались въ совѣтахъ иноземцевъ для того, чтобъ притти къ убѣжденію, что легкая африканская кавалерія можетъ быть употребляема въ дѣло съ большимъ успѣхомъ на равнинѣ, чѣмъ въ гористой и въ лѣсистой мѣстности. Отъ такихъ вымысловъ, бывшихъ отголосками того, что говорилось въ греческихъ караульныхъ, даже не предостерегъ себя Полибій. — Что Ксантиппъ былъ, послѣ побѣды, умерщвленъ Карфагенянами — выдумка; онъ добровольно покинулъ ихъ, быть можетъ, для того, чтобъ вступить въ египетскую службу.

готовленияхъ къ оборонѣ, римскій главнокомандующій стоялъ въ бездѣйствіи подлѣ Тунета. Оттого-ли, что онъ не чуялъ собиравшейся надъ его головой грозы, оттого-ли, что чувство военной чести не дозволяло ему сдѣлать то, чего требовало его положеніе, — онъ стоялъ съ горстью людей подлѣ стѣнами непріятельской столицы вмѣсто того, чтобъ совершенно отложить мысль объ осадѣ, къ которой онъ даже не былъ въ состояніи приступить, и вмѣсто того, чтобъ укрыться въ Клупейской цитадели; онъ даже не позаботился во-время обезпечить свое отступленіе къ укрѣпленной стоянкѣ кораблей и не постарался во-время добыть то, въ чемъ онъ всего болѣе нуждался, — хорошую легкую кавалерію, которую онъ могъ-бы безъ большаго труда получить путемъ переговоровъ отъ возставшихъ нуидійскихъ племенъ. Онъ по своей собственной винѣ поставилъ и себя и свою армію точно въ такое-же положеніе, въ какое попалъ Агаоклъ во время своей безразсудной экспедиціи. Когда наступила весна (499), положеніе дѣлъ уже настолько измѣнилось, что кампанію начали не Римляне, а Кареагеняне; они успѣли вызвать Римлянъ на рѣшительный бой по той совершенно понятной причинѣ, что имъ нужно было покончить съ арміей Регула, прежде нежели она получитъ изъ Италіи подкрѣпленія. По той-же самой причинѣ Римляне должны-бы были не спѣшить; но увѣренность въ томъ, что они непобѣдимы въ открытомъ полѣ, побудила ихъ тотчасъ принять сраженіе, не взирая ни на превосходство непріятельскихъ силъ (пѣхота была почти одинаково многочисленна съ обѣихъ сторонъ, но 4000 всадниковъ и 100 слоновъ давали Кареагенянамъ рѣшительный перевѣсъ), ни на неблагоприятныя условія мѣстности, — такъ какъ Кареагеняне выстроились на широкой равнинѣ, вѣроятно неподалеку отъ Тунета. Командовавшій въ этотъ день Кареагенянами, Ксантиппъ началъ съ того, что устремилъ свою конницу на непріятельскихъ всадниковъ, стоявшихъ по обыкновенію на обѣихъ флангахъ боевой линіи; немногочисленные римскіе эскадроны были въ одно мгновеніе разстѣяны массами непріятельской кавалеріи, которая вслѣдъ за тѣмъ обошла и окружила римскую пѣхоту. Нѣсколько не смутившіеся отъ этой опасности, легіоны пошли въ атаку на непріятельскую линію и хотя прикрывавшіе эту линію слоны удержали напоръ праваго крыла и центра Римлянъ, но ихъ лѣвое крыло прошло мимо слоновъ, атаковало наёмную пѣхоту на правомъ флангѣ непріятели и совершенно ее опрокинуло. Однако именно вслѣдствіе этого успѣха ряды Римлянъ пришли въ разстройство. На главныя массы римской пѣхоты напали спереди слоны, съ обѣихъ фланговъ и съ тыла непріятельская конница, и хотя онѣ геройски защищались, построившись въ карре, но въ концѣ-концовъ были разорваны на части и искрошены. Побѣдоносное лѣвое крыло Римлянъ натолкнулось на свѣжія силы кареагенскаго центра, гдѣ либійская пѣхота готовила ему

255

Пораженіе
Регула.

Африка
очищена
Римлянами

такую-же участь, какая постигла остальную римскую армию. Такъ какъ приходилось сражаться на гладкой мѣстности, а неприятельская кавалерія была гораздо болѣе многочисленна, то Римляне были частію изрублены, частію взяты въ плѣнъ; только двѣ тысячи человекъ, вѣроятно принадлежавшіе къ тѣмъ отрядамъ легкой пѣхоты и конницы, которые были разбиты въ самомъ началѣ сраженія, съ трудомъ успѣли добраться до Клупей въ то время, какъ сражаясь гибли римскіе легіоны. Въ числѣ немногочисленныхъ плѣнниковъ находился и самъ консулъ, впоследствии кончившій свою жизнь въ Карфагенѣ; его родственники, полагая, что Карфагеняне обошлись съ нимъ не по военному обычаю, подвергли двухъ знатныхъ карфагенскихъ плѣнниковъ такому возмутительному мщению, что даже рабы сжалились надъ страдальцами и что по ихъ доносу трибуны прекратили это безобразіе *). — Когда достигла до Рима вѣсть объ этомъ страшномъ событіи, то Римляне, натурально, прежде всего позаботились о спасеніи тѣхъ войскъ, которыя укрылись въ Клупей. Римскій флотъ немедленно вышелъ въ море въ числѣ 350 парусныхъ судовъ и послѣ блестящей побѣды подлѣ Гермейскаго мыса, стоившей Карфагенянамъ 114 кораблей, достигъ Клупей такъ скоро, что могъ высвободить окопавшіеся остатки разбитой арміи изъ ихъ бѣдственнаго положенія. Если-бы этотъ флотъ былъ присланъ до катастрофы, онъ могъ-бы превратить пораженіе въ побѣду и вѣроятно положилъ-бы конецъ войнамъ съ Финикіянамъ. Но Римляне до такой степени растерялись, что послѣ удачнаго сраженія подлѣ Клупей посадили всѣ свои войска на корабли и отплыли обратно, добровольно покинувъ важный и удобный для обороны пунктъ, обезпечившій для нихъ возможность высадки въ Африкѣ, и оставивъ своихъ многочисленныхъ африканскихъ союзниковъ на жертву мстительности Карфагенянь. Карфагеняне не пропустили этого удобнаго случая; чтобъ пополнить свою опустѣвшую казну и чтобъ наказать своихъ подданныхъ за измѣну. Они наложили на этихъ подданныхъ экстраординарную контрибуцію въ размѣрѣ 1000 талантовъ серебра (1.740.000 талеровъ) и 20.000 быковъ и приказали распять на крестѣ всѣхъ шейховъ въ отложившихся общинахъ; число казненныхъ шейховъ доходило до трехъ тысячъ, а это страшное неистов-

*) О смерти Регула нѣтъ никакихъ другихъ достовѣрныхъ свѣдѣній; даже очень плохо удостовѣрена его отправка въ Римъ въ качествѣ посла, которую относятъ то къ 503 году, то къ 513. Познѣйшая эпоха, искавшая въ счастьи и въ несчастіи предковъ только сюжетовъ для школьнаго преподаванія, сдѣлала изъ Регула прототипъ несчастнаго героя [точно такъ-же, какъ изъ Фабриція былъ сдѣланъ прототипъ героя, нуждавшагося въ самомъ необходимомъ] и пустила въ ходъ множество связанныхъ съ его именемъ выдуманныхъ анекдотовъ; эти анекдоты — ничто иное, какъ противная мишура, представляющая рѣзкій контрастъ съ серьезной и ничѣмъ не прикрашенной исторіей.

ство карфагенскихъ властей подготовило революцію, вспыхнувшую въ Африкѣ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того. Наконецъ, — точно будто Римлянамъ было суждено испытать несчастье въ такой-же полной мѣрѣ, въ какой они до того времени пользовались счастьемъ, — ихъ флотъ былъ застигнутъ на возвратномъ пути сильной бурей, которая потопила три четверти ихъ кораблей вмѣстѣ съ экипажемъ; только восемьдесятъ кораблей достигли пристани (іюль 499). Капitanы кораблей предсказывали это несчастье, но импровизированные римскіе адмиралы не хотѣли отиѣнить сдѣланныхъ ими распоряженій къ отплытію.

255

Послѣ такого необычайнаго успѣха Карфагеняне были въ состояніи возобновить уже давно ими приостановленные наступательныя военныя дѣйствія. Сынъ Аннона, Аздрубаль высадился въ Лилибей съ сильной арміей, которая была въ состояніи бороться съ Римлянами главнымъ образомъ благодаря тому, что имѣла при себѣ огромное число слоновъ (140), — такъ какъ послѣдняя битва съ Римлянами доказала Карфагенянамъ, что недостатокъ хорошей пѣхоты можетъ быть до нѣкоторой степени восполненъ слонами и конницею. Римляне также снова предприняли войну въ Сициліи: добровольное очищеніе Клупей доказываетъ, что уничтоженіе десантной арміи снова доставило въ сенатѣ перевѣсъ той партіи, которая не желала переносить войну въ Африку и довольствовалась постепеннымъ завоеваніемъ острововъ. Но и для этого былъ нуженъ флотъ; а такъ какъ тотъ флотъ, который одержалъ побѣды при Милахъ, при Экомѣ и у Гермейскаго мыса, былъ уничтоженъ, то стали строить новый. Были заложены кили разомъ для двухъ сотъ двадцати военныхъ кораблей; никогда еще не было предпринято одновременнаго сооруженія такого числа кораблей, а были они готовы къ отплытію въ неизвѣрно-короткое время — въ три мѣсяца. Весной 500 года римскій флотъ, состоявшій изъ 300 большею частію вновь построенныхъ кораблей, появился у сѣверныхъ береговъ Сициліи. Благодаря удачному нападенію со стороны моря, Римляне завладѣли самымъ значительнымъ изъ городовъ карфагенской Сициліи Панормомъ и нѣкоторыми другими небольшими городами — Соломъ, Кефаледіономъ, Тиндарисомъ, такъ что на всемъ сѣверномъ берегу острова остались во власти Карфагенянъ только Термы. Съ тѣхъ поръ Панормъ былъ одной изъ главныхъ римскихъ стоянокъ въ Сициліи. Тѣмъ временемъ нисколько не подвигались впередъ военныя дѣйствія на сушѣ; двѣ арміи стояли подъ Лилибеемъ одна противъ другой, но римскіе военачальники, не знавшіе, какъ защититься отъ массы слоновъ, не пытались принудить непріятеля къ рѣшительному сраженію. — Въ слѣдующемъ году (501) консулы не захотѣли извлекать вѣрныя выгоды изъ того, что было приобрѣтено въ Сициліи, а предпочли экспедицію въ Африку не съ цѣлію высадки, а съ цѣлію

Возобновленіе военныхъ дѣйствій въ Сициліи.

254

253

грабить приморскіе города. Въ этомъ предпріятіи они не встрѣтили препятствій; но послѣ того, какъ у незнакомыхъ римскимъ лоцманамъ опасныхъ береговъ Малаго Сирта они наткнулись на мели, съ которыхъ съ трудомъ выбрались, флотъ былъ настигнуть между берегами Сициліи и Италіи бурей, которая стоила ему 150 кораблей; и на этотъ разъ лоцманы убѣждали и умоляли консуловъ плыть вдоль береговъ, но получили приказаніе плыть по открытому морю прямо изъ Панорма въ Остію. — Тогда сенаторами овладѣло мало-прекраще-
ніе морской войны. душие; они рѣшили низвести военный флотъ на 60 парусныхъ судовъ и ограничить морскую войну защитой береговъ и конвоированіемъ транспортовъ. Къ счастью, именно въ это время приняла болѣе благопріятный оборотъ сухопутная война въ Сициліи, до тѣхъ поръ не дававшая никакихъ результатовъ. Въ 502 году Римляне завладѣли послѣднимъ городомъ, оставшимся въ рукахъ Каррагенянъ на сѣверномъ берегу острова — Термами и важнымъ островомъ Липарой, а въ слѣдующемъ году консулъ Луцій Цецилій Метеллъ одержалъ подъ стѣнами Панорма блистательную побѣду надъ арміей слоновъ (лѣтомъ 503 года). Неосторожно выведенныя на бой животныя были отражены поставленными въ городскомъ рву легкими римскими войсками и устремились частію въ ровъ, частію на свою прислугу, которая въ смятеніи столпилась вмѣстѣ съ слонами у берега въ надеждѣ укрыться на финикійскихъ корабляхъ. Римляне захватили 120 слоновъ, а каррагенская армія, главная сила которой заключалась въ этихъ животныхъ, была вынуждена снова укрыться въ крѣпостяхъ. Послѣ того, какъ Римляне завладѣли и Эриксомъ (505), во власти Каррагенянъ остались только Дрепана и Лилибей. Каррагенъ вторично предложилъ миръ; но побѣда Метелла и изнеможеніе врага доставили въ сенатѣ перевѣсъ той партіи, которая была болѣе энергична. Мирныя предложенія были отвергнуты и было рѣшено приступить къ осадѣ тѣхъ двухъ городовъ, а для этой цѣли снова вывести въ море флотъ изъ 200 парусныхъ судовъ. Осада Лилибея, которая была первой большой и правильно веденой осадой, предпринятой Римлянами, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ была одной изъ самыхъ упорныхъ осадъ, какія извѣстны въ исторіи, была начата Римлянами важнымъ успѣхомъ: ихъ флоту удалось войти въ гавань этого города и блокировать его со стороны моря. Однако осаждающіе не были въ состояніи совершенно закрыть доступъ къ городу съ моря. Не смотря на затопленныя ими суда и на устроенныя ими палисады и не смотря на тщательный съ ихъ стороны надзоръ, ловкіе каррагенскіе моряки, хорошо знакомые съ мелями и съ фарватерами, поддерживали на ходящихъ судахъ постоянныя сообщенія между осажденными и стоявшимъ въ дрепанской гавани каррагенскимъ флотомъ; по прошествіи нѣкотораго времени, каррагенской эскадрѣ изъ 50 судовъ

даже удалось проникнуть внутрь гавани, доставить въ городъ съѣстные припасы въ огромномъ числѣ и подкрѣпленія изъ 10.000 человекъ и затѣмъ безпрепятственно удалиться. Немного успѣшнѣе дѣйствовала и сухопутная армія осаждающихъ. Она начала атаку по всѣмъ правиламъ; были поставлены военныя машины, которыя въ короткое время разрушили шесть башенъ въ городской стѣнѣ, такъ что брешь скоро оказалась удобопроходимой. Но даровитый кареагенскій главнокомандующій Гимильконъ отразилъ нападеніе, соорудивъ позади бреши вторую стѣну. Попытка Римлянъ войти въ тайное соглашеніе съ гарнизономъ также была во-время предупреждена. Кареагенянамъ даже удалось въ одну бурную ночь сжечь римскія военныя машины, хотя сдѣланная съ этою цѣлію первая вылазка была отражена. Послѣ этого Римляне отказались отъ приготовленій къ приступу и ограничились блокадой города съ моря и съ суши. При этомъ, конечно, было мало надежды на успѣхъ, пока не было возможности совершенно закрыть для непріятельскихъ судовъ доступъ въ городъ, и не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ осажденные, находилась сухопутная армія Римлянъ, у которой транспорты съ провіантомъ нерѣдко перехватывались отважною легкою кавалеріей Кареагенянъ и среди которой начинала свирѣпствовать моровая язва, свойственная той нездоровой мѣстности. Тѣмъ не менѣе, завладѣніе Лилибеемъ имѣло такую важность, что всѣ терпѣливо выносили тяжелыя лишенія, которыя должны были съ теченіемъ времени привести къ желаемому результату. Однако, ново-

Поразженіе
римскаго
флота подъ
Дрепаной.

му консулу Публию Клавдію показалась слишкомъ мелкой задача держать Лилибей въ блокадѣ; онъ нашолъ, что лучше еще разъ измѣнить планъ осады и съ многочисленными заново снаряженными кораблями неожиданно напасть на непріятельскій флотъ, стоявшій неподалеку отъ него въ дрепанской гавани. Со всей осадной эскадрой, принявшей на бортъ добровольцевъ изъ легионовъ, онъ отплылъ въ полночь и на разсвѣтѣ благополучно достигъ дрепанской гавани, имѣя правое крыло вблизи отъ берега, а лѣвое въ открытомъ морѣ. Въ Дрепанѣ командовалъ финикійскій адмиралъ Атарбасъ. Хотя онъ и былъ застигнутъ въ распряхъ, онъ не потерялъ присутствія духа и не допустилъ, чтобъ непріятель заперъ его внутри гавани: въ то время, какъ римскіе корабли входили въ гавань, открывавшуюся съ южной стороны въ формѣ серпа, и придерживались той ея стороны, которая ближе къ материку, онъ вывелъ свои корабли черезъ тотъ проходъ, который еще былъ свободенъ, и построилъ ихъ внѣ гавани въ боевую линію. Римскому адмиралу не оставалось ничего другаго, какъ скорѣе вывести изъ гавани свои передовые корабли и также построить ихъ внѣ гавани въ боевую линію; но при этомъ отступательномъ движеніи онъ потерялъ возможность выстроиться такъ, какъ желалъ и былъ при-

нужденъ вступить въ бой при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ: онъ не имѣлъ времени обратно вывести изъ гавани корабли, вслѣдствіе чего непріятельское крыло обходило его боевую линію пятью кораблями; кромѣ того онъ былъ такъ прижатъ къ берегу, что его корабли не могли ни отступать ни обходить свою линію съ тылу, чтобъ помогать одинъ другому. Сраженіе было проиграно прежде, нежели началось и римскій флотъ былъ такъ тѣсно окруженъ, что почти цѣликомъ достался въ руки непріятеля. Хотя консулъ и спасся, такъ какъ прежде всѣхъ обратился въ бѣгство, но Финикійцами были взяты 93 римскихъ корабля, то-есть болѣе чѣмъ три четверти осадной эскадры вмѣстѣ съ находившимися на ней лучшими отрядами легионовъ. Это была первая и единственная большая морская побѣда, одержанная Карфагенянами надъ Римлянами. Фактически Лилибей избавился отъ блокады со стороны моря, потому что хотя остатки римскаго флота и возвратились на свою прежнюю позицію, но они были такъ слабы, что не могли запереть входа въ гавань, который и прежде того никогда не былъ совершенно закрытъ; да и сами они могли спастись отъ нападенія карфагенскихъ кораблей только при помощи сухопутной арміи. Неблагоразуміе неопытнаго и непростительно-легкомысленнаго начальника уничтожило всѣ плоды долгой и изнурительной осады, а тѣ римскіе военные корабли, которые уцѣлѣли отъ его заносчивости, вскорѣ послѣ того сдѣлались жертвами безразсудствъ его товарища. Второму консулу Луцію Юнію Пуллу было поручено нагрузить въ Сиракузахъ провіантъ для стоявшей подъ Лилибеемъ арміи и конвоировать транспортныя суда вдоль южныхъ береговъ острова со вторымъ римскимъ флотомъ, состоявшимъ изъ 120 военныхъ кораблей; но консулъ сдѣлалъ промахъ: вмѣсто того, чтобъ вести свои корабли всѣ вмѣстѣ, онъ отправилъ впередъ одинъ транспортъ и только по прошествіи нѣкотораго времени выступилъ со вторымъ. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до карфагенскаго вице-адмирала Карвалона, который блокировалъ римскій флотъ въ лилибейской гавани, имѣя подъ своимъ начальствомъ сто отборныхъ кораблей, онъ тотчасъ отплылъ къ южнымъ берегамъ острова, отрѣзалъ римскія эскадры одну отъ другой, ставши между ними, и принудилъ ихъ укрыться у негостеприимныхъ береговъ Гелы и Камарины въ двухъ гаваняхъ, куда можно заходить только въ случаѣ крайности. Хотя нападенія Карфагенянь были мужественно отражены Римлянами при помощи береговыхъ батарей, которыя были уже задолго передъ тѣмъ поставлены какъ тамъ, такъ и вообще вдоль всего берега, однако Римляне уже не могли помышлять ни о соединеніи двухъ флотовъ ни о дальнѣйшемъ плаваніи, такъ что Карвалонъ могъ предоставить стихіямъ довершеніе начатаго имъ дѣла. Первая большая буря совершенно уничтожила оба римскихъ флота на ихъ плохихъ рейдахъ.

Уничтоженіе
римскаго
транспорт-
наго флота.

между тѣмъ какъ финикійскій адмиралъ легко отъ нея избавился въ открытомъ морѣ съ своими ничѣмъ не обремененными и хорошо управляемыми кораблями. Впрочемъ Римлянамъ удалось большею частію спасти и людей и грузъ (505).

249

Римскій сенатъ не зналъ, на что рѣшиться. Война тянулась уже шестнадцатый годъ, и на этомъ шестнадцатомъ году, повидимому, ное положене- была еще дальше отъ своей цѣли, чѣмъ въ первомъ. Въ теченіе Римлянъ.

этого времени были совершенно уничтожены четыре большихъ флота, изъ которыхъ три имѣли на борту римскія войска; четвертую отборную сухопутную армию непріятель уничтожилъ въ Либіи, не говоря уже о безчисленныхъ жертвахъ, которыхъ стоили сраженія въ Сициліи и въ особенности форпостныя схватки, и которыя были унесены моровой язвой. Какъ велико было число людей, погибшихъ отъ войны, видно изъ того, что списокъ гражданъ уменьшился только съ 502 по 507 годъ почти на 40.000 человекъ, то-есть

252—247

на шестую часть всего ихъ числа, а въ этотъ счетъ не входятъ потери союзниковъ, которые несли на себѣ все бремя морской войны, да и въ войнахъ на сушѣ участвовали по меньшей мѣрѣ наравнѣ съ Римлянами. О денежныхъ потеряхъ нельзя составить себѣ и приблизительнаго понятія, но не подлежитъ сомнѣнію, что какъ утраты кораблями и припасами, такъ и косвенныя утраты отъ застоя торговли были громадны. Но еще чувствительнѣе всѣхъ этихъ утратъ было истощеніе тѣхъ средствъ, которыми надѣялись довести войну до конца. Высадка въ Африку была предпринята съ свѣжими силами вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ военныхъ успѣховъ, но совершенно не удалась. Въ Сициліи брали приступомъ одинъ городъ вслѣдъ за другимъ и незначительныя пункты были заняты Римлянами, но обѣ сильныя приморскія крѣпости Лилибей и Дрепана казались еще болѣе неприступными, чѣмъ прежде. Что-же слѣдовало дѣлать? Поистинѣ было отъ чего упасть духомъ. Сенаторами овладѣло уныніе; они предоставили теченіе дѣлъ на произволь судьбы, хотя ясно сознавали, что затягивавшаяся безъ цѣли и безъ конца война была для Италіи болѣе пагубна, чѣмъ крайнія усилія, для которыхъ пришлось-бы выставить въ поле всѣхъ способныхъ носить оружіе людей и издержать послѣднюю серебряную монету; у нихъ недостало мужества, недостало довѣрія къ народу и къ фортунѣ для того, чтобъ къ пражнимъ безплодно-принесеннымъ жертвамъ прибавить новыя. Они отказались отъ содержанія флота и стали довольствоваться тѣмъ, что поощряли каперство, а тѣмъ капитанамъ, которые изъявляли готовность заниматься морскими разбоями на свой собственный рискъ, отдавали для этой цѣли въ распоряженіе казенныя военныя корабли. Сухопутную войну они продолжали лишь номинально, потому что нельзя было дѣйствовать иначе, но ограничили-лись наблюденіемъ за сицилійскими крѣпостями и стараніемъ со-

хранить по крайней мѣрѣ то, чѣмъ владѣли, хотя и на этотъ предметъ требовались, — съ тѣхъ поръ какъ не имѣлось въ распоряженіи флота, — очень многочисленная армія и чрезвычайно дорогостоящія приготовленія. — Если Картагенъ когда-либо былъ въ состояніи смирить могущественнаго противника, то именно въ ту пору. Понятно, что и тамъ чувствовалось истощеніе силъ; однако при тогдашнемъ положеніи дѣлъ финикійскіе финансы не могли быть до такой степени разстроены, чтобъ Картагеняне не были въ состояніи съ энергіей продолжать наступательную войну, которая требовала отъ нихъ только денегъ. Но картагенское правительство не отличалось энергіей; напротивъ того, оно было слабо и нерадиво, если легкой и вѣрный выигрышъ или крайняя необходимость не возбуждали въ немъ предприимчивости. Съ радости, что избавились отъ римскаго флота, Картагеняне безразсудно довели до упадка и свой собственный флотъ, ограничиваясь, по примѣру противника, веденіемъ на сушѣ и на морѣ мелкой войны въ Сициліи и близости отъ нея.

248—243 Амилкаръ Барна. Такимъ образомъ прошло шесть лѣтъ войны (506—511), въ теченіе которыхъ не произошло ничего замѣчательнаго; это были самые безславные годы во всей римской исторіи этого столѣтія, — безславные и для Картагенянъ. Однако среди этихъ послѣднихъ нашолся человекъ, думавшій и дѣйствовавшій иначе, чѣмъ его соотечественники. Молодой, подававшій большія надежды офицеръ Амилкаръ, по прозванію Баракъ или Барка, то-есть молнія, принявъ

247

въ 507 году главное начальство въ Сициліи. Его армія, какъ и вообще всеѣмъ картагенскимъ арміямъ, недоставало надежной и хорошо-обученной пѣхоты, а правительство хотя, быть можетъ, и было-бы въ состояніи создать таковую и во всякомъ случаѣ было обязано попытаться это сдѣлать, но пассивно относилось къ пораженіямъ и по большей мѣрѣ иногда приказывало распинать на крестѣ разбитыхъ главнокомандующихъ. Поэтому Амилкаръ рѣшился обойтись безъ его содѣйствія. Ему было хорошо извѣстно, что наѣмные солдаты были такъ-же мало приязаны къ Картагену, какъ и къ Риму и что онъ можетъ ожидать отъ своего правительства не финикійскихъ или либійскихъ рекрутъ, а въ лучшемъ случаѣ только позволенія защищать свое отечество, какъ заблагоразсудитъ, лишь бы на это не требовалось никакихъ расходовъ. Но онъ хорошо зналъ и самого себя и своихъ солдатъ. Его наѣмникамъ, конечно, не было никакого дѣла до Картагена; но настоящій полководецъ способенъ замѣнить для солдатъ отечество своею особою, а именно такимъ полководцемъ былъ юный главнокомандующій. Онъ началъ съ того, что сталъ вести форпостную войну передъ Дрепаной и передъ Либеемъ и этимъ мало-по-малу приучилъ своихъ солдатъ не бояться римскихъ лагернейровъ; за тѣмъ онъ укрѣпился на горѣ Эйрете (Eirkte, теперешняя Monte Pellegrino близъ Палермо),

которая господствовала, какъ крѣпость, надъ окрестной страной, и поселилъ тамъ своихъ солдатъ съ ихъ женами и дѣтьми; отсюда они стали дѣлать набѣги на равнину, между тѣмъ какъ финикійскіе каперы опустошали берега Италіи вплоть до Кумъ. Такимъ способомъ онъ содержалъ своихъ солдатъ въ достаткѣ, не требуя изъ Кареагена денегъ; а тѣмъ, что онъ поддерживалъ моремъ сношенія съ Дрепаной, онъ грозилъ нечаяннымъ нападеніемъ лежавшему по близости важному городу Панорму. Не только Римляне не были въ состояніи вытѣснить его съ этой скалы, но послѣ непродолжительной борьбы подлѣ Эйрете Амилъкаръ устроилъ такую-же крѣпкую позицію на Эрикѣ. На склонѣ этой горы стоялъ городъ того-же имени, на ея вершинѣ—храмъ Афродиты, а находилась она въ рукахъ Римлянъ, которые тревожили оттуда своими нападеніями Дрепану. Амилъкаръ завладѣлъ городомъ и осадилъ святилище, между тѣмъ какъ Римляне съ своей стороны окружили его армію, стоя на равнинѣ. Вершину горы защищали съ отчаянной храбростью кельтскіе перобѣжчики изъ кареагенской арміи, которымъ Римляне поручили оборону храма; это была шайка разбойниковъ, ограбившая во время осады храмъ и совершавшая тамъ всякія безчинства; но и Амилъкаръ не позволилъ вытѣснить себя изъ города и постоянно поддерживалъ моремъ сношенія съ кареагенскимъ флотомъ и съ гарнизономъ Дрепаны. Сицилійская война, повидимому, принимала все болѣе и болѣе неблагоприятный для Римлянъ оборотъ. Римское государство теряло въ ней и свои деньги и своихъ солдатъ, а римскіе полководцы—свою славу; уже стало ясно, что ни одинъ изъ римскихъ генераловъ не могъ равняться съ Амилъкаромъ и что уже не далеко было то время, когда кареагенскіе наемники будутъ въ состояніи безстрашно вступить въ борьбу съ легионерами. Амилъкаровы каперы все смѣлѣе и смѣлѣе нападали на берега Италіи,—противъ одного высадившагося тамъ кареагенскаго отряда даже пришлось выступить въ походъ претору. Если бы такъ прошло еще нѣсколько лѣтъ, то Амилъкаръ предпринялъ-бы изъ Сициліи во главѣ флота то-же, что послѣдствіи предпринялъ изъ Испаніи его сынъ сухимъ путемъ. — Тѣмъ временемъ римскій сенатъ упорство-

Сооруженіе римскаго флота.

валъ въ своемъ бездѣйствіи, такъ какъ партія малодушныхъ людей составляла въ немъ большинство. Тогда нѣсколько прозорливыхъ и отважныхъ людей рѣшились спасти государство безъ правительственнаго разрѣшенія и положить конецъ пагубной сицилійской войнѣ. Удачныя экспедиціи корсаровъ хотя и не вдохнули мужества во всю націю, но пробудили энергію и надежду въ нѣкоторыхъ болѣе узкихъ сферахъ; занимавшіяся морскими разбоями суда были собраны въ эскадру, которая сожгла на африканскомъ берегу Типпозъ и съ успѣхомъ вступила передъ Панормомъ въ бой съ Кареагенянами. По частной подпискѣ, — въ которой прибѣгли и въ Аеннахъ, но

которая никогда не достигала тамъ такихъ громаднѣхъ размѣровъ, — богатые и воодушевленные патриотизмомъ Римляне выставили военный флотъ, основой для котораго послужили построенные для ваперской дѣятельности корабли съ служившими на нихъ опытными моряками, и который былъ сооруженъ болѣе тщательно, чѣмъ всѣ флоты, прежде строившіеся самимъ государствомъ: Въ лѣтописяхъ исторіи является едва-ли не безпримѣрнымъ тотъ фактъ, что на двадцать третьемъ году тяжелой войны нѣсколько простыхъ гражданъ по собственному почину создали для государства флотъ изъ двухъ сотъ линейныхъ кораблей съ экипажемъ изъ 60,000 матросовъ. Консулъ Гай Лутацій Катулъ, на долю котораго выпала честь вести этотъ флотъ къ берегамъ Сициліи, не нашолъ тамъ почти никакихъ противниковъ; нѣсколько карагенскихъ кораблей, съ которыми Амилъ-каръ предпринималъ тамъ свои набѣги, исчезли передъ болѣе сильнымъ непріятельскимъ флотомъ и Римляне почти безъ всякаго сопротивленія заняли гавани Лилибел и Дрепаны, къ осадѣ которыхъ они теперь съ энергіей приступили и съ моря и съ сухаго пути. Карагенъ былъ застигнутъ совершенно врасплохъ; даже обѣ крѣпости были такъ плохо снабжены продовольствіемъ, что очутились въ очень опасномъ положеніи. Карагеняне стали сооружать флотъ, но какъ они ни спѣшили, а до истеченія года у береговъ Сициліи не было видно ни одного карагенскаго паруснаго судна; когда-же на-скоро собранныя ими суда появились весной 513 года передъ Дрепаной, то это былъ скорѣе транспортный, чѣмъ готовый къ бою военный флотъ. Финикіяне надѣялись безпрепятственно пристать къ

241
Побѣда Ка-
тула подлѣ
острова
Эгузы. 241

берегу, выгрузить припасы и принять на бортъ войска, необходима для морскаго сраженія; но римскіе корабли загородили имъ путь и принудили ихъ принять сраженіе (10 марта 513) подлѣ маленькаго острова Эгузы (Favignana) въ то время, какъ они собирались итти отъ Священнаго острова (теперешн. Maritima) въ Дрепану. Исходъ сраженія не былъ ни минуту сомнительнымъ: хорошо сооруженный и снабженный хорошими матросами, римскій флотъ, находившійся подъ начальствомъ способнаго вождя — Публія Валерія Фальтона, (который замѣнилъ консула Катула, еще прикованнаго къ постели раной, полученной подъ Дрепаной), съ перваго натиска опрокинулъ тяжело нагруженные непріятельскіе корабли, которые къ тому-же были и плохо и слабо вооружены: пятьдесятъ кораблей были потоплены, а съ захваченными семидесятью побѣдителями вошли въ Лилибейскую гавань. Послѣднее энергическое усиліе римскихъ патриотовъ принесло хорошіе плоды; оно доставило побѣду, а вмѣстѣ съ побѣдой и миръ. — Карагеняне прежде всего распяли на крестѣ побѣжденнаго адмирала, чѣмъ нисколько не измѣнили положенія дѣлъ, а за тѣмъ послали сицилійскому главнокомандующему неограниченныя полномочія на заключеніе мира. Не

Заключеніе
мира.

смотря на то, что плоды семилѣтнихъ геройскихъ трудовъ Амилъ-кара были уничтожены по чужой винѣ, онъ великодушно подчинился тому, чего требовала необходимость, но оттого не измѣнилъ ни своей воинской чести, ни своему народу, ни своимъ замысламъ. Въ Сициліи уже нельзя было держаться съ той минуты, какъ на морѣ стали владычествовать Римляне, а отъ карфагенскаго правительства, тщетно попытавшагося наполнить свою пустую казну государственнымъ займомъ въ Египтѣ, нельзя было ожидать, чтобъ оно сдѣлало хотя бы только одну попытку одолѣть римскій флотъ. Поэтому Амилъваръ уступилъ островъ Римлянамъ. За то самостоятельность и цѣлость карфагенскаго государства и карфагенской территоріи были положительно признаны въ обычной формѣ. Римъ обязался не заключать отдѣльныхъ союзовъ и не предпринимать войнъ съ членами карфагенской федераціи, то есть съ подвластными Карфагену и съ зависимыми отъ него общинами, не предъявлять внутри этой сферы никакихъ верховныхъ правъ и не набирать рекрутъ; точно такія-же обязательства принялъ на себя Карфагенъ по отношенію къ членамъ римской федераціи *). Что касается второстепенныхъ условій, то само собою разумѣется, что Карфагеняне обязались безвозмездно возвратить римскихъ плѣнниковъ и уплатить военную контрибуцію; напротивъ того, требованіе Катугла, чтобъ Амилъваръ выдалъ оружіе и римскихъ перебѣжчиковъ, было отвергнуто Карфагеняниномъ съ энергіей и съ успѣхомъ. Катугль отказался отъ втораго изъ этихъ требованій и дозволилъ Финикіянамъ безпрепятственно удалиться изъ Сициліи, внеся за каждого человѣка умѣренный выкупъ въ 18 денаріевъ (4 тал.).— Если Карфагеняне не желали продолжать войну, то они могли быть довольны этими мирными условіями, а снисходительность римскаго главнокомандующаго объясняется частію естественнымъ желаніемъ доставить своему отечеству вмѣстѣ съ триумфомъ и миръ, частію воспоминаніями о Регулѣ и объ измѣнчивости военнаго счастья, частію тѣмъ соображеніемъ, что наконецъ доставившее побѣду патріотическое воодушевленіе не можетъ быть вызвано по-заказу и не можетъ повторяться, и, быть можетъ, частію личными достоинствами Амилъкара. Положительно извѣстно, что въ Римѣ были недовольны этими предварительными мирными условіями и что народное собраніе сначала отказало въ ихъ ратификаціи, безъ сомнѣнія, подчиняясь вліянію тѣхъ патріотовъ, которые соорудили флотъ. Намъ неизвѣстно, на какомъ основаніи состоялся этотъ отказъ; поэтому мы не въ состояніи рѣшить, былъ-ли отвергнутъ проектъ мирнаго договора

---

*) Догадка, что Карфагеняне обязались не посылать никакихъ военныхъ кораблей внутри предѣловъ римской симмахіи, и стало быть въ Сиракузы, а можетъ быть даже и въ Массалию [Зон. 8, 17], звучитъ довольно правдоподобно; но въ текстѣ договора объ этомъ ничего не сказано [Полиб. 3, 27].

только съ цѣлю вынудить отъ непріятеля еще нѣкоторыя уступки, или же его оппоненты помнили, что Регулъ требовалъ отъ Каррагена отреченія отъ политической независимости, и рѣшились продолжать войну, пока не будетъ достигнута эта цѣль; стало-быть они имѣли въ виду не миръ съ Каррагеномъ, а его покореніе. Если отказъ состоялся на первомъ изъ этихъ основаній, то онъ былъ, по видимому, ошибкой: въ сравненіи съ пріобрѣтеніемъ Сициліи всякія другія выгоды были ничтожны, а въ виду энергіи Амилъкара и его изобрѣтательнаго ума было неблагоразумно рисковать главнымъ пріобрѣтеніемъ изъ-за побочныхъ цѣлей. Если-же возстававшая противъ заключенія мира партія считала совершенное политическое уничтоженіе Каррагена за единственный исходъ войны, способный вполнѣ удовлетворить римскую общину, то она этимъ доказывала свой политическій тактъ и предчувствіе будущихъ событій; но достало-ли бы у Рима средствъ для того, чтобъ возобновить попытку Регула и довести ее до конца такъ, чтобъ одолѣть не только мужество, но и стѣны могущественнаго финикійскаго города, — это другой вопросъ, который теперь уже никто не осмѣлится разрѣшить ни въ положительномъ смыслѣ ни въ отрицательномъ. — Рѣшеніе этого важнаго дѣла было, наконецъ, возложено на комиссію, которая должна была постановить свое заключеніе въ Сициліи на самомъ мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Она утвердила проектъ мирнаго договора въ его главныхъ чертахъ; только выговоренная отъ Каррагена сумма вознагражденія за военные расходы была увеличена до 3200 талантовъ (5½ милл. талер.), изъ которыхъ одна треть уплачивалась немедленно, а остальная сумма разсрочивалась на ежегодные взносы въ теченіе десяти лѣтъ. Если въ окончательный мирный договоръ была внесена, кромѣ уступки Сициліи, также уступка находящихя между берегами Италіи и Сициліи острововъ, то это, конечно, была только редакціонная поправка, такъ какъ само собой разумѣется, что отказывавшійся отъ обладанія Сициліей Каррагенъ не могъ удерживать въ своей власти островъ Липару, которымъ уже задолго до того времени завладѣлъ римскій флотъ; что-же касается подозрѣнія, будто въ мирный договоръ была умышленно включена двусмысленная статья относительно Сардиніи и Корсики, то оно несправедливо и неправдоподобно. — Наконецъ обѣ стороны пришли къ соглашенію. Побѣжденный полководецъ побѣжденной націи спустился съ горъ, на которыхъ такъ долго защищался, и передалъ новымъ владѣтелямъ острова крѣпости, которыя находились во власти Финикіянъ непрерывно по меньшей мѣрѣ въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ, и стѣны которыхъ устояли противъ всѣхъ приступовъ Эллиновъ. На западѣ сталь царствовать миръ (513).

241

Критика
римскихъ

Остановимъ еще на минуту наше вниманіе на борьбѣ, которая перенесла границу римскихъ владѣній за омывающія полуостровъ

моря. Это была одна изъ самыхъ продолжительныхъ и самыхъ труд- военныхъ
ныхъ войнъ, какія приходилось вести Римлянамъ; во время ея дѣйствій.
начала еще большаю частію не родились тѣ солдаты, которые до-
вели ее до конца. Однако, не смотря на то, что и въ ней встрѣ-
чаются блестящіе эпизоды, едва-ли можно указать другую войну,
которую Римляне вели такъ-же плохо и такъ-же нерѣшительно какъ
въ военномъ отношеніи такъ и въ политическомъ. Впрочемъ, иначе
и быть не могло, такъ какъ во время этой войны совершалось из-
мѣненіе римской политической системы, переходившей отъ италій-
ской политики, которая уже оказывалась недостаточной, къ поли-
тикѣ великаго государства, которая еще не успѣла установиться.
Римскій сенатъ и римское военное вѣдомство были какъ нельзя
лучше организованы для исключительно италійской политики. Вызван-
ныя этой политикой войны были исключительно континентальными
и опирались какъ на послѣдній операціонный базисъ на находив-
шуюся въ центрѣ полуострова столицу и за тѣмъ на цѣпь рим-
скихъ крѣпостей. Задачи, которыя приходилось разрѣшать, были
преимущественно тактическія, а не стратегическія; передвиженія
войскъ и военныя операціи были второстепеннымъ дѣломъ, а глав-
нымъ дѣломъ были битвы; осада крѣпостей находилась въ дѣтствѣ;
море и войны на морѣ принимались въ соображеніе лишь мимохо-
домъ. Если къ этому прибавить, что въ тогдашнихъ битвахъ,
вслѣдствіе преобладанія холоднаго оружія, всё рѣшалось рукопаш-
ными схватками, то намъ будетъ понятно, что совѣщательное собраніе
было въ состояніи руководить такими военными дѣйствіями и что кто
бы ни былъ начальникомъ общины, онъ былъ въ состояніи командовать
арміей. Все это мгновенно измѣнилось. Сфера борьбы расширилась
въ необозримую даль, въ невѣдомыя страны другой части свѣта и
за громадныя водныя пространства; каждая морская волна служила
дорогой для непріятеля, изъ каждой гавани можно было ожидать
его нашествія. Тогда Римлянамъ пришлось въ первый разъ испро-
бовать свои силы на осадѣ укрѣпленныхъ пунктовъ и въ особен-
ности приморскихъ крѣпостей, передъ которыми терпѣли неудачи
самые знаменитые греческіе тактики. Для веденія войнъ уже было
недостаточно сухопутныхъ армій и системы гражданскаго ополченія.
Нужно было создать флотъ и, — что было еще труднѣе, — научиться,
какъ имъ пользоваться; нужно было отыскивать самые удобные
пункты для нападенія и для обороны, научиться сосредоточивать и
направлять военныя силы, проектировать походы на долгое время
и на дальнее разстояніе и соглашать ихъ одни съ другими; иначе
и болѣе слабый въ тактическомъ отношеніи непріятель легко могъ
одержать верхъ надъ болѣе сильнымъ противникомъ. Поэтому, мо-
жно-ли удивляться тому, что бразды такого управленія ускользали
изъ рукъ совѣщательнаго собранія и общинныхъ должностныхъ

лицъ?— Приступая къ такимъ войнамъ, Римляне, очевидно, не сознавали трудностей предпріятія и только во время военныхъ дѣйствій мало-по-малу раскрывались передъ ихъ глазами недостатки ихъ прежней военной системы—отсутствіе морскихъ силъ, непослѣдовательность въ веденіи военныхъ предпріятій, неспособность главнокомандующихъ и совершенная негодность адмираловъ. Эти пробѣлы отчасти восполнялись энергіей и удачей,—какъ былъ восполненъ недостатокъ флота. Но и это великое сооруженіе было вызвано крайней необходимостью; этотъ отпечатокъ оно постоянно носило на себѣ и впоследствии. Хотя римскій флотъ и былъ созданъ, но онъ былъ національнымъ только по названію, а обходились съ нимъ всегда какъ съ пасынкомъ: служба на корабляхъ всегда цѣнилась ниже высоко-почетной службы въ легионахъ; флотскіе офицеры были болѣею частію изъ италійскихъ Грековъ, а экипажъ состоялъ изъ подданныхъ или изъ рабовъ и изъ всякой сволочи. Италійскій земледѣлецъ боялся моря и никогда неутучался отъ этой боязни; въ числѣ трехъ обстоятельствъ, о которыхъ Катонъ сожалѣлъ въ теченіе всей своей жизни, находилось между прочимъ и то, что онъ однажды поѣхалъ на кораблѣ туда, куда могъ бы пойти пѣшкомъ. Причина всего сказаннаго отчасти заключалась въ тогдашнихъ условіяхъ морскаго дѣла; такъ какъ кораблями служили гребныя галеры, то облагородить службу гребцовъ едва-ли было можно; однако можно бы было по меньшей мѣрѣ организовать изъ Римлянъ морскіе легионы и создать особое сословіе римскихъ морскихъ офицеровъ. Слѣдовало-бы воспользоваться исходившимъ отъ самой націи починомъ для того, чтобъ организовать морскія силы, значительныя не только по числу судовъ, но и по ихъ ходкости подъ парусами и по опытности матросовъ; а починъ въ этомъ дѣлѣ уже былъ сдѣланъ каперствомъ, получившимъ сильное развитіе во время продолжительной войны; но правительство не сдѣлало ни шага на этомъ пути. Тѣмъ не менѣе римскій флотъ, и при своемъ неповоротливомъ величіи, былъ самымъ гениальнымъ продуктомъ сицилійской войны и какъ въ началѣ ея, такъ и въ концѣ склонялъ вѣсы на сторону Рима. Гораздо труднѣе было избавиться отъ тѣхъ неудобствъ, которыхъ нельзя было устранить безъ измѣненія государственныхъ учрежденій. Подъ вліяніемъ то одной, то другой изъ соперничавшихъ въ немъ партій, сенатъ переходилъ отъ одного плана военныхъ дѣйствій къ другому и впадалъ въ такія неимовѣрныя ошибки, какъ очищеніе Клупен и неоднократное уменьшеніе флота; начальникъ, командовавшій въ теченіе одного года арміей, осаждалъ сицилійскіе города, а его преемникъ, вмѣсто того, чтобъ принудить эти города къ сдачѣ, опустошалъ берега Африки или находилъ нужнымъ дать морское сраженіе; главнокомандующіе мѣнялись въ силу закона ежегодно,—все это нельзя было измѣнять, не затрогивая

таких конституціонныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ было труднѣе постройки флота, но все это было несомнѣнно съ требованіями такой войны. А важнѣе всего было то, что никто не умѣлъ приноровиться къ новымъ условіямъ веденія войны—ни сенатъ ни военные начальники. Экспедиція Регула можетъ служить примѣромъ того страннаго заблужденія Римлянъ, будто на войнѣ все зависитъ отъ тактическаго перевѣса. Едва-ли найдется другой полководецъ, которому фортуна такъ-же благоприятствовала, какъ Регулу; онъ стоялъ въ 498 году почти тамъ-же, гдѣ стоялъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ того Сципіонъ только съ той разницей, что ему не приходилось имѣть дѣла ни съ такимъ противникомъ, какъ Аннибалъ, ни съ испытанной въ бояхъ непріятельской арміей. Однако сенатъ отозвалъ половину его арміи, лишь только убѣдился въ тактическомъ превосходствѣ Римлянъ; въ слѣпую довѣршію къ этому превосходству, главнокомандующій не двигался съ мѣста, вслѣдствіе чего былъ побѣжденъ стратегически, а потомъ принялъ сраженіе тамъ, гдѣ оно было ему предложено, вслѣдствіе чего былъ побѣжденъ и тактически. Этотъ фактъ особенно знаменателенъ, потому, что Регулъ былъ въ своемъ родѣ способнымъ и опытнымъ полководцемъ. Причиной пораженія, понесеннаго Римлянами на тунетской равнинѣ, былъ именно тотъ мужицкій способъ веденія войны, благодаря которому были завоеваны Этрурія и Самній. Теперь уже сдѣлалось должнымъ то когда-то вѣрное основное положеніе, что всякій хорошій гражданинъ годится въ полководцы; при новой военной системѣ можно было назначать главнокомандующими только тѣхъ, кто прошолъ черезъ военную школу и былъ одаренъ военной прозорливостью, а эти качества, конечно, не встрѣчались въ каждомъ начальникѣ общины. Еще болѣе пагубно было то, что командованіе флотомъ ставили въ зависимость отъ высшаго начальства сухопутной арміи, и что каждый даровитый городской правитель считалъ себя способнымъ не только для роли генерала, но и для роли адмирала. Причиной самыхъ тяжелыхъ пораженій, понесенныхъ Римлянами въ этой войнѣ, были не бури и еще менѣе того Каррагеняне, а самонадѣянность и неспособность ихъ штатскихъ адмираловъ.— Въ концѣ-концовъ Римъ одержалъ верхъ; но то обстоятельство, что онъ удовольствовался гораздо менѣе значительными выгодами чѣмъ тѣ, какихъ онъ сначала потребовалъ и даже чѣмъ тѣ, какія ему были предложены, равно какъ энергическая оппозиція, вызванная въ Римѣ мирными условіями, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что его побѣда была неокончательной, а заключенный имъ миръ непрочнымъ; если-же Римъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ, то онъ, конечно, былъ этимъ обязанъ, отчасти милости боговъ и энергіи своихъ гражданъ, а еще болѣе ошибкамъ враговъ, далеко превосходившимъ недостатки римскаго способа веденія войны.

Расширеніе Италіи до ея естественныхъ границъ.

Естествен-
ныя границы
Италіи.

283

264—241

Италійская федерація, въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ кризисовъ пятого столѣтія, или, иначе говоря, италійское государство соединяло подъ римскою гегемоніей городскія и волостныя общины на всемъ пространствѣ отъ Апеннинъ до Іоническаго моря. Однако еще до истеченія пятого столѣтія эти границы были расширены въ обѣ стороны и входившія въ составъ федераціи общины появились какъ на той сторонѣ Апеннинъ, такъ и за моремъ. На сѣверѣ республика еще въ 471 году истребила вельтійскихъ Сеноновъ въ отщепеніе и за старыя и за новыя вины, а на югѣ вытѣснила Финикіянь изъ Сициліи во время великой войны 490—513 годовъ. Къ предводимой Римомъ федераціи принадлежалъ на сѣверѣ, кромѣ гражданской колоніи Сены, латинскій городъ Ариминъ, на югѣ—мамертинская община въ Мессанѣ; а такъ какъ обѣ эти колоніи были національно-италійскаго происхожденія, то обѣ онѣ имѣли свою долю въ общихъ правахъ и обязанностяхъ италійской конфедераціи. Это расширеніе было вызвано, быть можетъ, не столько обширными политическими замыслами, сколько минутнымъ гнѣтомъ событій; но совершенно понятно, что по меньшей мѣрѣ послѣ громадныхъ результатовъ, достигнутыхъ борьбой съ Каррагеномъ, въ средѣ римскихъ правителей продолжилась себѣ путь новая и болѣе широкая политическая идея, на которую уже наводили и географическія очертанія полуострова. И съ политической и съ военной точки зрѣнія было вполне основательно желаніе передвинуть сѣверную границу отъ невысокихъ и легко-переходимыхъ Апеннинъ къ могущественной преградѣ, отдѣляющей сѣверную Европу отъ южной—къ Альпамъ, и присоединить къ владычеству надъ Италіей владычество надъ морями и островами на западѣ и востокѣ полуострова; а послѣ того, какъ самая трудная часть этой задачи была исполнена изгнаніемъ Финикіянь изъ Сициліи, всѣ обстоятельства складывались такъ, что облегчали римскому правительству доведеніе этого дѣла до конца.

Въ западномъ морѣ, которое имѣло для Италіи гораздо болѣе **Присоедине-**
важное значеніе, чѣмъ Адриатическое, во власть Римлянъ перешелъ **ніе Сициліи**
по мирному договору съ Карфагеномъ самый важный пунктъ—почти **къ Италіи.**
весь большой, плодородный и богатый пристанями островъ Сици-
лія. Сиракузскій царь Геронъ, остававшійся непоколебимо-вѣрнымъ
союзникомъ Римлянъ въ теченіе послѣднихъ двадцати двухъ лѣтъ
войны, могъ-бы предъявить основательныя притязанія на расшире-
ніе своихъ владѣній; но если римская политика и начала войну съ
намѣреніемъ допускать на островѣ существованіе лишь второсте-
пенныхъ державъ, однако при окончаніи войны она уже положи-
тельно стремилась къ нераздѣльному обладанію всей Сициліей. Ге-
ронъ могъ быть доволенъ и тѣмъ, что его владѣнія (состоявшія
какъ изъ ближайшей къ Сиракузамъ территоріи, такъ и изъ окру-
говъ Элора, Неетона, Акръ, Леонтиновъ, Мегары и Тавроменія) и
его самостоятельность въ заграничныхъ сношеніяхъ были оставлены
въ прежнемъ объемѣ за отсутствіемъ всякаго повода ограничить
ихъ и что борьба между двумя великими державами не окончилась
полнымъ паденіемъ одной изъ нихъ, а вслѣдствіе того было воз-
можно по меньшей мѣрѣ существованіе такого государства, которое
занимало между ними срединное положеніе. Въ остальной гораздо
болѣе обширной части Сициліи—въ Панормѣ, въ Лилибей, въ Акра-
гантѣ, въ Мессанѣ, Римляне устроились какъ у себя дома. Они
только сожалѣли о томъ, что обладанія прекраснымъ островомъ еще
не было достаточно для того, чтобъ обратить западное море въ
римское озеро, пока Сардинія оставалась во власти Карфагенянъ.
Но вскорѣ послѣ заключенія мира представилась неожиданная возмож- **Присоедине-**
ность отнять у Карфагенянъ и этотъ второй по величинѣ островъ **ніе Сардиніи**
Средиземнаго моря. Въ Африкѣ и наемники и подданные возстали **къ римскимъ**
противъ Финикіянъ немедленно вслѣдъ за заключеніемъ мира съ **владѣніямъ.**
Римомъ. Вина этого опаснаго возстанія лежала главнымъ образомъ
на карфагенскомъ правительствѣ. Въ послѣдніе годы войны Амиль- **Возстаніе**
каръ уже не былъ въ состояніи выплачивать своимъ сицилійскимъ **въ Либіи.**
наемникамъ жалованье, по прежнему, изъ своихъ собственныхъ
средствъ, и тщетно просилъ о присылкѣ денегъ изъ Карфагена; ему
отвѣчали приказаніемъ отослать людей для полученія расчета въ
Африку. Онъ подчинился, но, хорошо зная своихъ солдатъ, отпра-
влялъ ихъ изъ предосторожности небольшими отрядами для того,
чтобъ можно было рассчитывать ихъ не всѣхъ заразъ, или по мень-
шей мѣрѣ расквартировывать ихъ порознь, а вслѣдъ за тѣмъ и
самъ сложилъ съ себя главное командованіе. Но всѣ его мѣры
предосторожности оказались безуспѣшными не столько потому, что
государственная казна была пуста, сколько по причинѣ коллегіаль-
наго веденія дѣлъ и безразсудства бюрократіи. Правительство вы-
жидало, чтобъ вся армія снова соединилась въ Либіи, а потомъ

попыталось уменьшить обѣщанное солдатамъ жалованье. Въ войскахъ, натурально, вспыхнулъ мятежъ, а нерѣшительный и трусливый образъ дѣйствій властей доказалъ мятежникамъ, что имъ нечего бояться. Это были болѣею частію уроженцы тѣхъ округовъ, которые находились или во власти Каррагенна или въ зависимости отъ него; имъ было хорошо извѣстно, какое впечатлѣніе произвели тамъ казни, совершавшіяся по приказанію правительства послѣ экспедиціи Регула (стр. 520), и чрезмѣрное отягощеніе налогами; имъ также было близко знакомо ихъ правительство, никогда не державшее своего слова и никогда ничего не прощавшее: они знали, что ихъ ожидало, если - бы они разошлись по домамъ съ исторгнутымъ посредствомъ бунта жалованьемъ. Каррагенское правительство уже давно вело само подъ себя подкопъ, а теперь поставило къ нему и такихъ людей, которые не могли поступить иначе, какъ взорвать его. Восстаніе стало бѣглымъ огнемъ охватывать одинъ гарнизонъ вслѣдъ за другимъ, одну деревню вслѣдъ за другой; либійскія женщины несли свои украшенія на уплату жалованья наемникамъ; многіе изъ каррагенскихъ гражданъ и въ томъ числѣ нѣкоторые изъ лучшихъ офицеровъ сицилійской арміи сдѣлались жертвами разъяренной толпы; Каррагенъ уже былъ осажденъ съ двухъ сторонъ, а вышедшая изъ города каррагенская армія была совершенно разбита вслѣдствіе безразсудствъ ея неспособнаго предводителя. — Когда въ Римѣ узнали, что ненавистный и все еще опасный врагъ находится въ такомъ опасномъ положеніи, до какого его еще никогда не доводили войны съ Римомъ, тамъ стали все болѣе и болѣе сожалѣть о заключенномъ въ 513 году мирномъ договорѣ, который если и не былъ въ дѣйствительности опрометчивымъ, но всежъ сталъ казаться именно такимъ; Римляне, очевидно, позабывали, какъ было въ ту пору истощено ихъ государство и какъ еще былъ силенъ Каррагенъ. Впрочемъ, чувство стыда не дозволяло имъ открыто вступить въ сношенія съ каррагенскими мятежниками; они даже дозволили Каррагенянамъ набирать только для этой войны рекрутъ въ Италіи и запретили италійскимъ корабельщикамъ вступать въ какія-либо сдѣлки съ Либійцами. Однако эти изъявленія дружбы со стороны римскаго правительства едва-ли были искренны: когда римскіе корабельщики, не смотря на запрещеніе, не прервали своихъ сношеній съ африканскими инсургентами, а Амилькаръ, снова поставленный въ виду крайней опасности во главѣ каррагенской арміи, арестовалъ и заключилъ въ тюрьму нѣсколькихъ замѣшанныхъ въ это дѣло италійскихъ капитановъ, римскій сенатъ сталъ ходатайствовать за нихъ передъ каррагенскимъ правительствомъ и добился ихъ отпущенія на свободу. И сами мятежники, по видимому, считали Римлянъ своими естественными союзниками: когда сардинскіе гарнизоны, принявшіе, подобно

остальной карфагенской армии, сторону мятежниковъ, не были въ состояніи отражать нападенія жившихъ внутри острова горцевъ, они предложили Римлянамъ обладаніе островомъ (около 515); такое-же предложеніе было сдѣлано общиною Утики, которая также приняла участіе въ возстаніи, а въ то время была доведена до крайности нападеніями Амилкара. Последнее изъ этихъ предложеній Римляне отвергли, конечно, главнымъ образомъ потому, что его принятіе завлекло-бы ихъ за естественныя границы Италіи и гораздо далѣе, чѣмъ намѣревалось въ ту пору проникать римское правительство; напротивъ того, предложеніе сардинскихъ мятежниковъ было принято и отъ нихъ римское правительство получило всё, чѣмъ владѣли въ Сардиніи Карфагеняне (516). Еще тяжелѣе чѣмъ въ сдѣлкѣ съ Мамертинцами падаеть въ этомъ случаѣ на Римлянъ порицаніе за то, что великое и побѣдоносное гражданство не погнушалось побрататься съ продажнымъ сбродомъ наёмниковъ и получить долю изъ его добычи, а не имѣло достаточно самообладанія для того, чтобы предпочесть минутной выгодѣ требованія справедливости и чести. Такъ какъ Карфагеняне были доведены до самаго стѣсненнаго положенія именно во время занятія Сардиніи Римлянами, то они не заявили никакого протеста противъ такого самовольнаго захвата; но когда геній Амилкара противъ всякаго ожиданія устранилъ угрожавшую Карфагену опасность и возобновилъ его владычество въ Африкѣ (517) къ крайнему неудовольствію Римлянъ, то въ Римѣ тотчасъ появились карфагенскіе послы съ требованіемъ обратной уступки Сардиніи. Но Римляне, вовсе не желавшіе возвращать захваченную добычу, отвѣчали на это требованіе мелочными или вовсе не касавшимися этого вопроса жалобами на разные обиды, будто-бы нанесенныя Карфагенянами римскимъ торговцамъ, и послѣдили объявленіемъ войны *); тогда проявилось во всемъ своемъ безстыдствѣ то правило, что въ политикѣ всякій считаетъ себя въ правѣ дѣлать то, что ему по силамъ. Основательное ожесточеніе побуждало Карфагенянъ принять предложенную войну; если-бы за пять лѣтъ передъ тѣмъ Катулъ настаивалъ на уступкѣ Сардиніи, то война, по всему вѣроятію, и не прекращалась-бы. Но теперь, когда оба острова уже были утрачены, когда Либія была въ возстаніи, а государство было до крайности ослаблено двадцати-четырёхъ-лѣтней войной съ Римомъ и почти па-

239

238

237

*) Положительно доказано, что мирный договоръ 513 года, обмѣнявшій Карфагенянъ уступить острова, лежащіе между Сициліей и Италіей, не обязывалъ ихъ уступить также и Сардинію [ср. стр. 532]; но очень плохо удостовѣрено предположеніе, будто Римляне ссылались на содержаніе этого договора, когда завладѣли островомъ по прошествіи трехъ лѣтъ послѣ заключенія мира. Если-бы это была правда, то они только прибавили-бы къ политической безсовѣстности дипломатическую бессмыслицу.

241

тихтней страшной междоусобицей, пришлось на всё соглашаться. Только вследствие неоднократных неотступных просьб и послѣ того, какъ Финикіянѣ обязались уплатить Риму 1200 талантовъ (2 мил. тал.) въ вознагражденіе за сдѣланныя по ихъ вѣнѣ военныя приготовления, Римляне неохотно отказались отъ новой войны.

Норенна. Такимъ образомъ Римъ приобрѣлъ почти безъ борьбы Сардинію, къ которой присоединилъ и старинное владѣніе Этрусковъ — Корсику, гдѣ отдѣльные римскіе гарнизоны стояли, быть можетъ, еще со времени веденія последней войны съ Каррагеномъ (стр. 517). Однако какъ въ Сардиніи, такъ и въ особенности въ болѣе дикой Корсикѣ Римляне ограничивались, подобно Финикіянамъ, занятіемъ береговъ. Съ жившими внутри острововъ туземцами они постоянно вели войны или, вѣрнѣе, они занимались тамъ травлею людей: они ловили туземцевъ собаками и сбывали захваченную добычу на невольничьемъ рынкѣ, но полного покоренія острововъ не предпринимали. Эти острова были заняты не ради ихъ самихъ, а для безопасности Италіи. Съ тѣхъ поръ, какъ италійская федерація сдѣлалась владѣтельницей всѣхъ трехъ острововъ, она могла называть Тирренское море своимъ собственнымъ.

Организація Приобрѣтеніе острововъ въ западномъ италійскомъ морѣ ввело въ
управленія римскую систему государственнаго устройства одно измѣненіе, ко-
въ замор- торое, по всему вѣроятію, было вызвано лишь мотивами удобства
скихъ вла- и было почти случайнымъ, но тѣмъ не менѣе сдѣлалось вполнѣ
дѣніяхъ. чрезвычайно важнымъ, — а именно было введено различіе между кон-
тинентальной формой управленія и заморской, или, по выраженію, вошедшему вполнѣ вполнѣ въ употребленіе, различіе между Италіей и провинціями. До той поры оба высшихъ общинныхъ должностныхъ лица — консулы не имѣли законо-отграниченной сферы дѣятельности; ихъ власть простиралась такъ же далеко, какъ и власть Рима; само собой разумѣется, что на практикѣ они дѣлили между собою сферу своего вѣдомства и что въ каждомъ отдѣльномъ округѣ они были связаны установленными для него правилами; такъ напримѣръ юрисдикцію надъ римскими гражданами они повсюду должны были предоставлять преторамъ, а въ латинскихъ и въ другихъ автономныхъ общинахъ должны были соблюдать существующіе договоры. Четыре квестора, между которыми была въ 487 году раздѣлена Италія, не ограничивали консульской власти, по меньшей мѣрѣ съ формальной стороны, такъ какъ считались и въ Италіи и въ Римѣ такими должностными лицами, которыя находились въ зависимости отъ консуловъ и были ихъ помощниками. Эта система управленія, какъ кажется, была сначала распространена и на отнятыя у Каррагена провинціи и какъ Сицилія, такъ и Сардинія управлялись въ теченіе вѣсколькихъ лѣтъ квесторами подъ высшимъ надзоромъ консуловъ; однако практика скоро доказала, что для управленія заморскими вла-

дѣями необходимо назначеніе особыхъ должностныхъ лицъ. Какъ провинці-
сь расширеніемъ римской общины пришлось отказаться отъ сосре-альные пре-
доточенія судопроизводства въ лицѣ претора и пришлось назначать торы.
въ самые отдаленные округа завѣдывавшихъ судопроизводствомъ
замѣстителей (стр. 431), такъ и теперь (527) пришлось отказаться 227
отъ сосредоточенія властей административной и военной въ лицѣ
консуловъ. Для каждаго изъ вновь приобретенныхъ заморскихъ вла-
дѣній, какъ для Сициліи такъ и для Сардиніи съ Корсикой, былъ
назначенъ особый добавочный консулъ, который по рангу и по титулу
стоялъ ниже консула и наравнѣ съ преторомъ, однако, — подобно
тому, чѣмъ были старинные консулы до учрежденія преторской долж-
ности, — былъ въ своемъ округѣ и главнокомандующимъ и высшимъ
администраторомъ и верховнымъ судьей. Только непосредственное
завѣдываніе казной было отнято у этихъ новыхъ высшихъ санов-
никовъ точно такъ-же, какъ оно было изстари отнято у консуловъ
(стр. 250); къ нимъ было прикомандировано по одному или по
нѣскольку квесторовъ, которые хотя и были во всѣхъ отношеніяхъ
имъ подчинены и официально считались какъ-бы членами семейства
своихъ преторовъ, однако должны были завѣдывать казной и по
выходѣ изъ должности отдавать сенату отчетъ въ своемъ управле-
ніи. — Это различіе въ системѣ высшаго управления было единствен- Устройство
нымъ легальнымъ отличіемъ континентальныхъ владѣній отъ замор- провинцій.
скихъ. Что касается всего остального, то и къ лежавшимъ внѣ Ита-
ліи владѣніямъ были применены тѣ-же самые основные принципы,
по которымъ Римъ организовалъ подчиненныя ему въ Италіи стра-
ны. Само собой разумѣется, что всѣ безъ исключенія общины ли-
шились самостоятельности въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными
государствами. Что касается внутреннихъ сношеній, то впродъ ни Внутреннія
одинъ провинціальный житель не могъ внѣ своей общины приобрѣ- сношенія.
тать законной собственности и даже, вѣроятно, не могъ вступать въ
законный бракъ. Напротивъ того, римское правительство допускало,
по меньшей мѣрѣ въ Сициліи, — существованіе не очень опасной фе-
деративной организаціи тамошнихъ городовъ и даже существованіе
общихъ сицилійскихъ сеймовъ съ ихъ безвреднымъ правомъ пода-
вать петиціи и жалобы *). Въ монетной сферѣ хотя и не представ-
лялось возможности немедленно признать римскую ходячую монету за
единственно-годную для обращенія на островахъ, однако она была

*) На это указываютъ: частію появленіе „Сиккуловъ“ съ жалобами на Марцелла [Ливій, 26, 26 и сл.], частію „коллективныя прошенія всѣхъ сицилійскихъ об-
щинъ“ [Цицер. Verгг. 2, 42, 102. 45, 114. 50, 146. 3, 88, 204], частію хо-
рошо извѣстная аналогія [Marquardt Handb. 3, 1, 267]. Изъ того, что
между отдѣльными городами не было права вести *commercium*, никакъ нельзя
заключать, что между ними не было и того, что называлось *concilium*.

введена тамъ въ легальное употребленіе, какъ кажется, очень рано, а у находившихся въ римской Сициліи городовъ, какъ кажется, было отнято, въ силу общаго правила, право чеканить монету изъ благородныхъ металловъ *). За то не только земельная собственность осталась во всей Сициліи неприкосновенной (то общее правило, что заиталійскія земли достались Римлянамъ въ частную собственность по праву завоеванія, еще не было извѣстно въ этомъ столѣтіи), но всѣ сицилійскія и сардинскія общины сохранили самоуправленіе и нѣкоторую самостоятельность. Правда, демократическая организація общинъ была повсюду отмѣнена и въ каждомъ городѣ власть была отдана въ руки общиннаго совѣта, состоявшаго изъ представителей городской аристократіи, и кромѣ того по меньшей мѣрѣ сицилійскія общины были обязаны производить у себя въ каждый пятый годъ общинную таксацію соотвѣтственно съ римскимъ цензомъ; но и то и другое было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ подчиненія римскому сенату, который не могъ-бы управлять государствомъ при существованіи греческихъ экклезіій и безъ надзора за финансовыми и военными ресурсами каждой зависимой общины; вѣдь объ эти мѣры были приняты и по отношенію къ италійскимъ провинціямъ.—Но наряду съ этой равноправностью въ главныхъ чертахъ, было введено между италійскими и заморскими общинами одно различіе, которое хотя и было фактическимъ, но тѣмъ не менѣе имѣло очень важныя послѣдствія. Заморскія общины не доставляли никакого опредѣннаго контингента ни для римской арміи ни для римскаго флота **) и лишились права содержать армію по меньшей мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что могли братья за оружіе для защиты своего собственнаго отечества не иначе, какъ по требованію римскаго претора и что римское правительство имѣло право посылать на острова италійскія войска по своему усмотрѣнію; въ замѣнъ контингента въ Римъ доставляли десятую часть сицилійскихъ полевыхъ продуктовъ и пяти-процентную пошлину со стоимости всѣхъ товаровъ, ввозимыхъ въ сицилій-

Собственность.
Автономія.
Десятичные и таможенные пошлины.

*) Римъ не монополизировалъ чеканку золотой и серебряной монеты въ провинціяхъ съ такой-же строгостью, какъ въ Италіи, очевидно потому, что онъ не придавалъ большой важности тамошней чеканкѣ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, производившейся не по римскому образцу. Однако не подлежитъ сомнѣнію, что и тамъ монетные дворы должны были ограничиваться выпускомъ мѣдной монеты или по большей мѣрѣ мелкой серебряной монеты; такъ напримѣръ тѣ общины въ римской Сициліи, которыя были поставлены въ самое-лучшее положеніе,—общины Мамергинцевъ, Кенторпинцовъ, Алезинцовъ, Сегестановъ и въ сущности также Панормитанъ,—чеканили только мѣдную монету.

**) На это указываютъ слова Герона [Лив. 22, 37] ему извѣстно, — говорить онъ, — что Римляне не употребляютъ въ дѣло никакой другой пѣхоты и конницы, кромѣ римской или латинской, а „иноземцевъ“ употребляютъ по большей мѣрѣ только на службу въ легко-вооруженныхъ отрядахъ.

свѣя гавани и вывозимыхъ оттуда. Ни въ томъ ни въ другомъ не было ничего новаго. Подати, которыя собирала кареагенская республика и которыя собиралъ персидскій царь, были въ сущности однородны съ той десятиной; и въ Греціи такое обложение налогами на восточный манеръ изстари существовало при тиранахъ и нерѣдко даже при гегемоніи. Въ особенности Сицилійцы съ давнихъ временъ уплачивали десятину или въ Сиракузы или въ Кареагенъ и съ давнихъ временъ собирали таможенные пошлины не въ свою собственную пользу. «Мы приняты», говоритъ Цицеронъ, «сицилійскія общины въ нашу клиентелу и подъ наше покровительство съ тѣмъ, чтобы онѣ жили по тѣмъ-же законамъ, по какимъ жили до сихъ поръ, и съ тѣмъ, чтобы онѣ подчинялись римской общинѣ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ онѣ до сихъ поръ подчинялись своимъ собственнымъ владѣтелямъ». Римляне, конечно, были въ правѣ объ этомъ напоминать; однако придерживаться прежней неправды — то-же, что чинить ее вновь. Уклоненіе отъ столько-же мудраго, сколько великодушнаго основнаго правила римской системы управленія — принимать отъ подданныхъ только военную помощь и никогда не принимать, въ замѣнъ ея, денежнаго вознагражденія, имѣло очень вредныя послѣдствія не для подданныхъ, только перешедшихъ отъ одного властителя къ другому, но для ихъ новыхъ повелителей; а этихъ послѣдствій не могли устранить никакія облегченія въ размѣрѣ налоговъ и въ способѣ ихъ взысканія и никакія изъятія въ отдѣльныхъ случаяхъ. Впрочемъ такія изъятія дѣлались неоднократно. Мессана

Общины,
освобожденныя отъ
налоговъ.

---

*) Въ этомъ можно убѣдиться при одномъ взглядѣ на географическую карту; но о томъ-же свидѣтельствуетъ предоставленная жителямъ Кенторицы замѣчательная привилегія: имъ было дозволено покупать земли во всей Сициліи. Въ качествѣ римскихъ надсмотрщиковъ они нуждались въ самой неограниченной свободѣ передвиженій. Впрочемъ, Кенторица, какъ кажется, принадлежала къ числу тѣхъ городовъ, которые прежде другихъ перешли на сторону Рима [Дидоръ, книга 23, стр. 501].

другихъ вольныхъ греческихъ городовъ, и главнымъ образомъ Панормъ, который былъ до той поры главнымъ городомъ кареагенской Сициліи, а теперь долженъ былъ сдѣлаться главнымъ городомъ Сициліи римской. Римляне примѣнили и къ Сициліи старинное основное правило своей политики—раздѣлять зависимыя общины на разряды съ различными правами, тщательно распределенными по степенямъ; но въ общемъ итогѣ и сицилійскія и сардинскія общины занимали по отношенію къ Риму положеніе не находящихся въ зависимости союзниковъ, а обложенныхъ податями подданныхъ. — Однако это Италія и провинціи. глубокое различіе между общинами, обязанными доставлять вспомогательныя войска, и тѣми, которыя были обложены налогами или по меньшей мѣрѣ не были обязаны доставлять военную помощь, не всегда легально совпадало съ различіемъ между Италіей и провинціями. Къ италійскому союзу могли принадлежать и заморскія общины; такъ напримѣръ Мамертинцы въ сущности стояли наравнѣ съ италійскими Сабеллами; даже основаніе новыхъ общинъ съ латинскимъ правомъ встрѣчало въ Сициліи такъ-же мало законныхъ препятствій, какъ и на той сторонѣ Апеннинъ. Случалось, что и континентальныя общины были лишены права доставлять вспомогательныя войска, а вмѣсто того уплачивали налоги; именно въ такомъ положеніи находились уже въ ту пору нѣкоторые округа Кельтовъ у береговъ По, а впоследствии это вводилось въ довольно широкихъ размѣрахъ. Впрочемъ общины, обязанныя доставлять вспомогательныя войска, имѣли на континентѣ такой-же рѣшительный перевѣсъ, какой имѣли на островѣ общины, уплачивавшія подати, а между тѣмъ какъ римское правительство вовсе необнаруживало намѣренія заводить италійскія колоніи ни въ цивилизованной по-эллинически Сициліи ни въ Сардиніи, оно, безъ сомнѣнія, уже въ ту пору твердо рѣшилось не только завоевать варварскія страны между Апенниннами и Альпами, но также основывать тамъ,—по мѣрѣ того, какъ завоеваніе будетъ подвигаться впередъ,—новыя общины изъ италійскихъ уроженцевъ и съ италійскимъ правомъ. Такимъ образомъ, населеніе заморскихъ владѣній не только поступило въ разрядъ подданныхъ, но и должно было всегда оставаться въ этомъ положеніи; напротивъ того, изъ вновь отмежеванной легальной сферы консульской дѣятельности, или—что одно и то-же—изъ континентальной римской территоріи должна была образоваться новая и болѣе обширная Италія, простирающаяся отъ Альповъ до Юническаго моря. Такое въ сущности географическое понятіе объ единствѣ Италіи, конечно, сначала не совпадало съ понятіемъ о политическомъ единствѣ италійской конфедераціи, а было частію шире этого послѣдняго, частію уже. Но уже въ ту пору считали все пространство вплоть до альпійскихъ границъ за Италію, то-есть за настоящее или за будущее владѣніе носителей тоги, и отодвигали, — какъ это

дѣлалось и до сихъ поръ дѣлается въ Сѣверной Америкѣ, — границу побуда лишь географически для того, чтобъ мало-по-малу отодвигать ее и политически по мѣрѣ того, какъ будетъ далѣе распространяться колонизація *).

Римляне наконецъ достигли давно-желаемаго владычества на Адри-Событія на
атическомъ морѣ, у входа въ которое состоялось еще во время войны берегахъ
244 съ Каррагеномъ (510) давно готовившееся основаніе важной Адриатиче-
нип Брундизія. Въ западномъ морѣ Риму пришлось одолѣвать сопер- ского моря.
ника; въ восточныхъ водахъ раздоры Эллиновъ позаботились о томъ,
чтобъ всё государства греческаго полуострова или оставались по
прежнему въ безсиліи или утратили свое могущество. Самое значи-
тельное между этими государствами — македонское было вытѣснено
подъ вліяніемъ Египта изъ верхняго Адриатическаго моря Этолянами,
а изъ Пелопоннеса Ахейцами и едва еще было въ состояніи защи-
щать сѣверную границу отъ варваровъ. До какой степени было въ
интересахъ Римлянъ ослабить Македонію и ея естественнаго союз-
ника сирійскаго царя и какъ тѣсно они примкнули къ египетской
политикѣ, стремившейся къ той-же цѣли, видно изъ замѣчательнаго
предложенія, съ которымъ они обратились къ царю Птолемию III
Эвергету послѣ окончанія войны съ Каррагеномъ: они вызвались

*) Эта противоположность между Италіей въ смыслѣ римскаго континента или сферы консульскаго управленія и заморскими владѣніями или сферою преторскаго управленія выступаетъ въ различныхъ случаяхъ наружу еще въ шестомъ столѣтіи. Религіозное постановленіе, запрещавшее нѣкоторымъ жрецамъ посѣщать Римъ [Val. Max. 1, 1, 2], объяснялось въ томъ смыслѣ, что имъ не дозволялось перелѣзжать за море [Liv. ер. 19, 37, 51. Та с. а. п. 3, 58, 71. Sic. Phil. 11, 8, 18; сравн. Liv. 28, 38, 44. Ер. 59]. Еще положительнѣе сюда относится истолкованіе стариннаго правила, что консулъ можетъ назначать диктатора не иначе, какъ на римской территоріи; въ 544 году къ этому правилу было прибавлено объясненіе, что римская территорія заключаетъ въ себя всю Италію [Liv. 27, 5]. Организованіе изъ кельтскихъ владѣній между Альпами и Апенниннами особаго округа, не похожаго на сферу консульской дѣятельности и управлявшагося особымъ высшимъ начальникомъ, было впервые предпринято Суллой. Противъ этого, конечно, никто не будетъ приводить того возраженія, что еще въ шестомъ столѣтіи очень часто шла рѣчь о Галліи или объ Арминіѣ, какъ о „должностной сферѣ“ [provincia] одного изъ консуловъ. Слово provincia, какъ извѣстно, означало на древнемъ языкѣ вовсе не то, что мы теперь называемъ провинціей, — то-есть не заключающійся внутри опредѣленныхъ границъ округъ, надъ которымъ поставленъ постоянный начальникъ; подъ этимъ словомъ разумѣли компетенцію, установленную для какого-либо отдѣльнаго должностнаго лица закономъ, сенатскимъ постановленіемъ или договоромъ; именно въ этомъ смыслѣ слова допускалось и даже въ теченіе нѣкотораго времени принималось за правило, что одинъ изъ консуловъ принималъ на себя управленіе сѣверной Италіей.

247
225

помочь ему въ войнѣ, которую онъ велъ за умерщвленіе Береники съ сирійскихъ царемъ Селевкомъ II Каллиникомъ (царств. 507—529) и въ которой Македонія, вѣроятно, приняла сторону этого царя. Вообще Римъ сталъ входить въ болѣе близкія сношенія съ эллинскими государствами; и съ Сиріей римскій сенатъ находился въ сношеніяхъ: онъ обращался къ только-что упомянутому Селевку съ ходатайствомъ за соплеменныхъ Илійцевъ. — До непосредственнаго вмѣшательства Римлянъ въ дѣла восточныхъ государствъ дѣло еще не доходило главнымъ образомъ потому, что Римъ не нуждался въ такомъ вмѣшательствѣ для своихъ цѣлей. И ахейская конфедерация, задержанная въ своемъ развитіи малодушною политикою Арата, и этолійская республика наемной солдатчины и пришедшее въ упадокъ македонское царство сами не давали другъ другу хода, такъ что для этого не было надобности въ римскомъ вмѣшательствѣ, а заморскихъ земельныхъ приобрѣтеній Римъ въ ту пору скорѣй избѣгалъ, чѣмъ искалъ. Когда Акарнанцы стали ссылаться на то, что между всѣми Греками они одни не принимали участія въ разрушеніи Иліона и на этомъ основаніи обратились къ потомкамъ Энея съ просьбой о помощи противъ Этолянъ, тогда римскій сенатъ попытался вмѣшаться въ это дѣло дипломатическимъ путемъ; но послѣ того, какъ римское правительство получило отъ Этолянъ дерзкій отвѣтъ, оно не увлеклось своими археологическими симпатіями до того, чтобъ объявлять за это войну, которая избавила-бы Македонянъ отъ ихъ наследственнаго врага (515). — Римляне слишкомъ долго и съ терпѣніемъ выносили даже морскіе разбои, которые были въ ту пору единственнымъ промысломъ процвѣтавшимъ у береговъ Адриатическаго моря и отъ которыхъ не мало страдала и торговля Италійцевъ, что объясняется врожденнымъ отвращеніемъ Римлянъ къ морскимъ войнамъ и плохимъ состояніемъ ихъ флота. Но такое положеніе стало въ концѣ-концевъ невыносимымъ. Македонія уже не имѣла основанія по прежнему охранять эллинскую торговлю отъ адриатическихъ пиратовъ въ пользу своихъ враговъ и подъ ея покровительствомъ были предприняты морскія разбойничьи экспедиціи въ большихъ размѣрахъ владѣтелями Скодры, которые стали съ этой цѣлю во главѣ иллирійскихъ племенъ, то-есть теперешнихъ Далматовъ, Черногорцевъ и сѣверныхъ Албанцевъ; съ цѣлыми эскадрами ходили подъ парусами двухъ-палубныхъ судовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «либурнскихъ», Иллирійцы стали нападать на морѣ и на берегахъ на всѣхъ безъ различія. Находившіяся въ этихъ краяхъ греческія колоніи—построенныя на островахъ города Исса (Лисса) и Фаросъ (Левина), важные приморскіе города Эпидамнъ (Дураццо) и Аполлонія (къ сѣверу отъ Авлоны на рѣкѣ Аоос), натурально, должны были пострадать прежде всѣхъ другихъ и неоднократно были осаждены варварами. Еще далѣе къ югу, въ самомъ цвѣтущемъ изъ городовъ Эпира, въ Фенпкѣ, кор-

239
Морскіе
разбои
Иллирійцевъ

сары прочно утвердились; Эпироты и Акарнанцы частію по неволѣ частію добровольно вступили въ неестественный союзъ съ иноземными хищниками и берега Греціи сдѣлались не безопасными вплоть до Элиды и до Мессены. Тщетно пытались Этоляне и Ахейцы положить конецъ этимъ разбоямъ, собравши всѣ корабли, какими могли располагать; они были разбиты въ открытомъ морѣ пиратами и ихъ греческими союзниками; флоту пиратовъ даже удалось завладѣть богатымъ и важнымъ островомъ Керкирой (Корфу). Жалобы италійскихъ мореходцевъ, просьбы о помощи со стороны старыхъ союзниковъ—жителей Аполлоніи и мольбы осажденныхъ жителей Иссы наконецъ побудили римскій сенатъ по меньшей мѣрѣ отправить въ Скодру пословъ. Братья Гай и Луцій Корунканиі явились къ царю Агрону съ требованіемъ прекратить разбой. Царь на это отвѣчалъ, что по иллирійскимъ мѣстнымъ законамъ морскіе разбой считаются дозволеннымъ промысломъ и что правительство не имѣетъ права воспретить частнымъ людямъ каперство; на это Луцій Корунканиі возражилъ, что въ такомъ случаѣ Римъ позаботится о введеніи у Иллирійцевъ лучшихъ мѣстныхъ законовъ. Вслѣдствіе такого не совсѣмъ дипломатическаго возраженія одинъ изъ пословъ былъ на возвратномъ пути умерщвленъ, какъ утверждали Римляне, по приказанію царя, а въ выдачѣ убійцы Римлянамъ было отказано. Тогда римскому сенату уже не оставалось никакого выбора.

229 Весной 525 года появился передъ Аполлоніей римскій флотъ изъ 200 линейныхъ кораблей съ десантнымъ войскомъ; флотъ разогналъ легкія суда пиратовъ, между тѣмъ какъ десантная армія разрушала замки хищниковъ; царица Тевта, управлявшая послѣ смерти своего супруга Агрона отъ имени своего несовершеннолѣтняго сына Пинна, была осаждена въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ и была вынуждена согласиться на мирныя условія, предписанныя Римомъ. Владѣтели Скодры были и съ сѣвера и съ юга оттѣснены внутрь предѣловъ ихъ прежней незначительной территоріи и были принуждены отказаться отъ владычества не только надъ всѣми греческими городами, но и надъ жителями Арден въ Далмаціи, надъ жившими подлѣ Эпидамна Парѳинами и надъ жившими въ сѣверномъ Эпирѣ Атинтанами; иллирійскимъ военнымъ кораблямъ было впредь запрещено заходить на югъ отъ Лиссы (Alessio — между Скутари и Дураццо), а невоеннымъ кораблямъ было позволено заходить туда не больше, чѣмъ по два вмѣстѣ. Такимъ быстрымъ и энергическимъ преobraщеніемъ морскихъ разбоевъ Римляне блестящимъ и прочнымъ образомъ утвердили свое владычество на Адриатическомъ морѣ. Впрочемъ они этимъ не удовольствовались и въ то же время утвердились на восточномъ берегу. Жившіе въ Скодрѣ Иллирійцы сдѣлались римскими данниками; Димитрій Фаросскій, перешедшій изъ службы у Тевты на службу къ Римлянамъ, былъ назначенъ въ Иллирію.

Экспедиція
противъ
Скодры.

Территори-
альная при-
обрѣтенія
въ Иллирію.

владѣтелемъ острововъ и береговъ Далмаціи въ качествѣ зависимаго династа и римскаго союзника; греческіе города Керкира, Аполлонія, Эпидамнъ и общины Атинтановъ и Парейновъ были привязаны къ Риму въ болѣе мягкой формѣ симмахіи. Эти пріобрѣтенія на восточныхъ берегахъ Адриатическаго моря не были достаточно обширны для того, чтобъ назначить для нихъ особаго добавочнаго консула: въ Керкиру и, быть можетъ, также въ нѣкоторыя другія мѣста, какъ кажется, были назначены намѣстники второстепеннаго ранга, а главный надзоръ надъ этими владѣніями былъ возложенъ на тѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ, которыя управляли Италіей *). Такимъ образомъ и самыя важныя приморскіе города на Адриатическомъ морѣ подпали, подобно Сициліи и Сардиніи, подъ власть Римлянъ. И развѣ могло быть иначе? Риму была нужна въ верхней части Адриатическаго моря хорошая морская стоянка, которой не находилось между его владѣніями на италійскомъ берегу; новые союзники и въ особенности греческіе торговые города видѣли въ Римлянахъ своихъ избавителей и, безъ сомнѣнія, дѣлали все, что могли, чтобъ навсегда обезпечить для себя это могущественное покровительство; въ собственной Греціи не только никто не былъ въ состояніи предъявлять противъ этого протестъ, но изъ устъ каждаго слышались похвалы избавителямъ. Можно-бы было спросить, что сильнѣе чувствовалось въ Элладѣ — радость или стыдъ, когда вмѣсто десяти линейныхъ кораблей, принадлежавшихъ самой воинственной изъ греческихъ державъ — Ахейскому союзу, въ ея гавани вошелъ состоявшій изъ двухъ сотъ нарусныхъ судовъ флотъ варваровъ и разомъ разрѣшилъ задачу, которая лежала на Грекахъ и надъ которой они безуспѣшно трудились съ такимъ для себя униженіемъ. Но если тамъ и краснѣли со стыда при мысли, что угнетенные соотечественники были обязаны своимъ спасеніемъ иноплеменцамъ, за

Впечатлѣ-
ніе, произ-
веденное
этими пріобрѣ-
теніями
въ Греціи
и въ Маке-
доніи.

*) Что въ Керкирѣ находился постоянный римскій комендантъ, можно заключить изъ словъ Полибія, 22, 15, 6 [эти слова невѣрно переведены Ливіемъ, 38, 11; сравн. 42, 37], а о комендантѣ Иссы упоминаетъ Ливій, 43, 9. Сюда-же относится аналогія между *praefectus pro legato insularum* *Valia gum* [Ogelli, 732] и намѣстникомъ Пандатаріи [I. R. № 3528]. Отсюда можно заключить, что въ римской администраціи было принято за правило назначать на самыя отдаленныя острова префектовъ не сенаторскаго званія. Но эти „замѣстители“ заставляютъ предполагать существованіе высшаго должностнаго лица, которое ихъ назначало и которое за ними наблюдало, а такими лицами могли быть въ ту пору только консулы. Впоследствии, когда были организованы провинціи Македонія и Цизальпійская Галлія, высшее управленіе перешло къ одному изъ этихъ двухъ намѣстниковъ; такъ напримѣръ тѣ владѣнія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь и которыя послужили зачаткомъ для позднѣйшей римской Иллиріи, частію принадлежали, какъ извѣстно, къ администра- тивному округу Цезаря.

то обходились съ Римлянами вѣжливо: ихъ немедленно допустили къ Истмійскимъ играмъ и къ Элевзинскимъ тайнствамъ и этимъ путемъ приняли ихъ въ эллинскій національный союзъ.—Македонія молчала; она не была въ состояніи протестовать съ оружіемъ въ рукахъ, но не хотѣла протестовать только на словахъ. Нигдѣ не было оказано сопротивленія; тѣмъ не менѣе Римъ, взявшій въ свои руки ключи къ дому своего сосѣда, соудалъ себѣ въ этомъ сосѣдѣ врага, отъ котораго слѣдовало ожидать, что онъ нарушитъ свое молчаніе, лишь только соберется съ силами или найдетъ удобный для того случай. Если-бы мощный и осмотрительный царь Антигонъ Довонъ прожилъ долѣе, то онъ не замедлил-бы поднять брошенную перчатку; а когда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того династѣ Димитрій Фаросскій высвободился изъ-подъ римской гегемоніи, сталъ заниматься, въ нарушение договора, морскими разбоями сообщая съ Истрийцами и подчинилъ себѣ Атинтановъ, независимость которыхъ была признана Римлянами, то Антигонъ вступилъ съ нимъ въ союзъ и войска Димитрія сражались вмѣстѣ съ арміею Антигона въ битвѣ при Селлазии (532). Но Антигонъ умеръ (зимой 533/4 года); его преемникъ Филиппъ, бывшій въ ту пору еще ребенкомъ, ни во что не вѣшивался, когда консулъ Луцій Эмилиій Павелъ напалъ на союзника Македоніи, разрушилъ его столицу и принудилъ его бѣжать изъ отечества (535).

222 221/0

210

Сѣверная
Италія.

241

Со времени паденія Тарента глубокой миръ царилъ на материкѣ собственной Италіи на югѣ отъ Апеннинъ; шестидневная война съ Фалеріями (513) была не болѣе, какъ странною случайностью. Но на сѣверѣ еще не была подвластна Римлянамъ широкая полоса земли между территоріею конфедерации и цѣпью Альповъ—этою естественною границей Италіи. У береговъ Адриатическаго моря считалась границей Италіи рѣка Эзисъ, протекающая вблизи отъ Анконы, выше этого города. По ту сторону этой границы находилась собственно-галльская страна, которая тянулась вплоть до Равенны и входила въ составъ римскаго государственнаго союза точно такимъ же образомъ, какъ и собственная Италія; когда-то жившіе тамъ Сеноны были совершенно истреблены во время войны 471/2 года (стр. 387, 388), а остальные поселенія были привязаны къ Риму или въ качествѣ гражданскихъ колоній, какъ *Sen a gallica* (стр. 388), или въ качествѣ союзныхъ городовъ съ латинскимъ правомъ, какъ Ариминъ (стр. 408), или въ качествѣ союзныхъ городовъ съ италійскимъ правомъ, какъ Равенна. По ту сторону Равенны жили на обширномъ пространствѣ вплоть до альпійской границы не италійскія племена. Къ югу отъ По еще держалось могущественное кельтское племя Бойевъ (отъ Пармы до Болоньи); рядомъ съ ними на равнинѣ жили къ востоку Лингоны, къ западу (въ округѣ Пармы) Анары; это были два мелкихъ кельтскихъ кан-

тона, вѣроятно, находившихся въ клиентелѣ у Бойевъ. Отъ того мѣста, гдѣ кончается равнина, начинались владѣнія Лигуровъ, которые жили въ Апеннинахъ къ западу отъ Ареццо и Пизы въ перемѣшку съ разными кельтскими племенами и занимали земли у истоковъ По. На сѣверъ отъ По восточная часть равнины, приблизительно отъ Вероны до берега моря, находилась во власти Венетовъ, которые принадлежали къ иному племени, чѣмъ Кельты и вѣроятно были по происхожденію Иллирійцы; между ними и западными горами жили Кеноманы (около Брешии и Кремоны), рѣдко вступавшіе въ союзъ съ Кельтами и вѣроятно въ значительной мѣрѣ смѣшанные съ Венетами, и Инсубры (около Милана); эти послѣдніе составляли самую значительную изъ кельтскихъ волостей въ Италіи и находились въ постоянной связи не только съ разсѣянными въ альпійскихъ долинахъ болѣе мелкими общинами частію кельтскаго, частію иного происхожденія, но и съ кельтскими волостями, находившимися на той сторонѣ Альповъ. Альпійскія ворота—этотъ огромный проходъ длиною въ пятьдесятъ нѣмецкихъ миль, представлявшій самую большую и самую плодородную равнину тогдашней цивилизованной Европы, находился по прежнему въ рукахъ наследственныхъ враговъ италійскаго имени, которые, хотя и были унижены и ослаблены, но все еще были зависимы лишь по имени и все еще были безпокойными сосѣдями: они коснѣли въ своемъ варварствѣ и разсѣявшись по просторнымъ равнинамъ, по прежнему занимались скотоводствомъ и хищническими набѣгами. Слѣдовало ожидать, что Римляне поспѣшатъ завладѣть этими странами,—тѣмъ болѣе потому, что Кельты начинали позабывать о своихъ пораженіяхъ во время экспедицій 471 и 472 годовъ и снова начинали шевелиться; еще болѣе опасно было то, что за-альпійскіе Кельты снова начинали показываться по сю сторону Альповъ. Дѣйствительно, уже въ 516 году Бойи возобновили войну, а ихъ начальники Атисъ и Галатасъ пригласили,—конечно не будучи на то уполномочены общиннымъ собраніемъ,—за-альпійскія племена дѣйствовать съ ними заодно; на этотъ призывъ явились массы людей и въ 518 году стала подъ Ариминомъ такая кельтская армія, какой давно не видала Италія. Римляне были въ ту пору слишкомъ слабы, чтобъ вступать съ неприятелемъ въ бой; поэтому они заключили съ нимъ перемиріе и, чтобъ выиграть время, отправили въ Римъ кельтскихъ пословъ, которые осмѣлились потребовать у сената уступки Аримина, — точно будто снова настали времена Бренна. Однако одно непредвидѣнное происшествіе положило конецъ войнѣ еще прежде, чѣмъ она приняла серьезный характеръ. Бойи, будучи недовольны непрошенными союзниками и опасаясь за цѣлость своихъ собственныхъ владѣній, затѣяли ссору съ заальпійцами; дѣло дошло до битвы между двумя кельтскими арміями и послѣ того, какъ на-

282 283

238

Войны съ
Кельтами.

236

чальники Бойевъ были убиты своими собственными подчиненными, заальпійцы возвратились домой. Это происшествіе отдавало Бойевъ во власть Римлянъ, которые могли или совершенно прогнать ихъ, какъ прогнали Сеноновъ, или же по меньшей мѣрѣ оттѣснить ихъ къ берегамъ По; однако съ Боями былъ заключенъ миръ съ условіемъ уступки нѣкоторыхъ земельныхъ участковъ (518). Причиной этого, вѣроятно, было то, что именно въ то время ожидалось возобновленіе войны съ Кароагеномъ; но послѣ того, какъ Кароагенъ уклонился отъ войны, уступивъ Сардинію, политика римскаго правительства требовала скорого и окончательнаго завоеванія всѣхъ странъ вплоть до Альповъ. Этимъ совершенно оправдывались постоянныя опасенія Кельтовъ, что въ ихъ владѣнія вторгнутся Римляне; однако Римляне не торопились. Тогда Кельты сами начали войну оттого-ли, что они были встревожены произведенной Римлянами на восточномъ берегу (522) раздачей земельныхъ участковъ, хотя эта раздача и не была первоначально направлена противъ нихъ, оттого ли, что они были убѣждены въ неизбежности войны съ Римомъ изъ-за обладанія Ломбардіей или же оттого—и это по видимому всего правдо подобіе—что этому неусидчивому народу надѣло бездѣйствіе и что ему захотѣлось пуститься на новыя военныя предпріятія. За исключеніемъ Кеномановъ, дѣйствовавшихъ заодно съ Венетами и принявшихъ сторону Рима, всѣ италійскіе Кельты приняли участіе въ экспедиціи; къ нимъ примкнули, подъ предводительствомъ Конколитана и Анероэста, многочисленныя толпы Кельтовъ изъ долины верхней Роны или, вѣрнѣе, тамошніе выходцы и удалцы *). Предводители Кельтовъ двинулись къ Апеннинамъ съ 50000 пѣхоты и 20000 конницы или солдатъ, сражавшихся на колесницахъ (529). Въ Римѣ не предвидѣли нападенія съ этой стороны: тамъ никакъ не ожидали, чтобъ Кельты пренебрегли стоявшими на восточномъ берегу римскими крѣпостями и защитой своихъ соплеменниковъ и осмѣлились итти прямо на столицу. Незадолго передъ тѣмъ такое-же сборище Кельтовъ и точно такимъ-же образомъ наводнило Грецію; опасность была серьезна, но казалась

236

232

225

*) Тѣ Кельты, о которыхъ Полибій, говорить: „живущіе въ Альпахъ и по берегамъ Роны Кельты, которыхъ называютъ за ихъ удалство „гезатами“ **), въ капитолійскихъ фастахъ называются Германі. Легко можетъ статься, что современная историографія вела въ этомъ случаѣ рѣчь только о Кельтахъ и что историческія умозрѣнія временъ Цезаря и Августа впервые побудили редакторовъ тѣхъ фастовъ превратить этихъ Кельтовъ въ „Германцевъ“. Если-же вошедшее въ фасты употребленіе слова Германцы и было основано на современныхъ свѣдѣніяхъ [въ этомъ случаѣ оно было-бы древнѣйшимъ упоминаніемъ этого названія], то все-таки подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть не которое-либо изъ позднѣйшихъ такъ-называемыхъ нѣмецкихъ племенъ, а какое-нибудь сборище Кельтовъ.

***) Gaesati—вооруженные копиями [прим. перев.].

еще болѣе серьезной, чѣмъ была въ дѣйствительности. Увѣренность, что на этотъ разъ гибель Рима неизбѣжна и что римской землѣ судьбою предназначено сдѣлаться галльскимъ владѣніемъ, была такъ широко распространена въ самомъ Римѣ среди народа, что даже правительство не сочло для себя унизительнымъ разсѣять грубое суевѣріе черни посредствомъ другаго еще болѣе грубаго суевѣрія: въ исполненіе приговора судьбы оно приказало зарыть на римской площади живыми одного галльского мужчину и одну галльскую женщину. Въстѣ съ тѣмъ было приступлено и къ болѣе серьезнымъ мѣрамъ обороны. Изъ двухъ консульскихъ армій, состоявшихъ каждая изъ 25000 человекъ пѣхоты и 1100 человекъ конницы, одна находилась въ Сардиніи подъ начальствомъ Гаяя Атилія Регула, другая стояла подлѣ Аримина подъ начальствомъ Луція Эмилія Папа. Объемъ было приказано какъ можно скорѣе идти въ Этрурію, положеніе которой было самое опасное. Кельты уже были принуждены оставить дома войска для защиты своего отечества отъ находившихся въ союзѣ съ Римомъ Кеномановъ и Венетовъ; за тѣмъ и земскому ополченію Умбровъ было приказано спуститься съ высотъ на равнину Бойевъ и наносить непріятелю всевозможный вредъ на его собственныхъ пахатныхъ поляхъ. Ополченія Этрусковъ и Сабиновъ должны были занять проходы Апенниновъ и защищать ихъ по мѣрѣ силъ до того времени, когда придутъ регулярныя войска. Въ Римѣ былъ организованъ резервъ изъ 50.000 человекъ; по всей Италіи, смотрѣвшей въ этомъ случаѣ на Римъ, какъ на своего передоваго бойца, составлялись списки годныхъ для военной службы людей, собирались запасы продовольствія и военные снаряды.— Однако для всего этого требовалось время; Римляне были застигнуты въ располхъ и по меньшей мѣрѣ Этрурію уже нельзя было спасти. Кельты нашли апеннинскіе проходы слабо защищенными и стали безпрепятственно опустошать богатая равнины тусканской области, уже давно не выдавшія никакого непріятели. Они уже стояли подлѣ Клузія, въ трехъ дняхъ пути отъ Рима, когда армія, шедшая изъ подлѣ Аримина подъ начальствомъ консула Папа, показалась у нихъ во флангѣ, а вслѣдъ за Галлами шло этрусское ополченіе, собравшееся у нихъ въ тылу послѣ ихъ перехода черезъ Апеннины. Однажды вечеромъ, послѣ того, какъ обѣ арміи уже расположились лагеремъ и зажгли бивачные огни, кельтская пѣхота внезапно покинула свою позицію и пошла назадъ по дорогѣ въ Фезулы (Fiesole); конница занимала въ теченіе всей ночи форпосты, а утромъ слѣдующаго дня ушла вслѣдъ за главными силами. Когда стоявшая лагеремъ вблизи отъ непріятели, тусканская милиція замѣтила, что онъ отступаетъ, она вообразила, что сборище начинаетъ разсыпаться и торопливо пустилась за нимъ въ погоню. Именно на это и рассчитывали Галлы; ихъ отдохнувшая и въ порядкѣ построив-

паяся пѣхота столкнулась на хорошо выбранномъ полѣ сраженія съ измученной и разстроенной отъ торопливаго преслѣдованія римской милиціей. Въ упорной борьбѣ эта милиція лишилась 6000 человекъ, а остальная ея часть, по необходимости укрывшаяся на возвышеніи, также была бы истреблена, еслибы неподспѣла вовремя консульская армія. Это заставило Галловъ повернуть назадъ на фодину. Имъ удалось только на половину привести въ исполненіе ихъ хорошо задуманный планъ недопустить соединенія двухъ римскихъ армій и уничтожить самую слабую изъ нихъ; теперь они сочли за самое благоразумное—прежде всего укрыть въ безопасномъ мѣстѣ свою значительную добычу. Отыскивая самый удобный путь, они перешли изъ окрестностей Кьюзи, гдѣ до того времени стояли, на гладкое побережье и стали подвигаться впередъ вдоль морскаго берега, когда не ожиданно встрѣтили на дорогѣ преграду. То были сардинскіе легіоны, высадившіеся подлѣ Пизы; такъ какъ они пришли слишкомъ поздно для того, чтобъ загородить проходы Апеннинъ, то они немедленно двинулись вдоль морскаго берега по той-же дорогѣ, по которой шли Галлы, — только въ противоположномъ направлении. Они встрѣтились съ неприятелемъ подлѣ Теламонѣ (близъ устьевъ Омброны). Въ то время, какъ римская пѣхота шла сомкнутымъ строемъ по большой дорогѣ, римская конница направилась въ сторону, подлѣ предводительствомъ самого консула Гайя Атилія Регула для того, чтобъ напасть на Галловъ съ фланга и какъ можно скорѣе извѣстить о своемъ прибытіи другую римскую армію, находившуюся подлѣ командой Папа. Завязалась горячая кавалерійская схватка, во время которой самъ Регулъ палъ вмѣстѣ съ многими храбрыми Римлянами; но онъ не даромъ пожертвовалъ своею жизнью: его цѣль была достигнута. Палъ узналъ о происходившемъ боѣ и смекнулъ, въ чемъ дѣло; онъ немедленно построилъ свои войска въ боевомъ порядкѣ и римскіе легіоны напали съ двухъ сторонъ на кельтскую армію. Она мужественно вступила въ эту двойную битву: заальпійцы и Инсубры сражались съ войсками Папа, а альпійскіе Тауриски и Бойи—съ сардинской пѣхотой; кавалерійское дѣло шло само по себѣ на флангѣ. Силы противниковъ не были неравны числомъ, а отчаянное положеніе Галловъ принуждало ихъ къ самому упорному сопротивленію. Но заальпійцы, привыкшіе лишь къ рукопашнымъ схваткамъ, стали отступать передъ римскими застрѣльщиками, а лучшій закалъ оружія у Римлянъ давалъ имъ преимущество надъ Галлами; наконецъ фланговая атака побѣдоносной римской конницы порѣшила исходъ сраженія. Кельтскіе всадники убскавали, но кельтская пѣхота не могла спастись бѣгствомъ, такъ какъ была притиснута къ морю тремя римскими арміями. 10.000 Кельтовъ сдались въ плѣнъ вмѣстѣ съ царемъ Конколтаномъ; 40.000 легли на полѣ сраженія; Анероестъ и его свита сами

Битва при
Теламонѣ.

Нападеніе себя лишили жизни, по обычаю Кельтовъ. — Побѣда была полная и
 на Кельтовъ Римляне твердо рѣшились сдѣлать впредь невозможными такіа на-
 въ ихъ шествія, окончательно покоривъ тѣхъ Кельтовъ, которые жили по
 собствен- ныхъ вла- 224
 дѣніяхъ. дѣніяхъ. 223
 223
 того (531) покорились и Анары; тогда перешла во власть Римлянъ
 вся низменность вплоть до береговъ По. Завоеваніе сѣверныхъ бе-
 реговъ этой рѣки потребовало болѣе серьезной борьбы. Гай Флами-
 ній переправился черезъ По (531) на вновь приобрѣтенной терри-
 торіи Анаровъ (неподалеку отъ Пиаченцы); но при переправѣ черезъ
 рѣку и въ особенности во время попытки утвердиться на ея сѣ-
 верныхъ берегахъ, онъ понёсъ такіа тяжелыя потери и, имѣя у
 себя въ тылу рѣку, очутился въ такомъ опасномъ положеніи, что
 предложилъ непріятелю сдѣлку, которая доставляла ему возможность
 обратно перейти черезъ рѣку, а Инсубры были такъ безразсудны,
 что согласились. Но едва успѣлъ онъ спастись, какъ вторично
 вторгнулся во владѣнія Инсубровъ съ сѣвера изъ территоріи Кено-
 мановъ и при содѣйствіи этихъ послѣднихъ. Инсубры слишкомъ
 поздно поняли, о чемъ теперь шло дѣло; они вынесли изъ храма
 своей богини золотыя знамена, называвшіяся у нихъ «неподвиж-
 ными» и со всѣми своими военными силами, состоявшими изъ
 50.000 человекъ, предложили Римлянамъ битву. Эти послѣдніе на-
 ходились въ опасномъ положеніи: они стояли спиной къ рѣкѣ (быть
 можетъ къ Oglіo), были отдѣлены отъ отечества непріятельскими
 владѣніями и должны были полагаться на ненадежную дружбу Ке-
 номановъ во всемъ, что касалось содѣйствія въ борьбѣ и обезпе-
 ченія отступленія. Однако не представлялось никакого выбора. Сра-
 жавшіеся въ римскихъ рядахъ Галлы были переведены на лѣвый
 берегъ рѣки; на правомъ берегу, напротивъ Инсубровъ, были по-
 ставлены легіоны, а мосты было приказано уничтожить для того,
 чтобъ на Римлянъ не могли напасть съ тылу ихъ ненадежные со-
 юзники. — Рѣка, конечно, отрѣзывала отступленіе, такъ что обрат-
 ный путь на родину лежалъ сквозь ряды непріятельской арміи. Но пре-
 восходство римскаго оружія и римской дисциплины одержало побѣду
 и римская армія пробилась сквозь непріятельскіе ряды; и на этотъ
 разъ римская тактика исправила ошибку римской стратегіи. Побѣда
 была одержана солдатами и офицерами, а не военачальниками, ко-
 торые удостоились почестей триумфа только по милости народа и
 наперекоръ справедливому рѣшенію сената. Инсубры были готовы
 заключить миръ; но Римъ потребовалъ безусловной покорности, хо-
 тя его успѣхи еще не давали ему полнаго на это права. Инсубры
 попытались сопротивляться при содѣйствіи своихъ сѣверныхъ со-
 племенниковъ; съ набранными среди этихъ соплеменниковъ 30.000
 наемниковъ и съ своимъ собственнымъ ополченіемъ они выступили

въ слѣдующемъ году (532) на встрѣчу къ консульской арміи, снова вторгнувшейся въ ихъ владѣнія съ территоріи Кеномановъ. Еще нѣсколько разъ происходили горячія схватки; во время диверсії, предпринятой Инсубрами противъ римской крѣпости Кластидія (C a t e g g i o ниже Павіи) на правомъ берегу По, галльскій царь Вирдумаръ палъ отъ руки консула Марка Марцелла. Но послѣ одного сраженія, которое уже было на половину выиграно Кельтами, а кончилось въ пользу Римлянъ, консулъ Гней Сципіовъ взялъ приступомъ главный городъ Инсубровъ Медиоланъ; эта потеря вмѣстѣ съ потерей города Кома положила конецъ сопротивленію Инсубровъ. Италійскіе Кельты уже были совершенно побѣждены и подобно тому, какъ въ войнѣ съ пиратами Римляне доказали Эллинамъ, какаѣ разница между римскимъ морскимъ владычествомъ и эллинскимъ, они теперь блестящимъ образомъ доказали, что Римъ умѣетъ защищать ворота Италіи отъ грабежей на сушѣ не такъ, какъ Македонія защищала ворота Греціи и что не смотря на внутренніе раздоры Италія являлась въ борьбѣ съ національнымъ врагомъ столько же единой, сколько была разрознена Греція. — Римляне уже достигли альпійской границы въ томъ смыслѣ, что вся равнина вдоль теченія По или находилась въ ихъ владѣніи или принадлежала зависимымъ отъ нихъ союзникамъ, какъ напримѣръ Кеноманамъ и Венетамъ; однако нужно было время, чтобъ извлечь изъ этой побѣды всѣ послѣдствія и чтобъ романизировать этотъ край. При этомъ пришлось дѣйствовать не повсюду одинакимъ образомъ. Въ гористой сѣверо-западной части Италіи и въ отдаленныхъ округахъ между Альпами и По было оставлено прежнее населеніе; многочисленныя такъ называемыя войны, которыя велись преимущественно съ Лигурами (первый разъ въ 516 г.), какъ кажется, были болѣе похожи на травлю невольниковъ, и хотя тамошнія волости и долины не разъ покорялись Римлянамъ, все-таки римское владычество существовало тамъ только по имени. И экспедиція въ Истрію (533), какъ кажется, была предпринята только съ цѣлю уничтожить послѣдніе притоны пиратовъ Адриатическаго моря и установить вдоль береговъ сухопутныя сообщенія между странами, пріобрѣтенными въ Италіи и тѣми, которыя были пріобрѣтены на противоположныхъ берегахъ. Напротивъ того, жившіе къ югу отъ По Кельты были осуждены на неминуемую гибель, потому что при слабой внутренней связи, соединявшей кельтскую націю, ни одна изъ сѣверныхъ кельтскихъ волостей не вступалась за своихъ италійскихъ соплеменниковъ иначе какъ за деньги, а Римляне считали этихъ послѣднихъ не только своими національными врагами, но и похитителями своего наследственнаго достоянія. Вслѣдствіе обширной раздачи полевыхъ участковъ въ 522 году уже вся страна между Анбоной и Арминомъ покрывалась римскими колонистами, которые селились тамъ

222

Завоеваніе
кельтской
земли Рим-
лянами.

238

221

232

240
220

въ мѣстечкахъ и въ деревняхъ безъ всякой общинной организаціи. Римляне пошли еще далѣе этимъ путемъ и имъ нетрудно было совершенно вытѣснить и истребить Кельтовъ, которые были полуварварскимъ народомъ, занимались хлѣбопашествомъ лишь мимоходомъ и не обносили своихъ городовъ стѣнами. Большое сѣверное шоссе, проведенное черезъ Отриволи въ Нарни, вѣроятно, еще лѣтъ за восемьдесятъ передъ тѣмъ и потомъ продолженное (514) до вновь построенной крѣпости Сполетія, было въ 534 году еще продолжено, подъ именемъ Фламиніевской дороги, черезъ вновь основанное мѣстечко *F o r t i s F l a m i n i i* (подлѣ Фолиньо) фурлонскимъ горнымъ проходомъ до морскаго берега и за тѣмъ вдоль берега отъ Фанума (*F a n o*) до Аримина; это была первая искусственная дорога, шедшая черезъ Апеннины и соединявшая берега двухъ италійскихъ морей. Правительство усердно старалось покрывать вновь прибрѣтеныя плодородныя страны римскими поселеніями. Для прикрытія переправы черезъ По уже была построена на правомъ берегу этой рѣки сильная крѣпость Плаценція (Шаценца); неподалеку отсюда была основана на лѣвомъ берегу рѣки Кремона, а далѣе на отнятой у Бойевъ территоріи уже много подвинулось впередъ сооруженіе городскихъ стѣнъ Мутины (Модены); уже готовились новыя раздачи земельныхъ участковъ и предполагалось далѣе проводить шоссе, когда одно неожиданное событіе помѣшало Римлянамъ извлекать дальнѣйшія выгоды изъ ихъ военныхъ успѣховъ.

ГЛАВА IV.

Амильваръ и Аннибалъ.

Договоръ, заключенный въ 513 году съ Римомъ, доставилъ Карфагенянамъ миръ, но они купили его дорогою цѣной. Что дань собиравшаяся съ большей части Сициліи стала теперь поступать въ непріятельскую казну, а не въ карфагенскую, было самой ничтожной изъ потерь. Гораздо прискорбнѣе было то, что не только пришлось отказаться отъ казавшейся столь близкой къ своему осуществленію надежды захватить въ свои руки всѣ торговые пути изъ восточной части Средиземнаго моря въ западную, но также пришлось совершенно отказаться отъ прежней торговополитической системы, такъ какъ юго-западный бассейнъ Средиземнаго моря, до той поры находившійся въ исключительномъ обладаніи Карфагенянъ, сдѣлался со времени утраты Сициліи открытымъ для всѣхъ націй морскимъ путемъ, а торговля Италіи сдѣлалась совершенно независимой отъ финикійской. Миролюбивый сидонскій народъ, пожалуй, могъ-бы примириться и съ такимъ положеніемъ. Ему уже не въ первый разъ приходилось выносить такіе тяжелые удары; онъ уже былъ вынужденъ подѣлиться съ Массалиотами, съ Этрусками и съ сицилійскими Греками тѣмъ, чѣмъ прежде владѣлъ одинъ; да и то, что еще оставалось въ его власти—Африка, Испанія, ворота Атлантическаго моря,—могло доставить ему и могущество и благосостояніе. Однако кто-же могъ-бы поручиться за то, что покрайней мѣрѣ это у него останется?—Чего требовалъ Регулъ и какъ онъ былъ близокъ въ своей цѣли, могли позабывать только тѣ, которые не хотѣли этого помнить; а если-бы Римъ снова предпринялъ изъ Либейя такую же экспедицію, какую такъ успѣшно предпринималъ изъ Италіи, то Карфагенъ могъ бы спастись только благодаря какой-нибудь оплошности непріятеля или благодаря какой-нибудь счастливой случайности. Правда, Карфагенъ наслаждался въ ту пору миромъ; но въ ратификаціи мирнаго договора едва не было отказано и всѣмъ было извѣстно, какъ въ Римѣ отнеслось къ этому договору

241
Положеніе
Карфагена
послѣ за-
ключенія
мира.

общественное мнѣніе. Римъ, быть можетъ, еще непомышлялъ въ ту пору о завоеваніи Африки и еще довольствовался Италіей; но уже плохо было то, что существованіе карфагенскаго государства зависѣло отъ умѣренности римскихъ желаній; а развѣ кто нибудь могъ поручиться, что именно требованія италійской политики не заставятъ Римлянъ желать если не покоренія, то истребленія ихъ африканскихъ сосѣдей?—Короче сказать, Карфагенъ долженъ-бы былъ считать мирный договоръ 513 года за перемиріе и долженъ-бы былъ воспользоваться этимъ перемиріемъ для того, чтобъ приготовиться къ неизбѣжному возобновленію войны; онъ долженъ былъ это сдѣлать не для того, чтобъ отмстить за понесенное пораженіе и не для того, чтобъ воротить утраченное, а для того, чтобъ обезпечить для себя прочное существованіе, независимое отъ соизволенія на-

241

Военная и мирная партіи въ Карфагенѣ. Когда болѣе слабому государству грозитъ неизбежная, но неизвѣстно въ какое именно время имѣющая вспыхнуть война за существованіе, тогда люди благоразумные, энергичные и преданные своему отечеству спѣшатъ приготовиться къ этой войнѣ, предпринимаютъ ее въ самую удобную минуту и такимъ образомъ прикрываютъ политическую оборону стратегическимъ нападеніемъ; но они обыкновенно встрѣчаютъ противодѣйствіе со стороны тѣхъ лѣнливыхъ и робкихъ рабовъ богатства, одряхлѣвшихъ старцевъ и легкомысленныхъ людей, которые желаютъ только выиграть время, которые думаютъ только о томъ, какъ прожить и умереть спокойно и которые стараются во что-бы то ни стало отсрочить минуту рѣшительной борьбы. Точно такъ и въ Карфагенѣ существовали партія мира и партія войны; онѣ естественнымъ образомъ примкнули къ политическому антагонизму, который уже ранѣе того существовалъ между консерваторами и реформистами; первая изъ этихъ партій находила для себя спору въ правительственныхъ властяхъ, въ совѣтѣ старшинъ и въ корпораціи ста мужей, во главѣ которой стоялъ Аннонъ, прозванный Великимъ; вторая партія опиралась на вожаковъ народной массы, въ особенности на славнаго Азрубала и на офицеровъ сицилійской арміи; хотя значительные успѣхи, достигнутые этой арміей подъ предводительствомъ Амилкара, и остались безплодными, они все-таки указывали патриотамъ тотъ путь, которымъ можно было спастись отъ рѣшительной опасности. Между этими двумя партіями велась горячая борьба, вѣроятно, еще до долго до того времени, когда вспыхнула война въ Либіи. Какъ возникла эта война, уже было рассказано ранѣе. Правительственная партія вызвала мятежъ своимъ неумѣньемъ управлять, которое сдѣлало бесполезными всѣ мѣры предосторожности, принятія сицилійскими офицерами; этотъ мятежъ оно превратило въ революцію своей безчеловѣчной системой управленія; наконецъ, своей военной бездарностью и въ особенности бездарностью своего вожака—губителя

армія Аннона, она поставила государство на одинъ шагъ отъ гибели; тогда крайняя опасность заставила правительственную партію обратиться къ герою Эйреты Амилькару съ просьбою спасти ее отъ послѣдствій ея ошибокъ и пагубныхъ заблужденій. Онъ принялъ главное начальство и былъ такъ великодушень, что не отказался отъ него даже тогда, когда ему назначили въ товарищи Аннона; даже послѣ того, какъ доведенная до ожесточенія армія потребовала удаленія Аннона, Амилькаръ уважилъ смиренныя мольбы правительства и вторично уступилъ Аннону долю участія въ главномъ командованіи; за тѣмъ, благодаря своему вліянію на мятежниковъ, благодаря своему умѣнью обращаться съ нумидійскими шейхами и своимъ гениальнымъ дарованіямъ организатора и полководца, онъ, не взирая ни на своихъ враговъ ни на своего сотоварища, совершенно подавилъ мятежъ въ неизмѣрно короткое время и привелъ вбунтовавшихся Африканцевъ въ повиновеніе (въ концѣ 517 года). — Партія патриотовъ молчала во время войны, но тѣмъ громче заговорила она, когда война кончилась. Съ одной стороны, эта катастрофа ясно обнаружила нравственную испорченность и пагубное вліяніе властвовавшей въ Картагенѣ олигархіи — обнаружила ея крамольную политику и ея расположеніе къ Римлянамъ; съ другой стороны, захватъ Сардиніи Римлянами и угрожающее положеніе, въ которое они тогда стали по отношенію къ Картагену, ясно доказывали всякому даже недалновидному человѣку, что надъ Картагеномъ постоянно висѣла, какъ Дамокловъ мечъ, опасность войны съ Римлянами и что, еслибы эта война вспыхнула при тогдшнемъ положеніи дѣлъ, она неизбѣжно привела-бы къ уничтоженію финикійскаго владычества въ Либіи. Въ Картагенѣ, вѣроятно, было въ ту пору не мало людей, которые ненадѣялись спасти свое отечество отъ гибели и совѣтовали переселиться на острова Атлантическаго океана; и кто-же былъ-бы въ правѣ ихъ за это упрекать? Но люди съ болѣе высокой душой не способны заботиться о своемъ собственномъ спасеніи врознь отъ всего народа, а возвышенныя натуры одарены той привилегіей, что имъ придаетъ бодрости именно то, что доводитъ до отчаянія добродушныхъ людей. Новыя мирныя условія были приняты въ томъ видѣ, въ какомъ они были предписаны Римлянами; неоставалось ничего другаго, какъ имъ подчиниться и прибавивъ новую причину ненависти къ старой, тщательно копить и сберегать этотъ послѣдній капиталъ оскорбленной націи. За тѣмъ приступили къ политической реформѣ *).

237

---

*) Объ этихъ событіяхъ до насъ дошли не только неполныя, но и одностороннія свѣдѣнія, такъ какъ картагенская мирная партія, натурально, придавала имъ такую-же окраску, какую имъ придавали и римскіе летописцы. Однако даже въ дошедшихъ до насъ отрывочныхъ и затемненныхъ разсказахъ [самыя важныя

ственной партіи уже была ясно доказана, а что тѣ люди, въ рукахъ которыхъ находилась власть, не позабывали старой вражды и не стали благоразумнѣе даже во время послѣдней войны, видно, напримѣръ, изъ доходившаго до наивности безстыдства, съ которымъ они возбудили прецессъ противъ Амилъкара, какъ противъ виновника мятежа наемниковъ, на томъ основаніи, что онъ обѣщалъ своимъ сицилійскимъ солдатамъ денежныя уплаты, не будучи на то уполномоченъ правительствомъ. Еслибы клубъ офицеровъ и народныхъ вождей захотѣлъ низвергнуть это гнилое правительство, онъ едва-ли встрѣтилъ-бы серьезныя къ тому препятствія въ самомъ Карфагенѣ, но тѣмъ серьезнѣе были-бы препятствія со стороны Рима, съ которымъ карфагенскіе правители находились въ близкихъ сношеніяхъ, почти доходившихъ до измѣны отечеству. Ко всемъ другимъ трудностямъ положенія присоединялась и та, что создавая средства для спасенія отечества, нужно было скрывать ихъ и отъ глазъ Римлянъ и отъ глазъ собственнаго, настроеннаго въ римскомъ духѣ правительства. — Поэтому государственное устройство было оставлено въ прежнемъ видѣ и правительственной партіи не помѣшали по прежнему пользоваться

Амилъкаръ назначенъ главнокомандующимъ.

ея привилегіями и общественнымъ достоинствомъ. Только было предложено и утверждено, что изъ двухъ главнокомандующихъ, стоявшихъ во главѣ карфагенской арміи передъ окончаніемъ либійской войны, Аннонъ будетъ отозванъ, а Амилъкаръ будетъ назначенъ главнокомандующимъ для всей Африки на безсрочное время и съ такимъ условіемъ, что его официальное положеніе будетъ независимо отъ правительственной коллегіи и что только народное собраніе будетъ въ правѣ отозвать его или привлечь къ отвѣтственности *); противники Амилъкара называли такія полномочія анти-конституціонною монархическою властію, а по словамъ Катона это была диктатура. Даже выборъ преемника Амилъкару былъ предоставленъ не столичнымъ высшимъ властямъ, а арміи, то-есть тѣмъ Карфагенянамъ, которые служили въ арміи въ качествѣ герузіастовъ или офицеровъ и которые даже въ договорахъ поименовывались наряду съ главнокомандующимъ; само собою разумѣется, что право утверждать та-

изъ нихъ: рассказы Фабія у Полибія, 3,8; Аппіанъ, Н і в р. 4 и Діодоръ 25, стр. 567] съ достаточной ясностью обрисованы взаимныя отношенія партій. А что касается тѣхъ площадныхъ оскорбленій, которыми старались запятнать „революціонную лигу“ [ἐταρεία τῶν πούρωτάτων ἀνδρῶπων] ея противники, то ихъ образчики можно найти у Непота [Н а т. 37]—такіе образчики, которымъ трудно найти что-нибудь подобное, однако не совершенно невозможно.

*) Барки заключали самые важныя государственныя договоры, а ратификація этихъ договоровъ высшими властями была простой формальностью [Пол. 3,21]; Римъ обращался съ своими протестами къ нимъ и къ сенату [Пол. 3,15]. Положеніе, которое занимали Барки въ Карфагенѣ, во многихъ отношеніяхъ схоже съ положеніемъ принцевъ Оранскихъ по отношенію къ генеральнымъ штатамъ.

кой выборъ было оставлено за народнымъ собраніемъ. Было-ли это захватомъ власти или нѣтъ, во всякомъ случаѣ это ясно доказывало, что партія войны считала армию своимъ удѣльнымъ владѣніемъ и распоряжалась ею сообразно съ этимъ убѣжденіемъ.— Задача, за которую ваялся Амилькаръ, не казалась особенно трудной. Войны съ жившими въ близи отъ границы нумидійскими племенами никогда не прекращались; лишь незадолго до того времени былъ занятъ Карфагенянами внутри страны «сто-вратный городъ» Февестъ (Тибесса). Выпавшее на долю новаго главнокомандующаго продолженіе этихъ пограничныхъ войнъ не имѣло само по себѣ такого важнаго значенія, чтобъ карфагенское правительство стало возражать противъ рѣшенія, принятаго на этотъ счетъ народнымъ собраніемъ, а Римляне, быть-можетъ, еще не догадывались, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ привести это рѣшеніе.

Такимъ образомъ во главѣ арміи сталъ человекъ, доказавшій во время войнъ въ Сициліи и въ Либіи, что только онъ, а не кто-либо другой, могъ сдѣлаться спасителемъ своего отечества. Величественная борьба человека съ великими судьбы едва-ли когда-либо велась съ такимъ величіемъ, съ какимъ онъ ее велъ. Армія должна была спасти государство, но какова-же была эта армія? Карфагенское гражданское ополченіе недурно дралось подъ предводительствомъ Амилькара во время войны въ Либіи; но Амилькару было хорошо извѣстно, что можно иной разъ вывести на бой торговцевъ и фабрикантовъ города, доведеннаго до крайней опасности, а превратить ихъ въ солдатъ вовсе нелегко. Партія карфагенскихъ патриотовъ доставляла ему превосходныхъ офицеровъ, но эти офицеры, натурально, были почти исключительно представителями образованныхъ классовъ; гражданской милиціи у него вовсе не было, а было по большей мѣрѣ нѣсколько эскадроновъ либифиникійской конницы. Нужно было создать армию изъ набравшихся силою либійскихъ рекрутъ и изъ наемниковъ; такому полководцу, какъ Амилькаръ, эта задача была по силамъ, однако только при томъ условіи, что онъ будетъ въ состояніи акуратно и щедро уплачивать жалованье. Но во время войны въ Сициліи онъ узналъ по собственному опыту, что карфагенскіе государственные доходы тратятся въ самомъ Карфагенѣ на гораздо болѣе настоятельныя нужды, чѣмъ на содержаніе сражающейся съ непріателемъ арміи. Поэтому война должна была питать сама себя и нужно было сдѣлать въ большихъ размѣрахъ то-же самое, что уже было испробовано въ маломъ видѣ на Монте-Пеллегринно. Но и этого еще мало: Амилькаръ былъ не только полководцемъ, но также вождемъ политической партіи; онъ былъ вынужденъ искать въ гражданствѣ опоры противъ непримиримой правительственной партіи, которая съ жадностью и съ терпѣніемъ выжидала удобнаго случая, чтобъ его низвергнуть, а хотя вожаки

Военные
планы
Амилькара.

Армія.

Граждан-
ство.

этого гражданства были нравственно - чисты и благородны, за то народная масса была глубоко безнравственна и приучена пагубною системою подкуповъ ничего не дѣлать даромъ. Конечно и она минутами подчинялась требованіямъ необходимости или увлекалась энтузіазмомъ, какъ это случается повсюду даже въ средѣ самыхъ продажныхъ корпорацій; но чтобъ найти въ карагенской общинѣ надежную поддержку для своего плана, который могъ быть приведенъ въ исполненіе въ лучшемъ случаѣ лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Амилькару приходилось постоянно присылать своимъ карагенскимъ друзьямъ деньги, чтобъ доставить имъ возможность поддерживать среди черни хорошее расположеніе духа. Такимъ образомъ, Амилькаръ былъ вынужденъ вымаливать или покупать у равнодушной и продажной толпы позволеніе спасти ее; онъ былъ вынужденъ смягчать своимъ смиреніемъ и покорностью высокомеріе тѣхъ людей, отъ которыхъ зависѣло продолженіе его полномочій; онъ былъ вынужденъ скрывать и свои планы и свое презрѣніе отъ тѣхъ измѣнниковъ отечеству, которые назывались правителями его роднаго города; этотъ великій человекъ, находившій поддержку лишь въ немногихъ сочувствовавшихъ ему друзьяхъ, былъ вынужденъ бороться и съ вѣшними врагами и съ внутренними, расчитывая на нерѣшительность то тѣхъ, то другихъ, обманывая и тѣхъ и другихъ и дѣйствуя на перекоръ обоимъ только для того, чтобъ добыть средства, денегъ и солдатъ для борьбы съ такой страной, до которой было-бы трудно добраться даже, если-бы его армія была готова къ бою, и которую, повидимому, едва-ли можно было осилить. Онъ былъ еще молодъ; ему было съ небольшимъ тридцать лѣтъ; но когда онъ готовился къ выступленію въ походъ, онъ какъ-будто предчувствовалъ, что ему не суждено достигнуть цѣли его усилій и что онъ узритъ обѣтованную землю только издали. Передъ отъѣздомъ изъ Карагена, онъ заставилъ своего девяти-лѣтняго сына Аннибала поклониться передъ алтаремъ Всевышняго Бога въ вѣчной ненависти къ римскому имени и воспиталъ какъ Аннибала, такъ и своихъ младшихъ сыновей Аздрубала и Магона (котораго называлъ «львинымъ отродьемъ») въ походномъ лагерѣ, какъ наслѣдниковъ своихъ замысловъ, своего генія и своей ненависти.

Амилькаръ
отправляет-
ся въ Ис-
панію.

Назначенный въ Либію новый главнокомандующій выступилъ изъ Карагена (это было приблизительно весной 518 года), лишь 236 только окончилась война съ возмущившимися наемниками. Онъ, повидимому, замышлялъ экспедицію противъ жившихъ на западѣ свободныхъ Либійцевъ; его армія, которая была особенно сильна словами, двигалась вдоль морскаго берега, а неподалеку отъ нея плылъ флотъ подъ предводительствомъ вѣрнаго Амилькарова сотоварища Аздрубала. Внезапно разнеслась вѣсть, что онъ переѣхалъ за море подлѣ Геркулесовыхъ Столбовъ и, высадившись въ Испа-

ни, ведетъ тамъ войну съ несдѣлавшими ему ничего худаго туземцами, не получивъ на то разрѣшенія отъ своего правительства, — какъ жаловались карфагенскія власти. Эти власти по меньшей мѣрѣ не могли жаловаться на его нерадѣніе объ африканскихъ дѣлахъ: когда Нумидійцы снова возстали, его помощникъ Аздубаль нанесъ имъ такое пораженіе, что на границѣ было надолго восстановлено спокойствіе и многія изъ бывшихъ до того времени независимыми племенъ обязались уплачивать Карфагену дань. Мы не въ состояніи подробно прослѣдить то, что самъ онъ дѣлалъ въ Испаніи; но Старшій Катонъ, жившій при слѣдующемъ поколѣніи и видѣвшій еще свѣжіе слѣды дѣятельности Амилькара въ Испаніи, былъ, — не смотря на свою ненависть къ Пунаму, — вынужденъ воскликнуть, что ни одинъ царь не достоинъ того, чтобы его имя упоминалось наряду съ именемъ Амилькара Барки. По результатамъ еще можно себѣ составить общее понятіе о томъ, что было сдѣлано Амилькаромъ, какъ полководцемъ и какъ государственнымъ человѣкомъ въ теченіе послѣднихъ девяти лѣтъ его жизни (518—526), пока онъ не нашолъ смерть, въ цвѣтѣ лѣтъ, храбро сражаясь, подобно Шарнгорсту, въ открытомъ полѣ именно въ такую пору, когда его планы уже начинали созрѣвать; также по результатамъ мы можемъ составить себѣ понятіе о томъ, что было сдѣлано въ теченіе слѣдующихъ восьми лѣтъ (527—534) на слѣдникомъ званія и замысловъ Амилькара, мужемъ его дочери Аздубаломъ, который шолъ по проложенному пути по стопамъ своего наставника. вмѣсто небольшихъ складочныхъ мѣстъ для торговли, которыя составляли вмѣстѣ съ протекторатомъ надъ Гадесомъ все, что принадлежало до того времени Карфагену на испанскихъ берегахъ, военнымъ гениемъ Амилькара было основано въ Испаніи новое карфагенское царство, существованіе котораго было упрочено политической ловкостью Аздубала. Лучшія земли Испаніи — ея южные и восточные берега — сдѣлались финикійскими владѣніями; тамъ были основаны новые города, между которыми занималъ первое мѣсто построенный Аздубаломъ подлѣ единственной хорошей гавани южнаго берега, испанскій Карфагенъ (Картагена) съ великолѣпнымъ «царскимъ замкомъ»; земледѣіе стало процвѣтать и еще болѣе стало процвѣтать горное дѣло въ удачно найденной картагенской серебряной рудѣ, которая по прошествіи ста лѣтъ ежегодно давала болѣе 2½ миллионъ талеровъ (36 милл. сест.) дохода. Большая часть общинъ вплоть до береговъ Эбро находилась въ зависимости отъ Карфагена и платила ему дань; Аздубаль старался привязывать мѣстныхъ владѣтелей къ карфагенскимъ интересамъ всѣми средствами, даже брачными союзами. Такимъ путемъ былъ созданъ тамъ обширный рынокъ для карфагенской торговли и мануфактуръ, а доходы съ этой провинціи не только покрывали расходы на со-

Испанское царство Барнидовъ.

236—228

227—220

держаніе арміи, но еще доставляли излишекъ, который частію отсылался дѣмой, частію откладывался въ запасъ. Имѣсть съ тѣмъ провинція созидала и воспитывала армію. Въ принадлежавшихъ Картагену провинціяхъ производились постоянные наборы рекрутъ; военноплѣнные распредѣлялись по картагенскимъ корпусамъ; зависимыя общины доставляли вспомогательныя войска и столько наѣмниковъ, сколько требовалось. Въ теченіе долгой военной жизни солдатъ находилъ въ своемъ лагерѣ новое отечество, а въ замѣнъ патріотизма привязывался къ своему знамени и проникался горячей преданностію къ своему великому вождю; благодаря постояннымъ войнамъ съ храбрыми Иберійцами и Кельтами, удалось создать, въ придачу къ превосходной нумидійской конницѣ, и порядочную пѣхоту.—Изъ Картагена не дѣлали Бартамъ никакихъ помѣхъ.

Картагенское правитель-ство и Баркиды. Такъ какъ отъ гражданства не требовалось никакихъ постоянныхъ повинностей, а напротивъ того на его долю кое-что перепало и его торговля нашла въ Испаніи то, что утратила въ Сициліи и въ Сардиніи, то испанская война и испанская армія скоро приобрѣли большую популярность блестящими побѣдами и важными результатами; эта популярность была такъ велика, что въ минуту опасности, какъ на примѣръ послѣ смерти Амилкара, можно было добиться присылки въ Испанію африканскихъ войскъ въ значительномъ числѣ, а правительственная партія была вынуждена или молча на все соглашаться или довольствоваться тѣмъ, что осыпала офицеровъ—демагоговъ и чернь бранью въ частныхъ бесѣдахъ и ли въ перепискѣ съ своими римскими друзьями.—И въ Римѣ не предпринимали ничего серьезнаго, чтобъ дать дѣламъ въ Испаніи иной оборотъ. Первою и главною причиною бездѣйствія Римлянъ, безъ сомнѣнія, было ихъ незнакомство съ положеніемъ дѣлъ на отдаленномъ полуостровѣ, а это незнакомство, конечно, и послужило для Амилкара главной побудительной причиною для того, чтобъ выбрать Испанію, а не Африку театромъ для исполненія его замысловъ. Римскій сенатъ, конечно, не могъ полагаться ни на свѣдѣнія, которыя доставлялись картагенскими военачальниками римскимъ комиссарамъ, пріѣзжавшимъ въ Испанію изучать положеніе дѣлъ на самомъ мѣстѣ дѣйствія, ни на увѣренія, что все это дѣлается съ единственною цѣлю—скорѣе добыть средства для уплаты Римлянамъ военной контрибуціи; тѣмъ не менѣе въ Римѣ, по всему вѣроятію, угадывали лишь ближайшую цѣль Амилкаровыхъ замысловъ—найти въ Испаніи вознагражденіе за тѣ подати и торговныя выгоды, которыя когда-то доставлялись утраченными островами; но тамъ никакъ не могли вѣрять въ возможность наступательной войны со стороны Картагенянъ и въ особенности въ возможность вторженія изъ Испаніи въ Италію, какъ въ этомъ убѣждаютъ насъ и положительныя указанія и всѣ соображенія, основан-

Римское правитель-ство и Баркиды.

нимального ничего серьезнаго, чтобъ дать дѣламъ въ Испаніи иной оборотъ. Первою и главною причиною бездѣйствія Римлянъ, безъ сомнѣнія, было ихъ незнакомство съ положеніемъ дѣлъ на отдаленномъ полуостровѣ, а это незнакомство, конечно, и послужило для Амилкара главной побудительной причиною для того, чтобъ выбрать Испанію, а не Африку театромъ для исполненія его замысловъ. Римскій сенатъ, конечно, не могъ полагаться ни на свѣдѣнія, которыя доставлялись картагенскими военачальниками римскимъ комиссарамъ, пріѣзжавшимъ въ Испанію изучать положеніе дѣлъ на самомъ мѣстѣ дѣйствія, ни на увѣренія, что все это дѣлается съ единственною цѣлю—скорѣе добыть средства для уплаты Римлянамъ военной контрибуціи; тѣмъ не менѣе въ Римѣ, по всему вѣроятію, угадывали лишь ближайшую цѣль Амилкаровыхъ замысловъ—найти въ Испаніи вознагражденіе за тѣ подати и торговныя выгоды, которыя когда-то доставлялись утраченными островами; но тамъ никакъ не могли вѣрять въ возможность наступательной войны со стороны Картагенянъ и въ особенности въ возможность вторженія изъ Испаніи въ Италію, какъ въ этомъ убѣждаютъ насъ и положительныя указанія и всѣ соображенія, основан-

ныя на тогдашнемъ положеніи дѣлъ. Само собой разумѣется, что въ самомъ Картагенѣ, въ средѣ партіи мира, были люди, которые видѣли гораздо дальше; но какъ-бы они ни были прозорливы, у нихъ едва-ли могло рѣдиться желаніе извѣстить ихъ римскихъ друзей о собиравшейся грозѣ, которую картагенское правительство не было въ состояніи предотвратить; этимъ способомъ они не избѣжали-бы кризиса, а только ускорили-бы его; да если-бы они это и сдѣлали, то въ Римѣ, конечно, отнеслись-бы очень осмотрительно къ такому доносу со стороны приверженцевъ одной политической партіи. Впрочемъ, непостижимо-быстрое и прочное расширеніе картагенскаго владычества въ Испаніи неизбѣжно должно было пробудить вниманіе и заботливость Римлянъ и дѣйствительно Римляне старались положить ему предѣлъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ передъ началомъ новой войны. Около 528 года въ нихъ заговорили недавнія симпатіи къ эллинизму и они заключили союзъ съ обими находившимися на восточномъ берегу Испаніи греческими или полугреческими городами—Закинѣомъ или Сагунтомъ (Мурвиедро неподалеку отъ Валенціи) и Эмпоріями (Ампуриас); извѣщая объ этомъ картагенскаго главнокомандующаго Авдубала, они потребовали, чтобъ онъ не распространялъ своихъ завоеваній за Эбро, на что тотъ изъявилъ согласіе. Это было сдѣлано вовсе не для того, чтобъ воспрепятствовать вторженію сухимъ путемъ въ Италію (полководца, который задумалъ-бы такое предпріятіе, не могъ стѣснить никакой договоръ), а частію для того, чтобъ положить предѣлъ развитію матеріальнаго могущества испанскихъ Картагенянъ, которое уже становилось опаснымъ, частію для того, чтобъ подготовить въ принятыхъ подъ римское покровительство вольныхъ общинахъ между Эбро и Пиренеями надежную опору на случай, если-бы оказалось необходимымъ высадить въ Испаніи войска и предпринять тамъ войну. Въ случаѣ новой войны съ Картагеномъ, которая и по убѣжденію римскаго сената была неизбѣжна, едва-ли ожидали отъ испанскихъ событій какихъ-либо болѣе важныхъ неудобствъ, чѣмъ то, что пришлось-бы отправить въ Испанію нѣсколько легионовъ и что непріятель былъ-бы снабженъ деньгами и людьми обильнѣе, чѣмъ тогда, когда еще не владѣлъ Испаніей; къ тому-же въ Римѣ уже было рѣшено начать и окончить слѣдующую войну въ Африкѣ, какъ это доказываетъ планъ кампаніи 536 года и какъ иначе быть не могло; а вмѣстѣ съ судьбой Африки была-бы рѣшена и судьба Испаніи. Сверхъ того Римляне не торопились и по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ; война прекратила-бы уплату картагенской военной контрибуціи; а когда Амилькаръ кончилъ жизнь, и его друзья и его враги могли подумать, что вмѣстѣ съ нимъ умерли и его замыслы; наконецъ, когда сенатъ сталъ приходить къ убѣжденію, что было-бы неблагоприятно долго медлить возобновленіемъ

226

218

войны, онъ, понятно, пожелалъ предварительно покончить съ жившими въ долинѣ По Галлами, такъ какъ нетрудно было предвидѣть, что въ виду ожидавшаго ихъ совершеннаго истребленія, они воспользуются первой серьезной войной, какую предприметъ Римъ, станутъ снова приманивать въ Италію заальпійскія племена и возобновятъ все еще крайне опасныя кельтскія нашествія. Само собою разумѣется, что Римляне не могли стѣсняться ни своими сношеніями съ кароагенской партіей мира ни заключенными договорами и если-бы они хотѣли войны, они могли въ любую минуту найти для нея предлогъ въ распряхъ касательно Испаніи. Поэтому въ образѣ дѣйствія Римлянъ не было ничего непонятнаго; тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ римскій сенатъ дѣйствовалъ непредусмотрительно и вяло, а въ томъ, какъ онъ въ то-же время велъ галльскія дѣла, онъ впадалъ въ ошибки этого рода еще болѣе непростительнымъ образомъ. Политика Римлянъ повсюду отличалась скорѣе настойчивостью, лукавствомъ и послѣдовательностью, чѣмъ шириною взгляда и быстротою дѣйствія; въ этомъ отношеніи надъ Римомъ нерѣдко брали верхъ всѣ его враги, начиная съ Пирра и кончая Митридатомъ.

Аннибалъ.

И такъ, счастье приняло геніальный замыселъ Амилъкара подъ свой покровъ. Уже были добыты средства для войны — сильная, привыкшая сражаться и побѣждать армія и постоянно наполнявшаяся казна; но не доставало вождя, который умѣлъ-бы уловить самую удобную минуту для начала войны и дать военнымъ дѣйствіямъ надлежащее направленіе. Тотъ человѣкъ, чья голова и сердце проложили путь къ спасенію, когда положеніе было отчаянное и всякая надежда была утрачена народомъ, уже не былъ въ живыхъ въ ту пору, когда открылась возможность далѣе идти по этому пути. Мы не въ состояніи рѣшить, почему его преемникъ Авдрубалъ не продолжалъ наступательнаго движенія, — оттого-ли, что онъ считалъ еще ненаступившимъ самое благоприятное для войны время, или же оттого, что онъ былъ скорѣе государственнымъ человѣкомъ, чѣмъ полководцемъ и сознавалъ, что ему не по силамъ такое предпріятіе. Когда въ началѣ 534 года онъ палъ отъ руки убійцы, кароагенскіе офицеры испанской арміи избрали на его мѣсто старшаго изъ Амилъкаровыхъ сыновей, Аннибала. Это былъ человѣкъ еще молодой: онъ родился въ 505 году; стало-быть ему было въ ту пору двадцать восемь лѣтъ, но онъ уже многое пережилъ. Его раннія воспоминанія представляли ему отца сражающимся въ отдаленной странѣ и одерживающимъ побѣду при Эйркте; при немъ былъ заключенъ миръ съ Катудомъ, при немъ его непобѣжденный отецъ со скорбью возвратился на родину, при немъ совершались ужасы либійской войны. Еще будучи небольшимъ мальчикомъ, онъ послѣдовалъ за своимъ отцемъ въ военный лагерь

220

249

и тамъ скоро отличился. Благодаря гибкости и крѣпости своего тѣлосложенія, онъ отлично бѣгалъ въ запуски, былъ хорошимъ бойцомъ и отважнымъ наѣздникомъ; ему ничего не стоило обходиться безъ сна и онъ умѣлъ по-солдатски и пользоваться пищею и обходиться безъ нея. Не смотря на то, что онъ провелъ свою молодость въ лагеряхъ, онъ былъ такъ-же образованъ, какъ и всѣ знатные Финнкіяне того времени; какъ кажется, уже въ то время, когда онъ былъ главнокомандующимъ, онъ изучилъ греческій языкъ подъ руководствомъ своего повѣреннаго, спартанскаго уроженца Зовила такъ хорошо, что былъ въ состояніи составлять на этомъ языкѣ государственныя бумаги. Когда онъ подростъ, его приняли въ армію его отца, на глазахъ у котораго онъ впервые несъ военную службу и который палъ подлѣ него въ сраженіи. Потомъ онъ командовалъ конницей подъ начальствомъ мужа своей сестры Авдрубала и отличился какъ блестящею личною храбростію такъ и дарованіями военачальника. Теперь этотъ испытанный въ бояхъ юный генералъ былъ возведенъ по выбору своихъ товарищей въ званіе главнокомандующаго и получилъ возможность довершить то, для чего жили и умерли его отецъ и его зять. Онъ принялъ это наслѣдство и доказалъ, что былъ его достоинъ. Его современники пытались всячески очернить его характеръ: Римляне называли его жестокосердымъ, Кароагеняне — корыстолюбивымъ; правда, онъ ненавидѣлъ такъ, какъ умѣютъ ненавидѣть только восточные уроженцы, а такъ какъ у него никогда не было недостатка ни въ деньгахъ ни въ запасахъ продовольствія, то ему надо-же было гдѣ-нибудь ихъ добывать. Однако, несмотря на то, что его исторію писали злоба, зависть и подлость, онъ не были въ состояніи очернить его чистую и благородную личность. Отстаивая въ сторону какъ нелѣпыя выдумки, которыя осуждаютъ сами себя, такъ и то, что дѣлалось его именемъ по вѣнѣ подчиненныхъ ему начальниковъ, въ особенности Аннибала-Мономаха и Магона-Самнитянина, мы не находимъ въ разсказахъ о немъ ничего такого, чего нельзя-бы было оправдать его тогдашнимъ положеніемъ и тогдашними понятіями о международномъ правѣ; но всѣ эти разсказы сходятся между собою въ томъ, что едва-ли кто-нибудь другой умѣлъ, подобно ему, соединять обдуманность съ горячностью, предусмотрительность съ энергіей. Свообразной чертой его характера было то изобрѣтательное лукавство, которое составляло главную отличительную особенность Финнкіянь; для достиженія своихъ цѣлей онъ прибѣгалъ къ оригинальнымъ и неожиданнымъ средствамъ, къ разнымъ ловушкамъ и хитростямъ и изучалъ характеръ противниковъ съ безпримѣрнымъ тщаніемъ. Посредствомъ такого шпіонства, какому еще не было другаго примѣра, онъ получалъ свѣденія о замыслахъ непріятеля и даже въ Римѣ содержалъ постоянныхъ шпіоновъ; его самого нерѣдко выдали переодѣтымъ и съ фаль-

шивыми волосами, на головѣ, собирающимъ свѣдѣнія то о томъ, то о другомъ. Каждая страница исторіи его времени свидѣтельствуетъ не только о его стратегическихъ дарованіяхъ, но и о его дарованіяхъ политическихъ, которыя обнаружилась, послѣ заключенія мира съ Римомъ, въ предпринятой имъ реформѣ кареагенскихъ государственныхъ учреждений и въ безпримѣрномъ вліяніи, которымъ онъ пользовался въ кабинетахъ восточныхъ державъ, будучи чужеземнымъ скитальцемъ. Какъ онъ умѣлъ властвовать надъ людьми, видно изъ того, какъ была безпредѣльна его власть надъ его разноплеменными и разноязычными войсками, никогда не бунтовавшими противъ него даже въ самыя тяжелыя времена. Это былъ великій человекъ, и гдѣ онъ ни появлялся, на него были обращены всѣ взоры.

Разрывъ между Римомъ и Карфагеномъ. Лишь только Аннибалъ былъ назначенъ главнокомандующимъ (весной 534), онъ рѣшился начать войну. Такъ какъ умы были въ бро- 220
женіи среди Кельтовъ и война между Римомъ и Македоніей казалась неизбежной, то онъ имѣлъ достаточныя основанія для того, чтобы

взяться за дѣло немедленно и начать войну тамъ, гдѣ ему вздумается, прежде нежели Римляне начнутъ ее тамъ, гдѣ имъ удобнѣе и высадутся въ Африкѣ. Его войска скоро приготовились къ походу, а свою казну онъ наполнилъ, совершивъ нѣсколько опустошительныхъ набѣговъ въ большихъ размѣрахъ; но кареагенское правительство вовсе не желало посылать въ Римъ объявленіе войны. Оказалось, что замѣнить въ Кареагенѣ патріотическаго народнаго вождя Аздрубала было не такъ легко, какъ замѣнить въ Испаніи полководца Аздрубала; приверженцы мира взяли въ ту пору верхъ и стали преслѣдовать вождей военной партіи политическими процессами. Они когда-то урѣзывали и порицали предположенія Амивбара, а теперь нисколько не были расоложены дозволить командовавшему въ Испаніи ничѣмъ не прославившемуся молодому человеку увлекаться юношескимъ патріотизмомъ на счетъ государства; а Аннибалъ съ своей стороны не рѣшался начать войну явно наперекоръ законнымъ властямъ. Онъ попытался вызвать со стороны Сагунтинцевъ нарушеніе мира, но они ограничились тѣмъ, что обратились съ жалобой въ Римъ. Когда вслѣдъ за тѣмъ прибыли изъ Рима комиссары, онъ попытался своимъ рѣзкимъ обхожденіемъ вынудить отъ нихъ объявленіе войны; но комиссары поняли, въ чемъ дѣло: они смолчали въ Испаніи, но обратились съ протестами въ Кареагенъ, а домой сообщили извѣстіе, что Аннибалъ готовъ къ борьбѣ и что война неизбежна. Такъ проходило время; уже было получено извѣстіе о кончинѣ Антигона Довона, который внезапно умеръ почти въ одно время съ Аздрубаломъ; на территоріи италійскихъ Кельтовъ Римляне строили крѣпости съ удвоенной торопливостью и энергіей; вспыхнувшее въ Иллиріи возстаніе Римляне готовились быстро подавить слѣдующей весной. Каждый день былъ дорогъ и Аннибалъ рѣшился

дѣйствовать. Онъ послалъ въ Картагенъ извѣщеніе, что Сагунтинцы стали тѣснить картагенскихъ подданныхъ Торболетовъ, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ напасть на нихъ; затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, онъ началъ весной 535 года осаду находившагося въ союзѣ съ Римомъ города, то-есть войну съ Римлянами. О томъ, что думали и на что рѣшились въ Картагенѣ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по тому впечатлѣнію, какое произвела въ нѣкоторыхъ сферахъ капитуляція Іорка. Всѣ «влиятельные люди», — какъ тогда утверждали, — не одобряли нападенія, сдѣланнаго «безъ предписаній свыше»; шла рѣчь о выраженіи порицанія дерзкому главнокомандующему и даже о его выдачѣ Римлянамъ. Но оттого-ли, что картагенское правительство боялось арміи и черни еще болѣе, чѣмъ Римлянъ, оттого-ли, что оно сознавало невозможность загладить то, что уже было сдѣлано, или же просто оттого, что по свойственной ему нерѣшительности оно не было способно ни къ какимъ энергическимъ мѣрамъ, — было рѣшено ничего не дѣлать, то-есть не вести войны, но и не препятствовать ея продолженію. Сагунтъ защищался такъ, какъ умѣли защищаться только испанскіе города; если-бы Римляне проявили хоть небольшую долю такой-же энергіи, съ какою оборонялись принятыя подъ ихъ покровительство Сагунтинцы, и если бы въ продолженіе восьмимѣсячной осады Сагунта они не тратили бесполезно время на ничтожную борьбу съ иллирійскими пиратами, то при владычествѣ на морѣ и при обладаніи удобными мѣстами высадки набѣжали-бы упрека за обѣщанную, но не оказанную защиту и могли-бы дать войнѣ совершенно иной оборотъ. Но они медлили и городъ былъ наконецъ взятъ приступомъ. Такъ какъ Аннибалъ отослалъ военную добычу въ Картагенъ, то это воодушевило патриотизмомъ и воинственностью такихъ людей, въ которыхъ прежде не было замѣтно ничего подобнаго, а дѣлежъ добычи уничтожилъ возможность какого-бы то ни было примиренія съ Римомъ. Когда послѣ разрушенія Сагунта въ Картагенъ прибыло римское посольство съ требованіемъ выдачи главнокомандующаго и находившихся въ его лагерѣ герузіастовъ, а римскій ораторъ, перебивъ изложеніе оправданія и подобравъ свой плащъ, сказалъ, что держитъ въ немъ миръ или войну и что герузія должна сдѣлать выборъ, тогда у герузіастовъ достало мужества, чтобъ отвѣчать, что они предоставляютъ выборъ Римлянину; этотъ послѣдній предложилъ войну и его предложеніе было принято (весной 536).

218

Аннибалъ, потерявшій цѣлый годъ по причинѣ упорнаго сопро-Приготовленія Сагунтинцевъ, возвратился, по своему обыкновенію, на зиму въ вторженію въ Италию.
219/8 535/6 года въ Картагену частію для того, чтобъ приготовить все нужное для наступательной войны, частію для того, чтобъ принять нужныя мѣры для защиты Испаніи и Африки, — такъ какъ, подобно своему отцу и своему зятю, онъ былъ и тутъ и тамъ высшимъ

военнымъ начальникомъ и стало-быть долженъ былъ позаботиться о безопасности своего отечества. Его военныя силы состояли приблизительно изъ 120.000 человекъ пѣхоты, 16.000 всадниковъ, 58 слоновъ и 32 вооруженныхъ и 18 невооруженныхъ пятипалубныхъ судовъ, кромѣ тѣхъ слоновъ и кораблей, которые находились въ столицѣ. Въ этой кареагенской арміи вовсе не было наемниковъ, за исключеніемъ небольшого числа Лигуровъ, служившихъ въ легковооруженныхъ отрядахъ; войска состояли, за исключеніемъ нѣсколькихъ финикійскихъ эскадроновъ, изъ набранныхъ для военной службы кареагенскихъ подданныхъ, Либійцевъ и Испанцевъ. Чтобъ убѣдиться въ преданности этихъ послѣднихъ, хорошо изучившій человѣческую натуру главнокомандующій выказалъ имъ свое довѣріе тѣмъ, что далъ имъ отпускъ на всю зиму; несочувствовавшій узкимъ понятіямъ Финикинѣвъ о патріотизмѣ, Аннибалъ клятвенно обѣщалъ Либійцамъ кареагенское право гражданства, если они вернутся въ Африку побѣдителями. Впрочемъ эта масса войскъ была лишь частію предназначена для экспедиціи въ Италію. Около 20.000 человекъ были отосланы въ Африку; изъ нихъ меньшая часть осталась въ столицѣ и на собственно-финикійской территоріи, а большая часть была отправлена на западную оконечность Африки. Для защиты Испаніи было оставлено 12.000 человекъ пѣхоты, 2.500 человекъ конницы и почти половина слоновъ, кромѣ стоявшаго у тамошнихъ береговъ флота; главное командованіе этими военными силами и управленіе страной были возложены на младшаго Аннибалова брата, Аздрубала. Собственно кареагенская территорія была занята сравнительно-небольшимъ числомъ войскъ, такъ какъ на случай надобности столица сама имѣла достаточно средствъ; и въ Испаніи было пока достаточно небольшого отряда пѣхоты, такъ какъ тамъ не трудно было набирать новыхъ рекрутовъ; однако тамъ были оставлены сравнительно болѣе значительныя боевыя силы, состоявшія изъ африканской конницы и слоновъ. Главное вниманіе было обращено на то, чтобъ обезпечить сношенія между Испаніей и Африкой; съ этою цѣлію и былъ оставленъ въ Испаніи флотъ, а защита западной Африки была поручена очень сильному военному отряду. За вѣрность войскъ служило ручательствомъ, кромѣ собранныхъ въ хорошо укрѣпленномъ Сагунтѣ заложниковъ отъ испанскихъ общинъ, распредѣленіе солдатъ по такимъ пунктамъ, которые находились въ ихъ призывныхъ округовъ: восточно-африканское ополченіе было отправлено преимущественно въ Испанію, испанское — въ западную Африку, западно-африканское — въ Кареагенъ. Такимъ образомъ были приняты достаточныя мѣры для обороны. Что-же касается наступательной войны, то эскадра изъ 20 пятипалубныхъ судовъ съ 1.000 солдатъ должна была отплыть изъ Кареагена къ западнымъ берегамъ Италіи для того, чтобъ ихъ опустошать; другая эскадра изъ 25 парусныхъ

судовъ должна была попытаться снова завладѣть Лилибеомъ; Аннибалъ надѣялся, что карфагенское правительство не откажетъ ему въ столь умѣренномъ содѣйствіи. Самъ онъ рѣшился вторгнуться во главѣ главной арміи въ Италію, какъ это, безъ сомнѣнія, и входило въ первоначально задуманный Амилькаромъ планъ военныхъ дѣйствій. Рѣшительно напасть на Римъ можно было только въ Италиі, точно такъ же, какъ рѣшительно напасть на Карфагенъ можно было только въ Либіи; какъ Римъ, безъ сомнѣнія, началъ-бы слѣдующую кампанію нападеніемъ на Либію, такъ и Карфагенъ не долженъ былъ ограничиваться какими-нибудь второстепенными цѣлями военныхъ дѣйствій, какъ напримѣръ нападеніемъ на Сицилію или одной оборонительной войной; во всѣхъ этихъ случаяхъ пораженія были-бы одинаково губительны, но побѣда не принесла-бы одинакихъ плодовъ. — Но какимъ путемъ можно было напасть на Италію! Достигнуть полуострова можно было или водою или сухимъ путемъ; но если предполагалось предпринять не отчаянно-удалой набѣгъ, а военную экспедицію съ стратегическою цѣлію, то нужно было имѣть болѣе близкій операціонный базисъ, чѣмъ Испанія или Африка. Аннибалъ не могъ опираться ни на флотъ ни на какую-либо приморскую крѣпость, такъ какъ Римъ господствовалъ въ ту пору на моряхъ. Но и на территоріи, принадлежавшей италійской конфедераціи, едва-ли можно было найти твердую точку опоры. Если эта конфедерація устояла противъ ударовъ, нанесенныхъ ей Пирромъ, когда были совершенно иныя времена и когда въ ея средѣ существовали симпатіи къ Элинамъ, то не было никакого основанія ожидать, что она распадется при появленіи финикійскаго полководца; вторгнувшаяся въ Италію армія была-бы, безъ сомнѣнія, раздавлена между сѣтью римскихъ крѣпостей и крѣпко-сплоченною конфедераціей. Только страна Лигуровъ и Кельтовъ могла сдѣлаться для Аннибала тѣмъ-же, чѣмъ была для Наполеона Польша во время его походовъ на Россію, очень похожихъ на походъ Аннибала; эти племена еще были сильно взволнованы только-что окончившеюся войной за свою независимость; они не состояли въ племенномъ родствѣ съ Италійцами и опасались за свое существованіе, такъ какъ именно въ ту пору Римляне начали окружать ихъ цѣлью своихъ крѣпостей и шоссированныхъ дорогъ; поэтому, на финикійскую армію, заключающую въ своихъ рядахъ не мало испанскихъ Кельтовъ, они должны были смотрѣть, какъ на свою избавительницу и должны были служить для нея опорой, доставляя ей продовольствіе и рекрутъ. Уже были заключены формальные договоры съ Бойями и съ Инсубрами, которые обязались выслать на встрѣчу карфагенской арміи проводниковъ, приготовить для нея у своихъ соплеменниковъ хорошій пріомъ, снабжать ее во время похода продовольствіемъ и востать противъ Римлянъ, лишь только карфагенская армія вступитъ на италійскую территорію. На

230

этотъ-же край указывали и сношенія съ востокомъ. Македонія, снова утвердившая свое владычество въ Пелопоннесѣ благодаря побѣдѣ при Селлазии, находилась не въ ладахъ съ Римомъ; Димитрій Фаросскій, промѣнявшій союзъ съ Римлянами на союзъ съ Македонянами и изгнанный Римлянами изъ своихъ владѣній, жилъ изгнанникомъ при македонскомъ дворѣ, который отказалъ Римлянамъ въ требованіи выдать его. Если существовала возможность гдѣ либо соединить противъ общаго врага арміи, выступившія отъ береговъ Гвадалквивира и отъ береговъ Карасу, то это могло случиться только на берегахъ По. Такимъ образомъ все указывало Аннибалу на сѣверную Италію; а что туда-же были обращены взоры его отпа, видно изъ того факта, что Римляне къ своему крайнему удивленію встрѣтили въ 524 году въ Лигуріи карфагенскій разбѣздъ.—Менѣе понятно, почему Аннибалъ предпочелъ сухой путь морскому, такъ какъ и само по себѣ очевидно и было доказано послѣдующими событіями, что ни морское могущество Римлянъ, ни ихъ союзъ съ Массалией не были непреодолимымъ препятствіемъ для высадки арміи въ Генуѣ. Въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ не мало такихъ пробѣловъ, которыя не позволяютъ намъ удовлетворительно разрѣшить этотъ вопросъ и которыя нельзя восполнить догадками. Аннибалу приходилось выбирать одно изъ двухъ золъ. вмѣсто того, чтобъ подвергать себя случайностямъ морскаго переезда и морской войны, съ которыми онъ былъ мало знакомъ и которыя было трудно заранее предвидѣть, онъ находилъ болѣе благоразумнымъ положиться на безспорно-искреннія обѣщанія Бойевъ и Инсубровъ, тѣмъ болѣе потому, что и для высадившейся въ Генуѣ арміи предстоялъ переходъ черезъ горы; онъ, конечно, не могъ знать, насколько переходъ черезъ Апеннины подлѣ Генуи менѣе труденъ, чѣмъ переходъ черезъ главную цѣпь Альповъ. Вѣдь та дорога, по которой онъ шолъ, изстари служила путемъ для Кельтовъ и по ней проходили черезъ Альпы гораздо болѣе многочисленныя массы людей; стало быть союзникъ и избавитель Кельтовъ могъ итти по ней, не совершая

Выступление опрометчивости.—Съ наступленіемъ благопріятнаго времени года Аннибала въ Аннибалъ собралъ въ Картагенѣ войска, которыя должны были походить. войти въ составъ главной арміи; въ нихъ было 90.000 человекъ пѣхоты и 12.000 человекъ конницы, изъ которыхъ приблизительно двѣ трети были Африканцы и одна треть Испанцы; 37 слоновъ онъ взялъ съ собою, какъ кажется, не столько для серьезныхъ военныхъ цѣлей, сколько для того, чтобъ внушать страхъ Галламъ. Аннибалова пѣхота, — не такъ какъ пѣхота, предводимая Ксантипомъ, — не имѣла надобности прятаться за линіей слоновъ, а ея вождь былъ достаточно осмотрителенъ для того, чтобъ только изрѣдка и осторожно употреблять въ дѣло это обоюдоострое оружіе, бывшее причиной пораженія собственной арміи такъ-же часто какъ

и причиной пораженія непріятели. Съ этой арміей Аннибалъ двинулся весной 536 года изъ Картагены къ берегамъ Эбро. Онъ сообщилъ своимъ солдатамъ о принятыхъ имъ мѣрахъ, въ особенности о завязавшихся сношеніяхъ съ Кельтами, равно какъ о средствахъ и о цѣли экспедиціи, такъ что даже простые рядовые, въ которыхъ продолжительная война развила военные инстинкты, чужды меткой умъ и твердую руку вождя, за которымъ шли съ полнымъ довѣріемъ въ неизвѣстную даль; а пламенная рѣчь, — въ которой онъ описалъ имъ положеніе отечества и требованія Римлянъ, неизбежное порабощеніе дорогій родины, и постыдное намѣреніе выдать любимаго вождя и его штабъ, — расшевелила во всѣхъ сердцахъ чувства солдата и гражданина.

218

Римское государство находилось въ такомъ положеніи, въ которое не трудно попасть даже при прочномъ владычествѣ предусмотрительной аристократіи. Эта аристократія хорошо знала, что ей было нужно, и даже многое дѣлала, но ничего не дѣлала какъ слѣдуетъ и во-время. Уже давно можно-бы было завладѣть альпійскими воротами и покончить съ Кельтами; но Кельты все еще были страшны, а тѣ ворота все еще были отворены. Съ Карфагеномъ можно-бы было жить въ дружбѣ, если-бы честно соблюдали мирный договоръ 513 года; если-же этого не желали, то уже давно было-бы можно покорить Карфагенъ; тотъ мирный договоръ былъ фактически разорванъ захватомъ Сардиніи, а могуществу Карфагена все-таки не препятствовало возрождаться въ теченіе двадцати лѣтъ. Сохранить миръ съ Македоніей было-бы нетрудно; но ея дружба была принесена въ жертву изъ-за ничтожной прибыли. Очевидно недоставало такого государственнаго мужа, который былъ-бы способенъ направить всѣ дѣла управленія къ одной общей цѣли; во всемъ, что дѣлалось, не было надлежащей мѣры; или дѣлалось слишкомъ много или дѣлалось слишкомъ мало. Теперь начиналась война, для которой и время и мѣсто были предоставлены выбору непріятели; планы военныхъ силъ, никто не зналъ, какаѧ будетъ цѣль военныхъ дѣйствій и какъ придется ихъ вести. Римское правительство имѣло въ своемъ распоряженіи полъ-милліона хорошихъ солдатъ, — только римская конница была и менѣе хороша и сравнительно менѣе многочисленна, нежели карфагенская, такъ какъ первая составляла приблизительно одну десятую часть выступившихъ въ походъ войскъ, а вторая одну восьмую. Противъ римскаго флота изъ 220 пятипалубныхъ судовъ, только что возвратившагося изъ Адриатическаго моря въ западныя воды, ни одно изъ затронутыхъ этою войною государствъ не могло выставить съ нимъ равнаго. Само собою было ясно, какое можно было сдѣлать натуральное и правильное употребленіе изъ этого подавляющаго превосходства военныхъ силъ. Уже давно было

Положеніе
Рима.

241

Шатніе
планы воен-
ныхъ дѣй-
ствій.

219

зрѣло убѣжденіе, что войну слѣдуетъ начинать высадкой въ Африкѣ; позднѣйшія событія заставили Римлянъ включить въ планъ военныхъ дѣйствій одновременную высадку въ Испаніи главнымъ образомъ для того, чтобъ не встрѣтиться подъ стѣнами Карфагена съ испанской арміей. Согласно съ этимъ планомъ, лишь только война фактически началась нападеніемъ Аннибала въ началѣ 535 года на Сагунтъ,—слѣдовало отправить войска въ Испанію, прежде чѣмъ этотъ городъ палъ; но то, чего требовали какъ интересы государства такъ и его честь, не было сдѣлано во-время. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ Сагунтъ безплодно оборонялся; даже когда онъ сдался, Римъ еще неготовился къ высадкѣ войскъ въ Испанію. Однако страна между Эбро и Пиренеями еще была свободна; ея жители не только были единственными союзниками Римлянъ, но, подобно Сагунтинцамъ, также получали отъ римскихъ эмиссаровъ обѣщанія скорой помощи. На переѣздъ въ Каталонію изъ Италіи моремъ требовалось немного болѣе времени, чѣмъ на переходъ туда изъ Карфагена сухимъ путемъ; поэтому, еслибы вслѣдъ за состоявшимся тѣмъ временемъ формальнымъ объявленіемъ войны, Римляне двинулись съ мѣста, подобно Финиціянамъ, въ апрѣлѣ, то Аннибалъ могъ-бы встрѣтиться съ римскими легионами на линіи Эбро.—Впрочемъ уже въ ту пору большая часть арміи и флота была готова для экспедиціи въ Африку, а второму консулу Публию Корнелію Сципиону было приказано отправиться на берега Эбро; но онъ не торопился, а когда на берегахъ По вспыхнуло возстаніе, онъ двинулъ туда армію, уже готовую къ посадкѣ на суда, и сталъ организовать для

Аннибалъ

на берегахъ

Эбро.

испанской экспедиціи новые легионы. Поэтому, хотя Аннибалъ и встрѣтилъ на Эбро самое упорное сопротивленіе, но только со стороны туземнаго населенія, а такъ какъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ время было для него болѣе дорого, чѣмъ кровь его солдатъ, то онъ преодолѣлъ эти препятствія въ нѣсколько мѣсяцевъ, пожертвовавъ четвертою частію своей арміи, и достигъ линіи Пиренеевъ. Что проволоочки Римлянъ вторично оставлять беззащитными ихъ испанскихъ союзниковъ, было такъ-же легко предвидѣть, какъ было легко избѣжать этихъ проволокъ, а своевременное появленіе Римлянъ въ Испаніи, по всему вѣроятію, предотвратило-бы походъ въ Италію, котораго въ Римѣ не ожидали даже весной 536 года. Аннибалъ вовсе не имѣлъ намѣренія отказываться отъ своего испанскаго «царства» для того, чтобъ устремиться съ отчаяннымъ удаливствомъ на Италію; и продолжительное время, которое онъ потратилъ на завладѣніе Сагунтомъ и на покореніе Каталоніи, и значительный отрядъ, оставленный имъ для занятія вновь прибрѣтенной территоріи между Эбро и Пиренеями, вполне убѣдительно доказываютъ, что если-бы римская армія стала оспаривать у него обладаніе Испаніей, то онъ не удовольствовался-бы возможностью ускользнуть отъ

218

нея; а всего важнѣе то соображеніе, что если-бы Римляне замедлили его выступленіе изъ Испаніи только нѣсколькими недѣлями, то зима заперла-бы для него альпійскіе проходы, а африканская экспедиція могла-бы безпрепятственно направиться къ своей цѣли.

Достигши Пиренеевъ, Аннибалъ отправилъ часть своей арміи на родину; это была заранѣе обдуманная мѣра, которая должна была доказать солдатамъ увѣренность вождя въ успѣхъ и должна была разсѣять опасеніе, что его экспедиція принадлежитъ къ числу тѣхъ, изъ которыхъ не возвращаются домой. Съ арміей изъ старыхъ опытныхъ солдатъ, состоявшей изъ 50.000 пѣхотинцевъ и 9000 всадниковъ, Аннибалъ перешолъ безъ затрудненій черезъ горы и затѣмъ двинулся вдоль морскаго берега на Нарбонну и Нимъ по территоріи Кельтовъ, черезъ которую ему прокладывали путь частію раньше заведенныя дружескія сношенія, частію кареагенское золото, частію оружіе. Только въ концѣ іюля, когда его армія достигла Роны насупротивъ Авиньона, ее, по видимому, ожидало болѣе серьезное сопротивленіе. Консулъ Сципіонъ, который на своемъ пути въ Испанію прибылъ (около конца іюня) въ Мас-въ Массалию, узналъ тамъ, что онъ опоздалъ и что Аннибалъ уже перешолъ не только черезъ Эбро, но и черезъ Пиренеи. Это извѣстіе, какъ кажется, впервые раскрыло Римлянамъ глаза на счетъ направленія въ Испанію и рѣшился встрѣтить Финикіянь на берегахъ Роны, воспрепятствовать ихъ переходу черезъ эту рѣку и недопускать ихъ до вторженія въ Италію; при этомъ онъ рассчитывалъ на содѣйствіе со стороны мѣстнаго кельтскаго населенія, которое находилось подъ вліяніемъ Массалиотовъ, а черезъ посредство этихъ послѣднихъ и подъ вліяніемъ Рима. Къ счастью для Аннибала, насупротивъ того мѣста, въ которомъ онъ предполагалъ переправиться черезъ рѣку, стояло только кельтское ополченіе, между тѣмъ какъ самъ консулъ стоялъ съ своей арміей изъ 22.000 человекъ пѣхоты и 2.000 всадниковъ въ Массалии,—то есть внизъ по теченію рѣки на разстояніи четырехдневнаго перехода. Гонцы отъ галльскаго ополченія были торопливо отправлены къ нему съ извѣстіями о положеніи дѣлъ. Аннибалу было необходимо переправить его армію вмѣстѣ съ многочисленной конницей и слонами черезъ стремительно-быструю рѣку на глазахъ у непріятели и прежде чѣмъ подойдетъ Сципіонъ,—а у него не было даже ни одного челнока. Онъ приказалъ немедленно скупить въ окрестностяхъ у многочисленныхъ ронскихъ лодочниковъ ихъ барки за какую-бы то ни было цѣну, а недостающее число судовъ пополнить вновь сколоченными изъ повалившихся деревьевъ; такимъ способомъ были добыты средства для переправы его многочисленной арміи въ теченіе одного дня. Въ то время, какъ дѣлались эти приготовленія, сильный отрядъ подъ начальствомъ

Аннибалъ
въ Галліи.

Сципіонъ
въ Мас-въ Массалии.

Переходъ
черезъ Рону.

Бомилькарова сына, Аннона, направлялся усиленнымъ маршемъ вверхъ по рѣкѣ къ другой переправѣ, которая отстояла отъ Авиньона на два короткихъ дневныхъ перехода, и которая оказалась незащищенной. Переправившись черезъ рѣку на сколоченныхъ на скорую руку плотахъ, онъ повернулъ внизъ по теченію рѣки съ цѣлію напасть въ тылъ на Галловъ, препятствовавшихъ переправѣ главной арміи. Утромъ пятого дня послѣ прибытія къ берегамъ Роны и третьяго дня послѣ отправки Аннона, стали видны на противоположномъ берегу дымовые сигналы посланнаго въ обходъ отряда; ихъ-то съ нетерпѣніемъ ожидалъ Аннибалъ, чтобъ приступить къ переправѣ. Въ ту минуту, какъ Галлы замѣтили, что непріятельская флотилія тронулась съ мѣста, и поспѣшили занять берегъ, позади ихъ внезапно вспыхнулъ яркимъ огнемъ ихъ лагерь; они въ смятеніи раздѣлили свои силы и, не будучи въ состояніи ни отразить нападенія ни воспрепятствовать переправѣ, обратились въ торопливое бѣгство. — Тѣмъ временемъ Сципіонъ созывалъ въ Массалии военный совѣтъ на засѣданія, на которыхъ обсуждался вопросъ о надлежащемъ способѣ занятія переправы черезъ Рону; даже въ виду настоятельныхъ извѣщеній, которыя онъ получалъ отъ кельтскихъ вождей, онъ не двинулся съ мѣста. Онъ не вѣрилъ имъ и ограничился тѣмъ, что отправилъ слабый отрядъ римской конницы для развѣдокъ на лѣвомъ берегу Роны. Этотъ отрядъ засталъ всю непріятельскую армію уже на лѣвомъ берегу рѣки въ то время, какъ она занималась переправой оставшихся на правомъ берегу слоновъ; исполняя возложенную на него рекогносцировку, онъ вступилъ въ окрестностяхъ Авиньона въ горячій бой съ карфагенскими эскадронами (это было первое сраженіе между Римлянами и Финиціянами въ этой войнѣ) и за тѣмъ торопливо возвратился домой, чтобъ сообщить въ главную квартиру добытыя свѣдѣнія. Тогда Сципіонъ опрометью устремился со всѣми своими войсками въ Авиньонъ; когда онъ туда прибылъ, уже прошло три дня съ тѣхъ поръ, какъ оттуда вышла карфагенская конница, остававшаяся тамъ для прикрытія переправы слоновъ, и консулу не оставалось ничего другаго, какъ безславно возвратиться съ измученными войсками въ Массалию и надѣваться надъ «малодушнымъ бѣгствомъ» Пуновъ. Такимъ образомъ Римляне въ третій разъ и просто по небреженію оставили своихъ союзниковъ безъ помощи и неудержали въ своихъ рукахъ важной оборонительной линіи, а сдѣлавши эту первую ошибку, перешли отъ неблагоприятной мѣшкотности къ неблагоприятной торопливости и предприняли безъ всякой надежды на успѣхъ то, что могли предпринять нѣсколькими днями ранѣе съ полной увѣренностью на успѣхъ; дѣйствуя такимъ образомъ, они только пропустили случай исправить сдѣланную ошибку. Съ той минуты, какъ Аннибалъ находился на территоріи Кельтовъ по сю сторону Роны,

его уже нельзя было оставить на дорогѣ къ Альпамъ; однако, если-бы при первомъ о томъ извѣстїи Сципїонъ вернулся со всей своей арміей въ Италію — черезъ Геную онъ могъ-бы достигнуть береговъ По въ семь дней — и присоединилъ-бы къ своимъ войскамъ стоявшіе въ долинѣ По слабые отряды, то по меньшей мѣрѣ тамъ онъ могъ-бы приготовить врагу опасное сопротивленіе. Но онъ потерялъ дорогое время своимъ походомъ на Авиньонъ; сверхъ того, этому нелишнему дарованій человѣку не доставало или политическаго мужества или военной прозорливости для того, чтобъ измѣнить назначеніе своей арміи сообразно съ обстоятельствами; онъ отправилъ большую часть этой арміи подъ начальствомъ своего брата Гнея въ Испанію, а самъ возвратился съ небольшимъ отрядомъ въ Пизу.

Послѣ переправы черезъ Рону, Аннибалъ собралъ свои войска, объяснилъ имъ цѣль своей экспедиціи и заставилъ прибывшаго къ нему изъ долины По кельтскаго вождя Магила лично обратиться къ арміи съ рѣчью при помощи переводчика; за тѣмъ онъ безпрепятственно продолжалъ наступательное движеніе въ направленіи къ альпійскимъ проходамъ. При выборѣ того или другаго изъ этихъ проходовъ онъ былъ принужденъ принимать въ соображеніе не короткость пути и не настроеніе мѣстныхъ жителей, хотя ему и некогда было тратить время ни на обходы, ни на боевыя схватки. Онъ долженъ былъ идти той дорогой, которая была самой удобной для его багажа, для его многочисленной конницы и для его слоновъ и на которой его армія могла-бы добывать достаточныя средства продовольствія или по добровольному соглашенію или силой, — потому что, хотя Аннибалъ и принялъ всѣ мѣры для того, чтобъ везти вслѣдъ за собою жизненные припасы на вьючныхъ животныхъ, но для его арміи, доходившей и послѣ понесенныхъ ею потерь до 50,000 человѣкъ, этихъ припасовъ могло доставать только на нѣсколько дней. Кромѣ прибрежной дороги, по которой Аннибалъ непошолъ не потому, что ее загоразивали Римляне, а потому, что она заставила-бы его отклониться въ сторону отъ его цѣли, въ древнія времена *) вели изъ Галліи въ Италію только два извѣстныхъ альпійскихъ прохода: проходъ черезъ Коттійскіе Альпы (*Mont Genèvre*) въ страну Тауринцевъ (черезъ Сузу или черезъ Февестреллу въ Туринъ) и проходъ черезъ Грайскіе Альпы (Малый Сенъ-Бернаръ) въ страну Салассовъ (на Аосту и Иврею). Первая изъ этихъ дорогъ самая короткая, но отъ того пункта, гдѣ она покин-

**Переходъ
Аннибала
черезъ
Альпы.**

*) Путь черезъ Монъ-Сени сдѣлался военной дорогой лишь въ средніе вѣка. Здѣсь, конечно, не могло быть и рѣчи о восточныхъ проходахъ, какъ напримѣръ, о проходахъ черезъ Пеннинскіе Альпы и черезъ большой Серъ-Бернаръ; они были превращены въ военныя дороги только при Цезарѣ и при Августѣ.

даетъ долину Роны, она идетъ по непроходимымъ и бесплоднымъ долинамъ рѣкъ Драка, Романши и верхней Дюрансы черезъ неприступную и бѣдную гористую страну и требуетъ семи или восьми-дневнаго перехода черезъ горы; военную дорогу тамъ впервые провель Помпей съ цѣлю установить кратчайшее сообщеніе между галльскими провинціями, находившимися по ту и по сю сторону Альповъ. — Дорога черезъ малый Сень-Бернаръ нѣсколько длиннѣе; но послѣ того, какъ она перешла черезъ первую альпійскую возвышенность, которая защищаетъ долину Роны съ восточной стороны, она идетъ по долинѣ верхней Изеры, которая тянется отъ Гренобля черезъ Шамбери вплоть до подножія малаго Сень-Бернара, то-есть до самой высокой цѣпи Альповъ, и превосходитъ всѣ другія альпійскія долины шириной, плодородіемъ и густотою населенія. Сверхъ того дорога черезъ малый Сень-Бернаръ, если и не самая низкая изъ всѣхъ природныхъ альпійскихъ проходовъ, но самая удобная; хотя тамъ и не продолжено никакого искусственнаго пути, однако тамъ перешолъ въ 1815 году черезъ Альпы австрійскій корпусъ съ артиллеріей. Наконецъ, эта дорога, ведущая только черезъ два горныхъ хребта, была съ древнѣйшихъ временъ путемъ, по которому проходили арміи между страной Кельтовъ и страной Италийцевъ. Поэтому, карфагенской арміи неприходилось затрудняться выборомъ; для Аннибала былъ благопріятною случайностью, а не побудительною причиною тотъ фактъ, что находившіяся съ нимъ въ союзѣ кельтскія племена жили въ Италиі вплоть до малаго Сень-Бернара, между тѣмъ какъ дорога черезъ Монъ-Женевръ привела-бы его въ страну Тауриновъ, которые были изстари во враждѣ съ Инсубрами. — И такъ карфагенская армія двинулась сначала вверхъ противъ теченія Роны въ направленіи къ долинѣ верхней Изеры — не ближайшимъ путемъ вверхъ по лѣвому берегу нижней Изеры изъ Валенсіи на Гренобль, какъ можно-бы было предполагать, а черезъ «островъ» Аллоброговъ по богатой и уже въ ту пору густо-заселенной низменности, которую окаймляютъ съ сѣвера и съ запада Рона, съ юга Изера, съ востока Альпы. И этотъ путь былъ избранъ потому, что ближайшая дорога шла черезъ непроходимый и бѣдный гористый край, между тѣмъ какъ вышеупомянутый «островъ» ровенъ и чрезвычайно плодороденъ, а отъ долины верхней Изеры его отдѣляетъ только одинъ горный кряжъ. Путь вдоль теченія Роны, по «острову» и поперегъ его вплоть до подножія альпійской преграды былъ пройденъ въ шестнадцать дней; онъ не представлялъ большихъ трудностей, а на самомъ «островѣ» Аннибалъ искусно воспользовался ссорой, вспыхнувшей между двумя вождями Аллоброговъ и оказалъ самому вліятельному изъ нихъ такую услугу, что тотъ не только доставилъ Карфагенянамъ конвой, сопровождавшій ихъ при переходѣ черезъ равнину, но также пополнилъ ихъ запасы продовольствія, а солдатъ снабдилъ оружіемъ, одеждой

и обувью. Однако при переходѣ черезъ первую цѣпь Альповъ, которая возвышается крутой стѣной и черезъ которую можно пройти только по одной тропинкѣ (черезъ *Mont du Chat* подлѣ деревни Шевеля), экспедицію едва не постигло крушеніе. Аллоброги сильно укрѣпились въ тѣснинѣ. Аннибалъ узналъ объ этомъ достаточно рано для того, чтобъ избѣжать нечаяннаго нападенія; простоявъ у подошвы горы до той минуты, когда солнце закатилось, а Кельты разбрелись по домамъ сосѣдняго города, онъ ночью завладѣлъ переваломъ. Такимъ образомъ онъ достигъ горной вершины; но на чрезвычайно крутомъ спускѣ, который ведетъ съ вершины къ озеру Бурже, мулы и лошади скользили и падали. Кельты выбрали самыя удобныя мѣста для того, чтобъ тревожить армию своими нападеніями, которыя были опасны не столько сами по себѣ, сколько потому, что производили суматоху; а когда Аннибалъ устремлялся съ своими легкими войсками внизъ на Аллоброговъ, онъ безъ большаго труда прогонялъ ихъ подъ-гору и наносилъ имъ большой уронъ, но шумъ сраженія еще усиливалъ суматоху, въ особенности въ обозѣ. Достигши съ значительными потерями равнины, Аннибалъ немедленно напалъ на первый встрѣтившійся городъ съ цѣлюю наказать и запугать варваровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности пополнить свои потери вьючными животными и лошадьми. Послѣ однодневнаго отдыха въ прекрасной долинѣ Шамбери, армія продолжала свой путь вверхъ по Изерѣ, не будучи задержана въ этой просторной и плодородной мѣстности ни недостаткомъ припасовъ ни непріятельскими нападеніями. Только когда армія вступила на четвертый день на территорию Цевтроновъ (теперешнихъ *Tarentaise*), гдѣ долина мало-по-малу суживается, снова пришлось подвигаться впередъ съ предосторожностями. Цевтроны встрѣтили армию на границѣ своихъ владѣній (неподалеку отъ *Solfan*) съ зелеными вѣтками и съ вѣтками въ рукахъ; они снабдили ее скотомъ для убоя и проводниками и представили ей заложниковъ, такъ что она проходила по ихъ территоріи какъ по дружественной странѣ. Но когда войска достигли самой подошвы Альповъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога поворачиваетъ въ сторону отъ Изеры и, извиваясь по узкому трудно-проходимому ущелью вдоль ручья Рекла, подымается до вершины Севъ-Бернара, ополченіе Цевтроновъ внезапно появилось частію въ тылу арміи, частію на окаймляющихъ проходъ съ права и съ лѣва высокихъ горныхъ окраинахъ, въ надеждѣ завладѣть обозомъ и поклажей. Однако Аннибалъ былъ такъ прозорливъ, что усмотрѣлъ въ предупредительности Цевтроновъ лишь желаніе предохранить ихъ владѣнія отъ опустошенія и намѣреніе завладѣть богатой добычей; поэтому, въ ожиданіи нападенія, онъ отправилъ впередъ обозъ и конницу, а самъ прикрывалъ движеніе во главѣ всей своей пѣхоты; этимъ способомъ онъ разрушилъ замыслы непріятеля, но не могъ помѣшать ему идти

вслѣдъ за пѣхотой и бросать или скатывать на нее камни, отъ которыхъ погибло не мало людей. У «бѣлаго камня» (до сихъ поръ извѣстнаго подъ названіемъ *la roche blanche*), — высокаго меловаго утеса, который одиноко возвышается у подошвы Свѣт-Бернара и господствуетъ надъ ведущею черезъ эту гору дорогою, Аннибалъ сталъ лагеремъ съ своей пѣхотой съ цѣлю прикрывать конницу и вьючныхъ животныхъ, съ трудомъ взбравшихся на гору въ теченіе всей ночи; на слѣдующій день онъ, наконецъ, достигъ вершины перевала, постоянно выдерживая кровопролитныя схватки съ непріятелемъ. Тамъ, на безопасной нагорной равнинѣ, облегающей на протяженіи почти 2½ миль небольшое озеро, изъ котораго вытекаетъ Дорія, онъ далъ отдыхъ своей арміи. Солдаты уже стали впадать въ уныніе. Препятствія, которыя встрѣчались на пути, становились все болѣе и болѣе трудными; запасы продовольствія приходили къ концу; при проходахъ черезъ тѣсныя приходилось отражать непрерывныя нападенія врага, который былъ недосыгаемъ; ряды арміи сильно порѣдѣли; положеніе солдатъ отсталыхъ и раненыхъ было безнадежное; цѣль экспедиціи казалась химерической всѣмъ, кромѣ вождя и его приближенныхъ, — всё это начинало дѣйствовать на умы даже африканскихъ и испанскихъ ветерановъ. Но вождь все-таки не терялъ увѣренности въ успѣхъ своего предпріятія; многочисленные отсталые солдаты стали снова присоединяться къ арміи; до дружественно-расположенныхъ Галловъ было уже недалеко; армія уже достигла водоската и ея взорамъ уже представилась ведущая внизъ тропа, столь пріятная для глазъ всякаго, кто перебирается черезъ горы; послѣ непродолжительнаго отдыха, всѣ стали съ свѣжей бодростью готовиться къ послѣдному и самому трудному предпріятію — къ спуску съ горъ. При этомъ арміи не причиняли большаго безпокойства непріятельскія нападенія; но позднее время года — уже наступилъ сентябрь — замѣнило при спускѣ съ горъ тѣ невзгоды, которыя приходилось выносить во время подъема на горы отъ мѣстнаго населенія. На крутомъ и скользкомъ спускѣ вдоль теченія Доріи дорога была занесена и испорчена вновь выпавшимъ снѣгомъ; и люди и животныя сбивались съ пути, скользили и падали въ пропасти; въ концѣ перваго дня арміи пришлось переходить черезъ такое мѣсто (длиною шаговъ въ 200), на которое безпрестанно скатывались лавины съ круто-вдымающихся вершинъ утесистаго Крамонта и на которомъ, въ случаѣ холоднаго лѣта, снѣгъ лежитъ въ теченіе всего года. Пѣхота прошла, но лошади и слоны не были въ состояніи переходить черезъ скользкія ледяныя глыбы, прикрытыя лишь тонкимъ слоемъ только что выпавшаго снѣга; тогда Аннибалъ расположился, вмѣстѣ съ обозомъ, съ конницей и съ слонами, лагеремъ выше этого трудно-переходимаго мѣста. На слѣдующій день всадники съ энергіей принялись за саперную работу, чтобъ проложить путь для лошадей и вьючныхъ животныхъ; но

только послѣ трехъ-дневнаго труда, во время котораго усталые люди постоянно замѣнялись свѣжими работниками, наконецъ удалось перевести полу-живыхъ отъ голода слоновъ. Такимъ образомъ, послѣ четырехъ-дневной остановки, вся армія снова соединилась и около половины сентября достигла Иврейской долины послѣ трехъ-дневнаго перехода черезъ постоянно расширяющуюся долину Доріи, жители которой—кlientы Инсубровъ, Салассы,—приняли Карвагенянъ какъ союзниковъ и освободителей; тамъ измученныя войска были размѣщены по деревнямъ и благодаря обильному продовольствію и двухъ-недѣльному отдыху оправились отъ вынесенныхъ ими безпримѣрныхъ лишеній. Если-бы Римляне сдѣлали то, что было имъ по силамъ,—если-бы они поставили гдѣ-нибудь неподалеку отъ Турина корпусъ изъ 30,000 неизмученныхъ и готовыхъ къ бою солдатъ и если-бы они немедленно принудили непріятеля принять сраженіе, то великій замыселъ Аннибала едва-ли имѣлъ-бы успѣхъ; къ счастью для него, Римлянъ снова не было тамъ, гдѣ имъ слѣдовало быть и они ничѣмъ не нарушили столь необходимаго для непріятельской арміи отдыха *)).

*) Возбуждавшіе столько споровъ топографическіе вопросы, которые связаны съ этою знаменитою экспедиціею, могутъ считаться оправданными и въ сущности разрѣшенными благодаря мастерскимъ изслѣдованіямъ Уикгама и Крамера. Касательно хронологическихъ вопросовъ, также представляющихъ нѣкоторыя затрудненія, мы позволимъ себѣ высказать здѣсь нѣсколько замѣчаній.—Когда Аннибалъ достигъ вершины Сенъ-Бернара, то „верхушки горъ уже начали покрываться густымъ слоемъ снѣга“ [Полиб. 3, 54]; на дорогѣ лежалъ снѣгъ [Полиб. 3, 55], но это, быть можетъ, большею частію былъ не только-что выпавшій снѣгъ, а снѣгъ отъ упавшихъ сверху лавинъ. На Сенъ-Бернарѣ зима начинается около Михайлова дня, а снѣгъ идетъ съ сентября; когда выше-названные Англичане переходили черезъ эти горы въ концѣ августа, они почти вовсе не нашли снѣга на дорогѣ, но горныя склоны съ обѣихъ сторонъ были имъ покрыты. Поэтому слѣдуетъ полагать, что Аннибалъ достигъ перевала въ началѣ сентября; съ этимъ согласно и то мнѣніе, что онъ прибылъ туда, „когда зима уже приближалась“,—такъ какъ слова *συνάπτειν τήν τῆς πλειόδος ἔβσιν* [Полиб. 3, 54] значать не болѣе этого и менѣе всего могутъ быть отнесены къ дню ранняго захожденія Плеядъ [приблизительно 26 октября]; сравн. Иделера *С h g o l.* 1, 241.—Если Аннибалъ достигъ Италіи девятью днями позже, то-есть въ половинѣ сентября, то и въ этомъ случаѣ было достаточно времени для событій, совершившихся отъ этого времени до происходившей въ концѣ декабря битвы при Требиі [*περί χειμερινῶς τροπῆς*, Полиб. 3, 72], а именно для перевозки изъ Либлия въ Пладенцію той арміи, которая была предназначена для экспедиціи въ Африку. Съ этимъ согласуется и тотъ фактъ, что на собраніи войскъ *ὀπὸ τήν ἐαρινήν ὄραν* [Полиб. 3, 34], стало-быть въ концѣ марта, былъ объявленъ день выступленія въ походъ и что походъ продолжался пять мѣсяцевъ [или шесть, по словамъ Аппіана, 7, 4]. Поэтому, если Аннибалъ былъ на Сенъ-Бернарѣ въ началѣ сентября, то онъ долженъ

Цѣль была достигнута, но цѣною тяжелыхъ жертвъ. При пере-Результ
ходѣ черезъ Пиренеи карфагенская армія состояла изъ 50,000 пѣхотинцевъ и служившихъ въ конницѣ 9000 старыхъ солдатъ; изъ нихъ болѣе половины погибли въ бояхъ, во время похода и при переправѣ черезъ рѣки; по свидѣтельству самого Аннибала, у него оставалось не болѣе 20,000 пѣхотинцевъ, изъ которыхъ три пятыхъ были Либійцы и двѣ пятыхъ Испанцы, и 6000 частию безконныхъ кавалеристовъ; сравнительно-небольшія потери, понесенныя конницей, свидѣтельствуютъ какъ о превосходствѣ нумидійской кавалеріи, такъ и о вѣрно-расчитанной бережливости, съ которою вождь употреблялъ въ дѣло эти отборныя войска. Въ итогѣ оказалось, что походъ на протяженіи 526 миль или почти въ 33 дневныхъ перехода средней величины былъ совершонъ съ начала до конца безъ какихъ-либо особыхъ непредвидимыхъ серьезныхъ препятствій, что его можно было совершить только благодаря такимъ счастливымъ случаямъ и такимъ ошибкамъ непріятеля, на которыя нельзя было рассчитывать и что тѣмъ не менѣе онъ стоилъ громадныхъ жертвъ, а армію до такой степени измучилъ и деморализировалъ, что она могла снова сдѣлаться годной для войны только послѣ продолжительнаго отдыха; такая военная операція имѣетъ сомнительное достоинство и едва-ли самъ Аннибалъ считалъ ее удавшеюся. Однако это еще не даетъ намъ права безусловно порицать полководца; мы, конечно, замѣчаемъ погрѣшности въ задуманномъ имъ планѣ военныхъ дѣйствій, но мы не въ состояніи рѣшить, могъ-ли онъ предвидѣть ихъ (такъ какъ его путь лежалъ черезъ невѣдомыя варварскія страны) и былъ-ли менѣе рискованъ какой-нибудь другой планъ похода, какъ напримѣръ если-бы Аннибалъ повелъ свою армію берегомъ моря или если-бы онъ отплылъ съ нею изъ Картагена или изъ Карфагена. Во всякомъ случаѣ достойно удивленія осмотрительное и мастерское выполнение плана въ его подробностяхъ, а всего важнѣе то, что великій замыселъ Амилкара возобновить борьбу съ Римомъ въ Италиі былъ теперь осуществленъ на дѣлѣ, — все равно была-ли достигнута эта цѣль благодаря удачѣ или благодаря искусству вождя. Этотъ походъ былъ задуманъ гениемъ Амилкара, и какъ задача Штейна и Шарнгорста была труднѣе и выше задачи Юрка и Блюхера, такъ и вѣрный истинникъ историческихъ воспоминаній всегда относился къ послѣднему звену въ длинной цѣпи подготовительныхъ военныхъ дѣйствій, къ переходу черезъ Альпы, съ болѣшимъ удивленіемъ, чѣмъ къ битвамъ при Трапменскомъ озерѣ и при Каннахъ.

былъ достигнуть береговъ Роны въ началѣ августа, такъ какъ онъ употребилъ 30 дней на переходъ отъ береговъ Роны до Сенъ-Бернара; отсюда видно, что Сципионъ, отплывшій въ началѣ лѣта [Поллб. 3, 41], стало-быть не позднѣе начала іюня, очень замѣшался въ пути или-же долгое время оставался въ Масалин въ странномъ бездѣйствіи.

ГЛАВА V.

Аннибаловская война до битвы при Каннахъ.

Появление карфагенской армии по эту сторону Альповъ разомъ **Аннибалъ и** измѣнило положеніе дѣлъ и разрушило римскій планъ войны. Изъ **италійскіе** двухъ главныхъ римскихъ армій одна высадилась въ Испанію, уже **Кельты.** вступила тамъ въ борьбу съ врагомъ и возвращать ее оттуда уже не было возможности; другая, предназначенная для экспедиціи въ Африку подъ начальствомъ консула Тиберія Семпронія, къ счастью еще находилась въ Сициліи; на этотъ разъ мѣшкотность Римлянъ послужила имъ въ пользу. Изъ двухъ карфагенскихъ эскадръ, которыя должны были отплыть къ берегамъ Италіи и Сициліи, одна была разсѣяна бурей и нѣкоторыя изъ ея судовъ были захвачены подлѣ Мессаны Сиракузянами; другая тщетно пыталась завладѣть въ распахъ Лилибеомъ и потомъ была разбита въ морскомъ сраженіи передъ входомъ въ эту гавань. Однако присутствіе непріятельскихъ эскадръ у береговъ Италіи было такъ неудобно для Римлянъ, что консулъ рѣшился, до переѣзда въ Африку, занять мелкіе острова вокругъ Сициліи и прогнать дѣйствовавшій противъ Италіи карфагенскій флотъ. Онъ провелъ все лѣто въ томъ, что осаждалъ Мелиту, разыскивалъ непріятельскую эскадру, — которую онъ надѣялся найти подлѣ Липарскихъ острововъ, между тѣмъ какъ она сдѣлала высадку подлѣ Вибо (Монтелеоне) и опустошала бретійское побережье, — и наконецъ собиралъ свѣдѣнія о самомъ удобномъ мѣстѣ высадки на африканскомъ берегу; поэтому и римская армія и римскій флотъ еще находились въ Лилибей, когда тамъ было получено отъ сената приказаніе какъ можно скорѣе возвращаться для защиты отечества. — Каждая изъ двухъ большихъ римскихъ армій равнялась числомъ съ арміей Аннибала, но обѣ онѣ находились далеко отъ долины По, гдѣ вовсе не ожидали непріятельскаго нападѣнія. Впрочемъ тамъ находились римскія войска вслѣдствіе возстанія, вспыхнувшаго среди Кельтовъ еще до прибытія карфагенской арміи. Основаніе двухъ римскихъ укрѣпленныхъ замковъ—

Плаценци и Кремоны, въ каждомъ изъ которыхъ было поселено по 6000 колонистовъ, и въ особенности приготовленія къ основанію на территоріи Бойевъ Мутины побудили Бойевъ возстать еще весной 536 года, ранѣе условленнаго съ Аннибаломъ времени; а въ этомъ возстаніи немедленно приняли участіе и Инсубры. Колонисты, поселившіеся на территоріи Мутины, подверглись неожиданному нападению и укрылись въ самомъ городѣ. Командовавшій въ Арминіи преторъ Луцій Манлій торопливо выступилъ съ своимъ единственнымъ легиономъ на выручку со всѣхъ сторонъ окруженныхъ колонистовъ; но послѣ того, какъ онъ былъ застигнутъ въ расплохъ при переходѣ черезъ лѣсъ и понесъ большія потери, ему не оставалось ничего другаго, какъ укрѣпиться на одномъ возвышеніи, которое Бойи осаждали до прибытія втораго легиона, присланнаго изъ Рима подъ начальствомъ претора Луція Атилія; этотъ преторъ выручилъ осажденную армію и городъ и на минуту подавилъ возстаніе Галловъ. Это преждевременное возстаніе Бойевъ много способствовало осуществленію замысловъ Аннибала тѣмъ, что задержало отъѣздъ Сципіона въ Испанію, но съ другой стороны оно было причиной того, что онъ не нашолъ долину По совершенно незащитой римскими войсками вплоть до крѣпостей. Впрочемъ римскій корпусъ, состоявшій изъ двухъ сильно пострадавшихъ легионовъ, въ которыхъ не насчитывалось 20.000 солдатъ, долженъ былъ сосредоточить всѣ свои усилія на томъ, чтобъ удерживать Кельтовъ въ покорности, и не могъ помышлять о занятіи альпійскихъ проходовъ; что со стороны этихъ проходовъ грозилъ опасность, въ Римѣ узнали только въ августѣ, когда консулъ Публий Сципіонъ возвратился изъ Массалинъ въ Италію безъ своей арміи, да и тогда, вѣроятно, не обратили на это серьезнаго вниманія въ предположеніи, что безразсудно-смѣлое предпріятіе должно сокрушиться о преграду Альповъ. Поэтому, въ рѣшительную минуту и на рѣшительномъ пунктѣ не было даже римскихъ форпостовъ, а Аннибалъ имѣлъ достаточно времени, чтобъ дать отдыхъ своимъ войскамъ, взять послѣ трехдневной осады приступомъ главный городъ Тауриновъ, который заперъ передъ нимъ свои ворота, и частію убѣжденіями, частію угрозами склонить всѣ находившіяся въ долинѣ верхняго По лигурійскія и кельтскія общины къ вступленію съ нимъ въ союзъ, прежде нежели успѣлъ загородить ему дорогу Сципіонъ, принявшій главное командованіе на берегахъ По. На долю Сципіона выпала трудная задача удерживать наступленіе болѣе сильной непріятельской арміи и подавлять повсюду вспыхивавшія возстанія Кельтовъ, имѣя въ своемъ распоряженіи армію, которая была менѣе многочисленна, чѣмъ Аннибаловская и въ которой была особенно слаба конница; онъ перешолъ черезъ По, по всему вѣроятію, подлѣ Плаценци и двинулся вверхъ по рѣкѣ на встрѣчу къ

Сципіонъ
въ долинѣ
По.

неприятелю, между тѣмъ какъ Аннибалъ, послѣ взятія Турина, шолъ внизъ по рѣкѣ съ цѣлю высвободить Инсубровъ и Бойевъ. Римская конница, вышедшая на усиленную рекогносцировку вмѣстѣ съ отрядомъ легкой пѣхоты, встрѣтилась съ высланною для такой-же цѣли финикійскою конницею неподалеку отъ Верчелли на равнинѣ между Тичино и Сазіей; эти оба отряда находились подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующихъ. Сципионъ принялъ предложенное ему сраженіе не смотря на превосходство неприятельскихъ силъ; но его легкая пѣхота, поставленная передъ фронтомъ всадниковъ, не устояла противъ натиска неприятельской тяжелой кавалеріи, а въ то время, какъ эта послѣдняя нападала на массы римскихъ всадниковъ, легкая нумидійская кавалерія оттѣснила въ сторону разстроенные ряды неприятельской пѣхоты и напала на римскую конницу съ фланговъ и съ тылу. Это нападеніе рѣшило исходъ сраженія. Потери Римлянъ были очень значительны; самъ консулъ, загладившій въ качествѣ солдата то, чего ему не доставало, какъ главнокомандующему, былъ опасно раненъ и спасся лишь благодаря преданности своего шестнадцати-лѣтняго сына, который, смѣло устремившись на неприятеля, увлекъ вмѣстѣ за собой свой эскадронъ и выручилъ отца. Сципионъ, узнавшій по этому сраженію о силахъ неприятеля, понялъ, какую онъ сдѣлалъ ошибку, занявши съ болѣе слабой арміей позицію на равнинѣ тыломъ къ рѣкѣ и рѣшился возвратиться въ виду неприятеля на правый берегъ По. Когда ему пришлось вести военныя дѣйствія на болѣе узкомъ пространствѣ и когда разсѣялись его иллюзіи касательно невозможности побѣдить Римъ, къ нему снова вернулись его значительныя военныя дарованія, на минуту парализованныя смѣлымъ до безразсудства планомъ его юнаго противника. Въ то время, какъ Аннибалъ готовился къ битвѣ въ открытомъ полѣ, Сципионъ быстро задумалъ и успѣшно привелъ въ исполненіе свой планъ переправы на несвоевременно покинутый правый берегъ рѣки и разрушилъ позади своей арміи мостъ черезъ По, причежь, натурально, былъ отрѣзанъ отъ главной арміи и захваченъ въ плѣнъ тотъ римскій отрядъ изъ 600 человекъ, которому было поручено прикрывать разрушеніе моста. Но такъ какъ верхнее теченіе рѣки находилось во власти Аннибала, то Римляне не могли помѣшать ему подняться вверхъ по теченію, переправиться черезъ рѣку по плашкотному мосту и черезъ нѣсколько дней появиться на правомъ берегу рѣки насупротивъ римской арміи. Эта послѣдняя заняла позицію на равнинѣ передъ Плаценціей; но мятежь находившагося въ римскомъ лагерѣ кельтскаго отряда и вновь разгоравшееся кругомъ возстаніе Галловъ заставили консула очистить равнину и занять позицію на возвышенностяхъ по ту сторону Требии; онъ сдѣлалъ это безъ большихъ потерь, благодаря тому, что пустившаяся вслѣдъ за нимъ нумидій-

Сраженіе
на Тичино.

Двѣ арміи
передъ
Плаценціей.

ская конница стала грабить и жечь покинутый имъ лагерь и вслѣдствіе того замѣшкалась. Въ этой сильной позиціи, опираясь лѣвымъ крыломъ на Апеннины, правымъ на По и на крѣпость Плаценцію и будучи спереди прикрытъ уже не мелководной въ то время года Требией, консулъ все-таки не могъ спасти богатые склады Кластидія (Casteggio), отъ которыхъ его отрѣзывала непріятельская армія, и не могъ предотвратить возстаніе почти всѣхъ галльскихъ округовъ, за исключеніемъ расположенныхъ къ Римлянамъ Кономановъ. Но онъ совершенно лишилъ Аннибала возможности продолжать его наступательное движеніе, такъ что карфагенская армія была принуждена раскинуть свой лагерь насупротивъ римскаго; также благодаря тому, что Сципіонъ занялъ эту позицію и что Кономаны стали грозить нападеніемъ на владѣнія Инсубровъ, главная масса галльскихъ инсургентовъ не могла немедленно присоединиться къ непріятелю, а вторая римская армія, прибывшая тѣмъ временемъ изъ Лилибея въ Ариминъ, могла пройти по возставшей странѣ безъ серьезныхъ препятствій, достигнуть Плаценціи и соединиться съ арміей, стоявшей на берегахъ По. Такимъ образомъ Сципіонъ исполнилъ свою трудную задачу вполнѣ и съ блестящимъ успѣхомъ. Тогда римская армія уже насчитывала до 40.000 человекъ и если не могла равняться съ непріятельскою своею конницею, то, по меньшей мѣрѣ, могла равняться съ нею своею пѣхотою; ей нужно было только держаться на своей позиціи для того, чтобъ принудить непріятеля выбирать одно изъ двухъ—или попытаться въ зимнюю пору перейти черезъ рѣку и напасть на римскій лагерь, или прекратить наступленіе и испробовать непостоянство Галловъ на утомительныхъ зимнихъ квартирахъ. Все это было очевидно, но тѣмъ не менѣе уже наступилъ декабрь, и если-бы Римляне держались такого плана войны, то побѣду могъ одержать Римъ, а не замѣнившій раненаго Сципіона въ командованіи арміей консулъ Тиберій Семпроній, которому истекалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ срокъ пребыванія въ должности. Аннибалъ хорошо зналъ этого человека и поспѣшилъ вызвать его на бой; онъ сталъ безжалостно опустошать тѣ селенія Кельтовъ, которыя оставались вѣрными Риму, а когда изъ-за этого завязалось кавалерійское дѣло, не помѣшалъ своимъ противникамъ хвалиться побѣдой. Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ, въ холодную дождливую погоду, дѣло дошло до большаго сраженія неожиданнымъ образомъ для Римлянъ. Съ ранняго утра римскія легкія войска перестрѣливались съ легкой непріятельскою конницею; когда эта послѣдняя стала медленно отступать, Римляне, желая воспользоваться своимъ успѣхомъ, пустились вслѣдъ за ней черезъ сильно-поднявшіяся воды Требии. Карфагенская конница внезапно остановилась; римскій авангардъ очутился на полѣ сраженія, избранномъ самимъ Аннибаломъ, лицомъ къ лицу съ его выстроившеюся въ боевомъ порядкѣ

Битва при
Требин.

арміей; этотъ отрядъ не могъ избѣжать гибели, если-бы главная римская армія не успѣшила перейти вслѣдъ за нимъ черезъ рѣчку. Голодные, усталые и промокшіе до костей Римляне пришли на поле сраженія и торопливо выстроились—конница, по обыкновенію, на флангахъ, а пѣхота въ серединѣ. Легкія войска, находившіяся съ обѣихъ сторонъ въ авангардѣ, завязали бой; но римскій авангардъ уже издержалъ, сражаясь съ непріятельской конницей, почти всѣ свои метательные снаряды и тотчасъ сталъ подаваться назадъ; стала подаваться назадъ и стоявшая на флангахъ конница, которую спереди сбснили слоны, а съ лѣва и съ права обскакивали гораздо болѣе многочисленные кареагенскіе всадники. Но римская пѣхота оправдала свою репутацію; въ началѣ сраженія она имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ непріятельской пѣхотой, и даже послѣ того какъ отбѣснившіе римскихъ всадниковъ непріятельская кавалерія и легко-вооруженный отрядъ обратили свои нападенія на римскую пѣхоту, ее нельзя было сбить съ позиціи, хотя сама она и не могла дѣйствовать наступательно. Въ эту минуту отборный кареагенскій отрядъ изъ 1000 человекъ пѣхоты и столькихъ-же всадниковъ выступилъ въ тылу римской арміи изъ своей засады подъ предводительствомъ младшаго Аннибалова брата, Магона, и врубился въ густо-скупенныя массы. Это нападеніе раздробило и разсыяло какъ войска, стоявшія на флангахъ римской арміи, такъ и послѣдніе отряды, стоявшіе въ центрѣ римской позиціи. Первый римскій строй, состоявшій изъ 10.000 человекъ, плотно сомкнулся, прорвался сквозь кареагенскую линію и продолжилъ себѣ сквозь непріятельскіе ряды выходъ,—что очень дорого обошлось непріятельской пѣхотѣ и въ особенности галльскимъ инсургентамъ; непріятель слабо преслѣдовалъ эти храбрыя войска и они успѣли достигнуть Плаценціи. Остальная армія была большею частію истреблена слонами и легкими непріятельскими войсками въ то время, какъ пыталась перейти черезъ рѣчку; только часть конницы и нѣкоторые отряды пѣхоты успѣли перейти черезъ рѣчку въ бродъ; Кареагеняне ихъ тамъ не преслѣдовали и они также добрались до Плаценціи *).

*) Разсказъ Полибія о битвѣ при Требіи совершенно ясенъ. Если Плаценція стояла на правомъ берегу Требіи у ея впаденія въ По и если сраженіе происходило на лѣвомъ берегу, между тѣмъ какъ римскій лагерь былъ раскинутъ на правомъ [хотя и то и другое вызывало опроверженія, но тѣмъ не менѣе и то и другое неоспоримо], то чтобы попасть и въ Плаценцію и въ лагерь римскимъ солдатамъ приходилось переходить черезъ Требію. Но при переходѣ въ лагерь имъ приходилось прокладывать себѣ путь сквозь разрозненныя части собственной арміи и сквозь непріятельскій обходный отрядъ и за тѣмъ переходить черезъ рѣчку, не прекращая рукопашныхъ схватокъ съ непріателемъ. Напротивъ того, переходъ черезъ рѣчку подлѣ Плаценціи совершился послѣ того, какъ преслѣдованіе прекратилось; тогда отрядъ находился въ нѣсколькихъ ми-

вать сражений, которыя дѣлали-бы болѣе чести римскимъ солдатамъ, чѣмъ битва при Требѣи, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ навлекали-бы болѣе тяжелыя обвиненія на того, кто командовалъ этими солдатами; впрочемъ добросовѣстный критикъ не оставитъ безъ вниманія того обстоятельства, что кончавшееся въ назначенный заранѣе день, главное командованіе арміей не принадлежало къ числу военныхъ учреждений и что терновникъ не даетъ смоквы. И побѣдителямъ дорого стоила побѣда. Хотя понесенныя въ битвѣ потери пали преимущественно на долю кельтскихъ инсургентовъ, но отъ болѣзней, развившихся вслѣдствіе холодной и дождливой погоды, вслѣдствіи погибло множество старыхъ Аннибаловыхъ солдатъ и карфагенская

Сѣверная Италия во власти Аннибала. армія лишилась всѣхъ своихъ слоновъ. — Послѣдствіемъ этой первой побѣды, одержанной вторгнувшеюся въ Италію арміей, было то, что національное возстаніе безпрепятственно распространилось по всей кельтской странѣ и организовалось. Остатки римской арміи укрылись въ крѣпостяхъ Плаценціи и Кремонѣ; такъ какъ они были совершенно отрѣзаны отъ родины, то были принуждены добывать себѣ продовольствіе водою вдоль по рѣкѣ. Консулъ Тиберій Семпроній только какимъ-то чудомъ избѣжалъ плѣна, когда отправился съ слабымъ отрядомъ конницы въ Римъ на выборы. Аннибалъ не хотѣлъ предпринимать новаго похода въ суровое время года, чтобъ не рисковать здоровьемъ своихъ солдатъ; онъ расположился на зимнихъ бивакахъ тамъ, гдѣ стоялъ, а такъ какъ серьезная попытка овладѣть большими крѣпостями не привела бы ни къ чему, то онъ ограничился тѣмъ, что тревожилъ непріятеля нападеніями на рѣчную пристань Плаценціи и на другія менѣе значительныя римскія позиціи. Онъ занялся главнымъ образомъ организаціей галльскаго возстанія; Кельты, какъ утверждаютъ, доставили ему болѣе 60,000 пѣхотныхъ солдатъ и 4000 всадниковъ.

ляхъ отъ поля сраженія и вблизи отъ римской крѣпости; даже возможно, — хотя этого и нельзя положительно доказать, — что тамъ находился мостъ черезъ Требію и что главное мостовое укрѣпленіе на другомъ берегу рѣки было занято гарнизономъ Плаценціи. Очевидно, что первая переправа была столько-же трудна, сколько вторая была легка; поэтому Полибій, какъ человекъ хорошо знакомый съ военнымъ дѣломъ, имѣлъ полное основаніе замѣтить о десяти тысячномъ отрядѣ только то, что онъ прорвался сомкнутыми рядами до Плаценціи [3, 74, 6], но Полибій не сказалъ ни слова о переходѣ черезъ рѣку, который не представлялъ тамъ никакихъ препятствій. — Въ послѣднее время много разъ была указана непоследовательность въ разсказѣ Ливія, который переноситъ финикійскій лагерь на правый берегъ Требіи, а римскій лагерь на лѣвый берегъ. Ко всему сказанному можно присовокупить только то, что надписями вполне подтверждается предположеніе, что Кластидій находился подлѣ теперешняго *Caste ggio* [Orelli—Heuzen 5117].

Для кампаніи 537 года въ Римѣ не было сдѣлано никакихъ усиленныхъ приготовленій; не смотря на проигранное сраженіе, сенатъ не усматривалъ въ положеніи дѣлъ серьезной опасности, и это мнѣніе не было лишено основанія. Кромѣ гарнизоновъ, отправленныхъ въ приморскіе города Сардиніи и Сициліи и въ Тарентъ, и кромѣ подкрѣпленій, посланныхъ въ Испанію, двумъ новымъ консуламъ Гайю Фламинію и Гнею Сервилію было доставлено только то число солдатъ, какое было необходимо для доведенія четырехъ легионовъ до ихъ полнаго комплекта; только составъ конницы былъ увеличенъ. Консулы должны были прикрывать сѣверную границу и поэтому заняли позиціи на двухъ искусственныхъ дорогахъ, которыя вели изъ Рима на сѣверъ и изъ которыхъ западная оканчивалась въ ту пору подлѣ Арреція, а восточная подлѣ Армина; на первой сталъ Гай Фламиній, на второй Гней Сервилій. Туда стянули они, — вѣроятно воднымъ путемъ, — войска, стоявшія въ крѣпостяхъ на По и стали ожидать болѣе благоприятнаго времени года для того, чтобъ, дѣйствуя оборонительно, занять проходы Апеннинъ, а потомъ перейти въ наступленіе, спуститься въ долину По и соединиться гдѣ-нибудь неподалеку отъ Плаценціи. Но Аннибалъ вовсе не имѣлъ намѣренія защищать долину По. Онъ зналъ Римъ, быть можетъ, еще лучше, чѣмъ его знали сами Римляне, и ему было хорошо извѣстно, что онъ былъ слабѣ своихъ противниковъ и не сдѣлался сильнѣе ихъ даже послѣ блестящей побѣды при Требіи; онъ также зналъ, что при непоколебимой стойкости Римлянъ, онъ можетъ достигнуть своей конечной цѣли — униженія Рима не страхомъ и не нечаяннымъ нападениемъ, а только дѣйствительнымъ одоленіемъ гордаго города. Онъ ясно созрѣвалъ, что получая изъ своего отечества лишь ненадежныя и нерегулярно — доставляемыя подкрѣпленія и покуда находясь въ Италіи никакой иной опоры, кромѣ шаткой и причудливой кельтской націи, онъ былъ слабѣ италійской конфедераціи, которая отличалась политической крѣпостью и располагала болѣе значительными средствами для войны; а до какой степени, — не смотря на всѣ потраченныя усилія, — финикійскій пѣхотинецъ былъ въ тактическомъ отношеніи ниже легионнаго солдата, вполне ясно было доказано оборонительною войною, которую велъ Сципионъ на берегахъ По, и блестящимъ отступленіемъ разбитой при Требіи пѣхоты. Изъ этихъ соображеній истекали обѣ основныя идеи, которыми опредѣлился весь образъ дѣйствій Аннибала въ Италіи, — вести войну до нѣкоторой степени на удачу, постоянно пережывая и планъ и театръ военныхъ операцій, но ожидать ея окончанія не отъ военныхъ успѣховъ, а отъ политическихъ, то-есть отъ постепеннаго ослабленія и окончательнаго разложенія италійской конфедераціи. Такой способъ веденія войны былъ необходимъ, потому что единственное, чѣмъ Аннибалъ могъ уравновѣсить всѣ невыгоды своего

217
Военное и политическое положение Аннибала.

Переходъ
Аннибала
черезъ
Апеннины.

положенія—его военный гений могъ доставить ему перевѣсъ только въ томъ случаѣ, если-бы онъ своими неожиданными комбинаціями постоянно сбивалъ съ толку своихъ противниковъ, а если-бы война затянулась на одномъ мѣстѣ, его ожидала гибель. Эту цѣль указывало ему здоровое пониманіе его положенія, такъ какъ этотъ великій выигрыватель сраженій ясно видѣлъ, что онъ каждый разъ побѣждалъ не Римъ, а римскихъ полководцевъ и что послѣ каждаго новаго сраженія Римляне были по прежнему настолько же сильнѣе Каррагенянъ, насколько онъ самъ былъ выше римскихъ полководцевъ. Что самъ Аннибалъ никогда не обманывался на этотъ счетъ даже когда стоялъ на вершинѣ счастья, — достойно удивленія еще болѣе, чѣмъ самыя удивительныя его побѣды. — По этой причинѣ, — а вовсе не потому, что Галлы просили его пощадить ихъ страну и что онъ уважилъ ихъ просьбу, которая конечно немогла вліять на его рѣшенія, — Аннибалъ отказался отъ только что приобретеннаго имъ базиса военныхъ дѣйствій противъ Италіи и перенесъ театръ войны въ самую Италію. Онъ началъ съ того, что приказалъ привести къ себѣ всѣхъ плѣнниковъ. Римлянъ онъ приказалъ отдѣлить и заковать въ цѣпи, какъ рабовъ; но разсказъ, что будто бы онъ приказывалъ убивать всѣхъ Римлянъ, когда-либо попадавшихъ въ его руки, безъ сомнѣнія, по-меньшей мѣрѣ сильно преувеличенъ; напротивъ того, всѣхъ италійскихъ союзниковъ онъ отпустилъ на волю безъ выкупа съ тѣмъ, чтобъ они разсказывали у себя дома, что Аннибалъ ведетъ войну не противъ Италіи, а противъ Рима, что онъ воротитъ каждой изъ италійскихъ общинъ ея прежнюю независимость и ея прежнія границы и что освободитель идетъ вслѣдъ за освобожденными въ качествѣ избавителя и мстителя. Съ окончаніемъ зимы онъ двинулся изъ долины По съ цѣлю найти дорогу сквозь трудно-проходимые дефилеи Апеннинъ. Гай Фламиній еще стоялъ съ этрусской арміей подлѣ Ареццо; оттуда онъ намѣревался, лишь только позволитъ время года, двинуться на Лукку для того, чтобъ прикрыть долину Арно и апеннинскіе проходы. Но Аннибалъ предупредилъ его. Онъ перешолъ черезъ Апеннины безъ большихъ затрудненій, придерживаясь какъ можно болѣе западнаго направленія, то-есть такого пути, который былъ какъ можно дальше отъ непріятеля; но болотистыя низменности между Сервіо и Арно были до такой степени затоплены таяніемъ снѣговъ и весенними дождями, что арміи пришлось въ теченіе четырехъ дней идти по водѣ и не находить для ночнаго отдыха никакого другаго сухаго мѣста, кромѣ сложеннаго въ кучу багажа и павшихъ вьючныхъ животныхъ. Войска выносили страшныя страданія, но всѣхъ болѣе страдала галльская пѣхота, которая шла позади каррагенской, еще глубже погружаясь въ воду; она громко роптала и безъ сомнѣнія вся разбѣжалась-бы, если-бы ей въ этомъ

не препятствовала карагенская кавалерія, замыкавшая шествіе подъ начальствомъ Магона. Лошади, страдавшія повальнымъ воспаленіемъ копытъ, падали массами; другія эпидемическія болѣзни опустошали ряды арміи; самъ Аннибалъ лишился одного глаза вслѣдствіе воспаления. Но цѣль была достигнута. Аннибалъ стоялъ лагеремъ подлѣ Фіезоле въ то время, какъ Гай Фламиній еще выжидалъ подлѣ Ареццо, чтобъ дороги сдѣлались проходимыми и чтобъ можно было ихъ загородить. Консулъ, быть можетъ, и былъ достаточно силенъ для того, чтобъ защищать горныя проходы, но конечно не былъ въ состояніи вступить въ борьбу съ Аннибаломъ въ открытомъ полѣ; поэтому, когда римская оборонительная позиція была обойдена неприятелемъ, консулъ не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ дожидаться прибытія второй римской арміи, которой уже не зачѣмъ было стоять подлѣ Аримина. Однако самъ онъ рассуждалъ иначе. Онъ стоялъ во главѣ политической партіи, возвысился благодаря своимъ стараніямъ ограничить власть сената, былъ озлобленъ противъ правительства вслѣдствіе интригъ, которыя велись противъ него аристократіей во время его консульства, дошелъ въ своей конечно справедливой оппозиціи противъ рутинной мѣшкотности этой аристократіи до гордаго пренебреженія къ стариннымъ обычаямъ и нравамъ, испилъ до дна какъ слѣпую любовь простолюдиновъ, такъ и горькую ненависть аристократіи и въ добавокъ ко всему былъ глубоко убѣжденъ, что онъ военный гений. Экспедиція, которую онъ предпринималъ въ 531 году противъ Инсубровъ, доказала безпристрастнымъ наблюдателямъ только то, что хорошіе солдаты нерѣдко исправляютъ ошибки плохихъ начальниковъ (стр. 554), а по его собственному мнѣнію и по мнѣнію его приверженцевъ она служила неопровержимымъ доказательствомъ того, что стоитъ только поставить во главѣ арміи Гая Фламинія и Аннибалъ будетъ очень скоро побѣжденъ. Эти слухи вторично доставили Фламинію консульское званіе, а эти надежды привлекли въ его лагерь такое множество безоружныхъ охотниковъ до добычи, что, по свидѣтельству одного безпристрастнаго историка, такіе добровольцы превышали своимъ числомъ легионныхъ солдатъ. На этомъ фактѣ Аннибалъ отчасти и основалъ свой планъ военныхъ дѣйствій. Вовсе не намѣреваясь нападать на Фламинія, Аннибалъ прошолъ мимо его арміи, предоставивъ опустошеніе окрестной страны своей конницѣ и Кельтамъ, которые были мастерами въ дѣлѣ грабежа. Съ одной стороны жалобы и озлобленіе множества людей, вынужденныхъ терпѣть грабежъ на глазахъ героя, обѣщавшаго обогатить ихъ, а съ другой стороны явное пренебреженіе врага къ римскому военачальнику, будто-бы недостаточно сильному и недостаточно энергичному, чтобъ что-либо предпринять до прибытія его товарища, побудили Фламинія выказаться на дѣлѣ его стратегическія дарованія и попытаться дать хорошій урокъ не-

Фламиній.

223

Битва при Тразименскомъ озерѣ — осмотрительному и высокому противнику. Никогда еще ни одинъ планъ военныхъ дѣйствій не приводился въ исполненіе съ болѣе-шимъ успѣхомъ. Консулъ торопливо выступилъ вслѣдъ за непріателемъ, медленно подвигавшимся мимо Арецо по роскошной долинѣ Кіаны къ Перуджѣ; онъ нагналъ непріательскую армію въ окрестностяхъ Кортоны, гдѣ Аннибалъ, получавшій точныя свѣдѣнія о движеніяхъ своего противника, имѣлъ достаточно времени, чтобы выбрать мѣстомъ для сраженія узкую тѣснину промежъ двухъ крутыхъ скалъ, замыкающуюся при выходѣ высокимъ холмомъ, а при входѣ Тразименскимъ озеромъ. Во главѣ своей пѣхоты онъ заперъ выходъ изъ тѣсины, а легко вооруженныя войска и конницу поставилъ по обѣимъ сторонамъ въ засадѣ. Римскія колонны вступили безъ всякаго опасенія въ незанятое непріателемъ ущелье; густой утренній туманъ скрывалъ отъ нихъ занятую непріателемъ позицію. Когда передніе отряды римской арміи приблизились къ холму, Аннибалъ подаль сигналъ къ сраженію; его конница, обойдя возвышенности, заперла входъ въ ущелье, а по мѣрѣ того, какъ туманъ расходился, на окраинахъ высотъ показывались справа и слева финикійскія войска. Это было не сраженіе, а лишь одно пораженіе. Все, что не успѣло войти въ тѣснину, было загнано конницей въ озеро; главная колонна была истреблена въ самомъ ущелии почти безъ сопротивленія; Римляне были парублены, со включеніемъ самого консула, болѣею частію въ то время, какъ они подвигались впередъ въ боевомъ порядкѣ. 6000 пѣхотинцевъ, составлявшихъ переднюю римскую колонну, хотя и пробились сквозь непріательскую пѣхоту, еще разъ доказавъ непреодолимую мощь легионовъ, но, будучи отрѣзаны отъ своей арміи и не имѣя никакихъ объ ней извѣстій, двинулись далѣе на удачу; на другой день они были окружены на занятой ими возвышенности карфагенской кавалеріей, а такъ какъ Аннибалъ не согласился на капитуляцію, обѣщавшую имъ свободное отступленіе, то всѣ они сдались военнопленными. У Римлянъ было убито 15.000 человекъ; столько же было взято въ плѣнъ, то-есть римская армія была совершенно уничтожена; незначительныя потери Карфагенянъ, состоявшія изъ 1500 человекъ, снова пали болѣею частію на Галловъ *). И точно будто еще было этого мало — конница арминской арміи, состоявшая изъ 4000 человекъ подъ начальствомъ Гая Центенія, была выслана медленно подвигавшимся

*) День сраженія приходится по неисправленному календарю на 23 іюня, а по исправленному долженъ быть отнесенъ на апрѣль, потому что Квинтъ Фабій сложилъ свое диктаторское званіе, по истеченіи 6 мѣсяцевъ, въ средній осени [Ливій 22, 31, 7. 32, 1), изъ чего слѣдуетъ заключать, что онъ вступилъ въ это званіе въ началѣ мая. Путаница календарнаго лѣтосчисленія [стр. 468] уже была въ Римѣ очень значительна въ ту пору.

впередъ Гнеемъ Сервиліемъ на помощь къ его товарищу, но была окружена финикійскою арміею вскорѣ послѣ битвы при Тразименскомъ озерѣ и была частью истреблена, частью взята въ плѣнъ. Вся Этрурія была потеряна Римлянами и Аннибалъ могъ безпрепятственно идти на Римъ. Тамъ готовились на случай крайней опасности: мосты на Тибрѣ были разобраны и Квинтъ Фабій Максимъ былъ назначенъ диктаторомъ для того, чтобъ привести городскія стѣны въ состояніе защищаться и для того, чтобъ руководить обороной, для которой была сформирована резервная армія. Въ то-же время были призваны къ оружію два новыхъ легіона въ замѣнъ тѣхъ, которые были истреблены, и былъ снаряженъ флотъ, который могъ оказать важныя услуги въ случаѣ осады города.

Но Аннибалъ былъ дальновидѣе царя Пирра. Онъ не пошелъ на Римъ и даже не пошелъ противъ Гнея Сервилія, который былъ способнымъ главнокомандующимъ и умѣлъ при помощи стоявшихъ на сѣверной дорогѣ крѣпостей сохранить въ цѣлости свою армію, такъ что, быть можетъ, устоялъ-бы въ борьбѣ съ противникомъ. И на этотъ разъ случилось нѣчто совершенно неожиданное. Пройдя мимо крѣпости Споленція, завладѣть которою въ распахъ ему не удалось, Аннибалъ двинулся черезъ Умбрію, страшно опустошилъ всю покрытую римскими хуторами пиценскую область и остановился на берегу Адриатическаго моря. Люди и лошади его арміи еще не совсѣмъ излѣчились отъ пагубныхъ послѣдствій весенней кампаніи, поэтому онъ далъ имъ продолжительный отдыхъ для того, чтобъ они совершенно поправились, пользуясь привлекательной мѣстностью и хорошимъ временемъ года; въ то-же время онъ занялся преобразованиемъ своей либійской пѣхоты по римскому образцу, а масса захваченнаго имъ римскаго оружія доставляла ему нужныя для того средства. Оттуда онъ снова завелъ давно прерванныя сношенія съ своимъ отечествомъ, отправивъ моремъ въ Каррагенъ вѣстниковъ своихъ побѣдъ. Наконецъ, когда его армія достаточно оправилась и достаточно свыклась съ новыми правилами боевой службы, онъ снялся съ позиціи и медленно двинулся вдоль берега въ южную Италію. — Онъ не ошибся въ своихъ расчетахъ, избравъ именно это время для преобразования своей пѣхоты; изумленіе непріятеля, который постоянно ожидалъ нападенія на столицу, доставило ему по меньшей мѣрѣ четыре недѣли ничѣмъ ненарушавшагося досуга; этимъ временемъ онъ осуществилъ свой безпримѣрно-смѣлый замыселъ совершенно измѣнить свою военную систему внутри непріятельской страны съ арміею все еще сравнительно-немногочисленной и попытаться противопоставить африканскіе легіоны непобѣдимымъ италійскимъ. Однако онъ обманулся въ своемъ ожиданіи, что конфедерація начнетъ теперь распадаться. Всего менѣе можно было рассчитывать на Этрусковъ, которые даже во время своихъ послѣднихъ войнъ

Аннибалъ на восточномъ побережьѣ.

за независимость употребляли въ дѣло преимущественно галльскихъ наёмниковъ. Послѣ латинскихъ общинъ главную силу италійской конфедераціи составляли, въ особенности въ военномъ отношеніи, сабелльскія общины, съ которыми Аннибалъ, не безъ основанія, старался теперь сблизиться. Однако города, одинъ вслѣдъ за другимъ, запирали передъ нимъ свои ворота и ни одна изъ италійскихъ общинъ не вступила въ союзъ съ Финикіянами. Это доставило Римлянамъ громадный перевѣсъ, даже предрѣшило исходъ войны въ ихъ пользу; однако въ столицѣ хорошо понимали, какъ было-бы неблаго-разумно подвергать вѣрность союзниковъ такому испытанію, не имѣя римской арміи, которая была-бы способна держаться въ открытомъ полѣ. Диктаторъ Квинтъ Фабій стянулъ къ себѣ оба вновь сформированныхъ въ Римѣ легіона и войска, стоявшія подлѣ Аримина, и въ то время, какъ Аннибалъ проходилъ подлѣ римской крѣпости Луцеріи въ направленіи къ Арпи, съ его праваго фланга подлѣ Эки показались римскія знамена. Но вождь этой римской арміи сталъ дѣйствовать иначе, чѣмъ его предмѣстники. Квинтъ Фабій былъ очень пожилой человекъ, отличавшійся такой осмотрительностью и такой стойкостью, которыя многими принимались за нерѣшительность и за упрямство; онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ добраго стараго времени, заступникомъ политическаго всемогущества сената и обыкновенія ввѣрять главное командованіе гражданскимъ сановникамъ, и ожидалъ спасенія государства прежде всего отъ жертвоприношеній и отъ молитвъ, а затѣмъ отъ методическаго веденія войны. Такъ какъ онъ былъ политическимъ противникомъ Гаяя Фламинія и былъ поставленъ во главѣ управленія реакціей, которая была вызвана безразсудной военной демагогіей Фламинія, то онъ отправился въ лагерь съ такимъ-же твердымъ намѣреніемъ избѣгать рѣшительнаго сраженія, съ какимъ его предмѣстникъ хотѣлъ во что-бы то ни стало вступить въ такое сраженіе; онъ, безъ сомнѣнія, былъ убѣжденъ, что основныя правила стратегіи не позволяютъ Аннибалу идти впередъ, пока противъ него будетъ стоять непобѣжденная имъ римская армія, и что не трудно будетъ ослабить мелкими стычками и мало-по-малу изморить голодомъ непріятельскую армію, принужденную продовольствоваться фуражировками. Аннибалъ имѣлъ исправныхъ шпіоновъ и въ Римѣ и въ римской арміи; узнавши отъ нихъ о положеніи дѣлъ, онъ, по своему обыкновенію, составилъ свой планъ военныхъ дѣйствій, примѣняясь къ личному характеру непріятельскаго вождя.

Война въ
нимней
Италіи.

Фабій.

Походъ въ Капуу и назадъ въ Апулію. Онъ прошелъ мимо римской арміи на другую сторону Апеннинъ, провикъ въ самое сердце Италіи въ направленіи къ Беневенту, за владѣлъ незащищеннымъ городомъ Телезіей на границѣ Самніа и Кампаніи и повернулъ оттуда къ Капуѣ, которая была самымъ значительнымъ изъ всѣхъ зависѣвшихъ отъ Рима италійскихъ городовъ и даже считала себя въ правѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ

равняться съ Римомъ, а потому болѣе всѣхъ другихъ городовъ тяготилась римскимъ управленіемъ. Тамъ Аннибалъ завелъ сношенія, которыя позволяли ему надѣяться, что Кампанцы откажутся отъ союза съ Римомъ; но въ этомъ ожиданіи онъ обманулся. Поэтому, повернувъ назадъ, онъ направился въ Апулію. Во время всѣхъ этихъ передвиженій диктаторъ шолъ вслѣдъ за кареагенской арміей нагорьемъ и сбрекалъ своихъ солдатъ на печальную роль зрителей, которые, не двигаясь съ мѣста, смотрѣли съ оружіемъ въ рукахъ, какъ нумидійская конница грабила вѣрныхъ римскихъ союзниковъ и какъ на равнинѣ пылали селенія. Наконецъ онъ доставилъ озлобленной римской арміи нетерпѣливо-желаемый случай встрѣтиться съ непріателемъ. Когда Аннибалъ повернулъ назадъ, Фабій загородилъ ему дорогу подлѣ Казилина (теперешней Сариа), поставивъ въ этомъ городѣ на лѣвомъ берегу Вольтурна сильный отрядъ и занявши съ главною арміей высоты на правомъ берегу рѣки, между тѣмъ какъ отрядъ изъ 4000 человекъ сталъ на самой дорогѣ, идущей вдоль берега. Но Аннибалъ приказалъ своимъ легко вооруженнымъ солдатамъ взобраться на возвышавшіеся подлѣ самой дороги холмы и оттуда погнать передъ собою стадо воловъ съ пучками зажженной соломы на рогахъ, такъ что издали казалось, будто кареагенская армія пробирается тамъ при свѣтѣ факеловъ. Загораживавшій дорогу римскій отрядъ вообразилъ, что онъ обойденъ непріателемъ и что ему уже нѣтъ надобности занимать прежнюю позицію; поэтому онъ отошолъ въ сторону на эти самыя высоты; по этой очищенной Римлянами дорогѣ Аннибалъ прошолъ съ главною арміей, не встрѣтивъ непріателя, а на другой день утромъ освободилъ и стянулъ къ себѣ свои легкія войска безъ большаго труда и съ значительнымъ урономъ для Римлянъ. За тѣмъ онъ безпрепятственно продолжалъ свой путь въ сѣверо-восточномъ направленіи, опустошилъ земли Гирпиновъ, Кампанцовъ, Самнитовъ, Пелигновъ и Френтановъ и, сдѣлавъ далекій обходъ, возвратился съ богатой добычей и съ наполненной казною въ окрестности Луцеріи въ то самое время, когда тамъ начиналась жатва. Во время этого дальняго похода онъ нигдѣ не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія, но и нигдѣ не нашолъ союзниковъ. Сознавая, что ему не остается ничего другаго, какъ устроиться въ открытомъ полѣ на зимнихъ квартирахъ, онъ приступилъ къ трудной операціи заготовленія на зиму припасовъ, которые ему приходилось собирать съ непріательскихъ полей руками его собственныхъ солдатъ. Для этой цѣли онъ выбралъ обширный, болшею частію плоскій сѣверо-апулійскій край, гдѣ можно было въ изобиліи добывать хлѣбъ и фуражъ и гдѣ онъ могъ быть полнымъ хозяиномъ благодаря многочисленности его конницы. Подлѣ Герунія, въ пяти нѣмецкихъ миляхъ къ сѣверу отъ Луцеріи, былъ устроенъ укрѣпленный лагерь,

Война въ
Апуліи.

Фабій и
Минуцій.

изъ котораго ежедневно высылались двѣ трети арміи для сбора запасовъ, между тѣмъ какъ Аннибалъ занималъ съ остальною третью такую позицію, откуда могъ прикрывать и лагерь и высланные изъ лагеря отряды. Начальникъ римской конницы Маркъ Минуцій, исправлявшій, за отсутствіемъ диктатора, должность главнокомандующаго, воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ подступити ближе къ непріятелю и сталъ лагеремъ въ лаританской области; оттуда онъ уже однимъ своимъ присутствіемъ затруднялъ высылку отрядовъ непріятельской арміи и сборъ для нея продовольствія, а благодаря многократнымъ удачнымъ стычкамъ съ финикійскими отрядами и даже съ тѣми, которыми предводительствовалъ самъ Аннибалъ, онъ вытѣснилъ непріятеля изъ дальнихъ позицій и принудилъ его сосредоточить свои силы подлѣ Герунія. Извѣстія объ этихъ успѣшныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, понятны, служившія сюжетомъ для разныхъ толковъ, вызвали въ столицѣ бурю противъ Квинта Фабія. И нельзя сказать, чтобъ взведенныя на Фабія обвиненія были совершенно неосновательны. Какъ ни было благоразумно со стороны Римлянъ держаться оборонительнаго положенія и ожидать успѣха главнымъ образомъ отъ того, что непріятель будетъ лишенъ возможности добывать продовольствіе, все-таки казалась странной такая система обороны и замариванія голодомъ, которая позволяла непріятелю безпрепятственно опустошать всю среднюю Италію на глазахъ у одинаково многочисленной римской арміи и запасаться на зиму продовольствіемъ посредствомъ организованной въ широкихъ размѣрахъ фуражировки. Не такъ понималъ оборонительную войну Публій Сципіонъ въ то время, какъ онъ командовалъ арміей въ долинѣ По, а попытка его преемника подражать ему привела подлѣ Казилиномъ къ такой неудачѣ, которая доставила столичнымъ зубоскаламъ обильную пищу для насмѣшекъ. То было достойно удивленія, что преданность италійскихъ общинъ не поколебалась даже тогда, когда Аннибалъ такъ ясно доказалъ имъ, что перевѣсъ на сторонѣ Финикіянъ и что Римляне не въ состояніи оказывать защиту; но долго-ли можно было надѣяться, что эти общины будутъ терпѣливо выносить двойное бремя войны и будутъ позволять себя грабить на глазахъ у римской арміи и у своихъ собственныхъ войскъ? Наконецъ, что касается римской арміи, то о ней нельзя было сказать, что она принуждала главнокомандующаго не отступать отъ такого способа веденія войны; она состояла преимущественно изъ надежныхъ легионовъ, прежде стоявшихъ въ Арминіи, и отчасти изъ вновь собраннаго ополченія, болѣею частію также привычнаго къ военной службѣ; она нисколько не упала духомъ отъ послѣднихъ пораженій, а напротивъ того была оскорблена унизительною задачею, на исполненіе которой была обречена своимъ главнокомандующимъ — этимъ «лакеемъ Аннибала», и громко

требовала, чтобъ ее вели противъ непріятеля. На сходкахъ гражданъ дѣло дошло до самыхъ горячихъ выходовъ противъ своеправнаго старика; его политическіе противники, во главѣ которыхъ стоялъ бывшій преторъ Гай Теренцій Варронъ, воспользовались этими распрями (при этомъ не слѣдуетъ забывать, что назначеніе диктаторовъ фактически зависѣло отъ сената и что эта должность считалась оплотомъ консервативной партіи) и при содѣйствіи недовольныхъ солдатъ и владѣльцовъ разграбленныхъ помѣстьевъ провели въ нарушение конституціи и здраваго смысла народное постановление, что званіе диктатора, — которое было учреждено съ цѣлію устранивъ въ критическія времена вредъ, происходившій отъ раздѣленія верховной военной власти между нѣсколькими лицами, — должно быть возложено наравнѣ съ Квинтомъ Фабіемъ и на его бывшего подчиненнаго Марка Минуція *). Такимъ образомъ римская армія, лишь незадолго передъ тѣмъ избѣвившаяся отъ опаснаго раздвоенія на отдѣльные корпуса, не только была снова раздѣлена, но и получила для каждой изъ своихъ двухъ составныхъ частей особыхъ начальниковъ, которые, какъ всѣмъ было извѣстно, держались совершенно противоположныхъ плановъ войны. Квинтъ Фабій, натурально, сталъ еще настойчивѣе прежняго не отступать отъ своего методическаго бездѣйствія, а Маркъ Минуцій, считавшій нужнымъ доказать на полѣ сраженія, что онъ достоинъ диктаторскаго званія, напалъ на непріятеля торопливо и съ недостаточными военными силами и его армія была-бы совершенно уничтожена, если-бы его товарищъ не прибылъ во-время съ свѣжимъ корпусомъ и не предотвратилъ еще большаго несчастья. Этотъ оборотъ дѣлъ въ нѣкоторой мѣрѣ оправдалъ систему пассивнаго сопротивленія. Однако Аннибалъ вполне достигъ въ эту кампанію всего, чего можно было достигнуть оружіемъ: ни его заносчивый противникъ, ни его противникъ осторожный не помѣшали ему исполнить которую-либо изъ существенно важныхъ его операций и онъ успѣлъ снабдить свою армію продовольствіемъ хотя и не безъ затрудненій, но настолько удовлетворительно, что карфагенская армія провела зиму въ лагерѣ подлѣ Герунія, не испытывая лишеній. Римъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ не «Медлителю», а прочности своей конфедераціи и, быть можетъ, не менѣе того національной ненависти, которую питали западные народы къ Финикіянину.

Не смотря на всѣ неудачи, римская гордость оказалась столь-же **Новыя во-**
несокрушимой, какъ и римская симмахія. Римъ съ благодарностью **оруженія въ**
Римѣ.

*) Надпись на памятникѣ, который былъ сооруженъ новымъ диктаторомъ по случаю его побѣды при Геруніи и былъ посвященъ Геркулесу Побѣдителю: *Hercolei a sacro M. Minuci[us] C. f. dictator vocit*, была найдена въ 1862 г. въ Римѣ подлѣ С. Лоренцо.

отклонилъ пожертвованія, предложенныя ему для слѣдующей кампаніи царемъ сиракузскимъ Герономъ и находившимися въ Италіи греческими городами, которые страдали отъ войны менѣе другихъ италійскихъ союзниковъ Рима, потому что не были обязаны доставлять Римлянамъ ополченіе; иллирійскимъ вождямъ было приказано не медлить уплатой дани; даже македонскому царю было снова предъявлено требованіе о выдачѣ Димитрія Фаросскаго. Не смотря на то, что недавнія событія какъ будто оправдывали мѣшкотную систему Фабія, большинство сената твердо рѣшилось отказаться отъ такого веденія войны, которое хотя и медленно, но неминуемо вело государство къ гибели; хотя народный диктаторъ и не имѣлъ успѣха, когда попытался вести войну болѣе энергическимъ способомъ, но причину этой неудачи усматривали не безъ основанія въ томъ, что были приняты лишь полумѣры и что Минуцію было дано мало войскъ. Поэтому было рѣшено впредь избѣгать такихъ ошибокъ и организовать такую армію, какой Римъ еще никогда не высылалъ на бой—восемь легионовъ, усиленных на одну пятую часть своего нормальнаго состава и соответствующее число союзныхъ войскъ; этого было бы достаточно, чтобъ раздавить противника, который былъ вдвое слабѣе. Сверхъ того, одинъ легионъ былъ назначенъ къ отправкѣ подъ начальствомъ претора Луція Постумія въ долину По для того, чтобъ заставить возвратиться на родину тѣхъ Кельтовъ, которые служили въ арміи Аннибала. Эти мѣры были разумны; оставалось только принять цѣлесообразное рѣшеніе относительно главнаго командованія. Вслѣдствіе упорной неподвижности Квинта Фабія и вызванныхъ ею со стороны демагоговъ подстрекательствъ, диктатура и въ особенности сенатъ сдѣлались еще болѣе прежняго непопулярными; въ народѣ,—конечно не безъ вины его вожаковъ,—ходили нелѣпые толки, будто сенатъ умышленно затягиваетъ войну. Такъ какъ о назначеніи диктатора нечего было и думать, то сенатъ попытался направить выборы консуловъ сообразно съ своими намѣреніями, но этимъ только усилилъ подозрительность и упорство своихъ противниковъ. Сенату съ трудомъ удалось провести одного изъ своихъ кандидатовъ—Луція Эмилия Павла, который разумно руководилъ въ 535 году военными дѣйствіями въ Иллиріи (стр. 549); громадное большинство гражданъ дало Павлу въ товарищи кандидата народной партіи Гайя Теренція Варрона; это былъ бездарный человекъ, пріобрѣвшій извѣстность только своею злобною оппозиціей сенату и въ особенности тѣмъ, что былъ главнымъ виновникомъ избранія Марка Минуція въ содиктаторы; народной толпѣ говорили въ его пользу только его низкое происхожденіе и его грубая наглость.—

Павель и
Варронъ.
219

Битва при
Наннахъ.

Между тѣмъ, какъ въ Римѣ дѣлались эти приготовления къ будущей кампаніи, война уже возобновилась въ Апуліи. Аннибалъ, постоянно дававшій военнымъ дѣйствіямъ то или другое направленіе и по-

стоянно бравшіи на себя роль нападающаго, покинулъ свои зимнія квартыры, лишь только это оказалось возможнымъ по времени года, и направился изъ Герунія на югъ; оставляя Луцерію въ сторонѣ, онъ перешолъ черезъ Ауфидъ и завладѣлъ укрѣпленными Каннами (между Канозой и Барлеттой), которыя господствовали надъ канузинской равниной и до того времени служили для Римлянъ главнымъ складочнымъ магазиномъ. Послѣ того, какъ Фабій сложилъ съ себя въ половинѣ осени диктаторское званіе вслѣдствіе истеченія законнаго срока своей должности, римская армія находилась подъ начальствомъ Гнея Сервилія и Марка Регула, которые командовали ею сначала въ званіи консуловъ, а потомъ въ званіи проконсуловъ; она не была въ состояніи предотвратить утраты Каннъ, а потому какъ по военнымъ, такъ и по политическимъ соображеніямъ все болѣе и болѣе сознавалась необходимость приостановить наступательное движеніе Аннибала битвой въ открытомъ полѣ. Именно съ такимъ порученіемъ отъ сената прибыли въ началѣ лѣта 538 года въ Апулію оба новыхъ главнокомандующихъ Павелъ и Варронъ. Вмѣстѣ съ приведенными ими четырьмя новыми легіонами и соотвѣтствующимъ контингентомъ Италійцевъ, римская армія доходила до 80,000 человекъ пѣхоты, набранныхъ на половину изъ гражданъ, на половину изъ союзниковъ, и до 6,000 всадниковъ, между которыми одна треть состояла изъ гражданъ, а двѣ трети изъ союзниковъ; армія Аннибала, хотя и насчитывала 10,000 всадниковъ, но имѣла лишь около 40,000 пѣхоты. Аннибалъ ничего не желалъ такъ горячо, какъ рѣшительнаго сраженія не только по общимъ ранѣе указаннымъ соображеніямъ, но въ особенности также потому, что широкая апулійская равнина доставляла ему возможность воспользоваться преимуществами его конницы и что не смотря на многочисленность этой конницы было-бы чрезвычайно трудно продовольствовать войска по близости отъ непріятеля, у котораго армія была вдвое болѣе многочисленна и который опирался на линію крѣпостей. И римскіе военачальники, — какъ было выше замѣчено, — также рѣшились вступить въ бой и съ этой цѣлю подошли ближе къ непріятелю; впрочемъ самые осторожные изъ нихъ, осмотрѣвши позицію Аннибаловской арміи, намѣревались выждать и подойти ближе къ непріятелю только для того, чтобъ принудить его или отступить или вступить въ битву на менѣе благопріятной для него мѣстности. Аннибалъ стоялъ лагеремъ подлѣ Каннъ на правомъ берегу Ауфида. Павелъ раскинулъ свой лагерь по обѣимъ берегамъ рѣки, такъ что его главнымъ силамъ пришлось стоять на лѣвомъ берегу; но сильный римскій корпусъ расположился на правомъ берегу, на самомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля, съ цѣлю затруднить подвозъ для него продовольствія и можетъ быть съ цѣлю угрожать Каннамъ. Аннибалъ, которому было необходимо какъ можно скорѣе

довести дѣло до битвы, перешоль черезъ рѣку съ своими главными силами и предложилъ на лѣвомъ берегу битву, отъ которой Павелъ уклонился. Но демократическому консулу не понравилась эта педантическая выходка; уже столько разъ было говорено, что на войну идутъ не для того, чтобъ занимать сторожевые посты, а для того, чтобъ дѣйствовать мечами; поэтому онъ далъ приказаніе напасть на непріятеля, гдѣ и какъ случится. По сохранившемуся старинному негѣпому обыкновенію, рѣшающее право голоса въ военномъ совѣтѣ переходило ежедневно отъ одного главнокомандующаго къ другому; поэтому въ тотъ день, когда это право принадлежало уличному герою, приходилось подчиняться его волѣ и исполнять его приказанія. Однако и онъ не хотѣлъ вступить въ битву на лѣвомъ берегу рѣки, такъ какъ тамъ могла свободно развернуться на равнинѣ болѣе многочисленная непріятельская конница; но онъ рѣшился собрать всѣ римскія боевыя силы на правомъ берегу и предложить тамъ битву, занявши позицію между кареагенскимъ лагеремъ и Каннами и серьезно угрожая этимъ послѣднимъ. Отрядъ изъ 10,000 человекъ былъ оставленъ въ главномъ римскомъ лагерѣ съ приказаніемъ завладѣть во время битвы кареагенскимъ лагеремъ и такимъ образомъ лишить непріятельскую армію возможности отступить черезъ рѣку; по неисправленному календарю, на разсвѣтъ утромъ 2 августа, а по исправленному приблизительно въ іюнѣ, главная римская армія, перейдя черезъ рѣку, — которая мелководна въ это время года и не представляетъ серьезныхъ затрудненій для передвиженія войскъ, — построилась въ боевую линію подлѣ менѣе обширнаго римскаго лагеря къ западу отъ Каннъ. Кареагенская армія двинулась вслѣдъ за нею и также перешла черезъ рѣку, въ которую римская армія упиралась правымъ крыломъ, а кареагенская лѣвымъ. Римская конница стала на флангахъ, — болѣе слабая ея часть, состоявшая изъ гражданскаго ополченія, на правомъ флангѣ подлѣ рѣки, подъ предводительствомъ Павла, а болѣе сильная часть, состоявшая изъ союзниковъ, на лѣвомъ флангѣ у равнины, подъ предводительствомъ Варрона. Въ центрѣ стояла пѣхота, построившаяся необыкновенно глубокими рядами подъ начальствомъ проконсула Гнея Сервиля. Напротивъ ея Аннибаль построилъ свою пѣхоту въ формѣ полумѣсяца, такъ что кельтскія и иберійскія войска въ ихъ національномъ вооруженіи составляли переднюю часть центра, а вооруженные по-римски Либійцы стали по бокамъ на отодвинутыхъ назадъ флангахъ. У рѣки выстроилась вся тяжелая кавалерія подъ начальствомъ Авдрубала, а со стороны равнины стала легкая нумидійская конница. Послѣ непродолжительнаго форпостнаго сраженія между легко вооруженными войсками, бой скоро завязался на всей линіи. Тамъ, гдѣ легкая конница Кареагенянъ сражалась съ тяжелой кавалеріей Варрона, бой тянулся безъ рѣшительныхъ результатовъ

при постоянно возобновлявшихся атаках Нумидійцевъ. Напротивъ того въ центрѣ легіоны совершенно опрокинули первыя встрѣченныя ими войска, состоявшія изъ Испанцевъ и Галловъ; побѣдители спѣшили воспользоваться своимъ успѣхомъ и преслѣдовали побѣжденныхъ. Но тѣмъ временемъ счастье измѣнило Римлянамъ на правомъ флангѣ. Аннибалъ старался только отвлечь вниманіе стоявшей на лѣвомъ непріятельскомъ флангѣ конницы для того, чтобъ Аздрубалъ могъ напасть со своей регулярной кавалеріей на болѣе слабый правый флангъ непріятеля и прежде всего опрокинуть его. Послѣ мужественнаго сопротивленія римскіе всадники стали отступать и тѣ изъ нихъ, которые не были изрублены, были загнаны вверхъ по рѣкѣ или разсыяны по равнинѣ; раненый Павелъ прискакалъ къ центру, чтобъ предохранить легіоны отъ гибели, или раздѣлить ихъ участь. Эти легіоны измѣнили построеніе своего фронта въ атакующую колонну для того, чтобъ удобнѣе преслѣдовать разбитую ими переднюю часть непріятельской пѣхоты и врѣзались клиномъ въ непріятельскій центръ. Въ этомъ положеніи они подверглись съ обѣихъ сторонъ горячимъ нападеніямъ надвигавшейся справа и слѣва либійской пѣхоты и одна ихъ часть была принуждена остановиться для того, чтобъ отбивать нападенія съ фланговъ; вслѣдствіе этого наступательное движеніе было прервано, а массы римской пѣхоты, и безъ того уже построенной слишкомъ густыми рядами, уже не находили достаточно простора, чтобъ развернуться. Между тѣмъ Аздрубалъ, покончившій съ тѣмъ крыломъ непріятельской арміи, гдѣ командовалъ Павелъ, снова собралъ и выстроилъ своихъ всадниковъ и проведя ихъ позади непріятельскаго центра, напалъ на то крыло, которымъ командовалъ Варронъ. Италійская конница Варрона, и безъ того уже съ трудомъ державшаяся противъ Нумидійцевъ, неустояла противъ двойнаго нападенія и быстро разсыялась. Предоставивъ преслѣдованіе непріятеля Нумидійцамъ, Аздрубалъ въ третій разъ построилъ свои эскадроны для того, чтобъ напасть на непріятельскую пѣхоту съ тылу. Это послѣднее нападеніе было рѣшительнымъ. Бѣгство было невозможно, а пощады никому не давали; быть можетъ еще никогда не случалось, чтобъ такая многочисленная армія какъ римская была уничтожена на самомъ полѣ сраженія почти цѣльнымъ и съ ничтожными потерями со стороны побѣдителей. Аннибалъ лишился почти 6,000 человекъ: въ этомъ числѣ двѣ трети приходились на долю Кельтовъ, на которыхъ обрушился первый натискъ легіоновъ. Напротивъ того, изъ 76,000 Римлянъ, стоявшихъ въ боевой линіи, 70,000 легли на полѣ сраженія, — въ томъ числѣ консулъ Луцій Павелъ, проконсулъ Гней Сервилій, двѣ трети штабъ-офицеровъ и восемьдесятъ человекъ сенаторскаго ранга. Только консулъ Маркъ Варронъ спасся, благодаря своевременному обращенію въ бѣгство и быстрому коню и

имѣлъ духъ остаться въ живыхъ. И гарнизонъ римскаго лагеря, состоявшій изъ 10,000 человекъ, былъ большею частію взятъ въ плѣнъ; только нѣсколько тысячъ человекъ, принадлежавшихъ частію къ этому гарнизону, частію къ участвовавшимъ въ битвѣ войскамъ, укрылись въ Канувіѣ. И какъ будто Риму суждено было погибнуть въ этомъ году,—отправленный въ Галлію легионъ попалъ въ концѣ того-же года въ засаду и былъ совершенно уничтоженъ Галлами вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ Луціемъ Постуміемъ, который былъ избранъ на слѣдующій годъ въ консулы.

Послѣдствія Благодаря этому безпримѣрному успѣху, по видимому, уже до-битвы при стигла полной зрѣлости та великая политическая комбинація, ради **Каннахъ.** которой Аннибалъ отправился въ Италію. Первоначальной основой для его плана, конечно, служила его армія; но ясно сознавая могущество своего противника, онъ считалъ эту армію лишь авангардомъ, къ которому будутъ мало-по-малу присоединяться военныя силы запада и востока для того, чтобъ приготовить гибель надмен-

Препятствія ному городу. Но тѣ подкрѣпленія, которыхъ онъ ожидалъ изъ **для достав-** Испаніи и на которыя, какъ казалось, онъ могъ всего вѣрнѣе расчи-**ми подкрѣп-** тывать, не были ему доставлены вслѣдствіе отважнаго и энергиче-**леній изъ** скаго образа дѣйствій Гнея Сципіона, посланнаго въ Испанію въ **Испаніи.** званіи римскаго главнокомандующаго. Послѣ того, какъ Аннибалъ перешолъ черезъ Рону, Сципіонъ отплылъ въ Эмпорію и овладѣлъ сначала берегами между Пиренеями и Эбро, а потомъ, послѣ одержанной надъ Аннономъ побѣды, и внутренними странами (536).

218

217

216

Въ слѣдующемъ году (537) онъ совершенно разбилъ карфагенскій флотъ близъ устьевъ Эбро, а послѣ того какъ его братъ Публий, такъ храбро защищавшій долину По, привелъ ему подкрѣпленія изъ 8,000 человекъ, онъ перешолъ черезъ Эбро и проникъ до Сагунта. Хотя черезъ годъ послѣ того (538) Аздрубаль, получивъ подкрѣпленія изъ Африки, попытался, въ исполненіе приказаній своего брата, перейти съ арміей черезъ Пиренеи, но Сципіоны загородили ему переправу черезъ Эбро и нанесли ему рѣшительное пораженіе почти въ то самое время, когда Аннибалъ держивалъ побѣду при Каннахъ. Сципіоны привлекли на свою сторону могущественныхъ Бельтиберовъ и многія другія испанскія племена; они господствовали на морѣ и въ горныхъ проходахъ Пиренеевъ, а чрезъ посредство преданныхъ имъ Массалиотовъ и на берегахъ Галліи. Поэтому, если Аннибалъ и могъ ожидать откуда-либо подкрѣ-

Помощь **изъ Африки.**

пленій, то уже никакъ не изъ Испаніи. — Изъ Карфагена было оказано Аннибалу такое слабое содѣйствіе, какого слѣдовало ожидать: финикійскія эскадры угрожали берегамъ Италіи и находившимся во власти Рима островамъ и оберегали Африку отъ высадки Римлянъ,—вотъ и всё. Для болѣе энергическаго содѣйствія служили препятствіемъ не столько незнаніе, гдѣ найти Аннибала, и настолько

трудность отыскать въ Италиі удобное мѣсто для высадки, сколько многолѣтнее убѣжденіе, что испанская армія можетъ существовать своими собственными средствами, а болѣе всего недоброжелательство мирной партіи. Послѣдствія этого непростительнаго бездѣйствія были очень тяжелы для Аннибала; какъ онъ ни берегъ денежные средства и приведенныхъ съ собою солдатъ, его казна мало-по-малу опустѣла, солдатамъ недоплачивалось жалованье, а ряды его ветерановъ стали рѣдѣть. Но извѣстіе о побѣдѣ при Каннахъ заставило умолкнуть въ Карфагенѣ даже крамольную оппозицію. Карфагенскій сенатъ рѣшился помочь Аннибалу деньгами и доставить ему войско частію изъ Африки, частію изъ Испаніи, и между прочимъ 4000 нумидійскихъ всадниковъ и 40 слоновъ; кромѣ того было рѣшено продолжать съ энергіей войну какъ въ Испаніи, такъ и въ Италиі.—

Заключеніе наступательнаго союза между Карфагеномъ и Македоніей уже давно было предметомъ переговоровъ, но оно замедлилось сначала вслѣдствіе внезапной смерти Антигона, потомъ вслѣдствіе нерѣшительности Антигонова преемника Филиппа и вслѣдствіе войны, несвоевременно предпринятой Филиппомъ и его эллинскими союзниками противъ Этолянъ (534 — 537). Только послѣ битвы при Каннахъ Филиппъ принялъ предложеніе Димитрія Фаросскаго уступить Македоніи его иллирійскія владѣнія, которыя, конечно, еще надо было сперва отнять у Римлянъ, и только послѣ этой битвы жившій въ Пеллѣ дворъ сошелся въ условіяхъ съ Карфагеномъ. Македонія взялась высадить армію на восточномъ берегу Италиі, а въ вознагражденіе за это ей былъ обѣщанъ возвратъ владѣній, доставшихся Римлянамъ въ Эпирѣ.—

Въ Сициліи царь Геронъ держался въ мирное время нейтральной политики, насколько это не было сопряжено ни съ какими опасностями, а послѣ заключенія мира съ Римомъ, въ эпоху опасныхъ кризисовъ, оказывалъ услуги и Карфагенянамъ, въ особенности доставкой хлѣба. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ очень сожалѣлъ о новомъ разрывѣ между Карфагеномъ и Римомъ, но, не будучи въ состояніи его предотвратить, сталъ держать сторону Рима съ преданностью, основанной на вѣрномъ расчетѣ. Но вскорѣ послѣ того (осенью 538) смерть похитила этого старца послѣ пятидесяти-четырехъ-лѣтняго царствованія. Внукъ и преемникъ этого мудраго царя, юный и неспособный Геронимъ немедленно вступилъ въ соглашеніе съ карфагенскими дипломатами; такъ какъ эти дипломаты не затруднились обезпечить ему формальнымъ договоромъ сначала обладаніе Сициліей до старинной карфагеносицилійской границы, а когда его высокомѣріе возрасло, даже обладаніе всѣмъ островомъ, то онъ вступилъ въ союзъ съ Карфагеномъ и присоединилъ сиракузскій флотъ къ той карфагенской эскадрѣ, которая пришла съ цѣлію напасть на Сиракузы. Тогда сдѣлалось очень опаснымъ положеіе стоявшаго въ Лилибей римскаго флота, кото-

Союзъ
между Кар-
фагеномъ и
Македоніей.

220—217

Союзъ
между Кар-
фагеномъ и
Сиракузами.

216

Капуа и большая часть нижне-италийских общин переходят на сторону Аннибала.

рому и безъ того уже приходилось имѣть дѣло съ другой кароагенской эскадрой, стоявшей у Эгатскихъ острововъ; между тѣмъ, приготовленная въ Римѣ къ отплытію въ Сицилію войска были употреблены на другія болѣе настоятельныя надобности вслѣдствіе пораженія при Каннахъ. — Но важнѣе всего было то, что зданіе римской конфедераціи, непоколебимо выдерживавшее удары двухъ тяжелыхъ годовъ войны, стало теперь расшатываться. На сторону Аннибала перешли: Арпи въ Апуліи и Узентъ въ Мессапіи—два старинныхъ города, сильно пострадавшихъ вслѣдствіе основанія римскихъ колоній въ Луцеріи и въ Брундизіи; всѣ города Бреттійевъ, вступившіе на этотъ путь прежде всѣхъ другихъ, за исключеніемъ Петеліи и Консенціи, которые пришлось предварительно осаждать; большая часть Луканцевъ; поселенные въ окрестностяхъ Салерна Пиценты; Гирпины; Самниты, за исключеніемъ Пентровъ; наконецъ важный городъ Капуа, который былъ вторымъ городомъ Италіи, былъ въ состояніи выставить армію изъ 30,000 пѣхотинцевъ и 400 всадниковъ и своимъ переходомъ на сторону Кароагенянъ увлекъ вслѣдъ за собою сосѣдніе города Ателлу и Калацію. Повсюду и въ особенности въ Капуѣ аристократическая партія, привязанная многоразличными узами къ римскимъ интересамъ, сильно противилась такой перемѣнѣ политическаго знамени, а вызванная ею упорная внутренняя борьба въ значительной мѣрѣ уменьшила тѣ выгоды, которыя могъ-бы извлечь Аннибалъ изъ этой перемѣны. Такъ на примѣръ онъ нашолся вынужденнымъ арестовать въ Капуѣ и отправить въ Кароагенъ одного изъ вождей аристократической партіи, Деція Магія, который упорно отстаивалъ союзъ съ Римомъ даже послѣ вступленія въ городъ Финикіянъ; онъ этимъ нехотати доказалъ, какую слѣдуетъ придавать цѣну свободѣ и самоуправленію, которыя онъ только-что формально обезпечилъ за Кампанцами. Напротивъ того, южно-италийскіе Греки твердо держались за союзъ съ Римомъ, отчасти, конечно, благодаря вліянію римскихъ гарнизоновъ, но еще болѣе потому, что Элліны литали рѣшительную антипатію къ самимъ Финикіянамъ и къ ихъ новымъ луканскимъ и бреттійскимъ союзникамъ и потому что они дѣйствительно были привязаны къ Риму, который усердно пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ выказать на дѣлѣ свой эллинизмъ и обходился съ жившими въ Италіи Греками необыкновенно мягко. Поэтому, жившіе въ Кампаніи Греки и въ особенности жители Неаполя мужественно сопротивлялись нападенію самого Аннибала; такъ же поступали, не смотря на свое крайне опасное положеніе, города Великой Греціи Регіонъ, Туріи, Метапонтъ и Тарентъ. Но Кротонъ и Локры были взяты приступомъ соединившимися Бреттіянами и Фивикіянами, или были принуждены сдаться на капитуляцію и жители Кротоны были переселены въ Локры, а та важная приморская стоянка была занята бреттійскими колонистами. Что тѣ

города южной Италии, которые были населены Латинами, какъ-то Брундизій, Венузія, Пестъ, Коза, Калесъ, непоколебимо стояли за Римъ, разумеется само собой. Вѣдь это были оплоты владычества, воздвигнутые въ чужой землѣ завоевателями, которые поселились на пахатныхъ поляхъ окрестнаго населенія и жили во враждѣ съ сосѣдями; именно имъ въ ущербъ могло осуществиться данное Аннибаломъ обѣщаніе возвратить каждой изъ италійскихъ общинъ ея прежнія границы. То-же можно сказать о всей средней Италиі— объ этомъ древнѣйшемъ центрѣ римскаго владычества, гдѣ уже повсемѣстно преобладали и латинскіе нравы и латинскій языкъ и гдѣ всякій считалъ себя сподвижникомъ властителей, а не ихъ подданнымъ. Противники Аннибала въ кареагенскомъ сенатѣ не преминули напомнить, что ни одинъ римскій гражданинъ и ни одна латинская община не приняли сторону Кареагена. Какъ циклопскія постройки, такъ и этотъ фундаментъ римскаго могущества можно было разрушить не иначе, какъ вынимая изъ него камень за камнемъ.

Таковы были послѣдствія битвы при Каннахъ, въ которой погибли лучшіе солдаты и офицеры конфедерации, составлявшіе седьмую часть всѣхъ способныхъ къ военной службѣ Италійцевъ. Это было жестокое, но заслуженное наказаніе за тяжкія политическія прегрѣшенія, ответственность за которыя должна падать не на какихъ-нибудь одиночныхъ безумцевъ или ничтожныхъ людей, а на само римское гражданство. Конституція, приспособленная къ потребностямъ узкой территоріи, оказывалась во всѣхъ отношеніяхъ негодной для великой державы; такъ напримѣръ, уже не было никакой возможности ежегодно предоставлять на разрѣшеніе голосовальной урны (этого лица Пандоры) вопросъ о томъ, кто долженъ командовать римской арміей въ такой войнѣ, какъ война съ Аннибаломъ. Если же фундаментальная реформа государственныхъ учреждений и была осуществима, ее нельзя было предпринять въ ту пору; поэтому не оставалось ничего другаго, какъ предоставить высшій надзоръ за военными дѣйствіями и въ особенности назначеніе главнокомандующихъ и продленіе срока ихъ должности единственному органу верховной власти, который былъ въ состояніи исполнить такую задачу, — сенату, а за комиціями оставить лишь право формально утверждать сенатскія рѣшенія. Блестящіе успѣхи Сципионовъ на театрѣ трудныхъ военныхъ дѣйствій въ Испаніи доказывали, чего можно было достигнуть этимъ путемъ. Но политическая демагогія, уже старавшаяся въ ту пору подконтаться подъ аристократическій фундаментъ государственныхъ учреждений, захватила въ свои руки всё, что касалось веденія войны; нелѣпое обвиненіе, будто знать въ заговорѣ съ внѣшнимъ врагомъ, производило впечатлѣніе на «народъ». Вслѣдствіе этого, Гай Фламиній и Гай Варронъ, въ кото-

Поведеніе Римлянъ.

рых политическое суевѣріе видѣло спасителей отечества и которые оба были «новыми людьми» и чистокровными друзьями народа, были уполномочены народной толпой приводить въ исполненіе тѣ планы военныхъ дѣйствій, которые были ими изложены на публичной площади при одобрительныхъ возгласахъ этой толпы, — а все это имѣло послѣдствіемъ битвы при Тразименскомъ озерѣ и при Каннахъ. Сенатъ, понимавшій теперь свою задачу, конечно, лучше чѣмъ тогда, когда имъ была отозвана изъ Африки половина арміи Регула, исполнялъ свой долгъ, стараясь взять въ свои руки высшее управленіе и положить конецъ безчинствамъ; но когда первое изъ тѣхъ двухъ пораженій на минуту отдало кормило правленія въ его руки, и онъ не умѣлъ высвободиться изъ-подъ вліянія партійныхъ интересовъ. Хотя и несправедливо было-бы ставить Квинта Фабія наравнѣ съ тѣми римскими Клеонами, но и онъ велъ войну и упорствовалъ въ своей оборонительной системѣ не только въ качествѣ полководца, а главнымъ образомъ какъ политическій противникъ Гаяя Фламинія, и сдѣлалъ всё, что могъ, чтобъ довести до ожесточенія свою распрю съ Фламиніемъ въ такое время, когда было необходимо дѣйствовать единодушно. Первымъ послѣдствіемъ этого было то, что главное орудіе, предоставленное мудростью предковъ въ распоряженіе сената именно для случаевъ подобнаго рода — назначеніе диктатора, оказалось негоднымъ для употребленія, а вторымъ, но меньшей мѣрѣ косвеннымъ послѣдствіемъ было пораженіе при Каннахъ. Но виною быстрого упадка римскаго могущества были не Квинтъ Фабій и не Гай Варронъ, а отсутствіе взаимнаго довѣрія между правителями и управляемыми, разладъ между сенатомъ и гражданствомъ. Если спасеніе государства и возстановленіе его могущества еще были возможны, то за это дѣло нужно было взяться у себя дома и прежде всего возстановить единодушіе и взаимное довѣріе. Въ томъ и состоитъ великая и бессмертная заслуга римскаго сената, что онъ понялъ это и — что еще важнѣе — исполнилъ это, воздержавшись отъ всякихъ даже вполне заслуженныхъ укоровъ. Когда Варронъ, — единственный изъ всѣхъ въ ту пору командовавшихъ въ битвѣ генераловъ возвратившійся въ Римъ, — прибылъ въ столицу, а римскіе сенаторы вышли къ нему на встрѣчу до городскихъ воротъ и благодарили его за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи отечества, это были не пустыя фразы, сказанныя съ цѣлію скрыть бѣду или осмѣять несчастнаго главнокомандующаго; въ нихъ было выражено примиреніе между правителями и управляемыми. Въ виду такого важнаго заявленія и въ виду такой серьезной опасности замолгла демагогическая болтовня; съ той минуты въ Римѣ стали заботиться только о томъ, какъ общими силами предотвратить бѣду. Квинтъ Фабій, — въ эту рѣшительную минуту оказавшій болѣе важныя услуги своимъ непоколебимымъ мужест-

вомъ, чѣмъ всѣми своими военными подвигами,—и вмѣстѣ съ нимъ другіе вліятельные сенаторы служили въ этомъ случаѣ примѣромъ для всѣхъ; они возвратили гражданамъ вѣру и въ самихъ себя и въ будущее. Сенатъ былъ попрежнему непоколебимъ и въскате-ленъ въ ту пору, когда Италия была во власти врага, самъ Римъ былъ почти безъ защиты, а въ столицу со всѣхъ сторонъ спѣшили гонцы съ извѣстіями о проигранныхъ сраженіяхъ, объ измѣнѣ союзниковъ, объ уtratѣ сторожевыхъ позицій и магазиновъ, и съ требованіями поддержаній въ долину По и въ Сицицію. Народу было запрещено сходиться толпами у городскихъ воротъ, зѣвакамъ и женщинамъ было приказано сидѣть дома, срокъ траура по убитымъ былъ ограниченъ тридцатью днями для того, чтобъ не прерывать на слишкомъ долгое время служеніе радостнымъ богамъ, въ которомъ не могли принимать участія люди въ траурныхъ одеждахъ,—вѣдь число убитыхъ было такъ велико, что почти не было ни одного семейства, въ которомъ не слышался-бы плачь по умершимъ. Между тѣмъ всѣ, кому удалось спастись съ поля битвы, были собраны въ Канувиі двумя даровитыми военными трибунами—Аппіемъ Клавдіемъ и Публиемъ Сципіономъ-сыномъ; этотъ послѣдній, благодаря своему гордому воодушевленію и грозно-поднятымъ мечамъ своихъ солдатъ, умѣлъ внушить инья намѣренія тѣмъ знатымъ молодымъ баричамъ, которые, легко примирясь съ мыслию о невозможности спасти отечество, помышляли о бѣгствѣ за-море. къ этимъ трибунамъ присоединился во главѣ небольшой кучки солдатъ консулъ Гай Варронъ; такимъ образомъ удалось мало по-малу набрать почти два легіона, которые были, по приказанію сената, за-ново организованы и въ наказаніе осуждены на постыдную бесплатную военную службу. Неспособный главнокомандующій былъ отозванъ въ Римъ подъ благовиднымъ предлогомъ; главное командованіе было возложено на испытаннаго въ галльскихъ войнахъ претора Марка Клавдія Марцелла, которому было незадолго передъ тѣмъ приказано отправиться съ флотомъ изъ Остіи въ Сицицію. Правительство напрягло всѣ свои усилія, чтобъ организовать способную къ бою армію. къ Латинамъ оно обратилось съ просьбой о помощи въ общей опасности; самъ Римъ подавалъ собою примѣръ и призвалъ къ оружію всѣхъ мужчинъ, даже тѣхъ, которые еще не вышли изъ отроческаго возраста; онъ не только вооружилъ поступившихъ въ кабалу должниковъ и преступниковъ, но даже включилъ въ составъ арміи восемь тысячъ рабовъ, купленныхъ на счетъ государства. Чтобъ восполнить недостатокъ оружія, была взята изъ храмовъ сложенная тамъ старинная военная добыча и всѣ фабрики и мастерскія были завалены работой. Личный составъ сената былъ пополненъ не одними Латинами, какъ того требовали трусливые патріоты, а имѣвшими на то ближайшее право

римскими гражданами. Аннибалъ предложилъ выкупить плѣнныхъ на счетъ римской государственной казны, но это предложеніе было отклонено и даже не былъ допущенъ въ городъ карфагенскій посланецъ, прибывшій съ депутаціей отъ плѣнниковъ; ничто не должно было наводить на предположеніе, будто сенатъ помышляетъ о мирѣ. Не только союзниковъ старались убѣдить, что Римъ никогда не согласится ни на какую миролюбивую сдѣлку, но и самому послѣднему изъ гражданъ старались внушить, что для него, какъ и для всѣхъ другихъ, миръ невозможенъ и что спасеніе только въ побѣдѣ.

ГЛАВА VI.

Аннибаловская война отъ битвы при Каннахъ до битвы при Замѣ.

Предпринимая походъ въ Италию, Аннибалъ имѣлъ въ виду рас- Новый по паденіе италійской конфедераціи; послѣ трехъ кампаній эта цѣль воротъ въ была достигнута въ той мѣрѣ, въ какой была достижима. По все- ходѣ дѣль. му было видно, что только передъ силой, а не передъ страхомъ преклонятся тѣ греческія и латинскія или состоявшія на латинскомъ правѣ италійскія общины, которыя не будутъ введены въ заблужденіе битвой при Каннахъ, а отчаянное мужество, съ которымъ защищались отъ Финикіянь даже въ южной Италиі такіе маленькіе и оставленные безъ всякой помощи городки, какъ бреттійская Петелія, очень ясно доказывало, чего слѣдовало ожидать отъ Марсовъ и отъ Латиновъ. Если Аннибалъ воображалъ, что онъ достигнетъ на этомъ пути болѣе важныхъ результатовъ и что ему удастся повести на Римъ и Латиновъ, то онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. И италійская коалиція, по видимому, вовсе не доставила Аннибалу того, чего онъ ожидалъ. Капуа поспѣшила выговорить условіе, что Аннибалъ не будетъ имѣть права принуждать кампанскихъ гражданъ къ военной службѣ; горожане еще не позабыли, какъ поступалъ Пирръ въ Тарентѣ, и увлекались неразумной надеждой, что имъ удастся избѣжать и римскаго владычества и финикійскаго. Самній и Луканія уже совершенно измѣнились съ той поры, какъ Пирръ помышлялъ о вступленіи въ Римъ во главѣ сабельской молодежи. Не только сѣтъ римскихъ крѣпостей повсюду перерѣзывала мускулы и нервы края, но многолѣтнее римское владычество отучило жителей отъ войны (изъ южной Италиі доставлялись римскимъ арміямъ лишь незначительныя подкрѣпленія), заглушило въ нихъ старинную ненависть и повсюду привязало массу отдѣльных личностей къ интересамъ господствовавшей общины. Хотя иные и переходили на сторону побѣдителя Римлянъ, когда дѣло Рима казалось проиграннымъ, но это дѣлалось съ сознаниемъ, что вопросъ

идеть не о свободѣ, а о замѣнѣ италійскаго влaстителя финикійскимъ, и не горячее влеченіе, а малодушіе побудило сабелльскія общины отдаться въ руки побѣдителя. При такомъ положеніи дѣлъ война въ Италіи пріостановилась. Владычествуя надъ южною частію полуострова вплоть до Вольтурна и до Гаргана и не имѣя возможности покинуть этотъ край такъ, какъ онъ покинулъ страну Кельтовъ, Аннибалъ былъ принужденъ заботиться также объ охранѣ границы, которую нельзя было безнаказанно оставлять незащищенной; а для того, чтобъ защищать завоеванную имъ страну противъ не сдававшихся ему крѣпостей и наступавшей съ сѣвера арміи и въ то-же время вести трудную наступательную войну въ средней Италіи, у него не было достаточныхъ боевыхъ силъ, такъ какъ его армія состояла, — за исключеніемъ италійскихъ вспомогательныхъ войскъ, — приблизительно изъ 40.000 человекъ. Но важнѣе всего было то, что ему пришлось имѣть дѣло съ такими противниками, которые не были похожи на прежнихъ. Страшныя бѣдствія побудили Римлянъ перейти къ болѣе разумной системѣ веденія войнъ, ставить во главѣ армій лишь опытныхъ начальниковъ и по меньшей мѣрѣ въ случаѣ необходимости оставлять этихъ начальниковъ въ должности на болѣе долгое время. Съ тѣхъ поръ римскіе главнокомандующіе уже не ограничивались наблюденіемъ съ горныхъ высотъ за движеніями непріятеля и не бросались на врага гдѣ бы съ нимъ ни встрѣтились, а, придерживаясь середины между мѣшкотностью и опрометчивою торопливостью, занимали позиціи въ обнесенныхъ окопами лагеряхъ подъ стѣнами крѣпостей и вступали въ бой лишь тогда, когда побѣда сулила серьезные результаты, а поражение не угрожало гибелью. Душою этой новой системы былъ Маркъ Клавдій Марцеллъ. Руководимые вѣрнымъ инстинктомъ, сенатъ и народъ обратили свои взоры, послѣ несчастной битвы при Каннахъ, на этого храбраго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ человека и поручили ему фактическое командованіе арміей. Онъ изучилъ военное дѣло во время трудной борьбы съ Амилъкаромъ въ Силиціи, а въ послѣднихъ походахъ противъ Кельтовъ выказалъ и дарованія вождя и личную храбрость. Не смотря на то, что ему было много болѣе пятидесяти лѣтъ, въ немъ еще было много юношескаго воинственнаго пыла и лишь за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, состоя въ званіи главнокомандующаго, онъ сшибъ съ лошади главнокомандующаго непріятельской арміи (стр. 555); это былъ первый и единственный римскій консулъ, которому удалось совершить такой подвигъ. Его жизнь была посвящена двумъ божествамъ — чести и храбрости, которымъ онъ и соорудилъ блестящій двойной храмъ у Капенскихъ воротъ, и если Римъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ крайней опасности не одному человеку, а всему римскому гражданству и въ особенности

сенату, то никакой отдельный человек не содействовалъ успѣху общаго дѣла такъ много, какъ Маркъ Марцеллъ.

Съ поля битвы Аннибалъ направился въ Кампанію. Онъ зналъ Походъ Аннибала въ Кампанію. Римъ лучше тѣхъ легкомысленныхъ людей, которые и въ древнія и въ новѣйшія времена полагали, что онъ могъ-бы окончить борьбу, если-бы двинулся на неприятельскую столицу. Правда, военное искусство нашего времени рѣшаетъ исходъ борьбы на полѣ сраженія; но въ древнія времена искусство брать крѣпости было гораздо менѣе развито, чѣмъ искусство обороняться и безчисленное число разъ случалось, что кампанія, начавшаяся самой рѣшительной побѣдой въ открытомъ полѣ, оканчивалась неудачей подъ стѣнами столицы. Карфагенскій сенатъ и карфагенское гражданство не могли хотя-бы приблизительно равняться съ римскимъ сенатомъ и съ римскимъ народомъ, а положеніе Карфагена было послѣ первой кампаніи Регула несравненно болѣе опаснымъ, чѣмъ положеніе Рима послѣ битвы при Каннахъ; однако Карфагенъ устоялъ и одержалъ полную побѣду. Что-же давало право думать, что Римъ поднесетъ теперь побѣдителю ключи отъ своихъ воротъ или по крайней мѣрѣ согласится на умѣренные мирныя условія? Поэтому Аннибалъ предпочелъ такимъ пустымъ демонстраціямъ серьезныя выгоды, которыя можно было извлечь изъ его военныхъ успѣховъ; не теряя времени на осаду укрывшихся въ Канузи нѣсколькихъ тысячъ римскихъ бѣглецовъ, онъ немедленно двинулся на Капуу, которую Римляне еще не успѣли снабдить гарнизономъ, и своимъ приближеніемъ понудилъ эту вторую столицу Италіи перейти, послѣ долгихъ колебаній, на его сторону. Онъ могъ надѣяться, что изъ Капуи ему удастся завладѣть однимъ изъ портовыхъ городовъ Кампаніи для того, чтобъ направлять туда подкрѣпленія, на доставку которыхъ была вынуждена согласиться карфагенская оппозиціонная партія въ виду его блестящихъ побѣдъ. Когда Римляне узнали, куда направился Аннибалъ, они также покинули Апулію, оставивъ тамъ лишь небольшой отрядъ, и собрали на правомъ берегу Вольтурна всѣ оставшіяся у нихъ войска. Съ двумя легионами, уцѣлѣвшими отъ битвы при Каннахъ, Маркъ Марцеллъ двинулся на Теанъ Сидицивъ, стянулъ туда изъ Рима и изъ Остіи первыя войска, какія были готовы къ выступленію, и въ то время, какъ диктаторъ Маркъ Юній медленно подвигался вслѣдъ за нимъ съ наскоро сформированной главной арміей, онъ достигъ въ направленіи къ Казилину до береговъ Вольтурна въ надеждѣ спасти Капуу. Этотъ городъ уже находился во власти неприятеля, но попытка Аннибала овладѣть Неаполемъ не удалась, благодаря мужественному сопротивленію населенія, и Римляне своевременно успѣли занять этотъ важный портовый городъ своимъ гарнизономъ. Точно также оставались вѣрными Риму оба другіхъ большихъ приморскихъ города Кумы и Нуцерія. Въ Нолѣ велась

Возобновленіе войны въ Кампаніи.

борьба между партіями народной и сенатской изъ-за вопроса о томъ, чью принять сторону — Карфагенянь или Римлянъ. Узнавши, что первая изъ этихъ партій беретъ верхъ, Марцеллъ перешолъ черезъ рѣку подлѣ Капаяціи и, обойдя неприятельскую армію по высотамъ Суэссуды, прибылъ въ Нолу во-время, чтобъ успѣть отстоять ее и противъ вѣншихъ и противъ внутреннихъ враговъ. Во время одной вылазки онъ даже одержалъ побѣду надъ самимъ Аннибаломъ, нанесъ ему значительный уронъ; этотъ успѣхъ былъ гораздо важнѣе по своему нравственному значенію, чѣмъ по своимъ матеріальнымъ результатамъ, такъ какъ это было первое пораженіе, нанесенное Аннибалу. Хотя Аннибалъ и завладѣлъ въ Кампаніи Нуперіей, Ацеррами и послѣ длившейся до слѣдующаго года (539) упорной осады—даже ключемъ къ линіи Вольтурна Казилномъ, а державшихъ сторону Рима сенаторовъ подвергнувъ жестокимъ наказаніямъ, но терроръ—плохое орудіе для политической пропаганды, и Римлянамъ удалось пережить эту опасную эпоху военнаго безсилія съ потерями сравнительно незначительными. Война въ Кампаніи приостановилась, а когда наступила зима, Аннибалъ расположился съ своей арміей въ Капуѣ среди роскоши, которая не принесла никакой пользы его войскамъ, уже въ теченіе трехъ лѣтъ не жившимъ подъ кровлей. Въ слѣдующемъ году (539) война уже приняла иной видъ. Испытанный полководецъ Маркъ Марцеллъ, отличившійся въ прошлогоднюю кампанію начальникъ конницы при диктаторѣ Тиберіи Семпроніи Гракхъ и престарѣлый Фабій Максимъ—первый въ качествѣ проконсула, а двое послѣднихъ въ качествѣ консуловъ,—стали во главѣ трехъ римскихъ армій, которыя должны были окружить Капуу и Аннибала; Марцеллъ опирался на Нолу и на Суэссуду, Максимъ занялъ позицію на правомъ берегу Вольтурна подлѣ Калеса, а Гракхъ сталъ вблизи отъ морскаго берега подлѣ Литерна, прикрывая Неаполь и Кумы. Кампанцы, выступившіе въ направленіи къ Гамамъ на разстояніе трехъ миль отъ Кумъ съ цѣлію напасть въ распахъ на Куманцевъ, были совершенно разбиты Гракхомъ; Аннибалъ, появившійся передъ Кумами съ цѣлію загладить этотъ промахъ, самъ потерпѣлъ неудачу и когда предложенное имъ сраженіе не было принято, неохотно возвратился въ Капуу. А между тѣмъ, какъ Римляне не только удерживали за собою въ Кампаніи все, что находилось въ ихъ власти, но снова завладѣли Компутьтеріей и нѣкоторыми другими болѣе мелкими пунктами, со стороны восточныхъ союзниковъ Аннибала стали раздаваться громкія жалобы. Римская армія, находившаяся подъ начальствомъ претора Марка Валерія, заняла позицію подлѣ Луперіи частію для того, чтобъ при содѣйствіи римскаго флота наблюдать за восточными берегами и за движеніями Македонянъ, частію для того, чтобъ, при содѣйствіи стоявшей у Нолы арміи, грабить возставшихъ Сам-

Возобновле-
ніе войны
въ Апуліи.

житовъ, Луканцевъ и Гирпиновъ. Чтобъ защитить этихъ союзниковъ, Аннибалъ напалъ прежде всего на самаго предприимчиваго изъ своихъ противниковъ, Марка Марцелла; но Марцеллъ одержалъ подъ стѣнами Нолы довольно значительную побѣду надъ финикійской арміей, которая, не загладивъ этой неудачи, двинулась изъ Кампаніи въ Арпи для того, чтобъ воспрепятствовать дальѣйшимъ успѣхамъ непріятельской арміи въ Апуліи. Вслѣдъ за нею двинулся съ своимъ корпусомъ Тиберій Грахъ, между тѣмъ какъ двѣ другія, стоявшія въ Кампаніи, римскія арміи стали готовиться къ нападенію слѣдующей весной на Капуу.

Побѣды Аннибала не помѣшали ему ясно видѣть настоящее положение дѣлъ. Онъ все болѣе и болѣе прониклся убѣжденіемъ, что избранный имъ путь не приведетъ къ дѣлу. Уже нельзя было снова прибѣгать къ тѣмъ быстрымъ передвиженіямъ его арміи съ одного мѣста на другое, къ тѣмъ предпринимаемымъ почти наудачу перенесеніямъ войны изъ одной мѣстности въ другую, которымъ онъ былъ болѣе всего обязанъ своими успѣхами; къ тому-же непріятель сталъ умнѣе, а вслѣдствіе необходимости защищать пріобрѣтенное, почти не было никакой возможности пускаться на новыя предпріятія. О наступательныхъ военныхъ дѣйствіяхъ нельзя было и думать; вести оборонительную войну было трудно и можно было предвидѣть, что она будетъ становиться съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе трудной; Аннибалъ не могъ обманывать себя насчетъ того, что вторая часть его великой задачи—покореніе Латинцевъ и завладѣніе Римомъ не можетъ быть приведена въ исполненіе его собственными военными силами и силами его италійскихъ союзниковъ. Довершеніе этого дѣла зависѣло отъ карфагенскаго сената, отъ находившейся въ Картагенѣ главной квартиры и отъ владѣтелей Пеллы и Сиракузъ. Если-бы въ Африкѣ, въ Испаніи, въ Сициліи и въ Македоніи были теперь сообщены всѣ усилія для одолженія общаго врага, если-бы нижняя Италія сдѣлалась теперь обширнымъ сборнымъ мѣстомъ для армій и флотовъ запада, юга и востока, то Аннибалъ могъ-бы надѣяться, что успѣшно доведетъ до конца дѣло, такъ успѣшно начатое авангардомъ подъ его руководствомъ. Всего естественнѣе и всего легче было-бы доставить ему достаточныя подкрѣпленія изъ его отечества, а на это, безъ сомнѣнія, достало-бы средствъ у карфагенскаго государства, которое почти нисколько не пострадало отъ войны и которое, возставши изъ своего глубокаго упадка, уже было такъ близко къ полной побѣдѣ, благодаря немногочисленной кучкѣ энергическихъ патріотовъ, дѣйствовавшихъ на свой счетъ и на свой страхъ. Что финикійскій флотъ какихъ-бы то ни было размѣровъ могъ-бы пристать къ берегу подлѣ Локръ или подлѣ Кротона, въ особенности пока сиракузская гавань была открыта для Карфагенянъ, и что Македонія могла-бы задержать стоявшій въ Брундизиі римскій

Аннибалъ вынужденъ вести оборонительную войну.

Его надежды на получение подкрѣпленій.

Флотъ,—это доказываютъ какъ безпрепятственная высадка тѣхъ 4000 Африганцевъ, которыхъ привелъ около того времени Аннибалу Божильбаръ, такъ въ особенности и безпрепятственный переѣздъ Аннибала моремъ въ то время, когда уже все было потеряно. Но карфагенская мирная партія всегда была готова купить паденіе политическихъ противниковъ гибелью своего отечества и всегда находила вѣрныхъ союзниковъ въ недалёковидности и въ безпечности карфагенскаго гражданства; поэтому, когда первое впечатлѣніе, произведенное побѣдой при Каннахъ, остыло, эта партія отклонила просьбу полководца о болѣе энергической поддержкѣ отчасти наивнымъ, отчасти лукавымъ отвѣтомъ—что если онъ дѣйствительно побѣждаетъ, то онъ не нуждается въ помощи; такимъ образомъ она содѣйствовала спасенію Рима немного менѣе, чѣмъ римскій сенатъ. Аннибалъ былъ воспитанъ въ лагерѣ и не былъ знакомъ съ условіями городскихъ партій, а въ его отечествѣ не было такого народнаго вождя, который поддерживалъ-бы его такъ-же, какъ поддерживалъ его отца Аздрубаль; поэтому онъ былъ вынужденъ искать въ чужихъ странахъ тѣхъ средствъ для спасенія своего отечества, которыя находились въ избыткѣ на его родинѣ.—Онъ могъ рассчитывать,—по меньшей мѣрѣ съ болѣею надеждою успѣха,—на вождей испанской патриотической арміи, на заведенныя въ Сиракузахъ сношенія и на внимательство Филиппа. Все сводилось къ тому, чтобъ доставить изъ Испаніи, изъ Сиракузъ, или изъ Македоніи на театръ военныхъ дѣйствій въ Италиі свѣжія боевыя силы для борьбы съ Римомъ, а чтобъ этого достигнуть или чтобъ этому воспрепятствовать велись войны въ Испаніи, въ Сициліи и въ Греціи. Всѣ онѣ были только средствами для вышеуказанной цѣли, хотя имъ нерѣдко и придавали совершенно неосновательно болѣе важное значеніе. Для Римлянъ это въ сущности были оборонительныя войны, которыя велись съ цѣлію удержать въ своихъ рукахъ проходы Пиренеевъ, задержать македонскую армію въ Греціи, защитить Мессану и прервать сообщенія между Италіей и Сициліей; само собой разумѣется, что эта оборонительная война велась по мѣрѣ возможности наступательно и при благопріятныхъ условіяхъ дошла до того, что Римляне вытѣснили Финикійянъ изъ Испаніи и изъ Сициліи и разорвали союзъ Аннибала съ Сиракузами и съ Филиппомъ. Война въ Италиі отодвигается на задній планъ и ограничивается осадой крѣпостей и набѣгами, которые не могли имѣть рѣшительнаго вліянія на исходъ борьбы. Тѣмъ не менѣе, пока Финикійяне дѣйствовали наступательно, Италія была цѣлію военныхъ дѣйствій, и какъ всѣ усилія, такъ и всѣ интересы сосредоточивались или на томъ, чтобъ прекратить, или на томъ, чтобъ продолжить изолированное положеніе Аннибала въ южной Италиі.

Если-бы немедленно вслѣдъ за побѣдой при Каннахъ были отданы въ распоряженіе Аннибала всѣ тѣ ресурсы, расчитывать на которые онъ считалъ себя въ правѣ, то онъ могъ-бы быть почти совершенно увѣренъ въ успѣхъ. Но положеніе Аздрубала въ Испаніи было въ ту пору такъ опасно вслѣдствіе битвы на берегахъ Эбро, что пособія деньгами и людьми, вызванныя отъ кареагенскаго гражданства побѣдой при Каннахъ, были отправлены болѣею частию въ Испанію, впрочемъ мало измѣнивъ тамъ ходъ дѣлъ къ лучшему. Въ слѣдующую кампанію (539). Сципіоны перенесли театръ военныхъ дѣйствій съ береговъ Эбро на берега Гвадалъквивира и одержали двѣ блистательныхъ побѣды въ самомъ центрѣ кареагенскихъ владѣній, подлѣ Иллитурги и подлѣ Интибили. Сношенія, въ которыя Кареагеняне вошли съ туземнымъ населеніемъ Сардиніи, давали имъ право надѣяться, что они завладѣютъ этимъ островомъ, который могъ имѣть для нихъ важное значеніе въ качествѣ промежуточной станціи между Испаніей и Италіей. Но отправленный съ римской арміей въ Сардинію, Титъ Манлій Торкватъ совершенно уничтожилъ высадившіяся тамъ кареагенскія войска и снова обезпечилъ за Римлянами безспорное обладаніе островомъ (539). Посланные въ Сицилію каннскіе легіоны мужественно и успѣшно боролись и въ сѣверной части острова и въ восточной съ Кареагенянами и съ Пиронимомъ; впрочемъ этотъ послѣдній палецъ отъ руки убійцы еще въ концѣ 539 года. Даже ратификація союзнаго договора Кареагенянь съ Македоніей замедлилась главнымъ образомъ потому, что отправленные къ Аннибалу македонскіе гонцы были захвачены на возвратномъ пути римскими военными кораблями. Такимъ образомъ, угрожавшее восточнымъ берегамъ Италіи нашествіе покуда несостоялось и Римляне имѣли достаточно времени для того, чтобъ защитить самое важное изъ своихъ владѣній на этихъ берегахъ — Брундизій сначала своимъ флотомъ, а потомъ и той сухопутной арміей, которая охраняла Апулію до прибытія Гракха; они даже успѣли приготовиться въ вторженію въ Македонію на случай, если-бы она объявила имъ войну. И такъ, въ то время какъ въ Италіи борьба была пріостановлена, Кареагеняне ничего не сдѣлали внѣ Италіи, чтобъ ускорить доставку туда новыхъ армій или флотовъ. Напротивъ того, Римляне повсюду готовились къ оборонѣ съ самой напряженной энергіей и въ этомъ оборонительномъ положеніи сражались болѣею частию успѣшно повсюду, гдѣ не имѣли дѣла съ самимъ Аннибаломъ. Тѣмъ временемъ совершенно выдохся тотъ недоговѣчный патріотизмъ, который расшевелила въ Кареагенѣ побѣда при Каннахъ; вслѣдствіе ли крамольной оппозиціи, или только вслѣдствіе неумѣнья примирить различныя мнѣнія, высказывавшіяся на совѣщаніяхъ въ Кареагенѣ, — довольно значительныя военныя силы, которыми тамъ могли располагать, были такъ разбросаны по разнымъ мѣстамъ, что нигдѣ не принесли существенной

Доставка
подирѣпле-
ній не-
удается.

215

215

215

пользы, а туда, гдѣ онѣ могли-бы принести самую большую пользу, попали лишь въ самомъ незначительномъ числѣ. Даже самые осмотрительные изъ римскихъ государственныхъ людей могли придти въ концѣ 539 года къ убѣжденію, что крайняя опасность уже миновала и что остается только продолжать съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ геройски—начатую оборону, чтобъ достигнуть цѣли.

215

Война въ Сициліи.

Прежде всего прекратилась война въ Сициліи. Въ первоначальный планъ Аннибала не входило намѣреніе завязывать борьбу на этомъ островѣ; война возгорѣлась тамъ частію случайно, а главнымъ образомъ по причинѣ ребяческаго тщеславія безразсуднаго Геронима, но карфагенское правительство занялось ею съ особеннымъ рвеніемъ, безъ сомнѣнія, именно потому, что ее не замышлялъ Аннибалъ.

215

Осада Сиракузъ.

Послѣ того, какъ Геронимъ былъ умерщвленъ въ концѣ 539 года, казалось болѣе нежели сомнительнымъ, чтобъ гражданство захотѣло и впредь придерживаться его политики. Никакой другой городъ не имѣлъ столько причинъ держать сторону Рима, какъ Сиракузы, такъ какъ побѣда Карфагенянь надъ Римлянами безъ сомнѣнія доставила бы первымъ по меньшей мѣрѣ владычество надъ всею Сициліей, а въ исполненіе обѣщаній, данныхъ Карфагенюмъ Сиракузянамъ, не могъ вѣрить ни одинъ здравомыслящій человекъ. Сиракузское гражданство обнаружило готовность загладить прошлое своевременнымъ вступленіемъ въ римскую конфедерацію частію на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, частію потому, что было испугано грозными приготовленіями Римлянъ, которые напрягали всѣ свои усилія, чтобъ снова завладѣть этимъ важнымъ островомъ, (который былъ чѣмъ-то въ родѣ моста между Италіей и Африкой) и въ виду кампаніи 540 года послали въ Сицилію лучшаго изъ своихъ полководцевъ, Марка Марцелла. Но въ Сиракузахъ царствовала страшная неурядица: послѣ смерти Геронима тамъ сталивались попытки возстановить прежнюю народную свободу съ попытками многочисленныхъ претендентовъ завладѣть вакантнымъ престоломъ, а настоящими хозяевами города были начальники иноземныхъ наёмныхъ отрядовъ; Аннибаловы эмиссары Иппократъ и Эпикидъ искусно воспользовались этой неурядицей, чтобъ разстроить всѣ мирныя попытки. Призывомъ къ свободѣ они подняли на ноги народную толпу; крайне преувеличенные рассказы о страшной расправѣ Римлянъ съ только что изъявившими покорность Леонтинцами возбудили въ лучшей части гражданства сомнѣніе—не слишкомъ-ли поздно возстановлять прежнія отношенія къ Риму; наконецъ, многочисленные римскіе дезертиры, болѣею частію прежде служившіе на римскомъ флотѣ гребцами, безъ большаго труда убѣдили наёмниковъ, что примиреніе гражданства съ Римомъ будетъ ихъ смертнымъ приговоромъ. И такъ вожди гражданства были умерщвлены, перемиріе было нарушено, а Иппократъ и Эпикидъ взяли въ свои руки городское управленіе. Консулу

214

не оставалось ничего другого, какъ приступить къ осадѣ; но искусная оборона, — въ которой особенно отличился сиракузскій инженеръ Архимедъ, прославившійся своими познаніями въ математикѣ, — принудила Римлянъ, послѣ восьми-мѣсячной осады, замѣнить эту осаду блокадой съ моря и съ сухаго пути. Каррагенъ до того времени помогалъ Сиракузянамъ только своимъ флотомъ; но когда тамъ узнали о новомъ вспыхнувшемъ въ Сиракузахъ возстаніи противъ Рима, въ Сицилію была отправлена подъ начальствомъ Гимилькона сильная сухопутная армія, которая безпрепятственно высадилась подлѣ Герраклеи—Миноа и немедленно обложила важный городъ Акрагантъ. Отважный и даровитый Иппократъ выступилъ изъ Сиракузъ во главѣ арміи съ цѣлію соединиться съ Гимилькономъ; тогда положеніе Марцелла между сиракузскимъ гарнизономъ и двумя непріятельскими арміями сдѣлалось опаснымъ. Однако, благодаря полученнымъ изъ Италіи подкрѣпленіямъ, онъ удержался въ своей позиціи и не прекратилъ блокады Сиракузъ. Съ другой стороны, небольшіе города большею частію добровольно отдавались въ руки Каррагенянь не столько изъ страха передъ непріятельскими арміями, сколько по причинѣ чрезмѣрной строгости, съ которой Римляне распорядились на островѣ; такъ напримѣръ, стоявшій въ Эннѣ римскій гарнизонъ перебилъ мѣстныхъ гражданъ, заподозрѣнныхъ въ намѣреніи отложиться отъ Рима. Въ 542 году, въ то время, какъ въ Сиракузахъ справляли какой-то праздникъ, осаждающимъ удалось взобраться на покинутую часовыми часть обширныхъ городскихъ стѣнъ и проникнуть въ предмѣстія, которыя тянутся берегомъ (A ch g a d i n a) отъ такъ называемаго «острова» и отъ самаго города внутрь страны. Крѣпость Эвріаль, которая стояла на крайней западной оконечности предмѣстій и прикрывала какъ эти предмѣстія, такъ и большую дорогу, соединявшую Сиракузы съ внутренними странами, была такимъ образомъ отрѣзана отъ Сиракузъ и вскорѣ послѣ того взята Римлянами. Когда осада города стала принимать благопріятный для Римлянъ оборотъ, тогда обѣ арміи, предводимыя Гимилькономъ и Иппократомъ, двинулись на помощь къ Сиракузамъ и предприняли одно-временное нападеніе на римскія позиціи; въ то-же время каррагенскій флотъ попытался высадить на берегъ войска, а сиракузскій гарнизонъ сдѣлалъ вылазку; но эти нападенія были отбиты со всѣхъ сторонъ и обѣ пришедшія на помощь арміи были принуждены довольствоваться тѣмъ, что могли стать лагеремъ подъ городомъ на болотистыхъ низменностяхъ Анапа, гдѣ въ серединѣ лѣта и осенью свирѣпствуютъ заразительныя болѣзни. Этимъ болѣзнями городъ бывалъ обязанъ своимъ спасеніемъ чаще, чѣмъ мужеству своихъ гражданъ. Во времена перваго Діонисія, такими моровыми повѣтріями были истреблены подъ стѣнами города двѣ осаждавшія его финикійскія арміи. Но теперь судьба сдѣлала изъ этого орудія обороны причину

Экспедиція
Каррагенянь
въ Сицилію.

212

Карраген-
ская армія
уничтожена.

гибели города; между тѣмъ какъ армія Марцелла, размѣстившаяся по квартирамъ въ предмѣстіяхъ, лишилась небольшого числа людей, бивуаки Финикіянъ и Сиракузянъ были совершенно опустошены лихорадками. Иппократъ умеръ; Гимильконъ и большая часть Африканцевъ также погибли, а остатки обѣихъ армій, состоявшіе большею частію изъ сицилійскихъ уроженцевъ, разбрелись по сосѣднимъ городамъ. Карфагеняне еще разъ попытались спасти городъ, подойдя къ нему моремъ; но адмиралъ Бомилькаръ уклонился отъ предложенной ему римскимъ флотомъ битвы. Тогда даже командовавшій въ городѣ Эпикидъ утратилъ надежду его спасти и бѣжалъ въ Акрагантъ. Сиракузы были готовы сдаться Римлянамъ; объ этомъ даже начались переговоры. Но этому вторично воспротивились дезертиры; во время вспыхнувшего среди солдатъ мятежа были убиты предводители гражданства и многіе изъ знатныхъ городскихъ жителей, а иноземныя войска ввѣрили управленіе городомъ и его защиту своимъ начальникамъ. Тогда Марцеллъ вступилъ съ однимъ изъ этихъ начальниковъ въ переговоры, которые привели къ тому, что одна изъ двухъ еще не завоеванныхъ частей города, такъ-называемый островъ, была отдана въ руки Римлянамъ; вслѣдъ затѣмъ граждане добровольно отворили передъ Марцелломъ и ворота Ахрадины (осенью **Взятіе 212** 542). Такъ какъ Сиракузяне, очевидно, не были полными хозяевами **Сиракузь.** въ своемъ городѣ и такъ какъ они неоднократно дѣлали серьезныя попытки высвободиться изъ-подъ тираніи иноземной солдатчины, то они имѣли право ожидать пощады даже по тѣмъ вовсе непохвальнымъ принципамъ римскаго государственнаго права, которые обыкновенно примѣнялись къ отложившимся отъ конфедераціи общинамъ. Но не только самъ Марцеллъ запятналъ свою воинскую честь, допустивъ разграбленіе богатаго торговаго города, при чемъ вмѣстѣ съ множествомъ гражданъ погибъ и Архимедъ, даже римскій сенатъ не внялъ запоздалымъ жалобамъ Сиракузянъ на прославившагося полководца и не возвратилъ ни жителямъ заграбленнаго у нихъ имущества ни городу его прежней свободы. Сиракузы вмѣстѣ съ прежде находившимися въ ихъ зависимости городами поступили въ число общинъ, обязанныхъ уплачивать Риму подати; только Тавроменій и Неетонъ получили одинакія права съ Мессаной; леонтинская территорія была обращена въ римскія государственныя имущества; тамошніе землевладѣльцы сдѣлались римскими арендаторами, а въ господствовавшей надъ гаванью части города, на «островѣ», было впредь запрещено жить сиракузскимъ гражданамъ. И такъ Сицилія была, повидимому, окончательно утрачена Карфагенянами; но и тамъ геній Аннибала издали вліялъ на ходъ событій. Въ карфагенскую армію, стоявшую въ бездѣйствіи подлѣ Акраганта подъ начальствомъ Аннона и Эпикиды, былъ присланъ Аннибаломъ кавалерійскій офицеръ, Либіецъ Мутинъ, которому было поручено

Мелкая война въ Сициліи.

командованіе нумидійской конницею; во главѣ своихъ летучихъ отрядовъ онъ сталъ раздувать въ открытое пламя ненависть, которую возбудили Римляне на всемъ островѣ своими насиліями, и началъ партиванскую войну въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и съ самымъ блестящимъ успѣхомъ; онъ успѣшно боролся даже съ самимъ Марцелломъ въ то время, какъ арміи карфагенская и римская встрѣтились на берегахъ Гимеры. Но и здѣсь возобновились въ маломъ видѣ тѣ же отношенія, какія существовали между Аннибаломъ и карфагенскимъ правительствомъ. Назначенный этимъ правительствомъ главнокомандующій преслѣдовалъ съ ревнивою завистью присланнаго Аннибаломъ офицера и настоялъ на своемъ намѣреніи вступить въ сраженіе съ проконсуломъ безъ помощи Мутина и Нумидійцевъ. Желаніе Аннона было исполнено и онъ потерпѣлъ полное пораженіе. Это не заставило Мутина отказаться отъ его замысловъ; онъ удержался внутри страны, занялъ нѣсколько небольшихъ городковъ и, благодаря полученнымъ имъ изъ Карфагена значительнымъ подкрѣпленіямъ, былъ въ состояніи мало-по-малу расширять сферу своихъ военныхъ операцій. Его успѣхи были такъ блестящи, что главнокомандующій, не видя иного средства набавиться отъ помрачавшаго его собственную славу кавалерійскаго офицера, отнялъ у Мутина командованіе легкой кавалеріей и замѣнилъ его своимъ сыномъ. Нумидіецъ, уже въ теченіе двухъ лѣтъ удерживавшій островъ во власти своихъ финикійскихъ повелителей, вышелъ наконецъ изъ терпѣнія; вмѣстѣ съ своими всадниками, отказавшимися повиноваться младшему Аннону, онъ вступилъ въ переговоры съ римскимъ главнокомандующимъ Маркомъ Валеріемъ Левинномъ и сдалъ ему Акрагантъ. Аннонъ спасся бѣгствомъ на простой лодкѣ и отправился въ Карфагенъ, чтобъ извѣстить своихъ единомышленниковъ о постыдной измѣнѣ отечеству со стороны присланнаго Аннибаломъ офицера; стоявшій въ городѣ финикійскій гарнизонъ былъ истребленъ Римлянами, а мѣстные граждане были проданы въ рабство (544).

Чтобъ предохранить островъ отъ неожиданныхъ нападеній въ родѣ высадки 540 года, въ городѣ были поселены новые жители, выбранные между преданными Римлянамъ Сицилійцами; такимъ образомъ древній великолѣпный Акрагантъ окончилъ свое существованіе. А послѣ того, какъ вся Сицилія была покорена, Римляне позаботились о восстановленіи спокойствія и порядка среди глубоко потрясеннаго населенія. Состоявшія изъ разной сволочи, разбойничьи шайки, которыя хозяйничали внутри острова, были согнаны въ одну кучу и перевезены въ Италію, гдѣ онѣ стали предпринимать изъ Регіона опустошительныя набѣги на территорію аннибаловскихъ союзниковъ; римское правительство сдѣлало всё, что отъ него зависѣло, чтобъ поднять на островѣ земледѣліе, пришедшее въ совершенный упадокъ. На совѣщаніяхъ въ Карфагенѣ еще не разъ заходила рѣчь

210

214

Спокойствіе
въ Сициліи.

объ отправкѣ флота въ Сицилію и о возобновленіи тамъ войны, но все ограничилось одними предположеніями.

Филиппъ Македонія могла-бы оказать болѣе рѣшительное вліяніе на ходъ **Македонскій** событій, чѣмъ Сиракузы. Отъ восточныхъ державъ въ ту пору нельзя и его мѣш- было ожидать ни помощи ни помѣхи. Естественный союзникъ Фи- **лотность.** липпа, Антиохъ Великій долженъ былъ считать за счастье, что послѣ рѣшительной побѣды Египтянъ при Рафіи въ 537 году слабохарактерный Филопаторъ заключилъ съ нимъ миръ на основаніи *status quo*; частію постоянное соперничество съ Лагидами и постоянно грозившая опасность возобновленія войны, частію возстанія претендентовъ внутри страны и разныя предпріятія въ Малой Азіи, въ Бактріи и въ восточныхъ сатрапіяхъ не позволили ему прикнудить къ той великой анти-римской коалиціи, о которой помышлялъ Аннибалъ. Египетскій дворъ стоялъ рѣшительно на сторонѣ Рима, съ **210** которымъ возобновилъ союзъ въ 544 году; но отъ Птолемея Филопатора Римъ не могъ ожидать иной помощи, кромѣ присылки кораблей, нагруженныхъ зерновымъ хлѣбомъ. Поэтому ничто, кромѣ внутреннихъ раздоровъ, не мѣшало Македоніи и Греціи дать иной рѣшительный оборотъ великой борьбѣ, которая велась въ Италіи; онѣ могли-бы возстановить честь эллинскаго имени, если-бы были въ состояніи хотя-бы въ теченіе только нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствовать за-одно противъ общаго врага. Правда, въ Греціи обнаруживались признаки именно такого настроенія умовъ. Уроженецъ Навпакта, Агелай произнесъ пророческія слова, когда сказалъ, что слѣдуетъ опасаться совершеннаго прекращенія тѣхъ потѣшныхъ состязаній, которыми занимались въ ту пору Элліны; онъ настоятельно убѣждалъ обратить взоры на западъ и не допустить, чтобъ болѣе сильная держава возстановила между всѣми борющимися партіями согласіе, наложивъ на нихъ одинакое иго; эти увѣщанія много содѣйствовали заключенію мира между Филиппомъ и Этолянами (537), **217** а ихъ тенденція обнаружилась въ томъ, что этолійскій союзъ немедленно назначилъ Агелая своимъ стратегомъ. Национальный патріотизмъ былъ возбужденъ въ Греціи точно такъ-же, какъ и въ Кароагенѣ; была минута, когда казалось возможнымъ возжечь національную войну Элліновъ съ Римомъ. Но во главѣ такого предпріятія могъ стать только Филиппъ Македонскій, а ему не доставало того воодушевленія и того довѣрія къ націи, съ которыми только и можно было вести такую войну. Ему была не по силамъ трудная задача превратиться изъ притѣснителя Греціи въ ея защитника. Своей мѣшкотностью при заключеніи союза съ Аннибаломъ онъ уже охладилъ первые горячіе порывы рвенія греческихъ патріотовъ; а когда онъ вслѣдъ за тѣмъ принялъ участіе въ борьбѣ съ Римомъ, его способъ веденія войны могъ еще менѣе внушать симпатію и довѣріе. Еще въ теченіе того года, въ которомъ происходила битва при

Каннахъ (538), онъ попытался завладѣть городомъ Аполлоніей; но эта попытка окончилась такъ, что могла возбуждать смѣхъ: Филиппъ торопливо воротился назадъ вслѣдствіе совершенно неосновательнаго слуха, будто римскій флотъ идетъ въ Адриатическое море. Это случилось еще до окончательнаго разрыва съ Римомъ; когда этотъ разрывъ наконецъ состоялся, то и друзья и недруги ожидали высадки Македонянъ въ южной Италіи. На этотъ случай въ Брундизіи стояли съ 539 года римскій флотъ и римская армія; Филиппъ, у котораго вовсе не было военныхъ кораблей, сталъ строить флотилію легкихъ илирійскихъ судовъ для перевозки своей арміи. Но когда наступила минута дѣйствовать, онъ испугался при мысли, что можетъ встрѣтиться на морѣ съ страшными пятипалубными кораблями; онъ не исполнилъ даннаго своему союзнику Аннибалу обѣщанія предпринять высадку, а чтобъ не оставаться въ полномъ бездѣйствіи, рѣшился напасть на владѣнія Римлянъ въ Эпирѣ, составлявшія ту долю добычи, которая была ему обѣщана (540). Даже въ случаѣ успѣха, изъ этого ничего-бы не вышло; тѣмъ не менѣе Римляне, — наперекоръ желаніямъ Филиппа, — не удовольствовались ролью зрителей, наблюдающихъ съ противоположнаго берега за успѣхами непріятеля; они очень хорошо понимали, что когда нужно защищать свои владѣнія наступательная война выгоднѣе оборонительной. Поэтому римскій флотъ перевезъ отрядъ войскъ изъ Брундизія въ Эпиръ; Ориконъ былъ снова отнятъ у царя, въ Аполлоніи былъ поставленъ римскій гарнизонъ, а македонскій лагерь былъ взятъ приступомъ; послѣ этого Филиппъ перешолъ отъ мѣшкетности къ полному бездѣйствію и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ничего не предпринималъ, не взирая на жалобы Аннибала, тщетно пытавшагося вдохнуть въ душу вялаго и недалновиднаго Филиппа свою собственную энергію и зоркую предприимчивость. И не самъ Филиппъ возобновлялъ военныя дѣйствія. Когда палъ Тарентъ (542), доставившій Аннибалу превосходную гавань на томъ самомъ берегу, который былъ самымъ удобнымъ для высадки македонской арміи, Римляне постарались отпарировать угрожавшій имъ ударъ и создали для Македонянъ столько домашнихъ хлопотъ, что они не могли и помышлять о нападеніи на Италію. Въ Греціи національный порывъ, натурально, давно уже остылъ. Съ помощью стариннаго нерасположенія къ Македоніи и главѣ греческихъ неосторожностей и несправедливостей, въ которыхъ провинился Филиппъ, римскому адмиралу Левину удалось безъ большаго труда организовать противъ Македоніи коалицію изъ среднихъ и мелкихъ греческихъ государствъ подъ римскимъ протекторатомъ. Во главѣ этой коалиціи стояли Этоляне; Левинъ самъ прибылъ на званный ими сеймъ и склонилъ ихъ на свою сторону обѣщаніемъ доставить имъ давно желанное обладаніе акарнанской области. Они заключили съ Римомъ честный уговоръ общими силами отобрать

216

215

214

212

Римъ во
главѣ грече-
ской коали-
ціи противъ
Македоніи.

у остальных Эллиновъ и земли и людей съ тѣмъ, что земля достанется Этолянамъ, а люди и движимыя имущества — Римлянамъ. Къ нимъ присоединились въ собственной Греціи тѣ государства, которыя были нерасположены къ Македонянамъ или, вѣрнѣе, къ Ахеянамъ — въ Атикѣ Аѳины, въ Пелопоннесѣ Элида и Мессена и въ особенности Спарта, въ которой старинная дряхлая конституція была именно въ ту пору уничтожена смѣлымъ солдатомъ Маханидомъ, намѣревавшимся деспотически управлять отъ имени несовершеннолѣтняго царя Пелопса и утвердить владычество авантюристовъ при помощи набранныхъ наёмниковъ. Сюда-же примкнули вѣчные враги Македоніи, начальники полу-дикихъ ерабійскихъ и иллирійскихъ племенъ, и наконецъ царь пергамскій Атталъ, съ дальновидностью и съ энергіей старавшійся ослабить два великихъ греческихъ государства, которыми были окружены его владѣнія, и послѣдившій поступить подъ римскій протекторатъ, пока его участіе въ союзѣ еще имѣло какую-нибудь цѣну. Мы не находимъ ни удовольствія ни надобности описывать весь ходъ этой безцѣльной борьбы. Хотя Филиппъ былъ сильнѣе каждаго изъ своихъ противниковъ, взятыхъ порознь, и хотя онъ со всѣхъ сторонъ отражалъ ихъ нападенія съ энергіей и съ личною храбростью, онъ истощилъ всѣ свои силы на эту безвыходную оборону. Онъ былъ постоянно занятъ то борьбой съ Этолянами, истребившими несчастныхъ Акарнанцевъ при содѣйствіи римскаго флота и угрожавшихъ Локридѣ и Фессаліи, то защитою сѣверныхъ провинцій отъ нашествія варваровъ, то доставкой помощи Ахеянамъ противъ хищническихъ набѣговъ Этолянъ и Спартанцевъ; кромѣ того, царь пергамскій Атталъ и римскій адмиралъ Публий Сульпицій то угрожали своими соединенными флотами восточному берегу, то высаживали войска въ Эвбей. Всѣ движенія Филиппа были парализованы недостаткомъ военнаго флота; дѣло доходило до того, что онъ выпрашивалъ военные корабли въ Виениніи у своего союзника Прузія и даже у Аннибала. Только въ концѣ войны онъ рѣшился на то, съ чего долженъ бы былъ начать, — приказалъ построить сто военныхъ кораблей; но если это приказаніе и было исполнено, все-таки изъ его кораблей не было сдѣлано никакого употребленія. Всякій, кто ясно понималъ положеніе Греціи и принималъ въ нею сердечное участіе, сожалѣлъ о пагубной войнѣ, во время которой послѣднія силы Греціи истощались въ междоусобицахъ, а страна разорялась; торговые города Родось, Хиось, Мпиглена, Византія, Аѳины и даже Египеть пытались взять на себя роль посредниковъ. Дѣйствительно, миролюбивая сдѣлка была въ интересахъ обѣихъ сторонъ. Отъ войны сильно страдали какъ Македоняне, такъ и Этоляне, отъ которыхъ требовалось болѣе жертвъ, чѣмъ отъ другихъ римскихъ союзниковъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Филиппъ привлекъ на свою сторону царька Авамановъ

Веденіе войны безъ всякихъ результатовъ.

Миръ между Филиппомъ и Греками.

и этимъ облегчилъ для Македонянъ вторженія внутрь Этоліи. И среди Этолянъ многіе стали понимать, на какую низкую и пагубную роль обрекалъ ихъ союзъ съ Римомъ; вся Греція стала громко протестовать, когда Этоляне стали сообща съ Римлянами продавать эллинскихъ гражданъ массами въ рабство, какъ они это сдѣлали въ Антикрь, въ Ороесъ, въ Димѣ и въ Эгинѣ. Впрочемъ Этоляне уже не были свободны въ своихъ дѣйствіяхъ; они поступили очень смѣло, заключивши съ Филиппомъ миръ помимо своихъ союзниковъ, такъ какъ вслѣдствіе благоприятнаго оборота, который начали принимать дѣла въ Испаніи и въ Италіи, Римляне вовсе не желали прекращать войну, которую вели лишь нѣсколькими кораблями и которая обрушивалась на Этолянахъ всею своею тяжестью и всѣми своими невыгодами. Эти послѣдніе, наконецъ, вняли просьбамъ тѣхъ городовъ, которые приняли на себя роль посредниковъ, и миръ между греческими государствами былъ заключенъ зимою 548/9 года, не смотря на оппозицію со стороны Римлянъ. Изъ слишкомъ могущественнаго союзника Этолія создала для себя опаснаго врага; однако римскій сенатъ не нашолъ ту минуту удобной для отщепенія за нарушение союзнаго договора, такъ какъ именно въ то время ему нужны были всѣ матеріальныя силы истощеннаго государства для рѣшительной экспедиціи въ Африку. Римляне даже нашли нужнымъ окончить войну съ Филиппомъ, которая потребовала-бы отъ нихъ значительныхъ усилій съ той минуты, какъ въ ней перестали принимать участіе Этоляне; они заключили съ Филиппомъ миръ, который въ сущности восстановилъ такое-же положеніе дѣлъ, какое существовало до войны, и оставилъ во власти Римлянъ всѣ ихъ прежнія владѣнія на берегахъ Эпира, за исключеніемъ незначительной атинтанской территоріи. При тогдашнихъ обстоятельствахъ Филиппъ долженъ былъ считать за счастье такія мирныя условія; но этотъ исходъ войны доказалъ то, что уже и безъ того стало ясно для всякаго, — что всѣ неслыханныя бѣдствія, которыя навлекла на Грецію десятилѣтняя война, веденная съ возмутительнымъ безчеловѣчіемъ, были вынесены безъ всякой пользы и что грандіозная и вѣрно рассчитанная комбинація, которая была задумана Аннибаломъ и которая была на одно мгновеніе усвоена Греціей, рушилась безвозвратно.

Въ Испаніи, гдѣ еще царилъ геній Амилькара и Аннибала, борьба была болѣе упорна. Она велась съ черемшнымъ счастьемъ вслѣдствіе разныхъ непредвидимыхъ случайностей, причиною которыхъ были своеобразныя свойства страны и нравы населенія. Земледѣльцевъ и пастуховъ — какъ тѣхъ, которые жили въ живописной долинѣ Эбро и въ роскошно-плодородной Андалузій, такъ и тѣхъ, которые жили между Эбро и Андалузій на холодной возвышенности, пересѣкаемой многочисленными лѣсистыми горами, — было такъ же

206/5

Миръ между Филиппомъ и Римомъ.

Война въ Испаніи.

легко собирать для службы въ земскомъ ополченіи, какъ было трудно водить противъ непріятеля и даже только удерживать въ какомъ-либо пунктѣ. Города было не менѣе трудно соединить для какого-либо энергическаго и совокупнаго предпріятія, хотя каждое отдѣльное гражданство упорно защищалось за своими стѣнами противъ всякаго нападенія. Всѣ они, по видимому, не находили большаго различія между Римлянами и Кареагенянами. Туземцамъ было все-равно, кто завладѣлъ большею или меньшею частію полуострова, — тѣ-ли непрощенные гости, которые засѣли въ долину Эбро, или тѣ, которые засѣли на берегахъ Гвадальквивира; оттого-то въ этой войнѣ почти вовсе незамѣтно той упорной привязанности къ какой-нибудь партіи, которая составляетъ отличительную черту испанскаго характера; только Сагунтъ со стороны Римлянъ и Астапа со стороны Кареагенянъ представляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе. А такъ какъ ни Римляне ни Африканцы не привели съ собою войскъ въ достаточномъ числѣ, то военныя дѣйствія по необходимости превратились съ обѣихъ сторонъ въ вербовку приверженцевъ, при чемъ успѣхъ зависѣлъ не столько отъ умѣнья внушать прочную преданность, сколько отъ страха, отъ денегъ и отъ разныхъ случайностей; когда же война, по видимому, уже приближалась къ концу, она обыкновенно превращалась въ безконечный рядъ осадъ и партизанскихъ стычекъ, а за тѣмъ скоро снова вспыхивала изъ-подъ пепла. Арміи появлялись тамъ и исчезали подобно наноснымъ песчанымъ буграмъ на берегу моря; тамъ, гдѣ вчера была гора, сегодня уже не видно отъ нея и слѣда. Въ итогѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ Римлянъ частію оттого, что они появились въ Испаніи въ качествѣ освободителей страны отъ ига Финикянъ, частію оттого, что они были счастливы въ выборѣ своихъ вождей и что привели съ собою болѣе многочисленные отряды надежныхъ солдатъ, послужившихъ ядромъ для навербованной въ Испаніи арміи; впрочемъ дошедшія до насъ свѣдѣнія такъ неполны и такъ сбивчивы въ хронологическомъ отношеніи, что нѣтъ никакой возможности удовлетворительно описать войну, которая велась указаннымъ выше способомъ. — Оба римскихъ намѣстника на полуостровѣ, Гней и Публий Сципіоны были хорошими полководцами и превосходными администраторами, въ особенности первый изъ нихъ; свою задачу они выполнили съ блестящимъ успѣхомъ. Не только пиренейскіе проходы постоянно находились во власти Римлянъ и была съ большимъ урономъ отражена попытка восстановить прерванныя сухопутныя сообщенія между непріятельскимъ главнокомандующимъ и его главною квартирою, не только въ Тарраконѣ былъ созданъ по образцу Новаго Кареагена Новый Римъ, благодаря сооруженію обширныхъ укрѣпленій и устройству гавани, но и въ Андалузіи римскія арміи сражались съ успѣхомъ еще въ 539 году (стр. 615). Въ слѣдующемъ году (540)

Успѣхи
Сципіоновъ.

былъ предпринять новый походъ въ Андалузю, который былъ еще болѣе удаченъ; Римляне проникли почти до Геркулесовыхъ Столбовъ, расширили въ южной Испаніи свой протекторатъ и, наконецъ, снова захвативъ и возстановивъ Сагунтъ, приобрѣли важный постъ на линіи между берегами Эбро и Картагенной, а вмѣстѣ съ тѣмъ уплатили по мѣрѣ возможности старый національный долгъ. Между тѣмъ, какъ Циціоны почти совершенно вытѣснили Картегенянъ изъ Испаніи, они сумѣли даже въ самой Африкѣ создать опаснаго для Картегенянъ врага въ лицѣ владѣвшаго теперешними провинціями Ораномъ и Алжиромъ могущественнаго западно-африканскаго принца Сифакса, который вступилъ (около 541) въ союзъ съ Римлянами. Если бы Римляне могли прислать ему на помощь армію, то они могли бы достигнуть важныхъ результатовъ; но именно въ ту пору въ Италиіи не было ни одного лишняго солдата, а испанская армія была такъ немногочисленна, что не могла дробиться. Однако и собственныя войска Сифакса, будучи обучены и предводимы римскими офицерами, возбудили между либійскими подданными Картегена такое сильное волненіе, что замѣнявшій главнокомандующаго въ Испаніи и въ Африкѣ, Аздрубалъ Барка самъ отправился въ Африку съ отборными испанскими войсками. Онъ, по всему вѣроятію, и былъ виновникомъ того, что дѣла приняли тамъ другой оборотъ; владѣвшій теперешнею провинціей Константиной, царь Гага, который былъ давнишнимъ соперникомъ Сифакса, принялъ сторону Картегена, а его храбрый сынъ Массинисса разбилъ Сифакса и принудилъ заключить миръ. Впрочемъ объ этой войнѣ въ Либіи до насъ не дошло почти никакихъ свѣдѣній, кромѣ разсказа о жестокомъ мщеніи, которому Картегенъ, по своему обыкновенію, подвергнулъ мятежниковъ послѣ одержанной Массиниссою побѣды.

**Возстаніе
Сифакса
противъ
Картегенянъ.**

213

Такой оборотъ дѣлъ въ Африкѣ имѣлъ важное вліяніе и на войну, которая велась въ Испаніи. Аздрубалъ могъ возвратиться въ Испанію (543), куда скоро прибыли вслѣдъ за нимъ значительныя подкрѣпленія и самъ Массинисса. Циціоны, которые въ отсутствіе непріятельскаго главнокомандующаго (541, 542) не переставали собирать въ картегенскихъ владѣніяхъ добычу и набирать тамъ приверженцевъ, подверглись неожиданному нападенію такой многочисленной непріятельской арміи, что имъ приходилось или отступить за Эбро или призвать на помощь Испанцевъ. Они предочли послѣднее и наняли 20.000 Кельтиберовъ; за тѣмъ, чтобы было удобнѣе сражаться съ тремя непріятельскими арміями, находившимися подъ начальствомъ Аздрубала Барки, Гисконова сына Аздрубала и Магона, они раздѣлили свою армію и даже разсѣяли по разнымъ мѣстамъ свои римскія войска. Этимъ они подготовили свою гибель. Въ то время, какъ Гней стоялъ лагеремъ насупротивъ Аздрубала Барки, имѣя подъ своимъ начальствомъ армію, въ составъ которой входили

**Пораженіе
и смерть
Циціоновъ.**

213 212

всѣ испанскія войска и въ которой римскія войска составляли только треть, Аздрубалу безъ большаго труда удалось склонить служившихъ въ римской арміи Испанцевъ къ отступленію за условленное денежное вознагражденіе, что по понятіямъ этихъ наёмниковъ о нравственности, быть можетъ, и не считалось измѣной, такъ какъ они не перешли на сторону противника тѣхъ, кто ихъ нанялъ. Римскому главнокомандующему не оставалось ничего другаго, какъ начать торопливое отступленіе, во время котораго непріятель слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Тѣмъ временемъ двѣ другія финикійскія арміи, находившіяся подъ начальствомъ Гизгонова сына Аздрубала и Магона, горячо напали на второй римскій корпусъ, находившійся подъ начальствомъ Публія, а предводимыя Массиниссой толпы отважныхъ всадниковъ доставили Карфагенянамъ рѣшительный перевѣсъ. Римскій лагерь уже былъ почти совсѣмъ окруженъ непріателемъ, а съ приходомъ уже бывшихъ недалеко испанскихъ вспомогательныхъ войскъ Римлянамъ были бы заперты всѣ выходы. Смѣлая попытка проконсула двинуться съ его лучшими войсками на встрѣчу къ Испанцамъ, прежде нежели они восполнятъ своимъ прибытіемъ пробѣлъ въ блокадѣ, имѣла несчастный исходъ. Перевѣсъ былъ сначала на сторонѣ Римлянъ, но отправленная вслѣдъ за ними нумидійскія конница скоро догнала ихъ и не только помѣшала имъ воспользоваться уже наполовину одержанной побѣдой, но и задержала ихъ отступленіе до прибытія финикійской пѣхоты; а когда главнокомандующій былъ убитъ, это проигранное сраженіе превратилось въ рѣшительное пораженіе. Послѣ того, какъ съ Публіемъ все было покончено, всѣ три карфагенскія арміи внезапно напали на Гнея, который медленно отступалъ, съ трудомъ обороняясь и отъ одной непріятельской арміи, а нумидійская конница отрѣзала ему путь къ отступленію. Римскій корпусъ былъ загнанъ на открытый холмъ, гдѣ даже нельзя было разбить лагерь, и былъ частію ирубленъ, частію взятъ въ плѣнъ; о самомъ главнокомандующемъ никогда не могли узнать ничего достовѣрнаго. Только небольшой отрядъ спасся тѣмъ, что успѣлъ перейти на другой берегъ Эбро, благодаря отличному офицеру изъ школы Гнея, Гайю Марцію; туда-же удалось легату Титу Фонтею въ цѣлости перевести ту часть Публіева корпуса, которая оставалась въ лагерѣ; даже разбросанные по южной Испаніи римскіе гарнизоны успѣли перебраться туда же. Финикияне стали безспорно владычествовать во всей Испаніи вплоть до Эбро и, какъ казалось, уже недалеко была та минута, когда они перейдутъ на другую сторону этой рѣки, очистишь отъ Римлянъ Пиреней и возстановятъ сообщенія съ Италіей. Крайняя опасность, въ которой находился тогда римскій лагерь, заставила армію возложить главное командованіе на того, кто былъ самымъ способнымъ. Обойдя болѣе старыхъ и не лишенныхъ даро-

Испанія у-
рачена Рим-
лянами
вплоть до
Эбро.

ваній офицеровъ, солдаты выбрали въ начальники арміи упомяну-
таго выше Гайя Марція, а его искусныя распоряженія и, быть мо-
жетъ, также взаимная зависть и раздоры трехъ кареагенскихъ пол-
ководцевъ отняли у этихъ послѣднихъ возможность извлекать даль-
нѣйшія выгоды изъ ихъ важной побѣды. Перешедшія черезъ рѣку
кареагенскія войска были отброшены назадъ и Римляне удержались
на линіи Эбро до прибытія новой арміи и новаго главнокомандую-
щаго. Къ счастью, благодаря новому обороту, который приняли во-
енныя дѣйствія въ Италиі, гдѣ только-что пала Капуа, римское
правительство было въ состояніи прислать въ Испанію легіонъ изъ
12000 человекъ подъ начальствомъ пропретора Гайя Клавдія Нерона
и восстановить тамъ равновѣсіе между боевыми силами двухъ про-
тивниковъ. Экспедиція, которая была предпринята въ слѣдующемъ
году (544) въ Андалузію, была очень успѣшна; Аздрубаль Барка
былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и избѣгнувъ капитуляціи только
при помощи неблагоприятной хитрости и явнаго нарушенія даннаго
слова. Однако Неронъ не былъ такимъ главнокомандующимъ, какой
былъ нуженъ для войны въ Испаніи. Это былъ способный офицеръ,
но крутой, вспыльчивый и непопулярный человекъ, не умѣвшій ни
возобновлять старинныя связи съ туземцами или заводить новыя,
ни извлекать выгоды изъ несправедливости и высокомерія, съ ко-
торыми Пуны третировали, послѣ смерти Сципіоновъ, и друзей
и недруговъ въ дальней Испаніи, возбуждая всеобщую къ себѣ
ненависть. Римскій сенатъ вѣрно понималъ и важность и свое-
образныя условія испанской войны, а отъ захваченныхъ римскимъ
флотомъ и привезенныхъ въ Римъ жителей Утики онъ узналъ,
что Кареагенъ напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобъ отправить Аздру-
бала и Массиниссу съ сильной арміей за Пиреней; поэтому было
рѣшено отправить въ Испанію новыя подкрѣпленія и состоящаго
въ болѣе высокомъ рангѣ главнокомандующаго, избраніе котораго
было признано за лучшее предоставить народу. Долгое время, какъ
гласитъ рассказъ, не являлось желающаго взяться за это трудное
и опасное дѣло, пока наконецъ не выступилъ кандидатомъ молодой
двадцати-семи-лѣтній офицеръ Публий Сципіонъ, который былъ сынъ Публий Сци-
піонъ.

Отправка
Нерона въ
Испанію.
210

ших преторовъ и консуловъ, то совершенно понятно, почему былъ выбранъ такой способъ назначенія, который мягкимъ путемъ навелъ народъ на избраніе единственнаго кандидата, еще не дослужившагося до соотвѣтствующаго ранга, и который внушалъ народной толпѣ сочувствіе какъ къ этому новому главнокомандующему, такъ и вообще къ очень непопулярной испанской экспедиціи. Если сенатъ заранѣе рассчитывалъ на благопріятное впечатлѣніе, которое произведетъ эта будто-бы импровизированная кандидатура, то его ожиданія оправдались вполне. Новый главнокомандующій отправлялся въ Испанію для того, чтобъ отомстить за смерть отца, которому онъ за девять лѣтъ передъ тѣмъ спасъ жизнь на берегахъ Тичина; это былъ мужественно-красивый юноша съ длинными кудрями, скромно краснѣвшій отъ стыда, когда вызывался занять высокій постъ за недостаткомъ другаго лучшаго кандидата; это былъ простой военный трибунъ, разомъ возведенный по выбору центурій на самую высшую должность, — все это произвело на римскихъ гражданъ и земледѣльцевъ сильное и неизгладимое впечатлѣніе. И дѣйствительно, Публий Сципіонъ и самъ былъ полонъ воодушевленія и былъ способенъ воодушевлять другихъ: Но онъ не принадлежалъ ни къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые силою своей желѣзной воли заставляютъ міръ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій двигаться по указанной ими новой колесѣ, ни къ числу тѣхъ, которые, схвативъ судьбу за узду, въ теченіе долгихъ лѣтъ задерживаютъ ее до тѣхъ поръ, пока ея колеса не переѣдутъ черезъ нихъ. По порученію сената, Публий Сципіонъ одерживалъ побѣды и завоевывалъ цѣлыя страны; благодаря своимъ военнымъ лаврамъ, онъ занималъ въ Римѣ выдающееся положеніе и какъ государственный челоуѣкъ; но отсюда еще было далеко до Александра и до Цезаря. Въ качествѣ полководца, онъ сдѣлалъ для своего отечества никакъ не болѣе того, что сдѣлалъ Маркъ Марцеллъ, а въ политическомъ отношеніи, — хотя онъ, быть можетъ, самъ и не сознавалъ, какъ были непатріотичны и своекорыстны его стремленія, — онъ причинилъ своему отечеству по меньшей мѣрѣ столько-же вреда, сколько доставилъ ему пользы своими военными дарованіями. Тѣмъ не менѣе въ этой привлекательной личности героя было что-то необыкновенно очаровательное; она была окружена блестящимъ ореоломъ того радостнаго и увѣреннаго въ самомъ себѣ воодушевленія, которое распространялъ вокругъ себя Сципіонъ частію изъ убѣжденія, частію искусственнымъ образомъ. У него было достаточно пылкой фантазіи для того, чтобъ согрѣвать сердца, и достаточно расчетливости для того, чтобъ во всемъ подчиняться требованіямъ благоразумія и не упускать изъ виду мелкихъ подробностей; онъ былъ недостаточно простодушенъ для того, чтобъ раздѣлять слѣпую вѣру народной толпы въ свое неисчислимаемое свыше вдохновеніе и не былъ достаточно прямодушенъ для

того, чтобъ протестовать противъ такого заблужденія; однако въ глубинѣ своей души онъ былъ увѣренъ, что его охраняетъ особая божеская благодать,—однимъ словомъ, это была настоящая натура пророка; будучи поставленъ выше народа, онъ въ то же время не имѣлъ ничего съ нимъ общаго; онъ былъ непоколебимъ какъ утесъ, когда дѣло шло объ исполненіи даннаго имъ слова, и отличался царственнымъ складомъ ума, но считалъ за униженіе для себя принятіе обыкновеннаго царскаго титула и вмѣстѣ съ тѣмъ не понималъ, чтобъ и его могли въ чемъ-либо стѣснять государственныя учрежденія республики; онъ былъ такъ увѣренъ въ своемъ величіи, что вовсе не зналъ ни зависти ни ненависти, снисходительно признавалъ чужія заслуги и великодушно прощалъ чужія ошибки; онъ былъ отличнымъ военачальникомъ и тонкимъ дипломатомъ безъ того отталкивающаго отпечатка, которымъ обыкновенно отличаются эти оба званія; съ эллинскимъ образованіемъ онъ соединялъ чувства настоящаго римскаго патриота, былъ искуснымъ ораторомъ и пріятнымъ въ обхожденіи человѣкомъ,—поэтому онъ снискалъ расположеніе солдатъ и женщинъ, своихъ соотечественниковъ и Испанцевъ, своихъ соперниковъ въ сенатѣ и своего болѣе великаго карфагенскаго противника. Его имя скоро было на всѣхъ устахъ и онъ сталъ звѣздою, отъ которой его отечество ожидало побѣды и мира.

Публій Сципіонъ отправился въ Испанію (544/5) въ сопровожденіи пропретора Марка Силана,—который долженъ былъ замѣнить Нерона и служить юному главнокомандующему помощникомъ и советникомъ,—и командовавшаго его флотомъ, пользовавшагося его особымъ довѣріемъ Гаяя Лелія; онъ имѣлъ при себѣ легіонъ, въ которомъ число солдатъ было гораздо выше обыкновеннаго комплекта, и обильно наполненную казну. Его первое выступленіе на сцену военныхъ дѣйствій ознаменовалось однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и самыхъ удачныхъ предприятий, какія только извѣстны въ исторіи. Изъ трехъ карфагенскихъ главнокомандующихъ Аздрубалъ Барка стоялъ у истоковъ Таго, Гизгоновъ сынъ Аздрубалъ—близъ устьевъ этой рѣки, а Магонъ—у Геркулесовыхъ Столбовъ; тотъ изъ нихъ, который былъ всѣхъ ближе къ финикійской столицѣ—Новому Карфагену, всетаки находился на разстояніи десятидневнаго перехода. Весной 545 года, когда непріятельскія войска еще не успѣли двинуться съ своихъ мѣстъ, Сципіонъ направился къ этому городу, котораго могъ достигнуть отъ устьевъ Эбро въ нѣсколько дней, идя вдоль берега; онъ имѣлъ при себѣ всю свою армию, состоящую почти изъ 30000 человѣкъ, и флотъ; финикійскій гарнизонъ, не превышавшій 1000 человѣкъ, былъ застигнутъ въ располхъ одновременнымъ нападеніемъ и съ моря и съ сухаго пути. Такъ какъ городъ былъ построенъ на мысу, который врѣзывается внутрь гавани, то римскій флотъ могъ обойти его съ трехъ сторонъ; съ четвертой стороны стали

210/09
Сципіонъ
въ Испаніи.

209 Взятіе
Новаго
Карфагена.

римскіе регионы, а помощь могла притти лишь издалека; однако комендантъ Магонъ мужественно оборонялся и вооружилъ гражданъ, потому что для защиты городскихъ стѣнъ не доставало солдатъ. Осажденные сдѣлали вылазку, но Римляне отбили ее безъ большого труда и пошли съ сухаго пути на приступъ, не теряя времени на правильную осаду. Штурмовыя колонны бурно стремились въ городъ по узкой дорогѣ; усталыхъ постоянно замѣняли свѣжія колонны, слабый гарнизонъ былъ истощенъ до крайности, но успѣха Римляне не имѣли. Впрочемъ Сципіонъ и не рассчитывалъ на успѣхъ; онъ предпринялъ штурмъ только для того, чтобъ отвлечь гарнизонъ отъ той части города, которая находилась подлѣ гавани; онъ узнавалъ, что одна часть гавани мелѣетъ до суха во время морскаго отлива и замышлялъ другое нападеніе съ той стороны. Въ то время, какъ нападеніе съ сухаго пути было въ полномъ разгарѣ, Сципіонъ отправилъ отрядъ съ штурмовыми лѣстницами въ бродъ по дорогѣ, «которую указывалъ солдатамъ самъ Нептунъ»; дѣйствительно, этотъ отрядъ былъ такъ счастливъ, что нашолъ тамъ городскія стѣны безъ защитниковъ. Такимъ образомъ городъ былъ взятъ въ первый день приступа, а стоявшій въ замкѣ Магонъ сдался на капитуляцію. вмѣстѣ съ картагенской столицей Римляне захватили 18 разсващенныхъ военныхъ кораблей, 63 транспортныхъ судна, весь военный матеріалъ, значительные хлѣбныя запасы, военную казну съ 600 талантами (болѣе 1 милл. тал.), десять тысячъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ находились восемнадцать картагенскихъ герузіастовъ или судей, и заложниковъ отъ всѣхъ испанскихъ союзниковъ Картагена. Сципіонъ далъ заложникамъ обѣщаніе, что тѣ изъ нихъ получатъ позволеніе воротиться домой, чья община вступитъ въ союзъ съ Римомъ; найденными въ городѣ средствами онъ воспользовался для того, чтобъ усилить и привести въ лучшее положеніе свою армію; мѣстныхъ ремесленниковъ, доходившихъ числомъ до двухъ тысячъ, онъ заставилъ работать на римскую армію, давши имъ въ замѣнъ обѣщаніе, что по окончаніи войны отпуститъ ихъ на свободу; изъ остальной массы годныхъ въ работу людей онъ выбралъ гребцовъ для флота. Но городскимъ жителямъ была оказана пощада; они сохранили и свою прежнюю свободу и свое прежнее общественное положеніе; хорошо знавшій Финикіянь, Сципіонъ былъ увѣренъ, что они будутъ ему повиноваться; а для него было важно, чтобъ не одинъ только римскій гарнизонъ обезпечивалъ ему владычество надъ городомъ, который обладалъ единственною превосходною гаванью на восточныхъ берегахъ Испаніи и богатыми серебряными рудниками. — Такъ удалось это до-крайности смѣлое предпріятіе, — смѣлое потому, что, какъ Сципіону не было безъизвѣстно, Аздрубалъ Барба получилъ отъ своего правительства приказаніе проникнуть въ Галлію и былъ занятъ приведеніемъ его въ исполненіе, а оставленный на

берегахъ Эбро слабый римскій отрядъ не былъ-бы въ состояннн этому воспрепятствовать, если-бы возвращеніе Сципіона только замедлилось. Но Сципіонъ возвратился въ Тарраконъ прежде, чѣмъ Аздрубаль достигъ береговъ Эбро; опасная игра, на которую пустился юный полководецъ, на время отказавшись отъ своей прямой задачи для того, чтобъ совершить соблазнительный набѣгъ, была прикрыта баснословнымъ успѣхомъ, честь котораго принадлежала Сципіону совокупно съ Нептуномъ. Всѣхъ поразившее удивленіемъ, взятіе финикійской столицы оправдало въ мнѣннн народа всѣ ожиданія, которыя возлагались на необыкновеннаго юношу, а всякій, кто думалъ иначе, былъ принужденъ молчать. Назначеніе Сципіона главнокомандующимъ было продолжено на безсрочное время, а самъ онъ рѣшился не ограничиваться такой узкой задачей, какъ охрана пиренейскихъ проходовъ. Вслѣдствіе паденія Новаго Каррагена, не только жители ближней Испаннн вполне покорились, но и самыя могущественныя изъ владѣтелей, жившихъ въ дальней Испаннн, предпочли римское покровительство каррагенскому. Сципіонъ употребилъ зиму 545/6 года на то, чтобъ распустить свой флотъ и тѣми людьми, которые оказались вслѣдствіе того свободными, увеличить свою сухопутную армію до такихъ размѣровъ, что онъ могъ одновременно и охранять безопасность сѣверныхъ провинцій и предпринять на югъ наступательную войну съ бѣльшей энергіей, чѣмъ прежде; въ 546 году онъ вступилъ въ Андалузію. Тамъ онъ встрѣтился съ Аздрубаломъ Баркой, который направлялся къ сѣ-Сципіонъ въ веру съ цѣлю осуществить свое давнишнее намѣреніе—прнйти на Андалузію. помощь къ брату. Подлѣ Бекулы дѣло дошло до битвы; не смотря на то, что Римляне приписывали себѣ побѣду и увѣряли, будто взяли въ плѣнъ 10.000 человекъ, Аздрубаль достигъ своей главной цѣли, хотя и пожертвовалъ частію своей арміи. Съ своей каз- Переходъ Аздрубала ной, съ своими слонами и съ лучшею частію своей арміи онъ про- черезъ Пиреней. ложилъ себѣ путь къ сѣвернымъ берегамъ Испаннн, достигъ, под- занятыхъ непрнтелемъ пиренейскихъ проходовъ и еще до наступ- ленія неблагоприятнаго времени года вступилъ въ Галлію, гдѣ расположился на зимнихъ квартирахъ. Намѣреніе Сципіона соединить съ возложенной на него оборонительной войной и наступательную оказалось незрѣло-обдуманнмъ и неблагоприятнмъ; главную задачу испанской арміи съ успѣхомъ выполняли во главѣ гораздо менѣ значительныхъ военныхъ силъ не только отецъ и дядя Сципіона, но даже Гай Марцій и Гай Неронъ; а побѣдоносный полководецъ, имѣвшій въ своемъ распоряженнн сильную армію, былъ такъ самонадѣянъ, что не удовольствовался такой задачей и сдѣлалъ главнымъ виновникомъ крайне опаснаго положенія, въ которомъ находился Римъ лѣтомъ 547 года, когда наконецъ осуществилось на-

209/8

208

Переходъ Аздрубала черезъ Пиреней.

207

Испанія за-
воевана
Римлянами.

207

206

мѣреніе Аннибала напасть на Римлянъ съ двухъ сторонъ. Но боги прикрыли лаврами ошибки своего любимца. Италия удачно спаслась отъ опасности; Римляне удовольствовались бюллетенями о сомнительной побѣдѣ при Бекулѣ, а когда стали получаться извѣстія о новыхъ побѣдахъ, одержанныхъ въ Испаніи, они позабыли о томъ, что имъ пришлось имѣть дѣло въ Италиі съ самымъ даровитымъ изъ картагенскихъ полководцевъ и съ самыми отборными войсками испанско-финикійской арміи. — Послѣ удаленія Аздрубала Барки, оба оставшіеся въ Испаніи картагенскихъ полководца рѣшились на время отступить — Гизгоновъ сынъ Аздрубаль въ Лузитанію, Магонъ даже на Балеарскіе острова, и пока не придутъ новыя подкрѣпленія изъ Африки, предоставитъ Массиниссѣ продолжать въ Испаніи во главѣ его легкой конницы такую-же войну, какую велъ съ блестящимъ успѣхомъ Мутинъ въ Сициліи. Такимъ образомъ весь восточный берегъ очутился во власти Римлянъ. Въ слѣдующемъ году (547) дѣйствительно прибылъ изъ Африки съ третьей арміей Аннонъ; вслѣдъ за этимъ снова направились въ Андалузію и Магонъ и Аздрубаль. Но Маркъ Спланъ разбилъ соединенную армію Магона и Аннона и даже взялъ этого послѣдняго въ плѣнъ. Тогда Аздрубаль отказался отъ намѣренія вести борьбу въ открытомъ полѣ и размѣстилъ свои войска по городамъ Андалузіи, изъ которыхъ только Орингисъ былъ взятъ Сципіономъ приступомъ въ теченіе того-же года. Финикіяне, по видимому, были окончательно осилены; однако въ слѣдующемъ году (548) они были въ состояніи снова вывести въ поле сильную армію, въ которой было 32 слона, 4000 всадниковъ и 70000 пѣхотинцевъ, но которая состояла большею частію изъ согнанныхъ въ кучу испанскихъ ополченцевъ. Дѣло дошло до битвы опять при Бекулѣ. Римская армія была почти вдвое малочисленнѣе непріятельской и въ ней также было не мало Испанцевъ. Подобно тому, какъ поступилъ точно при такихъ-же обстоятельствахъ Велливтонъ, Сципіонъ поставилъ своихъ Испанцевъ такъ, что имъ не приходилось сражаться; это было единственное средство помѣшать имъ разбѣжаться; напротивъ того, свои римскія войска онъ тотчасъ повелъ на служившихъ въ непріятельской арміи Испанцевъ. Битва все-таки была упорна, но Римляне, наконецъ, одержали верхъ и, само собою разумѣется, что побѣдить такую армію значило совершенно ее уничтожить; только Аздрубалу и Магону удалось укрыться въ Гадесъ. Теперь у Римлянъ уже не было никакихъ соперниковъ на полуостровѣ; немногіе города, отказывавшіеся добровольно подчиниться, были взяты поодиночкѣ и частію наказаны за свое сопротивленіе съ немилосердой строгостію. Сципіонъ даже нашолъ возможность посѣтить Сифакса на африканскомъ берегу и завязать сношенія съ нимъ и даже съ Массиниссой на случай экспедиціи въ Африку, — это была

смѣлая выходка, сдѣланная безъ серьезно-обдуманной цѣли, хотя извѣстія о ней и доставили большое удовольствіе жаднымъ до новостей столичнымъ жителямъ. Во власти Финикіянь остался только Гадесъ, гдѣ командовалъ Магонъ. Но Римляне, завладѣвши всѣмъ, что прежде принадлежало въ Испаніи Картагенянамъ, уже успѣли доказать неосновательность высказывавшейся въ различныхъ мѣстахъ Испаніи надежды, что послѣ прекращенія финикійскаго владычества можно будетъ отдѣлаться и отъ римскихъ гсстей и возстановить прежнюю свободу; поэтому Римлянамъ, по видимому, стала угрожать опасность всеобщаго возстанія, въ которомъ главная роль принадлежала-бы ихъ прежнимъ союзникамъ. Возстанію благоприятствовали болѣзнь римскаго главнокомандующаго и мятежь одного изъ его корпусовъ, вызванный длившеюся нѣсколько лѣтъ неуплатой жалованья. Но Сципіонъ выздоровѣлъ скорѣе, чѣмъ думали и искусно усмирилъ солдатскій мятежь; немедленно вслѣдъ затѣмъ онъ усмирилъ тѣ общины, которыя взяли на себя починъ въ этомъ національномъ дѣлѣ, и такимъ образомъ подавилъ возстаніе прежде, чѣмъ оно успѣло распространиться. Когда картагенское правитель-

Магонъ
идеть въ
Италію.

Гадесъ
взять Рим-
лянами.

206

ство убѣдилось, что возстанія не приведутъ ни къ чему и что оно не будетъ въ состояніи долго удерживать въ своихъ рукахъ Гадесъ, оно приказало Магону собрать всѣ его корабли, войска и деньги и эти средства употребить на то, чтобъ по мѣрѣ возможности дать иной оборотъ войнѣ въ Италіи. Сципіонъ не могъ этому помѣшать и былъ наказанъ за то, что распустилъ свой флотъ; ему вторично пришлось возлагать на его боговъ ввѣренную ему защиту его отечества отъ новыхъ нашествій. Последній изъ сыновей Амилкара покинулъ полуостровъ безпрепятственно. Вслѣдъ за его отъѣздомъ сдѣлся на выгодныхъ условіяхъ и Гадесъ, который былъ самымъ стариннымъ и последнимъ владѣніемъ Финикіянь на испанской территоріи. Послѣ тридцати-лѣтней борьбы Испанія превратилась изъ картагенской провинціи въ римскую и хотя тамъ еще въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій велась борьба съ постоянно подавлявшимися, но никогда не прекращавшимися возстаніями, но въ ту минуту, о которой здѣсь идетъ рѣчь, у Римлянъ тамъ не было противниковъ. Сципіонъ воспользовался первой минутой обманчиваго внутренняго спокойствія для того, чтобъ сложить съ себя главное командованіе (въ концѣ 548) и лично явиться въ Римъ съ извѣстіями объ одержанныхъ побѣдахъ и о завоеванныхъ странахъ.

Война въ
Италіи.

214

Положеніе арміи. то-есть на пятомъ году войны. Римляне снова заняли сѣверную Италію послѣ удаленія оттуда Аннибала и прикрыли ее тремя легионами, изъ которыхъ два стояли на территоріи Кельтовъ, а третій, составлявшій резервъ, въ Пиценѣ. Нижняя Италія находилась въ рукахъ Аннибала вплоть до Гаргана и до Вольтурна, за исключеніемъ крѣпостей и болѣе части портовыхъ городовъ. Самъ Аннибалъ стоялъ съ своею главною арміею подлѣ Арпи, а насупротивъ его стоялъ въ Апуліи съ четырьмя легионами Тиберій Гракхъ, опиравшійся на крѣпости Луцерію и Беневентъ. На бреттійской территоріи все населеніе перешло на сторону Аннибала и Финикіяне заняли даже гавани, за исключеніемъ Регіона, который Римляне оберегали изъ Мессаны; тамъ стояла подлѣ начальствомъ Аннона вторая кареагенская армія, передъ которой покуда не было никакого противника. Главная римская армія изъ четырехъ легионовъ, находившаяся подлѣ начальствомъ обоихъ консуловъ Квинта Фабія и Марка Марцелла, готовилась къ попыткѣ снова завладѣть Капуей. Кромѣ того Римляне имѣли въ своемъ распоряженіи стоявшій въ столицѣ резервъ изъ двухъ легионовъ, поставленные во всѣхъ приморскихъ пристаняхъ гарнизоны, которые были усилены однимъ легиономъ изъ опасенія высадки Македонянъ, и наконецъ сильный флотъ, бесспорно владычествовавшій на морѣ. Если къ этому прибавить римскія арміи, находившіяся въ Сициліи, въ Сардиніи и въ Испаніи, то общую численность римскихъ боевыхъ силъ придется опредѣлить не менѣе чѣмъ въ 200000 человекъ, даже если не принимать въ расчетъ гарнизонной службы, которую были обязаны нести въ нижне-италійскихъ крѣпостяхъ поселенные тамъ граждане; третья часть этой арміи состояла изъ новобранцевъ того года, а почти половина изъ римскихъ гражданъ. Слѣдуетъ полагать, что всѣ годные для военной службы люди отъ 17-ти до 46-ти-лѣтняго возраста стояли въ рядахъ арміи, а пахатныя поля,—тамъ, гдѣ этому не препятствовали военныя дѣйствія,—обработывались рабами, стариками, дѣтьми и женщинами. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ и финансы находились въ самомъ жалкомъ положеніи; поземельный налогъ, который былъ главнымъ источникомъ доходовъ, натурально, собирался очень неакуратно. Однако, не смотря на то, что было трудно добывать людей и деньги, Римляне все-таки были въ состояніи, — хотя медленно и съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, — вернуть обратно то, что было ими утрачено; ихъ арміи съ каждымъ годомъ увеличивались, между тѣмъ какъ финикійскія арміи таяли; они съ каждымъ годомъ все далѣе и далѣе проникали во владѣнія Аннибаловыхъ союзниковъ Кампанцевъ, Апулійцевъ, Самнитовъ, Бреттійцевъ, которые, подобно находившимся въ нижней Италіи римскимъ крѣпостямъ, были не въ силахъ сами обороняться и не были достаточно прикрыты слабой арміею Аннибала; наконецъ,

благодаря введенному Маркомъ Марцелломъ способу веденія войны, они могли развивать военныя способности офицеровъ и вполнѣ пользоваться превосходствомъ своей пѣхоты надъ непріятельской. Аннибалъ, пожалуй, еще могъ рассчитывать на побѣды, но уже не на такія, какія онъ сдерживалъ при Тразименскомъ озерѣ и на Ауфидѣ; времена штатскихъ главнокомандующихъ уже миновали. Ему не оставалось ничего другаго, какъ ожидать давно обѣщанной высадки Македонянъ или прибытія своихъ братьевъ изъ Испаніи, а покуда оберегать цѣлость своей арміи и своихъ клиентовъ и поддерживать въ нихъ хорошее расположеніе духа. Въ упорной оборонительной войнѣ, которую велъ въ то время Аннибалъ, трудно-бы было узнать того полководца, который нѣкогда велъ наступательную войну съ такой безпримѣрно-стремительной и отважной энергіей; какъ съ психологической такъ и съ военной точки зрѣнія достойнъ удивленія тотъ фактъ, что одинъ и тотъ-же человекъ разрѣшилъ выпавшія на его долю двѣ совершенно противоположныя задачи въ одинакомъ совершенствѣ.

Сначала военныя дѣйствія велись преимущественно въ Кампаніи. Сраженія на Аннибалъ во-время явился на помощь къ ея главному городу и не позволилъ непріятелю обложить его; но онъ не былъ въ состояніи отнять у сильныхъ римскихъ гарнизоновъ ни одного изъ находившихся въ рукахъ Римлянъ городовъ Кампаніи и не былъ въ состояніи помѣшать двумъ консульскимъ арміямъ завладѣть послѣ упорнаго сопротивленія Казилиномъ, который опекалъ ему переправу черезъ Вольтурнъ, и множествомъ другихъ менѣе важныхъ городовъ. Аннибалъ попытался завладѣть Тарентомъ, съ цѣлію пріобрѣсти безопасное мѣсто для высадки македонской арміи; но эта попытка не удалась. Тѣмъ временемъ бреттійская армія Каррагенянъ сражалась подъ начальствомъ Аннона въ Луканіи съ апулійскою арміею Римлянъ; Тиберій Гракъ велъ тамъ войну съ успѣхомъ, а послѣ одного удачнаго сраженія неподалеку отъ Беневента даровалъ отъ имени народа свободу и гражданскія права рабамъ, которые были силою на вербованы для военной службы и отличились въ этомъ сраженіи. — Въ слѣдующемъ году (541) Римляне отняли у непріятеля богатый и важный городъ Арпи; когда римскіе солдаты тайкомъ пробрались въ этотъ городъ, мѣстные граждане взяли ихъ сторону противъ каррагенскаго гарнизона. Внутренняя связь основанной Аннибаломъ федераціи стала ослабѣвать; нѣкоторые изъ самыхъ знатныхъ жителей Капуи и многіе бреттійскіе города перешли на сторону Рима; даже одинъ изъ испанскихъ отрядовъ финикійской арміи перешолъ изъ каррагенской службы въ римскую, когда узналъ отъ испанскихъ эмиссаровъ о ходѣ событій въ своемъ отечествѣ. — Менѣе счастливъ для Римлянъ былъ 542 годъ по причинѣ новыхъ политическихъ и военныхъ ошибокъ, которыми поспѣшилъ восполь-

213

Арпи взять Римлянами.

212

зоваться Аннибалъ. Сношенія, которыя завелъ Аннибалъ въ городахъ Великой Греціи, не привели ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ; его эмиссарамъ только удалось склонить къ безразсудной попыткѣ бѣгства находившихся въ Римѣ заложниковъ отъ Тарента и Турій; но бѣглецы были скоро задержаны римскими сторожевыми постами. Безразсудная мстительность Римлянъ доставила Аннибалу болѣе пользы, чѣмъ его интриги; казнь всѣхъ бѣжавшихъ заложниковъ лишила Римлянъ цѣннаго обезпеченія и такъ раздражила Грековъ, что они съ тѣхъ поръ ждали только случая, чтобъ отворить передъ Аннибаломъ городскія ворота. Дѣйствительно, Тарентъ былъ занятъ Карфагенянами вслѣдствіе соглашенія съ его гражданами и вслѣдствіе небрежности римскаго коменданта; римскій гарнизонъ съ трудомъ удержался въ замкѣ. Примѣру Тарента послѣдовали Гераклея, Туріи и Метапонтъ; изъ этого послѣдняго пришлось отправить римскій гарнизонъ на помощь къ тарентинской цитадели. Все это до такой степени увеличивало опасность македонской высадки, что Римъ былъ вынужденъ снова обратить свое вниманіе и направить свои усилія на почти совершенно прекратившуюся греческую войну, а взятіе Сиракузъ и благопріятный оборотъ пеланской войны доставили ему нужныя для того средства. На главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, въ Кампаніи, война велась съ очень намѣнчивымъ успѣхомъ. Хотя поставленные вблизи отъ Капуи легіоны еще не успѣли совершенно обложить этотъ городъ, но они до такой степени затруднили воздѣлываніе полей и уборку жатвы, что многочисленный городъ сталъ сильно нуждаться въ подвозѣ сѣстныхъ припасовъ. Поэтому Аннибалъ приготовилъ значительный транспортъ провіанта и далъ знать Кампанцамъ, чтобъ они получили его въ Беневентѣ; но они такъ замѣшкались, что консулы Квинтъ Флаккъ и Аппій Клавдій успѣли придвинуть свои войска, нанести прикрывавшему транспортъ Аннону тяжелое пораженіе и завладѣть какъ его лагеремъ, такъ и собранными запасами. Вслѣдъ за тѣмъ консулы обложили городъ, а Тиберій Граккъ занялъ позицію на Аппіевской дорогѣ для того, чтобъ Аннибалъ не могъ доставить помощи осажденнымъ. Но этотъ храбрый офицеръ палъ жертвой низкой хитрости одного вѣроломнаго Луканца, а его смерть равнялась совершенному пораженію, такъ какъ его войска, состоявшія болѣею частью изъ отпущенныхъ имъ на волю рабовъ, разбѣжались послѣ смерти своего любимаго вождя. Поэтому Аннибалъ нашоуъ путь къ Капуѣ свободнымъ и своимъ неожиданнымъ появленіемъ принудилъ двухъ консуловъ прекратить только-что начатое обложеніе города; но еще до его прибытія римской кавалеріи было нанесено сильное пораженіе финикійской конницей, стоявшей въ Капуѣ гарнизономъ подъ начальствомъ Аннона и Бостара, и не менѣе превосходной кампанской конницей. Длинный рядъ испытанныхъ въ этомъ году неудачъ завершился со-

Тарентъ
взять Анни-
баломъ.

вершенимъ истребленіемъ въ Луканіи регулярныхъ войскъ и отрядовъ добровольцевъ, находившихся подъ начальствомъ Марка Центенія, неосмотрительно возведеннаго изъ унтеръ-офицерскаго званія въ званіе начальника, и не менѣе рѣшительнымъ пораженіемъ безпечнаго и самонадѣяннаго претора Гнея Фульвія Флакка въ Апуліи. Впрочемъ упорная стойкость Римлянъ лишила Аннибала возможности извлекать дальнѣйшія выгоды изъ его быстрыхъ успѣховъ, — по меньшей мѣрѣ въ самомъ важномъ пунктѣ. Лишь только Аннибалъ удался отъ Капуи и направился въ Апулію, вокругъ этого города снова сошлись римскія арміи: одна изъ нихъ стала подлѣ Путеоли и Вольтурна подлѣ начальствомъ Аппія Клавдія, другая — подлѣ Казинца подлѣ начальствомъ Квинта Фульвія, третья — на дорогѣ въ Нолу подлѣ начальствомъ претора Гая Клавдія Нерона; три хорошо укрѣпленныхъ римскихъ лагеря были соединены между собою линіями окоповъ; они совершенно загородили дорогу, такъ что одна блокада принудила-бы нуждавшійся въ продовольствіи городъ къ сдачѣ на капитуляцію, если-бы никто не пришолъ къ нему на помощь. Къ концу зимы 542/3 года запасы продовольствія почти совершенно истощились и спѣшные гонцы, съ трудомъ пробиравшіеся сквозь хорошо оберегаемыя римскія линіи, требовали немедленной помощи отъ Аннибала, который былъ въ то время занятъ осадой тарентинской цитадели. Съ 33 слонами и съ своими лучшими войсками онъ двинулся усиленными переходами изъ Тарента въ Кампанію, захватилъ римскій сторожевой постъ въ Калации и сталъ лагеремъ у горы Тифаты въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Капуи, будучи вполне увѣренъ, что, какъ и въ предшествовавшемъ году, римскіе начальники снимутъ осаду. Но Римляне, успѣвшіе окопаться въ своемъ лагерѣ и въ своихъ линіяхъ, какъ въ настоящей крѣпости, не трогались съ мѣста и неподвижно смотрѣли съ высоты своихъ земляныхъ насыпей, какъ на ихъ окопы налетали съ одной стороны кампанскіе всадники, а съ другой — толпы Нумидійцевъ. О серьезномъ приступѣ Аннибалъ не могъ помышлять; онъ предвидѣлъ, что, дѣйствуя наступательно, онъ привлечетъ въ Кампанію другія римскія арміи, если еще до прибытія этихъ армій не будетъ вынужденъ удалиться изъ Кампаніи по невозможности добывать фуражъ въ той систематически опустошенной странѣ. Эти препятствія были непреодолимы. Чтобъ спасти важный городъ, Аннибалъ прибѣгнулъ къ самому крайнему средству, какое могъ придумать его изобрѣтательный умъ. Онъ выступилъ изъ-подъ Капуи съ приведенною на помощь городу арміей и двинулся къ Риму, извѣстивъ о своемъ замыслѣ Кампанцевъ, которыхъ убѣждалъ не падать духомъ. Съ такою-же изворотливою отвагой, какъ и въ своихъ первыхъ италійскихъ кампаніяхъ, онъ устремился съ своей немногочисленной арміей промежъ непріятельскихъ армій и крѣпостей, провелъ ее черезъ

212/1

Аннибалъ
идеть на
Римъ.

Самнїи по Валерїевской дорогѣ мимо Тибура до моста на Авіо, перешоу по этому мосту черезъ рѣку и сталъ лагеремъ на другомъ берегу, на разстояніи одной нѣмецкой мили отъ Рима. Даже внуки внуковъ не могли безъ ужаса слушать разсказъ о томъ, какъ «Аннибалъ стоялъ у воротъ Рима»; но серьезной опасности не было. Находившіеся вблизи отъ города загородные дома и пахатныя поля были опустошены непріателемъ, но стоявшіе въ городѣ два легіона не допустили его до штурма городскихъ стѣнъ. Впрочемъ Аннибалъ и не надѣялся завладѣть Римомъ въ расплохъ подобно тому, какъ вскорѣ послѣ того Сципіонъ завладѣлъ Новымъ Каррагеномъ; еще менѣе могъ онъ помышлять о серьезной осадѣ; онъ рассчитывалъ только на то, что подъ первымъ впечатлѣніемъ страха часть осаждавшей Капуу арміи двинется вслѣдъ за нимъ по дорогѣ въ Римъ и тѣмъ доставитъ ему случай снять блокаду. Поэтому, простоявъ нѣсколько времени передъ городомъ, онъ снова снялся съ позиціи. Римляне видѣли въ его отступленіи чудесное заступничество боговъ, которые посредствомъ знаменій и видѣній заставили его удалиться, тогда какъ римскіе легіоны были не въ состояніи его къ тому принудить; на томъ мѣстѣ, гдѣ Аннибалъ всего ближе подходилъ къ городу, — передъ Капенскими воротами, у втораго милеваго столба Аппіевской дороги, признательные вѣрующіе воздвигли алтарь «богу—возвратителю вспять, охранителю» (*Rediculus Tutanus*). На самомъ дѣлѣ, Аннибалъ ушелъ въ направленіи къ Капуѣ потому, что таковъ былъ его планъ военныхъ дѣйствій; однако римскіе начальники не вовлеклись въ ту ошибку, на которую рассчитывалъ ихъ противникъ; легіоны стояли неподвижно на своихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ передъ Капуей, а когда было получено извѣстіе о движеніи Аннибала на Римъ, то вслѣдъ за нимъ былъ посланъ лишь небольшой отрядъ. Узнавши объ этомъ, Аннибалъ внезапно повернулъ назадъ на встрѣчу къ консулу Публию Гальбѣ, который неосторожно выступилъ вслѣдъ за нимъ изъ Рима и съ которымъ онъ до тѣхъ поръ избѣгалъ сраженія; Аннибалъ разбилъ Публия и взялъ приступомъ его лагерь, но это было плохимъ вознагражденіемъ за сдѣлавшееся теперь неизбѣжнымъ паденіе Капуи. Мѣстные граждане и въ особенности высшіе классы населенія уже давно со страхомъ помышляли о томъ, что ихъ ожидаетъ въ будущемъ; вождямъ непріязненной къ Риму народной партіи были почти исключительно предоставлены и высшее управленіе и городская администрація. Теперь отчаяніе овладѣло и знатными людьми и незнатными, и Кампанцами и Финиціянами. Двадцать восемь членовъ городского совѣта сами лишили себя жизни; остальные отдали городъ на произволъ до крайности ожесточившагося врага. Что слѣдовало ожидать смертныхъ приговоровъ, разумѣется само собой; вопросъ шолъ только о томъ, какимъ судомъ судить виновныхъ—медленнымъ или скорымъ, и что благоразумнѣе

Капуа
сдается на
напитуляцію.

и цѣлесообразнѣе — тщательно разыскивать участниковъ государственной измѣны и въ Капуи, или-же покончить все дѣло немедленной расправой. Перваго мѣня держались Аппій Клавдій и римскій сенатъ; второе, повидимому менѣе безчеловѣчно, одержало верхъ. Пятьдесятъ три человѣка изъ капуанскихъ офицеровъ и должностныхъ лицъ были высѣчены и обезглавлены на торговыхъ площадяхъ Калеса и Теана по приказанію проконсула Квинта Флакка и въ его присутствіи; остальные члены совѣта были подвергнуты тюремному заключенію; значительная часть гражданъ была продана въ рабство; имущество зажиточныхъ жителей было конфисковано. Такая-же расправа была учинена надъ Ателлой и Калаціей. Эти наказанія были жестоки, но они будутъ понятны, если принять въ соображеніе, чего стоило Риму отложеніе Капуи и что въ ту пору допускалось если не военными законами, то военными обычаями. И развѣ городское населеніе не произнесло само надъ собою смертнаго приговора, умертвивъ всѣхъ римскихъ гражданъ, какіе находились въ городѣ во время его отпаденія отъ Рима? Тѣмъ не менѣе Римляне поступили безчеловѣчно, воспользовавшись этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ превратить тайное соперничество, издавна существовавшее между двумя главными городами Италіи, и чтобъ совершенно уничтожить политическое значеніе внушавшей ненависть и зависть соперницы посредствомъ упраздненія кампанскихъ городскихъ учрежденій.

Впечатлѣніе, произведенное паденіемъ Капуи, было громадно еще болѣе потому, что городъ былъ взятъ не вслѣдствіе нечаяннаго на-паденія, а вслѣдствіе двухъ-лѣтней осады, которая была доведена до конца, не смотря на всѣ старанія Аннибала ей воспрепятствовать. Взятіе Капуи было доказательствомъ возстановленія римскаго владычества надъ Италіей, точно такъ-же, какъ за шесть лѣтъ передъ тѣмъ переходъ Капуи на сторону Аннибала былъ доказательствомъ утраты этого владычества. Тщетно пытался Аннибалъ загладить взятіемъ Региона и тарентинской цитадели впечатлѣніе, которое произвели эти событія на его союзниковъ. Его усиленные переходы съ цѣлію завладѣть въ располхъ Региономъ не принесли ему никакой пользы, а что касается тарентинской цитадели, то хотя тамъ и терпѣли большую нужду съ тѣхъ поръ, какъ тарентинско-кареагенская эскадра заперла входъ въ гавань, но Римляне, располагавшіе гораздо болѣе многочисленнымъ флотомъ, въ свою очередь отрѣзали этой эскадрѣ подвозъ продовольствія, а территория, находившаяся во власти Аннибала, едва была достаточна для прокормленія его собственной арміи; поэтому Кареагеняне, осаждавшіе цитадель со стороны моря, терпѣли почти такую-же нужду, какъ и осажденный въ цитадели гарнизонъ, и наконецъ удалились изъ гавани. Уже ничто не удавалось Кареагенянину; казалось, что сама фортуна от-

Перевѣсъ
на сторонѣ
Римлянъ.

вернулась отъ него. Еще гораздо прискорбнѣе непосредственныхъ утратъ были для Аннибала тѣ послѣдствія паденія Капуи, что среди его италійскихъ союзниковъ были поколеблены уваженіе и довѣріе, которыми онъ до того времени пользовался, и что каждая не слишкомъ компрометированная община старалась снова вступить въ римскую федерацію на сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ. Ему предстояло одно изъ двухъ: или поставить гарнизоны въ тѣхъ городахъ, которые не внушали ему довѣрія, и этимъ еще болѣе обезсилить свою и безъ того уже слабую армію, а свои надежныя войска обречь на истребленіе небольшими отрядами или на гибель отъ измѣны (такъ напримѣръ въ 544 году при отпаденіи города Салапіи были умерщвлены 500 отборныхъ нумидійскихъ всадниковъ), или-же разрушать до основанія и жечь ненадежные города для того, чтобы они не достались непріятелю, что, конечно, не внушило-бы бодрости его италійскимъ кліентамъ. Паденіе Капуи внушило Римлянамъ увѣренность, что война въ Италіи окончится для нихъ благополучно; они послали значительныя подкрѣпленія въ Испанію, гдѣ римская армія была поставлена въ опасное положеніе смертію обоихъ Сципіоновъ, и въ первый разъ съ начала войны позволили себѣ уменьшить численный составъ арміи, который до того времени ежегодно увеличивался, не смотря на ежегодно возрастающія трудности набора рекрутъ, и наконецъ былъ доведенъ до 23 легионовъ. Поэтому въ слѣдующемъ году (544) Римляне вели въ Италіи войну не съ прежней энергіей, хотя высшее начальство надъ главной арміей снова принялъ на себя, — послѣ окончанія войны въ Сициліи, — Маркъ Марцеллъ; онъ занимался во внутреннихъ областяхъ осадой крѣпостей и вступалъ съ Карвагенянами въ сраженія, не имѣвшія никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій. И борьба, которая велась изъ-за обладанія тарентинской цитадели, не привела ни къ какому рѣшительному результату. Въ Апуліи Аннибалу удалось нанести поражение проконсулу Гнею Фульвію Центумалу при Гердонеяхъ. Въ слѣдующемъ году (545) Римляне попытались снова завладѣть вторымъ важнымъ городомъ, перешедшимъ на сторону Аннибала, — Тарентъ Тарентомъ. Между тѣмъ какъ Маркъ Марцеллъ велъ борьбу съ сардами на мимъ Аннибаломъ съ своей обычной стойкостью и энергіей (въ одноположеніи, длившемся два дня сраженіи, онъ потерпѣлъ въ первый день поражение, а на другой день одержалъ трудную и кровопролитную побѣду); между тѣмъ, какъ консулъ Квинтъ Фабій склонялъ колеблющихся Луканцевъ и Гирпинновъ къ переходу на сторону Римлянъ и къ выдачѣ финикійскихъ гарнизоновъ; между тѣмъ, какъ искусно направленные опустошительные набѣги изъ Региона заставили Аннибала спѣшить на помощь къ сильно тѣснимымъ Бреттіямъ, — престарѣлый Квинтъ Фабій, принявшій на себя въ пятый разъ консульскую должность, а вмѣстѣ съ нею и порученіе снова завладѣть

Тарентомъ, занявъ крѣпкую позицію на сосѣдней съ Тарентомъ мессапійской территоріи; нѣмѣна входившаго въ составъ гарнизона бреттійскаго отряда отдала въ его руки городъ, въ которомъ раздраженные побѣдители стали страшно свирѣпствовать. Они убивали всѣхъ попадавшихся имъ подъ-руку гарнизонныхъ солдатъ и мѣстныхъ гражданъ и стали грабить дома; 30000 Тарентинцевъ, какъ разсказываютъ, были проданы въ рабство, а въ государственную казну поступило 3000 талантовъ (5 милл. тал.). Это былъ послѣдній военный подвигъ восьмидесяти-лѣтняго полководца; Аннибалъ прибылъ на помощь, когда уже все было кончено, и отступилъ къ Метапонту. — Послѣ того, какъ Аннибалъ такимъ образомъ лишился самыхъ важныхъ изъ завоеванныхъ имъ городовъ и былъ мало-помалу оттѣсненъ въ юго-западную оконечность полуострова, набранный на слѣдующій годъ (546) консуломъ Маркъ Марцеллъ надѣялся, что при содѣйствіи своего даровитаго товарища Тита Квинція Криспина ему удастся окончить войну рѣшительнымъ нападеніемъ на Аннибала. Этотъ шестидесяти-лѣтній воинъ вовсе не чувствовалъ бремени своихъ преклонныхъ лѣтъ; и на яву и во снѣ его преслѣдовала одна мысль, — какъ побѣдить Аннибала и освободить Италію. Но судьба приберегала этотъ побѣдный вѣнокъ для болѣе юной головы. Во время одной незначительной рекогносцировки, на обѣихъ консуловъ напалъ неподалеку отъ Венузіи отрядъ африканской конницы. Марцеллъ сражался въ этой неравной борьбѣ такъ-же, какъ онъ сражался за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ съ Амилъкаромъ и за четырнадцать лѣтъ передъ тѣмъ при Кластидіи, — пока не свалился смертельно раненымъ съ лошади; Криспинъ усекалъ, но умеръ отъ полученныхъ во время сраженія ранъ (546).

Аннибалъ
оттѣсненъ.

208

Смерть
Марцелла.

208

Тягость
войны.

216

Уже шолъ одиннадцатый годъ съ тѣхъ поръ, какъ началась война. Опасность, которая за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ угрожала существованію государства, по видимому, исчезла; но тѣмъ сильнѣе чувствовался тяжелый и съ каждымъ годомъ все усиливавшійся гнѣтъ безконечной войны. Государственные финансы страдали отъ нея ужасно. Послѣ битвы при Каннахъ (538) была составлена изъ самыхъ именитыхъ людей особая банковая коммиссія (*tres viri in senatu*) для того, чтобъ завѣдываніе государственными финансами въ эти тяжелыя времена находилось въ рукахъ безсмѣнныхъ и осмотрительныхъ должностныхъ лицъ; если эта коммиссія и сдѣлала все, что можно было сдѣлать, все-таки положеніе дѣлъ было таково, что и самое мудрое финансовое управленіе оказывалось несостоятельнымъ. Немедленно вслѣдъ за началомъ войны проба серебряной и мѣдной монеты была понижена, легальный курсъ серебряной монеты былъ повышенъ слишкомъ на треть и была пущена въ обращеніе золотая монета, далеко превосходившая своею номинальною стоимостью цѣнность металла. Однако очень скоро и это ока-

залось недостаточнымъ; пришлось дѣлать подрядчикамъ заказы въ кредитъ и смотрѣть на ихъ продѣлки сквозь пальцы, потому что въ нихъ нуждались; подлоги сдѣлались настолько возмутительными, что эдилы, ради примѣра, привлекли самыхъ недобросовѣстныхъ подрядчиковъ къ ответственности, предавъ ихъ народному суду. Нерѣдко и не напрасно приходилось прибѣгать къ патриотизму богатыхъ людей, которые страдали, сравнительно, болѣе всѣхъ. Солдаты изъ болѣе образованныхъ классовъ общества, унтеръ-офицеры и всадники отказывались отъ жалованья по доброй волѣ или будучи къ тому вынуждены настроеніемъ умовъ въ арміи. Владѣльцы тѣхъ рабовъ, которые были поставлены въ армію общинами и послѣ битвы при Беневентѣ (стр. 635) отпущены на свободу, отвѣчали на предложеніе банковской комиссіи уплатить имъ вознагражденіе, что они желаютъ отсрочить эту уплату до окончанія войны (540). Такъ какъ на устройство народныхъ празднествъ и на поддержаніе общественныхъ зданій не имѣлось въ государственной казнѣ денегъ, то компаніи, прежде бравшія на себя дѣла этого рода, изъявили готовность продолжать свои операціи бесплатно (540). Точно такъ-же, какъ и во время первой пунической войны, былъ вооруженъ и снабженъ матросами флотъ на деньги, добровольно предложенныя правительству взаимны богатыми людьми (544). Сиротскіе капиталы были издержаны, а въ томъ году, когда былъ взятъ Тарентъ, правительство взялось даже за послѣдній, отложенный на чѣрный день капиталъ, который въ теченіе долгаго времени лежалъ нетронутымъ (1.144,000 тал.). При всемъ этомъ у государства неоставало денегъ на самые необходимые расходы; болѣе всего тревожно было то, что не было возможности во-время выплачивать солдатамъ жалованье, въ особенности въ болѣе отдаленныхъ странахъ. Впрочемъ невозможность удовлетворять государственныя нужды была еще не самымъ худшимъ изъ матеріальныхъ бѣдствій. Поля оставались повсюду невоздѣланными; даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не свирѣпствовала война, неоставало рукъ для мотыки и для серпа. Цѣна медимна (прусскаго шеффеля) поднялась до 15 денаровъ (3¹/₂ тал.), то-есть по меньшей мѣрѣ втрое противъ столичной средней цѣны, и многимъ пришлось-бы умирать отъ голода, если-бы не подвезли хлѣба изъ Египта и въ особенности, если-бы вновь расцвѣтавшее въ Сициліи хлѣбопашество (стр. 620) не предотвратило крайней нужды. А въ какой мѣрѣ такое положеніе дѣлъ разоряетъ мелкія земледѣльческія хозяйства, пожираетъ тяжелымъ трудомъ накопленныя сбереженія и превращаетъ цвѣтушія селенія въ притоны нищихъ и грабителей, — это извѣстно намъ по другимъ подобнымъ войнамъ, о которыхъ до насъ дошли болѣе подробныя свѣдѣнія. —

Союзники. Еще тревожнѣе этой матеріальной нужды было возраставшее отвращеніе римскихъ союзниковъ къ участию въ войнѣ, пожирившей ихъ

кровь и их имущество. Впрочемъ нелатинскія общины не имѣли въ этомъ отношеніи важнаго значенія. Сама война уже доказала, что онѣ были безсильны, пока латинская нація стояла за Римъ; большому или меньшему нерасположенію съ ихъ стороны можно было не придавать большой важности. Но теперь стали обнаруживаться колебанія и въ Лаціумѣ. Большинство латинскихъ общинъ въ Этруріи, въ Лаціумѣ, въ области Марсовъ и въ сѣверной Кампаніи, — то есть именно въ тѣхъ странахъ, которыя непосредственно пострадали отъ войны мѣтѣ всѣхъ другихъ, заявило въ 545 году римскому сенату, что оно впредь не будетъ доставлять ни контингентовъ ни налоговъ и предоставляетъ самимъ Римлянамъ нести бремя войны, которая ведется въ ихъ интересахъ. Это произвело въ Римѣ сильный переполохъ, но въ ту минуту не было никакой возможности сломить это сопротивление. Къ счастью, не всѣ латинскія общины такъ поступили. Колонія, основанная въ Галліи, въ Пиценѣ и въ южной Италиі, и во главѣ ихъ могущественный и патриотическій городъ Фрегеллы, напротивъ того заявили, что онѣ теперь примкнутъ къ Риму ещё тѣснѣе и непоколебимѣе прежняго, — конечно потому, что всѣ онѣ успѣли ясно убѣдиться, что отъ исхода войны ихъ существованіе зависѣло еще болѣе, чѣмъ существованіе столицы, и что эта война велась не только за Римъ, но также за латинскую гегемонію въ Италиі и даже за національную независимость страны. Впрочемъ и упомянутое выше нежеланіе нѣкоторыхъ общинъ участвовать въ войнѣ, конечно, не было измѣной отечеству, а было вызвано недалководностью и истощеніемъ силъ; не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ-же самые города съ отвращеніемъ отвергли бы союзъ съ Финиціянами. Но все-таки это былъ разрывъ между Римлянами и Латинами, который не могъ остаться безъ вліянія на покоренное населеніе тѣхъ странъ. Въ Арреціѣ тотчасъ обнаружилось опасное волненіе умовъ; заговоръ, составленный среди Этрусковъ въ интересахъ Аннибала, былъ открытъ и показался такимъ опаснымъ, что туда были двинуты римскія войска. Хотя это движеніе и было безъ труда подавлено войсками и полиціей, оно все-таки служило грознымъ указаніемъ на то, что могло бы произойти въ тѣхъ странахъ, если бы латинскія крѣпости не держали тамошнее населеніе въ страхѣ. — При такомъ затруднительномъ и натянутомъ положеніи внезапно при-

209

Приближеніе
Аздрубала.

ровъ уже были готовы пристать къ Аздрубалу; онъ могъ надѣяться, что подобно своему брату поднять противъ Рима Галловъ и, быть можетъ, Этрусковъ, лишь только одержитъ первую побѣду. Но положеніе Италіи совершенно измѣнилось въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ: и государство и частные люди были истощены, латинскій союзъ распался, лучшій римскій полководецъ только-что палъ на полѣ сраженія, а Аннибалъ еще не былъ побѣжденъ. Дѣйствительно, Сципіонъ могъ-бы похвалиться милостями своего добраго генія, если бы этотъ геній предохранилъ и его самаго и его отечество отъ послѣдствій его непростительной ошибки.

Новыя приготовления къ войнѣ. Въ виду крайней опасности, Римъ поставилъ на ноги двадцать три легіона; онъ сталъ созывать добровольцевъ и сталъ набирать рекрутъ среди людей, которыхъ законъ освобождалъ отъ военной службы. Тѣмъ не менѣе Римляне были застигнуты въ распλοхъ. Аздрубалъ появился по сию сторону Альповъ такъ скоро, какъ того не ожидали ни друзья его ни недруги (547); Галлы, уже привыкшіе къ проходу черезъ ихъ владѣнія чужеземныхъ армій, пропустили Аздрубала черезъ свои дефилеи за хорошую плату и снабдили его армію всѣмъ, въ чемъ она нуждалась. Если въ Римѣ и намѣревались занять выходы изъ альпійскихъ проходовъ, то по-прежнему опоздали; уже были получены извѣстія, что Аздрубалъ стоитъ у береговъ По, что онъ призываетъ Галловъ къ оружію съ такимъ-же успѣхомъ, съ какимъ нѣкогда дѣлалъ то-же его братъ, и что Паденція осаждена. Консулъ Маръ Ливій торопливо отправился въ сѣверную армію; ему уже давно-бы слѣдовало находиться на мѣстѣ.

Походъ Аздрубала и Аннибала. Въ Этруріи и въ Умбріи умы были въ броженіи; выходящіе оттуда добровольцы усиливали финикійскую армію. Товарищъ Ливія, Гай Неронъ призвалъ къ себѣ на помощь изъ Венузіи претора Гайя Гостилія Тубула и послѣшилъ во главѣ 40.000 арміи загородить Аннибалу дорогу на сѣверъ. Аннибалъ собралъ всѣ свои войска на бреттійской территоріи и, подвигаясь впередъ по большой дорогѣ, которая ведетъ изъ Региона въ Апулію, встрѣтился съ консуломъ подлѣ Грумента. Дѣло дошло до упорнаго сраженія, въ которомъ Неронъ приписывалъ себѣ побѣду; однако Аннибалъ успѣлъ, — хотя и не безъ потерь, — ускользнуть отъ непріятели; онъ совершилъ одно изъ тѣхъ искусныхъ обходныхъ движеній, къ которымъ и прежде не разъ прибѣгалъ, а затѣмъ безпрепятственно достигъ Апуліи. Тамъ онъ остановился, расположившись лагеремъ сначала подлѣ Венузіи, а потомъ подлѣ Канузія; слѣдовавшій за нимъ по пятамъ, Неронъ останавливался и тутъ и тамъ вблизи отъ него. Какъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что Аннибалъ останавливался добровольно и что не римская армія мѣшала ему двигаться далѣе; слѣдуетъ полагать, что онъ остановился именно тамъ и не пошелъ далѣе на сѣверъ, вслѣдствіе предварительнаго соглашенія съ Аздрубаломъ или потому.

207

что ожидалъ какихъ-то извѣстій о движеніяхъ Аздрубала, но какихъ именно намъ неизвѣстно. Въ то время, какъ двѣ арміи стояли въ бездѣйствіи одна противъ другой, нетерпѣливо ожидаемая въ Аннибаловскомъ лагерѣ депеша Аздрубала была перехвачена сторожевыми постами Нерона; она извѣщала, что Аздрубаль намѣревается итти по Фламиніевой дорогѣ, поэтому будетъ сначала подвигаться берегомъ моря, а потомъ, перейдя черезъ Апеннины подлѣ Фана, пойдетъ на Нарнію, гдѣ надѣется соединиться съ Аннибаломъ. Неронъ тотчасъ далъ столичному резерву приказаніе итти на Нарнію, такъ какъ тамъ предполагали соединиться двѣ непріятельскія арміи; въ замѣнъ этого отрядъ, стоявшій подлѣ Капуи, былъ отправленъ въ столицу; кромѣ того былъ сформированъ новый резервъ. Будучи убѣжденъ, что Аннибалъ ничего не знаетъ о замыслахъ своего брата и будетъ по-прежнему ждать его въ Апуліи, Неронъ рѣшился на смѣлое предпріятіе: съ небольшимъ отборнымъ отрядомъ изъ 7000 человекъ онъ двинулся усиленнымъ маршемъ къ сѣверу въ надеждѣ, что при содѣйствіи его товарища ему удастся заставить Аздрубала принять сраженіе; онъ могъ это сдѣлать потому, что оставленная имъ римская армія все-таки была достаточно сильна для того, чтобъ итти вслѣдъ за Аннибаломъ и прибыть въ одно время съ нимъ на мѣсто рѣшительной битвы, въ случаѣ, если-бы Аннибалъ двинулся впередъ. Неронъ нашолъ своего товарища Марка Ливіа подлѣ Сены Галльской ожидающимъ появленія непріятеля. Оба консула немедленно выступили противъ Аздрубала, котораго застали занятымъ переправой черезъ Метаврѣ. Аздрубаль желалъ избѣжать битвы и попытался ускользнуть отъ Римлянъ, но его проводники покинули его; онъ сбился съ пути на незнакомой ему мѣстности и былъ настигнутъ римской конницей, которая задержала его до прибытія римской пѣхоты, такъ что онъ уже не могъ избѣжать сраженія. Аздрубаль поставилъ на своемъ правомъ флангѣ Испанцевъ, а впереди ихъ десять слоновъ; Галловъ онъ поставилъ на лѣвомъ флангѣ, приказавши имъ не двигаться съ мѣста. На правомъ флангѣ исходъ борьбы былъ долго нерѣшителенъ и начальствовавшего тамъ консула Ливіа сильно тѣснилъ непріятель; наконецъ Неронъ, повторяя тактически свое стратегическое движеніе, оставилъ неподвижно стоявшаго передъ нимъ врага и, пройдя позади своей собственной арміи, напалъ на флангъ Испанцевъ. Съ трудомъ одержанная и очень кровопролитная побѣда была полной; непріятельская армія, которой некуда было отступить, была истреблена, а ея лагерь былъ взятъ приступомъ. Когда Аздрубаль убѣдился, что превосходно веденное сраженіе проиграно, онъ, подобно своему отцу, сталъ искать и нашолъ почетную смерть воина. И какъ полководецъ и какъ человекъ, онъ былъ достойнымъ братомъ Аннибала. — На слѣдующій день послѣ битвы Неронъ снова выступилъ въ походъ и послѣ почти двухъ-недѣльнаго отсутствія

**Битва при
Сенѣ.**

снова занялъ позицію въ Апуліи противъ арміи Аннибала, до котораго еще не дошло никакихъ извѣстій о случившемся и который еще не трогался съ мѣста. Эти извѣстія доставилъ ему консулъ, приказавшій бросить непріятельскимъ сторожевымъ постамамъ голову Аннибалова брата; такимъ способомъ Неронъ отомстилъ своему великому противнику, — считавшему для себя униженіемъ воевать съ мертвыми, — за почетное погребеніе Павла, Гракха и Марцелла. Аннибалъ понялъ, что его ожиданія были напрасны и что все кончено. Онъ покинулъ Апулію, Луканію и даже Метапонтъ и отступилъ съ своей арміей на бреттійскую территорию, въ портовыхъ городахъ которой только и могъ найти опору. Благодаря энергіи римскихъ полководцевъ и еще болѣе благодаря безпримѣрно-благопріятному стеченію обстоятельствъ, Римъ избавился отъ опасности, которая была такъ велика, что вполне оправдывала упорство, съ которымъ Аннибалъ держался въ Италіи, и можетъ быть поставлена наравнѣ съ той опасностью, которая грозила Риму послѣ битвы при Баннахъ. Лигованію Римлянъ не было границъ; всѣ снова принялись за свои дѣла съ спокойствіемъ мирнаго времени, такъ какъ всѣ сознавали, что война уже не грозитъ серьезными опасностями.

Приостановка италійской войны. Однако въ Римѣ не спѣшили доводить дѣло до конца. И государство и граждане были истощены чрезмѣрнымъ напряженіемъ всѣхъ нравственныхъ и материальныхъ силъ, поэтому всѣ охотно предались безпечности и спокойствію. Войско и флотъ были уменьшены; римскіе и латинскіе земледѣльцы возвратились въ свои разоренные хутора; государственная казна была пополнена продажей нѣкоторой части кампанскихъ государственныхъ имуществъ. Государственное управленіе было организовано заново и были уничтожены вкравшіеся беспорядки; было приступлено къ возврату добровольныхъ ссудъ на военныя издержки, а съ латинскихъ общинъ были взысканы недоимки, съ прибавкой тяжелыхъ процентовъ. — Военныя дѣйствія въ Италіи приостановились. Блестательнымъ доказательствомъ стратегическихъ дарованій Аннибала и, конечно, также неспособности противопоставленныхъ ему римскихъ полководцевъ служитъ тотъ фактъ, что съ той поры онъ еще въ теченіе четырехъ лѣтъ держался на бреттійской территории въ открытомъ полѣ и что несравненно болѣе сильные его противники не могли принудить его ни укрыться въ крѣпостяхъ ни отплыть съ арміей на родину. Конечно, онъ былъ вынужденъ отступать все далѣе и далѣе не столько вслѣдствіе нерѣшительныхъ сраженій, въ которыя онъ вступалъ съ Римлянами, сколько вслѣдствіе того, что онъ все менѣе и менѣе могъ полагаться на своихъ бреттійскихъ союзниковъ и въ концѣ-концовъ, могъ рассчитывать только на тѣ города, которые были заняты его войсками. Отъ обладанія Туріями онъ отказался добровольно, а Локры были у него отняты войсками, высланными

для этой цѣли изъ Регіона по распоряженію Публія Сципіона (549). И какъ будто его замысламъ было суждено наконецъ найти блистательное одобреніе со стороны тѣхъ самыхъ кареагенскихъ властей, которыя помѣшали ихъ успѣху,—эти власти постарались воскресить тѣ замыслы изъ страха передъ ожидаемой высадкой Римлянъ (548. 549): онѣ слали Аннибалу въ Италію и Магону въ Испанію подкрѣпленія и субсидіи съ приказаніемъ снова раздуть пламя войны въ Италіи и тѣмъ доставить хотя временный покой дрожавшимъ отъ страха обладателямъ либійскихъ загородныхъ домовъ и кареагенскихъ лавокъ. И въ Македонію было отправлено посольство съ порученіемъ склонить Филиппа къ возобновленію союза и къ высадкѣ въ Италіи (549). Но уже было поздно. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Филиппъ заключилъ миръ съ Римомъ; хотя предстоявшее политическое уничтоженіе Кареагена и было для него неудобно, онъ — по меньшей мѣрѣ явнымъ образомъ, — ничего не предпринялъ противъ Рима. Въ Африку былъ отправленъ небольшой македонскій отрядъ, который, по увѣренію Римлянъ, содержался на счетъ самого Филиппа; это было-бы вполнѣ естественно, но, какъ видно изъ дальнѣйшаго хода событій, Римляне не имѣли на это никакихъ доказательствъ. А о высадкѣ Македонянъ въ Италіи не было и помысла. — Серьознѣе выдвинулся за свою задачу меньшей изъ Амиліаровыхъ сыновей, Магонъ. Съ остатками испанской арміи, которые онъ прежде всего перевезъ на Минорку, онъ высадился въ 549 году подлѣ Генуи, разрушилъ этотъ городъ и привалъ къ оружію Лигуровъ и Галловъ, которыхъ по обыкновенію привлекали толпами золото и новизна предпріятія; онъ даже завелъ сношенія по всей Этруріи, гдѣ политическіе процессы не прекращались. Но приведенныхъ имъ войскъ было слишкомъ недостаточно для серьезнаго нападенія на Италію, а Аннибалъ располагалъ такими незначительными силами и до такой степени утратилъ свое вліяніе на южную Италію, что не былъ въ состояніи двинуться на встрѣчу къ Магону. Кареагенскіе правители не желали спасенія своего отечества, когда оно было возможно; а теперь, когда они стали о немъ заботиться, оно уже сдѣлалось невозможнымъ.

Въ римскомъ сенатѣ, конечно, никто не сомнѣвался ни въ томъ, что война Кареагена съ Римомъ кончена, ни въ томъ, что теперь должна начаться война Рима съ Кареагеномъ; но какъ ни была неизбежно-необходима африканская экспедиція, къ ней не рѣшались приступить. Для нея былъ прежде всего нуженъ способный и всѣми любимый вождь, а такого не было на-лицо. Лучшіе генералы или пали на поляхъ сраженій или-же были, какъ Квинтъ Фабій и Квинтъ Фульвій, слишкомъ стары для такой совершенно новой и, по всему вѣроятію, продолжительной войны. Одержавшимъ побѣду при Сенѣ Гаю Нерону и Марку Ливію такая задача, по

205

206 205

205

Магонъ въ
Италіи.

205

Экспедиція
Сципіона
въ Африку.

205

жалуй, и была-бы по силамъ, но оба они были въ высшей степени непопулярными аристократами; правительство не было увѣрено, что ему удастся доставить имъ главное командованіе (въ ту пору уже дошли до того, что только подъ вліяніемъ страха выбрали начальниковъ по способностямъ) и еще менѣе было оно увѣрено въ томъ, что они съумѣютъ склонить истощенный народъ на новыя усилія. Тогда возвратился изъ Испаніи Публий Сципіонъ; этотъ любимецъ народа, который дѣйствительно или только повидимому такъ блистательно выполнилъ возложенную на него задачу, былъ тотчасъ выбранъ на слѣдующій годъ консуломъ. Онъ вступилъ въ эту должность (549) съ твердымъ намѣреніемъ осуществить африканскую экспедицію, задуманную имъ еще въ то время, когда онъ находился въ Испаніи. Однако въ сенатѣ не только партія методическаго веденія войны не хотѣла ничего слышать объ африканской экспедиціи, пока Аннибалъ еще былъ въ Италиі, но и большинство сенаторовъ было вовсе небласклонно расположено къ юному полководцу. Греческое щегольство Сципіона, его модное образованіе и модное настроеніе ума были не по вкусу суровымъ и мужиковатымъ отцамъ города; а его веденіе войны въ Испаніи вызывало такіа-же порицанія, какъ и его понятія о солдатской дисциплинѣ. Что его не безъ основанія упрекали въ чрезмѣрной снисходительности къ его корпуснымъ командирамъ, очень скоро было доказано злодѣйствами, которыя совершалъ Гай Племиній въ Локрахъ и отвѣтственность за которыя падала въ значительной мѣрѣ на самого Сципіона, небрежно наблюдавшаго за подчиненными. Во время сенатскихъ преній объ африканской экспедиціи и о выборѣ главнокомандующаго новый консулъ обнаружилъ намѣреніе обходить тѣ обычаи и законы, которые не согласовались съ его личными взглядами, и очень ясно далъ понять, что въ случаѣ разномыслія съ правительственными властями онъ предполагалъ искать для себя опоры въ своей славѣ и въ своей популярности; этимъ онъ не только оскорбилъ сенатъ, но и возбудилъ серьезныя опасенія на счетъ того, будетъ-ли такой главнокомандующій придерживаться данныхъ ему инструкцій какъ во время веденія столь важной войны, такъ и въ случаѣ мирныхъ переговоровъ съ Карфагеномъ, а своевольное веденіе Сципіономъ испанской войны отнюдь не устраняло такихъ опасеній. Впрочемъ, объ стороны были такъ благоразумны, что не дошли въ своемъ разномысліи до совершеннаго разрыва. И сенатъ не могъ не сознать, что африканская экспедиція была необходима, что откладывать ее на неопредѣленное время было-бы неблагоразумно, что Сципіонъ былъ очень способный полководецъ, вполне годный для веденія этой войны и что только онъ одинъ могъ-бы добиться отъ народа продленія своихъ полномочій по мѣрѣ надобности и напряженія крайнихъ усилій. Большинство сенато-

ровъ постановило не отказывать Сципіону въ желаемомъ порученіи, если онъ предварительно выкажетъ, — хотя-бы только формальнымъ образомъ, — должное уваженіе къ высшей правительственной власти и если заранѣе подчинится волѣ сената. Было рѣшено, что въ теченіе того-же года Сципіонъ отправится въ Сицилію для того, чтобъ заняться тамъ постройкой флота, приведеиіемъ осаднаго матеріала въ порядокъ и организаціей экспедиціонной арміи, а за тѣмъ въ слѣдующемъ году высадится въ Африкѣ. Для этой цѣли ему была отдана въ распоряженіе сицилійская армія (состоявшая изъ тѣхъ двухъ легионовъ, которые были сформированы изъ остатковъ арміи, разбитой при Каннахъ), такъ какъ для охраны острова было вполне достаточно немногочисленнаго гарнизона и флота; кромѣ того Сципіону было дозволено набирать въ Италіи добровольцевъ. По всему было видно, что сенатъ не снаряжалъ экспедицію, а только не мѣшалъ другимъ ее снаряжать; Сципіонъ не получилъ и половины тѣхъ средствъ, какія были предоставлены въ распоряженіе Регула и сверхъ того ему былъ данъ тотъ самый корпусъ, къ которому сенатъ въ теченіе многихъ лѣтъ относился съ вполне заслуженнымъ пренебреженіемъ. Африканская армія была въ глазахъ большинства сенаторовъ чѣмъ-то въ родѣ заброшеннаго сборища оштрафованныхъ людей и добровольцевъ, къ гибели которыхъ государство могло-бы отнестись равнодушно. — Другой на мѣстѣ Сципіона, вѣроятно, объявилъ-бы, что африканскую экспедицію или слѣдуетъ предпринимать съ иными средствами или вовсе не слѣдуетъ предпринимать; но онъ былъ такъ самоувѣренъ, что соглашался на всякія условія, лишь-бы только достигнуть горячо-желаемаго назначенія главнокомандующимъ. Чтобъ не повредить популярности экспедиціи, онъ, по мѣрѣ возможности, тщательно старался избѣгать всего, что могло быть обременительно для народа. Расходы на экспедицію и въ особенности на дорого-стоившую постройку флота были частію доставлены такъ-называемой добровольной контрибуціей этрусскихъ городовъ, то-есть военнымъ налогомъ, въ наказаніе взысканнымъ съ Арретинцевъ и съ другихъ расположенныхъ къ Финикіянамъ общинъ, частію были разложены на сицилійскіе города; черезъ сорокъ дней флотъ былъ готовъ къ отплытію. Его экипажъ усилили семь тысячъ добровольцевъ, явившихся со всѣхъ концовъ Италіи на призывъ любимаго вождя. И такъ, весной 550 года Сципіонъ отплылъ къ берегамъ Африки съ двумя сильными легионами изъ ветерановъ (около 30.000 человекъ), съ 40 военными кораблями и съ 400 транспортными судами, и, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія, благополучно высадился на Красивомъ Мысу вблизи отъ Утики.

204

Картагеняне уже давно ожидали, что вслѣдъ за хищническими **Воруженія** набѣгами, которые въ теченіе послѣднихъ лѣтъ нерѣдко предпри- **въ Африкѣ.**

нимались римскими эскадрами на берега Африки, будет сделано на них и болѣе серьезное нападеніе; поэтому, чтобы предохранить себя отъ такого нападенія, они не только старались снова возбудить войну между Италіей и Македоніей, но и дѣлали военныя приготовленія для борьбы съ Римлянами. Изъ двухъ соперничавшихъ между собою берберскихъ царей—повелителя Массилианъ, царствовавшаго въ Циртѣ (Константинѣ) Массиниссы и повелителя Массесилианъ, царствовавшаго въ Сигѣ (близъ устья въ Тафны, къ западу отъ Орана) Сифакса, послѣдній былъ гораздо болѣе могущественъ и до той поры жилъ въ дружбѣ съ Римлянами, но Карфагенянамъ удалось прочно привязать его къ себѣ посредствомъ договоровъ и родственныхъ связей, а отъ Массиниссы, который издавна былъ соперникомъ Сифакса и ихъ союзникомъ, Карфагеняне отказались. Массинисса не устоялъ въ отчаянной борьбѣ съ соединенными силами Карфагенянъ и Сифакса, былъ принужденъ оставить этому послѣднему въ добычу свои владѣнія, и послѣ того блуждалъ въ степяхъ съ нѣсколькими всадниками. Кромѣ подкрѣпленій, которыя ожидались отъ Сифакса, для защиты столицы была готова карфагенская армія изъ 20.000 пѣхоты, 6.000 конницы и 140 слоновъ (именно для того Аннонъ и былъ отправленъ на охоту за слонами); а начальствовалъ ею испытанный въ Испаніи полководецъ, Гизгоновъ сынъ Авдрубаль; въ гавани стоялъ многочисленный флотъ. Сверхъ того ожидали прибытія македонскаго корпуса подъ начальствомъ Сопатера и кельтиберійскихъ наемниковъ.—Узнавши о высадкѣ Сципіона, Массинисса тотчасъ явился въ лагерь полководца, противъ котораго еще незадолго передъ тѣмъ сражался въ Испаніи; но этотъ безземельный царь сначала не принесъ Римлянамъ ничего, кромѣ личной храбрости, а Либійцы хотя и очень тяготились рекрутскими наборами и налогами, но знали по горькому опыту, какъ слѣдуетъ себя вести въ подобныхъ случаяхъ и потому не спѣшили открыто принять сторону Римлянъ. При такихъ-то условіяхъ Сципіонъ началъ кампанію. Пока онъ имѣлъ дѣло только съ болѣе слабой карфагенской арміей, перевѣсъ былъ на его сторонѣ, а послѣ нѣсколькихъ удачныхъ кавалерійскихъ стычекъ онъ даже былъ въ состояніи приступить къ осадѣ Утики; но когда прибылъ Сифаксъ, какъ увѣряютъ, съ 50.000 пѣхоты и 10.000 конницы, пришлось снять осаду и расположиться на зиму въ укрѣпленномъ корабельномъ лагерѣ между Утикой и Карфагеномъ на мысу, гдѣ было нетрудно окружить себя окопами. Тамъ римскій главнокомандующій провелъ зиму 550/1 года. Изъ очень неудобнаго положенія, въ которомъ его застала весна, онъ высвободился посредствомъ удачнаго нечаяннаго нападенія. Сципіонъ завелъ скорѣй коварные, чѣмъ добросовѣстные мирныя переговоры и этимъ усыпилъ бдительность Африканцевъ, такъ что на-

**Сципіонъ
оттѣсненъ
къ берегу
моря.
Нападеніе**

20

шоль возможность напасть на ихъ оба лагеря въ одну и ту же на кареа-
ночь: тростниковые шалаши Нумидійцевъ вспыхнули яркимъ пла- генскій ла-
менемъ, а когда Кареагеняне бросились туда на помощь, такая-же геръ.
участь постигла ихъ собственный лагерь; римскія войска безъ всякаго сопротивления убивали тѣхъ, кто спасался бѣгствомъ. Это
ночное нападеніе было губительнѣе многихъ сраженій. Однако Кар-
еагеняне не упали духомъ и даже не послѣдовали совѣтамъ тру-
сливыхъ или, вѣрнѣе, здравомыслящихъ людей, предлагавшихъ ото-
звать Магона и Аннибала. Именно въ то время прибыли давно
ожидаемая вспомогательныя войска Кельтиберовъ и Македонянь; было
рѣшено еще разъ вступить въ борьбу на «широкихъ поляхъ», въ
пятнадцатомъ переходѣ отъ Утики. Сципіонъ охотно принялъ пред-
ложеніе ему сраженіе; его ветераны и добровольцы безъ большаго
труда разогнали собранныя на скорую руку толпы Кареагенянь и
Нумидійцевъ; Кельтиберы, которые не могли ожидать пощады отъ
Сципіона, также были изрублены послѣ упорнаго сопротивленія.
Послѣ этого двойнаго пораженія Африканцы уже нигдѣ не могли
держаться въ открытомъ полѣ. Кареагенскій флотъ попытался на-
пасть на римскій корабельный лагерь и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ,
но не достигъ никакихъ рѣшительныхъ результатовъ, а Римляне были
съ избыткомъ вознаграждены за эту неудачу взятіемъ въ плѣнъ
Сифакса, удавшимся благодаря безпримѣрному счастью Сципіона;
съ тѣхъ поръ Массинисса сдѣлался для Римлянъ тѣмъ-же, чѣмъ
прежде былъ Сифаксъ для Кареагенянь. — Кареагенская мирная Мирные пе-
партія, которая въ продолженіе шестнадцати лѣтъ была принуж- реговоры.
дена молчать, снова возвысила свой голосъ послѣ такихъ пораже-
ній и открыто возстала противъ владычества сыновей Барки и пат-
ріотовъ. Гизгоновъ сынъ, Аздрубаль былъ зочно осужденъ прави-
тельствомъ на смертную казнь и была сдѣлана попытка склонить
Сципіона къ прекращенію военныхъ дѣйствій и къ заключенію мира.
Сципіонъ потребовалъ уступки испанскихъ владѣній и острововъ
Средиземнаго моря, передачи Сифаксова царства Массиниссѣ, вы-
дачи всѣхъ военныхъ кораблей, за исключеніемъ 20, и уплаты воен-
ной контрибуціи въ 4000 талантовъ (около 7 милл. тал.); эти усло-
вія показали Кареагенянямъ такъ безпримѣрно-выгодными, что
самъ-собою навязывается вопросъ: не предлагалъ-ли ихъ Сципіонъ
скорѣе въ своихъ личныхъ интересахъ, чѣмъ въ интересахъ Рима.
Кареагенскіе уполномоченные приняли эти предложенія подъ усло-
віемъ ихъ одобренія надлежащими властями и съ этой цѣлю было
отправлено въ Римъ кареагенское посольство. Но партія кареаген- Пронски
скихъ патріотовъ вовсе не была расположена такъ скоро отбазаться кареаген-
отъ борьбы. Увѣренность въ благородствѣ своихъ замысловъ, до- скихъ
вѣрнѣе къ великому полководству и даже примѣръ самого Рима по- патріотовъ.
ощряли ихъ къ упорному сопротивленію, не говоря уже о томъ, что

съ заключеніемъ мира правительственная власть неизбежно перешла бы въ руки враждебной партіи и имъ самимъ угрожала-бы гибель. Среди гражданъ партія патриотовъ имѣла перевѣсъ; поэтому было рѣшено не мѣшать оппозиціи вести мирные переговоры, а между тѣмъ готовиться къ послѣдному и рѣшительному отпору: Магону и Аннибалу были посланы приказанія, какъ можно скорѣе возвращаться въ Африку. Магонъ, который въ теченіе трехъ лѣтъ (549—551) подготовлялъ въ сѣверной Италіи коалицію противъ Рима, былъ именно въ ту пору разбитъ на территоріи Инсубровъ (подлѣ Милана) двумя гораздо болѣе многочисленными римскими арміями. Римская конница уже была оттѣскена, римская пѣхота уже была приведена въ разстройство и побѣда, по видимому, клонилась на сторону Карфагенянъ; но сраженіе приняло иной оборотъ вслѣдствіе смѣлаго нападенія одного римскаго отряда на непріятельскихъ слоновъ и вслѣдствіе тяжелой раны, нанесенной любимому и даровитому вождю; финикійская армія была принуждена отступить къ берегамъ Лигурии. Тамъ она получила приказаніе къ отплытію и исполнила его; но Магонъ умеръ отъ ранъ во время морскаго перевѣзда. Аннибалъ, вѣроятно, самъ предупредилъ-бы такое приказаніе, если-бы его послѣдніе переговоры съ Филиппомъ не оживили въ немъ надежды, что въ Италіи онъ можетъ оказать своему отечеству болѣе полезныя услуги, чѣмъ въ Либіи; когда же приказаніе объ отъѣздѣ застало его въ Кротонѣ, гдѣ онъ постоянно находился въ послѣднее время, онъ не замедлилъ его исполнить. Онъ приказалъ заколотъ своихъ лошадей и лишить жизни тѣхъ италійскихъ солдатъ, которые не хотѣли слѣдовать за нимъ за море, и отплылъ на транспортныхъ судахъ, уже давно стоявшихъ на-готовѣ на кротонскомъ рейдѣ. Римскіе граждане ожили, когда узнали, что могучій либійскій левъ, котораго даже въ ту пору никто не былъ въ состояніи вытѣснить изъ Италіи, добровольно покинулъ италійскую территорію. По этому случаю сенатъ и гражданство увѣнчали вѣнкомъ изъ ливіевъ уже почти достигшаго девяностидесяти лѣтъ Квинта Фабія, который былъ единственнымъ оставшимся въ живыхъ римскимъ полководцемъ изъ числа тѣхъ, которые честно боролись съ общественными бѣдствіями. Получить отъ всей общины такой вѣнокъ, который, по римскимъ обычаямъ, подносила армія спасшему ее отъ пораженія полководцу, считалось самымъ высокимъ отличіемъ, какое когда-либо выпадало на долю римскихъ гражданъ; это было послѣднимъ почетнымъ украшеніемъ престарѣлаго полководца, который кончилъ свою жизнь въ теченіе того-же года (551). А Аннибалъ безпрепятственно достигъ Лептиса, конечно, не подъ охраной заключеннаго перемирія, а благодаря быстротѣ своего перевѣзда и своему счастью; этотъ послѣдній представитель Амилкаровскаго «львиного отродья» снова ступилъ тамъ, послѣ тридцати-пяти-лѣт-

205—203

Аннибалъ
отправ-
ляется въ
Африку.

203

няго отсутствія, на родную почву, которую покинулъ, когда былъ почти ребенкомъ, для того, чтобъ начать свое великое и оказавшееся столь бесплоднымъ геройское поприще на западѣ, и вернуться съ востока, такимъ образомъ пройдя вокругъ кареагенскаго моря длинный побѣдный путь. Теперь, когда уже совершилось то, что онъ старался предотвратить и что онъ былъ-бы въ состояніи предотвратить, если бы ему это дозволили, ему не оставалось ничего другаго, какъ помогать и спасать и онъ исполнилъ этотъ долгъ безъ жалобъ и безъ укоровъ. Съ его прибытіемъ партія патриотовъ стала дѣйствовать открыто; постыдный смертный приговоръ надъ Аздубаломъ былъ кассированъ; благодаря ловкости Аннибала, были вновь завязаны сношенія съ нумидійскими шейхами и не только на народномъ собраніи было отказано въ утверженіи фактически заключеннаго мирнаго договора, но даже перемиріе было нарушено разграбленіемъ сѣвшаго у африканскихъ береговъ на мель римскаго транспортнаго флота и нападеніемъ на римскій военный корабль, на которомъ ѣхалъ римскій посолъ. Подъ вліяніемъ исполнителя основательнаго негодованія, Сципіонъ покинулъ свой лагерь подъ Тунисомъ (552) и прошелъ по роскошной долинѣ Баграда (Медшерды), уже не принимая капитуляціи отъ мѣстечекъ и городовъ, а забирая ихъ жителей массами для продажи въ рабство. Онъ уже проникнулъ далеко внутрь страны и стоялъ подлѣ Нараггары (къ западу отъ Сикки, теперешняго Эль-Кефа, на границѣ Туниса и Алжиріи), когда выступившій противъ него изъ Адрумета Аннибалъ встрѣтился съ нимъ. Кареагенскій полководецъ попытался на личномъ свиданіи съ Сципіономъ добиться лучшихъ мирныхъ условий, но Сципіонъ уже дошелъ до крайнихъ предѣловъ снисходительности, а послѣ нарушенія перемирія не могъ согласиться ни на какія дальнѣйшія уступки; поэтому трудно повѣрить, чтобъ Аннибалъ, дѣлая эту попытку, имѣлъ какую-либо другую цѣль, кромѣ намѣренія доказать народной толпѣ, что патриоты не безусловно противились заключенію мира. Переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ и такимъ образомъ дѣло дошло до рѣшительной битвы при Замѣ (вѣроятно неподалеку отъ Сикки)*). Аннибалъ построилъ свою пѣхоту въ три линіи: въ первой онъ поставилъ кареагенскія наемныя войска, во второй—африканское ополченіе, финикійскую гражданскую милицію и мекедонскій корпусъ, въ третьей—пришедшихъ съ нимъ изъ Италіи ветерановъ. Впереди строя были поставлены восемьде-

Возобновленіе военныхъ дѣйствій.

202

Битва при Замѣ.

202

*) Ни мѣсто ни время битвы не могутъ быть указаны съ достаточной достоверностью. Впрочемъ мѣстомъ битвы, какъ кажется, безспорно была хорошо извѣстная Зама Царская [Zama zegia], а происходила она приблизительно весной 552 года. Нѣкоторые полагаютъ, ссылаясь на солнечное затмѣніе, что битва происходила 19 октября; но это недостоверно.

сять слоновъ, а конница стала на флангахъ. Сципіонъ построилъ свои легіоны, по обыкновенію Римлянъ, также въ три линіи и разставилъ ихъ такъ, чтобъ слоны могли проходить сквозь линіи или по ихъ сторонамъ, не прорывая строя. Это распоряженіе имѣло полнѣйшій успѣхъ, а отходившіе въ сторону слоны даже привели въ разстройство стоящую у Карфагенянъ на флангахъ конницу, такъ что Сципіонова кавалерія, далеко превосходившая числомъ неприятельскую, благодаря прибытію конныхъ отрядовъ Массиниссы, безъ большаго труда справилась съ неприятельскими всадниками и пустилась за ними въ погоню. Съ пѣхотой борьба была болѣе упорна. Переднія линіи двухъ армій долго бились безъ рѣшительныхъ результатовъ; послѣ чрезвычайно кровопролитныхъ рукопашныхъ схватокъ онѣ пришли въ разстройство и были принуждены искать опоры во вторыхъ линіяхъ. Римляне дѣйствительно нашли тамъ опору; но карфагенская милиція оказалась такой рѣшительной и шаткой, что наёмники заподозрили ее въ измѣнѣ и вступили въ рукопашный бой съ карфагенскимъ гражданскимъ ополченіемъ. Между тѣмъ Аннибалъ торопливо стянулъ на оба фланга все, что уцѣлѣло изъ первыхъ двухъ линій, и выдвинулъ впередъ по всей линіи свои лучшія италійскія войска. Напротивъ того, Сципіонъ собралъ въ центрѣ все, что уцѣлѣло изъ первой линіи, и присоединилъ къ нему справа и слѣва войска, стоявшія во второй и третьей линіяхъ. На прежнемъ мѣстѣ завязался вторичный и еще болѣе ужасный бой; старые Аннибаловскіе солдаты не подавались назадъ не смотря на численный перевѣсъ неприятеля, пока не были со всѣхъ сторонъ окружены римской кавалеріей и конницей Массиниссы, возвратившимися изъ преслѣдованія разбитой неприятельской кавалеріи. Вслѣдствіе этого нападенія не только битва была кончена, но и была совершенно истреблена карфагенская армія; тѣ самые солдаты, которые за четырнадцать лѣтъ передъ тѣмъ бѣжали съ поля битвы при Каннахъ, отомстили при Замѣ своимъ прежнимъ побѣдителямъ. Съ небольшою кучкой людей Аннибалъ спасся бѣгствомъ и достигъ Адрумета.

Миръ.

Послѣ этой битвы только безразсудные люди могли совѣтовать Карфагенянамъ продолжать войну. Напротивъ того, римскій полководецъ могъ-бы немедленно приступить къ осадѣ столицы, которая не была прикрыта никакой арміей и не была снабжена продовольствіемъ, и, если-бы не встрѣтилось никакихъ непредвидѣнныхъ препятствій, подвергнуть Карфагенъ такой-же участи, какую готовилъ Аннибалъ для Рима. Но Сципіонъ этого не сдѣлалъ; онъ согласился на заключеніе мира (553), но конечно уже не на прежнихъ условіяхъ. Кромѣ тѣхъ уступокъ въ пользу Рима и въ пользу Массиниссы, которыя были потребованы во время послѣднихъ мирныхъ переговоровъ, на Карфагенянъ была возложена на пятьдесятъ лѣтъ

ежегодная контрибуція въ 200 талантовъ (340.000 талеровъ); сверхъ того они обязались не вести никакихъ войнъ ни противъ Рима ни противъ его союзниковъ, и вообще внѣ Африки имъ было дозволено предпринимать войны внѣ ихъ территоріи не иначе, какъ съ разрѣшенія Рима; въ сущности эти условія сводились къ тому, что Карфагенъ обращался въ данника и утрачивалъ свою политическую самостоятельность. Карфагеняне, какъ кажется, даже обязались доставлять въ иныхъ случаяхъ военные корабли для римскаго флота.—Сципіона обвиняли въ томъ, что онъ согласился на слишкомъ выгодныя для непріятеля мирныя условія, потому что не хотѣлъ уступить какому-нибудь преемнику вмѣстѣ съ главнымъ командованіемъ и славу окончанія самой тяжелой изъ всѣхъ войнъ, какія велъ Римъ. Это обвиненіе могло-бы быть основательнымъ, если-бы состоялся первоначальный проектъ мирныхъ условій; но оно нисколько не оправдывается вторымъ проектомъ. Положеніе дѣлъ въ Римѣ было вовсе нетаково, чтобъ любимецъ народа могъ серьезно опасаться своего увольненія послѣ побѣды при Замѣ,—вѣдь еще до этой побѣды народъ рѣшительно отвергнулъ предложеніе сената отозвать его, и самыя мирныя условія вовсе не оправдываютъ такого обвиненія. Послѣ того, какъ у Карфагена были связаны руки мирными условіями, а подлѣ него былъ посаженъ могущественный сосѣдь, онъ никогда даже не пытался высвободиться изъ-подъ римскаго верховенства и еще менѣе могъ помышлять о соперничествѣ съ Римомъ; сверхъ того всѣмъ было хорошо извѣстно, что только-что окончившаяся война была предпринята скорѣе по желанію Аннибала, чѣмъ по желанію Карфагена, и что гигантскій замыселъ патриотической партіи никакъ не можетъ возобновиться. Мстительнымъ Италиѣцамъ могло казаться недостаточнымъ, что пламя уничтожило только пятьсотъ выданныхъ Карфагенянами военныхъ крѣпостей и не уничтожило вмѣстѣ съ ними ненавистнаго города; злоба и безразсудство деревенскихъ политиковъ могли отстаивать мнѣніе, что только уничтоженный врагъ дѣйствительно побѣжденъ, и могли порицать того, кто не захотѣлъ строже наказывать людей, заставлявшихъ Римлянъ дрожать отъ страха. Сципіонъ думалъ иначе и мы не имѣемъ никакого основанія, а стало быть и никакого права предполагать, что въ этомъ случаѣ Римлянинъ руководствовался низкими, а не благородными и возвышенными мотивами, которые соответствовали и его характеру. Не боязнь отставки или перемѣны счастья и не ожидавшійся взрывъ македонской войны, хотя онъ и былъ недалеко, помѣшали этому самоувѣренному и до той поры всегда все предпринимавшему съ необычайнымъ успѣхомъ человеку совершить надъ несчастнымъ городомъ ту экзекуцію, которая была совершена пятидесятью годами позже его пріемнымъ внукомъ и которую онъ, конечно, могъ-бы самъ совершить безотлагательно. Го-

равдо болѣе правдоподобно, что оба великихъ полководца, отъ которыхъ теперь зависѣло разрѣшеніе и политическихъ вопросовъ, остановились на изложенныхъ выше мирныхъ условіяхъ съ цѣлю поставить справедливые и разумные предѣлы съ одной стороны свирѣпой мстительности побѣдителей, съ другой стороны упорству и безразсудству побѣжденныхъ; душевное благородство и политическая мудрость двухъ великихъ противниковъ сказались какъ въ готовности Аннибала преклониться передъ необходимостью, такъ и въ благоразумномъ нежеланіи Сципіона извлекать изъ его побѣды чреамѣрные и постыдные результаты. Развѣ этотъ великодушный и дальновидный человекъ не долженъ былъ самъ себѣ задавать вопросъ: какая-же была-бы польза для его отечества, если-бы послѣ совершеннаго уничтоженія политическаго могущества Картагена было разорено это старинное средоточіе торговли и земледѣлія и такимъ образомъ былъ-бы низпровергнутъ одинъ изъ главныхъ столбовъ тогдашней цивилизаціи? Еще не пришло то время, когда первые люди Рима принимали на себя роль палачей по отношенію къ цивилизаціи сосѣдей и легкомысленно воображали, что, проливая на досугъ слѣзы, этимъ могутъ смыть съ себя вѣчный позоръ своей націи.

Результаты войны. Такъ окончилась вторая пуническая или, какъ ее правильнѣе называли Римляне, Аннибаловская война, послѣ того, какъ она въ теченіе семнадцати лѣтъ опустошала острова и твердую землю на всемъ пространствѣ отъ Геллеспонта до Геркулесовыхъ Столбовъ. До этой войны политическія стремленія Рима не заходили далѣе обладанія материкомъ италійскаго полуострова внутри его естественныхъ границъ и владычества надъ италійскими морями и ихъ островами; а то, какъ было поступлено съ Африкой при заключеніи мира, ясно доказывало, что и во время окончанія этой войны Римляне не имѣли въ виду утвердить свое владычество надъ государствами Средиземнаго моря или основать такъ-называемую всемірную монархію, а лишь старались сдѣлать безвреднымъ опаснаго соперника и дать Италіи спокойныхъ сосѣдей. Конечно, остальные результаты войны и въ особенности завоеваніе Испаніи не совсѣмъ согласовались съ такими цѣлями, но успешныя войны завлекали Римлянъ далѣе того, къ чему они стремились, а Испанія подпала подъ ихъ власть почти случайно. Владычества надъ Италіей Римляне достигли потому, что стремились къ нему, а гегемонія и разившееся изъ нея владычество надъ странами, которыя лежатъ у Средиземнаго моря, были непосланы имъ случайностью до нѣкоторой степени безъ участія ихъ собственной воли. — Непосредственными послѣдствіями войны были внѣ Италіи: превращеніе Испаніи въ римскую провинцію, предѣлами конечно находившуюся въ постоянномъ возстаніи; присоединеніе къ римской провинціи Сициліи сиракузскаго царства, до того времени находившагося лишь въ зависимости отъ Рима; под-

чинеіе самыхъ сильныхъ нумидійскихъ вождей римскому патронату въ замѣнъ кареагенскаго; наконецъ превращеніе Кареагена изъ могущественнаго торговаго государства въ беззащитный купеческій городъ, — однимъ словомъ, бесспорная римская гегемонія надъ западными средиземными государствами, неизбежное при дальнѣйшемъ развитіи этой гегемоніи столкновеніе восточныхъ государствъ съ западными, впервые лишь слегка обнаружившееся во время первой пунической войны и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежное въ будущемъ энергическое вмѣшательство Рима въ столкновенія между Александровскими монархіями. Если не ранѣе, то безъ сомнѣнія съ этого времени кельтская нація была обречена на гибель и вопросъ заключался только въ томъ, когда будетъ совершена эта эвакуція. Внутри римской федераціи послѣдствіемъ войны были: болѣе рѣшительное выступленіе на первый планъ господствующей латинской націи, внутренняя связь которой, не смотря на нѣкоторые случаи колебанія, была испытана и скрѣплена дружною борьбою съ опасностями, и усилившееся угнетеніе не латинскихъ или не латинизованныхъ Италійцевъ, въ особенности Этрусковъ и нижне-италійскихъ Сабелловъ. Наказаніе или, вѣрнѣе, мщеніе всего тяжелѣе обрушилось на самыхъ могущественныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ первыхъ и послѣднихъ Аннибаловыхъ союзниковъ — на калуанскую общину и на страну Бреттievъ. Калуа утратила свою конституцію и превратилась изъ втораго города Италіи въ первую деревню; даже шләрчь о томъ, чтобъ срыть городъ и сравнять съ землей то мѣсто, на которомъ онъ стоялъ. Всѣ земли, за исключеніемъ немногихъ помѣстьевъ, принадлежавшихъ иностранцамъ или преданнымъ Риму Кампанцамъ, сенатъ объявилъ государственною собственностью и сталъ раздавать участками мелкому люду въ срочную аренду. Точно такъ-же было поступлено съ жившими на берегахъ Силара Пичентами; ихъ главный городъ былъ срытъ, а жители были разсѣяны по окрестнымъ селеніямъ. Часть Бреттievъ была еще болѣе ужасна; они были цѣлыми массами поставлены до нѣкоторой степени въ рабскую зависимость отъ Римлянъ и были навсегда лишены права носить оружіе. Но и остальные Аннибаловы союзники жестоко поплавились; сюда слѣдуетъ отнести греческіе города, за исключеніемъ немногихъ, упорно державшихъ сторону Рима, подобно кампанскимъ Грекамъ и жителямъ Региона. Немного менѣе пострадали Арпанцы и многія другія апулійскія, луканскія и самнитскія общины, болѣею частію лишившіяся нѣкоторой части своихъ владѣній. На нѣкоторыхъ изъ пріобрѣтенныхъ такимъ способомъ земель были заведены новыя колоніи; такъ наиримѣръ въ 560 году былъ основанъ цѣлый рядъ гражданскихъ колоній подлѣ лучшихъ южно-италійскихъ гаваней, въ томъ числѣ Сипонтъ (подлѣ Манфредоніи) и Кротонъ; на бывшей территоріи южныхъ Пичентовъ былъ основанъ

Результаты
войны въ
Италіи.

194
192

Салернъ, предназначенный сдѣлаться тамъ оплотомъ римскаго владычества; но самой важной изъ этихъ колоній были ПUTEОЛИ, которыя скоро сдѣлались для знатныхъ Римлянъ любимымъ мѣстомъ дачной жизни и центромъ торговли азіатскими и египетскими предметами роскоши. Кромѣ того городъ Туринъ былъ превращенъ въ латинскую вѣрность подъ новымъ названіемъ КОПИИ (560), а богатый бреттійскій городъ ВИБО—подъ именемъ Валенціи (562). На другихъ земельныхъ участкахъ въ Самніи и въ Апуліи были порознь поселены ветераны побѣдоносной африканской арміи; прочія земли остались въ общественномъ пользованіи, такъ что пастбища жившихъ въ Римѣ баричей замѣнили тамъ сады и пахатныя поля земледѣльцевъ. Само собой разумѣется, что кромѣ того во всѣхъ общинахъ на полуостровѣ зажиточные люди, извѣстные своимъ нерасположеніемъ къ Риму, были устранены насколько можно было этого достигнуть посредствомъ политическихъ процессовъ и отобранія въ казну имѣній. Во всей Италіи нелатинскіе союзники Рима сознавали, что ихъ названіе союзниковъ—пустое слово и что они сдѣлались римскими подданными; побѣда надъ Аннибаломъ была для нихъ то-же что вторичное порабощеніе Италіи, а отъ озлобленія и своеволія побѣдителей приходилось всѣхъ болѣе страдать нелатинскимъ членамъ италійской федераціи. Даже безцвѣтная и находившаяся подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, римская комедія того времени носила на себѣ слѣды такихъ притѣсненій; когда разоренные города Капуа и Ателла были предоставлены полиціей на произвольное необузданное остроуміе римскихъ комическихъ представленій и въ особенности Ателла сдѣлалась предметомъ презрительныхъ насмѣшекъ, и когда иные сочинители комедій подсмѣивались надъ тѣмъ, что кампанскіе невольники уже научились дышать такимъ смертоноснымъ воздухомъ, который губителенъ даже для самой выносливой породы рабовъ—для Сирійцевъ, то въ этихъ безжалостныхъ шуткахъ слышался не только презрительный смѣхъ побѣдителей, но также жалобный вопль попранныхъ ногами націй. О тогдашнемъ положеніи дѣлъ свидѣтельствуютъ боязливая заботливость, съ которой сенатъ охранялъ Италію во время македонской войны, и отправка изъ Рима подвѣрженныхъ въ самыя важныя колоніи—въ Венузію въ 554 году, въ Нарни въ 555, въ Козу въ 557, въ Калесъ незадолго до 570 года.—Какія опустошенія произвели война и голодъ въ средѣ италійскаго населенія, видно на примѣрѣ изъ того факта, что число римскихъ гражданъ уменьшилось во время войны почти на одну четверть; поэтому нельзя считать преувеличеннымъ то мнѣніе, что число павшихъ въ войнѣ съ Аннибаломъ Италійцевъ доходило до 300.000. Само собой разумѣется, что эти потери падали преимущественно на цвѣтъ гражданства, которое доставляло и цвѣтъ и главную массу боевыхъ

200 199
197 184

силъ; какъ страшно порѣдѣли въ особенности ряды сенаторовъ, видно изъ того, что послѣ битвы при Каннахъ личный составъ сената уменьшился до 123 членовъ и что онъ былъ съ трудомъ снова доведенъ до своего нормальнаго числа путемъ экстраординарнаго назначенія 177 сенаторовъ. Наконецъ само собой понятно, что семнадцатилѣтняя война, которая велась одновременно во всѣхъ частяхъ Италіи и ввѣ ея на всѣ четыре стороны свѣта, расшатала народное хозяйство въ самыхъ коренныхъ его основахъ; но недостатокъ историческихъ свѣдѣній не позволяетъ намъ прослѣдить этотъ фактъ въ его подробностяхъ. Хотя государство извлекло выгоды изъ конфискацій и въ особенности территория Кампаніи сдѣлалась съ тѣхъ поръ незыскаемымъ источникомъ государственныхъ доходовъ, но вслѣдствіе такого расширенія государственнаго хозяйства народное благосостояніе, натурально, понизилось настолько-же, насколько оно было въ иные времена улучшено посредствомъ раздробленія государственныхъ земель. Множество цвѣтущихъ поселеній, — какъ полагають до четырехъ сотъ, — было совершенно разрушено или разорено; тяжелымъ трудомъ накопленныя сбереженія были истрачены; населеніе было деморализовано лагерною жизнью; сохранившіеся преданія старинныя городскіе и сельскіе честныя нравы пещезли повсюду, начиная со столицы и кончая послѣдней деревушкой. Рабы и сбродъ разныхъ отчаянныхъ людей стали соединяться въ разбойничьи шайки, а о томъ, какъ были опасны такіа сборища, даетъ понятіе тотъ фактъ, что только въ теченіе одного года (569) и только въ одной Апуліи 7000 человекъ были наказаны за грабежъ; такому пагубному одичанію страны содѣйствовало увеличеніе пастбищъ съ полу-дикими пастухами изъ рабовъ. Самому существованію италійскаго земледѣлія стала угрожать опасность, такъ какъ во время войны съ Аннибаломъ римскій народъ впервые узналъ по опыту, что онъ можетъ обойтись безъ посѣяннаго имъ самимъ хлѣба, а питаться тѣмъ, который доставляютъ Египетъ и Сицилія. Тѣмъ не менѣе, тѣ Римляне, которымъ было суждено, по милости боговъ, дожить до конца этой гигантской борьбы, могли гордиться прошлымъ и съ увѣренностью смотрѣть въ будущее. Они во многомъ провинились, но и много вытерпѣли; народъ, у котораго вся годная для военной службы молодежь не покидала щита и меча въ теченіе почти десяти лѣтъ, имѣлъ право на то, чтобъ ему многое прощали. Древность не была знакома съ тѣмъ мирнымъ и дружественнымъ сожительствомъ различныхъ націй, которое поддерживается даже ихъ взаимною враждой и которое, повидимому, составляетъ въ наше время цѣль народнаго образованія: въ тѣ времена могла итти рѣчь только о томъ, какой народъ будетъ исполнять роль наковальни и какой народъ — роль молота, а въ состязаніи между властителями побѣда осталась за Римомъ. Въ умѣ многихъ могъ-бы

возникнуть вопросъ: съумѣютъ-ли Римляне воспользоваться этою побѣдой, съумѣютъ-ли они привязывать латинскую націю въ Риму все болѣе и болѣе крѣпкими узами, мало-по-малу латинизировать Италію, управлять жителями покоренныхъ провинцій какъ подданными, а не эксплуатировать ихъ какъ рабовъ, преобразовать государственныя учрежденія, вновь укрѣпить и расширить расшатанное среднее сословіе. Если-бы Римляне умѣли это сдѣлать, то Италія могла-бы ожидать счастливыхъ временъ; тогда народное благосостояніе, основанное при благоприятныхъ обстоятельствахъ на собственномъ трудѣ, и рѣшительное политическое верховенство надъ тогдашнимъ цивилизованнымъ міромъ внушили-бы каждому изъ членовъ великаго цѣлаго справедливое сознаніе собственнаго достоинства и доставили-бы всякому высокоумію достойную цѣль, всякому таланту—открытое поприще. Въ противномъ случаѣ, конечно, должны были получиться и противоположные результаты. Но зловѣщіе голоса и мрачныя опасенія на минуту умолкли, когда войны и побѣдители стали со всѣхъ сторонъ возвращаться въ свои жилища, когда настала очередь для благодарственныхъ празднествъ и увеселеній, для раздачи наградъ солдатамъ и гражданамъ, когда освобожденные плѣнники возвращались домой изъ Галліи, Африки и Греціи и, наконецъ, когда юный побѣдитель шествовалъ въ блестящей процессіи по разукрашеннымъ улицамъ столицы для того, чтобъ сложить свой пальмовый вѣнокъ въ жилищѣ того бога, отъ котораго,—какъ шептавали вѣрующіе,—онъ получалъ непосредственныя внушенія и въ совѣтѣ и въ дѣлѣ.

Г Л А В А VII.

Западъ отъ заключенія мира съ Аннибаломъ до конца третьяго періода.

Война съ Аннибаломъ помѣшала Римлянамъ расширять ихъ вла- **Завоеваніе**
дичество вплоть до Альповъ, или, какъ уже тогда выражались, **области По-**
вплоть до предѣловъ Италіи, и замедлила устройство и колонизацію
кельтскихъ странъ. Само собой разумѣлось, что Римляне будутъ
теперь продолжать начатое дѣло съ того пункта, на которомъ оста-
новились, и Кельты очень хорошо это понимали. Уже въ теченіе
того года, въ которомъ былъ заключенъ миръ съ Карвагеномъ (553), **201**
борьба возобновилась на территоріи Бойевъ, которымъ опасность угро-
жала прежде всѣхъ другихъ, а первая побѣда, одержанная ими надъ
на-скоро собраннымъ римскимъ ополченіемъ, и увѣщанія одного кар-
вагенскаго офицера, по имени Амилькара, оставшагося въ сѣверной
Италіи послѣ экспедиціи Магона, возбудили въ слѣдующемъ году **200**
(554) возстаніе не только среди Бойевъ и Инсубровъ, но и среди
Лигуровъ; даже среди Кеномановъ молодежь стала на этотъ разъ
внимать не голосу своихъ осмотрительныхъ вождей, а просьбамъ о
помощи, съ которыми къ нимъ обращались ихъ соплеменники. Изъ
двухъ «оплотовъ противъ галльскихъ нашествій» Пладенціи и Кре-
моны, первая была разрушена, такъ что изъ ея населенія спаслись
не болѣе 2000 человекъ, а вторая была обложена непріателемъ.
Подъ Кремоной дѣло дошло до большого сраженія. Но искусство и
опытность финикійскаго вождя не могли восполнить недостат-
ковъ его арміи; Галлы не устояли противъ натиска легионовъ,
а въ числѣ множества убитыхъ, покрывавшихъ поле сраженія, на-
ходился и карвагенскій офицеръ. Но Кельты не отказались отъ
борьбы; та-же римская армія, которая одержала побѣду подъ Кре-
моной, была въ слѣдующемъ году (555) почти совершенно уничто- **199**
жена Инсубрами главнымъ образомъ вслѣдствіе безпечности своего
начальника и Римляне были въ состояніи снова укрѣпить Пладен-
цію не ранѣе 556 года. Но внутри союза, составленнаго различ- **198**

ными кантонами для этой отчаянной борьбы, не было единомыслия; между Бойями и Инсубрами возникли раздоры, а Кеноманы не только покинули союзниковъ, но еще купили у Римлянъ помилованіе, позорно измѣнивъ своимъ соотечественникамъ: во время одного сраженія, происходившаго между Инсубрами и Римлянами на берегахъ Минчіо, они напали на своихъ прежнихъ боевыхъ товарищей съ тылу и помогли Римлянамъ совершенно ихъ истребить (557). Послѣ паденія Кома, упавшіе духомъ и всѣми покинутые Инсубры также согласились на заключеніе мирнаго договора отдѣльно отъ другихъ (558). Условія, которыя были предписаны Римлянами Кеноманамъ и Инсубрамъ, были, конечно, болѣе суровы, чѣмъ тѣ, на которыхъ обыкновенно заключались мирные договоры съ членами италійской конфедераціи; Римляне постарались упрочить легальнымъ путемъ различіе между Италійцами и Кельтами и постановили, что ни одинъ изъ гражданъ, принадлежащихъ къ тѣмъ двумъ кельтскимъ племенамъ, никогда не можетъ приобрѣсть правъ римскаго гражданства. Впрочемъ эти кельтскіе округа, находившіеся на той сторонѣ По, сохранили свое существованіе и свои національныя учрежденія, такъ что изъ нихъ образовались не городскія общины, а племенные волости, и они, какъ кажется, не были обложены никакими налогами; на нихъ была возложена обязанность служить оплотомъ для римскихъ поселеній, находившихся къ югу отъ По, и не пускать въ Италію сѣверянъ и въ особенности жившихъ среди Альповъ хищниковъ, постоянно предпринимавшихъ опустошительныя нашествія на тѣ страны. Впрочемъ и въ этихъ краяхъ латинизація дѣлала быстрые успѣхи; кельтская національность, очевидно, не была въ состояніи оказывать такое же сопротивленіе, какое оказывала національность цивилизованныхъ Сабелловъ и Этрусковъ. Пользовавшійся громкою извѣстностью и умершій въ 586 г. сочинитель латинскихъ комедій, Стацій Цецилій былъ отпущенный на волю Инсубръ, а Полибій, объѣзжавшій тѣ страны въ концѣ шестаго столѣтія, увѣряетъ, — быть можетъ не безъ нѣкотораго преувеличенія, — что тамъ лишь немногія деревни, лежащія среди Альповъ, сохранили свой кельтскій отпечатокъ. Напротивъ того, Венеты, какъ

197
196
168

Мѣры про- Главныя усилія Римлянъ были направлены въ тѣхъ странахъ, твѣ наше- понятнымъ образомъ, къ тому, чтобъ положить конецъ нашествіямъ ствѣй зааль- заальпійскихъ Кельтовъ и сдѣлать изъ натуральной сѣверной ограды пійцевъ. полуострова его государственную границу. Страхъ передъ римскимъ именемъ проникъ даже въ ближайшіе кельтскіе кантоны, находившіеся на той сторонѣ Альповъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ не только полное бездѣйствіе, съ которымъ тамъ взирали на истребленіе или поработеніе жившихъ по сую сторону Альповъ соплеменниковъ, но также офиціальное неодобреніе, которое въ отвѣтъ на жалобы рим-

свихъ пословъ было выражено заальпійскими кантонами отдѣльнымъ толпамъ Кельтовъ, попытавшимся поселиться миролюбивымъ образомъ на этой сторонѣ Альповъ (подъ этими заальпійскими кантонами слѣдуетъ разумѣть главнымъ образомъ Гельветовъ, жившихъ между Женевскимъ озеромъ и Майномъ, и Карновъ или Таурисковъ, жившихъ въ Каринтіи и въ Штиріи); о томъ-же свидѣтельствуеетъ смиреніе, съ которымъ эти толпы переселенцевъ просили римскій сенатъ объ отводѣ имъ земель, а потомъ безпрекословно подчинились строгому приказанію возвратиться за Альпы (въ 568 и слѣд. годахъ и также въ 575) и не воспротивились разрушенію города, который уже начали строить подлѣ Аквилей. Сенатъ съ мудрою строгостью не допускалъ никакихъ исключеній изъ общаго правила, что альпійскія ворота должны быть заперты для Кельтовъ, и подвергалъ тяжелымъ наказаніямъ тѣхъ римскихъ подданныхъ, которые изъ Италіи подавали поводъ для такихъ попытокъ переселенія. Одна изъ попытокъ этого рода, состоявшаяся въ мало знакомомъ Римлянамъ самомъ отдаленномъ уголкѣ Адриатическаго моря, а въ особенности намѣреніе Филиппа Македонскаго вторгнуться въ Италію съ востока такъ-же, какъ Аннибалъ вторгнулся въ нее съ запада, побудили Римлянъ построить крѣпость въ самомъ отдаленномъ сѣверо-восточномъ уголѣ Италіи; то была самая сѣверная изъ италійскихъ колоній Аквилей (571 до 573), назначеніе которой заключалось не только въ томъ, чтобъ навсегда загородить тамъ дорогу для иноземцевъ, но и въ томъ, чтобъ охранять превосходно расположенную для мореплаванія тамошнюю бухту и сдерживать морскіе разбои, еще не совершенно прекращенные въ тѣхъ водахъ. Основаніе Аквилей вызвало войну съ Истрійцами (576, 577), которая скоро окончилась взытіемъ нѣсколькихъ замковъ и паденіемъ царя Эпулона; эта война замѣчательна только тѣмъ, что сначала въ римскомъ флотѣ, а потомъ и во всей Италіи распространился паническій страхъ вслѣдствіе слуха, будто кучка варваровъ завладѣла въ расплыхъ римскимъ лагеремъ.

186
179

183—181

178 177

Иначе дѣйствовало римское правительство въ странахъ по сую сторону По, которыя римскій сенатъ рѣшилъ присоединить къ Италіи. Бойи, которымъ приходилось прежде всѣхъ пострадать отъ такого рѣшенія, сопротивлялись съ отчаянной энергіей. Они даже перешли черезъ По и попытались снова возбудить Инсубровъ къ возстанію (560); одинъ изъ консуловъ былъ ими осажденъ въ своемъ лагерѣ и съ трудомъ избѣжалъ пораженія; Плаценція также съ трудомъ оборонялась отъ непрерывныхъ нападеній ожесточенныхъ туземцевъ. Подъ Мутиной наконецъ произошла рѣшительная битва; она была продолжительна и кровопролитна, но Римляне одержали побѣду (561) и съ тѣхъ поръ борьба уже была похожа не на войну, а на травлю невольниковъ. На территоріи Бойевъ римскій лагерь скоро сдѣлался

Колонизація
территоріи
по сую
сторону По.

194

193

единственнымъ убѣжищемъ; въ которомъ стала укрываться лучшая часть населенія, и побѣдители могли безъ большаго преувеличенія со-общить въ Римъ, что изъ націи Бойевъ не осталось никого, кромѣ дѣтей и стариковъ. Такимъ образомъ Бойи были вынуждены при-мириться съ тѣмъ положеніемъ, которое было имъ предназначено.

191 Римляне потребовали уступки половины территоріи (563); Бойи не были въ состояніи этому воспротивиться, и даже на томъ сѣзвившемся пространствѣ, которое осталось въ ихъ власти, они скоро исчезли, слившись съ своими побѣдителями *).—Когда Римляне та-кимъ образомъ очистили страну отъ непріятеля, они стали приво-дять въ надлежащій порядокъ крѣпости Плаценцію и Кремону, въ которыхъ римскіе колонисты были перебиты или разогнаны въ теченіе послѣднихъ лѣтъ борьбы; туда были отправлены новые поселенцы; внутри бывшей территоріи Сеноновъ и въ близи отъ нея были осно-ваны Потенция (подлѣ Ребанати, неподалеку отъ Анконы, 570) и

184 Пизавръ (Пезаро, 570); далѣе, на вновь приобрѣтенной территоріи

184 Бойевъ были основаны крѣпости Бононія (565), Мутина (571) и

189 183 Парма (571); къ основанію второй изъ этихъ колоній было приступлено еще до войны съ Аннибаломъ, которая принудила Римлянъ прио-становить окончательное устройство колоній. Основаніе крѣпостей, по обыкновенію, сопровождалось проведеніемъ военныхъ шоссейныхъ дорогъ. Фламиніевская дорога была продолжена отъ своей сѣверной оконечности у Аримина вплоть до Плаценціи подъ названіемъ

187 Эмилиевской (567). Кромѣ того, дорога изъ Рима въ Аррецій или Кассіевская, впрочемъ уже много ранѣе бывшая муниципальнымъ шоссе, была вѣята, вѣроятно въ 583 году, римской общиной въ свое вѣдѣніе и устроена за-ново; но еще въ 567 году была прове-

171

187

*) По словамъ Страбона, эти италійскіе Бойи были оттѣснены Римлянами за Альпы и основали въ теперешней Венгріи подлѣ Штейна на Ангерѣ и подлѣ Оденбурга колонію, которая была уничтожена во времена Августа перешедшими черезъ Дунай Гетами, оставивъ за этой мѣстностью названіе „бойской пустыни“. Этотъ рассказъ далеко не согласенъ съ хорошо удостовѣреннымъ рассказомъ римскихъ лѣтописей, но которому Римляне удовольствовались уступкой поло-вины территоріи; чтобъ объяснить исчезновеніе италійскихъ Бойевъ, нѣтъ ника-кой надобности прибѣгать къ гипотезѣ насильственнаго изгнанія, — вѣдъ и остальныхъ кельтскія племена почти быстро и окончательно исчезли изъ числа италійскихъ націй, хотя имъ приходилось менѣе страдать отъ войны и отъ колонизаціи. Съ другой стороны, нѣтъ указанія даютъ намъ право думать, что тѣ, поселившіеся на Нейзидлерскомъ озерѣ Бойи происходили отъ кореннаго племени, которое когда-то жило въ Баваріи и въ Богеміи, пока не было от-тѣснено германскими племенами на югъ. Но вообще очень сомнительно, чтобъ Бойи, жившіе подлѣ Бордо, на берегахъ По и въ Богеміи, дѣйствительно были разрознившимися вѣтвями одного и того-же племени, а не случайно носили схожія названія. Мнѣніе Страбона, конечно, не имѣло никакого другаго осно-

дена вѣтвь отъ Арреція черезъ Апеннины въ Бононію до соединенія съ новой Эмилиевской дорогой; этимъ способомъ были установлены болѣе близкія сообщенія между Римомъ и стоявшими на берегахъ По крѣпостями. Результатомъ этихъ важныхъ сооруженій было то, что Апеннины перестали служить границей, отдѣлявшей кельтскую территорію отъ италійской, и были въ этомъ отношеніи замѣнены рѣкою По. Съ тѣхъ поръ по сю сторону По стали преобладать италійскія городскія учрежденія, а на той сторонѣ рѣки—кельтскія волостныя учрежденія, и если даже послѣ того еще называли кельтской страной ту территорію, которая лежитъ промѣжь Апеннинъ и По, то это названіе уже не соотвѣтствовало дѣйствительности.

Точно такъ-же поступали Римляне въ сѣверо-западной гористой части Италіи, гдѣ долины и холмы были заселены преимущественно лигурійскимъ племенемъ, распадавшимся на многочисленныя вѣтви. Все, что жило къ сѣверу отъ Арно въ близи отъ рѣки, было истреблено. Всѣхъ болѣе пострадали Апуанцы, которые жили въ Апеннинахъ между Арно и Магрой и безпрестанно опустошали съ одной стороны территорію Пизы, съ другой—территорію Бононіи и Мутины. Все, что тамъ уцѣлѣло отъ римскаго меча, было переселено (574) въ нижнюю Италію въ окрестности Беневента, и лигурійская нація, у которой еще въ 578 году приходилось отнимать завоеванную ею колонію Мутину, была совершенно подавлена въ тѣхъ горахъ, которыя отдѣляютъ долину По отъ долины Арно. Крѣпость Луна, построенная въ 577 году на бывшей апуанской территоріи неподалеку отъ Спецціи, прикрывала римскую границу отъ Лигуровъ точно такъ-же, какъ Авилея прикрывала ее отъ заальпійцевъ; она въ то-же время служила для Римлянъ превосходною гаванью, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась обычной стоянкой для кораблей, назначенныхъ къ отплытію въ Массалію и въ Испанію. Вѣроятно, къ тому же времени относятся шоссированіе прибрежной или Аврелиевской дороги, шедшей изъ Рима въ Луну, и шоссированіе поперечной дороги, которая вела изъ Луки черезъ Флоренцію въ Аррецію, соединяя дороги Аврелиевскую и Кассіевскую.— Съ западными лигурійскими племенами, жившими въ генуэзскихъ Апеннинахъ и въ приморскихъ Альпахъ, борьба не прекращалась. Это были безпокойные сосѣди, обыкновенно занимавшіеся грабежами и на сушѣ и на морѣ; Пизанцамъ и Массаліотамъ приходилось не мало страдать отъ ихъ нашествій и отъ ихъ корсаровъ. Однако, не смотря на непрерывныя столкновенія, Римляне не достигли тамъ никакихъ прочныхъ результатовъ, да можетъ быть и не искали ихъ; они, какъ кажется, огра-

Лигурія.

180

176

177

ванія, кромѣ сходства именъ, на которое древніе писатели перѣдко ссылались безъ дальнѣйшихъ справокъ, когда имъ приходилось говорить о происхожденіи Кимвровъ, Венетовъ и многихъ другихъ племенъ.

ничивались желаніемъ имѣть, кромѣ правильныхъ морскихъ сообщеній съ заальпійской Галліей и съ Испаніей, и правильныя сухопутныя сообщенія, и потому старались очистить по меньшей мѣрѣ вплоть до Альповъ ту большую дорогу, которая шла берегомъ моря изъ Луны черезъ Массалию въ Эмпорію; а по ту сторону Альповъ Массалиоты должны были заботиться о безопасности римскихъ кораблей, плававшихъ вдоль береговъ, и о безопасности путешественниковъ, направлявшихся сухимъ путемъ вдоль морскаго берега. Внутренняя часть страны съ своими непроходимыми долинами и скученными скалами, съ своимъ бѣднымъ, но ловкимъ и лукавымъ населеніемъ служила для Римлянъ военной школой, въ которой они приучали какъ солдатъ такъ и офицеровъ переносить всѣ трудности военнаго ремесла. — Подобныя, такъ-называемыя, войны велись не только съ Лигурами, но также съ Корсиканцами и въ особенности съ жителями внутренней Сардиніи, которые отплачивали за предпринимавшіеся противъ нихъ хищническіе набѣги такими-же набѣгами на прибрежныя страны. Въ воспоминаніяхъ сохранилась экспедиція Тиберія Гракха противъ Сардовъ (577) не столько потому, что онъ даровалъ этой провинціи «миръ», сколько потому, что онъ, — какъ самъ увѣрялъ, — перебилъ или забралъ въ плѣнъ до 80.000 островитянъ и что онъ привезъ оттуда въ Римъ такое множество рабовъ, что сложилась поговорка: «дѣшевѣ какъ Сардъ».

Корсика и Сардинія.

177

Каррагенъ.

Въ Африкѣ римская политика въ сущности сводилась только къ одному столько-же недалновидному, сколько невеликодушному желанію препятствовать возстановленію могущества Каррагена и потому постоянно держать этотъ несчастный городъ подъ гнетомъ и подъ страхомъ новаго объявленія войны. Что Римляне какъ-будто желали не устранять, а создавать поводы для раздоровъ, видно изъ тѣхъ условій мирнаго договора, которыя хотя и оставляли Каррагенянамъ всю ихъ прежнюю территорію, но обезпечивали за ихъ сосѣдомъ Массиниссой всѣ тѣ владѣнія, которыя когда-либо принадлежали ему или его предшественнику внутри каррагенскихъ границъ. То-же доказываетъ наложенная на Каррагенянъ по мирному договору обязанность не вести войнъ съ римскими союзниками: по буквальному смыслу этого условія, Каррагеняне даже не имѣли права прогонять своего нумидійскаго сосѣда изъ своихъ собственныхъ безспорныхъ владѣній. При такихъ мирныхъ условіяхъ и при неопредѣленности границъ, раздѣлявшихъ африканскія владѣнія, положеніе Каррагена не могло быть инымъ, какъ до крайности тяжелымъ: ему приходилось имѣть дѣло съ могущественнымъ и ничѣмъ не стѣснявшимся сосѣдомъ и съ верховнымъ властителемъ, вторымъ былъ въ одно и то-же время и третейскимъ судьей и заинтересованною стороною; но дѣйствительность оказалась еще хуже самыхъ мрачныхъ ожиданій. Уже въ 561 году на Каррагенъ было

193

сдѣлано нападеніе подѣ самыми ничтожными предлогами, и самая богатая часть его владѣній—область Эмпорій подѣ Малаго Сирта—была частію опустошена Нумидійцами, частію даже присвоена ими въ собственность. Захваты этого рода постоянно возобновлялись; плоская возвышенность перешла во власть Нумидійцевъ, а Карѳагеняне лишь съ трудомъ удерживались въ самыхъ значительныхъ городахъ. Они жаловались въ 582 году, что только въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ у нихъ снова было отнято, въ нарушеніе мирнаго договора, семьдесятъ селеній. Посольства отправлялись въ Римъ одно за другимъ; Карѳагеняне умоляли римскій сенатъ или дозволить имъ защищаться съ оружіемъ въ рукахъ, или назначить третейскій судъ, который имѣлъ-бы право привести свой приговоръ въ исполненіе, или - же снова регулировать границы для того, чтобъ они развѣ навсегда знали, какъ должны быть велики ихъ потери; въ противномъ случаѣ, говорили они, было-бы лучше принять ихъ въ число римскихъ подданныхъ, чѣмъ отдавать ихъ мало-по-малу въ руки Либійцевъ. Но римское правительство еще въ 554 году обѣщало своему кліенту расширеніе его владѣній, — понятно, на счетъ Карѳагена; поэтому оно не имѣло основанія быть недовольнымъ тѣмъ, что этотъ кліентъ самъ забиралъ предоставленную ему долю добычи; правда, оно иногда старалось сдерживать чрезмѣрную заносчивость Либійцевъ, которые теперь щедро отплачивали своимъ прежнимъ притѣснителямъ за прошлыя страданія; но въ сущности именно для того, чтобъ досаждать Карѳагенянамъ, Римляне и дали имъ такого сосѣда, какъ Массинисса. Всѣ просьбы и жалобы только вели къ тому, что въ Африкѣ появлялись римскіе комиссары, которые послѣ тщательныхъ разслѣдованій не приходили ни къ какому рѣшенію, или-же во время переговоровъ въ Римѣ уполномоченные Массиниссы ссылались на недостатокъ инструкцій и рѣшеніе откладывалось до другаго времени. Лишь терпѣніе Финикіянтъ было въ состояніи не только смиренно выносить такое положеніе, но даже оказывать властителямъ съ неутомимой настойчивостью всякія прошенныя и непрошенныя услуги и любезности и заискивать благосклонность Римлянъ доставками хлѣба.— Однако эта услужли-

172

200

Аннибалъ.
Преобразо-
ваніе карѳа-
генскихъ
государ-
ственныхъ
учрежденій.

195

**Бѣгство 195
Аннибала.**

необходимости и конечно также благодаря ясному и высокому уму Аннибала, умѣвшаго властвовать надъ людьми, были введены политическія и финансовыя реформы. Олигархія, переполнившая мѣру своихъ преступныхъ безразсудствъ возбужденіемъ уголовного преслѣдованія противъ великаго полководца за то, что онъ, будто-бы съ намѣреніемъ пропустилъ случай овладѣть Римомъ и утаилъ собранную въ Италіи добычу,—эта гнилая олигархія была низложена по предложенію Аннибала и въ замѣнъ ея была введена демократическая форма правленія, соответствовавшая тогдашнему положенію гражданства (до 559 г.). Путемъ взыскаія недоплаченныхъ и утаенныхъ денегъ и введенія болѣе правильнаго контроля, финансы были такъ скоро приведены въ порядокъ, что можно было уплатить римскую контрибуцію, не обременяя гражданъ никакими чрезвычайными налогами. Римское правительство, именно въ то время собиравшееся предпринять опасную войну съ великимъ азіатскимъ монархомъ, слѣдило за этими событіями съ понятнымъ безпокойствомъ; можно было не безъ основанія опасаться, что въ то время, какъ римскіе легіоны будутъ сражаться въ Малой Азіи, карфагенскій флотъ пристанетъ къ берегамъ Италіи и тамъ вспыхнетъ вторая Аннибаловская война. Поэтому едва-ли можно порицать Римлянъ за то, что они отправили (559) въ Карфагенъ посольство, которому, по всему вѣроятію, было приказано потребовать выдачи Аннибала. Озлобленные карфагенскіе олигархи, отправлявшіе въ Римъ къ врагамъ своего отечества безпрестанные доносы на низвергнувшаго ихъ великаго человѣка за то, что онъ велъ тайныя сношенія съ враждебными Риму государствами, конечно, достойны презрѣнія; но ихъ предостереженія были, по всему вѣроятію, основательны, и хотя отправка Римлянами упомянутаго выше посольства была унижительнымъ выраженіемъ страха, внушеннаго могущественному народу простымъ карфагенскимъ шофетомъ, хотя гордому побѣдителю при Замѣ дѣлаетъ честь заявленный имъ въ сенатѣ протестъ противъ такого унижительнаго шага, тѣмъ не менѣе тотъ страхъ былъ вполне основателенъ, а Аннибалъ былъ такой необыкновенный человѣкъ, что только римскіе сентиментальныя политики могли долѣе дозволить ему управлять карфагенскимъ государствомъ. Онъ самъ едва-ли могъ быть удивленъ такою оцѣнкой его личности со стороны непріятельскаго правительства. Такъ какъ послѣднюю войну велъ Аннибалъ, а не карфагенское государство, то на него и должно было обрушиться то, что составляетъ удѣлъ побѣжденныхъ. Карфагенянамъ не оставалось ничего другаго, какъ исполнить требованіе Римлянъ и благодарить свою счастливую звѣзду за то, что быстрое и благоразумное бѣгство Аннибала на востокъ доставило имъ возможность избѣжать самаго тяжкаго позора и покрыть себя болѣе легкимъ позоромъ, навсегда изгнавши величайшаго изъ своихъ гражданъ изъ отечества, конфисковавши его имущество

и приказавши скрыть его жилище. Такимъ образомъ на Аннибалѣ вполне оправдалось глубокомысленное изреченіе, что тотъ настоящій любимецъ боговъ, кому они ниспосылаютъ и безпредѣльныя радости и безпредѣльныя страданія.—Римское правительство достойно порицанія не столько за то, какъ оно обошлось съ Аннибаломъ, сколько за то, что даже послѣ того, какъ онъ былъ удаленъ, оно не переставало относиться къ несчастному городу съ недоверіемъ и не давать ему покоя. Хотя политическія партіи волновались тамъ по-прежнему, но послѣ удаленія того необыкновеннаго человѣка, который едва не измѣнилъ судьбы міра, партія патриотовъ имѣла въ Каррагенѣ немного болѣе значенія, чѣмъ въ Этоліи и въ Ахаіи. Изъ всѣхъ замысловъ, бродившихъ въ то время въ умахъ Каррагенянъ, безъ сомнѣнія, самый разумный заключался въ томъ, чтобъ примкнуть къ Массиниссъ и превратить этого притѣснителя Финикіянъ въ ихъ защитника. Но ни національной фракціи патриотовъ ни той, которая хотѣла союза съ Либійцами, не удалось захватить въ свои руки власть, и государство по-прежнему управлялось преданными Риму олигархами, у которыхъ всѣ заботы о будущемъ ограничивались стараніемъ сохранить матеріальное благосостояніе и общинную свободу Каррагена подъ римскимъ протекторатомъ. Въ Римѣ, конечно, могли-бы на этомъ успокоиться. Но ни народная толпа, ни дюжинные римскіе правители не были въ состояніи отдѣлаться отъ основательнаго страха, наведеннаго Аннибаловскою войною, а римскіе торговцы съ завистью смотрѣли на городъ, который даже послѣ утраты своего политическаго могущества велъ обширныя торговыя сношенія и обладалъ неистощимыми богатствами. Уже въ 567 году каррагенское правительство вызвалось немедленно произвести всѣ срочныя уплаты, установленныя мирнымъ договоромъ 553 года; но такъ какъ данническая зависимость Каррагена была для Римлянъ гораздо дороже самихъ денегъ, то они отклонили это предложеніе и лишь вынесли изъ него убѣжденіе, что не смотря на ихъ усилія городъ еще не разоренъ, да и не можетъ быть доведенъ до разоренія. Въ Римѣ снова стали распространяться слухи о проискахъ вѣроломныхъ Финикіянъ. Тамъ толковали то объ Аннибаловскомъ эмиссарѣ Аристонѣ Тирскомъ, будто-бы прибывшемъ въ Каррагенъ съ цѣлію приготовить гражданъ къ появленію азіатскаго военнаго флота (561), то о тайной ночной аудіенціи, которую каррагенское правительство давало въ храмѣ бога-исцѣлителя посланъ Персея (581), то о многочисленномъ флотѣ, который сооружался въ Каррагенѣ для македонской войны (583). Какъ эти, такъ и другіе подобныя рассказы могли быть вызваны по болѣеи мѣрѣ какими-нибудь легкомысленными выходками частныхъ лицъ; тѣмъ не менѣе они послужили поводомъ для новыхъ дипломатическихъ придиорокъ со стороны Римлянъ и для новыхъ захватовъ со стороны Массиниссы, а убѣжденіе,

Непрекращающееся раздраженіе Римлянъ противъ Каррагена.

187

201

193

173

171

что только третья пуническая война может окончательно смирить Карфагенъ, укоренялось тѣмъ глубже, чѣмъ менѣе было оно основательно и разумно.

Нумидійцы.

Въ то время, какъ могущество Финикянъ въ избранной ими странѣ приходило въ такой-же упадокъ, въ какомъ оно уже давно находилось въ ихъ отечествѣ, рядомъ съ ними выросло новое государство. Берега сѣверной Африки были съ незапамятныхъ временъ, точно такъ-же какъ и въ наше время, заселены тѣмъ народомъ, который называетъ самъ себя Шилахами или Тамазигтами; Греки и Римляне называли его Номадами или Нумидійцами, то-есть кочевниками, Арабы — Берберами, хотя также обозначали его словомъ пастухи (Schâwie), а мы привыкли называть Берберами или Кабилами. Судя по тому, что намъ извѣстно о его языкѣ, этотъ народъ не находился въ племенномъ родствѣ ни съ какою другою знакомою намъ націей. Во времена Карфагенянъ эти племена, — за исключеніемъ тѣхъ, которыя жили по близости отъ Карфагена или у береговъ моря, — не только сохраняли свою независимость, но упорно держались своего прежняго образа жизни пастуховъ и наѣзджиковъ, (который и до сихъ поръ ведутъ жители Атласа), хотя имъ не были совершенно незнакомы ни финикійская азбука ни финикійская цивилизація (стр. 488) и хотя бывали случаи, что шейхи Берберовъ воспитывали своихъ сыновей въ Карфагенѣ и вступали въ родственныя связи съ знатными финикійскими семействами. Римская политика не стремилась къ приобрѣтенію непосредственныхъ владѣній въ Африкѣ; она предпочла создать тамъ такое государство, которое было недостаточно сильно для того, чтобъ не нуждаться въ покровительствѣ Рима, но достаточно сильно для того, чтобъ ослаблять могущество Карфагена послѣ того, какъ это послѣднее было ограничено африканской территоріей, и для того, чтобъ отнимать всякую свободу движенія у обреченнаго на пытку города. Римляне нашли въ туземныхъ владѣтеляхъ то, чего искали. Передъ началомъ Аннибаловской войны, сѣверо-африканскими туземцами управляли три верховныхъ царя, каждый изъ которыхъ имѣлъ право требовать военной службы отъ множества другихъ подвластныхъ ему правителей; то были: царь Мавровъ Бокхаръ, властвовавшій отъ береговъ Атлантического океана до рѣки Молохата (теперешней Млуи на марокко-французской границѣ), царь Массесиліанъ Сифаксъ, властвовавшій отъ той рѣки до такъ-называемаго Пробуравленнаго мыса (между Джиджели и Боной) въ теперешнихъ провинціяхъ оранской и алжирской, и царь Массиліанъ Массиниса, властвовавшій отъ Пробуравленнаго мыса до карфагенской границы, въ теперешней провинціи Константинѣ. Самый могущественный изъ нихъ — царствовавшій въ Сигѣ Сифаксъ былъ побѣжденъ во время послѣдней войны Рима съ Карфагеномъ и былъ отправленъ плѣнникомъ въ

Италію, гдѣ кончилъ жизнь въ тюремномъ заключеніи; его обширныя владѣнія большою частію перешли къ Массиниссѣ: хотя сынъ Сифакса Вермина успѣлъ своими униженными просьбами склонить Римлянъ къ возврату небольшой части отцовскихъ владѣній (554), но онъ не былъ въ состояніи отбить у старѣйшаго римскаго союзника роль главнаго притѣснителя Каррагенянъ. Массинисса сдѣлался основателемъ нумидійскаго царства, и нельзя сказать, чтобъ выборъ или случайность часто ставили такъ-же удачно настоящаго человѣка на настоящемъ мѣстѣ. Онъ былъ здороваго и гибкаго тѣлосложенія до самой глубокой старости, былъ воздержанъ какъ Арабы и былъ способенъ выносить всякія лишенія,—онъ былъ способенъ простоять съ утра до вечера на одномъ мѣстѣ и просидѣть двадцать четыре часа верхомъ на лошади, а среди испытанныхъ имъ въ молодости превратностей фортуны и на поляхъ сраженій въ Испаніи онъ велъ себя и какъ отличный солдатъ и какъ опытный полководецъ; онъ также былъ мастеромъ въ болѣе трудномъ искусствѣ поддерживать дисциплину въ многочисленномъ семействѣ и порядокъ въ странѣ; онъ былъ одинаково способенъ и пасть съ безусловной преданностью къ стопамъ могущественнаго покровителя и безощадно раздавить подъ своими ногами слабаго сосѣда; въ добавокъ ко всему, онъ былъ хорошо знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Каррагенѣ, гдѣ былъ воспитанъ и гдѣ ему былъ открытъ доступъ въ самыя знатныя семьи, а его сердце было полно горькой африканской ненависти къ тѣмъ, кто когда-то притѣснялъ и его самого и его націю; этотъ замѣчательный человѣкъ сдѣлался душою возрожденія своей націи, которая, повидимому, уже приходила въ упадокъ и какъ добродѣтели, такъ и пороки которой какъ-будто воплотились въ его лицѣ. Счастье благопріятствовало ему во всемъ и въ особенности въ томъ, что дало ему достаточно времени для достиженія его цѣли. Онъ умеръ на девяностомъ году своей жизни (516—605) и на шестидесятомъ году своего царствованія, вполне сохранивши до послѣдней минуты свои физическія и умственныя силы; онъ оставилъ послѣ себя годовалаго сына и репутацію самаго энергичнаго человѣка,—самаго лучшаго и самаго счастливаго изъ всѣхъ царей его времени.

Мы уже говорили о томъ, съ какииъ расчетомъ Римляне выка- зывали явное пристрастіе къ Массиниссѣ всякій разъ, какъ имъ приходилось разрѣшать касавшіяся Африки дѣла, и какъ усердно и непрерывно пользовался Массинисса даннымъ ему безмолвнымъ дозволеніемъ увеличивать его владѣнія на счетъ Каррагенянъ. Вся внутренняя часть страны вплоть до окраины степей перешла въ руки туземнаго властителя какъ-бы сама собой; даже верхняя долина Баграда (Медшерды) подпала подъ власть царя вмѣстѣ съ богатымъ городомъ Вагой; и на берегахъ моря къ востоку отъ Кар-

200

Массинисса.

238—149

Расширеніе
и цивилизація Нумидіи.

оагена онъ завладѣлъ стариннымъ сидонскимъ городомъ—Большимъ Лепсисомъ и нѣкоторыми другими пунктами, такъ что его владѣнія простирались отъ границъ Мавританіи до границъ Киреней, со всѣхъ сторонъ окружали территорію Карфагенянъ и повсюду сильно стѣсняли Финикіянъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ смотрѣлъ на Карфагенъ какъ на свою будущую столицу; знаменательно тотъ фактъ, что въ Карфагенѣ существовала либійская партія. Но уменьшеніе территоріи не было единственной бѣдой, отъ которой страдали Карфагеняне. Бродячіе пастухи сдѣлались при своемъ великомъ царѣ совершенно другимъ народомъ. По примѣру царя, который сталъ обрабатывать поля на огромныхъ пространствахъ и оставилъ каждому изъ своихъ сыновей большія пахатныя земли, и его подданные стали вести осѣдлую жизнь и заниматься хлѣбопашествомъ. Какъ своихъ пастуховъ онъ превращалъ въ гражданъ, такъ и свои шайки грабителей онъ превратилъ въ солдатъ, которыхъ Римъ считалъ достойными сражаться на ряду съ легионами; онъ оставилъ своимъ преемникамъ наполненную большими богатствами казну, приученную къ дисциплинѣ армию и даже флотъ. Его резиденція—Цирта (Константина) сдѣлалась оживленной столицей могущественнаго государства и средоточіемъ финикійской цивилизаціи, о процвѣтаніи которой очень заботились при дворѣ берберскаго царя, конечно, не безъ расчетовъ на будущее карфагенонумидійское царство. Либійская національность, до того времени бывшая въ пренебреженіи, возвысилась въ своемъ собственномъ мнѣніи и даже въ такіе старинные финикійскіе города, какъ Великій Лептисъ, стали проникать туземные нравы и языкъ. Подъ эгидой Рима, Берберы стали сознавать, что они не ниже Финикіянъ, даже выше ихъ; карфагенскимъ посламъ пришлось услышать въ Римѣ, что они въ Африкѣ пришельцы и что страна принадлежитъ Либійцамъ. Заимствованная отъ Финикіянъ національная цивилизація сѣверной Африки, сохранившая свои жизненныя силы и энергію даже въ нивелирующую эпоху имперіи, была гораздо болѣе дѣломъ Массиниссы, чѣмъ Карфагенянъ.

Положеніе культуры въ Испаніи.

Находившіеся въ Испаніи греческіе и финикійскіе приморскіе города, какъ на примѣръ Эмпоріа, Сагунтъ, Новый Карфагенъ, Малака, Гадесь, подчинились римскому владычеству тѣмъ охотнѣе, что сами не были-бы въ состояніи защищаться отъ туземцевъ; по той-же причинѣ и Массалия,—несмотря на то, что она была и гораздо болѣе значительнымъ и гораздо болѣе способнымъ къ самозащитѣ городомъ,—поспѣшила заластись могущественнымъ покровителемъ, примкнувши къ Риму, для котораго она и съ своей стороны могла быть очень полезна въ качествѣ промежуточной станціи между Италіей и Испаніей. Напротивъ того, мѣстное населеніе причиняло Римлянамъ безконечныя заботы. Однако нельзя сказать,

чтобъ въ Испаніи вовсе не было зачатковъ національно-иберійской цивилизаціи, хотя объ особенностяхъ этой цивилизаціи мы и не въ состояніи составить себѣ яснаго понятія. Мы находимъ у Иберійцевъ широко-распространенную національную письменность, которая раздѣлялась на двѣ отрасли—на ту, которая принадлежала долинѣ Эбро, и на ту, которая принадлежала Андалузіи, а каждая изъ этихъ отраслей, вѣроятно, также имѣла разнообразныя развѣтвленія; происхожденіе этой письменности, повидимому, должно быть отнесено къ очень ранней эпохѣ и находилось въ связи скорѣе съ введеніемъ древне-греческой азбуки, чѣмъ съ введеніемъ финикійской. О Турдетанахъ (жившихъ неподалеку отъ Севильи) даже дошли до насъ извѣстія, что у нихъ были очень старинныя пѣсни, написанныя метрическимъ размѣромъ, книга законовъ, состоявшая изъ 6000 стиховъ, и даже историческія замѣтки; впрочемъ этотъ народъ былъ самый цивилизованный изъ всѣхъ испанскихъ племенъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ менѣе всѣхъ воинственнымъ, такъ какъ велъ войны всегда посредствомъ чужеземныхъ наемниковъ. Къ этой-же странѣ, конечно, слѣдуетъ отнести рассказы Полибія о цвѣтущемъ состояніи земледѣлія и скотоводства въ Испаніи (хлѣбъ и мясо были тамъ баснословно дешевы, потому что не существовало вывозной торговли) и о великолѣпныхъ царскихъ дворцахъ съ золотыми и серебряными кружками, наполненными «ячменнымъ виномъ». И тѣ элементы культуры, которые были занесены Римлянами, были охотно усвоены по меньшей мѣрѣ нѣкоторой частію Испанцевъ, такъ что латинизація была подготовлена въ Испаніи ранѣе, чѣмъ въ какой-либо другой изъ заморскихъ провинцій. Такъ напримѣръ уже въ ту эпоху было усвоено туземцами употребленіе теплыхъ ваннъ по италійскому обыкновенію. И римскія деньги, какъ кажется, не только вошли въ Испанію въ употребленіе ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо внѣ Италіи, но даже послужили образцами для чеканки испанской монеты,—что въ нѣкоторой мѣрѣ объясняется богатствомъ мѣстныхъ серебряныхъ рудниковъ. Такъ-называемое «Осканское серебро» (тепер. Гуэска въ Аррагоніи), то-есть испанскіе денаріи съ иберійскими надписями, упоминалось еще въ 559 году, а начало его чеканки не можетъ быть отнесено къ гораздо болѣе поздней эпохѣ уже потому, что форма оттисковъ заимствована отъ древнѣйшихъ римскихъ денаріевъ. Однако, если въ южныхъ и въ восточныхъ провинціяхъ цивилизація туземцевъ настолько расчистила путь для римской цивилизаціи и для римскаго владычества, что они не встрѣтили тамъ серьезнаго сопротивленія, за то западныя и сѣверныя провинціи и вся внутренность страны были населены многочисленными болѣе или менѣе варварскими племенами, которыя не были знакомы ни съ какой цивилизаціей (такъ напримѣръ въ Интеркаціи еще около 600 года не было извѣстно употребленіе золотой и

195

250

серебряной монеты) и имѣли между собой такъ-же мало сношеній, какъ и съ Римлянами. Характеристическою особенностью этихъ вольныхъ Испанцевъ былъ рыцарскій духъ мужчинъ и по меньшей мѣрѣ въ одинаковой мѣрѣ женщинъ. Отпуская сына на войну, мать ободряла его рассказами о подвигахъ его предковъ, а самая красивая изъ дѣвушекъ сама предлагала себя въ жены самому храброму изъ мужчинъ. Поединки были въ обычаяхъ; они возникали какъ изъ соперничества въ храбрости, такъ и для разрѣшенія гражданскихъ тяжбъ; этимъ способомъ разрѣшались даже споры между родственниками владѣтельныхъ князей о правахъ наслѣдства. Также нерѣдко случалось, что какой-нибудь прославившійся воинъ подходилъ къ рядамъ неприятельской арміи и вызывалъ противниковъ на бой, называя ихъ по именамъ; побѣжденный передавалъ въ этихъ случаяхъ побѣдителю свой плащъ и свой мечъ и потѣмъ нерѣдко пользовался его гостепріимствомъ. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ окончанія Аннибаловской войны, небольшая кельтиберійская община Комплега (неподалеку отъ истоковъ Таго) отправила къ римскому главнокомандующему уполномоченныхъ съ требованіемъ прислать ей за каждаго убитаго человѣка лошадь, плащъ и мечъ, предупреждая, что иначе ему будетъ худо. Испанцы такъ дорожили своею военною честью, что нерѣдко не хотѣли переживать позора быть обезоруженными; тѣмъ не менѣе они были готовы слѣдовать за всякимъ вербовщикомъ рекрутъ и рисковать своею жизнію изъ-за чьей-бы то ни было ссоры; характеристикой этихъ нравовъ можетъ служить слѣдующее требованіе, съ которымъ одинъ римскій полководецъ, хорошо знакомый съ мѣстными обычаями, обратился къ сборищу Кельтиберовъ, состоявшему на жалованьи у Турдетановъ для войны съ Римлянами: или разойтись по домамъ, или поступить въ римскую службу за двойное жалованье, или назначить день и мѣсто для сраженія. Если не появлялось никакихъ вербовщиковъ, то Испанцы организовали на свой собственный счетъ вольныя дружины для того, чтобъ грабить мирныхъ жителей и даже брать города, — совершенно такъ-же, какъ это дѣлалось въ Кампаніи. Въ какомъ дикомъ состояніи находились внутреннія страны и какъ мало была тамъ обеспечена личная безопасность, видно, напримеръ, изъ того, что ссылка на жительство къ западу отъ Картагены считалась у Римлянъ за тяжелое наказаніе и что, когда въ странѣ возникали волненія, римскихъ комендантовъ Дальней Испаніи сопровождалъ конвой, доходившій до 6000 человѣкъ; еще яснѣе это видно изъ странныхъ сношеній, которыя велись между Греками, жившими въ двойномъ греко-испанскомъ городѣ Эмпоріяхъ, у восточной оконечности Пиренеевъ, и ихъ испанскими сосѣдями. Греческіе колонисты, жившіе на полуостровѣ, который былъ отдѣленъ отъ испанской части города стѣною, каждую ночь высылали третью

часть своей гражданской стражи на охрану этой стѣны, а у единственныхъ воротъ постоянно находилось одно изъ высшихъ должностныхъ лицъ для надзора за охраной; ни одинъ Испанецъ не смѣлъ входить въ греческій городъ, а Греки доставляли туземцамъ свои товары не иначе, какъ большими партіями и подъ сильнымъ конвоемъ.

Этихъ-то неусидчивыхъ и воинственныхъ туземцевъ, въ кото- **Войны Рим-**
рыхъ сказывались влеченія какъ Сида, такъ и Донъ-Кихота, Рим- **лянъ съ**
лянамъ приходилось обуздать и приучить къ болѣе мягкимъ нра- **Испанцами.**
вамъ. Эта задача была не трудна въ военномъ отношеніи. Что Испанцы не были такими противниками, которыми можно пренебрегать, они доказали не только сражаясь за стѣнами своихъ городовъ и подъ предводительствомъ Аннибала, но и въ битвахъ въ открытомъ полѣ; своими короткими обоюдоострыми мечами, которые впоследствии были заимствованы отъ нихъ Римлянами, и своими грозными штурмовыми колоннами они нерѣдко приводили въ замѣшательство даже римскіе легіоны. Если-бы они были способны ввести у себя военную дисциплину и политическое единомысліе, они, быть можетъ, были-бы въ состояніи избавиться отъ владычества иноземцевъ; но ихъ храбрость была не столько солдатской неустрашимостью, сколько партизанской отвагой и у нихъ вовсе не было политическаго такта. Поэтому въ Испаніи никогда дѣло не доходило ни до серьезной борьбы, ни до водворенія внутренняго спокойствія; Цезарь вполнѣ основательно укорялъ Испанцевъ за то, что въ мирное время они не были спокойны, а въ военное время не были мужественны. Сколь легко было римскому полководцу справляться съ толпами инсургентовъ, столь-же трудно было римскому государственному мужу прискаты надлежащія средства, чтобъ утвердить въ Испаніи внутреннее спокойствіе и цивилизовать ее: такъ какъ единственное средство, которое могло-бы привести къ этой цѣли—заведеніе латинскихъ колоній въ широкихъ размѣрахъ—было несогласно съ общимъ направленіемъ римской политики въ ту эпоху, то Цезарю пришлось ограничиться однѣми палліативными мѣрами.— Территорія, которая была пріобрѣтена Римлянами во время войнъ съ Аннибаломъ, искони распалась на двѣ части—на бывшія картагенскія владѣнія, заключавшія въ себѣ теперешнія провинціи Андалузію, Гренаду, Мурцію и Валенцію, и на земли вдоль Эбро или теперешнюю Аррагонію и Каталонію, гдѣ постоянно находилась, во время послѣдней войны, главная квартира римской арміи; изъ этихъ владѣній образовались двѣ римскія провинціи—Дальняя и Ближняя Испанія. Ту внутреннюю часть страны, которая приблизительно соответствовала теперешнимъ обѣимъ Кастиліямъ и которую Римляне называли общимъ именемъ Кельтиберіи, римское правительство старалось мало-по-малу совершенно покорить; между тѣмъ жители западныхъ странъ, а именно жившихъ въ теперешней Пор-

Постоянная
римская
окупацион-
ная армія.

тугаліи и въ испанской Эстремадурѣ Лузитанцевъ, оно лишь старалось удерживать отъ вторженій въ римскія владѣнія, — а съ племенами, жившими на сѣверномъ побережьи, съ Каллеканами, Астурами и Кантабрами, оно покуда еще не вступало ни въ какія сопряженія. Но безъ постоянной окупационной арміи не было возможности ни сохранить ни упрочить за собою сдѣланныхъ пріобрѣтеній, такъ какъ начальникъ Ближней Испаніи долженъ былъ ежегодно усмирять Кельтиберовъ, а начальникъ Дальней Испаніи — ежегодно отражать нападенія Лузитанцевъ. Поэтому было необходимо постоянно содержать въ Испаніи римскую армію въ составѣ четырехъ сильныхъ легионовъ или почти 40,000 человекъ; кромѣ того, очень часто приходилось созывать мѣстные ополченія для усиленія войскъ въ занятыхъ Римлянами странахъ. Это было очень важно въ двухъ отношеніяхъ: военное занятіе края становится здѣсь въ первый разъ постояннымъ, — по меньшей мѣрѣ, въ первый разъ постояннымъ въ столь широкихъ размѣрахъ, а вслѣдствіе того и военная служба становится постоянной. Старинное римское обыновеніе посылать войска только туда, куда ихъ призывали временныя требованія военныхъ дѣйствій и кромѣ какъ въ очень трудныхъ и важныхъ войнахъ, не держать призванныхъ къ службѣ людей подъ знаменами долѣе одного года, оказалось несовмѣстимымъ съ желаніемъ удержать въ своей власти безпокойныя, отдаленныя и лежація за моремъ испанскія провинціи; не было никакой возможности выводить оттуда войска и даже было очень опасно массами замѣнять ихъ новыми войсками. Римское гражданство начало понимать, что владычество надъ другимъ народомъ мучительно не только для раба, но и для господина, и стало громко роптать на ненавистную военную службу въ Испаніи. Когда новые главнокомандующіе стали вполне основательно не допускать замѣны цѣлыхъ корпусовъ новыми, солдаты стали бунтовать и грозить, что если имъ не дадутъ увольненія, они дадутъ его себѣ сами. — Что же касается самыхъ войнъ, которыя велись въ Испаніи Римлянами, то онѣ имѣли лишь второстепенное значеніе. Онѣ начались еще съ отъѣзда Сципіона (стр. 633) и не превращались въ теченіе всей войны съ Аннибаломъ. Послѣ заключенія мира съ Карфагеномъ (553) борьба прекратилась и на полуостровѣ, но лишь на короткое время. Въ 557 году, въ обѣихъ провинціяхъ вспыхнуло всеобщее возстаніе; начальникъ Дальней Испаніи былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе, а начальникъ Ближней Испаніи былъ окончательно побѣжденъ и самъ былъ убитъ. Пришлось серьезно приняться за эту войну и хотя способный преторъ Квинтъ Минуцій устоялъ въ первую минуту опасности, сенатъ все-таки рѣшилъ въ 559 году отправить въ Испанію самого консула Марка Катона. Дѣйствительно, когда Катонъ высадился въ Эмпоріяхъ, вся Ближняя Испанія уже

201

197

Катонъ. 195

была наводнена инсургентами, а во власти Римлянъ находились только этотъ портовый городъ и нѣсколько замковъ внутри страны. Дѣло шло до битвы въ открытомъ полѣ между инсургентами и консульскою арміею; послѣ упорной рукопашной борьбы Римлянамъ наконецъ доставили побѣду ихъ военное искусство и сбереженный резервъ. Вслѣдъ за этимъ вся Ближняя Испанія изъясвила покорность, на которую, однако, никакъ нельзя было полагаться, такъ какъ возстаніе снова вспыхнуло, лишь только разнесся слухъ объ отъѣздѣ консула въ Римъ. Этотъ слухъ оказался ложнымъ: Катонъ быстро справился съ вторично взбунтовавшимися общинами и продалъ все ихъ населеніе въ рабство; затѣмъ онъ приказалъ обезоружить всѣхъ Испанцевъ въ Ближней провинціи и разослалъ всѣмъ городамъ отъ Пиренеевъ до Гвадалквивира предписаніе снести въ одинъ и тотъ-же день ихъ городскія стѣны. Никто не зналъ, какъ далеко простиралась та территорія, къ которой относилось это предписаніе, а договариваться не было времени; большая часть общинъ повиновалась, а изъ числа тѣхъ, которыя не исполнили приказанія, лишь немногія осмѣливались доводить дѣло до приступа, когда подъ ихъ стѣнами появлялась римская армія. — Эти энергическія мѣры, конечно, привели къ прочнымъ результатамъ. Тѣмъ не менѣе почти ежегодно приходилось приводить въ «мирной провинціи» въ покорность то жителей какой-нибудь горной долины, то какой-нибудь стоявшій въ горахъ замокъ, а непрерывныя вторженія Лузитанцевъ въ Дальнюю провинцію иногда оканчивались для Римлянъ тяжелыми пораженіями; такъ напримѣръ, въ 563 году одна римская армія 191 понесла жестокія потери, была принуждена покинуть свой лагерь и торопливо удалилась въ болѣе спокойныя мѣстности. Только побѣда, одержанная надъ Лузитанцами въ 565 году *) преторомъ Луціемъ 189

*) На мѣдной доскѣ, недавно найденной неподалеку отъ Гибралтара и въ настоящее время хранящейся въ парижскомъ музеѣ, можно прочесть слѣдующій декретъ этого намѣстника: „Л. Эмилиій, сынъ Луція, главнокомандующій, постановилъ, что живущіе въ Ласкутанской башнѣ [извѣстной по монетамъ и упоминаемой у Плинія, 3, 1, 15, но неизвѣстно гдѣ находившейся] рабы Гастанцевъ [Nasta regia, неподалеку отъ Хересь-де-ла-Фронтера] должны быть отпущены на свободу. Землею и поселеніемъ, которыми они теперь владѣютъ, они должны владѣть и впредь, покуда это будетъ угодно римскому народу и римскому сенату. Дано въ лагерь 12 янв. [564 или 565 года отъ осн. Р.] [L. Aemilius L. f. inpeirator decreivit, utei quei Nasten-sium servei in turri Lascutana habitarent, leiberei essent. Agrum oppidumque [e], quod ea tempestate posedisent, item possidere habereque iousit, dum populus senatusque Romanus vellet. Act. in castris a. d. XII k. Febr.]. Это—древнѣйшій римскій письменный документъ, дошедшій до насъ въ подлинникѣ; онъ былъ составленъ двумя годами ранѣе извѣстнаго постановленія консуловъ 563 года касательно вактаналій.

- 185 Эмилиемъ Павломъ, и вторая еще болѣе значительная побѣда, одержанная надъ ними въ 569 году на той сторонѣ Таго храбрымъ преторомъ Гаемъ Кальпурніемъ, доставили на нѣкоторое время спокойствіе. Владычество Римлянъ надъ кельтскими племенами въ Ближней Испаніи, бывшее до того времени почти только номинальнымъ, было нѣсколько упрочено Квинтомъ Фульвіемъ Флаккомъ, который
- 181 послѣ одержанной надъ ними въ 573 году большой побѣды привелъ въ покорность по крайней мѣрѣ самые ближніе изъ ихъ кантоновъ, и еще надежнѣе упрочено преемникомъ Флакка, Тиберіемъ Гракомъ (575, 576), который силою привелъ въ покорность триста испанскихъ поселеній, но достигъ еще болѣе удовлетворительныхъ успѣховъ своимъ умѣньемъ примѣняться къ нравамъ этой добродушной и гордой націи. Онъ сталъ привлекать знатныхъ Кельтиберовъ на службу въ римской арміи и этимъ способомъ сталъ пріобрѣтать приверженцевъ; онъ сталъ раздавать бродячему люду земли и сталъ собирать его въ города (испанскій городъ Грахуррисъ былъ названъ по имени этого Римлянина), чѣмъ значительно ослабилъ привычку къ хищничеству; онъ старался регулировать отношенія отдѣльных племенъ къ Риму, заключая съ ними справедливые и разумные договоры, чѣмъ по мѣрѣ возможности устранялъ поводы для новыхъ возстаній. Вспоминая о немъ, Испанцы благословляли его имя, и съ тѣхъ поръ страна была сравнительно спокойна, хотя Кельтиберы еще не разъ содрогались подъ тяжестью римскаго ига. —
- Управленіе Испаній. Система управленія обѣими испанскими провинціями имѣла нѣкоторое сходство съ той, которая была введена въ Сициліи и въ Сардиніи, но не была совершенно съ ней одинакова. И здѣсь и тамъ высшее управленіе находилось въ рукахъ двухъ добавочныхъ консуловъ, которые были назначены въ первый разъ въ 577 году; въ томъ-же году были регулированы границы и были окончательно организованы новыя провинціи. Бэбіевскимъ закономъ (573) было благоразумно установлено, что испанскіе преторы должны назначаться на два года; но отчасти вслѣдствіе того, что число людей, добивавшихся высшихъ должностей, постоянно увеличивалось, и еще болѣе вслѣдствіе того, что сенатъ изъ недоумѣрія опасался усиивать вліяніе должностныхъ лицъ, это постановленіе не строго исполнялось; кромѣ рѣдкихъ, возникавшихъ какимъ-нибудь чрезвычайнымъ путемъ изъятій, и въ Испаніи римскіе намѣстники ежегодно мѣнялись, — что было крайне неудобно въ виду отдаленности этой провинціи и въ виду того, что нужно было не мало времени, чтобъ ознакомиться съ мѣстными условіями. Подвластныя общины были обложены податями; но вмѣсто собиравшихся въ Сициліи и въ Сардиніи десятичныхъ доходовъ, Римляне, по примѣру Карфагенянъ, облагали каждый городъ и каждое племя особой денежной контрибуціей или иными повинностями, которыя сенатъ запретилъ въ 583 году взыскивать
- 171

при помощи войскъ вслѣдствіе жалобъ, поступавшихъ отъ испанскихъ общинъ. Хлѣбъ доставлялся тамъ не иначе, какъ за деньги; сверхъ того намѣстникъ не имѣлъ права требовать больше одной двадцатой доли урожая и вслѣдствіе вышеупомянутаго распоряженія высшихъ властей долженъ былъ при установленіи цѣнъ принимать въ соображеніе интересы и поставщиковъ. Напротивъ того, обязанность испанскихъ подданныхъ доставлять римскимъ арміямъ вспомогательныя войска имѣла тамъ гораздо болѣе важное значеніе чѣмъ напримѣръ въ мирной Сициліи, и была подробно регулирована отдѣльными договорами. Испанскимъ городамъ, какъ кажется, часто предоставлялось право чеканить серебряную монету по римскому образцу, и римское правительство вовсе не старалось удерживать тамъ за собой такое-же исключительное право чеканить монету, каковымъ пользовалось въ Сициліи. Въ Испаніи оно повсюду нуждалось въ своихъ подданныхъ и потому относилось къ нимъ со всевозможной снисходительностью и когда вводило провинціальныя учрежденія и когда примѣняло эти учрежденія къ дѣлу. Къ числу тѣхъ общинъ, къ которымъ Римъ относился съ особенной благосклонностью, принадлежали большіе приморскіе города, основанные Греками, Финиکیянами или самими Римлянами, какъ-то Сагунтъ, Гадесъ, Тарраконъ, которые, въ качествѣ естественныхъ оплотовъ римскаго владычества на полуостровѣ, были допущены къ союзу съ Римомъ. Вообще, какъ въ военномъ отношеніи, такъ и въ финансовомъ, обладаніе Испаніей было для римской общины скорѣй обременительнымъ, чѣмъ выгоднымъ, и потому самъ собою возникаетъ вопросъ, почему римское правительство, въ политическую систему котораго въ ту пору еще не входило приобрѣтеніе заморскихъ владѣній, не отказалось добровольно отъ такого обременительнаго владычества. При этомъ, безъ сомнѣнія, имѣли значительную долю вліянія торговыя сношенія и желаніе удержать въ своемъ владѣніи богатые желѣзные рудники и еще болѣе богатые, изстари славившіеся даже на дальнемъ востокѣ серебряные рудники *), которые Римъ ваялъ, подобно Кареагену, въ свое пользование и разработка которыхъ была организована Маркомъ Катонемъ (559); но главная причина, почему полуостровъ былъ удержанъ въ непосредственномъ владѣніи Римлянъ, заключалась въ томъ, что тамъ вовсе не было такихъ государствъ, какъ массалиотская республика въ кельтской странѣ и какъ нумидійское царство въ Либіи, и въ томъ, что отказаться отъ обладанія Испаніей значило предоставить всякому предприимчивому солдату возможность возстановить тамъ испанское царство Баркидовъ.

195

---

*) I книга Маккавеевъ 8, 3: „Иуда слышалъ о томъ, что сдѣлали Римляне въ испанской странѣ для того, чтобъ завладѣть тамошними серебрянными и золотыми рудами“.

Восточныя государства и вторая македонская война.

Эллинскій востокъ. Дѣло, которое было начато царемъ Александромъ Македонскимъ за сто лѣтъ до того времени, когда Римляне приобрѣли первый клочекъ земли, въ тѣхъ странахъ, которыя онъ считалъ своею собственностью, — это дѣло и впослѣдствіи неуклонялось отъ своей основной цѣли эллинизировать востокъ, но съ теченіемъ времени измѣнилось и разрослось въ созиданіе особой сферы эллинско-азиатскихъ государствъ. Непреодолимое влеченіе греческой націи къ переселеніямъ и къ заведенію колоній, когда-то заманившее ея торговцевъ въ Массалию и въ Кирену, на берега Нила и Чернаго моря, вѣрноп держало въ ея рукахъ то, что было приобретено великимъ царемъ, и греческая цивилизація мирно водворялась въ старинномъ царствѣ Ахеменидовъ подъ охраной сариссъ. Наслѣдовавшіе великому полководцу, его бывшіе боевые товарищи стали мало-по-малу уживаться другъ съ другомъ и между ними установилась система равновѣсія, обнаруживавшая нѣкоторую регулярность даже въ своихъ колебаніяхъ. Изъ входившихъ въ эту систему трехъ первоклассныхъ государствъ — македонскаго, азиатскаго и египетскаго, Македонія была при Филиппѣ Пятомъ (вступившемъ на престолъ въ 534 году), по меньшей мѣрѣ съ внѣшней стороны, тѣмъ-же, чѣмъ она была при отцѣ Александра, Филиппѣ Второмъ — хорошо округленнымъ военнымъ государствомъ съ находившимися въ порядкѣ финансами. На сѣверной границѣ было возстановлено прежнее положеніе дѣлъ послѣ того, какъ оттуда сватились волны галльскаго наводненія, а пограничная стража безъ большаго труда сдерживала иллирійскихъ варваровъ. Съ южной стороны, Греція не только находилась въ зависимости отъ Македоніи, но болѣею частію входила въ ея составъ: вся Фессалія въ самомъ обширномъ смыслѣ этого названія, отъ Олимпа до Сперхія и до полуострова Магнезіи, большой и важный островъ Эвбея, Локрида, Дорида и Фокида, наконецъ Аттика и нѣсколько отдѣльныхъ пунктовъ въ Пелопоннесѣ, какъ напримѣръ мысъ Суній,

Крупныя государства. Македонія.

Коринѣ, Орхоменѣ, Гереѣ, Трифилійская область, а въ особенности «тройныя оковы Эллиновъ» — три важныя крѣпости Деметриада въ Магнесіи, Халкида на Эвбѣѣ и Коринѣ, — всѣ эти страны и города находились въ настоящей подданнической зависимости отъ Македоніи и были заняты македонскими гарнизонами. Но главной опорой для могущества этого государства служила коренная македонская земля. Правда, населеніе этой обширной страны было крайне немногочисленно; при напряженіи всѣхъ своихъ силъ Македонія едва была въ состояніи набрать столько солдатъ, сколько ихъ насчитывалось въ двухъ легіонахъ, составлявшихъ обыкновенную консульскую армію, и не подлежить никакому сомнѣнію, что въ ту пору страна еще не успѣла восполнить убыль населенія, которая была послѣдствіемъ походовъ Александра и галльскаго нашествія. Но между тѣмъ, какъ въ собственной Греціи нравственныя и политическія силы націи были надломлены, народъ отжилъ, уже ничто не привязывало къ жизни и даже лучшіе люди проводили время или за чашей вина, или съ рапирой въ рукахъ, или за учеными занятіями, — между тѣмъ какъ на востокѣ и въ Александріи Греки, конечно, сѣяли благотворныя начала среди густаго мѣстнаго населенія и могли вводить тамъ свой языкъ и свое красноречіе, свою науку и свои лжемудрствованія, однако находились въ такомъ небольшомъ числѣ, что съ трудомъ снабжали мѣстное населеніе офицерами, государственными людьми и школьными наставниками и не были въ состояніи образовать средній классъ съ чисто-греческимъ отпечаткомъ хотя бы только въ городахъ, — напротивъ того, въ сѣверной Греціи еще уцѣлѣла въ значительной мѣрѣ та здоровая народная сила, которая породила мараѳонскихъ героевъ. Этимъ объясняется, почему Македоняне, Этолѣе и Акарнанцы самоуверенно выдавали себя повсюду, гдѣ ни появлялись на востокѣ, за людей высшаго закала и почему ихъ дѣйствительно принимали тамъ за такихъ людей; а вслѣдствіе того они играли выдающуюся роль при дворахъ александрійскомъ и антиохійскомъ. Характеристиченъ рассказъ о томъ Александрійцѣ, который долго жилъ въ Македоніи, усвоилъ тамъ мѣстные нравы и мѣстную манеру одѣваться и по возвращеніи на родину считалъ самого себя человекомъ, а Александрійцевъ рабами. Эта душевная бодрость и этотъ неослабѣвавшій національный духъ были полезны въ особенности для македонскаго государства, какъ для самаго могущественнаго и самаго благоустроеннаго изъ всѣхъ сѣверныхъ греческихъ государствъ. Конечно и тамъ абсолютизмъ взялъ верхъ надъ старинными, до нѣкоторой степени сословными, государственными учрежденіями; но отношенія между властителемъ и подданными тамъ были нисколько не похожи на тѣ, какія существовали въ Азіи и въ Египтѣ, и народъ еще чувствовалъ себя самостоятельнымъ и свободнымъ. Изъ всѣхъ древнихъ народовъ ни одинъ не имѣлъ такого близкаго сходства съ Римлянами, какъ Македоняне и

по упорству, съ которымъ они боролись противъ всякаго вѣшняго врага кто бы онъ ни былъ и по непоколебимой привязанности къ родинѣ и къ наслѣдственному правителю и по мужественной стойкости при самыхъ тяжелыхъ бѣдствіяхъ, а поразительно-быстрое возрожденіе государства послѣ галльскаго нашествія покрыло вѣчной славой какъ людей, которые стояли во главѣ управленія, такъ и народъ, которымъ они управляли.— Второе изъ трехъ великихъ государствъ— азіатское было ничто иное, какъ поверхностно преобразованная и эллинизированная Персія; оно находилось въ рукахъ «царя царей», какъ обыкновенно называлъ себя его монархъ, вѣрно выражавшій въ этомъ названіи какъ свое высокоміріе, такъ и свое безиміе; тамъ, точно такъ-же, какъ и въ Персіи, заявлялись притязанія на владычество отъ Геллеспонта до Пенджаба, а внутреннее устройство было такъ-же, какъ въ Персіи, лишено всякаго прочнаго единства; это были искусственнымъ образомъ соединившіяся въ одно цѣлое болѣе или менѣе зависимаго государства, непокорныя сатрапіи и полусвободные греческіе города. Въ Малой Азіи, номинально причислявшейся къ царству Селевкидовъ, весь сѣверный берегъ и большая часть восточнаго внутренняго материка находились во власти туземныхъ династій или проникшихъ туда изъ Европы кельтскихъ ордъ; значительная часть западныхъ странъ находилась во власти царей пергамскихъ, а острова и приморскіе города частію принадлежали Египтянамъ, частію были свободны, такъ что у великаго царя тамъ оставалось немного больше, чѣмъ внутреннія страны Киликіи, Фригіи и Лидіи и огромное число титуловъ съ неосуществимыми правами верховенства надъ вольными городами и владѣтелями;—это была точь въ точь такая же власть, каковая когда-то принадлежала германскимъ императорамъ за предѣлами ихъ наслѣдственныхъ владѣній. Это царство истощало свои силы въ тщетныхъ попыткахъ вытѣснить Египтянъ изъ прибрежныхъ странъ, въ пограничныхъ расправахъ съ восточными народами, съ Парянами и съ Бактрійцами, въ ссорахъ съ поселившимися въ Малой Азіи на ея бѣду Кельтами, въ непрестанныхъ стараніяхъ сдерживать стремленія восточныхъ сатраповъ и мало-азіатскихъ Грековъ къ независимости и въ семейныхъ раздорахъ или возстаніяхъ претендентовъ; хотя ни одно изъ основанныхъ Діадохами царствъ не избѣжало ни такихъ возстаній ни вообще тѣхъ ужасовъ, къ которымъ обыкновенно приводитъ абсолютная монархическая власть въ эпоху своего упадка, но бѣдствія этого рода были въ азіатскомъ царствѣ болѣе пагубны чѣмъ гдѣ-либо, потому что при непрочности внутренней государственной связи они обыкновенно имѣли послѣдствіемъ отпаденіе нѣкоторыхъ провинцій на болѣе или менѣе продолжительное время.—Въ противоположность съ Азіей, Египетъ былъ прочно-сплоченнымъ цѣльнымъ государствомъ, въ которомъ государственная мудрость первыхъ Ла-

Азіи.

Египетъ.

гидовъ, искусно воспользовавшаяся древними національными и религиозными преданіями, создала вполне абсолютную монархическую власть и гдѣ даже самыя возмутительныя злоупотребленія правителей никогда не вызывали стремленій ни къ эманципации ни къ отпаденію. Этотъ абсолютизмъ не имѣлъ ничего общаго съ національнымъ роялизмомъ Македонянъ, который былъ основанъ на чувствѣ собственнаго достоинства и служилъ для него политическимъ выраженіемъ: въ Египтѣ населеніе было совершенно пассивно; тамъ все сосредоточивалось въ столицѣ, а эта столица приспособлялась къ потребностямъ царскаго двора; поѣтому власть и лѣность правителей были тамъ еще болѣе пагубны для государства, чѣмъ въ Македоніи и въ Азіи; напротивъ того, эта государственная машина оказывалась чрезвычайно пригодной въ рукахъ такихъ людей, какъ первый Птолемей и какъ Птолемей Эвергетъ. Египетъ имѣлъ то преимущество надъ своими двумя великими соперниками, что египетская политика не гонялась за призраками, а преслѣдовала ясныя и достижимыя цѣли. Македонія въ качествѣ родины Александра, а Азія въ качествѣ той страны, гдѣ Александръ воздвигнулъ свой тронъ, не переставали считать себя наслѣдницами основанной Александромъ монархіи и болѣе или менѣе настойчиво заявляли притязаніе если не возстановить эту монархію, то по меньшей мѣрѣ быть ея представительницами. Лагиды никогда не пытались основать всемірную монархію и никогда не мечтали о завоеваніи Индіи, но за то они перетянули изъ финикійскихъ портовыхъ городовъ въ Александрію всю торговлю, важная велась на пространствахъ между Индіей и Средиземнымъ моремъ; они сдѣлали изъ Египта первую торговую и морскую державу той эпохи и доставили ему владычество надъ восточнымъ бассейномъ Средиземнаго моря вмѣстѣ съ его берегами и островами. Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что Птолемей III Эвергетъ добровольно возвратилъ Седевку Каллинику всѣ свои завоеванія вплоть до портового города Антиохіи. Частію благодаря такой политикѣ, частію благодаря выгоднымъ географическимъ условіямъ, Египетъ занялъ по отношенію къ обѣимъ континентальнымъ державамъ такое военное положеніе, которое было чрезвычайно удобно и для обороны и для нападенія. Между тѣмъ, какъ врагъ и послѣ удачныхъ военныхъ дѣйствій едва-ли былъ въ состояніи серьезно угрожать Египту, который былъ со всѣхъ сторонъ почти недоступенъ для сухопутныхъ армій, напротивъ того Египтяне, нападавшіе съ моря, утвердились въ Киренѣ, на Кипрѣ и на Цикладахъ, на берегахъ Финикіи и Сиріи, вдоль всего южнаго и западнаго побережья Малой Азіи и даже въ Европѣ въ Херсонесѣ Фракійскомъ. Александрійское правительство постоянно имѣло перевѣсъ надъ своими противниками и въ качествѣ державы, располагавшей большими денежными средствами, благодаря тому, что оно эксплуатировало плодородную долину Нила въ непо-

средственную пользу государственной казны, и благодаря тому, что оно ввело у себя такое финансовое хозяйство, которое было искусно рассчитано на материальные выгоды и было столько-же безпощадно, сколько предусмотрительно. Наконецъ, Лагиды съ интеллигентной щедростью поддерживали стремленія того времени къ серьезнымъ изслѣдованіямъ во всѣхъ сферахъ знанія и мышленія, а эти изслѣдованія они умѣли сдерживать въ такихъ предѣлахъ, что они не сталкивались съ основными принципами абсолютной монархіи и даже соотвѣтствовали ея интересамъ; этимъ Лагиды не только доставляли непосредственную пользу государству, въ которомъ сооруженіе кораблей и машинъ носило на себѣ слѣды вліянія александрійскихъ математиковъ, но и обращали въ служанку александрійскаго двора эту новую духовную силу, самую важную и самую возвышенную изъ тѣхъ, которыя развила въ себѣ эллинская нація послѣ своего политическаго раздробленія, — конечно въ той мѣрѣ, въ какой эта сила соглашалась прислуживаться. Если-бы царство Александра не разрушилось, то греческое искусство и греческая наука нашли бы въ немъ такое государство, которое было достойно и способно приютить ихъ у себя; а когда это царство обратилось въ развалины, въ немъ расплодился ученый космополитизмъ, для котораго скоро сдѣлалась магнитомъ Александрія, гдѣ научныя средства и коллекціи были неисчерпаемы, гдѣ цари сочиняли трагедіи, къ которымъ министры писали комментаріи, и гдѣ процвѣтали учебныя заведенія и академіи. — Изъ всего сказаннаго видно, каковы были взаимныя отношенія трехъ великихъ державъ. Послѣ того, какъ морская держава, господствовавшая надъ берегами и владычествовавшая на морѣ, достигла перваго важнаго успѣха — политическаго отдѣленія европейскаго континента отъ азіатскаго, она должна была стараться ослабить оба великихъ континентальныхъ царства и охранять существованіе всѣхъ мелкихъ государствъ; напротивъ того. Македонія и Азія, не смотря на свое взаимное соперничество, видѣли въ Египтѣ общаго врага и потому дѣйствовали или по крайней мѣрѣ должны были дѣйствовать противъ него общими силами.

Малоазіатскія царства. На соприкосновенія востока съ западомъ имѣли лишь косвенное вліяніе тѣ второстепенныя государства, рядъ которыхъ тянулся отъ южной оконечности Каспійскаго моря до Геллеспонта, занимая внутреннія страны Малой Азіи и ея сѣверные берега, а именно: Атропатена (въ теперешнемъ Азербиджанѣ, къ юго-западу отъ Каспійскаго моря), Армения, Каппадокія внутри мало-азіатскаго материка, Понть на юго-восточныхъ берегахъ Чернаго моря и Вионнія на юго-западныхъ берегахъ того же моря. Все это были осколки великаго персидскаго царства, а властвовали тамъ восточныя, болѣею частію старо-персидскія династіи; въ особенности отдаленная гористая Атропатена служила настоящимъ убѣжищемъ для старинной персидской

национальности; даже гроза Александровскаго нашествія пронеслась надъ нею безслѣдно; всѣ эти государства находились въ одинакой непрочной и наружной зависимости отъ той греческой династїи, которая замѣнила или желала замѣнить великихъ царей. — Болѣе важное вліяніе на общее положеніе дѣлъ имѣло кельтское государство, образовавшееся внутри Малой Азіи. Промежъ Віонїи, Пафлагонїи, Каппадокіи и Фригіи поселились три кельтскихъ племени — Толистобоги, Тектоаги и Трокмеры, однако не отказавшіяся вслѣдствіе этого переселенія ни отъ своего роднаго языка, ни отъ своихъ обычаевъ, ни отъ своихъ государственныхъ учрежденїи, ни отъ своей привычки заниматься разбоями. Двѣнадцать четверовластниковъ, каждый изъ которыхъ стоялъ во главѣ одного изъ четырехъ кантоновъ, на которыхъ дѣлились владѣнія каждаго изъ трехъ племенъ, — составляли вмѣстѣ съ совѣтомъ изъ трехъ сотъ членовъ высшую національную власть и собирались на «священномъ мѣстѣ» (*Drunemetum*) главнымъ образомъ для того, чтобъ постановлять смертныя приговоры. Азіатцамъ казались странными эти кельтскія волостныя учрежденія; не менѣе странными казались имъ отвага и наѣмно-солдатскіе нравы сѣверныхъ пришельцевъ, которые то доставляли своимъ невоинственнымъ сосѣдямъ наѣмниковъ, то на собственный счетъ грабили или опустошали окрестныя страны. Эти дикіе, но мощные варвары наводили страхъ не только на жившіе вокругъ нихъ извѣщенные народы, но даже на азіатскихъ великихъ царей, которые, наконецъ, согласились платить имъ дань послѣ того, какъ нѣсколько азіатскихъ армій были уничтожены Кельтами, а царь Антіохъ I Сотеръ, сражаясь съ ними, лишился жизни (493).

Малоазіатскіе Кельты.

261

Пергамъ.

Отважной и успѣшной борьбѣ съ этими галльскими ордами одинъ богатый пергамскій гражданинъ, по имени Атталъ, былъ обязанъ тѣмъ, что получилъ отъ своего роднаго города царскій титулъ, который могъ передать по наслѣдству своимъ потомкамъ. Этотъ новый дворъ былъ въ маломъ видѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ въ болѣе широкомъ размѣрѣ александрійскій дворъ; тамъ также обращали главное вниманіе на матеріальные интересы и оказывали покровительство искусствамъ и литературѣ, а правительство держалось осмотрительной и разумной политики, стремившейся частію къ обезсиленію обоеихъ опасныхъ континентальныхъ сосѣдей, частію къ основанію въ западной части Малой Азіи самостоятельнаго греческаго государства. Обильно наполненная государственная казна много способствовала увеличенію значенія этихъ пергамскихъ владѣтелей; они давали сирийскимъ царямъ взаимны значительныя суммы, уплата которыхъ впоследствии играла нѣкоторую роль между римскими мирными условіями; этимъ способомъ прїобрѣтались даже новыя владѣнія, — такъ на примѣръ Атталу была продана за 30 талантовъ (51,000 тал.) Эгина, которая была отнята въ послѣднюю войну соединенными силами Римлянъ и

Этолянъ у союзниковъ Филиппа Ахейнъ и по договору досталась на долю Этолянъ. Однако, не смотря на блескъ двора и на царскій титулъ правителя, пергамская община постоянно носила на себѣ городской отпечатокъ, да и въ своей политикѣ она обыкновенно дѣйствовала за-одно съ вольными городами. Самъ Атталъ — этотъ Лоренцо Медичи древнихъ временъ, — оставался въ теченіе всей своей жизни богатымъ гражданиномъ, а семейная жизнь Атталидовъ, въ которой и послѣ принятія царскаго титула по-прежнему царствовали единодушіе и искренность, рѣзко отличалась отъ безпутнаго и позорнаго образа жизни другихъ болѣе родовитыхъ династій. — Въ европейской Греціи, кромѣ римскихъ владѣній на восточномъ побережьѣ, изъ которыхъ въ самыхъ значительныхъ, какъ напримѣръ въ Керкирѣ, какъ вѣдется, имѣли постоянное мѣстопробываніе римскія должностныя лица (стр. 548), и кромѣ собственно-македонской области, только слѣдующія племена были болѣе или менѣе въ состояніи преслѣдовать свои собственныя политическія цѣли: въ сѣверной Греціи Эпироты, Акарнанцы и Этоляне, въ средней Греціи Беотійцы и Аѳиняне, въ Пелопоннесѣ Ахейне, Лаведомоняне, Мессенцы и Элеяне.

Греція.

**Эпироты,
Акарнанцы
и Беотійцы.**

Между этими племенами Эпироты, Акарнанцы и Беотійцы были тѣсно связаны многоразличными узами съ Македоніей, въ особенности Акарнанцы, потому что только покровительство Македонянъ могло избавить ихъ отъ угнетенія, которымъ имъ грозили Этоляне; но ни одно изъ нихъ не имѣло большаго значенія. Внутреннее устройство было повсюду различно; мѣстами тамъ существовали странныя порядки, такъ напримѣръ у Беотійцевъ, — которые, впрочемъ, болѣе всѣхъ страдали отъ неурядицы, — вошло въ обыкновеніе завѣщать ассоціямъ общественныхъ трапезъ всякую собственность, на которую не было наслѣдниковъ въ прямой нисходящей линіи, а со всякаго, кто желалъ быть выбраннымъ на государственную должность, брали обязательство, что онъ не дозволитъ никакому кредитору или по меньшей мѣрѣ кредитору-иностранцу выскрывать

Аѳиняне.

должныя ему деньги. — Аѳиняне находили въ Александріи защиту противъ Македонянъ и жили въ тѣсномъ союзѣ съ Этолянами; они также были совершенно безсильны и только ореолъ аттическаго искусства и поэзіи возвышалъ этихъ недостойныхъ наслѣдниковъ блестящаго прошлаго надъ множествомъ мелкихъ городовъ такого-же типа. — Болѣе прочно было могущество этолійской конфедераціи; сѣверно-греческая народность еще не утратила тамъ своей внутренней силы, но заразилась нравственной раслущенностью и своеволіемъ, — тамъ существовало государственное узаконеніе, что Этолянинъ можетъ служить наѣмникомъ противъ всякаго другаго государства, даже противъ такого, которое находится въ союзѣ съ Этоліей; а когда остальные Греки настоятельно просили отмѣнить такое безобразное постановленіе, этолійскій сеймъ отвѣчалъ имъ, что скорѣе можно

Этоляне.

Болѣе прочно было могущество этолійской конфедераціи; сѣверно-греческая народность еще не утратила тамъ своей внутренней силы, но заразилась нравственной раслущенностью и своеволіемъ, — тамъ существовало государственное узаконеніе, что Этолянинъ можетъ служить наѣмникомъ противъ всякаго другаго государства, даже противъ такого, которое находится въ союзѣ съ Этоліей; а когда остальные Греки настоятельно просили отмѣнить такое безобразное постановленіе, этолійскій сеймъ отвѣчалъ имъ, что скорѣе можно

выжить Этолию изъ Этоліи, чѣмъ исключить это постановленіе изъ мѣстнаго законодательства. Этоляне могли-бы приносить много пользы греческой націи, если-бы не причиняли ей большаго вреда этимъ правильно-организованнымъ разбойническимъ промысломъ, своею упорною враждой съ ахейскимъ союзомъ и своею пагубною оппозиціей противъ великой македонской державы. — Въ Пелопоннесѣ ахейская конфедерація соединила лучшіе элементы собственной Греціи въ союзъ, для котораго служили основами цивилизація, національность и миролюбивая готовность къ борьбѣ. Но не смотря на то, что цвѣтущее состояніе и въ особенности оборонительныя силы союза много способствовали его расширенію, его существованіе было подорвано дипломатическимъ эгоизмомъ Арата, который втянулъ Ахеянъ въ пагубныя ссоры съ Спартой и причинилъ имъ еще болѣе вреда тѣмъ, что вызвалъ вмѣшательство Македонянъ въ дѣла Пелопоннеса; этимъ путемъ Аратъ вполне подчинилъ ахейскій союзъ македонскому верховенству, такъ что съ тѣхъ поръ въ главныхъ ахейскихъ крѣпостяхъ стояли македонскіе гарнизоны и тамъ ежегодно приносилась присяга въ вѣрности Филиппу. Болѣе слабыя пелопоннесскія государства — Элида, Мессена и Спарта руководствовались въ своей политикѣ старинною враждой къ ахейскому союзу, которая поддерживалась спорами изъ-за границъ; они держали сторону Этолянъ противъ Македонянъ, потому что Ахеяне были въ союзѣ съ Филиппомъ. Между этими государствами приобрѣло нѣкоторую силу только спартанское солдатское царство, перешедшее послѣ смерти Маханида въ руки Набиса; этотъ Набисъ, съ постоянно возрастающей дерзостью, искалъ опоры въ бродягахъ и странствующихъ наѣмникахъ, которымъ раздавалъ не только дома и пахатныя земли, но даже женъ и дѣтей спартанскихъ гражданъ; онъ старательно поддерживалъ эти связи и, владѣя нѣсколькими мѣстечками на островѣ Бритѣ, вступилъ въ союзъ съ этимъ главнымъ притономъ наѣмниковъ и пиратовъ для того, чтобъ сообща заниматься морскими разбоями. Его хищническіе набѣги сухимъ путемъ и его корабли, занимавшіеся морскими разбоями подлѣ мыса Малей, наводили страхъ на всѣ окрестныя страны, а его самого ненавидѣли за его низость и жестокосердіе; но его владычество расширялось и незадолго до того времени, когда происходила битва при Замѣ, ему даже удалось завладѣть Мессеной. — Наконецъ, изъ всѣхъ второстепенныхъ государствъ самыми независимыми были вольные греческіе торговые города, разбросанные по европейскимъ берегамъ Пропонтиды, по всему малоазіатскому побережью и по островамъ Эгейскаго моря; они составляютъ самую свѣтлую сторону въ этомъ смутномъ разнообразіи эллинскихъ государственныхъ учреждений, — въ особенности тѣ три города, которые снова стали пользоваться полной свободой послѣ смерти Александра и, благодаря своей оживленной морской торговлѣ,

Ахеяне.

**Спарта,
Элида,
Мессена.**

**Союзъ гре-
ческихъ
городовъ.**

Родосъ.

304

достигли немаловажнаго политическаго значенія и даже значительнаго расширенія своихъ владѣній: царица Босфора, Византія, обязанная своимъ богатствомъ и могуществомъ транзитнымъ пошлинамъ и обширной торговлѣ хлѣбомъ, которую она вела на берегахъ Чернаго моря; стоявшій на азіатскомъ берегу Пропонтиды, Кизикъ, который былъ колоніей и наслѣдникомъ Милета и который находился въ самой тѣсной связи съ пергамскимъ дворомъ, и, наконецъ, преимущественно передъ всѣми другими, Родосъ. Тотчасъ послѣ смерти Александра, Родосцы выгнали стоявшій у нихъ македонскій гарнизонъ и, благодаря тому, что занимали выгодное для торговли и мореплаванія географическое положеніе, сдѣлались посредниками торговыхъ сношеній во всемъ восточномъ бассейнѣ Средиземнаго моря; ихъ превосходный флотъ и мужество ихъ гражданъ, блистательно доказанное знаменитой осадой въ 450 году, дали имъ возможность сдѣлаться не только осмотрительными и энергичными представителями нейтральной торговой политики, но и ея защитниками въ такую пору, когда всѣ жили въ непрерывной взаимной враждѣ; такъ напримѣръ они силою оружія заставили Византію пропускать ихъ корабли черезъ Босфоръ безъ взысканія пошлинъ и не дозволили пергамскимъ династамъ запретить входъ въ Черное море. Напротивъ того, они, по мѣрѣ возможности, избѣгали сухопутныхъ войнъ, хотя и приобрѣли довольно значительныя владѣнія на противулежащемъ карійскомъ берегу; если-же не могли избѣгать такихъ войнъ, то вели ихъ наёмными солдатами. Они повсюду заводили дружескія сношенія—въ Сиракузахъ, въ Македоніи, въ Сиріи и въ особенности въ Египтѣ, и пользовались большимъ уваженіемъ при иностранныхъ дворахъ, такъ что во время войнъ между первоклассными державами нерѣдко случалось, что эти державы прибѣгали къ ихъ посредничеству. Но самымъ горячимъ ихъ участіемъ пользовались греческіе приморскіе города, разбросанные въ огромномъ числѣ по берегамъ царствъ понтійскаго, вивонскаго и пергамскаго и также на отнятыхъ Египтомъ у Селевкидовъ малоазіатскихъ берегахъ и островахъ, какъ напримѣръ Синопъ, Гераклея Понтійская, Кіосъ, Лампсакъ, Абидосъ, Митилена, Хіосъ, Смирна, Самосъ, Галикарнассъ и многіе другіе. Всѣ эти города были въ сущности свободны, такъ какъ ихъ зависимость отъ верховныхъ властителей страны выражалась только въ испрашиваніи подтвержденія ихъ привилегій и по большей мѣрѣ въ уплатѣ умѣренной дани; а въ тѣхъ случаяхъ, когда со стороны династовъ предъявлялись какія-нибудь неумѣренныя притязанія, они отстаивали свои права или хитрою уступчивостью или силой. Въ этихъ случаяхъ ихъ главными защитниками были Родосцы, которые, напримѣръ, оказали энергическую поддержку Синопу противъ Митридата Понтійскаго. Въ какой мѣрѣ вольности этихъ малоазіатскихъ городовъ упрочились среди раздоровъ и благодаря именно распрямъ

между монархами, видно, напримѣръ, изъ того факта, что между Антиокомъ и Римлянами шло споръ не о томъ, должны-ли эти города пользоваться свободой, а о томъ, должны-ли они испрашивать у царя подтвержденія своихъ хартій. Какъ по своимъ своеобразнымъ отношеніямъ къ мѣстнымъ верховнымъ властителямъ, такъ и по всему остальному, этотъ союзъ городовъ былъ настоящей Ганзой, во главѣ которой стоялъ Родосъ, вступавшій съ другими государствами въ переговоры и заключавшій съ ними условія какъ за себя, такъ и за своихъ союзниковъ. Тамъ отстаивались городскія вольности отъ монархическихъ притязаній и между тѣмъ какъ вокругъ городскихъ стѣнъ бушевали войны, тамъ, благодаря сравнительно болѣе обеспеченному внутреннему спокойствію, поддерживался гражданскій духъ, развивалось гражданское благосостояніе и процвѣтали искусства и науки, которыя не чувствовали на себѣ гнета своевольной солдатчины и не заражались тлетворной придворной атмосферой.

Въ такомъ положеніи находился востокъ въ то время, когда рушилась преграда, отдѣлявшая его отъ запада и когда восточнымъ державамъ— и прежде всѣхъ другихъ Филиппу Македонскому, пришлось вмѣшаться въ западныя дѣла. Какъ это случилось и какъ велась первая македонская война (540—549), уже частію было

Царь Филиппъ Македонскій.

214—205

могъ-бы сдѣлать Филиппъ, если-бы принялъ участіе въ Аннибаловской войнѣ и какъ мало сбылось изъ всего того, чего былъ въ правѣ ожидать и на что былъ въ правѣ рассчитывать Аннибалъ. Тогда еще разъ подтвердилось надѣлѣ, что абсолютная наследственная монархія—самая пагубная изъ всѣхъ азартныхъ игръ. Филиппъ былъ не такой человекъ, какой былъ въ то время нуженъ для Македоніи; однако онъ не былъ совершенно ничтожной личностью. Это былъ настоящій царь и въ лучшемъ и въ худшемъ смыслѣ этого слова. Въ основѣ его характера лежало сильное желаніе быть неограниченнымъ и единственнымъ властителемъ; онъ гордился своею порфиною, но гордился и имѣлъ право гордиться не ею одной. Онъ выказывалъ не только храбрость солдата и смѣлливость полководца, но и высокій умъ въ управленіи государственными дѣлами всякій разъ, какъ была задѣта честь Македоніи. Будучи щедро одаренъ и здравымъ смысломъ и остроуміемъ, онъ располагалъ къ себѣ всякаго, кого хотѣлъ, и въ особенности самыхъ даровитыхъ и самыхъ образованныхъ людей, какъ напримѣръ Фламинія и Сципіона; онъ былъ пріятнымъ собесѣдникомъ за кубкомъ вина и былъ опасенъ для женщинъ не однимъ только высокимъ саномъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ одинъ изъ самыхъ гнѣбныхъ и самыхъ безсердечныхъ людей, какихъ породилъ его наглый вѣкъ. Онъ обыкновенно говаривалъ, что никого не боится кромѣ боговъ, но онъ давалъ поводъ думать,

что его боги были тѣ-же самые, которымъ постоянно приносилъ жертвы начальникъ его флота Дивеархъ — безбожіе (А се бе і а) и злодѣйство (Ра га по сі а). Для него не была священна жизнь его приближенныхъ и тѣхъ, кто помогалъ ему приводить въ исполненіе его замыслы, а свою злобу на Аеннянъ и на Аттала онъ удовлетворилъ уничтоженіемъ замѣчательныхъ памятниковъ и знаменитыхъ произведеній искусства: ему приписываютъ политическое правило, что кто умертвилъ отца, долженъ умертвить и его сыновей. Онъ, быть можетъ, и не находилъ наслажденія въ жестокосердіи, но онъ былъ совершенно равнодушенъ къ чужой жизни и къ чужимъ страданіямъ; въ его непреклонномъ и черствомъ сердцѣ не было мѣста даже для той непослѣдовательности, которая только и могла-бы сдѣлать его сноснымъ, какъ человѣка. Онъ такъ рѣшительно и такъ рѣзко объявлялъ во всеуслышаніе, что неограниченнаго монарха не могутъ связывать никакія обѣщанія и никакія требованія нравственности, что именно этимъ создалъ для своихъ замысловъ самыя важныя препятствія. Ему нельзя отказать ни въ прозорливости ни въ энергіи, но съ этими качествами страннымъ образомъ соединялись мѣшкотность и безпечность; это объясняется отчасти тѣмъ, что онъ былъ призванъ къ неограниченной власти, когда ему было только семнадцать лѣтъ, и тѣмъ, что его неистовыя выходки противъ всякаго, кто препятствовалъ его самовластію возраженіями или неприятными совѣтами, оттолкнули отъ него всѣхъ самостоятельныхъ совѣтниковъ. Трудно рѣшить, вслѣдствіе какого душевнаго настроенія онъ такъ вяло и такъ безславно велъ первую македонскую войну — вслѣдствіе ли безпечности, происходящей отъ высокомерія, которое употребляетъ въ дѣло всѣ свои силы лишь въ виду неминуемой опасности, или же вслѣдствіе равнодушія къ нему самимъ задуманному плану военныхъ дѣйствій и вслѣдствіе зависти къ славѣ Аннибала, помрачавшей его собственную. Конечно, по тому, какъ онъ дѣйствовалъ впослѣдствіи, въ немъ уже нельзя было узнать того самаго Филиппа, чья мѣшкотность разрушила планъ Аннибала.

206/5
Македонія
и Азія про-
тивъ Египта.

Филиппъ заключилъ въ 548/9 году мирный договоръ съ Этолянами и съ Римлянами съ серьезнымъ намѣреніемъ жить въ мирѣ съ Римомъ и посвятить себя исключительно восточнымъ дѣламъ. Онъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ недоволенъ тѣмъ, что Каррагенъ былъ такъ скоро побѣжденъ; нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что Аннибалъ рассчитывалъ на вторичное объявленіе Македоніей войны и что Филиппъ тайкомъ усилилъ послѣднюю каррагенскую армію, приславши ей наемниковъ (стр. 647). Но обширныя предпріятія, въ которыя Филиппъ тѣмъ временемъ вступалъ на востокъ, равно какъ способъ присылки Каррагену подкрѣпленій и въ особенности полное молчаніе Римлянъ объ этомъ нарушеніи мира, тогда какъ они искали поводовъ для войны — все это ясно доказываетъ, что

Филиппъ вовсе не имѣлъ намѣренія навестать въ 551 году то, что ему слѣдовало сдѣлать десятью годами ранѣе. Онъ устремилъ свои взоры въ совершенно другую сторону. Египетскій царь Птолемей Филопаторъ умеръ въ 549 году. Противъ его преемника, пятилѣтняго ребенка Птолемея Эпифана, соединились царь Македоніи Филиппъ и царь Азіи Антиохъ съ намѣреніемъ вполне насытить старинную ненависть континентальныхъ монархій къ морской державѣ. Предполагалось раздробить египетское государство: Египетъ и Кипръ должны были достаться Антиоху, а Кирена, Іонія и Циклады—Филиппу. Совершенно во вкусъ Филиппа, пренебрегавшаго всякими приличіями, цари начали войну не только безъ всякаго къ ней повода, но даже безъ всякаго благовиднаго предлога «совершенно такъ, какъ большія рыбы пожираютъ маленькихъ». Впрочемъ расчетъ союзниковъ и въ особенности Филиппа былъ вѣренъ. Египетъ былъ такъ занятъ обороной отъ своего ближайшаго сосѣда въ Сиріи, что его малоазіатскія владѣнія и Циклады оставались совершенно беззащитными, когда Филиппъ напалъ на нихъ, какъ на свою долю общей добычи. Въ томъ самомъ году, когда Карѳагенъ заключилъ съ Римомъ миръ (553), Филиппъ посадилъ десантныя войска на сооруженные подвластными ему городами корабли и приказалъ этимъ кораблямъ плыть вдоль береговъ Фракіи. Тамъ была отнята у этолійскаго гарнизона Лизимахія и былъ занятъ Перинѳъ, находившійся подъ протекторатомъ Византіи. Этимъ Филиппъ нарушилъ миръ съ Византіянами и по меньшей мѣрѣ испортилъ добрыя отношенія съ Этолянами, только что заключившими съ нимъ мирный договоръ. Морской переѣздъ въ Азію былъ совершенъ безъ всякихъ затрудненій, потому что царь Вионній Прузіи находился въ союзѣ съ Македоніей; въ награду за это Филиппъ помогъ Прузію овладѣть находившимися на его территоріи греческими торговыми городами. Калхедонъ добровольно покорился. Кіосъ оказалъ сопротивленіе, былъ взятъ приступомъ и разрушенъ до основанія, а его жители были обращены въ рабство: это была безцѣльная жестокость, о которой сожалѣлъ самъ Прузій, желавшій получить этотъ городъ въ цѣлости, и которая возбудила глубокое негодованіе во всемъ эллинскомъ мірѣ. Всѣхъ болѣе были оскорблены Этоляне, чей стратегъ командовалъ

203

205

201

Родосская
Ганза и Пер-
гамъ въ
борьбѣ съ
Филиппомъ.

хартіи, а о жизни или смерти для каждого и для всѣхъ. Лампсакъ уже палъ, а съ Фазосомъ было поступлено такъ - же, какъ и съ Хиосомъ; поэтому слѣдовало торопиться. Храбрый родосскій стратегъ Теофилискъ сталъ убѣждать своихъ согражданъ защищаться общими силами отъ общей опасности и не допускать, чтобъ города и острова становились поодиночкѣ добычей врага. Родосъ рѣшился послѣдовать этому совѣту и объявилъ Филиппу войну. Къ нему присоединилась Византія; то - же сдѣлалъ личный и политическій врагъ Филиппа, престарѣлый пергамскій царь Атталъ. Въ то время, какъ флотъ союзниковъ собирался у береговъ Эоліи, Филиппъ отрядилъ часть своихъ кораблей для завладѣнія Хиосомъ и Самосомъ. Съ остальными кораблями онъ самъ появился передъ Пергамомъ и тщетно блокировалъ этотъ городъ; ему пришлось удовольствоваться тѣмъ, что ему ничто не мѣшало рыскать по плоской мѣстности и разрушать храмы въ доказательство македонской храбрости. Онъ внезапно покинулъ эту страну и отплылъ съ намѣреніемъ соединиться съ своей эскадрой, стоявшей подлѣ Самоса. Но родосско-пергамскій флотъ пошелъ вслѣдъ за нимъ и принудилъ его принять сраженіе въ Хиоскомъ проливѣ. Македонскіе палубные корабли были менѣе многочисленны, чѣмъ непріятельскіе, но ихъ открытыя лодки восполняли это неравенство, а солдаты Филиппа дрались съ большимъ мужествомъ; тѣмъ не менѣе онъ былъ побѣжденъ. Почти половина его палубныхъ кораблей, а именно двадцать четыре, были частію потоплены, частію взяты непріателемъ; 6000 македонскихъ матросовъ и 3000 солдатъ погибли вмѣстѣ съ адмираломъ Демократомъ, 2000 были взяты въ плѣнъ. Союзникамъ эта побѣда стоила не болѣе 800 человекъ и шести парусныхъ судовъ. Но изъ союзныхъ предводителей—Атталъ былъ отрѣзанъ отъ своего флота и принужденъ посадить свой адмиральскій корабль на мель подлѣ Эрпюръ, а Теофилискъ Родосскій, — который своимъ гражданскимъ мужествомъ возбудилъ войну и своею храбростью доставилъ союзникамъ побѣду, — умеръ на другой день отъ ранъ. Затѣмъ флотъ Аттала возвратился домой, а родосскій флотъ остался на нѣкоторое время подлѣ Хиоса; поэтому Филиппъ, неосновательно приписывавшій себѣ побѣду, могъ продолжать свое плаваніе и направиться къ Самосу съ цѣлію завладѣть карійскими городами. У карійскихъ береговъ, подлѣ небольшого острова Ладъ, передъ милетской гаванью, Родосцы, на этотъ разъ уже не поддержанные Атталомъ, снова вступили въ бой съ македонскимъ флотомъ, находившимся подъ командой Гераклида. Побѣда, которую опять приписывали себѣ обѣ стороны, была, повидимому, одержана Македонянами, такъ какъ Родосцы отступили къ Миндосу и оттуда къ Косу, между тѣмъ какъ Македоняне заняли Милеть, а македонская эскадра, находившаяся подъ начальствомъ атолійскаго уроженца Дикеарха, завладѣла Цикладами. Тѣмъ временемъ Филиппъ

былъ занятъ завоеваніемъ родосскихъ владѣній и греческихъ городовъ на карійскомъ материкѣ; если-бы онъ имѣлъ намѣреніе напасть на самого Птолемея и не предпочелъ ограничиться захватомъ своей доли добычи, то онъ уже могъ-бы помышлять въ то время о нападении на Египетъ. Хотя въ Каріи Македоняне не нашли никакой непріятельской арміи и хотя Филиппъ могъ безпрепятственно пройти изъ Магнезій въ Милазу, но тамъ каждый городъ былъ крѣпостью и осадная война затянулась, не принося и не обѣщая значительныхъ результатовъ. Лидійскій сатрапъ Зевксисъ поддерживалъ союзниковъ своего государя такъ-же слабо, какъ слабо вступался Филиппъ за интересы сирійскаго царя, а греческіе города оказывали содѣйствіе только изъ страха или по принужденію. Снабженіе арміи продовольствіемъ становилось все болѣе и болѣе труднымъ; Филиппу приходилось грабить тѣхъ, кто прежде добровольно доставлялъ ему провіантъ, и за тѣмъ снова обращаться къ нимъ съ просьбами, — а это было вовсе не въ его характерѣ. Такъ прошло хорошее время года, а тѣмъ временемъ Родосцы усилили свой флотъ, къ которому снова присоединился флотъ Аттала, такъ что на ихъ сторонѣ оказался рѣшительный перевѣсъ морскихъ силъ. Они, по видимому, уже были въ состояніи отрѣзать царю отступление и принудить его оставаться на зимнихъ квартирахъ въ Каріи, между тѣмъ какъ его возвращенія въ Македонію настоятельно требовали домашнія дѣла и въ особенности опасность вмѣшательства со стороны Этолянъ и Римлянъ. Филиппъ понялъ, какъ опасно его положеніе; онъ оставилъ гарнизоны, — въ сложности до 3000 человекъ, — частію въ Миринѣ съ цѣлію угрожать Пергаму, частію въ небольшихъ городкахъ вокругъ Милазы — въ Ясѣ, въ Баргиліи, въ Эвромѣ, въ Педазѣ, съ цѣлію обезпечить обладаніе превосходною гаванью и мѣстомъ высадки въ Каріи; съ флотомъ ему удалось достигнуть береговъ Фракіи, благодаря небрежности, съ которой союзники стерегли море; еще до наступленія зимы 553/4 года онъ воротился домой.

Дѣйствительно, на западѣ собиралась противъ Филиппа гроза, которая не позволяла ему долѣе заниматься обираніемъ беззащитнаго Египта. Замѣшательства на востокѣ стали озабочивать Римлянъ, заключившихъ въ теченіе того-же года миръ съ Кареагеномъ на предписаннымъ ими самими условіяхъ. Много разъ было говорено, что немедленно послѣ завоеванія запада они приступили къ завоеванію востока; зрѣлое обсужденіе приведетъ насъ къ болѣе основательному мнѣнію. Лишь тупоумная недобросовѣстность въ состояніи не признавать, что въ ту пору Римъ вовсе не стремился къ владычеству надъ государствами Средиземнаго моря и желалъ только одного — имѣть въ Африкѣ и въ Греціи безопасныхъ сосѣдей; а Македонія сама по себѣ вовсе не была опасной для Рима. Ея силы, конечно, не были незначительны и римскій сенатъ, повидимому,

201/0
Дипломати-
ческое вмѣ-
шательство
Римлянъ.

206/5

неохотно согласился въ 548/9 году на заключеніе мирнаго договора, оставлявшаго за ней всё ея прежнія владѣнія; но какъ были ничтожны опасенія, которыя Македонія внушала или была въ состояніи внушать Риму, всего яснѣе видно по незначительному числу войскъ, съ которыми Римъ велъ слѣдующую войну и которымъ, однако, никогда не приходилось имѣть дѣла съ болѣе многочисленной непріятельской арміей. Сенату, конечно, было-бы желательно унижить Македонію, но онъ находилъ, что это униженіе было-бы куплено слишкомъ дорогою цѣной, если-бы изъ-за него пришлось римскимъ войскамъ вести въ Македоніи сухопутную войну; поэтому немедленно вслѣдъ за удаленіемъ Этолянъ онъ добровольно заключилъ миръ на основаніи *status quo*. Отсюда видно, что нѣтъ никакого основанія утверждать, будто римское правительство заключило этотъ миръ съ твердымъ намѣреніемъ возобновить войну при удобномъ случаѣ, и не подлежатъ никакому сомнѣнію, что въ ту пору война съ Македоніей была-бы въ высшей степени неудобна для Римлянъ, такъ какъ силы государства были доведены до крайняго истощенія и римское гражданство съ крайнею неохотою согласилось-бы на новую заморскую войну. Но этой войны уже нельзя было избѣгнуть. Еще можно-бы было уживаться съ такимъ сосѣдомъ, какимъ было македонское государство въ 549 году; но нельзя было допустить, чтобъ оно присоединило къ своимъ владѣніямъ лучшую часть малоазійской Греціи и важный городъ Кирену, нельзя было довозвлять ему угнетать нейтральныя торговыя государства и этимъ путемъ удваивать свои силы. Паденіе Египта и униженіе, а можетъ быть и завоеваніе Родоса нанесли-бы тяжелыя раны торговлѣ какъ сицилійской, такъ и италійской, да и вообще развѣ можно было спокойно смотрѣть, какъ италійская торговля съ востокомъ ставилась въ зависимость отъ двухъ большихъ континентальныхъ державъ? Сверхъ того долгъ чести заставлялъ Римлянъ вступить за ихъ вѣрнаго союзника въ первой македонской войнѣ Аттала и не допускать, чтобъ Филиппъ, уже предпринимавшій осаду его столицы, отнялъ у него и его владѣнія и его подданныхъ. Наконецъ, притязанія Рима на роль покровителя всѣхъ Эллиновъ не были пустой фразой; жители Неаполя, Регіона, Массалии и Эмпоріи могли засвидѣтельствовать о томъ, что притязанія на это покровительство были очень серьезны и что въ ту пору Римляне находились въ болѣе тѣсной связи съ Греками, чѣмъ какая-либо другая нація и даже въ немного менѣе тѣсной, чѣмъ эллинизированные Македоняне. Было-бы странно не признавать за Римлянами права чувствовать себя оскорбленными какъ въ ихъ человѣческихъ, такъ и въ ихъ эллинскихъ симпатіяхъ тѣми злодѣйствами, которыя были совершены надъ жителями Кіаны и Фазы. И такъ, всё побудительныя причины и политическія и торговыя и нравственныя заставляли Римлянъ

205

вторично предпринять войну съ Филиппомъ, которая была одной изъ самыхъ справедливыхъ войнъ, когда-либо веденныхъ Римомъ. Сенату дѣлаетъ большую честь то, что онъ немедленно принялъ окончательное рѣшеніе и приступилъ къ нужнымъ приготовлениямъ, не обращая вниманія ни на истощеніе государства ни на непопулярность такого объявленія войны—уже въ 553 году появился въ восточныхъ водахъ преторъ Маркъ Валерій Левинъ съ сицилійскимъ флотомъ, состоявшимъ изъ 38 парусныхъ судовъ. Однако правительство затруднялось прискаканіемъ благовиднаго предлога для войны, который былъ ему нуженъ для того, чтобъ оправдать его образъ дѣйствій въ мнѣніи народа,—хотя онъ, быть можетъ, и не придавалъ, подобно Филиппу, большой важности легальному мотивированію военныхъ дѣйствій. Что Филиппъ посылалъ подкрѣпленія Карфагенянамъ послѣ того, какъ заключилъ миръ съ Римомъ, очевидно, не могло быть несомнѣнно доказано. Но жившіе въ Иллиріи римскіе подданные уже давно жаловались на захваты со стороны Македонянъ. Еще въ 551 году римскій посолъ во главѣ иллирійскаго ополченія выгналъ войска Филиппа изъ иллирійской области, а сенатъ по этому случаю объявилъ въ 552 году царскимъ посланъ, что если Филиппъ ищетъ повода для войны, то найдетъ его ранѣе, чѣмъ это ему желательно. Однако эти захваты были лишь послѣдствіемъ той дерзкой безцеремонности, съ которою Филиппъ обыкновенно обходился съ своими сосѣдями; если-бы Римляне завели по этому поводу переговоры, то все кончилось-бы униженными извиненіями и предложеніемъ удовлетворенія, а не объявленіемъ войны. Отношенія римской общины ко всѣмъ участвовавшимъ въ восточной войнѣ государствамъ были по названію дружескими и она могла-бы защитить ихъ отъ сдѣланнаго на нихъ нападенія. Но Родосъ и Пергамъ, конечно, не замедлившіе обратиться къ Римлянамъ за помощью, были нападающими, а Египетъ хотя и отправилъ къ римскому сенату пословъ съ просьбой принять подъ свою опеку малолѣтняго царя, но, повидимому, не торопился вызвать непосредственное вмѣшательство Римлянъ, которое вывело-бы его изъ тогдашняго затруднительнаго положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ проложило-бы великой западной державѣ путь въ восточное море; важнѣе всего было то, что помощь Египту слѣдовало оказать прежде всего въ Сиріи; это втянуло-бы Римъ въ одновременную войну и съ Азіей и съ Македоніей, а этого, натурально, старались избѣжать тѣмъ болѣе потому, что римское правительство приняло твердое рѣшеніе не вмѣшиваться по меньшей мѣрѣ въ азіатскія дѣла. Не оставалось ничего другаго, какъ покуда отправить на востокъ посольство частью съ цѣлю добиться отъ Египта того, что казалось не труднымъ при тогдашнемъ положеніи дѣлъ,—изъявленія согласія на вмѣшательство Римлянъ въ греческія дѣла, частью съ

201

203

202

201

цѣлю устранить отъ участія въ войнѣ Антіоха, предоставивъ ему на жертву Сирію, частію съ цѣлю ускорить разрывъ съ Филиппомъ и образовать противъ него коалицію мелкихъ малоазіатскихъ государствъ (въ концѣ 553). Въ Александріи послы безъ труда достигли того, чего желали; египетскому двору не представлялось никакого другаго выбора и потому онъ былъ вынужденъ съ благодарностью принять Марка Эмилиа Лепида, который былъ присланъ сенатомъ съ порученіемъ отстаивать въ качествѣ «царскаго опекуна» интересы малолѣтняго монарха, насколько это было возможно безъ положительнаго вмѣшательства въ дѣла управленія. Чтѣ-же касается Антіоха, то онъ не отказался отъ союза съ Филиппомъ и не далъ Римлянамъ тѣхъ успокоительныхъ обѣщаній, какихъ они желали; но вслѣдствіе-ли собственной небрежности или вслѣдствіе заявленія Римлянъ о нежеланіи вмѣшиваться въ сирійскія дѣла, онъ не пересталъ преслѣдовать въ той странѣ свои цѣли, а отъ участія въ томъ, чтѣ дѣлалось въ Греціи и въ Малой Азіи, устранился.

**Возобновле-
ніе войны.**

Между тѣмъ наступила весна 554 года и война возобновилась. Филиппъ устремился прежде всего во Фракію и завладѣлъ тамъ всѣми приморскими городами — Маронеей, Эносомъ, Элеосомъ и Сестосомъ; онъ старался предохранить свои европейскія владѣнія отъ высадки Римлянъ. Затѣмъ онъ напалъ на азіатскомъ берегу на Абидосъ, приобрѣтеніе котораго имѣло для него особую важность, такъ какъ, владѣя и Сестосомъ и Абидосомъ, онъ могъ-бы войти въ болѣе близкія сношенія съ своимъ союзникомъ Антіохомъ и уже не имѣлъ-бы основанія опасаться, что флотъ союзниковъ загородитъ ему путь въ Малую Азію или изъ Малой Азіи. Этотъ флотъ сталъ господствовать въ Эгейскомъ морѣ съ тѣхъ поръ, какъ оттуда удалась болѣе слабая македонская эскадра; Филиппъ ограничилъ свои военныя дѣйствія на морѣ тѣмъ, что поддерживалъ сообщенія съ гарнизонами, оставленными на трехъ Цикладскихъ островахъ — на Андросѣ, Кіеносѣ и Паросѣ, и сталъ строить каперскія суда. Родосцы направились къ Хиосу, а оттуда къ Тенедосу, гдѣ къ нимъ присоединился съ своей эскадрой Атталъ, простоявшій въ теченіе всей зимы подѣй Эгины и проводившій свое время въ томъ, что слушалъ декламации Аеніянъ. Союзники конечно могли-бы придти на помощь къ геройски оборонявшимся Абидосцамъ, но они не двинулись съ мѣста; городъ, наконецъ, былъ вынужденъ сдаться на милость побѣдителя послѣ того, какъ почти всѣ способные носить оружіе люди пали въ борьбѣ подъ стѣнами города, а многіе изъ жителей сами лишили себя жизни послѣ капитуляціи. Чтѣ-же касается милости побѣдителя, то она заключалась въ томъ, что Абидосцамъ была дана трехдневная отсрочка для того, чтобъ они могли сами лишить себя жизни. Въ лагерѣ подъ Абидосомъ застало царя римское посольство, которое, послѣ окончанія своихъ дѣлъ въ

20

Сирии и въ Египтѣ, объѣхало мелкія греческія государства и подготовило ихъ къ исполненію задуманнаго плана; оно исполнило возложенное на него сенатомъ порученіе объявить царю, что онъ впредь не долженъ нападать ни на одно изъ греческихъ государствъ, что онъ долженъ возвратить отнятыя у Птолемея владѣнія и что онъ долженъ подчиниться рѣшенію третейскаго суда въ томъ, что касается вознагражденія за вредъ, причиненный имъ жителямъ Пергама и Родоса. Но сенатъ не достигъ своей цѣли—вызвать отъ царя формальное объявленіе войны; римскій посолъ Маркъ Эмилий не добился отъ Филиппа ничего, кромѣ хитраго отвѣта, что слова, сказанныя молодымъ и красивымъ Римляниномъ, онъ въ виду этихъ трехъ качествъ принимаетъ за любезность.—Тѣмъ временемъ представился въ иномъ мѣстѣ поводъ для войны, котораго такъ желали Римляне. Руководимые своимъ безразсуднымъ и безчеловѣчнымъ тщеславіемъ, Аеиняне предали смертной казни двухъ несчастныхъ уроженцевъ Акарнани, которые, сбившись съ пути, нечаянно попали на ихъ мистеріи. Когда Акарнаны, въ своемъ основательномъ раздраженіи, обратились къ Филиппу съ просьбой доставить имъ удовлетвореніе, онъ не могъ отказать самымъ вѣрнымъ изъ своихъ союзниковъ въ такой справедливой просьбѣ; онъ дозволилъ имъ набрать въ Македоніи солдатъ и, присоединивъ этихъ новобранцевъ къ ихъ собственному войску, вторгнуться въ Аттику безъ предварительнаго объявленія войны. Въ сущности это была не настоящая война и начальникъ македонскихъ солдатъ Ниваноръ повелъ свои войска назадъ, лишь только въ нему обратились съ угрозой римскіе послы, находившіеся въ то время въ Аеинахъ (въ концѣ 553). Но уже было поздно. Изъ Аеинъ было отправлено въ Римъ посольство съ извѣстіемъ о нападеніи Филиппа на старинныхъ римскихъ союзниковъ, а изъ того, какъ было принято это посольство сенатомъ, Филиппъ понялъ, что его ожидало; поэтому онъ еще весной 554 года приказалъ своему главнокомандующему въ Греціи Филоклету опустошить Аттику и какъ можно тѣснѣе обложить Аеины.—Теперь у сената уже было то, что было ему нужно и онъ могъ внести лѣтомъ 554 года въ народное собраніе предложеніе объявить Македоніи войну, «за нападеніе на государство, находившееся въ союзѣ съ Римомъ». Это предложеніе было въ первый разъ отвергнуто почти единогласно; безразсудные или упрямые народные трибуны жаловались на то, что сенатъ не даетъ покоя гражданамъ; но война была необходима и въ сущности даже началась, такъ что сенатъ уже не могъ отступить. Путемъ убѣжденій и уступокъ добились отъ гражданства согласія. Слѣдуетъ замѣтить, что эти уступки были сдѣланы въ сущности на счетъ союзниковъ. Наперекоръ обычнымъ правиламъ римскаго правительства, изъ находившихся на дѣйствительной службѣ союзныхъ континентовъ были взяты 20,000 человекъ для содержанія гарнизоновъ въ Галліи, въ Нижней Италіи,

201

200

200

Римъ объявляет войну Македоніи.

199

въ Сициліи и въ Сардиніи, а всѣ гражданскія войска, состоявшія на службѣ со времени Аннибаловской войны, были распушены; изъ этихъ войскъ должны были принять участіе въ македонской войнѣ только добровольцы, которые, какъ оказалось впоследствии, шли на войну большею частію по неволѣ, — что и вызвало осенью 555 года опасный военный бунтъ въ лагерѣ подлѣ Аполлоніи. Изъ вновь призванныхъ къ военной службѣ людей было сформировано шесть легионовъ; по два легиона было оставлено въ Римѣ и въ Этруріи и только два отплыли изъ Брундизія въ Македонію подѣ начальствомъ консула Публия Сульпиція Гальбы. — Такимъ образомъ еще разъ было съ полной очевидностью доказано на дѣлѣ, что для сложныхъ и затруднительныхъ международныхъ сношеній, въ которыхъ былъ вовлеченъ Римъ своими побѣдами, уже не годились сходыки самодержавнаго гражданства съ ихъ недалекими и зависѣвшими отъ случайностей постановленіями, и что безтолковое вмѣшательство этихъ сходовъ въ дѣла государственнаго управленія вело къ опаснымъ измѣненіямъ необходимыхъ военныхъ мѣропріятій и къ еще болѣе опасному оскорбленію латинскихъ союзниковъ.

**Римская
коалиція.**

Положеніе Филиппа было очень затруднительно. Тѣ восточныя государства, которыя должны бы были соединенными силами воспротивиться всякому вмѣшательству Римлянъ въ ихъ дѣла и которыя при другихъ обстоятельствахъ, быть можетъ, дѣйствительно стали бы дѣйствовать сообща, до такой степени перессорились между собой главнымъ образомъ по винѣ Филиппа, что они или вовсе не были расположены противиться римскому нашествію или даже были готовы помогать Римлянамъ. Азія, которая была естественной и главной союзницей Филиппа, была оставлена имъ въ пренебреженіи; сверхъ того ея дѣятельному вмѣшательству въ эти дѣла препятствовали ея распри съ Египтомъ и сирійская война. Интересы Египта настоятельно требовали, чтобъ римскій флотъ не проникалъ въ восточныя моря; находившееся въ Римѣ египетское посольство даже въ то время очень ясно намекало на то, что александрійскій дворъ очень охотно избавилъ-бы Римлянъ отъ труда вмѣшиваться въ дѣла Аттики. Но заключенный между Азіей и Македоніей договоръ о раздѣлѣ Египта заставлялъ это важное государство отдаться въ руки Римлянъ и формально заявить, что оно будетъ вмѣшиваться въ дѣла европейской Греціи не иначе, какъ съ одобренія Римлянъ. Въ такомъ-же, но еще болѣе стѣсненномъ положеніи находились греческіе торговые города, во главѣ которыхъ стояли Родось, Пергамъ и Византія; при другихъ обстоятельствахъ они безъ сомнѣнія сдѣлали бы всё что могли, чтобъ не допустить Римлянъ въ восточное море; но жестокая и разрушительная завоевательная политика Филиппа принудила ихъ къ неравной борьбѣ, въ которую они должны были, изъ самосохраненія, всѣми силами стараться вовлечь и италійскую

державу. Римскіе послы, которымъ было поручено организовать въ собственной Греціи новую коалицію противъ Филиппа, нашли, что страна уже значительно къ этому подготовлена самимъ непріятелемъ. Изъ принадлежавшихъ къ анти-македонской партіи, Спартанцевъ, Элеянъ, Аонянъ и Этолянъ, Филиппъ, быть можетъ и успѣлъ-бы привлечь послѣднихъ на свою сторону, такъ какъ миръ 548 года причинилъ сильный и еще ничѣмъ незаглаженный подрывъ ихъ дружественному союзу съ Римомъ; но помимо старинныхъ несогласій между этими двумя государствами, вызванныхъ тѣмъ, что Македонія отняла у этолійской конфедерации ессалийскіе города Эхинъ, Лариссу Кремасту, Фарсалъ и феотидскій городъ Фивы, Этоляне были озлоблены противъ Филиппа за изгнаніе этолійскихъ гарнизоновъ изъ Лизимахи и изъ Кіоса. Если-же они долго не рѣшались примкнуть къ составлявшейся противъ Филиппа коалиціи, то причиной этого были главнымъ образомъ ихъ несогласія съ Римомъ. — Еще болѣе опасно было для Филиппа то обстоятельство, что между греческими государствами, интересы которыхъ были тѣсно связаны съ интересами Македоніи, — между Эпиротами, Акарнанцами, Беотійцами и Ахейцами, за Филиппа непоколебимо стояли только Акарнанцы и Беотійцы. Съ Эпиротами римскіе послы вели переговоры не безъ успѣха; такъ на примѣръ, царь Асмановъ Амивандръ крѣпко примкнулъ къ Риму. Даже среди Ахейанъ Филиппъ многихъ оттолкнулъ отъ себя умерщвленіемъ Арата и вообще снова далъ просторъ для болѣе свободнаго развитія этой конфедерации; она преобразовала свою армию подъ руководствомъ Филопемена (502—571, впервые назначеннаго стратегомъ въ 546 году); удачныя войны со Спартой снова внушили ей довѣріе къ собственнымъ силамъ и она уже не подчинялась со слѣпымъ довѣріемъ требованіямъ македонской политики, какъ во времена Арата. Во всей Элладѣ только ахейскій союзъ смотрѣлъ на эту войну съ безпристрастной и національно-эллинской точки зрѣнія, такъ какъ не ожидалъ отъ стремленій Филиппа къ завоеваніямъ ни пользы ни непосредственнаго вреда; онъ понималъ то, что вовсе не трудно было понять, — что эллинская нація сама отдавала себя такимъ образомъ въ руки Римлянъ даже прежде, чѣмъ они этого пожелали; поэтому онъ попытался взять на себя роль посредника между Филиппомъ и Родосцами, но было уже поздно. Тотъ національный патріотизмъ, который когда-то прекратилъ войну между союзниками и былъ главною причиной первой войны между Македоніей и Римомъ, уже угасъ; посредничество Ахейанъ не имѣло успѣха и Филиппъ напрасно объѣзжалъ города и острова, стараясь снова воодушевить націю, — то было возмездіемъ за Кіосъ и Абидосъ. Ахейане, не имѣвшіе возможности что-либо измѣнить и не бывшіе въ состояніи что-либо предпринять по собственному усмотрѣнію, остались нейтральными.

206

252—183
208

200

Высадна
Римлянъ въ
Македоніи.

Осенью 554 года консулъ Публій Сульпицій Гальба высадился въ Аполлоніи съ своими двумя легіонами и 1000 нумидійскими всадниками; онъ привезъ съ собою даже слоновъ, которые принадлежали къ захваченной у Кареагенянъ добычѣ; узнавши объ этомъ, царь торопливо вернулся отъ береговъ Геллеспонта въ Фессалію. Однако, частью по причинѣ поздняго времени года, частью по причинѣ болѣзней римскаго главнокомандующаго, въ теченіе того года не было ничего предпринято на сушѣ, кромѣ сильной рекогносцировки, во время которой были заняты окрестныя мѣстечки и между прочимъ македонская колонія Антипатрія. На слѣдующій годъ было подготовлено нападеніе на Македонію при содѣйствіи сѣверныхъ варваровъ—тогдашняго владѣтеля Скодры Плеврата и дарданскаго владѣтеля Батона, которые, понятно, поспѣшили воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ. — Болѣе важны были предпріятія римскаго флота, состоявшаго изъ 100 палубныхъ судовъ и 80 легкихъ. Между тѣмъ какъ остальные корабли оставались на зимней стоянкѣ подлѣ Керкиры, одна часть флота отправилась подъ командой Гая Клавдія Центона въ Пирей съ цѣлю помочь Аѣнтянамъ. Найдя территорію Аттики уже достаточно защищенной отъ вылазокъ коринѣскаго гарнизона и отъ македонскихъ корсаровъ, Центонъ отправился далѣе и внезапно появился передъ Эвбейской Халкидой, которая служила въ Греціи главнымъ сборнымъ мѣстомъ для военныхъ силъ Филиппа: тамъ находились его магазины и запасы оружія и тамъ содержались военнопленные, а мѣстный комендантъ Сопатеръ вовсе не ожидалъ нападенія Римлянъ. Незащищенные городскія стѣны перешли въ руки нападающихъ, гарнизонъ былъ перебитъ, пленникамъ была дана свобода, а запасы были сожжены; но у Центона было такъ мало войскъ; что онъ не былъ въ состояніи удержать за собою эту важную позицію. Извѣстіе объ этомъ нападеніи привело Филиппа въ бѣшенство; онъ немедленно выступилъ изъ ессалійскаго города Деметриады въ Халкиду, а такъ какъ онъ не нашелъ тамъ никакихъ другихъ слѣдовъ непріятели, кромѣ пожара, то онъ пошелъ далѣе, на Аѣины, съ цѣлю отплатить зломъ за зло. Но попытка овладѣть городомъ въ расплохъ не удалась; приступъ также не имѣлъ успѣха, хотя царь и подвергалъ опасности свою собственную жизнь; приближеніе Гая Клавдія изъ Пирея и Атгала изъ Эгины принудили Филиппа удалиться. Однако Филиппъ еще оставался нѣсколько времени въ Греціи; но его успѣхи и политическіе и военные были одинаково незначительны. Онъ тщетно убілъ: далъ Ахеянъ взяться за оружіе, чтобъ оказать ему содѣйствіе; также безуспѣшны были его нападенія на Элевзисъ и на Пирей, равно какъ вторичное нападеніе на Аѣины. Ему не оставалось ничего другаго, какъ удовлетворить свою злобу постыднымъ опустошеніемъ врая и истребленіемъ деревьевъ Абадеминъ и за тѣмъ возвратиться

на сѣверъ. Такъ прошла зима. Весной 555 года проконсулъ Публий Сульпицій покинулъ свой зимній лагерь въ намѣреніи вести свои легионы изъ Аполлоніи кратчайшимъ путемъ въ собственную Македонію. Этому главному нападенію съ запада должны были содѣйствовать три одновременныхъ нападенія: съ сѣвера вторженіе Дардановъ и Илирійцевъ, съ востока нападеніе римскаго флота и флота союзниковъ, собравшагося у Эгины, и наконецъ съ юга вторженіе Асмановъ и Этолянъ, если-бы удалось склонить этихъ послѣднихъ къ участию въ войнѣ. Гальба перешолъ черезъ горы, которыя пересѣкаетъ рѣка Апсъ (теперешняя Бератино), прошолъ по плодородной дассаретской равнинѣ, достигъ горной цѣпи, отдѣляющей Илирію отъ Македоніи, и, перейдя черезъ эти горы, вступилъ на территорію собственной Македоніи. Филиппъ выступилъ къ нему на встрѣчу; однако на обширной и негусто заселенной македонской территоріи противники нѣсколько времени тщетно искали другъ друга; наконецъ они сошлись въ ливкестійской провинціи, на плодородной, но болотистой равнинѣ, неподалеку отъ сѣверо-западной македонской границы и стали лагеремъ на разстояніи не болѣе 1000 шаговъ одинъ отъ другаго. Послѣ того какъ Филиппъ стянулъ къ себѣ отрядъ, отправленный для защиты сѣверныхъ горныхъ проходовъ, его армія состояла приблизительно изъ 20,000 пѣхотинцевъ и 2000 всадниковъ; римская армія почти равнялась съ ней числомъ солдатъ. Но на сторонѣ Македонянъ было то важное преимущество, что они были у себя дома, хорошо знали всѣ пути и тропинки, безъ большаго труда получали провіантъ и стали лагеремъ такъ близко отъ Римлянъ, что эти послѣдніе не осмѣливались предпринимать фуражировки на дальнемъ разстояніи. Консулъ неоднократно пытался вступить въ рѣшительное сраженіе, но царь упорно уклонялся отъ битвы, а стычки между легкими отрядами хотя иногда и кончались въ пользу Римлянъ, но ничего не измѣнили въ положеніи дѣлъ. Гальба нашелся вынужденнымъ покинуть свою лагерную стоянку и занять новую подлѣ Октолофа, въ полутора миляхъ далѣе, надѣясь, что тамъ ему будетъ не такъ трудно добывать провіантъ. Но и тамъ отряды, выславшіеся для фуражировки, уничтожались легкими войсками и конницею Македонянъ; легионы были принуждены выходить къ нимъ на помощь и однажды прогнали назадъ въ лагерь македонскій авангардъ, который зашолъ слишкомъ далеко впередъ и который при этомъ понесъ значительныя потери; въ этомъ сраженіи самъ царь былъ сбитъ съ лошади и спасся только благодаря благородному самоотверженію одного изъ своихъ всадниковъ. Изъ этого опаснаго положенія Римляне были выведены успѣхомъ нападеній, предпринятыхъ союзниками по настояніямъ Гальбы, или вѣрнѣе слабостью македонской арміи. Хотя Филиппъ набралъ въ своихъ владѣніяхъ столько рекрутъ, сколько могъ, и хотя онъ принималъ къ себѣ на службу римскихъ дезерти-

199
Попытка
Римлянъ
вторгнуться
въ Македо-
нію.

ровъ и разныхъ наемниковъ, онъ все-таки не былъ въ состояніи поставить на ноги никакой другой арміи, кромѣ той, которую самъ привелъ противъ Римлянъ (не считая гарнизоновъ, которые стояли въ Малой Азіи и во Фракіи), да и для того, чтобъ организовать эту армію, ему пришлось оставить незащищенными сѣверные горные проходы и пелагонскую область. Для защиты восточнаго побережья онъ рассчитывалъ частію на предписанное имъ опустошеніе острововъ Скіафоса и Пепареоса, которые могли-бы служить пристанищемъ для непріятельскаго флота, частію на занятіе Фазоса и побережья и на флотъ, стоявшій подлѣ Деметриады подъ командой Гераклида. Для защиты южной границы ему пришлось по неволѣ полагаться на болѣе чѣмъ сомнительный нейтралитетъ Этолянъ. Но Этоляне внезапно присоединились къ составленной противъ Македоніи коалиціи и тотчасъ вторгнулись вмѣстѣ съ Аваманами въ Фессалію; въ то-же время Дарданы и Илирійцы наводнили сѣверныя провинціи, а римскій флотъ, выступившій изъ Керкиры подъ начальствомъ Луція Апустія, появился въ восточныхъ водахъ, гдѣ къ нему присоединились корабли Аттала, Родосцевъ и Истрійцевъ.—Тогда Филиппъ добровольно покинулъ свою позицію и отступилъ въ восточномъ направленіи; но трудно рѣшить, почему онъ такъ поступилъ,—потому-ли, что нужно было отразить по всему вѣроятію неожиданное вторженіе Этолянъ, или потому, что онъ надѣялся увлечь вслѣдъ за собою и погубить римскую армію, или-же потому, что онъ намѣревался выбрать одну изъ этихъ двухъ цѣлей, смотря по обстоятельствамъ. Онъ совершилъ свое отступленіе такъ искусно, что Галба, отважно рѣшившійся преслѣдовать его, потерялъ его слѣдъ; Филиппъ успѣлъ достигнуть овольными путями ущелья, отдѣляющаго линвестійскую область отъ эордейской, и занялъ его съ намѣреніемъ ожидать тамъ прибытія Римлянъ и приготовиться къ упорной оборонѣ. На выбранномъ имъ мѣстѣ дѣло дошло до сраженія. Но длинная македонскія копья оказались негодными къ употребленію въ лѣсной и неровной мѣстности; Македоняне были частію обидены Римлянами, частію разбиты и понесли большія потери людьми. Впрочемъ, не смотря на то, что армія Филиппа уже не была въ состояніи послѣ этого неудачнаго сраженія воспротивиться дальнѣйшему наступленію Римлянъ, эти послѣдніе сами не захотѣли подвергать себя новымъ неизвѣстнымъ опасностямъ въ непроходимой непріятельской странѣ и возвратились въ Аполлонію, предварительно опустошивъ плодородныя страны верхней Македоніи—Эордею, Элимею, Орестію—и завладѣвъ самымъ значительнымъ изъ городовъ Орестіи, Келетрономъ (теперешней Касторіей, на полуостровѣ озера, носящаго такое-же названіе), который добровольно отдался въ ихъ руки; это былъ единственный изъ македонскихъ городовъ, отворившій свои ворота передъ Римлянами. Въ илирійской области,

**Обратное
движеніе
Римлянъ.**

у верхнихъ притоковъ Апса, Римляне взяли приступомъ городъ Дасаретовъ Пеліонъ и оставили въ немъ сильный гарнизонъ съ цѣлю сдѣлать изъ него опорный пунктъ на случай новаго вторженія въ Македонію. — Филиппъ не препятствовалъ отступленію римской арміи, а быстро двинулся противъ Этолянъ и Аеамановъ, которые были увѣрены, что царь занятъ борьбой съ легионами и пользовались этимъ временемъ, чтобъ безопасно опустошать богатую долину Пеней; онъ нанесъ имъ полное пораженіе, а тѣ изъ нихъ, которые не легли на полѣ сраженія, были принуждены спасаться вразсыпную по хорошо имъ знакомымъ горнымъ тропинкамъ. Боевыя силы союзниковъ очень уменьшились какъ вслѣдствіе этого пораженія, такъ и вслѣдствіе того, что египетское правительство дѣятельно набирало для себя рекрутъ въ Этоліи. Дарданы были безъ большаго труда и съ значительными потерями прогнаны навадъ за горы начальникомъ легенхъ македонскихъ отрядовъ Аеенагоромъ. Римскій флотъ также не достигъ никакихъ значительныхъ результатовъ; онъ выгналъ македонскій гарнизонъ изъ Андроса, заходилъ на Эвбею и на Скіаѳъ и попытался завладѣть халкидскимъ полуостровомъ, но это нападеніе было отражено македонскимъ гарнизономъ при Менде. Остальная часть дѣла была употреблена на то, чтобъ завладѣть Ореосомъ на Эвбеѣ, а взятіе этого города очень замедлилось вслѣдствіе энергическаго сопротивленія македонскаго гарнизона. Слабый македонскій флотъ стоялъ подъ командой Гераклида въ бездѣйствіи подлѣ Гераклен и не осмѣливался оспаривать у вепрїятелей владѣтельство на морѣ. Эти послѣдніе рано отправились на свои зимнія стоянки—Римляне въ Пирей и въ Керкиру, а Родосцы и Пергамцы къ себѣ домой.—Въ общемъ итогъ Филиппъ могъ быть доволенъ исходомъ этой кампаніи. Послѣ крайне труднаго похода, римскія войска стояли осенью на томъ самомъ мѣстѣ, откуда они выступили весной; если-бы Этоляне не предприняли во время своего вторженія въ Македонію и если-бы Римляне не одержали неожиданной побѣды близъ ущельевъ Зорден, быть можетъ ни одинъ римскій солдатъ не возвратился-бы на родину. Нападеніе, предпринятое съ четырехъ сторонъ, нигдѣ не достигло своей цѣли, и не только владѣнія Филиппа были совершенно очищены осенью отъ вепрїятеля, но Филиппъ даже былъ въ состояніи налаеть, —хотя и безуспѣшно, —на принадлежавшій Этолянамъ укрѣпленный городъ Фаумакой, находившійся на границахъ Этоліи и Фессалии и господствовавшій надъ пенейской равниной. Если-бы Антиохъ присоединился къ нему для слѣдующей кампаніи, то онъ могъ-бы ожидать большихъ успѣховъ; но Филиппъ тщетно молилъ боговъ о прибытіи азіатскаго царя. Одну минуту казалось, что Антиохъ готовъ исполнить это желаніе; его армія появилась въ Малой Азіи и заняла нѣкоторыя мѣстности во владѣніяхъ царя Аттала, который сталъ просить Рим-

лявъ о помощи. Но Римляне поспѣшили устранить всякій поводъ для разрыва съ великимъ царемъ; они отправили къ нему пословъ, которые убѣднили его очистить территорію Аттала. Съ этой стороны Филиппу было нечего ожидать.

Филиппъ
стоитъ ла-
геремъ на
Аосѣ.

Удачный исходъ послѣдней кампаніи до такой степени усилилъ отвагу или самоувѣренность Филиппа, что весной слѣдующаго 556 года онъ самъ сталъ дѣйствовать наступательно, предварительно упрочивъ нейтралитетъ Ахеянъ и преданность Македонянъ тѣмъ, что пожертвовалъ нѣсколькими укрѣпленными пунктами и ненавистнымъ адмираломъ Гераклидомъ; онъ вторгнулся во владѣнія Атинтановъ съ намѣреніемъ устроить хорошо-укрѣпленный лагерь въ той узкой тѣснинѣ, гдѣ рѣка Аосъ (Viosa) извивается между горами Эропосомъ и Асмаосомъ. Противъ него стала лагеремъ усиленная новыми присылками подкрѣпленій, римская армія, находившаяся сначала подъ начальствомъ прошлагодняго консула Публія Виллія, а съ лѣта 556 года подъ начальствомъ избраннаго на этотъ годъ консуломъ Тита Квинція Фламинія. Этотъ послѣдній былъ очень даровитый человекъ, только-что достигшій тридцати-лѣтняго возраста; онъ принадлежалъ къ молодому поколѣнію, которое начинало отбрасывать вмѣстѣ съ обычаями праѣдовъ и ихъ устарѣлый патриотизмъ, и хотя еще не переставало заботиться о своемъ отечествѣ, но было еще болѣе занято самимъ собою и эллинизмомъ. Будучи искуснымъ военачальникомъ и еще болѣе искуснымъ дипломатомъ, онъ былъ во многихъ отношеніяхъ отлично подготовленъ для борьбы съ тѣми опасностями, которыми угрожало тогдашнее положеніе дѣлъ въ Греціи; однако, быть можетъ, и для Рима и для Греціи было-бы лучше, если-бы выборъ палъ на человека, менѣе проникнутаго греческими симпатіями, и если-бы туда былъ посланъ такой главнокомандующій, котораго нельзя-бы было ни подкупить хитрою лѣстью ни оскорбить язвительными насмѣшками, который не извинялъ-бы жалкихъ эллинскихъ государственныхъ учрежденій ради литературныхъ и художественныхъ воспоминаній, и который обходился-бы съ Элладой такъ, какъ она того стоила, а Римлянъ избавилъ-бы отъ погони за неосуществимыми идеалами.—Немедленно вслѣдъ за своимъ прибытіемъ на мѣсто, новый главнокомандующій имѣлъ съ царемъ личное свиданіе, во время котораго двѣ арміи стояли въ бездѣйствіи одна противъ другой. Филиппъ сдѣлалъ мирныя предложенія; онъ соглашался возвратитъ все, что было имъ завоевано, а относительно вреда, причиненнаго имъ греческимъ городамъ, изъявлялъ готовность подчиниться справедливому третейскому приговору; но переговоры были прерваны вслѣдствіе его отказа уступить старинныя македонскія владѣнія, въ особенности Фессалію. Въ теченіе сорока дней стояли обѣ арміи въ тѣснинѣ Аоса: Филиппъ не отступалъ, а Фламиній не рѣшался ни вести свои войска на приступъ, ни ос-

198

тавить царя въ его крѣпкой позиціи и пуститься въ такую-же экспедицію, какая была предпринята въ предшествовавшемъ году. Римскаго главнокомандующаго вывела тогда изъ затрудненія измѣна нѣсколькихъ знатныхъ людей между Эпиротами, до того времени постоянно державшихъ сторону Македонянъ, — и въ особенности измѣна Харопса. Они провели по горнымъ тропинкамъ римскій отрядъ изъ 4000 пѣхотинцевъ и 300 всадниковъ на высоты, господствовавшія надъ македонскимъ лагеремъ, а когда консулъ напалъ вслѣдъ за тѣмъ на непріятельскую армію съ фронта, тотъ отрядъ спустился съ высотъ и своимъ неожиданнымъ нападеніемъ рѣшилъ исходъ сраженія. Филиппъ былъ принужденъ покинуть свой лагерь и свои окопы и лишился почти 2000 человекъ; онъ торопливо отступилъ къ темпейскому ущелью, черезъ которое шолъ путь въ собственную Македонію. Онъ оставилъ беззащитными всѣ свои владѣнія, кромѣ крѣпостей, и самъ сталъ разрушать ѳессалійскіе города, которыхъ не было въ состояніи защищать, — только Феры заперли передъ нимъ свои ворота и тѣмъ избѣжали гибели. Частію вслѣдствіе этихъ успѣховъ римскаго оружія, частію подъ влияніемъ дипломатической обходительности Фламинія, Эпироты прежде всѣхъ отказались отъ союза съ Македоніей. При первомъ извѣстіи о побѣдѣ Римлянъ, Аеаманы и Этоляне вторгнулись въ ѳессалію, а вслѣдъ за ними скоро вступили туда и Римляне; вся плоская мѣстность была безъ большаго труда занята нападающими; но укрѣпленные города, которые были преданы Македоніи и получили отъ Филиппа подкрѣпленія, сдавались лишь послѣ мужественнаго сопротивленія, а нѣкоторые изъ нихъ даже устояли противъ болѣе сильнаго непріятели; къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ Атраксъ на лѣвомъ берегу Пенея; въ пробитой непріателемъ бреші тамъ стояла въ замѣнъ стѣны фаланга. За исключеніемъ этихъ ѳессалійскихъ крѣпостей и территоріи вѣрныхъ Акарнанцевъ, вся сѣверная Греція была въ рукахъ коалиціи. — Напротивъ того, на югѣ еще владычествовали Македоняне при помощи крѣпостей Халкиды и Коринѳа, поддерживавшихъ между собою сообщенія по территоріи преданныхъ Македоніи Беотійцевъ и благодаря нейтралитету Ахаіи; а такъ какъ уже было поздно вступать въ теченіе того-же года въ Македонію, то Фламиній рѣшилъ направить свое сухопутное войско и свой флотъ противъ Коринѳа и противъ Ахеянъ. Римскій флотъ, къ которому снова присоединились корабли родосскіе и пергамскіе, занимаясь до того времени завоеваніемъ двухъ маленькихъ городковъ Эвбен—Эретрии и Кариста, въ надеждѣ найти тамъ хорошую добычу; но какъ оба эти города, такъ и Ореосъ были покинуты Римлянами и снова заняты македонскимъ комендантомъ Халкиды, Филоклесомъ. Союзный флотъ направился оттуда къ восточной гавани Коринѳа, Кенхреямъ, съ цѣлію угрожать этой сильной

**Филиппъ
оттѣсненъ
къ Темпе-
лянь.**

**Греція во
власти Рим-
лянъ.**

Ахеяне вступают въ владѣть всей страной, въ которой только Элатея выдержала довольно продолжительную осаду; тамъ, и въ особенности въ Антикирѣ у коринѣскаго залива, были выбраны мѣста для зимней стоянки. Когда Ахеяне узнали, что съ одной стороны приближаются къ ихъ владѣніямъ римскіе легіоны, а съ другой стороны уже подошолъ къ ихъ берегамъ римскій флотъ, они отказались отъ своего нейтралитета, который дѣлалъ имъ честь въ нравственномъ отношеніи, но въ политическомъ отношеніи, уже сдѣлался невозможнымъ; послѣ того, какъ послы отъ самыхъ преданныхъ Македоніи городовъ — отъ Диме, Мегалополя и Аргоса удалились изъ мѣстнаго сейма, этотъ послѣдній рѣшилъ присоединиться къ составленной противъ Филиппа коалиціи. Кибладъ и вмѣстѣ съ нимъ другіе вожди македонской партіи покинули свое отечество; войска Ахеянъ немедленно стали дѣйствовать за-одно съ римскимъ флотомъ и успѣли обложить съ сухаго пути Коринѣ, который служилъ оплотомъ для владычества Филиппа надъ Ахеянами и былъ обѣщанъ Римлянами этимъ послѣднимъ въ награду за ихъ присоединеніе къ коалиціи. Однако, македонскій гарнизонъ, въ которомъ было 1300 человекъ и который состоялъ болѣею частію изъ италійскихъ перебѣжчиковъ, упорно защищалъ почти неприступный городъ; кромѣ того туда прибылъ изъ Халкиды Филоклесъ съ отрядомъ изъ 1500 солдатъ; онъ не только освободилъ Коринѣ отъ осады, но даже проникъ во владѣнія Ахеянъ и при содѣйствіи преданныхъ Македоніи гражданъ завладѣлъ Аргосомъ. Но наградой за такую преданность было то, что царь подчинилъ вѣрныхъ Аргосцевъ тираническому владычеству Спартанца Набиса. Филиппъ надѣялся, что послѣ вступленія Ахеянъ въ римскую коалицію, ему удастся привлечь на свою сторону Набиса, который былъ до того времени союзникомъ Римлянъ; эта надежда была основана на томъ, что Набисъ только потому былъ въ союзѣ съ Римлянами, что былъ врагомъ Ахеянъ и даже велъ съ ними въ 550 году войну. Но дѣла Филиппа были въ такомъ отчаянномъ положеніи, что уже никто не обнаруживалъ намѣренія брать его сторону. Хотя Набисъ и принялъ отъ Филиппа Аргосъ, но измѣнилъ измѣннику и остался въ союзѣ съ Фламиніемъ, который въ виду того неудобства, что ему приходилось имѣть союзниками два воюющихъ между собою государства, успѣлъ покуда склонить Спартанцевъ и Ахеянъ къ заключенію перемирія на четыре мѣсяца.

204

Безуспѣшныя мирныя попытки.

Наконецъ наступила зима. Филиппъ снова воспользовался этимъ временемъ года для того, чтобъ дебаться сносныхъ мирныхъ условий. На конференціи, происходившей въ Никее подлѣ Малійскаго залива, царь явился лично и постарался достигнуть соглашенія съ Фламиніемъ: онъ гордо и ловко отклонилъ дерзкія требованія мелкихъ владѣтелей и пытался добиться сносныхъ мирныхъ условий

отъ Римлявъ, къ которымъ относился съ особеннымъ уваженіемъ, какъ къ единственнымъ противникамъ, равнымъ ему по достоинству. Фламиній былъ достаточно образованъ для того, чтобъ оцѣнить все, что было для него лестнаго въ вѣжливости побѣжденнаго противника къ нему самому и въ высокомѣрномъ обхожденіи Филиппа съ римскими союзниками, которыхъ Римляне научились презирать не менѣе царя; но полномочія Фламинія не давали ему права исполнить желанія царя: онъ согласился на двухъ-мѣсячное перемиріе въ вознагражденіе за уступку Фокиды и Локриды, а относительно главныхъ пунктовъ представилъ Филиппу обратиться къ римскому правительству. Римскіе сенаторы уже давно сошлись въ убѣжденіи, что отъ Македоніи слѣдуетъ требовать уступки всѣхъ ея внѣшнихъ владѣній; поэтому, когда въ Римъ прибыли послы Филиппа, имъ былъ предложенъ только одинъ вопросъ: уполномочены-ли они отказать отъ всей Греціи и въ особенности отъ Коринѳа, Халкиды и Деметриады; а когда они отвѣтили на это отрицательно, то переговоры были немедленно прерваны и было рѣшено съ энергіей продолжать войну. При содѣйствіи народныхъ трибуновъ сенаторамъ удалось отклонить столь вредную перемѣну главнокомандующаго и продолжить срокъ службы Фламинія; ему были посланы значительныя подкрѣпленія, а двумъ прежнимъ главнокомандующимъ, Публию Галлѣ и Публию Виллію, было приказано состоять въ его распоряженіи. Филиппъ также рѣшился еще разъ попытать счастья на полѣ сраженія. Чтобъ обезпечить себя со стороны Греціи, гдѣ противъ него возстали всѣ, кромѣ Акарнанцевъ и Беотійцевъ, онъ довелъ коринѳскій гарнизонъ до 6000 человекъ, а самъ сталъ напрягать послѣднія силы истощенной Македоніи, сталъ набирать въ фалангу мальчиковъ и стариковъ и поставилъ на ноги армію, въ которой было 26.000 человекъ и въ томъ числѣ 16.000 македонскихъ фалангитовъ. Такъ началась четвертая кампанія 557 года. Фламиній отправилъ часть своего флота противъ Акарнанцевъ, которые были осаждены въ Левкади; въ собственной Греціи онъ хитростью завладѣлъ главнымъ городомъ Беотіи, Фивами, и этимъ принудилъ Беотійцевъ примкнуть къ союзу противъ Македоніи по меньшей мѣрѣ на словахъ. Довольствуясь тѣмъ, что ему удалось прервать сообщенія между Коринѳомъ и Халкидой, онъ двинулся на сѣверъ, гдѣ только и можно было довести войну до конца. Чтобъ устранить важныя затрудненія, съ которыми было сопряжено снабженіе арміи продовольствіемъ въ непріятельской и болѣею частію пустынной странѣ, и которыя уже нерѣдко препятствовали продолженію военныхъ дѣйствій, было приказано римскому флоту плыть вслѣдъ за арміей вдоль береговъ и подвозить ей сѣстные припасы, доставлявшіеся изъ Африки, изъ Сициліи и изъ Сардиніи. Впрочемъ развязка наступила ранѣе, чѣмъ предполагалъ Фламиній. У нетерпѣ-

Филиппъ
идетъ въ
Фессалию.

**Битва при
Киноскефа-
лахъ.**

дываго и самонадѣяннаго Филиппа не доставало терпѣнія выждать приближенія непріятеля къ македонской границѣ; онъ собралъ свою армію подлѣ Діона, двинулъ ее черезъ темпейскія тѣснины въ Фессалию и встрѣтился въ окрестностяхъ Скотуссы съ шедшею къ нему на встрѣчу непріятельской арміей. Двѣ арміи, усиленные вспомогательными войсками Аполлоніатовъ и Аоамановъ, присланными отъ Набиса Критянами и въ особенности многочисленными отрядами Этолянъ, почти равнялись между собою съочтѣ численныиъ составомъ; въ каждой изъ нихъ насчитывалось до 26.000 человекъ; но у Римлянъ была болѣе многочисленная конница, чѣмъ у Македонянъ. Передъ Скотуссой, на плоской возвышенности Карадага, римскій авангардъ неожиданно столкнулся въ одинъ мрачный дождливый день съ непріятельскимъ авангардомъ, который занималъ возвышавшійся между двумя лагерями высокой и крутой холмъ, называвшійся Киноскефалами. Римляне были сначала принуждены отступить на равнину; но получивъ изъ лагеря въ подкрѣпленіе легкія войска и превосходный отрядъ этолійской конницы, они въ свою очередь оттѣснили македонскій авангардъ и заставили его отступить за-гору. Но тамъ Македоняне были поддержаны всей своей конницею и болшею частію легкой пѣхоты; неосторожно зашедшіе слишкомъ далеко впередъ, Римляне были преслѣдуемы почти до самаго лагеря и понесли большія потери; они обратились-бы въ настоящее бѣгство, если-бы этолійская конница не поддерживала на равнинѣ бой до той минуты, когда Фламиній прибылъ съ наскоро построившимися легіонами. Царь уступилъ желанію своихъ побѣдоносныхъ войскъ, неистово требовавшихъ продолженія битвы, и торопливо двинулъ свои тяжело-вооруженныя войска на бой, котораго не ожидали въ этотъ день ни сами главнокомандующіе ни ихъ солдаты. Ему нужно было занять холмъ, на которомъ въ ту минуту вовсе не было войскъ. Правое крыло фаланги прибыло туда подъ предводительствомъ самого царя достаточно рано для того, чтобъ безпрепятственно построиться на возвышеніи въ боевомъ порядкѣ; но лѣвое крыло еще оставалось позади, когда легкія македонскія войска, обращенныя вспять легіонами, устремились вверхъ на холмъ. Филиппъ быстро отодвинулъ бѣгущихъ мимо фаланги въ центръ своей арміи и, не дожидаясь прибытія на лѣвый флангъ Никанора съ другой медленно приближавшейся половиной фаланги, приказалъ стоявшей на правомъ крылѣ фалангѣ устремиться съ опущенными копьями внизъ холма на легіоны; въ то-же время онъ приказалъ вновь, построившейся легкой пѣхотѣ обойти легіоны и напасть на нихъ съ фланга. Атака, произведенная фалангой при благоприятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, опрокинула римскую пѣхоту и лѣвое крыло Римлянъ было совершенно разбито. Съ другой стороны, Никаноръ, увидѣвши, что царь идетъ въ атаку, приказалъ

другой половиной фаланги спешить вслед за ним; при этом она пришла в расстройство и в то время, как ее передние ряды торопливо сбегали с горы вслед за победоносным правым крылом, еще более прежнего приходя в расстройство вследствие неровностей местности, ее задние ряды только-что взбирались на гору. При таких обстоятельствах правое крыло Римлян легко справилось с левым неприятельским крылом; уже одних словцов, стоявших на этом правом крыле, было достаточно для того, чтобы произвестить опустошение среди разбросанных Македонян. В то время, как там происходило страшное кровопролитие, один энергичный римский офицер собрал двадцать рот и устремился с ними на победоносное македонское крыло, которое, преследуя римское левое крыло, зашло так далеко вперед, что это последнее оказалось у него в тылу. Фаланга не была в состоянии обороняться против нападения с тылу, которое и порѣшило исход сражения. Так как оба фаланги были приведены в совершенное расстройство, то неудивительно, что Македоняне лишились 13,000 человек, частью взятых в плен, частью убитых; впрочем число убитых было более значительно по той причине, что римским солдатам не был знаком македонский знак сдачи в плен—поднятие вверх сариссы; потери победителей были незначительны. Филипп спасся бѣгством в Лариссу, сжег все свои бумаги, чтобы никого не компрометировать, очистил Фессалию и возвратился домой.— Одновременно с этим решительным поражением Македоняне терпели неудачи на всех пунктах, еще находившихся в их власти: родосские наемники разбили стоявший в Карии корпус и принудили его запереться в Стратонике; стоявшая в Коринфе оккупационная армия была разбита Никостратом и его Ахейцами и повесила большие потери; акарнанская Левкадия была взята приступом после геройского сопротивления. Филипп был окончательно побежден; его последние союзники, Акарнанцы, покорились Римлянам, когда узнали о битве при Киноскефалах.

Установление мирных условий вполне зависело от приговора Предварительных мирных условий. Римлян: они воспользовались своей силой, не употребляя ее во зло. Можно было совершенно уничтожить бывшее царство Александра; такое намерение было настойчиво высказано Этолянами на конференции союзников. Но разве тогда не была бы разрушена преграда, защищавшая эллинскую цивилизацию от Фракийцев и Кельтов? Во время только-что окончившейся войны ведь был же совершенно разрушен Фракийцами цветущий город Фракийского Херсонеса, Лизимахия;—это было серьезным предостережением для будущего. Фламиний, близко ознакомившийся с внушавшими отвращение распри греческих государств, не мог согласиться на то, чтобы римская держава взяла на себя эвзекую победенных для удовлетворения

гвѣва этолійской конфедераціи, — даже если-бы его эллинскія спмнатіи не говорили въ пользу образованнаго и храбраго царя, а его національная гордость не была оскорблена хвастовствомъ Этолянъ, называвшихъ себя «побѣдителями при Киноскефалахъ». Этолянамъ онъ отвѣчалъ, что Римляне не имѣютъ обыкновенія уничтожать побѣжденныхъ, но что Этоляне полные хозяева своихъ дѣйствій и имъ никто не мѣшаетъ покончить съ Македоніей, если у нихъ достанетъ на это силъ. Съ царемъ Римляне обходились самымъ вѣжливымъ образомъ, а когда Филиппъ изъявилъ готовность подчиниться ранѣ предъявленнымъ ему требованіямъ, то Фламиній согласился заключить продолжительное перемиріе, съ тѣмъ, чтобъ ему была уплачена нѣкоторая сумма денегъ и чтобъ ему были выданы заложники, въ числѣ которыхъ долженъ былъ находиться и сынъ Филиппа Димитрій; заключеніе этого перемирія было крайне необходимо для Филиппа, такъ какъ ему нужно было выгнать изъ Македоніи Дардановъ.

Миръ съ Македоніей.

Окончательное устройство запутанныхъ греческихъ дѣлъ было возложено сенатомъ на комиссію изъ десяти лицъ, а головою и душою этой комиссіи былъ все тотъ-же Фламиній. Она предписала Филиппу тавія-же условія, какія были предписаны Кароагену. Царь лишился всѣхъ своихъ вѣшнихъ владѣній въ Малой Азій, во Фракіи, въ Греціи и на островахъ Эгейскаго моря; но собственная Македонія была оставлена въ его власти въ полномъ составѣ, за исключеніемъ небольшихъ пограничныхъ земельныхъ участковъ и округа Орестовъ, который былъ объявленъ вольнымъ, — это исключеніе было крайне неприятно для Филиппа, но Римляне не могли отъ него отказаться, потому что въ виду мстительности Филиппа нельзя было предоставить на его произволъ отложившихся отъ него прежнихъ подданныхъ. Сверхъ того Македонія обязалась не заключать никакихъ вѣшнихъ союзовъ безъ вѣдома Рима, не отправлять никакихъ оккупационныхъ армій за предѣлы своихъ владѣній, не предпринимать никакихъ войнъ внѣ Македоніи съ цивилизованными государствами и вообще съ римскими союзниками, содержать не болѣе пяти-тысячной арміи, вовсе не содержать словесъ и довольствоваться пятью палубными кораблями, а остальные отдать Римлянамъ. Наконецъ, Филиппъ вступалъ съ Римлянами въ союзъ, который обязывалъ его доставлять, по требованію римскаго правительства, вспомогательныя войска, — и дѣйствительно немедленно вслѣдъ затѣмъ македонскія войска стали сражаться вмѣстѣ съ легіонами. Кромѣ того, Филиппъ уплатилъ контрибуцію въ 1000 талантовъ (1.700.000 тал.). Послѣ того, какъ Македонія была доведена до совершеннаго политическаго ничтожества и ей была предоставлена только такая доля ея прежняго могущества, какая была необходима для того, чтобъ защищать границы Эллады отъ варваровъ, Римляне занялись устройствомъ тѣхъ владѣній, которыя были имъ уступлены царемъ. Они именно

въ ту пору узнали въ Испаніи на опытѣ, что пріобрѣтеніе заморскихъ провинцій представляетъ весьма сомнительныя выгоды; а такъ какъ они начали эту войну вовсе не съ цѣлію пріобрѣтать новыя владѣнія, то они ничего не взяли изъ военной добычи и этимъ заставили своихъ союзниковъ быть умѣренными въ ихъ требованіяхъ. Они рѣшили объявить свободными всѣ греческія государства, до той поры находившіяся подъ властію Филиппа, и Фламинію было поручено прочесть составленный въ этомъ смыслѣ декретъ передъ собравшимися на истмійскихъ играхъ Греками (558). Серьезные люди, конечно, могли-бы спросить: развѣ свобода — такое благо, которое можно дарить и развѣ она имѣетъ какую-нибудь цѣну безъ единства и единодушія всей націи? Тѣмъ не менѣе радость была велика и искренна, — такъ-же искренна, какъ и то чувство, которое побудило сенатъ даровать свободу *). Изъ этой общей мѣры были исключены иллирійскія земли къ востоку отъ Эпидамна; онѣ достались владѣтелю Скодры Плеврату, вслѣдствіе чего это маленькое государство, наказанное при предшествовавшемъ поколѣніи Римлянами за разбой на сушѣ и на морѣ (стр. 547), снова сдѣлалось однимъ изъ самыхъ могущественныхъ въ тѣхъ краяхъ; кромѣ того были исключены нѣкоторые округа западной Фессаліи, которые были заняты войсками Аминандра и оставлены въ его власти, равно какъ три острова Парось, Скиросъ и Имбросъ, которые были отданы Аевьянамъ въ награду за вынесенныя ими многоразличныя бѣдствія и за еще болѣе многочисленныя ихъ благодарственныя посланія и учтивости всякаго рода. Что Родосцы сохранили свои владѣнія въ Каріи и что Эгиа была оставлена во власти Пергамцевъ, разумѣется само собой. Другіе союзники были награждены лишь косвеннымъ образомъ тѣмъ, что вновь освободившіеся города вступали въ которую-нибудь изъ конфедераций. Всего лучше обошлось Римъ съ Ахеянами, хотя они и позже всѣхъ присоединились къ коалиціи противъ Филиппа; причиной этого, какъ кажется, было то вполнѣ основательное соображеніе, что это союзное государство было самымъ хорошо-устроеннымъ и самымъ почтеннымъ изъ всѣхъ греческихъ государствъ. Въ Ахейскій союзъ были включены всѣ прежнія владѣнія Филиппа въ Пелопоннесѣ и на Коринескомъ перешейкѣ, и стало-быть самъ Коринѣъ. Напротивъ того, съ Этодянами Римъ не очень церемонился; они были принуждены принять въ свою симмахію фокидскіе и локридскіе города, но ихъ намѣреніе включить въ эту симмахію Акарнанію и Фессалію было частію рѣшительно отклонено, частію отло-

Греція свободна.

196

Скодра.

Ахейскій союзъ расширенъ.

Этоляне.

*) До насъ дошли золотыя статуры [монеты], на которыхъ изображена голова Фламинія и поставлена надпись: T. Quincti[u]s, вычеканены подъ управленіемъ освободителя Эллиновъ въ Греціи. Знаменательна вѣжливость, побудившая употребить въ этомъ случаѣ латинскій языкъ.

Война съ
Спартан-
цемъ Наби-
сомъ.

195

Устройство
дѣлъ въ
Спартѣ.

жено на неопредѣленное время, а изъ ессалійскихъ городовъ были организованы четыре небольшихъ самостоятельныхъ конфедерациі. Родосскому городскому союзу послужило въ пользу освобожденіе острововъ Фазоса и Лемноса и городовъ еравійскихъ и малоазіатскихъ.—Труднѣе было привести въ порядокъ внутреннія дѣла Греціи, то-есть регулировать взаимныя отношенія греческихъ государствъ и положеніе каждаго изъ этихъ государствъ въ отдѣльности. Прежде всего было необходимо положить конецъ войнѣ между Спартанцами и Ахеянами, которая не прекращалась съ 550 года и въ которой Римляне натурально прибяли на себя роль посредниковъ. Но неоднократно попытки склонить Набиса къ уступчивости, и главнымъ образомъ къ возврату отданнаго ему Филиппомъ ахейскаго союзнаго города Аргоса, остались безуспѣшными; этотъ своевольный хищникъ, рассчитывавшій на раздраженіе Этолянъ противъ Римлянъ и на вторженіе Антиоха въ Европу, упорно отказывался отъ уступки Аргоса; тогда Фламинію не осталось ничего другаго, какъ объявить ему на собравшемся въ Коринѣ сеймѣ отъ имени всѣхъ Эллиновъ войну и напасть на Пелопоннесъ (559) съ флотомъ и съ арміею изъ Римлянъ и изъ союзниковъ, въ составъ которой также входили присланныя Филиппомъ вспомогательныя войска и отрядъ лакедемонскихъ эмигрантовъ, находившійся подъ начальствомъ законнаго спартанскаго царя Агезиполя. Въ надеждѣ немедленно одолѣть противника громаднымъ численнымъ перевѣсомъ своихъ военныхъ силъ, Римляне двинули противъ него не менѣе 50,000 человекъ и, оставляя безъ вниманія всѣ другіе города, приступили прямо къ осадѣ столицы; тѣмъ не менѣе они не достигли желаемыхъ результатовъ. Набисъ собралъ значительную армію, въ которой было до 15,000 человекъ, со включеніемъ 5000 наѣмниковъ, и упрочилъ свое владычество системой застрахиванія — тѣмъ, что сталъ предавать смертной казни всѣхъ офицеровъ и мѣстныхъ жителей, которые казались ему подозрительными. Даже, когда онъ самъ, — послѣ первыхъ успѣшныхъ дѣйствій римской арміи и римскаго флота, — рѣшился уступить и изъявилъ согласіе на установленныя Фламиніемъ сравнительно очень выгодныя условія, то предложенный римскимъ главнокомандующимъ миръ былъ отвергнутъ «народомъ», то-есть сбродомъ тѣхъ хищниковъ, которые были поселены Набисомъ въ Спартѣ; эта сволочь не безъ основанія опасалась, что ей придется отвѣчать передъ Римлянами за ея прошлое и сверхъ того была введена въ заблужденіе ложными слухами о свойствѣ мирныхъ условій и о приближеніи Этолянъ и Азіатцевъ; тогда война возобновилась. Дѣло дошло до битвы подъ стѣнами столицы и Римляне наконецъ пошли на приступъ; они уже взобрались на городскія стѣны, когда ихъ принудилъ отступить пожаръ, охватившій уже занятія ими улицы. Это безразсудное сопротивленіе наконецъ прекратилось. Спарта сохранила свою независимость; ее

204

не заставили ни призвать назадъ эмигрантовъ, ни пристать къ ахейскому союзу; даже существовавшая тамъ монархическая система управленія и личность самого Набиса остались неприкосновенными. За то Набисъ былъ принужденъ отказаться отъ всѣхъ своихъ внѣшнихъ владѣній — отъ Аргоса, отъ Мессены, отъ критскихъ городовъ и отъ всего побережья; онъ обязался не заключать союзовъ и не вести войнъ съ другими государствами, не содержать никакихъ другихъ кораблей, кромѣ двухъ открытыхъ лодокъ, возвратитъ всю награбленную добычу, выдать Римлянамъ заложниковъ и уплатитъ военную контрибуцію. Спартанскимъ эмигрантамъ были отданы города на берегахъ Лаконіи и этой новой народной общинѣ, назвавшейся общиною «вольныхъ Лаконцевъ», въ противоположность съ монархически управлявшимися Спартанцами, было приказано вступить въ ахейскій союзъ. Эмигранты не получили обратно своего имущества, такъ какъ вознагражденіемъ за него считалась отведенная имъ территория; но было рѣшено, что ихъ женъ и дѣтей не будутъ насильно удерживать въ Спартѣ. Хотя Ахеяне приобрѣли вслѣдствіе этихъ распоряженій кромѣ Аргоса и «вольныхъ Лаконцевъ», они все-таки не были вполне довольны; они ожидали устраненія страшнаго и ненавистнаго Набиса, возвращенія эмигрантовъ и распространенія ахейской симмахіи на весь Пелопоннесъ. Однако всякій безпристрастный человѣкъ не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что Фламиній уладилъ эти трудныя дѣла такъ разумно и такъ справедливо, какъ это возможно тамъ, гдѣ сталкиваются интересы двухъ политическихъ партій, предъявляющихъ неразумныя и несправедливыя требованія. При старой, глубоко укоренившейся враждѣ между Спартанцами и Ахеянами, включить Спарту въ ахейскій союзъ значило-бы подчинить Спарту Ахеянамъ, а это было-бы и несправедливо и неблагоприятно. Возвращеніе эмигрантовъ и полное возстановленіе режима, упраздненнаго еще за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, лишь замѣнили-бы одну систему террора другою; принятое Фламиніемъ рѣшеніе было справедливо именно потому, что оно не удовлетворяло ни одну изъ двухъ крайнихъ партій. Наконецъ были, какъ кажется, приняты такія мѣры, что Спартанцамъ пришлось прекратить ихъ разбой на морѣ и на сушѣ, и что система ихъ управленія, — какова-бы она ни была, — не могла причинять вреда никому, кромѣ ихъ самихъ. Фламиній, который хорошо зналъ Набиса и которому, конечно, было не безызвѣстно, какъ было-бы полезно устранить этого человѣка, однако этого не сдѣлалъ, вѣроятно, потому, что хотѣлъ скорѣе довести дѣла до конца и не желалъ омрачать свой блестящій успѣхъ новыми усложненіями, конца которымъ нельзя бы было предвидѣть; нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что онъ кромѣ того надѣялся найти въ Спартѣ противовѣсъ могуществу ахейскаго союза въ Пелопоннесѣ. Впрочемъ первое предположеніе касается предмета вто-

ростепенной важности, а противъ втораго можно возразить, что Римляне едва-ли могли низойти до того, чтобъ страшиться могущества Ахеянъ.— Такимъ образомъ, между мелкими греческими государствами былъ восстановленъ миръ,—по меньшей мѣрѣ наружнымъ образомъ. Но и внутреннее устройство отдѣльныхъ общинъ причинило римскому посреднику не мало хлопотъ. Беотійцы открыто высказывали свои симпатіи къ Македоніи даже послѣ того, какъ Македоняне были совершенно вытѣснены изъ Греціи; когда Фламиній дозволилъ, по ихъ просьбѣ, возвратиться тѣмъ изъ ихъ соотечественниковъ, которые состояли на службѣ у Филиппа, они выбрали главою беотійскаго союза самаго энергичнаго изъ сторонниковъ Македоніи, Брахилла, и кромѣ того всячески раздражали Фламинія. Онъ все выносилъ съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ: однако преданные Римлянамъ Беотійцы хорошо знали, что ихъ ожидаетъ послѣ удаленія Римлянъ; поэтому они рѣшили лишить жизни Брахилла, а Фламиній, къ которому они сочли своимъ долгомъ обратиться за разрѣшеніемъ, по меньшей мѣрѣ не отвѣчалъ отказомъ. Поэтому Брахиллъ былъ умерщвленъ; въ отмщеніе за это Беотійцы не удовольствовались пресѣдованіемъ убійцъ и стали по-одиночкѣ убивать проходившихъ по ихъ владѣніямъ римскихъ солдатъ и такимъ образомъ перебили ихъ до 500. Это, наконецъ, вывело Фламинія изъ терпѣнія; онъ наложилъ на Беотійцевъ пеню въ одинъ талантъ за каждого убитаго солдата, а такъ какъ они не уплатили этихъ денегъ, то онъ собралъ стоявшія по близости войска и осадилъ Короней (558). Тогда Беотійцы стали молить о пощадѣ, а Фламиній, виявшій просьбамъ Ахеянъ и Аевинянъ, простилъ виновныхъ, удовольствовавшись уплатой незначительной пени; и послѣ того приверженцы Македонинъ оставались въ этомъ маленькомъ государствѣ во главѣ управленія, но къ ихъ ребяческой оппозиціи Римляне относились съ долготерпѣніемъ людей, сознающихъ свое могущество. И въ остальной Греціи Фламиній ограничился тѣмъ, что старался вліять на внутреннее устройство вновь освободившихся общинъ, насколько это было возможно безъ насидьственныхъ мѣръ; онъ предоставлялъ мѣста въ высшемъ совѣтѣ и въ судѣ зажиточнымъ людямъ, ставилъ во главѣ управленія людей, принадлежавшихъ къ анти-македонской партіи и привязывалъ городскія общины къ римскимъ интересамъ тѣмъ, что обращалъ въ общественную городскую собственность все, что по праву завоеванія должно было перейти въ собственность Римлянъ. Весной 560 года эта работа была окончена: Фламиній еще разъ собралъ въ Коринѣ представителей отъ всѣхъ греческихъ общинъ, убѣждалъ ихъ разумно и умѣренно пользоваться дарованною имъ свободой и просилъ у нихъ единственнаго вознагражденія для Римлянъ — присылки въ тридцатидневный срокъ тѣхъ италійскихъ плѣнниковъ, которые были проданы въ Грецію въ рабство во время войны съ

196

194

Аннибаломъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ очистилъ послѣднія крѣпости, въ которыхъ еще стояли римскіе гарнизоны — Деметрияду, Халкиду вмѣстѣ съ зависѣвшими отъ нея небольшими фортами на Эвбей, и Акрокоринтъ, — такимъ образомъ опровергнувъ на дѣлѣ ложное утвержденіе Этолянъ, будто Римъ унаслѣдовалъ отъ Филиппа оковы Греціи, — и возвратился въ свое отечество со всѣми римскими войсками и освобожденными плѣнниками.

Только достойная презрѣнія недобросовѣстность или вялая сенти-**Результаты.** ментальность способна не признавать, что Римляне вполнѣ серьезно желали освобожденія Греціи и что грандіозно задуманный планъ привелъ къ сооруженію столь жалкаго зданія только потому, что эллинская нація дошла до полнаго разложенія и нравственнаго и политическаго. То было немаловажною заслугой, что могущественная нація внезапно даровала полную свободу странѣ, которую привыкла считать своей первоначальной родиной и святилищемъ своихъ духовныхъ и высшихъ стремленій, и, освободивъ каждую изъ ея общинъ отъ обязанности платить иноземцамъ дань и содержать иноземныя арміи, доставила имъ полную самостоятельность; только слабоуміе можетъ усматривать въ этомъ образѣ дѣйствій ничто иное, какъ политическій расчетъ. Расчеты этого рода не препятствовали Римлянамъ приступить къ освобожденію Греціи, а совершилось оно благодаря тѣмъ эллинскимъ симпатіямъ, которыми именно въ ту пору чрезвычайно сильно увлекался Римъ и въ особенности самъ Фламиній. Если Римлянъ и можно въ чемъ-либо упрекнуть, то именно въ томъ, что всѣмъ имъ и въ особенности Фламинію, умѣвшему заглушить вполнѣ основательныя колебанія сената, очарованіе греческаго имени мѣшало сознать все жадкое ничтожество тогдашнихъ греческихъ государственныхъ учрежденій, вслѣдствіе чего они и не измѣнили прежнихъ порядковъ въ греческихъ общинахъ, которыя и въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и въ своихъ сношеніяхъ съ сосѣдями постоянно увлекались своими безсильными антипатіями и потому не умѣли ни дѣйствовать ни жить спокойно. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ, слѣдовало разъ навсегда положить конецъ этой столько-же жалкой сколько вредной свободѣ, поставивъ тамъ сильную оккупационную армію; слабодушная политика чувствъ, не смотря на свою кажущуюся гуманность, причинила гораздо болѣе вреда, чѣмъ сколько можно-бы было ожидать отъ самаго строгаго контроля. Такъ напримѣръ въ Беотіи Римлянамъ пришлось если не поощрять, то допустить политическое убійство, потому что, рѣшившись вывести свои войска изъ Греціи, Римляне уже не могли удерживать преданныхъ Риму Грековъ отъ того самоуцравства, которое было въ обычаихъ ихъ родины. Но и самъ Римъ пострадалъ отъ послѣдствій такихъ полумѣръ. Ему не пришлось-бы вести войну съ Антіохомъ, если-бы онъ не сдѣлалъ политической ошибки, освободивъ Грецію, а эта

война не была-бы для него опасной, если-бы онъ не сдѣлалъ военной ошибки, выведя свои гарнизоны изъ главныхъ крѣпостей на европейской границѣ. У исторіи есть своя Немезида для всякаго заблужденія, — какъ для безсильнаго стремленія къ свободѣ, такъ и для неблагоразумнаго великодушія.

Война съ Антиохомъ азіатскимъ.

223

Въ азіатскомъ царствѣ корону Селевкидовъ носилъ съ 531 года царь Антиохъ Третій,—правнукъ основателя династіи. И онъ, подобно Филиппу, вступилъ на престолъ девятнадцати лѣтъ, а въ своихъ первыхъ кампаніяхъ на востокъ выказалъ такую энергію и предпримчивость, что могъ называться на языкѣ придворныхъ Великимъ, не вызывая этимъ слишкомъ великихъ насмѣшекъ. Не столько благодаря своимъ дарованіямъ, сколько благодаря власти своихъ противниковъ и въ особенности египетскаго царя Филопатора, ему удалось до нѣкоторой степени возстановить цѣлость монархіи и снова присоединить къ своимъ владѣніямъ сначала восточныя сатрапіи Мидію и Парсію, а потомъ и особое царство, основанное Ахемъ въ Малой Азіи по сю сторону Тавра. Его первая попытка отнять у Египтянъ сирійское побережье, въ которомъ онъ такъ сильно нуждался, была отражена Филопаторомъ, который нанесъ ему сильное пораженіе при Рафіи въ годъ Тразименской битвы; послѣ того Антиохъ остерегался возобновлять борьбу съ Египтомъ, пока тамъ возсѣдалъ на престолѣ мужчина, хотя-бы и не отличавшійся энергіей. Но послѣ смерти Филопатора (549), повидимому, настала такая минута, когда можно было покончить съ Египтомъ; съ этой цѣлю Антиохъ вступилъ въ союзъ съ Филиппомъ и устремился на Кондесирію, между тѣмъ какъ Филиппъ напалъ на малоазіатскіе города. Когда Римляне вмѣшались въ эту войну, то въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ и вышеупомянутаго союза слѣдовало ожидать, что Антиохъ будетъ дѣйствовать противъ Римлянъ за-одно съ Филиппомъ. Но Антиохъ не былъ достаточно дальновиденъ для того, чтобъ немедленно всѣми силами воспротивиться какому-бы то ни было вмѣшательству Римлянъ въ восточныя дѣла; ему не трудно было предвидѣть, что Македоняне будутъ побѣждены Римлянами и онъ позагаитъ, что ему будетъ гораздо выгоднѣе воспользоваться побѣдой Римлянъ для того, чтобъ не дѣлится съ Филиппомъ египетскія владѣнія, а приобрѣсть ихъ для одного себя.

205

Несмотря на близкія сношенія Рима съ александрійскимъ дворомъ и съ царственнымъ питомцемъ, римскій сенатъ вовсе не имѣлъ намѣренія сдѣлаться на самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ себя называлъ— «охранителемъ» этого питомца; онъ твердо рѣшился вмѣшиваться въ азіатскія дѣла только въ случаѣ крайней необходимости и не распространять римскаго владычества далѣе Геркулесовыхъ Столбовъ и Геллеспонта; поэтому онъ не мѣшалъ великому царю дѣйствовать такъ, какъ заблагоразсудитъ. И самъ Антіохъ едва-ли серьезно помышлялъ о завоеваніи собственнаго Египта, которое было болѣе легко на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ; но онъ вознамѣрился отнять у Египта одно за другимъ его внѣшнія владѣнія и прежде всего напалъ на то, чѣмъ владѣли Египтяно въ Киликіи, въ Сиріи и въ Палестинѣ. Большая побѣда, одержанная имъ въ 556 году надъ египетскимъ полководцемъ Скопасомъ у горы Паніона, неподалеку отъ истоковъ Іордана, не только совершенно отдала въ его руки всю эту область вплоть до границъ собственнаго Египта, но такъ напугала египетскихъ опекуновъ юнаго царя, что они поспѣшили удержать Антіоха отъ вторженія въ Египетъ, согласившись на заключеніе мира, которое они скрѣпили помолвкой своего питомца съ дочерью Антіоха, Клеопатрой. Послѣ того, какъ была достигнута эта ближайшая цѣль, Антіохъ отправился въ слѣдующемъ году (это былъ годъ битвы при Киноскефалахъ) съ сильнымъ флотомъ изъ 100 палубныхъ и 100 открытыхъ судовъ въ Малую Азію съ цѣлію занять прежнія египетскія владѣнія на южныхъ и западныхъ берегахъ Малой Азіи,—такъ какъ эти области, находившіяся фактически въ рукахъ Филиппа, были, по всему вѣроятію, уступлены египетскимъ правительствомъ по мирному договору Антіоху, въ пользу котораго это правительство отказалось отъ всѣхъ внѣшнихъ владѣній Египта; кромѣ того Антіохъ намѣревался снова подчинить своей власти малоазіатскихъ Грековъ. Въ то-же время была собрана въ Сардахъ сильная сирійская сухопутная армія.—Это предпріятіе было направлено косвеннымъ образомъ противъ Римлянъ, которые съ самаго начала потребовали отъ Филиппа, чтобъ онъ вывелъ свои гарнизоны изъ Малой Азіи, возвратилъ Родосцамъ и Пергамцамъ ихъ владѣнія и не посягалъ на старинныя учрежденія вольныхъ городовъ, а теперь всѣмъ этимъ намѣревался завладѣть вмѣсто Филиппа Антіохъ. Теперь стала грозить Атталу и Родосцамъ со стороны Антіоха точно такая-же опасность, которая побудила ихъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ начать войну съ Филиппомъ; понятно, что они постарались склонить Римлянъ къ такому-же участию въ этой новой распрѣ, какое они принимали и въ только-что окончившейся войнѣ. Уже въ 555/6 году Атталъ просилъ у Римлянъ военной помощи противъ захватившаго его владѣнія Антіоха, пока войска Аттала были заняты въ римской войнѣ. Родосцы дѣйствовали съ болѣе

198

Столкнове-
ніе съ Ри-
момъ.

199/8

энергіей: когда флотъ Антиоха поплылъ весной 557 года вдоль береговъ Малой Азіи въ направленіи къ сѣверу, они объявили царю, что если его флотъ зайдетъ за черту Хелидонскихъ острововъ (у береговъ Ликии), то они примутъ это за объявленіе войны; когда-же Антиохъ не повернулъ вслѣдствіе этого заявленія назадъ, то Родосцы, ободренные только-что полученнымъ извѣстіемъ о битвѣ при Киноскефалахъ, тотчасъ начали войну и дѣйствительно защитили отъ Антиоха важнѣйшіе города Каріи—Кавноса, Галикарнаса, Миндоса и островъ Самосъ. А что касается полусвободныхъ городовъ, то они большею частію покорились; но нѣкоторые изъ нихъ, а именно важные города Смирна, Александрія, Троада и Лампсакъ, ободрились при извѣстіи объ одержанной надъ Филиппомъ побѣдѣ; они оказали сопротивленіе Сирійцу и присоединили къ просьбамъ Родосцевъ свои настоятельныя мольбы о помощи. Не подлежатъ никакому сомнѣнію, что Антиохъ,—насколько онъ вообще былъ способенъ принять какое-нибудь рѣшеніе и твердо его держаться,—уже тогда рѣшился не только приобрести владѣнія Египтянъ въ Азіи, но также предпринять завоеванія въ Европѣ и потому, если не искать войны съ Римомъ, то и не уклоняться отъ нея. Поэтому Римляне имѣли полное основаніе исполнить просьбу своихъ союзниковъ и немедленно вмѣшаться въ азіатскія дѣла; но они обнаружили мало къ тому охоты. Они не принимали никакого рѣшенія, пока не была окончена македонская война, и не оказали Атталу иной защиты, кромѣ дипломатическаго посредничества, которое, впрочемъ, оказалось вначалѣ успѣшнымъ; даже послѣ того, какъ они побѣдили Филиппа, они ограничились заявленіемъ, что Антиохъ не долженъ присвоивать себѣ города, прежде того находившіеся во власти Птолемея и Филиппа, и включеніемъ въ римскіе государственные документы формальнаго признанія вольности азіатскихъ городовъ Мирины, Абидоса, Лампсака *) и Кюса; но они не сдѣлали

*) Изъ недавно найденнаго декрета города Лампсака [сообщ. афинск. археол. инст. 6, 95] видно, что послѣ пораженія Филиппа жители Лампсака отправили къ римскому сенату пословъ съ просьбой, чтобъ въ договоръ, заключенный между Римомъ и царемъ [Филиппомъ], былъ включенъ ихъ городъ [$\delta\pi\omega\varsigma\ \sigma\upsilon\mu\phi\epsilon\rho\iota\lambda\eta\ \varphi\theta\acute{\omega}\mu\epsilon\nu$ [$\epsilon\nu\ \tau\alpha\iota\varsigma\ \sigma\upsilon\nu\theta\eta\chi\alpha\iota\varsigma$] $\tau\alpha\iota\varsigma\ \gamma\epsilon\nu\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota\varsigma$ 'Ρωμαιοῖς $\pi\rho\acute{\sigma}\ \tau\omicron\mu\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\alpha$]; эта просьба,—по меньшей мѣрѣ по словамъ просителей,—была уважена сенатомъ и имъ было объявлено, что касательно всего остальнаго они должны обратиться къ Фламинію и къ десяти уполномоченнымъ. У Фламинія послы выпрашивали въ Коринѣ гарантію своихъ учреждений и „письма къ царю“. Фламиній далъ имъ и такія письма; относительно ихъ содержанія мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, кромѣ того, что въ декретѣ говорится объ успѣхѣ посольства. Но если-бы сенатъ и Фламиній формально и положительно гарантировали автономію и демократическія учрежденія Лампсака, то въ декретѣ едва-ли стали-бы такъ подробно излагать содержаніе вѣжливыхъ отвѣтовъ, дап-

197

ни малѣйшаго шага къ осуществленію своихъ требованій и не по-
мѣшали царю Антиоху воспользоваться удаленіемъ македонскихъ
гарнизоновъ изъ тѣхъ городовъ и замѣнить эти гарнизоны своими
собственными. Они дошли даже до того, что не препятствовали
Антиоху высадиться въ 557 году въ Европѣ и вторгнуться во Фра-
кійскій Херсонесъ, гдѣ онъ завладѣлъ Сестомъ и Мадитомъ и
пробылъ довольно долго для наказанія фракійскихъ варваровъ и для
возстановленія разрушенной Лизимахи, изъ которой онъ намѣре-
вался сдѣлать главный укрѣпленный городъ и столицу вновь орга-
низованной провинціи Фракіи. Фламиній, отъ котораго зависѣло
устройство этихъ дѣлъ, посылалъ къ царю въ Лизимахию пословъ,
которые толковали о неприкосновенности египетскихъ владѣній и о
свободѣ всѣхъ Эллиновъ; но изъ этого ничего не вышло. Царь съ
своей стороны говорилъ о своихъ безспорныхъ правахъ на старин-
ныя владѣнія Лизимаха, завоеванныя его предкомъ Селевкомъ, увѣ-
рялъ, что онъ не имѣлъ намѣренія завоевывать новыя страны, а
лишь желалъ оградить неприкосновенность своихъ наследственныхъ
владѣній, и отклонилъ римское вмѣшательство въ его распри съ
подвластными ему малоазійскими городами. Къ этому онъ могъ-бы
основательно присоветовать, что онъ уже заключилъ миръ съ Егип-
томъ и что стало-быть Римляне не имѣютъ никакого формальнаго
основанія для вмѣшательства *). Царь вѣзвально уѣхалъ въ Азію
вслѣдствіе того, что было получено ложное извѣстіе о смерти юнаго
египетскаго царя и вслѣдствіе вызванныхъ этимъ извѣстіемъ про-
ектовъ высадки на Кипръ или даже въ Александрію; этотъ отъѣздъ
прервалъ совѣщанія прежде, чѣмъ они окончились; поэтому они не
привели ни къ какимъ результатамъ. Въ слѣдующемъ 559 году
Антиохъ снова прибылъ въ Лизимахию съ усиленнымъ флотомъ и
съ арміею и занялся устройствомъ новой сатрапіи, которую онъ
предназначалъ своему сыну Селевку; въ Эфесѣ къ нему пріѣзжалъ
спасшійся бѣгствомъ изъ Кароагена Аннибалъ, а чрезвычайно по-
четный приемъ, оказанный имъ Аннибалу, былъ чѣмъ-то въ родѣ

195

ныхъ посламъ римскими военачальниками, которыхъ просили о ходатайствѣ пе-
редъ сенатомъ.—Въ этомъ документѣ также достойны вниманія: безъ сомнѣнія,
основанное на троянской легендѣ, „братство“ жителей Лампсака съ Римлянами и
успѣшное обращеніе жителей Лампсака къ посредничеству римскихъ союзниковъ
и друзей, Массалиотовъ; этихъ послѣднихъ связывали съ жителями Лампсака
общность происхожденія ихъ предковъ изъ города Фокеи.

198

*) Положительное свидѣтельство Геронима, который относитъ къ 556 году
помолвку сирійской принцессы Клеопатры съ Птолемеемъ Эпифаномъ, въ связи
съ указаніями Ливія [33, 40] и Аппіана [Sug. 3] и съ дѣйствительно состояв-
шимся въ 571 году бракосочетаніемъ, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что
вмѣшательство Римлянъ въ египетскія дѣла было въ этомъ случаѣ положительно
непризваннымъ.

193

формальнаго объявленія войны Римлянамъ. Тѣмъ же Фламиній еще весной 560 года вывелъ изъ Греціи всѣ римскіе гарнизоны. При тогдашнихъ обстоятельствахъ это было по меньшей мѣрѣ грубой ошибкой, если не преступнымъ нарушеніемъ своихъ собственныхъ добрыхъ намѣреній,—такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что Фламиній только снаружи засыпалъ готовое вспыхнуть пламя возстанія и войны именно потому, что хотѣлъ возвратиться домой съ ничѣмъ неуменьшеною славою полководца, который довелъ войну вполнѣ до конца и освободилъ Элладу. Онъ, быть можетъ, и былъ правъ, считая политическими ошибками какъ всякую попытку подчинить Грецію непосредственному римскому владычеству, такъ и вмѣшательство въ азіатскія дѣла; но волненія среди тѣхъ Грековъ, которые принадлежали къ анти-римской оппозиціи, безсильное высокоуміе Азіатца и пребываніе въ главной квартирѣ сирійской арміи ожесточеннаго врага Римлянъ, уже разъ вооружившаго весь западъ противъ Рима,—все это были ясныя указанія на предстоявшее новое возстаніе восточныхъ Эллиновъ съ цѣлію по меньшей мѣрѣ освободить Грецію отъ римскаго протектората и поставить ее подъ протекторатъ враждебныхъ къ Риму государствъ, а послѣ того, какъ эта цѣль будетъ достигнута, идти и далѣе по тому-же пути. Римъ, конечно, не могъ этого допустить. Однако Фламиній не обратилъ никакого вниманія на всѣ тѣ несомнѣнные признаки предстоявшей войны; онъ вывелъ изъ Греціи гарнизоны, но въ то-же время предъявилъ царю Азіи такія требованія, для поддержанія которыхъ не намѣревался двинуть свою армію; такимъ образомъ онъ предпринималъ на словахъ слишкомъ много, а на дѣлѣ слишкомъ мало, и приносилъ въ жертву своему личному тщеславію свои обязанности полководца и гражданина, стараясь доказать, что онъ доставилъ Риму миръ, а жившимъ въ обѣихъ частяхъ свѣта Грекамъ—свободу.

Антиохъ воспользовался этой неожиданной проволочкой для того, чтобъ укрѣпить и свою власть внутри своихъ владѣній и свои связи съ сосѣдями, прежде чѣмъ начинать войну, на которую онъ съ своей стороны уже рѣшился, а эта рѣшимость усиливалась въ немъ по мѣрѣ того, какъ, по видимому, ослабѣвала энергія его противника. Въ 561 году онъ выдалъ свою дочь Клеопатру за юнаго египетскаго царя; хотя Египтяне впоследствии и утверждали, что онъ по этому случаю обѣщалъ своему зятю возвратить всѣ отнятыя у него провинціи, но это едва-ли согласно съ истиной; какъ-бы то ни было, а эти провинціи фактически оставались принадлежностью сирійскаго царства *). Эвмену, который въ 557 году наслѣдовалъ

Приготовленія Антиоха къ войнѣ съ Римомъ.

*) Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство Полибія [28,1], которое вполнѣ подтверждается позднѣйшею исторіей Иудей; Евсевій [стр. 117, изд. M a i] выпадаетъ въ заблужденіе, когда говоритъ, что Филометоръ былъ обладателемъ Сиріи.

отъ своего отца Аттала пергамскій престолъ, Антиохъ обѣщаль возвратить отнятые у него города и выдать за него за-мужь одну изъ своихъ дочерей, если онъ откажется отъ союза съ Римомъ. Онъ также выдалъ одну изъ своихъ дочерей за каппадокійскаго царя Ариарава; Галатовъ онъ склонилъ на свою сторону подарками, а безпрестанно бунтовавшихъ Писидійцевъ и нѣкоторые другія мелкія племена онъ усмирить силою оружія. Византіяцамъ онъ даровалъ обширныя привилегіи; относительно малоазіатскихъ городовъ онъ объявилъ, что готовъ признать независимость такихъ наследи вольныхъ городовъ, какъ Родосъ и Кизикъ, а отъ остальныхъ городовъ онъ потребуеть лишь формальнаго признанія его верховенства; онъ даже намекнулъ на свою готовность подчиниться третьей рѣшенію Родосцевъ. Въ европейской Греціи онъ съ увѣренностью рассчитывалъ на Этолянъ и надѣялся, что Филиппъ снова возьмется за оружіе. Царь даже одобрилъ намѣреніе Аннибала стать во главѣ предоставленныхъ въ его распоряженіе 100 парусныхъ судовъ и сухопутной арміи изъ 10,000 пѣхотинцевъ и 1000 всадниковъ, и съ этими военными силами сначала возжечь въ Каррагенѣ третью Пуническую войну, а затѣмъ въ Италіи предпринять вторую Аннибаловскую войну; въ Каррагенѣ уже были отправлены тирскіе комиссары, чтобъ подготовить тамъ возстаніе противъ Римлянъ (стр. 670). Наконецъ возлагались надежды и на успѣхи испанскаго возстанія, которое разгорѣлось во всей силѣ именно въ то время, когда Аннибалъ удалился изъ Каррагена (стр. 677).— Между тѣмъ, какъ нападеніе на Римлянъ готовилось издали и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, замѣшаннымъ въ это предпріятіе Эллинамъ приходилось играть въ немъ самую незначительную роль; но они по своему обыкновенію придавали себѣ особую важность и выражали желаніе скорѣе приступить къ дѣлу. Недовольные и самоувѣренныя Этоляне уже начали убѣждаться, что Филиппа побѣдили они, а не Римляне; у нихъ уже не доставало терпѣнія, чтобъ дожидаться вступленія Антиоха въ Грецію. Ихъ политику характеризуетъ отвѣтъ, данный ихъ стратегомъ Фламинію, когда тотъ послѣдній изъявилъ желаніе получить копию съ объявленія войны Риму; стратегъ отвѣчалъ на это требованіе, что онъ самъ передастъ Фламинію ту копию, когда армія Этолянъ станетъ лагеремъ на берегахъ Тибра. Этоляне, взявшіе на себя роль посредниковъ между сирійскимъ царемъ и Греками, обманывали обѣ сто-

**Интриги
Этолянъ.**

187

Правда, около 567 года сирійскіе арендаторы податей производили свои денежные взносы въ Александрію [Юсифъ, 12, 4, 7]; но это, безъ сомнѣнія, дѣлалось безъ нарушенія верховныхъ правъ завоевателя только потому, что эти доходы составляли приданое Клеопатры; вѣроятно именно это и было причиною возникшихъ впоследствии споровъ.

роны, увѣряя царя, что всѣ Элліны протягиваютъ къ нему руки, какъ къ своему настоящему избавителю, и рассказывая всякому, кто былъ расположенъ ихъ слушать въ Греціи, что высадка царя состоится ранѣе того времени, когда она дѣйствительно состоялась. Этимъ способомъ имъ удалось склонить простодушнаго Набиса къ возстанію противъ Римлянъ и возжечь въ Греціи пламя войны весной 562 года, то-есть черезъ два года послѣ удаленія Фламинія; но этимъ они не достигли своей цѣли. Набисъ напалъ на Гиѳіонъ, принадлежавшій къ числу тѣхъ городовъ вольныхъ Лаконцевъ, которые перешли къ Ахеянамъ по послѣднему мирному договору; онъ овладѣлъ Гиѳіономъ, но опытный въ военномъ дѣлѣ стратегъ Ахейецъ, Филопемень разбилъ его подлѣ Барбосеенскихъ горъ; только четвертую часть своей арміи тирантъ привелъ назадъ въ свою столицу, въ которой его окружилъ со всѣхъ сторонъ Филопемень. Такъ какъ это начало военныхъ дѣйствій не могло привлечь Антіоха въ Европу, то Этоляне рѣшились сами завладѣть Спартой, Халкидой и Деметридой въ надеждѣ, что завоеваніе этихъ важныхъ городовъ ускоритъ отплытіе царя въ Грецію. Чтобы захватить прежде всего Спарту, былъ придуманъ слѣдующій способъ: Этолянннъ Алексамень долженъ былъ вступить туда съ отрядомъ изъ 1000 человекъ подъ предлогомъ доставки подкрѣпленій; затѣмъ онъ долженъ былъ устранить Набиса отъ управленія и завладѣть городомъ. Это удалось въ томъ отношеніи, что Набисъ былъ убитъ на военномъ смотрѣ; но когда Этоляне вслѣдъ затѣмъ разсѣялись по городу съ цѣлію грабежа, Лакедомоняне успѣли собрать свои военныя силы и перебили всѣхъ Этолянъ до послѣдняго человека. Послѣ того городъ склонился на убѣжденія Филопемена и вступилъ въ ахейскій союзъ. Послѣ того, какъ Этоляне не только потерпѣли въ этомъ похвальномъ предпріятіи заслуженную неудачу, но даже достигли совершенно противоположнаго результата, соединивши почти весь Пелопоннесъ въ рукахъ враждебной партіи, они имѣли немного болѣе успѣха и въ Халкидѣ: римскіе приверженцы успѣли во время созвать туда, для борьбы съ Этсыянами и съ халкидскими изгнанниками, преданныхъ Риму гражданъ Эретрии и Кариста съ острова Эвбеи. Напротивъ того, Этолянамъ удалось завладѣть Деметридой благодаря тому, что Магнеты, которымъ достался этотъ городъ, не безъ основанія опасались, что онъ обѣщанъ Римлянами Филиппу въ вознагражденіе за помощь, оказанную противъ Антіоха; въ добавокъ къ этому, нѣсколько эскадроновъ этолійской конницы успѣли проникнуть въ городъ подъ предлогомъ, что они составляютъ конвой вожда анти-римской оппозиціи, Эврилоха, который былъ приглашонъ возвратиться изъ изгнанія. Такимъ образомъ Магнеты, частію добровольно, частію по-неволѣ, перешли на сторону Этолянъ, которые не преминули похвастаться этимъ успѣхомъ передъ Селевкидами.

Разрывъ между Антиохомъ и Римлянами. Антиохъ рѣшился начать войну. Какъ ни старались замедлить разрывъ съ Римомъ путемъ дипломатическихъ паллиативныхъ мѣръ черезъ посредство пословъ, этого разрыва уже нельзя было избѣгнуть. Еще весной 561 года Фламиній,—который по прежнему имѣлъ въ сенатѣ рѣшительное вліяніе на все, что касалось восточныхъ дѣлъ,—объявилъ царскимъ посланцъ Мениппу и Гегезіанаксу римскій ультиматумъ: или удалиться изъ Европы и распорядиться въ Азіи по своему произволу, или удержать за собою Фракію и признать римскій протекторатъ надъ Смирною, Лампсакомъ и Александріей—Троадою. Въ Эфесѣ, который служилъ для царя главной вѣрнопостью и постоянной квартирой въ Малой Азіи, тѣ-же римскія требованія были весной 562 года предметомъ переговоровъ между Антиохомъ и присланными отъ сената послами Публиемъ Сульпиціемъ и Публиемъ Вилліемъ; но обѣ стороны разошлись въ полномъ убѣжденіи, что мирное соглашеніе уже невозможно. Съ той поры въ Римѣ было рѣшено вести войну. Римскій флотъ изъ 30 парусныхъ судовъ и съ 3000 десантныхъ войскъ, находившійся подъ начальствомъ Авла Атілія Серрана, появился лѣтомъ 562 года передъ Гіеіономъ, гдѣ его прибытіе ускорило заключеніе договора между Ахеянами и Спартанцами; на восточныхъ берегахъ Сициліи и Италіи были поставлены сильныя отряды, чтобъ предотвратить попытку высадки; къ осени ожидалось въ Греціи прибытіе римской сухопутной арміи. По порученію сената, Фламиній объѣзжалъ съ весны 562 года Грецію для того, чтобъ противодействовать интригамъ враждебной партіи и для того, чтобъ по мѣрѣ возможности загладить еесвоевременное удаленіе римскихъ войскъ изъ Греціи. У Этолянъ дѣло уже дошло до того, что ихъ сеймъ рѣшилъ формально объявить Риму войну; за то Фламинію удалось сохранить Халкиду для Римлянъ, поставивъ тамъ гарнизонъ изъ 500 Ахеянъ и 500 Пергамцевъ. Онъ потомъ попытался склонить на свою сторону и Деметріаду, но Магнеты колебались. Хотя Антиоху еще не сдавались нѣкоторые изъ малоазійскихъ городовъ, которыми онъ пытался завладѣть прежде, чѣмъ начинать войну съ Римлянами, но онъ уже не могъ долѣ откладывать высадку; иначе Римляне могли-бы снова приобрѣсть въ Греціи такое-же преобладающее вліяніе, отъ какого отказались за два года передъ тѣмъ, выведя оттуда свои гарнизоны. Антиохъ собралъ всѣ корабли и войска, какіе тогда были у него подъ рукою,—а именно 40 палубныхъ кораблей и 10.000 пѣхотинцевъ съ 500 всадниками и 6 слонами,—и двинулся изъ Фракійскаго Херсонеса въ Грецію; онъ высадился тамъ осенью 562 года подлѣ Птелеона въ Пагазейскомъ заливѣ и немедленно занялъ близъ-лежащую Деметріаду. Около того же времени высадилась подлѣ Аполлоніи двадцати-пяти-тысячная римская армія подъ начальствомъ претора Марка Бэбія. Такимъ образомъ война была начата съ обѣихъ сторонъ.

192

192

192

192

Все зависѣло отъ того, въ какой мѣрѣ осуществится задуманная Положеніе въ широкихъ размѣрахъ коалиція противъ Рима, во главѣ которой мелникъ го- долженъ былъ стать Антиохъ. Что касается намѣренія возбудить въ сударствѣ. Кареагенъ и въ Италіи войну съ Римлянами, то и при эфесскомъ дворѣ, Кареагенъ какъ повсюду, широкимъ замысламъ Аннибала было суждено сталкивать- ся съ мелкими интересами торгашей и низкаго люда. Для исполненія этихъ замысловъ не было сдѣлано ровно ничего: только нѣкоторые изъ кареагенскихъ патриотовъ скомпрометировали себя передъ Римлянами; Кареагенянамъ не оставалось никакого другаго выбора, какъ изъявить свою безусловную покорность Риму. Приближенные Антиоха не хотѣли имѣть дѣла съ Аннибаломъ; величіе этого человѣка было неудобно для тѣхъ, кто занимался придворными интригами; они прибѣгали къ разнымъ низкимъ средствамъ, чтобъ отдѣлаться отъ него; такъ на примѣръ они обвинили въ тайномъ соглашеніи съ римскими послами того самаго полководца, именемъ котораго Римляне страшали своихъ дѣтей; а такъ какъ великій Антиохъ, подобно всѣмъ дюжиннымъ монархамъ, не въ мѣру дорожилъ своей самостоятельностью и легко подчинялся постороннимъ вліяніямъ, именно изъ опасенія сдѣлаться орудіемъ чужой воли, то интриганамъ удалось навести его на мудрую мысль, что онъ не долженъ допускать, чтобъ громкое имя Аннибала помрачало его собственную славу; поэтому на высшемъ совѣтѣ было рѣшено впредь пользоваться услугами Финикійнина только для второстепенныхъ цѣлей и обращаться къ нему только за совѣтами, — конечно съ предвзятымъ намѣреніемъ никогда не слѣдовать этимъ совѣтамъ. Аннибалъ отметилъ всей этой сволочи тѣмъ, что не отказывался ни отъ какого порученія и каждое изъ нихъ исполнялъ блестящимъ образомъ. — Въ Азіи на сторонѣ великаго царя была Каппадокія; на Малоазіат- снiя государ- ства. противъ того, царь Вириніи Прузій принялъ, по своему обыкновенію, сторону самаго сильнаго. Царь Эвменъ остался вѣренъ старинной политикѣ своего дома, которая только теперь должна была принести настоящіе плоды. Онъ не только съ упорствомъ отвергалъ предложенія Антиоха, но даже настойчиво поощрялъ Римлянъ къ войнѣ, отъ которой ожидалъ увеличенія своихъ владѣній. Родосцы и Византійцы также примкнули къ своимъ старымъ союзникамъ. И Египетъ принялъ сторону Рима; онъ предложилъ доставлять припасы и солдатъ, но его предложеніе не было принято Римлянами. — Въ Македоніи. Европѣ самымъ важнымъ былъ вопросъ о положеніи, которое займетъ Филиппъ Македонскій. Онъ, быть можетъ, поступилъ-бы согласно съ требованіями разумной политики, если-бы присоединился къ Антиоху, не обращая вниманія ни на то, что случилось, ни на то, что могло случиться; но Филиппъ обыкновенно руководствовался не политическими соображеніями, а своими симпатіями и антипатіями и ненавидѣлъ не столько своего побѣдителя, который оказалъ ему

вниманіе и почетъ, сколько вѣроломнаго союзника, который покинулъ его во время борьбы съ общимъ врагомъ для того, чтобъ получить за это свою долю добычи и сдѣлаться для него неприятнымъ сосѣдомъ во Фракіи. Сверхъ того Антиохъ глубоко оскорбилъ этого раздражительнаго человѣка тѣмъ, что сталъ поддерживать нелѣпыхъ претендентовъ на македонскій престолъ и съ парадной пышностью предалъ землѣ побѣлѣвшія кости Македонянъ, павшихъ при Киноскефалахъ. Филиппъ съ непритворнымъ усердіемъ отдалъ всѣ свои боевыя силы въ распоряженіе Римлянъ. Такъ-же рѣшительно, какъ главная греческая держава, держалась союза съ Римлянами и вторая держава—ахейскій союзъ; изъ мелкихъ государствъ держались этого союза Тессалійцы и Асियाице; у этихъ послѣднихъ Фламиній поставилъ въ цитадели ахейскій гарнизонъ, который образумилъ довольно многочисленную партію патриотовъ. Эпироты старались по мѣрѣ возможности ладить съ обѣими сторонами. Такимъ образомъ, кромѣ Этолянъ и Магнетовъ, къ которымъ частію присоединились сосѣдніе Перрѣбы, сторону Антиоха держали только слабый царь Асамановъ Аминандеръ, ослѣпленный безразсудною надеждою достигнуть македонскаго престола, Беотійцы, у которыхъ оппозиція противъ Рима все еще стояла во главѣ управленія, и въ Пелопонесѣ Элеяне и Мессенцы, привыкшіе дѣйствовать за-одно съ Этолянами противъ Ахейянъ. Такое начало было неутѣшительно, а поднесенный великому царю Этолянами титулъ главнокомандующаго съ неограниченною властію могъ быть принятъ при такомъ жалкомъ положеніи дѣлъ за насмѣшку. Обѣ стороны,—какъ это обыкновенно случается,—обѣщали болѣе того, что было сдѣлано: вмѣсто безчисленныхъ азіатскихъ полчищъ царь привелъ съ собою армію, едва равнявшуюся половинѣ тѣхъ римскихъ армій, которыми обыкновенно командовали консуляры, а вмѣсто отверзтыхъ объятій, съ которыми всѣ Элліны должны были встрѣтить своего освободителя отъ римскаго ига, царю предложили побрататься нѣсколько сборищъ Клефтовъ и нѣсколько сбившихся съ толку гражданствъ.

Антиохъ въ Греціи. Антиохъ, безспорно, опередилъ Римлянъ въ собственной Греціи. Въ Халкидѣ стояли гарнизономъ греческіе союзники Римлянъ и этотъ городъ отвергнувъ первое требованіе Антиоха о сдачѣ; но крѣпость сдалась, когда Антиохъ подошелъ къ ней со всѣми своими военными силами, а римскій отрядъ, пришедшій слишкомъ поздно съ цѣлію занять ее, былъ истребленъ царемъ при Деліонѣ. Такимъ образомъ Эвбея была утрачена Римлянами. Еще въ теченіе зимы Антиохъ попытался склонить на свою сторону Тессалію при содѣйствіи Этолянъ и Асамановъ; онъ занялъ Фермопилы и завладѣлъ Ферами и нѣкоторыми другими городами; но Анній Клавдій прибылъ туда изъ Аполлоніи съ отрядомъ изъ 2000 человѣкъ, освободилъ отъ осады Лариссу и сталъ тамъ на позиціи. Антиоху надоѣлъ зимній походъ;

онъ предпочелъ возвратиться на свою пріятную главную квартиру въ Халкидѣ, гдѣ проводилъ время весело и, не смотря ни на свои пятьдесятъ лѣтъ ни на свои воинственные замыслы, вступилъ въ бракъ съ хорошенькой Халкидянкой. Такъ прошла зима 562/3, въ теченіе которой Антиохъ почти ничего не дѣлалъ, кромѣ того, что рассылалъ по всей Греціи письма, или, — какъ выразился одинъ римскій офицеръ, — велъ войну чернилами и перомъ. Въ началѣ весны 563 года высадился подлѣ Аполлоніи римскій штабъ; въ его составъ входили: главнокомандующій Маній Ацилій Глабрионъ, который былъ незнатнаго происхожденія, но былъ даровитый полководецъ, внушавшій страхъ какъ врагамъ, такъ и своимъ собственнымъ солдатамъ; адмиралъ Гай Ливій и въ числѣ военныхъ трибуновъ одерживавшій побѣды въ Испаніи Маркъ Порцій Катонъ и Луцій Валерій Флаккъ, которые по древнему римскому обыкновенію не считали за униженіе служить въ арміи простыми военными трибунами, послѣ того какъ состояли въ званіи консуловъ. Они привели съ собою подкрѣпленіе кораблями и людьми и между прочимъ нумидійскихъ всадниковъ и присланныхъ Массиниссой либійскихъ слоновъ; кромѣ того они получили отъ сената разрѣшеніе присоединить къ своей арміи до 5000 вспомогательныхъ войскъ, доставленныхъ виѣ-италійскими союзниками, вслѣдствіе чего общая численность римскихъ боевыхъ силъ дошла почти до 40.000 человекъ. Царь, отправившійся въ началѣ весны къ Этолянамъ и предпринимавшій оттуда безцѣльную экспедицію въ Акарнанію, возвратился въ свою главную квартиру, лишь только узнавъ о высадкѣ Глабриона; теперь онъ намѣревался серьезно начать военныя дѣйствія. Но вслѣдствіе-ли его собственной оплошности или вслѣдствіе оплошности его азіатскаго намѣстника, онъ еще не получалъ никакихъ подкрѣпленій, такъ что онъ могъ располагать только той слабой арміей, съ которою высадился подлѣ Птелеона осенью предшествовавшаго года и ряды которой уже порѣдѣли отъ болѣзней и отъ дезертирства во время ея пребыванія на негодныхъ зимнихъ квартирахъ. И Этоляне, собиравшіеся выставить въ поле громадную рать, привели своему главнокомандующему не болѣе 4000 человекъ. Римскія войска уже начали военныя дѣйствія въ Фессаліи: ихъ авангардъ, соединившись съ македонской арміей, вытѣснилъ Антиоховы гарнизоны изъ фессалійскихъ городовъ и занялъ территорію Аеамановъ. Вслѣдъ за этимъ авангардомъ шолъ консулъ съ главной арміей и всѣ военныя силы Римлянъ собрались въ Лариссѣ. Вмѣсто того, чтобъ торопливо возвратиться въ Азію и очистить поле передъ

192/1

Высадка Римлянъ.

Битва при Фермопилахъ.

тропинку, по которой когда-то удалось Ксерксу обойти Спартанцевъ. Но только половина этолийскихъ вспомогательныхъ войскъ подчинилась приказанію главнокомандующаго; остальные 2000 человекъ укрылись въ близъ-лежащемъ городѣ Гераклеѣ, откуда не принимали въ битвѣ никакого участія, кромѣ того, что попытались напасть на римскій лагерь и ограбить его. И поставленные на горѣ Этоляне несли сторожевую службу небрежно и неохотно; ихъ постъ, стоявшій на Каллидромѣ, былъ захваченъ въ распахъ Катонемъ, а азіатская фаланга, на которую консулъ напалъ тѣмъ временемъ съ фронта, рассыпалась, лишь только спустившіеся съ высотъ Римляне напали на нее съ фланга. Такъ какъ Антиохъ ни о чемъ не подумалъ заранѣе и не позаботился о возможности отступленія, то его армія была истреблена частію на полѣ сраженія, частію во время бѣгства; только небольшая кучка людей успѣла укрыться въ Деметриадѣ, а самъ царь успѣлъ достигнуть Халкиды, имѣя при себѣ 500 человекъ. Онъ торопливо отплылъ въ Эфесъ, утративъ все свои европейскія владѣнія вплоть до Фракіи и даже не будучи въ

Греція заня- состояніи защищать крѣпости. Халкида сдалась Римлянамъ, а Де-
та Римля- метриада—Филиппу; въ вознагражденіе за то, что Филиппъ отказался
нами. по приказанію консула отъ доведеннаго уже почти до конца завоеванія города Ламіи въ феотійской Ахаіи, ему было дозволено завладѣть не только всѣми, перешедшими на сторону Антиоха общинами въ собственной Фессалии, но и пограничною этолийскою территоріей—округами долопійскимъ и аперантскимъ. Всякій, кто принялъ въ Греціи сторону Антиоха, спѣшилъ заключить миръ: Эпироты униженно просили простить ихъ двусмысленный образъ дѣйствій; Беотійцы отдались на произволъ побѣдителей; Элеяне и Мессенцы подчинились Ахеянамъ,—первые изъ нихъ послѣ нѣкотораго сопротивленія. Такимъ образомъ исполнилось то, что Аннибалъ предсказывалъ царю,—что Греки подчинятся всякому побѣдителю и

Сопротивле- что на нихъ никакъ нельзя полагаться. Даже Этоляне попытались
ніе Этолянъ. примириться съ сильно раздраженными Римлянами, послѣ того какъ ихъ корпусъ, укрывшись въ Гераклеѣ, упорно оборонялся и наконецъ былъ принужденъ сдаться на капитуляцію; но строгія требованія римскаго консула и полученныя отъ Антиоха деньги вдохнули въ нихъ такое мужество, что они еще разъ прервали мирные переговоры и въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ выдерживали осаду въ Навпактѣ. Городъ уже былъ доведенъ до послѣдней крайности и ему уже нельзя было избѣжать въ скоромъ времени или взятія приступомъ или сдачи на капитуляцію, когда въ дѣло вмѣшался Фламиній, всегда старавшійся предохранять эллинскія общины и отъ слишкомъ горькихъ послѣдствій ихъ собственныхъ безразсудствъ и отъ строгой взыскательности своихъ менѣе склонныхъ къ милосердію товарищей; онъ уладилъ заключеніе перемирія на до-

вольно сносныхъ для Этолянъ условіяхъ. Тогда война, — по меньшей мѣрѣ на время, — прекратилась во всей Греціи.

Римлянамъ предстояла болѣе трудная война въ Азіи; она казалась имъ очень опасной не потому, что ихъ врагъ былъ особенно страшенъ, а потому, что ихъ пугала дальность разстоянія и трудность сообщеній съ отечествомъ; но при недалновидномъ самоуправіи Антіоха, войну нельзя было довести до конца иначе, какъ нападеніемъ на владѣнія врага. Прежде всего нужно было упредить свое владычество на морѣ. Во время войны въ Греціи, задача римскаго флота заключалась въ томъ, чтобъ не допускать сообщеній между Греціей и Малою Азіей; ему даже удалось, — около того времени, когда происходила битва при Фермопилахъ, — захватить подлѣ Андроса большой азіатскій транспортъ; теперь онъ сталъ готовиться къ перевозкѣ въ слѣдующемъ году римской арміи въ Азію, а для этого ему нужно было прежде всего прогнать непріятельскій флотъ изъ Эгейскаго моря. Этотъ флотъ стоялъ въ гавани Кисса у южныхъ береговъ той косы въ Іоніи, которая врѣзывается въ море насупротивъ Хиоса; тамъ его и засталъ римскій флотъ, состоявшій изъ 75 римскихъ, 24 пергамскихъ и 6 кареагенскихъ палубныхъ кораблей подъ начальствомъ Гая Ливія. Сирійскій адмиралъ Полисенидъ, который былъ родосскимъ эмигрантомъ, могъ противопоставить Римлянамъ только 70 палубныхъ кораблей; но такъ какъ римскій флотъ ожидалъ еще прибытія родосскихъ кораблей, то онъ не уклонился отъ битвы, полагаясь на превосходство кораблей тирскихъ и сидонскихъ. Сначала Азіатцамъ удалось потопить одинъ изъ кареагенскихъ кораблей, но когда дѣло дошло до abordaжа, храбрость Римлянъ одержала верхъ и только благодаря быстротѣ своихъ гребныхъ и парусныхъ судовъ непріятель отдѣлался потерей 23 кораблей. Еще во время преслѣдованія непріятели къ римскому флоту присоединились 25 родосскихъ кораблей; такимъ образомъ владычество Римлянъ въ тѣхъ водахъ было вдвойнѣ обезпечено. Съ тѣхъ поръ непріятельскій флотъ неподвижно стоялъ въ эфесской гавани; а такъ какъ Римлянамъ не удалось вторично вызвать его на бой, то римскіе корабли и корабли союзниковъ разошлись на зиму въ разныя стороны: римскіе военные корабли отправились въ канскую гавань, находившуюся вблизи отъ Пергама. Въ теченіе зимы съ обѣихъ сторонъ дѣлались приготовленія для слѣдующей кампаніи. Римляне старались склонить на свою сторону малоазіатскихъ Грековъ: Смирна, упорно отражавшая всѣ попытки царя овладѣть этимъ городомъ, приняла Римлянъ съ отверзтыми объятіями; римская партія взяла верхъ въ Самосѣ, въ Хиосѣ, въ Эритрахъ, въ Клазоменахъ, въ Фокеѣ, въ Кимѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Антіохъ рѣшился воспрепятствовать переѣзду Римлянъ въ Азію; съ этой цѣлю онъ ревностно заботился объ усиле-

Морская война и приготовления къ походу въ Азію.

ннн своего флота: Поликсениду онъ поручилъ привести въ порядокъ и увеличить флотъ, стоявшій подлѣ Эфесса; Аннибалу онъ поручилъ сооружеиіе новаго флота у береговъ Ликии, Сирии и Финикии; кромѣ того онъ стянулъ въ Малую Азію ополченія изъ всѣхъ частей своего обширнаго царства. Въ самомъ началѣ слѣдующаго (564) года римскій флотъ приступилъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Гай Ливій приказалъ родосскому флоту, — на этотъ разъ прибывшему своевременно и состоявшему изъ 36 парусныхъ судовъ, — стать вблизи отъ Эфеса, чтобъ наблюдать за движеніями непріятельскаго флота, а самъ направился съ бѣльшею частію римскихъ кораблей и съ кораблями пергамскими къ Геллеспонту въ исполненіе возложеннаго на него порученія завладѣть тамошними крѣпостями и этимъ приготовить переправу сухопутной арміи. Онъ уже занялъ Сестось и довелъ до послѣдней крайности Абидось, когда извѣстіе о пораженіи родосскаго флота привудило его возвратиться назадъ. Родосскій адмиралъ Павзистратъ не принялъ всѣхъ нужныхъ предосторожностей, положившись на притворное намѣреніе своего соотечественника покинуть Антіоха, и былъ застигнутъ въ расплохъ въ самосской гавани; онъ самъ былъ убитъ, а всѣ его корабли, за исключеніемъ пяти, доставленныхъ Родосомъ, и двухъ, доставленныхъ Косомъ, были уничтожены; при извѣстїи объ этомъ пораженіи Самось, Фокея и Кимъ перешли на сторону Селевка, который командовалъ тамъ на сушѣ вмѣсто своего отца. Однако, когда римскіе корабли прибыли частію изъ Каны, частію изъ Геллеспонта, а черезъ нѣсколько времени къ нимъ присоединились подлѣ Самоса двадцать новыхъ кораблей, присланныхъ изъ Родоса, то Поликсенидъ былъ снова принужденъ запереться въ эфесской гавани. Такъ какъ онъ не принялъ предложеннаго ему морскаго сраженія, а съ другой стороны незначительное число солдатъ, находившихся на римскомъ флотѣ, не позволяло предпринять нападеніе на сушѣ, то и римскому флоту не оставалось ничего другаго, какъ стать на позицію у Самоса. Одна часть этого флота была отправлена къ берегамъ Ликии въ Патару частію для того, чтобъ предохранить Родосцевъ отъ нападеній, которыя предпринимались противъ нихъ изъ той мѣстности, частію и главнымъ образомъ для того, чтобъ не пускать въ Эгейское море непріятельскій флотъ, который долженъ былъ привести туда Аннибалъ. Эта эскадра не достигла подлѣ Патары никакихъ результатовъ; извѣстіе объ этомъ до такой степени раздражило новаго адмирала Луція Эмилиа Регилла, прибывшаго изъ Італіи съ двадцатью военными кораблями и замѣнившаго подлѣ Самоса Гая Ливія, что онъ двинулся туда со всѣмъ своимъ флотомъ; уже дорогою его офицеры съ трудомъ успѣли объяснить ему, что дѣло шло главнымъ образомъ не о завоеваніи Патары, а о владычествѣ на Эгейскомъ морѣ, и убѣдили

его возвратиться въ Самось. Между тѣмъ, на малоазіатскомъ материкѣ Селевкъ предпринялъ осаду Пергама, а Антиохъ во главѣ главной арміи опустошалъ пергамскую территорію и владѣнія Митиленцевъ на твердой землѣ; онъ надѣялся, что успеетъ покончить съ ненавистными Атталидами, прежде нежели Римляне придутъ къ нимъ на помощь. Римскій флотъ направился къ Элеѣ и къ гавани Адрамиттіона, чтобъ оказать помощь римскимъ союзникамъ; но у адмирала было мало войскъ и онъ не могъ ничего сдѣлать. Пергаму, по видимому, угрожала неизбежная гибель; но осада велась такъ вяло и небрежно, что Эвмену удалось ввести въ городъ ахейскія вспомогательныя войска подъ начальствомъ Діюфана; своими смѣлыми и удачными вылазками эти войска принудили удалиться галльскихъ наѣмниковъ, которымъ Антиохъ поручилъ осаду города. И въ южныхъ водахъ предпріятія Антиоха не удавались. Флотъ, который былъ снаряженъ Аннибаломъ и находился подъ его начальствомъ, былъ долго задержанъ постоянными западными вѣтрами; а когда онъ достигъ Эгейскаго моря, его встрѣтила подлѣ устьевъ Эвримедона, передъ Аспендомъ (въ Памфіліи), родосская эскадра подъ начальствомъ Эвдама: тамъ эти двѣ эскадры вступили въ бой и превосходство родосскихъ кораблей и родосскихъ флотскихъ офицеровъ одержало верхъ надъ тактикой Аннибала и надъ численнымъ перевѣсомъ его кораблей,—это было первое морское сраженіе и послѣдняя битва, въ которыхъ великій Карфагенянинъ боролся съ Римлянами. Побѣдонсный родосскій флотъ сталъ послѣ того подлѣ Патары и не допустилъ предположеннаго соединенія двухъ азіатскихъ флотовъ. Послѣ того, какъ римско-родосскій флотъ ослабилъ себя отправкою пергамскихъ кораблей въ Геллеспонтъ въ подкрѣпленіе только что приступавшей тамъ къ высадкѣ сухопутной арміи, на него въ свою очередь напалъ въ Эгейскомъ морѣ, подлѣ Самоса, Поликсепидъ, флотъ котораго превышалъ непріятельскій семью парусными судами. По неисправленному календарю 23 декабря, а по исправленному въ концѣ августа 564 года, дѣло дошло до сраженія у Мюннезкаго мыса, между Теосомъ и Колофономъ; Римляне прорвали непріятельскую боевую линію и совершенно окружили лѣвое непріятельское крыло, такъ что 42 корабля были ими взяты или потоплены. Въ воспоминаніе объ этой побѣдѣ былъ воздвигнутъ на Марсовомъ полѣ храмъ морскимъ геніямъ съ надписью въ сатурнинскомъ стихотворномъ размѣрѣ; эта надпись въ теченіе многихъ столѣтій возвѣщала Римлянамъ, что на глазахъ царя Антиоха и всей его сухопутной арміи флотъ Азіатцевъ былъ разбитъ и Римляне «порѣшили великую борьбу и одолѣли царей.» Съ тѣхъ поръ непріятельскіе корабли уже не смѣли показываться въ открытомъ морѣ и болѣе не пытались препятствовать переправѣ римской сухопутной арміи.

Экспедиція Для веденія войны на азіатскомъ континентѣ былъ выбранъ въ Азію. Римъ побѣдитель подѣ Замой; онъ руководилъ военными дѣйствіями, а номинальнымъ главнокомандующимъ былъ его братъ Луцій Сципіонъ, не отличавшійся ни природнымъ умомъ ни военными дарованіями. Стоявшіе въ Нижней Италіи резервы были отправлены въ Грецію, а армія Глабриона—въ Азію; когда стало извѣстно, кто будетъ командовать этою арміею, то 5000 ветерановъ, сражавшихся съ Аннибаломъ, заявили о желаніи участвовать въ походѣ, чтобъ еще разъ сразиться подѣ начальствомъ своего любимаго вождя. По римскому счету въ іюлѣ, а по правильному счету въ мартѣ, Сципіоны прибыли въ армію, чтобъ начать азіатскую кампанію; но ихъ остановило неожиданное препятствіе: прежде, чѣмъ отправляться въ Азію, имъ пришлось впутаться въ нескончаемую борьбу съ доведенными до отчаянія Этолянами. Сенатъ, не одобрявшій безграничной снисходительности Фламинія къ Эллинамъ, предоставилъ Этолянамъ на выборъ—или уплату такой военной контрибуціи, которая была имъ не по силамъ, или безусловное изъявленіе покорности; это побудило ихъ снова взяться за оружіе и не было никакой возможности предвидѣть, когда окончится война, которую приходилось вести въ горахъ и которая заключалась главнымъ образомъ въ осадѣ крѣпостей. Сципіонъ устранилъ это препятствіе, уладивши шестимѣсячное перемиріе, и за тѣмъ двинулся въ Азію. Такъ какъ одинъ непріятельскій флотъ былъ задержанъ въ Эгейскомъ морѣ только блокадой, а другой, подходившій съ юга, могъ ежедневно появиться на театрѣ военныхъ дѣйствій, не смотря на то, что была отряжена особая эскадра съ приказаніемъ задержать его, то было признано болѣе благоразумнымъ идти сухимъ путемъ черезъ Македонію и Фракію и за тѣмъ переправиться черезъ Геллеспонтъ; тамъ не было основанія ожидать серьезныхъ препятствій, такъ какъ на царя Филиппа Македонскаго можно было вполне полагаться, царь Вноивій Прузій находился въ союзѣ съ Римлянами, а римскій флотъ могъ безъ большаго труда господствовать въ проливѣ. Длинный и трудный путь вдоль береговъ Македоніи и Фракіи былъ пройденъ безъ большихъ потерь; Филиппъ заботился и о подвозѣ провіанта и о дружественномъ приѣмѣ со стороны фракійскихъ дикарей. Однако, такъ много времени было потрачено на устройство дѣлъ съ Этолянами и на походѣ, что римская армія достигла Фракійскаго

Переправа Херсонеса лишь незадолго до Мюоннезской битвы. Но и въ Азіи, Римлянъ чепочно такъ-же какъ когда-то въ Испаніи и въ Африкѣ, удивительное счастье Сципіона устраняло всѣ препятствія на его пути. При понтѣ. извѣстіи о Мюоннезской битвѣ Антиохъ до такой степени растерялся, что изъ находившейся въ Европѣ очень сильной и обильно снабженной провіантомъ крѣпости Лианмахія вывелъ и свой гарнизонъ и преданныхъ возстановителю своего города жителей и при этомъ позабылъ вывести

свои гарнизоны также изъ Эноса и изъ Маронеп, и даже позабылъ уничтожить свои богатые магазины: на азиатскомъ берегу онъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія высадкѣ Римлянъ, а тѣмъ временемъ жилъ въ Сардахъ, проводя свое время въ томъ, что жаловался на свою судьбу. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что если-бы онъ защищалъ Лизимахію хотя-бы только до истечения уже приближавшагося къ концу лѣта, и если-бы онъ придвинулъ свою многочисленную армию къ берегамъ Геллеспонта, то Сципіонъ былъ-бы принужденъ остаться на зимнихъ квартирахъ на европейскомъ берегу и былъ-бы поставленъ въ положеніе, вовсе не обеспеченное ни въ военномъ отношеніи ни въ политическомъ. — Въ то время, какъ высадившіеся на азиатскомъ берегу Римляне стояли нѣсколько дней въ бездѣйствіи, пользуясь отдыхомъ и ожидая прибытія своего вождя, задержаннаго исполненіемъ религиозныхъ обязанностей, въ ихъ лагерь прибыли послы великаго царя для мирныхъ переговоровъ. Антиохъ предлагалъ уплатить половину военныхъ расходовъ и уступить свои европейскія владѣнія и въ Малой Азіи всѣ греческіе города, перешедшіе на сторону Римлянъ; но Сципіонъ требовалъ уплаты всѣхъ военныхъ издержекъ и уступки всей Малой Азіи. Онъ объявилъ, что предложенія царя могли-бы быть приняты въ то время, когда римская армія еще стояла передъ Лизимахіей или когда она еще не успѣла переправиться черезъ Геллеспонтъ; но они недостаточны, когда конь уже почувалъ поводья и даже сѣдока. Великій царь попытался, по восточному обыкновению, купить у непріятельскаго главнокомандующаго миръ за деньги, предложивши ему половину своихъ ежегодныхъ доходовъ; но эта попытка, конечно, не имѣла успѣха; за безвозмездное возвращеніе своего попавшагося въ плѣнъ сына, гордый римскій гражданинъ отблагодарилъ царя дружескимъ совѣтомъ заключить миръ на какихъ-бы то ни было условіяхъ. Однако на самомъ дѣлѣ положеніе Антиоха было отнюдь не безнадежно; если бы у него достало энергіи, чтобъ зятянуть войну и, отступая внутрь Азіи, увлечь вслѣдъ за собою непріятеля, то счастливый исходъ войны не былъ бы для него невозможенъ. Но Антиохъ былъ раздраженъ по всему вѣроятію расчитаннымъ высокомѣріемъ своего противника и вообще, по влности своего характера, не былъ способенъ къ продолжительному и послѣдовательному веденію военныхъ дѣйствій; поэтому онъ старался какъ можно скорѣе подвергнуть натиску легионовъ свою разношерстную и плохо дисциплинованную армию. Поздней осенью

190

Битва при
Магнезій.

564 года римская армія сошлась съ непріятельской въ долинѣ Герма, подлѣ Магнезій при Сипилѣ, неподалеку отъ Смирны. У Антиоха было около 80,000 человекъ и въ томъ числѣ 12,000 конницы; число Римлянъ, имѣвшихъ при себѣ 5000 Ахевянъ, Пергамцевъ и македонскихъ добровольцевъ, далеко не доходило и до половины этой цифры; но они были такъ увѣрены въ побѣдѣ, что даже

не дождался выздоровления своего вождя, который был задержанъ въ Элеѣ нездоровьемъ и вмѣсто котораго принялъ главное командование Гней Домицій. Только для того, чтобъ развернуть свою громадную армію, Антиоху пришлось раздѣлить ее на два строя: въ первомъ стояла масса легковооруженныхъ войскъ — пельтасты *), стрѣлки изъ лука, пращники, конные стрѣлки Мизячъ, Даговъ и Элимейцевъ, Арабы на своихъ дромадерахъ и вооруженныя косами боевыя колесницы; во второмъ стояла на обоихъ флангахъ тяжелая кавалерія (катафракты—нѣчто въ родѣ кирасиръ); подлѣ нея стояла въ промежуткахъ галльская и каппадокійская пѣхота, а центръ занимала вооруженная на манеръ Македонянъ фаланга въ числѣ 16.000 человекъ; эта фаланга составляла главную силу арміи, но ей не было достаточно мѣста по причинѣ тѣсноты и она была принуждена выстроиться въ двѣ колонны по 3½ человека въ глубь. Въ промежуткѣ между двумя строями стояли 54 слона; они были распределены между частями фаланги и тяжелой кавалеріей. На своемъ лѣвомъ флангѣ, прикрытомъ рѣкой, Римляне поставили лишь небольшое число эскадроновъ; вся масса ихъ кавалеріи и всѣ легковооруженныя войска были поставлены на правомъ флангѣ, гдѣ командовалъ Эвменъ; легионы стали въ промежуткѣ. Эвменъ началъ сраженіе тѣмъ, что послалъ своихъ стрѣлковъ и пращниковъ на боевыя колесницы съ приказаніемъ уничтожать ихъ упряжь; въ скоромъ времени не только эти колесницы были лишены способности дѣйствовать, но и стоявшіе по близости наѣзтники на верблюдахъ были обращены въ бѣгство; даже стоявшее позади ихъ во второмъ строю лѣвое крыло тяжелой кавалеріи было приведено въ разстройство. Тогда Эвменъ устремился со всей римской конницей, состоявшей изъ 3000 всадниковъ, на наѣмную пѣхоту, стоящую во второмъ строю между фалангой и лѣвымъ крыломъ тяжелой кавалеріи, а когда она стала подаваться назадъ, то и приведенные ранѣе въ разстройство кирасиры обратились въ бѣгство. Фаланга, только-что пропустившая легкія войска и собиравшаяся двинуться на римскіе легионы, была задержана нападеніемъ конницы на ея флангъ; она была принуждена не двигаться съ мѣста и обороняться съ двухъ сторонъ, причѣмъ построеніе глубокими рядами послужило ей въ пользу. Если-бы у непріятеля была подъ рукой тяжелая азіатская конница, то онъ еще могъ бы дать битвѣ другой оборотъ; но его лѣвое крыло, которымъ командовалъ самъ Антиохъ, увлеклось преслѣдованіемъ стоявшаго противъ него небольшого отряда римской конницы и достигло римскаго лагеря, гдѣ съ большимъ трудомъ оборонялись отъ этого нападенія. Поэтому конница отсутствовала въ рѣшительную минуту на полѣ сраженія. Римляне остерегались отъ

*) Пельтасты—солдаты, вооруженные щитомъ (pelta). [Прим. перев.].

нападенія на фалангу своими легионами; они выслали противъ нея стрѣлковъ и пращниковъ, у которыхъ не пропадалъ даромъ ни одинъ выстрѣлъ, направленный въ эту густую массу. Однако фаланга отступала медленно и въ порядкѣ, пока ея ряды не были прорваны испуганными слонами, стоявшими въ промежуткахъ. Тогда вся армія обратилась въ безпорядочное бѣгство; попытка непріятеля защитить его лагерь не удалась и только увеличила число убитыхъ и попавшихся въ плѣнъ. Въ виду безграничнаго разстройства, въ которое пришла армія Антиоха, нельзя назвать неправдоподобнымъ исчисленіе ея потерь въ 50.000 человекъ; Римляне вовсе не вводили въ дѣло своихъ легионовъ и эта побѣда, отдавшая въ ихъ руки третью часть свѣта, стоила имъ 24 всадниковъ и 300 пѣхотинцевъ. Малая Азія покорилась; даже покорились Эфесъ, откуда непріятельскій адмиралъ былъ принужденъ торопливо удалиться съ своимъ флотомъ, и царская резиденція Сарды. Царь сталъ просить мира и согласился на установленныя Римлянами условія, которыя, по обыкновенію, ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, которыя были предложены до битвы и стало быть заключали въ себѣ уступку Малой Азіи. До ратификаціи этихъ условій римская армія стояла въ Малой Азіи на счетъ царя, которому это стоило не менѣе 3000 талантовъ (5 милл. тал.). Самъ Антиохъ, по своей безопасности, скоро примирился съ потерей половины своихъ владѣній; если онъ дѣйствительно утверждаетъ, что благодаренъ Римлянамъ, избавившимъ его отъ труда управлять слишкомъ обширнымъ государствомъ, то это на него похоже. Но послѣ битвы при Магнезій Азія была выключена изъ числа великихъ державъ; конечно, еще никогда никакая великая держава не приходила въ упадокъ такъ быстро, такъ рѣшительно и такъ постыдно, какъ царство Селевкидовъ при этомъ Антиохѣ Великомъ. Онъ самъ былъ вскорѣ послѣ того (567) убитъ озлобленными жителями Элимаиды (къ сѣверу отъ Персидскаго залива) въ то время, какъ грабилъ храмъ Бела, сокровищами котораго намѣревался наполнить свою опустѣвшую казну.

**Заключение
мира.**

187

Послѣ одержанной побѣды, римскому правительству предстояло привести въ порядокъ дѣла въ Малой Азіи и въ Греціи. Если предпологалось прочно утвердить тамъ римское владычество, то для этого еще вовсе не было достаточно отказа Антиоха отъ владычества надъ переднею частію Азіи. Политическое положеніе тѣхъ странъ уже было описано ранѣе (стр. 685 и сл.). Греческіе города, стоявшіе на берегахъ Іоніи и Эоліи, и въ сущности однородное съ ними пергамское царство были естественными опорами новаго римскаго владычества, которое и тамъ имѣло характеръ протектората надъ племенными Эллинами. Но династы, владычествовавшіе внутри Азіи и на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, уже давно перестали исполнять подчиняться царямъ Азіи, а договоръ съ Антиохомъ еще не давалъ

**Экспедиція
противъ ма-
лоазіат-
скихъ Кель-
товъ.**

Римлянамъ нивакой власти надъ внутренними странами. Было крайне необходимо провести какую-нибудь границу, внутри которой должно было впредь преобладать римское вліяніе. При этомъ прежде всего слѣдовало принять въ соображеніе отношенія, установившіяся между жившими въ сѣверной Азіи Эллинами и поселившимися тамъ, за сто лѣтъ передъ тѣмъ, Кельтами. Эти послѣдніе формальнымъ образомъ раздѣлили между собою малоазіатскія страны и каждая изъ ихъ трехъ волостей собирала установленную дань съ той области, которая была отведена ей для поборовъ. Правда, пергамское гражданство не подпало подъ это унижительное иго благодаря энергіи своего вождя, который былъ за это награжденъ званіемъ наследственнаго монарха; а эта послѣдняя борьба Эллиновъ, поддержанная національнымъ духомъ ихъ гражданъ, вызвала вторичный разцвѣтъ эллинскаго искусства, незадолго передъ тѣмъ снова появившагося на свѣтъ. Но это былъ лишь сильный отпоръ, а не рѣшительный успѣхъ; Пергамцамъ безпрестанно приходилось охранять съ оружіемъ въ рукахъ спокойствіе своего города отъ нашествій дикихъ ордъ, которыя выходили изъ восточныхъ горъ, а большая часть остальныхъ греческихъ городовъ, по всему вѣроятію, оставалась въ прежней зависимости *). Если Римляне желали, чтобъ ихъ протекторатъ надъ Эллинами не былъ и въ Азіи лишь номинальнымъ, то они должны были положить какіе-нибудь предѣлы для такой податной зависимости своихъ новыхъ кліентовъ; а такъ какъ римская политика старалась въ то время избѣгать въ Азіи еще болѣе чѣмъ на греко-македонскомъ полуостровѣ всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и связанной съ ними необходимости содержать тамъ постоянныя арміи, то не оставалось ничего другаго, какъ пройти съ оружіемъ въ рукахъ до предположенныхъ предѣловъ римскаго преобладанія и на самомъ дѣлѣ подчинить новому верховенству вообще Мало-Азіатцевъ, и въ особенности кельтскія волости.

За это дѣло взялся новый римскій главнокомандующій Гней Манлій Вольсонъ, замѣнившій Луція Сципіона въ Малой Азіи. Его осыпали за это тяжелыми обвиненіями: тѣ члены римскаго сената, которые не сочувствовали новому направленію римской политики, не сознавали ни цѣли послѣдней войны ни ея необходимости. Въ особенности неосновательны были упреки относительно цѣли азіатской кампаніи; послѣ

*) Изъ упомянутаго на 719 стр. въ примѣчаніи Лампсакскаго декрета достаточно ясно видно, что жители Лампсака просили Массалиотовъ о заступничествѣ не только у Римлянъ, но и у Толпстогагивъ (иначе называемые Толпстобогамы. Кельты названы такимъ именемъ и въ этомъ документѣ и въ пергамской надписи С. I. G. 3536,—въ древнѣйшихъ памятникахъ, въ которыхъ упоминаются эти Кельты). Поэтому весьма вѣроятно, что жители Лампсака уплачивали этой волости дань еще около того времени, когда Римляне вели войну съ Филиппомъ (сравн. Лив. 38, 16).

того, какъ римское государство вмѣшалось въ эллинскія дѣла, азиатская кампанія была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой политики. Конечно, со стороны Римлянъ едва-ли было благоразумно принимать подъ свой протекторатъ всѣхъ Эллиновъ; но съ той точки зрѣнія, которая была усвоена Фламиніемъ и подчинявшимся его вліянію большинствомъ сенаторовъ, и благоразуміе и честь требовали покоренія Галатовъ. Болѣе основательно было обвиненіе въ томъ, что въ ту пору не было никакой основательной причины для войны съ Галатами, такъ какъ они не были въ союзѣ съ Антиохомъ, а по своему обыменованію лишь не мѣшали ему набирать въ ихъ странѣ наемныя войска. Но противъ этого приводилось то вѣское соображеніе, что римскому гражданству могла быть предложена отправка войскъ внутрь Азіи только вслѣдствіе самой экстренной необходимости, а если экспедиція противъ Галатовъ оказывалась необходимой, то вслѣдовало предпринять немедленно и съ тѣми побѣдоносными войсками, которыя уже находились въ Азіи. И такъ весной 565 года былъ предпринятъ походъ внутрь Азіи безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ Фламинія и раздѣлявшихъ его мнѣніе сенаторовъ. Консулъ выступилъ въ походъ изъ Эфеса, собралъ не въ мѣру тяжелыя контрибуціи съ городовъ и съ владѣтельныхъ князей на верхнемъ Меандрѣ и въ Памфиліи и потомъ направился къ сѣверу для нападенія на Кельтовъ. Принадлежавшіе къ западному округу Кельты (Толистобоги) переселились со всѣмъ своимъ имуществомъ на гору Олимпъ, а принадлежавшіе къ среднему округу (Тектозаги)—на гору Магабу; они надѣялись, что будутъ въ состояніи обороняться тамъ до той минуты, когда зима заставитъ чужеземцевъ удалиться. Но высоты на которыхъ они укрылись, не защитили ихъ отъ тѣхъ метательныхъ снарядовъ римскихъ пращниковъ и стрѣлковъ, употребленіе которыхъ имъ было незнакомо и которые такъ-же часто бывали причиной ихъ пораженія, какъ въ новыя времена огнестрѣльное оружіе бывало причиной пораженія дикихъ народовъ: Кельты были разбиты въ одномъ изъ такихъ-же сраженій, какія нерѣдко происходили на берегахъ По и Сены и прежде того и послѣ; но въ Азіи такое сраженіе кажется столь-же страннымъ, какъ и вообще появленіе этого сѣвернаго племени среди греческихъ и фригійскихъ народовъ. Число убитыхъ и въ особенности раненыхъ было громадно въ обоихъ пунктахъ обороны. Все, что осталось въ живыхъ, укрылось за Галисомъ въ третьей кельтской волости у Трокмеровъ, на которыхъ консулъ не предпринималъ нападенія: эта рѣка была той границей, за которую рѣшились не переступать тогдашніе руководители римской политики. Фригію, Воннію и Пафлагонію было рѣшено поставить въ зависимость отъ Рима, а странамъ, лежащимъ далѣе къ востоку, было предоставлено управляться, какъ хотятъ.

Новые порядки были введены въ Малой Азіи частію мирнымъ Устройствомъ

Малой Азіи. договоромъ съ Антиохомъ (565), частію постановленіями римской комиссіи, въ которой предсѣдательствовалъ консулъ Вольсонъ. Антиохъ обязался выдать заложниковъ, въ числѣ которыхъ находился его меньшей сынъ, носившій одинакое имя съ отцомъ, и уплатить соразмѣрную съ богатствомъ Азіи военную контрибуцію въ 15.000 эвбейскихъ талантовъ (25½ милл. тал.), изъ которой пятую часть слѣдовало внести немедленно, а остальная сума была разсрочена на двѣнадцать лѣтъ; кромѣ того Антиохъ былъ принужденъ уступить всѣ свои владѣнія въ Европѣ, а въ Малой Азіи всѣ владѣнія къ сѣверу отъ Тавра и къ западу отъ устьевъ Кестра, между Аспендомъ и Перге въ Памфилиі, такъ что въ передней Азіи остались въ его власти только восточная Памфилія и Киликія. Его патронатъ надъ государствами и владѣтелями передней Азіи, конечно, прекратился. Азія, или, — какъ царство Селевкидовъ стало съ тѣхъ поръ обыкновенно и болѣе правильно называться, — Сирія лишилась права вести наступательныя войны съ западными государствами, а въ случаѣ оборонительной войны пріобрѣтать отъ нихъ земли по мирному договору; ея военнымъ кораблямъ было запрещено заходить на западъ отъ устьевъ Каликадна въ Киликіи иначе, какъ для доставки пословъ, заложниковъ или дани; ей было также запрещено содержать болѣе десяти палубныхъ кораблей, кромѣ случая оборонительной войны, и не дозволялось дрессировать для войны слоновъ; наконецъ, она лишилась права набирать въ западныхъ государствахъ солдатъ или принимать къ себѣ оттуда политическихъ бѣглецовъ и дезертировъ. Она выдала тѣ военные корабли, которые превышали установленное число, также выдала слоновъ и укрывавшихся у ней политическихъ эмигрантовъ. Въ вознагражденіе за это великій царь получилъ титулъ друга римской гражданской общины. Такимъ образомъ сирійское государство было совершенно и навсегда вытѣснено изъ западной Азіи и на сушѣ и на морѣ; до какой степени царство Селевкидовъ было слабо и лишено всякой внутренней связи, видно изъ того факта, что оно было единственною изъ всѣхъ побѣжденныхъ Римомъ великихъ державъ, которая, послѣ перваго пораженія, уже ни разу не пыталась воротить на полѣ сраженія то, что было ей утрачено. — Обѣ Арменіи, которыя до того времени были, по меньшей мѣрѣ по названію, азіатскими сатрапіями, превратились въ независимыя государства, если не въ силу заключеннаго съ Римомъ мирнаго договора, то подъ его вліяніемъ, а владѣтели этихъ странъ Артаксиадъ и Зариадрисъ сдѣлались основателями новыхъ династій. — Такъ какъ Каппадокія находилась внѣ той черты, которою была обведена сфера римскаго преобладанія, то ея царь Ариарахъ отдѣлялся пеней въ 600 талантовъ (1 милл. тал.), которая была впослѣдствіи уменьшена на половину по ходатайству его зятя Эмена. — И царю Вивеніи Прузію и Кельтамъ были оставлены

ихъ владѣнія въ прежнемъ размѣрѣ; но эти послѣдніе обязались не высылать за свою границу вооруженныхъ шаекъ, чѣмъ былъ положенъ конецъ позорной дани, которую они собирали съ малоазійскихъ городовъ. Эту цѣнную услугу азіатскіе Греки глубоко сознавали и не преминули вознаградить за нее Римлянъ золотыми вѣнками и напыщенными похвальными рѣчами. — Распредѣленіе территориальныхъ владѣній въ передней Азій не обошлось безъ затрудненій главнымъ образомъ потому, что династическая политика Эвмена сталкивалась тамъ съ политикой греческой Ганзы; соглашеніе наконецъ состоялось на слѣдующихъ условіяхъ. Всѣмъ греческимъ городамъ, которые были свободны въ день битвы при Магнезій и которые приняли сторону Римлянъ, были предоставлены прежнія вольности и всѣ они, — за исключеніемъ только тѣхъ, которые до того времени платили дань Эвмену, — были на будущее время освобождены отъ уплаты дани разнымъ династамъ. Такимъ образомъ сдѣлались вольными городами старинные соплеменники Римлянъ со временъ Энея — Дарданъ и Иліонъ, равно какъ Киме, Смирна, Клазомены, Эриеры, Хиосъ, Колофонъ, Милетъ и многіе другіе, славившіеся изстари. Фокея, которая была разграблена римскими флотскими солдатами въ нарушеніе условій капитуляціи, была за это вознаграждена, въ видѣ исключенія, возвратомъ ея территоріи и свободы, хотя и не подходила подъ означенную въ договорѣ категорію. Сверхъ того, большинству городовъ грѣко-азійской Ганзы были предоставлены нѣкоторыя новыя земельныя владѣнія и другія выгоды. Само собой разумѣется, что Римляне лучше всего обошлись съ Родосомъ: они предоставили ему Ликию, за исключеніемъ Телмисса, и большую часть Каріи къ югу отъ Меандра; сверхъ того Антиохъ обезпечилъ Родосцамъ въ своихъ владѣніяхъ неприкосновенность ихъ собственности, взысканіе по ихъ долговымъ претензіямъ и такое-же освобожденіе отъ таможенныхъ пошлинъ, какимъ они до того времени пользовались. — Вся остальная и стало быть самая значительная часть до-**Расширеніе** бычи досталась Атталидамъ; ихъ старинная преданность Риму, равно **Пергамскаго** какъ напасти, вынесенныя Эвменомъ во время послѣдней войны, и его личное участіе въ счастливомъ окончаніи рѣшительной битвы были награждены Римомъ такъ щедро, какъ никогда еще ни одинъ царь не награждалъ своихъ союзниковъ. Эвменъ получилъ въ Европѣ Херсонесъ вмѣстѣ съ Лизимахіей, а въ Азій, кромѣ уже прежде принадлежавшей ему Мизій, слѣдующія провинціи: Фригію на Геллеспонтѣ, Лидію вмѣстѣ съ Эфесомъ и Сардами, сѣверную часть Каріи до Меандра со включеніемъ Траллъ и Магнезій, Великую Фригію и Ликаонію съ однимъ участкомъ Киликіи, Милійскую область между Фригіей и Ликией и, въ качествѣ порта на берегахъ южнаго моря, ликійскій городъ Телмиссъ; касательно Памфиліи впоследствии возникъ между Эвменомъ и Антиохомъ споръ о томъ, находится-ли она

по сю или по ту сторону проведенной границы и которому из них должна принадлежать. Сверхъ того Эвмену былъ предоставленъ патронатъ надъ тѣми греческими городами, которые получили неполную свободу, и ему было дано право собирать съ этихъ городовъ дань; но и въ этомъ случаѣ было постановлено, что эти города охраняютъ свои льготныя грамоты и что размѣръ уплачиваемой ими дани не можетъ быть увеличенъ. Антиоха также обязали уплатить Эвмену 350 талантовъ (600.000 тал.), которые онъ задолжалъ отцу Эвмена, Атталу, и вознаградить его 127 талантами (218.000 тал.) за недоставленные хлѣбные запасы. Наконецъ Эвмень получилъ царскія лѣсныя дачи и выданныхъ Антиохомъ слоновъ, но не военные корабли, которые были сожжены: Римляне не допускали, чтобъ въ сосѣдствѣ съ ихъ владѣніями существовала морская держава. Такимъ образомъ владѣнія Атталидовъ въ восточной Европѣ и въ Азіи сдѣлались тѣмъ-же, чѣмъ была Нумидія въ Африкѣ, — зависимымъ отъ Рима сильнымъ государствомъ съ абсолютно-монархической формой правленія; оно было предназначено сдерживать какъ Македонію, такъ и Сирію въ указанныхъ имъ предѣлахъ и было способно исполнять это назначеніе, прибѣгая къ помощи Римлянъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Съ расширеніемъ этого государства, вызваннымъ политическими расчетами, Римляне постарались по мѣрѣ возможности согласовать освобожденіе азіатскихъ Грековъ, котораго требовали ихъ республиканскія и національныя симпатіи и ихъ тщеславіе. Въ положеніе дѣлъ на дальнемъ востоцѣ, по ту сторону Тавра и Галиса, было рѣшено не вмѣшиваться; это ясно видно изъ условій мирнаго договора, заключеннаго съ Антиохомъ, и еще болѣе ясно обнаружилось въ рѣшительномъ отказѣ сената даровать городу Солои въ Киликіи свободу, которую испрашивали для него Родосцы. Римляне такъ-же непреклонно держались принятаго ими основнаго правила — не пріобрѣтать въ непосредственную собственность никакихъ заморскихъ владѣній. Послѣ того, какъ римскій флотъ предпринялъ экспедицію въ Кретъ и добился тамъ освобожденія проданныхъ въ рабство Римлянъ, и морскія и сухопутныя силы Римлянъ покинули Азію въ концѣ лѣта 566 года; но сухопутной арміи, возвращавшейся прежней дорогой черезъ Фракію, пришлось много страдать на пути отъ нападений дикихъ племенъ вслѣдствіе небрежности главнокомандующаго. Римляне не принесли съ собой съ востока ничего, кромѣ славы и золота, которыя уже совмѣщались въ то время въ практической формѣ благодарственныхъ адресовъ — въ золотыхъ вѣнкахъ.

188

Устройство
Греціи.

190

Европейская Греція также была потрясена этой азиатской войной и нуждалась въ новыхъ порядкахъ. Этоляне, все еще не научившіеся уживаться съ мыслию о своемъ ничтожествѣ, нарушили перемиріе, заключенное ими весной 564 года съ Сципиономъ; ихъ кефалленскіе корсары сдѣлали трудными и небезопас-

ными морскія сношенія между Италіей и Греціей; они, какъ кажется, **Война и миръ** еще до истеченія срока перемирія до такой степени увлеклись ложными извѣстіями о положеніи дѣлъ въ Азіи, что имѣли безразсудство вновь возвести Аминандера на его аеаманскій престолъ и завели съ Филиппомъ войну въ занятыхъ имъ пограничныхъ областяхъ Этолій и Фессаліи, при чемъ царь терпѣлъ не мало неудачъ. Поэтому понятно, что на ихъ просьбы о мирѣ Римляне отвѣчали высадкой консула Марка Фульвія Нобиліора. Онъ прибылъ къ легионамъ весной 565 года и послѣ двухъ-недѣльной осады завладѣлъ Амбракіей, которая сдалась на условіяхъ почетной для гарнизона капитуляціи; тѣмъ временемъ на Этолянъ напали Македоняне, Иллирійцы, Эпироты, Акарнанцы и Ахеяне. О серьезномъ сопротивленіи не могло быть и рѣчи; вслѣдствіе неоднократно возобновлявшихся просьбъ Этолянъ о мирѣ, Римляне прекратили эту войну и согласились на такія условія, которыя можно назвать умѣренными въ виду низости и коварства побѣжденныхъ. Этоляне лишились всѣхъ городовъ и владѣній, находившихся во власти ихъ противниковъ, и между прочимъ Амбракіи, — которая потомъ была признана свободной и независимой вслѣдствіе интриги, затѣянной въ Римѣ противъ Марка Фульвія, — и Оиніи, которая была отдана Акарнанцамъ; они также должны были отказаться отъ Кефалленіи. Они лишились права объявлять войну и заключать миръ и были въ этомъ отношеніи поставлены въ зависимость отъ внѣшней политики Рима; наконецъ они должны были уплатить большую сумму денегъ. Кефалленія возстала противъ этого договора на свой собственный рискъ и покорилась лишь тогда, когда на островѣ высадился Маркъ Фульвій; даже жители Самы, опасавшіеся, что они будутъ вытѣснены римскими колонистами изъ своего поставленнаго на выгодномъ мѣстѣ города, сначала покорились, а потомъ снова возстали; они выдержали четырехъ-мѣсячную осаду, послѣ которой городъ былъ взятъ, а всѣ жители были проданы въ рабство. — И въ этомъ случаѣ Римъ не уклонился отъ своего правила ограничиваться владычествомъ надъ Италіей и надъ ея островами. Онъ не взялъ себѣ изъ военной добычи ничего, кромѣ двухъ острововъ Кефалленія и Закинеа, которые были выгодной прибавкой къ Керкирѣ и къ другимъ морскимъ стоянкамъ на Адриатическомъ морѣ. Остальныя территоріальныя пріобрѣтенія достались римскимъ союзникамъ, хотя самые значительные изъ этихъ союзниковъ — Филиппъ и Ахеяне были недовольны доставшеюся имъ долей добычи. Филиппъ не безъ основанія **Македонія.** считалъ себя обиженнымъ. Онъ былъ въ правѣ утверждать, что главнымъ образомъ благодаря его усердному содѣйствію были преодолѣны во время послѣдней войны самыя важныя затрудненія, заключавшіяся не въ непріятельской арміи, а въ дальности и необезпеченности сообщеній. Сенатъ отдавалъ ему въ этомъ спра-

ведливость, такъ какъ простилъ ему недоплаченную дань и возвратилъ ему его заложниковъ; но Филиппъ не достигъ такого расширения своихъ владѣній, какого ожидалъ. Онъ получилъ Магнетскую область вмѣстѣ съ Деметріадою, которую отнялъ у Этолянъ; сверхъ того въ его власти фактически остались владѣнія Долоповъ и Аеамановъ и часть Тессалии, откуда онъ также выгналъ Этолянъ. Хотя внутренняя часть Фракіи и осталась подъ македонскимъ протекторатомъ, но не было принято никакого рѣшенія касательно приморскихъ городовъ и острововъ Фазоса и Лемноса, фактически находившихся въ рукахъ Филиппа; Херсонесъ былъ даже положительно отданъ Эвмену и вовсе не трудно было понять, что Эвмену были даны владѣнія въ Европѣ только для того, чтобъ онъ держалъ въ покорности не только Азію, но въ случаѣ надобности и Македонію. Понятно, что все это раздражало гордаго и не лишеннаго рыцарскихъ доблестей Филиппа; но Римляне руководствовались не желаніемъ обидѣть его, а настоятельными требованіями политики. Македонія платилась за то, что когда-то была первоклассной державой и вела съ Римомъ войну, какъ равная съ равнымъ; съ этой стороны еще гораздо болѣе, чѣмъ со стороны Кареагена слѣдовало остерегаться возрожденія прежняго могущества. — Въ иномъ положеніи находились дѣла Ахейянъ. Во время войны съ Антиохомъ они исполнили свое давнишнее желаніе включить въ свой союзъ Пелопоннесъ, такъ какъ въ этотъ союзъ вступили, болѣе или менѣе по неволѣ, сначала Спарта, а послѣ того, какъ Азіатцы были выгнаны изъ Греціи, также Элида и Мессена. Римляне этому не воспротивились и даже допустили, чтобъ въ этомъ случаѣ было поступлено съ умышленнымъ пренебреженіемъ къ Риму. Когда Мессена заявила о своей готовности покориться Римлянамъ и о своемъ нежеланіи вступать въ конфедерацію, а эта послѣдняя прибѣгла къ насилію, то Фламиній поставилъ Ахейнамъ на видъ, что такъ распоряжаться частію военной добычи несправедливо и сверхъ того болѣе чѣмъ неприлично при тѣхъ отношеніяхъ, какія существуютъ между Ахейянами и Римлянами; но при своей неполитичной снисходительности къ Эллинамъ, Фламиній не помѣшалъ Ахейнамъ исполнить ихъ желаніе. Впрочемъ дѣло этимъ не кончилось. Ахейянъ мучило собственное карликамы желаніе вырости; поэтому они не отдали занятаго ими во время войны города Плеврона въ Этоліи и принудили его поступить въ число членовъ конфедерации; они купили Закиноу у намѣстника, оставленнаго тамъ послѣднимъ владѣтелемъ острова Аминадерожъ и желали присоединить къ этимъ пріобрѣтеніямъ Эгину. Они неохотно отдали Закиноу Римлянамъ и съ большимъ неудовольствіемъ выслушали добрый совѣтъ Фламинія довольствоваться

Ахейяне.

Ахейскіе патриоты.

Пелопоннесомъ. Они воображали, что изъ уваженія къ самимъ себѣ должны выставять на показъ независимость своего государства тѣмъ

заботливѣе, чѣмъ ничтожнѣе была эта независимость на самомъ дѣлѣ; они толковали о правахъ роюющей державы и о преданности, съ которой помогали Римлянамъ въ ихъ войнахъ; одинъ изъ нихъ обратился на ахейскомъ сеймѣ къ римскимъ посламъ съ вопросомъ, почему Римъ заботится о Мессенѣ, между тѣмъ какъ Ахаія не мѣшается въ то, что касается Капуи, а задавшій этотъ вопросъ, горячій патріотъ былъ награжденъ рукоплесканіями и ему было обезпечено большинство голосовъ на выборахъ. Все это было-бы и очень основательно и очень похвально, если-бы не было еще болѣе смѣшно. То было вполне естественнымъ и очень прискорбнымъ явленіемъ, что Римъ, такъ искренно старавшійся упрочить свободу Эллиновъ и заслужить ихъ признательность, не далъ имъ ничего, кромѣ анархін и не пожалъ ничего, кромѣ неблагодарности. Въ основѣ эллинскихъ антипатій къ покровительствующей державѣ лежало, безспорно, очень благородное чувство, а личное мужество нѣкоторыхъ людей, руководившихъ общественнымъ мнѣніемъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но ахейскій патріотизмъ все-таки былъ безразсудствомъ и настоящей исторической карикатурой. Не смотря на то, что этотъ народъ былъ такъ честолюбивъ и такъ дорожилъ своимъ національнымъ достоинствомъ, онъ съ перваго до послѣдняго чело-вѣка былъ проникнутъ глубокимъ сознаніемъ своего безсилія. И либеральные и раболѣпные люди постоянно прислушивались къ тому, чего желаетъ Римъ; они благодарили Бога, если не появлялся дѣкретъ котораго они страшились; они нахмуривались, когда сенатъ давалъ имъ понять, что они лучше сдѣлаютъ, если подчинятся добровольно для того, чтобъ не пришлось подчиняться по принужденію; то, чего отъ нихъ требовали, они исполняли «для соблюденія приличій» и исполняли по мѣрѣ возможности такимъ способомъ, который былъ оскорбителенъ для Римлянъ; они отписывались, объяснялись, просили отсрочекъ, увертывались и наконецъ, когда все это не помогало, уступали съ патріотическими вздохами. Такой образъ дѣйствій имѣлъ бы право если не на одобреніе, то на снисхожденіе, если-бы вожаки рѣшились на борьбу и предпочли гибель націи ея порабощенію; но ни Филопемънъ ни Ликортъ не помышляли о такомъ политическомъ самоубійствѣ—они желали по мѣрѣ возможности быть свободными, но прежде всего желали жить. Сверхъ того, Римляне никогда не вмѣшивались во внутреннія дѣла Греціи по собственной инициативѣ; это вмѣшательство всегда вызывалось самими Греками, которые вели себя какъ дѣти, которыхъ сами подводятъ другъ друга подъ наказаніе розгами, котораго такъ боятся. Уже до тошноты пріѣлся упрекъ, — который повторялся ученою чернью эллинскихъ и послѣ-эллинскихъ временъ, —будто Римляне старались сѣять внутренніе раздоры въ Греціи; это—одна изъ самыхъ нелѣпыхъ пошлостей, какія когда-либо были придуманы филологами,

вдававшимися въ политику. Не Римляне вносили раздоры въ Гре-
 цию (это было-бы по истинѣ, то-же, что *носить совѣзъ въ Афины*),
 Раздоры ме- а Греки переносили свои ссоры въ Римъ. Въ особенности Ахеяне
 жду Ахея- были до такой степени ослѣплены своею жаждой территориальнаго
 нами и Спар- окруженія, что не были въ состояніи понять, какъ было-бы для
 танцами. нихъ полезно, если-бы Фламиній не включилъ въ ихъ конфедерацію
 тѣхъ городовъ, которые были привязаны къ Этолянамъ; они при-
 обрѣли въ Лакедемонѣ и въ Мессенѣ настоящую гидру внутреннихъ
 раздоровъ. Члены этихъ общинъ безпрестанно обращались въ Римъ
 съ просьбами избавить ихъ отъ ненавистнаго товарищества и, — что
 особенно замѣчательно, — въ числѣ такихъ просителей даже находи-
 лись люди, обязанные Ахеянамъ своимъ возвращеніемъ на родину.
 Ахейскій союзъ постоянно что-нибудь переустраивалъ и восстанов-
 лялъ въ Спартѣ и въ Мессенѣ: самые яростные изъ тамошнихъ эми-
 грантовъ руководили рѣшеніями сейма. Черезъ четыре года послѣ
 номинальнаго вступленія Спарты въ конфедерацію, дѣло даже дошло
 до открытой войны и до реставраціи, доведенной до безразсудной
 крайности: всѣ рабы, получившіе отъ Набиса гражданскія права,
 были снова проданы въ неволю, на вырученныя этимъ способомъ
 деньги была построена колоннада въ ахейскомъ городѣ Мегалополѣ,
 старинное положеніе землевладѣльцевъ въ Спартѣ было восстанов-
 лено, законы Лиурга были замѣнены ахейскими, городскія стѣны
 были срыты (566). На эти нововведенія стали со всѣхъ сторонъ по-
 ступать въ римскій сенатъ жалобы съ просьбой принять на себя
 роль третейскаго судьи, — эти новыя заботы были заслуженнымъ
 наказаніемъ за сентиментальную политику Римлянъ. Не желая впу-
 тываться въ эти дѣла, сенатъ не только съ примѣрнымъ пренебре-
 женіемъ выносилъ отъ ахейской самонадѣянности булавочные уколы,
 но даже съ непростительнымъ равнодушіемъ допускалъ самыя гнус-
 ныя дѣла. Въ Ахаіи всѣ сердечно радовались, когда было получено
 изъ Рима извѣстіе, что сенатъ хотя и былъ очень недоволенъ но-
 выми распоряженіями, но ничего не касировавъ. Римскій сенатъ
 ничего не сдѣлалъ въ защиту Лакедемонянъ; но когда его возму-
 тило извѣстіе, что Ахеяне совершили юридическое убійство надъ
 шестидесятью или восьмидесятью Спартанцами, онъ отнялъ у сейма
 право постановлять надъ Спартанцами уголовные приговоры, — это,
 конечно, было возмутительное вмѣшательство во внутреннія дѣла не-
 зависимаго государства! Римскіе государственные люди отстраивали
 отъ себя, сколько могли, всякія заботы объ этомъ потопѣ въ орѣ-
 ховой скорлупѣ, что всего убѣдительнѣе доказываютъ многократныя
 жалобы на поверхностныя, противорѣчивыя и неясныя рѣшенія се-
 ната; и какъ могъ-бы онъ постановлять ясныя рѣшенія, когда пред-
 ставители четырехъ спартанскихъ партій говорили другъ противъ
 друга въ его присутствіи! Къ этому слѣдуетъ присоветовать и впе-

188

чатѣніе, которое призывали въ Римѣ своей личною многіе изъ этихъ пелопоннесскихъ государственныхъ людей; даже Фламиній покачивалъ головой, когда одинъ изъ нихъ сегодня исполнялъ передъ нимъ какой-то танецъ, а завтра заводилъ съ нимъ рѣчь о государственныхъ дѣлахъ. Дѣло дошло до того, что сенатъ наконецъ со-всѣмъ вышелъ изъ терпѣнія и объявилъ Пелопоннесцамъ, что болѣе не намѣренъ вступать съ ними въ объясненія и что они могутъ дѣлать всё, что хотятъ (572). Такой образъ дѣйствій понятенъ, но его нельзя назвать справедливымъ: при томъ положеніи, въ которомъ находились Римляне, на нихъ лежала и нравственная и политическая обязанность старательно и послѣдовательно заняться введеніемъ въ той странѣ сколько-нибудь сноснаго порядка. Ахейнинъ Калликратъ, обратившійся въ 575 году въ сенатъ съ разъясненіемъ настоящаго положенія дѣлъ въ Пелопоннесѣ и съ просьбой о послѣдовательномъ и постоянномъ вмѣшательствѣ, былъ, какъ человекъ, пожалуй и ниже своего соотечественника Филопемена, заложившаго фундаментъ для такъ-называемой патріотической политики, но тѣмъ не менѣе онъ былъ правъ.

182

179

Такимъ образомъ верховенство римской общины обнимало теперь всё страны отъ восточной оконечности Средиземнаго моря до запад-ной; нигдѣ не оставалось такого государства, которое стоило-бы того, чтобъ его боялись. Но еще былъ живъ тотъ человекъ, которому Римъ оказывалъ такую рѣдкую честь, — еще былъ живъ тотъ бездомный Карфагенянинъ, который вооружилъ противъ Рима сначала весь западъ, а потомъ весь востокъ, и который не достигъ своей цѣли, быть можетъ, только потому, что на западѣ ему мѣшала безчестная политика аристократіи, а на востокѣ безразсудная политика царедворцевъ. По мирному договору съ Римлянами Антиохъ обязался выдать имъ Аннибала, но Аннибалъ укрылся *) сначала на островѣ Критѣ, а потомъ въ Сициліи и жилъ теперь при дворѣ царя Прузія, которому помогалъ въ его войнахъ съ Эвменомъ, по обыкновенію одерживая побѣды и на морѣ и на сушѣ. Утверждаютъ, будто онъ старался и Прузія подбить къ войнѣ съ Римлянами; но эта безразсудная попытка, — въ томъ видѣ, какъ ее описываютъ, — кажется неправдоподобной. Болѣе достоверно то, что хотя римскій сенатъ и не считалъ приличнымъ для своего достоинства преслѣдовать старика въ его послѣднемъ убижищѣ (такъ какъ, повидимому, недостойно довѣрія преданіе, которое взводитъ обвиненія и на сенатъ), но Флами-

Смерть Аннибала.

*) О немъ рассказываютъ, что онъ жилъ также въ Арменіи и построилъ тамъ, по просьбѣ царя Артаксія, городъ Артаксату на Араксѣ [Страбонъ 11, стр. 527; Плутархъ, Лукуллъ 31]; но этотъ рассказъ, безъ сомнѣнія, вымышленъ; впрочемъ, достоинъ вниманія тотъ фактъ, что имя Аннибала вилеталось въ восточныя басни точно такъ-же, какъ имя Александра.

183

Смерть Циципіона.

ній, искавшій въ своемъ безпокойномъ тщеславіи новыхъ цѣлей для великихъ подвиговъ, задумалъ по собственной инициативѣ избавить Римъ отъ Аннибала такъ-же, какъ избавилъ Грековъ отъ ихъ оковъ, и если не пронзитъ кинжаломъ грудь самого великаго человека своего времени, что было-бы не дипломатично, то заостритъ этотъ кинжалъ и направитъ его. Прузій, который былъ самымъ жалкимъ изъ всѣхъ жалкихъ азіатскихъ монарховъ, съ удовольствіемъ оказалъ римскому послу маленькую услугу, на которую тотъ ему только намекнулъ, — и Аннибалъ, видя, что его жилище окружено убійцами, принялъ ядъ. Онъ уже давно къ этому готовился, — представляетъ одинъ Римлянинъ, — потому что онъ хорошо зналъ Римлянъ и зналъ, какъ держать свое слово царя. Годъ его смерти неизвѣстенъ съ достовѣрностью; онъ умеръ, по всему вѣроятію, во второй половинѣ 571 года шестидесяти семи лѣтъ отъ роду. Когда онъ родился, Римъ еще велъ съ сомнительнымъ успѣхомъ борьбу изъ-за обладанія Сициліей. Онъ прожилъ достаточно долго для того, чтобъ видѣть, какъ западъ былъ вполне покоренъ Римлянами; для того, чтобъ въ послѣдній разъ вступить въ борьбу съ Римлянами, сражаясь съ кораблями своего роднаго города, сдѣлавшагося римскимъ; для того, чтобъ видѣть, какъ Римъ одолѣлъ и востокъ съ быстротою бури, уносящей корабль, который покинуть кормчимъ, и для того, чтобъ сознавать, что онъ одинъ былъ-бы въ состояніи руководить этимъ кораблемъ. Когда онъ умеръ, у него уже не было такихъ надеждъ, въ которыхъ онъ могъ-бы обмануться; но въ пятидесятилѣтней борьбѣ онъ честно сдержалъ клятву, которую далъ еще будучи ребенкомъ. — Около того-же времени и вѣроятно въ томъ-же году умеръ и тотъ человекъ, котораго Римляне обыкновенно называли побѣдителемъ Аннибала, — Публий Циципіонъ. Фортуна въ избыткѣ осыпала его всѣми удачами, въ которыхъ отказывала его протвнику и которыя были частію имъ заслужены, частію незаслужены. Онъ приобрѣлъ для своего отечества Испанію, Африку и Азію, и тотъ самый Римъ, который при его рожденіи былъ только первою изъ италійскихъ общинъ, былъ во время его смерти обладателемъ всего цивилизованнаго міра. У него было столько побѣдныхъ титуловъ, что отъ нихъ кое-что осталось для его роднаго и двоюроднаго братьевъ *). Однако и его снѣдала, въ послѣдніе годы его жизни, тяжелая скорбь: онъ умеръ съ небольшимъ пятидесяти лѣтъ отъ роду въ добровольномъ изгнаніи, завѣщавши своимъ родственникамъ не хоронитъ его тѣло въ родномъ городѣ, для котораго онъ жилъ и въ которомъ покоились его предки. Что заставило его удалиться изъ Рима, неизвѣстно въ точности. На него и еще болѣе на его брата Луція ввоздвигались обвиненія въ подкупѣ и въ утайкѣ

*) Africanus, Asiagenus, Hispallus.

денегъ; но это, безъ сомнѣнія, были низкія клеветы, которыя не могутъ служить удовлетворительнымъ объясненіемъ такого раздраженія со стороны Циціона; впрочемъ этого человѣка хорошо характеризуетъ слѣдующій фактъ: явившись въ народное собраніе съ своими счѣтными книгами, онъ не сталъ оправдываться ссылками на цифры, а разорвалъ эти книги въ глазахъ народа и своихъ обвинителей и пригласилъ Римлянъ сопровождать его въ храмъ Юпитера, чтобъ отпраздновать годовщину своей побѣды при Замѣ. Народъ повернулъ спину его обвинителямъ и послѣдовалъ вслѣдъ за нимъ въ Капитолій; но это былъ послѣдній красный день знаменитаго человѣка. Его гордость, его увѣренность, что онъ не такой-же человѣкъ, какъ всѣ другіе люди и что онъ лучше всѣхъ, его энергичная фамильная политика, возвысившая въ лицѣ его брата Луція отвратительное чучело героя, — все это оскорбляло многихъ и не безъ основанія. Истинная гордость предохраняетъ человѣческое сердце отъ низкихъ влеченій, а тщеславіе не защищаетъ его ни отъ какихъ ударовъ и ни отъ какихъ булавочныхъ уколовъ и даже выѣдаетъ въ немъ врожденное благородство. Но отличительная особенность такихъ людей, какъ Циціонъ, — въ которыхъ чистое золото смѣшивается съ блестящей мишурой, — заключается именно въ томъ, что имъ нужны счастье и блескъ молодости, чтобъ производить очарованіе, а когда это очарованіе начинаетъ исчезать, то разставаться съ нимъ всего мучительнѣе самому чародѣю.

ГЛАВА X.

Третья Македонская война.

Раздраже-
ніе
Филиппа
противъ
Рима.

Филиппъ Македонскій былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, какъ съ нимъ обошлись Римляне послѣ заключенія мира съ Антиохомъ, а дальнѣйшія событія никакъ не могли заглушить его негодованія. Его сосѣдями въ Греціи и во Фракіи были болѣею частью общины, которыя когда-то дрожали отъ страха передъ Македонянами не менѣе чѣмъ теперь онѣ дрожали отъ страха передъ Римлянами и которыя, натурально, старались отплатить падшей великой державѣ за всѣ тѣ оскорбленія, которыя получали отъ Македоніи со временъ Филиппа Второго; мелочное тщеславіе и дешевый анти-македонскій патриотизмъ тогдашнихъ Эллиновъ проявлялись на сеймахъ различныхъ конфедерацій и въ безпрестанныхъ жалобахъ къ римскому сенату. Филиппу было уступлено Римлянами то, что онъ отнялъ у Этолянъ; но къ Этолянамъ формально примкнула въ Эссалии только конфедерація Магнетовъ, а тѣ города, которые были отняты Филиппомъ у двухъ другихъ эссалийскихъ конфедерацій — у эссалийской въ тѣсномъ смыслѣ слова и у Перребской, — были отъ него потребованы обратно на томъ основаніи, что онъ только освободилъ ихъ, а не завоевалъ. И Асаманы воображали, что могутъ требовать для себя свободы; Эвменъ также требовалъ приморскихъ городовъ, прежде принадлежавшихъ Антиоху въ собственной Фракіи, въ особенности Эноса и Маронеи, хотя по мирному договору съ Антиохомъ ему былъ положительно предоставленъ только Фракійскій Херсонесъ. Всѣ эти жалобы и безчисленное множество другихъ болѣе мелкихъ — касательно помощи, оказанной Прузію противъ Эвмена, касательно торговой конкуренціи, нарушенія договоровъ, похищенія рогатаго скота — стекались въ Римъ. Македонскому царю приходилось отвѣчать передъ римскимъ сенатомъ на обвиненія, вводимыя противъ него разною самодержавною сволочью, и подчиняться всякому рѣшенію и справедливому и несправедливому; ему приходилось постоянно убѣждаться, что приговоры обыкновенно постановляются не въ его пользу; ему приходилось, со

скрежетомъ зубовъ, выводить свои гарнизоны съ еракійскаго побережья, изъ городовъ еракійскихъ и перребскихъ и вѣжливо принимать римскихъ комиссаровъ, пріѣзжавшихъ удостовѣриться, все-ли исполнено, какъ приказано. Въ Римѣ не питали къ Филиппу такой-же ненависти, какую питали къ Кароагену; тамъ даже были во многихъ отношеніяхъ хорошо расположены къ владѣтелю Македоніи; въ сношеніяхъ съ Филиппомъ не пренебрегали всѣми внѣшними приличіями такъ-же, какъ въ Либіи; тѣмъ не менѣе положеніе Македоніи въ сущности ничѣмъ не отличалось отъ положенія Кароагена. Но Филиппъ былъ неспособенъ выносить такую пытку съ терпѣніемъ Финиціанъ. Вслѣдствіе своей врожденной раздражительности, онъ послѣ своего пораженія былъ золъ не столько на достойнаго уваженія противника, сколько на вѣроломнаго союзника, и, издавна привывши держаться на македонской, а своей личной политики, онъ видѣлъ въ войнѣ съ Антиохомъ лишь очень удобный случай безотлагательно расплатиться съ союзникомъ, который позорно покинулъ его въ бѣдѣ и измѣнилъ ему. Этой цѣли онъ достигъ; но Римляне очень хорошо понимали, что Македоняниномъ руководила не дружба къ Риму, а вражда къ Антиоху, да и вообще они не имѣли обыкновенія подчинять свою политику такому личному чувству или несочувствію; поэтому они изъ предосторожности не предоставили Филиппу никакихъ существенныхъ матеріальныхъ выгодъ. Напротивъ того, Атталиды, съ той минуты, какъ достигли власти, были злѣйшими врагами Македоніи и предметомъ самой ожесточенной и политической и личной ненависти Филиппа; они болѣе всякой другой восточной державы содѣйствовали раздробленію Македоніи и Сиріи и расширенію римскаго протектората на востокъ; во время послѣдней войны, въ то время, какъ Филиппъ добровольно и добросовѣстно держалъ сторону Рима, они были принуждены также стоять за Римъ ради своего собственнаго существованія; поэтому Римляне и воспользовались этими Атталидами, какъ орудіемъ для того, чтобъ возстановить то царство Лизимаха, уничтоженіе котораго было самымъ важнымъ успѣхомъ замѣнившихъ Александра македонскихъ владѣтелей, и для того, чтобъ создать въ сосѣдствѣ съ Македоніей такое государство, которое не уступало - бы ей по своему могуществу и въ то-же время принадлежало - бы къ числу римскихъ кліентовъ. Все-таки мудрый и заботящійся объ интересахъ своего народа, правитель едва-ли рѣшился-бы, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, возобновить неравную борьбу съ Римомъ; но въ характерѣ Филиппа самымъ сильнымъ изъ всѣхъ благородныхъ чувствъ было чувство чести, а самымъ сильнымъ изъ всѣхъ низкихъ чувствъ была мстительность; поэтому его дѣйствіями никогда не руководили ни трусость ни готовность смиряться передъ вѣщніями судьбы и въ его душѣ глубоко укоренилась рѣшимость еще разъ попытать счастья. На

новыя оскорбленія, которыми стали осыпать Македонію на сеймахъ въ Фессалии, онъ отвѣчалъ словами Теоокрита, «что солнце еще не закатилось въ послѣдній разъ» *).

Послѣдніе
годы
Филиппа.

Филиппъ подготовлялъ исполненіе своихъ замысловъ и скрывалъ ихъ отъ Римлянъ съ такой энергіей, съ такимъ спокойствіемъ и съ такою послѣдовательностью, что дѣйствуя онъ точно такъ-же въ иныя лучшія времена, онъ, быть можетъ, далъ-бы иное направленіе судьбѣ тогдашняго міра. Для этого крутаго и гордаго челоуѣка была крайне тяжелымъ испытаніемъ та покорность Римлянамъ, посредствомъ которой онъ отсрочивалъ развязку такъ долго, какъ это было необходимо; но онъ мужественно вынесъ эту пытку; а за то, что онъ былъ принужденъ сдерживать свой гнѣвъ, тяжело поплатились его подданные и такія невинныя жертвы раздоровъ, какъ несчастная Маронея. Еще въ 571 году война, по видимому, была готова вспыхнуть; но младшій сынъ Филиппа, Димитрій, жившій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Римѣ въ качествѣ заложника и пользовавшійся тамъ общеою любовію, уладилъ по приказанію отца соглашеніе съ Римлянами. Сенатъ и въ особенности руководившій греческими дѣлами Фламиній старались организовать въ Македоніи римскую партію, способную парализовать стремленія Филиппа, о которыхъ конечно знали въ Римѣ, а вождемъ этой партіи и быть можетъ даже будущимъ царемъ Македоніи былъ избранъ юный, страстно привязанный къ Риму, принцъ. Сенатъ постарался дать дѣлу такой оборотъ, что прощаетъ отца ради сына; натуральнымъ послѣдствіемъ этого были раздоры въ царскомъ семействѣ; старшій сынъ Филиппа, Персей, назначенный отцомъ въ наследники престола, но родившійся отъ неравнаго брака, сталъ смотрѣть на своего брата, какъ на будущаго соперника и задумалъ погубить его. Димитрій, какъ кажется, не принималъ участія въ римскихъ интригахъ; только неосновательное подозрѣніе въ преступленіи принудило его нарушить свой долгъ, да и тогда онъ, какъ кажется, не замышлялъ ничего другаго, кромѣ бѣгства въ Римъ. Но Персей позаботился о томъ, чтобъ его отецъ былъ извѣщенъ объ этомъ замыслѣ надлежащимъ образомъ; подложное письмо отъ Фламинія къ Димитрію довершило дѣло и побудило отца дать приказаніе умертвить сына. Филиппъ узналъ о козняхъ Персея слишкомъ поздно и смерть настигла его въ то время, какъ онъ намѣревался наказать и устранить отъ престола братоубійцу. Онъ умеръ въ 575 году въ Деметриадѣ на пятьдесятъ девятомъ году жизни. Свое царство онъ оставилъ развалившимся, свое семейство — въ раздорахъ, съ прискорбіемъ сознавая, что всѣ его усилія и всѣ злодѣянія были напрасны. — Его сынъ Персей вступилъ на престоль, не встрѣтивъ противодѣйствія ни въ

183

179.

Царь Персей.

*) Ἡ δὲ γὰρ φερόσθη πάλθ' ἄλιον ἄρμι δεδούκειν.

Македоніи ни со стороны римскаго сената. Это былъ красивый мужчина, искусный во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ, привыкшій къ лагерной жизни, любившій, подобно своему отцу, повелѣвать и неразборчивый въ выборѣ средствъ. Онъ не увлекался виномъ и женщинами, изъ-за которыхъ Филиппъ слишкомъ часто забывалъ о своихъ обязанностяхъ правителя; онъ былъ столько-же стоекъ и терпѣливъ, сколько его отецъ былъ легкомысленъ и страстенъ. Филиппъ, вступившій на престолъ еще ребенкомъ и въ первые двадцать лѣтъ своего царствованія встрѣчавшій во всемъ удачу, былъ избалованъ и испорченъ судьбой; Персей вступилъ на престолъ на тридцать первомъ году жизни, а такъ какъ онъ еще ребенкомъ участвовалъ въ несчастной войнѣ съ Римлянами, такъ какъ онъ росъ подъ бременемъ униженія и съ надеждой на скорое возрожденіе государства, то онъ унаслѣдовалъ отъ отца вмѣстѣ съ царствомъ его заботы, его озлобленіе и его надежды. Дѣйствительно, онъ принялся со всей энергіей за продолженіе начатаго отцемъ дѣла и сталъ съ усиленнымъ рвеніемъ готовиться къ войнѣ съ Римомъ; его побуждало къ тому и убѣжденіе, что, конечно, не благодаря Римлянамъ онъ носилъ македонскую корону. Македонская нація съ гордостью взирала на монарха, котораго привыкла видѣть сражающимся во главѣ своей молодежи; и его соотечественники и многіе изъ Элливовъ всѣхъ племенъ были убѣждены, что нашли въ немъ настоящаго вождя для предстоящей войны за свободу. Но онъ былъ не такимъ, какимъ казался; ему недоставало даровитости Филиппа и его способности напрягать всѣ свои силы, — недоставало тѣхъ истиннѣ царскихъ качествъ, которыя затемнялись и извращались въ Филиппѣ отъ счастья, но снова проявлялись во всемъ блескѣ подъ очистительнымъ вліяніемъ невзгодъ. Филиппъ не налагалъ на самого себя никакихъ стѣсненій и предоставлялъ дѣла на произволъ судьбы; но когда было нужно, онъ находилъ въ себѣ достаточно силы, чтобъ дѣйствовать съ быстротой и съ энергіей. Персей составлялъ обширные и искусно задуманные планы и преслѣдовалъ ихъ съ неутомимой настойчивостью; но когда наступала рѣшительная минута и когда все, что онъ задумалъ и подготовилъ, переходило въ живую дѣйствительность, онъ пугался своего собственнаго дѣла. Какъ у всѣхъ ограниченныхъ людей, средства обращались у него въ цѣль; онъ накоплялъ сокровища за сокровищами для войны съ Римлянами, а когда Римляне проникли въ его владѣнія, онъ былъ не въ силахъ расстаться съ своимъ золотомъ. О характерѣ отца и сына можно составить себѣ понятіе по тому факту, что послѣ своего пораженія первый прежде всего поспѣшилъ уничтожить въ своемъ кабинетѣ бумаги, которыя могли компрометировать его, а второй забралъ свою казну и сѣлъ на корабль. Въ обыкновенныхъ времена изъ Персея могъ-бы вытти дюжинный царь, который былъ-бы не хуже и даже

лучше многихъ другихъ; но онъ не былъ способенъ руководить такимъ предприятиемъ, которое могло имѣть успѣхъ только при томъ условіи, чтобъ во главѣ его стоялъ необыкновенный человекъ.

Военныя силы Македоніи.

Силы Македоніи не были ничтожны. Преданность страны къ царскому роду Антигона была ненарушима и только тамъ національное чувство не было парализовано взаимною враждою политическихъ партій. Персей разумно воспользовался той выгодной стороною монархической формы правленія, что всякая перемѣна правителя устраняетъ прежнія причины ссоръ и раздоровъ и открываетъ новую эру новыхъ людей и свѣжихъ надеждъ: онъ началъ свое царствованіе тѣмъ, что обнародовалъ всеобщую амнистію, позволилъ возвратиться бѣглымъ банкротамъ и простилъ накопившіяся недоимки. Поэтому, ненавистная строгость отца не только принесла сыну пользу, но и доставила ему любовь подданныхъ. Двадцать шесть лѣтъ мира частію сами по себѣ пополнили убыль въ македонскомъ населеніи, частію доставили правительству возможность обратить серьезное вниманіе на эту большую сторону государства. Филиппъ поощрялъ Македонянъ къ брачной жизни и къ размноженію дѣтей; онъ перевелъ жителей приморскихъ городовъ внутрь страны, а въ замѣнъ ихъ поселилъ еракійскихъ колонистовъ, которые были способны сами защищаться отъ непріятеля и на преданность которыхъ онъ могъ полагаться; чтобъ разомъ навсегда прекратить опустошительныя нашествія Дардановъ, онъ защитилъ страну съ сѣвера непроходимой преградой, обративъ въ пустыню тѣ земли, которыя отдѣляли его владѣнія отъ территоріи варваровъ, и основалъ въ сѣверныхъ провинціяхъ новые города. Однимъ словомъ, онъ сдѣлалъ для Македоніи точно то-же, что сдѣлалъ впоследствии Августъ для того, чтобъ возсоздать римское государство. Его армія была многочисленна — въ ней было 30.000 человекъ, не считая вспомогательныхъ войскъ и наемниковъ, а его новобранцы приобрѣтали военную опытность въ постоянныхъ пограничныхъ стычкахъ съ еракійскими варварами. Съ перваго взгляда кажется непонятнымъ, почему Филиппъ не попытался, подобно Аннибалу, организовать свою армію по римскому образцу; но это объясняется высокимъ мнѣніемъ Македонянъ объ ихъ фалангѣ, которая хотя и нѣрѣдко подвергалась пораженіямъ, но все-таки считалась непобѣдимой. Благодаря тому, что Филиппъ нашелъ новые источники доходовъ въ рудникахъ, въ таможенныхъ и въ десятинныхъ сборахъ, и благодаря процвѣтанію земледѣлія и торговли, явилась возможность наполнить и государственную казну и магазины и арсеналы; когда началась война, въ македонскомъ государственномъ казначействѣ было достаточно денегъ для уплаты въ теченіе десяти лѣтъ жалованья такой арміи, какая находилась въ то время на лицо, и сверхъ того 10.000 наемниковъ; въ общественныхъ магазинахъ хранились запасы хлѣба настолько-

же лѣтъ (18 милл. медимновъ или прусскихъ шеффелей), а запасовъ оружія было достаточно для арміи втрое болѣе многочисленной. Дѣйствительно, Македонія стала совершенно другимъ государствомъ, чѣмъ какою была въ ту пору, когда была застигнута въ распахъ взрывомъ второй войны съ Римомъ; матеріальныя силы государства во всѣхъ отношеніяхъ по меньшей мѣрѣ удвоились, — а съ арміей во всѣхъ отношеніяхъ менѣе значительной вѣдь умѣлъ-же Аннибалъ поколебать римское государство въ самыхъ его основахъ. — Не такъ. Попытки ор- благоприятны были внѣшнія условія. Обстоятельства такъ сложились, ганизовать что Македонія приходилось вернуться къ планамъ Аннибала и Ан- коалицію тioxа и попытаться стать во главѣ коалиціи всѣхъ угнетенныхъ противъ Ри- государствъ противъ Рима, — и дѣйствительно нити такого замысла ма. тянулись отъ жившаго въ Пиднѣ двора во всѣ стороны. Но успѣхъ былъ незначителенъ. Пожалуй, иные и увѣряли, будто вѣрность Италійцевъ поколеблена, но и для друзей и для недруговъ было очевидно, что возобновленіе самнитскихъ войнъ было въ ту пору невозможно. Массинисса доносилъ въ Римъ о ночныхъ совѣщаніяхъ, которыя происходили между македонскими уполномоченными и карфагенскими сенаторами, но эти совѣщанія не могли пугать людей серьезныхъ и осмотрительныхъ, даже если-бы они и не были чистой выдумкой, — какъ это легко возможно. Царей Сиріи и Вионіи македонскій дворъ старался привязать къ своимъ интересамъ посредствомъ брачныхъ союзовъ; но это привело только къ тому, что еще разъ попала въ просакъ обычная наивность дипломатіи, которая воображаетъ, что можно пріобрѣтать новыя территоріальныя владѣнія путемъ любовныхъ связей. Такъ какъ всякая попытка склонить на сторону Македоніи Эмена была-бы смѣшна, то у агентовъ Персея возникло намѣреніе совершенно отъ него отдѣлаться: они задумали убить его подлѣ Дельфъ въ то время, какъ онъ возвращался изъ Рима, гдѣ работалъ противъ Македоніи; но эта благородная попытка не удалась. — Болѣе серьезны были попытки склонить сѣверныхъ вар- Бастарны. варовъ и Эллиновъ къ возстанію противъ Рима. Филиппъ замышлялъ истребить жившихъ въ теперешней Сербіи, старинныхъ враговъ Македоніи, Дардамовъ, при помощи другаго, призваннаго съ лѣвыхъ береговъ Дуная, еще болѣе варварскаго племени германскаго происхожденія — Бастарновъ, и затѣмъ вмѣстѣ съ этими Бастарнами и со всею приведенною этимъ способомъ въ движеніе народною лавиной двинуться сухимъ путемъ въ Италію и проникнуть въ Ломбардію, для чего уже собирались свѣдѣнія о ведущихъ туда альпійскихъ проходахъ; это былъ грандіозный планъ, достойный Аннибала и безъ сомнѣнія внушенный именно переходомъ Аннибала черезъ Альпы. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что это и послужило поводомъ для основанія римской крѣпости Аквилей (стр. 663), которое относится къ послѣднимъ годамъ царствованія Филиппа (573) и не

согласуется съ общей системой постройки италійскихъ крѣпостей. Планъ Филиппа не удался вслѣдствіе отчаяннаго сопротивленія Дардановъ и заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ сосѣднихъ племенъ; Бастарны были принуждены отступить и на возвратномъ пути всѣ потонули подъ провалившимся льдомъ при переходѣ черезъ Дунай.

Геней. Тогда царь постарался подчинить своему влиянію вождей Иллирійцевъ, жившихъ въ теперешней Далмаціи и сѣверной Албаніи. Не бзвъ вѣдома Персея палъ отъ руки убійцы одинъ изъ этихъ вождей, Аретавръ, непреклонно державшій сторону Рима. Самый могущественный между ними, сынъ и наслѣдникъ Плеврата, Геней, находился, подобно своему отцу, въ номинальномъ союзѣ съ Римомъ; но гонцы изъ Иссы (греческаго города на одномъ изъ острововъ Далмаціи) извѣстили сенатъ, что царь Персей ведетъ тайныя сношенія съ этимъ юнымъ, слабымъ и склоннымъ къ пьянству владѣтелемъ и что послы Генейя служатъ въ Римѣ шпионами для Персея. — Въ странахъ къ востоку отъ Македоніи, у низовьевъ Дуная, находился въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ Персеемъ мудрый и храбрый князь Одрисовъ Котисъ, который былъ самымъ могущественнымъ изъ еракійскихъ вождей и владѣтелемъ всей восточной Фракіи отъ македонской границы на Гебрѣ (Марицѣ) до усѣяннаго греческими городами побережья; изъ числа другихъ болѣе мелкихъ владѣтелей, князь Сагеевъ Абруполисъ былъ разбитъ Персеемъ и выгнанъ изъ своего отечества за то, что предпринялъ хищническій набѣгъ на Амфиполь (на берегахъ Стримона). Оттуда Филиппъ выводилъ многочисленныхъ колонистовъ и тамъ могъ онъ во всякое время набирать наѣмниковъ, сколько хотѣлъ. — Еще задолго до объявленія Риму войны, Филиппъ и Персей дѣятельно вели среди несчастной эллинской націи двойную пропаганду, стараясь привлечь на сторону Македоніи частію національную партію, частію — да будетъ намъ позволено такъ выразиться — коммунистическую. Само собой повятно, что всѣ, какъ азіатскіе, такъ и европейскіе Греки, принадлежавшіе къ национальной партіи, стали въ глубинѣ своего сердца сочувствовать Македоніи не потому, что римскимъ освободителямъ иногда случалось совершать несправедливости, а потому, что возстановленіе греческой національности чужеземцами заключало въ самомъ себѣ противорѣчіе; а теперь, когда въ сущности уже было поздно, каждому стало понятно, что самое отвратительное македонское управленіе было для Греціи менѣе пагубно, чѣмъ свободная конституція, которая была результатомъ самыхъ благородныхъ намѣреній великодушныхъ иноземцевъ. Что во всей Греціи самые способные и самые честные люди стали во враждебное къ Риму положеніе, было въ порядкѣ вещей; на сторонѣ Римлянъ были только продажныя аристократы и нѣкоторые изъ добросовѣстныхъ людей, составлявшихъ исключеніе тѣмъ, что не обманывали себя ни на счетъ тогдашняго положенія націи

чи на счетъ ея будущности. Всѣхъ глубже чувствовалъ это на себѣ Эвменъ Пергамскій, который былъ представителемъ той чужеземной свободы среди Грековъ. Тщетно оказывалъ онъ подвластнымъ ему городамъ любезности всякаго рода, тщетно старался онъ снискать благосклонность общинъ и сеймовъ сладкозвучными словами и еще болѣе сладкозвучнымъ золотомъ; его подарки были отвергнуты, а въ одинъ прекрасный день были, по приговору сейма, разбиты во всемъ Пелопоннесѣ всѣ воздвигнутыя въ честь его статуи и были сплавлены вылитыя въ честь его металлическія доски (584). Напротивъ того, имя Персея было у всѣхъ на устахъ; даже тѣ греческія государства, которыя, подобно ахейскому, прежде были самымъ рѣшительнымъ образомъ враждебны къ Македоніи, стали теперь обсуждать вопросъ объ отмигнѣ направленныхъ противъ Македоніи законовъ; даже находившаяся внутри пергамскихъ владѣній Византія просила защиты отъ Фракійцевъ и присылки гарнизона не у Эвмена, а у Персея, который и исполнилъ эту просьбу; Лампсакъ на Геллеспонтѣ также примкнулъ къ Македоняниномъ; даже могущественные и осматрительные Родосцы приказали своему великолѣпному военному флоту служить конвоемъ для сирійской невѣсты царя Персея во время ея морскаго переезда изъ Антіохіи, потому что сирійскіе военные корабли не имѣли права показываться въ Эгейскомъ морѣ; они были приняты съ большимъ почетомъ и возвратились домой съ щедрыми подарками, состоявшими преимущественно изъ корабельнаго лѣса; даже уполномоченные отъ азіатскихъ городовъ, то-есть отъ подданныхъ Эвмена, вели въ Самоеракіи тайные переговоры съ македонскими депутатами. Вышеупомянутая отправка родосскихъ военныхъ кораблей имѣла по меньшей мѣрѣ звѣснѣйшій видъ демонстраціи; а то была уже настоящая демонстрація, когда царь Персей, подъ предлогомъ религіознаго торжества, выставилъ въ Дельфахъ на показъ Эллинамъ и самого себя и всю свою армию. То было въ порядкѣ вещей, что царь старался найти для себя въ этой національной пропагандѣ опору для предстоявшей войны. Но онъ дурно поступилъ, воспользовавшись страшнымъ экономическимъ разстройствомъ Греціи для того, чтобъ привязать къ Македоніи всѣхъ тѣхъ, кто желалъ преобразованія имущественныхъ отношеній и отмигнѣ законовъ о долговыхъ обязательствахъ. Трудно представить себѣ, до какой степени были въ европейской Греціи обременены долгами и общины и частные люди, за исключеніемъ Пелопоннеса, положеніе котораго было въ этомъ отношеніи болѣе сноснымъ; дѣло доходило до того, что одинъ городъ нападалъ на другой и предавалъ его грабежу только для того, чтобъ добыть денегъ; такъ напримѣръ Аеиняне разграбили Оропъ, а у Этолянъ, у Перребовъ и у Фессалійцевъ происходили настоящія сраженія между людьми богатыми и бѣдными. Само собой разумѣется, что въ этихъ

случаяхъ совершались страшныя злодѣянія; такъ напримѣръ у Этолянъ была обнародована всеобщая амністія и было объявлено о возобновеніи внутренняго спокойствія единственно съ цѣлю завлечь въ эту западную эмигрантовъ и умертвить ихъ. Римляне попытались взять на себя роль посредниковъ, но ихъ послы возвратились домой, не достигнувъ цѣли, и объявили, что обѣ партіи одинаково негодны и что нѣтъ никакой возможности обуздать ихъ взаимную вражду. Въ сущности могли-бы помочь этому злу только полицейскій офицеръ и палачъ; сентиментальный эллинизмъ, сначала возбуждавшій смѣхъ, сталъ возбуждать отвращеніе. Но царь Персей привлекъ на свою сторону эту партію, — если она достойна такого названія, и привязалъ къ себѣ тѣхъ людей, которымъ нечего было терять или которые по меньшей мѣрѣ не могли опасаться утраты честнаго имени; онъ не только издалъ распоряженіе въ пользу обанкротившихся Македонянъ, но кромѣ того приказалъ выставить въ Ларисѣ, въ Дельфахъ и въ Делосѣ объявленія, въ которыхъ приглашалъ возвратиться въ Македонію всѣхъ Грековъ, укрывавшихся отъ наказанія за политическія и за какія-либо другія преступленія или отъ взысканія долговъ, и обѣщалъ имъ возстановить ихъ честь и возвратить имъ имущество. Не трудно повѣрить какъ тому, что они явились на это приглашеніе, такъ и тому, что тлѣвшій подъ пепломъ огонь соціальной революціи вспыхнулъ тогда яркимъ пламенемъ во всей сѣверной Греціи и что тамошняя національно-соціальная партія обратилась къ Персею съ просьбой о помощи. Если эллинская національность могла-быть спасена только такими средствами, то при всемъ уваженіи къ Софоклу и къ Фидію, позволительно задаться вопросомъ, стоила-ли эта цѣль такой цѣны?

Разрывъ съ Персеемъ. Сенатъ пришолъ къ убѣжденію, что слишкомъ долго медлилъ и что пора положить конецъ этимъ проискамъ. Изгнаніе находившагося въ союзѣ съ Римлянами еракійскаго вождя Абруполиса и вступленіе Македоніи въ союзъ съ Византійцами, съ Этоллянами и съ нѣкоторыми изъ беотійскихъ городовъ были нарушеніями мирнаго договора 557 года и послужили достаточнымъ поводомъ для официального объявленія войны; настоящей-же причиной войны было очевидное намѣреніе Македоніи превратить ея номинальную самостоятельность въ дѣйствительную и освободить Эллиновъ отъ римскаго протектората. Еще въ 581 году римскіе послы открыто заявили на ахейскомъ сеймѣ, что вступить въ союзъ съ Персеемъ значило разорвать союзъ съ Римомъ. Въ 582 году царь Эвменъ пріѣзжалъ въ Римъ съ длиннымъ спискомъ жалобъ и объяснилъ сенату настоящее положеніе дѣлъ; вслѣдъ за этимъ сенатъ неожиданно рѣшился на тайномъ засѣданіи немедленно объявить Македоніи войну и приказалъ занять римскими войсками въ Эпирѣ тѣ пункты, которые были удобны для высадки. Только для формы было отпра-

197

173

172

лено въ Македонію посольство; оно возвратилось съ извѣстіемъ, что Персей, сознавая невозможность сдѣлать попятный шагъ, изъявилъ готовность заключить съ Римомъ дѣйствительно равноправный союзъ, но что онъ считаетъ договоръ 557 года уничтоженнымъ и что по-
сламъ было приказано выѣхать въ теченіе трехъ дней изъ его вла-
дѣній. Такимъ образомъ война была фактически объявлена. Это
происходило осенью 582 года; если-бы Персей хотѣлъ, онъ могъ-бы
занять всю Грецію, повсюду передать управленіе въ руки македон-
ской партіи и, быть можетъ, даже уничтожить римскую дивизію
изъ 5000 человекъ, стоявшую подлѣ Аполлоніи подъ начальствомъ
Гнея Сицинія, и воспрепятствовать высадкѣ Римлянъ. Но царь, уже
начинавшій со страхомъ помышлять о предстоявшихъ опасностяхъ,
пустился съ своимъ гостемъ, консуляромъ Квинтомъ Марціемъ Фи-
липпомъ, въ разные толки о вздорномъ значеніи римскаго объявле-
нія войны и склонился на его убѣжденія отсрочить нападеніе и
еще разъ завести переговоры о мирномъ соглашеніи съ Римомъ; на
это сенатъ отвѣчалъ, какъ и слѣдовало ожидать, высылкой всѣхъ
Македонянъ изъ Италіи и посадкой легионовъ на суда. Хотя сена-
торы старой школы и порицали «новую мудрость» своего сотовари-
ща и его неримское коварство, но цѣль была достигнута и когда
зима прошла Персей еще не трогался съ мѣста. Но римскіе дипло-
маты дѣятельно воспользовались этой отсрочкой для того, чтобы
лишить Персея всякой поддержки со стороны Грековъ. Въ Ахеянахъ
они были увѣрены. Даже принадлежавшіе къ патриотической партіи
Ахеяне не принимали никакого участія въ социальныхъ смутахъ и
ограничивались желаніемъ соблюдать нейтралитетъ; поэтому они от-
нюдь не были расположены отдавать себя въ распоряженіе Персея;
сверхъ того, именно въ ту пору Римлянамъ удалось поставить тамъ
во главѣ управленія людей, безусловно державшихъ сторону Рима.
Этолийская конфедерация хотя и обращалась, во время внутреннихъ
смуть, за помощью къ Персею, но выбранный подъ влияніемъ рим-
скихъ пословъ новый стратегъ Ликискъ заботился о римскихъ ин-
тересахъ болѣе самихъ Римлянъ. И у Фессалійцевъ римская партія
одержала верхъ. Даже Беотійцы, которые истаря держали сторону
Македоніи и дошли до крайняго экономическаго разстройства, не
стали открыто на сторонѣ Персея въ своемъ полномъ составѣ; только
три беотійскихъ города—Фисбы, Галиартъ и Коронея примкнули по
собственной инициативѣ къ Персею. Когда, въ отвѣтъ на жалобы
римскаго посла, правительство беотійской конфедерации объяснило
ему настоящее положеніе дѣлъ, онъ объявилъ, что слѣдуетъ пре-
доставить всѣмъ городамъ право высказаться по-одиночкѣ, такъ
какъ только этимъ способомъ можно узнать, какіе города стоятъ
за Римъ и какіе нѣтъ; тогда беотійская конфедерация совершенно
распалась. Нѣтъ никакого основанія утверждать, что воздвигнутое

197

172

Приготовле-
нія къ вой-
нѣ.

171

Эпаминондомъ великое зданіе было разрушено Римлянами: оно развалилось прежде, чѣмъ Римляне прикоснулись къ нему, а это послужило прелюдіей къ распаденію и другихъ еще болѣе крѣпко-сплоченныхъ греческихъ городскихъ союзовъ *). Съ войсками преданныхъ Риму беотійскихъ городовъ римскій посолъ Публій Лентуль приступилъ къ осадѣ Галиарта еще до появленія римскаго флота въ Эгейскомъ морѣ.—Халкида была занята ахейскими войсками, орестійская область—эпиротскими, дассаретскіе и иллирійскіе замки, находившіеся у западныхъ границъ Македоніи, — войсками Гнея Сицинія, а лишь только возобновилось мореплаваніе, въ Ларису былъ доставленъ гарнизонъ изъ 2000 человекъ. На все это Персей смотрѣлъ сложа руки; въ его власти не было ни одной пяди земли внѣ его собственныхъ владѣній, когда весной 583 года или, по официальному календарю, въ іюнѣ того года римскіе легіоны высадились на западномъ берегу. Сомнительно, нашолъ-ли бы Персей сколько-нибудь значительныхъ союзниковъ, даже если-бы его образъ дѣйствій былъ столько-же энергиченъ, сколько на самомъ дѣлѣ былъ вялъ; а при тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ, натурально, остался въ совершенномъ одиночествѣ и всѣ его старанія приобрести приверженцевъ покуда не привели ни къ чему. Карфагенъ, иллирійскій вождь Геней, Родосъ, малоазіатскіе вольные города и даже находившаяся до того времени въ тѣсной дружбѣ съ Персеемъ Византія предложили Римлянамъ свои военные корабли, отъ которыхъ Римляне отказались. Эвменъ мобилизовалъ свои сухопутныя и морскія военныя силы. Царь Каппадокіи Ариарахъ прислалъ въ Римъ заложниковъ безъ всякаго требованія со стороны Римлянъ. Зять Персея, царь Вионніи Прузій II остался нейтральнымъ. Во всей Греціи никто не шевельнулся. Сирійскій царь Антиохъ IV, называвшійся на канцелярскомъ языкѣ «богомъ, блестящимъ побѣдоносцемъ», въ отличіе отъ своего отца, прозваннаго «великимъ», не оставался въ бездѣйствіи, но только для того, чтобъ отнять во время этой войны сирійское побережье у совершенно безсильнаго Египта.

Начало
военныхъ
дѣйствій.

Однако, хотя Персей и вступилъ въ борьбу почти безъ всякихъ союзниковъ, онъ не былъ изъ такихъ противниковъ, которыми можно было пренебрегать. Въ его арміи было 43,000 человекъ,—въ томъ числѣ 21,000 фалангитовъ и 4,000 македонскихъ и еракійскихъ всадниковъ; остальные войска состояли болѣею частью изъ наѣмниковъ. Въ составъ римскихъ военныхъ силъ въ Греціи входили отъ 30 до 40 тысячъ италійскихъ войскъ и болѣе 10,000 вспомогательныхъ войскъ нумидійскихъ, лигурійскихъ, греческихъ, критскихъ и въ особенности пергамскихъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить флотъ, въ

*) Впрочемъ беотійская конфедерація была легально уничтожена не въ то время, а лишь послѣ разрушенія Коринфа [Павзаній, 7, 14, 4. 16, 6].

которомъ было только 40 палубныхъ судовъ, такъ какъ у него не было противниковъ (Персей, которому договоръ съ Римомъ воспре- щалъ строить военные корабли, только-что приступилъ къ соору- женію верфи въ Фессалоникѣ); но на этомъ флотѣ было до 10,000 десантныхъ войскъ, такъ какъ онъ предназначался главнымъ об- разомъ для содѣйствія при осадѣ крѣпостей. Флотомъ командовалъ Гай Лукрецій, а сухопутной арміей консулъ Публий Лициній Крассъ. Этотъ послѣдній оставилъ сильный отрядъ въ Иллиріи для того, **Вступленіе** чтобъ беспокоить Македонію съ западной стороны, а самъ напра- **Римлянъ въ** вылся съ главною арміей обычнымъ путемъ изъ Аполлоніи въ Фес- **Фессалию.** салію. Персей вовсе не пытался препятствовать этому трудному пе- реходу; онъ ограничился вступленіемъ въ Перребію и занятіемъ ближайшихъ крѣпостей. Онъ ожидалъ непріятеля подлѣ горы Оссы, а первое сраженіе между конницей и легкими войсками двухъ про- тивниковъ произошло неподалеку отъ Ларисы. Римляне потерпѣли **Неудачное и** рѣшительное пораженіе. Во главѣ еракійской конницы Котисъ опро- **валяе веде-** кинулъ и разсѣялъ италійскую, а во главѣ македонской конницы **ніе воен-** Персей опрокинулъ и разсѣялъ греческую; у **Римлянъ** было убито **ныхъ дѣй-** 2,000 пѣхотинцевъ и 2,000 всадниковъ; и было взято въ плѣнъ **ствій Рим-** 600 всадниковъ; они должны были считать за особое для себя **лянами.** счастье, что могли безъ всякихъ препятствій перейти обратно за Пеней. Персей воспользовался этой побѣдой для того, чтобъ просить мира на тѣхъ-же условіяхъ, на какихъ былъ заключенъ миръ съ Филиппомъ; онъ даже изъявилъ готовность уплатить такую-же сумму денегъ, какую уплатилъ Филиппъ. Римляне отвергли это предло- женіе; они никогда не заключали мирныхъ договоровъ послѣ поне- сеннаго пораженія, а въ настоящемъ случаѣ заключеніе мира не- премѣнно имѣло-бы послѣдствіемъ утрату Греціи. Однако плохой римскій полководецъ не зналъ, какъ вести наступательную войну; онъ бродилъ взадъ и впередъ по Фессаліи, не достигая никакихъ важныхъ результатовъ; Персей могъ-бы перейти въ наступленіе; онъ видѣлъ, что Римляне въ рукахъ плохого вождя и что они не зна- ютъ, на что рѣшиться; подобно летучему огоньку провнеслась по Греціи вѣсть, что греческая армія одержала въ первомъ сраженіи блистательную побѣду, а вторая побѣда могла вызвать общее воз- станіе греческихъ патриотовъ и могла вызвать партизанскую войну; послѣдствія которой были бы неисчислимы. Но Персей былъ хорошій солдатъ, а вовсе не такой полководецъ, какимъ былъ его отецъ; онъ приготовился къ оборонительной войнѣ, а когда дѣла приняли новый оборотъ, онъ совершенно растерялся. Незначительная побѣда, которая была одержана Римлянами во время кавалерійской схватки подлѣ Фаланны, послужила для него поводомъ для того, чтобъ воз- вратиться, — какъ это свойственно ограниченнымъ и упрямымъ лю- дямъ, — къ его первоначальному плану военныхъ дѣйствій и очистить

Фессалию. Это, конечно, было то-же, что отказаться от всяких надежд на возстаніе Эллиновъ; а чего могъ-бы достигнуть Персей, если-бы дѣйствовалъ иначе, видно изъ перехода Эпиротовъ на сторону ихъ прежнихъ противниковъ. Съ тѣхъ поръ ни съ которой стороны не предпринималось ничего серьезнаго; Персей осилилъ царя Генею и наказалъ Дардановъ, а Котисъ, по его приказанію, выбилъ изъ Фракіи преданныхъ Риму Фракійцевъ и пергамскія войска. Съ другой стороны, западная римская армія завладѣла нѣсколькими иллирійскими городами, а консулъ постарался выгнать изъ Фессалии македонскіе гарнизоны и оградить себя отъ безпкойныхъ Этолянъ и Акарнанцевъ занятіемъ Амбракіи. Всего тяжелѣе обрушилось геройское мужество Римлянъ на несчастные беотійскіе города, державшіе сторону Персея; римскій адмиралъ Гай Лукрецій продалъ въ рабство и жителей Фисбы, которые сдались ему безъ сопротивленія лишь только онъ появился передъ городомъ, и жителей Галиарта, который заперъ передъ нимъ свои ворота и который пришлось брать приступомъ; точно такъ-же поступилъ съ жителями Короней консулъ Крассъ, не смотря на то, что этотъ городъ сдался на капитуляцію. Никогда еще въ римской арміи не было такой плохой дисциплины, какъ при этихъ начальникахъ. Они до такой степени распустили армію, что даже въ слѣдующую кампанію 584 года новый консулъ Авлъ Гостилій не могъ помышлять ни о какомъ серьезномъ предпріятіи; къ тому-же новый адмиралъ Луцій Гортензій оказался такимъ-же неспособнымъ и недобросовѣстнымъ человѣкомъ, какимъ былъ его предмѣстникъ. Флотъ приближался то къ одному, то къ другому изъ городовъ, стоявшихъ на берегахъ Фракіи; но это не вело ни къ чему. Западная армія, находившаяся подъ начальствомъ Аппія Клавдія, для котораго главною квартирой служилъ Лихнидъ на дессаретской территоріи, терпѣла одну неудачу вслѣдъ за другой; экспедиція, предпринятая оттуда внутрь Македоніи, совершенно не удалась, а въ началѣ зимы, когда глубокій снѣгъ сдѣлалъ непроходимыми горныя ущелья на южной границѣ Македоніи и вслѣдствіе того оказались ненужными стоявшія тамъ войска, царь напалъ съ этими войсками на Аппія, отнялъ у него много городовъ, захватилъ много плѣнниковъ и завязалъ сношенія съ царемъ Генею; онъ даже могъ сдѣлать попытку вторженія въ Этолію благодаря тому, что Аппій потерпѣлъ пораженіе отъ гарнизона какой-то крѣпости, которую онъ безуспѣшно осаждалъ въ Эпирѣ. Главная римская армія нѣсколько разъ пыталась проникнуть въ Македонію сначала черезъ Камбунійскія горы, а потомъ черезъ ущелья Фессалии, но эти нападенія были ведены слабо и были отражены Персеемъ. Консулъ болѣе всего занимался переустройствомъ арміи, которое конечно было болѣе всего необходимо, но для котораго нуженъ былъ начальникъ и болѣе взыскательный и болѣе знаменитый,

170

какъ полководецъ. Отставки и отпуска продавались за деньги; поэтому отряды никогда не были въ полномъ комплектѣ; войско размѣщалось на лѣто по квартирамъ; офицеры крали крупными кушами, а солдаты — по мелочамъ; къ дружественнымъ народамъ Римляне относились съ оскорбительнымъ недоверьемъ, — такъ напримѣръ они свалили вину постыднаго пораженія при Ларисѣ на мнимую измену этолійской конницы и совершили неслыханную несправедливость, отправивши офицеровъ этой конницы въ Римъ для преданія ихъ уголовному суду, а своей неосновательной подозрительностью они побудили жившихъ въ Эпирѣ Молоттовъ отложиться отъ Рима; союзные города облагались военными контрибуціями, точно будто они были завоеваны; а когда мѣстные жители обращались съ жалобами къ римскому сенату, ихъ предавали казни или продавали въ рабство, — такъ было поступлено съ Абдерой и съ Халкидой. Сенатъ обратилъ на это серьезное вниманіе *): онъ приказалъ освободить несчастныхъ гражданъ Коронеи и Абдеры и запретилъ римскимъ должностнымъ лицамъ облагать союзниковъ повинностями безъ разрѣшенія сената. Гай Лукрецій былъ единогласно осужденъ гражданствомъ. Тѣмъ не менѣе результаты этихъ двухъ первыхъ кампаній были въ военномъ отношеніи ничтожны, а въ политическомъ позорны для Римлянъ, между тѣмъ какъ своими необычайными успѣхами на востокѣ Римляне были немало обязаны своему безукоризненному въ нравственномъ отношеніи поведенію, представлявшему рѣзкій контрастъ съ скандальнымъ поведеніемъ Эллиновъ. Если-бы на мѣстѣ Персея былъ Филиппъ, то эта война, вѣроятно, началась-бы уничтоженіемъ римской арміи и отпаденіемъ большинства Эллиновъ; но Римъ былъ такъ счастливъ, что его ошибки всегда оказывались ничтожными въ сравненіи съ ошибками его противниковъ. Персей ограничился тѣмъ, что въ своей Македоніи, представляющей съ южной и съ западной стороны настоящую горную крѣпость, онъ укрѣпился какъ въ осажденномъ городѣ.

169

И третьему главнокомандующему, отправленному въ 585 году изъ Рима въ Македонію, — тому самому Квинту Марцію Филиппу, который, какъ было ранѣ замѣчено, такъ честно воспользовался гостеприимствомъ царя, — была не по силамъ вовсе нелегкая задача, за которую онъ брался. Онъ былъ честолюбивъ и предприимчивъ, но былъ плохимъ военачальникомъ. Чтобы перебраться черезъ Олимпъ Лапаескимъ ущельемъ къ западу отъ Темпей, онъ оставилъ отрядъ противъ занимавшаго тѣснины непріятеля, а самъ съ главной арміей про-

Марцій про-
никаетъ
с-возъ Тем-
пейское
ущелье въ
Македонію.

*) Недавно найденное сенатское рѣшеніе отъ 9 отк. 584, которымъ регулировались правовыя отношенія жителей Физъ [Ephemeris epigraphica 1872, стр. 278 и сл.; сообщ. афинск. археолог. института, 4, 235 и сл.], даетъ ясное понятіе объ описываемыхъ событіяхъ.

дожилъ себѣ дорогу черезъ непроходимыя стремнины въ Гераклею; но это дерзкое предпріятіе нисколько не оправдывается тѣмъ, что оно удалось. Не только горсть смѣлыхъ людей могла-бы загородить ему дорогу, при чемъ отступление было бы для него невысказано, но и послѣ перехода черезъ горы онъ имѣлъ передъ собою главную македонскую армію; у него въ тылу находились сильно укрѣпленныя горныя крѣпости Темпея и Лапаеъ, онъ былъ тѣсно прижатъ къ узкому морскому берегу, былъ лишонъ подвоза припасовъ и не могъ продовольствовать свою армію фуражировками; онъ находился въ такомъ же безвыходномъ положеніи, когда въ бытность въ первый разъ консуломъ былъ окруженъ непріателемъ въ лигурійскихъ тѣснинахъ, съ тѣхъ поръ называвшихся его именемъ. Но въ ту пору его спасла счастливая случайность, а теперь его спасла неспособность Персея. Царь, по видимому, проникся убѣжденіемъ, что единственное средство обороняться отъ Римлянъ—запереть имъ горныя проходы; поэтому, когда онъ увидѣлъ Римлянъ по сю сторону горъ, онъ счелъ свое дѣло проиграннымъ, торопливо отступилъ къ Пидіѣ, приказавъ сжечь свои корабли и потопить свои собровища. Но даже это добровольное отступление македонской арміи не вывело консула изъ его труднаго положенія. Хотя онъ сталъ безпрепятственно подвигаться впередъ, но послѣ четырехъ-дневнаго перехода былъ принужденъ воротиться назадъ вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ; а такъ какъ царь одумался и поспѣшилъ возвратиться назадъ, чтобы снова занять покинутую имъ позицію, то римская армія находилась бы въ крайне-опасномъ положеніи, если-бы не сдалась на капитуляцію неприступная Темпея, въ которой непріатель нашолъ обильные запасы продовольствія. Благодаря взятію Темпеи были обезпечены сообщенія римской арміи съ югомъ; но Персей сильно укрѣпился на своей прежней, удачно выбранной, позиціи на берегахъ маленькаго рѣчки Эльпія и загородилъ Римлянамъ путь для дальнѣйшаго наступленія. Поэтому римская армія простояла остальную часть лѣта и всю зиму запертой въ крайнемъ уголѣ Фессаліи, и если переходъ черезъ тѣснины былъ во всякомъ случаѣ успѣхомъ и первымъ важнымъ успѣхомъ, достигнутымъ въ этой войнѣ, то Римляне были имъ обязаны не искусству своего главнокомандующаго, а безтолковости непріятельскаго вождя. Римскій флотъ тщетно попытался завладѣть Деметріадою и вообще не достигъ никакихъ результатовъ. Легкіе корабли Персея смѣло плавали между Цикладами, защищали направлявшіяся въ Македонію суда съ хлѣбомъ и нападали на непріятельскіе транспорты. Въ западной арміи дѣла шли еще хуже: Аппій Клавдій не могъ ничего предпринять съ своимъ слабымъ отрядомъ, а вспомогательныя войска, которыхъ онъ требовалъ изъ Ахайи, не были ему доставлены, потому что консулъ задержалъ ихъ изъ зависти. Къ тому же Генейи соблазнился обѣщаніемъ Персея

Армія у
Эльпія.

заплатить ему большую сумму денег за разрывъ союза съ Римомъ и приказалъ заключить римскихъ пословъ въ тюрьму; однако бережливый царь нашолъ излишнимъ уплачивать обѣщанныя деньги въ виду того, что Геней и безъ того былъ вынужденъ отказаться отъ своего прежняго двусмысленнаго положенія и рѣшительно перейти на сторону враговъ Рима. Такимъ образомъ, кромѣ главной войны, уже длившейся три года, Римлянамъ пришлось вести и другую менѣе важную войну. Персей могъ бы создать для Римлянъ и еще болѣе опасныхъ враговъ, если-бы былъ въ состояннн разстаться съ своимъ золотомъ. Въ самой Македоннн ему предложило вступить къ нему на службу сборище Кельтовъ, находившееся подъ начальствомъ Клондика и состоявшее изъ 10,000 всадниковъ и столькихъ-же пѣхотинцевъ; но дѣло не состоялось, потому что нельзя было достигнуть соглашенія касательно размѣра жалованья. И въ Элладѣ умы были въ такомъ сильномъ броженнн, что тамъ не трудно-бы было возжечь партизанскую войну, если-бы за это взялись съ небольшою ловкостью и если-бы не жалѣли денегъ; но такъ какъ Персей не хотѣлъ платить, а Греки ничего не дѣлали даромъ, то спокойствіе страны не было нарушено.

Въ Римѣ наконецъ рѣшились отправить въ Грецію такого человека, какой былъ тамъ нуженъ. Это былъ Луцій Эмилий Павелъ, сынъ павшаго при Каннахъ консула того же имени; онъ происходилъ отъ стариннаго знатнаго рода, но былъ небогатъ и потому не имѣлъ на выборахъ такой же удачи, какъ на поляхъ сраженій, на которыхъ очень отличился въ Испаннн и въ особенности въ Лигурнн. Народъ вторично выбралъ его консуломъ на 586 годъ ради его заслугъ, — что въ ту пору уже было рѣдкимъ исключеніемъ. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ такимъ человекомъ, какой былъ нуженъ: онъ былъ превосходнымъ полководцемъ изъ старой школы, былъ строгъ къ самому себѣ и къ своимъ подчиненнымъ и, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, былъ еще свѣжъ умомъ и крѣпокъ здоровьемъ; онъ былъ неподкупнымъ сановникомъ, — «однимъ изъ тѣхъ немногихъ Римлянъ того времени, которымъ вѣлья было предложить взятку», какъ отзывался о немъ одинъ изъ его современниковъ; онъ получилъ эллинское образованіе и воспользовался своимъ назначеніемъ въ главнокомандующіе для того, чтобъ объѣхать Грецію и познакомиться съ ея художественными произведеніями. — Лишь только новый главнокомандующій прибылъ въ лагерь при Гераклеѣ, онъ приказалъ Публию Назію завладѣть въ располхъ слабо защищеннымъ ущельемъ подлѣ Писіона, а тѣмъ временемъ отвлекалъ вниманіе Македонянъ форпостными схватками въ руслѣ Эльпія; такимъ образомъ непріятель былъ обойденъ и долженъ былъ отступить къ Пиднѣ. По римскому лѣтосчисленію 4 сентября, а по Юліанскому календарю 22 іюня 586 года (одинъ образованный римскій офицеръ предупредилъ

Павелъ.

168

Персей от-
тѣсненъ къ
Пиднѣ.

Битва при
Пиднѣ.

168

армію о предстоявшемъ лунномъ затменіи для того, чтобъ она не приняла его за дурное предзнаменованіе; это и даетъ намъ возможность съ точностью опредѣлить въ настоящемъ случаѣ время), форпосты случайно вступили въ рукопашный бой въ то время, какъ водили послѣ своего обѣда лошадей на водопой; тогда обѣ стороны рѣшились немедленно вступить въ сраженіе, которое было предложено на слѣдующій день. Престарѣлый римскій главнокомандующій обходилъ безъ шлема и безъ панциря ряды своей арміи и самъ размѣщаль своихъ солдатъ по мѣстамъ. Лишь только они выстроились, на нихъ устрежилась страшная фаланга; самъ полководецъ, выдавшій не мало упорныхъ битвъ, потомъ признавался, что его стала пробирать дрожь. Римскій авангардъ рассыпался въ прахъ; одна пелигвійская когорта была изрублена и почти совершенно уничтожена; даже легіоны стали торопливо отступать, пока не достигли возвышенія, находившагося подлѣ самаго римскаго лагеря. Тамъ счастье перевернулось. Фаланга раздѣлилась на части вслѣдствіе неровностей почвы и торопливаго преслѣдованія; Римляне проникли отдѣльными когортами во всѣ ея промежутки и напали на нее и съ фланговъ и съ тылу; а такъ какъ македонская конница, которая одна только и могла бы помочь, стояла неподвижно, а потомъ стала цѣлыми массами уходить (самъ царь былъ въ этомъ случаѣ изъ первыхъ), то судьба Македоніи была рѣшена въ теченіе менѣе одного часа. 3000 отборныхъ фалангитовъ были изрублены всѣ до послѣдняго человѣка, — точно будто фаланга сама хотѣла покончить свое существованіе въ этой своей послѣдней большой битвѣ. Пораженіе было ужасно: 20,000 Македонянъ пали на полѣ сраженія, 11,000 были взяты въ плѣнъ. Война была кончена въ пятнадцатый день послѣ того, какъ Павелъ принялъ главное начальство; въ теченіе двухъ дней покорилась вся Македонія. Царь убѣжалъ съ своимъ золотомъ — въ его кассѣ еще оставалось болѣе 6000 талантовъ (10 милл. тал.) — въ Самоэракію въ сопровожденіи нѣсколькихъ преданныхъ людей. Но когда онъ самъ убилъ одного изъ этихъ людей — Критянина Эвандра, котораго слѣдовало привлечь къ отвѣту за подстрекательство къ попыткѣ убить Эвмена, — то его покинули даже царскіе пажы и его послѣдніе спутники. Одну минуту онъ надѣялся, что его спасетъ право убѣжища; но онъ самъ наконецъ понялъ, что хватается за соломенку. Попытка бѣжать къ Котису ему неудалась. Тогда онъ написалъ письмо къ консулу; но это письмо не было принято, потому что онъ называлъ себя царемъ. Онъ подчинился своей участи и вмѣстѣ съ своими дѣтьми и своими сокровищами безусловно отдался въ руки Римлянъ съ такимъ уныніемъ и съ такими слезами, что внушилъ побѣдителямъ отвращеніе. Искренно радуясь и помышляя не столько о своемъ успѣхѣ, сколько о превратностяхъ судьбы, консулъ принялъ самого знатнаго

Персей
взятъ въ
плѣнъ.

изъ всѣхъ плѣнниковъ, какихъ когда либо удавалось римскимъ полководцамъ приводить въ свое отечество. Персей умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того государственнымъ плѣнникомъ въ Альбѣ, на Фуцинскомъ озерѣ *); его сынъ впоследствии жилъ въ той-же части Италіи писцомъ. — Такимъ образомъ царство Александра Великаго, покорившее и эллинизировавшее востокъ, разрушилось черезъ 144 года послѣ его смерти. — А какъ будто для того, чтобъ трагедія не прошла и безъ забавнаго фарса, преторъ Луцій Аницій началъ и окончилъ въ теченіе тридцати дней войну съ «царемъ» Иллиріи Геноемъ: флотъ пиратовъ былъ захваченъ Римлянами, столица Скандра была взята и оба царя — и преемникъ великаго Александра и преемникъ Плеврата — вступили плѣнниками въ Римъ рядомъ другъ съ другомъ.

Сенатъ рѣшилъ, что та опасность, которую навлекла на Римъ Македонскіе неумѣстная снисходительность Фламинія, не должна возобновляться. **государство Македонское государство было уничтожено.** На конференціи въ Амфиполѣ, на берегахъ Стримона, римская коммиссія рѣшила раздѣлить крѣпко-сплоченную и цѣльную монархическую державу на четыре республиканско-федеративныхъ общинныхъ союза, скроенныхъ по образцу греческихъ конфедераций, — на амфиполійскій въ восточной части Македоніи, тессалоникскій съ Халкидскимъ полуостровомъ, пеллаискій на границѣ Тессаліи и пелагонійскій внутри страны. Браки между лицами, принадлежавшими къ различнымъ конфедерациямъ, были признаны незаконными, и дозволялось пріобрѣтать оубдлость только въ одной изъ этихъ конфедераций. Всѣ бывшіе царскіе чиновники и ихъ взрослые сыновья были обязаны, подъ страхомъ смертной казни, покинуть свое отечество и переселиться въ Италію, — Римляне, не безъ основанія, все еще опасались проявленій старинной преданности къ царю. Что касается всего остальнаго, то земскія права и прежнія учрежденія были оставлены безъ измѣненій; конечно, назначеніе должностныхъ лицъ должно было впредь зависть отъ общинныхъ выборовъ, а власть была отдана въ руки знати какъ въ общинахъ, такъ и въ конфедерацияхъ. Коронные имущества и доходы не были переданы конфедерациямъ и было запрещено разрабатывать золотыя и серебряныя руды, составлявшія главное богатство страны; однако въ 596 году было снова разрѣшено разрабатывать по меньшей мѣрѣ серебряныя руды **).

158

*) Рассказываютъ, будто Римляне, желая въ одно и то-же время и сдержать свое слово, что его не лишать жизни, и отомстить ему, убили его тѣмъ, что лишили сна; но этотъ рассказъ, конечно, принадлежитъ къ разряду вымысловъ.

**) Утвержденіе Кассіодора, что раскопки македонскихъ рудниковъ возобновились въ 596 году, подтверждается монетами. До насъ не дошло золотыхъ монетъ изъ четырехъ округовъ Македоніи; поэтому слѣдуетъ полагать, или что зо-

158

Было запрещено ввозить соль и вывозить корабельный строевой дѣсь. Поземельный налогъ, который до того времени уплачивался царю, былъ отмѣненъ, а конфедераціямъ и общинамъ было предоставлено право облагать самихъ себя налогами; но онѣ должны были уплачивать Риму половину прежняго поземельнаго налога въ разъ навсегда установленномъ размѣрѣ 100 талантовъ (170.000 тал.) въ годъ *). Вся страна была навсегда обезоружена, а крѣпость Деметриада была скрыта; только на сѣверной границѣ было приказано содержать военный кордонъ для защиты отъ нашествій варваровъ. Изъ выданнаго Македонянами оружія мѣдные щиты были отосланы въ Римъ, а все остальное было сожжено.—Цѣль была достигнута. Македонія еще два раза бралась за оружіе по зову принцевъ изъ прежняго царскаго дома, однако, за исключеніемъ этихъ двухъ возстаній, не имѣла никакой исторіи съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени.—Точно такъ-же было поступлено съ Иллиріей. Царство Генейя было раздѣлено на три небольшихъ республики; и тамъ осѣдлые жители уплачивали своимъ новымъ повелителямъ прежніе поземельные налоги въ половинномъ размѣрѣ; исключеніе было сдѣлано только въ пользу городовъ, стоявшихъ на сторонѣ Рима: они были награждены освобожденіемъ отъ поземельныхъ налоговъ; но въ Македоніи не было никакого повода для подобныхъ изытій. Флотъ иллирійскихъ пиратовъ былъ конфискованъ и подаренъ самымъ значительнымъ изъ находившихся на тѣхъ берегахъ греческихъ общинъ. Такимъ образомъ если не навсегда, то на долгое время были прекращены непрестанныя вымогательства, которымъ подвергали своихъ сосѣдей Иллирійцы и въ особенности иллирійскіе корсары.—Во Фракіи Римляне простили Котиса и возвратили ему попавшагося въ плѣнъ сына, потому что до него трудно было добраться, да сверхъ того можно было при случаѣ воспользоваться его услугами противъ Эвмеца.—Такимъ образомъ все было приведено въ порядокъ на сѣверѣ и Македонія была наконецъ избавлена отъ ига монархіи—

Раздробленіе Иллиріи.

Котисъ.

лотые рудники были закрыты или что добывавшееся изъ нихъ золото обращалось въ слитки. Напротивъ того есть серебряныя монеты Первой Македоніи [Амфиполиской], въ которой находились серебряныя руды. Въ виду того, что промежутокъ времени [596—603], въ теченіе котораго онѣ чеканились, очень коротокъ, слѣдуетъ полагать, или что рудники разрабатывались очень дѣятельно или что старинная царская монета перечеканивалась въ огромномъ размѣрѣ.

158—146

*) Если македонскія общины и „были освобождены Римлянами отъ господскихъ налоговъ и податей“ [Полибій, 37, 4], то изъ этого еще не слѣдуетъ, что и впослѣдствіи не взымалось никакихъ налоговъ. Для объясненія словъ Полибія достаточно предположить, что господскіе налоги превратились въ общинные. Впрочемъ тотъ фактъ, что учрежденія, введенныя Павломъ въ провинціи Македоніи, существовали по меньшей мѣрѣ до временъ Августа [Ливій, 45, 32; Юстин. 33, 2], конечно, совмѣстимъ съ освобожденіемъ отъ налоговъ.

Греція, дѣйствительно, сдѣлалась болѣе свободной, чѣмъ когда либо, и въ ней не осталось ни одного царя.

Уладокъ
Греціи.

Но Римляне не ограничились тѣмъ, что перерѣзали жилы и нервы Македоніи. Въ сенатѣ было рѣшено разъ навсегда сдѣлать безвредными всѣ эллискія государства безъ всякаго различія между друзьями и недругами, и всѣ ихъ поставить въ одинакую смиренную зависимость отъ Рима. Сама по себѣ эта задача не была лишена достаточныхъ мотивовъ; но ея выполненіе, — въ особенности относительно самыхъ могущественныхъ изъ греческихъ государствъ, — было недостойно великой державы и свидѣтельствовало о томъ, что уже прошли времена Фабіевъ и Спипіоновъ. Отъ этой перемены ролей всѣхъ болѣе пострадало то государство, которое было создано и увеличено Римомъ для того, чтобъ держать въ покорности Македонію, но въ которомъ Римляне уже не нуждались съ тѣхъ поръ, какъ Македонія перестала существовать — царство Атталидовъ. Противъ благоразумнаго и осмотрительнаго Эмена не легко было прискать сколько нибудь благовидный предлогъ для того, чтобъ уничтожить его привилегированное положеніе и подвергнуть его опалѣ. Около того времени, когда Римляне стояли лагеремъ подъ Гераклеей, внезапно распространились на его счетъ самые странные слухи: стали рассказывать, будто онъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ Персеемъ, будто его флотъ внезапно исчезъ, будто за его участие въ кампаніи ему было предложено 500 талантовъ, а за его посредничество при заключеніи мира 1500 талантовъ, и что соглашеніе не состоялось только вслѣдствіе скупости Персея. Чтò касается пергамскаго флота, то царь возвратился съ нимъ домой вслѣдъ за уходомъ римскаго флота на зимнюю стоянку, и предварительно откланялся консулу. Рассказъ о подкупѣ, безъ сомнѣнія, выдумка въ родѣ нашихъ теперешнихъ газетныхъ утокъ; вѣдь богатый, хитрый и послѣдовательный въ своихъ дѣйствіяхъ Атталидъ вызвалъ разрывъ между Римомъ и Македоніей своей поѣздкой 582 года и едва не былъ за это убитъ подосланными Персеемъ бандитами; неужели-же онъ сталъ-бы продавать своему убійцѣ за нѣсколько талантовъ своеправо на участіе въ добычѣ и сталъ-бы изъ-за такихъ пустяковъ отказываться отъ результатовъ многолѣтнихъ усилій именно въ то время, когда уже были преодолены главныя трудности войны, въ счастливомъ исходѣ которой онъ впрочемъ никогда не могъ сомнѣваться; такое обвиненіе не только ложь, но и очень глупая ложь. Не подлежитъ сомнѣнію, что на это не было никакихъ доказательствъ ни въ бумагахъ Персея, ни гдѣ-бы то ни было, такъ какъ даже Римляне не осмѣливались громко высказывать такія подозрѣнія. Но у нихъ была своя цѣль. Къ чему они стремились, видно изъ обхожденія римскихъ вельможъ съ братомъ Эмена, Атталомъ, который командовалъ въ Греціи пергамскими вспомогательными войсками.

Какъ обош-
лись Рим-
ляне съ
Пергамомъ.

Онъ былъ принятъ въ Римѣ съ отвергнутыми объятіями, какъ храбрый и вѣрный боевой товарищъ, и его тамъ поощряли просить не за своего брата, а за самого себя; ему намекали, что сенатъ охотно отведеть ему особое царство. Атталъ просилъ только Эноса и Маронен. Сенатъ полагалъ, что это только предварительная просьба и исполнилъ ее съ большой любезностью. Но когда Атталъ уѣхалъ изъ Рима, не предъявивъ никакихъ дальнѣйшихъ требованій, а сенатъ пришелъ къ убѣжденію, что члены пергамскаго царствующаго дома живутъ въ такомъ взаимномъ согласіи, какое не встрѣчается въ другихъ царствующихъ домахъ, то Эносъ и Мароненъ были объявлены вольными городами. Пергамцы не получили изъ македонской добычи ни одного клочка земли; послѣ побѣды надъ Антиохомъ Римляне еще соблюдали по отношенію къ Филиппу вѣщія формы приличія, а теперь они намѣренно оскорбляли и унижали Эвена. Какъ кажется, около того времени сенатъ объявилъ независимой Памфилю, изъ-за обладанія которой шло споръ между Эвеномъ и Антиохомъ. Еще важнѣе было столкновеніе съ Галатами: съ тѣхъ поръ, какъ Эвенъ вытѣснилъ понтійскаго царя изъ Галатіи и принудилъ его при заключеніи мира отказаться отъ всякихъ союзовъ съ галатскими князьями, этотъ народъ находился подъ властію Эвена; но теперь—безъ сомнѣнія разсчитывая на разладъ между Эвеномъ и Римлянами, а можетъ быть и по наущенію этихъ послѣднихъ,—Галаты возстали противъ Эвена, наводили его владѣнія и довели его до очень опаснаго положенія. Эвенъ сталъ просить Римлянъ о посредничествѣ; римскій посолъ изъяснилъ готовность исполнить это желаніе, но полагалъ, что командовавшій пергамской арміей Атталъ лучше-бы сдѣлалъ, еслибы не сопровождалъ его, такъ какъ могъ смутить дикарей своимъ присутствіемъ; заслуживаетъ вниманіе тотъ фактъ, что посолъ ничего не уладилъ и даже разсказывалъ по возвращеніи отъ дикарей, что ихъ только раздражило его посредничество. Вскорѣ послѣ того независимость Галатовъ была положительно признана и гарантирована сенатомъ. Эвенъ рѣшился отправиться въ Римъ, чтобъ лично отстаивать свои интересы передъ сенатомъ. Но сенатъ, точно будто мучимый угрызеніями совѣсти, неожиданно постановилъ рѣшеніе, что цари впредь не должны являться въ Римъ, и послалъ въ Брундизій навстрѣчу къ Эвену квестора съ порученіемъ сообщить ему содержаніе этого сенатскаго рѣшенія, спросить у него, что ему нужно, и объяснить ему, что его послѣдній отъѣздъ домой очень желателенъ. Царь долго не говорилъ ни слова; наконецъ онъ отвѣтилъ, что ему ничего не нужно, и снова сѣлъ на корабль. Онъ понималъ, въ чемъ дѣло,—онъ понималъ, что уже прошло то время, когда Римъ допускалъ существованіе полусамодержавныхъ и полусвободныхъ союзовъ, и что теперь настала пора безусловной покорности.

Такая-же участь постигла Родосцевъ. Имъ были предоставлены неприимѣрныя преимущества; они находились съ Римомъ не въ настоящемъ союзѣ, а въ равноправныхъ дружескихъ отношеніяхъ, которыя не мѣшали имъ заключать союзы по своему усмотрѣнію и не обязывали ихъ доставлять по требованію Римлянъ вспомогательныя войска. Вѣроятно, именно по этой причинѣ стала обнаруживаться разладъ между ними и Римлянами. Первые несогласія съ Римомъ возникли вслѣдствіе возстанія Ликійцевъ, доставшихся послѣ побѣды надъ Антиохомъ на долю Родосцевъ, которые (576) обошлись съ ними какъ съ возмущившимися подданными и обратили ихъ въ неволю; но Ликійцы утверждали, что они не подданные, а союзники Родосцевъ, и доказали это передъ римскимъ сенатомъ, когда этому послѣднему было предоставлено разъяснить сомнительный смыслъ мирнаго договора. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ конечно главную роль играло основательное состраданіе къ сильно-угнетеннымъ людямъ; по крайней мѣрѣ Римъ не пошелъ далѣе въ своемъ вмѣшательствѣ и отнесся къ этой распрѣ съ такимъ-же безучастіемъ, съ какимъ относился ко всѣмъ эллинскимъ распрямъ. Когда вспыхнула война съ Персеемъ, Родосцы были этимъ недовольны, какъ и всѣ остальные здравомыслившіе Греки; въ особенности Эвменъ былъ у нихъ на дурномъ счету, какъ зачинщикъ этой войны; его торжественное посольство даже не было допущено въ Родосъ на праздникъ Гелія. Однако это не помѣшало имъ крѣпко стоять за Римъ и не допускать къ кормилу правленія македонскую партію, которая существовала въ Родосѣ, какъ и во всей Греціи; данное имъ еще въ 585 году дозволеніе вывозить изъ Сициліи хлѣбъ свидѣтельствовало о томъ, что ихъ добрыя отношенія съ Римомъ еще не были въ ту пору нарушены. Но незадолго до битвы при Пиднѣ родосскіе послы неожиданно появились въ римской главной квартирѣ и въ римскомъ сенатѣ съ заявленіемъ, что Родосцы не намѣрены долѣе допускать войну, отъ которой сильно страдаютъ ихъ торговля сношенія съ Македоніей и сборы портовыхъ пошлинъ, что они рѣшились сами объявить войну той изъ двухъ державъ, которая не согласится заключить миръ, и что въ этихъ видахъ они уже заключили союзъ съ Критомъ и съ азіатскими городами. Отъ республики, въ которой всё рѣшаютъ всенародныя сходки, можно всего ожидать; но это безразсудное вмѣшательство торговаго города, на которое Родосцы могли рѣшиться не иначе какъ по полученіи извѣстія о занятіи Римлянами Темпейскаго ущелья, требуетъ болѣе подробнаго объясненія. Ключемъ къ разрѣшенію этой загадки можетъ служить достовѣрно засвидѣтельствованный фактъ, что консулъ Квинтъ Марцій, — тотъ самый, который былъ такимъ мастеромъ въ «новомодной дипломатіи», — осыпалъ родосскаго посла Агеполиса любезностями въ лагерѣ подъ Гераклеей, стало быть послѣ за-

Униженіе
Родоса.

178

169

нятія Темпейскаго ущелья, и тайкомъ попросилъ его уладить мирное соглашеніе. Остальное довершили республиканское безразсудство и республиканское тщеславіе; Родосцы вообразили, что Римляне считаютъ себя погибшими; ихъ соблазняла роль посредниковъ между четырьмя великими державами—и они завязали сношенія съ Персеемъ; родосскіе послы, выбранные между людьми, сочувствовавшими Македоніи, наговорили болѣе того, что имъ было поручено говорить, и Родосъ попался въ западню. Сенатъ, безъ сомнѣнія, почти ничего не знавшій о заведенныхъ интригахъ, узналъ о странномъ родосскомъ посольствѣ съ совершенно понятнымъ негодованіемъ и воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ унизить самонадѣянный торговый городъ. Одинъ воинственный преторъ даже дошелъ до того, что предложилъ народному собранію объявить Родосу войну. Родосскіе послы, не разъ стоя на колѣнахъ, тщетно умоляли сенатъ не позабывать ста-сорока-лѣтней дружбы изъ-за одной погрѣшности; Родосцы тщетно возводили на эшафотъ или отправляли въ Римъ вожаковъ македонской партіи и тщетно присылали тяжелый золотой вѣнокъ въ знакъ признательности за несостоявшееся объявленіе войны. Честный Катонъ напрасно доказывалъ, что Родосцы въ сущности не совершили никакого преступленія; онъ тщетно задавался вопросомъ: неужели Римляне хотятъ положить начало преслѣдованіямъ за желанія и за помыслы, и неужели можно ставить народамъ въ вину ихъ опасеніе, что когда Римлянамъ некого будетъ бояться, они будутъ всё себѣ позволять? Его слова и предостереженія были напрасны. Сенатъ отнялъ у Родосцевъ ихъ владѣнія на материкѣ, приносившія ежегодный доходъ въ 120 талантовъ (200.000 тал.). Еще болѣе тяжелые удары обрушились на родосскую торговлю. Запрещеніе ввозить въ Македонію соль и вывозить оттуда корабельный строевой лѣсъ было, повидимому, направлено противъ Родосцевъ. Болѣе непосредственный вредъ былъ причиненъ родосской торговлѣ учрежденіемъ порто-франко на островѣ Делосъ; родосскія портовые пошлины, до того времени приносившія ежегодный доходъ въ 1 милл. драхмъ (286.000 тал.), уменьшились въ очень короткое время до 150.000 драхмъ (43.000 тал.). Родосцы были вообще стѣснены въ своей свободѣ, а вслѣдствіе того и въ своей вольной и смѣлой торговой политикѣ; съ тѣхъ поръ и родосское государство стало хилѣть. Даже просьба о дозволеніи снова вступить въ союзъ съ Римомъ сначала была отвергнута и этотъ союзъ былъ возобновленъ лишь въ 590 году вслѣдствіе неоднократныхъ просьбъ Родосцевъ. Одинаково виновные, но совершенно безсильные Критяне отдѣлялись тѣмъ, что получили строгій договоръ.

164

Вѣдательство Съ Сиріей и съ Египтомъ было нетрудно справиться. Между этими двумя государствами вспыхнула война снова изъ-за облада-

нія Келесиріей и Палестиной. Египтяне утверждали, что эти провинціи были уступлены Египту при вступленіи въ бракъ сирійской принцессы Клеопатры; но этого не признавалъ вавилонскій дворъ, фактически владѣвшій тѣми провинціями. Поводомъ для ссоры, какъ кажется, послужило то обстоятельство, что на приданое Клеопатры были назначены подати келесирійскихъ городовъ, а права были Сирійцы; поводомъ для начала войны послужила въ 581 году смерть Клеопатры, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ прекратилась уплата ренты. Войну, какъ кажется, началъ Египетъ; но и царь Антиохъ Эпифанъ воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ еще разъ (это былъ послѣдній разъ) попытаться достигнуть традиціонной цѣли Селевкидовъ — завоеванія Египта тѣмъ временемъ, какъ Римляне были заняты въ Македоніи. Счастье, повидимому, благоприятствовало ему. Тогдашній египетскій царь, сынъ Клеопатры, Птолемей Шестой Филометоръ едва вышелъ изъ дѣтскаго возраста и былъ окруженъ плохими совѣтниками; послѣ большой побѣды на сирійско-египетской границѣ, Антиохъ вступилъ во владѣнія своего племянника въ томъ самомъ году, когда римскіе легіоны высадились въ Греціи (583), и этотъ племянникъ скоро попалъ въ его руки. Антиохъ, повидимому, намѣревался вступить отъ имени Филометора въ обладаніе всѣмъ Египтомъ; поэтому Александрія заперла передъ нимъ свои городскія ворота, объявила Филометора низложеннымъ и провозгласила вмѣсто его царемъ младшаго брата, Эвергета II, прозваннаго Толстымъ. Смуты, возникшія въ собственныхъ владѣніяхъ сирійскаго царя, побудили его возвратиться изъ Египта; въ его отсутствіе два брата вступили между собою въ соглашеніе; тогда Антиохъ сталъ вести войну противъ нихъ обоихъ. Вскорѣ послѣ битвы при Пидей (586), въ то время какъ Антиохъ стоялъ подъ Александріей, къ нему прибылъ римскій посолъ Гай Попилій, — человекъ крутой и грубый, — и сообщилъ ему приказаніе сената возвратитъ все, что имъ завоевано, и очистить Египетъ въ назначенный срокъ. Царь просилъ, чтобъ ему дали время подумать; но консуляръ провелъ вокругъ него черту своею тростью и потребовалъ, чтобъ онъ далъ отвѣтъ, прежде чѣмъ переступить за эту черту. Антиохъ отвѣтилъ, что исполнитъ приказаніе и удалился въ свою резиденцію для того, чтобъ отпраздновать — въ качествѣ «бога и сіяющаго побѣдоносца», — побѣду надъ Египтомъ, и для того, чтобъ разыграть пародію на триумфъ Павла. — Египетъ охотно поступилъ подъ римскій протекторатъ; но и вавилонскіе цари отказались отъ всякой попытки отстаивать свою независимость противъ Рима. Какъ война, предпринятая Персеемъ, такъ и война, предпринятая Селевкидами въ Келесиріи, были послѣдними попытками воротить прежнее могущество; но различіе между Македоніей и Сиріей заключается въ томъ, что въ первой дѣло порѣшили легіоны, а во второй грубыя слова дипломата.

въ войну
Сирии съ
Египтомъ.

173

171

168

Мѣры предосторожности въ Греціи.

Въ собственной Греціи, — послѣ того какъ беотійскіе города уже поплатились болѣе, чѣмъ сколько требовалось, — оставалось наказать только союзниковъ Персея, Молоттовъ. По тайному приказанію сената, Павелъ предалъ разграбленію въ одинъ и тотъ-же день семьдесятъ городскихъ округовъ въ Эпирѣ, а мѣстныхъ жителей, въ числѣ 150.000 человекъ, продалъ въ рабство. За свое двусмысленное поведеніе Этоляне лишились Амфинолиса, Акарнанцы — Левкадіи; напротивъ того Аеиняне, которые не переставали разыгрывать роль описаннаго Аристофаномъ нищенствующаго поэта, не только получили въ подарокъ Делось и Лемнось, но даже не постыдились просить опустошенную мѣстность Галиорта, которая и была имъ отдана. Такимъ образомъ было кое-что сдѣлано для Музъ; но еще болѣе было дѣла для юстиціи. Въ каждомъ городѣ существовала македонская партія и потому во всей Греціи начались процессы по обвиненіямъ въ государственной измѣнѣ. Всякаго, кто служилъ въ арміи Персея, немедленно осуждали на смертную казнь; въ Римъ отправляли всѣхъ, кто былъ скомпрометированъ или найденными въ бумагахъ Персея указаціями или доносами стекавшихся со всѣхъ сторонъ политическихъ противниковъ; по этой части особенно отличились Ахеянцы Калликратъ и Этолянецъ Ликискъ. Самые именитые патріоты между Фессалійцами, Этолянами, Акарнанцами, Левдійцами и т. д. были этимъ способомъ удалены изъ своего отечества; такая же участь постигла болѣе тысячи Ахеянъ, причѣмъ главная цѣль заключалась не въ томъ, чтобъ преслѣдовать удаленныхъ людей судомъ, а въ томъ, чтобъ зажать ротъ ребяческой оппозиціи Эллиновъ. Когда Ахеяне, — по своему обыкновенію настойчиво требовать заранѣе извѣстнаго отвѣта, — надобѣли сенату своими непрерывными просьбами о производствѣ слѣдствія, имъ было напрямикъ объявлено, что привезенные въ Италію люди будутъ оставаться тамъ до дальнѣйшихъ распоряженій. Эти переселенцы были интернированы по провинціальнымъ городамъ; съ ними обходились сносно, но за попытки къ бѣгству наказывали смертію; точно въ такомъ-же положеніи находились привезенныя изъ Македоніи прежнія должностныя лица. Какъ ни были яслидственны эти мѣры, онѣ все-таки были довольно сносны при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, а разсвѣдѣвшіе Греки изъ римской партіи были очень недовольны тѣмъ, что не чаще отрубались головы. Поэтому Ликискъ счелъ болѣе цѣлесообразнымъ перерѣзать на собраніи сейма 500 самыхъ знатныхъ приверженцевъ этолійской партіи патріотовъ, а нуждавшаяся въ этомъ челоуѣкъ, римская комиссія допустила это и только выразила свое неудовольствіе по поводу того, что исполненіе этого эллинскаго мѣстнаго обычая было возложено на римскихъ солдатъ. Впрочемъ, слѣдуетъ полагать, что Римляне стали придерживатся системы ссылки въ Италію частію именно для того, чтобъ предотвратить

подобныя злодѣянія. Такъ какъ въ собственной Греціи не было ни одного государства, которое могло-бы равняться по могуществу даже съ Родосомъ или съ Пергамомъ, то тамъ и не представлялось надобности кого-либо унижать, а все, что тамъ дѣлалось, имѣло цѣлю правосудіе, — конечно, понимаемое по-римски, — и предотвращеніе самыхъ ожесточенныхъ и самыхъ явныхъ проявленій взаимной вражды.

Такимъ образомъ всѣ эллинскія государства вполне подпали подъ римскую клиентеллу и все царство Александра Великаго досталось римской гражданской общинѣ, совершенно такъ, какъ еслибы Римъ унаслѣдовалъ его отъ наслѣдниковъ Александра. Цари и послы стали со всѣхъ сторонъ стекаться въ Римъ съ поздравленіями и на дѣлѣ оказалось, что нигдѣ нельзя услышать такой низкой лести, какъ въ прихожей, гдѣ дожидаются приѣма цари. Царь Массинисса, не приѣхавшій въ Римъ только потому, что это было ему рѣшительно запрещено, заявилъ устами своего сына, что онъ считаетъ себя только временнымъ владѣтелемъ своего царства, которое составляетъ собственность Римлянъ, и что онъ всегда будетъ доволенъ тѣмъ, что они оставятъ на его долю. Въ этихъ словахъ была хоть правда. А царь Вионинъ Прузій, которому предстояло загладить вину своего нейтралитета, одержалъ въ этомъ состязаніи пальму первенства; когда его привели въ сенатъ, онъ палъ ницъ и выразилъ свое благоговѣніе передъ «богами-избавителями». Такъ какъ онъ дошелъ до такого униженія, — говоритъ Полибій, — то ему отвѣчали вѣжливо и подарили флотъ Персея. — По крайней мѣрѣ была удачно выбрана минута для выраженія такого смиренія. Полибій полагаетъ, что съ битвы при Пиднѣ начинается всемірное владычество Римлянъ. Дѣйствительно, это была послѣдняя битва, въ которой Римъ имѣлъ дѣло съ цивилизованнымъ государствомъ, стоявшимъ на равной съ нимъ ногѣ; всѣ позднѣйшія войны велись или съ бунтовщиками или съ такими народами, которые не входили въ сферу римско-греческой цивилизации, — съ такъ-называемыми варварами. Съ тѣхъ поръ весь цивилизованный міръ признавалъ римскій сенатъ за высшее судилище, которое черезъ посредство своихъ комиссій разрѣшало въ послѣдней инстанціи всѣ споры между царями и народами; а чтобы изучить языкъ и обычаи этого судилища въ Римѣ стали подолгу проживать иноземные принцы и молодые люди знатнаго происхожденія. Только великимъ Митридатомъ Понтійскимъ была сдѣлана очевидная и серьезная попытка освободиться отъ такого владычества; но она была единственной въ своемъ родѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ битва при Пиднѣ обозначаетъ послѣдній моментъ, когда сенатъ еще не отступалъ отъ политическаго принципа по мѣрѣ возможности не приобретать никакихъ владѣній и не содержать постоянныхъ армій по ту сторону италійскихъ морей, а держать безчисленныя зависимыя государства въ покорности, опираясь только на свое политическое

Римъ и рим-
скіе кліен-
ты.

преобладаніе. Поэтому всѣ эти государства не должны были впасть въ совершенное безсиліе и въ анархію, какъ это однако-же случилось въ Греціи, и не должны были возвышаться изъ своего полусвободнаго положенія до полной независимости, какъ это не безъ успѣха попыталась сдѣлать Македонія. Ни одно государство не должно было совершенно разрушаться, но и ни одно не должно было усиливаться до того, чтобъ держаться безъ посторонней помощи; поэтому римскіе дипломаты выказывали не жентѣ, а не рѣдко даже болѣе сочувствія къ побѣжденному врагу, чѣмъ къ вѣрному союзнику; тому, кто былъ побѣжденъ, они помогали снова стать на ноги, а того, кто самъ поднимался на ноги, они старались унижить; это испытали на самихъ себѣ Этоляне, Македонія послѣ азіатской войны, Родось и Пергамъ. Но не только эта роль покровителей скоро сдѣлалась невыносимой какъ для повелителей, такъ и для подчиненныхъ, даже римскій протекторатъ съ своей неблагоприятной, непрерывно возобновлявшейся съ самаго пачала Сизифовской работой, оказался совершенно несостоятельнымъ. Зачатки переменъ въ системѣ управленія и постоянно усиливавшееся нежеланіе Рима допускать рядомъ съ собою существованіе хотя-бы только небольшихъ самостоятельныхъ государствъ, ясно обнаружили уже послѣ битвы при Пиднѣ въ уничтоженіи македонской монархіи. Вмѣшательство Рима во внутреннія дѣла мелкихъ греческихъ государствъ, впадавшихъ вслѣдствіе дурнаго управленія въ политическую и въ социальную анархію, становилось все болѣе и болѣе частымъ и непобѣжимымъ; Македонія была обезоружена не смотря на то, что для охраны ея сѣверныхъ границъ требовались болѣе значительныя военныя силы, чѣмъ тѣ, которыя занимали тамъ военные посты; наконецъ въ Римъ стали поступать поземельныя подати изъ Македоніи и изъ Иллиріи,—все это было ничѣмъ инымъ, какъ началомъ превращенія покровительствуемыхъ государствъ въ настоящихъ подданныхъ Рима.

**Италійская
и внѣ-ита-
лійская по-
литика Рима.**

Если мы въ заключеніе оглянемся на путь, пройденный Римомъ со времени объединенія Италіи до раздробленія Македоніи, то мы заметимъ, что римское всемірное владычество вовсе не было результатомъ гигантскаго замысла, задуманнаго и исполненнаго ненасытною жаждою территоріальныхъ пріобрѣтеній, а было достигнуто римскимъ правительствомъ безъ предвзятаго намѣренія и даже противъ его воли. Конечно, первая точка зрѣнія кажется не лишеною нѣкотораго правдоподобія и Саллюстій не безъ основанія приписывалъ Митридату мнѣніе, что всѣ войны Рима съ различными племенами, гражданствами и царями были вызваны однимъ и тѣмъ-же искони укоренившимся влеченіемъ —неутолимою жаждою владычества и обогащенія; но этотъ внушенный ненавистью и оправдываемый послѣдующими событіями приговоръ былъ неосновательно пущенъ въ ходъ въ качествѣ историческаго факта. Для всякаго неповерхностнаго наблюдателя очевидно, что въ теченіе всего описан-

наго періода времени римское правительство ничего не желало и ничего не добивалось, кромѣ владычества надъ Италіей, что оно только не желало имѣть слишкомъ сильныхъ сосѣдей, что оно очень серьезно старалось не вовлекать въ сферу римскаго протектората сначала Африку, потомъ Грецію и наконецъ Азію, что оно поступало такъ не изъ состраданія въ побѣжденнымъ, а изъ очень основательнаго опасенія, что самое зерно римскаго государства будетъ раздавлено подъ его внѣшней оболочкой, и наконецъ, что обстоятельства принуждали его расширять эту сферу или по меньшей мѣрѣ толкали его на этотъ путь съ непреодолимою силой. Римляне постоянно утверждали, что они не придерживались завоевательной политики и постоянно вели оборонительныя войны — и это не было пустою фразой. Дѣйствительно, за исключеніемъ только войны изъ-за обладанія Сициліей, они вели всѣ большія войны — какъ съ Аннибаломъ и съ Антиохомъ, такъ и съ Филиппомъ и съ Персеемъ — потому что были къ тому вынуждены или прямымъ нападеніемъ или какимъ нибудь неслыханнымъ нарушеніемъ тогдашнихъ политическихъ порядковъ; потому-то эти войны и заставляли ихъ обыкновенно въ распахъ. Если-же послѣ побѣдъ они не были воздержны въ той мѣрѣ, въ какой этого требовали собственные интересы Италіи, — такъ напримѣръ, удержали въ своей власти Испанію, приняли подъ свою опеку Африку, а что всего важнѣе — взялись за полу-фантастическій планъ надѣлать всѣхъ Грековъ свободой, — то это были важныя нарушенія ихъ италійской политики, которыя достаточно очевидны. Но причиной этого были частію слѣпая боязнь Карфагена, частію еще гораздо болѣе слѣпая мечта о свободѣ Эллиновъ; Римляне обнаруживали въ эту эпоху такъ мало склонности къ завоеваніямъ, что мы напротивъ того усматриваемъ въ нихъ очень благоразумную боязнь завоеваній. По всему видно, что римская политика не была предначертана однимъ могучимъ умомъ и не передавалась преданіями отъ одного поколѣнія къ другому, а была политикой очень толковаго, но нѣсколько ограниченнаго совѣщательнаго собранія, у котораго не было достаточной ширины замысловъ для того, чтобъ составлять проекты въ родѣ Цезаревскихъ или Наполеоновскихъ, но у котораго было много и даже слишкомъ много вѣрныхъ инстинктовъ для того, чтобъ оберегать свое собственное государство. Наконецъ главной опорой для римскаго всемірнаго владычества послужила организація всѣхъ вообще древнихъ государствъ. Древній міръ не зналъ международнаго равновѣсія; поэтому каждая достигшая внутренняго объединенія нація старалась или покорить своихъ сосѣдей, какъ это дѣлали эллинскія государства, или сдѣлать ихъ для себя неопасными, какъ это дѣлалъ Римъ; но все это, конечно, вело въ концѣ-концовъ къ завоеваніямъ. Египетъ едва-ли не единственная изъ древнихъ великихъ державъ, серьезно придерживавшаяся системы равновѣсія; въ противополож-

ныхъ стремленіяхъ сходятся между собою Селевкъ и Антигонъ, Аннибалъ и Сципionъ. Конечно, прискорбно видѣть, какъ всѣ щедро-одаренныя природой и высоко-развитыя древнія націи должны были исчезнуть для того, чтобъ обогатить одну изъ всѣхъ, и что всѣ онѣ какъ будто только для того существовали, чтобъ содѣйствовать возвеличенію Италіи и—что то-же самое—ея упадку; тѣмъ не менѣе справедливость исторіи должна признать, что все это не было результатомъ военныхъ преимуществъ легіона надъ фалангой, а было неизбежнымъ послѣдствіемъ тѣхъ международныхъ отношеній, какія существовали въ древности; поэтому конечный исходъ не былъ плодомъ прискорбной случайности, а былъ исполненіемъ приговора судьбы, котораго не было возможности предотвратить и съ которымъ, стало быть, можно примириться.

Г Л А В А XI.

Управление и управляемые.

Отъ того, что у юнкерства была отнята власть, римскія госу- **Образованіе**
дарственныя учрежденія нисколько не утратили своего аристократи- **новыхъ**
ческаго характера. Уже было ранѣе (стр. 303) замѣчено, что на **партій.**
характерѣ плебейской партіи изстари лежалъ не менѣе рѣзкій ари-
стократическій отпечатокъ, чѣмъ на характерѣ патриціата, — а въ
нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе рѣзкій; если въ средѣ старин-
наго гражданства и существовало безусловное равенство въ правахъ,
то въ основѣ новыхъ учрежденій лежала противоположность между
привилегированными какъ въ гражданскихъ, правахъ такъ и въ
пользованіи общественными угодьями, сенаторскими семьями и массою
остальныхъ гражданъ. Поэтому немедленно вслѣдъ за устраненіемъ
юнкерства отъ власти и вслѣдъ за формальнымъ утвержденіемъ
гражданскаго равенства образовалась новая аристократія и соответ-
ствующая ей оппозиція; а ранѣе уже было рассказано, какъ пер-
вая точно будто привилась къ низвергнутому юнкерству, вслѣдствіе
чего первоначальная дѣятельность новой партіи прогресса слилась
съ послѣдними движеніями старинной сословной оппозиціи (стр. 304).
Поэтому зачатки этого образованія партій относятся къ пятому
столѣтію, а свой опредѣленный отпечатокъ оно получило лишь въ
слѣдующемъ столѣтіи. Но это внутреннее явленіе не только было,
такъ сказать, заглушено воинственнымъ гуломъ великихъ войнъ и
побѣдъ, но и въ процессѣ своего развитія оно ускользаетъ отъ на-
шего наблюденія гораздо болѣе, чѣмъ всѣ другія явленія римской
жизни. Какъ ледяная кора незамѣтно образуется поверхъ рѣки и
незамѣтно все болѣе и болѣе суживаетъ ее, такъ возникаетъ и
эта новая римская аристократія; и такъ же незамѣтно выступаетъ
противъ этой аристократіи новая партія прогресса, подобно скрытому
въ глубинѣ и медленно снова расширяющемуся теченію. Не легко
подвести подъ одно общее историческое воззрѣніе всѣ отрывочные и
сами по себѣ незначительные слѣды этихъ двухъ противоположныхъ

явленій, такъ какъ ихъ общій историческій итогъ пока еще не представлялся нашимъ взорамъ въ видѣ какаго-нибудь фактическаго результата. Но къ этой эпохѣ принадлежатъ и уничтоженіе прежней общинной свободы и заложеніе основъ для будущихъ революцій; а описаніе какъ того времени, такъ и вообще развитія Рима, было бы неполнымъ, если бы намъ не удалось наглядно изобразить крѣпость той ледяной коры, а въ ея страшномъ дребезжаніи и трескѣ заставить предугадать, какъ будетъ страшенъ тотъ моментъ, когда она совершенно лопнетъ.

**Зачатки
привилеги-
рованной
знати въ
средѣ пат-
риціевъ.**

Существованіе римской знати было и формальнымъ образомъ связано съ старинными учрежденіями, принадлежавшими ко временамъ патриціата. Само собой понятно, что лица, сложившія съ себя какую-либо изъ высшихъ общественныхъ должностей, изстари пользовались большимъ почетомъ; но кромѣ того имъ изстари предоставлялись и нѣкоторыя почетныя привилегіи. Самая старинная изъ этихъ привилегій заключалась въ томъ, что потомкамъ этихъ должностныхъ лицъ дозволялось выставлять восковыя изображенія ихъ умершихъ предковъ въ фамильномъ залѣ у той стѣны, на которой была написана родословная; сверхъ того имъ дозволялось, въ случаѣ смерти котораго-либо изъ членовъ семьи, выставлять тѣ изображенія напоказъ на похоронныхъ процессіяхъ (стр. 289); при этомъ не слѣдуетъ забывать, что оказываемыя изображеніямъ почести считались, по италійско-эллиническому воззрѣнію, антиреспубликанскими, вслѣдствіе чего римская государственная полиція нигдѣ не дозволяла выставлять изображенія живыхъ людей, а за выставкой изображеній умершихъ строго наблюдала. Къ этому слѣдуетъ присовокупить различныя вѣншія отличія, которыя были предоставлены законами или обычаями такимъ должностнымъ лицамъ и ихъ потомкамъ — пурпуровая кайма на нижнемъ платьѣ и золотой перстень у мужчинъ; обдѣланная въ серебрѣ конская сбруя у юношей; пурпуровая обшивка на верхнемъ платьѣ и золотая ладонка у мальчиковъ *). Все это

*) Всѣ эти отличія, по всему вѣроятію, были первоначально принадлежностью только знати, то-есть тѣхъ, кто происходилъ отъ курульничьхъ должностныхъ лицъ по мужескому колѣну; но съ теченіемъ времени такія отличія обыкновенно распространяются на болѣе широкую сферу. Это можно положительно доказать касательно золотого перстня, который носили въ пятомъ столѣтіи только лица, принадлежавшія къ знати [Плипій, *Hist. Nat.* 33, 1, 18], въ шестомъ столѣтіи — всѣ сенаторы и синовья сенаторовъ [Ливій, 26, 36], въ седьмомъ столѣтіи — всѣ лица, внесенныя въ цензъ всадниковъ, во время имперіи — всѣ, родившіеся свободными; то-же можно доказать относительно серебряной конской сбруи, которую еще во времена Аннибаловскихъ войнъ имѣла право употреблять только знать [Ливій, 26, 37], и относительно пурпуровой обшивки на тогѣ; эту обшивку дозволялось носить сначала только синовьямъ курульничьхъ должностныхъ лицъ, потомъ и синовьямъ всадниковъ, въ болѣе позднюю пору синовьямъ всѣмъ

мелочи, но эти мелочи имѣли важное значеніе въ такой общинѣ, гдѣ гражданское равенство строго соблюдалось даже во внѣшней обстановкѣ (стр. 302) и гдѣ, еще во время войны съ Аннибаломъ, одинъ гражданинъ былъ арестованъ и содержался въ теченіе многихъ лѣтъ въ тюремномъ заключеніи за то, что недозволеннымъ образомъ появился въ публичномъ мѣстѣ съ вѣнкомъ изъ розъ на головѣ *). Отличія этого рода, быть можетъ, существовали еще во времена господства патриціевъ и пока въ средѣ самого патриціата еще существовало различіе между семьями знатными и незнатными. Этимъ внѣшнимъ способомъ, вѣроятно, отличались первыя послѣднихъ; но политическую важность эти отличія приобрѣли лишь съ преобразованиемъ государственныхъ учреждений въ 387 году; тогда наравнѣ съ семьями патриціевъ, — которыхъ въ ту пору уже конечно всѣ безъ исключенія имѣли право выставлять изображенія предковъ, — стали пользоваться тѣмъ же правомъ и семьи плебеевъ, достигавшихъ консульскаго званія. Тогда-же установилось правило, что въ число общинныхъ должностей, съ которыми связано пользованіе тѣми наследственными почетными привилегіями, не входятъ ни низшія должности, ни экстраординарныя, не представительство плебеевъ, а входятъ только консульство, поставленная наравнѣ съ консульствомъ претора (стр. 296) и участвующее въ отправленіи общиннаго правосудія, а стало быть и въ пользованіи общинною верховною властію, курульное эдилство **). Хотя эта плебейская привилегированная

Патрицианско-плебейская знать.

367

тѣхъ, кто родился свободнымъ, наконецъ, — однако уже въ эпоху Аннибаловской войны, — даже синовиамъ вольноотпущенниковъ [Masgob. Sat. 1, 6]. Пурпуровая кайма на туникѣ [clavus] служила, — какъ это можно доказать, — отличіемъ только для сенаторовъ [стр. 76] и для всадниковъ; у первыхъ она была широкая, у вторыхъ узкая; точно такъ и золотая ладонка [bullae] служила отличіемъ во времена Аннибаловской войны лишь для сенаторскихъ дѣтей [Masgob. въ выше указанномъ мѣстѣ. Ливій, 26, 36], а во времена Циперона — для дѣтей тѣхъ, кто былъ внесенъ въ цензъ всадниковъ [Cic. Verr. 1, 58, 152]; напротивъ того, дѣти незнатныхъ людей носили кожаная ладонка [loris]. Но эти указанія, какъ кажется, свидѣлствуютъ лишь о случайныхъ пробѣлахъ въ предавіяхъ; и clavus и bullae сначала были принадлежностью лишь настоящей знати.

*) Плиній, Hist. Nat. 21, 3, 6. Право носить въ публичномъ мѣстѣ вѣнокъ, какъ кажется, приобрѣталось отличіями на войнѣ [Полібій, 6, 39, 9; Ливій, 10, 41]; поэтому носить вѣнокъ, не получивъ на то законнаго права, было такимъ же преступленіемъ, какъ въ наше время носить военный орденъ, не имѣя на то права.

***) Стало быть, были исключены: военный трибунатъ съ консульскою властію [стр. 287], проконсульство, квестура, народный трибунатъ и еще нѣкоторыя другія должности. Что касается цензуры, то она, какъ кажется, не считалась курульною должностію, не смотря на то, что цензоры засѣдали на курульныхъ

знать, въ строгомъ смыслѣ слова, могла образоваться только съ тѣхъ поръ, какъ плебеймъ былъ открытъ доступъ къ курульнымъ должностямъ, тѣмъ не менѣе она является до нѣкоторой степени тѣсно-сплоченной очень скоро, — чтобы не сказать съ перваго момента своего возникновенія; а объясняется это, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что зародыши этой знати уже задолго до того времени существовали въ семьяхъ старинныхъ плебейскихъ сенаторовъ. Поэтому результаты Лициніевскихъ законовъ въ сущности сводятся приблизительно къ тому же, что въ наше время назвали бы назначеніемъ новоиспеченныхъ перовъ. А когда облагороженные своими курульными предками, плебейскія семьи соединились въ одну корпорацію съ патриціанскими семьями и, занявши въ республикѣ особое положеніе, приобрѣли въ ней преобладающее вліяніе, то Римляне опять вернулись къ своему исходному пункту; тогда у нихъ не только снова образовались властвующая аристократія и наследственная знать, которыя въ сущности никогда и не исчезали, но также появилась властвующая наследственная аристократія; поэтому неизбѣжно должна была возобновиться борьба между родами, въ рукахъ которыхъ находилась правительственная власть, и членами общины, не желавшими подчиняться этимъ родамъ. Дѣйствительно очень скоро такъ и случилось. Знать недовольствовалась своими ни къ чему не ведущими почетными правами; она стала стремиться къ нераздѣльному и неограниченному политическому владычеству и постаралась превратить самыя важныя государственныя учрежденія — сенатъ и всадничество — изъ орудій республики въ орудія старой и новой аристократіи.

Сенатъ въ Легальная зависимость римскаго сената временъ республики — и
рукахъ въ особенности позднѣйшаго сената, состоявшаго и изъ патриціевъ
знати. и изъ плебеевъ, — отъ магистратуры быстро ослабѣла и даже превратилась въ нѣчто совершенно противоположное. Установленное
510 революціей 244 года подчиненіе общинныхъ должностныхъ лицъ общинному совѣту (стр. 261), перенесеніе съ консуловъ на цензоровъ (стр. 290) права призывать въ этотъ совѣтъ, и наконецъ главнымъ образомъ призванное закономъ право бывшихъ курульных должностныхъ лицъ засѣдать и подавать голосъ въ сенатѣ (стр. 314), — все это привело къ тому, что сенатъ, который прежде созывался должностными лицами и былъ во многихъ отношеніяхъ зависимымъ отъ нихъ совѣщательнымъ собраніемъ, превратился въ

креслахъ [Ливій, 40, 45; сравн. 27, 8]; впрочемъ, это обстоятельство не имѣетъ никакого практическаго значенія для позднѣйшей эпохи, когда цензоромъ могъ быть только тотъ, кто уже былъ консуломъ. Плебейское адилство первоначально, безъ сомнѣнія, не причислялось къ курульнымъ должностямъ [Ливій, 23, 23]; но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что впоследствии и оно вошло въ число этихъ должностей.

почти совершенно независимую правительственную коллегию, которая въ нѣкоторомъ смыслѣ пополнялась сама собой: вѣдь оба способа, которыми достигалось сенаторское званіе—избраніе на одну изъ курульных должностей и приглашеніе отъ цензора—въ сущности находились въ рукахъ у самой же правительственной власти. Правда, въ то время гражданство еще было такъ самостоятельно, что конечно не дозволило бы совершенно устранить незнатныхъ людей отъ сената, и сама знать еще была такъ благоразумна, что вовсе къ этому не стремилась; но въ самомъ сенатѣ существовало строго-аристократическое раздѣленіе его членовъ по степенямъ: бывшія курульные должностныя лица дѣлились на три разряда—на бывшихъ консуловъ, бывшихъ преторовъ и бывшихъ эдиловъ, а тѣ лица, которыя попадали въ сенатъ не вслѣдствіе того, что занимали одну изъ курульных должностей, были лишены права участвовать въ преніяхъ; поэтому, хотя число незнатныхъ сенаторовъ и было довольно значительно, но они были низведены до положенія членовъ, лишонныхъ почти всякаго вліянія, и сенатъ въ сущности сдѣлался представителемъ знати. — Другой, **Всадническія** хотя и менѣе важный, но все таки нелишенный значенія органъ **центурій** образовался изъ учрежденія всадничества. Такъ какъ наследственная знать не была достаточно могущественна для того, чтобы подчинить комиціи своей нераздѣльной власти, то ей было очень желательно по меньшей мѣрѣ приобрести самостоятельное положеніе въ средѣ общиннаго представительства. Въ собраніяхъ по кварталамъ она не находила никакого къ тому повода; напротивъ того, введенныя Сервіевскою конституціей всадническія центуріи были какъ будто нарочно приспособлены къ такой цѣли. Тѣ тысяча восемьсотъ лошадей, которыя поставались общиной *) , также распредѣлялись

*) Ходячее мнѣніе, будто только въ шести центуріяхъ знати насчитывалось 1200 лошадей и стало быть во всей конницѣ ихъ было 3600, не выдерживаетъ провѣрки. Опредѣлять число всадниковъ по числу указываемыхъ лѣтописцами удвоеній—есть ошибка въ самомъ методѣ; каждый изъ этихъ рассказовъ и возникъ и долженъ быть объясняемъ самъ по себѣ. Нѣтъ никакихъ доказательствъ ни въ пользу первой изъ этихъ цифръ, которая встрѣчается только въ томъ мѣстѣ у Цицерона [De Re p. 2, 20], которую признаютъ за описку даже противники этого мнѣнія. ни въ пользу второй, которая не встрѣчается ни у одного изъ древнихъ писателей. Напротивъ того, въ пользу приведенной нами въ текстъ цифры говорятъ главнымъ образомъ сами учрежденія, а не свидѣтельство писателей, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что центурія состояла изъ 100 человекъ и что всадническихъ центурій сначала было три [стр. 70], потомъ шесть [стр. 83] и наконецъ со времени Сервіевской реформы восемнадцать [стр. 90]. Свидѣтельство древнихъ писателей только съ виду не сходится съ этимъ исчисленіемъ. Старое, ни въ чемъ самому себѣ не противорѣчащее преданіе, которое объяснилъ Беккеръ [2, 1, 243], исчисляетъ не восемнадцать патриціанско-плебейскихъ центурій, а шесть патриціанскихъ центурій въ 1800 человекъ; а этого

по закону цензорами. Хотя на этих послѣднихъ лежала обязанность выбирать всадниковъ по военнымъ соображеніямъ, а на смотрахъ отбирать казенныхъ лошадей у тѣхъ, кто по старости, неспособности или вообще по негодности не могъ нести службу всадниковъ; но въ характерѣ самого учрежденія лежало то правило, что всадническія лошади раздавались преимущественно достаточнымъ людямъ и вообще не легко было запретить цензорамъ предпочитать личнымъ способностямъ знатность происхожденія и оставлять лошадей долѣ назначеннаго времени у принятыхъ въ всадническое сословіе вліятельныхъ людей и въ особенности у сенаторовъ. Поэтому на практикѣ установилось правило, что сенаторы подавали голоса въ восемнадцати всадническихъ центуріяхъ, а остальные мѣста въ

преданія очевидно придерживались и Ливіи, 1, 36 [по единственному достойному довѣрїя рукописному тексту, въ которомъ не сдѣлано поправокъ на основаніи встрѣчающихся у Ливія отдѣльныхъ указаній] и Цицеронъ въ выше указанномъ мѣстѣ [по единственному грамматически-правильному способу его истолкованія MDCCC, см. Becker 2, 1, 241]. Однако тотъ же Цицеронъ очень ясно указываетъ, что это число обозначало весь тогдашній составъ римскаго всадничества. Стало быть цифра всего состава была перенесена на самую выдающуюся его часть путемъ упрежденія, къ которому нерѣдко прибѣгаютъ старинные летописцы, не очень строго взвѣшивающіе свои выраженія; точно такимъ-же образомъ и первоначальной общаѣ приписывали вмѣсто 100 всадниковъ 300 [Becker, 2, 1, 233], заранѣе включая въ это число контингенты Тиціевъ и Людеровъ. Наконецъ предложеніе Катона [стр. 66, изд. Иордана] увеличить число всадническихъ лошадей до 2200 служитъ какъ положительнымъ подтвержденіемъ вышеизложеннаго мнѣнія, такъ и положительнымъ опроверженіемъ противоположнаго мнѣнія.—Съ этимъ вполне согласно и то, что намъ извѣстно о всадничествѣ временъ имперіи. Оно распадалось на *турмы*, то есть отряды изъ тридцати или тридцати трехъ человекъ [Maguardt 3, 2, 253]. Слабые признаки раздѣленія конницы не только на турмы, но одновременно и на трибы [Becker 2, 1, 261, прим. 538 и Зонара 10, 35, стр. 421, изд. Вонн: ἰλαρχὸς τῆς φολῆς = *evig eq. R.*] не могутъ быть удовлетворительно выяснены; и отношеніе турмъ къ центуріямъ не вполне ясно, по его нельзя представить себѣ иначе, какъ такъ, что на центурію приходилось по три турмы. Это составило бы 54 турмы, а такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ римскіе всадники раздѣлялись на турмы, то эта цифра должна казаться скорѣе слишкомъ малой, чѣмъ слишкомъ большой. Впрочемъ, само собой разумѣется, что здѣсь идетъ рѣчь только объ установленной нормѣ: вслѣдствіе приема сверхкомплектныхъ членовъ, число всадниковъ впоследствии много превышало эту норму. Преданіе не сообщаетъ намъ общаго числа всѣхъ турмъ; если же въ надписяхъ упоминаются только первые номера до пятого или до шестаго, то это объясняется особымъ почетомъ, которымъ пользовались первыя турмы; съ этимъ можно сопоставить тотъ фактъ, что въ надписяхъ встрѣчаются только *tribunus a populo* и *laticlavus*, *iudex quadringenarius*, но никогда не встрѣчаются ни *tribunus rufulus*, ни *angusticlavus*, ни *iudex ducenarius*. Къ общему числу 6 турмъ нельзя придти никакимъ рациональнымъ путемъ; если-

этих центуріяхъ доставались преимущественно молодымъ людямъ изъ знати. Понятно, что отъ этого страдало военное дѣло, не столько вслѣдствіе негодности немаловажной части легіонной конницы, сколько вслѣдствіе протекавшаго отсюда уничтоженія военнаго равенства, — такъ какъ знатная молодежь все болѣе и болѣе избѣгала службы въ пѣхотѣ и легіонная конница сдѣлалась замкнутымъ для всѣхъ постороннихъ средоточіемъ знати. Отсюда понятно, почему еще во время сицилійской войны всадники отказались исполнять приказаніе

же эта цифра обыкновенно считается за вѣрную [Becker 2, 1, 261. 288], то основаніемъ для этого служить слѣдующій, вовсе неправильный въ этомъ случаѣ приемъ: изъ названія начальника турмы—*seviri equitum Romani* дѣлаютъ заключеніе о числѣ находившихся подъ его начальствомъ турмъ. Римское гражданство дѣйствительно имѣло въ теченіе нѣкотораго времени [стр. 70. 83] шесть всадническихъ центурій, находившихся подъ начальствомъ столькихъ-же центуріоновъ или *tribuni celerum*; но если даже допустить, что это число не измѣнилось и послѣ увеличенія числа центурій съ шести на восемнадцать, то все таки нельзя-бы было признать тѣхъ *seviri equitum Romani* тождественными съ *tribuni celerum*, такъ какъ на памятникахъ они относятся не ко всему всадничеству, а къ отдѣльнымъ турмамъ, какъ напримѣръ въ такой формѣ: *seviri equitum Romani* *primate* и т. д., по гречески *ἄρχοι* [Зонара 10, 35, стр. 421, изд. Вонн], и стало бы ихъ названіе происходить отъ организаціи не центурій, а турмъ. Въ организаціи этихъ послѣднихъ мы и находимъ искомое объясненіе: шесть начальниковъ, которыми военная организація надѣляетъ каждую турму [Полибій, 6, 25, 1], упоминаемые Катонъ декуріоны и опціоны [fragm. стр. 39, Iordani], оказываются именно этими *seviri*; такимъ образомъ выходитъ, что этихъ *seviri* было въ шесть разъ больше, чѣмъ сколько было въ конницѣ эскадроновъ. Ничѣмъ не доказано общепринятое въ настоящее время мнѣніе, будто въ каждой турмѣ былъ только одинъ *sevir*; это мнѣніе находится въ рѣшительномъ противорѣчій съ организаціей турмъ. Возраженіе Генцена [Annali del Instituto 1862, стр. 142], что М. Аврелій устраивалъ севиральныя игры въ качествѣ *severa cum collegis*, не можетъ служить опроверженіемъ принятаго послѣ того мнѣнія о болѣе значительномъ числѣ *sevirorum* уже потому, что „товарищи“ могли принадлежать къ одной и той-же турмѣ. Даже кажется вѣроятнымъ, что *severi* первыхъ турмъ пользовались особымъ отличіемъ и что *principes iuventutis* были ничто иное, какъ принцы императорскаго дома, поступавшіе въ первыя турмы къ качествѣ *sevirorum*; севиральныя игры, вѣроятно, были исключительной принадлежностью именно этихъ турмъ. Нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что въ болѣе позднюю пору только первыя турмы были правильно организованы и имѣли *sevirorum*, между тѣмъ какъ у остальныхъ *equites equo publico* не было такой организаціи.— Впрочемъ, за исключеніемъ контингентовъ италійскихъ и виѣнталійскихъ подданныхъ, только *equites equo publico* или *equites legionarii* составляли въ римской арміи регулярную конницу; а когда упоминаются *equites equo privato*, то подъ этимъ словомъ разумѣются отряды добровольцевъ или исправительныя роты.

- 192 консула Гая Аврелия Катты, когда онъ потребовалъ, чтобъ они возводили окопы вмѣстѣ съ легионными солдатами (562), и почему Катонъ, въ бытность главнокомандующимъ испанской арміи, нашолъ нужнымъ обратиться къ своей конницѣ съ строгими порицаніями. Но это превращеніе гражданской конницы въ аристократическую конную гвардію послужило не столько во вреду республики, сколько къ пользѣ знати, которая приобрѣла въ восемнадцати всадническихъ центуріяхъ не только право голосованія, но и преобладающее вліяніе. — Въ связи съ этимъ состояло и формальное отдѣленіе сенаторскихъ мѣстъ отъ тѣхъ, на которыхъ вся остальная толпа присутствовала при народныхъ празднествахъ. Оно было введено великимъ Циціономъ въ то время, какъ онъ вторично занималъ должность консула (560). Народныя празднества были таими-же народными сходками, какъ и собиравшіяся для подачи голосовъ центури; а тотъ фактъ, что первое изъ этихъ сборищъ не имѣло цѣлю постановлять какія либо рѣшенія, еще болѣе ярко выставлялъ на видъ официальное отдѣленіе властвующаго сословія отъ разряда людей подвластныхъ. Это нововведеніе неоднократно вызывало порицанія со стороны правительства, такъ какъ оно внушало лишь ненависть, не принося никакой пользы, и явно противодѣйствовало старанію самыхъ благоразумныхъ членовъ знати прикрывать ихъ исключительное владычество внѣшними формами гражданскаго равенства. —
- Раздѣленіе сословія въ театрѣ.
- 194 Отсюда понятно, почему цензура сдѣлалась главнымъ оплотомъ позднѣйшихъ республиканскихъ учреждений, почему эта должность, первоначально вовсе не принадлежавшая къ числу первоклассныхъ, была мало по малу окружена неподобавшимъ ей внѣшнимъ почетомъ и крайне своеобразнымъ аристократически-республиканскимъ блескомъ и стала считаться высшею цѣлю и завершеніемъ успѣшно пройденнаго общественнаго поприща, почему правительство считало покушеніемъ на свое существованіе всякую попытку оппозиціи провести въ эту должность своихъ кандидатовъ или только привлечь цензора къ отвѣтственности передъ народомъ во время его нахождения въ должности или послѣ того какъ онъ изъ нея вышелъ, и почему всѣ члены этого правительства въ полномъ единодушіи возставали противъ всякой подобной попытки; касательно этого предмета, достаточно будетъ напомнить о бурѣ, которая была вызвана кандидатурой Катона на должность цензора, и о тѣхъ крайне-безпощадныхъ и нарушавшихъ установленныя формы мѣрахъ, которыя были приняты сенатомъ съ цѣлю недопустить судебного преслѣдованія двухъ непопулярныхъ консуловъ 550 года. Съ этимъ стараніемъ какъ можно болѣе возвышать цензорское званіе соединилось знаменательное недовѣріе правительства къ этому самому важному и именно потому самому опасному изъ его органовъ. Оно сознавало необходимость предоставить цензорамъ безусловный контроль надъ личнымъ соста-
- Цензура служить опорой для знати.
- 204

вомъ сената и всадничества, такъ какъ нельзя было отдѣлить право исключенія негодныхъ членовъ отъ права призванія, а безъ перваго изъ этихъ правъ нельзя было обойтись не столько для того, чтобы не допускать въ сенатъ даровитыхъ представителей оппозиціи (чего предусмотрительно избѣгала тогдашняя мягкая система управленія), сколько для того, чтобы не лишить аристократію того нравственнаго ореола, безъ котораго она скоро сдѣлалась-бы добычей оппозиціи. Право исключать негодныхъ членовъ было оставлено; а такъ какъ всего болѣе былъ нуженъ блескъ холоднаго оружія, то внушавшее страхъ остріе этого оружія постарались притупить. Права цензора уже были сами по себѣ ограничены и тѣмъ, что онъ могъ пересматривать списки членовъ аристократическихъ корпорацій только черезъ каждые пять лѣтъ, и предоставленнымъ его товарищу правомъ протеста и принадлежавшимъ его преемнику правомъ кассации; къ этимъ ограниченіямъ прибавили новое и очень стѣснительное: въ силу обычая, поставленнаго на ряду съ законами, цензоръ былъ обязанъ не исключать изъ списковъ ни одного сенатора и ни одного всадника безъ письменнаго изложенія мотивовъ такого рѣшенія и вообще безъ такой предварительной процедуры, которая имѣла нѣкоторое сходство съ судебнымъ разбирательствомъ.

Занявши такое политическое положеніе, для котораго служили **Преобразо-** главными опорами сенатъ, всадничество и цензура, знать не толь- **ваніе госу-** ко захватила въ свои руки бразды правленія, но и придала госу- **дарствен-** дарственнымъ учрежденіямъ такую внѣшнюю форма, какая ей была **ныхъ учре-** по вкусу. Сюда слѣдуетъ отнести тотъ фактъ, что изъ желанія **деній въ** неровнать цѣну общинныхъ должностей, знать увеличивала ихъ число **духъ знати.** крайне скупо и далеко не въ такомъ размѣрѣ, какого требовали расширеніе государственныхъ границъ и увеличеніе числа дѣлъ. Удовлетворяя только самыя настоятельныя нужды подъ гнетомъ крайней необходимости, она раздѣлила до тѣхъ поръ лежавшія на одномъ преторѣ судебныя обязанности между двумя судьями, изъ которыхъ одинъ сталъ разбирать дѣла между римскими гражданами, а другой между негражданами или между гражданами и негражданами (511); сверхъ того были назначены четыре добавочныхъ консула на четыре заморскихъ должности въ Сицилію (527), въ Сардинію и Корсику (527), въ Ближнюю Испанію и въ Дальнюю (557). До крайности сокращенный порядокъ римскаго судопроизводства и постоянно возрастающее вліяніе канцелярскаго персонала, конечно, были болѣею частію послѣдствіемъ численной недостаточности римскихъ должностныхъ лицъ. — Между нововведеніями, — въ которыхъ починъ принадлежалъ правительству и которыя были настоящими нововведеніями не смотря на то, что почти исключительно заключались не въ измѣненіи смысла государственныхъ учрежденій, а въ измѣненіи ихъ практическаго примѣненія, — осо-

243
227
227
197

**Выборы
офицеровъ
въ кон-
цияхъ.**

бенно выделяются тѣ мѣры, посредствомъ которыхъ замѣненіе офицерскихъ мѣстъ и гражданскихъ должностей все болѣе и болѣе ставилось въ зависимость отъ знатности происхожденія и отъ служебнаго старшинства, а не отъ заслугъ и способностей, какъ этого требовали и буква и духъ закона. При назначеніи штабъ-офицеровъ это не дѣлалось формальнымъ образомъ, но тѣмъ рѣшительнѣе такъ выходило въ сущности. Еще въ теченіе предшествующаго періода эти назначенія болѣею частію перешли отъ главнокомандующихъ къ гражданству (стр. 306); а теперь дѣло дошло до того, что въ собраніяхъ по кварталамъ стали выбирать всѣхъ штабъ-офицеровъ регулярнаго годоваго призыва, то есть всѣхъ двадцати четырехъ военныхъ трибуновъ для четырехъ обыкновенныхъ легионовъ. Такимъ образомъ становилась все болѣе и болѣе непреодолимой та преграда, которая отдѣляла субалтернъ-офицеровъ, достигавшихъ своего званія храбростію и служебною исправностію, отъ штабныхъ офицеровъ, достигавшихъ своего привилегированнаго положенія благодаря тому, что вели интриги среди гражданства (стр. 436). Только во избѣжаніе самыхъ возмутительныхъ злоупотребленій и для того, чтобы устранить отъ занятія этихъ важныхъ должностей совершенно неопытныхъ юношей, пришлось стѣснить раздачу штабъ-офицерскихъ мѣстъ тѣмъ, что стали требовать доказательства нѣсколькихъ лѣтъ службы. Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ какъ военный трибунатъ—этотъ краеугольный камень римской военной организаціи,—сталъ служить для знатныхъ юношей первою ступенію на ихъ политическомъ поприщѣ, очень часто стали обходить требованіе нѣсколькихъ лѣтъ службы и выборъ офицеровъ сталъ зависѣть отъ демократическаго обыкновенія выпрашивать мѣста и отъ аристокритическаго стремленія юнкерства устранять всѣхъ другихъ отъ занятія этихъ мѣстъ. То было рѣзкой критикой новыхъ порядковъ, что въ случаѣ серьезной войны (какъ на примѣръ во время войны 583 года) было признано необходимымъ прекратить такіе демократическіе выборы офицеровъ и снова предоставить личный составъ штаба на усмотрѣніе главнокомандующаго.—Что касается гражданскихъ должностей, то прежде всего и главнымъ образомъ было ограничено вторичное избраніе на высшія общинныя должности. Это было необходимо, если не хотѣли, чтобы годовая царственная власть обратилась въ пустое слово, и еще въ предшествовавшемъ періодѣ было дозволено вторичное избраніе въ консулы лишь по прошествіи десяти лѣтъ, а вторичное избраніе въ цензоры было совершенно воспрещено (стр. 310). Законодательнымъ путемъ не было сдѣлано въ ту эпоху дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи; однако строгость усиливалась, какъ это видно изъ того факта, что хотя законъ о десятилѣтнемъ промежуткѣ времени между двумя избраніями и былъ отмѣненъ въ 537 году на все время войны въ Италіи,

171

**Ограниченіе
консуль-
скихъ и
цензорскихъ
выборовъ.**

217

но послѣ того отъ него уже не дѣлалось отступленій и повторительныя избранія были вообще рѣдки въ концѣ этого періода. Кромѣ того, въ концѣ этого періода (574) состоялось общинное постановленіе, что кандидаты на общинныя должности должны занимать ихъ въ установленной постепенности и что они должны соблюдать извѣстные промежутки времени и извѣстные предѣлы возраста. Конечно, все это уже давно было установлено обычаемъ; тѣмъ не менѣе то было важнымъ стѣсненіемъ свободы выборовъ, что обычныя условія правоспособности были превращены въ легальныя, и что избиратели лишились права не соблюдать тѣхъ требованій въ исключительныхъ случаяхъ. Доступъ въ сенатъ былъ открытъ для всѣхъ членовъ властвовавшихъ семействъ безъ всякихъ между ними различій по способностямъ, между тѣмъ какъ не только бѣднымъ и низшимъ слоямъ населенія былъ совершенно закрытъ доступъ въ высшія правительственныя сферы, но и всѣ непринадлежавшіе къ наслѣдственной аристократіи римскіе граждане были не то, чтобы совершенно устранены отъ куріи, а были фактически лишены возможности достигать обѣихъ высшихъ общинныхъ должностей — консульской и цензорской. Послѣ Манія Курія и Гаяя Фабриція (стр. 304), сколько намъ извѣстно, не было ни одного консула, который не принадлежалъ-бы къ социальной аристократіи, да по всему вѣроятію и не было ни одного случая подобныхъ назначеній. Но даже число знатныхъ родовъ, впервые появившихся въ спискахъ консуларовъ и цензоровъ въ теченіе полустолѣтія отъ начала войны съ Аннибаломъ до окончанія войны съ Персеемъ, было крайне незначительно; а самая большая часть изъ нихъ, какъ напримѣръ роды Фламиніевъ, Теренціевъ, Порціевъ, Ациліевъ, Леліевъ, были обязаны своимъ возвышеніемъ или тому, что на нихъ палъ выборъ оппозиціи, или тому, что они пользовались аристократическими связями; такъ напримѣръ Гай Лелій, очевидно, былъ обязанъ Сципионамъ своимъ избраніемъ въ 564 году. Устраненіе бѣдныхъ людей отъ управленія, конечно, требовалось тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Римъ пересталъ быть чисто-италійскимъ государствомъ и усвоилъ эллинскую образованность, уже нельзя было ставить во главѣ общины мелкаго земледѣльца, только что отложившаго въ сторону свой плугъ. Но въ томъ не было ни крайней необходимости ни пользы, что выборы производились почти исключительно въ узкой сферѣ курульныхъ семействъ и что «новый человекъ» могъ проникнуть въ эту сферу не иначе, какъ прибѣгнувъ къ чему-то въ родѣ незаконнаго захвата *). Впрочемъ нѣкоторая

*) Какъ была устойчива римская знать и въ особенности та, которая принадлежала къ семьямъ патриціевъ, ясно видно изъ списковъ консуловъ и эдильовъ. Въ періодъ времени между 388 и 581 годами [за исключеніемъ 399, 400, 401,

доля наследственности не только лежала въ основѣ сенаторскаго званія, такъ какъ оно возникло изъ представительства родовъ (стр. 74), но и вообще она въ природѣ аристократіи, такъ какъ государственная мудрость и государственная опытность переходятъ по наследству отъ способнаго отца къ способному сыну и такъ какъ подъ наитіемъ духа славныхъ предковъ быстрее и ярче вспыхиваетъ въ человѣческой груди всякая благородная искра. Въ этомъ смыслѣ слова римская аристократія была во всѣ времена наследственной; она даже съ большою наивностью выставляла на показъ эту наследственность въ старинномъ обыкновеніи сенаторовъ приводить съ собою на засѣданія сената сыновей и въ обыкновеніи

403, 405, 409, 411 годовъ, въ которыхъ оба консула были изъ патриціевъ], какъ извѣстно, въ званіи консуловъ состояли одинъ патрицій и одинъ плебей. Кромѣ того коллегіи курульного эдильства въ нечетныхъ годахъ Варроновскаго лѣтосчисления избирались исключительно изъ патриціевъ по меньшей мѣрѣ до конца шестаго столѣтія и ахъ составъ измѣстенъ намъ за слѣдующіе шестнадцать лѣтъ: 541, 545, 547, 549, 551, 553, 555, 557, 561, 565, 567, 575, 585, 589, 591, 593. Эти патриціанскіе консулы и эдилы распределяются по родамъ слѣдующимъ образомъ:

	Консулы 388—500:	Консулы 501—581:	Курульные эдилы тѣхъ 16 патриц. коллегій.
Корнелія	15	15	14
Валерія	10	8	4
Клавдія	4	8	2
Эмилиа	9	6	2
Фабія	6	6	1
Манлія	4	6	1
Постумія	2	6	2
Сервилія	3	4	2
Квинція	2	3	1
Фурія	2	3	—
Сульпиція	6	2	2
Ветурия	—	2	—
Папирія	3	1	—
Навтія	2	—	—
Юлія	1	—	1
Фослія	1	—	—
	<u>70</u>	<u>70</u>	<u>32</u>

И такъ пятнадцать или шестнадцать высоко-аристократическихъ родовъ, встававшихъ въ общинѣ во время изданія Лиципіевскихъ законовъ, удержались безъ существенныхъ измѣненій въ своемъ составѣ [конечно, частію пополняясь усновленіями] въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій и даже до конца республики. Въ сферу плебейской знати поступаютъ отъ времени до времени новые роды; но и старинные плебейскіе роды, какъ напримѣръ Лицинія, Фульвія, Атилія, Доміція, Марція, Юнія господствуютъ въ спискахъ въ теченіе трехъ столѣтій самымъ рѣшительнымъ образомъ.

общинныхъ должностныхъ лицъ украшать своихъ сыновей внѣшними отличіями высшаго почета—пурпуровой каймой консуловъ и золотой ладонкой триумфаторовъ. Но въ старыя времена наслѣдственность внѣшнихъ почетныхъ отличій до нѣкоторой степени обусловливалась наслѣдственностью внутреннихъ достоинствъ, и сенатская аристократія правила государствомъ настолько на основаніи своихъ наслѣдственныхъ правъ, сколько на основаніи самаго высшаго изъ всѣхъ правъ на народное представительство — на основаніи права лучшихъ людей стоять выше людей дюжинныхъ; а въ описываемую нами эпоху и въ особенности послѣ окончанія Аннибаловской войны она быстро низошла съ своего прежняго высокаго положенія и изъ рассадника самыхъ опытныхъ въ совѣтъ и въ дѣлѣ людей превратилась въ сословіе баричей, пополнявшееся путемъ наслѣдованія и коллегіально употреблявшее во зло свою власть. Дѣло дошло въ ту пору даже до того, что изъ тѣхъ золь, которыя порождаетъ олигархія, развилось еще болѣе пагубное зло—захватъ власти отдѣльными семействами. Ранѣе уже было говорено (стр. 746) объ отвратительной фамиліи побѣдителя при Замѣ и о его къ сожалѣнію успѣшномъ стараніи прикрывать его собственными лаврами бездарность и ничтожество его брата; а непотизмъ Фламиніевъ былъ еще болѣе нахаленъ и возмутителенъ, чѣмъ непотизмъ Сципіоновъ. На дѣлѣ оказалось, что неограниченная свобода выборовъ была гораздо болѣе полезна для такихъ клѣтъ, чѣмъ для избирателей. Что Маркъ Валерій Корвъ двадцати-трехъ лѣтъ достигъ консульства, безъ сомнѣнія, послужило къ пользѣ общины; но когда Сципіонъ попалъ двадцати-трехъ лѣтъ въ эдилы и тридцати лѣтъ въ консулы, а Фламиній, еще не достигши тридцати лѣтъ, возвысился отъ квесторскаго званія до консульскаго, то въ этомъ заключалась серьезная опасность для республики. Римляне уже дошли до того, что были принуждены считать строго-олигархическую систему правленія за единственный оплотъ противъ господства отдѣльныхъ семействъ и противъ его послѣдствій; вотъ почему даже та партія, которая обыкновенно стояла въ оппозиціи къ олигархіи, содѣйствовала ограниченію свободы выборовъ.

Этотъ мало-по-малу измѣнявшійся характеръ правителей наложилъ свою печать и на систему управленія. Впрочемъ, въ направленіи внѣшней политики еще преобладали въ ту пору та-же послѣдовательность и та-же энергія, благодаря которымъ римская община утвердила свое владычество надъ Италіей. Въ тѣ годы тяжелыхъ испытаній, когда велась война изъ-за обладанія Сициліей, римская аристократія мало-по-малу поднялась на высоту своего новаго положенія; хотя она противозаконно присвоила общинному совѣту правительственную власть, которую по закону должны были дѣлить

Правленіе
знати.

между собою общинныя должностныя лица и общинное собраніе, но она оправдала этотъ захватъ тѣмъ, что если вовсе не гениально, то зорко и твердо управляла кормиломъ государства во время поднятой Аннибаломъ бури и вызванныхъ ею дальнѣйшихъ усложненій; въ это время она доказала всему міру, что властвовать надъ обширной сферой италійско-эллиническихъ государствъ способенъ только римскій сенатъ и что во многихъ отношеніяхъ только онъ одинъ того достоинъ. Но столь блестящая и увѣнчанная столь блестящими результатами дѣятельность римскаго общиннаго совѣта въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ не должна закрывать отъ нашихъ глазъ того факта, что въ совершенно противоположномъ духѣ велось мнѣе бросающееся въ глаза, но гораздо болѣе важное и гораздо болѣе трудное управленіе внутренними дѣлами, и примѣнялись на практикѣ какъ прежнія, такъ и новыя государственныя учрежденія, — или, вѣрнѣе говоря, въ этой сферѣ уже взяло верхъ противоположное направленіе.

**Внутреннее
управленіе.**

Во-первыхъ, по отношенію къ каждому изъ гражданъ въ отдѣльности, правительство уже не было тѣмъ, чѣмъ было прежде. Должностными лицами называются тѣ люди, которые поставлены выше другихъ, и если они считаются служителями общины, то именно потому дѣлаются господами надъ каждымъ изъ гражданъ. Но теперь такое строгое отношеніе къ дѣлу видимо слабѣетъ. Когда набираліе сторонниковъ и выпрашиваніе должностей процвѣтаютъ такъ, какъ они процвѣтали въ тогдашнемъ Римѣ, то должностныя лица воздерживаются отъ всякаго строгаго слова и отъ неуклоннаго исполненія своихъ служебныхъ обязанностей изъ опасенія лишиться услугъ отъ тѣхъ, кто принадлежитъ къ ихъ сословію, и изъ страха утратить расположеніе народной толпы. Если иногда и встрѣчаются должностныя лица съ стариннымъ рвеніемъ и съ старинною взыскательностью, то это все люди новыя, не принадлежавшіе къ средѣ властвовавшаго сословія, какъ напримѣръ Котта (502) и Катонъ.

252

То было уже не маловажнымъ отступленіемъ отъ установившихся обыкновеній, что когда Павелъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ войнѣ съ Персеемъ, онъ не обратился къ гражданству съ обычными изъявленіями благодарности, а заявилъ ему, что считаетъ себя избраннымъ вслѣдствіе того, что признанъ самымъ способнымъ къ командованію, и потому проситъ не помогать ему въ исполненіи его обязанностей, а молчать и повиноваться. Верховенство и гегемонія Рима надъ средиземными государствами были основаны не въ малой степени на строгости его военной дисциплины и его правосудія. Въ общемъ итогѣ онъ въ ту пору еще стоялъ въ этомъ отношеніи несравненно выше впавшихъ въ глубокое внутреннее разстройство эллиническихъ, финикійскихъ и восточныхъ государствъ; однако и въ Римѣ творились возмутительныя дѣла. Ранѣе уже было

**Упадокъ
военной
дисциплины
и правосу-
дія.**

рассказано (стр. 760 и сл.), какъ во время третьей македонской войны интересы государства были поставлены въ зависимость отъ совершенно неспособныхъ главнокомандующихъ и не отъ такихъ выбранныхъ оппозиціей демагоговъ, какими были Гай Фламиній и Гай Варронъ, а отъ чистокровныхъ аристократовъ. А о томъ, какъ иногда отправлялось правосудіе, дасть намъ понятіе слѣдующее происшествіе, случившееся въ лагерѣ консула Луція Квинкція Фламинія подъ Плаценціей (562): желая вознаградить одного молодого любнца, въ угоду ему не поѣхавшаго въ столицу на гладиаторскія игры, этотъ баричъ приказалъ привести одного знатнаго Боя, ук-рывшагося въ римскомъ лагерѣ, и на пиру собственноручно зако-лолъ его. Но еще возмутительнѣе этого факта,—съ которымъ можно бы было поставить на ряду не мало другихъ,—было то, что пре-ступникъ не былъ преданъ суду, а послѣ того, какъ цензоръ Катонъ вычеркнулъ его изъ списка сенаторовъ, члены его сословія обра-тились къ нему въ театрѣ съ приглашеніемъ снова занять его мѣсто въ сенатѣ;—впрочемъ, это былъ братъ освободителя Грековъ и во-жакъ одной изъ самыхъ вліятельныхъ въ сенатѣ партій.

192

И финансовое хозяйство римской общины въ эту эпоху скорѣе ухудшилось, чѣмъ улучшилось. Однако государственные доходы за-мѣтнымъ образомъ увеличились. Косвенные налоги (прямыхъ вовсе не было въ Римѣ) возросли вслѣдствіе расширенія римскихъ вла-дѣній; такъ напримѣръ, оказалось необходимымъ учредить въ 555 и 575 годахъ новыя таможи на берегахъ кампанскомъ и бреттійскомъ, въ ПUTEOLI, въ Кастрѣ (Squillace) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Тѣмъ-же расширеніемъ владѣній объясняется введеніе съ 550 года новаго солянаго тарифа, установившаго для различныхъ мѣстностей Италіи различныя мале-по-малу понижавшіяся цѣны на соль. Это было сдѣлано потому, что уже нельзя было продавать соль по одной и той-же цѣнѣ разсѣяншимся по всей Италіи рим-скимъ гражданамъ; но такъ какъ римское правительство продавало гражданамъ соль, по всему вѣроятію, по цѣнѣ ея добыванія, если не дешевле, то эта финансовая мѣра не доставила государству ни-какой прибыли. Еще значительнѣе увеличились доходы съ государ-ственныхъ имуществъ. Правда, поземельная такса, которая по за-кону должна была поступать въ государственную казну съ италій-скихъ казенныхъ земель, поступавшихъ въ пользованіе частныхъ лицъ, большею частію и не взыскивалась и не уплачивалась. За то въ казну попрежнему поступалъ пастбищный сборъ, а вновь приобрѣ-тенныя вслѣдствіе Аннибаловской войны казенныя земли, въ осо-бенности большая часть капуанской (стр. 657) и леонтинской тер-риторіи (стр. 618), не были отданы подъ оккупацию, а были раз-дѣлены на мелкіе участки и розданы на сроки мелкимъ арендато-рамъ; вообще правительство противилось тамъ попыткамъ оккупа-

199

179

204

ціи съ непривычною настойчивостью; вълѣдствіе этого государство приобрѣло обильный и вѣрный источникъ доходовъ. И изъ принадлежавшихъ государству рудокопень, въ особенности изъ богатыхъ рудниковъ, которые находились въ Испаніи, извлекались доходы путемъ отдачи на откупъ. Наконецъ къ государственнымъ доходамъ прибавились подати заморскихъ подданныхъ. Въ теченіе этой эпохи поступали въ государственную казну очень значительныя суммы экстраординарнымъ путемъ; такъ напримѣръ, добыча отъ войны съ Антиохомъ состояла изъ 200 милліоновъ сестерцій (14.500.000 тал.), а добыча отъ войны съ Персеемъ изъ 210 милл. сест. (15 милл. тал.). Эта послѣдняя сумма была самой большой изъ всѣхъ, когда либо разомъ поступавшихъ въ римскую казну.—Однако для этого увеличенія доходовъ служило противовѣсомъ постоянное увеличеніе расходовъ. Провинціи, — за исключеніемъ развѣ только одной Сициліи, — стояли почти столько-же, сколько давали; расходы на проведеніе большихъ дорогъ и на другія сооруженія увеличивались по мѣрѣ расширенія территоріи, да и неуплата заимообразной подати (*tributa*), которою были обложены осѣдлые граждане въ тяжелыя военныя времена, еще въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ того лежала тяжелымъ бременемъ на римской государственной казнѣ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить очень значительныя убытки, происходившіе отъ неправильнаго веденія финансоваго хозяйства и отъ слабаго надзора со стороны высшихъ должностныхъ лицъ. Далѣе будетъ идти рѣчь и о поведеніи должностныхъ лицъ въ провинціяхъ и о объ ихъ роскошномъ образѣ жизни на счетъ общественныхъ суммъ и о расхищеніи казенныхъ денегъ и въ особенности военной добычи, и о зарождавшейся системѣ подкуповъ и вымогательства. О томъ, какую прибыль извлекало государство изъ отдачи своихъ доходовъ на откупъ и къ чему вели его договоры о поставкахъ и о постройкахъ, можно составить себѣ приблизительное понятіе изъ того факта, что въ 584 году сенатъ рѣшилъ прекратить разработку доставшихся Риму македонскихъ рудниковъ на томъ основаніи, что арендаторы присковъ или грабили римскихъ подданныхъ, или обкрадывали казну, — это была, конечно, очень наивная аттестация въ нравственномъ безсиліи, которую выдала сама себѣ контролирующая власть. Не только,—какъ уже было ранѣ замѣчено,—перестали взвыскивать таксу съ отданныхъ подъ оккупацию государственныхъ земель, но даже дозволяли, при возведеніи частныхъ построекъ въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, захватывать общественную землю и отводить изъ общественныхъ водопроводовъ воду для частныхъ цѣлей; многіе были очень обижены, когда одинъ изъ цензоровъ серьезно возсталъ противъ такихъ захватовъ и принудилъ виновныхъ или отказаться отъ исключительнаго пользованія общественною собственностью, или уплатить уставовленный закономъ

земельныя и водопроводныя пошланы. Совѣсть Римлянъ была очень щекотлива, когда затрогивались чьи-либо интересы, но она была очень неразборчива, когда дѣло шло о денежныхъ интересахъ общины. «Кто обкрадываетъ кого-либо изъ гражданъ», говоритъ Катонъ, «тотъ кончаетъ свою жизнь въ оковахъ и въ неволѣ, а кто обкрадываетъ общину, тотъ кончаетъ свою жизнь въ золотѣ и въ пурпурѣ». Не смотря на то, что общественная собственность римской общины безнаказанно и безбоязненно расхищалась должностными лицами и спекулянтами, еще Полибій указывалъ на то, что въ Римѣ рѣдко случаются подлоги, между тѣмъ какъ въ Греціи рѣдко встрѣчаются должностныя лица, которые не запускаютъ рукъ въ общественную кассу, и что римскіе комиссары и должностныя лица честно берегутъ довѣренныя имъ на слово громадныя суммы, между тѣмъ какъ въ Греціи изъ-за малѣйшей денежной суммы прикладываютъ печати къ десяти письмамъ и призываютъ два десятка свидѣтелей и все-таки всѣ мошенничаютъ; но изъ этого ясно только то, что социальная и экономическая деморализация достигла въ Греціи гораздо высшей степени, чѣмъ въ Римѣ, и что въ этомъ городѣ еще не процвѣтало такое-же прямое и явное казнокрадство, какъ въ Греціи. Общій финансовый результатъ выражается для насъ всего яснѣе въ положеніи общественныхъ построекъ и въ наличности государственной казны. Мы находимъ, что на общественныя сооружения удѣлялась въ мирное время одна пятая часть государственныхъ доходовъ, а въ военное время одна десятая часть, — что при тогдашнихъ обстоятельствахъ, повидимому, было вовсе немного. На эти деньги, равно какъ на денежные пенн, не прямо поступавшія въ государственную казну, было не мало сдѣлано по части мостовъ внутри и подлѣ столицы, шоссированія большихъ италійскихъ дорогъ *) и сооруженія общественныхъ зданій. Самой значительной изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ общественныхъ работъ этого періода было принятое (вѣроятно, въ 570 году) чрезъ посредство подрядчиковъ очищеніе и расширеніе сѣти столичныхъ клоаковъ; на этотъ предметъ было одновременно ассигновано 1.700,000 талеровъ (24 милл. сест.) и, по всему вѣроятію, именно къ тому времени принадлежитъ всё то, что до сихъ поръ уцѣлѣло отъ клоаковъ. Но, если даже принять въ соображеніе тяжелья военныя времена, все таки окажется, что этотъ періодъ отсталъ отъ конца предшествовавшаго періода въ дѣлѣ общественныхъ сооружений; въ промежутокъ вре-

184

*) Впрочемъ, большая часть расходовъ на этотъ предметъ возлагалась на смежныхъ землевладѣльцевъ. Старинная система рабочихъ повинностей еще не была отменена; безъ сомнѣнн, еще не рѣдко случалось, что у землевладѣльцевъ забирали рабовъ для производства работъ на большихъ дорогахъ [Катонъ, De Re Rust. 2].

272—147 мени между 482 и 607 годами въ Римѣ не было устроено ни одного новаго водопровода. Правда, наличность государственной казны увеличилась: послѣдній запасный капиталъ состоялъ въ 545 году, когда необходимость заставила издерживать его, только изъ 1.140,000 талеровъ (4000 фунт. золота; стр. 642), а вскорѣ послѣ окончатія этого періода (597) въ государственной кассѣ имѣлось въ запасѣ около 6 милл. талеровъ въ благородныхъ металлахъ. Однако насъ должна удивлять не величина, а незначительность этой послѣдней суммы, если мы примемъ въ соображеніе громадность экстраординарныхъ суммъ, стекавшихся въ римскую государственную казну въ продолженіе цѣлаго поколѣнія послѣ окончатія Аннибаловской войны. На сколько позволительно дѣлать общіе выводы изъ имѣющихся у насъ болѣе нежели скудныхъ данныхъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что хотя римскіе государственные финансы и представляли перевѣсъ приходовъ надъ расходами, они все-таки находились далеко не въ блестящемъ положеніи.

Италійскіе подданные. Измѣнившійся характеръ правительства всего яснѣе обнаружился въ томъ, какъ оно обходилось съ италійскими и внѣ-италійскими подданными римской общины. До того времени въ Италіи различали обыкновенныя союзническія общины отъ латинскихъ и римскихъ пассивныхъ гражданъ отъ полноправныхъ. Изъ этихъ четырехъ рядовъ третій почти совершенно исчезъ въ теченіе этого періода: то, что было ранѣе сдѣлано для общинъ пассивныхъ гражданъ въ Лациумѣ и въ Сабинѣ, было теперь сдѣлано и для бывшей территоріи Вольсковъ; находившіяся тамъ общины мало по малу получили полныя гражданскія права и, вѣроятно, послѣ всѣхъ получили эти права въ 566 году Арпинъ, Фунди и Форми. Въ Кампаніи капуанская община была упразднена вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ сосѣднихъ болѣе мелкихъ общинъ вслѣдствіе своего отпаденія отъ Рима во время Аннибаловской войны. Хотя немногія общины, — какъ, на примѣръ Велитры на территоріи Вольсковъ, Теанъ и Кумы въ Кампаніи, — и сохранили свое прежнее правовое положеніе, но все-таки въ общемъ итогѣ можно считать упраздненными эти гражданскія права втораго разряда. — За то прибавился новый низшій разрядъ людей, которые были лишены общинныхъ вольностей и права носить оружіе и къ которымъ относились почти такъ-же, какъ къ общиннымъ рабамъ (*peregrini dediticii*); сюда принадлежали въ особенности прежнія кампанскія, южно-пицентскія и бреттійскія общины, состоявшія въ союзѣ съ Аннибаломъ (стр. 658). Въ этотъ-же разрядъ входили кельтскія племена, которымъ дозволялось жить по сю сторону Альповъ; объ ихъ положеніи въ италійской конфедераціи мы имѣемъ лишь неполныя свѣдѣнія, но что оно было низко, видно изъ того включеннаго въ ихъ союзный договоръ съ Римомъ условія, что ни одна изъ этихъ общинъ никогда не могла приобрести

правъ римскаго гражданства (стр. 662). — Положеніе нелатинскихъ **Союзники.**
союзниковъ, — какъ уже было ранѣ замѣчено (стр. 658), — очень
взмѣнилось къ худшему вслѣдствіе Аннибаловской войны. Только
немногія изъ общинъ этой категоріи, какъ напримѣръ Неаполь,
Нола, Регионъ, Гераклея, неизмѣнно держали сторону Рима, не смотря
на всѣ превратности военнаго счастья, и потому сохранили въ цѣ-
лости свои прежнія союзныя права; но большая ихъ часть под-
верглась невыгодному пересмотру прежнихъ союзныхъ договоровъ
за то, что перешла на сторону врага. Объ угнетенномъ положеніи
нелатинскихъ союзниковъ свидѣтельствуется тотъ фактъ, что изъ
общинъ многіе переселялись въ латинскія общины; когда Самниты и
Пелигны обратились въ 577 году къ сенату съ просьбой объ умень-
шеніи размѣра ихъ контингентовъ, они мотивировали свою просьбу
тѣмъ, что 4000 самнитскихъ и пелигнскихъ семействъ пересели-
лись въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ латинскую колонію Фрегеллы. —
Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что въ болѣе выгодномъ поло-
женіи находились Латины, то-есть немногіе еще не вошедшіе въ
римскій гражданскій союзъ города Лаціума, какъ напримѣръ Ти-
буръ и Пренестъ, равно какъ уравненные съ ними въ правахъ со-
юзные города, какъ напримѣръ нѣкоторые города Герниковъ и раз-
бросанныя по всей Италіи латинскія колоніи; но и ихъ положеніе
ухудшилось едва-ли въ меньшей степени. Лежавшія на нихъ повин-
ности были несправедливо увеличены и какъ на нихъ, такъ и на
другихъ италійскихъ союзниковъ, все болѣе и болѣе сваливалось
лежавшее на гражданствѣ бремя военной службы. Такъ напримѣръ
въ 536 году было призвано къ военной службѣ вдвое болѣе союз-
никовъ, чѣмъ гражданъ; по окончаніи Аннибаловской войны граж-
дане были всѣ распущены, а союзники не всѣ; этихъ послѣднихъ
употребляли преимущественно на содержаніе гарнизоновъ и на не-
навистную службу въ Испаніи; при раздачѣ въ 577 году подарковъ
по случаю празднованія триумфа, союзники уже не пользовались
прежнимъ почетомъ наравнѣ съ гражданами, а получили вдвое меньше,
вслѣдствіе чего среди необузданнаго веселья этого солдатскаго кар-
навала обиженные отряды войскъ молча шли за побѣдной колесни-
цей; при раздачѣ земель въ сѣверной Италіи граждане получили по
десяти моргеновъ пахатной земли, а неграждане по три моргена.
У латинскихъ общинъ уже была ранѣ отнята неограниченная сво-
бода переселенія, а переселяться въ Римъ дозволялось только въ
тѣхъ случаяхъ, когда переселенцы оставляли въ своей родной об-
щинѣ дѣтей и часть своей собственности (стр. 418). Однако эти
стѣснительныя требованія или обходились различными путями, или
вовсе не соблюдались, и римское правительство нашлось вынужден-
нымъ высылать массы людей изъ столицы чрезъ посредство полиціи
вслѣдствіе громаднаго наплыва гражданъ изъ латинскихъ городовъ

177

Латины.

218

177

и вслѣдствіе жалобъ мѣстныхъ властей на спящее уменьшеніе населенія въ городахъ и на невозможность доставлять контингентъ въ установленномъ размѣрѣ (567, 577). Быть можетъ, эта мѣра и была неизбежно необходима; тѣмъ не менѣе она была очень обременительна. Кромѣ того, города, которые основывагь Римъ внутри Италіи, стали получать въ концѣ этого періода вмѣсто правъ латинскаго гражданства полныя гражданскія права, которыя до того времени предоставлялись только приморскимъ колоніямъ; тогда совершенно прекратилось постоянное расширеніе латинской сферы путемъ вступленія въ нее новыхъ общинъ. Основанная въ 571 году, Аквилея была младшей изъ основанныхъ Римомъ италійскихъ колоній, которыя были надѣлены латинскимъ правомъ гражданства; основаннымъ почти въ то-же время колоніямъ Потенціи, Пизавру, Мутиѣ, Пармѣ, Лунѣ (570—577) уже были предоставлены полныя гражданскія права. Причиной этого, очевидно, былъ упадокъ латинскаго права гражданства въ сравненіи съ римскимъ. Колонисты, которыхъ поселяли во вновь основанныхъ городахъ, и прежде выбирались преимущественно изъ римскихъ гражданъ, а теперь правительство стало держаться этого правила еще упорнѣе, чѣмъ прежде, и даже между самыми бѣдными изъ тѣхъ переселенцевъ никто не согласился-бы промѣнять свое гражданское право на латинское, хотя бы это могло доставить ему значительныя матеріальныя выгоды.—

187 177

183

184—177

Затрудненія въ приобретеніи правъ римскаго гражданства. Наконецъ, доступъ въ римское гражданство былъ почти совершенно закрытъ для негражданъ,—какъ для цѣлыхъ общинъ, такъ и для отдѣльныхъ лицъ. Старинное обыкновеніе включать покоренныя общины въ римскую было отброшено около 400 года для того, чтобъ римская община не могла утратить своей централизаціи вслѣдствіе чрезмѣрнаго расширенія, и поэтому стали учреждаться полугражданскія общины (стр. 410). А теперь отбросили мысль о централизаціи общины, такъ какъ частію стали давать полныя гражданскія права полугражданскимъ общинамъ, частію стали включать въ римскую общину многочисленныя, болѣе отдаленныя, гражданскія колоніи; однако къ прежней системѣ инкорпораціи союзныхъ общинъ не вернулись. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобъ послѣ окончательнаго покоренія Италіи хотя одна изъ италійскихъ общинъ промѣняла свое союзное право на право римскаго гражданства,—вѣроятно ни одна изъ нихъ и не получала его. И переходъ отдѣльныхъ Италійцевъ въ римское право гражданства почти никому не дозволялся кромѣ латинскихъ должностныхъ лицъ (стр. 418) и кромѣ тѣхъ случаевъ, когда по какой нибудь особой протекціи это право предоставлялось нѣкоторымъ изъ негражданъ, участвовавшихъ въ основаніи гражданскихъ колоній *).—Этимъ фактическимъ и юридическимъ перемѣ-

350

*) Такъ напримѣръ, начъ извѣстно, что одинъ изъ триумвировъ, Кв. Фульвій Нобиліоръ подарилъ право гражданства рудійскому уроженцу Эниію по случаю

намъ въ положеніи италійскихъ подданныхъ по крайней мѣрѣ нельзя отказать во внутренней связи и въ послѣдовательности. Положеніе подданныхъ различныхъ разрядовъ вообще ухудшилось сравнительно съ ихъ прежними раздѣленіями по степенямъ, такъ какъ правительство, прежде старавшееся смягчать противорѣчія и соединять ихъ между собой постепенными переходами, теперь напротивъ того стало повсюду уничтожать промежуточные ступени и разрушать соединительные мосты. Какъ въ средѣ римскаго гражданства властвовавшее сословіе отдѣлилось отъ народа, сбросило съ себя бремя общественныхъ повинностей и присвоило себѣ всѣ почести и всѣ преимущества, такъ и само гражданство стало точно такимъ-же образомъ относиться къ италійскимъ союзникамъ, стало всё болѣе и болѣе устранять ихъ отъ соучастія въ управленіи, въ то же время возлагая на нихъ общественныя повинности въ двойномъ и въ тройномъ размѣрѣ. Какъ знать стала по отношенію къ плебеямъ въ такое-же замкнутое положеніе, въ какомъ когда-то находился приходшій въ упадокъ патриціатъ, такъ и гражданство заняло точно такое-же положеніе по отношенію къ негражданамъ; плебеи, возвысившіеся благодаря либерализму своихъ учреждений, теперь сами себя зашнуровали въ окопательныя принципы юнкерства. Уничтоженіе пассивнаго гражданства не можемъ само по себѣ вызывать порицанія и по своимъ мотивамъ вѣроятно находится въ связи съ другими общественными явленіями, о которыхъ будетъ идти рѣчь далѣе; однако черезъ это уже былъ утраченъ одинъ изъ промежуточныхъ членовъ. Но еще гораздо пагубнѣе было уничтоженіе различія между латинскими и остальными италійскими общинами. Опорой римскаго могущества было привилегированное положеніе латинской націи внутри Италіи; эта опора исчезла изъ-подъ ногъ съ тѣхъ поръ, какъ латинскіе города стали сознавать, что они уже не избранные соучастники во владычествѣ могущественной соплеменной общины, а гдѣ сущности стоятъ наравнѣ со всѣми остальными римскими подданными, и съ тѣхъ поръ, какъ всѣ Италійцы стали находить свое положеніе одинаково невыносимымъ. Конечно и въ средѣ подданныхъ еще существовали различія по степенямъ; такъ на примѣръ съ Брет-

---

основанія гражданскихъ колоній Потенціи и Низавра [Cic. Brut. 20, 79], вслѣдствіе чего Энній по установленному обыкновенію усвоилъ собственное имя своего благодѣтеля. Неграждане, переселявшіеся въ гражданскія колоніи, легально не приобретали, — по меньшей мѣрѣ въ эту эпоху, — римскаго гражданства, хотя не рѣдко случалось, что незаконно себѣ его присвоивали [Liv. 34, 42]; но тѣмъ должностнымъ лицамъ, которымъ поручалось основаніе новыхъ колоній, обыкновенно предоставлялось—особою статьей въ издававшемся на какаждый изъ подобныхъ случаевъ особомъ народномъ постановленіи— раздавать права гражданства известному числу лицъ [Cic. Pro Balb. 21, 48].

тіями и съ ихъ товарищами по несчастію Римляне обходились совершенно какъ съ рабами, да и сами Бреттіи вели себя какъ рабы—при всякомъ удобномъ случаѣ дезертировали съ флота, на которомъ служили гребцами, и охотно поступали на службу противъ Римлянъ, а на Кельтовъ въ особенности на заморскихъ подданныхъ, находившихся въ еще болѣе тяжеломъ положеніи, правительство съ умысломъ навлекало презрѣніе и притѣсненія со стороны Италійцевъ; но все это не могло служить достаточнымъ вознагражденіемъ за прежнее различіе между единоплеменными италиійскими подданными и иноплеменными. Глубокое уныніе овладѣло всеми членами италиійской конфедераціи и только страхъ мѣшалъ ему выразиться во всеуслышаніе. Внесенное въ сенатъ послѣ битвы при Каннахъ предложеніе предоставить двумъ лицамъ изъ каждой латинской общины права римскаго гражданства и мѣста въ сенатѣ, конечно, было несвоевременно и было основательно отвергнуто, но оно доказываетъ, что господствовавшая община уже въ ту пору была озабочена отношеніями между Лаціумомъ и Римомъ. Еслибы новый Аннибалъ внесъ въ то время войну въ предѣлы Италиі, то еще сомнительно, рушилось-ли бы его предпріятіе о непоколебимое сопротивленіе латинской націи противъ владычества иноземцевъ.

Управленіе провинцій. Но самымъ важнымъ изъ учрежденій, введенныхъ въ теченіе этой эпохи въ римское управленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ представлявшихъ рѣшительное и пагубное уклоненіе отъ прежней системы, были новыя намѣстничества. Древнее римское государственное право не знало обложенныхъ податями подданныхъ; жители покоренныхъ общинъ или продавались въ рабство, или сливались съ римскимъ гражданствомъ, или же принимались въ союзъ, который обезпечивалъ имъ по меньшей мѣрѣ общинную самостоятельность и свободу отъ податей. Но картагенскія владѣнія въ Сициліи, въ Сардиніи и въ Испаніи, равно какъ владѣнія Герона, уплачивали своимъ властителямъ подати и оброки; а когда Римъ пожелалъ удержать эти владѣнія за собой, то, по мнѣнію недалековидныхъ людей, было всего благоразумнѣе и бесспорно всего удобнѣе управлять вновь приобретенными странами такъ-же, какъ онѣ прежде управлялись. Поэтому введенная Кароагенянами и Геронимомъ, провинціальная администрація была оставлена безъ измѣненій, а по ея образцу было организовано и управленіе тѣхъ странъ, которыя были отняты у варваровъ,—какъ на примѣръ, Ближней Испаніи. Это была унаследованная отъ враговъ, одежда Несса. Сначала римское правительство, безъ сомнѣнія, не имѣло намѣренія обогащаться налогами на подданныхъ, а лишь желало покрывать этими налогами расходы по управленію и по оборонѣ; но Римляне уже уклонились отъ этой цѣли, когда наложили дань на Македонію и на Иллирію, не принявши на себя ни мѣстнаго управленія, ни охраны границъ. Въ

этомъ случаѣ важно было не то, что при обложеніи налогами еще соблюдалась нѣкоторая умѣренность, а то, что владычество превращалось въ право извлекать доходы; грѣхопаденіе одинаково и въ томъ случаѣ, если сорвано только одно яблоко, и въ томъ случаѣ, если обобрано все дерево. За неправымъ дѣломъ немедленно послѣдовало и наказаніе. Для новаго провинціального управленія потребовалось назначеніе намѣстниковъ, положеніе которыхъ было несомнѣнно не только съ благосостояніемъ управляемыхъ провинцій, но и вообще съ римскими государственными учрежденіями. Какъ римская община замѣнила въ провинціяхъ прежнихъ властителей, такъ и ея намѣстники замѣнили тамъ прежнихъ царей; такъ напримѣръ преторъ Сициліи жилъ въ Сиракузахъ въ дворцѣ Геронима. Конечно законъ все-таки обязывалъ намѣстника исполнять его служебныя обязанности съ республиканской честностью и бережливостью. Въ качествѣ намѣстника Сардиніи, Катонъ появлялся въ подвластныхъ ему городахъ пѣшкомъ и въ сопровожденіи только одного слуги, который несъ вслѣдъ за нимъ плащъ и жертвенную чашу, а когда онъ возвращался домой изъ своего испанскаго намѣстничества, онъ продалъ своего боеваго коня, потому что не считалъ себя въ правѣ обременять государство расходомъ на его перевозку. Хотя, конечно, лишь очень немногіе изъ римскихъ намѣстниковъ доходили въ своей добросовѣстности, подобно Катону, до скряжничества и до смѣшнаго, но они болѣею частію умѣли внушать уваженіе своимъ подданнымъ и въ особенности легкомысленнымъ и не привыкшимъ къ сдержанности Грекамъ своимъ заимствованнымъ отъ предковъ благочестіемъ, степенностью и тишиною, царствовавшими за нихъ столы, сравнительной честностью при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей и при отправленіи правосудія, въ особенности справедливою строгостью къ самымъ вреднымъ кровопійцамъ провинціального населенія — къ римскимъ откупщикамъ податей и банкирамъ, и вообще важностью и достоинствомъ въ обхожденіи. Поэтому провинціальному населенію жилось подъ ихъ управленіемъ довольно сносно. Оно не было избаловано кареагенскими намѣстниками и сиракузскими властелинами; ему скоро пришлось сравнивать бичъ тогдашнихъ правителей съ жаломъ позднѣйшихъ скорпіоновъ и о первомъ вспоминать съ благодарностью; отсюда не трудно понять, почему шестое столѣтіе отъ основанія Рима послѣдствіи считалось золотымъ вѣкомъ провинціального управленія. Но долго соединять въ своемъ лицѣ и званіе республиканца и званіе царя оказалось невозможнымъ. Гонимая за мѣстами намѣстниковъ, римское господствующее сословіе деморализировалось съ страшной быстротой. Надменность и заносчивость въ обхожденіи съ провинціалами до такой степени были въ характерѣ намѣстнической роли, что едва ли можно ставить ихъ въ упрекъ тому или другому должностному

Положеніе
намѣстни-
ковъ.

лицу. Но уже рѣдко случалось, чтобъ намѣстникъ возвращался изъ провинціи съ совершенно чистыми руками, въ особенности потому, что правительство строго держалось стараго правила не назначать общиннымъ должностнымъ лицамъ никакого жалованья; въ ту пору указывали, какъ на нѣчто необычайное, на то, что побѣдитель при Пиднѣ Павелъ не бралъ никакихъ денегъ. Дурное обыкновеніе подносить должностнымъ лицамъ «почетное вино» и другія «добровольныя» приношенія, было, какъ кажется, такъ-же старо, какъ и сама провинціальная администрація и вѣроятно принадлежало къ доставшемуся отъ Кароагена наслѣдству; еще Катонъ, во время управленія Сардиніей (556), былъ принужденъ ограничиться регулированіемъ этихъ поборовъ и низведеніемъ ихъ до болѣе скромныхъ размѣровъ. Право должностныхъ лицъ и вообще всѣхъ ѣздившихъ по казенной надобности на даровое помѣщеніе и на бесплатный проѣздъ уже служило поводомъ для вымогательствъ. Болѣе важное право должностныхъ лицъ требовать отъ населенія ихъ провинціи за справедливую цѣну доставки хлѣба частію для собственнаго продовольствія и для продовольствія своихъ домашнихъ (*in cellam*), частію для продовольствія арміи въ военное время и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, послужило поводомъ для такихъ невыносимыхъ злоупотребленій, что по жалобѣ Испанцевъ сенатъ былъ вынужденъ въ 583 году отнять у должностныхъ лицъ право устанавливать цѣны по поставкамъ того и другаго рода (стр. 679). Подданныхъ стали облагать поборами даже для устройства народныхъ празднествъ въ Римѣ; эдилъ Тиберій Семпроній Гракхъ, устраивая такое празднество, подвергалъ и италійскія и внѣиталійскія общины такимъ безмѣрнымъ вымогательствамъ, что принудилъ сенатъ официально вступить за угнетенныхъ (572). Какъ обходились римскія должностныя лица въ концѣ этого періода не только съ несчастными римскими подданными, но даже съ зависимыми республиками и монархіями, можно составить себѣ понятіе по хищническимъ экспедиціямъ Гнея Вольсона въ Малой Азіи (стр. 736) и въ особенности по тѣмъ безчестнымъ продѣлкамъ, которыя совершались въ Греціи во время войны съ Персеємъ (стр. 759 и сл.). Правительство не имѣло никакого права этимъ возмущаться, такъ какъ оно не воздвигало никакихъ серьезныхъ преградъ противъ злоупотребленій военнаго деспотизма. Однако отвѣтственность предъ судомъ не была вполнѣ упразднена. Хотя Римскій намѣстникъ могъ быть привлеченъ къ отвѣту лишь послѣ того, какъ зло уже было совершено, — вслѣдствіе общаго и болѣе чѣмъ вреднаго принципа, что не слѣдуетъ входить въ разсмотрѣніе жалобъ, подаваемыхъ на главнокомандующаго во время его состоянія въ должности (стр. 247); тѣмъ не менѣе можно было и вчинять противъ него уголовное преслѣдованіе и предъявлять на него гражданскіе искъ. Уголовное пре-

198

171

182

**Контроль
надъ на-
мѣстниками.**

слѣдованіе могъ вчинять народный трибунъ въ силу предоставленной ему судебной власти; онъ также могъ вносить обвиненіе на разсмотрѣніе народнаго суда; гражданскіе иски предъявлялъ завѣдывавшій мѣстной претурой сенаторъ въ особый судъ присяжныхъ, которые, по тогдашней судебной организаціи, выбирались изъ среды сенаторовъ. Стало быть, и въ томъ и въ другомъ случаѣ контроль находился въ рукахъ властвовавшего сословія; правда, это сословіе еще было настолько справедливо и честно, что не откладывало въ сторону основательныхъ жалобъ и даже бывали случаи, что сенатъ, по просьбѣ обиженныхъ, самъ открывалъ гражданскій процессъ; тѣмъ не менѣе незнатнымъ людямъ и чужеземцамъ приходилось подавать жалобы на сильныхъ людей, принадлежавшихъ къ властвовавшей аристократіи и ожидать рѣшенія отъ такихъ судей и присяжныхъ, которые жили далеко и если сами были непричастны къ преступленію обвиняемаго, то по меньшей мѣрѣ принадлежали къ одному съ нимъ сословію; поэтому такія жалобы имѣли успѣхъ только въ томъ случаѣ, если несправедливость была очевидной и вопіющей, а жаловаться безуспѣшно значило почти тоже, что обречь себя на гибель. Обиженные, правда, находили нѣкоторую опору въ томъ, что подвластные Римлянамъ города и области поступали въ качествѣ клиентовъ подъ защиту своихъ завоевателей и другихъ Римлянъ, съ которыми имъ приходилось вступать въ болѣе близкія отношенія. Испанскіе намѣстники убѣдились по собственному опыту, что нельзя было безнаказанно обижать клиентовъ Катона; а когда представители отъ трехъ побѣжденных Павломъ народовъ, отъ Испанцевъ, отъ Лигуровъ и отъ Македонянъ, не хотѣли никому уступить чести нести его прахъ на костеръ, это было самою лучшей похоронною пѣснью для этого благороднаго челоуѣка. Однако это покровительство какомунибудь особому разряду людей доставило Грекамъ случай выказать въ Римѣ все ихъ умѣнье унижаться передъ ихъ повелителями; они даже развратили этихъ повелителей такимъ услужливымъ рабствомъ: постановленія Сиракузянъ въ честь Марцелла, который разорилъ и разграбилъ ихъ городъ и на котораго они безуспѣшно жаловались за это сенату, составляютъ одну изъ самыхъ поворныхъ страницъ въ далеко не славныхъ лѣтописяхъ Сиракузъ. При существовавшемъ тогда опасномъ обыкновеніи держаться фамиліной политики, этотъ фамиліный патронатъ былъ вреденъ и въ политическомъ отношеніи. Все таки въ результатъ выходило, что римскія должностныя лица до нѣкоторой степени боялись боговъ и сената и болѣею частію соблюдали въ воровствѣ мѣру, хотя и не переставали красть и даже крали безнаказанно, если только не заходили за предѣлы умѣренности. Тогда установилось пагубное правило, что когда римское должностное лицо совершаетъ небольшую вымогательства и умѣренныя насилія, оно дѣйствуетъ какъ бы въ предѣлахъ своихъ

Надзоръ сената за намѣстниками и за подданными.

правъ и по закону не подлежитъ никакому наказанію, и стало быть обиженные должны молчать—что впоследствии привело къ самымъ опаснымъ послѣдствіямъ. Впрочемъ, еслибы суды и были въ такой-же мѣрѣ строги, въ какой они были въ дѣйствительности невыскаательны, то и тогда отвѣтственность передъ ними могла-бы предотвращать лишь самыя возмутительныя злоупотребленія. Настоящей гарантіей хорошаго управленія служить строгій и правильный надзоръ со стороны высшей правительственной власти, а сенатъ оказался совершенно къ этому неспособнымъ. Именно въ этомъ прежде всего обнаружилось вялость и неповоротливость коллегіальнаго управленія. Намѣстниковъ слѣдовало подчинить болѣе строгому и болѣе подробному контролю, чѣмъ тотъ, какой былъ достаточенъ для италійскихъ муниципальныхъ управленій, а съ тѣхъ поръ какъ въ составъ государства вошли обширныя заморскія владѣнія, слѣдовало усилить составъ тѣхъ учрежденій, чрезъ посредство которыхъ правительство наблюдало надъ всѣми своими органами. Но и въ томъ и въ другомъ отношеніи было сдѣлано совершенно противное. Намѣстники властвовали какъ настоящіе монархи, а самое важное изъ тѣхъ учрежденій, при помощи которыхъ былъ-бы возможенъ надъ ними контроль — государственный цензъ былъ введенъ въ Сициліи, но не былъ введенъ ни въ одной изъ позже-пріобрѣтенныхъ провинцій. Такая эманципация высшихъ административныхъ властей отъ центральной власти была болѣе, чѣмъ опасна. Римскій намѣстникъ стоялъ во главѣ государственной арміи и имѣлъ въ своемъ распоряженіи значительныя денежныя средства; при этомъ онъ находился подъ слабымъ судебнымъ контролемъ и былъ фактически независимъ отъ верховной власти; наконецъ онъ былъ поставленъ до нѣкоторой степени въ необходимость отдѣлять и свои собственные интересы и интересы подвластнаго ему населенія отъ интересовъ римской общины и дѣйствовать наперекоръ этимъ послѣднимъ; поэтому онъ былъ гораздо болѣе похожъ на персидскихъ сатраповъ, чѣмъ на тѣхъ уполномоченныхъ, которые дѣйствовали отъ имени сената во время самнитскихъ войнъ; да и трудно себѣ представить, чтобъ человѣкъ, только-что пользовавшійся въ чужихъ краяхъ ничѣмъ неограниченнымъ полномасіемъ, могъ снова сдѣлаться членомъ такого гражданскаго общества, въ которомъ существовало различіе между повелѣвающими и повинующимися, но не существовало различія между господами и рабами. И само правительство сознавало, что изъ его рукъ начинали ускользать два основныя его принципа— равенство въ средѣ аристократіи и подчиненіе должностныхъ лицъ сенатской коллегіи. Изъ того, что правительство избѣгало учрежденія новыхъ намѣстничествъ и вообще обнаруживало нерасположеніе ко всей системѣ намѣстническаго управленія, что оно учредило должности провинціальныхъ квесторовъ, которые должны были отнять

у наместниковъ по меньшей мѣрѣ финансовое управленіе, что но отмѣнило само по себѣ столь цѣлесообразное назначеніе наместниковъ на болѣе долгіе сроки (стр. 678). Ясно видно, какъ далеко видные римскіе политики были озабочены дальнѣйшими послѣдствіями такихъ порядковъ. Но діагноза еще не исцѣленіе. Установившіеся въ средѣ знати порядки развивались далѣе въ усвоенномъ ими направленіи, а упадокъ администраціи и финансовъ, служившій подготовкой для будущихъ революцій и захватовъ власти, хотя и усиливался замѣтнымъ образомъ, но тѣмъ не менѣе не встрѣчалъ никакого противодѣйствія.

Новая знать не занимала столь-же ясно опредѣленнаго положенія, какъ старинная родовая аристократія, и между тѣмъ какъ эта послѣдняя легально устранила остальныхъ гражданъ отъ совмѣстнаго пользованія политическими правами, первая пользовалась такими-же преимуществами лишь фактически; но именно по этой причинѣ второе изъ этихъ стѣсненій было и труднѣе выносить и труднѣе уничтожить, чѣмъ первое. Въ попыткахъ достигнуть этой послѣдней цѣли, конечно, не было недостатка. Опорой для оппозиціи служили общинныя собранія точно также, какъ спорой для знати служилъ сенатъ, но чтобъ понять эту оппозицію необходимо прежде ознакомиться съ характеромъ тогдашняго римскаго гражданства и съ положеніемъ, которое оно въ ту пору занимало въ республикѣ. — Все, чего можно-бы было требовать отъ такого гражданства, какъ римское, которое было не приводящимъ всё къ движеніе маховымъ колесомъ, а неподвижнымъ фундаментомъ цѣлаго, — всё это мы находимъ въ римской общинѣ въ такой высокой степени, что всякій разъ, какъ мы обозрѣваемъ ея дѣятельность въ цѣломъ, наше почтительное удивленіе заглушаетъ всякія порицанія; въ этой общинѣ мы находимъ и вѣрное пониманіе общей пользы и благородную готовность повиноваться законному начальнику и непоколебимую твердость какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи и главнымъ образомъ способность жертвовать частностями для цѣлаго, способность жертвовать настоящими благами для будущаго счастія. И въ ту пору, о которой здѣсь идетъ рѣчь, въ этой общинѣ еще преобладалъ вѣрный здравый смыслъ. Все поведеніе гражданства въ его отношеніяхъ, какъ къ правительству, такъ и къ оппозиціи, доказываетъ совершенно ясно, что въ римскихъ комиціяхъ преобладалъ тотъ-же могучій гражданскій духъ, передъ которымъ оказался безсильнымъ даже геній Аннибала; правда, гражданство нерѣдко впадало въ заблужденія, но оно заблуждалось не такъ, какъ заблуждается разсвирѣпѣвшая чернь, а такъ, какъ заблуждаются невѣжественные мѣщане и земледѣльцы. Тѣмъ не менѣе тотъ механизмъ, съ помощью котораго гражданство вліяло на ходъ общественныхъ дѣлъ, становился все менѣе удобнымъ на практикѣ, а въ результатѣ со-

Оппозиція.

Характеръ римскаго гражданства.

вершонныхъ этимъ гражданствомъ великихъ поденговъ оказалось, что оно уже не было въ состояніи справляться съ новыми условіями общественной жизни. Въ теченіе этой эпохи, — какъ уже было ранѣе замѣчено (стр. 794.795), — права полного римскаго гражданства были предоставлены большинству пассивныхъ гражданскихъ общинъ и многимъ изъ вновь основанныхъ колоній. Въ концѣ этой эпохи римское гражданство занимало довольно сплошными массами Лаціумъ въ самомъ широкомъ значеніи этого названія, Сабину и часть Кампаніи, такъ что на западныхъ берегахъ оно занимало все пространство въ сѣверу до Цере, къ югу до Кумъ; въ составъ его не входили внутри этой территоріи лишь немногіе города, какъ то: Тибуръ, Пренестъ, Сигнія, Норба, Ферентинъ. Сюда-же принадлежали: основанныя на берегахъ Италіи, приморскія колоніи, которымъ обыкновенно предоставлялись права полного римскаго гражданства, основанныя въ болѣе позднюю пору колоніи пицентскія и заапеннинскія, которымъ поневолѣ пришлось предоставить гражданскія права (стр. 795), и значительное число тѣхъ римскихъ гражданъ, которые не составляли особыхъ общинъ, а были разсыяны во всей Италіи по разнымъ мѣстечкамъ и деревнямъ (*foea et conciliabula*). Такъ какъ организованной такимъ образомъ городской общинѣ было крайне неудобно заниматься даже отправленіемъ правосудія *) и администраціей, то этому злу старались пособить частію тѣмъ, что стали назначать особыхъ делегатовъ для отправленія правосудія (стр. 419), частію тѣмъ, что въ приморскихъ колоніяхъ (стр. 431) и въ колоніяхъ, вновь основанныхъ въ Пиценѣ и по ту сторону Апеннинъ, были номеньшей мѣрѣ положены основы для позднѣйшей организаціи внутри большой римской городской общины мелкихъ городскихъ общинъ; тѣмъ не менѣе право постановлять рѣшенія по всеѣмъ политическимъ вопросамъ осталось принадлежностью того кореннаго народнаго собранія, которое собиралось на римской площади; понятно, что это собраніе, какъ по своему составу, такъ и по своей дѣятельности, уже было не такимъ, какимъ было въ ту пору, когда все имѣвшіе въ немъ право голоса могли исполнять свои обязанности, приходя съ своихъ хуторовъ утромъ и возвращаясь домой въ тотъ-же день вечеромъ. Къ тому-же правительство — трудно рѣшить, по неразу-

*) Въ указаніяхъ Катона на положеніе земледѣлія, какъ извѣстно, относящихся главнымъ образомъ къ помѣстьямъ въ окрестностяхъ Венафра, говорится только объ одномъ случаѣ, въ которомъ судебное разбирательство по возникающимъ процесамъ переносится въ Римъ, — а именно, когда землевладѣлецъ отдаетъ свои пастбища на зиму въ наймы владѣльцу стада барановъ и стало-быть имѣетъ дѣло съ такимъ арендаторомъ, который не имѣетъ постоянного мѣста жительства въ томъ краѣ [гл. 149]. Отсюда слѣдуетъ заключить, что когда заключались условія съ постоянными жителями края, то возникавшія тяжбы разбирались во времена Катона не въ Римѣ, а у мѣстныхъ судей.

мѣню-ли, по небрежности-ли, или съ злымъ умысломъ, — не включало вступавшія съ 513 года въ гражданскій союзъ общины по прежнему во вновь организованные избирательные округа, а приписывало ихъ къ старымъ избирательнымъ округамъ; такимъ образомъ каждый округъ мало по малу составлялся изъ мѣстностей, разсѣянныхъ по всей римской территоріи. Такіе избирательные округа, состоявшіе среднимъ числомъ изъ 8000 лицъ, имѣвшихъ право голоса (число такихъ лицъ въ городскихъ округахъ, конечно, было болѣе значительно, а въ сельскихъ менѣе значительно), и лишенные какъ мѣстной связи, такъ и внутренняго единства, не могли руководствоваться какой нибудь ясно сознаваемой цѣлю и не могли быть подготовлены къ выборамъ путемъ предварительныхъ совѣщаній; эти недостатки были неизбѣжны въ особенности потому, что подача голосовъ не предшествовали никакія свободныя пренія. Далѣе, — хотя гражданство и было вполне способно понимать свои общинные интересы, но въ тѣхъ высшихъ и крайне трудныхъ вопросахъ, которые подлежали разрѣшенію владычествовавшей надъ всѣмъ міромъ державы, было безразсудно и по истинѣ смѣшно предоставлять послѣднее слово здравомыслившимъ, но случайно вмѣстѣ сходящимся итальянскимъ земледѣльцамъ, а въ томъ, что касалось выбора главнокомандующихъ и заключенія государственныхъ договоровъ, предоставлять рѣшеніе въ послѣдней инстанціи такимъ людямъ, которые не могли взвѣшивать ни основаній, ни послѣдствій своихъ рѣшеній. Поэтому, всякій разъ, какъ дѣло шло о предметахъ, не входившихъ въ сферу исключительно общинныхъ интересовъ, римскія коренныя сходки играли ребяческую и даже глупую роль. Собравшіеся на сходку обыкновенно на все отвѣчали утвердительно; если же имъ случалось въ видѣ исключенія сказать по собственной инициативѣ «нѣтъ», какъ это, напримѣръ случилось при объявленіи въ 554 году войны противъ

241

200

Зачати
городской
черни.

Македоніи (стр. 697), то эта приходская политика вступала въ безсильную оппозицію противъ государственной политики и конечно никогда не имѣла успѣха. — Наконецъ на ряду съ независимымъ сословіемъ гражданъ появилась чернь кліентовъ, формально имѣвшая одинакія съ нимъ права, а на самомъ дѣлѣ нерѣдко бравшая надъ нимъ перевѣсъ. Учрежденія, изъ которыхъ она возникла, принадлежали къ глубокой старинѣ. Знатный Римлянинъ съ незапамятныхъ временъ пользовался чѣмъ-то въ родѣ правительственной власти надъ своими вольноотпущенниками и подзащитными людьми, которые обращались къ нему за совѣтомъ во всѣхъ своихъ важныхъ дѣлахъ; такъ, напримѣръ, эти кліеты неохотно соглашались на вступленіе своихъ дѣтей въ бракъ, если на это не изъявили своего согласія ихъ патронъ, который нерѣдко самъ и устраивалъ эти браки. Но когда аристократія сдѣлалась настоящимъ господствующимъ сословіемъ, соединявшимъ въ своихъ рукахъ не только власть, но и богатства,

тогда подзащитные люди стали играть роль или фаворитовъ или вы-
прашивателей разныхъ милостей, и эта новая дворня богатыхъ лю-
дей стала подкапываться извнѣ и изнутри подъ сословіе гражданъ.
Аристократія не только допускала существованіе такихъ кліентовъ,
но и эксплуатировала ихъ и въ финансовомъ отношеніи и въ полити-
ческомъ. Такъ наприимѣръ, въ старину существовало обыкновеніе
собираеть вопѣчныя пожертвованія, которыя обыкновенно употребля-
лись только для какихъ-нибудь религіозныхъ цѣлей или на похороны
заслуженныхъ людей; а теперь знатные люди стали пользоваться этимъ
обыкновеніемъ для того, чтобъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ соби-
рать съ публики подаванія; впервые въ этому прибѣгнувъ въ 568
186 году Луцій Сципіонъ по поводу народнаго праздника, которое онъ
намѣревался устроить. Размѣръ подарковъ былъ легально ограниченъ
204 (550) въ особенности потому, что сенаторы стали подъ этимъ наз-
ваніемъ собирать съ своихъ кліентовъ постоянную дань. Но для вла-
ствовавшего сословія эта челядь была полезна главнымъ образомъ
тѣмъ, что доставляла ему возможность владычествовать надъ коми-
ціями: результаты выборовъ ясно доказываютъ, какъ была сильна
конкуренція, которую въ ту пору встрѣчало самостоятельное среднее
сословіе со стороны зависимой черни. — Отсюда уже можно заключить,
что эта чернь быстро размножалась, въ особенности въ столицѣ; о
томъ же свидѣтельствуютъ и нѣкоторые другіе факты. Что число и
значеніе вольноотпущенниковъ постоянно возрастали, видно изъ того,
что очень серьезные споры объ ихъ правѣ голоса на общинныхъ
сходкахъ возникли еще въ предшествовавшемъ столѣтіи (стр. 306)
и продолжались въ теченіе настоящаго столѣтія; это же видно изъ
постановленнаго сенатомъ во время Аннибаловской войны замѣча-
тельнаго рѣшенія допускать пользовавшихся общимъ уваженіемъ
вольноотпущенныхъ женщинъ къ участию въ сборѣ публичныхъ по-
жертвованій и дозволить законнымъ дѣтямъ вольноотпущенныхъ
отцевъ носить такіе же знаки отличія, какіе прежде носили только
дѣти свободнорожденныхъ (стр. 778). Едва ли многимъ лучше, чѣмъ
вольноотпущенники, было большинство переселившихся въ Римъ
Эллиновъ и восточныхъ уроженцевъ, у которыхъ врожденная склон-
ность къ рабодѣлю былъ также неискоренима, какъ и та, которая
возникла изъ легальнаго общественнаго положенія вольноотпущен-
никовъ. — Однако нельзя сказать, чтобъ только эти естественныя
Системати-
ческое причинны содѣйствовали возникновенію столичной черни: ни знатныхъ
развращеніе людей, ни демагоговъ нельзя очистить отъ упрека, что они систе-
народа. матически возвеличивали эту чернь и заглушали въ ней, насколько
могли, духъ стариннаго гражданства, осыпая народъ лестью и при-
бѣгая къ инымъ еще болѣе предосудительнымъ средствамъ. Классъ
избирателей еще былъ настолько честенъ, что прямыя подкупы на
выборахъ еще не могли совершаться въ большихъ размѣрахъ; но

косвеннымъ образомъ уже стали прибѣгать къ самымъ нязкимъ средствамъ для того, чтобъ приобрести расположеніе избирателей. Старинная обязанность должностныхъ лицъ и въ особенности эдиловъ заботиться о томъ, чтобъ цѣны на хлѣбъ были умѣренны, и наблюдать за устройствомъ публичныхъ игръ, начала вырождаться въ то, изъ чего въ концѣ-концевъ возникъ при императорахъ этотъ грозный пароль столичной черни: даровой хлѣбъ и непрерывныя народныя празднества. Съ половины шестаго столѣтія эдилы могли продавать гражданскому населенію столицы хлѣбъ за безцѣнокъ, благодаря тому, что хлѣбъ доставлялся въ огромномъ количествѣ въ распоряженіе римской рыночной администраціи или провинціальными намѣстниками, или бесплатно самими провинціями, старавшимися снискать этимъ путемъ расположеніе того или другаго изъ римскихъ должностныхъ лицъ. «Въ томъ нѣтъ, — говорилъ Катонъ, — ничего удивительнаго, что гражданство не внимаетъ добрымъ совѣтамъ, — вѣдь у брюха нѣтъ ушей». Народныя увеселенія разрослись ужасающимъ образомъ. Въ теченіе пяти сотъ лѣтъ римская община довольствовалась однимъ народнымъ праздникомъ въ годъ и однимъ циркомъ; первый римскій демагогъ по профессіи, Гай Фламиній, прибавилъ второе народное празднество и второй циркъ (534 *), а

этимъ нововведеніями, — тенденція которыхъ достаточно ясно обнаруживается въ самомъ названіи новаго празднества: «плебейскія игры», — онъ, вѣроятно, купилъ позволеніе дать битву при Травименскомъ озерѣ. По этому разъ продолженному пути пошли далѣе быстрыми шагами. Празднество въ честь Цереры, которая была богиней - покровительницей плебеевъ (стр. 274, прим.), если и было учреждено позднѣе плебейскихъ игръ, то лишь немного позднѣе. Кромѣ того, подъ влияніемъ пророческихъ предсказаній Сибиллы и Марціевъ, были учреждены еще въ 542 году четвертый народный праздникъ въ честь Аполлона и въ 550 году пятый въ честь переселившейся изъ Фригіи въ Римъ «великой матери». То были тяжелые годы войны съ Аннибаломъ, — даже случилось такъ, что во время перваго празднованія Аполлоновскихъ игръ граждане были призваны къ оружію прямо изъ цирка; въ то время была сильно возбуждена своеобразная склонность Италійцевъ во всемъ видѣть волю боговъ и не было недостатка въ такихъ людяхъ, которые пользовались этой склонностью для того, чтобъ пускаться въ ходъ разныя

Раздача
хлѣба.

Народныя
увеселенія.

220

212
204

*) Что этотъ циркъ дѣйствительно былъ построенъ, ясно доказано. Касательно введенія плебейскихъ игръ нѣтъ ни одного стариннаго преданія [такъ какъ то, что говоритъ мнимый Асколій, стр. 143, Orell., не есть преданіе]; но такъ какъ эти игры происходили въ Фламиніевскомъ циркѣ [Val. Макс. 1, 7, 4], и въ первый разъ несомнѣнно въ 538 году, то-есть черезъ четыре года послѣ постройки цирка [Ливій, 23, 30], то этимъ достаточно подтверждается приведенный нами фактъ.

216

173

предсказанія Сибиллы и другихъ прорицателей и этимъ способомъ приобрести расположеніе толпы; а правительство едва ли можно порицать за то, что оно потакало въ этихъ случаяхъ гражданству, отъ котораго было вынуждено требовать столькихъ жертвъ. Но то, что было разъ дозволено, оставалось навсегда; даже въ болѣе спокойныя времена (581) былъ прибавленъ еще одинъ менѣе важный народный праздникъ—игры въ честь Флоры. Издержки на эти новыя празднества покрывались изъ собственныхъ средствъ тѣми должностными лицами, на которыхъ было возложено ихъ устройство; такъ напримѣръ, курульные эдилы устраивали на свой счетъ, кромѣ стариннаго народнаго праздника, также праздники въ честь «матери боговъ» и въ честь Флоры, плебейскіе эдилы—плебейскій праздникъ и праздникъ въ честь Цереры, городскіе префекты—игры въ честь Аполлона. Люди, учреждавшіе эти новыя празднества, могли оправдывать себя въ собственномъ мнѣніи тѣмъ, что они по крайней мѣрѣ не обременяли общественной казны; но въ дѣйствительности было бы менѣе вредно обременить общинный бюджетъ нѣсколькими напрасными расходами, чѣмъ допускать, чтобъ устройство народныхъ увеселеній дѣлалось фактически неизбѣжнымъ условіемъ для занятія высшей должности въ общинѣ. Кандидаты на консульское званіе стали соперничать другъ съ другомъ размѣромъ издержанныхъ на эти игры суммъ и тѣмъ возвысили эти расходы до невѣроятныхъ размѣровъ; они, конечно, нисколько не вредили успѣху своей кандидатуры, если къ этимъ, такъ сказать, обязательнымъ расходамъ прибавляли добровольныя пожертвованія (*munera*), какъ напримѣръ, устройство на свой счетъ боя гладиаторовъ. Великолѣпіе этихъ игръ мало-по-малу сдѣлалось мѣриломъ, съ помощью котораго избиратели опредѣляли годность кандидатовъ. Знати, правда, приходилось издерживать большія суммы денегъ—порядочный бой гладиаторовъ стоилъ 720.000 сестерцій (50.000 тал.); но она издерживала эти деньги охотно, такъ какъ этимъ способомъ закрывала политическое поприще для небогатыхъ людей. Но подкупъ не ограничился публичной площадью, а проникъ и въ военный лагерь. Старинное гражданское ополченіе считало за счастье, если получало какое-нибудь вознагражденіе за свои военные труды и въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ приносило домой какой-нибудь небольшой даръ побѣды; а новыя главнокомандующіе, съ Сципіономъ Африканскимъ во главѣ, осыпали солдатъ и римскими деньгами и тѣми, которыя были добыты войной,—именно это и было причиной ссоры Катона съ Сципіономъ во время послѣдней кампаніи противъ Аннибала въ Африкѣ. Ветераны, участвовавшіе во второй македонской войнѣ и въ азиатской кампаніи, уже возвращались домой достаточными людьми; даже лучшіе изъ Римлянъ стали осыпаться похвалами тѣхъ главнокомандующихъ, которые не удерживали пожертвованія провинціальныхъ жи-

**Раздача
военной
добычи.**

телей и военную добычу въ свою личную пользу и въ пользу своихъ приближенныхъ, и изъ лагеря которыхъ возвращалось не мало людей съ карманами, набитыми золотомъ, и много людей съ карманами, набитыми серебромъ; въ то время уже начинали позабывать, что и движимая военная добыча принадлежитъ государству. За то, что Луцій Павелъ распорядился такой движимой добычей по старому, его собственные солдаты и въ особенности многочисленныя добровольцы, которыхъ привлекла къ участию въ войнѣ перспектива обогащенія, едва не лишили побѣдителя при Пиднѣ, путемъ народнаго приговора, почестей триумфа, которыя уже расточались всякому, кто усилъ завоевать хотя только три лигурійскихъ деревни. — До какой степени и на военную дисциплину и на воинскій духъ арміи вредно вліяло такое превращеніе военнаго ремесла въ ремесло хищниковъ, видно на походахъ противъ Персея; а до какой степени усилилась трусость, обнаружилось довольно скандальнымъ образомъ во время незначительной войны въ Истріи, (576) когда по случаю незначительной стычки, преувеличенной слухами до громаднхъ размѣровъ, стали искать спасенія въ бѣгствѣ сухопутныя и морскія войска Римлянъ и даже сами Италійцы, а Катонъ счелъ нужнымъ обратиться въ своимъ соотечественникамъ съ строгими выговорами за ихъ трусость. И въ этомъ случаѣ знатная молодежь всѣмъ подавала примѣръ. Еще во время войны съ Аннибаломъ (545) цензоры были вынуждены подвергать строгимъ наказаніямъ тѣхъ, кто, будучи внесенъ въ списки всадниковъ, уклонялся отъ исполненія своихъ военныхъ обязанностей. Въ концѣ этого періода (574?) состоялось постановленіе гражданства, что для занятія какой-либо общинной должности необходимо предварительно прослужить десять лѣтъ въ военной службѣ; это было сдѣлано съ цѣлю принудить сыновей знати вступать на службу въ армію. — Но конечно ничто не свѣдѣтельствовало такъ ясно объ упадкѣ личнаго достоинства и чувства чести и среди знатныхъ и среди незнатныхъ людей, какъ погоня за почетными отличіями и титулами, которая обнаруживалась въ различныхъ сословіяхъ и разрядахъ населенія въ различныхъ формахъ, но въ сущности имѣла всё одинъ и тотъ же характеръ. Почестей триумфа добивались съ такой жадностью, что лишь съ трудомъ удавалось соблюдать старинное правило, которое предоставляло эти почести только высшимъ ординарнымъ должностнымъ лицамъ, возвысившимъ могущество общины побѣдой въ открытомъ полѣ и которое нерѣдко устраняло отъ этихъ почестей настоящихъ виновниковъ самыхъ важныхъ завоеваній. Приходилось снисходительно смотрѣть на то, какъ главнокомандующіе, тщетно добивавшіеся или утратившіе надежду добиться отъ сената или отъ гражданства почестей триумфа, самовольно входили съ триумфомъ по меньшей мѣрѣ на альбанскую гору (въ первый разъ въ 523 году). Уже никакое

Упадокъ
воинснаго
духа.

178

209

180

Погоня за
титулами.

231

сраженіе съ сборищемъ Лигуровъ или Корсиканцевъ не считалось настолькоъ незначительнымъ, чтобъ не давать права на испрашиваніе триумфа. Чтобъ помозитъ конецъ появленію такихъ невоинственныхъ триумфаторовъ, какими были, напримѣръ, консулы 570 года, было установлено, что почестями триумфа можетъ быть удостоенъ только тотъ, кто одержалъ въ открытомъ полѣ побѣду, стоившую неприятелю по меньшей мѣрѣ пяти тысячъ человекъ убитыми; но и это требованіе нерѣдко обходили при помощи фальшивыхъ бюллетеней о числѣ убитыхъ, а въ домахъ знати уже нерѣдко красовались неприятельскіе доспѣхи, которые были доставлены туда вовсе не съ поля сраженія. Если въ прежнее время назначавшійся на одинъ годъ главнокомандующій считалъ за честь поступить въ слѣдующемъ году въ штабъ своего преемника, то теперь вступленіе консуляра Катона въ званіе военнаго трибуна подъ команду Тиберія Семпронія Лонга (560) и поступленіе Манія Глабріона на такую же должность (563; стр. 727) считались уже демонстраціями противъ новомодной слѣси. Прежде выраженная только одинъ разъ признательность общины служила достаточной наградой за оказанную услугу, а теперь каждая заслуга какъ будто давала право на постоянныя внѣшнія отличія. Одержавшій побѣду при Милахъ (494), Гай Дуилий добился такого права, что когда онъ проходилъ вечеромъ по римскимъ улицамъ, впереди его шли факельщикъ и флейтистъ. Статуи и памятники, воздвигавшіеся очень часто на собственный счетъ тѣхъ, въ честь кого воздвигались, сдѣлались такимъ обыкновеннымъ явленіемъ, что можно бы было считать въ насмѣшку за отличіе, если кто-нибудь обходился и безъ нихъ. Но такія чисто-личныя почетныя отличія скоро оказались недостаточными. По случаю одержанныхъ побѣдъ стали давать постоянныя прозвища и побѣдителю и его потомкамъ; это обыкновеніе было введено главнымъ образомъ побѣдителемъ при Замѣ, который самъ сталъ носить прозвище Африканскаго, а своему брату и двоюродному брату доставилъ прозвища—первому Азіатскаго, авторому Испанскаго *). Примѣру людей высокопоставленныхъ слѣдовали и невзатные люди. Если господствовавшее сословіе нисходило до того, что устанавливало различія ранговъ при похоронахъ и декретировало бывшему цензору пурпуровый саванъ, то нельзя было порицать вольноотпущенниковъ за желаніе украшать ихъ сыновей пурпуровой каймой, возбуждавшей столь

*) Стр. 746. Первымъ достовѣрнымъ примѣромъ такихъ прозвищъ было прозвище, усвоенное консуломъ 491 года Маніемъ Валеріемъ Максимомъ; въ качествѣ побѣдителя при Мессалѣ онъ сталъ называться *Messala*, [стр. 512]; утверждеііе, будто консулъ 419 года получилъ на такомъ же основаніи прозвище *Calpurnia*, невѣрно. Прозвище *Maximus* имѣетъ не одинакое значеніе въ родахъ Валеріевъ [стр. 270] и Фабіевъ [стр. 306].

спильную зависть. Туника, перстень и ладонка стали служить отличіемъ не только гражданина и гражданки отъ иноземцевъ и рабовъ, но и свободнорожденныхъ отъ бывшихъ рабовъ, сыновей свободнорожденныхъ родителей отъ сыновей вольноотпущенниковъ, сыновей всадническихъ и сенаторскихъ отъ обыкновенныхъ гражданъ, потомковъ курульныхъ родовъ отъ обыкновенныхъ сенаторовъ (стр. 778 и сл.)—и всё это въ той самой общинѣ, гдѣ все хорешее и великое было дѣломъ гражданскаго равенства!

И въ средѣ оппозиціи возникъ такой же разладъ, какой существовалъ въ общинѣ. Патриоты, опираясь на земледельцевъ, громко требуютъ реформы; демагоги, опираясь на столичную чернь, начинаютъ свое дѣло. Хотя эти два теченія не могутъ быть совершенно отдѣлены одно отъ другаго и нерѣдко сливаются одно съ другимъ, но, описывая ихъ, мы должны говорить о каждомъ изъ нихъ порознь.

Партія реформы представляется намъ какъ бы воплотившеюся въ лицѣ Марка Порція Катона (520—605). Такъ какъ Катонъ былъ послѣдній выдающійся государственный человѣкъ, еще придерживавшійся той системы, что слѣдуетъ ограничиваться владычествомъ надъ Италіей и не слѣдуетъ стремиться къ всемірному владычеству, то онъ впоследствии считался образцомъ настоящаго Римлянина стараго закала; было бы еще болѣе основательно считать его за представителя оппозиціи римскаго средняго сословія противъ новой эллинско-космополитической знати. Онъ родился и выросъ пахаремъ, но былъ втянутъ на политическое поприще своимъ сосѣдомъ по имѣнію, однимъ изъ тѣхъ немногихъ знатныхъ людей, которые не почувствовали тенденціямъ своего времени—Луціемъ Валеріемъ Флаккомъ; добросовѣстный патрицій видѣлъ въ этомъ суровомъ сабинскомъ пахарѣ именно такого человѣка, какой былъ нуженъ для того, чтобъ противодѣйствовать духу того времени и не обманулся въ немъ. Подъ покровительствомъ Флакка и по обычаю добраго стараго времени Катонъ сталъ служить совѣтомъ и дѣломъ своимъ согражданамъ и республикѣ и достигъ консульства, триумфа и даже цензорскаго званія. Онъ поступилъ въ гражданское ополченіе на семнадцатомъ году отъ роду, отбылъ всю Аннибаловскую войну отъ битвы при Тразименскомъ озерѣ до битвы при Замѣ, служилъ подъ начальствомъ Марцелла и Фабія, Нерона и Сципіона, сражался подъ Тарентомъ и подъ Сенной, въ Африкѣ, въ Сардиніи, въ Испаніи и въ Македоніи и оказался одинаково способнымъ и какъ солдатъ, и какъ штабъ-офицеръ, и какъ главнокомандующій. Какимъ онъ былъ на поляхъ сраженій, такимъ же былъ и на общественныхъ сходкахъ. Его безстрашная и бойкая рѣчь, его грубое и мѣткое крестьянское остроуміе, его знаніе римскаго права и положенія римскихъ общественныхъ дѣлъ, его невѣроятная подвижность и его желѣзная натура сначала доставили ему извѣстность въ сосѣднихъ городахъ, а

Партія реформы. Катонъ.

потомъ, когда онъ выступилъ на болѣе широкое поприще на столичной площади и въ столичной курии, онъ сдѣлался самымъ вліятельнымъ адвокатомъ и политическимъ ораторомъ своего времени. Онъ сталъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, въ какомъ впервые сталъ дѣйствовать Маній Курій, который былъ въ его глазахъ идеаломъ римскаго государственнаго человѣка (стр. 304); въ теченіе всей своей долгой жизни онъ честно и какъ умѣлъ боролся съ прорывавшеюся со всѣхъ сторонъ нравственною испорченностью и даже на восемьдесятъ пятомъ году своей жизни еще ратовалъ на городской площади противъ новаго духа времени. Онъ былъ вовсе некрасивъ: по словамъ его враговъ, у него были зеленые глаза и рыжіе волосы; онъ вовсе не былъ великимъ человѣкомъ и всего менѣе могъ считаться за дальновиднаго политика. Будучи человѣкомъ по природѣ ограниченнымъ какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и въ нравственномъ и имѣя постоянно на умѣ и на языкѣ идеалъ добраго стараго времени, онъ упорно презиралъ всякую новизну. Будучи строгъ къ самому себѣ, онъ этимъ оправдывалъ передъ собой свою беспощадную взыскательность и строгость ко всему и ко всѣмъ; будучи человѣкомъ справедливымъ и честнымъ, онъ не былъ способенъ понимать никакихъ обязанностей, выходящихъ за предѣлы полнейшаго благоустройства и купеческой честности, и потому былъ врагомъ какъ всякаго плутовства и всякой низости, такъ и всякой изысканности и гениальности; но будучи прежде всего врагомъ своихъ враговъ, онъ никогда не пытался уничтожить источникъ зла и въ теченіе всей своей жизни боролся только съ внѣшними проявленіями этого зла и въ особенности съ отдѣльными лицами. Хотя стоявшая во главѣ управленія знать смотрѣла свысока на крикуна, у котораго не было знаменитыхъ предковъ, и не безъ основанія не считала его достойнымъ стоять съ ней наряду, тѣмъ не менѣе та прикрывавшаяся внѣшними формами изящества нравственная испорченность, которая развилась и внутри и внѣ сената, втайнѣ дрожала отъ страха передъ старымъ блюстителемъ нравовъ, обхвачившимся со всѣми съ гордостью республиканца, — передъ покрытымъ рубцами отъ ранъ, ветераномъ Аннибаловской войны, передъ высоковліятельнымъ сенаторомъ и идоломъ римскихъ земледельцевъ. Каждому изъ своихъ знатныхъ сотоварищей Катонъ поочередно и публично предъявлялъ списокъ его прегрѣшеній, впрочемъ не особенно гоняясь за доказательствами своихъ обвиненій и находя въ этомъ особое наслажденіе, если это касалось людей чѣмъ-нибудь ему насоллившихъ или его обидѣвшихъ. Такъ же безстрашно онъ публично уличалъ и порицалъ гражданство за всякую новую несправедливость, за всякое новое безчестіе. Его пропитанная жёлчью нападки доставили ему безчисленныхъ враговъ, а съ тогдашними самыми могущественными котерями знати, въ особенности съ Сципіонами и

съ Фламиніями, онъ жилъ въ отърытой непримиримой враждѣ; сорокъ четыре раза онъ подвергался публичнымъ обвиненіямъ. Но при подачѣ голосовъ, земледѣльческое сословіе всегда отстаивало этого безпошаднаго поборника реформъ, — изъ чего ясно видно, какъ еще былъ въ ту пору силенъ въ римскомъ среднемъ сословіи тотъ духъ, который даждь Римлянамъ достаточно силъ, чтобъ перенести поражение при Каннахъ; а когда Катонъ и его знатный единомышленникъ Луцій Флаккъ выступили въ 570 году кандидатами на званіе цензора и заранѣе заявили, что намѣреваются, состоя въ этой должности, радикально очистить составъ гражданства, начиная съ тѣхъ, кто стоить въ его главѣ. то эти оба внушавшихъ столько страха кандидата были выбраны гражданствомъ, не смотря на противодѣйствіе знати; эта знать даже не была въ состояніи воспрепятствовать, чтобъ великій праздникъ очищенія дѣйствительно состоялся: тогда были между прочимъ исключены братья Африканскаго изъ списка всадниковъ, а братья освободителя Грековъ изъ списка сенаторовъ.

Эта борьба съ отдѣльными лицами и многоразличныя попытки обуздать духъ времени посредствомъ судебныхъ и полицейскихъ мѣръ были достойны уваженія по тому чувству, которымъ были внушены; тѣмъ не менѣе они лишь на короткое время сдерживали потокъ нравственной испорченности, и если достоинъ вниманія тотъ фактъ, что, не смотря на усиленіе безнравственности или вѣрнѣе благодаря ему, Катонъ могъ разыгрывать свою политическую роль, то не менѣе достоинъ вниманія и тотъ фактъ, что старанія Катона устранить корифеевъ противной партіи были такъ же неудачны, какъ и стараніе устранить его самого, а судебныя преслѣдованія за неправильную отчетность, которыя возбуждались и имъ самимъ и его единомышленникомъ, оставались, — по меньшей мѣрѣ въ политически-важныхъ случаяхъ, — столь же безуспѣшными, какъ и направленные противъ Катона публичныя обвиненія. Не много болѣе успѣха имѣли и тѣ полицейскія постановленія, которыя издавались въ теченіе этой эпохи въ чрезвычайномъ множествѣ съ цѣлю уменьшить роскошь и ввести бережливость и порядокъ въ домашнемъ хозяйствѣ, и о которыхъ намъ еще придется упоминать, когда будетъ итти рѣчь о сельскомъ хозяйствѣ.

Гораздо болѣе практичны и гораздо болѣе полезны были попытки противодѣйствовать нравственному упадку косвеннымъ путемъ; безспорно первое мѣсто между попытками этого рода занимаютъ раздачи пахатныхъ участниковъ изъ государственныхъ земель. Эти раздачи производились въ большомъ числѣ и въ значительномъ объемѣ въ промежутокъ времени между первой и второй войной съ Каррагеномъ и снова послѣ окончанія этой послѣдней войны до конца этого періода; самыми значительными изъ нихъ были: раздача пиценскихъ владѣній Галлемъ Фламиніемъ въ 522 году (стр. 556), основаніе восьми новыхъ при-

184

Полицей-
ная ре-
форма.

Раздача
пахатныхъ
земель.

232

морскихъ колоній въ 560 году (стр. 657) и главнымъ образомъ обширная колонизація мѣстности между Апеннинами и По путемъ основанія латинскихъ колониальныхъ городовъ Плаценціи, Кремоны (стр. 556), Бононіи (стр. 664) и Аквилеи (стр. 662) и гражданскихъ колоній Потенціи, Пизавра, Мутины, Пармы и Луны (стр. 218, 189—664) въ 536 и 565—577 годахъ. Эти благотворныя мѣры должны были быть большею частію приписаны дѣятельности партіи реформы. Онѣ были приняты по требованію Катона и его единомышленниковъ, указывавшихъ съ одной стороны на опустошеніе, произведенное въ Италіи войной съ Аннибаломъ, и на страшное уменьшеніе земледѣльческихъ участковъ и вообще свободнаго италійскаго населенія, а съ другой стороны на обширныя земли, которыми знать владѣла какъ своею собственностью въ цизальпійской Галліи, въ Самніи, въ Апуліи и въ бреттійской странѣ; хотя римское правительство, по всему вѣроятію, не исполнило этихъ требованій въ той мѣрѣ, въ какой могло и должно-бы было ихъ исполнять, все таки оно не оставило безъ вниманія предостереженій этого благоразумнаго человѣка. — Въ томъ же духѣ было внесенное Катonomъ въ сенатъ предложеніе противо-дѣйствовать упадку гражданской конницы посредствомъ учрежденія четырехъ сотъ новыхъ всадническихъ должностей (стр. 782, прим.) Въ государственной казнѣ не было недостатка въ нужныхъ для того денежныхъ средствахъ; но это предложеніе не имѣло успѣха, какъ кажется, вслѣдствіе стремленій знати къ исключительному владычеству и вслѣдствіе ея старанія не допускать въ гражданскую конницу тѣхъ, кто были только кавалеристами, но не принадлежали къ сословію всадниковъ. За то тяжелыя требованія военнаго времени, побудившія римское правительство сдѣлать (къ счастью неудавшуюся) попытку набирать въ армію солдатъ, по восточному обычаю, на невольничьемъ рынкѣ (стр. 607 и 634), заставили его смягчить прежнія требованія для приѣма въ гражданскую армію — повысить низшій размѣръ ценза въ 11.000 ассовъ (300 тал.) и не требовать доказательствъ свободнаго происхожденія. Не только тѣ свободнорожденные, которые значились по цензу между 4000 (115 тал.) и 1500 (43 тал.) ассами, равно какъ всѣ вольноотпущенники, были привлечены къ службѣ во флотъ, но и низшій размѣръ ценза для легионеровъ былъ уменьшенъ до 4000 ассовъ (115 тал.) и въ крайнихъ случаяхъ стали принимать въ гражданскую службу какъ людей, обязанныхъ служить во флотъ, такъ и тѣхъ, которые были занесены въ цензъ между 1500 (43 тал.) и 375 (11 тал.) ассами. Эти нововведенія, принадлежащія, по всему вѣроятію, къ концу предшествовавшей эпохи или началу настоящей, не были вызваны домогательствами какой либо партіи, точно такъ же какъ Сервіевская военная реформа; тѣмъ не менѣе они были очень выгодны для демократической партіи, такъ какъ съ гра-

**Реформы
въ военной
службѣ.**

жданскими повинностями неизбежно приходять въ равновѣсіе сначала гражданскія притязанія, а за тѣмъ и гражданскія права. Бѣдныяки и вольноотпущенники стали нѣчто значить въ республикѣ съ тѣхъ поръ, какъ стали ей служить, и главнымъ образомъ отсюда произошла одна изъ самыхъ важныхъ реформъ того времени—преобразование центуріальныхъ комицій, происшедшее, по всему вѣроятію, не ранѣе того года, въ которомъ окончилась война изъ-за обладанія Сициліей (513).—По прежнему порядку голосованія, хотя уже не такъ, какъ до реформы Аппія Клавдія (стр. 306), не одни осѣдлые жители подавали голоса въ центуріальныхъ комиціяхъ, однако въ этихъ комиціяхъ все еще преобладали зажиточные люди: сначала подавали голоса всадники, то есть патриціанско-плебейская знать, потомъ тѣ, которые значились выше всѣхъ по цензу, то есть тѣ, которые предъявили цензору собственность *) по меньшей мѣрѣ въ 100.000 ассовъ (2900 тал.); а когда эти два разряда людей дѣйствовали заодно, отъ нихъ зависѣлъ результатъ всякой подачи голосовъ. Право слѣдующихъ четырехъ разрядовъ на участіе въ подачѣ голосовъ имѣло сомнительный вѣсъ; право тѣхъ, которые стояли по цензу ниже

Реформа
центурій.

241

*) Касательно первоначальныхъ основъ римскаго ценза трудно доискаться чего нибудь опредѣленнаго. Позже, какъ извѣстно, считались за низшій разрядъ ценза для перваго класса 100,000 ассовъ; цензъ четырехъ остальныхъ разрядовъ относился къ этой нормѣ [по меньшей мѣрѣ приблизительно], какъ $\frac{3}{4}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{9}$ къ единицѣ. Но еще Полибій, а потомъ и всѣ позднѣйшіе писатели разумѣли легковѣсный ассъ [$\frac{1}{10}$ денарія] и это мнѣніе, какъ кажется, было потомъ общепринятымъ, хотя по отношенію къ Воконіевскому закону тѣ же суммы принимались въ расчетъ по тяжеловѣсному ассу [въ $\frac{1}{4}$ денарія; см. *Geschichte des röm. Münzwesens*, стр. 302]. Но Аппій Клавдій, который впервые перевелъ въ 442 году цензовыя цифры съ земельной собственности на денежную [стр. 306], не могъ въ этомъ случаѣ принимать за мѣрило легковѣсный ассъ, появившійся въ обращеніи лишь въ 485 году [стр. 446]. Стало быть, или онъ выражалъ прежнія цифры въ тяжеловѣсныхъ ассахъ, которые потомъ, при пониженіи цѣнности монетъ, были обращены въ легковѣсные, или-же онъ выставлялъ позднѣйшія цифры, оставшіяся безъ перемѣны, не смотря на пониженіе цѣнности монетъ, которое въ этомъ случаѣ было ничѣмъ инымъ, какъ пониженіемъ установленнаго для различныхъ разрядовъ ценза слишкомъ наполовину. Эти оба предположенія вызываютъ основательныя возраженія, но первое изъ нихъ, повидимому, самое правдоподобное, такъ какъ столь громадный успѣхъ демократическихъ принциповъ не былъ возможенъ въ концѣ пятаго столѣтія и не могъ быть случайнымъ послѣдствіемъ однихъ административныхъ мѣропріятій; да и едва-ли онъ могъ-бы не оставить послѣ себя никакихъ слѣдовъ въ преданіяхъ. Впрочемъ, 100,000 легковѣсныхъ ассовъ или 4000 сестерцій могутъ быть приняты за стоимость первоначальнаго полнаго однопруговаго участка приблизительно въ 20 моргеновъ [стр. 94]; въ такомъ случаѣ слѣдовало-бы заключить, что нормы ценза мѣнялись только по внѣшней формѣ выраженія, а по стоимости имущества оставались неизмѣнными.

нишаго размѣра въ 11.000 ассовъ (300 тал.), было въ сущности призраннымъ, а вольноотпущенники, за немногими исключеніями, были вовсе лишены его. При новыхъ порядкахъ, хотя всадничество и сохранило свои особые разряды, но право подачи голосовъ въ первой очереди было у него отнято; оно было передано особому разряду, выбранному по жребію изъ среды перваго класса; кромѣ того вольноотпущенники были уравнены съ свободнорожденными и, наконецъ, каждому изъ пяти разрядовъ было предоставлено одинакое число голосовъ *), такъ что даже въ случаѣ единомыслія гражданъ большинство могло образоваться только вслѣдствіе голосованія третьяго разряда. Эта реформа центурій была первой важной реформой, которую оппозиція вынудила отъ знати; это была первая побѣда настоящей демократіи. Этимъ достигли частію того, что знать лишилась права подавать голоса въ первой очереди, частію того, что права избирателей уравнились. Право знати подавать голоса въ первой очереди имѣло громадную важность въ особенности въ ту эпоху, когда ея вліяніе на гражданство фактически постоянно возросло. Дѣйствительно, мы видимъ, что юнкерство еще было въ ту пору такъ сильно, что могло замѣщать исключительно своими людьми должность втораго консула вплоть до конца этого періода (до 582 года) и должность втораго цензора даже при слѣдующемъ поколѣніи (до 623 года), не смотря на то, что къ занятію этихъ должностей законъ допускалъ какъ патриціевъ, такъ и плебеевъ; а въ самую опасную минуту изъ всѣхъ, какія приходилось переживать римской республикѣ, — во время кризиса, вызваннаго пораженіемъ при Каннахъ, это юнкерство было въ состояніи уничтожить вполне законный выборъ считавшагося самымъ способнымъ изъ полководцевъ,

172

131

---

*) Постепенное пониженіе пяти размѣровъ ценза съ 100,000 ассовъ на 75,000, 50,000, 25,000, 11,000 [2900, 2175, 1450, 725 и 300 тал.] въ связи съ предположеніемъ, что каждый разрядъ подавалъ одинакое число голосовъ, допускаютъ возможность такого случая, что общее число причисленныхъ къ одному изъ высшихъ разрядовъ и въ особенности къ первому разряду превышало число лицъ, имѣвшихъ право голоса въ слѣдующемъ ближайшемъ разрядѣ. Но это соображеніе, очень вѣское само по себѣ, утрачиваетъ свое значеніе въ виду того факта, что при разграниченіи голосовыхъ разрядовъ цензоры дѣйствовали съ такимъ произволомъ, который по понятіямъ нашего времени непостижимъ; въ случаѣ надобности они, вѣроятно, приписывали къ слѣдующему разряду тѣхъ, которые занимали въ высшемъ разрядѣ самое низкое положеніе по цензу, и дѣлали это настолько, насколько это было необходимо для уравненія числа голосовъ; по всему вѣроятію, именно по этой причинѣ размѣръ ценза для перваго класса опредѣлялся то въ 100,000 ассовъ, то въ 110,000, то въ 125,000. Эта мѣра, безъ сомнѣнія, клонилась къ тому, чтобы доставить качественно одинакое избирательное право вообще всѣмъ имѣвшимъ право голоса и въ особенности тѣмъ, которые принадлежали къ первымъ тремъ разрядамъ.

плебея Марцелла, на консульскую ваканцію, которая очистилась вслѣдствіе смерти патриція Павла, — и поступило оно такъ только потому, что Марцеллъ былъ плебей. При этомъ, конечно, хорошо характеризуютъ сущность реформы тѣ факты, что право подачи голосовъ въ первой очереди было отнято только у знати, а не у лицъ высшаго оклада, и что, будучи отнято у всадническихъ центурій, оно перешло не къ разряду избирателей, избранному по жребію изъ всего гражданства, а исключительно къ первому разряду. По меньшей мѣрѣ въ теоретическомъ отношеніи еще болѣе рѣзко бросается въ глаза уравненіе избирательныхъ правъ между богатыми и бѣдными, между свободнорожденными и вольноотпущенниками, такъ что у принадлежавшихъ къ высшему окладу осталась вмѣсто половины всѣхъ избирательныхъ голосовъ только около одной пятой части. Но одно изъ самыхъ важныхъ между этими нововведеніями, а на практикѣ оказавшееся едва-ли не болѣе важнымъ, чѣмъ всѣ остальные, — уравненіе вольноотпущенниковъ съ свободнорожденными, было отмѣнено по прошествіи двадцати лѣтъ (534) однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ приверженцевъ партіи реформы, цензоромъ Гайемъ Фламиніемъ, и вольноотпущенники были устраниены отъ центурій; а по прошествіи пятидесяти лѣтъ (585), въ виду того, что вольноотпущенники снова старались добиться утраченныхъ правъ, изданныя противъ нихъ постановленія были подтверждены и усилены цензоромъ Тиберіемъ Семпроніемъ Граккомъ, отцемъ обонхъ виновниковъ римской революціи. Такимъ образомъ, кромѣ постановленій, направленныхъ противъ прерогативы всадническаго сословія, главнымъ результатомъ центуріальной реформы была политическая отмѣна имущественныхъ различій между гражданами, стоявшими выше низшаго оклада, и уравненіе избирательныхъ правъ между всѣми гражданами, имѣвшими право голоса. Въ сущности, всѣ осѣдлые свободнорожденные граждане уже давно пользовались въ комиціяхъ по трибамъ такимъ равнымъ правомъ голоса, между тѣмъ какъ неосѣдлые жители и вольноотпущенники такъ были скучены въ четырехъ изъ тридцати пяти кварталовъ, что ихъ право голоса утрачивало на практикѣ почти всякое значеніе. Такимъ образомъ въ общемъ результатъ оказался преобразование центуріальныхъ комицій согласно съ тѣмъ принципомъ, который уже преобладалъ въ комиціяхъ по трибамъ; это было полезно уже потому, что выборы, рассмотрѣніе законопроектвъ, уголовныя преслѣдованія и вообще всѣ дѣла, требовавшія содѣйствія гражданства, производились въ комиціяхъ по трибамъ, а неповоротливыя центуріи созывались бѣльшею частію только тогда, когда этого положительно требовали законы или установившіеся обычаи, — для выбора цензоровъ, консуловъ и преторовъ и для объявленія наступательной войны. Отсюда видно, что эта реформа не внесла въ государственныя учрежденія никакого новаго

220

169

принципа, а только дала болѣе широкое примѣненіе принципу, уже давно усвоенному тѣми сходками гражданъ, которыя всего чаще собирались и имѣли самое важное значеніе. Ея демократическія, но вовсе не демагогическія тенденціи ясно обнаруживаются въ томъ, что въ центуріяхъ, какъ и въ трибахъ по прежнему играли второстепенную роль настоящіе опоры всякой дѣйствительно-революціонной партіи — пролетаріатъ и вольноотпущенники. Поэтому и не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго практическаго значенія этой перемѣнѣ въ порядкѣ подачи голосовъ на старинныхъ народныхъ сходкахъ. Хотя новый избирательный законъ въ принципѣ и дополнял то, чего недоставало до гражданскаго равенства, но онъ не только не помѣшалъ одновременному возникновенію новаго политически-привилегированнаго сословія, но въ сущности едва-ли даже затруднилъ его. Конечно не потому только, что дошедшія до насъ преданія очень скудны, мы не въ состояніи ни въ чемъ подмѣтить фактическаго вліянія этой пресловутой реформы на ходъ политическихъ дѣлъ. Мы можемъ только замѣтить, что съ этой реформой, уравнившей всѣхъ гражданъ, которые имѣли право голоса, находится въ тѣсной связи ранѣе упомянутое упраздненіе тѣхъ римскихъ гражданскихъ общинъ, которыя были лишены права голоса, и ихъ постепенное сліяніе съ общиной полноправныхъ гражданъ. Нивелирующій духъ партіи прогресса, натурально, стремился къ устраненію всякихъ различій въ средѣ гражданства, а пропасть, отдѣлявшая гражданъ отъ негражданъ, въ то же время становилась

Результатъ все болѣе и болѣе широкой и глубокой. — Подводя итогъ всему, чего **стремленій** желала и чего достигла тогдашняя партія реформы, мы найдемъ, **къ преобразованіямъ.** что она съ несомнѣннымъ патриотизмомъ и съ энергіей старалась **противодѣйствовать** усиливавшемуся упадку націи, въ особенности исчезновенію земледѣльческаго сословія и старинной строгой нравственности и бережливости; вмѣстѣ съ тѣмъ она старалась **противодѣйствовать** чрезмѣрному политическому преобладанію новой знати и до нѣкоторой степени въ этомъ успѣла. Но въ ея дѣятельности не видно никакой высшей политической цѣли. Въ этой оппозиціи, конечно, находили для себя вѣрное и энергическое выраженіе и недовольство толпы и негодованіе лучшихъ людей, но мы не видимъ у нея ни яснаго пониманія причинъ зла, ни твердо обдуманнаго плана для улучшеній въ цѣломъ. Какъ ни достойны уваженія всѣ ея стремленія, въ нихъ проглядываетъ какая-то необдуманность, а чисто оборонительное положеніе ея приверженцевъ не предвѣщаетъ хорошихъ результатовъ. Трудно рѣшить, могъ-ли человѣческій умъ исцѣлить тогдашніе недуги, но сами римскіе реформаторы того времени, какъ намъ кажется, были скорѣе хорошими гражданами, чѣмъ хорошими политиками, а великую борьбу стараго гражданства съ новымъ космополитизмомъ они вели какъ-то не-умѣючи и по-и-щански.

Но точно такъ-же, какъ рядомъ съ гражданствомъ появилась въ Демагогія. ту пору чернь, и рядомъ съ достойной уваженія и полезной оппозиціей появилась лстящая народная толпѣ демагогія. Уже Катону было извѣстно существованіе рязряда такихъ людей, въ которыхъ болѣзненная наклонность къ красноречію такъ-же сильна, какъ у иныхъ бываетъ сильна болѣзненная наклонность къ пьянству и къ спячкѣ; когда эти люди не находятъ добровольныхъ слушателей, они запасаются наёмными; имъ внимаютъ, какъ рыночнымъ шарлатанамъ, не вслушиваясь въ ихъ слова, но на нихъ, конечно, не полагается тотъ, кому нужна помощь. Своимъ обычнымъ рѣзкимъ тономъ престарѣлый Катонъ описывалъ этихъ выскочекъ, которые вышколены по образцу греческихъ рыночныхъ красноречивцевъ, отпускаютъ шуточки и остроты, поютъ и пляшутъ и никогда ни передъ чѣмъ не затрудняются; но его мнѣнію, такіе люди всего болѣе годны для того, чтобъ разыгрывать на публичныхъ процессіяхъ роль паяцовъ и болтать съ публикой; за кусокъ хлѣба они готовы дѣлать всё, что имъ прикажутъ — и говорить и молчать. Дѣйствительно, демагоги этого рода были самыми вредными изъ всѣхъ враговъ реформы. Между тѣмъ какъ приверженцы реформы старались главнымъ образомъ повсюду вносить нравственныя улучшенія, демагогія стремилась лишь къ ограниченію правительственной власти и къ расширенію правъ гражданства. Въ первомъ отношеніи самымъ важнымъ нововведеніемъ была фактическая отмѣна диктатуры. Кризисъ, вызванный въ 537 году Квинтомъ Фабіемъ и его популярнымъ противникомъ (стр. 594), нанесъ смертельный ударъ этому исконно непопулярному учрежденію. Хотя правительство еще разъ послѣ того (538), а именно подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ битвы при Каннахъ, назначило диктатора для командованія арміей въ военное время, но въ мирное время оно уже не осмѣливалось прибѣгать къ такой мѣрѣ и послѣ того какъ диктаторы еще назначались нѣсколько разъ (въ послѣдній разъ въ 552 году) по предварительному указанію самихъ гражданъ для завѣдыванія городскими дѣлами, эта должность, не будучи формально упразднена, фактически вышла изъ употребленія. Искусственно организованная система римскаго государственнаго управленія утратила вслѣдствіе того очень полезное средство восполнять недостатки ея своеобразной коллегіальной магистратуры (стр. 252), а правительство, — отъ котораго зависѣло наступленіе диктатуры, то-есть временное отрѣшеніе консуловъ отъ должности, и вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе лица, которое должно быть выбрано въ диктаторы, — лишилось одного изъ своихъ главныхъ орудій управленія. Эта утрата была крайне неудовлетворительно восполнена тѣмъ, что въ чрезвычайныхъ случаяхъ, въ особенности когда внезапно вспыхивали возстаніе или война, сенатъ сталъ облекать назначенныхъ на срокъ должностныхъ лицъ чѣмъ-то въ родѣ диктаторской

Отмѣна

диктатуры.

216

202

- власти, поручая имъ принимать по ихъ усмотрѣнію мѣры для общаго блага; такимъ образомъ создавалось нѣчто похожее на то, что мы называемъ теперь военнымъ положеніемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ зловѣщимъ образомъ усилилось вліяніе народа какъ на избраніе должностныхъ лицъ, такъ и на государственныя дѣла, на администрацію и на управление финансами. Жреческія collegiі, и въ особенности самыя важныя въ политическомъ отношеніи collegiі свѣдущихъ людей, пополнялись по старому обыкновенію сами собою и если у нихъ полагались старшины, то сами ихъ назначали; дѣйствительно, въ этихъ корпораціяхъ, организованныхъ для передачи изъ рода въ родъ знанія божественныхъ вещей, самой подходящей формой избранія была корпоративная. Но въ ту пору (ранѣе 542 года) перешло отъ collegiй къ общинѣ хотя еще не право выбирать членовъ этихъ collegiй, но право выбирать изъ среды этихъ корпорацій старшинъ куріоновъ и понтификовъ; это нововведеніе не имѣло большой политической важности, но оно свидѣтельствовало о начинавшейся дезорганизаціи республиканскихъ порядковъ. Однако изъ свойственнаго Римлянамъ внѣшняго уваженія къ богамъ и изъ опасенія сдѣлать какой-нибудь промахъ, избраніе предоставлялось въ этихъ случаяхъ небольшому числу избирательныхъ округовъ и, стало быть, не всему «народу». Болѣе важны были послѣдствія усиливавшагося вмѣшательства гражданства въ личные и общественные вопросы, принадлежавшіе къ сферѣ военнаго управленія и внѣшней политики. Сюда относятся слѣдующіе факты, частію уже упомянутые ранѣе: переходъ назначенія ординарныхъ штабъ-офицеровъ изъ рукъ главнокомандующаго въ руки гражданства (стр. 786); избраніе вождей оппозиціи въ главнокомандующіе для войны съ Аннибаломъ (стр. 591, 598); состоявшееся въ 537 году противозаконное и безразсудное постановленіе гражданъ, въ силу котораго высшее командованіе арміей было раздѣлено между непопулярнымъ генералиссимусомъ и его популярнымъ подчиненнымъ, дѣйствовавшимъ во всемъ ему наперекоръ и въ военномъ лагерѣ такъ-же, какъ и въ столицѣ (стр. 597); обвиненія, которыя были взведены трибунами на такого способнаго офицера, какъ Марцеллъ, за неразумное и недобросовѣстное веденіе войны (545) и которыя однако заставили Марцелла пріѣхать изъ лагеря въ столицу для того, чтобъ отстоять передъ столичной публикой свои военныя дарованія; еще болѣе скандальная попытка, путемъ народнаго приговора, отнять у побѣдителя при Пиднѣ право на триумфъ (стр. 809); облеченіе частнаго человѣка экстраординарною консульскою властію, — впрочемъ, состоявшееся по иниціативѣ сената (544; стр. 627); опасная угроза Сципіона, что если сенатъ откажетъ ему въ назначеніи главнокомандующимъ въ Африку, то онъ добьется этого назначенія отъ гражданства (549; стр. 648); попытка почти одурѣвшаго отъ че-

столюбія челоуѣка склонити народъ, наперекоръ правительству, къ объявленію Родосцамъ войны, которую нельзя было оправдать ни въ какомъ отношеніи (587; стр. 770); новая аксіома государственнаго права, что всякій государственный договоръ вступаетъ въ силу только послѣ того, какъ онъ утверждёнъ общиной. Такое участіе **Вышатель-**гражданства въ дѣлахъ управленія и въ назначеніи главнокоманду- **ство общи-**ющихъ было чрезвычайно опасно; но еще гораздо болѣе опасно **ны въ фи-**было его вмѣшательство въ управленіе финансами не только потому, **нансовое** что нарушать древнѣйшее и важнѣйшее изъ правъ правительства— **управленіе.** право исключительно завѣдывать собственностью общины—значило подкапываться подъ самый корень сенатской власти, но и потому, что присвоенное коренными сходками гражданъ право разрѣшать самый важный изъ входящихъ въ эту сферу вопросовъ — вопросъ о раздачѣ казенныхъ земель—готовило республикѣ неизбѣжную гибель. Дозволить участникамъ коренныхъ народныхъ сходокъ издавать декреты о переходѣ общественнаго достоянія въ ихъ собственный карманъ — было не только безразсудствомъ, но также первымъ шагомъ на пути къ гибели; этимъ способомъ вносится деморализація въ самое благонамѣренное гражданство, а тѣмъ, кто предлагаетъ такіе декреты, предоставляется вліяніе, несовмѣстимое ни съ какими свободными учрежденіями. Какъ ни была благотворна раздача казенныхъ земель и какъ ни былъ основателенъ упрекъ, который дѣлали сенату за то, что онъ не приступилъ добровольно къ раздачѣ отданныхъ подъ оккупацию земель и тѣмъ не лишилъ сенаторовъ ихъ самаго опаснаго оружія, все-таки, когда Гай Фламиній обратился въ 522 году къ гражданству съ предложеніемъ роздать казенныя земли въ Пиценскомъ округѣ, онъ не доставилъ республикѣ своими благими намѣреніями столько же пользы, сколько причинилъ ей вреда тѣмъ способомъ, къ которому прибѣгнулъ. Правда, за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ (стр. 279) Спуриій Кассій сдѣлалъ такое же предложеніе; но какъ ни схожи эти двѣ мѣры по своему буквальному смыслу, онѣ вовсе не схожи въ томъ отношеніи, что Кассій обращался по общинному дѣлу къ полной жизни и еще самоуправлявшейся общинѣ, а Фламиній обращался по государственному дѣлу къ коренному народному собранію обширнаго государства. Не только правительственная партія, но и партія реформы основательно считали военное управленіе, администрацію и завѣдываніе финансами за легальную сферу дѣятельности сената; она старалась не употреблять въ дѣло формальную власть коренныхъ народныхъ сходокъ (уже вступившихъ въ періодъ непреодолимаго упадка), и конечно не старалась ее усиливать. Если даже въ самыхъ ограниченныхъ монархіяхъ еще никогда не приходилось монархамъ играть такой вполнѣ ничтожной роли, какая выпала на долю самодержавнаго римскаго на-

167

232

Ничтоже-
ство
комицій.

рода, то это было достойно сожалѣнія во многихъ отношеніяхъ; тѣмъ не менѣе при тогдашнемъ положеніи комицій это было неизбежно даже по мнѣнію приверженцевъ реформы. Оттого-то Катонъ и его единомышленники никогда не обращались къ гражданству съ такими предложеніями, которыя были-бы вторженіемъ въ собственную сферу правительства; оттого-то они никогда не прибѣгали ни прямымъ, ни окольнымъ путемъ къ приговорамъ гражданства для того, чтобъ вынудить отъ сената согласіе на желаемыя ими политическія или финансовыя мѣры, какъ напримѣръ на объявленіе войны Карфагену или на раздачу земельныхъ участковъ. Сенатское правленіе, пожалуй, и было плохо, но коренныя народныя сходки вовсе не были въ состояніи управлять. Нельзя сказать, чтобъ въ нихъ преобладало неблагонамѣренное большинство; напротивъ того, слова уважаемаго человѣка, громкія требованія чести и еще болѣе громкія требованія необходимости еще не оставались безъ вліянія на комиціи и предохраняли ихъ отъ пагубныхъ и отъ постыдныхъ рѣшеній: гражданство, передъ которымъ оправдывался Марцеллъ, покрыло поворомъ обвинителя, а обвиняемаго выбрало на слѣдующій годъ въ консулы; оно вняло убѣжденіямъ, что война съ Филиппомъ необходима, оно покончило войну съ Персеемъ, выбравъ Павла въ главнокомандующіе, и оно же почтило Павла вполнѣ заслуженнымъ триумфомъ. Но для такихъ избраній и для такихъ рѣшеній уже требовалось вліяніе какихъ-нибудь особыхъ побудительныхъ причинъ, а въ большинствѣ случаевъ масса слѣпо подчинялась первымъ полученнымъ ею внушеніямъ и ея рѣшенія постановлялись или

Разстрой- безравсудствомъ или случайностью. — Въ государствѣ, какъ и во
ство систе- всякомъ организмѣ, становится вреднымъ всякій органъ, который
мы управ- пересталъ дѣйствовать; такъ и ничтожество верховнаго народнаго
ленія. собранія угрожало немаловажными опасностями. Всякое сенаторское меньшинство имѣло законное право апеллировать къ комиціямъ на рѣшенія большинства. Для всякаго, кто обладалъ нетруднымъ искусствомъ ораторствовать передъ непросвѣщенными людьми или даже только былъ въ состояніи сорить деньгами, открывался путь къ достиженію должностей или къ испрашиванію въ свою пользу народныхъ постановленій, которымъ были обязаны подчиняться и должностныя лица и правительство. Этимъ объясняются назначенія тѣхъ штатскихъ главнокомандующихъ, которые обыкновенно чертили свои планы сраженій на столѣ въ питейномъ домѣ и съ высоты своего врожденнаго стратегическаго гения съ пренебреженіемъ взирали на рутинныя требованія военной службы; этимъ объясняются назначенія тѣхъ штабныхъ офицеровъ, которые добывались своихъ мѣстъ путемъ заискиваній у столичнаго населенія и которыхъ приходилось массами увольнять, какъ только дѣло доходило до войны; этимъ же объясняются пораженія при Тразименскомъ озерѣ и при

Каннахъ, равно какъ позорное веденіе войны противъ Персея. Такія непредвидимыя постановленія гражданства создавали для правительства на каждомъ шагѣ помѣхи и сбивали его съ толку, а случалось это, понятнымъ образомъ, всего чаще именно тогда, когда правительство дѣйствовало правильно. — Но безспіе правительства и самой общины были еще самыми незначительными изъ тѣхъ золъ, которыя порождала демагогія. Подъ эгидой конституціонныхъ правъ гражданства честолюбцы стали пробивать себѣ дорогу къ власти. То, что съ формальной стороны выдавалось за рѣшеніе высшей правительственной власти, въ сущности нерѣдко бывало выраженіемъ личной воли того, кто вносилъ проектъ рѣшенія, и во что же должна была превратиться республика, въ которой война и миръ, назначеніе и увольненіе главнокомандующихъ и офицеровъ, общественная казна и общественное достояніе зависѣли отъ прихотей народной толпы и ея случайныхъ вожаковъ? Гроза еще неразразилась; но тучи все болѣе и болѣе надвигались и въ удушливой атмосферѣ уже по временамъ раздавались раскаты грома. Положеніе становилось вдвойнѣ опаснымъ потому что тенденціи, съ виду противоположныя, сходились въ своихъ крайностяхъ какъ относительно цѣлей, такъ и относительно средствъ. Фамильная политика и демагогія одинакимъ способомъ и съ одинакой опасностью для общества соперничали между собою въ докровительствѣ черни и въ преклоненіи передъ ней. По мнѣнію государственныхъ людей слѣдующаго поколѣнія, Гай Фламиній прежде всѣхъ вступилъ на тотъ путь, который привелъ къ реформамъ Гракховъ и — мы можемъ присовокупить — привелъ въ болѣе отдаленномъ будущемъ къ демократически-монархической революціи. Даже Публий Сципіонъ, задававшій тонъ своимъ высокоуміемъ, своей погоней за титулами и своимъ умѣньемъ набирать кліентовъ среди знати, искалъ для своей личной и почти династической политики иной опоры противъ сената: онъ искалъ этой опоры въ народной толпѣ, которую не только очаровывалъ блескомъ своей личности, но также подкупалъ доставками хлѣба, въ легионахъ, расположеніе которыхъ старался снискать всякими честными и нечестными способами и, главнымъ образомъ, въ лично преданныхъ ему кліентахъ высшаго и низшаго разряда; только способность увлекаться неясными мечтами, составлявшая какъ привлекательную, такъ и слабую сторону этого человѣка, мѣшала ему разувѣриться въ томъ, что онъ былъ только первымъ гражданиномъ Рима и что онъ не желалъ ничего другаго. — Утверждать, что реформа была возможна, было-бы такъ же опрометчиво, какъ утверждать противное; но не подлежитъ сомнѣнію, что государство сверху до низу настоятельно нуждалось въ радикальныхъ улучшеніяхъ и что ни съ чьей стороны не было сдѣлано серьезной попытки въ этомъ направленіи. Впрочемъ, по нѣкоторымъ отдѣльнымъ

пунктамъ кое-что было сдѣлано и сенатомъ и оппозиціей гражданства. И въ сенатѣ и въ оппозиціи большинство еще состояло изъ благонамѣренныхъ людей, которые еще нерѣдко протягивали другъ другу руки поверхъ раздѣлявшей партіи пропасти для того, чтобы общими силами устранить самыя возмутительныя злоупотребленія. Но такъ какъ источникъ золь оставался незакрытымъ, то и немного было пользы отъ тѣхъ лучшихъ людей, которые заботливо прислушивались къ глухому буреванію усиливавшагося потока и трудились надъ устройствомъ плотинъ и насыпей. А такъ какъ и они ограничивались палліативными мѣрами, да и къ самымъ важнымъ изъ этихъ мѣръ,—какъ на примѣръ къ улучшенію юстиціи и къ раздачѣ казенныхъ земель — прибѣгали несвоевременно и въ недовольно широкихъ размѣрахъ, то и они подготовляли для потомства горькую будущность. Оттого, что они пропустили время, чтобы засеять поле, на немъ выросла сорная трава для тѣхъ, кто ее не сѣялъ. Переживавшимъ революціонныя бури позднѣйшимъ поколѣніямъ казалась золотымъ вѣкъсмъ Рима та эпоха, которая наступила вслѣдъ за Аннибаловскою войною; а Катонъ былъ въ ихъ глазахъ образцомъ римскаго государственнаго мужа. То время было скорѣе затишьемъ передъ грозой и эпохой политическихъ посредственностей—чѣмъ-то въ родѣ эпохи Вальполевскаго управленія въ Англіи; но въ Римѣ не нашлось Чатама, который снова привелъ бы въ движеніе застоявшуюся въ жилахъ націи кровь. Куда ни помотришь, вездѣ видишь въ старомъ зданіи трещины и щели и въ то же время видишь работниковъ, которые то за дѣлываютъ ихъ, то расширяютъ; но нигдѣ не замѣтно признаковъ подготовки къ серьезной перестройкѣ за-ново, и возникаетъ вопросъ уже не о томъ, должно-ли разрушиться это зданіе, а о томъ, когда оно рухнется. Ни въ какую другую эпоху римскія государственныя учрежденія не оставались съ внѣшней стороны столь неизмѣнными, какъ въ промежутокъ времени отъ сицилійской войны до третьей македонской и даже при слѣдующемъ поколѣніи; но неизмѣнность государственныхъ учрежденій была тамъ, какъ и повсюду, не признакомъ здороваго состоянія государства, а признакомъ начпнавшагося заболѣванія и предвѣстницей революціи.

Г Л А В А XII.

Сельское хозяйство и финансы.

Какъ прагматически-последовательная исторія Рима становится Римское до нѣкоторой степени возможной лишь съ шестаго столѣтія отъ хозяйство. основанія города, такъ и его экономическое положеніе становится болѣе опредѣленнымъ и яснымъ съ того-же времени. Только съ тѣхъ поръ принимаетъ опредѣленную форму его крупное хозяйство — полевое и денежное, хотя и не представляется возможности ясно различить, что въ этомъ хозяйствѣ сохранилось отъ старыхъ обычаевъ, что было заимствовано изъ сельскаго и денежнаго хозяйства ранѣ цивилизовавшихся націй и въ особенности отъ Финиціанъ, что было послѣдствіемъ увеличившейся массы капиталовъ и что было создано развитіемъ интеллигенціи въ самой націи. Для правильнаго пониманія внутренней исторіи Рима будетъ не лишнимъ описать эти хозяйственныя отношенія въ ихъ общей связи.

Римское полевое хозяйство *) было или крупно-помѣстное или пастбищное или мелкопомѣстное; о первомъ изъ нихъ можно составить себѣ ясное понятіе по описанію Катона.

---

*) Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о древней Италіи, необходимо припомнить, какія большія перемены произвела новѣйшая культура и въ этой сферѣ. Изъ разныхъ родовъ зерноваго хлѣба въ древности не воздѣлывали ржи, а во времена имперіи Римляне съ удивленіемъ смотрѣли на Германцевъ, приготовлявшихъ кашу изъ овса, который былъ хорошо знакомъ Римлянамъ въ качествѣ сорной травы. Рисъ начали воздѣлывать въ Италіи только съ конца пятнадцатаго столѣтія, а кукурузу только съ начала семнадцатаго столѣтія. Картофель и томаты ведутъ свое начало изъ Америки; артишоки, повидимому, были ничто иное, какъ выработанная культурой разновидность уже знакомыхъ Римлянамъ карденовъ, но по своимъ спеціальнымъ отличіямъ также принадлежали къ числу новыхъ продуктовъ. Напротивъ того, миндаль или „греческій орѣхъ“, персикъ или „персидскій“ орѣхъ, также называвшійся „мягкимъ орѣхомъ“ [п и х т о l u v с а], хотя и не были первоначально италійскими продуктами, однако встрѣчаются тамъ по меньшей мѣрѣ за сто пятьдесятъ лѣтъ до Р. Х. Финикова

**Крупно-
помѣстное
хозяйство.
Размѣръ
помѣстьевъ.**

Римскія помѣстья, — если на нихъ смотрѣть, какъ на крупную земельную собственность, — были вообще небольшихъ размѣровъ. Описанное Катономъ помѣстье занимало пространство въ 240 моргеновъ; очень обыкновеннымъ объемомъ этихъ помѣстьевъ была такъ-называемая центурія въ 200 моргеновъ. Тамъ, гдѣ съ трудомъ разводилась виноградная лоза, размѣръ хозяйства былъ еще менѣе великъ; Катонъ полагаетъ, что для этого производства нужна была площадь въ 100 моргеновъ. Кто хотѣлъ употребить новый капиталъ на сельское хозяйство, тотъ не расширилъ свое помѣстье, а приобрѣталъ новое; и наибольшій размѣръ оккупационнаго владѣнія въ 500 моргеновъ (стр. 294) считался соответствующимъ размѣру двухъ или трехъ помѣстьевъ. — Отдача помѣстьевъ въ наследственную аренду не была въ употребленіи ни у частныхъ людей, ни въ римскомъ общинномъ хозяйствѣ; она встрѣчается только у зависимыхъ общинъ. Бывали случаи отдачи въ аренду на болѣе короткіе сроки или за условленную денежную плату, или на томъ условіи, что арендаторъ несъ всѣ хозяйственные расходы и въ вознагражденіе за это получалъ извѣстную долю — обыкновенно половину продуктовъ *); но это были исключенія, къ которымъ прибѣгали по

**Веденіе
хозяйства.**

пальма, пересаженная въ Италію изъ Греціи точно такъ-же, какъ она была пересажена въ Грецію съ востока, и служившая живымъ свидѣтельствомъ очень древнихъ торгово-религиозныхъ сношеній запада съ жителями востока, разводилась въ Италіи еще за триста лѣтъ до Р. X. [Лив. 10, 47; Паллад. 5, 5, 2, 11, 12, 1] не ради своихъ плодовъ [Плин. Hist. Nat. 13, 4, 26], а такъ-же какъ и въ наше время ради своей вишней красоты и ради своихъ листьевъ, которые употреблялись на публичныхъ празднествахъ. Новѣе разведеніе вишневыхъ деревьевъ [сегасус], которые росли на берегахъ Чернаго моря и были впервые посажены въ Италію во времена Цицерона, хотя дикій вишнякъ былъ въ Италіи туземнымъ деревомъ; быть можетъ, еще новѣе было разведеніе абрикосовъ или „армянскихъ сливъ“. Лимонное дерево стали разводить въ Италіи лишь въ позднія времена имперіи; апельсинное дерево было туда завезено Маврами не ранѣе двѣнадцатаго или тринадцатаго столѣтія, и не ранѣе шестнадцатаго столѣтія было тамъ заимствовано изъ Америки разведеніе алоэ [Agave americana]. Хлопчатую бумагу стали впервые разводить въ Европѣ Арабы. Съ буйволами и съ шелковичными червями знакома также только новѣйшая Италія, а не древняя. — Отсюда видно, что въ древней Италіи вовсе не было шменно тѣхъ продуктовъ, которые намъ теперь кажутся настоящими „итальянскими“, и если теперешняя Германія можетъ быть названа южною страной по сравненію съ той Германіей, въ которую проникать Цезарь, то и Италія въ не меньшей степени сдѣлалась съ тѣхъ поръ „болѣе южною страной“.

*) По словамъ Катона [De re rust. 137; сравн. 16], когда помѣстье арендовалось изъ-за доли въ продуктахъ, то изъ валоваго дохода вычитались расходы на прокормленіе плуговыхъ воловъ; остальная сумма дѣлилась между сдавшимъ имѣніе въ аренду и арендаторомъ [colonus partiarus] въ условленномъ заранее размѣрѣ. О томъ, что доли обыкновенно были равны, можно заключить

необходимости; оттого-то въ Италіи и не образовалось настоящаго сословія арендаторовъ *). Стало быть, владѣлецъ обыкновенно самъ управлялъ своимъ имѣніемъ; впрочемъ, онъ въ сущности самъ не велъ хозяйства, а по временамъ пріѣзжалъ въ имѣніе для того, чтобъ установить планъ для веденія хозяйства, для того чтобъ наблюдать за его исполненіемъ и для того, чтобъ требовать отъ своихъ слугъ отчетовъ; это доставляло ему возможность вести хозяйство одновременно въ нѣсколькихъ помѣстьяхъ и при случаѣ заниматься государственными дѣлами. — Изъ хлѣбныхъ растений воздѣлывались полба и ишеница, также ячмень и просо; кромѣ того, разводили рѣпу, рѣдьку, чеснокъ, макъ и специально для корма скота — воцпы бобы, обыкновенные бобы, горохъ, кормовой горошекъ и нѣкоторыя другія кормовыя травы. Сѣяли, обыкновенно, осенью и только въ исключительныхъ случаяхъ весной. И орошеніемъ, и осушкой полей занимались очень дѣятельно; такъ напримѣръ очень рано вошло въ употребленіе древажъ посредствомъ загоразиванья рвовъ. Не было недостатка и въ лугахъ для сѣнокосовъ; еще во времена Катона они верѣдко орошались искусственнымъ образомъ. Не менѣе, если не болѣе хлѣбныхъ растений и кормовыхъ травъ были важны для хозяйства оливковое дерево и виноградная лоза; первое разводилось между поствами, а вторая въ особыхъ виноградникахъ **). Также разводились смоковницы, яблони, груши и другія плодовые деревья, а вязы, тополи и другія лиственные деревья и кусты разводились частію для рубки, частію ради листьевъ, которыя употреблялись на подстилку и на кормъ для скота. Напротивъ того, скотоводство

Предметы
хозяйства.

изъ аналогіи французскаго *baïl à chertel* съ такою же итальянскою системою найма на половинныхъ условіяхъ и изъ отсутствія всякихъ слѣдовъ какого либо другаго раздѣла на части; иные впадаютъ въ заблужденіе, указывая на такъ называемаго *politor*, который получалъ пятое зерно, а если дѣлежъ происходилъ до молотбы, то шестой или девятый снопы [Катонъ, 136; сравн. 5]; этотъ политоръ былъ не арендаторъ изъ доли продуктовъ, а нанятый въ пору жатвы работникъ, который получалъ свою поденную плату въ видѣ условленной доли продуктовъ [стр. 830].

*) Отдача помѣстьевъ въ аренду получала свое настоящее значеніе лишь съ тѣхъ поръ, какъ римскіе капиталисты стали пріобрѣтать за моремъ поземельную собственность въ большихъ размѣрахъ; только тогда стали понимать, что всего выгоднѣе назначать сроки аренды на нѣсколько поколѣній [Солумъ, 1, 7, 3].

**) Что между виноградниками не сѣяли никакихъ хлѣбныхъ растений и по большей мѣрѣ сѣяли только кормовыя травы, легко прокращающія въ тѣни, видно изъ словъ Катона [33, сравн. 137]; поэтому и Колумелла [3, 3] разсчитываетъ, что отъ виноградниковъ нѣтъ никакихъ другихъ побочныхъ доходовъ, кромѣ дохода отъ продажи отводковъ. Напротивъ того дренесная плантація [*arbustum*] засѣвалась, какъ всякое хлѣбное поле [Солумъ, 2, 9, 6]. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда лозу присаживали къ другимъ деревьямъ, между эглими послѣдними разводили и хлѣбныя растенія.

иградо у Италийцевъ гораздо менѣе важную роль, чѣмъ въ теперешнемъ хозяйствѣ, оттого что они употребляли преимущественно растительную пищу, а мясныя кушанья появлялись у нихъ за столомъ лишь въ видѣ исключеній и приготавливались почти только изъ свинины и баранины. Хотя отъ вниманія древнихъ и не ускользала экономическая связь земледѣлія съ скотоводствомъ и въ особенности важное значеніе навоза, тѣмъ не менѣе имъ было незнакомо теперешнее обыкновеніе соединить земледѣліе съ разведеніемъ рогатаго скота. Крупный скотъ держали только въ томъ количествѣ, какое было необходимо для обработки полей; прокармливали его не на особыхъ пастбищахъ, а въ стойлахъ—въ лѣтнюю пору всегда, а въ зимнюю пору большею частію. Напротивъ того, на выгонахъ изъ-подъ жнива прокармливали овецъ, по словамъ Катона, въ числѣ 100 штукъ на каждые 240 моргеновъ; однако нерѣдко случалось, что владѣлецъ предпочиталъ отдавать зимнія пастбища въ аренду крупнымъ стадохозяевамъ или же отдавать свои стада овецъ нанятому, выговаривая въ свою пользу опредѣленное число ягнятъ и опредѣленное количество сыра и молока. Свиней (по словамъ Катона, въ числѣ десяти хлѣбовъ въ крупныхъ помѣстьяхъ), куръ и голубей держали на дворѣ и откармливали по мѣрѣ надобности; при случаѣ отводили особыя мѣста для разведенія зайцевъ и устраивали рыбныя садки,—это были скромныя зачатки впоследствии получившаго столь громадныя размѣры разведенія дичи и рыбы.

Хозяйственныя орудія.

Скотъ.

лучившаго столь громадныя размѣры разведенія дичи и рыбы. Полевая работа производилась при помощи воловъ, которыхъ впрягали въ плугъ, и при помощи ословъ, которые употреблялись преимущественно на то, чтобъ возить навозъ и приводить въ движеніе мельничное колесо; содержали и одну лошадь, которая, какъ кажется, предназначалась для владѣльца. Этихъ животныхъ не разводили дома, а приобретали покупкой; по меньшей мѣрѣ воловъ и лошадей холостили. На имѣніе въ 100 моргеновъ Катонъ полагаетъ одну пару воловъ, на имѣніе въ 240 моргеновъ три пары, а позже писавшій сельскій хозяинъ Сазерна полагалъ двѣ пары воловъ на имѣніе въ 200 моргеновъ; ословъ требовалось, по мнѣнію Катона, на мелкія имѣнія по три, а на болѣе крупныя по четыре.

Невольники.

Работа человѣческихъ рукъ обыкновенно производилась рабами. Во главѣ состоявшихъ при имѣніи рабовъ (*familia rustica*) находился экономъ (*vilicus* отъ *villa*), который принималъ и выдавалъ, покупалъ и продавалъ, получалъ отъ владѣльца инструкціи и въ его отсутствіе распоряжался и наказывалъ. Подъ его начальствомъ состояли: экономка (*vilica*), завѣдывавшая домою, кухней и кладовой, курятникомъ и голубятней; нѣсколько пахарей, (*bulsi*) и чернорабочихъ, одинъ погонщикъ ословъ, одинъ свинопасъ и, если было стадо овецъ, одинъ овчарь. Число работниковъ, натурально, соотвѣтствовало способу веденія хозяйства. На

пахатное имѣніе въ 200 моргеновъ безъ древесныхъ плантацій полагалось два плуговыхъ работника и шесть чернорабочихъ; на имѣніе такого-же размѣра съ древесными плантаціями—два плуговыхъ работника и девять чернорабочихъ; на имѣніе въ 240 моргеновъ съ оливковыми плантаціями и съ стадомъ овецъ—три плуговыхъ работника, пять чернорабочихъ и три пастуха. Для виноградниковъ, натурально, требовались болѣе значительныя рабочія силы; на имѣніе въ 100 моргеновъ съ виноградниками полагались: одинъ плуговой работникъ, одиннадцать чернорабочихъ и два пастуха. Экономъ, конечно, пользовался болѣе свободою, чѣмъ другіе работники; въ своемъ трактатѣ о хозяйствѣ Магонъ совѣтовалъ дозволить ему вступать въ бракъ, производить на свѣтъ дѣтей и имѣть свою собственную денежную кассу; а по совѣту Катона слѣдовало выдавать за него замужъ экономку; онъ одинъ могъ надѣяться, что за свое хорошее поведеніе получить отъ владѣльца свободу. Что касается остальнаго, то всѣ эти работники составляли одну двою. Рабы, точно такъ же какъ и крупный скотъ, не разводились въ самомъ имѣніи, а покупались на невольничьемъ рынкѣ, когда достигали такого возраста, что были способны работать; когда они дѣлались неспособными къ работѣ вслѣдствіе старости или болѣзни, они снова отправлялись на рынокъ вмѣстѣ съ разнымъ ненужнымъ хламомъ *). Хозяйственное зданіе (*villa rustica*) служило въ одно время и стойлами для скота, и кладовой для продуктовъ, и жилищемъ для эконома и для рабочихъ; а для владѣльца нерѣдко строился особый домъ (*villa urbana*). И каждый изъ рабочихъ, и самъ экономъ получали все необходимое отъ владѣльца въ опредѣленные сроки и въ опредѣленномъ размѣрѣ и этимъ должны были довольствоваться; они получали купленные на рынкѣ одежду и обувь, которыя должны были держать въ исправности; имъ ежемѣсячно выдавали въ опредѣленномъ количествѣ пшеницу, которую они должны были сами молотъ, соль, приправы въ родѣ оливковъ или соленой рыбы, вино

*) Магонъ, или вмѣсто него переводчикъ его сочиненія [у Варрона *De re rust. 1, 17, 3*] совѣтуетъ не расплывать рабовъ, а покупать ихъ, но когда они не моложе двадцати двухъ лѣтъ: Катонъ, вѣроятно, раздѣляя это мнѣніе, какъ это ясно указываетъ личный составъ его образцоваго хозяйства, — хотя и не говорить этого прямо. Продажу престарѣлыхъ и больныхъ рабовъ Катонъ [2] положительно рекомендуетъ. Хотя Колумелла [1, 8] и говоритъ о расплуженіи рабовъ, причѣмъ рабыня, родившая трехъ сыновей, должна быть освобождена отъ работы, а мать четырехъ сыновей даже должна быть отпускаема на свободу; но это было теоретическимъ воззрѣніемъ, а непрактическимъ правиломъ при веденіи хозяйства, точно такъ-же какъ и обыкновеніе Катона покупать рабовъ для того, чтобъ ихъ обучать и потомъ перепродавать [Плутархъ, *Cat. mai. 21*]. Упоминаемое тамъ-же оригинальное обложеніе таксой относится, конечно, къ настоящей домашней прислугѣ [*familia urbana*].

и оливковое масло. Количество припасовъ соразмѣрялось съ работою; поэтому, напримѣръ, экономъ, на которомъ лежалъ менѣе тяжелый трудъ, чѣмъ на чернорабочихъ, получалъ и менѣе припасовъ. Все, что касалось кухни, лежало на обязанности экономки и всѣ вмѣстѣ ѣли одну и ту-же пищу. Не было обыкновенія заковывать рабовъ въ цѣпи; но если кто-нибудь изъ нихъ заслуживалъ наказанія или заставлялъ опасаться попытки къ побѣгу, то его отправляли на работу въ оковахъ, а на ночь запирали въ невольничій карцеръ *). Эгихъ дворовыхъ рабовъ обыкновенно было достаточно для работъ, а въ случаѣ надобности сосѣди, само собой разумѣется, помогали другъ другу уступкой своихъ рабовъ за подѣнную плату. Кромѣ этихъ случаевъ, обыкновенно, не прибѣгали къ найму постороннихъ работниковъ; исключенія встрѣчались въ особенно нездоровыхъ мѣстностяхъ, гдѣ находили болѣе выгоднымъ соблазнять число рабовъ и замѣнять ихъ наемными людьми: это дѣлалось также при уборкѣ жатвы, такъ какъ для этого нигдѣ не оказывались достаточными наличныя рабочія силы. Для жатвы и для сѣнокоса брали наёмныхъ жнецовъ, которые нерѣдко получали вмѣсто денежной платы шестой или десятый снопъ, а если они сверхъ того и молотили, то пятое зерно; такъ напримѣръ умбрійскіе рабочіе ежегодно отправлялись въ большомъ числѣ въ долину Ріети для того, чтобъ помогать тамъ при уборкѣ жатвы. Сборъ винограда и маслинъ обыкновенно поручали по договору подрядчику,

*) Въ этихъ предѣлахъ заковываніе рабовъ и даже собственныхъ сыновей [Діонисій 2, 26] существовало въ глубокой древности; и Катонъ упоминаетъ какъ объ исключеніи о закованныхъ полевыхъ рабочихъ, которымъ приходится выдавать хлѣбъ вмѣсто зеренъ, потому что они сами не могутъ молотъ [56]. Даже во времена имперіи заковываніе рабовъ было болѣею частію наказаніемъ, которое налагалось предварительно экономомъ, а окончательно владѣльцемъ [Колум. 1, 8; Гай, 1, 13; Ульп. 1, 11]. Впослѣдствіи обработываніе полей закованными въ цѣпи невольниками встрѣчается въ качествѣ особой хозяйственной системы, а смиренный домъ для рабочихъ [ergastulum], состоявшій изъ подвала съ несколькими небольшими оконными отверстіями, до которыхъ нельзя было достать съ полу рукой [Колум. 1, 6], является необходимою принадлежностью хозяйственнаго зданія; но это объясняется тѣмъ, что палатные рабы находились въ болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ остальные чернорабочіе, и потому выбирались преимущественно изъ тѣхъ, которые или дѣйствительно были пегодны или считались за таковыхъ. Впрочемъ, этимъ нисколько не опровергается тотъ фактъ, что жестокосердые владѣльцы приказывали заковывать рабовъ и безъ всякаго къ тому повода; на это служитъ яснымъ указаніемъ и то, что налагаемыя на рабовъ преступниковъ лишенія относятся судейниками не ко всѣмъ закованнымъ въ цѣпи рабамъ, а только къ тѣмъ, которые закованы въ видѣ наказанія. То-же можно сказать и о наложеніи клейма; въ сущности оно должно было служить наказаніемъ; однако случалось, что клейма налагались на цѣлое стадо рабовъ [Діодоръ 35, 5; Вернау, Phokylides, стр. XXXI].

который приводилъ своихъ людей — или вольныхъ людей, работавшихъ по найму, или чужихъ рабовъ или своихъ собственныхъ рабовъ; уборка и выжимка продуктовъ производились подъ надзоромъ нѣсколькихъ лицъ, назначенныхъ владѣльцемъ, а что было добыто поступало въ распоряженіе этого владѣльца *); очень часто случалось, что владѣлецъ продавалъ жатву на корню или когда уже образовались вѣтки и предоставлялъ покупателю распоряжаться уборкой. — Все хозяйничанье носить на себѣ отпечатокъ той ничѣмъ не **Духъ этого хозяйства.** стѣсняющейся безпощадности, которая свойственна могуществу капитала. Рабъ и рогатый скотъ стоятъ на одномъ уровнѣ: «хорошая цѣпная собака», — говорилъ одинъ римскій сельскій хозяинъ, — «не должна быть слишкомъ ласкова къ своимъ сотоварищамъ по рабству». Пока рабъ и волъ способны работать, ихъ кормятъ досыта, потому что было-бы неэкономно оставлять ихъ голодными; а когда они сдѣлались неспособными къ работѣ, ихъ продаютъ такъ-же какъ истертый сошникъ, потому что было-бы неэкономно долге ихъ содержать. Въ болѣе древнюю пору. религиозные мотивы вносили и въ эту сферу нѣкоторыя смягченія и какъ рабъ такъ и пахатный волъ освобождались отъ работы въ установленные праздники и дни отдыха **); Катона и его единомышленниковъ всего лучше характеризуетъ тотъ фактъ, что они только на словахъ требовали болѣе строгаго соблюденія святости праздничныхъ дней, а на дѣлѣ сами обходили это требованіе; такъ напримѣръ они совѣтовали оставлять въ эти дни плугъ въ покоѣ, но рабовъ заставлять неутомимо заниматься другими прямо незапрещенными работами. Въ сущности рабамъ не дозволялось ничего дѣлать по собственному почину; рабъ долженъ или работать или спать, — гласитъ одно изъ Катоновскихъ изреченій; а о попыткахъ привязать раба къ имѣнію или къ владѣльцу челоуѣколюбивымъ обхожденіемъ не могло быть

*) О сборѣ винограда Катонъ этого не утверждаетъ; но это утверждаетъ Варронъ [1, 17] и это согласно со всѣмъ ходомъ дѣла. Въ экономическомъ отношеніи было-бы ошибочно опредѣлять число содержащихся при помѣстьѣ рабовъ по размѣру работъ во время жатвы; а еслибы это и дѣлалось, то по меньшей мѣрѣ не стали бы продавать виноградъ на лозахъ, что случалось нерѣдко [Катонъ 147].

**) Колумелла [2, 12, 9,] опредѣляетъ число дождливыхъ и праздничныхъ дней въ году среднимъ числомъ въ 45; съ этимъ согласуется и тотъ фактъ, что, по замѣчанію Тертуліана [de idolol. 14] число языческихъ праздничныхъ дней еще не достигало пятидесяти дней христіанской праздничной поры отъ Пасхи до Троицына дня. Къ этому слѣдуетъ присовокупить то время отдыха среди зимы послѣ окончанія осеннихъ посѣвовъ, которое Колумелла опредѣляетъ въ тридцать дней. Въ число этихъ послѣднихъ безъ сомнѣнія входилъ и передвижной «праздникъ посѣва» [feriae venentivae; срав. стр. 188 и Овидіевы Fasti 1, 661]. Этотъ мѣсяцъ отдыха не слѣдуетъ смѣшивать съ вакаціями судебныхъ мѣстъ во время жатвы и во время уборки винограда [Плин. Ер. 8, 21, 2].

и рѣчи. Буква закона господствовала во всей своей ничѣмъ не прикрытой отвратительной наготѣ и никто не обманывалъ себя никакими иллюзіями на счетъ послѣдствій такого образа дѣйствій. «Сколько рабовъ, столько враговъ», гласитъ одна римская поговорка. Въ хозяйствѣ считалось за правило скорѣе раздувать, чѣмъ прекращать раздоры между невольниками; въ томъ-же духѣ Платонъ, Аристотель и оракулъ сельскихъ хозяевъ Кареагенянинъ Магонъ предостерегали отъ пріобрѣтенія рабовъ одинакой національности изъ опасенія, что между земляками заведется дружба и, пожалуй, дѣло дойдетъ до составленія заговоровъ. Владѣлецъ—какъ уже было ранѣе замѣчено,—управлялъ своими рабами точно такъ-же, какъ римская община управляла своими подданными въ «помѣстьяхъ римскаго народа»—въ провинціяхъ, и весь міръ ощутилъ на себѣ послѣдствіе того факта, что господствовавшее государство организовало свою новую систему управленія по образцу системы рабовладѣльцевъ. Впрочемъ, хотя римскіе сельскіе хозяева и достигли такой незавидной умственной высоты, что въ хозяйствѣ не дорожили ничѣмъ, кромѣ вложеннаго въ него капитала, имъ все-таки нельзя отказать въ одобреніи за ихъ послѣдовательность, предприимчивость, акуратность, бережливость и устоячивость. Солидный и опытный сельскій хозяинъ обрисованъ въ Катоновскомъ описаніи эконома такимъ, какимъ онъ долженъ быть: экономъ прежде всѣхъ выходитъ на свой дворъ и послѣ всѣхъ ложится спать; онъ строгъ къ самому себѣ столько-же сколько къ своимъ подчиненнымъ и главнымъ образомъ умѣетъ держать въ респектѣ эконому; но онъ виѣстъ съ тѣмъ заботится и о работникахъ, и о скотѣ, и въ особенности о плуговыхъ волахъ; онъ часто самъ принимаетъ участіе во всякой работѣ, но никогда не работаетъ, какъ чернорабочіе до усталости; онъ всегда дома, никогда ничего не занимаетъ и ничего не закладываетъ, не задаетъ никакихъ пирушекъ, не заботится ни о какомъ другомъ богопочитаніи кромѣ поклоненія своимъ собственнымъ домашнимъ и полевымъ богамъ и, какъ прилично хорошему рабу, предоставляетъ своему господину обращаться и къ богамъ и къ людямъ; наконецъ—это главное—относится къ своему господину со смиреніемъ и получаемыя отъ него инструкціи исполняетъ въ точности безъ затѣй, не мудрствуя ни слишкомъ мало, ни слишкомъ много. Тотъ плохой сельскій хозяинъ,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—который покупаетъ то, что могъ-бы производить въ своемъ имѣніи; тотъ плохой хозяинъ дома, кто дѣлаетъ при дневномъ свѣтѣ то, что можно дѣлать при огнѣ,—если его не принуждаетъ къ тому дурная погода; еще болѣе плохъ тотъ, который дѣлаетъ въ рабочей день то, что можно дѣлать въ праздничный день; но самый плохой тотъ, который въ хорошую погоду заставлялъ работать дома, а не въ открытомъ полѣ. У Катона встрѣчаются и свойственныя теоретикамъ преувеличенія; онъ

преподаеть безспорно прекрасныя наставленія, когда говоритъ, что земля достается сельскому хозяину не для того, чтобъ онъ ее обчищалъ и обметалъ, а для того, чтобъ онъ ее засѣвалъ и воздѣлывалъ и что надо прежде развести виноградники и оливковыя деревья, и только потомъ, когда хозяинъ уже не первой молодости, можно заводиться господскимъ домою. Въ этой системѣ хозяйства, конечно, есть что-то мужиковатое, а вмѣсто рациональнаго изслѣдованія причинъ и послѣдствій мы находимъ въ ней только такія правила, которыя извлечены землепашцами изъ собственного опыта и всѣмъ ихъ хорошо извѣстны; тѣмъ не менѣе авторъ, очевидно, старался воспользоваться чужимъ опытомъ и старался ввести въ свою хозяйственную систему воздѣлываніе чужестранныхъ продуктовъ; это видно изъ того, что въ списокѣ различныхъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ встрѣчаются произведенія греческой, африканской и испанской почвы.

Крестьянское хозяйство отличалось отъ помѣщичьяго преимущественно болѣе узкими размѣрами. И самъ владѣлецъ и его дѣти рабскаго хозяйства ботали вмѣстѣ съ рабами или даже вмѣсто рабовъ. Рогатый скотъ держали въ небольшомъ числѣ, а если доходы не покрывали расходовъ на содержаніе упряжи для плуга, то плугъ замѣняли мотыкой. Разведеніе маслинъ и виноградниковъ или отодвигалось на задній планъ или вовсе не имѣло мѣста. — Вблизи отъ Рима и отъ другихъ большихъ центровъ сбыта продуктовъ тщательно воздѣлывались цвѣтники и огороды, — какъ это и теперь дѣлается въ окрестностяхъ Неаполя, — и приносили очень хорошій доходъ.

Пастбищное хозяйство велось въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ полевое. Для пастбищнаго имѣнія (saltus) во всякомъ случаѣ требовалось болѣе широкое пространство, чѣмъ для полеваго; его размѣръ опредѣляли по меньшей мѣрѣ въ 800 моргеновъ и его можно было почти безпредѣльно расширять съ пользой для дѣла. Благодаря климатическимъ условіямъ Италіи, въ ней лѣтнее пастбище въ горахъ и зимнее пастбище на равнинахъ взаимно дополняли одно другое; уже въ то время, точно такъ-же какъ и теперь и конечно болѣею частію теперешними-же путями, стада прогонялись весной изъ Апуліи въ Самній, а осенью обратно изъ Самніи въ Апулію. Впрочемъ, какъ уже было ранѣе замѣчено, стада прокармливались зимой не всегда на особыхъ выгонахъ, а частію также на жнивѣ. Разводили лошадей, воловъ, ословъ, муловъ главнымъ образомъ для того, чтобъ снабжать землевладѣльцевъ, извозчиковъ, солдатъ и т. д. необходимыми для нихъ живогными; не было недостатка и въ стадахъ свиней и козъ. Но гораздо самостоятельнѣе и гораздо шире было развито овцеводство вслѣдствіе почти всеобщаго обыкновенія носить шерстяныя одежды. Это дѣло велось при помощи рабовъ и въ общихъ чертахъ имѣло сходство съ поле-

вымъ хозяйствомъ, такъ что скотникъ (*magister pecoris*) занималъ тамъ мѣсто эконома. Въ продолженіе всего лѣта пастухи изъ рабовъ жили бѣльшею частію не подъ кровлей, а подъ навѣсами въ загонахъ, на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ ближайшаго человѣческаго жилья; поэтому, по самому роду дѣла, нужно было выбирать самыхъ здоровыхъ и сильныхъ людей, нужно было снабжать ихъ лошадьми и оружіемъ, и нужно было давать имъ болѣе свободы, чѣмъ сельскимъ рабочимъ.

Результаты. Чтобъ до нѣкоторой степени уяснить результаты этого сельскаго хозяйства, необходимо познакомиться съ существовавшими въ ту пору цѣнами на продукты и въ особенности на зерновой хлѣбъ. Онъ были вообще ужасно низки и бѣльшею частію по винѣ римскаго правительства, которое вовлеклось въ этотъ важный вопросъ въ страшныя ошибки не столько вслѣдствіе своей недалководности, сколько вслѣдствіе непростительной привычки баловать столичную чернь на счетъ италійскихъ земледѣльцевъ. Въ этомъ дѣлѣ главную роль играла конкуренція заморскаго хлѣба съ тѣмъ, который производила сама Италія. Хлѣбъ, который римское правительство получало отъ провинціальныхъ жителей частію бесплатно, частію за умѣренное вознагражденіе, оно частію расходовало на мѣстѣ для содержанія римскихъ должностныхъ лицъ и римской арміи, частію уступало откупщикамъ десятиннаго сбора съ тѣмъ, что они уплачивали за него наличныя деньги или же обязывались доставлять его въ опредѣленномъ количествѣ въ Римъ или куда оказывалось нужнымъ. Со времени второй македонской войны, на содержаніе римскихъ армій вообще употреблялся хлѣбъ, привозившійся изъ-за моря, и хотя это было выгодно для римской государственной казны, но этимъ отнимали у италійскихъ земледѣльцевъ важный центръ сбыта продуктовъ. Однако это было еще наименьшимъ изъ золъ. Правительство издавна со внимательной заботливостью слѣдило за цѣнами на хлѣбъ и предотвращало угрожавшую дороговизну своевременной закупкой хлѣба за границей; но съ тѣхъ поръ, какъ римскіе подданные стали ежегодно доставлять ему огромныя массы хлѣба, по всему вѣроятію, превышавшія то количество, какое было нужно въ мирное время, и съ тѣхъ поръ, какъ для него открылась возможность пріобрѣтать иностранный хлѣбъ по умѣренной цѣнѣ почти въ безпредѣльномъ количествѣ, оно переполнило этимъ хлѣбомъ столичныя рынки и стало продавать его по такой низкой цѣнѣ, которая была безцѣнкомъ или сама по себѣ или по меньшей мѣрѣ въ сравненіи съ существовавшими въ Италіи цѣнами. Уже въ 551—554 и, какъ кажется, въ первый разъ по распоряженію Сципіона, въ Римѣ продавали отъ общины гражданамъ прусскій шеффель (шесть модіевъ) испанской и африканской пшеницы за 24 и даже за 12 ассовъ (17—8½ зильбергрош.); черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ

203—200

того (558), болѣе 160.000 шеффелей сицилійскаго хлѣба были распроданы въ столицѣ по этой послѣдней ничтожной цѣнѣ. Тщетно возставалъ Катонъ противъ такой недальновидной политики; въ дѣло вмѣшалась зарождавшаяся демагогія, и такія экстраординарныя, но, по всему вѣроятію очень частыя распродажи хлѣба правительствомъ или кѣмъ либо изъ должностныхъ лицъ ниже рыночной цѣны, сдѣлались зародышемъ позднѣйшихъ хлѣбныхъ законовъ. Но даже тогда, когда заморскій хлѣбъ не доставался потребителямъ этимъ экстраординарнымъ путемъ, онъ все таки вредилъ италійскому земледѣлю. Массы хлѣба, которыя правительство сбывало откупщикамъ десятинныхъ сборовъ, приобрѣтались этими откупщиками, безъ сомнѣнія, за такую низкую цѣну, что при перепродажѣ ихъ уступали ниже мѣстныхъ цѣнъ; эти послѣднія цѣны были, по всему вѣроятію, ниже италійскихъ и въ провинціяхъ, въ особенности въ Сициліи, частію вслѣдствіе благоприятныхъ условій почвы, частію вслѣдствіе сильно тамъ распространившагося обыкновенія заводить крупныя хозяйства и употреблять въ дѣло рабовъ по карфагенской системѣ (стр. 486); но доставка сицилійскаго и сардинскаго хлѣба въ Лациумъ стоила если не дешевле, то никакъ не дороже, чѣмъ доставка туда хлѣба изъ Этрурии, изъ Кампаніи или даже изъ сѣверной Италіи. Поэтому даже при естественномъ ходѣ дѣлъ заморскій хлѣбъ долженъ былъ доставляться на полуостровъ въ огромномъ количествѣ и понижать цѣну мѣстныхъ продуктовъ. При такомъ веденіи хозяйства, которое было сбито съ правильнаго пути невольничьимъ трудомъ, было-бы, какъ кажется, справедливо оградить италійское земледѣліе посредствомъ обложенія заморскаго хлѣба пошлинамъ; но было сдѣлано, какъ кажется, совершенно противное и въ пользу ввоза заморскаго хлѣба въ Италію была введена въ провинціяхъ запретительная система: такъ какъ вывозъ опредѣленнаго количества хлѣба изъ Сициліи былъ дозволенъ Родосцамъ въ видѣ особой милости, то отсюда слѣдуетъ заключить, что изъ провинцій дозволялось безпрепятственно вывозить хлѣбъ только въ Италію и стало быть заморскій хлѣбъ предназначался исключительно для метрополи. Послѣдствія такой системы народнаго хозяйства для насъ очевидны. Такой необычайно урожайный годъ, какъ 504-й— когда въ столицѣ платили за 6 римскихъ модіевъ (= 1 прусск. шеффелю) полбы не болѣе $\frac{3}{4}$ денарія (4 зильберггроша) и за такую-же цѣну продавали 180 римскихъ фунтовъ (около 22 прусскихъ лотовъ) сушеной смоввы, 60 фунтовъ оливковаго масла, 72 фунта мяса и 6 конгивъ (= 17 прусск. кварть) вина, — конечно не можетъ быть принятъ въ расчетъ именно потому, что былъ необычайнымъ годомъ; но болѣе опредѣленные выводы можно сдѣлать изъ другихъ извѣстныхъ намъ фактовъ. Уже во времена Катона Сицилія считалась житницей Рима. Въ урожайные годы отдавали въ

Цѣна на италійскій хлѣбъ.

италійскихъ портахъ сицилійскій и сардинскій хлѣбъ за провозную плату. Въ самыхъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ Италіи, въ теперешней Романьи и въ Ломбардіи, платили во времена Полибія за пищу и за ночлегъ въ гостинницахъ среднимъ размѣромъ по полу-ассу ($\frac{1}{3}$ зильбергроша) въ день; прусскій шеффель пшеницы стоилъ тамъ полденарія ($3\frac{1}{2}$ зильбергр.) Эта послѣдняя средняя цѣна, равняющаяся почти двѣнадцатой долѣ нормальной цѣны *) въ другихъ мѣстахъ, доказываетъ съ неоспоримой очевидностью, что для италійскихъ хлѣбныхъ продуктовъ вовсе не существовало сбыта, а вслѣдствіе того и самый хлѣбъ и земля, которая его производила, утратили почти всякую цѣну. — Такой результатъ могъ-бы считаться полезнымъ или по меньшей мѣрѣ не безусловно вреднымъ въ такомъ большомъ промышленномъ государствѣ, гдѣ населеніе не можетъ прокармливатьсѣ однимъ земледѣіемъ; но въ Италіи промышленность была незначительна, а главную роль играло земледѣіе; поэтому страна систематически разорялась чѣмъ указаннымъ способомъ и общее благосостояніе приносилось самымъ позорнымъ образомъ въ жертву интересамъ ничего не производившаго столичнаго населенія, для котораго хлѣбъ никогда не былъ достаточно дешевъ. Быть можетъ, ни въ чемъ другомъ не обнаруживаются такъ ясно какъ негодность государственныхъ учреждений, такъ и неспособность правительства въ этомъ, такъ называемомъ, золотомъ вѣкѣ республики. Самая плохая система представительнаго правленія привела-бы по меньшей мѣрѣ къ настоятельнымъ жалобамъ и къ старанію доискаться источника зла; но на старинныхъ сходкахъ гражданъ всего

*) Столичной средней цѣной хлѣба, по меньшей мѣрѣ относительно седьмого и восьмого столѣтій отъ основанія Рима, можно считать 1 денарій за римскій модій или $1\frac{1}{3}$ талера за прусскій шеффель пшеницы; въ наше время [по средней цѣнѣ, какая существовала въ провинціяхъ Бранденбургъ и Помераніи отъ 1816 до 1841 г.] такое-же количество пшеницы стоитъ приблизительно 1 тал. 24 зильбергроша. Трудно рѣшить, отчего происходитъ эта не очень значительная разница между римскими цѣнами и нынѣшними—отъ вздорожанія-ли хлѣба или отъ пониженія цѣнности серебра.—Впрочемъ очень сомнительно, чтобы въ Римѣ въ то время или въ болѣе позднюю пору дѣйствительно происходили въ цѣнахъ на хлѣбъ колебанія болѣе сильныя, чѣмъ въ наше время. Конечно мы найдемъ громадную разницу, если сравнимъ вышеприведенныя цѣны въ 4 и въ 7 зильбергр. за прусскій шеффель съ тѣми цѣнами, которыя существовали при вызванной войнами самой страшной дороговизнѣ и въ такую голодную пору, когда,—какъ, напримѣръ во время войны съ Аннбаломъ,—цѣна прусскаго шеффеля поднималась до 99 зильбергр. [1 медимнъ = 15 драхмалъ; Полиб. 9, 44]; во время междоусобной войны она доходила до 198 зилб. [1 модій = 5 денаріямъ; Cic. Verr. 3, 92, 214]; во время страшной дороговизны при Августѣ она доходила даже до 218 грошей [5 модіевъ = $27\frac{1}{2}$ денар. Euseb. Chron. p. Chr. 7 Scal]; но такія чрезмѣрно высокія и чрезмѣрно низкія цѣны представляютъ мало поучительнаго, а при одинаковыхъ условіяхъ могли-бы повториться и въ наше время.

болѣе не любили выслушивать предостереженія дальновидныхъ патриотовъ. Всякое правительство, достойное этого названія, приняло бы нужные мѣры по собственному почину; но сенатское большинство, по видимому, слѣпо вѣрило, что въ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ заключается истинное счастье народа, а Циціоны и Фламиніи были заняты другими болѣе важными дѣлами: они заботились объ освобожденіи Грековъ и блюли надъ республикой съ царскимъ самовластіемъ; поэтому государственный корабль безпрепятственно несся на мель — съ тѣхъ поръ, какъ мелкое землевладѣніе перестало приносить сколько нибудь значительный чистый доходъ, земледѣльческое сословіе было осуждено на неизбѣжную гибель тѣмъ болѣе потому, что и въ его средѣ — хотя и болѣе медленно чѣмъ въ средѣ другихъ сословій — стали мало по малу исчезать строгіе нравы и хозяйственная бережливость первыхъ временъ республики. То былъ уже только вопросъ времени, какъ скоро крупная земельная собственность поглотитъ мелкіе крестьянскіе участки путемъ покупки или добровольной уступки. — Землевладѣльцы были въ состояніи отстаивать свое существованіе долѣе, чѣмъ землепашцы. Они могли вести хозяйство съ меньшими издержками, если не держались старой системы раздавать свои земли мелкимъ арендаторамъ, а сами воздѣлывали свои поля руками своихъ рабовъ; тамъ, гдѣ эта хозяйственная система не была введена ранѣе (стр. 439), къ ней принудила прибѣгнуть конкуренція добывавшагося рабскимъ трудомъ сицилійскаго хлѣба; тогда италійскіе землевладѣльцы также стали воздѣлывать свои земли не съ помощью семейныхъ вольныхъ рабочихъ, а съ помощью неженатыхъ и бездѣтныхъ рабовъ. Кромѣ того, землевладѣлецъ былъ болѣе простаго пахаря способенъ бороться съ своими конкурентами путемъ улучшеній или даже измѣненій въ системѣ обработки, и могъ довольствоваться менѣе значительнымъ доходомъ отъ земли, чѣмъ пахарь, у котораго не было ни капитала ни интеллигенціи и который добывалъ только необходимыя средства для своего существованія. Этимъ объясняется, почему въ римскомъ сельскомъ хозяйствѣ стали сокращать хлѣбопашество и нерѣдко, какъ кажется, стали сѣять хлѣбъ только въ томъ размѣрѣ, какой былъ необходимъ для прокормленія рабочихъ*); этимъ-же объясняется, почему стали болѣе прежняго заниматься производствомъ оливковаго масла и вина, равно какъ скотоводствомъ. Благодаря благоприятнымъ климатическимъ условіямъ, не было основанія опасаться иностранной конкуренціи въ этой хозяйственной сферѣ: италійское вино, италійское оливковое масло и италійская шерсть не только преобладали на внутреннихъ рынкахъ, но скоро сдѣлались предметомъ вывозной торговли; бассейнъ рѣки По, изъ

**Упадокъ
земледѣль-
ческаго
сословія.**

**Разведеніе
оливковъ и
винограда
и скотовод-
ство.**

* Поэтого Катонъ называетъ оба описываемыя имъ измѣненія просто оликовыми плантациями [olive tum] и виноградниками [vine a], хотя тамъ разводились не только виноградъ и оливки, но также хлѣбныя и разныя другія растенія.

котораго не было никакого сбыта для хлѣба, сталъ снабжать половину Италіи своими свиньями и окороками. Съ этими фактами вполне согласно и то, что намъ рассказываютъ объ экономическихъ результатахъ римскаго земледѣльческаго хозяйства. Есть нѣкоторое основаніе полагать, что вложенный въ земледѣліе капиталъ считался приносящимъ хорошій доходъ, если давалъ шесть процентовъ; это, повидимому, соответствуетъ и тогдашнему среднему размѣру доходовъ съ капитала, превышавшему эту цифру вдвое. Скотоводство доставляло въ общемъ итогѣ болѣе выгодъ, чѣмъ полевое хозяйство; въ этомъ послѣднемъ были самыми доходными виноградники, потомъ огороды и масличныя плантаціи; всего менѣе дохода получалось отъ луговъ и отъ пашни *). Для каждаго изъ этихъ видовъ производ-

Если тѣ 800 *sulei* 1), для которыхъ владѣлецъ виноградника долженъ, по совѣту Катона, запасаться бочками [11], представляютъ высшій размѣръ годоваго сбора, то слѣдуетъ полагать, что всѣ 100 моргеновъ засаживались виноградниками,—такъ какъ сборъ винограда на 8 *sulei* съ одного моргена былъ почти неслыханно урожайнымъ [Колум. 3,3]; но Варронъ [1,22] объяснялъ эту цифру [и по всей видимости вполне основательно] тѣмъ, что владѣльцу виноградниковъ иногда приходилось укупоривать новое вино, когда старое еще не было распродано.

1) *Sulei* и — кожаный мѣшокъ или мѣхъ, въ которомъ держали вино, [прим. перев.]

*) Что римскій сельскій хозяинъ получалъ съ своего капитала среднимъ числомъ 6 процентовъ, видно изъ словъ Колумеллы [3, 3, 9]. Болѣе точныя свѣдѣнія о размѣрѣ расходовъ и дохода мы имѣемъ только касательно виноградниковъ, благодаря тому, что Колумелла сдѣлалъ слѣдующій расчетъ расходовъ для одного моргена:

Покупная цѣна земли	1000	сестерцій.
Покупная цѣна рабовъ, необходимыхъ для обработки одного моргена.	1143	„
Лозы и жерди.	2000	„
Потерянные проценты въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ	497	„

Итого. . . 4640 сестерцій = 336 та.

Доходъ онъ опредѣляетъ по меньшей мѣрѣ въ 60 амфору, стоявшихъ по меньшей мѣрѣ 900 сестерцій [65 та.],—что составило-бы доходъ въ 17 процентовъ. Но эта цифра невѣрна въ томъ отношеніи, что авторъ не принялъ въ расчетъ неурожайныхъ годовъ и не вычелъ изъ нея расходовъ на доставку лозъ и уходъ за ними, на ремонтъ жердей и исполненіе убий рабовъ.—Тотъ же сельскій хозяинъ опредѣляетъ валовой доходъ отъ луговъ, пастбищъ и лѣсовъ по большей мѣрѣ въ 100 сестерцій съ моргена, а валовой доходъ съ засѣянныхъ полей былъ, по его словамъ, скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе значителенъ; дѣйствительно, и среднее количество сбора пшеницы съ одного моргена, опредѣляемое въ 25 римскихъ шеффелей, дастъ — по средней столичной цѣнѣ шеффеля въ 1 денарій,—не болѣе 100 сестерцій валоваго дохода, а на самомъ мѣ-

ства, конечно, нужны благоприятныя мѣстныя условія и соответствующія имъ свойства почвы; эти условія складывались такъ, что крестьянское хозяйство должно было мало-по-малу уступать мѣсто крупному хозяйству, а противодѣйствовать этому законодательнымъ путемъ было трудно. Но особенно вредно было то, что изданнымъ незадолго до 536 года Клавдѣевскимъ закономъ (о которомъ будетъ говорено впоследствии) сенаторскимъ семьямъ было запрещено участвовать въ спекуляціяхъ и потому эти семьи были искусственнымъ образомъ принуждены прилагать свои громадныя капиталы къ землѣ, то-есть замѣнять крестьянскія хозяйства своими мызами и пастбищами. Кромѣ того, были и другія особыя обстоятельства, способствовавшія развитію гораздо менѣе полезнаго для государства скотоводства въ ущербъ земледѣлію. Такъ какъ разведеніе скота было единственнымъ способомъ извлекать изъ земли доходъ, дѣйствительно требовавшимъ веденія хозяйства въ широкихъ размѣрахъ и доставлявшимъ достаточное вознагражденіе за трудъ, то оно одно привлекало къ себѣ въ ту пору

стѣ обработки цѣны, конечно, были еще болѣе низки. Варронъ [3, 2] опредѣляетъ обыкновенный хорошій валовой доходъ съ болѣе крупныхъ помѣстій въ 150 сестерцій съ моргена. Мы не имѣемъ соответствующаго этой цифрѣ вычисленія расходовъ, но само собой разумѣется, что въ такомъ хозяйствѣ требовалось гораздо менѣе расходовъ, чѣмъ при разведеніи виноградниковъ.— Впрочемъ, эти данныя были вѣрны черезъ сто и болѣе лѣтъ послѣ смерти Катона. Отъ него самого мы имѣемъ лишь общее указаніе, что скотоводство доходнѣе земледѣлія [у Цицерона *De Off.* 2, 25, 89; Колумелла 6, предисл. 4, сравн. 2, 16, 2; Плиній, *Hist. Nat.* 18, 5, 30; Плутархъ, *Кат.* 21]; это, конечно, еще не значитъ, что повсюду слѣдовало-бы превращать пахатныя поля въ пастбища, а должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что капиталъ, вложенный въ содержаніе стада на горныхъ пастбищахъ и на другихъ годныхъ для скотоводства мѣстахъ, приноситъ болѣе дохода, чѣмъ капиталъ, потраченный на заведеніе полеваго хозяйства на хлѣбородной почвѣ. При этомъ, пожалуй, слѣдуетъ принимать въ соображеніе и то обстоятельство, что недостатокъ энергіи и знаній у землевладѣльцевъ имѣетъ менѣе вредное вліяніе въ пастбищномъ хозяйствѣ, чѣмъ въ требующемъ большаго умственного развитія воздѣлываніи виноградныхъ лозъ и оливокъ. По словамъ Катона, земельный доходъ уменьшается въ слѣдующей постепенности; самый большой доходъ даютъ: 1) виноградники; затѣмъ 2) огороды; 3) ивнякъ, который приносилъ большой доходъ вслѣдствіе разведенія виноградниковъ; 4) оливковыя плантаціи; 5) сѣнокосы; 6) засѣянные хлѣбомъ поля; 7) кустарники; 8) лѣсъ, который шелъ въ рубку; 9) дубнякъ для корма скота; всѣ эти девять статей входятъ и въ планъ веденія хозяйства въ описанныхъ Катонъ образцовыхъ помѣстьяхъ.—О томъ, что винодѣліе давало болѣе чистаго дохода, чѣмъ земледѣліе, свидѣтельствуетъ и слѣдующій фактъ: третейскій приговоръ, постановленный въ 637 году по сиору между Генуей и ея оброчными деревнями, установилъ, что Генуа будетъ получать оброкъ въ размѣрѣ шестой доли съ вина и двадцатой доли съ хлѣбныхъ продуктовъ.

капиталы и возбуждало предприимчивость капиталистовъ. Хотя земледѣльческое хозяйство и не требовало постоянного присутствія владѣльца, но оно требовало его частаго появленія; оно не легко допускало увеличеніе объема помѣстьевъ, а увеличеніе ихъ числа допускало лишь въ ограниченномъ размѣрѣ; напротивъ того, пастбищное помѣстье могло быть расширяемо до безконечности и рѣдко требовало присутствія владѣльца. По этой причинѣ стали обращать въ пастбища даже хорошія пахатныя поля; правда, были изданы (мы не знаемъ, когда именно, — быть можетъ, около того времени) законы, запрещавшіе это дѣлать, но они едва-ли исполнялись. Сюда же слѣдуетъ отнести послѣдствія оккупациі государственныхъ земель. Такъ какъ оккупациа производилась обыкновенно большими участками, то это способствовало развитію крупной земельной собственности; къ тому-же владѣльцы этихъ участковъ воздерживались отъ большихъ затратъ на обработку, такъ какъ ихъ владѣльческія права не были обезпечены закономъ и могли быть во всякое время у нихъ отняты; поэтому они не разводили ни виноградниковъ, ни оливковыхъ деревьевъ, а послѣдствіемъ того было то, что они употребляли эти земли преимущественно подъ пастбища.

Денежное хозяйство.

Римское денежное хозяйство нельзя описать въ такой-же внутренней связи и послѣдовательности частію потому, что до насъ не дошло изъ римской древности специальныхъ сочиненій по этому предмету, частію потому, что хозяйство этого рода гораздо разнообразнѣе и многостороннѣе, чѣмъ воздѣлываніе почвы. То, что мы знаемъ о немъ, принадлежитъ въ своихъ главныхъ чертахъ едва-ли еще не менѣе исключительно Римлянамъ, чѣмъ сельское хозяйство, и скорѣе составляетъ общее достояніе всей древней цивилизациі, такъ какъ въ то время, какъ и теперь, крупные денежные предпріятія натурально повсюду имѣли одинакій характеръ. Система коммерческой спекуляціи въ денежныхъ дѣлахъ, какъ кажется, была впервые установлена Греками, отъ которыхъ ее заимствовали и Римляне. Однако точное примѣненіе этой системы и ширина масштаба были до такой степени чисто-римскими, что въ денежномъ хозяйствѣ болѣе, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, проявляются какъ характеръ римской экономіи, такъ и ея грандіозные размѣры и въ хорошемъ направленіи и въ дурномъ.

Ссуда денегъ.

Исходнымъ пунктомъ римскаго денежнаго хозяйства, натурально, была ссуда денегъ въ займы, и никакой другой отрасли коммерческой предприимчивости Римляне не занимались болѣе усердно, чѣмъ промысломъ ростовщиковъ (*fenegator*) и торговцевъ деньгами или банкировъ (*argentarius*). Уже во времена Катона достигъ полнаго развитія тотъ вѣрный признакъ усовершенствованнаго денежнаго хозяйства, что крупныя денежные дѣла переходили отъ капиталистовъ къ игравшимъ роль посредниковъ банкирамъ, которые

получали и производили уплаты вмѣсто своихъ довѣрителей, помѣщали и занимали вмѣсто нихъ деньги и вели ихъ денежныя дѣла какъ внутри государства, такъ и за границей. Но банкиры не ограничивались тѣмъ, что служили въ Римѣ кассирами для богатыхъ людей; они стали повсюду захватывать въ свои руки мелкія денежныя дѣла и все чаще и чаще стали переѣзжать на постоянное жительство въ провинціи и находившіяся подъ римскимъ протекторатомъ государства. Уже повсюду, гдѣ владычествовалъ Римъ, ссуда денегъ тѣмъ, кто ихъ искалъ, стала обращаться, такъ сказать, въ монополію Римлянъ. — Въ тѣсной связи съ этой сферой дѣятельности **Спенуляція.** находилась неизмѣримо широкая сфера разныхъ денежныхъ спекуляцій. Система веденія дѣлъ черезъ посредниковъ проникла во всѣ римскія дѣловыя сношенія. Государство прежде всѣхъ вступило на этотъ путь, такъ какъ стало отдавать капиталистамъ или товариществамъ капиталистовъ на откупъ за условленную плату всѣ самыя сложныя доходныя статьи, всѣ поставки, повинности и сооружения. И частные люди сдавали по договорамъ все, что можно было сдавать — и постройки и уборку жатвы (стр. 830) и даже расчеты по полученію наслѣдствъ и по ликвидированію конкурсныхъ дѣлъ, при чемъ посредникомъ обыкновенно былъ какой нибудь банкиръ, который получалъ весь активъ и за это обязывался покрыть пассивъ или вполнѣ или въ условленной процентной долѣ, а иногда и съ добавочной приплатой. — Мы въ свое время уже говорили о томъ, какую выдающуюся роль въ римскомъ народномъ хозяйствѣ издавна играла заморская торговля; о болѣе широкомъ ея развитіи въ настоящемъ періодѣ свидѣтельствуетъ возростающее значеніе итальянскихъ портовыхъ пошлинъ въ римскомъ финансовомъ хозяйствѣ (стр. 791). Кромѣ не требующихъ дальнѣйшаго объясненія причинъ, увеличившихъ значеніе заморской торговли, это значеніе было усилено и искусственнымъ образомъ — тѣмъ, что господствовавшая итальянская нація заняла въ провинціяхъ привилегированное положеніе и тѣмъ, что во многихъ государствахъ, поступившихъ подъ римскій протекторатъ, Римляне и Латины были освобождены трактатами отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ. — Напротивъ того, **Промышленность.** промышленность находилась сравнительно въ отсталомъ положеніи. Ремесла, конечно, были необходимы и есть указанія на то, что они до нѣкоторой степени сосредоточивались въ Римѣ, — такъ напримѣръ, Катонъ совѣтовалъ жившему въ Кампаніи сельскому хозяину закупать въ Римѣ все, что ему нужно — одежду и обувь для рабовъ, плуги, бочки и замки. Въ виду того, что шерстяныя матеріи были въ большомъ употребленіи, не подлежитъ сомнѣнію, что фабрикація суконъ имѣла большіе размѣры и была очень доходна *). Но не

*) Промышленная важность римскаго производства суконъ видна уже иль

видно никакихъ попытокъ ни завести въ Италиі такіе-же промыслы, каковыми занимались Египтяне и Сирійцы, ни заниматься этими промыслами заграницей на италійскіе капиталы. Хотя и въ Италиі сѣjali лень и приготавлиали пурпуръ, но по меньшей мѣрѣ этотъ послѣдній промыселъ въ сущности принадлежалъ греческому Таренту, и вообще уже въ ту пору въ Италиі преобладалъ надъ мѣстнымъ производствомъ ввозъ египетскаго холста и милетскаго или тирскаго пурпура. — Съ другой стороны, сюда до нѣкоторой степени относится арендованіе или покупка римскими капиталистами земель внѣ Италиі для заведенія тамъ хлѣбопашества и скотоводства въ широкихъ размѣрахъ. Зачатки этой спекуляціи, вполнѣдствіи принявшей столь громадныя размѣры въ особенности въ Сициліи, должны быть, по всему вѣроятію, отнесены уже къ описываемой нами эпохѣ; если на Сикеліотовъ были наложены ограниченія въ заключеніи дѣловыхъ сдѣлокъ (стр. 541) и не для того, чтобъ освободившимся отъ ихъ владычества римскимъ спекулянтамъ предоставить нѣчто въ родѣ исключительнаго права приобрѣтать земельную собственность, то эта мѣра все таки много содѣйствовала введенію такой монополіи.

Невольничій трудъ.

Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ отрасляхъ промышленности дѣла велись обыкновенно при помощи рабовъ. Ростовщики и банкиры заводили во всей сферѣ своихъ дѣловыхъ сношеній добавочныя конторы и отдѣленія банковъ подъ управленіемъ своихъ рабовъ и вольноотпущенниковъ. Компаніи, бравшія у государства на откупъ портовые пошлины, поручали въ каждой конторѣ сборъ этихъ пошлинъ преимущественно своимъ рабамъ и вольноотпущенникамъ. Кто бралъ подрядъ по постройкамъ, тотъ покупалъ свѣдущихъ въ строительномъ дѣлѣ рабовъ; кто брался по заказу устраивать сценическія представленія или бои гладиаторовъ, тотъ покупалъ опытную въ театральномъ искусствѣ или выдрессированную для гладиаторскихъ боевъ труппу невольниковъ или же самъ обучалъ невольниковъ этому ремеслу. Торговцу доставлялись товары на его собственныхъ корабляхъ, управляемыхъ его рабами или вольноотпущенниками, которыхъ онъ потомъ употреблялъ на веденіе оптовой или розничной торговли. Едва-ли нужно къ этому присовокуплять, что работы и на фабрикахъ производились только руками рабовъ. Положеніе этихъ рабовъ, конечно, было незавидное и вообще было хуже, чѣмъ положеніе греческихъ рабовъ; тѣмъ не менѣе за исключеніемъ названныхъ нами послѣднихъ разрядовъ рабства, положеніе невольниковъ, занимавшихся промыслами, было болѣе сносно, чѣмъ положеніе тѣхъ, которые употреблялись для полеваго хозяйства. Имъ чаще удавалось

того, что въ римской комедіи играли выдающуюся роль валяльщики. О доходности сукновалень свидѣтельствуетъ Катонъ [у Плутарха *Кат.* 21].

заводиться семействами и фактически самостоятельным хозяйством; имъ было легче приобрести свободу и собственность. Въ положеніи этого рода и заключался настоящій разсадникъ тѣхъ выскочекъ изъ рабскаго сословія, которые благодаря своимъ холопскимъ добродѣтелямъ и нерѣдко также холопскимъ порокамъ пролагали себѣ дорогу въ ряды римскаго гражданства и нерѣдко достигали большаго достатка, а въ отношеніяхъ нравственномъ, экономическомъ и политическомъ содѣйствовали паденію римской республики по меньшей мѣрѣ столько же, сколько и сами рабы.

Римскіе торговые обороты этой эпохи стоятъ совершенно на одномъ уровнѣ съ тогдашнимъ развитіемъ политическаго могущества и въ своемъ родѣ не менѣе грандіозны. Кто желаетъ получить наглядное понятіе объ оживленности римскихъ сношеній съ чужими краями, тому нужно только заглянуть въ литературу того времени и въ особенности въ комедіи, въ которыхъ финикійскій торговецъ выводится на сцену съ финикійскою рѣчью, а діалогъ кишитъ греческими и полугреческими словами и выраженіями. Но всего яснѣе видны объемъ и энергія римской торговой предприимчивости въ монетной и въ денежной системѣ. Римскій денарій не отстаетъ ни на шагъ отъ римскихъ легионовъ. Ранѣе уже было замѣчено (стр. 541), что монетные дворы въ Сициліи (всего позже въ 542 году въ Сиракузахъ) или были совершенно закрыты вслѣдствіе завоеванія острова Римлянами, или должны были ограничиться чеканкой мелкой монеты, и что какъ въ Сициліи такъ и въ Сардиніи денарій былъ легально введенъ въ обращеніе по меньшей мѣрѣ на ряду съ болѣе старой серебряной монетой и вѣроятно очень скоро сдѣлался единственной легальной монетой. Также быстро, если не быстрѣе, проникли римскія серебряныя монеты въ Испанію, гдѣ находились большіе серебряныя рудники и гдѣ почти вовсе не было болѣе старой мѣстной монеты; испанскіе города даже очень рано стали чеканить монеты по римскому образцу (673). Такъ какъ Кароагенъ чеканилъ монеты въ очень ограниченномъ количествѣ (стр. 497), то можно полагать, что кромѣ римскихъ монетныхъ дворовъ не было ни одного значительнаго монетнаго двора во всей западной окраинѣ Средиземнаго моря; исключеніе составляютъ монетные дворы въ Массалии и, быть, можетъ также у иллирійскихъ Грековъ въ Аполлоніи и въ Диррахіи. Когда Римляне стали утверждать свое владычество въ бассейнахъ рѣки По, эти монетные дворы были подчинены около 525 года правиламъ римской чеканки такимъ способомъ, что хотя имъ и было дозволено попрежнему чеканить серебряную монету, но всѣ они, и въ особенности массалиотскіе, уже должны были соразмѣрять всѣ своей драхмы съ вѣсомъ римскаго трехчетвертнаго денарія, который и римское правительство стало съ своей стороны чеканить для верхней Италіи подъ названіемъ *victoriatu*s — побѣдной монеты.

Размѣры
римскихъ
торговыхъ
сношеній.

Монетная и
денежная
система

212

229

Не только эта новая система, находившаяся въ зависимости отъ римской, сдѣлалась господствующей у Массалитовъ, въ верхней Италиіи и въ Иллиріи, но эти монеты стали проникать и въ сѣверныя варварскія страны—массалитскія въ приальпійскія страны вверхъ по всему бассейну Роны, а иллирійскія даже въ теперешнюю Трансильванію. На восточную половину области Средиземнаго моря еще не распространялись въ эту эпоху ни римское владычество ни римская монетная система; поэтому тамъ былъ въ употребленіи естественный посредникъ международныхъ и заморскихъ сношеній — золото. Хотя римское правительство, не отступавшее отъ своихъ строго-консервативныхъ принциповъ, неизмѣнно держалось правила чеканить кромѣ италійской мѣдной монеты только серебряную (временнымъ исключеніемъ изъ этого правила была чеканка золотой монеты, вызванная финансовыми затрудненіями во время войны съ Аннибаломъ, стр. 641), но торговыя сношенія уже приняли такіе размѣры, что можно было обходиться и безъ монеты, употребляя вмѣсто нея золото на вѣсъ. Изъ звонкой монеты, находившейся въ 597 году на лицо въ римской государственной казнѣ, едва шестая часть состояла изъ чеканнаго или нечеканнаго серебра, а пять шестыхъ состояли изъ золота въ слиткахъ *) и безъ сомнѣнія, почти въ такой-же пропорціи находились благородные металлы въ кассахъ крупныхъ римскихъ капиталистовъ. Стало быть золото уже играло въ то время главную роль въ крупныхъ предпріятіяхъ, а отсюда слѣдуетъ заключить, что самыя оживленныя торговыя сношенія велись съ иностранными государствами и въ особенности съ востокомъ, гдѣ со временъ Филиппа и Александра Великаго вошла въ употребленіе золотая монета.

157

Римское богатство

Вся прибыль отъ этой громадной коммерческой дѣятельности римскихъ капиталистовъ рано или поздно стекалась въ Римъ: хотя эти капиталисты иногда переѣзжали и за-границу, но они рѣдко оставались тамъ на постоянное жительство, а рано или поздно переселялись въ Римъ, или реализируя свои барыши и пуская ихъ въ оборотъ въ Италиіи, или же продолжая начатое дѣло изъ Рима при помощи нажитыхъ капиталовъ и пріобрѣтенныхъ связей. Поэтому денежное преобладаніе Рима надъ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ было такое-же рѣшительное, какъ и его преобладаніе политическое и военное. Римъ занималъ въ этой сферѣ такое-же положеніе относительно другихъ странъ, какое занимаетъ въ настоящее время Англія относительно европейскаго континента, — вѣдь говорилъ же одинъ Грекъ о младшемъ Сципіонѣ Африканскомъ, что онъ не-

*) Въ кассѣ лежало 17,410 римскихъ фунтовъ золота, 22,070 фунтовъ нечеканнаго серебра и 18230 фунтовъ чеканнаго. Легальное отношеніе золота къ серебру было такое: 1 фунтъ золота равнялся 4000 сестерціямъ, или 1: 11. 91.

достаточно богатъ «для Римлянина». О томъ, что разумѣли въ тогдашнемъ Римѣ подъ словомъ богатство; можно составить себѣ приблизительное понятіе по слѣдующимъ фактамъ: Луцій Павелъ, у котораго было состояніе въ 100,000 талеровъ (60 талант.), не считался богатымъ сенаторомъ, а придаею въ 90.000 талеровъ (50 талант.), которое было дано за каждую изъ дочерей Сципіона Африканскаго Старшаго, считалось только что приличнымъ для дѣвушки изъ знатнаго семейства, между тѣмъ какъ состояніе самаго богатаго Грека въ томъ столѣтіи не превышало полу-милліона талеровъ (300 талантовъ).

Поэтому неудивительно, что коммерческій духъ охватилъ всю націю. **Духъ купечества.** или вѣрнѣе, что стремленіе къ приобрѣтенію капиталовъ, которое впрочемъ не было въ Римѣ новостью, проникло теперь во всѣ сферы дѣятельности и сдѣлалось цѣлю для всѣхъ, какое бы они ни занимали общественное положеніе, такъ что и земледѣліе и государственное управленіе стали превращаться въ спекуляціи, предпринимаемыя капиталистами. Сохраненіе и увеличеніе своего состоянія вошло въ число требованій и общественной и домашней нравственности. «Вдовья доля наслѣдства, пожалуй, и можетъ уменьшаться», — писалъ Катонъ въ составленномъ для своего сына житейскомъ катихизисѣ, — «но мужчины должны увеличивать свое состояніе; только тѣ изъ нихъ достойны похвалы и преисполнены божественнаго духа, послѣ смерти которыхъ оказывается изъ ихъ счетныхъ книгъ, что они нажили болѣе того, что получили по наслѣдству». Поэтому, когда дѣло шло объ уплатѣ за оказанныя услуги, считались обязательными и тѣ сдѣлки, которыя заключались безъ всякихъ формальностей, и если не по закону, то въ силу торговыхъ и судебныхъ обычаевъ обремененному предоставлялось право иска *); но необлеченное ни въ какую форму обѣщаніе дара не имѣло силы ни по юридической теоріи ни на практикѣ. «Въ Римѣ», — говоритъ Полибій, — «никто никому ничего не даритъ, если къ тому необязанъ, и никто не уплачиваетъ ни копѣйки ранѣе срока даже между близкими родственниками». Даже законодательство примѣнялось къ этой купеческой морали, усматривавшей мотовство во всякой выдачѣ денегъ, которая ничѣмъ не оплачивается; раздача подарковъ, отказы по завѣщаніямъ и принятіе на себя поручительствъ были въ ту пору ограничены постановленіемъ гражданства, а наслѣдства, — если они не доставались ближайшимъ родственникамъ, — были по меньшей мѣрѣ обложены пошлиной. Въ самой тѣсной связи съ этими явленіями находится и тотъ фактъ, что вся жизнь Римлянъ носила на себѣ отпечатокъ купеческой акуратности, честности и уважи-

*) На этомъ основано право иска по договорамъ о куплѣ, о наймѣ и о товариществѣ, и вообще все ученіе о правѣ иска по необлеченнымъ ни въ какую форму договорамъ.

тельности. На всякомъ порядочномъ человѣкѣ лежала нравственная обязанность вести приходо-расходныя книги, такъ что во всякомъ благоустроенномъ домѣ была особая счетная комната (*tablinum*), и всякій заботился о томъ, чтобъ ему не пришлось разстаться съ здѣшнимъ міромъ, не оставивъ послѣ себя завѣщанія; въ числѣ трехъ ошибокъ, которыя Катонъ ставилъ себѣ въ упрекъ въ теченіе своей жизни, была и та, что онъ прожилъ одинъ день безъ завѣщанія. Римскій обычай признавалъ за этими домашними счетными книгами силу судебныхъ доказательствъ въ родѣ той, какую имѣютъ у насъ купеческія книги. Слово ничѣмъ неопорочившагося человѣка имѣло силу доказательствъ не только въ пользу противной стороны, но и въ его собственную пользу; споры между честными людьми всего чаще разрѣшались тѣмъ, что одна сторона требовала присяги, а другая приносила присягу, послѣ чего дѣло считалось даже легально оконченнымъ; традиціонный обычай предписывалъ присяжнымъ судьямъ, въ случаѣ отсутствія доказательствъ, постановлять рѣшеніе въ пользу неспороченнаго человѣка въ ущербъ опороченному и только въ томъ случаѣ, когда обѣ стороны пользовались одинаково хорошей репутаціей, постановлять рѣшеніе въ пользу отвѣтника *). Условное понятіе о личныхъ правахъ на полное довѣріе выражается все болѣе и болѣе ярко въ томъ житейскомъ правилѣ, что порядочный человѣкъ не долженъ брать никакой платы за свои личные услуги. Поэтому, не только должностныя лица, офицеры, присяжные, опекуны и вообще всѣ порядочные люди, на которыхъ возлагались какія-либо общественныя обязанности, не получали за свои услуги никакого вознагражденія кромѣ возврата затраченныхъ ими денегъ, но подъ такое же общее правило подводились тѣ услуги, которыя взаимно оказываются между друзьями (*amici*), какъ-то: поручительство, заступничество въ веденіи тяжбъ, приемъ на храненіе (*depositum*), отдача въ пользованіе предметовъ, не предназначенныхъ къ отдачѣ въ наймы (*commodatum*) и вообще завѣдываніе и управленіе дѣлами по порученію (*procuratio*); брать въ этихъ случаяхъ вознагражденіе считалось неприличнымъ. и даже если оно было обѣщано, его не дозволялось взыскивать судомъ. До какой степени купеческіе нравы пронишли во всѣ сферы римской жизни, всего яснѣе видно изъ того факта, что дуэль, и

*) Главнымъ на это указаніемъ служить отрывокъ Катона у Геллія 14, 2. II относительно такъ-называемыхъ письменныхъ обязательствъ, то-есть высканій, основанныхъ на внесеніи долга въ счетную книгу залогодавца, служить объясненіемъ такое легальное признаніе личной добросовѣстности одной изъ сторонъ даже въ томъ случаѣ, если она даетъ показаніе въ своемъ собственномъ интересѣ; оттого-то, когда впоследствии исчезла изъ римскихъ нравовъ такая купеческая добросовѣстность, и письменныя обязательства, не будучи формально отменены, исчезли сами собой.

даже дуэль изъ-за политическихъ мотивовъ, была въ ту пору замѣнена споромъ объ закладъ и веденіемъ процесса. Вопросы, касающіеся личной чести, обыкновенно разрѣшались слѣдующимъ образомъ: обидчикъ и обиженный бились объ закладъ касательно справедливости или несправедливости оскорбительнаго обвиненія и фактическая сторона дѣла разсматривалась присяжными съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ вслѣдствіе предъявленія иска о присужденіи суммы заклада. Какъ въ наше время вызовъ на поединокъ, такъ и принятіе пари, предложеннаго обиженнымъ или обидчикомъ, не было легально обязательно, но по тогдашнимъ понятіямъ о чести отъ него перѣдко не было возможности уклониться. — Необычайное развитіе ассоціацій было однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій такого преобладанія купеческихъ правовъ, которое должно казаться непонятнымъ для всякаго незаписнаго дѣльца. Оно усилилось въ Римѣ въ особенности вслѣдствіе уже неоднократно упомянутой нами правительственной системы вести всѣ дѣла черезъ посредниковъ: въ виду обширности этихъ дѣлъ и съ цѣлію имѣть болѣе надежныя обезпеченія, правительство стало сдавать откупа и поставки не отдѣльнымъ капиталистамъ, а компаніямъ капиталистовъ. По образцу этихъ предпріятій организовалась и вся крупная спекуляція. Даже есть указанія на то, что и у Римлянъ бывали случаи столь характеристическихъ въ сферѣ ассоціацій стачекъ между соперничавшими компаніями съ цѣлію устанавливать монопольныя цѣны *). Въ особенности въ заморскихъ и въ другихъ связанныхъ съ значительнымъ рискомъ предпріятіяхъ система ассоціацій получила такое широкое примѣненіе, что на практикѣ замѣняла незнакомое древнему міру страхование. Самымъ обыкновеннымъ дѣломъ была такъ-называемая мореходная ссуда или теперешній заемъ денегъ подъ залогъ корабля; этимъ способомъ опасности и прибыли заморской торговли распределялись пропорціально между владѣльцами корабля и груза и всѣми капиталистами, участвовавшими въ предпріятіи своимъ кредитомъ. Но у Римлянъ считалось за общее экономическое правило, что лучше участвовать небольшими долями въ нѣсколькихъ

---

*) Въ замѣчательномъ образцовомъ контрактѣ Катона [144] на отдачу съ подряда уборки маслинъ находится слѣдующій параграфъ: „Никто [изъ желающихъ взять подрядъ съ торговъ] не долженъ отступаться съ цѣлію принудить къ отдачѣ уборки и выжимки маслинъ по болѣе дорогой цѣнѣ, — кромѣ тѣхъ случаевъ, когда одинъ изъ торгующихся объявитъ другому своимъ компаньономъ. Если-же это окажется невыполненнымъ, то по требованію владѣльца или пріетавленнаго имъ надсмотрщика всѣ компаньоны [той ассоціаціи, съ которою былъ заключенъ контрактъ] присягають [въ томъ, что не содѣйствовали къ тому устраненію конкуренціи]. Если они не принесутъ присяги, то подрядная цѣна не уплачивается“. Здѣсь подразумѣвается, что предприниматель—компанія, а не какой-нибудь одинъ капиталистъ.

спекуляціяхъ, чѣмъ предпринимать самостоятельныя спекуляціи на свой личный счетъ. Катонъ совѣтовалъ капиталистамъ не снаряжать на свой счетъ особый корабль, а вмѣстѣ съ сорока девятью капиталистами отправлять въ море пятьдесятъ кораблей и имѣть въ каждомъ изъ нихъ пятидесятую долю. Пристекавшія отсюда усложненія въ веденіи торговыхъ дѣлъ римскій купецъ преодолевалъ своей аккуратностью, своимъ трудолюбіемъ и тѣмъ, что велъ дѣла черезъ посредство рабовъ и вольноотпущенниковъ, — а для интересовъ капиталистовъ такая система была гораздо выгоднѣе, чѣмъ теперешняя конторская система. Такимъ образомъ, эти купеческія ассоціаціи связывались тысячами нитей съ денежными дѣлами каждаго знатнаго Римлянина. По свидѣтельству Полибія, едва-ли можно было указать хоть одного зажиточнаго человѣка, который не былъ бы гласнымъ или негласнымъ соучастникомъ въ государственныхъ откупахъ; тѣмъ болѣе не подлежитъ сомнѣнію, что у каждаго изъ такихъ людей значительная часть капитала была помѣщена въ купеческихъ ассоціаціяхъ. — Все это было причиной той прочности большихъ римскихъ состояній, которое едва-ли не еще болѣе замѣчательно, чѣмъ ихъ размѣры. Этими-же въ нѣкоторомъ отношеніи узкими, но въ сущности солидными принципами купеческаго управленія своимъ состояніемъ объясняется то упомянутое нами ранѣе (стр. 788) и едва-ли не единственное въ своемъ родѣ явленіе, что составъ знатныхъ родовъ оставался безъ измѣненій въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Денежная аристократія.

При такомъ одностороннемъ важномъ значеніи капиталовъ въ римскомъ хозяйствѣ былъ неизбѣженъ и тотъ вредъ, который неизбѣжно пристекаетъ изъ чисто-денежнаго хозяйства. — Гражданскому равенству уже нанесло смертельную рану возникновеніе господствующаго сословія знати; ему нанесло такой-же тяжелый ударъ все болѣе и болѣе рѣзко обозначавшееся социальное разграниченіе между богатыми и бѣдными. Ничто не способствовало этому разграниченію въ направленіи сверху внизъ такъ сильно, какъ ранѣе упомянутое нами житейское правило, что постыдно получать за свой трудъ деньги, — правило, которое съ виду не имѣетъ большаго значенія, но въ которомъ на самомъ дѣлѣ кроется высокомеріе и наглость капиталистовъ, превышающія всякую мѣру; этимъ путемъ воздвигалась преграда не только между простымъ поденщикомъ или ремесленникомъ и почтеннымъ помѣщикомъ или фабрикантомъ, но также между солдатомъ или субальтернъ-офицеромъ и военнымъ трибуномъ, между писцомъ или разсылнымъ и должностнымъ лицомъ. Въ направленіи снизу вверхъ такую-же преграду воздвигалъ изданный по почину Гаяя Фламинія, Клавдіевскій законъ (не задолго до 536 года), который запрещалъ сенаторамъ и сенаторскимъ сыновьямъ держать мореходныя суда иначе какъ для перевозки ихъ сель-

«скихъ произведеній и, по всему вѣроятію, также запрещалъ имъ принимать участіе въ казенныхъ подрядахъ и вообще не дозволялъ имъ заниматься всѣмъ тѣмъ, что разумѣлось у Римлянъ подъ словомъ «спекуляція» (*qu aestus* *). Впрочемъ эти постановленія не были вызваны сенаторами, а были дѣломъ демократической оппозиціи, которая желала только устранить то злоупотребленіе, что члены правительства сами вступали съ нимъ въ сдѣлки; нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что въ этомъ случаѣ — какъ это очень часто случалось въ болѣе позднюю пору, — капиталисты дѣйствовали за-одно съ демократической партіей и воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобъ путемъ исключенія сенаторовъ уменьшить число своихъ конкурентовъ. Первая изъ этихъ цѣлей была достигнута, понятнымъ образомъ, далеко не вполне, такъ какъ система ассоціацій открывала сенаторамъ не мало тайныхъ путей для негласнаго участія въ спекуляціяхъ; тѣмъ не менѣе это народное постановленіе провело легальную грань между знатью, занимавшея спекуляціями, и той, которая ими вовсе не занималась или не занималась открыто; такимъ образомъ на ряду съ прежней преимущественно-политической аристократіей оно создало чисто-финансовую аристократію, которая впоследствии носила названіе всадническаго сословія и наполнила всю исторію слѣдующаго столѣтія своимъ соперничествомъ съ господствовавшимъ сословіемъ.

Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ односторонняго преобладанія капита-
ловъ было чрезмѣрное развитіе именно такихъ отраслей промышленности, которыя были самыми безплодными и вообще всѣхъ менѣе
плодны. Та промышленность, которой слѣдовало-бы играть первую роль, играла напротивъ того послѣднюю. Торговля процвѣтала, но она была чисто-пассивной. Даже на сѣверной границѣ Римляне, какъ кажется, не были въ состояніи уплачивать своими товарами за рабовъ, которые массами приводились въ Арминію и на другіе сѣверо-италійскіе рынки изъ кельтскихъ и даже изъ германскихъ странъ; по крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что въ 523 году римское правительство запретило вывозить серебряную монету въ кельтскія страны. Въ торговыхъ сношеніяхъ съ Греціей, съ Сиріей, съ Египтомъ, съ Киреной, съ Карфагеномъ торговый балансъ, конечно, былъ не въ пользу Итали. Римъ уже начиналъ превращаться въ столицу средиземныхъ

231

*) Ливій, 21, 63 [сравни *Cic. Ver g.* 5, 18, 45] говорятъ только объ узаконеніи, касающемся мореходныхъ судовъ; но что сенаторамъ было воспрещено и участіе въ казенныхъ подрядахъ [*redemptiones*], говорятъ Асконій *in or. in toga can d.* стр. 91 Orell. и Діонъ 55, 10, 5; а такъ какъ, по словамъ Ливія, «всякая спекуляція считалась неприличной для сенатора», то слѣдуетъ полагать, что Клавдіевскій законъ имѣлъ болѣе широкую цѣль.

государствѣ, а Италия—въ городской округъ Рима; Римляне и не желали быть чѣмъ-либо другимъ и съ равнодушіемъ богачей довольствовались такою пассивной торговлей, какую обыкновенно ведетъ всякій городъ, который не болѣе какъ столица,—вѣдь у нихъ было достаточно денегъ, чтобъ покупать и всё, что было нужно, и всё, въ чемъ не было никакой надобности. Съ другой стороны, самыя непродуманныя изъ всѣхъ отраслей спекуляціи—торговля деньгами и откупъ податныхъ сборовъ были настоящими опорами и твердынями римскаго хозяйства. Наконецъ, всё существовавшія въ этомъ хозяйствѣ задатки для образованія достаточнаго средняго сословія и достаточнаго низшаго сословія заглохли подъ пагубнымъ вліяніемъ невольничьяго труда и въ лучшемъ случаѣ способствовали размноженію вреднаго класса вольноотпущенниковъ.

Капита-
листы и об-
щественное
мнѣніе.

Но всего хуже было то, что присущая всякому чисто-денежному хозяйству глубокая безнравственность разъѣдала сердцевицу и общественаго устройства и замѣняла безусловнымъ эгоизмомъ и челоуѣколюбіе и любовь къ отечеству. Лучшіе люди ясно сознавали, какія сѣмена погибели сѣялись этой погоней за денежными спекуляціями; а главнымъ предметомъ инстинктивной ненависти народной толпы и отвращенія здравомыслившихъ государственныхъ людей былъ промыселъ ростовщиковъ, который уже давно пресѣдовался закономъ и по его буквѣ все еще считался запрещеннымъ подъ страхомъ наказанія. Въ одной изъ комедій того времени говорится: «Я ставлю васъ, лихоимцы, совершенно наравнѣ съ сводниками; тѣ ведутъ свою позорную торговлю втайнѣ, а вы ведете ее на публичной площади. Тѣ обираютъ людей соблазнами, а вы—процентами. Гражданство уже не мало издавало противъ васъ законовъ; но вы нарушали ихъ лишь только они издавались; вы всегда находили какую нибудь лазейку».

Еще съ болѣею энергіей, чѣмъ сочинитель этой комедіи, выражался вождь партіи реформы, Катонъ. Въ предисловіи къ его трактату о земледѣліи мы читаемъ: «Можно многое сказать въ защиту ссуды денегъ за проценты, но это нечестное занятіе. Наши предки установили и написали въ законахъ, что воръ обязанъ вернуть имъ присвоенное вдвойнѣ, а ростовщикъ вчетверо; отсюда видно, насколько они считали ростовщика болѣе дурнымъ гражданиномъ, чѣмъ вора». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что разница между ростовщикомъ и убійцею невелика, и нельзя не отдать ему справедливости въ томъ, что въ своемъ образѣ дѣйствій онъ не отставалъ отъ того, что говорилъ,—такъ напримѣръ, въ бытность намѣстникомъ Сардиніи, онъ своими строгими мѣрами почти совершенно выжилъ оттуда римскихъ банкировъ. Большинство господствовавшаго сословія относилось неблагосклонно къ дѣятельности спекуляторовъ и не только вело себя въ провинціяхъ добросовѣстнѣе и честнѣе этихъ финан-

систовъ, но даже нерѣдко принимало мѣры къ ихъ обузданію; но частая смѣна высшихъ должностныхъ лицъ и необходимая при этомъ непоследовательность въ примѣненіи законодательныхъ мѣръ препятствовали успѣху ихъ стараній противодействовать этому злу. Римляне, конечно, понимали, да имъ и не трудно было понять, что главное дѣло заключалось не въ томъ, чтобъ держать спекуляцію подъ полицейскимъ надзоромъ, а въ томъ, чтобъ дать всему народному хозяйству иное направленіе; такіе люди, какъ Катонъ, именно съ этой цѣлю поощряли Римлянъ и своими поученіями и своимъ собственнымъ примѣромъ заниматься земледѣліемъ. Въ упомянутомъ ранѣе введеніи Катонъ говоритъ: «когда наши предки произносили похвальную рѣчь въ честь достойнаго человѣка, они превозносили его, какъ хорошаго пахаря и хорошаго сельскаго хозяина, и это считалось высшей похвалой. Торговцевъ я считаю людьми дѣльными и предприимчивыми, но ихъ дѣятельность слишкомъ часто подвергается опасностямъ и неудачамъ. Съ другой стороны, самые храбрые люди и самые хорошіе солдаты выходятъ изъ среды земледѣльцевъ; нѣтъ другаго промысла столь-же почтеннаго, столь-же благонадежнаго и ни въ комъ не возбуждающаго ненависти, а тѣ, которые имъ занимаются, всѣхъ рѣже наводятся на дурныя мысли». О себѣ самомъ Катонъ обыкновенно говаривалъ, что его состояніе происходитъ отъ двухъ способовъ приобрѣтенія — отъ земледѣлія и отъ бережливости, и хотя его слова нельзя признать ни строгологичными, ни вполне согласными съ истиной*), все таки и его современники и потомство не безъ основанія считали его за образецъ римскаго землевладѣльца. Къ сожалѣнію для насъ очевидна столько-же достойная вниманія, сколько прискорбная истина, что сельское хозяйство, которое такъ часто и съ такой увѣренностью вполне добросовѣстно превозносилось какъ цѣлебное средство, было само пропитано ядомъ финансовыхъ спекуляцій. Относительно пастбищнаго хозяйства эта истина сама собой бросается въ глаза; отъ того-то въ публикѣ оно пользовалось особымъ предпочтеніемъ, а у приверженцевъ партіи нравственной реформы оно было на самомъ

Вліяніе денежнаго хозяйства на земледѣліе.

---

*) Подобно всѣмъ Римлянамъ, Катонъ помѣщалъ часть своего состоянія въ скотоводствѣ, въ торговыхъ и въ иныхъ предпріятіяхъ. Но не въ его характерѣ было прямо нарушать законы; поэтому онъ не занимался спекуляціями по государственнымъ откупамъ, такъ какъ законъ это воспрещалъ ему, какъ сенатору, — и не занимался ссудными дѣлами. Относительно этого послѣдняго рода спекуляцій, Катона неосновательно упрекаютъ за то, что онъ на практикѣ уклонялся отъ своей теоріи: въ ссудахъ подъ залогъ мореходныхъ судовъ онъ бесспорно принималъ участіе, но это не было запрещеннымъ законами помѣщеніемъ денегъ за проценты и въ сущности принадлежало къ числу предпріятій по нагрузкѣ и перевозкѣ чужихъ товаровъ.

дурнонь счету. Но въ какомъ-же положеніи находилось само земледѣліе? Съ третьяго до пятаго столѣтія отъ основанія Рима капиталъ велъ войну противъ труда, отнимая у трудящихся пахарей земельный доходъ въ формѣ процентовъ за долги и передавая его въ руки капиталистовъ, которые истрачивали его въ праздности; эта борьба смягчилась главнымъ образомъ благодаря расширенію римскаго хозяйства и благодаря тому, что находившіеся въ Лаціумѣ капиталы стали употребляться на спекуляціи во всей области Средиземнаго моря. Теперь и эта широкая сфера дѣятельности стала оказываться недостаточной для возростающей массы капиталовъ, а безразсудное законодательство въ то же время старалось съ одной стороны принуждать искусственными мѣрами сенаторовъ къ помѣщенію ихъ капиталовъ въ италійской земельной собственности, и съ другой стороны систематически обезцѣнивать италійскія пахатныя земли посредствомъ пониженія хлѣбныхъ цѣвъ. Такимъ образомъ началась вторичная борьба капитала противъ вольнаго труда или—что въ древности было одно и то-же—противъ крестьянскаго хозяйства, и какъ ни была первая борьба жестока, она по сравненію со второй кажется мягкой и человѣколюбивой. Капиталисты перестали ссужать земледѣльцевъ деньгами за проценты—это было само по себѣ неудобно-исполнимо, потому что мелкіе землевладѣльцы уже не получали сколько нибудь значительныхъ чистыхъ доходовъ, и сверхъ того это не было достаточно несложно и достаточно радикально; они стали скупать мелкіе земельные участки и въ лучшемъ случаѣ заводили тамъ хутора съ невольничьимъ хозяйствомъ. Это также называли земледѣліемъ, а въ дѣйствительности это было примѣненіемъ денежнаго хозяйства къ производству земныхъ продуктовъ. Характеристика землепашцевъ у Катона превосходна и вполне вѣрна; но какъ-же согласовать ее съ тѣмъ самымъ хозяйствомъ, которое онъ описываетъ и совѣтуетъ принять за образецъ? Когда одинъ римскій сенаторъ,—какъ это могло нерѣдко случаться,—владелъ четырьмя такими помѣстьями, какія описаны у Катона, то оказывалось, что на пространствѣ, которое при существованіи стариннаго мелкаго землевладѣнія прокармливало отъ ста до ста пятидесяти крестьянскихъ семействъ, теперь жило только одно семейство свободныхъ людей и около пятидесяти болѣею частью неженатыхъ рабовъ. Если это, дѣйствительно, было цѣлебное средство для улучшенія приходившаго въ упадокъ народнаго хозяйства, то слѣдуетъ созваться, что его, къ сожалѣнію, можно было принять за самую болѣзнь.

Развитіе Италіи.

Общій результатъ этого хозяйства слишкомъ ясно видѣнъ по измѣнившимся размѣрамъ народонаселенія. Правда, положеніе италійскихъ странъ было очень неодинаково и мѣстами было даже хорошо. Участки мелкихъ пахарей, заведенные въ значительномъ числѣ въ

странахъ между Апеннинами и По, во время ихъ колонизаціи, исчезли не такъ скоро. Полибій, объѣзжавшій эти страны вскорѣ послѣ окончанія этого періода, хвалитъ ихъ многочисленное, красивое и сильное населеніе; при хорошихъ хлѣбныхъ законахъ можно бы было сдѣлать житницей Рима область По въ замѣнъ Сициліи. Точно также Пиценскій округъ и такъ называемое «галльское поле» приобрѣли— вслѣдствіе предписанной Фламиніевскимъ закономъ 522 года раздачи государственныхъ земель—многочисленное земледѣльческое населеніе, которое, впрочемъ, значительно уменьшилось во время войны съ Аннибаломъ. Въ Этруріи и пожалуй также въ Умбріи внутреннее положеніе подвластныхъ общинъ было неблагоприятно для процвѣтанія свободнаго крестьянскаго сословія. Въ лучшемъ положеніи находились: Лаціумъ, у котораго нельзя было совершенно отнять выгоды столичнаго рынка и который вообще немного пострадалъ отъ войны съ Аннибаломъ, равно какъ замкнутыя горныя долины Марсовъ и Сабелловъ. Напротивъ того, южная Италия сильно пострадала отъ войны съ Аннибаломъ; тамъ были совершенно раззорены, кромѣ множества менѣе значительныхъ поселеній, оба главныхъ города—Капуа и Тарентъ, изъ которыхъ каждый когда-то былъ въ состояніи выводить въ поле 30-ти-тысячную армію. Самній оправился отъ тяжелыхъ войнъ пятого столѣтія; по переписи, произведенной въ 529 году, онъ могъ выставить половинное число тѣхъ годныхъ къ военной службѣ людей, которые доставлялись отъ всѣхъ латинскихъ городовъ, вмѣстѣ взятыхъ; въ ту пору онъ, по всему вѣроятію, былъ послѣ римскаго гражданскаго округа самымъ цвѣтущимъ краемъ на всемъ полуостровѣ. Но Аннибаловская война снова опустошила эту страну, а раздача пахатныхъ участковъ солдатамъ Сципионовской арміи хотя и производилась тамъ въ значительныхъ размѣрахъ, но едва-ли могла загладить понесенныя потери. Еще болѣе пострадали во время этой войны и отъ друзей и отъ враговъ Кампанія и Апулія, въ которыхъ населеніе было до того времени довольно многочисленно. Хотя впослѣдствіи и производились въ Апуліи раздачи пахатныхъ участковъ, но заведенныя тамъ колоніи не процвѣтали. Болѣе населенной оставалась прекрасная равнина Кампаніи; но территория Капуи и другихъ уничтоженныхъ во время Аннибаловской войны общинъ сдѣлалась государственной собственностью и находилась во власти не собственниковъ, а мелкихъ срочныхъ арендаторовъ. Наконецъ на обширной территоріи Луканцевъ и Бреттійцевъ населеніе было очень не густо и до Аннибаловской войны; на него обрушились всею своею тяжестью какъ эта война, такъ и сопровождавшія ее экзекуціи за измѣну, а изъ Рима не было сдѣлано многого, чтобъ снова оживить тамъ земледѣліе,— за исключеніемъ Валенціи (Вибо, теперешній Монтеалеоне), ни одна изъ основанныхъ тамъ колоній не развилась какъ

232

225

слѣдуетъ. Несмотря на неравенство политическихъ и экономическихъ условій въ различныхъ мѣстностяхъ и несмотря на то, что нѣкоторыя мѣстности находились въ положеніи сравнительно цвѣтущемъ, нельзя не замѣтить, что въ общемъ итогѣ все ухудшилось; это подтверждается и неопровержимыми свидѣтельствами объ общемъ положеніи Италіи. Катонъ и Полибій единогласно утверждаютъ, что въ концѣ шестаго столѣтія Италія имѣла менѣе многочисленное населеніе, чѣмъ въ концѣ пятаго столѣтія и что она уже не была-бы въ состояніи набирать такія-же многочисленныя арміи, какія набирала въ первую пуническую войну. Это подтверждается усилившимися трудностями набора рекрутъ, необходимостью понизить качественныя условія для поступленія на службу въ легіоны и жалобами союзниковъ на слишкомъ большой размѣръ вспомогательныхъ войскъ, которыхъ отъ нихъ требовалъ Римъ; а о томъ, что касается римскаго гражданства, свидѣлствуютъ цифры. Въ 252 502 году, вскорѣ послѣ африканской экспедиціи Регула, въ этомъ гражданствѣ считалось 298,000 годныхъ къ военной службѣ людей; 220 черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, незадолго до начала Аннибаловской войны (534), это число уменьшилось до 270.000 человекъ, то-есть на одну десятую; по прошествіи еще двадцати лѣтъ, 204 незадолго до окончанія той же войны (550) оно уменьшилось до 214.000 человекъ, то-есть на одну четверть; а однимъ поколѣніемъ позже, послѣ того какъ гражданство не подвергалось никакимъ чрезвычайнымъ потерямъ, а напротивъ того получило значительное приращеніе въ особенности вслѣдствіе основанія большихъ гражданскихъ колоній на сѣверо-италійской равнинѣ, оно едва ли снова достигло той цифры, на которой стояло въ началѣ этого періода. Если бы мы имѣли такія же цифровыя данныя касательно всего населенія Италіи, то онѣ безъ всякаго сомнѣнія свидѣтельствовали бы о еще болѣе значительной убыли. Труднѣе найти доказательства упадка народныхъ силъ; однако авторы сочиненій о сельскомъ хозяйствѣ свидѣлствуютъ о томъ, что мясо и молоко все болѣе и болѣе исчезали изъ пищи простаго народа. При этомъ невольничье населеніе росло по мѣрѣ того, какъ свободное убывало. Въ Апуліи, въ Луканіи и въ бреттійской странѣ скотоводство, какъ кажется, имѣло перевѣсъ надъ земледѣліемъ еще во времена Катона; полудикіе пастухи изъ рабовъ были тамъ настоящими хозяевами. Въ Апуліи они до такой степени нарушали общественную безопасность, что тамъ пришлось поставить 185 сильный военный отрядъ; въ 569 году тамъ былъ открытъ невольничій заговоръ, который былъ задуманъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и находился въ связи съ празднованіемъ Вахханалій; тогда около 7000 человекъ были приговорены судомъ къ смертной казни. Въ Этрурію также пришлось отправить римскія войска противъ шайки 196 рабовъ (558); даже въ Лациумѣ былъ такой случай, что столь

значительные города, какъ Сеція и Пренестъ, едва не были захвачены въ расплохъ шайкою бѣглыхъ рабовъ (556). Нація замѣтнымъ образомъ таяла, а община свободныхъ гражданъ распалалась на сословія господъ и рабовъ, и хотя главною причиною убыли и разоренія гражданъ и союзниковъ были двѣ многолѣтнія войны съ Карфагеномъ, но римскіе капиталисты безъ сомнѣнія содѣйствовали не менѣ Амилъкара и Аннибала упадку народныхъ силъ и уменьшенію числа Италійцевъ. Никто не въ состояніи рѣшить, могло ли бы помочь этому злу правительство; но ужасно и позорно то, что въ средѣ римской аристократіи, состоявшей болѣею частію изъ людей здравомыслящихъ и энергичныхъ, ни разу не выразилось ни сознаніе трудностей тогдашняго положенія, ни предчувствіе грозившей въ будущемъ опасности. Одна знатная римская дама, — сестра одного изъ тѣхъ штатскихъ адмираловъ, которые губили флоты республики во время первой пунической войны, — однажды попавши на римскомъ рынкѣ въ густую народную толпу, сказала во всеуслышаніе, что давно бы пора снова поручить ея брату командование флотомъ для того, чтобъ снова пустить кровь гражданству и тѣмъ дать болѣе простора на рынкѣ (508). Конечно, очень немногіе такъ думали и такъ говорили; однако эти безстыдныя слова были ничѣмъ инымъ, какъ рѣзкимъ выраженіемъ того преступнаго равнодушія, съ которымъ весь высшій и богатый людъ свысока взиралъ на простыхъ гражданъ и земледѣльцевъ. Не то, чтобы желали ихъ гибели, а ничего не дѣлали, чтобъ ее предотвратить; такимъ образомъ Италія, — въ которой еще было безчисленное множество свободныхъ и счастливыхъ людей, пользовавшихся умѣреннымъ и заслуженнымъ благосостояніемъ, — приближалась гигантскими шагами къ запустѣнію.

198

246

Г Л А В А XIII.

Религія и нравы.

**Римская
строгость
и римская
гордость.**

Жизнь Римлянина протекала въ строгомъ соблюденіи условныхъ приличій, и чѣмъ болѣе онъ былъ знатенъ, тѣмъ менѣе онъ былъ свободенъ. Всемогучіе обычаи замыкали его въ узкую сферу помысловъ и дѣяній и онъ гордился тѣмъ, что прожилъ свою жизнь строго и серьезно, или—по характеристическому латинскому выраженію—печально и тяжело. Никто не долженъ былъ дѣлать ни болѣе ни менѣе, какъ держать свой домъ въ порядкѣ, а въ общественныхъ дѣлахъ умѣть постоять за себя и дѣломъ и словомъ. Но такъ какъ никто не желалъ и не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ членомъ общины, то слава и могущество общины считались каждымъ изъ гражданъ за его личное достоинствіе, которое переходило къ его потомкамъ вмѣстѣ съ его именемъ и домочадцами; а по мѣртво-го, какъ поколѣнія сходили въ могилу одно, вслѣдъ за другимъ и каждое изъ нихъ прибавляло къ прежнему итогу славныхъ дѣлъ новыя приобрѣтенія. это коллективное чувство достоинства въ знатныхъ римскихъ семьяхъ доросло до той необычайной гражданской гордости, которая уже никогда не имѣла ничего себѣ подобнаго на землѣ и которая во всѣхъ оставшихся отъ нея столько же странныхъ, сколько величественныхъ слѣдахъ кажется намъ принадлежностью какого-то другаго міра. Своеобразной особенностью этого мощнаго гражданского духа было то, что строгая гражданская простота и равенство не подавляли его совершенно при жизни, а только заставляли его безмолвно таиться въ груди, и что ему дозволялось

Похороны. обнаруживаться только послѣ смерти; за то при похоронахъ знатныхъ людей онъ выступалъ наружу съ такою поразительной яркостью, которая лучше всѣхъ другихъ явленій римской жизни знакомила насъ съ этой удивительной чертой римскаго характера. То была странная процессія, къ участию въ которой призывалъ гражданъ слѣдующій кличъ глашатая общины: «Смерть похитила война; кто можетъ, пусть идетъ провожать Луція Эмилия; его выносить»

изъ его дома». Шествіе открывали толпы плакальщицъ, музыкантовъ и танцовщицковъ; одинъ изъ этихъ послѣднихъ, въ костюмѣ и въ маскѣ, изображалъ умершаго; своими жестами и тѣлодвиженіями онъ старался напомнить толпѣ хорошо извѣстнаго ей человѣка. За этимъ слѣдовала самая величественная и самая оригинальная часть этого церемоніала—процессія предковъ, передъ которой до такой степени было блѣдно все остальное, что настоящіе знатные Римляне приказывали своимъ наследникамъ ограничиваться ею одною. Мы уже ранѣе упоминали о томъ, что Римляне имѣли обыкновеніе хранить у себя восковыя раскрашенные лицевыя маски тѣхъ предковъ, которые были курульными эдлами или занимали одну изъ высшихъ ординарныхъ должностей; эти маски снимались по возможности еще при жизни подлинниковъ и нерѣдко принадлежали къ періоду царей или къ болѣе древнимъ временамъ, а выставлялись онѣ обыкновенно на стѣнахъ фамильнаго зала въ деревянныхъ нишахъ и считались самымъ лучшимъ украшеніемъ дома. Когда умиралъ одинъ изъ членовъ семейства, то для похоронной процессіи надѣвали эти маски и соотвѣтствовавшія должности костюмы на такихъ людей, которые были особенно способны къ исполненію своей роли, преимущественно на актеровъ: такимъ образомъ умершаго сопровождали на колесницахъ до могилы его предки, изъ которыхъ каждый былъ одѣтъ въ самое пышное изъ одѣяній, какія носилъ при жизни,—на триумфаторѣ была мантия, вышитая золотомъ, на цензорѣ пурпуровая мантия, на консулѣ—окаймленная пурпуромъ, и при каждомъ изъ нихъ были ликторы и другія внѣшнія отличія ихъ должностей. На погребальныхъ носилкахъ, покрытыхъ тяжелыми пурпуровыми и вышитыми золотомъ покрывалами и устланныхъ тонкими простынями, лежалъ самъ умершій; онъ былъ также одѣтъ въ костюмъ той высшей должности, какую занималъ при жизни, а вокругъ него лежали доспѣхи убитыхъ имъ враговъ и вѣнки, которые были ему поднесены за дѣйствительныя или за мнимыя заслуги. За носилками шли въ черныхъ одѣяніяхъ безъ всякихъ украшеній всѣ носившіе трауръ по умершемъ—сыновья съ закутанными головами, дочери безъ покрывала, родственники и родичи, друзья, кліенты и вольноотпущенники. Въ такомъ видѣ шествіе направлялось къ торговой площади. Тамъ ставили групъ на ноги; предки сходили съ колесницъ и садились въ курульныя кресла, а сынъ или ближайшій родственникъ умершаго всходилъ на ораторскую трибуну для того, чтобъ перечислить передъ собравшеюся толпою имена и подвиги всѣхъ вокругъ сидящихъ лицъ и наконецъ послѣдняго новоусоппаго.—Такие обычаи, пожалуй, можно назвать варварскими, а нація, одаренная тонкимъ художественнымъ чутьемъ, конечно не вынесла-бы, чтобъ такой странный способъ воскрешать умершихъ оставался въ употребленіи вплоть до полнаго развитія цивилизаціи; од-

нако грандіозная наивность такой тризны по усопшемъ производила глубокое впечатлѣніе даже на такихъ хладнокровныхъ и очень мало склонныхъ къ набожности Грековъ, какимъ, напримѣръ, былъ Полибій. То было вполне согласно съ важной торжественностью римской жизни, съ ея однообразнымъ строемъ и гордымъ достоинствомъ, что отжившія поколѣнія не переставали какъ-бы тѣлесно вращаться между находившимися въ живыхъ и что когда пресыщенный трудами и почестями гражданинъ отходилъ къ своимъ предкамъ, эти предки сами появлялись на публичной площади для того, чтобъ принять его въ свою среду.

Новый эллинизмъ.

Но Римляне уже достигли на своемъ пути поворотнаго пункта. Съ тѣхъ поръ, какъ владычество Рима перестало ограничиваться Италіей, а распространилось далеко на востокъ и на западъ, настала конецъ для старинной своеобразности Италійцевъ и ея мѣсто стала занимать эллинская цивилизація. Впрочемъ Италія находилась подъ греческимъ вліяніемъ вообще съ тѣхъ поръ, какъ имѣла свою исторію. Ранѣе уже было описано, какъ юная Греція и юная Италія съ нѣкоторымъ простодушіемъ и оригинальностью передавали одна другой и заимствовали одна отъ другой зачатки умственного развитія и какъ въ болѣе позднюю пору Римъ старался преимущественно внѣшнимъ образомъ усвоить языкъ и изобрѣтенія Грековъ для практическаго употребленія. Но эллинизмъ Римлянъ ѣтого времени былъ въ сущности новымъ явленіемъ какъ по своимъ мотивамъ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ. Римляне стали чувствовать потребность въ болѣе богатой умственной жизни и какъ будто стали пугаться своего собственнаго умственного ничтожества; а если даже такіа одаренныя художественными инстинктами націи, какъ англійская и нѣмецкая, не пренебрегали въ минуты застоя пользоваться жалкою французскою культурой въ видѣ подспорья, то насъ не можетъ удивлять тотъ фактъ, что италійская нація теперь съ пылкимъ увлеченіемъ накинулась какъ на драгоценныя сокровища, такъ и на пустошвѣтъ умственнаго развитія Эллады. Но въ этомъ развитіи была одна еще болѣе захватывавшая за душу сторона, которая неотразимо влекла Римлянъ въ пучину эллинизма. Хотя эллинская цивилизація все еще называла себя этимъ именемъ, но на дѣлѣ уже не была таковой, а скорѣе была гуманистической и космополитической. Она уже разрѣшила -- на умственной почвѣ вполне, а на политической до нѣкоторой степени, — задачу, какъ изъ массы различныхъ національностей организовать одно цѣлое; а такъ какъ Риму приходилось теперь разрѣшать ту-же задачу въ болѣе широкомъ объемѣ, то онъ и усвоилъ эллинизмъ вмѣстѣ съ остальнымъ, оставшимся отъ Александра Великаго, наследіемъ. Поэтому съ тѣхъ поръ эллинизмъ уже не былъ только внѣшнимъ импульсомъ и еще менѣе былъ побочнымъ дѣломъ, а сталъ проникать до мозга

костей италийской нации. Полная жизненной силы, италийская своеобразность, натурально, стала оказывать сопротивление чуждому элементу. Только послѣ самой упорной борьбы италийскій земледѣлец очистилъ поле передъ столичнымъ космополитомъ, и подобно тому, какъ у насъ французскій фракъ вызвалъ появленіе нѣмецкой національной одежды, такъ и въ Римѣ реакція противъ эллинизма вызвала то направленіе, которое по принципу противодѣйствовало греческому вліянію способомъ, незнакомымъ предшествовавшимъ столѣтіямъ, и при этомъ довольно часто впадало въ нелѣпыя и смѣшныя крайности.

Не было ни одной сферы человѣческой дѣятельности и человѣческаго мышленія, въ которой не велась-бы эта борьба старыхъ понятій съ новыми. Ея вліянію подчинялась даже политика. Какъ въ старой школѣ была господствующей идеей боязнь Кароагенянь, такъ въ новой школѣ господствовали: странный проэктъ эманципировать Эллиновъ, вполне заслуженный неуспѣхъ котораго уже былъ ранѣе описанъ, и родственная съ этимъ проэктомъ также эллинская идея о солидарности республикъ противъ царей и о распространеніи эллинской формы государственнаго устройства въ ущербъ восточному деспотизму; такъ напримѣръ, эти два принципа имѣли вліяніе на то, какъ распорядился Римъ съ Македоніей; проповѣдуя послѣдній изъ этихъ принциповъ, Катонъ доходилъ до смѣшнаго, а Римляне при случаѣ такъ-же нелѣпо кокетничали съ эллинофильствомъ, — такъ напримѣръ, побѣдитель царя Антиоха не только приказалъ поставить въ Капитоліи свою статую въ греческомъ одѣяніи, но и принялъ вмѣсто правильнаго на латинскомъ языкѣ прозвища *Asiaticus*, бессмысленное и безграмотное, но за то пышное и почти греческое прозвище *Asiagenus* *). Еще болѣе важнымъ послѣдствіемъ такихъ отношеній господствовавшей націи къ эллинизму было то, что латинизація Италіи имѣла успѣхъ повсюду, но только не тамъ, гдѣ сталкивалась съ Эллинами. Уцѣлѣвшіе отъ войны, греческіе города Италіи оставались греческими. Въ Апулію, о которой Римляне правда мало заботились, эллинизмъ окончательно проникъ, какъ кажется, именно въ эту эпоху, а тамошняя мѣстная цивилизація стала на одинъ уровень съ отцвѣтавшей эллинской. Хотя преданія и умалчиваютъ объ этомъ, но многочисленныя, сплошь

---

*) Что слово *Asiagenus* было первоначальнымъ титуломъ побѣдителя при Магнезійи и его потомковъ, доказано монетами и надписями; хотя капитолійскіе фасты и называютъ его *Asiaticus*, но это принадлежитъ къ неоднократно замѣчаемымъ признакамъ ихъ позднѣйшей редакціи. То названіе могло быть ничѣмъ инымъ, какъ извращеніемъ слова *Ἀσιαγενής*, которымъ оно и замѣнялось у позднѣйшихъ писателей; но это слово означаетъ не завоевателя Азіи, а азіатскаго уроженца.

покрытыя греческими надписями, городскія монеты и фабрикаціи раскрашенныхъ глиняныхъ сосудовъ по греческому образцу, производившаяся только тамъ въ болѣе пышномъ и изысканномъ, чѣмъ изыщномъ вкусѣ, доказываютъ, что Апулія совершенно освоилась съ греческими нравами и съ греческимъ искусствомъ.—Но настоящимъ полемъ для борьбы между эллинизмомъ и его національными противниками служилъ въ настоящемъ періодѣ область религій, нравовъ, искусства и литературы, и мы должны попытаться описать эту великую борьбу принциповъ, которая велась одновременно самыми разнообразными путями и которую не легко объять во всей ея сложности.

Вѣра и безвѣріе.

О томъ, какъ еще въ ту пору были горячи въ Италійцахъ ихъ старинныя безъискусственныя вѣрованія, свидѣтельствуетъ то удивленіе или изумленіе, которое возбуждала въ современныхъ Эллинахъ эта набожность Италійцевъ. Во время распри съ Этолянами до слѣха римскаго главнокомандующаго дошелъ упрекъ въ томъ, что во время сраженія онъ ничего не дѣлалъ кромѣ того, что какъ попъ молился и совершалъ жертвоприношенія, а Полибій съ своимъ обычнымъ грубоватымъ здравомысліемъ указываетъ своимъ соотечественникамъ на пользу такой богобоязни въ политическомъ отношеніи и поучаетъ ихъ, что государство не можетъ состоять только изъ здравомыслящихъ людей и что ради черни такія церемоніи очень цѣлесообразны.— Но хотя въ Италіи еще существовала національная религія, которая уже давно принадлежала въ Элладѣ къ разряду древностей, она ви-

Благочестивая эконо-

димо стала превращаться въ богословіе. Начинаясь окаменѣніе вѣрованій едва-ли обнаруживалось въ чемъ-либо другомъ такъ-же ясно, какъ въ измѣнившемся экономическомъ положеніи богослуженія и священства. Публичное богослуженіе не только становилось все болѣе и болѣе сложнымъ, но главнымъ образомъ также становилось все болѣе и болѣе дорого-стоящимъ. Только для такой важной цѣли, какъ надзоръ за устройствомъ пиршествъ въ честь боговъ, къ тремъ прежнимъ коллегіямъ Авгуровъ, Понтификовъ и хранителей оракульскихъ изреченій была прибавлена въ 558 году четвертая коллегія трехъ «распорядителей пиршествъ» (*tres viri e r u l o n e s*). Пировали какъ слѣдуетъ не только боги, но также ихъ служители, а въ новыхъ учрежденіяхъ для этого не было надобности, такъ какъ каждая коллегія съ усердіемъ и съ благочестіемъ заботилась обо всемъ, что касалось устройства ея пиршествъ. На ряду съ клерикальными пирушками не было недостатка и въ клерикальныхъ привилегіяхъ. Даже во времена самыхъ большихъ фпансовыхъ затрудненій жрецы считали себя въ правѣ не участвовать въ уплатѣ общественныхъ податей и только послѣ очень горячихъ споровъ удалось принудить ихъ къ уплатѣ числившихся на нихъ недоимокъ (558). Какъ для всей общины, такъ и для частныхъ лю-

196

196

дей благочестіе становилось все болѣе и болѣе дорогой статьей расходовъ. Обыкновеніе учреждать богоугодныя заведенія и вообще принимать на себя на долгое время денежные обязательства для религиозныхъ цѣлей было у Римлянъ въ такомъ-же ходу, какъ и въ настоящее время въ католическихъ странахъ; эти обязательства стали ложиться крайне тяжелымъ бременемъ на имущества въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ понтифики, — которые были и высшимъ духовнымъ и высшимъ юридическимъ авторитетомъ въ общинѣ, — стали смотрѣть на нихъ какъ на имущественную повинность, переходящую легальнымъ путемъ на каждого, кто получалъ имѣніе по наслѣдству или приобреталъ его какимъ либо другимъ способомъ; поэтому выраженіе «наслѣдство безъ жертвенныхъ обязательствъ» вошло у Римлянъ въ поговорку въ родѣ того, какъ у насъ говорится «роза безъ шиповъ». Обѣтъ жертвовать десятой долей своего имущества былъ такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, что въ исполненіе его раза два въ мѣсяцъ устраивалось въ Римѣ на воловьемъ рынкѣ публичное угощеніе. Въмѣстѣ съ восточнымъ культомъ Матери боговъ вошло въ Римѣ въ обыкновеніе, въ числѣ другихъ благочестивыхъ нелѣпностей, ежегодно повторявшееся въ положенные дни собраніе по домамъ копѣчныхъ подаваній (*stipem cogere*). Наконецъ низшій разрядъ жрецовъ и прорицателей, конечно, ничего не дѣлалъ даромъ и безъ сомнѣнія то была заимствованная прямо изъ жизни черта, когда на римской театральной сценѣ въ интимномъ разговорѣ супруговъ объ издержкахъ на кухню, на повивальную бабку и на подарки появляется и слѣдующая статья благочестивыхъ расходовъ: «Мнѣ также, мужъ мой, что нибудь нужно на слѣдующій праздникъ для ворожея, для гадальницы, для колдуньи и для гадальницы по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ; посмотри, какъ она глядитъ на меня! Было-бы стыдно ничего ей не послать». Хотя у Римлянъ того времени и не былъ созданъ богъ злата въ параллель съ ранѣе созданнымъ богомъ серебра (стр. 433), но на самомъ дѣлѣ онъ господствовалъ какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ сферахъ ихъ религиозной жизни. Дешевизна экономическихъ требованій, которою изстари гордилась латинская религія, исчезла безвозвратно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и ея старинная простота. Помѣсь разума и вѣры—теологія уже трудилась надъ тѣмъ, чтобъ ввести въ старинную народную религію свою утомительную болтливость и свое торжественное безсмысліе, и чтобъ изгнать изъ нея ея прежній духъ. Такъ напримѣръ, перечисленіе обязанностей и правъ Юпитерова жреца могло бы прилично фигурировать въ Талмудѣ. Вполнѣ понятное правило, что богамъ можетъ быть приятенъ только безошибочно исполненный религиозный долгъ, было доведено на практикѣ до такой крайности, что вслѣдствіе повторявшихся недосмотровъ принесеніе только одной жертвы возобновлялось до тридцати

Теологія.

Невѣріе.
249

разъ сряду, а когда во время публичныхъ игръ, также считавшихся чѣмъ-то въ родѣ богослуженія, распоряжавшееся ими должностное лицо обмолвилось или сдѣлало какой-нибудь промахъ, или если музыка позволила себѣ не во время паузу, то игры считались несостоявшимися и переначинались съизнова иногда до семи разъ. Эти преувеличенія добросовѣстности были доказательствомъ того, что она уже заглохла, а вызванная ими реакція, выражавшаяся въ равнодушіи и въ невѣріи, не заставила себя ждать. Еще во время первой пунической войны (505) былъ такой случай, что самъ консулъ публично насмѣхался надъ птицегаданіемъ, къ которому слѣдовало обратиться за указаніями передъ битвой, — правда, этотъ консулъ принадлежалъ къ совершенно своеобразному роду Клавдіевъ, опередившему свой вѣкъ и въ добрѣ и въ злѣ. Въ концѣ этого періода уже слышались жалобы на то, что къ ученію авгуровъ стали относиться съ пренебреженіемъ и что, — по словамъ Катона, — множество старинныхъ свѣдѣній и приемовъ по части птицегаданія были преданы забвенію по небрежности коллегіи птицегадателей. Такой авгуръ, какъ Луцій Павелъ, который считалъ жречество за науку, а не за титулъ, уже составлялъ рѣдкое исключеніе, да онъ и не могъ быть иначе какъ исключеніемъ въ такое время, когда правительство все болѣе и болѣе явно и беззащѣнно пользовалось ауспичіями для достиженія своихъ политическихъ цѣлей, то-есть смотрѣло на народную религію, согласно съ воззрѣніями Полибія, какъ на суевѣрія, съ помощью которыхъ можно морочить толпу. На столь хорошо подготовленной почвѣ эллинское безвѣріе нашло для себя путь открытымъ. Вслѣдствіе того, что Римляне стали интересоваться всякими художественными произведеніями и священныя изображенія боговъ еще во времена Катона стали служить въ повояхъ богатыхъ людей украшеніями наравнѣ съ остальной домашней утварью. Еще болѣе опасныя раны нанесла религіи зарождавшаяся литература. Впрочемъ она не осмѣливалась открыто нападать на религію, а то, что ею было прибавлено къ религіознымъ представленіямъ, — какъ на примѣръ то, что Эвній, въ подражаніе греческому Урану, придалъ римскому Сатурну отца Целуса, — носило на себѣ эллинскій отпечатокъ, но не имѣло большого значенія. Напротивъ того, важныя послѣдствія имѣло распространеніе въ Римѣ ученій Эпихарма и Эвгемера. Поэтическая философія, которую позднѣйшіе Пиагогорейцы заимствовали изъ произведеній стариннаго сицилійскаго сочинителя комедій, уроженца Мегары Эпихарма (около 280 г.), или, вѣрнѣе, которую они ему болѣею частію приписывали, смотрѣла на греческихъ боговъ, какъ на олицетворенія элементовъ природы, на примѣръ, въ Зевсѣ опа видѣла воздухъ, въ душѣ — солнечную пылинку и такъ далѣе; въ той же мѣрѣ, въ какой эта натурфилософія, — подобно позднѣйшему ученію Стоиковъ, — была въ

470

родствѣ съ римской религіей по своимъ самымъ общимъ основнымъ чертамъ, она была способна придать народнымъ вѣрованіямъ значеніе аллегорій и тѣмъ совершенно заглушить ихъ. Попыткой разложить религію на ея историческіе элементы были «священные мемуары» Эвгемера Мессенскаго (около 450 г.); въ формѣ описанія странствованій автора по чудеснымъ чужимъ краямъ, тамъ дѣлался фундаментальный и документальный обзоръ всѣхъ ходячихъ разсказовъ о такъ-называемыхъ богахъ, а въ итогѣ выходило, что боговъ и не было и нѣтъ. Для характеристики этого сочиненія достаточно указать только на то, что разсказъ о Кронѣ, проглатывавшемъ своихъ дѣтей, оно объясняетъ людоедствомъ, которое существовало въ самыя древнія времена и было уничтожено царемъ Зевсомъ. Не смотря на свои нелѣпости и на свою тенденціозность или благодаря имъ, это сочиненіе имѣло въ Греціи незаслуженный успѣхъ и при содѣйствіи ходячихъ философскихъ идей окончательно похоронило тамъ безжизненную религію. Замѣчательнымъ признакомъ явнаго и ясно сознаваемого антагонизма между религіей и новой литературой былъ тотъ фактъ, что Энній перевелъ на латинскій языкъ эти завѣдомо разрушительныя произведенія Эпихарма и Эвгемера. Переводчики могли оправдываться передъ римской полиціей тѣмъ, что нападенія были направлены только на греческихъ боговъ, а не на латинскихъ, но неосновательность такой отговорки была очевидна. Катонъ былъ съ своей точки зрѣнія совершенно правъ, когда со свойственной ему язвительностью преслѣдовалъ такія тенденціи повсюду, гдѣ ихъ усматривалъ, и когда называлъ Сократа развратителемъ нравовъ и безбожникомъ.

Такимъ образомъ старинная народная религія видимо приходила въ упадокъ, а послѣ того какъ почва изъ-подъ старинныхъ громаднхъ пней была расчищена, она покрылась быстро разраставшимся колючимъ кустарникомъ и до тѣхъ поръ еще невиданной сорной травой. Народное суевѣріе и иновременное суемудріе перемѣшивались и сталкивались одно съ другимъ. Ни одно изъ италійскихъ племенъ не избѣжало превращенія старыхъ вѣрованій въ новыя суевѣрія. У Этрусковъ процвѣтали изученіе вышюкъ и молніевѣдніе, а у Сабелловъ и въ особенности у Марсовъ процвѣтало вольное искусство наблюдать за полетомъ птицъ и заговаривать змѣй. Подобныя явленія встрѣчаются, хотя и не такъ часто, даже у латинской націи, и даже въ самомъ Римѣ; — таковы были пренестинскія изреченія о будущей судьбѣ и происшедшее въ 573 году въ Римѣ замѣчательное открытіе гробницы царя Нумы и оставшихся послѣ него сочиненій, вслѣдствіе чего будто бы требовалось совершеніе неслыханныхъ и страннхъ богослужебныхъ обрядовъ. Ревнителі вѣры къ своему сожалѣнію ничего болѣе не узнали; они даже не узнали того, что эти книги имѣли видъ совершенно новыхъ, такъ какъ сенатъ наложилъ руку на это

300

Суевѣрія.

Туземныя суевѣрія.

181

сокровище и приказалъ бросить свертки въ огонь. Отсюда видно, что мѣстная фабрикація была въ состояніи вполне удовлетворять всякій умѣренный спросъ на недѣлности; но этимъ далеко недовольствовались. Тогдашній эллинизмъ, уже утратившій свою національность и пропитавшійся восточною мистикой, заносилъ въ Италію какъ безвѣріе, такъ и суевѣріе въ ихъ самыхъ вредныхъ и самыхъ опасныхъ видахъ, а эти сумасбродства были особенно привлекательны именно потому, что были чужеземными. Халдейскіе астрологи и составители гороскоповъ еще въ шестомъ столѣтіи распространились по всей Италіи; но еще гораздо болѣе важнымъ и даже составляющимъ эпоху во всемірной исторіи былъ тотъ фактъ, что въ послѣдніе тяжелые годы войны съ Аннибаломъ (550), правительство было вынуждено согласиться на принятіе фригійской Матери боговъ въ число публично признанныхъ божествъ римской общины. По этому случаю было отправлено особое посольство въ страну мало-азіатскихъ Кельтовъ, въ городъ Пессинъ, а простой будыжникъ, который былъ великодушно предоставленъ иноземцамъ тамошними жрецами въ качествѣ настоящей матери Кибелы, былъ принятъ римской общиной съ небывалой пышностью; въ воспоминаніе объ этомъ радостномъ событіи даже были устроены въ высшемъ обществѣ клубы, въ которыхъ члены поочередно угощали другъ друга, а это, какъ кажется, не мало содѣйствовало начинавшемуся образованію кликъ. Съ уступкой Римлянамъ этого культа Кибелы восточное богочитаніе заняло официальное положеніе въ Римѣ; хотя правительство еще строго наблюдало за тѣмъ, чтобъ оскопленные жрецы новой богини, называвшіеся Кельтами (Galli), дѣйствительно были изъ Кельтовъ, и хотя еще никто изъ римскихъ гражданъ не подвергалъ себя этому благочестивому оскопленію, все-таки пышная обстановка «Великой Матери» съ ея одѣтыми въ восточные наряды жрецами,—которые шествовали съ главнымъ евнухомъ во главѣ по городскимъ улицамъ подъ звуки чужеземной музыки флейтъ и лютавровъ, останавливаясь у каждого дома для сбора подаяній,—и вообще вся чувственно-монашеская окраска этихъ обрядовъ имѣли большое вліяніе на настроеніе умовъ населенія и на его ходячія воззрѣнія. Пагубныя послѣдствія такого направленія обнаружилась слишкомъ скоро. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ (568) до римскихъ властей дошли свѣдѣнія о самыхъ возмутительныхъ продѣлкахъ, совершавшихся подъ личиною благочестія; обычай устраивать тайныя ночныя празднества въ честь бога Вакха, занесенный какими то греческимъ пономѣмъ въ Этрурію, сталъ подобно раковой язвѣ все разѣдать вокругъ себя, быстро проникъ въ Римъ и распространился по всей Италіи, повсюду внося въ семьѣ разладъ и вызывая самыя ужасныя преступленія—неслыханное распутство, составленіе поджогныхъ завѣщаній и отравленія. Болѣе 700 человекъ попали

204
Культъ Ки-
белы.

Культъ
Вакха.

181

этимъ путемъ подъ уголовный судъ и были болѣею частію приговорены къ смертной казни, а на будущее время были обнародованы строгія предписанія; тѣмъ не менѣе правительство не было въ состояніи положить конецъ этому злу и по прошествіи шести лѣтъ (574) завѣдывавшее этими дѣлами должностное лицо жаловалось, что еще 3000 человекъ были подвергнуты наказанію, а конца все еще не предвидѣлось. — Конечно, всѣ здравомыслившіе люди единогласно осуждали это притворное благочестіе, столь же нецѣльное, сколько вредное для общества; приверженцы старыхъ вѣрованій сходились по этому случаю съ сторонниками эллинскаго просвѣщенія какъ въ своихъ насмѣшкахъ, такъ и въ выраженіяхъ своего негодованія. Въ наставленіяхъ своему эконому Катонъ приказывалъ «безъ вѣдома и безъ разрѣшенія владѣльца не приносить никакимъ жертвъ и не дозволить другимъ приносить за себя жертвы иначе какъ на домашнемъ алтарѣ, а въ полевой праздникъ на полевомъ алтарѣ, и не обращаться за совѣтами ни къ гадателямъ по внутренностямъ животныхъ, ни къ знахарямъ, ни къ Халдеямъ». И извѣстный вопросъ: какъ дѣлаетъ жрецъ, чтобъ удержаться отъ смѣха при встрѣчѣ съ товарищемъ, принадлежитъ Катону, а относился онъ первоначально къ этрусскимъ гадателямъ по наблюденію надъ кишками. Почти въ томъ же смыслѣ и въ чисто-Эврипидовскомъ стилѣ Эній порицаетъ внищенствующихъ прорицателей и ихъ сторонниковъ: «Эти лишившіеся разсудка суевѣрные жрецы и наглые прорицатели хотятъ по лѣности или подъ гнетомъ нужды указывать другимъ путь, на которомъ сами теряются; они сулятъ сокровища тѣмъ, у кого сами выпрашиваютъ копѣйку».

Но въ такія времена разсудку заранѣе суждено не имѣть успѣха въ его борьбѣ съ безразсудствомъ. Правительство, конечно, принимало мѣры предосторожности: благочестивые обманщики подвергались полицейскимъ наказаніямъ и высылались; всякое иноземное богопочитаніе, на которое не было дано спеціальнаго разрѣшенія, было запрещено; даже сравнительно невинное испрашиваніе оракульскихъ изреченій въ Пренестѣ было запрещено властями еще въ 512 году, а участіе въ тайныхъ сходкахъ; — какъ уже было ранѣе нами замѣчено, — строго преслѣдовалось. Но когда люди совершенно спятили съ ума, никакія предписанія высшей власти не въ состояніи возратить имъ разсудка. Впрочемъ изъ всего сказаннаго также видно, до какой степени правительство было вынуждено дѣлать уступки или по крайней мѣрѣ дѣйствительно ихъ дѣлало. Пожалуй, еще можно отнести къ числу древнѣйшихъ, безвредныхъ и сравнительно незначительныхъ заимствованій отъ иноземцевъ и римское обыкновеніе обращаться въ извѣстныхъ случаяхъ къ этрусскимъ мудрецамъ за указаніями по государственнымъ вопросамъ и мѣры, которыя принимались правительствомъ для сохраненія преданій этрусской мудрости въ знатныхъ

180

Репрессив-
ная мѣры.

242

этрусскихъ семьяхъ, и допущеніе вовсе не безнравственнаго и ограничивавшагося одними женщинами таинственнаго поклоненія Деметръ. Но допущеніе культа Матери боговъ было прискорбнымъ доказательствомъ того, что правительство чувствовало себя безсильнымъ для борьбы съ новымъ суевѣріемъ, а можетъ быть и того, что оно само глубоко погрязло въ этомъ суевѣрїи; нельзя не видѣть непростительной небрежности или чего нибудь худшаго и въ томъ, что противъ такого явнаго зла, какъ Вакханалїи, правительственные власти стали принимать мѣры очень не скоро и то лишь вслѣдствіе случайнаго доноса.

Строгость нравовъ.

Дошедшій до насъ рассказъ объ образѣ жизни старшаго Катона даетъ намъ въ своихъ главныхъ чертахъ понятіе о томъ, какъ, по мнѣнію почтенныхъ гражданъ того времени, должна была складываться частная жизнь Римлянъ. Какъ ни былъ Катонъ дѣятельнъ въ качествѣ государственнаго человѣка, адвоката, писателя и спекулятора, все таки семейная жизнь была главнымъ средоточіемъ его существованія—онъ полагалъ, что лучше быть хорошимъ мужемъ, чѣмъ великимъ сенаторомъ. Его домашняя дисциплина была строга. Его прислуга не смѣла безъ разрѣшенія выходить изъ дому и не смѣла болтать съ посторонними людьми о домашнихъ дѣлахъ. Тяжелыя наказанія налагались не по личному произволу, а путемъ чего-то похожаго на судебное разбирательство; о томъ, какъ строго за все разыскивалось, можно составить себѣ понятіе по тому факту, что одинъ изъ рабовъ Катона повѣсился вслѣдствіе того, что заключилъ безъ вѣдома своего господина какую-то торговую сдѣлку, о которой дошелъ слухъ до Катона. За небольшіе проступки, какъ напримѣръ за недосмотръ во время службы за столомъ, консуляръ обыкновенно собственноручно давалъ послѣ обѣда провинившемуся заслуженное число ударовъ ремнемъ. Не менѣе строго относился онъ къ женѣ и къ дѣтямъ, но достигалъ своей цѣли инымъ способомъ, такъ какъ считалъ за грѣхъ налагать руку на взрослыхъ дѣтей и на жену, какъ на невольниковъ. Относительно выбора жены, онъ не одобрялъ женитьбу изъ-за денегъ, а совѣтовалъ обращать вниманіе на хорошее происхожденіе; впрочемъ самъ онъ женился въ старости на дочери одного изъ своихъ бѣдныхъ кліентовъ. На воздержность со стороны мужа онъ смотрѣлъ такъ, какъ на нее смотрятъ повсюду, гдѣ существуетъ рабство, а законную жену онъ считалъ лишь необходимымъ неудобствомъ. Его сочиненія переполнены нападками на прекрасный полъ, который болтливъ и жаденъ до нарядовъ и которымъ трудно управлять: «всѣ женщины докучливы и тщеславны», — писалъ этотъ престарѣлый хозяинъ дома, — «а если-бы мужчины могли обходиться безъ женщинъ, то наша жизнь, вѣроятно, была-бы менѣе нечестива». Напротивъ того воспитаніе законныхъ дѣтей онъ принималъ близко къ сердцу и считалъ его

долгомъ чести, а жена имѣла въ его глазахъ значеніе только ради дѣтей. Она обыкновенно сама кормила новорожденныхъ дѣтей, а если иногда и брала въ кормилицы рабынь, то и съ своей стороны иногда кормила собственною грудью рабскихъ дѣтей, — это одинъ изъ немногихъ примѣровъ, обнаруживающихъ желаніе облегчить положеніе рабовъ человѣчнымъ обхожденіемъ, общностью материнскихъ заботъ и молочнымъ братствомъ. При мытьѣ и пеленаньи дѣтей бывшій главнокомандующій по мѣрѣ возможности присутствовалъ лично. Онъ тщательно оберегалъ душевную чистоту своихъ дѣтей; онъ увѣрялъ, что какъ въ присутствіи весталокъ, такъ и въ присутствіи своихъ дѣтей онъ старался не проронить никакого неприличнаго слова и никогда не обнималъ въ присутствіи дочери ея мать кромѣ того случая, когда эта послѣдняя испугалась грозы. Воспитаніе его сына составляетъ самую прекрасную сторону его разнообразной и во многихъ отношеніяхъ почтенной дѣятельности. Придерживаясь правила, что краснощекій мальчикъ лучше блѣднолицаго, старый солдатъ самъ занимался съ сыномъ всѣми тѣлесными упражненіями, училъ его бороться, ѣздить верхомъ, плавать, фехтовать, выносить жару и стужу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вполнѣ основательно полагалъ, что уже прошло то время, когда для Римлянина было достаточно сдѣлаться хорошимъ землепашцемъ и хорошимъ солдатомъ, и понималъ, какъ было бы вредно для ребенка, если-бы онъ впоследствии распозналъ раба въ томъ самомъ наставникѣ, который журилъ его и наказывалъ и который внушалъ ему уваженіе. Поэтому онъ самъ училъ мальчика тому, чему обыкновенно учились Римляне, чтенію, письму и отечественному законодательству; въ поздніе годы своей жизни онъ даже успѣлъ настолько усвоить себѣ общее образованіе Эллиновъ, что былъ въ состояніи передавать изъ него всё, что считалъ полезнымъ, своему сыну на своемъ родномъ языкѣ. И всѣ его литературные труды предназначались главнымъ образомъ для сына, а свое историческое сочиненіе онъ собственноручно переписалъ чѣткими буквами именно для этого сына. Онъ велъ простой и бережливый образъ жизни. Его строгая хозяйская экономія не допускала никакихъ тратъ на роскошь. Ни одинъ изъ его рабовъ не долженъ былъ стоить ему дороже 1500 денаріевъ (460 тал.), и ни одно изъ его платьевъ не должно было стоить ему дороже 100 денаріевъ (30 тал.); въ его домѣ не было ни одного ковра, а стѣны комнатъ долго оставались безъ штукатурки. Онъ обыкновенно ѣлъ и пилъ то-же, что ѣла и пила его прислуга, и онъ не допускалъ, чтобъ расходъ чистыми деньгами на обѣдъ превышалъ 30 ассовъ (21 зильберг.); во время войны за его столомъ даже не подавалось вина, а пилъ онъ воду или иногда воду съ уксусомъ. Однако онъ не былъ врагомъ пирушекъ: и въ столицѣ съ своими клубными товарищами, и въ деревнѣ съ своими сосѣдями онъ лю-

билъ долго сидѣть за столомъ, а такъ какъ благодаря своей разносторонней опытности и своему находчивому остроумію онъ былъ пріятнымъ собесѣдникомъ, то онъ не отказывался ни отъ игры въ кости ни отъ кубка съ виномъ, и даже сообщилъ въ своемъ сочиненіи о сельскомъ хозяйствѣ въ числѣ другихъ лекарствъ одно испытанное средство на случай, если за обѣдомъ было слишкомъ много съѣдено и выпито. Вся его жизнь до самой глубокой старости проходила въ неутомимой дѣятельности. Каждая минута была у него заранее рассчитана и чѣмъ нибудь наполнена, а вечеромъ онъ обыкновенно припоминалъ все, что въ теченіе дня слышалъ, говорилъ и дѣлалъ. Такимъ образомъ у него всегда было достаточно времени и для своихъ собственныхъ дѣлъ и для дѣлъ своихъ знакомыхъ и для дѣлъ общины, равно какъ для разговоровъ и для развлеченій; все дѣлалось живо и безъ лишнихъ словъ, а при его дѣятельномъ характерѣ ничто не было для него такъ невыносимо, какъ суетливость и стараніе придавать важность мелочамъ. — Такъ жилъ тотъ человѣкъ, который былъ настоящимъ образцомъ римскаго гражданина и въ глазахъ своихъ современниковъ и въ глазахъ потомства, и въ которомъ какъ будто воплотились нѣсколько грубовая римская энергія и честность въ противоположность греческой лѣности и греческой безнравственности; не даромъ же одинъ изъ позднѣйшихъ римскихъ поэтовъ сказалъ: «Въ иноземныхъ нравахъ нѣтъ ничего кромѣ сумасбродствъ на тысячу ладовъ; никто въ мірѣ не ведетъ себя лучше римскаго гражданина; для меня одинъ Катонъ выше сотни Сократовъ».

Новые нравы.

Такой приговоръ не будетъ усвоенъ исторіей безусловно; но кто приметъ въ соображеніе переворотъ, произведенный выродившимся эллинизмомъ того времени въ образѣ жизни и въ мнѣніяхъ Римлянъ, тотъ скорѣе усилитъ, чѣмъ смягчитъ порицаніе чужеземныхъ нравовъ. — Семейныя узы слабѣли съ ужасающей быстротой. Содержаніе гризетокъ и мальчиковъ - фаворитовъ распространялось подобно заразной язвѣ, а при тогдашнемъ положеніи дѣлъ нельзя было принять никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ этого зла даже законодательнымъ путемъ: высокій налогъ, которымъ Катонъ въ бытность цензоромъ (570) обложилъ этотъ самый гнусный разрядъ рабовъ, не принесъ сколько нибудь значительныхъ результатовъ, а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ его взысканіе фактически прекратилось вмѣстѣ съ взысканіемъ имущественныхъ налоговъ. Вмѣстѣ съ этимъ натурально уменьшилось число браковъ (что вызывало настоятельныя жалобы еще въ 520 году) и увеличилось число брако-разводныхъ дѣлъ. Въ самыхъ знатныхъ семействахъ совершались ужасныя преступленія, — такъ на примѣръ консулъ Гай Кальпурній Пизонъ былъ отравленъ своей женой и своимъ пасынкомъ для того, чтобъ вызвать необходимость новыхъ выборовъ и

184

234

180

доставить высшую должность этому пасынку, — что и удалось (574). Кроме того уже начиналась эманципация женщинъ. По старымъ обычаямъ, замужняя женщина находилась легально подъ властію мужа, равнявшейся съ отцовскою властію, а незамужняя женщина находилась подъ опекой своего ближайшаго родственника по мужескому колену, которая немногимъ уступала отцовской власти; личной собственности замужняя женщина не имѣла, а лишившаяся отца дѣвица или вдова если и имѣла такую собственность, то не могла ею распоряжаться. Но теперь женщины начали домогаться имущественной независимости; онѣ стали удерживать въ своихъ рукахъ распоряженіе своимъ имуществомъ, освобождаясь отъ опеки агнатовъ частію при помощи равныхъ адвокатскихъ уловокъ и въ особенности посредствомъ фиктивныхъ браковъ, а иногда при самомъ вступленіи въ бракъ стали немного лучшимъ способомъ освобождаться отъ непобѣдной по строгому смыслу закона мужниной власти. Масса капиталовъ, накопившихся въ рукахъ женщинъ, показавшая политикамъ того времени столь опасной, что были приняты слѣдующія небывалыя мѣры: закономъ было запрещено (585) назначать женщинъ наследницами по завѣщаніямъ, а путемъ въ высшей степени произвольной практики стали лишать женщинъ наследствъ, переходившихъ къ нимъ безъ завѣщаній изъ боковыхъ линій. И тотъ семейный судъ надъ женщинами, который находился въ тѣсной связи съ властію мужа и опекуна, сталъ мало по малу обращаться на практикѣ въ отжившій старинный обычай. Но и въ общественныхъ дѣлахъ женщины уже начинали проявлять свою волю и при удобномъ случаѣ, — какъ полагалъ Катонъ, — «властвовали надъ владыками міра»; ихъ влияние стало замѣтнымъ на гражданскихъ сходкахъ, а въ провинціяхъ уже стали воздвигать статуи римскимъ дамамъ. — Роскошь въ одеждѣ, въ украшеніяхъ, въ домашней утвари, въ постройкахъ и за столомъ, все увеличивалась; въ особенности послѣ предпріятой въ 564 году экспедиціи въ Малую Азію, господствовавшая въ Эфесѣ и въ Александріи азіатско-эллинская роскошь перенесла въ Римъ свою пустую утонченность и свою мелочность, на которую тратилось много денегъ и много времени, но которая отравляла удовольствія. И въ этомъ случаѣ женщины играли главную роль; не смотря на усердную брань Катона, онѣ добились того, что послѣ заключенія мира съ Карфагеномъ (559) было отмѣнено состоявшееся вскорѣ послѣ битвы при Каннахъ (539) постановленіе гражданства, запрещавшее имъ носить золотыя украшения и пестрыя одежды и ѣздить въ экипажахъ; ихъ горячему противнику не оставалось ничего другаго, какъ обложить эти товары высокой пошлиной (570). Тогда стало прокладывать себѣ дорогу въ Римъ множество новыхъ и болѣею частію вовсе ненужныхъ вещей — красиво обдѣланная серебряная посуда,

169

190

195
215

184

объденные диваны съ бронзовою обдѣлкой, такъ называемыя атталовскія одѣянія и ковры изъ тяжелой золотой парчи. Эта новая роскошь вращалась преимущественно вокругъ объденнаго стола. До тѣхъ поръ подавались горячія кушанья только разъ въ день; теперь и при второмъ завтракѣ (*prandium*) стали нерѣдко появляться горячія кушанья, а для главнаго объденнаго стола уже стали считаться недостаточными прежнія двѣ переменныя блюда. До тѣхъ поръ женщины сами надсматривали надъ печеніемъ хлѣба и надъ кухней, и только въ случаѣ пирушки нанимался поваръ по профессіи, который приготовлялъ кушанье и цѣкъ хлѣбъ. Теперь же появилось на свѣтъ ученое поварское ремесло. Въ хорошихъ домахъ стали держать своего повара. Пришлось раздѣлить трудъ и изъ поварскаго ремесла выдѣлились два побочныхъ—печеніе хлѣба и изготовленіе пирожнаго: около 583 года въ Римѣ появились первыя булочки. Нашлась публика для чтенія стихотвореній, въ которыхъ шла рѣчь объ умѣнь хорошо ѣсть и помѣщались длинные списки самыхъ вкусныхъ морскихъ рыбъ и разныхъ морскихъ продуктовъ, и дѣло не ограничилось одной теоріей. Иноземныя лакомства, понтійскія сардинки и греческія вина, стали цѣниться въ Римѣ, а указаніе Катона, что примѣсью рассола можно придавать обыкновенному туземному вину вкусъ того, которое привозилось изъ Юса, едва ли причинило большой убытокъ римскимъ виноторговцамъ. Старинное пѣніе и старинное рассказываніе сказокъ гостями и ихъ дѣтьми было замѣнено игрою авіатскихъ арфистокъ. До тѣхъ поръ Римляне, конечно, не мало пивали за обѣдомъ, но имъ еще были незнакомы настоящія попойки; а теперь у нихъ вошли въ обыкновеніе формальные кутежи, при чемъ вино или мало разбавлялось водой или вовсе не разбавлялось, а пили его изъ большихъ кубковъ и вслѣдъ за однимъ виномъ подавалось другое по установленной очереди; у Римлянъ это называлось «пить по гречески» (*Graeco more bibere*) или «грековать» (*pergraeare, congraeare*). Вслѣдъ за этими попойками игра въ кости, — правда, уже издавна бывшая въ употребленіи у Римлянъ, — усилилась до такой степени, что законодательство было принуждено принять противъ нея мѣры. Отвращеніе къ труду и провозженіе времени въ праздности замѣтно усиливались *). Катонъ предлагалъ вымостить городскую площадь островочеч-

*) Нѣчто въ родѣ парабаза въ Плавтовскомъ *Circusilio* изображаетъ тогдашнее оживленіе на главной столичной площади если и не очень остроумно, то очень наглядно:

„Я укажу, въ какомъ мѣстѣ какихъ людей можно находить, для того чтобы не терять напрасно времени того, кому нужно переговорить съ чезовѣкомъ честнымъ или нечестнымъ, хорошимъ или дурнымъ. Ищешь ты лжесвидѣтеля? Иди на мѣсто народныхъ сходокъ. Нуженъ тебѣ лгуны и хвастуны? Иди къ Клоацннскому святилищу. [Богатыхъ безпутныхъ мужей не мало на базарѣ; тамъ-же

ными каменьями для того, чтоб положить конецъ тунеядству; эта шутка вызвала смѣхъ, но число празднующащихся и зѣвакъ прибывало со всѣхъ сторонъ. О томъ, до какихъ страшныхъ размѣровъ дошли въ теченіе этой эпохи народныя увеселенія, уже было говорено ранѣе. Помимо нѣсколькихъ незначительныхъ бѣговъ въ запуски и скачекъ, которыя скорѣе слѣдуетъ отнести къ числу религиозныхъ обрядовъ, въ началѣ этой эпохи справлялся въ сентябрѣ только одинъ общій народный праздникъ, который продолжался четыре дня и на который тратилась сумма, не превышавшая установленнаго максимума (стр. 454); а въ концѣ этого періода этотъ народный праздникъ длился по меньшей мѣрѣ шесть дней и сверхъ того справлялись: въ началѣ апрѣля праздникъ Матери боговъ или такъ называемыя Мегаленіи, въ концѣ апрѣля праздники Цереры и Флеры, въ іюнѣ праздникъ Аполлона, въ ноябрѣ плебейскій праздникъ, и всѣ эти праздники, по всему вѣроятію, продолжались по нѣскольку дней. Къ этому слѣдуетъ прибавить частыя возобновленія забытыхъ старыхъ празднествъ, при чемъ благочестивыя угрызенія совѣсти, вѣроятно, только служили предлогомъ, и безпрестанныя экстренныя народныя празднества; къ числу послѣднихъ принадлежали ранѣе упомянутыя пирушки по поводу обѣтовъ о пожертвованіи десятой доли имущества (стр. 860), пиры боговъ, триумфальныя и похоронныя торжества и въ особенности тѣ празднества, которыя впервые справлялись въ 505 году по истеченіи одного изъ самыхъ длинныхъ періодовъ времени, установленныхъ этрусско-римскою религіей, такъ называемыхъ Saecula. Вместе

249.

найдешь мальчиковъ для разврата и тѣхъ, кто устраиваетъ такія дѣлишки]. На рыбномъ рынкѣ собираются складчины для обѣдовъ на общій счетъ. На нижнемъ рынкѣ встрѣтишь людей хорошихъ и состоятельныхъ, но посерединѣ за канавой не найдешь никого кромѣ мошенниковъ. Дерзкіе болтуны и негодяи толпятся у пруда; своимъ наглымъ языкомъ они поносятъ другихъ безъ всякой причины, хотя сами творятъ не мало такихъ дѣлъ, которыя достойны порицанія. У старыхъ лавокъ сидятъ люди, которые даютъ деньги за проценты; у храма Кастора сидятъ тѣ, кому можно давать въ займы деньги не иначе какъ очень осторожно; на Тусканской улицѣ найдешь людей, которые себя продаютъ; на Веллабрѣ—булочники, мясники, жертвогадатели, должники, запоздавшіе улатой, ростовщики, выручающіе ихъ изъ бѣды; богатыхъ распутныхъ мужей найдешь у Леввадіи Опіи.⁴

Слова въ скобкахъ составляютъ позднѣйшую прибавку, вставленную послѣ постройки перваго римскаго рынка [570].— Съ ремесломъ булочника [pistor, — по буквальному смыслу этого слова, мельника] соединялись въ то время продажа лакомствъ и штей [Фестъ, еrit., слово alicagiae, стр. 7, Müll.; Плавтъ, Сарт. 160; Роеп. 1, 2, 54; Трин. 407]. То же можно сказать и о мясникахъ. — Леввадія Опіи, по всему вѣроятію, была содержательницей публичнаго дома.

184

съ тѣмъ увеличивалось и число домашнихъ праздниковъ. Во время второй пунической войны вошли въ обыкновеніе у знатныхъ людей уже упомянутыя нами пирушки въ день прибытія Матери боговъ (съ 550 года), а у незнатныхъ людей схожія съ тѣми пирушками сатурналии (съ 537 года),—и тѣ и другія подъ вліяніемъ съ тѣхъ поръ неразрывно связанныхъ между собою властей—власти иноземнаго попа и власти иноземнаго повара. Римлянамъ уже было очень недалеко до такого идеальнаго положенія, что всякій празднующійся могъ-бы заранѣе знать, гдѣ ему можно будетъ убить каждый день,—вотъ до чего дошла та самая община, въ которой дѣятельность когда-то была цѣлю жизни какъ для каждаго въ отдѣльности, такъ и для всѣхъ вообще, и въ которой праздное наслажденіе жизнію осуждалось какъ обычаями такъ и законами! А среди этихъ празднествъ все болѣе и болѣе брали верхъ дурныя и безнравственныя влеченія. Правда, бѣгъ колесницъ все еще былъ самымъ блестящимъ и заключительнымъ моментомъ народныхъ празднествъ, а одинъ поэтъ того времени очень живо описалъ напряженное вниманіе, съ которымъ взоры толпы были прикованы къ консулу, когда онъ готовился дать сигналъ для бѣга колесницъ. Но прежнія увеселенія уже неудовлетворяли народъ, которому нужно было что нибудь новое и болѣе разнообразное. Наряду съ туземными борцами и бойцами выступаютъ теперь (въ первый разъ въ 568 году) греческіе атлеты. О драматическихъ представленіяхъ рудеть говорено далѣе; перенесеніе въ Римъ греческой комедіи и трагедіи, конечно, также было пріобрѣтеніемъ сомнительнаго достоинства, но оно, конечно, было лучшимъ изъ всѣхъ другихъ, какія были сдѣланы при этомъ случаѣ. Римляне, вѣроятно, уже давно устранивали для забавы публики ловлю зайцевъ и лисицъ, но теперь эти невинныя забавы превратились въ настоящія травли и изъ Африки стали привозить въ Римъ (какъ доказано, въ первый разъ въ 568 году) съ большими издержками тамошнихъ дикихъ звѣрей—львовъ и пантеръ, которые должны были услаждать взоры столичныхъ звѣакъ тѣмъ, что или отнимали жизнь у другихъ или сами лишались жизни. Еще болѣе отвратительныя бои гладиаторовъ проникли теперь въ Римъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были въ ходу въ Этруріи и въ Кампаніи; въ 490 году была въ первый разъ пролита на римской площади человѣческая кровь ради забавы. Эти безнравственныя увеселенія, естественно, вызывали и строгія порицанія; консулъ 476 года Публій Семпроній Софъ прислалъ своей женѣ разводную за то, что она присутствовала на похоронныхъ играхъ; правительство добилось отъ гражданства постановленія, запрещающаго привозить въ Римъ иноземныхъ дикихъ животныхъ и строго слѣдило за тѣмъ, чтобъ на общинныхъ празднествахъ не появлялись гладиаторы. Но и въ этомъ случаѣ у него не достало или твердой власти или твердой рѣшимости; ему,

какъ кажется, удавалось не деспускать звѣринныя травли, но оно не прекратило появленія гладіаторовъ на частныхъ празднествахъ и въ особенности при похоронныхъ церемоніяхъ. Еще труднѣе было помѣщать публикѣ отдавать предпочтеніе комедіанту передъ трагикомъ, акробату передъ комедіантомъ, гладіатору передъ акробатомъ, и еще труднѣе было помѣщать театральную сценѣ предпочтительно погружаться въ грязь эллинской жизни. Культурные элементы, входившіе въ составъ сценическихъ и музыкальныхъ увеселеній, были съ самаго начала отброшены; организаторы римскихъ празднествъ вовсе не имѣли въ виду хотя-бы на минуту силою поэзій возвышать всю массу зрителей до одного уровня съ чувствами лучшихъ людей, какъ это дѣлала греческая сцена въ свое цвѣтущее время, или доставлять художественное наслажденіе отборному кружку, какъ это стараются дѣлать театры нашего времени. О характерѣ римской театральной дирекціи и римскихъ зрителей можно составить себѣ понятіе по слѣдующему факту: во время происходившихъ въ 587 году триумфальныхъ игръ, лучшие греческіе флейтисты не произвели никакого впечатлѣнія своими мелодіями; тогда режисѣръ приказалъ имъ прекратить музыку и вступить между собою въ кулачный бой, а въ публикѣ это вызвало восторгъ, которому не было конца. — Дѣло дошло до того, что уже не греческая нравственная испорченность заражала римскіе нравы, а напротивъ того ученики стали развращать своихъ наставниковъ. Гладіаторскія игры, съ которыми не была знакома Греція, были въ первый разъ введены при сирійскомъ дворѣ царемъ Автіохомъ Эпифаномъ (отъ 579 до 590) — этимъ слѣпымъ подражателемъ Римлянъ по профессіи; хотя сначала онѣ возбудили въ болѣе гуманной и въ одаренной болѣе изящнымъ вкусомъ греческой публикѣ скорѣй отвращеніе чѣмъ удовольствіе, тѣмъ не менѣе онѣ не прекратились и стали мало-по-малу входить въ обыкновеніе въ болѣе широкихъ сферахъ. — Само собой понятно, что этотъ переворотъ въ жизни и въ нравахъ имѣлъ и экономическія послѣдствія. Жизнь въ столицѣ становилась все болѣе заманчивой и все болѣе разорительной. Наемная плата за квартиры достигла неслыханной дороговизны. За новые предметы роскоши платились безумныя цѣны — за боченочекъ сардинокъ изъ Чернаго моря 1600 сестерцій (120 тал.), то-есть дороже чѣмъ за пахатнаго невольника, за красиваго мальчика 24000 сестерцій (1800 тал.), то-есть дороже чѣмъ за иную крестьянскую усадьбу. Поэтому и для высшихъ и для низшихъ классовъ населенія главною цѣлю сдѣлались деньги и только деньги. Въ Греціи уже давно никто ничего не дѣлалъ даромъ, какъ сами Греки признавались въ этомъ съ непохвальной наивностью; со второй македонской войны и Римляне стали подражать въ этомъ отношеніи Эллинамъ. Для личнаго достоинства пришлось создавать законодательныя подпоры, такъ напримѣръ приш-

167

175 — 164

лось издать народный декретъ, запрещавшій ходатаямъ брать деньги за ихъ услуги; прекрасное исключеніе составляли только юрисконсулыты, которыхъ не было надобности обуздывать постановленіями гражданства, такъ какъ они держались благороднаго обыкновенія подавать совѣты бесплатно. По мѣрѣ возможности не крали открыто, но всѣ кривые пути, которые могли привести къ быстрому обогащенію, считались дозволенными—грабежъ и попрошайничество, обманъ при исполненіи подрядовъ и надувательство въ денежныхъ спекуляціяхъ, лихоимство въ торговлѣ деньгами и въ торговлѣ хлѣбомъ, даже экономическая эксплуатація такихъ чисто нравственныхъ связей, какъ дружескія и брачныя. Въ особенности браки сдѣлались предметомъ спекуляцій для обѣихъ сторонъ; вступленіе въ бракъ изъ-за денегъ сдѣлалось обыкновеннымъ явленіемъ и возникла необходимость отнять легальную силу у подарковъ, которыми обмѣнивались супруги. При такомъ положеніи дѣлъ нисколько не удивительно, что администрація узнала о заговорѣ, составленномъ съ цѣлю поджечь столицу со всѣхъ сторонъ. Если человѣкъ не находитъ уже никакого удовольствія въ трудѣ и работаетъ только для того, чтобъ какъ можно скорѣе достигнуть наслажденій, то онъ не дѣлается преступникомъ только благодаря счастливой случайности. Судьба щедро осыпала Римлянъ всѣми благами могущества и богатства, но ящикъ Пандоры на дѣлѣ оказался подаркомъ сомнительнаго достоинства.

Г Л А В А XIV.

Литература и искусство.

Въ основѣ римской литературы лежатъ совершенно своеобразныя умственные побужденія, которыя едва-ли встрѣчаются у другихъ націй. Чтобъ правильно ихъ оцѣнить, необходимо предварительно познакомиться съ народнымъ обученіемъ и съ народными увеселеніями того времени.

Всякое умственное развитіе ведетъ свое начало отъ изученія языка, а это общее правило въ особенности вѣрно въ примѣненіи къ Риму. Въ такой общинѣ, гдѣ живая рѣчь и преданія играли столь важную роль, гдѣ гражданинъ, еще не вышедшій изъ того возраста, который по нашимъ понятіямъ считается ребяческимъ, уже вступалъ въ неограниченное распоряженіе своимъ имуществомъ и могъ быть поставленъ въ иныхъ случаяхъ въ необходимость произносить публичную рѣчь передъ собравшеюся общиной, — не только изстари придавали большую цѣну умѣнью свободно и изящно выражаться на родномъ языкѣ, но и съ давнихъ поръ старались основательно съ этимъ языкомъ въ годы отрочества. И греческій языкъ былъ въ употребленіи во всей Италіи еще во времена Аннибала. Знаніе языка, который былъ всеобщимъ проводникомъ древней цивилизации, уже давно нерѣдко встрѣчалось въ высшихъ сферахъ римскаго общества, а съ тѣхъ поръ какъ, вслѣдствіе перемѣны въ мировомъ положеніи Рима, расширились до громаднхъ размѣровъ сношенія съ иноземцами и съ чужими странами, знаніе этого языка сдѣлалось если не положительно необходимымъ, то, безъ сомнѣнія, очень полезнымъ какъ для торговца такъ и для государственнаго человѣка. А чрезъ посредство италійскихъ рабовъ и вольноотпущенниковъ, которые были болѣею частію родомъ Греки или полу-Греки, греческій языкъ и греческое знаніе проникли въ нѣкоторой мѣрѣ и въ низшіе слои населенія, въ особенности столичнаго. Комедіи того времени доказываютъ намъ, что даже у незнатнаго столичнаго населенія былъ въ употребленіи такой латинскій языкъ, для пониманія котораго было столько-же необходимо

Языковѣдѣ-
ніе.

знаніе греческаго языка, какъ для пониманія англійскихъ произведеній Стерна и нѣмецкихъ произведеній Виланда необходимо знаніе французскаго языка *). Члены сенаторскихъ фамилій не только произносили на греческомъ языкѣ рѣчи передъ греческой публикой, но даже публиковали ихъ; такъ напримѣръ, Тиберій Гракхъ (консулъ 577, 591) опубликовалъ рѣчь, произнесенную имъ въ Родосѣ; нѣкоторые изъ нихъ писали во времена Аннибала свои хроники по гречески; о литературной дѣятельности этого рода будетъ говорено далѣе. Нѣкоторые изъ знатныхъ людей и этимъ неограничивались. Греки почтили Фламинія выраженіями своей преданности на римскомъ языкѣ (стр. 710), но и онъ отплатилъ имъ такую-же любовью: «великій предводитель потомковъ Энея» приносилъ свои дары по обѣту греческимъ богамъ по греческому обычаю и съ греческими двустишіями **). Катонъ упрекалъ одного сенатора за то, что онъ не постыдился декламировать на греческихъ попойкахъ греческіе речитативы съ надлежащими переходами изъ одного тона въ другой. — Подъ вліяніемъ такихъ-то условій развивалось римское образованіе. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что древность не могла равняться съ нашимъ временемъ въ томъ, что касается общаго распространенія элементарныхъ знаній. И въ низшихъ классахъ населенія и среди рабовъ было не мало людей, умѣвшихъ читать, писать и считать; напримѣръ, и Катонъ, точно такъ-же какъ

*) Языкъ Плавта отличается употребленіемъ такихъ относящихся къ одной опредѣленной сферѣ идей, греческихъ выраженій, какъ *stratioticus, machaera, pauclegus, trarezita, danista, drapeta, oenopolium, bolus, malacus, mogus, graphicus, logus, arologus, techna, schema*; къ этимъ словамъ рѣдко прибавляется ихъ переводъ; онъ прибавляется только когда встрѣчаются слова, не входящія въ сферу вышеуказанныхъ выраженій, какъ напримѣръ въ комедіи *Дикарь* [Трисуллитусъ, 1, 1, 60] въслѣдующемъ стихѣ, быть можетъ вставленномъ впоследствии: *φρόνησις est sapientia*. Нерѣдко встрѣчаются и греческія выраженія, какъ напримѣръ въ *Казни* [3, 6, 9]:

πράματα μοι κρέμεις — Da bo méra xaxón, ut opinor.

Также встрѣчается греческая игра словъ, какъ напримѣръ въ *Вакхидатъ* [240]:
opus est chryso Chrysalo.

И Эній предполагаетъ, что слушателямъ извѣстно этимологическое значеніе имени Александръ и Андромаха [Varro de ling. lat. 7, 82]. Особенно характеристичны полугреческія формы словъ, какъ напримѣръ *ferritribax, plagipatida, pugilice*, или въ *Хвастуни* [213]:
euge! euscheme hercle astitit sic dulce et commoedice!
[Браво! молодець выглядываетъ настоящимъ рабомъ и комедіантомъ!]

**) Одно изъ такихъ посвященій, сочиненныхъ отъ имени Фламинія, гласитъ: „Діоскуры, локіе укротители коней, сыновья Зевса, властвующие въ Спартѣ Тиндариды, внемлите! Соплеменникъ Энея Титъ посвящаетъ вамъ чудесный даръ, послѣ того какъ доставилъ эллинскому племени свободу“.

его предшественникъ Магонъ, полагалъ, что экономъ изъ рабовъ долженъ умѣть читать и писать. Какъ элементарныя познанія, такъ и греческій языкъ имѣли въ Римѣ очень обширную сферу преподаванія, какъ слѣдуетъ полагать, еще задолго до того времени. Но этой эпохѣ принадлежатъ зачатки такого преподаванія, которое имѣло въ виду замѣнить простую внѣшнюю выучку настоящимъ умственнымъ развитіемъ. До того времени знаніе греческаго языка давало въ Римѣ и въ частной и въ общественной жизни такъ же мало преимуществъ, какъ въ наше время въ какой-нибудь деревушкѣ нѣмецкой Швейцаріи знаніе французскаго языка, а древнѣйшіе составители греческихъ хроникъ, вѣроятно, не имѣли никакихъ преимуществъ передъ остальными сенаторами, точно такъ же, какъ не имѣеть никакихъ преимуществъ въ нижней Голштиніи образованный земледѣлецъ, который, возвратясь домой послѣ полевыхъ работъ, снимаетъ съ полки произведенія Вергилія. Кто хотѣлъ придавать важность своему знакомству съ греческимъ языкомъ, тотъ слылъ за плохаго патриота и за Грека, и конечно еще во времена Катона всякій плохо говорившій или вовсе не говорившій по гречески могъ быть знатнымъ человекомъ и могъ попасть въ сенаторы и въ консулы. Но все это уже стало измѣняться. Процессъ внутренняго разложенія италійской національности уже зашелъ такъ далеко, въ особенности въ средѣ аристократіи, что и для Италіи сдѣлалось необходимымъ подспорье національности—общечеловѣческое образованіе; къ тому же и стремленіе къ болѣе высокой цивилизаціи уже стало сильно сказываться. Обученіе греческому языку точно будто спѣшило удовлетворить эту потребность. Оно изстари было основано на изученіи произведеній классическихъ писателей, — въ особенности Илиады и еще болѣе Одиссеи; этимъ способомъ раскрывались передъ взорами Италійцевъ всѣ неисчислимыя сокровища эллинскаго искусства и эллинской науки. Безъ внѣшнихъ измѣненій въ способѣ преподаванія, дѣло само собою дошло до того, что эмпирическое преподаваніе языка перешло въ высшее преподаваніе литературы, что связанное съ литературой общее образованіе стало передаваться ученикамъ въ усиленной мѣрѣ и что эти ученики стали пользоваться приобрѣтенными познаніями для того, чтобъ изучать руководившія духомъ своего времени греческія литературныя произведенія.—трагедіи Эврипида и комедіи Менандра.—Точно такъ и изученіе латинскаго языка получило болѣе важное значеніе. Въ высшихъ сферахъ римскаго общества стали сознать необходимость если не замѣнить родной языкъ греческимъ, то по меньшей мѣрѣ облагородить его и приспособить къ измѣнившемуся положенію культуры; и для достиженія этой цѣли приходилось постоянно обращаться за помощью къ Грекамъ. Экономическое распредѣленіе римскаго хозяйства отдавало и элементарное преподаваніе роднаго языка, какъ

всякій другой мелкій и производимый за условленную плату трудъ, въ руки рабовъ, вольноотпущенниковъ или чужеземцевъ, то есть преимущественно Грековъ или полу—Грековъ *); это представляло тѣмъ менѣе затрудненій, что латинская азбука была почти одинакова съ греческой и между этими двумя языками существовало близкое родство. Но это было далеко не главное: формальная сторона греческаго образованія имѣла гораздо болѣе глубокое вліяніе на образованіе латинское. Кто знаетъ, какъ невыразимо трудно найти надлежащій матеріалъ и надлежащія формы для высшаго умственнаго образованія юношества и что еще гораздо труднѣе отдѣлаться отъ разъ найденныхъ матеріаловъ и формъ, тотъ пойметъ, почему Римляне не умѣли удовлетворить потребность въ высшемъ латинскомъ образованіи иначе, какъ примѣняя къ преподаванію латинскаго языка то разрѣшеніе этой задачи, какое они находили въ преподаваніи греческаго языка и греческой литературы; вѣдь и въ наше время происходитъ на нашихъ глазахъ точно такое-же перенесеніе метода преподаванія съ мертвыхъ языковъ на живые. — Но для такого позаимствованія, къ сожалѣнію, недоставало главнаго. Читать и писать, конечно, можно было выучиться и по законамъ Двѣнадцати Таблицъ; но для латинскаго образованія была необходима литература, а ея не было въ Римѣ.

Сцена подъ греческимъ вліяніемъ. Къ этому присоединалось еще другое препятствіе. О томъ, какъ расширялась сфера римскихъ народныхъ увеселеній, уже было говорено ранѣе. Между ними издавна играли важную роль сценическія представленія; бѣгъ колесницъ, обыкновенно, былъ главнымъ увеселеніемъ, но онъ происходилъ только одинъ разъ въ послѣдній день увеселеній, а въ первые дни давались сценическія представленія. Эти представленія долгое время состояли главнымъ образомъ изъ танцевъ и показыванія фокусовъ, а входившія въ ихъ составъ, импровизированныя пѣсни были безъ діалога и безъ сценическаго дѣйствія (стр. 454). Только теперь Римляне стали требовать отъ театральной сцены настоящихъ драматическихъ представленій. Римскія народные увеселенія вообще находились подъ вліяніемъ Грековъ, которые такъ хорошо умѣли развлекаться и убивать время, что Римляне не могли найти лучшихъ распорядителей для своихъ забавъ. Но въ Греціи никакія народные увеселенія не были болѣе любимы и болѣе разнообразны, чѣмъ театральныя; на нихъ неизбѣжно и должны были сосредоточить свое вниманіе организаторы римскихъ празднествъ и ихъ помощники. Въ старинныхъ римскихъ сценическихъ пѣсняхъ, пожалуй, и крылся зародышъ драмы, способный къ дальнѣйшему развитію; но чтобъ выработать

*) Такъ напримѣръ, рабъ старшаго Катона, Хилонъ, зарабатывалъ для своего господина деньги въ качествѣ дѣтскаго учителя [Плутархъ, Сато mai. 20].

изъ него драму требовалась отъ поэта такая гениальность, а отъ публики такая воспримчивость, какихъ вообще не было у Римлянъ или по меньшей мѣрѣ не было въ ту пору; а если бы онѣ и нашлись, то торопливость завѣдывавшихъ народными увеселеніями людей едва-ли дала-бы такимъ благороднымъ произведеніямъ тотъ покой и тогъ досугъ, какіе необходимы для ихъ созрѣванія. И въ этомъ случаѣ нація не была въ состояніи удовлетворить возникшую потребность; желали имѣть театръ, но не было театральныхъ пьесъ.

Таковы были зачатки римской литературы; отъ нихъ неизбежно происходили и ея недостатки. Основой для настоящаго искусства служатъ индивидуальная свобода и радостное наслажденіе жизнью, а въ Италіи не было недостатка въ такихъ зачаткахъ; но римская цивилизація замѣнила личную свободу общественными узами, веселье—сознаніемъ долга; такимъ образомъ она заглушила влеченіе къ искусству, которое вмѣсто того, чтобы развиваться, стало чахнуть. Римская цивилизація находилась на высшей ступени своего развитія именно въ ту пору, когда въ Римѣ не было никакой литературы. Только съ тѣхъ поръ, какъ стала приходить въ упадокъ римская національность и стали прокладывать себѣ дорогу эллино-космополитическія тенденціи, въ Римѣ появилась вслѣдъ за ними и литература; поэтому съ самаго начала и вслѣдствіе непреодолимой внутренней необходимости она возникла на греческой почвѣ и стала въ рѣзкую противоположность съ чисто-римскими національными понятіями. Въ особенности римская поэзія была обязана своимъ возникновеніемъ не внутреннимъ влеченіямъ поэта, а внѣшнимъ потребностямъ школы, нуждавшейся въ латинскихъ учебникахъ, и внѣшнимъ потребностямъ сцены, нуждавшейся въ латинскихъ драматическихъ произведеніяхъ. Но и школа и сцена были пропитаны анти-римскими и революціонными тенденціями. Праздность зѣваки, проводящаго свое время въ театрѣ, внушала отвращеніе Римлянамъ стараго закада, привывшимъ къ филистерской серьезности и къ дѣятельной жизни; но самымъ глубоко вкоренившимся и самымъ возвышеннымъ принципомъ римскаго государственнаго устройства было правило, что въ средѣ римскаго гражданства не должно быть ни господъ ни холоповъ, ни милліонеровъ ни нищихъ, а всѣ Римляне должны имѣть одинакую вѣру и одинакое образованіе; поэтому школа и неизбежно не всѣмъ достающееся школьное образованіе были еще гораздо опаснѣе театра, а чувство равенства они совершенно заглушали. Школа и театръ стали служить самыми сильными рычагами для новаго духа времени и тѣмъ болѣе потому, что употребляли латинскій языкъ. Пожалуй и можно-бы было говорить и писать по гречески, не переставая быть Римляниномъ; но въ школѣ и въ театрѣ приучались выра-

**Возникнове-
ніе рим-
ской лите-
ратуры.**

жаться по-римски, между тѣмъ какъ и весь строй понятій и внѣшняя житейская обстановка сдѣлались греческими. То было не изъ числа самыхъ отрадныхъ, но изъ числа самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ поучительныхъ съ исторической точки зрѣнія явленій, что въ эту блестящую эпоху римскаго консерватизма эллинизмъ пустилъ свои корни на всей умственной почвѣ, не находившейся въ непосредственной зависимости отъ политики, и что *Maître de plaisir* большинства публики и дѣтскій учитель создали римскую литературу въ тѣсномъ между собою союзѣ.

Ливій Ан-
дроникъ.

272
219 207

Именно въ самомъ древнемъ изъ римскихъ писателей точно будто таился зародышъ всего позднѣйшаго развитія. Грекъ Андроникъ (до 482, до и послѣ 547 года), впоследствии называвшійся въ качествѣ римскаго гражданина Луциемъ *) Ливіемъ Андроникомъ, попалъ въ 482 году, въ ранней молодости, вмѣстѣ съ другими тарентинскими плѣнниками (стр. 407) въ Римъ въ собственность побѣдителя при Сентѣ (стр. 645), Марка Ливія Салинатора (консула 535, 547 годовъ). Его невольничье ремесло заключалось частію въ игрѣ на сценѣ и въ переписываніи текстовъ, частію въ томъ, что онъ преподавалъ языки латинскій и греческій и дѣтямъ своего господина и дѣтямъ другихъ зажиточныхъ людей какъ на дому, такъ и внѣ дома; въ этихъ занятіяхъ онъ такъ отличился, что его господинъ отпустилъ его на волю и что даже должностныя лица, нерѣдко пользовавшіяся его услугами (какъ напримѣръ поручившія ему составленіе благодарственной пѣсни послѣ счастливаго окончанія войны съ Аннибаломъ въ 547 году), отвели изъ уваженія къ нему въ храмѣ Минервы на Авентинѣ особое мѣсто поэтамъ и актерамъ для ихъ богослуженія. Его литературная дѣятельность была продуктомъ его двойнаго ремесла. Въ качествѣ школьнаго учителя онъ перевелъ Одиссею на латинскій языкъ для того, чтобъ латинскій текстъ поэмы служилъ основой для его преподаванія латинскаго языка, точно такъ-же, какъ греческій текстъ служилъ основой для его преподаванія греческаго языка, а этотъ древнѣйшій римскій учебникъ употреблялся потомъ въ школьномъ преподаваніи въ теченіе многихъ столѣтій. Въ качествѣ актера онъ не только самъ сочинялъ для себя тексты, подобно всѣмъ другимъ актерамъ, но также издавалъ ихъ въ видѣ книгъ, то есть прочитывалъ ихъ публично и распространялъ ихъ въ копіяхъ. Но еще важнѣе было то, что онъ замѣнилъ греческою драмой старинныя театральныя стихотворенія, которыя въ сущности были лирическими. Въ 514 году, то есть черезъ годъ послѣ окончанія первой пунической войны, на римской сценѣ было въ первый разъ дано драматическое представленіе. Это

272—2

207

240

*) Позднѣйшее правило, что вольноотпущенникъ необходимо носилъ имя па-
трона, еще не было въ силѣ въ республиканскомъ Римѣ.

созданіе эпоса, трагедіи и комедіи на римскомъ языкѣ и такимъ челоукомъ, который былъ болѣе Римляниномъ, чѣмъ Грекомъ, было историческимъ событіемъ, а о художественномъ достоинствѣ этихъ произведеній не можетъ быть и рѣчи. Въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей претензіи на оригинальность, а если смотрѣть на нихъ какъ на переводы, то ихъ грубость ярко бросается въ глаза въ особенности потому, что эта поэзія не выражаетъ наивнымъ образомъ своего собственнаго простодушія, а педантически лепечетъ, повторяя то, что было создано высокимъ художественнымъ развитіемъ сосѣдняго народа. Значительныя отступленія отъ оригинала происходятъ не отъ того, что переводчикъ позволяетъ себѣ вольности, а отъ грубости подражанія; способъ изложенія отличается то невязашностью, то напыщенностью; языкъ грубъ и непріятенъ *). Нетрудно повѣрить стариннымъ цѣнителямъ художественныхъ произведеній, что кромѣ тѣхъ, кто долженъ былъ по неволѣ

*) Въ одной изъ трагедій Ливія говорятся:

quem ego nefrendem alicui lacteam immulgenis orem
[Я вскормилъ беззубаго, дая для него молоко въ изобиліи.]

Гомеровскіе стихи [Одиссея 12, 16].

οὐδ' ἄρα Κίρκην
ἐξ Ἀΐδεω ἐλθόντες ἐλήθομεν, ἀλλὰ μάλ' ὦκα
ἦλθ' ἐντοναμέη' ἄλλα δ' ἀμύρολον φέρων αἰκτῆ
σίτην καὶ κρέα πολλὰ καὶ αἰθόπαι οἶνον ἐρωθρῶν

..... но Цирцея узнала
Скоро о нашемъ прибытіи къ ней отъ предѣловъ Аяда.
Свѣтлой одеждой облекшись, она къ намъ пришла, и за нею
Съ хлѣбомъ и мясомъ и пѣнопурупурнымъ виномъ молодя
Дѣвы пришли;

переведены такъ:

[перев. Жуковскаго].

tórper citi ad Æedis—vénimús Circae:
simúl dúona sóram [?]-rórtant ad navis.
mília ália in ísdem—ínsérinúntur.
Торопливо идемъ мы—къ Цирцеѣ,
Между тѣмъ какъ товары—несутъ на суда,
Которыя нагружаютъ—и множествомъ другихъ вещей.

Всего замѣчательнѣе не столько грубость, сколько безсмыслие переводчика, который не Цирцею приводитъ къ Одиссею, а напротивъ того Одиссея къ Цирцеѣ. Другое еще болѣе забавное quip quo—переводъ словъ αἰθόροισιν ἔδωκεν [Одис. 15, 373] словомъ lusi [Festus, Erit., слово affatim, стр. 11, Müller]. Эти ошибки не лишены интереса и въ историческомъ отношеніи: изъ нихъ видно на какой ступени умственнаго развитія стояли эти школьные учителя, занимавшіеся сочиненіемъ стиховъ; отсюда также видно, что хотя Андроникъ и былъ родомъ изъ Тарента, но греческій языкъ не могъ быть его роднымъ языкомъ.

читать въ школѣ стихотворенія Ливія, никто не бралъ въ руки этихъ стихотвореній во второй разъ. Однако эти литературныя произведенія служили во многихъ отношеніяхъ руководствомъ для будущаго. Они положили начало римской переводной литературѣ и доставили греческому стихотворному разбѣру права гражданства въ Лациумѣ. Если это можно сказать только о драмѣ и если Ливіевская Одиссея написана преимущественно, національнымъ сатурнинскимъ разбѣромъ, то это объясняется, очевидно, тѣмъ, что на латинскомъ языкѣ гораздо легче подражать ямбама и трохеямъ трагедіи и комедіи, чѣмъ эпическимъ дактилямъ.

Однако эта первоначальная ступень литературнаго развитія была скоро перейдена. Эпическія и драматическія произведенія Ливія ставились потомствомъ, — и, конечно, вполне основательно, — на ряду съ лишенными жизни и выраженія, статуями Дедала, и считались скорѣе за интересные остатки древности, чѣмъ за художественныя произведенія. Но на разъ установленныхъ основахъ стали при слѣдующемъ поколѣніи развиваться искусства лирическое, эпическое и драматическое; даже въ историческомъ отношеніи очень важно прослѣдить это развитіе поэзіи.

Драма.

Во главѣ развитія поэзіи стояла драма какъ по разбѣрамъ творчества, такъ и по впечатлѣнію, которое она производила на публику. Въ древности не существовало постоянныхъ театровъ съ опредѣленной платой за входъ; и въ Греціи и въ Римѣ, театральное представленіе было лишь составною частію какъ ежегодно повторявшихся, такъ и экстраординарныхъ гражданскихъ увеселеній. Къ числу мѣропріятій, съ помощью которыхъ правительство противодействовало или воображало, что противодействуетъ начинавшему его озабочивать умноженію народныхъ празднествъ, принадлежало и то, что оно недозволяло строить каменное зданіе для театра *). Въмѣсто того для каждаго празднества устраивали изъ досокъ подмостки съ сценой для актеровъ (*proscenium*, *pulpitum*) и съ украшеннымъ декораціями углубленіемъ (*scenae frons*), а въ полукругъ передъ ними отводили площадку для зрителей (*cavea*); эта площадка была поката, но на ней не было ни ступенекъ ни ступей, такъ что зрители, не принеся съ собою никакой мебели, или сидѣли на корточкахъ, или стояли на ногахъ **).

Театръ.

179

*) Хотя такое зданіе и было построено еще въ 575 году на Фламиніевскомъ ристалищѣ для игръ въ честь Аполлона [Ливій 40, 51; Becker, Top. стр. 605], но оно вѣроятно скорѣе послѣ того было снесено [Tertull., De spect. 10].

155

**), Еще въ 599 году въ театрѣ не было мѣстъ для сидѣнья [Ritschl. Paerreg. 1, пред. XVIII. XX. 214; сравн. Ribbeck, Trag. стр. 285]; если же не только сочинители Плавтовскихъ прологовъ, но и самъ Плавтъ много разъ намекали на сидящую публику [Mil. Glor. 82. 83; Aulul. 4, 9, 6; Trucul. въ концѣ; Epid., въ концѣ], то слѣдуетъ полагать, что публика обыкновенно приносила съ собою стулья или сидѣла на полу.

но, съ раннихъ поръ были отдѣлены отъ мужчинъ и могли занимать только верхнія и самыя неудобныя мѣста; помимо этого, не было никакого другаго распредѣленія мѣстъ до 560 года, когда (стр. 783) сенаторамъ были предоставлены нижнія и лучшія мѣста. — Публика была далеко не отборная. Впрочемъ высшіе классы общества не чуждались всенародныхъ увеселеній: отцы города даже, какъ кажется, полагали, что долгъ приличія обязывалъ ихъ появляться на этихъ увеселеніяхъ. По самому характеру гражданскихъ празднествъ на нихъ не могли присутствовать ни рабы ни иностранцы, но бесплатный къ нимъ доступъ былъ открытъ для каждаго гражданина вмѣстѣ съ его женою и дѣтьми *); поэтому слѣдуетъ полагать, что публика была похожа на ту, которую мы находимъ въ наше время на публичныхъ фейерверкахъ и даровыхъ зрѣлищахъ. При этомъ, конечно, не всегда соблюдался надлежащій порядокъ: дѣти кричали, женщины болтали и визжали, а иная, которая была посмѣлѣе, пыталась пробраться на сцену; для приставовъ эти празднества вовсе не были забавой; имъ приходилось то отбирать въ залогъ плащъ, то употреблять въ дѣло палку. — Съ введеніемъ греческой драмы, понятно, возросли требованія на театральныя персоналы, а въ способныхъ людяхъ, какъ кажется, не было избытка, — такъ напримѣръ для исполненія одной пьесы Невія пришлось прибѣгнуть къ диллетантамъ, по недостатку въ актеряхъ. Однако положеніе художника оттого нисколько не измѣнилось; поэтъ, или — какъ его въ то время называли, — «писецъ», актёръ и музыкальный композиторъ не только по прежнему принадлежали къ непопулярному уваженіемъ разряду наёмныхъ работниковъ (стр. 845), но и по прежнему стояли очень низко въ общественномъ мнѣніи, а полиція обходилась съ ними очень грубо (стр. 455). Всѣ люди, дорожившіе своей репутаціей, конечно сторонились отъ этого ремесла — директоръ труппы (*dominus gregis, factionis*, также *choragus*), который обыкновенно былъ и главнымъ актеромъ, былъ въ большинствѣ случаевъ изъ вольноотпущенниковъ, а труппа состояла обыкновенно изъ его рабовъ; всѣ музыкальные композиторы, имена которыхъ дошли до насъ, принадлежали къ разряду несвободныхъ людей. Денежное вознагражденіе было очень незначительно — вскорѣ послѣ конца этого періода упоминается, какъ о необычайно высо-

*) Женщины и дѣти, какъ кажется, во всѣ эпохи римской исторіи допускались въ римскій театръ [Val. Max. 6, 3, 12; Plutarch, Quaest. Rom. 14; Cicero, De har. resp. 12, 24; Vitruv. 5, 3, 1; Sueton., Aug. 44 и т. д.]; но рабы по закону недопускались въ театръ [Cicero, De har. resp. 12, 26; Ritschl, Paergera 1, пред. XIX, 223] и конечно то-же можно сказать объ иноземцахъ за исключеніемъ гостей общины, которые занимали мѣста или ниже сенаторовъ или рядомъ съ ними [Varro 5, 155; Justin 43, 5, 10; Sueton., Aug. 44].

рой платѣ, о жалованьи театральнаго композитора въ 8000 сестерцій (600 тал.); но и это вознагражденіе выплачивалось устраивавшими празднество должностными лицами только въ тѣхъ случаяхъ, когда пьеса не провалилась. Уплатой денегъ все оканчивалось: въ Римѣ еще не было рѣчи о такихъ же какъ въ Атикѣ состязаніяхъ между стихотворцами и почетныхъ наградахъ: въ ту пору— какъ и въ наше время, — тамъ, какъ кажется, ограничивались тѣмъ, что аплодировали или свистали и каждый день давали только по одной пьесѣ *). При такомъ положеніи дѣлъ, что искусствомъ занимались за поденную плату, а артиста вмѣсто славы ожидало безчестье, новая національная римская сцена не только не могла развиваться самостоятельнымъ путемъ, но и вообще не могла получить художественнаго направленія; въ Атикѣ театръ былъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ благородному соревнованію между самыми образованными Аѳинянами, а римскій театръ, въ общемъ итогѣ, не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ черновой копіей съ аѳинскаго, и можно только удивляться тому, что въ этой копіи мѣстами встрѣчается такъ много граціи и остроумія.

Комедія.

Въ театральной сферѣ комедія цѣнилась гораздо выше трагедіи: зрители нахмуривались, когда вмѣсто ожидаемаго комическаго представленія начиналась трагедія. Отсюда понятно, почему въ этомъ періодѣ встрѣчаются такіе писатели, какъ Плавтъ и Целлій, которые занимались исключительно сочиненіемъ комедій, но вовсе не встрѣчаются сочинители трагедій, и почему между дошедшими до насъ названіями драматическихъ произведеній того времени на одну трагедію приходится три комедіи. Сочинители или вѣрнѣе переводчики представлявшихся въ Римѣ комедій, естественно, брались прежде всего за тѣ пьесы, которыя пользовались въ ту пору самымъ

*) Изъ Плавтовскихъ прологовъ [C a v. 17. A m p h. 65] нельзя дѣлать заключенія о томъ, что существовала раздача наградъ [Risth] пагег. 1, 229]; но и то, что говорится въ T r i n i m i u s 706, могло принадлежать греческому оригиналу, а не переводчику, а рѣшительный выводъ можно сдѣлать изъ того факта, что дидакація и прологи, равно какъ всѣ дошедшія до насъ презанія умалчиваютъ о существованіи судовъ для назначенія наградъ и о существованіи наградъ.—Что давалось только по одной пьесѣ въ день, видно изъ того факта, что къ ея началу зрители приходили въ театръ [P o e p. 10]. а послѣ ея окончанія уходили домой [E p i d. P s e u d. R u d. S t i c h. T r u c. въ концѣ]. Изъ указанныхъ выше мѣстъ видно, что зрители приходили въ театръ послѣ втораго завтрака и уже были дома къ обѣду; стало быть, по нашему счету времени, представленіе продолжалось приблизительно отъ полудня до половинны третьяго и дѣйствительно въ такой промежутокъ времени могла быть исполнена Плавтовская пьеса съ музыкой въ антрактахъ [сравни. Горация E p i s t. 2, 1, 189]. Хотя Тацитъ [A n n. 14, 20] и говоритъ, что публика проводила „цѣлые дни“ въ театрѣ, но это обыкновеніе возникло въ болѣе позднюю пору.

большимъ успѣхомъ на эллинской сценѣ; поэтому имъ приходилось ограничиваться исключительно *) сферой новѣйшей аттической комедіи и главнымъ образомъ произведеніями самыхъ знаменитыхъ драматическихъ писателей того времени — уроженца Солон, въ Киликии, Филемона (394? — 492) и аѳинскаго уроженца Менандра (412 — 462). Появленіе этихъ комедій имѣло такое важное значеніе не только въ развитіи римской литературы, но даже и въ общемъ развитіи народа, что и для историка есть полное основаніе остановить на немъ свое вниманіе. — Пьесы были невыносимо однообразны. Онѣ почти исключительно вертятся на томъ, что молодой человѣкъ, — наперекоръ своему отцу или также наперекоръ содержателю публичнаго дома — старается достигнуть обладанія своею возлюбленною, которая конечно очень привлекательна, но сомнительной нравственности. Удовлетвореніе любовной страсти обыкновенно бываетъ результатомъ какой нибудь денежной продѣлки, а главною пружиной интриги является хитрый слуга, добывающій нужныя деньги посредствомъ какой нибудь плутни въ то время, какъ влюбленный горюетъ и отъ любви и отъ безденежья. При этомъ нѣтъ недостатка ни въ размышленіяхъ о любовныхъ радостяхъ, ни въ сопровождаемыхъ проливаніемъ слезъ сценахъ разставанія, ни въ попыткахъ любовниковъ прекратить свои сердечныя муки, подвергнувъ себя какимъ нибудь физическимъ страданіямъ; по мнѣнію старинныхъ критиковъ, любовь или вѣрнѣе влюбленность была настоящей душой Менандровской поэзіи. Развязка заключается обыкновенно, — по меньшей мѣрѣ у Менандра, — въ свадьбѣ; при этомъ для назиданія и для удовлетворенія зрителей нравственная чистота дѣвушки обыкновенно выставляется если не вполне, то почти вполне незапятнанной, а сама возлюбленная оказывается пропавшею безъ вѣсти дочерью какого нибудь богатаго человѣка и стало быть во всѣхъ отношеніяхъ хорошей партіей. На ряду съ этими любовными сюжетами появляются трогательныя; такъ напримѣръ въ Плавтовской комедіи *Rudens* рѣчь идетъ о кораблекрушеніи и о правѣ убѣжища; въ комедіяхъ *Тривенникъ* и *Ильнники* нѣтъ никакой любовной интриги, а описывается благородное самопожертво-

Новая ат-
тическая
комедія.

360—262
342—292

*) Римскіе писатели варьѣдка пользовались такъ называемою среднею комедіей Аэцианъ, но это обстоятельство не имѣетъ историческаго значенія, такъ какъ эта комедія была ничто иное, какъ менѣ развитая Менандровская комедія. На то, что Римляне пользовались болѣе древними комедіями, нѣтъ никакихъ указаній. Хотя римская погѣшная трагедія въ родѣ Плавтовскаго Амфитріона и счтается римскими историками литературы за Ринѳоновскую, но и новѣйшіе аттическіе писатели сочиняли такія-же пародіи и трудно себя представить, почему Римляне стали бы братья для переводовъ не за современныхъ писателей, а за Ринѳона и за болѣе древнихъ писателей.

ваніе друга въ пользу друга и раба въ пользу господина. И сами дѣйствующія лица и ихъ драматическое положеніе воспроизводятся до мелочныхъ подробностей все въ одномъ и томъ-же видѣ, какъ на стѣнныхъ обояхъ; такъ напримѣръ повсюду повторяются такія сцены, что какой нибудь невидимый слушатель разсуждаетъ самъ съ собой, кто нибудь стучится въ дѣверь, какіе нибудь невольники проходятъ по улицѣ по обязанностямъ своего ремесла; такой шаблонный способъ изложенія отчасти объясняется тѣмъ, что число постоянныхъ масокъ было неизмѣнно установлено, такъ напримѣръ было восемь масокъ старцевъ и семь масокъ слугъ и только между ними авторъ могъ дѣлать выборъ — по меньшей мѣрѣ по общему правилу. Такая комедія, понятно, должна была отбросить лирическій элементъ, входившій въ болѣе древнія драматическія произведенія въ видѣ хора и должна была съ самаго начала ограничиться разговорами и по большей мѣрѣ речитативами, — вѣдь въ ней не только не было никакихъ политическихъ элементовъ, но и вообще не видно ни истинной страстности, ни поэтическаго вдохновенія. Само собой разумѣется, что эти пьесы и не сочинялись съ цѣлю производить сильное и чисто-поэтическое впечатлѣніе; ихъ привлекательность заключалась главнымъ образомъ въ занимательномъ для ума сюжетѣ (при чемъ новѣйшая комедія отличалась отъ старой какъ болѣе паразитической внутренней пустотой, такъ и болѣе значительнымъ внѣшнимъ усложненіемъ фабулы) и въ особенности въ отдѣлѣ деталей, при чемъ тонко-заостренный разговоръ составлялъ торжество сочинителя и былъ предметомъ восторга для публики. Содержаніемъ для этихъ комедій служила большею частію разная путаница и замѣна однихъ лицъ другими, при чемъ не трудно было придумывать разныя нелѣпыя фарсы, — такъ напримѣръ *Казина* оканчивается совершенно пофальстафовски уходомъ обоихъ жѣнчиковъ и переодѣтаго невѣстой солдата; сверхъ того комедіи наполнялись шутками, забавными разказами и загадками, которые и за столомъ Аѳинянь того времени были обычнымъ занятіемъ за недостаткомъ другихъ настоящихъ сюжетовъ для разговора. Сочинители писали эти комедіи не для великой націи, какъ Эвподъ и Аристофанъ, а для образованнаго общества, которое, подобно инымъ кружкамъ убивающимъ время въ остроумничаньи и въ праздности, довольствовалось разгадкой ребусовъ и шарадъ. Оттого-то они и не рисуютъ вѣрной картины нравовъ своего времени; въ ихъ произведеніяхъ нельзя уловить никакихъ слѣдовъ тогдашняго великаго историческаго и умственнаго движенія, и по этому поводу намъ невольно приходитъ на умъ, что вѣдь и Филемонъ и Менандръ были современниками Александра и Аристотеля; напротивъ того, въ этихъ произведеніяхъ мы находимъ столько же изящное, сколько вѣрное изображеніе образованнаго аѳинскаго общества, изъ сферы

котораго комедія никогда и не выходила. Даже въ тусклой латинской копіи, по которой мы главнымъ образомъ знакомимся съ тѣмъ обществомъ, оригиналъ не утрачиваетъ всей своей привлекательности; въ особенности въ тѣхъ пьесахъ, которыя были написаны въ подражаніе самому талантливому изъ этихъ сочинителей, Менандру, живо рисуется передъ нами жизнь, которую поэтъ видѣлъ вокругъ себя и которою онъ самъ жилъ, — рисуется не столько въ своихъ заблужденіяхъ и искаженіяхъ, сколько въ своей привлекательной обыденности. Дружескія семейныя отношенія между отцомъ и дочерью, между мужемъ и женой, между господиномъ и слугой со всѣми своими любовными и другими мелкими интригами срисованы съ натуры такъ вѣрно, что и до сихъ поръ не утратили своего интереса; такъ напримѣръ пирушка слугъ, которою оканчивается *Stichus*, въ своемъ родѣ неподражаемо хороша по интимности описываемыхъ въ ней отношеній и по единодушію обоихъ любовниковъ при одной возлюбленной. Очень эффектны тѣ разнаряженныя гризетки, которыя намазывались благовонными маслами, носили модную прическу и вышитыя золотомъ, влачившіяся по землѣ платья и въ такомъ убранствѣ появлялись на сценѣ или даже занимались на сценѣ своимъ туалетомъ. Вслѣдъ за ними появляются или сводни самаго низшаго разряда въ родѣ той, какая выведена на сцену въ комедіи *Куркуліо*, или дуэньи въ родѣ Гётевской старухи Варвары, какъ напримѣръ Скафа въ комедіи *Домовой* (*Mostellaria*); нѣтъ недостатка и въ готовыхъ къ услугамъ братьяхъ и товарищахъ. Роли пожилыхъ людей многочисленны и разнообразны: на сценѣ появляется отецъ, то строгій и скупой, то нѣжный и мягкосердечный, то снисходительно устраивающій свиданія между любовниками; появляются: влюбленный старикъ, старый услужливый холостякъ, ревнивая пожилая хозяйка дома съ своею старою горничной, которая всегда беретъ сторону своей госпожи противъ ея супруга; напротивъ того, роли молодыхъ людей занимаютъ второстепенное мѣсто и ни первый любовникъ, ни изрѣдка появляющійся на сценѣ примѣрный добродѣтельный сынъ не имѣютъ большаго значенія. Принадлежащіе къ категоріи слугъ, хитрый камердинеръ, взыскательный дворецкій, пожилой благонамѣренный воспитатель, пахатный рабъ, отъ котораго пахнетъ чеснокомъ, дерзкій мальчишка, уже служатъ переходомъ къ очень многочисленнымъ ролямъ лицъ, занимающихся какииъ-нибудь спеціальнымъ ремесломъ. Въ числѣ ихъ постоянно появляется на сценѣ забавникъ (*parasitus*), который за позволеніе садиться за обѣденный столъ богача обязанъ занимать гостей смѣшными разсказами и шарадами, а иногда и терпѣливо выносить, если ему бросали въ лице черепки разбитой посуды; въ Аѳинахъ это было въ ту пору особымъ ремесломъ и въ томъ не было никакого поэтическаго вымысла, когда такого блюдолиза представляли на сценѣ

приготавливающимся къ исполненію своихъ обязанностей по сборникамъ остротъ и анекдотовъ. Кромѣ того очень нравились роли: повара, который не только умѣетъ прославиться приготовленіемъ необыкновенныхъ соусовъ, но также умѣетъ наживаться съ искусствомъ ученаго вора; наглаго и охотно сознающагося въ разныхъ безнравственныхъ продѣлкахъ содержателя публичнаго дома (его образцемъ можетъ служить Балліонъ въ комедіи *Луизъ*); воина — фанфарона, который ясно напоминаетъ нравы наёмниковъ временъ Діадоховъ; авантюриста по профессіи или сикофанта, безчестнаго мѣдальца, ничего не смыслящаго доктора, жреца, корабельщика, рыбака и многихъ другихъ личностей того-же разряда. Наконецъ сюда же слѣдуетъ отнести и настоящія характерныя роли, какъ напримѣръ роль Менандровскаго суетѣра и роль скупца въ Плавтовской комедіи *Горшокъ съ золотомъ* (*Aulularia*). Даже и въ этомъ послѣднемъ своемъ произведеніи національная эллинская поэзія обнаружила свою несокрушимую творческую силу; но душевныя движенія здѣсь уже скорѣй скопированы внѣшнимъ образомъ, чѣмъ глубоко прочувствованы, и тѣмъ болѣе скопированы, чѣмъ ближе задача автора подходитъ къ истинно-поэтической, — замѣчательнъ тотъ фактъ, что въ только-что упомянутыхъ нами характерныхъ роляхъ психологическая правда болѣею частію замѣняется развитіемъ отвлеченной идеи: такъ напримѣръ скряга собираетъ обрѣзки своихъ ногтей, а о пролитыхъ слезахъ жалѣетъ, какъ о бесполезно истраченной водѣ. Впрочемъ отсутствіе глубокой характеристики и вообще всю поэтическую и нравственную пустоту этой новой комедіи слѣдуетъ отнести къ винѣ не столько сочинителей комедій, сколько всей націи. Прежнія спеціальныя отличія Грековъ уже совершенно исчезли; среди нихъ уже нельзя было найти ни любви къ отечеству, ни народной вѣры, ни домашней жизни, ни благородныхъ подвиговъ, ни благородныхъ помысловъ; поэзія, исторія и философія дошли до полнаго истощенія и Аѳинянину уже ничего не оставалось, кромѣ школы, рыбнаго рынка и публичнаго дома, — поэтому нисколько неудивительно и едва-ли достойно порицанія то, что поэзія, которая должна изображать самыя возвышенныя человѣческія чувства, не извлекла изъ такой жизни ничего, кромѣ того, что мы находимъ въ комедіяхъ Менандра. При этомъ достоинъ вниманія тотъ фактъ, что поэзія того времени укрѣплялась и освѣжалась идеалами лишь только была въ состояніи отворотить свои взоры отъ испорченной аѳинской жизни, не впадая въ школьное подражаніе. Въ единственной дошедшей до насъ пародико-геронческой комедіи того времени. — въ Плавтовскомъ *Амфитріонѣ* вѣетъ болѣе чистымъ и болѣе поэтическимъ вдохновеніемъ, чѣмъ въ которомъ либо изъ драматическихъ произведеній того времени; здѣсь выводятся на сцену въ самыхъ рѣзкихъ между собою контрастахъ и добродушные боги, къ кото-

рымъ авторъ относится съ легкой ироніей, и благородныя личности изъ міра героевъ, и забавно-трусливые рабы, а вслѣдъ за этими комическими сценами рожденіе сына боговъ среди грома и молніи составляетъ такую заключительную сцену, которую можно назвать почти грандіозной. Но такая манера выставлять миѳы въ смѣшномъ видѣ была невинной и поэтической въ сравненіи съ изображеніемъ обыденной жизни тогдашнихъ Аѳинявъ. Съ историческо-нравственной точки зрѣнія нѣтъ никакого основанія порицать сочинителей за такое направленіе и вообще нельзя винить того или другаго сочинителя за то, что онъ становился на одинъ уровень съ своей эпохой: комедія была не причиной, а послѣдствіемъ той нравственной испорченности, которая преобладала въ народной жизни. Но именно для того, чтобъ составить себѣ вѣрное понятіе о вліяніи такихъ комедій на римскую народную жизнь, необходимо указать на пропасть, которая раскрывалась изъ-подъ той изысканности и вѣншей привлекательности. Грубости и неурискойности, которыхъ отчасти избѣгалъ Менандръ, но въ которыхъ нѣтъ недостатка у другихъ поэтовъ, составляютъ самый ничтожный изъ недостатковъ; гораздо хуже страшная пустыня, среди которой протекаетъ жизнь и въ которой нѣтъ другихъ оазисовъ, кромѣ влюбленности и опьяненія; гораздо хуже страшная проза жизни, въ которой все сколько-нибудь похожее на энтузіазмъ встрѣчается только у мошенниковъ, у которыхъ кружится голова отъ ихъ собственныхъ сумасбродныхъ замысловъ и которые занимаются своимъ мошенническимъ ремесломъ съ нѣкоторымъ воодушевленіемъ, и главнымъ образомъ гораздо хуже та безнравственная мораль, которою разукрашены въ особенности пьесы Менандра. Порокъ наказывается, добродѣтель получаетъ свою награду, а разные грѣшки прикрываются обращеніемъ на путь истины или при свадьбѣ или послѣ свадьбы. Есть пьесы,—въ родѣ Плавтовской комедіи *Третивенникъ* (*Т r i n i m u s*) и нѣкоторыхъ произведеній Теренція,—въ которыхъ всѣ дѣйствующія лица даже со влѣченіемъ рабовъ надѣлены въ нѣкоторой мѣрѣ добродѣтелями; въ нихъ встрѣчаются на каждомъ шагу и честные люди, которые поручаютъ другимъ мошенничать вмѣсто себя, и по мѣрѣ возможности дѣвчѣя невинность, и такіе любовники, которые всѣ пользуются одинаковой благосклонностью своей возлюбленной и составляютъ между собой нѣчто въ родѣ товарищества; онѣ устьяны, какъ мелкими ягодками, и общими мѣстами касательно нравственности и мѣткими правоучительными изреченіями. Но примирительный финалъ отзывается совершенной нравственной гнилостью, достойной какого нибудь Коцебу,—такъ напримѣръ въ комедіи *Вакхиды* и мошенники—сыновья и обманутые отцы всѣ вмѣстѣ отправляются кутить въ домъ публичныхъ женщинъ.

На такой-то почвѣ и изъ такихъ-то элементовъ возникла рим- Римская

комедія. ская комедія. Она не могла быть оригинальной не только потому, что не была свободна въ эстетическомъ отношеніи, но главнымъ образомъ вѣроятно потому, что подвергалась полицейскимъ стѣсненіямъ. Между дошедшими до насъ многочисленными комедіями этого рода нѣтъ ни одной, которая не выдавала-бы себя за подражаніе которой нибудь изъ греческихъ комедій; въ полномъ заголовкѣ пьесы обыкновенно обозначалось названіе греческаго образца и греческаго автора, а если—какъ то конечно случалось—возникалъ споръ о «новизнѣ» пьесы, то рѣчь шла только о томъ, была-ли пьеса уже ранѣе переведена. Комедія не только часто разыгрывается въ чужихъ краяхъ, но и обязательно должна тамъ разыгрываться, а всѣ драматическія произведенія этого рода получили свое названіе (*fabula* *Palata*) отъ того, что дѣйствіе происходитъ внѣ Рима, обыкновенно въ Афинахъ, и всѣ дѣйствующія лица Греки или вообще не Римляне. Внѣшнія условія чужеземнаго быта строго соблюдались во всѣхъ подробностяхъ и въ особенности когда рѣчь шла о такихъ предметахъ, несходство которыхъ съ римскими было ясно даже для неразвитаго Римлянина. Такъ на примѣръ, названій Римъ и Римляне тщательно избѣгаютъ, а если приходится о нихъ упоминать, то Римлянъ называютъ на чисто-греческомъ языкѣ «чужеземцами» (*barbari*); и въ часто встрѣчающихся упоминаніяхъ о деньгахъ и о монетахъ ни разу не названа римская монета. Мы составили-бы себѣ невѣрное понятіе о такихъ замѣчательныхъ и даровитыхъ писателяхъ, какъ Навій и Плавтъ, если бы приписали такія особенности ихъ свободному выбору; это странное развитие римской комедіи на чужеземной почвѣ, безъ сомнѣнія, обусловливалось вовсе не эстетическими соображеніями. Примѣнять къ Риму Аннибаловской эпохи тѣ условія общественной жизни, которыя обыкновенно изображались въ ново-аттической комедіи, значило-бы посягать на его гражданское устройство и на его нравы. Такъ какъ драматическія представленія того времени обыкновенно устраивались эдилами и преторами, которые вполнѣ зависѣли отъ сената, и даже экстраординарныя празднества, какъ на примѣръ похоронныя игры, не могли состояться безъ разрѣшенія правительства, и такъ какъ римская полиція вообще ни съ кѣмъ не церемонилась и всего менѣе съ комедіантами, то само собой понятно, почему эта комедія, даже послѣ того какъ она была принята въ число римскихъ народныхъ увеселеній, не смѣла выводить на сцену ни одного Римлянина и оставалась какъ-бы сосланной въ чужія страны. — Еще гораздо рѣшительнѣе запрещалось передѣльвателямъ комедій упоминать съ похвалой или съ порицаніемъ племена живыхъ людей, равно какъ дѣлать какіе либо лукавыя намѣки на современныя событія. Насколько намъ извѣстенъ репертуаръ Плавтовскихъ и послѣ-Плавтовскихъ комедій, въ немъ нельзя было найти ни одного повода для иска о личномъ оскорбленіи. За исключеніемъ нѣкоторыхъ безобидныхъ шутокъ, мы

не находимъ почти никакихъ слѣдовъ и нападокъ на италійскія общины, — нападокъ, которые могли-бы быть опасны вследствие того, что Италійцы были горячо привязаны къ своимъ муниципальнымъ учреждениямъ; исключеніе составляютъ характеристическія выраженія презрѣнія къ несчастнымъ Капуанцамъ и Ателланцамъ (стр. 658) и — что очень странно — равныя насмѣшки надъ высокохѣріемъ Пренестинцевъ и надъ ихъ плохимъ латинскимъ языкомъ *). Въ Плавтовскихъ комедіяхъ вообще нѣтъ никакихъ другихъ намековъ на современныя событія и нравы, кромѣ пожеланій успѣха на военное **) или на мирное время и кромѣ общихъ нападокъ на хлѣбпромышленниковъ и ростовщиковъ, на мотовство, на подкупы со стороны баллотирующихся кандидатовъ, на слишкомъ частое празднованіе триумфовъ, на тѣхъ, кто промышленяетъ възысканіемъ денежныхъ пеней, на прибѣгающихъ къ описи имущества, арендаторовъ податныхъ сборовъ, на высокія цѣны, установленныя продавцами оливковаго масла; только одинъ разъ встрѣчается въ *Куркуліо* напоминающая парабызы болѣе древней аттической комедіи, но не особенно язвительная (стр. 870), довольно длинная діатриба на то, что дѣлается на римской городской площади. Но даже выражая такія патріотическія чувства, которые безукоризненны съ полицейской точки зрѣнія, авторъ перебиваетъ самъ себя:

«Впрочемъ я не такъ безразсуденъ, чтобъ сталъ заботиться о государствѣ, когда есть начальство, которое обязано о немъ заботиться».

Вообще говоря, едва-ли можно себя представить комедію, которая превосходила-бы политическимъ смиреніемъ римскую комедію шестаго

*) *Vaschides* 24. *Trinuthus* 609. *Truculentus* 3, 2, 23. И Невій, который вообще не былъ такъ сдержанъ, насмѣхался надъ Пренестинцами и Ланувійцами [Сот. 21, R.] Слѣды разлада между Пренестинцами и Римлянами встрѣчаются перѣдко [Ливій 23, 20, 42, 1]; конечно съ этимъ находятся въ связи и казни во времена Пирра [стр. 393] и катастрофа, случившаяся во времена Суллы. — Невинныя шутки въ родѣ той, которая встрѣчается въ комедіи *Патинники* 160, 881, натурально пропускались цензурой. — Достоинъ вниманія и комплиментъ Массалинъ въ комедіи *Казина* 5, 4, 1.

**) Такъ напримѣръ прологъ къ комедіи *Ларчикъ* заканчивается слѣдующими словами, которыя умѣстно цитировать, потому что это — единственное современное упоминаніе объ Аннибаловской войнѣ, какое встрѣчается въ дошедшихъ до насъ литературныхъ произведеніяхъ того времени:

„Преуслѣвайте и побѣждайте съ мужествомъ, какъ это вы то сихъ поръ дѣлали. Берегите вашихъ союзниковъ и старыхъ и новыхъ, требуйте отъ нихъ помощи по вашему праву, губите враговъ, старайтесь стяжать лавры и славу, дабы побѣжденный Пуниецъ понесъ заслуженную кару“.

Четвертая строка стиховъ [аугете auxilia vobris iustis legibus] относится къ добавочнымъ повинностямъ [Ливій 25, 15; см. выше стр. 646], которыя были наложены въ 550 году на запоздавшія латинскія колоніи.

столѣтія *). Замѣчательнымъ исключеніемъ является только самый древній изъ прославленныхъ римскихъ драматическихъ писателей, Гней Невій. Хотя онъ и не писалъ настоящихъ оригинальныхъ римскихъ комедій, но немногіе дошедшіе до насъ отрывки его сочиненій наполнены намѣками на римскія дѣла и на Римлянъ. Онъ между прочимъ позволилъ себѣ не только осмѣять живописца Теодота, назвавши его по имени, но даже осмѣлился обратиться къ побѣдителю при Замѣ со стихами слѣдующаго содержанія, которыхъ не постыдился-бы самъ Аристофанъ:

*Etiam qui res magnas manu saepe gessit gloriose,
Cujus facta viva nunc vigent, qui apud gentes solus proestat,
Eum suus pater cum pallio uno ab amica abducit.*

(«Даже того, кто нерѣдко со славою доводилъ до конца великія дѣла, чьи подвиги живы до сихъ поръ, кто въ глазахъ народовъ былъ выше всѣхъ,—даже того родной отецъ утащилъ домой отъ возлюбленной въ одной рубашкѣ».)

Изъ его собственныхъ словъ:

«Теперь будутъ раздаваться вольныя рѣчи на вольныхъ играхъ»,

слѣдуетъ заключить, что онъ нерѣдко нарушалъ полицейскія запрещенія и задавалъ опасные вопросы, напримѣръ, въ родѣ такого:

«Отчего столь могущественное государство такъ скоро пришло у васъ въ упадокъ?»

На это онъ и отвѣчаетъ перечнемъ политическихъ прегрѣшеній:

«Появлялись новые ораторы—неразумные юноши».

Однако римская полиція вовсе не была расположена, подобно афинской, поощрять или даже только допускать на сценѣ оскорбленія и политическія діатрибы. За такія и другія имъ подобныя выходы Невій былъ посаженъ въ колодки и былъ выпущенъ на свободу только послѣ того, какъ въ другихъ комедіяхъ принесъ публичное покаяніе и просилъ прощенія. Эти притѣсненія, какъ кажется, и принудили его покинуть отечество; но его примѣръ послужилъ предостереженіемъ для его преемниковъ—одинъ изъ этихъ послѣднихъ очень ясно даетъ понять, что онъ вовсе не желаетъ до-

*) Поэтому слѣдуетъ быть крайне осмотрительнымъ, допуская у Плавта намѣки на современныя событія. Новѣйшія изслѣдованія устранили много ошибочныхъ догадокъ такого рода; но развѣ и намѣкъ на вакханаліи, встрѣчающійся въ *Казимъ* 5, 4, 11 [Ritschl, Paerger, 1, 192], не былъ недопустимъ съ точки зрѣнія цензуры? Однако можно придти и къ обратному выводу: изъ воспоминаній о праздествѣ Вакха въ *Казимъ* и въ нѣкоторыхъ другихъ комедіяхъ [A. p. h. 703. A. u. l. 3, 1, 3. Vassh. 53. 371. Mil. 1016 и въ особенности Men. 886] можно сдѣлать заключеніе, что они были написаны въ такую пору, когда не считалось неприличнымъ упоминавать о вакханаліяхъ.

вести себя до того, чтобъ ему затыкали ротъ такъ-же, какъ затыкали ротъ его собрату Невію. Такимъ образомъ достигли того почти столь-же безпримѣрнаго результата, какъ и побѣда надъ Аннибаломъ, — что въ эпоху самаго лихорадочнаго народнаго возбужденія возникъ національный театръ, совершенно безвѣстный въ политическомъ отношеніи.

Но поэзія задыхалась въ этихъ узкихъ и мучительно-сжимавшихъ колодкахъ, которыя были на нее наложены правами и полиціей. Не безъ основанія Невій находилъ, что положеніе поэта подъ скипетромъ Лагидовъ и Селевкидовъ можно назвать завиднымъ въ сравненіи съ положеніемъ поэта въ свободномъ Римѣ *). Успѣхъ того или другаго драматическаго произведенія, естественно, зависѣлъ отъ внутреннихъ достоинствъ самаго произведенія и отъ даровитости автора; но каковы-бы ни были индивидуальныя различія, всѣ пьесы этого переводнаго репертуара неизбежно должны были сходиться въ нѣкоторыхъ общихъ основныхъ чертахъ, такъ какъ всѣ комедіи подчинялись однимъ и тѣмъ-же условіямъ сценическаго исполненія и приспособлялись къ требованіямъ одной и той-же публики. Ихъ передѣлка была въ высшей степени вольной какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ, да иначе и быть не могло. Оригинальныя пьесы исполнялись передъ той самой публикой, которую онѣ изображали, и именно этому были обязаны своей привлекательностью, а римская публика того времени была такъ непохожа на аѳинскую, что вовсе не была въ состояніи вѣрно понимать условія того чужеземнаго быта. Въ домашней жизни Эллиновъ Римлянамъ не были понятны ни ея мягкость и гуманность, ни ея сентиментальность и снаружи прикрашенная пустота. Міръ рабовъ былъ тамъ совершенно иной: римскій рабъ принадлежалъ къ домашней утвари, а аѳинскій рабъ входилъ въ составъ прислуги, — поэтому, когда въ комедіи шла рѣчь о бракѣ между лицами рабскаго званія или приводился гуманный разговоръ между господиномъ и рабомъ, то римскіе переводчики предупреждали публику, что такія сцены обыкновенное явленіе въ Аѳинахъ и потому не должны ее удивлять **);

Характеръ римской передѣлки комедій.

Дѣйствующія лица и драматическія положенія.

*) Замѣчательное мѣсто въ пьесѣ *Двушника изъ Тарента* не можетъ быть объяснено въ какомъ либо яномъ смыслѣ:

„Того, что мнѣ доставило тамъ въ театрѣ заслуженную хвалу,
Нивакой царь въ мірѣ не осмѣлился-бы у меня оспаривать,—
Насколько-же лучше тамъ рабу, чѣмъ здѣсь свободному человѣку!“

**) Что думали въ новѣйшей Элладѣ о рабствѣ, можно составить себѣ понятіе, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ Эврипида [J o n 854; сравни. He l e n a 728]:

„Раба позорить только его названіе: во всемъ остальномъ насколько не хуже свободнаго человѣка тотъ рабъ, который ведетъ себя благородно“.

а впоследствии, когда стали писать комедии, в которых выводились на сцену Римляне, пришлось выбросить роль плутоватаго слуги, такъ какъ римская публика не выносила такихъ рабовъ, которые не уважаютъ своихъ господъ и водятъ ихъ на помочахъ. Передѣлки всего легче подчинялись не тонкія характеристическія особенности обывденной жизни, а болѣе грубые и болѣе забавныя сословныя и характерныя типы; но и изъ этихъ послѣднихъ римскимъ передѣльвателямъ комедій пришлось отбрасывать, по всему вѣроятію, самыя тонкія и самыя оригинальныя, какъ на примѣръ Фаиду, свадебную кухарку, лунную заклинательницу, Менандровскаго нищенствующаго попа, и ограничиваться предпочтительно тѣми чужеземными профессіями, съ которыми ознакомила римскую публику очень распространенная въ ту пору въ Римѣ роскошная обстановка греческаго обывденнаго стола. Если ученый поваръ и шутъ выводятся на сцену въ Плавтовскихъ комедіяхъ съ такимъ поразительнымъ предпочтеніемъ и съ такою живостью, то это объясняется тѣмъ, что уже въ ту пору греческіе повара ежедневно являлись на римскую площадь съ предложеніями своихъ услугъ и что Катонъ нашомъ нужнымъ включить въ инструкціи своему эконому запрещеніе держать шута. Переводчикъ болѣею частію не могъ пользоваться и тѣми аттическими діалогами, которые находилъ въ текстѣ своихъ подлинниковъ. Римскій гражданинъ и римскій земледѣлецъ относились къ утонченному аѳинскому кутежу и разврату почти такъ-же, какъ житель какого нибудь маленькаго нѣмецкаго городка относился къ мистеріямъ Пале-Рояля. Настоящая кухонная ученость не входила въ ихъ голову; хотя обывденныя сходки Аѳинянь часто служили предметомъ подражанія для Римлянъ, но надъ разнообразными печеньями, тонкими соусами и рыбными блюдами у нихъ постоянно преобладала простая жареная свинина. Въ передѣлкѣ пьесъ мы находимъ лишь мѣстами слабыя слѣды тѣхъ загадокъ и застольныхъ пѣсенъ, той греческой риторики и греческой философіи, которыя

Обдѣлка сюжета.

играютъ столь важную роль въ подлинникахъ.—Римскіе передѣльватели комедій, будучи вынуждены многое выбрасывать въ угоду публики, неизбѣжно должны были прибѣгать къ разнымъ ступенкамъ и перетасовкамъ, съ которыми несовмѣстима художественная обработка сюжета. Обыкновенно, не только выкидывались изъ оригинала цѣлыя роли, но вмѣсто нихъ вставлялись другія роли, заимствованныя изъ комедій того-же автора или даже какого нибудь другаго сочинителя; впрочемъ, благодаря вѣншей рациональной обработкѣ сюжета въ подлинникахъ и благодаря тому, что характеры и мотивы проведены въ нихъ съ большою выдержанностью, содержаніе пьесъ отъ этого страдало еще не столько, сколько можно было ожидать. Кромѣ того, по меньшей мѣрѣ въ болѣе раннюю пору, сочинители позволяли себѣ самыя странныя вольности отно-

сительно обработки сюжета. Содержаніе столь превосходной въ другихъ отношеніяхъ комедіи *Stichus* (исполненной въ 554 году) заключается въ томъ, что отецъ старается склонить двухъ своихъ дочерей къ разводу съ ихъ отсутствующими мужьями, и что онѣ разыгрываютъ роль Пенелопы до той минуты, когда мужья возвращаются домой съ крупной торговой прибылью и привозятъ въ подарокъ тестю красивую дѣвушку. Въ пользовавшейся особымъ успѣхомъ, комедіи *Casina*, вовсе не появляется на сценѣ невеста, по имени которой названа пьеса и вокругъ которой вращается все дѣйствіе, а развязка очень наивно сообщается въ эпилогѣ, какъ «имѣющая произойти впоследствии». Нерѣдко случается, что сложная интрига внезапно прерывается, нить дѣйствія бросается и кромѣ того выступаетъ наружу не мало другихъ признаковъ незрѣлости искусства. Причину этого, по всему вѣроятію, слѣдуетъ искать не столько въ неумѣлости римскихъ передѣльвателей, сколько въ пренебреженіи римской публики къ требованіямъ эстетики. Однако вкусъ сталъ мало по малу изощряться. Въ своихъ позднѣйшихъ комедіяхъ, Плавтъ, очевидно, съ бѣльшимъ тщаніемъ относился къ композиціи; такъ напримѣръ въ его комедіяхъ *Пльнники*, *Хвастунъ* и *Вакхиды* дѣйствіе ведено въ своемъ родѣ мастерски; его преемникъ Цецилій, отъ котораго до насъ дошло никакихъ драматическихъ произведеній, славился художественною обработкой своихъ сюжетовъ.—Въ отдѣлкѣ подробностей встрѣчаются самые странные контрасты вслѣдствіе старанія автора быть какъ можно болѣе понятнымъ для римскаго слушателя и вслѣдствіе требованія психіи, чтобъ пьесы несходили съ иноземной почвы. Римскіе боги, богослужебные, военные и юридическіе термины производятъ странное впечатлѣніе въ сферѣ греческаго быта; римскіе эдилы и триумвиры появляются въ перемѣшбу съ агрономами и демархами; пьесы, дѣйствіе которыхъ происходитъ въ Этоліи или въ Эпидамнѣ, безъ всякой церемоніи переносятъ зрителя въ Велабрь *) и въ Капитолій. Такая манера налагать на греческій фонъ въ видѣ пятна мѣстныхъ римскія краски уже была сама по себѣ варварскимъ искаженіемъ оригинала; но эти искаженія нерѣдко очень забавны по своей наивности; съ ними гораздо легче примириться, чѣмъ съ той сплошной передѣлкой пьесъ на грубый тонъ, которую передѣльватели считали необходимой въ виду далеко неаттическаго образованія публики. Нѣкоторые изъ ново-аттическихъ поэтовъ, правда, вовсе не нуждались въ постороннемъ содѣйствіи, когда старались поддѣлываться подъ вкусы черни; такіа пьесы, какъ Плавтовская комедія *Asinaria*, были обязаны своей неподражаемой нечѣпостью и пошлостью главнымъ образомъ не переводчику. Тѣмъ не менѣ

Римская
грубость.

*) Velabrum—улица въ Римѣ, къ сѣверу отъ Авентина [прим. перев.]

въ римскихъ комедіяхъ до такой степени преобладають грубыя мотивы, что эту особенность можно объяснить только привычкой переводчиковъ дѣлать отъ себя вставки или по меньшей мѣрѣ тѣмъ, что они дѣлали выборку изъ оригиналовъ съ очень односторонней точки зрѣнія. Въ безконечно возобновляющихся побояхъ и въ постоянно размахиваемой надъ спиною раба плети ясно проглядываютъ Катоновскіе принципы домохозяина, точно такъ же какъ въ нескончаемыхъ нападкахъ на прекрасный полъ ясно проглядываетъ Катонская оппозиція противъ женщинъ. Въ числѣ остротъ собственного изобрѣтенія, которыми римскіе передѣльватели считали не лишнимъ приправлять вязныя аттическіе діалоги, есть не мало такихъ, которыя отличаются почти невѣроятной бессмысленностью и грубостью *).

Напротивъ того въ томъ, что касается метрической отдѣлки, передѣльвателямъ комедій дѣлають много чести гибкость и звучность стиховъ. Если ямбическіе триметры, господствовавшіе въ оригиналахъ и только одни подходившіе къ ихъ ровному разговорному тону, очень часто замѣнялись въ латинскихъ передѣлкахъ тетраметрами ямбовъ или трохеевъ, то причину этого также слѣдуетъ искать не столько въ неумѣлости передѣльвателей, хорошо владѣвшихъ триметромъ, сколько въ неравнотности вкуса римской публики, которой нравилось роскошное полнозвучіе длинныхъ стиховъ даже тогда, когда оно было вовсе неумѣстно. — Наконецъ и сценическая поста-

**Стихотворный раз-
мѣръ.**

*) Такъ напримѣръ въ Плавтовской комедіи *Stichus*, во время одного очень милаго въ иныхъ отношеніяхъ разговора отца съ дочерью о качествахъ хорошей жены, дѣлается вовсе неумѣстный вопросъ на комъ лучше жениться — на дѣвушкѣ или на вдовѣ; а вставленъ этотъ вопросъ только для того, чтобы вызвать не менѣе неумѣстную и совершенно бессмысленную въ устахъ дочери выходку противъ женщинъ. Но это еще мелочь въ сравненіи съ слѣдующимъ примѣромъ. Въ Менандровскомъ *Ожерельи* мужъ жалуется приятелю на свое горе:

А. Ты конечно знаешь, что я женился на богатой наследницѣ Лазія?—Б. Конечно, знаю.—А. Ей принадлежать и этотъ домъ и эти поля и все что кругомъ, но видитъ Богъ! она для насъ хуже всякой невзгоды. Она въ тягость всѣмъ и каждому, не только одному мнѣ, но также сыну и даже дочери.—Б. Конечно, я знаю, что это такъ.

Въ латинской передѣлкѣ Цеплія изъ этого вязнаго по своей крайней простотѣ діалога вышель слѣдующій сальный разговоръ:

Б. Стало быть твоя жена сварлива, не правда-ли? — А. Лучше объ этомъ не говори!—Б. Отчего-же?—А. Я хотѣлъ-бы объ этомъ позабыть. Только что приду домой и сяду, она выгоняетъ меня своимъ холоднымъ поцѣлуемъ.—Б. Ну! что касается поцѣлуя, то онъ совершенно кстати; вѣдь она хочетъ, чтобы тебя вытошнило тѣмъ, что ты выпилъ внѣ дома.

новья пьесъ носить на себѣ такой-же отпечатокъ пренебреженія и дирекціи и публики къ эстетическимъ требованіямъ. Греческая театральная сцена, отказывавшаяся отъ настоящей мимики потому что театръ былъ слишкомъ большихъ размѣровъ и потому что представления давались днемъ, замѣщавшая женскія роли мужчинами и безусловно нуждавшаяся въ искусственномъ усиленіи голоса актеровъ, не могла избѣжать—и въ сценическомъ отношеніи и въ акустическомъ—употребленія лицевыхъ и звуковыхъ масокъ. Съ употребленіемъ и тѣхъ и другихъ были хорошо знакомы и Римляне: на любительскихъ спектакляхъ актеры появлялись не иначе, какъ въ маскахъ. Однако разыгрывавшимъ въ Римѣ греческія комедіи актерамъ не давали необходимыхъ для ихъ ролей и безъ сомнѣнія гораздо искуснѣе сдѣланныхъ греческихъ масокъ; а это обстоятельство, помимо всѣхъ другихъ и въ связи съ плохимъ акустическимъ устройствомъ сцены *) , не только принуждало актера до крайности усиливать голосъ, но и побудило Ливія прибѣгнуть къ вовсе нехудожественной но неизбѣжно необходимой уловкѣ: онъ ввелъ въ обыкновеніе, что тѣ мѣста пьесы, въ которыя входило пѣніе, исполнялись какимъ-нибудь пѣвцомъ, не принадлежавшимъ къ числу дѣйствующихъ лицъ, а тотъ актеръ, въ роль котораго входило пѣніе, вторилъ тому пѣвцу только безмолвной мимикой. Кромѣ того, организаторы римскихъ празднествъ не находили надобности тратиться на декорации и машины. И въ Атикѣ на сценѣ обыкновенно изображалась на заднемъ планѣ улица съ домами, и тамъ не было никакихъ передвижныхъ декораций; однако въ числѣ разныхъ другихъ аппаратовъ тамъ существовали нужныя приспособленія для того, чтобъ выдвигать впередъ сцену меньшихъ размѣровъ, изображавшую внутренность дома. Но въ римскомъ театрѣ не было такихъ приспособленій; поэтому едва-ли можно упрекать сочинителей за то, что у нихъ все происходитъ на улицѣ—даже разрѣшеніе женщинъ отъ бремени.

Такова была римская комедія шестаго столѣтія. Тотъ способъ и тотъ путь, которыми греческія драматическія произведенія были перенесены въ Римъ, дають намъ неоцѣнимыя въ историческомъ отношеніи указанія на различія въ культурѣ двухъ народовъ; но какъ въ эстетическомъ такъ и въ нравственномъ отношеніи оригиналь стоялъ не высоко, а копія стояла еще ниже. Хотя передѣлыватели комедій, заимствовавшіе свои сюжеты изъ міра нищенствующей сволочи, и не считали своей обязанностью неуклонно придерживаться условій иноземнаго быта, все таки этотъ міръ казался Римлянамъ непонятнымъ и страннымъ, а тонкія характеристическія

Сценическая постановка.

Эстетическій результатъ.

*) Даже когда стали строиться каменные театры, въ нихъ не дѣлалось тѣхъ акустическихъ приспособленій, посредствомъ которыхъ греческіе архитекторы облегчали трудъ актеровъ [Vitruv. 5, 5, 8].

черты приходилось отбрасывать; комедія уже не стояла на почвѣ дѣйствительности, а дѣйствующія лица и драматическія положенія точно будто перемѣшивались на удачу, какъ въ карточной колодѣ; въ оригиналѣ все это было вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительной жизни, а въ передѣлкѣ все это казалось карикатурой. Театральная дирекція была способна доходить до такой бессмыслицы, что возвѣщала о греческомъ *агоннѣ* (состязаніи), который будетъ происходить съ участіемъ флейтистовъ, плясовыхъ хоровъ, актеровъ и атлетовъ, и въ концѣ концовъ превращала все представленіе въ простую драку (стр. 872); а публика, — какъ на это жаловались даже позднѣйшіе сочинители — массаи уходила съ театрального представленія, если ей представлялся гдѣ нибудь случай посмотрѣть на кулачныхъ бойцовъ, на акробатовъ или на гладиаторовъ; поэтому римскіе драматическіе писатели, работавшіе какъ поденщики и занимавшіе низкое общественное положеніе, были принуждены болѣе или менѣе примѣняться къ вкусамъ легкомысленной и грубой публики наперекоръ и своему собственному болѣе высокому умственному развитію и своему собственному болѣе изящному вкусу. Отъ нихъ и нельзя было ожидать болѣе того, что въ ихъ средѣ все таки появились полные жизни и свѣжести даровитые писатели, которые по меньшей мѣрѣ отбрасывали въ поэзіи все, что было въ ней иноземнаго и натянутого, и, не уклоняясь отъ однажды избраннаго пути, создали привлекательныя и даже не лишеныя важнаго значенія драматическія произведенія. Во главѣ ихъ стоитъ Невій; это былъ первый Римлянинъ, достойный названія поэта, а насколько мы можемъ судить о немъ по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ и по небольшимъ отрывкамъ его сочиненій, онъ, какъ кажется, былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ писателей во всей римской литературѣ. Онъ былъ нѣсколько моложе своего современника Андроника — его поэтическая дѣятельность началась значительно ранѣ Аннибаловской войны, а прекратилась, вѣроятно, уже послѣ окончанія этой войны; онъ подчинялся вліянію Андроника и, — какъ это обыкновенно бываетъ, когда литература создана искусственнымъ образомъ — упражнялся во всѣхъ тѣхъ видахъ искусства, какими занимался его предшественникъ; въ эпической поэзіи, въ сочиненіи трагедій и комедій и даже въ томъ, что касается метрическаго размѣра, онъ строго слѣдовалъ примѣру Андроника. Тѣмъ не менѣе какъ между этими двумя поэтами, такъ и между ихъ произведеніями лежала неизмѣримо глубокая пропасть. Невій не былъ ни вольноотпущенникомъ, ни школьнымъ учителемъ, ни актеромъ, а былъ хотя и не знатнымъ, но безукоризненнымъ гражданиномъ, по всему вѣроятію, одной изъ находившихся въ Кампаніи латинскихъ общинъ и служилъ солдатомъ въ первую пуническую войну *). Въ

Невій.

*) Биографическія свѣдѣнія о Невіи очень сбивчивы. Такъ какъ онъ сражался

противоположность съ языкомъ Ливіа, языкъ Невія легокъ и чистъ; въ немъ вовсе нѣтъ жесткости и афектаціи и даже въ трагедіи Невіи какъ будто намѣренно избѣгаетъ всего, что отзывается пафосомъ; стихи Невія текутъ легко и красиво несмотря на нерѣдко встрѣчающіеся гіатусы и на нѣкоторые другія поэтическія вольности, которыя были впоследствии устранены *). Квази-поэзія Ливіа, подобно Готтшедовской поэзіи у Нѣмцевъ, исходила изъ чисто-внѣшнихъ импульсовъ и рабски подражала греческимъ поэтамъ; напротивъ того, преэмики Ливія эманципировалъ римскую поэзію и своимъ по-истинѣ поэтическимъ жезломъ прикоснулся до тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ только и могла возникнуть въ Италіи національная поэзія,—до національной исторіи и до комики. Эпическія стихотворенія перестали служить только учебными пособіями для преподавателей, а стали самостоятельно обращаться къ слушателямъ и къ читателямъ. Сочиненіе пьесъ для сцены до той поры входило наравнѣ съ изготовленіемъ костюмовъ въ обязанности актера или возлагалось на его попеченіе; съ появленіемъ Невія все это совер-

въ первую пуническую войну, то онъ не могъ родиться позже 495 года. Вѣроятно въ 519 году были поставлены на сцену его первыя драматическія произведенія [Gell. 12, 21, 45]. Обыкновенно полагаютъ, что въ 550 году его уже не было въ живыхъ; но Варронъ [у Цицерона В г u t i u s 15, 60] этому не вѣритъ и конечно не безъ основанія: если бы это была правда, то слѣдовало-бы полагать, что во время Аннибаловской войны Невій укрылся въ непріятельской странѣ. И саркастическіе стихи на Сципіона [стр. 891] не могли быть написаны ранѣе битвы при Замѣ. Слѣдуетъ полагать, что онъ жилъ между 490 и 560 годами, такъ что онъ былъ современникомъ обонхъ Сципіоновъ, убитыхъ въ 543 году [Cicero, De Rep. 4, 10] и былъ десятию годами моложе Андроника и, можетъ быть, десятию годами старше Плавта. На то, что онъ былъ уроженцемъ Кампаніи, указываетъ Геллій, а то, что онъ былъ латинской національности,—если бы это чуждалось въ доказательствахъ,—видно изъ написанной имъ собственной эпитафіи. Если онъ былъ не римскимъ гражданиномъ, а гражданиномъ Калеса или какого либо другаго города Кампаніи, то этимъ можно объяснить, почему римская полиція обходилась съ нимъ такъ безпощадно. Актеромъ онъ не могъ быть, потому что служилъ въ арміи.

259
235
204

264 194
211

*) Для примѣра можно сравнить съ Ливіевскими стихами слѣдующія строки изъ трагедіи Невія *Ликурга*:

Вы—хранители царской особы,
Спѣшите въ то листвообильное мѣсто,
Гдѣ самъ собою выросъ несаженный кустарникъ.

или знаменитыя слова, которыя въ *Процианіи Гектора* этотъ послѣдній говорить Пріаму:

Мила мнѣ родитель хвала отъ тебя, многославнаго мужа,
и прелестный стихъ изъ *Дьюушки изъ Турента*:

Alii adnutat, alii adnctat; alium amat, alium tenet.
[Кому кивнеть, кому подмигнеть; кого любить, кого держать въ рукахъ.]

шенно измѣнилось и актеръ сдѣлался слугою сочинителя. Вся поэтическая дѣятельность Невія носитъ на себѣ національный отпечатокъ. Это всего ярче выступаетъ наружу въ его серьезной національной драмѣ и въ его национальномъ эпосѣ, о которыхъ будетъ идти рѣчь далѣе; но и въ комедіяхъ, — которыя по видимому болѣе всѣхъ другихъ его поэтическихъ произведеній соответствовали его дарованіямъ и имѣли болѣе всѣхъ успѣха (стр. 890) — по всему вѣроятію, только внѣшнія соображенія заставляли его придерживаться греческихъ оригиналовъ, что не помѣшало ему далеко превзойти неподдѣльной веселостью и вѣрнымъ изображеніемъ тогдашней жизни какъ своихъ послѣдователей, такъ и безцвѣтныхъ оригинальныхъ писателей; это даже не помѣшало ему пойти въ нѣкоторомъ смыслѣ по слѣдамъ Аристофановской комедіи. Онъ самъ это признавалъ, а въ своей эпитафіи высказалъ, чѣмъ онъ былъ для своей націи:

«Если бы богамъ было прилично оплакивать смертныхъ,
То божественныя Камени стали-бы оплакивать поэта Невія,
Такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ переселился въ царство тѣней,
Въ Римѣ заглохла слава римскаго краснорѣчія».

И какъ человекъ и какъ поэтъ, Невій былъ въ правѣ выражаться съ такою гордостью: онъ пережилъ тяжелыя времена войны съ Амиліаномъ и съ Аннибаломъ и частію самъ въ нихъ участвовалъ, а для всеобщаго восторженнаго ликованія онъ умѣлъ найти если не самое возвышенное поэтическое выраженіе, то по меньшей мѣрѣ приличное, ловкое и національное. Ранѣе (стр. 891) уже было рассказано, что черезъ это онъ вошелъ въ столкновеніе съ властями и вѣроятно по этой причинѣ долженъ былъ покинуть Римъ и кончить свою жизнь въ Утикѣ. И въ этомъ случаѣ жизнь одного человека была принесена въ жертву общественному благу, а то, что прекрасно, было принесено въ жертву тому, что полезно. — Его младшій современникъ, Титъ Макцій Плавтъ (500? — 570), какъ кажется, былъ гораздо ниже и по своему общественному положенію и по понятію о своемъ поэтическомъ призваніи. Онъ былъ родомъ изъ маленькаго умбрійскаго городка Сассины, въ ту пору, быть можетъ, уже получившаго латинское право, и жилъ въ Римѣ въ званіи актера; а послѣ того, какъ онъ потерялъ въ коммерческихъ спекуляціяхъ все, что нажилъ своимъ ремесломъ, онъ сталъ сочинять пьесы для театра и передѣлывать греческія комедіи, не распространяя своей дѣятельности ни на какія другія отрасли литературы и, по всему вѣроятію, не заявляя никакихъ притязаній на настоящее литературное творчество. Въ ту пору въ Римѣ, какъ кажется, было не мало людей, ремесло которыхъ заключалось въ передѣлкѣ комедій, но они вообще не публиковали *) своихъ пьесъ;

Плавтъ.
254—184

*) Это предположеніе кажется необходимымъ, потому что иначе не было-бы

поэтому их имена остались неизвестными, а то, что уцѣлѣло изъ этого репертуара, впоследствии приписывалось самому популярному изъ нихъ—Плавту. Писатели слѣдующаго столѣтія насчитывали до ста тридцати такихъ «Плавтовскихъ пьесъ», изъ которыхъ, конечно, большая часть была только просмотрѣна Плавтомъ или была составлена безъ всякаго участія съ его стороны; главныя изъ нихъ дошли до насъ. Тѣмъ не менѣе очень трудно, если не совершенно невозможно составить себѣ основательное понятіе о поэтическихъ особенностяхъ Плавта, какъ передѣлывателя комедій, потому что подлинники его передѣлокъ не дошли до насъ. Что передѣлкѣ подвергались безъ разбора и хорошія и дурныя пьесы, что она подчинялась требованіямъ и полиціи и публики, что она относилась къ требованіямъ эстетики съ такимъ-же пренебреженіемъ, какъ публика, и въ угоду этой послѣдней вносила въ подлинники шутовскія и площадныя выходки—все это такіе упреки, которые падаютъ скорѣе на всю фабрикацію переводныхъ пьесъ, чѣмъ на котораго либо изъ переводчиковъ въ отдѣльности. Съ другой стороны мы можемъ отнести къ отличительнымъ особенностямъ Плавта мастерское умѣнье владѣть языкомъ, разнообразіе приемъ, рѣдкое умѣнье пользоваться драматическимъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ и обрисовывать это положеніе, примѣняясь къ требованіямъ сцены, почти всегда искусно веденныя, а нерѣдко и превосходныя діалоги и главнымъ образомъ безыскусственную наивную веселость, которая производитъ неотразимое комическое впечатлѣніе то удачными смѣшными выходками, то избыткомъ бранныхъ выраженій, то забавною игрою словъ, то неожиданными и нерѣдко выражающимися только въ мимикѣ драматическими положеніями;—а это такія преимущества, по которымъ мы невольно узнаемъ бывшаго актера. Безъ сомнѣнія и этими достоинствами передѣлыватель былъ обязанъ скорѣе тому, что заимствовалъ все, что было лучшаго въ подлинникахъ, а не самостоятельному творчеству,—такъ какъ все, что можетъ быть несомнѣнно приписано переводчику, по самой снисходительной оцѣнкѣ посредственно; но именно этимъ и объясняется, почему Плавтъ сдѣлался и остался настоящимъ римскимъ народнымъ поэтомъ и настоящимъ средоточіемъ римской театральнаго сцены и почему даже послѣ крушенія римскаго міра театръ еще неоднократно прибѣгалъ къ его

возможности колебаться, подобно древнимъ, въ разрѣшеніи вопроса о подлинности или не подлинности Плавтовскихъ пьесъ; между собственно такъ называемыми древними римскими писателями нѣтъ ни одного, которому приписывались бы тѣ или другія литературныя произведенія хотя-бы приблизительно съ такою-же неувѣренностью. И въ этомъ отношеніи точно такъ-же, какъ во многихъ другихъ внѣшнихъ условіяхъ, существуетъ замѣчательное сходство между Плавтомъ и Шекспиромъ.

Цецилій. произведеніямъ. — Еще гораздо менѣе возможна для насъ вѣрвая оцѣнка третьяго и послѣдняго (такъ какъ Энній хотя и писалъ комедіи, но вообще безъ всякаго успѣха) изъ славившихся въ ту эпоху сочинителей комедій—Стація Цецилія. По своему общественному положенію и по своей профессіи онъ можетъ быть поставленъ на ряду съ Плавтомъ. Будучи родомъ изъ кельтской страны, изъ окрестностей Медиолана, онъ попалъ въ Римъ въ числѣ военноплѣнныхъ Инсубровъ (стр. 555, 662) и жилъ тамъ въ качествѣ раба, а потомъ въ качествѣ вольноотпущенника, занимаясь передѣлкой греческихъ комедій для театра до своей смерти, по всему вѣроятію постигшей его преждевременно (586). Его языкъ не отличался чистотой, что объясняется его происхожденіемъ; за то онъ—какъ уже было ранѣе замѣчено (стр. 895)—тщательнѣе другихъ заботился объ обработкѣ сюжета. Его пьесы не были въ большомъ ходу у его современниковъ, да и позднѣйшая публика предпочитала имъ пьесы Плавта и Теренція; если же критики, принадлежавшіе къ настоящей литературной эпохѣ Рима,—къ эпохѣ Варрона и Августа, удѣляли Цецилію первое мѣсто между римскими передѣльвателями греческихъ комедій, то это повидимому объясняется склонностью плохихъ критиковъ отдавать предпочтеніе поэтической посредственности передъ всякимъ одностороннимъ превосходствомъ. Тѣ цѣнители искусства, вѣроятно, вступались за Цецилія только потому, что онъ придерживался установленныхъ правилъ строже, чѣмъ Плавтъ, и что у него было болѣе выразительности, чѣмъ у Теренція,—что, конечно, не мѣшало ему быть гораздо ниже и Плавта и Теренція.

Нравственный резуль- Если же историкъ литературы, отдающій полную справедливость почтеннымъ дарованіямъ римскихъ комическихъ писателей, не можетъ признать ихъ переводныя произведенія ни за замѣчательныя, ни за безупречныя въ художественномъ отношеніи, то сужденіе историка объ ихъ нравственномъ достоинствѣ должно быть еще гораздо болѣе строгимъ. Лежащая въ ихъ основѣ греческая комедія не обращала вниманія на нравственность, потому что стояла на одномъ уровнѣ съ нравственною испорченностью своей публики; но въ ту переходную эпоху отъ старинной строгости нравовъ къ новой нравственной испорченности римская театральная сцена была высшей школой и эллинизма и пороковъ. Эта полу-аттическая, полу-римская комедія отличалась такой и тѣлесной и душевной проституціей, которая незаконно присвоивала себѣ названіе любви и была одинаково безнравственна и въ своемъ безстыдствѣ и въ своемъ сентиментализмѣ; въ ней выставлялось какое-то отталкивающее и противозаконное благородство, постоянно превозносилось препровожденіе времени въ кутежахъ и постоянно представлялась какая-то смѣсь мужицкой грубости съ утонченными вкусами чужеземцевъ; поэтому она превратилась въ непрерывное проповѣдываніе римско-эллисской

деморализаціи, да и въ общемъ мнѣніи имѣла именно такую цѣль. Доказательствомъ этого можетъ служить эпилогъ Плавтовскихъ *Плутниковъ*:

«Въ этой комедіи нѣтъ вовсе ничего предосудительнаго съ нравственной точки зрѣнія: въ ней нѣтъ рѣчи ни о волокитствѣ, ни о подкинутомъ ребенкѣ, ни о мошенническомъ присвоеніи чужихъ денегъ, ни о сынѣ, покупающемъ дѣвушку безъ согласія отца. Поэты рѣдко сочиняютъ такія-же комедіи, которыя дѣлаютъ хорошихъ людей еще лучшими. Если вы одобряете нашу благопристойность, то вознаградите насъ за нее вашими рукоплесканіями».

Отсюда видно, какъ смотрѣла на греческую комедію партія нравственной реформы; мы можемъ съ своей стороны присовокупить, что даже въ этихъ бѣлыхъ воронахъ—въ этихъ благонаправныхъ комедіяхъ нравственность была такого рода, что лишь помогала вовлечь невинность въ обольщенія. Развѣ ктонибудь можетъ сомнѣваться въ томъ, что эти комедіи на самомъ дѣлѣ способствовали развращенію нравовъ? Когда царю Александру не повправилась одна изъ такихъ комедій, которую прочелъ ему вслухъ самъ авторъ, то этотъ послѣдній объяснилъ въ свое оправданіе, что виною этого не авторъ, а самъ царь: чтобъ находить удовольствіе въ такихъ пьесахъ, надо имѣть привычку проводить время въ кутежахъ и изъ-за какойнибудь дѣвушки раздавать и получать побои. Этотъ человекъ хорошо зналъ свое ремесло; если-же эти комедіи стали мало по малу нравиться римскому гражданству, то для всякаго ясно, чего это стоило. Римское правительство заслуживаетъ упрека не за то, что оно такъ мало сдѣлало для этой поэзіи, а за то, что оно ее терпѣло. Хотя пороки живучи и безъ каеэдры, съ которой ихъ проповѣдуютъ, но это не оправдываетъ учрежденія такой каеэдры. То было скорѣе пустой отговоркой, чѣмъ серьезнымъ оправданіемъ, что заимствованную отъ Эллиновъ комедію устраняли отъ непосредственнаго сопрیکосновенія съ римскими жителями и съ римскими учрежденіями. Напротивъ того, комедія, по всему вѣроятію, имѣла-бы менѣе вредное вліяніе на нравственность, еслибы ей дали болѣе свободы, еслибы облагородили званіе поэта и еслибы не мѣшали развиваться сколько-нибудь самостоятельной римской поэзіи, такъ какъ поэзія—нравственная сила, и если она иногда наноситъ глубокія раны, за то она способна и многое залечивать. На дѣлѣ оказалось, что и въ этой сферѣ правительствомъ было сдѣлано съ одной стороны слишкомъ мало, а съ другой слишкомъ много; политическое двоедушіе и нравственное лицемеріе его театральной полиціи имѣли свою долю участія въ страшно-быстромъ разложеніи римской націи.

Однако возникновеніе латинской національной комедіи не сдѣла. **Національ-
ная комедія.**

лось безусловно невозможнымъ оттого, что правительство не дозволяло сочинителямъ римскихъ комедій изображать порядки ихъ роднаго города и выводить на сцену ихъ согражданъ; вѣдь римское гражданство еще не слилось въ ту пору съ латинской націей и поэту ничто не мѣшало выбирать сценою для пьесы Афинны или Массалию, или который либо изъ италійскихъ городовъ, пользовавшихся латинскимъ правомъ. Дѣйствительно, именно этимъ путемъ возникла оригинальная латинская комедія (*fabula togata* *)); древнѣйшимъ изъ сочинителей такихъ комедій, сколько намъ извѣстно, былъ Тициній, славившійся, по всему вѣроятію, въ концѣ описываемой эпохи **). И для этой комедіи служили образцами ново-аттическія

89—49

*) Словомъ *togatus* обозначали какъ на юридическомъ, такъ и вообще на техническомъ языкѣ Италійцевъ, противоположность не только съ чужеземцами, но и съ римскими гражданами. Это видно главнымъ образомъ изъ того, что *formula togatorum* [*Corp. Inscr. Lat.*, 1, ном. 200 съ 21—50] означала списокъ тѣхъ обязанныхъ нести военную службу Италійцевъ, которые не служили въ легионахъ. И названіе цизальпійской или лежащей по сю сторону Альповъ Галліи—*Gallia togata*, встрѣчающееся въ первый разъ у Гирція, а вскорѣ послѣ того снова исчезнувшее изъ обыденнаго языка, обозначало эту мѣстность, вѣроятно, соотвѣтственно ея правовому положенію, такъ какъ въ періодъ времени отъ 665 до 705 года большинство тамошнихъ общинъ пользовалось латинскимъ правомъ. И Виргилій, говоря о *gens togata* [Энеида, 1, 282], о которыхъ упоминалъ на ряду съ Римлянами, вѣроятно также имѣлъ въ виду латинскую націю.—Поэтомъ и подъ словами *fabula togata* слѣдуетъ разумѣть ту комедію, которая имѣла сценою дѣйствія Лэціумъ, между тѣмъ какъ *fabula palliata* имѣла сценою дѣйствія Грецію; но эти оба рода комедій имѣли то общее сходство, что въ нихъ сценою дѣйствія служила заграничная страна, а ихъ авторамъ было запрещено изображать на сценѣ римскіе порядки и римскихъ гражданъ. Что *togata* дѣйствительно могла разыгрываться только въ городахъ, пользовавшихся латинскимъ правомъ, видно изъ того факта, что всѣ города, въ которыхъ, сколько намъ извѣстно, разыгрывались пьесы Тицинія и Афранія—Сеція, Ферентинъ, Велитры, Брундизій, пользовались латинскимъ или союзнымъ правомъ вплоть до войны съ союзниками. Съ распространеніемъ правъ гражданства на всю Италію комическіе писатели утратили эту латинскую сцену дѣйствія, такъ какъ легально замѣнившая латинскія общины, Цизальпійская Галлія была слишкомъ отдаленной страной для столичнаго драматическаго писателя; тогда, какъ кажется, совершенно исчезла и *fabula togata*. Впрочемъ этотъ пробѣлъ пополнили такія легально окончившія свое существованіе италійскія общины, какъ Капуа и Ателла [стр. 658, 890] и относительно ихъ *fabula Atellana* служить какъ-бы продолженіемъ для *fabula togata*.

196—159

**) Касательно Тицинія въ древней литературѣ нѣтъ никакихъ данныхъ за исключеніемъ того, что, судя по содержанію одного отрывка изъ сочиненій Варрона, онъ, какъ кажется, былъ старше Теренція [558—595; *Ritschl, Paergera*, 1, 194]; изъ этого отрывка нельзя сдѣлать никакихъ другихъ выводовъ:

пессы, въ которыхъ все вѣртится на любовныхъ интригахъ; но она была не переводомъ, а подражаніемъ: дѣйствіе происходитъ въ Ита-
ліи, а актеры появляются въ національномъ костюмѣ (стр. 424)—
въ тогѣ. Здѣсь латинская жизнь и латинскіе нравы изображаются
съ своеобразной наглядностью. Содержаніе пьесъ взято изъ жизни
гражданъ, жившихъ въ срединныхъ городахъ Лаціума; это видно
уже изъ самыхъ названій пьесъ—«Арфистка или Ферентинская дѣ-
вушка», «Флейтистка», «Юристка», «Валяльщики»; то-же под-
тверждается драматическимъ положеніемъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ
лицъ, какъ напримѣръ тѣмъ, что одинъ незнатный гражданинъ за-
казываетъ для себя обувь по образцу альбанскихъ царскихъ сан-
далій. Замѣчательно то, что женскія роли имѣютъ перевѣсъ надъ
мужскими *). Съ неподдѣльной національной гордостью авторъ на-
поминаетъ о блестящей эпохѣ войнъ съ Пирромъ и относится свы-
сова къ ново-латинскимъ сосѣдямъ,

«которые говорятъ на языкѣ Осковъ и Вольсковъ, по-
тому что не знаютъ латинскаго языка».

Эта комедія принадлежала столичной театральной сценѣ столько-
же, сколько и греческая комедія; но въ ней, вѣроятно, частію ска-
зывалась провинціальная оппозиція противъ столичной жизни и сто-
личныхъ безобразій,—та оппозиція, которую мы находимъ изъ со-
временныхъ писателей у Катона, а изъ позднѣйшихъ у Варрона.
Подобно тому, какъ въ нѣмецкой комедіи, — которая происходила
отъ французской точно такъ-же, какъ римская происходила отъ ати-
ческой, — французская Лизетта была очень скоро замѣнена молодень-
кой горничной Франциской, и въ Римѣ появилась латинская націо-
нальная комедія на ряду съ той, которая была подражаніемъ эллин-
ской комедіи; и хотя въ ней не было такой-же поэтической энергіи,
какою отличалась нѣмецкая комедія, но у ней было одинакое съ
этой послѣдней направленіе и она имѣла едва-ли менѣе успѣха.

Подобно греческой комедіи и греческая трагедія была перенесена
въ теченіе этой эпохи въ Римъ. Она была болѣе цѣннымъ и въ Трагедія.

хотя изъ двухъ сопоставляемыхъ здѣсь группъ—вторая [Трабеа, Atilius,
Саесиліусъ] вообще древнѣе первой [Титиніусъ, Терентіусъ, Атта], но
изъ этого еще не слѣдуетъ, что старѣйшій членъ младшей группы моложе, чѣмъ
младшій членъ старѣйшей группы.

*) Изъ пятнадцати извѣстныхъ намъ Тициніевскихъ комедій шесть названы
по мужскимъ ролямъ [baratus?, саесус, fullones, Hortensius,
Quintus, varus], девять по женскимъ [Gemina, iurisperita, pri-
lia?, privigna, psaltria или Ferentinatis, Setina, tibicina,
Veliterna, Ulubra?]; изъ числа этихъ послѣднихъ двѣ—роли юристки
и флейтистки очевидно служатъ пародіей на мужскія профессіи. И въ отрыв-
кахъ преобладаетъ женскій полъ.

нѣкоторомъ отношеніи болѣе легкимъ приобрѣтеніемъ, чѣмъ комедія. Служившій для нея фундаментомъ, греческій и въ особенности Гомеровскій эпосъ не былъ чуждъ Римлянамъ и уже вплетался въ сказанія объ ихъ собственномъ племенномъ происхожденіи, да и вообще впечатлительному чужеземцу было легче освоиться съ идеальнымъ міромъ героическихъ мифовъ, чѣмъ съ нравами, господствовавшими на аѳинскомъ рыбномъ рынкѣ. Тѣмъ не менѣе и трагедія содѣйствовала распространенію антинаціональныхъ и эллинскихъ воззрѣній, хотя въ менѣе грубой и менѣе пошлой формѣ; при этомъ слѣдуетъ приписать важное вліяніе тому обстоятельству, что на греческой трагической сценѣ того времени преобладали произведенія **480—4**

Эврипидъ. Эврипида (274—348). Здѣсь не мѣсто подробно описывать этого замѣчательнаго человѣка и его еще гораздо болѣе замѣчательное вліяніе на его современниковъ и потомковъ; но умственное движеніе позднѣйшей греческой и греческо-римской эпохи до такой степени зависѣло отъ указаннаго имъ пути, что мы считаемъ нужнымъ обрисовать его характеръ по меньшей мѣрѣ въ главныхъ чертахъ. Эврипидъ принадлежитъ къ числу тѣхъ поэтовъ, которые хотя и возводятъ поэзію на болѣе высокой пьедесталь, но въ этомъ прогрессивномъ шагѣ обнаруживаютъ гораздо болѣе вѣрнаго пониманія того, что должно быть сдѣлано, чѣмъ поэтической способности осуществить указываемую цѣль. Конечно и въ античной трагедіи мы находимъ тѣ глубоко-прочувствованныя движенія, въ которыхъ сказывается вся суть всякаго трагическаго положенія и въ нравственномъ и въ поэтическомъ отношеніи, и въ которыхъ дѣйствіе переходитъ въ душевное страданіе; она вѣрно изображаетъ человѣческія дѣйствія, но въ ней нѣтъ настоящаго обособленія личности. Неподражаемое величіе, съ которымъ происходитъ у Эсхила борьба человѣка съ судьбой, основано въ сущности на томъ, что каждая изъ борющихся силъ представлена только въ ея главныхъ чертахъ; на то, что составляетъ сущность человѣческой природы, и въ Прометей и въ Агамемнонѣ лишь слегка намечаетъ поэтическое обособленіе личности. Хотя Софоклъ и изображаетъ человѣческую природу въ типахъ царя, старца, сестры, соблюдая тѣ общія условія, при которыхъ она развивается; но ни одно изъ его дѣйствующихъ лицъ не выставлено съ той всесторонностью, въ которой выражается личный характеръ человѣка. Этимъ достигается высокая цѣль, но не высшая; изображеніе человѣка во всей его цѣльности и соединеніе этихъ отдѣльныхъ и вполнѣ обрисованныхъ типовъ въ одно высшее поэтическое цѣлое были дальнѣйшимъ шагомъ впередъ; оттого-то Эсхилъ и Софоклъ и стоятъ въ сравненіи съ Шекспиромъ на болѣе низкой ступени развитія. А стараніе Эврипида изобразить человѣка такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности, было скорѣе логическимъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ исто-

рическимъ прогрессомъ, чѣмъ поэтическимъ. Онъ былъ въ состояніи уронить кредитъ античной комедіи, но не былъ въ состояніи создать новую. Онъ во всемъ останавливался на половинѣ дороги. Маски, посредствомъ которыхъ выраженіе душевной жизни какъ-бы переводится на обще-понятный языкъ, были столько-же необходимы для типичныхъ личностей древней трагедіи, сколько онѣ неумѣстны въ трагедіи, изображающей индивидуальныя характеры; но Эврипидъ сохранилъ ихъ. Съ замѣчательно-тонкимъ тактомъ болѣе древняя трагедія никогда не оставляла безъ всякой примѣси драматическаго элемента, которому не умѣла дать вполнѣ свободнаго развитія; она постоянно какъ-бы сковывала его эпическими сюжетами изъ нечеловѣческаго міра боговъ и героевъ и лирическими хорами. Мы чувствуемъ, что Эврипидъ старается сбросить съ себя эти оковы; въ отысканіи своихъ сюжетовъ онъ восходитъ по меньшей мѣрѣ до полу-историческихъ временъ, а его хоровое пѣніе до такой степени отодвигается на задній планъ, что при позднѣйшихъ сценическихъ представленіяхъ оно нерѣдко опускается и едва-ли съ какимъ-либо вредомъ для пьесы; однако онъ не поставилъ своихъ дѣйствующихъ лицъ вполнѣ на почву дѣйствительной жизни и не устранилъ совершенно хора. Онъ является во всѣхъ отношеніяхъ полнымъ выраженіемъ такой эпохи, когда съ одной стороны возникало величественное историческое и философское умственное движеніе, а съ другой стороны начиналъ изсякать главный источникъ всякой поэзіи — чистая, ничѣмъ неприкрашенная національность. Между тѣмъ какъ глубокая набожность болѣе древнихъ трагиковъ озаряла ихъ произведенія какимъ-то отблескомъ небснаго свѣта, а замкнутость узкаго кругозора древнихъ Эллиновъ производила и на слушателей успокоительное впечатлѣніе, напротивъ того у Эврипида міръ озаряется лишь тусклымъ мерцаніемъ умозрѣній; въ немъ нѣтъ боговъ, мысли не облечены въ плоть, а мрачныя страсти сверкаютъ точно молніи среди сѣрыхъ тучъ. Древняя, глубоко искренняя вѣра въ судьбу исчезаетъ; рокъ всемъ управляетъ, какъ внѣшняя деспотическая сила, а рабы со скрежетомъ зубовъ выносятъ свои оковы. То безвѣрїе, которое бываетъ послѣдствіемъ доведенной до отчаянія вѣры, сказывается въ этомъ писателѣ съ демоническою силой. Поэтому поэтъ никогда не возвышается до такого пластическаго взгляда на свой сюжетъ, которому сталъ-бы самъ невольнo подчиняться, и поэтому-же онъ никогда не производитъ въ цѣломъ настоящаго поэтическаго впечатлѣнія; оттого-то онъ и относится съ нѣкоторой небрежностью къ композиціи своихъ трагедій и при этомъ нерѣдко доходитъ даже до совершенной веряшливости; онъ не даетъ своимъ пьесамъ ни центра дѣйствія, ни такого дѣйствующаго лица, на которомъ все сосредоточивается — смѣшная манера завязывать въ прологѣ узелъ драмы и развязывать его появленіемъ боговъ или какую

нибудь другою подобною пошlostью была введена въ употребленіе главнымъ образомъ Эврипидомъ. У него все вниманіе обращено на мелкія подробности и онъ съ несомнѣннымъ искусствомъ пользуется всѣмъ, чѣмъ можетъ, чтобъ скрыть ничѣмъ незамѣнимое отсутствіе поэтической цѣльности. Эврипидъ мастеръ въ томъ, что называется эффектами, которые у него обыкновенно прикрашиваются чувственной сентиментальностью и даже нерѣдко возбуждаютъ чувственныя влеченія посредствомъ какойнибудь особой приправы, какъ напримѣръ тѣмъ, что къ любовной интригѣ приплетается убійство или кровосмѣшеніе. Изображеніе добровольно-умирающей Поликсы, терзаемой тайною любовью Федры и въ особенности мистическаго экстаза Вакханокъ въ высшей степени изящны въ своемъ родѣ; но ихъ нельзя назвать безупречными ни въ художественномъ отношеніи, ни въ нравственномъ и Аристофанъ былъ совершенно правъ, когда замѣтилъ, что поэтъ не былъ-бы въ состояніи изобразить Пенелопу. Въ томъ-же родѣ и пошлое состраданіе, которое Эврипидъ иногда старается возбуждать своими трагедіями. Между тѣмъ какъ его жалкіе герои и героини, какъ напримѣръ Менелай въ «Еленѣ», Андромаха, Электра въ видѣ бѣдной поселанки, больной разорившейся купецъ Телефъ, противны или смѣшны, а болѣею частію и то и другое вмѣстѣ, напротивъ того изъ всѣхъ его многочисленныхъ драматическихъ произведеній едва-ли не самое удовлетворительное впечатлѣніе производятъ тѣ, которыя всего болѣе придерживаются почвы дѣйствительной жизни и переходятъ изъ трагедіи въ трогательную семейную драму и даже почти въ сентиментальную комедію, какъ напримѣръ Ифигенія въ Авлидѣ, Іонъ, Алкестъ. Такъ-же часто, но съ меньшимъ успѣхомъ, поэтъ старается возбуждать интересъ, обращаясь только къ разуму слушателей. Сюда принадлежатъ: запутанность въ ходѣ дѣйствія, которая, не такъ какъ въ болѣе древней трагедіи, имѣетъ цѣлю возбуждать не душевное волненіе, а любопытство; діалектически заостренный діалогъ, который нерѣдко совершенно невыносимъ для насъ — не Аѳинянь; сентенціи, которыя разсыпаны по Эврипидовскимъ пьесамъ, какъ цвѣты по саду, и главнымъ образомъ Эврипидовская психологія; которая основана не на впечатлѣніи, производимомъ на слушателя, а на рациональномъ взвѣшиваніи видѣннаго и слышеннаго. Правда, въ его Медеѣ настолько соблюдены условія дѣйствительной жизни, что героиню снабжаютъ передъ ея отъѣздомъ деньгами на дорогу; но безпристрастный читатель найдетъ у Эврипида немного указаній на душевную борьбу между материнскою любовью и ревностью. А всего важнѣе то, что въ Эврипидовскихъ трагедіяхъ поэтическое впечатлѣніе замѣняется тенденціоннымъ. Не касаясь непосредственно вопросовъ дня и вообще имѣя въ виду не столько политическіе, сколько соціальныя интересы, Эврипидъ однако сочувствуетъ глав-

нымъ выводамъ тогдашняго политическаго и философскаго радикализма и является первымъ и главнымъ проповѣдникомъ той космополитической гуманности, которая подкапывалась подъ старую аттическую національность. Этимъ объясняются какъ оппозиція, которую встрѣчалъ со стороны своихъ современниковъ поэтъ и не божественный и не аттический, такъ и необыкновенный энтузіазмъ, съ которымъ и молодое поколѣніе и иноземцы увлекались поэтомъ нѣжныхъ чувствъ и любви, сентенцій и тенденцій, философіи и гуманности. Греческая трагедія вышла при Эврипидѣ изъ своей собственной сферы и вслѣдствіе того рушилась; но успѣхъ поэта— всемірнаго гражданина оттого только возросъ, такъ какъ въ то же время и національность вышла изъ своей сферы и также рушилась. Аристофановская критика, пожалуй, и была вполне основательна какъ съ нравственной, такъ и съ поэтической точки зрѣнія; но поэзія имѣетъ историческое значеніе не въ размѣрѣ своихъ абсолютныхъ достоинствъ, а сообразно съ тѣмъ, до какой степени она умѣетъ предугадать духъ времени— и въ этомъ отношеніи никто не превзошелъ Эврипида. Этимъ и объясняется, почему Александръ усердно читалъ произведенія Эврипида, почему Аристотель развивалъ понятіе о трагическомъ поэтѣ, имѣя въ виду Эврипида, почему изъ его произведеній какъ-бы выросло въ Атикѣ новѣйшее поэтическое и пластическое искусство, почему новоаттическая комедія ограничивалась переложеніемъ его произведеній на комическій строй, а школа живописи, съ которой мы знакомимся по изготовлявшимся въ болѣе позднюю пору вазамъ, брала свои сюжеты не изъ древнихъ эпическихкихъ сказаній, а изъ Эврипидовскихъ трагедій, и наконецъ почему слава и вліяніе поэта росли по мѣрѣ того, какъ древняя Эллада отодвигалась на задній планъ передъ новымъ эллинизмомъ, и почему внѣ самой Греціи, какъ въ Египтѣ, такъ и въ Римѣ, греческое вліяніе распространялось прямо или косвенно произведеніями Эврипида.

Эврипидовскій эллинизмъ проникалъ въ Римъ самыми разнообразными путями и, можетъ быть, болѣе быстро пріобрѣталъ тамъ глубокое вліяніе косвеннымъ образомъ, чѣмъ прямо въ переводной формѣ. Трагическая сцена открылась въ Римѣ не позднѣе комической (стр. 881); но развитію трагедіи препятствовали какъ несравненно болѣе значительныя издержки на сценическую постановку трагедій (эти издержки безъ сомнѣнія принимались въ соображеніе по меньшей мѣрѣ во время войны съ Аннибаломъ), такъ и характеръ публики (стр. 882). Въ Плавтовскихъ комедіяхъ не часто дѣлаются намеки на трагедіи, да и всѣ намѣки этого рода могли быть заимствованы изъ оригиналовъ. Первымъ и единственнымъ имѣвшимъ успѣхъ трагическимъ писателемъ того времени былъ младшій современникъ Невія и Плавта, Квинтъ Энній (515—585); на его пьесы

Римская трагедія.

сочинялись пародіи даже тогдашними комическими писателями, а потомство интересовалось сценическимъ представленіемъ этихъ пьесъ и декламировало ихъ. — Съ трагической сценой Римлянъ мы не такъ хорошо знакомы, какъ съ комической; но въ общемъ итоги въ первой повторяются тѣ-же явленія, какія были нами замѣчены во второй. Репертуаръ въ сущности составилъ также изъ переводовъ греческихъ пьесъ. Сюжеты выбирались главнымъ образомъ изъ осады Трои и изъ непосредственно связанныхъ съ этой осадой легендъ, очевидно, по той причинѣ, что школьное образованіе знакомило Римлянъ только съ этимъ цикломъ мифическихъ сказаній; при этомъ преобладали чувственно-жестокіе мотивы — убійство матери или дѣтей въ Эменидахъ, въ Альмеонѣ, въ Кресфонтѣ, въ Меланиппѣ, въ Медеѣ, принесеніе дѣвъ въ жертву въ Поликсенѣ, въ Эректидахъ, въ Андромедѣ, въ Ифигеніи, и намъ невольно приходитъ на умъ, что публика этихъ трагедій привыкла смотрѣть на бой гладиаторовъ. Роли женщинъ и привидѣній, какъ кажется, производили очень глубокое впечатлѣніе. Кромѣ устраненія масокъ, самое замѣчательное уклоненіе римскихъ передѣлокъ отъ оригиналовъ заключалось въ томъ, что касалось хора. Въ римскомъ театрѣ, устроенномъ главнымъ образомъ для комическихъ безхорныхъ пьесъ, не было такогo же особаго мѣста для пляски (*orchestra*) съ алтаремъ по срединѣ, на какомъ помѣщался греческій хоръ, а если и было такое мѣсто, то оно служило Римлянамъ чѣмъ-то въ родѣ партера; поэтому въ Римѣ пришлось по меньшей мѣрѣ отбросить художественно раздѣленный на части и перемѣшанный съ музыкой и съ декламацией хоровой танецъ, а хоръ хотя все таки остался, но уже не имѣлъ большаго значенія. Что касается подробностей, то конечно не было недостатка ни въ отступленіяхъ отъ стихотворнаго размѣра, ни въ сокращеніяхъ, ни въ искаженіяхъ; такъ напримѣръ въ латинской передѣлкѣ Эврипидовской Ифигеніи изъ женскаго хора сдѣланъ солдатскій хоръ по образцу-ли какой нибудь другой комедіи или по собственной изобрѣтательности передѣльвателя. Латинскія трагедіи шестаго столѣтія нельзя назвать хорошо переведенными пьесами по нашимъ понятіямъ *); однако трагедіи Эннія, по всему вѣроятію, были гораздо

*) Для сравненія приведемъ начало Эврипидовской *Меды* и Энніевской:

Εἰδ' ὄψεαι Ἄργους μὴ διαπτόσθαι σκάρου
Κόρυων ἐς αἴην κωλέας Σομπληγάδας,
Μηδ' ἐν γάλασι Πηλίου περὶν ποτε
Τρηθείσα πέικη, μηδ' ἐρετίζουσα χέρα:

Utinam ne in nemore Pelio securibus
Caesa accidisset abiogna ad terram
trabes,

Neve inde navis inchoandae exordium
Coepisset, quae nunc nominatur nomine
Argo, quia Argivi in ea dilecti viri
Vecti petebant pellem inauratam arietis

* Ἄνδρῶν ἀρίστοι, οἳ τὸ πάργουσαν θύρα:

менѣе искаженными копіями съ Эврипидовскихъ оригиналовъ, чѣмъ Плавтовскія комедіи—съ Менандровскихъ оригиналовъ.

Историческое значеніе греческой трагедіи въ Римѣ и ея вліяніе Нравствен- были совершенно однородны съ значеніемъ и съ вліяніемъ греческой ное вліяніе комедіи, а если заимствованное отъ Эллиновъ направленіе было въ трагедіи.

трагедіи менѣе чувственнымъ и болѣе чистымъ (что было послѣд- ствіемъ различія между этими двумя родами поэзіи), за то анти- національное и сознательно стремившееся къ пропагандѣ направленіе еще гораздо рѣшительнѣе сказывалось и въ трагической сценѣ того времени и въ главномъ ея представителѣ Энніѣ. Этотъ едва-ли са- мый значительный, но конечно самый вліятельный изъ поэтовъ ше- стаго столѣтія, былъ по своему происхожденію не Латинь, а полу- Грекъ. Онъ былъ родомъ изъ Мессапій и получилъ эллинское обра- зование; на тридцать пятомъ году своей жизни онъ переѣхалъ въ Римъ и жилъ тамъ сначала въ качествѣ переселенца, а съ 570 года въ качествѣ гражданина (стр. 796), въ стѣсненныхъ обстоятель- ствахъ частію преподаваніемъ языковъ латинскаго и греческаго, ча- стію доходами отъ своихъ пьесъ, частію подарками отъ тѣхъ рим- скихъ вельможъ, которые, подобно Публію Сципіону, Титу Фламинію и Марку Фульвію Нобилиору, оказывали покровительство новому эл- линизму и награждали поэта, воспѣвавшаго и ихъ самихъ и ихъ предковъ; нѣкоторыхъ изъ этихъ вельможъ Энній даже сопровож- далъ въ походахъ въ качествѣ придворнаго поэта, которому какъ- бы заранѣе было заказано прославлять великіе подвиги, которые будутъ

Энній.

184

Πελίαιστήληθον. οὐχάρ ἄν ὀσπόντ' ἐμή,
Μήδεα πάργου γῆς ἔπλευσ' Ἰολκίχ;

* Ερωτι θυρόν ἐκπλοαίει' Ἰάσονός.

Colchis, imperio regis Peliae, per dolum.
Nam nunquam era errans mea domo
efferret pedem

Medea, animo aegra, amore saevo
saucia.

[Если бы корабль Арго никогда не направлялся промежъ мрачныхъ Симплегатовъ къ берегамъ Колхиды; если бы въ лѣсахъ Пеліа никогда не срубали сосенъ и если бы сдѣланными изъ этихъ сосенъ веслами не управляла рука тѣхъ храбрецовъ, которые отпра- вились добывать золотое руно для Пеліа! Тогда моя госпожа Медея не отплыла бы къ башнямъ Іолкской страны, страдая пагубной любовью къ Язону].

[Если бы въ рошѣ Пеліа никогда не срубали топоромъ еловыхъ пней и не приступали къ постройкѣ корабля, носящаго теперь название Арго, потому что на немъ отплыла изъ Аргоса въ Колхиду, по приказанію царя Пеліа, отборная дружина съ цѣлю хитростью добыть золотое руно! Тогда моя госпожа Медея не пустилась бы въ стран- ствованія, унося въ своемъ сердцѣ му- чительную любовь].

Въ уклоненіяхъ перевода отъ оригинала поучительны не только таутологіи и пе- рифразы, но также устраненіе или опущеніе мало знакомыхъ мѣологическихъ названій, какъ напримѣръ Симплегатовъ, Іолкской земли и Арго. Впрочемъ у Эннія рѣдко встрѣчается невѣрное пониманіе подлинника.

совершены. Онъ самъ изящно описалъ тѣ качества, которыя требовались отъ призваннаго къ такой роли клиента *). Будучи космополитомъ и по своему происхожденію и по своему общественному положенію, онъ умѣлъ примѣняться во всякимъ національностямъ, среди которыхъ ему приходилось жить—къ греческой, къ латинской и даже къ осекской, но не отдавался всецѣло ни одной изъ нихъ; а между тѣмъ какъ у болѣе древнихъ римскихъ поэтовъ эллинизмъ былъ не столько ясно сознаваемой цѣлюю, сколько послѣдствіемъ ихъ поэтической дѣятельности и потому они болѣе или менѣе пытались

*) Древніе, конечно, были правы, считая за собственную характеристику поэта то мѣсто въ седьмой книгѣ *Литтисси*, гдѣ консулъ призываетъ къ себѣ повѣреннаго,

quosum bene saepe libenter
Mensam sermonesque suas rerumque suarum
Congeriem partit, magnam cum lassus diei
Partem fuisset de summis rebus regundis
Consilio indu foro lato sanctoque senatu:
Cui res audacter magnas parvasque jocumque
Eloqueretur, cuncta simul malaque et bona dictu
Evomeret, si qui vellet, tutoque locaret.
Quosum multa volup ac gaudia clamque palamque.
Ingenium cui nulla malum sententia suadet
Ut faceret facinus lenis aut malus, doctus fidelis
Suavis homo facundus suo contentus beatus
Scitus secunda loquens in tempore commodus verbum
Paucum, multa tenens antiqua sepulta, vetustas
Quem fecit mores veteresque novosque tenentem.
Multorum veterum leges divumque hominumque,
Prudenter qui dicta loquive tacerere possit.

[съ которымъ онъ охотно и часто дѣлилъ и столь и бесѣду и обсужденіе своихъ дѣлъ, когда возвращался домой утомленный важными дѣлами, о которыхъ совѣщался въ теченіе большей части дня на площади или въ высокочтимомъ сенатѣ,—которому могъ сообщать и важное и пустое и забавное, и если бы то было возможно, сразу передавать и беззаботно повѣрять все, что говорится между людьми и хорошаго и дурнаго,—который дѣлилъ съ нимъ много радостныхъ минутъ и дома и внѣ дома,—который никогда не вовлекался постыднымъ совѣтомъ въ дурное дѣло изъ легкомыслія или изъ злобы;—это былъ человѣкъ свѣдущій, преданный, пріятный, красно-говорившій и всегда веселый; онъ умѣлъ говорить разумно и сжато въ должное время и именно то, что слѣдуетъ; въ сношеніяхъ былъ пріятель и былъ свѣдущъ въ томъ, что уже отжило, такъ какъ годы познакомили его съ нравами и его времени и прошлыхъ временъ и также съ многоразличными постановленіями и божескими и человѣческими; а то, что онъ слышалъ, онъ умѣлъ и передать и умолчать].

Въ предпоследней строкѣ, вѣроятно, слѣдовало писать *multarum rerum leges divumque hominumque*.

стать на національную почву; напротивъ того Эний съ замѣчательной ясностью сознавалъ свои революціонныя тенденціи и открыто старался распространять среди Италійцевъ новыя эллинскія идеи. Самымъ удобнымъ орудіемъ служила для него трагедія. Дошедшіе до насъ отрывки изъ его трагедій свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ былъ хорошо знакомъ со всѣмъ трагическимъ репертуаромъ Грековъ и въ особенности также съ произведеніями Эсхила и Софокла; тѣмъ менѣе можно считать простой случайностью тотъ фактъ, что онъ подражалъ Эврипиду въ большей части своихъ драматическихъ произведеній и между прочимъ во всѣхъ тѣхъ, которыя считались самыми лучшими. При выборѣ и при обработкѣ сюжетовъ, онъ, конечно, частію руководствовался и посторонними соображеніями; но нельзя допустить, чтобъ только изъ такихъ соображеній онъ такъ рѣшительно придерживался всего, что было своеобразнаго въ произведеніяхъ Эврипида—пренебрегалъ хорами еще болѣе своего оригинала, еще рѣзче отбѣивалъ чувственные эффекты, брался за такія пьесы, какъ *Θιάστ* и хорошо извѣстный по безсмертной насмѣшкѣ Аристофана *Телефъ съ ихъ «царскимъ горемъ»* и «царственными горемыками», и даже написалъ подъ заглавіемъ *Философка Мелалитта* такую пьесу, въ которой все дѣйствіе вертится на безразсудствѣ народной религіи, и въ которой ясно проглядываетъ стараніе доказать несостоятельность этой религіи съ натурфилософской точки зрѣнія. На вѣру въ чудеса отовсюду летятъ самыя острыя стрѣлы (частію въ тѣхъ мѣстахъ, которыя несомнѣнно были вставными *) и мы удивляемся, какъ римская театральная цензура пропускала тирады въ родѣ слѣдующей:

Ego deum genus esse semper dixi et dicam coelitum,
Sed eos non curare opinor, quid agat humanum genus;
Nam si curent, bene bonis sit, male malia, quod nunc abest.

(Я всегда утверждалъ и снова утверждаю, что небесные боги дѣйствительно существуютъ; но я полагаю, что они вовсе не заботятся

*) Сравни. стр. 863. Изъ опредѣленія прорицателя у Эврипида [Ифигенія въ Авлидѣ 956], что это человѣкъ, „который въ лучшемъ случаѣ вставляетъ немножко правды въ свои нескончаемыя выдумки, а если когда и промахнется, то это сходитъ ему съ рукъ“, латинскій переводчикъ сдѣлалъ слѣдующую діатрибу противъ составителя гороскоповъ:

Astrologorum signa in coelo quaesit, observat, Jovis
Cum capra aut neper aut exoritur lumen aliquod beluae.
Quod est ante pedes, nemo spectat: coeli scrutantur plagae.

[Онъ ждетъ астрологическихъ знаменій на небѣ и наблюдаетъ, не появится-ли свѣтъ Юпитеровой козы или рака, или какого нибудь другаго животнаго. Онъ не сморгнетъ, куда ступаютъ его ноги, а проникаетъ взоромъ небесныя пространства].

о томъ, что касается человѣческаго рода; вѣдь если бы они объ этомъ заботились, то добрымъ людямъ жило бы хорошо, а дурныхъ плохо, но на дѣлѣ этого не видно).

Уже было ранѣ замѣчено (стр. 863), что въ особой дидактической поэмѣ Энній проповѣдывалъ научнымъ образомъ такое-же безвѣріе и что онъ отъ всей души старался распространять просвѣщеніе этого рода. Съ этимъ вполне гармонируетъ и мѣстами встрѣчающаяся политическая оппозиція, прикрашенная радикализмомъ *), и воспѣваніе греческихъ застольныхъ наслажденій (стр. 870), и въ особенности устраненіе изъ латинской поэзіи послѣдняго національнаго элемента—сатурнинскаго стихотворнаго размѣра и его замѣна греческимъ гекзаметромъ. «Многосторонній» поэтъ исполнилъ всѣ эти задачи одинаково безупречно; онъ счумѣлъ выработать гекзаметры изъ языка вовсе неблагопріятнаго для дактилей и, не нарушая естественнаго теченія рѣчи, увѣренно и свободно справлялся съ непривычными размѣрами и формами; все это свидѣтельствуетъ о его необычайной, скорѣе греческой, чѣмъ римской способности владѣть языкомъ **); а то, что у него попадаетъ неблагозвучнаго,

*) Въ „Телефѣ“ говорятъ:

Palam mutire plebeis piaculum est.

[Открыто говорить, что думаешь,—преступленіе со стороны плебея.]

**) Слѣдующіе, превосходные и по формѣ и по содержанию, стихи находятся въ передѣлкѣ Эврипидовскаго „Феникса“:

*Sed virum virtute vera vivere animatum addecet
Fortiterque innoxium (?) vocare adversum adversarios
Ea libertas est, qui pectus purum et firmum gestitat:
Aliae res obnoxiosae nocte in obscura latent.*

[Но мужъ долженъ вдохновляться истиннымъ мужествомъ и наперекоръ противникамъ безстрашно вести виновнаго на судъ; въ томъ и заключается свобода, что у человѣка бьется въ груди чистое и непоколебимое сердце; иначе преступное дѣяніе остается скрытымъ во мракѣ.]

Въ „Сципионѣ“, по всему вѣроятію включенномъ въ собраніе смѣшанныхъ стихотвореній, находятся слѣдующія живописныя строки:

*. . . . mundus caeli vastus constitit silentio;
Et Neptunus saevus undis asperis pausam dedit,
Sol equis iter repressit unguis volantibus,
Constitere amnes perennes, arbores vento vacant.*

[Юпитеръ подаетъ знакъ]; въ обширныхъ небесныхъ пространствахъ все смолкло; Нептунъ строго унялъ бушеванье морскихъ волнъ; богъ солнца сдержалъ своихъ быстроногихъ коней; рѣки перестали течь, въ вѣтвяхъ перестали шелестить вѣтерокъ].

Послѣдняя строка даетъ намъ понятіе о томъ, какъ поэтъ обдѣлывалъ свои оригинальныя стихотворенія; она ничто иное, какъ передѣлка слѣдующихъ словъ, которыя произноситъ свидѣтель борьбы Гекеста съ Скамандромъ въ трагедіи „Освобожденіе Гектора“, которая, вѣроятно, первоначально была произведеніемъ Софокла:

оскорбляетъ нашъ слухъ гораздо чаще греческими изощренными оборотами рѣчи, *) чѣмъ римскою грубостью. Это былъ не великій поэтъ, а одаренный пріятнымъ и свѣтлымъ талантомъ человекъ, у котораго было много сильной поэтической воспримчивости; впрочемъ, чтобъ сознать себя поэтомъ, онъ нуждался въ поэтическихъ котурнахъ, а комической жилки у него вовсе не было. Понятна гордость, съ которой подражавшій Эллинамъ поэтъ взиралъ на «гробы похвалы старинныхъ фавновъ и бардовъ», и понятно воодушевленіе, съ которымъ онъ превозноситъ свою собственную художественную поэзію:

*Enni poeta salve, qui mortalibus
Versus propinas flammeas medullitus*

(Привѣтствую тебя, поэтъ Энній! Изъ глубины твоей души ты изливаешь для смертныхъ пламенные пѣснопѣнія.)

Этотъ талантливый человекъ сознать, что плыветъ на всѣхъ парусахъ; съ тѣхъ поръ греческая трагедія сдѣлалась и осталась достояніемъ латинской націи. — Другой болѣе смѣлый пловецъ стремился къ болѣе высокой цѣли путемъ болѣе уединеннымъ и при менѣе благопріятномъ вѣтрѣ. Невѣдъ не только передѣлывалъ для римской сцены греческія трагедіи подобно Эннію, хотя и съ гораздо меньшимъ успѣхомъ, но также пытался самостоятельно создать серьезную національную драму (*fabula praetextata*). На этомъ пути онъ не встрѣтилъ внѣшнихъ препятствій; для національныхъ римскихъ пьесъ онъ бралъ свои сюжеты какъ изъ римскихъ легендъ, такъ и изъ современной римской исторіи. Къ этому разряду пьесъ принадлежатъ: «Воспитаніе Ромула и Рема» или «Волкъ», гдѣ былъ выведенъ на сцену царь Альбы Амулій, и *Clastidium*, гдѣ прославлялась побѣда, одержанная въ 532 году Марцелломъ надъ Кельтами (стр. 555). По его примѣру и Энній изобразилъ въ «Амбракіи» осаду города, которая была ведена въ 565 году (стр. 741) его иокровителемъ Нобиліоромъ и которая происходила на его глазахъ. Однако число такихъ національныхъ драмъ было незначительно и пьесы этого рода скоро сошли со сцены: скудныя римскія легенды и безцвѣтная исторія Рима не могли долго выдерживать конкуренцію эллинскаго цвѣта легендъ. О поэтическомъ содержаніи пьесъ мы уже не можемъ составить себѣ никакого понятія; но если мы при-

Националь-
ная драма.

222

189

Constitit credo Scamander, arbores vento vacant.

[Скамандръ какъ будто притихъ, въ вѣтвяхъ не шелухнегъ вѣтерокъ].

А этотъ мотивъ заимствованъ изъ Илиады 21, 381.

*) Такъ напримѣръ читаемъ въ „Фениксѣ“:

. . . . stultust, qui cupita cupiens cupienter cupit.

И это еще не самое незлѣное изъ подобныхъ безобразій. Встрѣчаются и акро-
стихи [Cic. De div. 2, 54 III].

мемъ въ соображеніе ихъ общее поэтическое направленіе, то мы придемъ къ убѣжденію, что въ римской литературѣ немного найдется такихъ-же гениальныхъ затѣй, какъ созданіе римской національной драмы. Только греческіе трагики того древнѣйшаго періода, когда сильнѣе чувствовалась близость боговъ, — только такіе поэты, какъ Фринихъ и Эсхилъ имѣли смѣлость выставлять на театральной сценѣ наряду съ подвигами легендарныхъ временъ и тѣ подвиги, которые имъ приходилось лично созерцать или въ которыхъ имъ приходилось лично участвовать; а если гдѣ либо живо рисуются передъ нами пуническія войны и произведенное ими впечатлѣніе, то именно тамъ, гдѣ поэтъ, — подобно Эсхилу, самъ участвовавшій въ тѣхъ битвахъ, которыя воспѣвалъ, — выводитъ римскихъ царей и консуловъ на ту театральную сцену, на которой публика привыкла видѣть только боговъ и героевъ.

Речитативная поэзія. Въ теченіе той-же эпохи возникла въ Римѣ и речитативная поэзія; еще Ливій ввелъ въ Римѣ обыкновение, замѣнявшее у древнихъ нынѣшнюю публикацію — обыкновение прочитывать передъ публикой свои произведенія; по крайней мѣрѣ самъ онъ прочитывалъ свои сочиненія въ своей школѣ. Такъ какъ въ этихъ случаяхъ стихотворство не имѣло цѣлю заработать насущный хлѣбъ или по меньшей мѣрѣ стремилось къ этой цѣли не прямо, то эта отрасль стихотворной дѣятельности не была въ общественномъ мнѣніи на такомъ-же дурномъ счету, какъ сочиненіе пьесъ для театра; въ концѣ этой эпохи нѣкоторые изъ знатныхъ Римлянъ уже публично выступали въ качествѣ поэтовъ этого разряда *). Впрочемъ речитативной поэзіей занимались преимущественно тѣ же самые писатели, которые занимались сценической поэзіей, и первая играла рядомъ съ послѣдней второстепенную роль, да и вообще въ ту пору еще была въ Римѣ очень немногочисленна такая публика, которую могло интересовать чтеніе стихотворныхъ произведеній. Самыхъ немногочисленныхъ представителей имѣла поэзія лирическая, дидактическая и эпиграмматическая, такъ какъ едва-ли можно относить къ настоящей литературѣ тѣ религиозные праздничные гимны, авторы которыхъ однако уже считались достойными упоминанія въ лѣтописяхъ того времени, и тѣ монументальныя надписи на храмахъ и на гробницахъ, которыя неизмѣнно придерживались сатурнинскаго стихотворнаго размѣра. Все, что въ этой литературѣ принадлежало къ мелкой поэзіи,

*) Кромѣ Катона, назъ извѣстны принадлежавшія той-же эпохѣ имена еще двухъ консуляровъ, которые были поэтами [Светон. Vita Terent. 4) — Квинта Лабеола, который былъ консуломъ 571 года, и Марка Попилія, который былъ консуломъ 581 года. Но остается невыясненнымъ, были-ли опубликованы ихъ стихотворенія. Даже относительно произведеній Катона это кажется сомнительнымъ.

вообще носило—даже у Невія, — названіе сатуры; это названіе первоначально обозначало тѣ старинныя сценическія стихотворенія, въ которыхъ вовсе не было драматическаго дѣйствія и которыя со временъ Ливія были вытѣснены со сцены греческой драмой; а теперь, въ примѣненіи къ речитативной поэзіи, оно до нѣкоторой степени соотвѣтствовало нѣшимъ, такъ называемымъ, «смѣшаннымъ стихотвореніямъ» и подобно этимъ послѣднимъ не обозначало въ искусствѣ никакого особаго вида или размѣра, относилось ко всякимъ стихотвореніямъ не-эпическимъ и не-драматическимъ съ любымъ, болѣею частію субъективнымъ, содержаніемъ и въ любой формѣ. Кромѣ Катоновской «поэмы о нравахъ», о которой будетъ говорено далѣе и которая была написана сатурническими стихами, вѣроятно въ связи съ болѣе древними зачатками національной дидактической поэзіи (стр. 456), сюда принадлежатъ въ особенности мелкія стихотворенія Эвнія, которыя этотъ плодовитый писатель частію помѣщалъ въ своемъ сборникѣ сатуръ, частію издавалъ отдѣльно, а именно: коротенькія повѣствовательныя стихотворенія, сюжеть которыхъ были заимствованы или изъ національныхъ легендъ или изъ современной исторіи; передѣлки Эвгемеровскаго религіознаго романа (стр. 863), натурфилософскихъ стихотвореній, ходившихъ подъ именемъ Эпихарма (стр. 863) и гастрономіи Архистрата-Гельскаго, воспѣвавшаго высшее поваренное искусство; кромѣ того сюда принадлежатъ: діалогъ между жизнію и смертію, Эзоповскія басни, сборникъ правоучительныхъ изреченій, мелкія пародіи и эпиграммы; конечно, все это—мелочи, но онѣ свидѣтельствуютъ и о многосторонности и о дидактически-новаторской тенденціи поэта, который, очевидно, могъ дозволить себѣ разныя вольности въ этой сферѣ, не подчинявшейся цензорскому надзору.

Болѣе важное и поэтическое и историческое значеніе имѣла попытка излагать отечественную дѣтопись стихами. И въ этомъ дѣлѣ **Метрическая хроника.** починъ принадлежитъ Невію, который облекъ въ поэтическую форму все, что было и въ легендарной и въ современной исторіи годнаго для послѣдовательнаго повѣствованія: полу-прозаическимъ національнымъ сатурническимъ размѣромъ онъ описалъ (все рассказывая въ настоящемъ времени) первую пуническую войну просто и ясно, такъ какъ было дѣло, не пренебрегая ничѣмъ, что могло бы казаться не-поэтичнымъ, и не прибѣгая, — въ особенности при описаніи исторической эпохи — ни къ высокопарнымъ выраженіямъ, ни даже къ какимъ либо поэтическимъ орнаментамъ *). Объ этомъ произведеніи мож-

*) Слѣдующіе отрывки могутъ дать намъ понятіе о тонѣ всего сочиненія. О Дидонѣ Невій говоритъ:

Blande et docte percontat—Aeneas quo pacto
Troiam urbem liquerit.

но сказать тоже самое, что уже было нами сказано о национальной драмѣ того же писателя. Эпическая поэзія Грековъ, точно такъ же какъ и трагическая, относится по своему содержанію всецѣло къ героическимъ временамъ; поэтому, попытка освѣтить современныя событія блескомъ поэзіи отличалась новизною и имѣла важное значеніе по меньшей мѣрѣ по тѣмъ мотивамъ, которые ее вызвали. Если хроника Невія и была, по своей внѣшней формѣ, немного лучше тѣхъ средневѣковыхъ риёмованныхъ хроникъ, съ которыми она во многихъ отношеніяхъ схожа, все-таки поэтъ, конечно, имѣлъ полное право смотрѣть на это свое произведение съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ такую пору, когда еще не было никакой исторической литературы, за исключеніемъ официальныхъ замѣтокъ, то было немаловажной заслугой, что Невій составилъ для своихъ соотечественниковъ послѣдовательное описаніе событій какъ своего времени, такъ и прошлыхъ временъ, и сверхъ того наглядно представилъ имъ въ драматической формѣ самые выдающіеся моменты изъ ихъ исторіи.

Энній. Энній взялся за ту же задачу, за какую брался Невій; но при одинаковости содержанія еще ярче обнаружилась политическая и поэтическая противоположность между поэтомъ національнымъ и поэтомъ антинациональнымъ. Невій искалъ для новаго содержанія новой формы, а Энній вставлялъ или съ насиліемъ впихивалъ это

[Ласково и хитро допрашиваетъ она Энея, какъ онъ покинулъ городъ Трои.]
Даже читаемъ:

*Manusque sursum ad coelum—sustulit suas rex
Amulius; gratulatur—divis.*

[Царь Амулій возноситъ руки къ небесамъ, благодаря боговъ.]
Въ одной рѣчи достоинъ вниманія косвенный способъ выраженія:

*Sin illos desèrânt for—tissimos virorum,
Magnum stuprum populo—fieri per gentis.*

[Если-бы они оставили тѣхъ храбрыхъ людей безъ помощи, то это было-бы позоромъ для народа изъ рода въ родъ.]

256

Касательно высадки въ Мальтѣ въ 498 году сказано:
*Transit Melitam Romanus—insulam integram omnem
Urit, populatur, vastam—rem hostium concinnat.*

[Римлянинъ отправляется въ Мелиту, все сжегъ, опустошаетъ и разоряетъ на этомъ нѣгмѣ еще нетронutomъ островѣ и совершенно истребляетъ враговъ].

Наконецъ о мирѣ, которымъ окончилась война изъ-за обладанія Сициліей, говорится:

*Id quoque paciscunt moenia—sint Lutatium quae
Reconcilient; captivos—plurimos idem
Sicilienses paciscit—obsides ut reddant.*

[Положено дарами умилюстивить Лутация; сверхъ того, онъ требуетъ, чтобы возвратили многихъ плѣнниковъ изъ Сициліи и чтобы также возвратили заложниковъ.]

содержаніе въ формы эллинскаго эпоса. Гекзаметръ замѣняетъ у него сатурнинскій стихотворный размѣръ, а манера гомеровъ прибѣгать къ разнымъ прикрасамъ и выставлять предметъ разсказа съ пластической наглядностью замѣняетъ у него безъискусственное историческое повѣствованіе. Повсюду, гдѣ это оказывается умѣстнымъ, онъ просто переводитъ Гомера; такъ напримѣръ, погребеніе тѣхъ, кто палъ подъ Гераклеей, описано у него по образцу погребенія Патрокла, а подъ шлемомъ сражающагося съ Истрійцами военнаго трибуна Марка Ливія Столона кроется никто иной, какъ Гомеровскій Аяксъ; читатель не обходится и безъ Гомеровскаго воззванія къ Музамъ. Эпическій механизмъ въ полномъ ходу; такъ напримѣръ, послѣ битвы при Каннахъ Юнона, на собраніи всѣхъ боговъ, прощаетъ Римлянъ, а Юпитеръ объщаетъ имъ окончательную побѣду надъ Карфагенянами, предварительно испросивъ на то согласіе своей супруги. Въ своей «Лѣтописи» Энній не измѣняетъ ни своимъ стремленіямъ къ новизнѣ, ни своимъ эллинскимъ тенденціямъ. Отпечатокъ этихъ тенденцій замѣтенъ уже на чисто-декоративномъ описаніи міра боговъ. Въ замѣчательномъ видѣніи, которымъ начинается поэма, разсказывается совершенно въ духѣ Пифагорейцевъ, что душа, обитающая теперь въ тѣлѣ Квинта Эннія, прежде жила въ Гомерѣ и еще ранѣе жила въ павлинѣ,—и вслѣдъ затѣмъ уже совершенно въ духѣ натурфилософовъ развиваются и сущность содержанія и отношенія тѣла къ духу. Даже выборъ сюжета имѣетъ въ виду тѣ-же цѣли—вѣдь эллинскіе писатели всѣхъ временъ находили именно въ изложеніи римской исторіи самое удобное средство для проведенія своихъ греко-космополитическихъ тенденцій. Энній настоятельно указываетъ на то, что «Римлянъ всегда считали за Грековъ и что ихъ обыкновенно зовутъ Грайями». О поэтическомъ достоинствѣ многопрославленной лѣтописи не трудно составить себѣ общее понятіе изъ того, что было ранѣе нами замѣчено о достоинствахъ и недостаткахъ самого автора. Этотъ одаренный живою впечатлительностью поэтъ, натурально, предавался тѣмъ же возвышеннымъ порывамъ, какіе были внушены италійской націи тяжелыми временами пуническихъ войнъ: не только онъ нерѣдко съ успѣхомъ попадалъ въ тонъ Гомеровской безъискусственности, но изъ его строкъ еще чаще слышатся звучные отголоски римской торжественности и степенности. Это было такъ же естественно, какъ были естественны недостатки его эпической композиціи; слѣдуетъ полагать, что она была очень безсвязна и небрежна, такъ какъ поэтъ счелъ возможнымъ написать дополнительную книгу въ угоду герою и патрону, о которомъ прежде вовсе не упоминалъ. Но, говоря вообще, лѣтопись безспорно была самымъ неудачнымъ изъ всѣхъ произведеній Эннія. Намѣреніе сдѣлать изъ нея нѣчто похожее на Илиаду служить само для себя критикой. Этимъ про-

изведеніемъ Эній въпервые ввелъ въ литературу то уродливое смѣшеніе эпоса съ исторіей, которое съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени бродитъ въ ней какъ привидѣніе, неспособное ни жить, ни умереть. Тѣмъ не менѣе это сочиненіе имѣло успѣхъ. Эній выдавалъ себя за римскаго Гомера еще съ большимъ простодушіемъ, чѣмъ Клопштокъ выдавалъ себя за нѣмецкаго Гомера, и его принимали за то, чѣмъ онъ самъ себя считалъ, его современники и еще болѣе потомство. Уваженіе къ отцу римской поэзіи передавалось по наслѣдству изъ рода въ родъ; еще Квинтиліанъ говорилъ: «мы должны уважать Энія также, какъ уважаютъ старинную священную рощу, въ которой могутъ тысячекратныя дубы болѣе почтенны, чѣмъ красивы;» а тотъ, кому это покажется страннымъ, пусть припомнитъ однородныя явленія— успѣхъ Энеиды, Генріады и Мессіады. Сильное поэтическое развитіе націи, конечно, отбросило-бы это почти-комическое официальное уравненіе Гомеровской Илиады съ Энійевской лѣтописью, подобно тому какъ въ Германіи перестали ставить Каршину наравнѣ съ Сафо, а Вилламова наравнѣ съ Пиндаромъ; но такого развитія не произошло въ Римѣ. Благодаря тому, что содержаніе лѣтописи представляло интересъ въ особенности для аристократической сферы, и благодаря значительному пластическому таланту автора, «Лѣтопись» оставалась древнѣйшимъ римскимъ оригинальнымъ стихотвореніемъ, которое считалось позднѣйшими образованными поколѣніями и стоящей чтенія и пріятной, такимъ-то образомъ дѣло дошло до того удивительнаго явленія, что въ этомъ вообще антинаціональномъ эпосѣ полу-греческаго писателя позднѣйшія времена чтили истинно-римскую образцовую поэму.

Прозаическая литература. Прозаическая литература возникла въ Римѣ немного позднѣе римской поэзіи, но совершенно инымъ путемъ. Она не знала ни тѣхъ искусственно созданныхъ потребностей, для удовлетворенія которыхъ школа и театральная сцена преждевременно вызвали къ жизни римскую поэзію, ни тѣхъ искусственныхъ стѣсненій, которымъ строгая и недальновидная театральная цензура подвергала всего болѣе римскую комедію. Да и въ глазахъ людей хорошаго общества на этой отрасли литературной дѣятельности не лежало того нравственнаго пятна, которымъ было заклеено званіе «риемоплета». Вотъ почему прозаическая литературная дѣятельность развивалась болѣе естественнымъ путемъ, чѣмъ современная поэтическая, хотя и была менѣе широко-распространенной и менѣе оживленной; а между тѣмъ какъ поэзія находилась почти исключительно въ рукахъ мелкаго люда и мы не находимъ ни одного знатнаго Римлянина между славившимися въ то время поэтами, напротивъ того между прозаиками этой эпохи едва-ли можно найти хоть одно не сенаторское имя и эта литература исходитъ главнымъ образомъ изъ сферы самой высшей аристократіи—отъ бывшихъ консуловъ и цензоровъ, отъ Фа-

биевъ, Гракховъ и Сципіоновъ. Само собою понятно, что консервативныя и національныя тенденціи лучше уживались съ этой прозаической литературною дѣятельностью, чѣмъ съ поэзіей; однако и тамъ, въ особенности въ важнѣйшей отрасли этой литературы — въ исторіографіи, эллиническое направленіе сильно и даже слишкомъ сильно вліяло и на содержаніе и на форму.

До временъ Аннибаловской войны въ Римѣ вовсе не было исторіографіи, такъ какъ замѣтки въ городской книгѣ принадлежали къ числу официальныхъ документовъ, а не къ числу литературныхъ произведеній, и съ самаго начала велись такъ, что между ними не было никакой внутренней связи. То было оригинальною чертою римскаго характера, что не смотря на распространеніе далеко за предѣлы Италіи владычество римской общины и не смотря на постоянныя соприкосновенія знатнаго римскаго общества съ обладавшими столь богатою литературою Греками, до половины шестаго столѣтія не чувствовалось потребности описать подвиги и судьбы римскаго гражданства для свѣдѣнія современниковъ и потомства. Когда же, наконецъ, сказалась такая потребность, то для римской исторіи не нашлось ни готовыхъ литературныхъ формъ, ни подготовленной читающей публики; чтобъ создать то и другое нужны были крупныя таланты и не мало времени. Поэтому на первыхъ порахъ это затрудненіе было до нѣкоторой степени устранено тѣмъ, что стали писать отечественную исторію или на родномъ языкѣ, но стихами, или-же прозой, но по-гречески. О написанныхъ стихами хроникахъ Невія (писавшаго около 550 года?) и Эннія (писавшаго около 581 года), уже было упомянуто ранѣе; онѣ принадлежать къ древнѣйшей исторической литературѣ Римлянъ, а хроникѣ Невія даже слѣдуетъ считать за древнѣйшее римское историческое произведеніе. Почти въ то-же время появились греческія лѣтописи Квинта Фабія Пиктора *) (послѣ 553 года), — знатнаго Римлянина, при-

Исторіографія.

204
173

201

*) Слова Діонисія [1, 6) и Цицерона [De div. 1, 21, 43] не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что эта древнѣйшая изложенная прозой римская исторія была написана на греческомъ языкѣ. Остается загадкой упоминаемая подъ тѣмъ-же названіемъ Квинтилианомъ и позднѣйшими грамматиками латинскія лѣтописи; а затрудненіе еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что подъ тѣмъ-же названіемъ упоминается очень подробное изложеніе полтификальнаго права на латинскомъ языкѣ. Впрочемъ, тотъ, кто прослѣдитъ постепенное развитіе римской литературы, не припишетъ это послѣднее сочиненіе какому либо писателю, жившему во времена Аннибаловскихъ войнъ; да и существованіе составленныхъ въ ту эпоху латинскихъ лѣтописей кажется сомнительнымъ, хотя и нѣтъ возможности рѣшить, произошло-ли при этомъ смѣшеніе Фабія Пиктора съ позднѣйшимъ лѣтописцемъ Квинтомъ Фабіемъ Максимомъ Сервилианомъ [консуломъ 612 года], или-же существовала старинная латинская передѣлка какъ греческихъ лѣтописей Фабія, такъ и лѣтописей Ацилія и Альбина, или-же было два лѣто-

142

164

мавшего дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ во время Аннибаловской войны, и Публія Сципіона († около 590 года), который былъ сыномъ Сципіона Африканскаго. Историческія сочиненія перваго разряда пользовались уже до нѣкоторой степени развитымъ стихотворнымъ искусствомъ и имѣли въ виду немногочисленныхъ читателей, въ которыхъ уже развился вкусъ къ поэтическимъ произведеніямъ; историческія сочиненія втораго разряда могли пользоваться уже готовыми греческими формами и имѣли въ виду преимущественно образованныхъ чужезцевъ, такъ какъ интересъ ихъ содержанія простирался далеко за предѣлы Лаціума. Перваго способа придерживались писатели изъ плебеевъ, а втораго— писатели болѣе знатнаго происхожденія; точно такъ и во времена Фридриха Великаго наряду съ патристическою литературною дѣятельностью пасторовъ и профессоровъ существовала аристократическая литература на французскомъ языкѣ: Глеймъ и Рамлеръ писали нѣмецкія военныя пѣсни, а короли и полководцы описывали войны на французскомъ языкѣ. Но ни написанныя стихами хроники, ни написанныя на греческомъ языкѣ римскія дѣтописи не были настоящей латинской исторіографіей; эта послѣдняя начинается только съ Катона; его исторія Рима съ древнѣйшихъ временъ, появившаяся не ранѣе конца описываемой эпохи, была въ одно и то-же время и древнѣйшимъ, написаннымъ на латинскомъ языкѣ, историческимъ сочиненіемъ и первымъ значительнымъ прозаическимъ произведеніемъ римской литературы *). — Всѣ эти сочиненія, конечно, были написаны не такъ, какъ писали Греки **), но въ противоположность съ отрывочными замѣтками городской книги это были прагматическія историческія повѣствованія съ послѣдовательностью въ разсказѣ и съ болѣе или менѣе правильнымъ распределеніемъ содержанія. Всѣ они въ своей совокупности обнимали отечественную исторію отъ основанія Рима до того времени, въ которое жили сами авторы, хотя, судя по заглавіямъ, сочиненіе Невія касалось только первой войны съ Картагеномъ, а сочиненіе Катона— только первоначальной исторіи Рима; поэтому они сами собой распадаются на три отдѣла— на исторію легендарныхъ временъ, исторію прошлыхъ временъ и исторію современную.

писца, носившихъ имя Фабія Пиктора. — Написанное также на греческомъ языкѣ историческое сочиненіе, которое приписываютъ Луцію Цинцію Алименту, какъ кажется, было подложнымъ и было поддѣлкой временъ Августа.

168

*) Вся литературная дѣятельность Катона относится къ старческому періоду его жизни [Сісего, С а т. 11, 38; Нероз, С а т. 3]; и первыя книги его *Origines* были написаны не ранѣе 586 года, а по всему вѣроятію вскорѣ послѣ этого года [Плиній, *Hist. Nat.* 3, 14, 114].

**) Когда Полибій [40, 6, 4] замѣчаетъ, что грекоманъ Альбинъ далъ себѣ трудъ написать свою исторію прагматически, онъ, очевидно, намекаетъ на противоположность съ Фабіемъ.

Что касается легендарнаго времени, то для исторіи происхожденія города Рима, которая вездѣ излагается очень подробно, главное затрудненіе заключалось въ томъ, что—какъ уже было ранѣе (стр. 460) замѣчено—на этотъ счетъ было въ ходу два совершенно противоположныхъ возрѣнія: національное, которое, по всему вѣроятію, уже было письменно занесено въ городскую книгу по меньшей мѣрѣ въ своихъ главныхъ чертахъ, и греческое возрѣніе Тименя, которое не могло оставаться неизвѣстнымъ этимъ составителямъ римскихъ хроникъ. Первое изъ нихъ связывало происхожденіе Рима съ Альбой, а второе съ Троею; поэтому первое приписывало основаніе Рима сыну альбанскаго царя, Ромулу, а второе—троянскому принцу Энею. Сочетаніе этихъ двухъ сказокъ произошло въ описываемую нами эпоху и, по всему вѣроятію, было дѣломъ или Невія или Пиктора. Сынь альбанскаго царя Ромулъ остается основателемъ Рима, но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, называется сыномъ Энеевой дочери; Эней не основываетъ Рима, а переноситъ римскихъ пенатовъ въ Италію и строитъ для ихъ мѣстопребыванія Лавинію, между тѣмъ какъ его сынъ Асканій основываетъ метрополию Рима и древнюю метрополию Лаціума—*Alba Longa*. Все это было придумано очень плохо и очень неискусно. Римлянинъ долженъ былъ возмущаться при мысли, что древніе римскіе пенаты хранились,—не такъ какъ всѣ до тѣхъ поръ думали,—не въ храмѣ на римской торговой площади, а въ томъ храмѣ, который находился въ Лавиніи; греческая фикція была еще болѣе неудачна, такъ какъ согласно съ нею боги даровали только внуку то, что предоставляли въ удѣлъ дѣду. Тѣмъ не менѣе эта редакція разсказа достигала своей цѣли: она прямо не отвергала національнаго происхожденія Рима, но въ то же время не оставляла безъ удовлетворенія эллинскія тенденціи и какъ-бы легализировала бывшее въ то время въ сильномъ ходу (стр. 876) стараніе вести свое происхожденіе отъ Энея; оттого-то она и сдѣлалась стереотипной и вскорѣ послѣ того официальной исторіей происхожденія могущественной общины.—Впрочемъ, помимо басни о происхожденіи Рима, греческіе исторіографы или мало заботились о римской общинѣ или вовсе о ней не заботились; поэтому слѣдуетъ полагать, что дальнѣйшее изложеніе отечественной исторіи истекало преимущественно изъ туземныхъ источниковъ; но по дошедшимъ до насъ скуднымъ свѣдѣніямъ нѣтъ возможности рѣшить, какими преданіями, кромѣ внесенныхъ въ городскую книгу, могли пользоваться древнѣйшіе лѣтописцы и что прибавляли эти лѣтописцы сами отъ себя. Заимствованные отъ Геродота, вставные анекдоты *), конечно, еще не

*) Такъ напримѣръ, описаніе осады Габій составлено по Геродотовскимъ анекдотамъ о Золярѣ и о тиранѣ Фразибулѣ, а одинъ вариантъ разсказа о томъ, какой опасности подвергалась жизнь младенца Ромула, составленъ по образу Геродотовскаго разсказа о дѣтствѣ Кира.

были знакомы этимъ древнѣйшимъ лѣтописцамъ, а непосредственное заимствованіе греческихъ матеріаловъ по этому отдѣлу не можетъ быть доказано. Тѣмъ болѣе достойно вниманія очень ясно проглядывающее повсюду, и даже у недруга Грековъ Катона, стараніе не только связывать Римъ съ Элладой, но и доказывать, что Италійцы и Греки первоначально составляли одинъ народъ—сюда относятся рассказы о переселившихся изъ Греціи коренныхъ Италійцахъ или аборигенахъ и о переселившихся въ Италію коренныхъ Грекахъ или Пелазгахъ.

**Древняя
исторія.**

Хотя нить общепринятаго рассказа была слаба и ненадежна, всё таки она не прерывалась черезъ весь періодъ царей вплоть до установленія республики; но въ этомъ пунктѣ источникъ легендъ оказывался совершенно изсякнувшимъ и было не только трудно, но даже совершенно невозможно составить сколько нибудь связный и удобочитаемый рассказъ по спискамъ должностныхъ лицъ и по дополнявшимъ ихъ скуднымъ замѣткамъ. Это было всего болѣе чувствительно для поэтовъ. Какъ кажется, именно по этой причинѣ Невій перешолъ отъ эпохи царей прямо къ войнѣ изъ-за обладанія Сициліей, а Эвній, описывавшій въ третьей изъ своихъ восемнадцати книгъ еще эпоху царей, а въ шестой—уже войну съ Пирромъ, былъ въ состояніи описать первыя два столѣтія республики по болѣе-шей мѣрѣ въ самыхъ общихъ чертахъ. Намъ неизвѣстно, какъ преодолевались эти затрудненія тѣми лѣтописцами, которые писали по-гречески. Но Катонъ избралъ своеобразный путь. Онъ также не чувствовалъ, — какъ самъ сознается, — никакой охоты «рассказывать то, что написано на доскѣ въ домѣ первосвященника—какъ часто была дорога пшеница, когда происходили лунныя и солнечныя затмѣнія»; поэтому онъ и наполнилъ вторую и третью книги своего историческаго сочиненія рассказами о возникновеніи остальныхъ италійскихъ общинъ и о вступленіи этихъ общинъ въ союзъ съ Римомъ. Такимъ образомъ онъ сбросилъ съ себя оковы хроники, рассказывавшей событія годъ за годомъ и предварительно выставившей имя годоваго правителя общины; этимъ и объясняется то мнѣніе, что въ историческомъ сочиненіи Катона событія описывались «по отдѣламъ». Такое необычайное въ римскомъ сочиненіи вниманіе къ остальнымъ италійскимъ общинамъ было отчасти результатомъ того, что принадлежавшій къ оппозиціи авторъ опирался въ своей борьбѣ съ столичными нравами главнымъ образомъ на италійскія провинціи; частью-же оно служило какъ-бы вознагражденіемъ за недостаточность историческихъ свѣдѣній о промежуткѣ времени между изгнаніемъ царя Тарквинія и войной съ Пирромъ, такъ какъ на свой манеръ описывало главный результатъ этой войны—объединеніе Италіи подъ римскимъ верховенствомъ.

Современная исторія.

Напротивъ того, современная исторія излагалась связно и послѣ-

довательно: Невій описалъ первую, а Фабій вторую войну съ Кароагеномъ по добытымъ ими самими свѣдѣнiямъ: Эвнiй посвятилъ промежутку времени отъ Пирра до войны въ Истрии (стр. 663) по меньшей мѣрѣ тринадцать изъ восемнадцати книгъ своей хроники; Катонъ описалъ въ четвертой и пятой книгахъ своего историческаго сочиненiя войны, начиная съ первой пунической и до той, которая велась съ Персеемъ, а въ двухъ послѣднихъ книгахъ, по всему вѣроятiю, составленныхъ по иному плану и болѣе подробно, рассказалъ событiя, происходившiя въ теченiе послѣднихъ двадцати лѣтъ его жизни. Для описанiя войны съ Пирромъ Эвнiй могъ пользоваться сочиненiями Тимея или другими греческими источниками; но въ общемъ итогъ его рассказы основаны частiю на его личныхъ наблюденiяхъ или на сообщенiяхъ очевидцевъ, частiю на тѣхъ и на другихъ.

Одновременно съ исторической литературой и какъ-бы въ видѣ дополненiя къ ней появляется литература рѣчей и писемъ; она ведетъ свое начало также отъ Катона, такъ какъ отъ предшествовавшей эпохи не осталось ничего, кромѣ нѣсколькихъ надгробныхъ рѣчей, найденныхъ въ семейныхъ архивахъ, болѣею частiю уже въ позднюю пору; такова, напримѣръ, надгробная рѣчь, которую противникъ Аннибала, Квинтъ Фабiй произнесъ, уже бывши старцемъ, надъ могилой своего сына, умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ. Напротивъ того, Катонъ записалъ въ старости тѣ изъ его безчисленныхъ рѣчей, произнесенныхъ въ теченiе его продолжительной и оживленной общественной дѣятельности, которыя были важны въ историческомъ отношенiи; такимъ образомъ онъ составилъ нѣчто въ родѣ политическихъ мемуаровъ, которые частiю включилъ въ свое историческое сочиненiе, частiю, какъ кажется, опубликовалъ въ видѣ самостоятельныхъ дополненiй къ этому сочиненiю. Имъ-же былъ составленъ и сборникъ писемъ.— Неримской исторiей занимались настолько, насколько знакомство съ нею считалось необходимымъ для образованнаго Римлянина; еще о престарѣломъ Фабiи рассказывали, что ему были хорошо знакомы не только римскiя, но также иностранныя войны, а то, что Катонъ прилежно читалъ Фукидиду и другихъ греческихъ историковъ, положительно доказано. Однако, кромѣ сборника анекдотовъ и изреченiй, выписанныхъ Катонемъ изъ прочитанныхъ, имъ сочиненiй, нѣтъ никакихъ слѣдовъ литературной дѣятельности по этой части.

Само собой разумѣется, что вся эта зарождавшаяся историческая литература наивно обходилась безъ всякой критики; ни писателей, ни читателей не смущали никакiя внутреннiя или внѣшнiя противорѣчiя. Хотя царь Тарквинiй Второй былъ уже совершеннолѣтнимъ во время смерти своего отца и воцарился черезъ тридцать девять лѣтъ послѣ того, тѣмъ не менѣе онъ вступаетъ на престолъ юно-

Рѣчи и
письма.

Иноземная
исторiя.

Отсутствiе
историче-
ской
критики.

492

406

шей. Пнеагоръ, прибывшій въ Италію почти за цѣлое поколѣніе до изгнанія царей, тѣмъ не менѣе считался римскими историками за друга мудраго Нумы. Государственные послы, отправленные въ Сиракузы въ 262 году отъ осн. Р., ведутъ тамъ переговоры со старшимъ Діонисіемъ, вступившимъ на престолъ черезъ восемьдесятъ шесть лѣтъ послѣ того (348). Это наивное пренебреженіе къ исторической критикѣ особенно замѣтно въ томъ, какъ писатели относились къ римской хронологіи. По римскому лѣтосчисленію, которое въ своихъ основныхъ чертахъ установилось, по всему вѣроятію, уже въ предшествовавшую эпоху, Римъ былъ основанъ за 240 лѣтъ до освященія Капитолійскаго храма (стр. 460) и за 360 лѣтъ до сожженія Рима Галлами (стр. 457), а это послѣднее событіе, упоминаемое и въ греческихъ историческихъ сочиненіяхъ, случилось по ихъ утвержденію въ годъ аэинскаго архонта Пиргіона, за 388 лѣтъ до Р. Х., и въ 1-й годъ 98-й Олимпіады, — изъ чего слѣдуетъ заключить, что Римъ былъ основанъ въ 1-мъ году 8-й Олимпіады. По считавшемуся въ ту пору несомнѣнно достовѣрнымъ лѣтосчисленію Эратоссеена, то былъ 436-й годъ послѣ паденія Трои; тѣмъ не менѣе основатель Рима считался, по общепринятому разсказу, сыномъ Энеевой дочери. Катонъ, въ качествѣ хорошаго финансиста, провѣрилъ этотъ счетъ времени и обратилъ вниманіе на заключавшееся въ немъ противорѣчіе; однако и онъ, какъ кажется, не указалъ никакого способа устранить это затрудненіе, — такъ какъ впоследствии вставленный съ этой цѣлію списокъ альбанскихъ царей,

Пристрастіе конечно, былъ не имъ составленъ. — Такимъ-же отсутствіемъ критики отличалось до нѣкоторой степени и описаніе историческихъ временъ. Всѣ безъ исключенія историческіе рассказы, безъ сомнѣнія, были окрашены такимъ-же сильнымъ пристрастіемъ, за какое Полибій, со свойственной ему хладнокровной явительностью, порицаетъ рассказъ Фабія о началѣ второй войны съ Карфагеномъ. Однако, недовѣріе было-бы здѣсь болѣе уместно, чѣмъ порицаніе. Было-бы въ нѣкоторомъ отношеніи смѣшно ожидать отъ римскихъ современниковъ Аннибала безпристрастныхъ сужденій объ ихъ врагѣ; впрочемъ вовсе не доказано, чтобъ отцы римской исторіи сознательно искажали факты не въ той мѣрѣ, въ какой заражонъ этой слабостью всякій наивный патріотизмъ.

Наука.

Къ этой-же эпохѣ принадлежатъ зачатки научнаго образованія и даже вызываемой такимъ образованіемъ литературной дѣятельности. Преподаніе въ сущности ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и отечественными законами *). Однако, вслѣдствіе болѣе

*) Плавтъ [Mostellaria, 126] говоритъ, что родители „обучаютъ дѣтей чтенію, праву и законамъ“; о томъ-же свидѣтельствуетъ Плутархъ [Cato mai. 20].

тѣснаго сближенія съ Греками; у Римлянъ мало-по-малу развилось понятіе о болѣе общемъ образованіи и стало сказываться желаніе не то, чтобы прямо пересадить это греческое образованіе въ Римъ, а по его образцу до нѣкоторой степени измѣнить римское образованіе.—Прежде всего, изъ знанія отечественнаго языка стала вы-Грамматика. рабатываться латинская грамматика; греческая филологія была перенесена на родственное съ нею италійское нарѣчіе. Разработка грамматики началась почти въ одно время съ римскою литературною дѣятельностью. Еще около 520 года, какъ кажется, учившій умѣнью 234 писать, Спуриій Карвилій исправилъ латинскую азбуку и отвелъ невключенной въ нее буквѣ g (стр. 466) мѣсто сдѣлавшагося ненужнымъ z, которое она и до сихъ поръ занимаетъ въ западныхъ азбукахъ. Римскіе школьные преподаватели, какъ кажется, постоянно трудились надъ установкою правилъ правописанія, да и латинскія Музы никогда не отрекались отъ своей школьной Гиппоклены и во всѣ времена занимались на ряду съ поэзіей и орѳографіей. Въ особенности Энній, схожій и въ этомъ отношеніи съ Пилопштокомъ, не только приобѣгалъ къ этимологическимъ созвучіямъ совершенно во вкусѣ Александрійцевъ *), но также ввелъ, въ замѣнъ бывшаго до тѣхъ поръ въ употребленіи нераздѣльнаго обозначенія двойныхъ согласныхъ, болѣе отчетливую греческую манеру обозначать каждую изъ двухъ согласныхъ особо. Намъ ничего неизвѣстно о томъ, занимались-ли Невій и Цлавтъ чѣмъ-либо въ томъ же родѣ—національные поэты и въ Римѣ, должно быть, относились къ правописанію и къ этимологін со свойственнымъ всѣмъ поэтамъ пренебреженіемъ. — Съ риторикой и философіей Римляне Риторика и философія. того времени еще вовсе не были знакомы. Живое слово еще играло у нихъ такую важную роль въ общественной жизни, что не могло быть доступнымъ для иноземнаго преподавателя; настоящій ораторъ Катонъ излилъ всю чашу своихъ гнѣвныхъ насмѣшекъ на безмысленное положеніе Исократы, который вѣчно училъ, какъ произносить рѣчи, а самъ никогда не былъ въ состояніи произнести ни одной. Хотя греческая философія и приобрѣла нѣкоторое вліяніе надъ Римлянами черезъ посредство дидактической и въ особенности трагической поэзіи, однако они относились къ ней съ робостью, въ которой сказывались мужицкое невѣжество и инстинктивное сознаніе угрожающей опасности. Катонъ безъ всякихъ обиняковъ называлъ Сократы болтуномъ и утверждалъ, что этотъ революціонеръ былъ достоинъ смертнаго приговора, такъ какъ былъ преступникомъ противъ вѣры и противъ законовъ своего отечества; а что думали о

*) Такъ напримѣръ, въ стихотвореніяхъ Эпихарма названіе Юпитеръ производится отъ того, что онъ помогаетъ [quod juvat], а названіе Цереры отъ того, что она производитъ плоды [quod gerit fruges].

философіи даже расположенные къ ней Римляне, видно изъ слѣдующихъ словъ Эннія:

*Philosophari est mihi necesse, at paucis nam omnino haut placet.
Degustandum ex ea, non in ea ingurgitandum censeo.*

(Я буду философствовать, но не много, такъ какъ не желаю вполне предаваться философіи; вкушать ее понемногу, полагаю, не дурно, но погружаться въ нее не слѣдуетъ).

Тѣмъ не менѣе мы должны смотрѣть на находящіяся въ числѣ Катонскихъ сочиненій поэтическія правоученія и руководство къ ораторскому искусству, какъ на римскую квинтъ-эссенцію или, пожалуй, какъ на римское *carut mortuum* греческой философіи и риторики. Ближайшими источниками служили для Катона — въ его поэтическихъ правоученіяхъ (конечно на ряду съ восхваленіемъ простыхъ отцовскихъ правовъ), по всему вѣроятію Пнеагорейскія правоучительныя сочиненія, а въ его книгѣ объ ораторскомъ искусствѣ — Фукидидовскія и въ особенности Демосееновскія рѣчи, которыя Катонъ усердно изучалъ всѣ безъ исключенія. О духѣ, въ которомъ были написаны эти руководства, можно составить себѣ приблизительное понятіе по слѣдующему превосходному правилу для ораторовъ, которое вносѣдствіи чаще цитировалось, чѣмъ исполнялось: «заботиться о содержаніи, такъ какъ слова найдутся сами собой» *). — Подобныя подготовительныя руководства Катонъ писалъ и для врачебнаго искусства и для военной науки и для сельскаго хозяйства и для правовѣдѣнія, между тѣмъ какъ всѣ эти науки также болѣе или менѣе находились подъ греческимъ вліяніемъ. Въ Римѣ наши для себя до нѣкоторой степени доступъ если не физика и математика, то находящіяся въ связи съ этими науками общепользныя познанія. Главную въ этомъ отношеніи роль играла медицина. Послѣ того какъ первый греческій врачъ, пелопоннесскій уроженецъ Архагаеъ поселился въ 535 году въ Римѣ и приобрѣлъ тамъ своими хирургическими операціями такую извѣстность, что правительство отвело ему особое помѣщеніе и даровало права римскаго гражданства, и его сотоварищи по профессіи стали толпами переселяться въ Италію. Правда, Катонъ не только нападалъ на этихъ иноземныхъ знатковъ врачебнаго искусства съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, но и попытался своею медицинскою справочною книжонкой (частію составленной по собственнымъ наблюденіямъ и, конечно, частію черпавшей свои указанія изъ медицинской литературы Грековъ) возстановить старинный обычай, по которому отецъ семейства былъ выѣстъ съ тѣмъ и домашнимъ докторомъ. Однако и врачи и публика, конечно, не обращали вниманія на это причудливое ворчанье; тѣмъ не менѣе докторское ремесло,

Медицина.

219

*) Rem tene, verba sequuntur.

бывшее въ Римѣ однимъ изъ самыхъ доходныхъ, осталось монополией иностранцевъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій въ Римѣ не было другихъ врачей, кромѣ греческихъ. — И варварское равнодушіе, съ которымъ до тѣхъ поръ относились въ Римѣ къ измѣренію времени, стало до нѣкоторой степени исчезать. Съ выставкой первыхъ солнечныхъ часовъ на римской торговой площади въ 491 году стало входить у Римлянъ въ употребленіе греческое измѣреніе времени по часамъ (*ώρα, hora*); впрочемъ при этомъ случилась такая странность, что въ Римѣ были выставлены солнечные часы, изготовленные для Катаны, которая лежитъ четырьмя градусами южнѣе, и Римляне руководствовались этими часами въ теченіе цѣлаго столѣтія. Въ концѣ описываемой эпохи, нѣкоторые изъ знатныхъ Римлянъ стали интересоваться математическими познаніями. Маній Ацилій Глабрионъ (консулъ 563 года) попытался устранить изъ календаря путаницу путемъ изданія закона, разрѣшавшаго pontификальной коллегіи вставлять и опускать добавочные мѣсяцы по ея усмотрѣнію; если эта мѣра не достигла своей цѣли и даже ухудшила зло, то причиной этого была не столько безсмысленность, сколько недобросовѣстность римскихъ богослововъ. И получившій греческое образованіе, Маркъ Фульвій Нобилиоръ (консулъ 565 года) старался по меньшей мѣрѣ распространять знакомство съ римскимъ календаремъ. Гай Сульпицій Галлъ (консулъ 588 года), не только предсказавшій лунное затмѣніе 586 года, но и высчитавшій разстояніе между землей и луной и даже, какъ кажется, писавшій астрономическія сочиненія, былъ въ глазахъ своихъ современниковъ чудомъ трудолюбія и прозорливости.

Математика.

263

191

189

166

168

Само собой разумѣется, что въ сельскомъ хозяйствѣ и въ военномъ искусствѣ Римляне руководствовались и тѣмъ опытомъ, который унаслѣдовали отъ предковъ, и тѣмъ, который приобрѣли сами; о томъ же ясно свидѣтельствуетъ то изъ двухъ Катоновскихъ руководствъ для сельскаго хозяина, которое дошло до насъ. Однако и въ этихъ второстепенныхъ интеллектуальныхъ сферахъ, точно такъ же, какъ и въ самыхъ высшихъ, совмѣщались результаты культуры греческой, латинской и даже финикійской, — и уже только по этой причинѣ не могли быть совершенно оставлены безъ вниманія тѣ произведенія иностранной литературы, которыя касались этихъ предметовъ. — То же можно замѣтить и о правовѣдѣніи; но не безъ оговорки. Дѣятельность ученыхъ юристовъ того времени все еще заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что они давали совѣты по тяжбынымъ дѣламъ и поучали менѣе опытныхъ слушателей; но изъ этихъ устныхъ наставленій уже образовался запасъ традиціонныхъ правилъ, да и въ литературныхъ произведеніяхъ по этой части не было полнаго недостатка. Для законовѣдѣнія была важнѣе Катонскаго краткаго очерка такъ-называемая *Триграт-*

Сельское хозяйство и военное искусство.

Правовѣдѣніе.

198
194

t i t a (дѣлившаяся на три части книга), написанная Секстомъ Эліемъ Петомъ, которому было дано прозвище «искусснаго» (*s a t u s*); онъ былъ первымъ практическимъ юристомъ своего времени и вслѣдствіе такой общепользующей дѣятельности достигъ въ 556 году консульства, а въ 560 году цензорства; его сочиненіе касалось законовъ Двѣнадцати Таблицъ; оно объясняло каждую статью этихъ законовъ и въ особенности встрѣчавшіяся въ нихъ устарѣлыя и непонятныя выраженія и дополняло ихъ соотвѣтствующими исковыми формулами. Хотя въ составленіи этихъ объяснительныхъ замѣтокъ бесспорно проглядываетъ вліяніе греческихъ грамматическихъ познаній, но составленіе исковыхъ формулъ находится въ связи съ болѣе древнимъ сборникомъ Аппія (стр. 465) и со всѣмъ національнымъ и процессуальнымъ развитіемъ римскаго законодательства. — Объ объемѣ научныхъ познаній того времени можно составить себѣ очень опредѣленное понятіе по написаннымъ Катономъ для его сына руководствамъ, которыя представляютъ нѣчто въ родѣ энциклопедіи, объясняющей въ краткихъ изреченіяхъ, какимъ долженъ быть «дѣльный человѣкъ» (*v i r b o n u s*), какъ ораторъ, какъ врачъ, какъ сельскій хозяинъ, какъ воинъ и какъ законовѣдецъ. Въ ту пору еще не сознавалось различіе между общимъ образованіемъ и изученіемъ какого-либо спеціальнаго предмета, но вообще требовалось отъ каждого порядочнаго Римлянина, чтобъ онъ обладалъ тѣми научными познаніями, которыя считались необходимыми и полезными. При этомъ составляли исключеніе частію латинская грамматика, — которая поэтому и не могла достигнуть въ ту пору такого формальнаго развитія, какого требуетъ настоящее научное преподаваніе языка, — частію музыка и вообще вся сфера наукъ математическихъ и физическихъ. Отъ науки требовалось только то, что имѣло прямое практическое примѣненіе, и ничего болѣе, — да и то излагалось по возможности кратко и просто. При этомъ, конечно, пользовались греческою литературой, но только для того, чтобъ извлекать изъ массы сора и разной дряни отрывочныя, полезныя на практикѣ, указанія — одно изъ руководящихъ правилъ Катона гласитъ: «греческія сочиненія надо просматривать, а не изучать». Именно вслѣдствіе такого возрѣнія и появились тѣ домашнія справочныя и вспомогательныя книги, въ которыхъ не было ни греческой изысканности и неясности выраженій, ни греческаго остроумія и глубокомыслія, и которыя именно потому навсегда установили отношеніе Римлянъ къ греческимъ наукамъ.

Характеръ и историческое положеніе римской литературы. И такъ всемірное владычество вызвало въ Римѣ появленіе поэзій и литературы или, выражаясь словами одного поэта Цицероновскихъ временъ:

*Poenico bello secundo Musa pennato gradu
Intulit se bellicosum Romuli in gentem feram.*

(Послѣ второй Пунической войны, Музы спустились на своихъ крыльяхъ къ воинственному и грубому племени Ромула).

И въ тѣхъ странахъ, гдѣ говорили по-сабельски и по-этрусски, не было въ то время недостатка въ умственномъ движеніи. Такъ какъ нѣкоторые писатели упоминаютъ о трагедіяхъ на этрусскомъ языкѣ и такъ какъ глиняные сосуды съ оскскими надписями свидѣтельствуютъ о знакомствѣ ихъ изготовителей съ греческими комедіями, то самъ собою навязывается вопросъ, не развивалась-ли и на берегахъ Арно и Вольтурна, во времена Невія и Катона, литература, принявшая, подобно Римлянамъ, за образецъ Эллиновъ. Но до насъ не дошло никакихъ объ этомъ свѣдѣній и исторія можетъ только указать на существующій въ этомъ отношеніи пребѣдъ. — Мы въ состояніи судить только о римской литературѣ и какъ-бы ни казались сомнительными въ глазахъ эстетика ея абсолютныя достоинства, все-таки для того, кто изучаетъ исторію Рима, она имѣетъ громадное значеніе, потому что въ ней отражалась какъ въ зеркалѣ внутренняя духовная жизнь Италіи въ звучавшее стучкомъ оружія и чреватое великими событіями шестое столѣтіе, когда закончилось объединеніе Италіи и когда эта страна стала вступать въ болѣе общую сферу античной цивилизаціи. И въ ней преобладаетъ такое-же раздвоеніе, какое сказывалось въ ту эпоху во всѣхъ сферахъ народной жизни и какимъ обыкновенно отличается переходное время. Относительно недостатковъ подражавшей греческимъ образцамъ римской литературы не можетъ впасть въ заблужденіе ни одинъ безпристрастный наблюдатель, у котораго взоръ неотуманенъ почтенною ржавчиной двухъ тысячелѣтій. Римская литература занимаетъ по отношенію къ греческой такое-же положеніе, какое занимаетъ нѣмецкая оранжерея по отношенію къ сицилійской апельсинной рощѣ; можно находить наслажденіе и въ той и въ другой, но сравнивать одну съ другой совершенно невозможно. Это замѣтно на употреблявшей отечественный языкъ литературѣ Латиновъ едва ли не болѣе явственно, чѣмъ на римской литературѣ, употреблявшей иностранный языкъ; первая болѣею частью была дѣломъ не Римлянъ, а иноземцевъ — полу-Грековъ, Кельтовъ, и немного позже даже Африканцевъ, сначала освоившихся лишь съ внѣшними формами латинскаго языка; въ числѣ этихъ писателей, выступавшихъ въ ту пору передъ публикой въ качествѣ поэтовъ, не только нельзя назвать ни одного человѣка знатнаго происхожденія, но даже нельзя съ увѣренностью назвать ни одного уроженца Лаціума. Даже самое слово поэтъ было заимствовано отъ иноземцевъ; даже Энній настойчиво напоминалъ о томъ, что онъ поэтъ *). Но эта поэзія не

*) Сравни. стран. 915:

Enni poeta salve, qui mortalibus
Versus propinas flammeos medullitus.

только была чужеземной, но также была заражена всеми недостатками, обыкновенно встречающимися тамъ, гдѣ литераторами являются школьные преподаватели, а публику составляетъ народная толпа. Мы уже говорили о томъ, какъ авторы комедій, изъ желанія угодить публикѣ, старались опозлить свои произведенія и доходили до площадной грубости; мы уже ранѣе указывали и на то, что двое изъ самыхъ вліятельныхъ римскихъ писателей сначала были школьными преподавателями и только впоследствии сдѣлались поэтами, а между тѣмъ какъ греческая филологія, возникшая лишь послѣ отцвѣта національной литературы, производила свои эксперименты надъ мертвымъ тѣломъ, напротивъ того въ Лациумѣ возникновеніе грамматики и закладка фундамента для литературы шли съ самаго начала рука объ руку почти такъ-же, какъ при теперешнихъ миссіяхъ въ языческихъ странахъ. Дѣйствительно, если мы безъ всякой предвзятой мысли взглянемъ въ эту подражавшую Эллинамъ литературу, въ эту низведенную на степень ремесла и лишенную всякаго самостоятельнаго творчества поэзію, въ это сплошное подражаніе самымъ пошлымъ произведеніямъ чужеземнаго искусства, въ этотъ переводный репертуаръ и въ этотъ зародившійся на чужеземной почвѣ эпосъ, то мы готовы отнести ихъ къ числу болѣзненныхъ симптомовъ этой эпохи. — Однако, хотя такой приговоръ и нельзя назвать несправедливымъ, онъ справедливъ только въ одностороннемъ смыслѣ. Прежде всего слѣдуетъ принять во вниманіе то обстоятельство, что эта искусственно-созданная литература возникла у такой націи, которая не только не имѣла никакой національной поэзіи, но и впоследствии никогда не была способна создать таковую. Въ древности вовсе не имѣли понятія о той поэзіи индивидуальной жизни, которую создало новое время, а пора творческой поэтической дѣятельности въ сущности совпадала съ той мало-знакомой эпохой, когда нація предавалась чувствамъ страха и радости въ виду своего только-что возникавшаго существованія; безъ ущерба величію греческихъ эпиковъ и трагиковъ можно утверждать, что ихъ поэтическое творчество въ сущности заключалось въ обработкѣ старинныхъ сказаній о богахъ, принявшихъ челоуѣ-

[Привѣтствую тебя, поэтъ Эний! Изъ глубины твоей души ты изливаешь для смертныхъ пламенная пѣснопѣнія.]

Характеристично то обстоятельство, что слово *poeta* образовалось изъ проstonароднаго греческаго слова ποιητης, а не изъ слова ποιητης, подобно тому, какъ у греческихъ гончаровъ было въ употребленіи ἐπόησεν [вмѣсто ἐποίησεν]. Слово *poeta*, въ своемъ техническомъ значеніи, относилось лишь къ сочинителямъ эпическихъ или речитативныхъ стихотвореній, а не къ сочинителямъ театральныхъ стихотворныхъ произведеній, называвшимся въ ту пору словомъ *scriba* [стр. 883; Festus, подъ этимъ словомъ, стр. 333, изд. Мюллера].

ческій образъ, и о людяхъ, превратившихся въ боговъ. Въ Лаціумѣ вовсе не существовало этой основы античной поэзіи, а гдѣ міръ боговъ не имѣетъ внѣшнихъ формъ и сказанія ничтожны, тамъ не могутъ сами собою созрѣвать золотыя яблоки поэзіи. Къ этому слѣдуетъ присовокупить другое и еще болѣе важное соображеніе. Какъ внѣшнее государственное развитіе Италіи, такъ и ея внутреннее интеллектуальное развитіе равномѣрно достигли того пункта, на которомъ уже не было возможности долѣе поддерживать римскую національность, для которой служило опорой устраненіе всякаго высшаго и индивидуальнаго умственнаго развитія, — и уже не было возможности долѣе отталкивать отъ себя эллинизмъ. Не только историческимъ, но даже поэтическимъ оправданіемъ для подражавшей Эллинамъ римской литературы и служить именно эта пропаганда эллинизма въ Италіи; она, кочечно, имѣла революціонный характеръ и была направлена къ уничтоженію національности, но она была необходима для духовнаго объединенія народовъ. Изъ ея мастерской не вышло ни одного новаго и настоящаго художественнаго произведенія, но она распространила на Италію умственный кругозоръ Эллады. Если мы посмотримъ на греческую поэзію даже только съ ея внѣшней стороны, то мы найдемъ, что она предполагала въ слушатель извѣстную сумму положительныхъ свѣдѣній. Въ античной поэзіи не было той цѣльности, какая составляетъ главную особенность, напримѣръ, Шекспировской драмы; кто незнакомъ съ цикломъ греческихъ легендъ, тотъ не пойметъ основной мысли рапсодій и легендъ и даже нерѣдко не пойметъ ихъ содержанія. Если римская публика того времени и была (какъ это доказываютъ Плавтовскія комедіи) довольно близко знакома съ Гомеровскими поэмами и съ легендами о Гераклѣ, а изъ остальныхъ мѣровъ имѣла понятіе по меньшей мѣрѣ о самыхъ общезвѣстныхъ *), то эти познанія проникли въ публику отчасти черезъ школу, а главнымъ образомъ черезъ театръ и такимъ образомъ было по меньшей мѣрѣ положено начало для пониманія эллинской поэзіи. Но еще гораздо глубже вліяло введеніе въ Лаціумѣ въ употребленіе греческаго стихотворнаго языка и греческаго стихотворнаго размѣра. Если «побѣжденная Греція одолѣла своихъ грубыхъ завоевателей искусствомъ», то этотъ успѣхъ былъ достигнутъ главнымъ образомъ тѣмъ, что изъ неуклюжаго латинскаго нарѣчія выработался развитой и возвышенный поэтическій языкъ, что въ

---

*) Изъ цикла легендъ о Троѣ и о Гераклѣ были знакомы даже нѣкоторыя второстепенныя мѣстныя личности, какъ напримѣръ Талибій [Stichus, 305], Автоликъ [Vaschides 275], Паревонъ [Men. 745]. Слѣдуетъ полагать, что кромѣ того были знакомы въ самыхъ общихъ чертахъ легенды о Фивахъ и объ Аргонавтахъ, сказанія о Беллерофонѣ [Vasch. 810], о Пенееѣ [Merg. 467], о Прокнѣ и Филомелѣ [Rudens, 604], о Сафо и Фаонѣ [Mil., 1247].

замѣнъ монотонныхъ и отрывистыхъ сатурническихъ стиховъ плавно потекли ямбы и загремѣли гекзаметры, что полныя энергіи тетраметры, веселящія душу анапесты и искусно переплетенныя лирическіе размѣры достигали до слуха Латинцевъ на родномъ языкѣ. Поэтическій языкъ вводитъ читателя въ идеальный міръ поэзіи, а стихотворный размѣръ производитъ на него поэтическое впечатлѣніе; Гомеръ и Софоклъ писали не для тѣхъ, для кого нѣмъ краснорѣчивый эпитетъ и мертвое живое сравненіе, и у кого не находятъ въ душѣ отголоска такты дактилей и ямбовъ. Было бы неосновательно утверждать, что поэтическое чувство и ритмическій размѣръ сами по себѣ производятъ впечатлѣніе. Способность воспринимать идеальныя впечатлѣнія, конечно, вложена въ человѣческую душу самой природой; но чтобы созрѣть, ей нуженъ благотворный солнечный свѣтъ, а въ мало-склонной къ поэзіи латинской націи ей былъ также нуженъ внѣшній уходъ. Было бы такъ-же неосновательно утверждать, что, при широко распространеншемся знаніи греческаго языка, переимчивая римская публика могла-бы довольствоваться и греческой литературой. Но то таинственное очарованіе языка, которое достигаетъ своей высшей степени въ стихотворной формѣ выраженія и въ стихотворномъ размѣрѣ, составляетъ принадлежность не всякаго языка, которому человѣкъ случайно выучился, а только роднаго языка. Кто посмотритъ съ этой точки зрѣнія на подражавшую Грекамъ римскую литературу и въ особенности на римскую поэзію того времени, тотъ составитъ себѣ болѣе вѣрное о нихъ понятіе. Если эта литература пыталась пересадить въ Римъ Эврипидовскій радикализмъ, если она старалась доказать, что богами считались или умершіе люди или воплощенія отвѣченныхъ идей, если она вообще старалась сглаживать всѣ самостоятельно разившіяся рѣзкія національныя особенности, проводя проблематическую идею о всеобщей цивилизаціи, то всякій воленъ считать такую тенденцію отрадной или отвратительной, но никто не можетъ сомнѣваться въ ея исторической необходимости. Кто усвоитъ эту точку зрѣнія, тотъ конечно не будетъ отвергать недостатковъ римской поэзіи, но будетъ понимать, отъ чего они происходили и вслѣдствіе того будетъ въ нѣкоторой мѣрѣ оправдывать ихъ. Ничтожному и нерѣдко грязному содержанію этой поэзіи, конечно, не соответствуетъ сравнительно законченная внѣшняя форма, но ея существенное значеніе и заключалось именно въ ея внѣшнихъ достоинствахъ,—въ обработкѣ языка и стихотворнаго размѣра. Римскую поэзію нельзя похвалить за то, что она находилась преимущественно въ рукахъ школьныхъ наставниковъ и иноземцевъ и состояла почти исключительно изъ переводовъ и передѣлокъ; но если главная цѣль поэзіи заключалась въ томъ, чтобы перекинуть мостъ изъ Лаціума въ Элладу, то слѣдуетъ признать, что Ливій и Эній были призваны

къ поэтическому первосвященству въ Римѣ, а переводная литература была самымъ естественнымъ средствомъ для достиженія ихъ цѣли. Еще менѣе достойна римская поэзія похвалы за то, что она выбирала предпочтительно самыя безцвѣтные и самыя бѣдные содержаніемъ оригиналы; но и это было согласно съ ея цѣлію. Никто не будетъ ставить Эврипидовскую поэзію наравнѣ съ Гомеровскою; но разсматриваемыя съ исторической точки зрѣнія, произведенія Эврипида и Менаандра служили для космополитическаго эллинизма болѣе совершенно столько-же, сколько *Иліада* и *Одиссея* служили болѣе для національнаго эллинизма; поэтому представители указаннаго выше направленія римской литературы имѣли полное основаніе вводить свою публику прежде всего въ эту сферу греческой литературы. Быть можетъ, и инстинктивное сознание ограниченности своихъ поэтическихъ дарованій побуждало римскихъ литературныхъ дѣятелей придерживаться предпочтительно Эврипида и Менаандра, а Софокла и даже Аристофана оставлять въ сторонѣ, — вѣдь чисто-національную поэзію нелегко пересадить на иноземную почву, а разсудокъ и остроуміе, которые лежатъ въ основѣ какъ Эврипидовской поэзіи, такъ и Менаандровской, за самой своей природѣ космополитичны. Во всякомъ случаѣ, за римскими поэтами шестаго столѣтія слѣдуетъ признать ту заслугу, что они не примкнули къ текущей эллинской литературѣ или къ такъ называемой Александрійской школѣ, а искали для себя образцовъ въ болѣе древней классической литературѣ, хотя и не въ самыхъ чистыхъ ея сферахъ. Хотя ихъ и можно упрекнуть за безчисленные неудачныя приспособленія и за нарушенія законовъ искусства, но это такія прегрѣшенія противъ Евангелія, которыхъ нѣтъ возможности избѣжать при вовсе не чистоплотной миссіонерской дѣятельности; и въ историческомъ и даже въ эстетическомъ отношеніи они до нѣкоторой степени искупаются тѣмъ усердіемъ къ вѣрѣ, которое также неразлучно связано съ дѣятельностью пропагандистовъ. Можно не соглашаться съ Энніемъ въ оцѣнкѣ его Евангелія; но въ томъ, что касается вѣры, важно не столько то, во что человекъ вѣруетъ, сколько то, какъ онъ вѣруетъ; поэтому и римскимъ поэтамъ шестаго столѣтія нельзя отказать въ признаніи ихъ заслугъ и въ полномъ одобреніи. Полное свѣжести и силы, сознание могущества эллинской міровой литературы, и святое, пылкое желаніе пересадить это чудное дерево на чужеземную почву проникали всю римскую поэзію шестаго столѣтія и своеобразно сливались съ возвышенными духовными влеченіями этой великой эпохи. Позднѣйшій очищенный эллинизмъ относился къ римскимъ поэтическимъ произведеніямъ того времени съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ; но онъ скорѣе долженъ-бы былъ высоко цѣнить поэтовъ, которые при всѣхъ своихъ несовершенствахъ были болѣе тѣсно связаны съ греческой

поэзіей, чѣмъ ихъ болѣе образованные преемники, и стояли ближе этихъ послѣднихъ къ настоящему стихотворному искусству. Въ символѣ соревнованіи поэтовъ этого времени, въ ихъ звучныхъ римахъ и даже въ гордости, съ которой они отзывались о своемъ призваніи, было больше величія, чѣмъ въ какую либо другую эпоху римской литературы и даже тотъ, кто ясно видитъ слабыя стороны этой поэзіи, въ правѣ примѣнить къ ней тѣ высокоомѣрные слова, которыми она величала сама себя,—что она для смертныхъ

«Льетъ пѣснь огневую изъ нѣдръ потаенныхъ души».

Националь-
ная оппозиція.

Подобно тому, какъ эллинико-римская литература того времени была въ сущности тенденціозна, и въ ея антитезѣ—въ современной національной литературѣ преобладала тенденціозность. Если первая старалась ни болѣе ни менѣе, какъ уничтожить латинскую національность, создавая выражавшуюся по-латыни, но по формѣ и по духу эллиническую поэзію, то лучшая и самая чистая часть латинской націи должна была отбросить вмѣстѣ съ эллинизмомъ и соответствующую литературу, предавъ ихъ проклятію. Во времена Катона въ Римѣ относились къ греческой литературѣ почти такъ-же, какъ во времена цезарей относились къ христіанству: вольноотпущенники и чужеземцы составляли ядро поэтической общины точно такъ, какъ впоследствии они-же составляли ядро христіанской общины; національная знать и въ особенности правительство считали какъ христіанство, такъ и поэзію за враждебныя силы; римская аристократія причисляла Плавта и Энида къ разряду сволочи почти по такимъ-же причинамъ, по какимъ римское правительство подвергало апостоловъ и епископовъ смертной казни. Понятно, что и въ этомъ случаѣ Катонъ сталъ прежде всѣхъ горячо защищать свое отечество отъ иноземцевъ. Греческіе ученые и греческіе врачи были въ его глазахъ самыми опасными изчадіями прогнившей до самаго корня греческой націи *) и онъ отзывался о римскихъ площадныхъ пѣвцахъ съ невыразимымъ

*) Онъ пишетъ: „Въ своемъ мѣстѣ я разскажу тебѣ, сынъ мой Маркъ, то, что я узналъ объ этихъ Грекахъ въ Аѳинахъ по собственному опыту, и я докажу тебѣ, что ихъ сочиненія полезно просматривать, но не изучать. Эта раса окончательно испортилась и не признаетъ никакой правительственной власти; вѣрь мнѣ, въ этихъ словахъ такая-же правда, какъ въ изреченіи орacula; этотъ народъ все испортитъ, если перенесетъ къ намъ свое образованіе и въ особенности если будетъ присылать сюда своихъ врачей. Они сгонялись извести своими медикаментами всѣхъ варваровъ, но они требуютъ за это платы для того, чтобъ внушить къ себѣ довѣріе и скорѣе довести насъ до гибели. И насъ они называютъ варварами и даже поносятъ еще болѣе грубымъ названіемъ Олиговъ. Поэтому я запрещаю тебѣ входить въ какія либо сношенія съ знатоками врачебнаго искусства“.—Этотъ ревностный защитникъ римской національности, какъ видно, не зналъ, что слово Олики, имѣющее на

презрѣніемъ (стр. 455). За это нерѣдко и строго осуждали и его самого и тѣхъ, кто думалъ, какъ онъ, а выраженія его неудовольствія нерѣдко отличались свойственной ему рѣзкостью и недальновидностью; однако, кто внимательнѣе вникнетъ въ дѣло, тотъ не только признаетъ его правымъ, но даже придетъ къ убѣжденію, что на этой почвѣ, болѣе чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, національная оппозиція выходила изъ предѣловъ пассивной обороны. Когда младшій современникъ Катона, Авлъ Постумій Альбинъ, — сдѣлавшійся за свою отвратительную грекоманію посмѣшищемъ для самихъ Грековъ и даже писавшій греческіе стихи, — въ предисловіи къ своему историческому сочиненію оправдывалъ свои недостаточныя познанія въ греческомъ языкѣ тѣмъ, что онъ родился Римляниномъ, то не было ли вполне уместно обратиться къ нему съ вопросомъ: да развѣ законъ заставлялъ его заниматься тѣмъ, въ чемъ онъ ничего не смыслилъ? Или, можетъ быть, промыселъ фабриканта переводныхъ комедій и пишущаго ради дневнаго пропитанія и протекціи эпического стихотворца считался за двѣ тысячи лѣтъ назадъ болѣе почетнымъ, чѣмъ теперь? Или Катонъ не имѣлъ никакого основанія упрекать Нобилиора за то, что онъ взялъ съ собою въ Амбракію, для воспѣванія его будущихъ подвиговъ, того самого Эннія, который въ своихъ стихахъ прославлялъ всѣхъ безъ различія римскихъ вельможъ и осыпалъ похвалами даже Катона? Или Катонъ не имѣлъ основанія поносить названіемъ несправимо-гнусной сволочи тѣхъ Грековъ, которыхъ онъ изучилъ въ Римѣ и въ Аѳинахъ? Эта оппозиція противъ тогдашней культуры и противъ тогдашняго эллинизма была вполне основательна; но Катона никакъ нельзя обвинять въ оппозиціи противъ культуры и противъ эллинизма вообще. Напротивъ того, высшею похвалою для національной партіи можетъ служить тотъ фактъ, что и она вполне ясно сознавала необходимость создать латинскую литературу и при этомъ воспользоваться возбуждающимъ вліяніемъ эллинизма; но она желала, чтобъ латинская литературная дѣятельность не была стереотипнымъ подражаніемъ греческой и чтобъ она не была насильно навязана римской національности, а развивалась въ соответствіи съ этой національностью, пользуясь тѣмъ, что могла найти полезнаго у Грековъ. Съ тѣмъ гениальнымъ инстинктомъ, который свидѣтельствуетъ не столько о прозорливости того или другаго дѣятеля, сколько о возвышенныхъ стремленіяхъ того времени, національная партія создала, что при полномъ отсутствіи предшествующаго поэтического творчества только въ исторіи можно было найти годный матеріалъ

латинскомъ языкѣ грязное значеніе, не имѣть никакого дурнаго значенія на греческомъ языкѣ и что Греки стали называть этимъ словомъ Италиецъ безъ всякаго намѣренія оскорбить ихъ [стр. 131].

для развитія самостоятельной умственной жизни. Римъ былъ тѣмъ, чѣмъ не была Греція—государствомъ, а на глубокомъ сознаниі этого факта были основаны какъ смѣлая попытка Невія создать римскій эпосъ и римскую драму при помощи исторіи, такъ и созданіе латинской прозы Катонемъ. Попытка замѣнить легендарныхъ боговъ и героев римскими царями и консулами, конечно, была похожа на попытку гигантовъ взобраться на небо по нагроможденнымъ одна на другую горамъ; безъ міра боговъ не могли обойтись ни античный эпосъ ни античная драма, а поэзія не была въ состояніи чѣмъ либо замѣнить его. Болѣе воздержно и болѣе благоразумно поступилъ Катонъ, предоставивъ противной партіи исключительное обладаніе поэзіей, которую считалъ безвозвратно утраченной для Римлянъ; впрочемъ его попытка создать дидактическую поэзію съ національнымъ стихотворнымъ размѣромъ по образцу древнѣйшихъ римскихъ стихотвореній—Аппіевской поэмы о нравахъ и поэмы о земледѣліи, достойна вниманія и уваженія если не по своему успѣху, то по замыслу. Болѣе благоприятную почву представляла ему проза; поэтому онъ постарался со всей свойственной ему разносторонностью и энергіей создать прозаическую литературу на отечественномъ языкѣ. Первая публика, къ которой онъ обратился, состояла изъ его семейнаго кружка, а въ своемъ предпріятіи онъ не встрѣчалъ почти ни съ чьей стороны содѣйствія; но это лишь доказываетъ, что его замыселъ былъ въ чисто римскомъ духѣ, и лишь увеличиваетъ цѣну его заслугъ. Такимъ-то образомъ объясняется появленіе его «Исторіи Рима съ древнѣйшихъ временъ» (*Origin es*), записанныхъ имъ публичныхъ рѣчей, и его сочиненій по разнымъ научнымъ предметамъ. Эти литературныя произведенія, безспорно, проникнуты національнымъ духомъ и трактуютъ о національныхъ сюжетахъ; тѣмъ не менѣе они вовсе не направлены противъ эллинизма, а напротивъ того въ сущности возникли подъ греческимъ вліяніемъ только иначе, чѣмъ произведенія противной партіи. Основная мысль и самое заглавіе главнаго Катоновскаго сочиненія заимствованы изъ греческихъ рассказовъ о древнѣйшей исторіи (*χρ(σ)ε(ι)ς*). То-же можно сказать и о записанныхъ Катонемъ публичныхъ рѣчахъ—онъ насмѣхался надъ Исократомъ, но пытался чему нибудь научиться отъ Фукидида и отъ Демосѣена. Его энциклопедія была въ сущности результатомъ его знакомства съ греческой литературой. Изъ всего, что предпринималъ этотъ дѣятельный и преданный своему отечеству человекъ, ничто не было болѣе богато послѣдствіями и болѣе полезно для его отечества, чѣмъ эта литературная дѣятельность, которой самъ онъ не придавалъ большаго значенія. Онъ имѣлъ многочисленныхъ и достойныхъ послѣдователей и въ сочиненіи публичныхъ рѣчей и въ научныхъ изслѣдованіяхъ, и хотя его оригинальные рассказы о древнѣйшей исторіи, конечно, достой-

ные стоять на ряду съ греческой логографіей, но вызвали появленія новаго Геродота или Фукидида, все таки отъ него вело свое начало и имъ было установлено то воззрѣніе, что литературныя занятія по части общепользныхъ наукъ и исторіи не только дѣлаютъ честь Римлянину, но и доставляютъ ему славу.

Если мы, въ заключеніе, обратимъ наше вниманіе на положеніе, въ которомъ находились архитектура и пластика, то мы замѣтимъ относительно первой изъ нихъ, что зарождавшаяся роскошь обнаруживалась не столько въ постройкѣ общественныхъ зданій, сколько въ постройкѣ домовъ для частныхъ людей. Только въ концѣ этого періода, въ особенности со времени вступленія Катона въ званіе цензора (570), стали заботиться при постройкѣ общественныхъ зданій не только о томъ, что было крайне-необходимо, но и о томъ что было удобно,—стали обкладывать камнемъ (570) бассейны (lascia), которые снабжались водой изъ водопроводовъ, стали устраивать колоннады (575, 580) и,—что еще болѣе важно,—стали заводить въ Римѣ судебныя и биржевыя палаты или такъ-называемыя базилики по образцу аттическихъ. Первое изъ такихъ зданій, отчасти схожихъ съ нашими теперешними базарами (Порціевская палата, или палата серебряныхъ дѣлъ мастеровъ) было построено въ 570 году Катонномъ рядомъ съ сенатскимъ зданіемъ; вслѣдъ за тѣмъ скоро стали строить и другія подобныя зданія, такъ что стоявшія по бокамъ торговой площади лавки были мало по малу замѣнены этими великолѣпными, поставленными на колоннахъ, палатами. Въ обыденной жизни имѣли еще болѣе важное значеніе тѣ измѣненія въ постройкѣ частныхъ домовъ, которыя были введены никакъ не позже этой эпохи; стали мало по малу заводить отдѣльно и жилую залу (atrium), и дворъ (cavum aedium), и садъ съ садовой галлереей (peristylum), и особую комнату для храненія бумагъ (tablinum), и капеллу, и кухню, и спальную; а при внутренней отдѣлкѣ стали ставить поддерживавшія крышу колонны на дворѣ и въ жилой залѣ, равно какъ въ садовыхъ галлерейхъ,—при чемъ, конечно, или подражали греческимъ образцамъ или по меньшей мѣрѣ ими пользовались. Но для построекъ по прежнему употребляли самый простой матеріалъ; «наши предки», говоритъ Варронъ, «жили въ домахъ, построенныхъ изъ кирпича и только для того, чтобъ предохранить себя отъ сырости, клали небольшой фундаментъ изъ камня».—Отъ римской пластики не осталось почти никакихъ другихъ слѣдовъ, кромѣ вытѣпленныхъ изъ воску изображеній предковъ. Нѣсколько чаще встрѣчаются упоминанія о живописцахъ и о живописи: Маній Валерій приказалъ изобразить на боковой стѣнѣ сенатскаго зданія побѣду, одержанную имъ въ 491 году подъ Мессаною надъ Карфагенянами и надъ Пьерономъ (стр. 512). Въ Римѣ это были первыя историческія фрески,

Архитектура.

184

184

179 174

184

Пластика и живопись.

263

вслѣдъ за которыми появилось не мало другихъ имъ подобныхъ, и которыя были въ сферѣ пластическаго искусства тѣмъ-же, чѣмъ немного позже сдѣлались національный эпосъ и національная драма въ сферѣ поэзіи. Изъ живописцевъ упоминаются: нѣкій Θεοδοτῆς, о которомъ Невій говорилъ въ насмѣшку, что онъ

*Sedens in cella circumtectus tegetibus
Lares ludens peni pinxit bubulo;*

(Сидя въ святилищѣ, отгороженный завѣсами, писалъ рѣзнящихся ларь бычачьимъ...мъ)

уроженецъ Брундизія, Маркъ Пакувій, рисовавшій въ храмѣ Геркулеса на воловьемъ рынкѣ — тотъ самый, который, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, приобрѣлъ извѣстность въ качествѣ передѣлывателя греческихъ трагедій, и Мало-Азіатецъ Маркъ Плавцій Ликонъ, которому, за его прекрасную живопись въ храмѣ Юноны въ Ардеѣ, были дарованы этой общиной права мѣстнаго гражданства *). Но именно этотъ послѣдній фактъ и свидѣтельствуется очень ясно о томъ, что занятіе искусствами не только играло въ Римѣ незначительную роль и было скорѣе дѣломъ ремесленниковъ, чѣмъ настоящихъ художниковъ, но и, по всему вѣроятію, находилось въ рукахъ Грековъ и полу-Грековъ еще болѣе исключительно, чѣмъ поэзія. — Съ другой стороны, въ сферахъ римской знати обнаруживаются зачатки той любовязательности, съ которой римскіе дилетанты впоследствии относились къ музеямъ изящныхъ искусствъ. Въ ту пору уже восхищались великолѣпіемъ коринтскихъ и аѳинскихъ храмовъ и съ пренебреженіемъ смотрѣли на старомодныя глиняныя фигуры, стоявшія на крышахъ римскихъ храмовъ; даже такой человекъ, какъ Луцій Павелъ, — который былъ скорѣе единомышленникомъ Катона, чѣмъ единомышленникомъ Циціона, — разсматривалъ и цѣнилъ Фидіева Зевса, какъ знатокъ. Обыкновеніе увозить изъ завоеванныхъ греческихъ городовъ драгоценныя произведенія искусства было впервые введено въ широкихъ размѣрахъ Маркомъ Марцелломъ послѣ взятія Сиракузъ (542) и несмотря на то, что оно вызывало строгія порицанія со стороны людей стараго зачала (такъ напримѣръ, послѣ взятія Тарента (545), престарѣлый суровый Квинтъ Максимъ приказалъ не трогать стоявшихъ въ храмѣ статуй и оставилъ Тарентинцамъ ихъ разгнѣванныхъ боговъ), все таки подобныя разграбленія храмовъ возобновлялись все чаще и чаще. Общественныя зданія Рима наполнились об-

212

209

*) Произведенія Плавція принадлежатъ или къ этому періоду, или къ началу слѣдующаго, такъ какъ изложенныя гекзаметрами приписки къ его картинамъ [Плینیи, *Hist. Nat.* 35,10,115] не могутъ быть древнѣе сочиненій Эпілія, а гражданскія права въ Ардеѣ не могли быть дарованы ему иначе какъ до войны съ союзниками, вслѣдствіе которой Ардея утратила свою самостоятельность.

разцовыми произведеніями греческаго рѣзца въ особенности благодаря двумъ главнымъ представителямъ римскаго эллинизма—Титу Фламинію (560) и Марку Фульвію Нобиліору (567), равно какъ Луцію Павлу (587). И въ этомъ проглядывало предчувствіе Римлянъ, что влеченіе къ искусствамъ точно такъ-же, какъ и влеченіе къ поэзіи, составляетъ существенный элементъ эллинскаго образованія, то есть новой цивилизаціи; но усвоить греческую поэзію не было возможности безъ нѣкоторой поэтической дѣятельности, а въ сферѣ искусствъ, по видимому, было достаточно только осматривать художественныя произведенія и перевозить ихъ къ себѣ; вотъ почему собственная литература была создана въ Римѣ искусственнымъ образомъ, а развить собственное искусство Римляне даже не дѣлали никакихъ попытокъ.

194 187

167

